This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07017023 2

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОСТАВЛЕНА ПО ИСТОЧНИКАМЪ И НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

5173

ПРИ УЧАСТІИ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ.

НАЧАТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Ѳ. Корша.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. А. КИРПИЧНИКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИСТОРІЯ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

19 ИЗДАНІЕ КАРЛА РИККЕРА.

Невскій просп., д. № 14.

1885.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
760164 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

(1020)

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

Стран.

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. *А. И. Кирпичникова* . . . . . .

I. Значеніе среднихъ вѣковъ.—Предразсудки за и противъ нихъ.—Псевдоклассицизмъ и вѣкъ просвѣщенія.—Романтизмъ и изученіе народности.—Историки цивилизаціи и развитія европейской мысли.—Мнѣніе Конта.—Идеалы и дѣйствительность среднихъ вѣковъ . . . 3

II. Новыя народности на развалинахъ римской имперіи.—Новые элементы, внесенные ими въ исторію и литературу.—Миѳы и поэзія германскихъ народовъ.—Начало грамоты, Ульфила.—Нѣмецкій языкъ, его нарѣчія и первые памятники.—Образованіе романскихъ нарѣчій. 14

III. Борьба стараго съ новымъ на почвѣ античной цивилизаціи.—Литература и наука въ Византіи до Фотія.—Латинская проза и поэзія въ западной Европѣ отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго 38

IV. Значеніе Карла Великаго въ исторіи европейской цивилизаціи и литературы.—Сотрудники Карла Великаго.—Алкуинъ, его жизнь и сочиненія.—Павелъ Дьяконъ, Ангильбертъ, Эйнгардъ 72

V. Латино-греческая цивилизація и христіанство на британскихъ островахъ.—Миссіонерство и школы.—Борьба британской и англо-саксонской церквей.—Беда.—Альфредъ Великій.—Скоттъ Эригена. . 97

VI. Девятый и десятый вѣка на западѣ Европы.—Господство духовенства, монастырскія школы и монастырская литература при Каролингахъ и Оттонахъ.—Исторіографія.—Гербертъ.—Гросвита.—Развитіе національныхъ языковъ.—Духовная поэзія на родномъ языкѣ въ Англіи, Германіи и Франціи.—Состояніе науки и поэзіи въ XI вѣкѣ. 114

VII. Германскій національный эпосъ.—Беовульфъ.—Миѳическія и героическія пѣсни и саги Скандинавіи.—Пѣснь о Гильдебрандѣ.—Вальтарій.—Нибелунги.—Кудруна.—Циклъ Дитриха Бернскаго . . . 146

Digitized by Google

СТРАН.

VIII. Феодальный порядокъ.—Французскій эпосъ.—Циклъ Карла Великаго.—Теорія кантиленъ.—Хроника Турпина.—Пѣснь о Роландѣ.—Труверы и жонглеры.—Три эпохи въ развитіи французскаго національнаго эпоса.—Ронсевальскій романъ.—Три цикла.—Рауль Камбрейскій. — Циклъ Вильгельма Оранжскаго. — Французскій эпосъ внѣ Франціи. 199

IX. Романы объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола.—Рыцарство и его связь съ поэзіи.—Хроника Британцевъ.—Жизнь Мерлина.—Бретонскія lais.—Іосифъ Аримаѳейскій.—Св. Граль. Кретьенъ де Труа. 235

X. Очеркъ исторіи арабской литературы *И. Н. Холмогорова* и *Г. А. Муркоса*. 269

1. Арабскій языкъ и до-мусульманская литература . . . . . —

2. Мугаммеданскій періодъ арабской литературы. *И. Н. Холмогорова* 305

3. Новѣйшая литература арабовъ *Г. А. Муркоса* 374

XI. Южная Франція, ея культура и языкъ.—Народная поэзія въ Провансѣ и письменность духовныхъ.—Остатки провансальскаго эпоса. Развитіе лирики.—Поэты и пѣвцы.—Виды любовной лирики; сирвенты. — Вильгельмъ де Кабестанъ. — Петръ Видаль. — Бертранъ-де-Борнъ. — Фламенка. — 3-й періодъ провансальской литературы. — Сѣверно-французская лирика. *А. И. Кирпичникова* 380

XII. Эпоха Гогенштауфеновъ въ Германіи.—Первые миннезингеры.—Общій характеръ нѣмецкой рыцарской лирики.—Вельдеке; его современники и послѣдователи.—Вальтеръ ф. д. Фогельвейде.—Ульрихъ ф. Лихтенштейнъ.—Нитгартъ.—Тангейзеръ.—Паденіе лирики.—Мейстерзингеры.—Рыцарскій эпосъ.—Гартманъ ф. д. Ауэ.—Переработка легендъ.—Вольфрамъ ф. Эшенбахъ.—Готфридъ Страсбургскій. *А. И. Кирпичникова*. 417

XIII. Состояніе науки въ XI в.—Росцеллинъ.—Ансельмъ.—Абеляръ и св. Бернаръ.—Арнольдъ Брешіанскій.—Петръ Ломбардскій.—Іоаннъ Салисберійскій.—Умственное движеніе во второй половинѣ XII и въ первой половинѣ XIII в.—Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій.—Рожеръ Беконъ.—Раймундъ Люллій.—„Великое Зерцало“.—Винценція Бове.—Наука въ XIV и XV вв.—Дунсъ Скоттъ, Вильгельмъ Оккамъ и мистика . . . . . .

Латинская поэзія въ средніе вѣка.—Ея формы въ Италіи и во Франціи.—Школьная поэзія.—Ваганты или голіарды; ихъ поэзія и проза.—Судьба поэзіи голіардовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. *А. И. Кирпичникова* 446

XIV. Испанская поэзія въ средніе вѣка.—Поэма о Сидѣ.—„Риѳмованная хроника“.—Романсы.—Книга объ Аполлоніи Тирскомъ.—Берсео.—Сегура.—Альфонсъ Мудрый.—Поученіе клерику.—Графъ Люканоръ.—Хуанъ Руицъ.—Конецъ XIV и XV в. въ Испаніи. *А. И. Кирпичникова*. 503

XV. Литература и наука въ Византіи до латинской имперіи.—Македонская династія.—Фотій.—Константинъ Порфирородный и его вѣкъ.—Симеонъ Метафрастъ.—Общій характеръ письменности въ концѣ X и началѣ XI в.—Византійскій народный эпосъ.—Армуръ.—Девгенисъ.—Византія при Комненахъ.—Состояніе письменности во

Digitized by Google

СТРАН.

время крестовыхъ походовъ.—Романъ прозаическій.—Евстафій.—Романы въ стихахъ . . . . . .

Латинская имперія.—Ея вліяніе на византійскую литературу.—Старый рыцарь.—Исторія Бельтандра и Хризарты.—Исторія Либистра и Родамны.—Византійская литература при Палеологахъ. *А. И. Кирпичникова*. 536

XVI. Символическая и дидактическая поэзія среднихъ вѣковъ.—„Романъ Розы".—L'image du Monde.—Наставленія въ житейской мудрости и морали. *И. М. Болдакова* 564

XVII. Города.—Фабліо и швенки.—Мейстерзингеры.—Городскія хроники. *И. М. Болдакова* 606

XVIII. Нидерландская литература въ средніе вѣка.—Романъ о Лисѣ.—Марлантъ и его школа.—Kamers van Rethorica. *И. М. Болдакова* 673

XIX и XX. Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ до конца XIV вѣка. *П. О. Морозова* 703

XXI. Итальянская литература въ средніе вѣка. *И. М. Болдакова*. 768

XXII. Англійская литература въ концѣ среднихъ вѣковъ. *А. И. Кирпичникова* . . . . . .

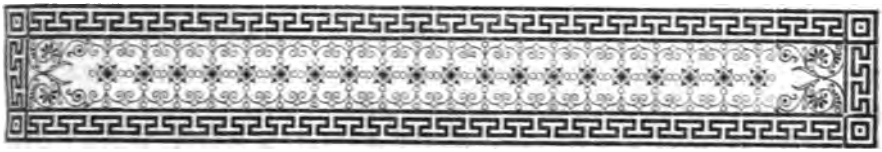
XXIII. Средневѣковая драма. *А. И. Кирпичникова* 875

XXIV. Французская исторіографія въ средніе вѣка.—Вильгардуэнъ. — Жуанвиль. — Фруассаръ. — Французская лирика въ XV в.—Карлъ Орлеанскій.—Виллонъ. *А. И. Кирпичникова* 898

XXV. Заключительная глава: Западная Европа наканунѣ возрожденія. *А. И. Кирпичникова* 914

Digitized by Google

Digitized by Google



СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

А. И. Кирпичникова.

I. Значеніе среднихъ вѣковъ.—Предразсудки за и противъ нихъ.—Псевдоклассицизмъ и вѣкъ просвѣщенія.—Романтизмъ и изученіе народности.—Историки цивилизаціи и развитія европейской мысли.—Ученіе Конта.—Идеалы и дѣйствительность среднихъ вѣковъ.

Историческая эпоха никогда не оцѣнивается по достоинству сейчасъ же послѣ ея завершенія. Чѣмъ она обширнѣе, сложнѣе и значительнѣе, чѣмъ крѣпче связь ея съ послѣдующимъ, тѣмъ дальше отодвигается справедливый судъ надъ нею. Тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе греко-римской цивилизаціи и разрушеніе римской всемірной монархіи отъ Возрожденія и Реформаціи, находится въ этомъ отношеніи въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что даже до сихъ поръ едва ли найдутся два историка, которые опредѣляли бы одинаково значеніе такъ-называемыхъ *среднихъ вѣковъ*, если только ихъ не связываетъ единство школы.

Во всемъ этомъ разнообразіи взглядовъ есть извѣстная историческая послѣдовательность, такъ какъ оцѣнка прошлаго всегда обусловливается настоящимъ и его отношеніемъ къ этому прошлому. Прежде изложенія собственнаго взгляда, мы считаемъ не лишнимъ показать эту послѣдовательность и намѣтить главнѣйшія историческія школы, по скольку онѣ различаются въ этомъ отношеніи.

Само собою разумѣется, что отъ вѣка Реформаціи и Возрожденія не только нельзя ожидать сколько нибудь здравой оцѣнки среднихъ вѣковъ, но и пониманія того, что средніе вѣка составляютъ нѣчто особое, цѣлое, что они имѣютъ свою опредѣленную физіоно-

Digitized by Google

мію. Въ недавнемъ прошломъ, какъ и въ настоящемъ, человѣкъ усматриваетъ больше детали, чѣмъ общую идею.

Понятно, что жаркіе поклонники античной жизни и искусства, противники схоластической науки и папства, къ только-что пережитой эпохѣ относились съ презрѣніемъ и озлобленіемъ; ихъ идеалы были даже не въ настоящемъ, а въ древнемъ мірѣ или въ далекомъ, неопредѣленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе именно въ это время являются первыя изслѣдованія по средневѣковой исторіи. Не говоря уже про итальянцевъ, для которыхъ возможность связать свое настоящее съ славнымъ прошедшимъ Рима была дѣломъ національнаго самолюбія, потомки разрушителей античной цивилизаціи—нѣмцы—обратились къ родной старинѣ. Нѣмецкій гуманистъ Яковъ Вимфелингъ пишетъ въ 1502 г. сокращенную исторію Германіи—Epitoma Germanicarum rerum [1]), не менѣе извѣстный основатель Рейнскаго ученаго общества, Конрадъ Цельтисъ (умеръ въ 1508 г.), трудится много лѣтъ надъ огромнымъ сочиненіемъ—Germania illusrata и пр. Латинскій языкъ, на которомъ писали Вимфелингъ, Цельтисъ и др., показываетъ, что они разсчитывали только на избранную публику, но Іоганнъ Турмайръ, обыкновенно называемый Авентиномъ (род. 1477 г., ум. 1534), пишетъ по-нѣмецки «Хронику о началѣ, происхожденіи и подвигахъ древнихъ нѣмцевъ» [2]), при составленіи которой онъ пользуется и памятниками старинной нѣмецкой поэзіи.

Эти факты, повидимому противорѣчащіе общему презрѣнію къ «вѣкамъ жалкаго варварства», объясняются тѣмъ, что на такихъ здоровыхъ и нравственно свѣжихъ людей удивленіе передъ классической литературой подѣйствовало не подавляющимъ, а благотворнымъ, возбуждающимъ образомъ. Изученіе римскихъ и греческихъ историковъ возбудило, такъ сказать, историческій инстинктъ; уваженіе къ патріотизму римлянъ пробудило нѣмецкій патріотизмъ, а Тацитъ своей «Германіей» до извѣстной степени оправдалъ его. Такой патріотически-хвалебный характеръ историческихъ трудовъ гуманистовъ ясно видѣнъ даже въ самомъ заглавіи сочиненій гуманиста и новеллиста Гейнриха Бебеля, который въ 1501 г. написалъ «Похвальную рѣчь императору Максимиліану и Германіи» [3]), а въ 1504 — «Сокращенную исторію славы швабовъ» [4]). Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, въ параллель извѣстному мѣсту Горація о герояхъ до Атрида и заключенію Ломоносова о «погрузившихся въ

[1]) См. *Rud. v. Raumer*. Geschichte der german. Philologie etc. München. 1870, стран. 11.

[2]) Chronika von vrsprung, herkommen und thaten der uralten Teutschen. Ibid., 20.

[3]) Oratio ad regem Maximilianum de ejus atque Germaniae laudibus. Ibid., стр. 12.

[4]) Epitoma laudum Suevorum.

Digitized by Google

забвеніе» подвигахъ народовъ безграмотныхъ [1]), авторъ говоритъ, что еслибы германцы, со времени Карла Великаго, имѣли историковъ, подобныхъ греческимъ и римскимъ, то слава героевъ Германіи превзошла бы славу грековъ и римлянъ.

За періодомъ возрожденія классицизма въ искусствѣ наступилъ повсемѣстно періодъ ложнаго классицизма, въ продолженіи котораго интеллигентные люди Европы, за немногими отрадными исключеніями, всѣми силами старались позабыть національныя основы жизни и искусства. Весьма почтенная по своему трудолюбію, спеціально-кабинетная наука этого времени (отъ половины XVI до половины XVIII столѣтія), совершенно чуждая интересамъ общества, не была способна къ обобщеніямъ и потому не могла имѣть своего взгляда на средніе вѣка, хотя въ трудахъ Дюканжа, издателей «Acra Sactorum» и другихъ еще болѣе важныхъ памятниковъ подготовила для ихъ изученія незамѣнимый матеріалъ.

Вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ предвозвѣстниковъ революціи—преимущественно вѣкъ обобщеній; но эти обобщенія основывались не на фактахъ, а выводились апріорнымъ путемъ изъ логическихъ заключеній: потому-то они и были такъ непрочны и имѣли главнымъ образомъ отрицательное значеніе. Слабость такого метода, можетъ быть, яснѣй, нежели гдѣ бы то ни было, сказалась на той эпохѣ, о которой мы говоримъ. «Просвѣтители» рѣшительно не понимали среднихъ вѣковъ и, замѣчая дѣйствительно пережившіе свое время притѣснительные или безсмысленные остатки средневѣковыхъ учрежденій, огульно порицали время ихъ возникновенія. Въ большинствѣ энциклопедическихъ словарей этого, преимущественно энциклопедическаго, времени напрасно будемъ мы искать: Moyen Age; кое-что о среднихъ вѣкахъ найдемъ мы подъ рубрикою: Barbarie и Barbares.

Даже въ разоренной и разобщенной Германіи, гдѣ, именно въ силу несчастныхъ условій настоящаго, слѣдовало бы ожидать вниманія къ славному прошлому, патріотическая тенденція Бебеля массѣ публики показалась бы въ это время нелѣпостью. Въ 1753 г. два писателя изъ нѣмецкой Швейцаріи, Бодмеръ и Брейтингеръ [2]), попытались возбудить интересъ къ среднимъ вѣкамъ изданіемъ нѣкоторыхъ пѣсень миннезингеровъ изъ сборника, который они считали единственнымъ; но они жестоко ошиблись: только черезъ девять лѣтъ удалось имъ отпечатать свой сборникъ на деньги своихъ согражданъ, которые въ этомъ случаѣ руководствовались болѣе своими симпатіями къ издателямъ, чѣмъ къ издаваемому.

---

[1]) См. О пользѣ книгъ церковныхъ. Ср. Гор. Од. IV, 8.

[2]) Объ ихъ дѣятельности на пользу изученія родной старины см. мою статью въ „Русск. Вѣстн.“ за 1874 г., томъ CIV.

Digitized by Google

Фридрихъ Великій былъ, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшій нѣмецъ своего времени (потому онъ и владѣлъ въ такомъ совершенствѣ.... французскимъ языкомъ). Какъ смотрѣлъ онъ на средніе вѣка, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Въ 1782 г. Христофъ Гейнрихъ Мюллеръ издалъ въ первый разъ полный текстъ «Нибелунговъ» и посвятилъ свое изданіе королю Фридриху. Получивъ экземпляръ, Фридрихъ отвѣчалъ ему такимъ письмомъ: «Высоко-ученый любезный вѣрноподданный! Вы слишкомъ высоко цѣните издаваемыя Вами стихотворенія XII, XIII и XIV вѣковъ, считая ихъ полезными для обогащенія нѣмецкаго языка. По моему же мнѣнію, *они не стоютъ заряда пороха*, и ихъ совсѣмъ не зачѣмъ извлекать изъ пыли забвенія. По крайней мѣрѣ, въ моей собственной библіотекѣ я не могу терпѣть такой дряни и выброшу ее. Присланный мнѣ экземпляръ можетъ дожидаться судьбы своей въ большой берлинской библіотекѣ; едва ли его часто будутъ тревожить съ мѣста». «Если мы припомнимъ, говоритъ Раумеръ, что Людвигъ Тикъ былъ природный берлинецъ, что Гагенъ, Лахманъ, Яковъ и Вильгельмъ Гриммы читали лекціи въ берлинскомъ университета, то убѣдимся, что предсказаніе великаго короля не исполнилось и что томикъ Мюллера тревожили очень часто». Черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ Вильгельмъ Шлегель въ томъ же Берлинѣ, передъ сочувствующей ему аудиторіей, ставилъ «Нибелунги», рядомъ съ гомерическими поэмами, во главѣ поэзіи всего міра!

Романтическая школа, литературно-политическая дѣятельность которой рѣзко окрашиваетъ первую четверть нашего столѣтія во всѣхъ странахъ западной Европы, радикально измѣнила взглядъ массы общества на средніе вѣка. Историческая критика изъ одной крайности бросилась въ другую. Подъ вліяніемъ тревогъ революціи и наполеоновскаго деспотизма, подъ вліяніемъ разочарованія въ выводахъ «просвѣтителей» и реакціи противъ чистаго разума, доселѣ глубоко презираемыя времена «темнаго варварства» вдругъ оказались золотымъ вѣкомъ, эпохой земнаго рая.

На самой границѣ новаго столѣтія, настроенный проповѣдями Шлейермахера, Новалисъ (Гарденбергъ съ 1772 по 1801 г.) такъ отзывается о среднихъ вѣкахъ: «Была славная эпоха, въ Европѣ былъ одинъ глава, который направлялъ и объединялъ всѣ политическія силы; подъ его непосредственной властью находилось духовенство— міръ устрояющее, къ небу путь показующее учрежденіе, возвѣщавшее человѣчеству чудесно прекрасную, гуманную религію. Религіозное чувство въ средневѣковомъ, истинно католическомъ обществѣ было всеобщимъ, и мудрый глава церкви разумно противился дерзкому развитію на счетъ этого чувства другихъ человѣческихъ

Digitized by Google

способностей, противился и несвоевременнымъ, опаснымъ открытіямъ въ области знанія». Духовное и свѣтское благоденствіе, «гармоническое развитіе всѣхъ наклонностей» (sic), повсюду цвѣтущая промышленность и торговля доказываютъ, насколько такой порядокъ вещей былъ сроденъ человѣческой природѣ.

По убѣжденію Фридриха Шлегеля, съ Рафаэля, Тиціана и Микель-Анджело начинается паденіе искусства; истинныхъ художниковъ можно искать только въ средневѣковыхъ монастыряхъ.

В. Шлегель, вообще чувствовавшій глубокую симпатію къ античной древности и понимавшій ее, превозноситъ средніе вѣка, какъ эпоху въ высшей степени поэтическую; онъ противуполагаетъ ее полной, прозаической современности, о которой онъ судитъ съ средневѣковой точки зрѣнія. Не будучи въ состояніи отрицать темныя стороны среднихъ вѣковъ, онъ скрадываетъ ихъ ловкой фразой: «при сильномъ свѣтѣ бываютъ и тѣни» [1]).

Извѣстно, до какихъ крайностей дошли романтики въ области искусства и до какого обскурантизма въ области политики и религіи; тѣмъ не менѣе ихъ увлеченіе средними вѣками дало очень благотворные результаты.

Во-первыхъ, они много способствовали возбужденію научнаго интереса къ родной старинѣ и народности, и если можно оспаривать ихъ вліяніе на такіе выдающіеся умы, какъ братья Гриммы и Лахманъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что масса заурядныхъ германистовъ и историковъ получила вкусъ къ своей спеціальности именно благодаря романтикамъ. Достаточно указать на такое крупное явленіе какъ Уландъ, который служитъ живымъ выраженіемъ сліянія романтической поэзіи съ изученіемъ родной старины и народности.

Во вторыхъ, среди не-спеціалистовъ, но просто образованныхъ людей они способствовали распространенію болѣе здравыхъ понятій о среднихъ вѣкахъ. Отшатнувшись отъ огульнаго осужденія, а потомъ и отъ огульнаго восхваленія этой эпохи, общество остановилось между двумя крайностями, гдѣ и лежитъ историческая истина.

Извѣстно, какъ ненавидѣлъ романтиковъ Гейне; извѣстно, что онъ преслѣдовалъ католицизмъ, пожалуй, еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ и съ бо́льшимъ остроуміемъ, чѣмъ Вольтеръ. Но какъ далекъ онъ отъ огульнаго порицанія «вѣковъ варварства», какъ исторически-объективенъ въ сравненіи съ умѣреннѣйшимъ изъ «просвѣтителей»!

«Христіанско-католическое міровоззрѣніе, говоритъ онъ [2]), было

[1]) *R. Haym*: Die romantische Schule. Berlin. 1870. См. стр. 464, 824 и др.

[2]) Ueber Deutschland. Sämmttiche Werke, Hamb. 1875. VI, 21—23.

Digitized by Google

необходимо, какъ спасительная реакція противъ ужаснаго, колоссальнаго матеріализма, который развился въ римской имперіи и угрожалъ потопить все духовное достоинство человѣческой природы... Плоть въ римскомъ мірѣ дошла до такой наглости, что усмирить ее должна была христіанская суровая дисциплина... Не отъ раздѣленія на два царства погибъ Римъ; на Босфорѣ, какъ и на Тибрѣ, Римъ былъ уничтоженъ іудейскимъ спиритуализмомъ... Что лишаетъ силъ старика, то придаетъ ихъ юношѣ. Этотъ спиритуализмъ благодѣтельно подѣйствовалъ на черезъ-чуръ здоровые народы сѣвера. Когда слишкомъ полнокровные варвары одухотворились христіанствомъ, тогда началась европейская цивилизація. Католическая церковь, благодаря своему геніальному устройству, съумѣла укротить животность завоевателей и овладѣть грубой матеріей.»

Съ этимъ объективнымъ взглядомъ Гейне мы становимся на порогѣ настоящаго положенія исторической науки. Разумѣется, мы и теперь еще встрѣчаемся нерѣдко съ одностороннимъ порицаніемъ среднихъ вѣковъ. Нѣкоторые новѣйшіе историки культуры и цивилизаціи, стоящіе исключительно на точкѣ зрѣнія экономической, цѣнящіе исключительно матеріальное благосостояніе, по отношенію къ нашему вопросу представляютъ реакцію противъ реакціоннаго же увлеченія романтиковъ. Извѣстный Дреперъ, подводящій умственное движеніе человѣчества подъ три категоріи: вѣры, изслѣдованія и разума, конечно, не можетъ относиться съ уваженіемъ къ среднимъ вѣкамъ. Античный міръ съ своей развитой философіей, съ александрійской наукой, арабы съ своей вѣротерпимостью и своими успѣхами въ положительныхъ знаніяхъ для него несравненно симпатичнѣе. Онъ слишкомъ недолго останавливается на вопросѣ о неизбѣжности разрушенія этого черезъ-чуръ положительнаго міра и на необходимости тысячелѣтнаго подготовленія къ новой цивилизаціи.

Еще рѣзче и откровеннѣе Дрепера высказывается Кольбъ, не скрывающій и своего исходнаго пункта: «Въ реакціонный періодъ, наступившій послѣ войнъ Наполеона I, стремились ослабить тѣ справедливые упреки, которые человѣчество дѣлаетъ среднимъ вѣкамъ. Тогда исходили изъ того принципа, что все случившееся полезно, мало того: по Гегелю, даже разумно. Указывали на нѣкоторыя отрадныя явленія въ родѣ свободныхъ городовъ, самостоятельности сословій; этимъ явленіямъ можно противупоставить отвратительныя явленія въ родѣ истребленія еретиковъ, божьихъ судовъ, juris primae noctis и пр.» *).

Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Какъ въ вѣка римскаго цезаризма все человѣчество зависѣло отъ воли одного случайнаго деспота,

*) *Kolb*: Culturgeschichte der Menschheit. Leipz. 1870. II, 2, и въ концѣ.

Digitized by Google

такъ въ средніе вѣка высшей задачей народовъ и отдѣльныхъ личностей было служить игрушкою—въ рукахъ католическаго духовенства... Всѣ духовныя силы дародитѣйшихъ націй тратились на дикія проявленія фанатизма, на схоластическія глупѣйшія тонкости, на безумныя старанія сдѣлать землю мѣстомъ страданія, юдолью плача. Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія католичество держало человѣка въ такихъ страшныхъ духовныхъ оковахъ, что по истеченіи этого долгаго времени онъ оказался ниже той ступени развитія, на какой его оставилъ древній міръ». Таковы разультаты, а вотъ основы политическаго устройства:

«Основное явленіе средневѣковаго порядка вещей—завоеваніе. Изъ него естественное слѣдствіе—господство грубой силы, безконечныя войны, порабощеніе; отсюда феодальная система. Народъ лишенъ всякихъ правъ; только отдѣльныя сословія имѣютъ привилегіи. Число свободныхъ и полноправныхъ людей было очень невелико; масса народа представляла простой объектъ власти. Не говоря уже про то, что города добивались правъ не для народа, а для однихъ себя, внутри ихъ свобода и власть однихъ обусловливались стѣсненіемъ и рабствомъ другихъ. Католическая церковь умѣла отлично воспользоваться этимъ положеніемъ: чѣмъ хуже были матеріальныя условія жизни, тѣмъ невѣжественнѣе былъ народъ; чѣмъ невѣжественнѣе былъ онъ, тѣмъ легковѣрнѣе, тѣмъ легче было опутать его угрозами ада. Опираясь на невѣжество и суевѣріе массы, католицизмъ могъ вступить въ борьбу съ свѣтскими властями и одержать побѣду. А какъ воспользовался онъ этой побѣдой?! «По плодамъ ихъ познайте ихъ».

Совершенно иначе смотритъ на средніе выка—и, разумѣется, не изъ симпатіи къ романтикамъ или гегеліанцамъ—позитивная философія въ лицѣ своего главнаго представителя, Огюста Конта [1]).

Контъ считаетъ средніе вѣка эпохой, откуда начинается общественное возрожденіе, временемъ прогресса главнымъ образомъ потому, что они ввели въ политику, гдѣ до сихъ поръ господствовала только грубая сила, нравственный принципъ. Стоящій въ сторонѣ отъ политики, но всѣми принятый кодексъ нравственности уравнивалъ сильныхъ и слабыхъ, господъ и рабовъ. Католическая церковь, открытая для всѣхъ, превосходно организованная монархически, лучше и гуманнѣе, чѣмъ древній Римъ, связывала отдѣльные народы и племена, которыя безъ этой связи могли бы обособиться до китаизма [2]). Католицизмъ ставилъ границы религіозному воодушев-

[1]) Cours de philosophie positive. V, 211 и слѣд..

[2]) Тоже говоритъ и Лоранъ (Les barbares et le catholicisme. 2-de éd. 1864 года, стр. 235), который думаетъ, что хотя раздробленіе Европы было необходимо для обра-

Digitized by Google

ленію и такимъ образомъ, не дозволяя религіи спуститься до шаманства, удерживалъ ее на ея нравственной высотѣ; безбрачіе духовенства уничтожило наслѣдственное священство и тѣмъ открыло всѣмъ доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ.

О. Контъ защищаетъ и самую свѣтскую власть папъ, такъ какъ только собственный кусокъ земли подъ ногами давалъ имъ возможность относиться одинаково ко всѣмъ государямъ. Контъ [1]) находитъ, что во всѣхъ столкновеніяхъ духовной власти съ свѣтскою первая вела только оборонительную войну, старалась только обезпечить себѣ свободный выборъ своихъ служителей. Осуждать духовенство за стараніе защитить свою независимость можетъ только безусловный поклонникъ государства, не переросшій ультра-римскихъ воззрѣній, полагающій, что государство въ правѣ подчинить себѣ свободу личности во всѣхъ сферахъ.

Католицизмъ выработалъ и привелъ въ исполненіе идею общаго умственнаго, и особенно нравственнаго, воспитанія, которое охватываетъ всѣ классы европейскаго населенія, не дѣлая рѣшительно никакихъ исключеній. Церковь овладѣвала человѣкомъ еще въ колыбели и посредствомъ исповѣди вела его вплоть до могилы. Эта система воспитанія съ современной точки зрѣнія кажется ретроградной, но на взглядъ мыслителя это огромный шагъ впередъ противъ древности, которая осуждала массу вѣрующихъ на отупѣніе.

Самое непокорное и буйное сословіе, вполнѣ выражающее грубый принципъ матеріальной силы—военное—подпало подъ власть церкви, было переработано ею и явилось въ видѣ рыцарства, учрежденія несомнѣнно полезнаго при слабости центральной власти, осязательно доказывающаго, насколько средніе вѣка были выше древняго міра [2]).

Средніе вѣка выдвинули на первый планъ личность и личныя добродѣтели, закрѣпили семью, которая у древнихъ поглощалась государствомъ, ограничили родительскій деспотизмъ, возвысили женщину и сдѣлали благотворительность обязанностью. Въ средніе вѣка положено начало уничтоженію рабства, а слѣдовательно и всему благосостоянію новаго времени.

Мнѣніе Конта въ главныхъ чертахъ раздѣляетъ и знаменитѣйшій его послѣдователь, бывшій въ тоже время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой литературы и исторіи — Литтрѐ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ, напримѣръ,

зованія національностей, но безусловное разъединеніе частей было бы ея гибелью; а разъединенію этому помѣшалъ именно католицизмъ.

[1]) Тамъ же, 234.

[2]) Тамъ же, 259 и слѣд.

Digitized by Google

въ оправданіи властолюбивыхъ притязаній папства и клира, Контъ зашелъ слишкомъ далеко, но въ общемъ мы сходимся съ нимъ несравненно болѣе, нежели съ Кольбомъ и Дреперомъ. Вотъ наши главнѣйшіе мотивы.

Кольбъ, какъ мы видѣли, предъявляетъ противъ среднихъ вѣковъ самое тяжкое въ устахъ современнаго историка обвиненіе: они ничего не сдѣлали для прогресса; умственное развитіе человѣчества остановилось въ то время на цѣлую тысячу лѣтъ. Вѣрно ли это?

Если въ жизни одного великаго человѣка біографъ его отмѣтитъ довольно длинный періодъ времени, пятьдесять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ герой шелъ по ложной дорогѣ, блуждалъ во мракѣ, дѣлалъ ошибки, и по истеченіи которыхъ онъ снова, но теперь уже сознательно, вернулся на правый путь, не съ растраченными, но съ обновленными силами, не искалѣченный нравственно, но укрѣпленный борьбою, устремился къ благородной цѣли, быстро возобновилъ забытыя знанія и еще быстрѣе пріобрѣлъ новыя, пропуститъ ли мыслящій читатель безъ вниманія страницы, изображающія эти ошибки и ложныя увлеченія? Имѣетъ ли біографъ право сказать, что годы заблужденій прошли безплодно для развитія великаго человѣка? Никоимъ образомъ.

А кто же не признаетъ за европейскимъ обществомъ временъ Возрожденія свѣжести и способности къ феноменально быстрому развитію?

Но параллель наша далеко не точна; въ біографіи мы имѣемъ дѣло съ однимъ лицомъ; до періода заблужденій и послѣ него мы находимъ одну и ту же сумму силъ, годныхъ на служеніе великой цѣли. Въ исторіи мы видимъ иное: до паденія римской имперіи, благами цивилизаціи пользуются только жители побережья Средиземнаго моря и романизованныя провинціи; средняя, сѣверная и восточная части Европы заселены грубыми дикарями, которые кой-гдѣ отъ цивилизаціи позаимствовались только пороками; а въ XVI вѣкѣ на мѣстѣ хижинъ этихъ дикарей стоятъ тысячи богатыхъ городовъ и селъ, работаютъ фабрики, идетъ оживленная торговля, печатаются книги, изслѣдуются научные вопросы. Мы уже не говоримъ о томъ, насколько цивилизація новой Европы выше античной, вскормленной на рабствѣ.

Средневѣковые порядки являются на смѣну не стройной римской республикѣ съ ея централизаціей, съ ея разработаннымъ правомъ, съ ея городами и виллами, съ ея промышленностью и торговлей, съ ея философіей и поэзіей, они являются на смѣну «мерзости запустѣнія», отсутствію всякихъ порядковъ.

Въ какомъ положеніи была Европа по окончаніи великаго пере-

Digitized by Google

селенія народовъ? Сѣверъ и востокъ были еще въ большемъ варварствѣ, чѣмъ прежде. Италія и провинціи почти сплошь покрыты дымящимися развалинами, залиты кровью. Онѣ—собственность развратившихся при столкновеніи съ погибшей цивилизаціей германцевъ, которыхъ побѣжденные охотно промѣняли бы на самыхъ свирѣпыхъ представителей позднѣйшаго феодализма; наука, школы въ такомъ положеніи, что современники Абеляра не позавидовали бы имъ; умственная производительность почти равна нулю; старыя религіи обратились въ шаманство; новая принята только формально, а между тѣмъ уже переполнена ересями. Нѣтъ безопасности, нѣтъ порядка, нѣтъ смысла въ жизни; люди бродятъ какъ мухи въ осенній день, апатично дожидаясь смерти.

Средневѣковыя формы жизни для современнаго человѣка во многихъ отношеніяхъ были бы нестерпимы, и освобожденіе отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: преобладанія дворянства, крѣпостнаго права, цѣховыхъ учрежденій, схоластики, неограниченнаго деспотизма духовенства стоило человѣчеству много крови и пота. Но онѣ были необходимы, какъ лѣкарство для больнаго, какъ школа для дикаря.

Въ средніе вѣка многимъ, а подъ-часъ и всѣмъ, жилось дурно; временами нравственность и общественная безопасность падали очень низко; но нравственное достоинство общества, его способность къ прогрессу выражаются не только уровнемъ матеріальнаго благосостоянія; у него, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть свои идеалы, выражаемые чаще всего въ поэзіи. Только во времена глубокаго нравственнаго паденія человѣчество перестаетъ стремиться и мечтать. Идеалы до извѣстной степени проявляются и въ жизни попытками осуществить великія идеи, забвеніемъ обыденнаго для отдаленныхъ цѣлей, сознательнымъ отрѣшеніемъ отъ собственной выгоды въ пользу общаго блага, появленіемъ людей, выдающихся изъ ряду вонъ, опережающихъ свой вѣкъ, вообще проявленіями такъ-называемаго героизма. Степень высоты и распространенности этихъ идеаловъ вмѣстѣ съ ихъ отношеніемъ къ дѣйствительности—настоящая мѣрка умственнаго и нравственнаго развитія общества.

Средніе вѣка — пора, идеалами далеко не бѣдная. Гдѣ больше поразительно выдающихся, обогнавшихъ время людей? Можно сказать, что вся исторія среднихъ вѣковъ движется скачками, благодаря дѣятельности героевъ въ родѣ Бонифація, Григоріевъ 1-го и 7-го, Карла Великаго, Фридриховъ и др., которые, не смотря на все неискусство лѣтописцевъ и запутанность общественныхъ отношеній, возстаютъ передъ нами, пожалуй, пластичнѣе Мильтіадовъ и Ѳемистокловъ. Что же касается до широкихъ плановъ и идей, средневѣ-

Digitized by Google

ковые крупные дѣятели почти ими только и жили: возстановленіе всемірной римской монархіи, крестовые походы, рыцарство, мечты францисканцевъ и еретиковъ, алхимія, астрологія, разрѣшающая всѣ вопросы схоластическая философія, мечты папъ о силѣ меча духовнаго, Коло Ріенци,—все это не продукты праздной фантазіи отдѣльныхъ мечтателей, а факты историческіе, принимавшіе самыя осязательныя формы, увлекавшіе на дѣло тысячи людей.

Какъ бы ни царило зло въ дѣйствительности, средневѣковые люди никогда не переставали понимать различіе между добромъ и зломъ. Въ то самое время, какъ по всей Галліи потоками лилась кровь изъ-за властолюбія и разврата королевъ и тупоумія, слабохарактерности, безчестности королей Меровингскаго дома, духовной пищей народа служили эпическія поэмы, героини которыхъ только одинъ разъ въ жизни отдавали любовь свою, а герои предпочитали смерть нарушенію слова. Въ то время, какъ вся Франція была подѣлена между вассалами, которые ни въ грошъ не ставили своего короля и измѣняли ему три раза во время одного похода, пѣвцы превозносили вѣрность Роланда и Оливье. Когда, во время междуцарствія, германскіе рыцари обратились въ придорожныхъ разбойниковъ, крестьяне и горожане слушали приключенія Дитриха Бернскаго, великодушнаго защитника всѣхъ угнетенныхъ, даже лѣсныхъ карлицъ, обиженныхъ лѣшими; сами грабители услаждали свой досугъ, слушая подвиги идеальнаго рыцаря Парциваля; хозяйка замка забывала побои своего пьянаго супруга при разсказѣ о томъ, какъ король Артуръ деликатно обращался съ своей невѣрной женой. Преданный разврату нищій монахъ читалъ житія великихъ пустынножителей, покорившихъ плоть свою; даже свѣтскіе люди, жившіе исключительно въ свое удовольствіе, охотно слушаютъ исторію «Григорія на камнѣ», пересказанную моднымъ стихотворнымъ размѣромъ. Король-мѣщанинъ Людовикъ XI наполняетъ свою библіотеку романами о рыцаряхъ круглаго стола и, обдумывая свои безчеловѣчныя мѣропріятія, твердитъ машинально тексты Евангелія,—все это такіе рѣзкіе диссонансы идеаловъ и дѣйствительности, какихъ мы не встрѣтимъ въ другую эпоху.

Оттого одна политическая исторія среднихъ вѣковъ или однообразно скучна, пока мы имѣемъ дѣло со смѣнами династій и безсмысленными войнами, или непонятна, когда мы вдругъ наталкиваемся на фактъ въ родѣ крестовыхъ походовъ или Коло Ріенци; а исторія духовной жизни и преимущественно исторія поэзіи такъ богата и содержательна, что, не смотря на массу подготовительныхъ трудовъ, наука еще очень далека отъ полнаго уясненія даже главнѣйшихъ ея чертъ.

Digitized by Google

II. Новыя народности на развалинахъ римской имперіи.—Новые элементы, внесенные ими въ исторію и литературу.—Миѳы и поэзія германскихъ народовъ.—Начало грамоты.—Ульфила.—Нѣмецкій языкъ, его нарѣчія и первые памятники. — Образованіе романскихъ нарѣчій.

«Аларихъ шелъ на Римъ; одинъ пустынникъ останавливаетъ завоевателя, уговариваетъ его пощадить городъ и предупреждаетъ, что гибель города повлечетъ за собою гибель побѣдителя. Я не по своей волѣ иду на Римъ, отвѣчаетъ Аларихъ: я чувствую, что кто-то безостановочно толкаетъ меня и побуждаетъ отдать городъ на разграбленіе.»

Такъ начинаетъ Лоранъ свою исторію среднихъ вѣковъ [1]). Въ этомъ анекдотѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, заключается зерно исторической истины въ миѳологической оболочкѣ. Христіане, не забывшіе гоненій, помнившіе, что не слѣдуетъ вливать «вина новаго въ мѣхи старые», христіане, нравственное чувство которыхъ возмущалось безнравственностью правительства и общества, тиранніей плоти надъ духомъ, охотно смотрѣли на варваровъ, какъ на орудіе въ рукахъ разгнѣваннаго Провидѣнія; ихъ точку зрѣнія не прочь усвоить и нѣкоторые изъ современныхъ историковъ. Темная сила, толкавшая Алариховъ, Аттилъ и Гензериховъ, получаетъ у нихъ другія названія, но остается темной силой, стоящей внѣ реальнаго міра: человѣкъ такъ неохотно разстается съ миѳологіей, такъ любитъ таинственность. Но дѣло можно объяснить и проще.

Всемірная монархія Рима и античная цивилизація не имѣли жизненныхъ соковъ для дальнѣйшаго существованія, и самое христіанство не могло вдохнуть новой жизни въ разваливающагося колосса. Политическая разслабленность имперіи не была тайной для варваровъ, которые давно уже служили въ ея легіонахъ. Почувствовавъ, что ихъ прежній тиранъ близокъ къ смерти, они бросились массами рвать на клочки его роскошную обстановку.

Такая исторія можетъ повториться каждый день. Представимъ себѣ гдѣ нибудь на берегу Новой Зеландіи благоустроенную европейскую колонію, окруженную поселеніями дикарей. Пока члены колоніи живутъ согласно, охотно подчиняются нравственной и матеріальной дисциплинѣ, жалкіе дикари являются въ ея предѣлы въ качествѣ военно-плѣнныхъ, рабовъ или просителей; они трепещутъ передъ европейцами, разсказываютъ чудеса объ ихъ богатствѣ и могуществѣ, едва смѣютъ поднять глаза на могучіе бастіоны ихъ укрѣпленія **).

---

[1]) *Laurent.* Les barbares et le catholicisme. 2-me éd. Paris. 1864.

[2]) Ср. разсказъ Веллея Патеркула объ экспедиціи Тиберія къ Эльбѣ. „Когда Тиберій приблизился къ этой рѣкѣ, старый германецъ переправился черезъ нее въ с оемъ

Digitized by Google

Но вотъ колонія приходитъ въ упадокъ; европейцы истребляютъ въ ссорахъ другъ друга; мѣсто разумной дисциплины законовъ занимаетъ то наглый деспотизмъ, то анархія; объ общемъ благѣ никто не думаетъ; развращенные, павшіе нравственно европейцы не хотятъ даже потрудиться для охраны своей безопасности отъ враждебныхъ дикарей; они нанимаютъ одно племя для войны съ другимъ, снабжая его европейскимъ оружіемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, разумѣется, колонія будетъ разграблена дикарями. Для этого столь привлекательнаго дѣла дикари, прежде дѣйствовавшіе только въ разбродъ, соединятся въ компактныя массы; они отовсюду устремятся на крѣпость, увлекаемые не только жаждою грабежа, но и любопытствомъ—осмотрѣть поближе предметъ недавняго страха; съ ребяческой рѣзвостью будутъ они разрушать постройки, ломать непонятныя для нихъ машины, разбѣгаясь иногда въ ужасѣ отъ причиненнаго неосторожностью взрыва.

Къ счастію для человѣчества, античный міръ не могъ изчезнуть такъ безслѣдно, какъ одинокая колонія; разрушившіе его германцы и по натурѣ не вполнѣ походили на цвѣтнокожихъ дикарей; вступая на почву Рима, они усвоивали себѣ часть его цивилизаціи и подчинялись нравственной дисциплинѣ христіанства.

Что же такое представляли собою эти варвары? какіе зародыши будущаго воспитали они въ лѣсахъ своихъ?

Мнѣнія историковъ на ихъ счетъ такъ же различны, какъ и на счетъ значенія среднихъ вѣковъ. Одни видятъ въ нихъ скопленіе всевозможныхъ добродѣтелей; другіе вполнѣ отожествляютъ ихъ съ цвѣтными дикарями, считая сочиненіе Тацита крайне тенденціознымъ.

Для нашей цѣли, для разъясненія вопроса о томъ, какіе новые элементы духовной жизни внесли германцы въ исторію, важнѣе всего указанія на несходство ихъ понятій съ римскими. Добыть такія указанія не трудно: насъ знакомятъ съ германцами римляне, которые, разумѣется, обратили вниманіе именно на несходства.

Тацитъ, котораго едва ли можно заподозрѣвать въ умышленной и сильной идеализаціи германцевъ, такъ какъ рядомъ съ хорошими сторонами ихъ онъ указываетъ и дурныя (низкую степень внѣшней культуры, неопрятность [1]), наклонность къ пьянству [2]), необузданность страсти къ азартной игрѣ [3]), страсть къ междоусобіямъ, которыхъ онъ искренно желаетъ продленія, не одинъ разъ и съ ударе-

человѣкъ и требовалъ, чтобъ ему показали римскаго полководца. Допущенный къ Тиберію, насмотрѣвшись на него и коснувшись его руки, онъ вскричалъ въ восторгѣ: Я умру спокойно: сегодня я видѣлъ боговъ!“ Ешевскій. Соч. II, 17.

[1]) Germania, гл. 20.

[2]) Тамъ же, гл. 22.

[3]) Гл. 24.

Digitized by Google

ніемъ говоритъ, что начальства въ римскомъ смыслѣ германцы не знаютъ, что на первомъ мѣстѣ у нихъ не рангъ, не знатность, а личное достоинство, которымъ обусловливается и степень власти. «Вождей они выбираютъ по доблести [1]); примѣръ вождя важнѣе власти». Въ народномъ собраніи король или князь дѣйствуетъ убѣжденіемъ, а не внѣшнимъ авторитетомъ приказанія [2]). Дѣти знатнѣйшихъ дѣлаются простыми дружинниками прославленныхъ вождей [3]). Отношенія вождя къ дружинникамъ не имѣютъ ничего общаго съ отношеніями генерала къ его подчиненнымъ, или государя къ подданнымъ, или наемщика къ нанимаемымъ. Связь ихъ ни экономическая, ни политическая; въ основѣ ея лежитъ нѣчто, римскими законами не предусмотрѣнное. «Когда дѣло доходитъ до боя, то для герцога считается стыдомъ, если кто нибудь превзойдетъ его доблестью; а дружинѣ стыдъ, если она не сравняется съ герцогомъ. *Возвратиться живымъ изъ боя, въ которомъ палъ герцогъ,—позоръ и поношеніе на всю жизнь* [4]). Защищать, охранять его, трудиться для его прославленія — первая священная обязанность дружинниковъ. «Князья бьются за побѣду, а дружинники за князя». Регулированныхъ экономическихъ отношеній совсѣмъ нѣтъ: князь не платитъ дружинѣ жалованья, а кормитъ ее, снабжаетъ оружіемъ и даетъ подарки. Члены общины не платятъ князю подати, но даютъ подарки натурой [5]).

И такъ, германцы не знаютъ начальства и государства; свобода для нихъ дороже всѣхъ выгодъ и удобствъ порядка; это высказывается и во внѣшности ихъ поселеній. «Всѣмъ извѣстно, что германцы не селятся въ городахъ и не терпятъ смежныхъ жилищъ; всѣ живутъ въ разсыпную, гдѣ кому понравились источникъ, поле или роща [6]).

Отчасти вольнолюбіе, отчасти низкая степень внѣшней культуры были причиной поражавшаго римлянъ *равенства*, по крайней мѣрѣ, въ первые годы жизни. «Ребенокъ вскармливается грудью своей матери, а не передается служанкамъ и мамкамъ. Господинъ не отличается отъ раба никакою изысканностью воспитанія; среди однихъ и тѣхъ же стадъ, на одной и той же землѣ, ростутъ они вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока годы не отдѣлятъ людей свободныхъ и не обнаружатъ ихъ доблести» [7]).

---

[1]) Duces ex virtute sumunt. Гл. 7.

[2]) Гл. 11.

[3]) Гл. 13.

[4]) Jam vero infame in omnem vitam ac probrosum superstitem principi suo ex acie recessisse. Гл. 14.

[5]) Гл. 15.

[6]) Гл. 16.

[7]) Гл. 20.

Digitized by Google

У народовъ, неразвитыхъ политически, роль государства играетъ семья, родъ; разумѣется, и у германцевъ онъ имѣлъ большое значеніе, и даже на войнѣ германцы располагались по степени родства [1]); но мы не находимъ у нихъ ничего подобнаго тиранніи отеческой власти римскаго parterfamilias: германецъ имѣлъ полную возможность, добровольно отказавшись отъ выгодъ, соединенныхъ съ принадлежностью къ семьѣ, отказаться и отъ обязанностей члена семьи [2]).

Вольнолюбіе способствуетъ успѣху въ войнѣ оборонительной; но недостатокъ организаціи дѣлаетъ маловѣроятнымъ успѣхъ въ войнѣ наступательной; къ несчастію для римлянъ, германцы восполняли этотъ недостатокъ удивлявшей даже римлянъ воинственностью и храбростью. Тацитъ говоритъ, что германецъ никогда не разставался съ оружіемъ; вооруженный приходилъ онъ въ собраніе, потрясалъ оружіемъ, чтобы выразить свое одобреніе [3]) въ замѣнъ нашихъ рукоплесканій; съ оружіемъ совершалъ онъ всѣ общественныя и домашнія дѣла [4]); съ оружіемъ являлся и на пирушкѣ [5]). И это дѣлалось не по необходимости и не по возникшей изъ нея привычкѣ, а изъ уваженія къ оружію. Оружіе, какъ необходимая принадлежность свободнаго и полноправнаго мущины, стало предметомъ культа. Вотъ гдѣ, безспорно, надо искать начала извѣстной рыцарской церемоніи. «Никто не начинаетъ носить оружія прежде, чѣмъ община признаетъ его достойнымъ того. Потомъ *на собраніи* князь, отецъ или родственникъ украшаетъ юношу щитомъ и копьемъ. Это у нихъ замѣняетъ тогу и составляетъ первую почесть для юноши» [6]). «Оставить свой щитъ на полѣ сраженія — величайшее безчестіе; подвергшійся таковому не участвуетъ въ жертвоприношеніяхъ и не ходитъ въ собраніе; многіе, переживъ войну, полагали конецъ такому позорному существованію петлей» [7]). Даже религіозные обряды, употребительнѣйшія гаданія носятъ военный характеръ: будущее узнаютъ или черезъ коней—боевыхъ товарищей, или посредствомъ поединка [8]).

Внѣ войны здоровый германецъ не знаетъ что дѣлать съ собой: онъ валяется, ѣстъ и спитъ, или въ охотѣ и игрѣ ищетъ подобія военныхъ трудовъ и опасностей [9]). Трусы во всей Германіи подвергались жестокой и мучительной казни. У племени хаттовъ воинственность переходитъ даже въ кровожадность: юноша отпускаетъ волосы и бороду и ходитъ въ этомъ дикомъ видѣ, пока не убьетъ хоть одного непріятеля [10]).

---

[1]) Гл. 7.—[2]) Laurent. тамъ же, 26.—[3]) Honoratissimum assensus genus est armis laudare.—[4]) Гл. 13.—[5]) Гл. 21.—[6]) Гл. 13.—[7]) Гл. 6.—[8]) Гл. 9.—[9]) Гл. 14.—[10]) Гл. 31.

Digitized by Google

«Законы варваровъ»—явленіе позднее, но основа ихъ во многихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ — обычное право лѣсовъ германскихъ. При первомъ бѣгломъ сравненіи размѣра штрафовъ за убійство и членовредительство становится ясно, что общество, среди котораго выработалось это обычное право, дорожитъ только тѣмъ, кто—или тѣмъ, что̀ имѣетъ значеніе на войнѣ. Штрафъ выше другихъ назначенъ за убійство человѣка, способнаго носить оружіе, или отрока, близкаго къ этому возрасту; изъ женщинъ выше цѣнится та, которая можетъ рождать воиновъ [1]). По закону салическихъ франковъ, штрафъ за отрубленный второй палецъ, «служащій для спусканія стрѣлы съ лука», 35 солидовъ, тогда какъ средній, четвертый или мизинецъ стоютъ всего по 15 солидовъ [2]). Извѣстно, какое впечатлѣніе произвела на римлянъ отчаянная, почти нечеловѣческая храбрость кимвровъ и ихъ женщинъ, которыя хватали голыми руками мечи римскихъ легіонаріевъ.

Сенека еще болѣе Тацита удивляется храбрости германцевъ, ихъ любви къ оружію и къ войнѣ. По Валерію Максиму (II, 6. 11), они трепещутъ отъ радости, когда полагаютъ, что покинутъ жизнь со славой; ихъ огорчаетъ болѣзнь только потому, что они боятся постыднаго и несчастнаго конца.

Поэтъ Луканъ указываетъ и причину такой удивительной храбрости: «Смерть для варваровъ есть переходъ къ долгой жизни въ другомъ мірѣ; эти сѣверные народы счастливы въ своемъ заблужденіи: они не знаютъ самаго страшнаго изъ золъ—смерти; отсюда смѣлость, съ которой они бросаются на пики».

Едва-ли этимъ словамъ Лукана можно придавать значеніе факта; едва-ли на основаніи ихъ можно говорить объ общераспространенной и глубоко внѣдренной въ души всѣхъ германцевъ вѣрѣ въ загробную жизнь; но нельзя не признать въ нихъ извѣстной доли истины, перваго сопоставленія античнаго матеріализма и средневѣковаго идеализма. Зародышъ послѣдняго мы уже видѣли въ отношеніяхъ дружины къ князю; еще рѣшительнѣе выступаетъ онъ въ отношеніяхъ германцевъ къ женщинамъ. «Они вѣрятъ, говоритъ Тацитъ, что въ женщинахъ есть нѣчто божественное и пророческое;

---

[1]) Lex Ripuar., изд. Canciani. Tit. XII: Si quis feminam ripuariam interfecerit postquam parturire coeperit usque ad quadragesimum annum, 600 solidos calpabilis judicetur. Ср. Ешевскій, Соч., II, 162, о законѣ салическомъ: „Въ военное время жизнь свободнаго человѣка цѣнилась втрое дороже, чѣмъ въ мирное. Цѣна, какъ дѣвочки до 12 лѣт., такъ и женщины, перешедшей за возрастъ, когда можно имѣть дѣтей, одна и таже: 200 солидовъ. Но она поднималась до 600 солидовъ, если убитая была способна къ дѣторожденію, т.-е. имѣла отъ 12 до 60 лѣтъ“.

[2]) Стасюлевичъ: Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ. I, 623.

Digitized by Google

они не презираютъ ихъ совѣтовъ и придаютъ большое значеніе ихъ предсказаніямъ. При покойномъ Веспасіанѣ мы видѣли Веледу, которую многіе чтили какъ божество, а прежде они почитали Ауринію и многихъ другихъ»... Павелъ діаконъ (I, 3) упоминаетъ о Гамбарѣ, матери лонгобардскихъ предводителей, которая управляла всѣми дѣлами выселившейся части народа.

Историки, подозрѣвающіе «Германію» Тацита въ тенденціозности, особенно опираются на тѣ главы его сочиненія, гдѣ онъ говоритъ о цѣломудріи и семейныхъ добродѣтеляхъ германцевъ и германокъ. Куда, говорятъ они, дѣвалось это цѣломудріе послѣ переселенія? Похожи ли Брунегильда и Фредегонда на тѣхъ германскихъ матронъ, которыя могли имѣть только одного мужа, подобно тому, какъ имѣли одно тѣло и одну душу (Тац., гл. 14)? Отчего ихъ не прогоняли розгами по всему селенію, какъ это дѣлалось въ Германіи?

Пять вѣковъ смуты и близкихъ сношеній съ Римомъ не прошли даромъ для германцевъ, и въ словахъ Тацита: «Мы уже научили ихъ брать и деньги» *), звучитъ страшная угроза германцамъ. Кромѣ того, даже Гизо, отожествляющій германцевъ съ дикарями новаго свѣта, указалъ на необходимость отличать германцевъ, оставшихся въ Германіи, отъ германцевъ выселившихся: въ провинціяхъ и въ Италіи варвары, разумѣется, романизировались гораздо быстрѣе; но все же Брунегильдамъ далеко до Мессалинъ!

Наконецъ, безнравственность германской женщины временъ Меровинговъ не разрушила принципіальнаго уваженія къ ней, и законъ салическій, по выраженію Лорана, заботится объ ея чести съ ревностью влюбленнаго; похищеніе свободной женщины или насиліе надъ нею наказывалось одинаково съ убійствомъ; за оскорбленіе словомъ виновный платилъ огромную по тому времени сумму, отъ 45 до 187½ солидовъ; за пожатіе пальца или кисти 15 солидовъ; за пожатіе руки у локтя еще болѣе. Та видная роль, которую играли Фредегонды и Брунегильды, самая возможность проявлять такъ рѣзко порочные инстинкты въ обществѣ, гдѣ цѣнилась только грубая сила, несомнѣнно доказываетъ, что женщина изъ лѣсовъ германскихъ принесла право на свободу и уваженіе.

Резюмируя тѣ характерныя черты германцевъ, которыя поражали римлянъ, мы видимъ, что варвары представляли для христіанства не только болѣе свѣжую и здоровую, но въ извѣстномъ отношеніи и болѣе подготовленную почву.

---

*) Iam et pecuniam accipere docuimus.

Digitized by Google

Германцы не знаютъ государства; христіанство только терпитъ его, какъ неизбѣжное зло, и безусловно отрицаетъ античный принципъ поглощенія личности государствомъ.

Германцы выше рода и ранговъ ставятъ личное достоинство; тоже дѣлаетъ и христіанство, требующее въ общинѣ равенства членовъ и повиновенія настоятелю, авторитетъ котораго обусловливается отнюдь не родовитостью его.

Когда Валерій Максимъ и Луканъ говорятъ о равнодушіи германцевъ къ жизни, о ихъ безбоязненности передъ смертью, «величайшимъ изъ золъ», можно подумать, что рѣчь идетъ о христіанскихъ мученикахъ.

Взаимная вѣрность князя и дружинниковъ, стоящая выше всѣхъ другихъ обязательствъ,—точно грубый сколокъ съ христіанской идеи о связи Христа съ вѣрующими, которые, чтобъ идти во слѣдъ ему, должны оставить отца и мать.

Наконецъ, святость семейнаго союза, высокое общественное значеніе женщины, развѣ это не христіанскій принципъ, шедшій въ разрѣзъ со всѣмъ античнымъ?

Христіане чувствовали это сродство. Если проклятія и предсказанія близкой гибели, которыми преслѣдуютъ имперію христіанскіе апологеты, объясняются озлобленіемъ, явившимся вслѣдствіе гоненій; если равнодушіе къ бѣдствіямъ имперіи блаженнаго Іеронима [1]) или Павлина Нолинскаго, какъ будто не замѣтившаго взятія Рима Аларихомъ, могутъ быть объяснены отчасти какъ отзвукъ того же озлобленія, отчасти какъ проявленіе индиферентизма ко всему матеріальному; если наконецъ Августинъ только до нашествія вандаловъ могъ высказывать мнѣніе, что готы являются орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, что невѣжество и варварство лучше растлѣнія римскихъ нравовъ [2]), то Сальвіанъ, видѣвшій собственными глазами страшное нашествіе 406 г. и искренно горевавшій о бѣдствіяхъ земли своей, несомнѣнно по убѣжденію, хотя и основанному на инстинктѣ, ставитъ выше римлянъ не только аріанъ готовъ, но и язычниковъ саксовъ и алеманновъ.

Само собою разумѣется, что не всѣ современные писатели, даже и изъ ревностныхъ христіанъ, такъ благосклонно судили о германцахъ. Извѣстный Аполлинарій Сидоній съ неподдѣльнымъ паѳосомъ горюетъ о необходимости входить въ сношенія съ ними, даже поддѣлываться къ этимъ оборваннымъ, грязнымъ, пьянымъ и вонючимъ дикарямъ, въ

---

[1]) „Рушится римскій міръ, пишетъ онъ, и, однако, голова наша не склоняется долу“.

[2]) Ешевскій, I, стр. 92 и слѣд.

Digitized by Google

которыхъ онъ отнюдь не провидитъ ревностныхъ сыновъ церкви, а только враговъ ея и грабителей. Сидоній съ своей точки зрѣнія правъ, и только въ глазахъ нѣмецкихъ квасныхъ патріотовъ вышеуказанныя добродѣтели германцевъ исключаютъ возможность недостатковъ и даже пороковъ, свойственныхъ всякимъ полудикарямъ, особенно въ то время, когда они получаютъ возможность пользоваться доступными ихъ развитію выгодами цивилизаціи. Чувства гражданской честности у нихъ не было и въ зародышѣ; они безсовѣстно лгали римлянамъ и, по заключеніи священнѣйшаго договора, грабили и обворовывали ихъ. Самые панегиристы ихъ должны признаться, что въ упоеніи побѣды они позволяли себѣ невѣроятныя жестокости. Не имѣя понятія о дисциплинѣ, о гражданскомъ порядкѣ, они не могли сложить прочнаго государства. Напрасно хлопоталъ Атаульфъ о созданіи Готіи; напрасно Атилла собралъ подъ своимъ скиптромъ сотни племенъ,—царство его не просуществовало и полу-вѣка. Государства слагались только тамъ, гдѣ сильны были римскія традиціи; прочный порядокъ устанавливался только благодаря остаткамъ римскихъ учрежденій, благодаря дѣятельности униженныхъ и побѣжденныхъ римлянъ, и особенно благодаря христіанству.

Дѣйствіе этихъ трехъ факторовъ: германства, Рима и христіанства при образованіи новой цивилизаціи, Гизо выражаетъ въ слѣдующей удачной формулѣ: «Духомъ легальности, правильными соціальными отношеніями мы обязаны римскому міру. Христіанству мы обязаны духомъ нравственности, развитіемъ моральнаго принципа, понятіемъ о взаимныхъ обязанностяхъ людей. Отъ германцевъ унаслѣдовали мы духъ свободы, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее теперь понимаемъ, въ смыслѣ достоянія каждаго, въ смыслѣ всеобщаго права распоряжаться своею личностью, своими дѣйствіями и судьбой, пока не причиняется вредъ другому человѣку».

Это фактъ громадной важности, а такая свобода, несомнѣнно была чужда предшествовавшей цивилизаціи. Естественно, этотъ духъ индивидуальной свободы и другія, болѣе второстепенныя, особенности германцевъ должны были найдти себѣ полное выраженіе въ ихъ миѳахъ и въ ихъ національной поэзіи. Но прежде чѣмъ говорить объ ихъ духовной жизни, мы должны сказать нѣсколько словъ объ ихъ раздѣленіи по племенамъ.

Германцы принадлежатъ къ западнымъ арійцамъ и, слѣдовательно, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ кельтами, италами, литовцами, славянами, ѳракійцами и греками. Ближе же всего они къ литовцамъ и славянамъ.

Придя въ Европу и оттѣснивъ кельтовъ, они заняли нынѣшнюю

Digitized by Google

Германію. Здѣсь они подѣлились на двѣ вѣтви *): восточныхъ германцевъ, или вандаліевъ, и западныхъ германцевъ, или свевовъ. Къ свевамъ можно приложить извѣстное Тацитово дѣленіе: средину и юго-западъ Германіи занимали при немъ ирминоны, изъ которыхъ выдѣлились аллеманы, швабы, хатты, туринги, лонгобарды и одна составная часть баварцевъ; у Сѣвернаго моря поселились ингевоны, къ которымъ принадлежатъ англо-саксы, древне-саксы и фризы; у Рейна поселидись истевоны, изъ которыхъ вышли рипуарскіе и салическіе франки. Часть вандаліевъ переправилась черезъ проливы, и изъ нея вышло племя скандинавское. Къ вандаліямъ континентальнымъ, которые раньше всѣхъ вступили на историческое поприще, но раньше всѣхъ и сошли съ него, принадлежатъ готы, бургунды, вандалы, герулы, ругіи, скиры (ихъ потомки: австрійцы и отчасти баварцы). Въ противуположность имъ, ихъ родственники скандинавы, какъ наиболѣе удаленные отъ цивилизаціи юга, выступили на историческую сцену очень поздно; они имѣли возможность на свободѣ развить свои племенныя особенности, причемъ, разумѣется, новая обстановка и новые сосѣди не могли не оказать на нихъ вліянія; впослѣдствіи же, придя въ столкновеніе съ христіанизированными странами, скандинавы продолжали оставаться при старой религіи, которая, естественно, должна была сильно видоизмѣниться въ виду требованій болѣе культурной жизни и воздѣйствія чуждыхъ сказаній и литературныхъ преданій.

Вотъ почему, говоря объ общегерманскихъ вѣрованіяхъ до-исторической эпохи, мы не имѣемъ права смотрѣть на памятники религіозной поэзіи скандинавовъ какъ на источникъ; это—произведенія позднія, соотвѣтствующія несравненно высшей и оригинальной культурѣ, несвободныя отъ произвола личности и литературныхъ преданій; мы можемъ пользоваться ими только какъ матеріаломъ для сравненія. Мы должны ограничить себя жалкими указаніями лѣтописцевъ и кое-какими памятниками національной поэзіи; наблюдая крайнюю осторожность, можемъ, пожалуй, увеличить этотъ бѣдный запасъ нѣкоторыми весьма общими отвлеченіями отъ чуждыхъ христіанству представленій двоевѣрныхъ германцевъ.

Прежде всего мы должны высказать общее положеніе: языческая религія континентальныхъ германцевъ была мало развита; она не дошла до степени сложившейся ѳеогоніи и космогоніи; она развѣ немногимъ выше смутныхъ и спорныхъ представленій славянъ. Еслибы нѣмцы обладали развитой миѳологіей, то любознательные римляне непремѣнно дали бы намъ о ней понятіе; не прошли бы ея молчаніемъ и проповѣдники христіанства, которые почти исключи-

*) W. Scherer: Zur Geschichte der deutschen Sprache. 2-te Ausg. 1878.

Digitized by Google

тельно говорятъ о поклоненіи элементарнымъ силамъ природы. Только при этомъ условіи понятно отсутствіе храмовъ и изображеній, быстрое изчезновеніе жречества; этимъ же объясняется и неустойчивость религіозныхъ убѣжденій, индиферентизмъ, съ которымъ большая часть нѣмцевъ покидала язычество.

Другое общее положеніе: уже первыя извѣстія о германцахъ представляютъ ихъ подѣленными на племена, довольно сильно отличавшіяся другъ отъ друга; каждое изъ этихъ племенъ должно было имѣть свои особенныя вѣрованія или, по крайней мѣрѣ, свои имена для сходныхъ божествъ. Римскій писатель, ближе знакомый съ однимъ племенемъ, естественно впадалъ въ ошибку, распространяя на всю Германію знакомыя ему представленія. Устранить эту ошибку современный изслѣдователь можетъ только предположеніями [1]), тѣмъ болѣе шаткими, что римлянинъ рѣдко удостоивалъ приводить германское имя божества, а по большей части замѣнялъ его римскимъ. Во время переселенія, вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія племенъ межбу собою, и въ религіи германцевъ явилось больше единства, сильнѣй развился монархическій принципъ, и нѣкоторыя изъ племенныхъ божествъ стали общегерманскими.

Вотъ немногія, болѣе или менѣе точныя, свѣдѣнія объ именахъ и характерахъ древнегерманскихъ божествъ.

Цезарь [2]) говоритъ, что германцы почитаютъ Солнце, Вулкана (огонь) и Луну.

Ближе знавшій дѣло Тацитъ говоритъ объ отечественныхъ, домашнихъ, общихъ и свадебныхъ богахъ германцевъ, приводитъ едвали общераспространенное сказаніе о рожденномъ Землею богѣ Туиско, отъ котораго родился Маннъ [3]), отецъ троихъ родоначальниковъ германскихъ племенъ; онъ сообщаетъ свѣдѣнія о культѣ Нерты [4]), морскаго божества, которое онъ ошибочно отожествляетъ съ матерью Землею, и говоритъ, что германцы кромѣ того поклонялись Меркурію, Марсу, Геркулесу, Кастору съ Поллуксомъ и Изидѣ. Изслѣдователямъ предоставляется ломать себѣ голову, что́ подразумѣваетъ подъ этими именами человѣкъ, столь мало свѣдущій въ сравнительной миѳологіи [5]).

---

[1]) Предполагаютъ, что у племени ингевановъ господствовала религія вановъ, въ которой главнымъ божествомъ были упоминаемая Тацитомъ Нерта и мужъ ея Фреа; буревой богъ Воденъ игралъ главную роль у истевановъ; у ирминоновъ его замѣнялъ Тіу, богъ меча. См. *Ten Brink*. Gesch. d. engl. Literatur. Berl. 1877, стр. 7 и слѣд.

[2]) B. G., 6, 21.

[3]) Его давно уже сближали съ индійскимъ пра-человѣкомъ *Ману*.

[4]) *Narthus* соотвѣтствуетъ сканд. Niordr.

[5]) Любопытно, что эта невыгодная для насъ мода переводить имена боговъ перешла

Digitized by Google

Изъ всѣхъ этихъ божествъ Тацитъ признаетъ главнымъ Меркурія; къ счастію, на счетъ его германскаго имени не можетъ быть сомнѣнія: въ первой половинѣ VII в. авторъ житія св. Колумбана говоритъ, что свевы приносятъ жертву Водану, котораго другіе называютъ Меркуріемъ [1]). Павелъ Дьяконъ въ концѣ VIII в. приводитъ старое преданіе о томъ, какъ, благодаря хитрости жены своей Фреи, лонгобардамъ далъ имя и побѣду богъ, почитаемый всѣми народами Германіи, Воданъ, котораго, приставивъ букву, они называли Гводаномъ.

Вотъ несомнѣнныя имена главнаго бога и богини, которые еще болѣе закрѣпляются названіями двухъ дней въ недѣлѣ: англійскимъ wednesday (день Водена), середа, въ латинскомъ переводѣ Mercurii dies [2]) и нѣмецкимъ Freytag (англ. friday—день Фреи), пятница, въ латинскомъ переводѣ dies Veneris [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что Воданъ тоже, что Одинъ Скандинавіи, фигура котораго тамъ развилась и обособилась въ бога войны и поэзіи, родоначальника живыхъ героевъ и предводителя мертвыхъ витязей Валгаллы, властителя дѣвъ Валкирій и т. д. Темная память о немъ сохранилась въ Германіи до нашихъ временъ въ разсказахъ о дикомъ охотникѣ, несущемся по небу съ всадниками и псами. Нѣмецкая Фрея есть скандинавская Фригга, богиня весны и красоты, царица боговъ.

По всѣмъ даннымъ, рядомъ съ Воданомъ германцы ставили Донара или Тунара—громовника, покровителя земледѣлія, побѣдителя враждебныхъ (зимнихъ) силъ природы, котораго впослѣдствіи переводили Юпитеромъ [4]), и котораго, по всей вѣроятности, можно узнать въ Тацитовомъ Геркулесѣ. У скандинавъ онъ Торъ (Thôrr), богъ земледѣльцевъ, владѣтель чуднаго молота Міольнира, врагъ великановъ и соперникъ отца своего Одина.

Въ 1841 г. Георгъ Вайтцъ нашелъ въ книгохранилищѣ мерзебургскаго собора кусокъ пергамента, исписанный въ концѣ IX вѣка; на немъ записаны два языческія стихотворныя заклинанія, изъ которыхъ большее говоритъ слѣдующее:

Фоль и Воданъ ѣхали къ дровамъ;
Жеребенокъ Бальдера вывихнулъ ногу.

отъ римлянъ къ христіанскимъ писателямъ: римскими именами называетъ франкскихъ боговъ и Григорій Турскій.

[1]) *Grimm.* Deutsche Myth. 2-te Ausg. 49.

[2]) Франц. *mercredi.*

[3]) Франц. *vendredi.*

[4]) *Donnerstag*—четвергъ, лат. *Jovis dies, jeudi.*

Digitized by Google

Его заговорили Синдгунда [1]) и Сунна (солнце), ея сестра;
Его заговорили Фруа (Фрея) и Фолла [2]), ея сестра;
Его заговорилъ Воданъ, какъ умѣлъ,
Вывихъ кости, вывихъ крови, вывихъ члена:
Кость къ кости! кровь къ крови!
Членъ къ члену! какъ будто ихъ склеили.

Это несомнѣнно памятникъ языческой поэзіи, сохраненный въ неприкосновенности потому, что и принявшіе христіанство признавали за нимъ практическую пользу, видѣли въ немъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ заговорахъ, сохранившихся еще позднѣе [3]), медицинскій рецептъ.

Въ немъ мы опять встрѣчаемся съ именемъ Водана, заклинанія котораго, какъ сильнѣйшія другихъ, поставлены на послѣднемъ мѣстѣ; а рядомъ съ нимъ стоятъ имена Фоля и Бальдера. По контексту очевидно, что это два имени одного лица. Имя Бальдара, или Пальтара, встрѣчается въ Германіи не одинъ разъ какъ имя собственное [4]); въ англосаксонскихъ генеалогіяхъ поминается Бельдегъ, сынъ Водана, а въ скандинавской миѳологіи чрезвычайно важную роль играетъ Бальдеръ, сынъ Одина, божество свѣта физическаго и нравственнаго, погибшій отъ козней представителя злаго начала Локи (миѳологи не находятъ ему соотвѣтствующаго божества нѣмецкаго, но полагаютъ, что онъ отразился въ фигурѣ средневѣковаго чёрта) и имѣющій возродиться при концѣ міра.

Это третье общегерманское божество; о распространенности его культа въ сѣверной Германіи можетъ дать косвенное свидѣтельство житіе Виллиброда въ передѣлкѣ Алкуина († 804). Онъ разсказываетъ въ десятой главѣ, что одинъ островъ (Гельголандъ), лежащій между владѣніями фризовъ и дановъ, у туземцевъ носитъ названіе Fositesland, отъ имени ихъ бога Фозите; по скандинавской миѳологіи Forseti—сынъ Бальдура.

Другое мерзебургское заклинаніе свидѣтельствуетъ о вѣрѣ германцевъ въ идизъ, мудрыхъ чародѣекъ, завѣдывающихъ битвами, которыя, очевидно, въ родствѣ съ кандинавскими валькиріями.

Рядомъ съ Меркуріемъ, а иногда и выше его, Тацитъ ставитъ Марса—имъ двоимъ, по его словамъ, гермундуры приносили человѣческія жертвы; по словамъ грека Прокопія, сѣверные народы выше

[1]) Судя по имени, планетное божество. Grimm, тамъ же, 285.

[2]) Въ связи съ *füllen*, наполнять, богиня изобилія. *Фулла* скандинавской миѳологіи не сестра, а служительница Фрагги.

[3]) Впослѣдствіи, не понимая именъ боговъ, вмѣсто нихъ подставляли имена христіанскія; въ одномъ подобномъ заговорѣ отъ вывиха, вмѣсто Бальдера, на конѣ ѣдетъ Христосъ (см. *Goedeke* Mittelalter, стр. 1).

[4]) Готское *baldrs*—princeps, отъ *balths*—audax.

Digitized by Google

всѣхъ другихъ боговъ почитаютъ Ареса [1]). По мнѣнію изслѣдователей, этотъ Марсъ-Аресъ есть общій всѣмъ германцамъ, но различно называемый (Ціо, Тіусъ, Эръ, Саксноть, Ирминъ), богъ войны, соотвѣтствующій скандинавскому Тиру.

Вотъ почти всѣ общепризнанныя свидѣтельства о богахъ германскихъ; строить изъ нихъ и изъ суевѣрій современныхъ нѣмецкихъ крестьянъ религіозную систему, по выраженію одного писателя, тоже самое, что по сваленнымъ въ кучу немногимъ камнямъ и обломкамъ колоннъ храма неизвѣстнаго стиля стараться возстановить цѣлый храмъ въ первоначальномъ видѣ. Но уже и изъ этихъ немногихъ свидѣтельствъ съ достаточной ясностью видно, что на Олимпѣ германскомъ военная доблесть имѣла такое же значеніе, какъ и въ народномъ собраніи. Считаемъ излишнимъ характеризовать въ общихъ чертахъ взглядъ германцевъ на окружающую природу и степень ихъ религіознаго развитія: принадлежа къ индо-европейскому племени, они, разумѣется, далеко ушли отъ фетитизма и стояли на высшей степени политеистическаго сознанія—на степени оживляющаго всю природу антропоморфизма.

Воинственные, человѣкообразные, неясно отдѣленные отъ національныхъ героевъ боги естественно занимали первое мѣсто въ національной поэзіи германцевъ. «Въ древнихъ пѣсняхъ, говоритъ Тацитъ [2]), своихъ единственныхъ историческихъ памятникахъ, они воспѣваютъ Землею рожденнаго бога Туиско и его сына Манна, родоначальниковъ своего народа». Обладая отъ природы сильно развитымъ чувствомъ и не имѣя понятія о другихъ искусствахъ, германцы сопровождали пѣснью всѣ свои общественныя и частныя дѣла: они пѣли на свадьбахъ, на похоронахъ, на пиршествахъ; но особенно сильно возбуждалъ ихъ охоту къ пѣнію самый важный и священный актъ жизни—война. «У нихъ есть, говоритъ Тацитъ нѣсколько ниже [3]), такія пѣсни, пѣніемъ которыхъ, называемымъ barditus [4]), они воодушевляютъ себя (передъ битвой) и по силѣ звука которыхъ они предугадываютъ исходъ предстоящаго сраженія. Когда войско выходитъ на мѣсто битвы и запѣваетъ свою пѣсню, оно или устрашаетъ непріятеля, или само устрашается, какъ будто звукъ издаетъ не горло человѣка, а воинственное настроеніе. Особенно стараются произвести рѣзкіе звуки и громовый шумъ, для чего держатъ щиты передъ ртомъ, чтобы звукъ, отражаясь, становился полнѣй и сильнѣй». Говоря въ своихъ «Лѣтописяхъ» и своихъ «Исторіяхъ» о столкно-

[1]) Grimm, тамъ же, 179.

[2]) Germ., 2.

[3]) Germ., 3.

[4]) Это слово производятъ отъ сѣвернаго *bardhi*—щитъ.

Digitized by Google

веніяхъ германцевъ съ римлянами, Тацитъ нѣсколько разъ упоминаетъ о военныхъ пѣсняхъ германцевъ: «Изъ когорты бросились впередъ, зажмуривъ глаза, съ дикимъ пѣніемъ потрясая щиты надъ плечами» [1]). «Поле битвы гремѣло отъ пѣнія мущинъ и воя женщинъ» [2]). Въ этихъ пѣсняхъ, соотвѣтствующихъ средневѣковымъ призываніямъ святыхъ, современному *ура* и военной музыкѣ, главную роль играли не слова, не смыслъ пѣсни, а самые звуки, дикіе и страшные, непосредственно дѣйствовавшіе на нервы. Иное значеніе имѣли пѣсни германцевъ послѣ сраженія, на пирахъ и попойкахъ, продолжавшихся по цѣлымъ ночамъ [3]). Изъ одного указанія Тацита [4]) видно, что въ подобныхъ пѣсняхъ германцы воспѣвали національныхъ героевъ, напр. Арминія, побѣдителя Вара.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что у древнихъ германцевъ былъ свой историческій эпосъ, свои Иліады и Одиссеи? Нѣтъ, они были слишкомъ неразвиты для эпоса вообще, а историческій эпосъ возможенъ только у народа, вступившаго на историческую арену. Формой германской пѣсни былъ гимнъ, заключающій въ себѣ и эпическія указанія на внѣшнія событія. и восклицанія, какъ выраженіе чувствъ, и мѣстами діалогъ. Это общая всѣмъ народамъ начальная форма поэзіи, заключающая въ зародышѣ эпосъ, лирику и драму. Древнегерманскія пѣсни, какъ нетрудно догадаться по послѣдующему, не знали риѳмъ, въ нихъ не наблюдались ни размѣръ, ни число слоговъ; отъ прозы, кромѣ способа произношенія (пѣнія), онѣ отличались дѣленіемъ на двойные стихи, половинки которыхъ были связаны аллитераціей — повтореніемъ гласной или одной и той же согласной или одинаковой группы согласныхъ [5]); пѣніе часто сопровождалось игрою на струнномъ инструментѣ [6]).

Свидѣтельство Тацита о прославленіи Арминія важно для насъ въ томъ отношеніи, что оно приблизительно указываетъ моментъ, съ котораго начинаетъ слагаться историческій національный эпосъ германцевъ. Битва въ Тевтобургскомъ лѣсу — первый историческій подвигъ, совершонный соединенными силами многихъ германскихъ племенъ, подвигъ, слухъ о которомъ, разумѣется съ поэтическими прикрасами, проникъ во всѣ концы Германіи. Послѣ этого германцы дѣлаются историческимъ народомъ: изъ массы ихъ предводителей выдѣляются люди, дѣятельность которыхъ, получая въ фантазіи народа поэтическую окраску, даетъ матеріалъ для эпическихъ пѣсень, сперва близкихъ къ исторической правдѣ, небольшихъ по объему, въ

---

[1]) Hist., 2, 22.—[2]) Тамъ же, 48.—[3]) Ann., 1, 65. Hist., 5, 15.—[4]) Ann., 2, 88.
[5]) При этомъ на аллитерированныхъ слогахъ слышно было повышеніе голоса.
[6]) Cantu majorum facta modulationibus citharisque canebant. Jorn., 5.

Digitized by Google

родѣ нашихъ былинъ или испанскихъ романсовъ (во французской наукѣ имъ усвоено названіе кантиленъ), а по мѣрѣ удаленія отъ факта видоизмѣняющихся и разростающихся, въ рукахъ искусныхъ пѣвцевъ-спеціалистовъ, въ цѣлыя поэмы. Такія поэмы могли возникнуть впослѣдствіи, въ окончательно сложившемся средневѣковомъ обществѣ, и говорить о нихъ мы будемъ много ниже; теперь же ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ слѣдовъ существованія германскихъ былинъ въ эпоху переселенія народовъ.

Наиболѣе развитое изъ германскихъ племенъ—готы—естественно должно было доставить для нихъ больше матеріала. Кассіодоръ [1]) упоминаетъ о воспѣтомъ всѣмъ міромъ (разумѣется, германскимъ) Гензимундѣ, сынѣ Гунимунда, который, будучи призванъ народомъ къ власти, великодушно сохранилъ ее для несовершеннолѣтнихъ Амалунговъ. По словамъ Іордана (половина VI вѣка), на похоронахъ Теодориха, готы пѣли сложенныя въ честь его пѣсни. При всей сухости Іорданова изложенія, сквозь его разсказы о Балтахъ и Амалунгахъ ясно просвѣчиваютъ былины или, по крайней мѣрѣ, опоэтизированные разсказы, служившіе имъ источникомъ: таковъ разсказъ о Германрихѣ, будто бы погибшемъ отъ рукъ братьевъ невѣрной жены своей Свангильды, растерзанной по его приказанію конями. Едва прошло сто лѣтъ по смерти Теодориха Великаго, какъ попали въ хроники поэтическіе разсказы объ его битвахъ съ Одоакромъ. Еще болѣе ясное выраженіе, чѣмъ эпосъ готскій, нашелъ себѣ эпосъ лонгобардовъ. Ихъ историкъ Павелъ Дьяконъ († 799 г.) талантливѣй Іордана и сильнѣе возбужденъ патріотизмомъ. Выше была указана занесенная имъ въ исторію миѳическая сага о происхожденіи имени лонгобардовъ; его разсказы о войнѣ ихъ съ королемъ геруловъ Родульфомъ [2]), объ Албоинѣ и Розамундѣ, объ Автарисѣ и Теуделиндѣ,

1) *Gervinus*. Gesch. d. deutschen Dichtung, 5-te Aufl. 1871. I, 34.

2) Между седьмымъ королемъ лонгобардовъ Тато и Родульфомъ война началась по слѣдующему поводу. Братъ Рудольфа пріѣхалъ къ Тато договариваться о союзѣ. Покончивъ свое посольство, на возвратномъ пути проѣзжалъ онъ передъ домомъ принцессы Руметруды, дочери короля. Она пригласила его черезъ служанку выпить у ней кубокъ вина. Братъ короля принялъ приглашеніе и вошелъ въ домъ; онъ былъ очень маленькаго роста, и принцесса стала насмѣхаться надъ нимъ; гость сказалъ ей въ отвѣтъ что-то очень рѣзкое; принцесса не сдержала своего женскаго сердца и рѣшилась жестоко отмстить она посадила гостя спиною къ окну, завѣшанному ковромъ, и, по ея приказанію, слуги пронзили его копьями черезъ коверъ, когда она закричала мундшенку: Смѣшай! Родульфъ объявилъ лонгобардамъ войну; онъ такъ надѣялся на храбрость своихъ геруловъ, что во время битвы спокойно оставался въ своей палаткѣ и игралъ въ шашки. (Герулы привыкли къ побѣдамъ и мало дорожили жизнью: вступая въ битву, они даже раздѣвались до-нага). На стоявшее около палатки дерево взобрался одинъ герулъ, чтобы наблюдать за битвой и доносить, что увидитъ, королю. Но Родульфъ грозилъ отрубить ему голову, если онъ объявитъ о пораженіи геруловъ. Герулы скоро дрогнули, лонго-

Digitized by Google

о Гримоальдѣ и Бертаритѣ, такая же историческая правда, какъ и разсказъ о мщеніи Ольги древлянамъ, и ровно настолько же можно подозрѣвать въ этихъ сказаніяхъ участіе личнаго творчества грамотника. И у франковъ былъ свой эпосъ: саксонскій поэтъ, перелагавшій въ концѣ IX вѣка въ стихи лѣтопись Эйнгарда, говоритъ: «Извѣстно, что народныя поэмы великими похвалами превозносятъ его (Людовика Благочестиваго) дѣдовъ и прадѣдовъ: Пипиновъ, Карловъ, Хлодвиговъ, Теодориховъ, Карломановъ и Клотарей» [1]). Сюжетами этихъ пѣсень, за немногими исключеніями, не воспользовались хронисты потому что, вслѣдствіе тѣсной связи франковъ съ римскою церковью и римско-христіанскою цивилизаціей, ихъ національныя саги скорѣй забывались и затирались литературными преданіями. Тѣмъ не менѣе основной сюжетъ знаменитѣйшей представительницы нѣмецкаго эпоса — пѣсни о Нибелунгахъ, родился и, можетъ быть, возросъ на почвѣ древней Галліи, на землѣ, присоединенной къ королевству франковъ первыми ихъ государями; король Гундахаръ съ своими родственниками: Гибихомъ, Годомаромъ и Гизлахаромъ, упоминаются въ предисловіи къ закону бургундовъ, а хроника такъ-называемаго Проспера разсказываетъ подъ 437 годомъ, какъ погибли они отъ рукъ гунновъ.

Тоже самое отношеніе, что между поэзіей германскихъ лѣсовъ и средневѣковой нѣмецкой поэзіей, находимъ мы между древне-германской грамотой съ одной стороны и средневѣковой письменностью съ другой. До-историческіе германцы владѣли и зачатками грамоты, которые удовлетворяли ихъ несложнымъ нуждамъ и которымъ пришлось впослѣдствіи преобразоваться подъ вліяніемъ римско-христіанской цивилизаціи. Какъ зачатки поэзіи, такъ и зачатки грамоты, по употребленію, носили обрядовый и — принимая это слово въ широкомъ значеніи—религіозный характеръ. Тацитъ [2]) разсказываетъ, что

барди потѣснили ихъ, но сидѣвшій на деревѣ воинъ, опасаясь за жизнь свою, увѣрялъ короля, что люди его бьются отлично. Наконецъ, истины нельзя было скрывать долѣе: все войско геруловъ обратилось въ бѣгство. Тогда воскликнулъ воинъ на деревѣ: „Горе геруламъ! на нихъ разгнѣвался владыка небесный“. Обезпокоенный этими словами, Рудольфъ спросилъ: „Развѣ мои герулы бѣгутъ?“—„Не я, а ты самъ, о король, сказалъ это“, отвѣтилъ стражъ. Лонгобарды ворвались въ лагерь и умертвили короля и окружавшихъ его. А несчастные герулы, постигнутые гнѣвомъ небеснымъ, во время бѣгства приняли зеленый лугъ за воду и были порублены мечами въ то время, какъ поднимали руки для того, чтобъ плыть (кн. I, гл. 20).

[1]) Est quoque jam notum vulgaria carmina magnis
Landibus ejus avos et proavos celebrant:
Pippinos, Carolos, Hludowicos et Theodricos
Et Carlomannos Hlothariosque canunt.

[2]) Germ., 10.

Digitized by Google

германцы гадали по палочкамъ плодовыхъ деревьевъ, на которыхъ были начертаны знаки; эти палочки они бросали на землю, смѣшивали, потомъ брали на-угадъ нѣсколько изъ нихъ и толковали знаки. Эти знаки—не что иное, какъ столь часто поминаемыя въ памятникахъ скандинавской и англосаксонской поэзіи—руны. Какъ оказалось по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, руны — не германское изобрѣтеніе, а римскій алфавитъ, усвоенный, видоизмѣненный и приспособленный къ вырѣзыванію на деревѣ германцами. Онѣ были сперва извѣстны на материкѣ, а съ материка распространились къ скандинавамъ [1]) и въ Британію. Число ихъ измѣнялось по времени и по племенамъ [2]). Умѣнье читать руны считалось знакомъ высокой мудрости, и скандинавское сказаніе приписывало изобрѣтеніе ихъ владыкѣ боговъ, Одину.

Руническимъ алфавитомъ, видоизмѣнивъ и дополнивъ его изъ греческой и латинской азбуки, въ сильной степени воспользовался родоначальникъ нѣмецкой письменности, готъ Ульфила.

Готы, какъ мы уже замѣтили, — способнѣйшее и цивилизованнѣйшее изъ нѣмецкихъ племенъ: во второмъ столѣтіи они переселились къ Дунаю и съ тѣхъ поръ постоянно соприкасались съ римлянами. У нихъ уже изстари поминаются писанные законы; ихъ обращеніе въ христіанство начинается еще въ III вѣкѣ: на никейскомъ соборѣ, въ 325 году, уже присутствуетъ готскій епископъ Ѳеофилъ [3]). Но епископство готское имѣло въ это время, вѣроятно, болѣе временное значеніе: паства Ѳеофила состояла изъ христіанскихъ плѣнниковъ и немногихъ готовъ, привлеченныхъ ими къ христіанству. Поголовное обращеніе начинается съ Ульфилы.

Ульфила, или Вульфила [4]), по новѣйшимъ изслѣдованіямъ [5]), родился около 311 года; онъ происходилъ изъ семьи каппадокійскихъ плѣнниковъ, проживавшей между готами уже съ 50-хъ годовъ III-го столѣтія. Рано попавъ въ предѣлы имперіи, вѣроятно, по дѣламъ общественнымъ, онъ остался тутъ, хорошо выучился по-латыни и по-гречески, сталъ духовнымъ, получилъ достоинство лектора, занялся переводомъ св. писанія на родной языкъ, былъ въ 341 году руко-

---

[1]) Прежде считали руны изобрѣтеніемъ скандинавовъ, которые будто бы сообщили ихъ остальныхъ германцамъ. См. *Wackernagel*: Geschichte d. deutschen Literatur. 2-te Ausg. besorgt von Ernst Martin. 1877. Стр. 13 и 14.

[2]) У скандинавовъ отъ 16 оно доходило до 23, у англо-саксовъ до 28 и даже до 33.

[3]) *Kurz*. Kirchengesch., II, I, 21.

[4]) Уменьшительное отъ *vulfs* — wolf, волкъ.

[5]) См. *Waitz*: Ueber das Leben und die Lehre des Ulfilas. Hannover, 1840. *Bessel*: Ueber das Leben des Ulfilas etc. Göttingen, 1860. Ср. *Kurtz*, Kirchengesch., II, I, 21 и слѣд. *Wackernagel*, Gesch. и пр., стр. 19 и слѣд.

Digitized by Google

положенъ въ епископы аріанствующимъ духовенствомъ [1]) и возвратился на родину, за Дунай. При помощи переведеннаго имъ на готскій языкъ св. писанія, дѣло обращенія пошло очень быстро, по крайней мѣрѣ, между бѣдными готами, настолько быстро, что обезпокоенные этимъ правители готовъ начали гоненіе. Убѣгая отъ него, готы-христіане, черезъ своего учителя Ульфилу, въ 348 г. выпросили у императора Констанція позволеніе переселиться на земли имперіи. Констанцій ласково принялъ Ульфилу и указалъ его паствѣ мѣсто для поселенія. Между тѣмъ число христіанъ между готами, оставшимися на томъ берегу Дуная, все увеличивалось. Въ 370 г. Атанарихъ началъ новое и ужасное гоненіе на христіанъ, желая въ-конецъ истребить ихъ [2]). Но онъ, какъ это всегда бывало, достигъ совершенно противуположныхъ результатовъ: число обращенныхъ увеличивалось. Возставшій противъ Атанариха Фридигернъ одержалъ надъ нимъ верхъ, благодаря помощи императора Валента, и принялъ христіанство (въ угоду Валенту, опять-таки по аріанскому исповѣданію). Скоро вестъ-готы всей массой принуждены были покинуть родину: ихъ потѣснили гунны. Валентъ позволилъ перейти Дунай всѣмъ готамъ, исповѣдующимъ христіанство. Началось переселеніе, за которымъ послѣдовала ссора съ римлянами, битва при Адріанополѣ и гибель императора. Замѣнившій Валента Ѳеодосій отчасти лаской и хитростью, отчасти силой, усмирилъ готовъ и закрѣпилъ ихъ надолго на земляхъ имперіи.

Со времени побѣды Фридигерна надъ Атанарихомъ значеніе Ульфилы, «втораго Моисея», между готами все возрастало: принимавшіе христіанство готы принимали вмѣстѣ съ тѣмъ его переводъ св. писанія, а на земляхъ имперіи, естественно, подчинялись и его духовному авторитету. Въ 381 г. маститый вѣроучитель готовъ былъ вызванъ императоромъ Ѳеодосіемъ на соборъ въ Константинополь для пренія съ представителями вновь возникшихъ аріанскихъ сектъ и, можетъ быть, съ православными. Тамъ и умеръ Ульфила, и похороненъ съ большимъ торжествомъ своими единовѣрцами. Дѣло его принесло обильные плоды: освободившись отъ власти гунновъ, приняли христіанство и остъ-готы. Еще прежде ихъ обратились родственные готамъ вандалы; какъ тѣ, такъ и другіе воспользовались Ульфиловой азбукой и Ульфиловымъ переводомъ св. писанія.

---

[1]) Аріанство въ это время въ Константинополѣ первенствовало надъ православіемъ. Ульфила, судя по его завѣщанію (semper sic credidi), былъ воспитанъ въ немъ и оставался его приверженцемъ въ продолженіе всей жизни.

[2]) По словамъ Созомена, передъ палатками готовъ, подозрѣваемыхъ въ христіанствѣ, ставили идолъ, и если заподозрѣнные отказывались покланяться ему, ихъ сжигали вмѣстѣ съ палаткой.

Digitized by Google

Этотъ переводъ всегда останется не только древнѣйшимъ, но и славнѣйшимъ памятникомъ нѣмецкаго языка. Со времени перваго изданія такъ-называемаго серебрянаго кодекса [1]), т.-е. съ 1665 г, не могутъ достаточно надивиться усердію, силѣ творчества и искусству, съ которыми Ульфила съумѣлъ вполнѣ точно и въ тоже время свободно, не насилуя ни законовъ языка, ни духа его, передать греческій текстъ на нарѣчіи вестъ-готовъ, народа много обѣщавшаго, но еще вполнѣ варварскаго. Ульфила не сочинялъ новыхъ словъ и оборотовъ, но съумѣлъ обойтись существующими, воспользовался только тѣми грецизмами и вообще иностранными оборотами и словами, которыя успѣли получить право гражданства у вестъ-готовъ, уже давно вступившихъ въ сношенія съ инописменниками. Что̀ именно перевелъ Ульфила, сказа́ть трудно: до насъ дошли четыре евангелія [2]), отрывки изъ посланій ап. Павла и отрывки изъ ветхаго завѣта, именно изъ книгъ Эздры и Нееміи. По словамъ греческихъ историковъ церкви, Ульфила перевелъ всю Библію, за исключеніемъ книгъ Царствъ, которыя, какъ ему будто бы думалось, могутъ возбудить излишній воинственный пылъ въ готахъ, и безъ того воинственныхъ—аргументъ слишкомъ наивный для умнаго гота.

Ульфила не остался безъ наслѣдниковъ: уже переводы книгъ Эздры и Нееміи, судя по вольностямъ, подобныхъ которымъ мы не находимъ въ новомъ завѣтѣ, относятъ на счетъ одного изъ нихъ. Несомнѣнно, что другому готскому грамотнику и другой эпохѣ принадлежитъ изложеніе евангелія Іоанна съ толкованіемъ (Skeireins), которое относятъ къ VI вѣку. Ульфилова азбука получила широкое распространеніе: рядомъ съ «уставомъ», которымъ написаны св. книги, явилась «скоропись», мелкій и болѣе закругленный шрифтъ, употреблявшійся въ грамотахъ временъ владычества остъ-готовъ въ Италіи; изъ нихъ дошли до насъ немногія [3]).

Готскій языкъ Ульфилова перевода не есть языкъ общегерманскій, но одно изъ германскихъ нарѣчій, сохраненное для насъ отъ той эпохи, когда эти нарѣчія еще не успѣли разойтись далеко другъ отъ друга. На немъ говорили (раздѣляясь по подрѣчіямъ, характеръ которыхъ мы опредѣлить не въ состояніи за неимѣніемъ документовъ) остъ-и вестъ-готы, вандалы, герулы, гепиды, квады,

---

[1]) Онъ написанъ очень тщательно на багряномъ пергаментѣ серебряными и отчасти золотыми буквами въ концѣ V или въ началѣ VI вѣка; былъ сперва въ Италіи, во время 30-лѣтней войны попалъ въ Швецію, гдѣ на него сдѣлали серебряный переплетъ; теперь онъ хранится въ библіотекѣ упсальскаго университета.

[2]) Серебряный кодексъ заключалъ 330 листовъ, изъ которыхъ уцѣлѣли только 117.

[3]) Лучшее изданіе всѣхъ памятниковъ готскаго языка съ словаремъ и грамматикой есть 6-ое изд. v. *Stamm* und *Heyne*: Ulfila. Paderborn. 1877.

Digitized by Google

бостарны, т.-е. почти всѣ восточные германцы [1]). Его главное отличіе отъ нарѣчій позднѣйшихъ—богатство формъ: оно отличаетъ именительный отъ винительнаго и звательнаго, въ мѣстоименіяхъ и глаголахъ—двойственное число, имѣетъ особое окончаніе для страдательнаго залога, образуетъ у сильныхъ глаголовъ прошедшее время черезъ удвоеніе [2]); его согласныя ближе къ согласнымъ другихъ нарѣчій того же языка, хотя бы въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ.

Эти древнѣйшіе памятники нѣмецкой письменности относятся къ эпохѣ послѣ переселенія народовъ и отстоятъ отъ послѣдней готской грамоты болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ. На основаніи ихъ, въ VIII вѣкѣ, когда готскій литературный языкъ, повидимому, давно уже умеръ, различаются въ нѣмецкомъ языкѣ слѣдующія нарѣчія:

1. Древне-верхне-нѣмецкое (althochdeutsch), куда относятся всѣ верхне-нѣмецкія подрѣчія древнѣйшей эпохи. Его памятники идутъ отъ VIII и до XI вѣка; кромѣ выше упомянутыхъ мерзебургскихъ заклинаній, къ числу ихъ принадлежатъ: отрывокъ пѣсни о Гильдебрандтѣ Муспилли (см. ниже), Вессобрунская молитва, отрывки переводовъ изъ Евангелія, проповѣдей, трактатовъ отцовъ церкви, подстрочные переводы нѣкоторыхъ словъ въ церковныхъ книгахъ, цѣлые глоссаріи, короткія молитвы, формулы исповѣдныя и пр. Въ нихъ есть слѣды творительнаго падежа (instrumentalis), но нѣтъ двойственнаго числа, страдательнаго залога, особой формы для звательнаго и винительнаго; аллитерація замѣняется риѳмою еще съ IX вѣка; тогда же изчезаетъ и аспирація [3]); почти всѣ разнообразныя окончанія ослабляются въ неударяемое *е*.

Отъ древне-верхне-нѣмецкаго произошло *средне-верхне-нѣмецкое* (mittelhochdeutsch)—литературный языкъ средневѣковой Германіи [4]), а изъ средне-верхне-нѣмецкаго подъ вліяніемъ канцелярскаго языка Люксельбургскаго дома и живаго языка нынѣшней Саксоніи—*языкъ Лютеровой Библіи*, т.-е. современный литературный нѣмецкій языкъ.

2. Древне-саксонское, на которомъ говорили и писали между Рейномъ, Везеромъ и Эльбой на среднемъ теченіи, главнымъ образомъ около Мюнстера и Клеве. Его важнѣйшій памятникъ—„Спаситель" (Heliand), переложеніе евангелій—относится къ IX вѣку. Отъ него произошелъ современный *Plattdeutsch*; къ нему близокъ *нидерландскій языкъ*, раздѣляющійся на нарѣчія: *фламандское* и *голландское*.

3. Англо-саксонское—языкъ выселившихся изъ Германіи, въ срединѣ V вѣка, саксовъ, англовъ и ютландцевъ, когда Англію завоевали норманны; въ немъ

[1]) Если мы, пользуясь главнымъ образомъ фактами послѣдующей исторіи нѣмецкаго языка, признаемъ и для этого времени его дѣленіе на два главныя нарѣчія: верхне-нѣмецкое въ южной Германіи, болѣе полное и твердое, требовавшее бо́льшаго участія груди и горла, и нижне-нѣмецкое въ сѣверной Германіи, болѣе широкое и мягкое, требовавшее преимущественно участія губъ, зубовъ и языка, то готскій окажется принадлежащимъ ко второму.

[2]) *Halda*—ich halte, *haihald*—ich hielt.

[3]) Гот. *hlaupan*, ahd. древнѣйшей эпохи. *hlaufan*, ahd. позднѣйшей эпохи *loufan*—laufen.

[4]) Вокализмъ въ немъ очень развитъ, но согласныя много смягчены; стихъ его чрезвычайно искусственный; въ него проникаетъ масса французскихъ словъ и оборотовъ.

Digitized by Google

быстро вымерли флексіи и явилась масса романскихъ словъ; тогда оно обратилось въ *старо-*, *средне-* и, наконецъ, *ново-англійскій языкъ*.

4. На сѣверномъ берегу Германіи, между устьями Рейна и Эльбы и къ сѣверу отъ истоковъ послѣдней говорили на древне-фризскомъ нарѣчіи. Оно начинаетъ вымирать еще съ XI вѣка.

5. Древне-сѣверное нарѣчіе, впослѣдствіи раздѣлившееся на языки: *датскій*, *норрönскій (норвежскій* и *исландскій)* и *шведскій*. Оно ближе къ нижне-нѣмецкимъ, чѣмъ къ верхне-нѣмецкимъ нарѣчіямъ [1]).

Такъ развился языкъ германцевъ въ собственной Германіи и въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣмецкій элементъ подавилъ слабыхъ туземцевъ—кельтовъ. Совсѣмъ иная судьба его была тамъ, гдѣ германцы нашли почву, глубоко проникнутую цивилизаціей, гдѣ латынь была языкомъ всѣхъ туземцевъ безъ исключенія, какъ въ Италіи, или языкомъ городовъ и высшихъ классовъ, какъ въ Галліи и Испаніи. Тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ существовали рядомъ двѣ національности и два языка; побѣдители и побѣжденные говорили вообще на разныхъ языкахъ; въ частныхъ же случаяхъ высокопоставленные германцы учились читать и писать по-латыни, а туземцы, вращавшіеся въ кружкахъ германцевъ, выучивались практически нѣмецкому языку. Мало-по-малу нѣмецкій языкъ долженъ былъ уступить и изчезнуть не только потому, что туземцы представляли высшую степень культуры, но и потому, что латынь была языкомъ все болѣе и болѣе усиливающейся церкви. За-то и латынь не могла остаться въ томъ же видѣ, въ какомъ она была передъ завоеваніемъ: она сильно измѣнилась, приняла въ себя массу словъ изъ языка побѣдителей и, что̀ важнѣе того, сама по себѣ быстро развивалась органически на основаніи законовъ, общихъ всѣмъ флексивнымъ языкамъ. Такимъ образомъ изъ измѣнившейся латыни и многихъ германскихъ корней образовались языки романскіе [2]).

---

[1]) Вильгельмъ Шереръ предлагаетъ такое дѣленіе, совмѣщающее историческую систему съ этнографической:

1. Восточно-германскій языкъ	готскій.	
	сѣверный	древне-сѣверный шведскій датскій съ норвежскимъ
2. Западно-германскій языкъ	нижне-нѣмецкій	англо-саксонскій фризскій саксонскій нидерландскій и фламандскій
	верхне-нѣмецкій	баварскій аллеманскій и пр.

[2]) Точная хронологія здѣсь, разумѣется, невозможна; мы однако знаемъ, что на почвѣ древней Галліи уже въ VII вѣкѣ отличаютъ lingua romana отъ lingua latina; въ 768 г. въ Рейхенау переводятъ латинскія слова романскими; въ началѣ IX в. соборы рекомендуютъ проповѣдникамъ пользоваться *романскимъ языкомъ* для популяризаціи христіанства. Само собою понятно, что на первое время *романскія нарѣчія* были ближе

Digitized by Google

Латынь, которая легла въ основу романскихъ языковъ—не та латынь, которой мы учимся въ школахъ, не латынь Цицерона: это латынь народная, разговорный языкъ, *lingua rustica*, *vulgaris*, *sermo plebejus* [1]). Мы не имѣемъ отъ нея цѣльныхъ литературныхъ памятниковъ временъ республики или имперіи, но слѣды ея находимъ у Плавта, у грамматиковъ, въ надписяхъ, особенно въ актахъ эпохи переселенія народовъ и VI, VII столѣтій. Въ ней находимъ мы массу словъ, неупотребительныхъ въ латыни литературной, которая имѣла вмѣсто нихъ синонимы; понятно, почему романскіе языки, слагавшіеся въ эпоху паденія школы и грамотности, усвоили не литературные, а народные синонимы. Рядомъ съ литературными словами: *equus*, *proelium* или *pugna*, *heldomas*, *os*, *oris*, *mutare*, *caput*, еще въ республиканскомъ Римѣ употреблялись: *caballus* (cheval), *battalia* (bataille), *septimana* (semaine), *bucca* (bouche), *cambiare* (changer), *testa* (tête) и т. д. Уже Плавтъ охотно превращаетъ отложительные глаголы въ дѣйствительные. Въ грамотахъ временъ Меровинговъ мы находимъ всѣ основныя черты романскихъ нарѣчій: смѣшеніе падежей (что̀ позднѣе привело или къ полному уничтоженію ихъ различія, или къ различенію двухъ падежей: прямаго и косвеннаго), массу предлоговъ въ замѣнъ падежей, члены опредѣленный и неопредѣленный, преобладаніе описательной формы въ спряженіи глаголовъ, утрату будущаго [2]), ослабленіе слоговъ, стоящихъ послѣ ударенія [3]), и т. д. Но еще прежде паденія римской имперіи, по отдѣльнымъ провинціямъ въ этой разговорной латыни явились разновидности [4]), которымъ по усвоеніи многихъ германскихъ корней [5]) предстояло образовать слѣдующіе языки:

1. Итальянскій; онъ слагался отъ конца VI и до XII столѣтія; уже въ VIII и IX вѣкахъ языкъ, которымъ говорилъ народъ, существенно отличался отъ латыни; но до XII вѣка образованное общество игнорировало его существованіе и силилось удержать литературную латынь; въ XII в. грамотники признали за нимъ

другъ къ другу, чѣмъ потомъ, но все-же предположеніе Рейнуара объ *одномъ романскомъ языкѣ*, сохранявшемся въ Провансѣ долгое время, не выдерживаетъ критики.

[1]) Особый жаргонъ ея *sermo castrensis*—солдатскій языкъ.

[2]) Уже въ разговорной латыни республики употреблялось *habeo dicere* вм. dicam; отсюда франц. *dir—ai*, ит. *dir—ò* и т. д.

[3]) Говорили: oclus (oculus), articlus (articulus), vaqua (vacua), maseel (masculus), barbar (barbarus) и т. д.

[4]) Еще св. Іеронимъ говоритъ, что самая латынь et *regionibus* quotidie mutatur et tempore.

[5]) Германцы въ завоеванныхъ ими странахъ были начальниками и воинами; отсюда понятно, что и средневѣковая латынь и романскіе языки должны были отъ нихъ усвоить главнымъ образомъ термины военные и юридическіе: *mahal*, *bann*, *skepeno*, *marahscalh*, *viniscalh* дали *mallum*, *bannum*, *skabinus*, *mariscalcus*, *siniscalcus*; *mall*, *ban*, *échevin maréchal*, *sénéchal* и т. д.

Digitized by Google

право гражданства, и явилась итальянская письменность. Въ итальянскомъ германскій элементъ представленъ очень слабо: какою нибудь сотнею корней; ни о какомъ кельтскомъ элементѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Характерные признаки языка римлянъ, естественно, остались здѣсь въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Сравнительно довольно рано образовались здѣсь діалекты [1]), которые дѣлятся на слѣдующія географическія группы: *южные* діалекты (неаполитанскій, сицилійскій), богатые гласными, мягкіе и протяжные; *сѣверные* (пьемонтскій, миланскій, болонскій) сильно выдвигаютъ ударяемые слоги и опускаютъ гласные; они сильнѣе, но грубѣе; діалекты *средней* Италіи избѣгаютъ обѣихъ крайностей; изъ нихъ важнѣе всѣхъ *тосканскій*, рано ставшій общимъ литературнымъ языкомъ.

2. Испанскій языкъ по степени близости къ латыни занимаетъ второе мѣсто. Первые слѣды его изслѣдователи указываютъ въ первой половинѣ VIII в.; старѣйшій изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ его относится къ 1155 году [2]). Нѣмецкій элементъ въ немъ немного сильнѣй, чѣмъ въ итальянскомъ. Арабское завоеваніе, естественно, внесло много арабскихъ словъ, оставшихся въ исключительномъ владѣніи испанцевъ. Въ испанскомъ три главныхъ діалекта: *каталонскій*, или *лимузинскій* (ближайшій къ провансальскому, когда-то обладавшій богатой литературой), *галиційскій* и *кастильскій*, съ конца среднихъ вѣковъ ставшій общимъ литературнымъ языкомъ.

3. Португальскій языкъ долго не отличался отъ ближайшаго къ нему діалекта Испаніи—галиційскаго, съ которымъ и до сихъ поръ сближаютъ его мягкость произношенія и носовые звуки. Древнѣйшіе памятники португальскаго языка относятся къ XIII вѣку. Съ XVI вѣка португальскій языкъ проникаетъ въ Новый Свѣтъ, гдѣ на немъ говоритъ вся Бразилія.

4. Провансальскій языкъ [3]) ближе къ латыни, чѣмъ французскій, но дальше отъ нея, чѣмъ испанскій; германскій и кельтскій элементы представлены въ немъ не такъ сильно, какъ во французскомъ. Это языкъ южной половины современной Франціи, части сѣверной Испаніи, Савойи и части югозападной Швейцаріи; въ средніе вѣка онъ игралъ очень важную роль, какъ языкъ рыцарской лирики, да и теперь еще имѣетъ свою независимую литературу. Составлялъ ли онъ когда нибудь съ языкомъ сѣверной Франціи одно цѣлое — вопросъ спорный; но несомнѣнно, что въ IX вѣкѣ эти два языка были очень близки. Древнѣйшій памятникъ провансальской поэзіи, отрывокъ „Боэцій“ (288 стиховъ), относится къ срединѣ X вѣка; первый (исключая грамотъ) дошедшій до насъ прозаическій памятникъ —переводъ четырехъ главъ изъ Евангелія Іоанна—относится къ XI—XII вѣку [4]).

---

[1]) Дантъ въ началѣ XIV в. считаетъ уже 14 діалектовъ.

[2]) Авилесская грамота.

[3]) *Lengua romana*; въ отличіе отъ французскаго langue d'oil или d'oui — *lengua d'oc* (*oc* изъ лат. *hoc*—да; *oil* или *oui* изъ лат. *hoc illud* съ тѣмъ же значеніемъ), впослѣдствіи *legua proensal*.

[4]) Вотъ его начало съ параллельнымъ латинскимъ текстомъ:

Ante diem festum Paschae sciens Iesus quia venit hora ejus ut transeat ex hoc mundo ad Patrem cum dilexisset suos, qui erant in mundo, in finen dilexit eos.	Aván lo dia festàl della Pásca sabia lo Salvadre que la sóa óra vé que traspasse d'aquést mún au páer; cum aqués amát los sós chi éren el mún, en la fi los amét.
Et coena facta cum diabolus jam misisset in cor ut traderet eum Judas.	E fácha la céna, cum diábles ja aqués més en cor que Judas lo trais.

Digitized by Google

5. **Французскій** языкъ наиболѣе отдалился отъ латинскаго и удержалъ наиболѣе германскихъ корней: считаютъ, что всего въ романскіе языки перешло 950 нѣмецкихъ словъ; изъ нихъ 450 принадлежатъ исключительно языку французскому, и только 150 чужды ему; да и латинскіе корни, сходные съ германскими, получили во французскомъ германскую окраску [1]). Его первый памятникъ — страсбургская клятва 842 г., занесенная Нитардомъ въ его лѣтопись и сохранившаяся въ рукописи X вѣка: сыновья Людовика Благочестиваго, Карлъ Лысый и Людовикъ Нѣмецкій, заключили союзъ противъ брата своего, императора Лотаря, и, чтобъ придать союзу торжественность, поклялись въ вѣрности другъ другу передъ войсками; такъ какъ нейстрійскіе воины Карла не понимали по-нѣмецки, то Людовикъ произнесъ свою клятву по-романски [2]).

Въ XI вѣкѣ французскій языкъ быстро совершенствуется и становится языкомъ довольно обширной прозаической и поэтической литературы. Въ немъ развиваются три діалекта: норманскій, пикардскій и бургундскій, со многими подрѣчіями. Съ XII вѣка начинаетъ выработываться общій литературный языкъ; въ основѣ его лежитъ нарѣчіе Иль-де-Франса, но онъ воспринялъ многія формы изъ бургундскаго, пикардскаго и даже норманскаго. Побѣда Вильгельма Завоевателя распространяетъ французскій языкъ въ Англіи, гдѣ онъ оставался языкомъ двора и правительства до XIV в. Высокая степень культуры французской сдѣлала его модным языкомъ въ Италіи; богатство французской поэзіи доставило ему значительную популярность и въ Германіи.

6. **Румынскій**, валашскій или дако-романскій языкъ образовался въ Дакіи которая со временъ Траяна была обращена въ римскую провинцію и заселена римскими колонистами; въ немъ латинская сильно измѣнившаяся основа смѣшалась съ славянскими корнями; литература его бѣдна, въ нынѣшнемъ столѣтіи его славянская азбука (кириллица) замѣнена латинскою. Отъ него существенно отличается *рето-романскій* или *куровлашскій*, на которомъ говорятъ въ двухъ доли-

---

Sciens quia omnia dedit ei Pater in manus et quia a Deo exivit et ad Deum vadit.

Surgit a coena et ponit vestimenta sua etc.

Sabens que lo páer li donéth tótas cháusas e sas más e que de Déu eissit e a Déu vái.

Léva de la céna e páusa sos vestiméns etc.

Paul Meyer: Recueil d'anciens textes etc. Paris. 1874. 1-e partie, стр. 32—3.

[1]) Напр. *feu* образовалось изъ *focus*, подъ вліяніемъ *Feuer; haut* изъ *altus* подъ вліяніемъ *hoch*.

[2]) Вотъ текстъ клятвы съ переводомъ на французскій:

Pro deo amur et pro Christian poblo et nostro commun salvament, dist di in avant (т.-е. de ista die in ab ante) in quant (in quantum) Deus savir et podir me dunat, s salvarei—eo (sic salvare habeo ego) cist (ecce istum) meon fradre Karlo et in adjudha (отъ adjutare) et in cadhuna (quot una) cosa si cum om (homo) per dreit (directum) son fradra salvar dift (debet), in o (in hoc) quid il mi altresi (alterum sic) fazet et ab Ladher nul plaid nunquam prindrai, qui meon vol (me volente), cist meon fradre in damno sit.

Pour l'amour de Dieu et pour le commun salut du peuple chrétien et le notre dorénavant autant que Dieu m'en donne savoir et pouvoir, je défendrai mon frère Karle que voilà et par aide et en chaque chose ainsi qu'on doit par devoir défendre son frère, à la condition qu'il me fasse de même et avec Lothaire je ne prendrai jamais aucun arrangement qui par ma volonté, soit au préjudice de mon frère Karle que voilà.

Aubertin, Hist. de la langue etc. Paris. 1876. I, 63—4.

Digitized by Google

нахъ нынѣшняго кантона Граубюндена (во время переселенія народовъ сюда пришли свевы); онъ не имѣетъ ни литературы, ни будущности *).

III. Борьба стараго съ новымъ на почвѣ античной цивилизаціи. — Литература и наука въ Византіи до Фотія. — Латинская проза и поэзія въ западной Европѣ отъ паденія Западной римской имперіи до Карла Великаго.

Schoell: Hist. de la littérature grecque profane. 2-de éd. Paris 1824. Томы 6, 7 и 8.

Ersch u. Gruber: Encykl. 1-de Sect. Томъ 87, статья Nicolai: Neugriech. Literatur.

Kurz: Handbuch d. Kirchengesch. 2-te Ausg. Mitau u. Leipzig. 1858.

Филарета: Историческое ученіе объ отцахъ церкви. С.-Пб. 1859. Томы I—III.

Gidel: Nouvelles études sur la litt. grecque moderne. Paris 1878.

Ad. Ebert: Geschichte der christlich-latein. Literatur von ihren Anfängen bis zum Zeitalter Karls des Grossen. Leipz. 1874.

Wattenbach: Deutsche Geschichtsquellen. 4-te Ausg. Berl. 1878.

Hist. littér. de la France, томы II и слѣдд.

Amédée Thierry: Jean Chrysostome etc. Paris. 1872.

Мы должны оглянуться назадъ на время паденія Западной римской имперіи, чтобъ видѣть, какимъ образомъ выразилась въ литературѣ греко-римскаго міра окончательная побѣда христіанства, какія новыя формы творчества и новые идеалы породила она.

Трудно сказать, въ которой изъ двухъ половинъ уже отжившей имперіи новая религія пустила болѣе глубокіе корни, основательнѣй проникла въ жизнь; несомнѣнно только то, что, вслѣдствіе различныхъ историческихъ условій, востокъ и западъ совсѣмъ иначе поняли и приняли христіанство. Западная имперія покончила свое существованіе еще въ первой половинѣ V вѣка: не только германцы овладѣваютъ ея провинціями, но и стѣны самой столицы ея, покинутой императорами, со временъ Алариха не могутъ служить оплотомъ противъ варварства, операціоннымъ базисомъ цивилизаціи. Вслѣдствіе этого, одичаніе совершается здѣсь чрезвычайно быстро; масса сливается съ варварами; интеллигенція устремляетъ всѣ силы свои на то, чтобъ удержать хоть что-нибудь изъ гибнущаго богатаго наслѣдства предковъ, разумѣется, приспособивъ его къ новымъ потребностямъ. Христіанство въ отдаленные углы проникаетъ очень медленно и массою понимается только съ внѣшней стороны, какъ культъ; но если гдѣ принимается искренно, то радикально передѣлываетъ человѣка.

Напротивъ того, на востокѣ существовалъ такой операціонный базисъ—вся южная часть балканскаго полуострова съ обширной и

*) Отцемъ романской филологіи считается недавно умершій проф. *Дицъ*, грамматика и словарь котораго до сихъ поръ не потеряли своего значенія.

Digitized by Google

населенной столицей; оттого регрессъ совершается здѣсь гораздо медленнѣе; христіанство переплетается въ одно цѣлое съ философскими или полуфилософскими воззрѣніями, воспринимается больше умомъ, возбуждаетъ желаніе выработывать догматику, а не совлекать ветхаго человѣка.

На различное отношеніе къ христіанству вліяли и старыя племенныя особенности грековъ и римлянъ. Римлянинъ—практикъ; для него на первомъ мѣстѣ не теоретическія убѣжденія, не догматы, а факты, въ данномъ случаѣ жизнь по вѣрѣ; грекъ, перенесшій послѣ Александра Македонскаго свои характеристическія особенности на весь востокъ,—теоретикъ и говорунъ; умъ его способенъ и наклоненъ къ тонкостямъ діалектики; кромѣ того, онъ—художникъ; онъ идетъ въ церковь не поучаться, а наслаждаться; онъ слушаетъ проповѣдника, какъ ритора или даже какъ актера; онъ аплодируетъ или шикаетъ ему. Вотъ отчего на востокѣ, съ одной стороны, такая масса ересей и такъ старательно выработывается догматика, а съ другой —такая масса великихъ проповѣдниковъ; на западѣ же такъ прочно сложился клиръ, такъ энергично дѣйствовали миссіонеры и подготовилось такое важное учрежденіе, какъ единовластіе римскаго первосвященника.

Различіе это сказывается и въ такомъ, повидимому, себѣ вѣрномъ институтѣ, какъ монашество: востокъ, склонный къ созерцанію, производитъ анахоретовъ, столпниковъ, не желающихъ имѣть ничего общаго съ міромъ; западные монахи селятся не въ пустыняхъ, а въ городахъ, не въ одиночку, а общинами, и обработываютъ дикія или одичавшія мѣстности.

Естественно ожидать, что въ вѣка, послѣдовавшіе за паденіемъ Западной римской имперіи, въ Византіи мы найдемъ болѣе обширную литературу, чѣмъ на западѣ; но самостоятельная часть этой литературы носитъ спеціально-догматическій характеръ; она не выражаетъ идеаловъ, а только мнѣнія; не изображаетъ жизни, а представляетъ только отвлеченныя формулы; немногія ея произведенія, и почти исключительно проповѣди, переживаютъ интересъ минуты; а на западѣ хотя литература бѣднѣе количествомъ, но для историка цивилизаціи богаче качествомъ и плодотворнѣе для послѣдующихъ вѣковъ.

Начинаемъ съ христіанско-греческой или, какъ обыкновенно ее называютъ, съ византійской литературы.

Въ ней, какъ и въ жизни Восточной римской имперіи, можно различить слѣдующіе періоды:

1. Отъ Аркадія до Юстиніана время переходное; язычество не сдается окончательно; оно имѣетъ въ своихъ рукахъ высшее образованіе и довольно обширную, но подражательную поэзію. Христіан-

Digitized by Google

ство выставляетъ массу истинно талантливыхъ, прекрасно образованныхъ проповѣдниковъ и церковныхъ писателей, которые довершаютъ пораженіе язычества.

2. Съ VI по X вѣкъ—въ общемъ, время застоя и умственнаго нищенства, безусловнаго преобладанія узкой церковности. Въ частности, и здѣсь есть отрадныя явленія; въ это время развивается церковный гимнъ; иконоборство и магометанство вызываютъ горячую полемику, выдвигающую на литературную арену нѣсколько талантливыхъ дѣятелей; въ Византію проникаютъ нѣкоторыя произведенія восточной фантазіи, которымъ предстоитъ долговѣчная слава въ западной Европѣ и славянскихъ земляхъ.

3. Отъ X вѣка до латинской имперіи — время полнаго развитія спеціально-византійскихъ элементовъ.

4. Отъ латинской имперіи до паденія Константинополя—смутная эпоха: усвоеніе западныхъ сюжетовъ и идей, слабая умственная жизнь вслѣдствіе отвлеченія въ сторону политики, медленное вымираніе.

Въ этой главѣ мы будетъ говорить только о двухъ первыхъ періодахъ.

Характерное явленіе въ началѣ перваго періода—явленіе общее востоку и западу—есть сближеніе христіанства съ язычествомъ, особенно замѣтное въ области литературы. Извѣстно, что продолжительная война сближаетъ воюющія стороны почти въ такой же степени, какъ и продолжительныя мирныя сношенія; презрѣніе и ненависть замѣняются постепенно взаимнымъ уваженіемъ; стороны ассимилируются, и борьба началъ замѣняется борьбою личностей и частныхъ интересовъ. Ожесточеніе Юліана и неоплатониковъ-софистовъ противъ христіанъ и ожесточеніе Ѳеодосія противъ язычниковъ — только одна сторона медали; въ той и другой партіи легко подмѣтить стремленіе къ терпимости и желаніе позаимствоваться умомъ у противниковъ. Тотъ же Юліанъ, завидуя вліянію христіанскаго духовенства, старался преобразовать жречество по образцу христіанскаго клира. Онъ приказываетъ жрецамъ заботиться о бѣдныхъ, носить простое платье внѣ службы, великолѣпное во время ея; онъ какъ будто стремится, наперекоръ всему строю античной жизни, поставить церковь выше государства, запрещая жрецамъ унижаться передъ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ. Неоплатоники цитируютъ евангеліе отъ Іоанна, толкуя его по-своему. Извѣстенъ цѣлый рядъ писателей, религію которыхъ нельзя опредѣлить съ достовѣрностью: Нонпъ Александрійскій (конца IV и начала V в.) излагаетъ миѳы о Діонисіи и перелагаетъ въ стихи евангеліе отъ Іоанна; въ церковныхъ пѣсняхъ еп. Синезія видна удивительная смѣсь неоплатони-

Digitized by Google

ческихъ философемъ и христіанскихъ догматовъ. Безъ всякаго страха за спасеніе души христіане-отцы поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей софистамъ-язычникамъ: самъ Ѳеодосій приставляетъ къ сыну языческаго философа Темистія, который состоялъ въ дружбѣ и съ Юліаномъ, и съ Григоріемъ Назіанзеномъ, а при Ѳеодосіи занималъ важную должность префекта константинопольскаго; у того же Темистія учился и блаженный Августинъ. Ученикъ Темистія Либаній основалъ школу въ Антіохіи и былъ учителемъ и другомъ Іоанна Златоуста, и даже мечталъ въ даровитомъ юношѣ найдти себѣ преемника. Многіе язычники, строго исполнявшіе свои обряды, не любившіе христіанства въ идеѣ, считавшіе себя притѣсненными, очень добродушно относятся къ ревностнымъ христіанамъ; Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о нихъ точно умѣренный раціоналистъ нашего времени; у знаменитаго защитника умирающаго язычества, Симмаха, нигдѣ не видно ненависти къ христіанству. На примѣрѣ тогоже Симмаха (какъ и на примѣрѣ вышеупомянутаго Темистія) видно, что христіанскіе императоры вовсе не думали изгонять со службы всѣхъ язычниковъ; указы ихъ оставались мертвою буквой: Симмахъ былъ проконсуломъ Африки и префектомъ Рима. Въ войскахъ и послѣ Ѳеодосія, даже между высшими чинами гвардіи, были представители разнообразныхъ языческихъ культовъ. Хотя Ѳеодосій въ 391 году запретилъ жертвоприношенія и даже входъ въ храмы, въ 397 году въ Римѣ открыто празднуются nudipedalia, да и въ самомъ Константинополѣ въ это время была такая масса язычниковъ, что Іоаннъ Златоустъ креститъ три тысячи человѣкъ.

Пока христіане составляли гонимое меньшинство, ихъ вѣра и міровоззрѣніе были, естественно, цѣльнѣй и чище отъ примѣсей; теперь христіанство проникло въ массу и явилось въ формѣ двоевѣрія, сліянія двухъ религій. Не говоря уже о простомъ народѣ, который остается до извѣстной степени двоевѣрнымъ и въ наше время, въ V и VI вѣкахъ даже между людьми, занимавшими довольно значительныя церковныя должности, встрѣчались полуязычники; число людей, индифферентныхъ къ обѣимъ религіямъ, было еще значительнѣе.

При такихъ условіяхъ языческая наука, кажется, могла и должна была пользоваться уваженіемъ по-прежнему; но на ея несчастіе во главѣ именно восточной церкви, въ большей части случаевъ, стояли люди, помнившіе преданія первыхъ вѣковъ христіанства, помнившіе ненависть философовъ къ новой іудейской сектѣ, считавшіе языческую науку и поэзію по малой мѣрѣ безполезными. Правда, Василій Великій рекомендуетъ чтеніе поэтовъ, но приказываетъ искать въ нихъ аллегорическаго смысла и усматривать изъ этого чтенія, какъ

Digitized by Google

слабъ умъ человѣческій безъ откровенія; Іоаннъ Кассьянъ (род. 360, ум. 440 г.) жалуется, что поэты и ихъ басни, которыми ему съ юности набили голову, мѣшаютъ ему молиться. Правда, въ александрійской христіанской школѣ было допущено преподаваніе греческой философіи и даже миѳологіи, но въ той же Александріи, при Ѳеодосіи, епископомъ Ѳеофиломъ была истреблена библіотека, а въ 415 году разыгралась омерзительная сцена убійства преподавательницы и горячей защитницы греческой философіи, Ипатіи; несомнѣнно, что въ подобныхъ случаяхъ невѣжественную толпу вдохновляли пустынники, рьяные враги просвѣщенія, дававшіе тонъ извѣстной части восточной церкви. Вотъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ пріостановки умственнаго прогресса въ Греціи.

Когда въ извѣстномъ обществѣ слабѣетъ производительная сила литературы и науки, просвѣщеніе можетъ еще долгое время поддерживаться искусственнымъ путемъ, покровительствомъ лицъ, стоящихъ во главѣ правленія. Но престолъ константинопольскій занимали люди, совершенно равнодушные къ дѣлу просвѣщенія. Исключеніе составляетъ только одинъ Юліанъ Отступникъ, царствовавшій такъ недолго и такъ безплодно потратившій свои недюжинныя силы; остальные императоры или не знали никакихъ высшихъ интересовъ, или интересовались только христіанской догматикой и полемикой съ тѣми, кого они считали еретиками. Школы еще существовали въ большихъ городахъ и даже въ началѣ V вѣка посѣщались довольно усердно; такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ константинопольской высшей придворной школѣ, въ 425 г., отъ правительства получали жалованье слѣдующіе преподаватели: 3 латинскихъ ритора, 5 греческихъ софистовъ, 10 латинскихъ и 10 греческихъ грамматиковъ, 1 профессоръ философіи и 2 правовѣда. Кромѣ того, были высшія свѣтскія школы въ Александріи, Антіохіи (въ этихъ двухъ городахъ были и церковныя школы, пользовавшіяся большимъ значеніемъ), въ Никомидіи, Беритѣ и самая знаменитая въ Аѳинахъ. Но курсъ наукъ годъ отъ году съуживался, нравы студентовъ грубѣли, преподаватели превращались въ правительственныхъ чиновниковъ, занятыхъ мелкими, чисто личными интригами; общество интересовалось высшимъ образованіемъ все менѣе и менѣе. Постепенно въ большей части школъ удержались только грамматика, риторика и юриспруденція, единственные предметы, нужные будущимъ чиновникамъ. Наконецъ, въ 529 г. Юстиніанъ лишилъ науку и послѣдняго убѣжища: онъ отнялъ у аѳинскихъ профессоровъ жалованье, объявилъ ихъ лекціи закрытыми и выгналъ несчастныхъ философовъ изъ предѣловъ своего государства. Они отправились въ Персію!

Въ такое время, внѣ узко-церковной сферы мы, разумѣется, не

Digitized by Google

можемъ ожидать никакого самостоятельнаго, крупнаго литературнаго явленія, выражающаго идеалы эпохи. Стихи писались въ большомъ количествѣ, но это были метрическія упражненія; сочинялись рѣчи, преимущественно похвальныя, но это были риторическія упражненія; признакомъ времени можетъ служить стремленіе отвлечь молодежь отъ чтенія языческихъ поэтовъ слѣдующими курьозными выдумками. Еще въ предшествующемъ періодѣ нѣкто написалъ трагедію [1]): «Страдающій Христосъ» (Χρίστος πάσχιον) въ 2160 стихахъ, составивъ ее исключительно изъ фразъ, набранныхъ у Эсхила, Эврипида и Ликофрона; трагедія эта очень интересна для филологовъ, но только потому, что по ней можно было исправить нѣкоторыя чтенія въ Эсхилѣ и Эврипидѣ. Теперь сочиняли и передѣлывали такъ-называемые Гомеровы центоны, т.-е. составленную изъ Гомеровыхъ, почти неизмѣненныхъ. стиховъ жизнь Спасителя, въ которой читатель, незнакомый съ Евангеліемъ, разумѣется, ничего бы не понялъ: собственныя имена автору или авторамъ [2]) пришлось исключить и всему разсказу придать аллегорическій, загадочный характеръ.

При Юстиніанѣ жилъ Прокопій, послѣдній греческій историкъ, обладавшій политическимъ тактомъ и обширными свѣдѣніями въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ происходилъ изъ Цезареи Палестинской, получилъ обычное риторское образованіе, поступилъ на службу при императорѣ Анастасіи. Съ 526 года онъ состоитъ секретаремъ и намѣстникомъ при Велисаріи, сопровождаетъ его въ войнахъ персидской, вандальской и остъ-готской, потомъ дѣлается сенаторомъ; въ 562 г., когда онъ былъ префектомъ константинопольскимъ, его обвинили въ участіи въ заговорѣ и лишили чиновъ; вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Восемь книгъ его исторіи излагаютъ событія внѣшней политики Византіи съ конца IV до половины VI вѣка, главнымъ образомъ, войны съ персами, вандалами и готами. Для изображенія событій, предшествовавшихъ его жизни, Прокопій старательно собиралъ матеріалы и очищалъ ихъ критически, но для большей части сообщаемыхъ имъ фактовъ единственный источникъ—его непосредственныя наблюденія. Знаменіе времени—слѣдующее обстоятельство: въ этихъ восьми книгахъ, опубликованныхъ Прокопіемъ при жизни, византійское правительство представляется съ казоваго конца; изъ правдолюбія или изъ другихъ, не столь благородныхъ побужденій, Прокопій къ восьми книгамъ присоединилъ девятую — Ἀνέκδοτα (неизданное),

---

[1]) Эту трагедію слѣдуетъ приписать скорѣе нѣкоему Аполлинарису Лаодикейскому (ок. 350), нежели Григорію Назіанзену.

[2]) По всей вѣроятности, первоначальный текстъ дополнялся и видоизмѣнялся впослѣдствіи. Дошедшая до насъ редакція приписывается императрицѣ Евдокіи († 460 г.).

Digitized by Google

гдѣ поступки деспотическаго, безпринципнаго правительства обличаются съ полною откровенностью и нѣкоторымъ злорадствомъ.

Единственная внѣ церкви стоящая область умственной жизни, которая разработывалась въ это время съ большимъ успѣхомъ—юриспруденція. При Ѳеодосіи II положено основаніе «Ѳеодосіеву Кодексу» (Codex Theodosianus); при Юстиніанѣ, между 528 и 535 годами, подъ предсѣдательствомъ Требоніана, собранъ главный матеріалъ для знаменитаго «Corpus juris»: для успѣховъ въ этой области не нужно было призводительной силы ума, а требовались только усердіе и аккуратность.

Вся производительная сила этого времени сосредоточивалась въ церкви и литературѣ церковной; достаточно назвать одно имя Іоанна Златоуста, чтобы показать, какъ была полна содержаніемъ жизнь и плодотворна для будущаго умственная дѣятельность выдающихся представителей церкви.

Іоаннъ, прозванный впослѣдствіи за свое краснорѣчіе Златоустомъ (Χρυσόστομος, Chrysostomus), родился въ 347 году въ Антіохіи, одномъ изъ центровъ языческаго просвѣщенія, учился, какъ было выше сказано, у Либанія; 20-ти лѣтъ отъ роду онъ уже считался извѣстнымъ адвокатомъ; но языческая наука и свѣтскіе успѣхи не радовали его: онъ отказался отъ свѣта, сталъ умерщвлять свою плоть и вступилъ въ тѣсную дружбу съ лучшими представителями антіохійской церкви. Въ 370 г., чтобъ не быть избраннымъ на каѳедру Цезареи, онъ скрылся изъ Антіохіи, и когда друзья упрекали его въ этомъ, онъ написалъ въ свою защиту трактатъ о священствѣ. Въ 374 г. ушелъ онъ къ пустынникамъ, скрывавшимся въ горахъ около Антіохіи, и прожилъ тамъ четыре года; оттуда ушелъ въ уединенную пещеру, гдѣ прожилъ два года, ни разу не ложась. Разстроивъ безвозвратно свое здоровье, онъ въ 381 году вернулся въ Антіохію, гдѣ былъ посвященъ сперва въ дьяконы, а потомъ въ священники. Въ продолженіи 12 лѣтъ священства онъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю (а иногда и каждый день) говорилъ проповѣди; кромѣ того онъ дѣятельно занимался дѣлами благотворенія. Скоро слава объ его необыкновенномъ краснорѣчіи прогремѣла во всѣ концы восточнаго христіанскаго міра; даже евреи, язычники и еретики толпами сходились на его проповѣди. Въ 397 г. выбирали архіепископа въ Константинополѣ. Въ это время каѳедра константинопольская была важнымъ административнымъ постомъ, съ которымъ соединялись огромные доходы; понятно, что въ кандидатахъ недостатка не было; ихъ сторонники отчаянно интриговали при дворѣ и въ городѣ. Чтобы положить конецъ этимъ интригамъ и заградить уста недовольнымъ (а въ случаѣ успѣха одного изъ кандидатовъ недовольными оказывались сторонники всѣхъ остальныхъ), правительство рѣшило предложить

Digitized by Google

каѳедру человѣку, котораго никто и не считалъ кандидатомъ, но слава и талантъ котораго дѣлали невозможными соперничество и зависть: остановились на Іоаннѣ Златоустѣ. Опасались, что антіохійцы не отпустятъ своего любимаго проповѣдника, а можетъ быть и самъ Іоаннъ откажется отъ каѳедры изъ скромности; поэтому и рѣшено было украсть его, увезти силою, что̀ и было исполнено очень искусно. Увидѣвъ во всемъ этомъ волю Божію, Іоаннъ покорился необходимости; ставъ архіепископомъ, онъ рѣшилъ вести дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ его предшественники: онъ отказался отъ роскоши, распустилъ огромный штатъ служителей, занялся дѣлами благотворительности и исправленіемъ нравовъ столичнаго духовенства, въ рядахъ котораго было много людей, служившихъ не Богу, а мамонѣ, серьозно взялся за обращеніе язычниковъ. Слѣдствіемъ такого способа дѣйствій была съ одной стороны горячая любовь низшаго духовенства и народа, а съ другой—злостная ненависть всѣхъ, кого Іоаннъ лишилъ хлѣбныхъ мѣстъ или ограничилъ въ неправыхъ вожделѣніяхъ. Враги его скоро нашли путь ко двору, но не испугали тѣмъ Златоуста. Въ то время первымъ лицомъ въ государствѣ былъ евнухъ Евтропій—слабый Аркадій отдалъ всю власть въ его руки; все трепетало передъ нимъ; одинъ Іоаннъ осмѣлился сопротивляться ему. Но когда Евтропій палъ вслѣдствіе происковъ императрицы Евдоксіи, одинъ Іоаннъ рѣшился защищать его. Оригинальное зрѣлище представлялъ каѳедральный храмъ въ тотъ день, когда, вчера еще всемогущій, а нынѣ жалкій и трепещущій Евтропій обнималъ алтарь, ожидая ежеминутно, что его схватятъ и повлекутъ на позорную смерть, а смѣлый Іоаннъ, авторитетъ котораго только и удерживалъ клевретовъ Евдоксіи, говорилъ слово о жестокости людей и о непостоянствѣ человѣческаго счастія, указывая на живой примѣръ. И съ Евдоксіей не ужился Іоаннъ: онъ рѣзко порицалъ ее въ своихъ геніальныхъ проповѣдяхъ; всемогущая императрица не стерпѣла этого: Іоанна объявили низложеннымъ и отправили въ ссылку. Узнавъ объ этомъ, народъ грозилъ бунтомъ, а происшедшее въ слѣдующую ночь землетрясеніе всѣхъ привело въ ужасъ. Іоанна возвратили; народъ встрѣтилъ его, какъ тріумфатора. Но миръ между правительствомъ и Златоустомъ былъ непродолжителенъ: Евдоксіи поставили статую, и торжество это отпраздновали почти по-язычески; возмущенный Іоаннъ публично въ проповѣди выразилъ свое негодованіе; онъ былъ отправленъ вторично въ ссылку, сперва въ Никею, потомъ въ маленькій армянскій городъ Кукузу, въ пустынѣ Тавра. И тамъ Іоаннъ продолжалъ работать: онъ посылалъ миссіонеровъ въ Персію и Финикію, написалъ 17 небольшихъ трактатовъ въ видѣ писемъ къ благочестивой аристократкѣ Олимпіи

Digitized by Google

и ей же адрессованное разсужденіе на тему: «никто не можетъ повредить тому, кто не вредитъ себѣ самъ». Негодуя на всеобщее уваженіе къ опальному, Аркадій велѣлъ перевести его на крайніе предѣлы своего государства, на берега Понта Эвксинскаго; больной старикъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, подъ палящими лучами солнца, съ непокрытой головой: онъ не вынесъ этихъ страданій и умеръ 14 сентября 407 года. Послѣ смерти, конечно, гоненія противъ него прекратились: онъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ архіепископа; тѣло его перенесено сперва въ Константинополь, потомъ въ Римъ; и западная и восточная церковь признаютъ его святымъ. Какъ догматикъ, Златоустъ не имѣетъ большаго значенія [1]); но проповѣди его пользовались въ восточной церкви такою огромною популярностью, что ему приписывали все выдающееся изъ ряду въ этомъ родѣ. Въ старинной русской письменности «Златоустъ»—слово нарицательное: такъ назывались сборники поученій и отрывковъ, составленные преимущественно изъ словъ Іоанна.

Къ такой личности, къ такой дѣятельности нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ. Нѣсколько иное впечатлѣніе производятъ на насъ люди, посвятившіе всю жизнь свою выработкѣ догмы и преслѣдованію разномыслящихъ. Ихъ споры о богословскихъ тонкостяхъ волновали общество и отвлекали его отъ всякихъ другихъ интересовъ. Насколько эти споры глубоко проникали въ народъ, еще Назіанзенъ († 390 г.) изображаетъ въ такой каррикатурѣ: «Всѣ улицы и площади города полны людьми, которые догматизируютъ о непонятныхъ вещахъ; ветошники, мѣнялы, продавцы съѣстныхъ припасовъ, когда ты ихъ спросишь, сколько оболовъ это составляетъ, начинаютъ тебѣ толковать о рожденіи и нерожденіи. Спрашиваешь о цѣнѣ хлѣба,—продавецъ отвѣчаетъ: отецъ больше, чѣмъ сынъ, и сынъ подчиненъ отцу; ты спрашиваешь: готова ли ванна? тебѣ отвѣчаютъ: сынъ Божій сдѣланъ изъ ничего» [2]).

Но и эти споры имѣли свой raison d'être. «Едва-ли, говоритъ Курцъ (§ 168), христіанство выдержало бы напоръ переселенія народовъ и послѣдовавшаго за нимъ варварства, еслибъ оно не могло опереться на твердо опредѣленную догму и рѣзко обозначенное единство каѳолической церкви». Но ихъ мѣсто въ исторіи церкви, а не въ исторіи литературы.

---

[1]) Съ точки зрѣнія того времени онъ даже слишкомъ снисходительно относился къ еретикамъ.

[2]) О взаимной нетерпимости разномыслящихъ Теодоретъ разсказываетъ слѣдующее: аріанскій епископъ Люцій ѣхалъ верхомъ на ослѣ по улицѣ, гдѣ православные мальчики играли въ мячъ; мячъ отлетѣлъ въ сторону и коснулся ноги осла; переговоривъ между собою, мальчики сейчасъ-же разложили костеръ и стали очищать огнемъ мячъ, оскверненный прикосновеніемъ къ аріанскому ослу.

Digitized by Google

По смерти Юстиніана наступаетъ для Византіи печальное время: престолъ занимаютъ люди одинъ другаго хуже; въ лѣтописяхъ византійскаго двора на каждой страницѣ встрѣчаются такія жестокости и безобразія, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги Нерона и Калигулы; съ сѣвера новый Римъ тѣснятъ болгары, славяне, авары; съ востока персы; съ юга скоро начинаютъ грозить ему паденіемъ нафанатизированные новой религіей арабы; въ умственной жизни наступаетъ такой застой, который слово византійщина обратилъ въ нарицательное названіе обскурантизма и самомнительнаго невѣжества. Строго говоря, византійская эпоха начинается именно около времени Юстиніана; тогда хоть на короткое время «побѣдоносный» новый Римъ замыкается въ себѣ; изученіе латинскаго языка, до тѣхъ поръ необходимое, становится излишнею роскошью. При Маврикіи латынь замѣняется греческимъ языкомъ въ оффиціальныхъ актахъ; въ области религіозной сравнительно больше единства: послѣ отдѣленія монофизитовъ, новыя ереси (исключая иконоборческой) расходятся съ господствующимъ мнѣніемъ въ мелочахъ, почти недоступныхъ пониманію массы. Въ эту пору уже выясняются характерныя черты, свойственныя византійской литературѣ во все время ея существованія, до самаго паденія Константинополя,—черты, для насъ тѣмъ болѣе интересныя, что наша допетровская письменность жила почти исключительно наслѣдіемъ византійской литературы.

Литературныя занятія въ Византіи не составляли потребности всего интеллигентнаго общества и ограничивались главнымъ образомъ стѣнами монастыря. Наука, тамъ господствовавшая, естественно получила спеціально церковный характеръ и была далека отъ потребностей обыденной жизни. Тоже было и на Западѣ Европы, но съ тою разницей, что, во 1-хъ, юные варварскіе народы имѣли свою духовную жизнь, которую напрасно пыталось подавить латинское духовенство; а византійцы—народъ обветшалый: они и не могли имѣть богатыхъ преданій и не нуждались въ нихъ въ такой степени, такъ какъ языкъ письменности и языкъ живой рѣчи былъ одинъ и тотъ-же. Во-2-хъ, на Западѣ невѣжество свѣтскихъ властителей вызывало къ участію въ жизни политической лучшихъ представителей духовенства, и это участіе освѣжало духовенство, сближало его съ дѣйствительностью; а византійскіе чиновники были люди грамотные и считали себя даже образованными.

Съ этой исключительной церковностью связана и безличность византійской литературы. Монаху чужды любовь къ славѣ и авторское самолюбіе. При отсутствіи производительной силы, при исключительно компилятивномъ характерѣ византійской письменности, такое самолюбіе было бы безсмысленно: тутъ невозможно провести рѣзкую черту

Digitized by Google

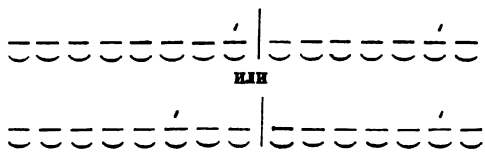
между авторомъ и переписчикомъ, такъ какъ весь авторскій трудъ состоитъ въ выборкѣ, сокращеніи, систематизированіи, рѣдко въ объясненіи чужихъ мыслей.

Въ это же время выработывается и оригинальный стиль византійскихъ писателей, надутый, напыщенный, преизобилующій фигуральными выраженіями, которыя, вмѣсто разъясненія, затемняютъ смыслъ; авторъ подбираетъ «умныя» или красивыя слова, не уяснивъ себѣ предварительно, что̀ хочетъ онъ выразить ими; онъ дѣйствуетъ не какъ художникъ-мозаистъ, а какъ ребенокъ, который безъ всякой идеи изъ груды камешковъ выбираетъ болѣе пестрые. Въ этомъ византійскомъ стилѣ, къ несчастію перешедшемъ въ нѣкоторые отдѣлы нашей письменности, видятъ съ одной стороны испорченный аттицизмъ, въ которомъ стремленіе къ украшеніямъ перешло мѣру, а съ другой вліяніе фигуральнаго языка Востока, находившее себѣ доступъ, между прочимъ, черезъ изученіе ветхаго завѣта; кромѣ того, сирійскіе и египетскіе отцы церкви, заговоривъ по-гречески, не могли не оказать въ этомъ отношеніи сильнаго вліянія.

Въ это же время измѣняется греческій стихъ: долгота и краткость постепенно перестаютъ чувствоваться; церковные гимны, предназначавшіеся не для интеллигенціи, а для массы вѣрующихъ, еще въ предшествующемъ періодѣ пишутся тоническимъ размѣромъ, вмѣсто метрическаго; теперь насиліе грамматическаго ударенія становится затруднительнымъ и въ другихъ видахъ поэзіи. Съ IX вѣка «количество» рѣшительно перестаютъ наблюдать, и вырабатывается такъ-называемый политическій стихъ (στίχος πολιτικός—гражданскій, народный стихъ, въ противоположность ученому), одинаково служившій и духовнымъ, и свѣтскимъ поэтамъ *).

Ученые византійцы, которые цѣлую жизнь проводили въ книжной пыли и были знакомы со всѣми родами и видами древне-эллинской и александрійской прозы и поэзіи, естественно были способны къ подражанію всему, чему угодно, и хотя, напр., о византійской драмѣ не можетъ быть и рѣчи, филологамъ попадаются всевдо-эврипидовы отрывки, поддѣланные византійцами. Тѣмъ не менѣе и въ Византіи есть свои излюбленныя литературныя формы, какія именно — не трудно догадаться, зная отсутствіе производительности,

*) Вотъ его схема:



или

Digitized by Google

компилятивность и отдаленность византійской письменности отъ жизни. Болѣе всего занимались изученіемъ чужихъ произведеній, и потому число византійскихъ грамматиковъ, схоліастовъ, полигисторовъ, лексикографовъ, составителей антологій, хрестоматій и указателей превышаетъ число дѣятелей на другихъ поприщахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Эти-то труды византійцевъ, не смотря на массу пустословія, въ нихъ заключающагося, имѣютъ особый интересъ для современной филологіи: безъ нихъ наши свѣдѣнія о литературѣ и исторіи древнихъ грековъ были бы очень и очень ограничены; только этимъ, часто безвѣстнымъ, труженикамъ Европа обязана сохраненіемъ дорогаго наслѣдія» *).

Далеко не имѣютъ такого значенія ихъ болѣе самостоятельныя произведенія. Исторіографія, какъ было замѣчено выше, послѣ Прокофія быстро падаетъ; появляются уже и въ этомъ періодѣ общія обозрѣнія (хронографы), написанныя ужаснымъ языкомъ и заключающія въ себѣ вопіющія нелѣпости, которыя доказываютъ, что составители ихъ были лишены и подготовки, и историческаго чутья. Печальнымъ знаменіемъ времени служитъ популярность «Христіанской топографіи» Козмы Индикоплевета († около 550 г.), который, слѣдуя примѣру Лактанція, Августина, Іоанна Златоуста, задумалъ доказать не лживость, а нечестіе географической системы Птолемея и составить систему, болѣе согласную съ Библіей. По его мнѣнію, земля не шаръ, а равнина, имѣющая форму параллелограмма, одни стороны котораго вдвое длиннѣе другихъ; этотъ параллелограммъ окруженъ океаномъ, который въ четырехъ мѣстахъ входитъ въ материкъ (Средиземное и Каспійское моря, Персидскій и Аравійскій заливы); за океаномъ находится другой недоступный людямъ материкъ, въ западной части котораго помѣщается рай. Адамъ, изгнанный изъ рая, поселился на той сторонѣ океана; но во время потопа Ноевъ ковчегъ былъ отнесенъ на эту сторону. На крайнихъ предѣлахъ этой допотопной земли поднимаются сперва перпендикулярныя, а потомъ наклонныя стѣны, которыя образуютъ надъ нами сводъ— видимое небо; надъ этимъ сводомъ—жилище Господа и избранныхъ его, а надъ нимъ совершаютъ свои движенія солнце и луна. Двигаться вокругъ земли они, разумѣются, не могутъ, такъ какъ помѣщены подъ одинъ съ нею сводъ: они двигаются вокругъ громадной конической горы, находящейся на сѣверѣ; лѣтомъ солнце двигается ближе къ ея вершинѣ, которая скрываетъ его не на долго; зимою

*) Необходимо, впрочемъ, оговориться: хотя основныя черты византійской письменности складываются уже и въ этотъ періодъ, все болѣе крупное произведено въ періодѣ послѣдующемъ.

Digitized by Google

оно спускается къ нижней части конуса, отчего и происходятъ длинныя зимнія ночи и т. д.

Но и это (къ сожалѣнію, очень вліятельное въ средніе вѣка) произведеніе важно для филологовъ: Козма очень часто приводитъ отрывки изъ сочиненій затерянныхъ древнихъ географовъ.

Византійскіе стихотворцы, естественно, должны были чувствовать большую наклонность къ дидактикѣ, и дидактическія поэмы слагались по всевозможнымъ отраслямъ знанія: по астрономіи, астрологіи, географіи, даже геометріи. Чтобы назвать хоть кого нибудь по имени, упомянемъ поэта Юстиніанова времени Павла Силенціарія, описавшаго пиѳійскіе (въ Виѳиніи) минеральные источники и составившаго интересное для историковъ искусства «Описаніе великаго храма» (Софійскаго собора), и Георгія Писидца, довольно плодовитаго писателя временъ императора Ираклія (610—641); не обладая ни малѣйшей дозой поэтическаго чувства, онъ воспѣвалъ войны Ираклія съ персами и аварами, писалъ эпиграммы, нравоучительные трактаты въ стихахъ и довольно рано сложилъ проникшую въ древне-русскую письменность дидактическую поэму «Шестодневъ, или о сотвореніи міра».

Въ первой половинѣ VIII в. начинается иконоборство. Напрасно въ этой ереси мы стали бы искать раціоналистическаго, протестантскаго элемента: она исходитъ не изъ потребности прогресса въ религіозныхъ представленіяхъ, а изъ неестественнаго стремленія къ регрессу и невѣжеству. Первый двигатель дѣла, Левъ Исаврянинъ, грубый солдатъ, не понимавшій ни исторіи, ни искусства, знавшій только военную дисциплину и воображавшій, что съ любымъ преданіемъ, съ любымъ фактомъ нашей жизни, ему антипатичнымъ, можно справиться какъ съ непокорнымъ рекрутомъ. Онъ мечталъ всѣхъ вогнать въ одну шеренгу: и евреевъ, и магометанъ, и христіанъ. Иконоборцы—по преимуществу солдаты; они по принципу враги древности, враги искусства и на дѣлѣ жестокіе враги науки. Болѣе ста лѣтъ истребляются съ ожесточеніемъ памятники искусства, горятъ монастыри и въ нихъ монастырскія библіотеки; общественныя библіотеки, учебныя заведенія опустошаются и обращаются въ казармы.

Самый крупный литературный дѣятель эпохи иконоборства дѣйствовалъ уже не на греческой почвѣ, а въ мусульманской землѣ: это—Іоаннъ, прозванный Дамаскинымъ по мѣсту своего рожденія Дамаску, который съ половины VII вѣка принадлежалъ сарацынамъ. Іоаннъ родился въ послѣдніе годы VII столѣтія; отецъ его Сергій занималъ важную должность при дворѣ дамаскинскаго халифа, и сынъ послѣ его смерти унаслѣдовалъ его высокое положеніе. Когда Левъ

Digitized by Google

Исаврянинъ издалъ эдиктъ противъ почитанія иконъ, Іоаннъ сталъ обличать императора и поддерживать защитниковъ иконъ блестящими и энергическими посланіями. Онъ продолжалъ борьбу противъ иконоборства и при наслѣдникѣ Льва, Константинѣ Копронимѣ, который проклялъ его за это на соборѣ 755 года. Служба иновѣрному властителю, очевидно, стѣсняла благочестиваго и ревностнаго апологета православія; онъ покидаетъ Дамаскъ и дѣлается монахомъ въ монастырѣ св. Саввы въ іерусалимѣ; тамъ онъ и умеръ около 760 г. Его біографія написана іерусалимскимъ патріархомъ Іоанномъ въ X вѣкѣ, въ то время, когда жизнь Дамаскина въ разсказахъ его почитателей приняла легендарный и идеальный характеръ. Но легенды, сообщаемыя Іоанномъ, не имѣя историческаго значенія, интересны потому, что знакомятъ насъ съ идеалами эпохи. Біографъ разсказываетъ, что отецъ Іоанна, Сергій, долго искалъ для сына достойнаго учителя и не могъ найдти. Онъ былъ человѣкъ очень добрый и тратилъ много денегъ на выкупъ христіанскихъ плѣнниковъ. Разъ увидалъ онъ на невольничьемъ рынкѣ монаха, который обливался слезами, стоя въ ряду другихъ невольниковъ. «О чемъ ты такъ сильно плачешь, монахъ?» спросилъ Сергій. «О томъ, отвѣчалъ инокъ, что, скопивъ богатство, я долженъ умереть безъ дѣтей-наслѣдниковъ». Сергій изумился: какое богатство у нищаго невольника? «Я разумѣю духовное богатство—разъяснилъ его недоумѣніе монахъ—богатство свѣдѣній въ риторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, астрономіи, физикѣ, философіи и богословіи. Страшно предстать предъ судью Господа, не сдѣлавъ употребленія изъ его талантовъ». Этотъ монахъ Козма Калабріецъ, выкупленный Сергіемъ, и былъ учителемъ Іоанна Дамаскина. Другое преданіе, особенно распространенное, говоритъ объ отношеніяхъ Іоанна къ иконоборцамъ. Левъ Исаврянинъ, негодуя на сильное дѣйствіе посланій Іоанна, велѣлъ писцу изучить почеркъ Дамаскина и поддѣлать подъ его руку письмо къ нему, Льву, съ предложеніемъ предать Дамаскъ въ руки грековъ. Это письмо Левъ отослалъ халифу дамаскинскому; тотъ, возмущенный неблагодарностью своего приближеннаго, велѣлъ отрубить Іоанну правую руку. Искалѣченный Іоаннъ упалъ передъ образомъ Богоматери и молилъ ее оправдать его; утомленный молитвою и страданіями, онъ заснулъ. Когда онъ проснулся, рука оказалась на своемъ прежнемъ мѣстѣ; въ восторгѣ Іоаннъ сочинилъ гимнъ Богородицѣ: «О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь»; халифъ же раскаялся въ своей опрометчивости. Далѣе біографъ разсказываетъ, что Іоаннъ, отказавшись отъ службы халифу, роздалъ свое имѣніе бѣднымъ, пришелъ въ обитель Саввы и заявилъ желаніе, чтобы кто нибудь изъ монаховъ взялъ его къ себѣ подъ начало. Всѣ отказались; согласился только одинъ, не

Digitized by Google

отличавшійся ученостью, но строгой жизни старецъ. Руководитель наложилъ на Іоанна самый для него страшный искусъ—не велѣлъ ничего сочинять. Іоаннъ долго крѣпился; но вотъ одинъ изъ братіи, лишившійся близкаго человѣка, умолилъ его написать что нибудь въ утѣшеніе скорби. Іоаннъ написалъ надгробный стихъ: «Кая житейская сладость? Человѣцы, что всуе мятемся?» и т. д. Узнавъ объ этомъ ослушаніи, старецъ-руководитель выгналъ Дамаскина изъ кельи. Іоаннъ съ горькими слезами просилъ помилованія; просила за него и вся братія; суровый старецъ наконецъ согласился простить Іоанна съ тѣмъ, чтобъ онъ очистилъ своими руками всѣ нечистыя мѣста обители.

И гимнъ Богородицѣ, и надгробная пѣснь дѣйствительно принадлежатъ Дамаскину и до сихъ поръ употребляются въ восточной церкви.

Главное сочиненіе Дамаскина: «Источникъ знанія» (Πηγὴ γνώσεως) состоитъ изъ трехъ частей: 1-ая—діалектика, заключающая въ себѣ объясненіе терминовъ и опредѣленіе понятій, согласно съ отцами церкви, но по системѣ Аристотеля; 2-я—о ересяхъ—историческое развитіе православнаго догмата, изложенное главнымъ образомъ по Епифанію *); обѣ эти части составляютъ введеніе (первая діалектическое, вторая историческое) къ 3-й части—изложенію православной вѣры. Это первое полное и систематическое изложеніе вѣроученія, завершающее всю богословскую литературу предшествовавшаго періода, результатъ восьми-вѣковыхъ трудовъ и борьбы. Не говоря уже про восточную церковь, гдѣ книга эта почти тысячу лѣтъ была настольной у всякаго богослова,—благодаря ей, Дамаскинъ пользовался уваженіемъ и на Западѣ. Ѳома Аквинскій, познакомившійся съ его богословіемъ въ латинскомъ переводѣ, называетъ его отцемъ схоластики. Въ этой книгѣ мало самостоятельнаго; да авторъ и не имѣлъ въ виду создавать свою систему, производить что либо новое; онъ желалъ изложить установившіяся мнѣнія, давъ имъ систему и стройность. Изъ полемическихъ его сочиненій первое мѣсто занимаютъ три посланія противъ иконоборцевъ; слабѣй его «Разговоръ сарацына съ христіаниномъ». Ему же принадлежатъ многіе полемическіе трактаты противъ манихеевъ, монофизитовъ, монофелитовъ; рядъ каноновъ пасхальныхъ, родъ богословскаго лексикона и много гимновъ. Потомки, восхищавшіеся его сочиненіями, назвали его «Златоструйнымъ» (Χρυσορρόας), и это прозвище, также какъ и эпитетъ Златоустъ, пріобрѣло нарицательное значеніе въ нашей до-петровской литературѣ.

Сейчасъ же по окончаніи ужаснаго для науки и литературы пе-

*) Историкъ ересей IV вѣка.

Digitized by Google

ріода иконоборства, являются попытки поднять упавшее образованіе. Министръ Михаила III, Бардасъ, человѣкъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойный висѣлицы, дѣятельно хлопочетъ объ открытіи новыхъ школъ и поддержаніи старыхъ, и въ самомъ Константинополѣ основываетъ императорскій институтъ—свѣтское высшее училище: очевидно, близится время Фотія, блестящій періодъ византійской литературы.

Въ то время какъ столица Восточной имперіи деньгами, коварной политикой и своимъ выгоднымъ положеніемъ съ успѣхомъ спасалась отъ варваровъ, покинутый христіанскими императорами Римъ послѣдовательно дѣлался добычей вестготовъ, вандаловъ, геруловъ, остготовъ. Варвары разнесли по кускамъ наслѣдіе Августа и, казалось, въ потокахъ крови затушили свѣточъ цивилизаціи. Но, разрушая старое зданіе, они тѣмъ самымъ расчищали безсознательно мѣсто для постройки новаго; великій архитекторъ—исторія—изъ камней и колоннъ колизеевъ выстроилъ въ свое время готическій соборъ и стѣны вольныхъ городовъ.

Въ то время, какъ въ Византіи все еще продолжали упражняться въ стихотворствѣ по образцамъ классическимъ, толковали древнихъ и дѣлали изъ нихъ извлеченія, литература западной Европы успѣла изъ антично-римской превратиться въ строго-христіанскую, а потомъ и въ узко-церковную; удержавъ, что̀ оказалось потребнымъ для обихода изъ наслѣдія римскаго, она переработала удержанное въ энциклопедіи и учебники и приспособила къ новымъ цѣлямъ. Затѣмъ, воспринявъ въ себя новые элементы отъ германцевъ, латинская литература отродила отъ себя національныя: германскія и романскія, а сама зажила бурной жизнью воинственной схоластики. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди; въ этой главѣ мы разскажемъ только о томъ, какъ постепенно вымирали усвоенныя на первое время римскимъ христіанствомъ идеи и формы античной поэзіи и выработывались характерныя черты средневѣковой церковной науки и литературы.

Время отъ половины V-го до конца VIII вѣка — самый печальный, безжизненный періодъ среднихъ вѣковъ: при поверхностномъ обзорѣ можетъ показаться, что это мертвый періодъ, не заслуживающій изученія. Но для пониманія исторіи изученіе переходныхъ періодовъ, насколько бы разрушеніе, повидимому, ни преобладало въ нихъ надъ созиданіемъ, представляетъ особый интересъ.

Между умственной и политической жизнью этого періода, разумѣется, существуетъ тѣснѣйшая связь. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это было время окончательнаго разрушенія стараго порядка и подгото-

Digitized by Google

вительныхъ работъ для сложенія новаго. Попадаетъ въ руки варваровъ франковъ Суассонъ, послѣдній городъ, признававшій власть римскаго префекта; допѣваютъ свои метрическія оды послѣдніе поэты язычества. Слагаются сильныя католическія государства франковъ и англосаксовъ; слагаются основы новой науки—католической теологіи; возникаетъ монастырская школа; жизнь новыхъ государствъ, подчиненныхъ римской церкви, находитъ себѣ выраженіе въ новой формѣ—полуцерковной исторіографіи. Короли новыхъ государствъ перестаютъ признавать авторитетъ восточнаго императора; подготовляется раздѣленіе церквей; литература порываетъ связь съ Византіей; греческій языкъ забывается. Однообразное германство разлагается постепенно на національности, которымъ предстоитъ обособиться только въ слѣдующемъ періодѣ; подготовляется обособленіе языковъ, и въ неграмотной массѣ выработываются сюжеты національныхъ эпосовъ.

Послѣ паденія Западной римской имперіи не сейчасъ наступаетъ переворотъ въ литературныхъ формахъ и идеяхъ. Періодъ отъ половины V-го вѣка до Карла Великаго распадается въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, на два неравныя части: до 40-хъ годовъ VI столѣтія еще продолжается борьба варварства съ одной стороны, христіанства съ другой—противъ умирающей античной цивилизаціи. Италіей владѣютъ культурнѣйшіе изъ варваровъ—готы, которые благоговѣютъ передъ цивилизаціей; въ провинціяхъ еще стоятъ основанные римлянами города и дѣйствуютъ римскіе законы; въ умственной жизни, хотя и на съуженной нашествіемъ аренѣ, доживаютъ свой вѣкъ старыя формы, вырождаясь постепенно и незамѣтно.

Съ 40-хъ годовъ VI вѣка разоренная двадцати-лѣтнею готскою войной, Италія пустѣетъ и дичаетъ, а пятнадцать лѣтъ спустя попадаетъ во власть нерманизированныхъ варваровъ; въ провинціяхъ изчезаютъ послѣдніе остатки древне-римской культуры, замѣняемой христіанскою; риторскія школы замѣняются монастырскими. Окончательная побѣда новаго обошлась человѣчеству не дешево: его производительныя силы на время ослабѣли, и въ продолженіи всего VII вѣка западная Европа погружена въ глубокую умственную спячку; научныя преданія сохраняются только на Британскихъ островахъ, въ Ирландіи и въ Англіи.

Сперва отмѣтимъ нѣсколько характерныхъ явленій первой эпохи. Мы считаемъ особенно достойными вниманія факты двухъ категорій: во 1-хъ, проявленія борьбы двухъ міровоззрѣній и попытки слить новое христіанское содержаніе съ античными формами и преданіями, и во 2-хъ, факты, прокладывающіе мостъ отъ древней науки къ средневѣковой схоластикѣ и мистикѣ. Разумѣется, нельзя пройти

Digitized by Google

молчаніемъ и произведенія, которыя удачнѣе и живѣе другихъ воспроизводятъ черты быта и нравовъ этой революціонной эпохи.

Еще къ половинѣ V-го вѣка относятся двѣ эпическія поэмы сходнаго содержанія, которыя свидѣтельствуютъ о желаніи создать христіанскій эпосъ, неуступающій по художественности формъ языческому. Первая изъ нихъ—«Metrum in Genesin» [1])—заключаетъ въ себѣ очень свободно составленное, подъ вліяніемъ «Метаморфозъ» Овидія, изложеніе Книги Бытія. Авторъ второй—Марій Викторъ, излагая туже книгу, позволяетъ себѣ относиться къ источнику еще свободнѣе, съ такою же свободой, съ какою языческій поэтъ относился къ греческому миеу: онъ дополняетъ и украшаетъ разсказъ вымышленными подробностями [2]). Марій Викторъ—марсельскій риторъ. Другой христіанскій поэтъ, Седулій, какъ мы узнаёмъ изъ прозаическаго предисловія, предпосланнаго имъ своей «Пасхальной поэмѣ», сперва былъ свѣтскимъ, т.-е. языческимъ поэтомъ; обратившись на путь вѣры, онъ рѣшилъ излагать религіозныя истины стихами, «такъ какъ есть много людей, которыхъ свѣтская наука привлекаетъ поэтическими красотами и прелестью стихотворной формы». Такимъ образомъ Седулія руководила таже идея, что и автора поэмы о страждущемъ Христѣ, и, какъ увидимъ впослѣдствіи, нѣмецкую монахиню Росвиту—желаніе отвратить христіанъ отъ чтенія опасныхъ для спасенія души языческихъ поэтовъ.

Седулій, стремясь отнять читателей у Виргилія, позволяетъ себѣ пользоваться его выраженіями и даже присвоивать цѣлые стихи. Содержаніе его пасхальной поэмы—чудеса Христа (Христосъ—наша Пасха). Факты евангелія онъ предполагаетъ извѣстными—ясный знакъ, что онъ пишетъ не для массы, а для избранной публики. Седулій вообще характерное явленіе своего времени: онъ очень любитъ отыскивать довольно неожиданныя сопоставленія въ числахъ и давать мистическія толкованія событіямъ евангельскимъ; такъ четырехъ евангелистовъ онъ ставитъ въ соотвѣтствіе съ четырьмя временами года; три часа, въ продолженіи которыхъ омрачилось солнце при смерти Спасителя,—съ тремя днями, которые пробылъ онъ въ гробу и т. д. Другая черта времени—крайняя искусственность: отъ него дошла до насъ элегія, заключающая въ себѣ 55 двустишій съ такъ-называе-

[1]) Приписывается какому-то Гиларію.

[2]) Одна изъ удачнѣйшихъ вставокъ—пожаръ послѣ грѣхопаденія. Прародители бродятъ по лѣсу, страдая отъ голоду, но не умѣя взяться за работу; является змѣя; Ева убѣждаетъ Адама убить ее, и оба начинаютъ бросать въ нее камни. Змѣя ускользнула, но одинъ камень ударилъ въ кремень; отскочившая искра зажгла лѣсъ. Съ ужасомъ и удивленіемъ глядятъ на огонь прародители. Пожаръ, отъ котораго сгорѣли даже корни деревьевъ, обнажилъ лоно земли и ея сокровища. Пошелъ дождь, и удобренная золою земля дала первую богатую жатву.

Digitized by Google

мымъ *эпаналепсисомъ*, т.-е. съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же выраженій въ началѣ и въ концѣ каждаго двустишія; цѣль элегіи—сопоставленіе параллельныхъ чертъ въ событіяхъ ветхаго (1-ая половина двустишія) и новаго (2-ая половина) завѣтовъ. Напримѣръ:

Черезъ одну жену вошла въ міръ смерть (Евву)
Жизнь вернулась черезъ одну жену [1]) (Богородицу).

Ему же принадлежитъ *алфавитный* гимнъ Христу, въ которомъ начальныя буквы строфъ расположены въ азбучномъ порядкѣ.

Сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ были тогда въ модѣ; на нихъ выказывалъ свою находчивость не одинъ Седулій; немного позднѣе его, нѣкто Элпидій проводитъ, между прочимъ, такія параллели: змѣй соблазняетъ Евву—ангелъ благовѣствуетъ Маріи; прародителей изгоняютъ изъ рая—разбойника вводятъ въ рай; звѣри въ ковчегѣ Ноя—гады въ видѣніи апостола Петра; вавилонское смѣшеніе языковъ—даръ языковъ, сообщенный св. Духомъ апостоламъ, и т. д.

Свѣтская ученость служитъ для украшенія священныхъ сюжетовъ и у поэта Эмилія Драконтія, біографія котораго, извѣстная намъ главнымъ образомъ по его же произведеніямъ, бросаетъ свѣтъ на отношенія латинскихъ поэтовъ эпохи къ властителямъ изъ варваровъ. Драконтій—африканскій аристократъ, оставшійся богатымъ человѣкомъ и при вандалахъ. Онъ занималъ важную должность, жилъ въ роскоши и удовольствіи, окруженный родными и друзьями, какъ вдругъ король Гунтамундъ велитъ наказать его тѣлесно, лишить имѣнія и посадить въ тюрьму. Вина Драконтія, повидимому, была въ томъ, что онъ высказывалъ въ стихахъ сочувствіе византійскому императору и не воспѣвалъ своихъ государей [2]). Въ тюрьмѣ Драконтій покаялся: онъ обѣщаетъ королю воспѣть его отца и дѣда (а этотъ дѣдъ былъ вандалъ Гензерихъ!), если король уподобится богу по милосердію и сжалится надъ преступникомъ. Его стихотворное моленіе (Satisfactio), кажется, не имѣло успѣха. Крупнѣйшее произведеніе Драконтія—«О богѣ» (De deo), въ трехъ книгахъ; изъ нихъ первая, имѣющая предметомъ сотвореніе міра, подъ названіемъ «Шестоднева» (Hexaemeron), впослѣдствіи переписывалась и печаталась отдѣльно. Драконтій тоже позволяетъ себѣ дѣлать прибавки къ библейскому разсказу; напр. онъ изображаетъ радостное удивленіе прародителей при вторичномъ восходѣ солнца, котораго они не ожидали. Чтобъ убѣдить читателей въ искренней готовности Авраама принести въ жертву сына, Драконтій припоминаетъ Креона, Кодра, Леонида и пр.

[1]) Sola fuit mulier, patuit qua janua leto;
Et qua vita redit—sola fuit mulier.

[2]) Culpa mihi fuerat dominos reticere modestos
Ignotumque mihi scribere (sic) vel dominum.

Digitized by Google

Любопытная черта времени—крайній пессимизмъ автора. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ человѣка: человѣкъ—величайшее зло, нарушитель закона, деракій изобрѣтатель преступленій и злодѣйствъ, врагъ всѣмъ и себѣ самому. Человѣкъ, по его мнѣнію, хуже всѣхъ хищныхъ животныхъ: тѣ хоть другъ друга не трогаютъ; тигрица по естественному закону защищаетъ дѣтей своихъ, а среди человѣческаго общества все возможно, и мать можетъ лишить жизни своего ребенка.

Еще интереснѣй для знакомства съ эпохой автобіографія Павлина изъ Пеллы *), написанная имъ въ 465 году. Павлинъ—писатель другаго пошиба, нежели Марій Викторъ и Седулій; его рѣчь проще, безъискусственнѣе, неправильнѣе, но зато искреннѣе; онъ самъ извиняется за необработанность своего стиха. Онъ родился въ Иллиріи, гдѣ отецъ его состоялъ префектомъ, жилъ нѣкоторое время въ Кареагенѣ, потомъ еще ребенкомъ переѣхалъ въ Бордо, въ домъ своего знаменитаго дѣда Авзонія. Свое образованіе онъ началъ съ Гомера, такъ какъ греческій языкъ былъ для него роднымъ, потомъ обратился къ Виргилію. Свѣтская наука не привлекала его симпатій: онъ жалуется, что родители помѣшали ему посвятить себя монашеской жизни, къ которой онъ съ дѣтства чувствовалъ призваніе. На 16-мъ году болѣзнь заставила его прекратить ученіе; по совѣту врачей, онъ отдался развлеченіямъ, доступнымъ молодому аристократу того времени: игрѣ въ мячъ, охотѣ съ соколами, интригамъ съ рабынями и пр. На 20-мъ году онъ женился на благородной, но бѣдной дѣвушкѣ. Онъ жилъ богато, не заботясь объ общественныхъ дѣлахъ; обширный домъ, роскошный столъ, масса слугъ, изящная мебель, экипажи, лошади—все было къ его услугамъ. Когда ему пошелъ 30-й годъ, въ судьбѣ его произошла рѣзкая перемѣна: отецъ его умеръ; страну опустошили варвары (готы Атаульфа въ 412 году); братъ Павлина затѣялъ съ нимъ процессъ изъ-за наслѣдства; похититель престола Атталъ насильно сдѣлалъ его хранителемъ своей несуществующей казны. Ограбленный готами, едва избѣжавъ смерти вслѣдствіе возстанія рабовъ, онъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ міра; но его удержала мысль о семьѣ. Пятнадцать лѣтъ провелъ онъ тихо и мирно, занимаясь богословіемъ; въ это время у него умерли мать и жена; сыновья пошли своей дорогой; онъ жилъ въ страшной бѣдности, какъ вдругъ неожиданно получилъ отъ одного гота старый и забытый долгъ. Поэма написана имъ съ цѣлью возблагодарить Создателя, какъ за это, такъ и за всѣ прочія благодѣянія. Она—искреннее выраженіе чувства не мудраго ритора, а простаго сердцемъ христіанина.

*) Eucharisticon Deo, sub ephemeridis meae textu.

Digitized by Google

Столь же искренно проникнутъ христіанскою идеей писатель, болѣе даровитый, болѣе наблюдательный, способный къ болѣе широкой постановкѣ историческихъ вопросовъ, Сальвіанъ, священникъ массилійскій (марсельскій). Около половины V вѣка онъ издалъ въ свѣтъ книгу «Объ управленіи Божіемъ» (De gubernatione Dei)—противъ отчаявшихся въ благости божіей. Въ это время многіе нетвердые въ вѣрѣ христіане, въ виду ужасовъ переживаемаго ими варварскаго нашествія, усомнились въ божественной справедливости: зачѣмъ же Богъ допускаетъ, чтобы вѣрные ему испытывали такія ужасныя бѣдствія? Въ основѣ возраженія Сальвіана—софизмъ: страдаютъ ли добрые христіане, или дурные? спрашиваетъ онъ. Если добрые, то страданіе на землѣ должно быть для нихъ источникомъ блаженства; а если дурные, то они лучшаго и не заслуживаютъ. Книга Сальвіана важна въ историческомъ отношеніи: чтобы мотивировать нашествіе варваровъ, онъ рисуетъ ужасающую картину жизни даже христіанской части римскаго общества наканунѣ этого нашествія; между прочимъ онъ ставитъ въ вину ему нехристіанское обращещеніе съ рабами. Сальвіанъ возвышается до уразумѣнія историческаго значенія германцевъ, за которыми, не смотря на ихъ невѣжество и еретичество, признаетъ болѣе ясное пониманіе началъ гуманности.

Далеко не такъ опредѣленно выражается христіанская идея въ произведеніяхъ двухъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ того времени: Аполлинанарія Сидонія и Эннодія. Не смотря на занимаемыя ими высокія церковныя должности, они являются въ литературѣ представителями двоевѣрнаго, языческо-христіанскаго направленія. Кай Соллій Аполлинарій Сидоній *) родился въ Ліонѣ, въ 430 г.; онъ принадлежалъ къ знатной галло-римской фамиліи, которая уже въ третьемъ поколѣніи исповѣдывала христіанство. Онъ получилъ прекрасное риторическое образованіе, и юность посвятилъ моднымъ учено-литературнымъ забавамъ, въ которыхъ содержаніе приносилось въ жертву формѣ: уже съ дѣтства онъ писалъ гладкіе стихи и потому считался геніальнымъ ребенкомъ. 26 лѣтъ отъ роду онъ сочинилъ панегирикъ своему тестю, императору Авиту, и признательные римляне воздвигли юному галлу статую на Траяновой площади. Авитъ въ томъ же году лишился престола; Сидоній сперва возсталъ противъ смѣстителя его, Майоріана; а когда возставшіе были побѣждены, Сидоній приподнесъ и ему стихотворный панегирикъ, за который получилъ не только прощеніе, но и благосклонность императора; панегириками же добивался онъ милости у вестготскаго короля Теодориха II и у императора Антемія, который сдѣлалъ его римскимъ префектомъ. Въ 472 г. его, какъ

*) О немъ см. изслѣдованіе проф. Ешевскаго: К. С. Аполлинарій Сидоній. М. 1855, и въ „Сочиненіяхъ", т. II.

Digitized by Google

самаго знатнаго и важнаго въ округѣ человѣка, выбрали епископомъ овернскимъ *). Казалось бы, какой епископъ можетъ выдти изъ этого политическаго флюгера, преданнаго исключительно удовольствіямъ и считавшаго важнѣйшимъ дѣломъ кропаніе стихотворныхъ панегириковъ? Но избиратели знали, что дѣлали: въ то время, чтобы быть хорошимъ епископомъ, не требовалось богословскаго образованія, не требовалось даже большаго благочестія; нужны были авторитетность, знаніе свѣта, политическая ловкость и добрая воля; ни въ чемъ этомъ у Сидонія не оказалось недостатка, и онъ умеръ въ 487 г., по словамъ Григорія Турскаго, горько оплакиваемый своею паствой.

Сидоній писалъ чрезвычайно много **). Хотя и въ его стихотвореніяхъ встрѣчаются интересныя бытовыя картинки и подробности, для историка всего важнѣе его многочисленныя письма, весьма обстоятельно изображающія жизнь галльскихъ аристократовъ того времени. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что письма Сидонія дошли до насъ не въ томъ видѣ, какъ они были написаны къ разнымъ лицамъ по разнымъ поводамъ; многія изъ нихъ были сочинены Сидоніемъ исключительно для публики; иныя выдуманы только какъ поводъ привести стихотвореніе или рѣчь; другія были передѣланы въ то время, когда Сидоній задумалъ выпустить въ свѣтъ свой сборникъ.

Его стихотворныя произведенія—вѣрное выраженіе литературнаго вкуса эпохи; въ нихъ чувство и воображеніе не при чемъ; все искусственно, выдумано, преукрашено риторикой; форма крайне вычурна: часто встрѣчается аллитерація. Не смотря на то, что авторъ—христіанинъ, античный Олимпъ постоянно на сценѣ; но на немъ, рядомъ съ богами, почти всегда аллегорическія фигуры. Вотъ для образца содержаніе его панегирика Авиту. Въ началѣ описывается собраніе боговъ, созванное Юпитеромъ; передъ нимъ, въ качествѣ просителя, является Римъ съ согбенной спиной; онъ едва въ силахъ поднять щитъ и копье; упавъ къ ногамъ Юпитера, Римъ изображаетъ свое жалкое положеніе и умоляетъ боговъ спасти его; онъ погибъ, если Галлія не вышлетъ ему новаго Траяна. Юпитеръ утѣшаетъ его извѣстіемъ, что изъ Оверни явится спаситель въ лицѣ Авита, который еще отъ колыбели былъ предназначенъ къ престолу; затѣмъ авторъ заставляетъ Юпитера разсказывать подвиги Авита, разумѣется, дѣлая изъ мухи слона. Въ его свадебныхъ стихотвореніяхъ на сценѣ почти всегда Венера и Амуръ. Сдѣлавшись епископомъ, Сидоній

*) *Urbs Arverna*, нынѣ Clermond-Ferrand.

**) *C. S.* Sidonii opera, Sirmondi cura et stud. 2-е изд. Paris 1652. Новѣйшее изданіе *Eugène Baret*. Oeuvres de Sidoine Apollinaire, texte latin.

Digitized by Google

счелъ долгомъ отказаться отъ продолженія своей поэтической карьеры и далъ обѣтъ не писать стиховъ, разумѣется, исключая духовныхъ, число которыхъ сравнительно невелико; въ нихъ нѣтъ миѳологіи, но по риторичности и искусственности они не уступаютъ его свѣтской поэзіи.

И такъ, Сидоній признавалъ несоотвѣтственность духовнаго сана съ подражаніемъ языческимъ поэтамъ: Эннодій въ тяжелую минуту жизни тоже далъ обѣтъ отказаться отъ свѣтской поэзіи, но тѣмъ не менѣе, уже будучи дьякономъ, выводитъ въ одномъ свадебномъ стихотвореніи Венеру и Амура, полемизирующаго съ Дѣвственностью; въ панегирикѣ, обращенномъ къ одному духовному лицу, онъ не считаетъ неприличнымъ взывать къ Орфею: очевидно, образы классической миѳологіи становятся условнымъ поэтическимъ украшеніемъ. Эннодій родился въ Арлѣ около 473 г. и, по собственному сознанію, велъ жизнь далеко не безупречную. Тяжелая болѣзнь заставила его раскаяться. Онъ былъ дьякономъ въ Миланѣ, потомъ епископомъ въ Павіи; быстрымъ своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ, повидимому, славѣ искуснаго ритора; онъ умеръ въ 521 г. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ даже и тѣхъ достоинствъ, въ которыхъ нельзя отказать Сидонію: чувства мѣры и приличія. Стихотворенія Эннодія и тривіальны, и надуты; однѣ изъ его эпиграммъ (всѣхъ 151) обращены къ епископамъ и святымъ; многія изъ нихъ могутъ служить надписями къ церковнымъ постройкамъ, базиликамъ и баптистеріямъ; другія—въ стилѣ Марціаловыхъ эпиграммъ, противъ евнуховъ, противъ похотливыхъ старухъ и пр. Тоже смѣшеніе двухъ элементовъ мы находимъ и въ прозѣ Эннодія: большая часть его «Dictionum» (Образцовыя рѣчи) написана на темы изъ римской исторіи и античной миѳологіи, но рядомъ стоитъ и вступительная рѣчь епископа. Любопытна для характеристики умственнаго развитія эпохи его «Paraenesis didascalica», написанная по просьбѣ двухъ молодыхъ друзей въ поученіе юношеству. Форма ея—любимая форма дидактики переходныхъ эпохъ—проза, смѣшанная со стихами. Первая обязанность христіанина, говоритъ въ началѣ «Паренезиса» Эннодій,—любовь къ Богу и ближнему; во главѣ всѣхъ добродѣтелей стоятъ Стыдливость, Вѣрность и Цѣломудріе; авторъ выводитъ ихъ на сцену и влагаетъ имъ въ уста стихотворенія разнообразной формы. Но добродѣтели должны быть украшены изученіемъ свободныхъ искусствъ; изъ нихъ прежде всего рекомендуется Грамматика, подготовляющая къ Риторикѣ; послѣдняя есть вѣнецъ знанія, мать піитики, юриспруденціи, діалектики, ариѳметики. Риторика опредѣляетъ свою силу и значеніе тѣмъ, что съ нею бѣлое становится чернымъ и черное бѣлымъ.

Digitized by Google

«Кто мнѣ посвятилъ себя, говоритъ она: тотъ владѣетъ міромъ».

Отъ Эннодія осталось два житія, изъ которыхъ важно для историковъ житіе Епифанія, его предшественника по епископской каѳедрѣ. Съ историко-литературной точки зрѣнія оно важно въ томъ отношеніи, что герой изображается, главнымъ образомъ, какъ *политическій* дѣятель, и авторъ украшаетъ житіе вымышленными, риторически-построенными рѣчами.

Чтобы покончить съ этимъ періодомъ, остается сказать объ энциклопедистахъ этого времени, строившихъ мостъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ, собиравшихъ въ своихъ сочиненіяхъ «выжимки» античной культуры, которыя и составили умственную пищу многихъ послѣдующихъ поколѣній, о Боэціѣ и Кассіодорѣ; но ихъ значеніе не можетъ быть оцѣнено по достоинству, если мы не заглянемъ назадъ и не упомянемъ объ ихъ предшественникѣ, неоплатоникѣ Марціанѣ Капеллѣ, произведеніе котораго: «О бракѣ Филологіи и Меркурія» (9 книгъ, написано между 410 и 427 годами), имѣло, безспорно, вліяніе на Боэція и, наряду съ сочиненіемъ послѣдняго, изучалось и комментировалось въ средніе вѣка.

Форма сочиненія Марціала—проза, смѣшанная со стихами. Фабула въ короткихъ словахъ такова: Меркурій задумалъ жениться; по совѣту Аполлона, онъ выбралъ въ невѣсты Филологію, мудрую дѣву, знающую все земное и надземное (стало быть, не то, что мы подразумѣваемъ подъ филологіей, а энциклопедію, сумму всѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются изъ книгъ). Юпитеръ колеблется, дать ли сыну разрѣшеніе на такой бракъ; по совѣту Паллады, собираютъ на совѣщаніе всѣхъ боговъ (между ними много аллегорическихъ фигуръ: Здоровье, Быстрота и т. д.; изъ собранія изгоняются Несогласіе и Бунтъ), и боги изъявляютъ согласіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы невѣста была возведена въ санъ богини. Во второй книгѣ передъ нами на сценѣ невѣста; она согласилась выдти замужъ за Меркурія потому, что сочетаніе цифръ, составляющихъ имя ея и жениха, предвѣщаетъ благополучный бракъ. Ее снаряжаютъ къ вѣнцу; Музы прославляютъ ее; являются съ поздравленіями три Граціи и четыре почтенныя матроны —четыре кардинальныя добродѣтели. Аѳанасія *) поитъ ее изъ кубка безсмертія, и невѣста въ носилкахъ отправляется на небо. Тамъ встрѣчаетъ ее Юнона pronuba, которая знакомитъ ее съ устройствомъ неба и ведетъ черезъ кругъ планетъ на млечный путь, гдѣ находится дворецъ Юпитера. Всѣ боги уже собрались; въ числѣ ихъ находится и женихъ. Мать невѣсты желаетъ, чтобъ были представлены брачные подарки. Фебъ встаетъ и выводитъ по очереди на сцену семь дѣвъ, ко-

*) Безсмертіе.

Digitized by Google

торыя принадлежатъ къ числу этихъ подарковъ: это семь свободныхъ искусствъ. Въ слѣдующихъ семи книгахъ выходятъ онѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ составлялись впослѣдствіи знаменитыя trivium и quadrivium: Грамматика, Діалектика, Риторика, Геометрія *), Ариѳметика, Астрономія и Гармонія (Музыка); каждая изъ нихъ является съ своими аллегорическими аттрибутами и излагаетъ сущность своей науки. Хотя эти семь книгъ представляютъ не что иное, какъ конспектъ знаній того времени, слѣдовательно, носятъ характеръ строго-научнаго сочиненія, фабула не забыта: божественные слушатели дѣлаютъ свои замѣчанія и временами довольно осязательно выражаютъ свою скуку. Двѣ послѣднія науки: Медицина и Архитектура, даже и не были допущены въ собраніе по недостатку времени. Къ вечеру, подъ пѣснь Гармоніи, жениха и невѣсту уводятъ на брачное ложе.

Переполненное аллегоріей и символами, произведеніе Капеллы оказало довольно сильное вліяніе на средневѣковое искусство.

Боэцій родился около 480 года; онъ происходилъ изъ благородной, издавна христіанской фамиліи и получилъ по тому времени превосходное образованіе. По-гречески онъ зналъ въ совершенствѣ **). Въ 510 году, стало быть, около 30 лѣтъ отъ роду, онъ уже былъ консуломъ. Благодаря своему краснорѣчію и чрезвычайно обширнымъ научнымъ свѣдѣніямъ, онъ сталъ близкимъ къ Теодориху человѣкомъ и важнымъ политическимъ дѣятелемъ. Но вскорѣ его заподозрѣли въ слишкомъ сильной симпатіи къ Византіи (его обвиняли даже въ участіи въ заговорѣ противъ Теодориха), и онъ подвергся опалѣ; личные враги присоединили къ этому обвиненіе въ волшебствѣ. Онъ былъ заключенъ въ тюрьму, и товарищи-сенаторы осудили его на смерть. Въ 525 году онъ былъ мучительно казненъ; преданіе связало его смерть съ преслѣдованіемъ православныхъ и сдѣлало его христіанскимъ мученикомъ, какимъ его и почитаютъ въ верхней Италіи.

Литературная дѣятельность Боэція, главнымъ образомъ, была посвящена переводамъ съ греческаго и толкованію произведеній греческихъ философовъ и ученыхъ: онъ много перевелъ изъ Аристотеля и Платона; перевелъ астрономію Птолемея, обработалъ ариѳметику Никомаха, геометрію Эвклида и по греческимъ источникамъ составилъ пять книгъ о музыкѣ; такимъ образомъ, онъ является посредникомъ между Греціей и средними вѣками. Но онъ послужилъ цивилизаціи не только какъ компиляторъ и переводчикъ: написанное имъ въ тюрьмѣ оригинальное сочиненіе, отличающееся замѣча-

*) Въ ней заключается и географія.

**) Крамеръ (De graecis Medii Aevi studiis 1848) называетъ его и Кассіодора послѣдними греками. При дворѣ Теодориха вообще процвѣтала античная образованность; даже дочь короля Амалазунта „graece et latine eruditissima erat“.

Digitized by Google

тельной простотой и изяществомъ формы: «Объ утѣшеніи философіи» (Consolatio philosophiae), распространенное въ средніе вѣка въ безчисленномъ множествѣ списковъ и изданное еще въ 1501 году, послужило побужденіемъ и образцомъ для спекулятивнаго, не узко-церковнаго мышленія.

Форму—смѣсь прозы и стиховъ—Боэцій заимствовалъ отъ Марціана Капеллы. Оплакавъ свое несчастіе въ прелестной и прочувствованной элегіи, авторъ разсказываетъ, что ему въ тюрьмѣ предстала величественная жена чуднаго, измѣнчиваго вида: то она не превышала обыкновеннаго человѣческаго роста, то возвышалась головой за облака; на ея платьѣ внизу была выткана греческая буква π, а на верхней θ (практическая и теоретическая мудрость). Увидавъ Музъ, окружавшихъ ложе больнаго автора, она прогнала ихъ прочь: онѣ-де только поддерживаютъ болѣзнь сладкимъ ядомъ, но не излѣчиваютъ ея. Открывъ свое имя, она, какъ разумный медикъ, подвергаетъ больнаго распросамъ, изъ которыхъ оказывается, что причина его страданія не внѣшняя, а внутренняя: онъ находится во власти ничтожныхъ аффектовъ и не знаетъ ни себя, ни цѣли сущаго; но онъ признаётъ, что міромъ управляетъ Богъ, а не случай, и это подаетъ нѣкоторую надежду на выздоровленіе (1-я книга). Затѣмъ философія начинаетъ свое лѣченіе: Отъ чего страдаетъ Боэцій? Фортуна обратилась къ нему спиной; но развѣ онъ имѣлъ право разсчитывать на ея постоянство? Всѣмъ, что у него было, онъ владѣлъ по милостивому произволу Фортуны, и если онъ сочтетъ, что̀ видѣлъ отъ нея добраго и что̀ дурнаго, онъ долженъ признать себя скорѣй счастливцемъ, чѣмъ несчастнымъ. Его могла поразить только внезапность перемѣны; но вѣдь онъ потерялъ наименѣе цѣнныя блага, а лучшее: жена, дѣти, тесть *), истинные друзья, у него остались. Мало того, Фортуна, даже и обращаясь къ нему спиной, оказываетъ ему благодѣяніе: она показала ему въ настоящемъ свѣтѣ цѣну этихъ положительныхъ благъ (2-я книга). Въ 3-й книгѣ Философія даетъ больному, подкрѣпленному предъидущимъ лѣченіемъ, болѣе сильное лѣкарство. Къ чему всѣ люди стремятся? Къ совершенному счастію, къ блаженству (beatitudo). Въ чемъ состоитъ оно? Каждый понимаетъ его по-своему: одинъ видитъ его въ богатствѣ, другой въ почестяхъ и т. д. Доказавъ ложь такихъ опредѣленій, Философія разъясняетъ, что блаженство заключается въ самомъ Богѣ, который всеблаго управляетъ міромъ. Зла не существуетъ, ибо Богъ, который все можетъ сдѣлать, не можетъ сдѣлать зла. Эта книга заканчивается небольшой поэмой, излагающей исторію Орфея и Эвридики. Смыслъ миѳа таковъ: кто стремится къ свѣту, тотъ не долженъ огляды-

*) Онъ былъ женатъ на дочери консула Симмаха.

Digitized by Google

ваться на адскую тьму; иначе онъ потеряетъ драгоцѣннѣйшія блага. На возраженіе Боэція: какимъ же образомъ въ этомъ управляемомъ всеблагимъ Богомъ мірѣ добрые побѣждаются злыми, Философія отвѣчаетъ: это ложь; злые ничего не могутъ, потому что зло—ничто, а добрые имѣютъ неограниченную силу, потому что они имѣютъ силу достигать блаженства; они могутъ дѣлаться *богами* (IV, 3); злые же и на землѣ унижаются до степени животныхъ, а по смерти имъ предстоитъ наказаніе. Даже съ точки зрѣнія того, что толпа называетъ счастіемъ (fortuna popularis), все, что случается,—благо; для здоровья души иногда нужно счастіе, а иногда несчастіе; какъ храбрый воинъ, истинный мудрецъ долженъ радоваться, когда судьба зоветъ его на бой (4-я книга).

На вопросъ Боэція, существуетъ ли случай вообще, Философія (слѣдуя Аристотелю) разъясняетъ ему, что случаемъ называется непредвидѣнное и неожиданное сцѣпленіе причинъ, неизбѣжное столкновеніе которыхъ есть дѣло Провидѣнія. За этимъ слѣдуетъ естественный вопросъ: въ чемъ же состоитъ свобода нашей воли, когда все предусмотрѣно Провидѣніемъ, когда все, что случается, необходимо должно случиться? На это Философія отвѣчаетъ: Богъ стоитъ внѣ времени и все для него является настоящимъ; Богъ не знаетъ будущаго, потому что для него нѣтъ будущаго. Какъ для человѣка не поднимается вопроса о неизбѣжности того, что онъ видитъ, какъ настоящее, такъ и божественное Провидѣніе не можетъ связывать свободу воли. Философія заканчиваетъ увѣщаніемъ — возложить на Бога всѣ надежды, къ нему обращать всѣ мольбы и, не забывая, что онъ вѣчно видитъ насъ, избѣгать порока и служить добродѣтели.

Боэцій, какъ видно даже изъ этого краткаго изложенія его задушевнаго произведенія, былъ теоретикъ, философъ вполнѣ; съ теоретической стороны усвоилъ онъ и христіанство, какъ философско-нравственное ученіе; не смотря на свою прочную связь съ средними вѣками, онъ, по складу ума и дѣятельности, скорѣй завершаетъ старый міръ, нежели начинаетъ новый; въ ряды героевъ античнаго міра ставитъ его и граждански-мученическая смерть въ цвѣтѣ силъ. Его современникъ, другой «двуликій Янусъ»—Кассіодоръ — во многихъ отношеніяхъ полная ему противуположность; цѣль его — не наука, а только образованіе; онъ не переводитъ и не комментируетъ древнихъ, а составляетъ изъ нихъ краткіе, удобные для усвоенія, конспекты, цѣль которыхъ служебная—подготовлять человѣка къ занятію богословіемъ; онъ заканчиваетъ жизнь въ тиши монастырской кельи; отъ него ведутъ начало монастырскія библіотеки и монастырскія школы.

Кассіодоръ родился около 477 года; отецъ его занималъ важное

Digitized by Google

мѣсто при Теодорихѣ; онъ самъ, уже въ 20 лѣтъ, былъ квесторомъ и скоро сталъ у Теодориха чѣмъ-то въ родѣ министра внутреннихъ дѣлъ; онъ оставался при дворѣ готскомъ до Витигеса и все свое вліяніе устремлялъ, главнымъ образомъ, на поддержаніе образованія. Въ 540 году онъ удалился въ основанный имъ монастырь Vivarium въ Бруттія и тамъ дожилъ до глубокой старости, усердно продолжая работать.

Тамъ написалъ онъ свое главное произведеніе: «Наставленія въ божественномъ и свѣтскомъ чтеніи» (Institutiones divinarum et saecucarum lectionum), въ двухъ книгахъ: первая посвящена божественному знанію и заключаетъ введеніе въ богословіе; вторая — свѣтскому, т.-е. семи свободнымъ искусствамъ. Въ первой книгѣ (раздѣленной на 33 главы, по числу лѣтъ жизни Спасителя) говоритъ онъ объ источникахъ и пособіяхъ для изученія богословія, о составныхъ частяхъ Библіи, объ отцахъ церкви, объ ея историкахъ, о необходимости общаго образованія для изученія св. писанія, о необходимости литературныхъ занятій въ монастырѣ, главнымъ образомъ, о списываніи книгъ. Видно, что послѣдній предметъ особенно близокъ его сердцу: онъ требуетъ отъ переписчиковъ точности и аккуратности, рекомендуетъ имъ чтеніе орѳографиковъ, придаетъ ихъ работѣ высокорелигіозное значеніе: сколько словъ господнихъ напишетъ переписчикъ (antiquarius), говоритъ онъ, столько ранъ получитъ дьяволъ. Вторая книга содержитъ изложеніе семи свободныхъ искусствъ.

Его «Толкованія на Псалтырь», съ указаніемъ на мистическій и моральный смыслъ событій ветхаго завѣта и чиселъ, съ сообщеніемъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній—одна изъ вліятельнѣйшихъ въ средніе вѣка книгъ. Его «Трехчастная исторія» (Historia ecclesiastica tripartita) хотя представляетъ только безсвязный сводъ изъ трехъ историковъ: Сократа, Созомена и Теодорета—единственное руководство въ средніе вѣка. Любопытно болѣе оригинальное его разсужденіе: «О душѣ» (De anima) *); въ немъ, говоря о раздѣленіи людей на добрыхъ и злыхъ, Кассіодоръ знакомитъ насъ съ идеалами эпохи: идеалъ добродѣтельнаго человѣка—аскетъ, высохшій и блѣдный; къ злымъ отнесены всѣ философы, руководствовавшіеся своимъ умомъ, а не законами Творца.

Слѣдующій періодъ, отъ 40-хъ годовъ VI вѣка почти до конца VIII, гораздо бѣднѣе произведеніями, но сравнительно еще бѣднѣе

*) Кассіодоръ любитъ заниматься дикимъ словопроизводствомъ, которое тогда, какъ и во время схоластики, было въ большой модѣ: *anima* производитъ онъ отъ ἄναιμα — безкровная.

Digitized by Google

авторами: немногіе писавшіе люди отличались значительною плодовитостью. Въ общемъ, какъ и выше было сказано, это — періодъ умственнаго мрака, періодъ, окончательно разрывающій съ античной цивилизаціей. Папа Григорій Великій, одинъ изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей, самъ откровенно говоритъ, что презираетъ цвѣты краснорѣчія свѣтской риторики; искусство писать до того пало, что Фредегарій, напримѣръ, не съумѣлъ скомпилировать вмѣстѣ бывшія у него подъ руками хроники, излагавшія одни и тѣ же событія, а сократилъ ихъ одна за другою; латынь его ужасна; мѣстами не знаешь, латынь ли это, или нарождающійся романскій языкъ. Но въ частности бывали и исключенія; до самаго конца періода въ Италіи остались классики: встрѣчаются житія святыхъ, украшенныя всевозможными «цвѣтами краснорѣчія», даже миѳологическими образами и цитатами изъ Ливія *). Такія исключенія, естественно, чаще встрѣчаются въ началѣ періода. Въ 544 году нѣкто Араторъ, бывшій адвокатъ и чиновникъ остготскій, а въ это время поддьяконъ, по назначенію папы и по желанію всѣхъ ученыхъ Рима, въ храмѣ апостола Петра ad vincula, декламируетъ въ продолженіи четырехъ дней (публикѣ такъ нравились многія мѣста, что его заставляли повторять ихъ по нѣскольку разъ) свою поэму «О дѣяніяхъ апостольскихъ»—фактъ весьма характерный.

Знаменитѣйшимъ поэтомъ того времени былъ Венанцій Фортунатъ, все еще стоявшій на распутьи между двумя направленіями, свѣтскимъ и церковнымъ. Онъ родился въ сѣверной Италіи въ 30-хъ годахъ VI вѣка; образованіе получилъ онъ въ Равеннѣ, гдѣ занимался грамматикой, риторикой и юриспруденціей, и тамъ еще началъ писать стихи. Въ 60-хъ годахъ онъ отправился въ Галлію, гдѣ жилъ сперва у короля Сигберта, отъ него поѣхалъ въ Туръ поклониться мощамъ св. Мартина, а оттуда пробрался въ Пуатье, близь котораго находился монастырь св. Креста, основанный тюрингской принцессой Радегундой, вдовой Клотаря I, сына Хлодвига **). Радегунда уговорила Фортуната вступить въ духовное званіе и поселиться въ Пуатье, откуда временами онъ предпринималъ поѣздки по всей Галліи къ своимъ ученымъ друзьямъ. Одинъ изъ нихъ, Григорій Турскій, посовѣтовалъ ему собрать и издать свои стихотворенія. Въ концѣ столѣтія Фортунатъ былъ сдѣланъ епископомъ Пуатье; онъ умеръ въ первыхъ годахъ VII вѣка.

Всѣхъ пьесъ его дошло до насъ около 300; большая часть ихъ написана элегическимъ размѣромъ. Здѣсь встрѣчаются всѣ виды поэзіи вре-

*) Таково житіе Колумбана, составленное нѣкоторымъ Іоною, изъ монастыря Боббіо.

**) Ея романтическая судьба, равно какъ и жизнь Фортуната, обстоятельно изложены у Тьерри въ „Разсказахъ изъ временъ Меровинговъ“.

Digitized by Google

менъ упадка римской литературы: панегирики, эпиталаміи, эпитафіи, эпиграммы, эпистолы, гимны, описанія путевыхъ впечатлѣній и пр. Многіе изъ его панегириковъ интересны въ историческомъ отношеніи, какъ для обрисовки историческихъ дѣятелей, такъ и для исторіи культуры. Съ точки зрѣнія эстетической критики они довольно рѣзко раздѣляются по содержанію: тѣ изъ нихъ, которые обращены къ его друзьямъ—епископамъ и клирикамъ, выражаютъ искреннее чувство и читаются съ удовольствіемъ, а тѣ, которые обращены къ королямъ и сильнымъ земли, не что иное какъ выраженіе самой пошлой лести *) и представляютъ наборъ словъ и фразъ. Есть, впрочемъ, панегирики, не принадлежащіе ни къ одной изъ этихъ категорій; таковы панегирики святымъ, панегирики, написанные по случаю освященія церквей и пр. **) Любопытенъ панегирикъ, обращенный къ Феликсу, епископу нантскому: онъ показываетъ, во-первыхъ, что епископъ въ это время былъ главою общины во всѣхъ отношеніяхъ, завѣдывалъ даже общественными постройками, и, во-вторыхъ, что Галлія того времени еще не совсѣмъ одичала и находила средства для грандіозныхъ сооруженій, напоминавшихъ былую славу Рима.

Въ эпиталаміяхъ Фортуната почти всегда на сценѣ Венера и Купидонъ; но вообще у него миѳологіи меньше, нежели, напримѣръ, у Сидонія. Большинство его произведеній — стихотворныя письма; ихъ сочинялъ онъ по самымъ ничтожнымъ случаямъ: присылали ли ему монахини любимое блюдо, угощали ли его обѣдомъ, задумывалъ ли онъ послать имъ каштаны въ плетушкѣ собственнаго издѣлія— все это возбуждало его музу.

Лучшія его произведенія и въ тоже время имѣющія наибольшее историческое значеніе—три элегіи, въ которыхъ, по выраженію Эберта, искусство римлянина попыталось выразить силу и глубину германскаго духа. Одна изъ нихъ посвящена печальной судьбѣ юной Гайлесвинты, безжалостно умерщвленной мужемъ и его наложницей. Поэтъ изображаетъ сцену прощанья отправляющейся въ чужую землю Гайлесвинты съ матерью и потомъ горе всѣхъ ей близкихъ при извѣстіи объ ея смерти. О родѣ ея смерти Фортунатъ не рѣшается говорить открыто, но намеки его довольно прозрачны. Двѣ другія элегіи внушены ему печальной судьбой его друга и покровительницы Радегунды.

Фортунатъ написалъ массу церковныхъ гимновъ, между прочимъ столь популярный въ католической церкви: Vexilla regis pro-

*) Довольно сказать, что въ извѣстной Фредегондѣ, сперва наложницѣ, а потомъ женѣ Хильпериха, убившей Гайлесвинту и Сигберта, поэтъ находитъ всевозможныя добродѣтели.

**) Многіе изъ нихъ любопытны въ археологическомъ отношеніи.

Digitized by Google

deunt. Любопытно, что не только мы встрѣчаемъ народный складъ и размѣръ въ его гимнахъ, но и въ другихъ видахъ лирики Фортунатъ не употребляетъ трудныхъ метровъ, а нерѣдко прибѣгаетъ къ аллитераціи и ассонансу.

Отъ Фортуната осталась довольно большая, написанная гекзаметромъ, эпическая поэма: Житіе св. Мартина. Это, исполненная по обѣту, передѣлка прежде бывшихъ житій, до-нельзя украшенная всѣми піитическими хитростями, тогда извѣстными: фигурами, антитезами, каламбурами, аллитераціей и риѳмами.

Фортунатъ не только любопытное явленіе, какъ послѣдній (до Карла Великаго) литераторъ, сдѣлавшій себѣ карьеру исключительно своими сочиненіями: онъ несомнѣнно имѣлъ вліяніе на англосаксонскихъ и каролингскихъ поэтовъ; отъ него, напримѣръ, они заимствовали свою любовь къ дистихону.

Къ этому же періоду относится одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ средніе вѣка писателей, порвавшій безвозвратно всякія связи съ прошедшимъ, вполнѣ средневѣковой человѣкъ и по складу жизни, и по характеру своихъ произведеній, и даже по самому изложенію, простому, грубому и неправильному, способному жестоко возмутить самаго посредственнаго классика ошибками противъ синтаксиса и неологизмами. Мы разумѣемъ папу Григорія Великаго.

Онъ родился въ патриціанской римской фамиліи, въ 40-хъ годахъ VI вѣка. Подъ вліяніемъ матери онъ рано почувствовалъ наклонность къ аскетизму, но при жизни отца оставался въ мірѣ и занималъ видную должность римскаго претора. Когда отецъ его умеръ, а мать ушла въ монастырь, онъ продалъ все, что у него было, построилъ семь монастырей и въ одномъ изъ нихъ постригся въ монахи. Его, однако, слишкомъ хорошо знали, чтобы позволить ему похоронить въ монастырѣ свои таланты государственнаго человѣка. Онъ былъ сдѣланъ дьякономъ и потомъ отправленъ въ Константинополь легатомъ. Хотя онъ и не выучился по-гречески, но дѣла, ему порученныя, справилъ прекрасно. По возвращеніи изъ Константинополя онъ сдѣлался аббатомъ въ своемъ монастырѣ, а въ трудный 590 годъ (Римъ былъ опустошенъ страшною чумой, отъ которой погибъ и самъ папа), не смотря на свое, повидимому, искреннее нежеланіе, былъ облеченъ въ папскій санъ. Изложеніе его политической и церковной дѣятельности не входитъ въ нашу программу; мы ограничимся только заявленіемъ, что его не безъ основанія признаютъ первымъ римскимъ епископомъ, который въ тоже время былъ и римскимъ государемъ, и первымъ главою всего западнаго духовенства.

Изъ его сочиненій самымъ популярнымъ въ средніе вѣка были, «Діалоги о жизни и чудесахъ отцевъ италійскихъ и о безсмертіи душъ»

Digitized by Google

(De vita et miraculis patrum italicorum et de aeternitate animarum). Это сборникъ чудесъ и видѣній, связанный въ одно цѣлое такою рамкой: авторъ, уже будучи папой, встрѣчается съ своимъ старымъ товарищемъ, дьякономъ Петромъ, и жалуется ему на судьбу, принудившую его покинуть спокойную келью; его горе тѣмъ сильнѣе, что ему извѣстно, какой нравственной высоты достигаютъ люди, отрекшіеся отъ міра. Петръ возражаетъ, что едва ли въ Италіи бывали люди, достигшіе полнаго совершенства, т.-е. дара чудесъ. Въ отвѣтъ ему Григорій приводитъ, отчасти изъ видѣннаго имъ самимъ, много случаевъ, съ нашей точки зрѣнія довольно странныхъ, но не лишенныхъ нѣкотораго историческаго интереса.

Въ историко-литературномъ отношеніи особенно важна четвертая книга «Діалоговъ»—«Видѣнія загробной жизни» (Visiones): она имѣла несомнѣнное вліяніе на Данта и предшествовавшихъ ему авторовъ видѣній, въ ней же ясно выступаетъ вѣрованіе въ чистилище, которое возвелъ на степень догмата именно Григорій Великій.

Любопытно не случайное, а объясняемое единствомъ ступени развитія сходство «Діалоговъ» съ русскимъ памятникомъ XIII вѣка Печерскимъ Патерикомъ *): какъ тамъ, такъ и здѣсь, мѣстныя легенды пріурочены къ одной рамкѣ; какъ тамъ, такъ и здѣсь, одна цѣль—доказать, насколько монастырская жизнь лучше мірской.

Обширнѣйшій трудъ Григорія — «Moralia», содержащій въ 35-ти книгахъ толкованіе на книгу Іова; толкованіе предлагается троякое: буквальное, типическое (прообразовательное) и моральное. Толкованіе такъ подробно, что 56 главъ 1-й книги объясняютъ только пять стиховъ. Іовъ типически Спаситель, жена его — плоть; семеро его сыновей морально семь добродѣтелей, а типически двѣнадцать (sic) **) апостоловъ.

Небольшая книжка Григорія: «Разсужденіе объ обязанностяхъ пастыря» (Regula pastoralis), служила въ продолженіи многихъ столѣтій руководствомъ для проповѣдниковъ и вообще для свѣтскаго духовенства. Гимны Григорія непріятно поражаютъ крайней прозаичностью выраженій.

Чтобы покончить съ этимъ періодомъ, остается сказать еще о двоихъ писателяхъ, представителяхъ двухъ бывшихъ провинцій имперіи: Григоріѣ Турскомъ и Исидорѣ Севильскомъ.

Григорій Турскій (его свѣтское имя Георгій Флоренцій) происходилъ изъ сенаторской галло-римской фамиліи, въ которой епископскія должности считались какъ бы наслѣдственными ***). Онъ родился

*) Точнѣе съ его древнѣйшею частью: посланіемъ Симона и сказаніемъ Поликарпа.

**) По разсчету Григорія, 7 = 12, такъ какъ 7 = 3 + 4, а 12 = 3 × 4.

***) Естественно, что между членами этой фамиліи было не мало святыхъ.

Digitized by Google

около 540 г. Съ дѣтства онъ былъ посвященъ церкви и воспитанъ дядею, епископомъ Галломъ; при дворѣ Сигберта онъ былъ дьякономъ. Въ 573 г., слѣдовательно съ небольшимъ 30 лѣтъ отъ роду, онъ, по настоянію короля, получилъ епископскую каѳедру. Его прибытіе въ Туръ, тогдашній религіозный центръ Галліи, Фортунатъ отпраздновалъ прочувствованнымъ стихотвореніемъ. Въ продолженіи 20 слишкомъ лѣтъ (онъ умеръ въ 594 г.) онъ игралъ видную и почетную роль въ исторіи не только подчиненной ему области, но и всей страны. Онъ защищалъ интересы церкви, т.-е. по тогдашнему культуры, противъ могущественнаго братоубійцы короля Хильпериха. При Хильдебертѣ, сынѣ Сигберта, онъ былъ вліятельнымъ совѣтникомъ.

Если принять въ разсчетъ его многотрудную политическую дѣятельность, его путешествія и раннюю смерть, его слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей; онъ оставилъ 20 книгъ: 10 исторіи и 10 духовныхъ сочиненій. Важнѣйшій его трудъ «Исторія франковъ» *); онъ началъ писать ее въ 576 г., а кончилъ въ 592. Огромную цѣну придаетъ ей то обстоятельство, что это скорѣй мемуары, чѣмъ исторія, такъ какъ съ IV книги Григорій пересказываетъ главнымъ образомъ пережитое имъ. Въ самомъ предисловіи жалуется онъ на недостатокъ грамматическаго образованія **) и заявляетъ, что цѣль его описать злодѣянія безбожныхъ и добрыя дѣла праведныхъ ***). 1-я книга заключаетъ въ себѣ всеобщую исторію отъ Адама до св. Мартина; до Октавіана идетъ главнымъ образомъ исторія іудеевъ. Исторія идолопоклонниковъ интересуетъ его такъ мало, что непосредственно отъ царей римскихъ онъ переходитъ къ императорамъ; съ Р. Х. идетъ исторія церкви преимущественно галльской. 2-я и 3-я книги говорятъ о вторженіи вандаловъ, гунновъ и наконецъ франковъ, излагая начальную исторію которыхъ, авторъ не пренебрегаетъ и народными сказаніями.

Чтобы показать, насколько важны послѣднія книги его исторіи, достаточно замѣтить, что исполненные жизни «Разсказы изъ временъ Меровинговъ», Огюстэна Тьерри, составлены почти исключительно на основаніи Григорія Турскаго.

Какъ его исторія проникнута церковностью, такъ съ другой стороны его духовныя сочиненія представляютъ интересный историческій матеріалъ. 7-мъ книгъ заключаютъ въ себѣ разсказы о чу-

*) Historia Francorum; онъ не называлъ ее ecclesiastica.

**) Ваттенбахъ не безъ основанія радуется этому невѣжеству Григорія: будь онъ преисполненъ школьной риторики, его разсказы лишились бы своей наивности, правдивости и безъискусственной прелести.

***) Во введеніи ко 2-ой книгѣ онъ распространяетъ свою програму описаніемъ народныхъ бѣдствій и чудесъ святыхъ.

Digitized by Google

десахъ святыхъ; въ томъ числѣ 4 исключительно о чудесахъ св. Мартина; изъ послѣднихъ 2-я, 3-я и 4-я книги излагаютъ чудеса св. Мартина, совершившіяся уже при жизни Григорія; это довольно однообразныя (имѣющія для историка значеніе по мелкимъ подробностямъ быта) излѣченія, произведенныя разными предметами, бывшими въ соприкосновеніи съ гробомъ святаго. Особенно рекомендуетъ авторъ пыль съ гробницы, какъ прекрасное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Въ предисловіи къ другому сборнику чудесъ (De gloria martyrum) Григорій говоритъ объ ихъ значеніи: изученіе ихъ должно замѣнить изученіе миѳологіи, которой грѣшно заниматься доброму христіанину; въ этой книгѣ онъ приводитъ чудеса въ систему: говоритъ сперва о чудесахъ Спасителя, Богоматери, апостоловъ, святыхъ другихъ земель и наконецъ Галліи.

Еще съ большей подробностью, нежели въ предисловіи къ исторіи, Григорій говоритъ о своемъ невѣжествѣ въ предисловіи къ книгѣ: «О славѣ исповѣдниковъ» (De gloria confessorum); онъ самъ обвиняетъ себя въ томъ, что мѣшаетъ роды и падежи; дѣйствительно, онъ часто путаетъ мужескій и средній роды и предлогъ *in* часто ставитъ съ творительнымъ тамъ, гдѣ послѣ него долженъ стоять винительный *).

Исидоръ Севильскій (умеръ 636 г.) по условіямъ рожденія и воспитанія почти въ такомъ же положеніи, какъ и Григорій Турскій. Онъ сынъ знатнаго провинціала изъ Картагены, воспитанъ старшимъ своимъ братомъ Леандромъ, епископомъ Севильскимъ, по смерти котораго онъ и занялъ его каѳедру. Современники считали его чудомъ учености и краснорѣчія. Самое важное его сочиненіе, надъ которымъ онъ работалъ въ продолженіи всей жизни—20 книгъ «Этимологій»: это энциклопедія всѣхъ наукъ, въ которой каждый отдѣлъ начинается болѣе или менѣе дикой этимологіей термина **). Небезполезно указать на содержаніе этихъ 20 книгъ, чтобы видѣть весь объемъ знанія той эпохи, Первыя 3 книги посвящены 7 свободнымъ искусствамъ; 4-я медицинѣ; 5-я изложенію законовъ и краткой всеобщей исторіи; 6-я трактуетъ о Библіи и книгахъ; 7-я о небесной іерархіи; 8-я о церкви и сектахъ; здѣсь же говорится о философскихъ школахъ, сивиллахъ, магахъ и языческихъ богахъ; 9-я о языкахъ и народахъ; 10-я заключаетъ въ себѣ дѣйствительно только этимологію разныхъ словъ; 11-я говоритъ о человѣкѣ; 12-я о жи-

*) Кромѣ того онъ не замѣчалъ въ своей латыни многихъ галлицизмовъ, напр. pro eo quod (por ce que) вм. лат. quoniam и пр.

**) Вотъ образцы: *litterae* есть сокращеніе *legiterae* quod iter legentibus prestent vel quod in legendo iterentur; *apes* dictae vel quod se pedibus invicem alligent, vel pro eo, quod sine pedibus nascantur.

Digitized by Google

вотныхъ; 13-я о мірѣ и его частяхъ (небѣ, воздухѣ, вѣтрахъ и пр.); 14-я о землѣ; 15-я о городахъ и зданіяхъ; 16-я о камняхъ (съ обозначеніемъ ихъ тайныхъ силъ); 17-я о полеводствѣ; 18-я о войнѣ и играхъ; 19-я о мореплаваніи и о домѣ; 20-я о пищѣ, питьѣ и домашней утвари. Вся эта довольно неловкая компиляція изъ языческихъ и христіанскихъ авторовъ считалась великимъ источникомъ мудрости въ средніе вѣка.

Изъ богословскихъ сочиненій Исидора упомянемъ «3 книги изреченій» (Sententiarum libri tres)—учебникъ догматики и морали, составленный изъ изреченій авторитетныхъ писателей; «Нѣкоторыя аллегоріи св. Писанія», гдѣ разъясняется аллегорическій смыслъ лицъ ветхаго завѣта и притчъ новаго, и сочиненіе его «Противъ Іудеевъ», рано переведенное на другіе языки.

Труды Исидора важны не только по отношенію къ послѣдующимъ поколѣніямъ, но и потому, что они показываютъ высокое, сравнительно съ Галліей и Италій, состояніе научной культуры въ Испаніи; тамъ въ VII вѣкѣ образовалось нѣчто въ родѣ школы ученыхъ епископовъ, которые не вполнѣ порвали съ преданіями античной мысли. Но арабское завоеваніе и здѣсь положило конецъ этому тепличному прозябанію науки.

Въ концѣ VII в. и до послѣднихъ десятилѣтій VIII, въ Галліи, такъ недавно передовой странѣ, единственное мѣсто литературной дѣятельности—монастыри; единственно культивируемый родъ литературы—житія святыхъ, имѣющія нѣкоторое историческое значеніе, но внушающія очень мало интереса историку литературы.

Наукой и поэзіей занимаются только въ отдаленной Британіи и отчасти въ Италіи: въ эти питомники и обратился за помощниками Карлъ Великій.

IV. Значеніе Карла Великаго въ исторіи европейской цивилизаціи и литературы. Сотрудники Карла Великаго: Алкуинъ, его жизнь и сочиненія. Павелъ Дьяконъ, Ангильбертъ, Эйнгардъ.

Въ 496 г. Хлодвигъ, король франковъ салическихъ, послѣ побѣды при Цюльпихѣ, съ значительной частью своей дружины принялъ христіанство по обряду католическому. За это малообычное для варвара предпочтеніе православія аріанству онъ получилъ титулъ христіаннѣйшаго короля и обезпечилъ за своимъ домомъ симпатію (сравнительную) галлоримлянъ, нравственную поддержку Рима и терпимость Византіи. Скоро вся Галлія подпала владычеству франковъ. Король Хлодвигъ былъ энергичный, но грубый и жестокій дикарь; его потомки—Меровинги—были еще хуже его. Нѣкоторые изъ нихъ прикидывались сторонниками цивилизаціи, даже покровителями

Digitized by Google

церкви и науки; но на образованныхъ монарховъ они походили столько же, сколько походитъ на европейца житель Сандвичевыхъ острововъ, надѣвшій на голое тѣло солдатскій мундиръ. Ихъ безобразныя, кровавыя междоусобія обращали страну въ пустыню, способствовали огрубѣнію нравовъ галлоримлянъ; ихъ развратъ, ихъ чисто внѣшнее отношеніе къ христіанству заставляли послѣднихъ терять всякое уваженіе къ власти; тѣмъ не менѣе благодѣтельное время дѣлало свое дѣло: побѣжденные и побѣдители сливались въ одинъ народъ, и хотя одна сторона теряла болѣе, нежели выигрывала другая, все же потомки воиновъ Хлодвига цивилизовались подъ вліяніемъ туземцевъ.

Въ началѣ VIII вѣка, въ то самое время, какъ западно-христіанскому міру грозитъ гибель отъ арабскихъ завоевателей, династія Меровинговъ приходитъ въ окончательный упадокъ; формы государственной жизни, принесенныя изъ лѣсовъ Германіи, оказываются несостоятельными при новыхъ условіяхъ. Тогда выдвигаются маіордомы Арнульфинги. Въ 732 году маіордомъ Карлъ Мартелъ отразилъ нападеніе арабовъ; сынъ его Пипинъ Короткій въ 752 году, отправивъ короля Меровинга въ монастырь, съ одобренія римскаго епископа провозгласилъ себя королемъ франковъ. Черезъ 19 лѣтъ сынъ Пипина Карлъ, прозванный впослѣдствіи *Великимъ*, получилъ въ свои руки всѣ области, унаслѣдованныя, закрѣпленныя и завоеванныя отцомъ его.

Немного въ исторіи именъ, къ которымъ титулъ «великій» прилагается съ такимъ единодушіемъ и справедливостью. Тѣмъ не менѣе и величіе Карла пытался подорвать историческій скептицизмъ, опираясь на будто бы ничтожные результаты его дѣятельности. Карлъ собралъ видимо огромную монархію,—но только для того, чтобы она черезъ нѣсколько десятилѣтій распалась окончательно. Карлъ пролилъ рѣки крови для того, чтобъ обратить въ христіанство варваровъ восточной Германіи и обезпечить христіанскія страны отъ нападенія отдаленныхъ и иноплеменныхъ язычниковъ; но христіанство, вводимое огнемъ и мечемъ, не могло быть прочно, а черезъ столѣтіе послѣ смерти Карла, венгры и норманны жестоко опустошали владѣнія его потомковъ. Карлъ всѣми правдами и неправдами подавлялъ зачатки феодализма, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ, черезъ своихъ чиновниковъ, всю власть безъ исключенія, оставивъ собраніямъ только совѣщательный голосъ; а между тѣмъ онъ-то и былъ истиннымъ учредителемъ феодальной системы, такъ какъ его графы, обративъ впослѣдствіи свою должность въ наслѣдственную, подчинили своей власти людей, до тѣхъ поръ свободныхъ. Его многочисленныя капитуляціи—драгоцѣнный матеріалъ для историка куль-

Digitized by Google

туры именно потому, что изъ нихъ мы видимъ, какія злоупотребленія практиковались какъ при немъ, такъ и послѣ него: его усилія могли задержать или ослабить ихъ только на весьма короткое время. Самые труды его на пользу образованія были безплодны и ограничены тѣснымъ кружкомъ близкихъ къ престолу людей: свѣтъ мелькнулъ на минуту какъ бы для того, чтобы послѣдовавшій за нимъ мракъ показался еще мрачнѣе.

Все это мнѣнія скептицизма утрированнаго и потому неумѣстнаго, скептицизма, который можетъ быть названъ историческимъ только по сферѣ своего проявленія, а не потому, чтобы въ немъ проявлялся историческій тактъ. Обсуждая значеніе извѣстнаго періода или дѣятельности извѣстнаго лица, историкъ обязанъ сравнивать предшествующее этому періоду или этой дѣятельности съ послѣдующимъ. Кто назоветъ лѣкарство безполезнымъ только на основаніи того, что послѣ его пріема безнадежный больной не сталъ вдругъ совершенно здоровымъ?

Чтобъ оцѣнить по достоинству роль Карла, съ именемъ котораго потомство слило эпитетъ «великаго» въ одно слово (Charlemagne), надо обратить вниманіе на то, чѣмъ была до него югозападная Европа? Чѣмъ былъ самъ Карлъ при началѣ своей дѣятельности?

Карлъ, по смерти своего брата, былъ ни болѣе, ни менѣе какъ варварскій король, сильнѣйшій другихъ, но все же одинъ изъ многихъ королей, получившій въ наслѣдство отъ отца обширные «виды», цѣлый рядъ войнъ и власть только надъ тѣми изъ подданныхъ, которые хотѣли его слушаться или не имѣли силъ сопротивляться. Западная Европа въ эту пору представляла печальное зрѣлище: страны, отнятыя германцами у римлянъ, раздѣленныя на множество мелкихъ, плохо разграниченныхъ, находящихся въ непрерывной войнѣ владѣній, дичали все болѣе и болѣе; города, построенные римлянами, не оправлялись послѣ разгрома великаго переселенія; напротивъ, число ихъ и размѣры уменьшались со дня на день. Не было никакихъ опредѣленныхъ стремленій; не существовало никакихъ политическихъ принциповъ; признавалось только право сильнаго, какъ въ частныхъ, такъ и въ государственныхъ отношеніяхъ. Слѣды римской цивилизаціи стерлись до неузнаваемости; долженствовавшее замѣнить ее христіанское просвѣщеніе въ массѣ народа сводилось къ нулю: безграмотные священники и монахи, владѣтели епископствъ и аббатствъ, никѣмъ не рукоположенные, не совершавшіе богослуженія, смотрѣвшіе на свои владѣнія только какъ на доходную статью, не только женатые, но открыто содержавшіе цѣлые гаремы—вотъ духовные руководители народа. Люди истинно религіозные, составлявшіе исключеніе, спѣшили отъ этихъ прелестей жизни укрыться въ пу-

Digitized by Google

стыню. Люди свѣтскіе, хотя бы и поставленные во главѣ власти, смотрѣли на церковь, какъ на разжирѣвшаго и беззащитнаго врага. Самъ Карлъ Мартелъ, человѣкъ безспорно дальновидный, старавшійся сдѣлать что можно для поднятія нравственнаго значенія церкви, отнималъ у нея владѣнія, чтобы надѣлять своихъ леудовъ. Соборы не созывались по цѣлымъ десятилѣтіямъ. До какого паденія дошла— не говорю—литература: смѣло можно сказать, что на континентѣ ея не было—но просто грамотность, можно видѣть хоть изъ слѣдующаго факта. Въ 787 г., слѣдовательно уже при Карлѣ, въ годъ его перваго капитуляріи, приглашавшаго всѣхъ благомыслящихъ людей обратить вниманіе на грамотность, фонтенельскій аббатъ Гервальдъ задумалъ основать въ своемъ аббатствѣ школу. Но бѣдный аббатъ самъ былъ не высокаго образованія: онъ, повидимому, *не зналъ грамоты*, а зналъ только немного музыку и обладалъ прекраснымъ голосомъ. По счастію, близъ аббатства жилъ одинъ священникъ, который могъ подѣлить труды съ аббатомъ и взять на себя обученіе чтенію и счету *).

Къ довершенію несчастія, и этой сомнительной цивилизаціи грозила опасность: подготовлялось вторичное переселеніе народовъ. Не принявшія христіанства, не захватившія римской земли, а оставшіяся въ первобытной дикости и неиспорченности племена дѣлали ежегодные набѣги на своихъ полуцивилизованныхъ сосѣдей; явись среди ихъ человѣкъ, подобный Атиллѣ, онъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легко могъ бы собрать ихъ въ одно цѣлое, и разрозненный западъ несомнѣнно палъ бы съ одного удара. Съ другой стороны и съ арабами дѣло не могло считаться поконченнымъ; при другихъ условіяхъ они легко могли повторить свое нападеніе.

Ни одинъ великій человѣкъ не можетъ произвести реформы изъ себя одного; его дѣятельность должна быть подготовлена и направлена въ извѣстную сторону обстоятельствами. Разумѣется, и для Карла Великаго дорога была расчищена исторіей: связь королей франковъ съ папскимъ престоломъ, преимущество ихъ военной силы передъ силами сосѣдей, невыносимое для всѣхъ отсутствіе порядка, потребность въ христіанской цивилизаціи, основы которой были выработаны въ Италіи и Британіи, обособленіе Запада отъ Византіи и многое другое предвозвѣщало реформу, составляло благопріятныя для нея обстоятельства; но нужно было съумѣть воспользоваться ими.

Самыя войны Карла Великаго оказали огромную услугу цивилизаціи. Покончивъ съ безпокойными сосѣдями, подчинивъ себѣ тѣ безпорядочныя государства, которыя застыли на точкѣ завое-

*) Ampère: Hist. littéraire sous Charlemagne. Paris. 1868. Стр. 29.

Digitized by Google

ванія, Карлъ устремилъ все свое вниманіе на безопасность границъ; онъ обратилъ оборонительную войну въ наступательную, и тѣмъ не только достигъ своей ближайшей цѣли, но и открылъ для христіанской цивилизаціи новое поприще. Его походъ въ Испанію положилъ конецъ поступательному движенію мусульманъ и начало поступательному движенію христіанства. Онъ закончилъ нескончаемую борьбу въ Италіи и привелъ къ единству и согласію метрополію античной цивилизаціи; онъ сталъ единымъ главою и повелителемъ западной Европы, и собственное имя его у отдаленныхъ славянъ получило нарицательное значеніе властителя.

Его царство распалось; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы построенное имъ зданіе было непрочно. Царство Александра Македонскаго распалось еще скорѣй; связь между отдѣльными его частями оказалась еще слабѣй, а кто рѣшится назвать его дѣятельность безплодной? Карлъ Великій, по счастливому выраженію Гизо, основалъ именно всѣ тѣ государства, на которыя распалась его имперія, еще короче: онъ основалъ западную Европу, какъ органическое цѣлое.

Осуждать его за казни саксовъ, за распространеніе христіанства насиліемъ то же самое, что осуждать ребенка, зачѣмъ онъ не взрослый, осуждать лошадь, зачѣмъ у ней нѣтъ крыльевъ. Нигдѣ въ земляхъ варваровъ не вводилось христіанство, а вводился христіанскій культъ и, что важнѣе того, основы римско-христіанской цивилизаціи, государственный порядокъ, открывавшій лучшимъ людямъ путь къ христіанству.

Феодализма Карлъ Великій не предвидѣлъ и не желалъ; онъ проложилъ ему дорогу противъ воли; но отрицательное отношеніе къ нему Карла Великаго лучше всего показываетъ его неизбѣжность: заслуга Карла въ томъ, что его дѣятельность придала феодализму единство, сдѣлала его феодальнымъ *порядкомъ*.

Обращаемся къ заслугамъ Карла передъ просвѣщеніемъ и церковью. Въ началѣ своего правленія, слишкомъ занятый внѣшней политикой, Карлъ дѣйствуетъ въ пользу науки только частными мѣрами; такъ, онъ рекомендуетъ епископу майнцскому обратить особенное вниманіе на распространеніе грамотности въ средѣ духовенства, побуждать лѣнивыхъ, давать средства бѣднымъ. Въ 781 г. онъ выписываетъ изъ Рима нѣсколькихъ учителей грамматики и пѣнія. Наконецъ, въ 787 году онъ разсылаетъ циркуляръ такого содержанія *): «Мы пришли къ заключенію, что епископства и монастыри, которые, по волѣ Христа Спасителя, находятся подъ нашимъ управленіемъ, кромѣ добропорядочной жизни и отправленія обрядовъ св.

*) См. Pertz, Monum. Germ. hist. III, 52.

Digitized by Google

религіи, должны приложить свои заботы къ занятію науками и къ тому, чтобы научить грамотѣ тѣхъ, кто способенъ къ этому, сообразно дарованіямъ каждаго. Какъ правила жизни должны держать въ порядкѣ и украшать чистоту нравовъ, такъ усердіе въ обученіи и изученіи приводитъ въ порядокъ и украшаетъ способность къ рѣчи, дабы тотъ, кто надѣется угодить Богу хорошею жизнью, не пренебрегалъ угождать Ему и доброю рѣчью. Писано есть: ты будешь осужденъ или оправданъ по словамъ твоимъ, ибо хотя добрыя дѣла лучше знанія, знаніе предшествуетъ дѣламъ. Всякій долженъ понять, чего онъ хочетъ достигнуть, и душа тѣмъ обстоятельнѣе понимаетъ, что надлежитъ ей дѣлать, чѣмъ правильнѣе языкъ въ состояніи восхвалить Бога... Въ эти послѣдніе годы различные монастыри присылали намъ посланія, свидѣтельствуя, что братія, тамъ живущая, возсылаетъ за насъ свои благочестивыя и святыя молитвы; въ бо́льшей части этихъ писаній мы встрѣчали смыслъ истинный, а языкъ грубый; что диктовало изъ глубины души искреннее благочестіе, того не могъ выразить невѣжественный языкъ за недостаткомъ знанія; такъ что мы начали бояться, чтобъ этотъ недостатокъ, препятствуя правильному выраженію мыслей, не сталъ препятствовать правильному пониманію св. писанія, а мы знаемъ, что ошибки въ словахъ очень опасны, ошибки же въ толкованіяхъ еще опаснѣе... Поэтому увѣщеваемъ васъ не только не пренебрегать изученіемъ словесности, но, воспріявъ намѣреніе весьма полезное и Богу пріятное, состязаться въ ревности къ ученію, чтобы быть въ состояніи съ бо́льшей легкостью и удобствомъ проникнуть въ тайны св. писанія; такъ какъ въ св. поэзіи находятся фигуры, тропы и т. п., то никто не сомнѣвается, что читающій ея памятники тѣмъ скорѣе пойметъ духовный смыслъ, чѣмъ болѣе усовершенствовался онъ въ словесности...»

Вотъ наивные аргументы, не особенно искусно изложенные, которыми Карлъ думаетъ побудить соль земли своей, епископовъ и аббатовъ, къ насажденію наукъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ подобный циркуляръ разослалъ малограмотнымъ сановникамъ своимъ государь менѣе авторитетный, онъ остался бы безъ всякихъ послѣдствій, а историкъ могъ бы изъ него вывести только доказательство невѣжества и государя, и его подданныхъ. Но Карлъ былъ не такой человѣкъ, чтобы писать циркуляры на вѣтеръ, и его сановники знали это.

Вышеприведенная энциклика, увѣщевающая, совѣтующая въ общихъ выраженіяхъ, была только прелюдіей; за ней черезъ два года (789 г.) слѣдуетъ точный и подробный приказъ: епископамъ поручается наблюдать, чтобы священники знали основы религіи и правильно

Digitized by Google

понимали произносимыя ими во время службы молитвы; во всякомъ монастырѣ и епископствѣ обязательно основываются школы для обученія словесности, счету и музыкѣ; всякій приходскій священникъ обязывается учить безвозмездно грамотѣ всѣхъ приходящихъ къ нему. Помощники Карла идутъ еще дальше: Теодульфъ, епископъ орлеанскій, предлагаетъ священникамъ своей епархіи отыскивать по селамъ и деревнямъ способныхъ къ ученію юношей и уговаривать ихъ воспользоваться даровой грамотой.

Также осторожно приступаетъ Карлъ къ реформѣ нравовъ духовенства (вышеприведенные комплименты благочестивой жизни монаховъ, повидимому, только должны были позолотить пилюлю—упрекъ въ невѣжествѣ). Капитулярій 789 г. лишаетъ священства тѣхъ священниковъ, которые имѣли болѣе одной жены, а франкфуртскій соборъ предписываетъ епископамъ изучать каноны, запрещаетъ монахамъ выходить изъ монастыря ради мірскихъ дѣлъ, запрещаетъ священникамъ и діаконамъ посѣщать таверны, аббатамъ — уродовать своихъ монаховъ и т. д.

Но и эти настойчивыя и строгія предписанія могли бы принести весьма тощіе плоды, еслибы Карлъ, разсылая ихъ, не исполнялъ при этомъ двухъ священнѣйшихъ обязанностей государя-реформатора: во-1-хъ, подавать собою примѣръ, и, во-2-хъ, отыскивать пригодныхъ исполнителей своихъ предначертаній.

Вопросъ о томъ, какими знаніями обладалъ самъ Карлъ подъ старость—вопросъ спорный: по словамъ однихъ, онъ не только свободно писалъ по-гречески, но зналъ и восточные языки *); по краснорѣчію онъ былъ чистый профессоръ (didascalus). Онъ самъ сочинилъ трактатъ противъ иконодуловъ, чудо учености и энергіи мысли для того времени; онъ писалъ очень недурныя стихотворныя посланія Павлу Дьякону и др. По словамъ другихъ, всѣ богословскіе трактаты (libri Carolini), стихи, равно какъ и редакція капитуляріевъ—дѣло близкихъ къ нему людей; его глубокія свѣдѣнія въ греческомъ и еврейскомъ—продуктъ фантазіи его поклонниковъ; по совершенно ясному свидѣтельству біографа Эйнгарта, онъ только *пытался* писать; онъ держалъ таблички подъ подушкой, чтобъ упражнять свою руку во всякую свободную минуту; «но слишкомъ поздно начатое дѣло шло мало успѣшно» **).

*) Теганъ, біографъ Людовика Благочестиваго, разсказываетъ, что наканунѣ, своей смерти Карлъ сличалъ текстъ латинскихъ евангелій съ греческими и сирійскими: quatuor evangelia Christi in ultimo ante obitus sui die cum graecis et syris *optime* correxerat.

**) Temptabat et scribere, tabulasque et codicillos ad hoc in lecto sub cervicalibus circumferre solebat ut cum vacuum tempus esset, manum litteris effingendis adsuesce-

Digitized by Google

По нашему мнѣнію, вопросъ о степени учености Карла вовсе не такъ важенъ, чтобъ изъ-за него стоило насиловать прямыя свидѣтельства или дѣлать смѣлыя предположенія о распространенности восточныхъ языковъ въ западной Европѣ на границѣ VIII и IX вѣковъ; важно то, что Карлъ свое уваженіе къ наукѣ выказывалъ на дѣлѣ, учился всю жизнь, во всякую свободную минуту — а ихъ у него было немного *)—и заставлялъ учиться всѣхъ близкихъ къ нему людей безъ различія пола и возраста **); важно его глубокое благоговѣніе передъ хорошимъ латинскимъ стилемъ, передъ классической литературой и наукой, которое не сдѣлало его педантомъ, презирающимъ все родное и національное, какихъ было много въ эпоху великаго возрожденія, въ XV и XVI вѣкахъ: по свидѣтельству того же Эйнгарта, онъ хлопоталъ о грамматикѣ языка франковъ, собиралъ нѣмецкія народныя пѣсни, вводилъ нѣмецкія имена для 12 мѣсяцевъ и предпочиталъ нѣмецкую одежду и образъ жизни итальянскимъ. Важна разносторонность его цивилизаторскихъ стремленій; одной учености, одного развитія головы для него мало: онъ требуетъ развитія вкуса, онъ стремится преобразовать и всю обстановку, не жалѣетъ ни трудовъ, ни денегъ на улучшеніе церковнаго пѣнія, свозитъ въ Ахенъ памятники искусства древнихъ, воздвигаетъ постройки по Витрувію и по образцу храмовъ равеннскихъ и римскихъ, поощряетъ каллиграфическое воспроизведеніе древнихъ рукописей и т. д.

Еще важнѣй его энергія и тактъ, проявлявшіеся въ выборѣ помощниковъ. Государю-реформатору смѣло можно сказать, измѣнивъ извѣстное изреченіе: «Скажи мнѣ, кого ты выберешь, и я тебѣ скажу, что́ ты сдѣлаешь».

Наиболѣе виднымъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ распространенія образованія былъ, несомнѣнно, англо-саксъ Алкуинъ. Вотъ краткій очеркъ его жизни и дѣятельности.

Алкуинъ ***) родился около 735 г., въ благородной англо-саксонской фамиліи, въ Іоркѣ Нортумберлендскомъ, слѣдовательно, въ той

---

ret; sed parum succesit labor praeposterus ac sero inchoatus. Einhardi Vita Caroli M., cap. 25. Поклонники учености Карла стараются доказать, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о простомъ писаніи, а о каллиграфіи, объ умѣньѣ разрисовывать заглавныя буквы и пр.

*) Даже во время обѣда онъ приказывалъ читать ему вслухъ сочиненіе Августина: De civitate Dei.

**) Ангильбертъ въ своей поэмѣ (о ней см. ниже) говоритъ о Карлѣ: Ingreditur prior ipse sequi quo se cupit omnes (Pertz, тамъ же, 393).

***) Собственно Alwin—другъ храма (K. Werner: Alcuin und sein Jahrhundert. Ein Beitrag Zur christlich-theologichen Literärgeschichte. Paderborn 1876). Онъ латинизировалъ свое имя въ Альбина.

Digitized by Google

части Британіи, гдѣ германскій элементъ былъ всего сильнѣе, и въ томъ городѣ, который можетъ считаться центромъ христіанской цивилизаціи острова; тамъ, при церкви св. Петра, подъ покровительствомъ архіепископа, процвѣтала школа, гдѣ воспитывались дѣти благородныхъ семействъ, будущіе духовные и свѣтскіе сановники; въ ней, по свидѣтельству самого Алкуина, преподавали грамматику, риторику, піитику, юриспруденцію, астрономію, физику и св. писаніе. Въ ранней юности Алкуинъ чувствовалъ особенную склонность къ классической поэзіи, и когда ему было 11 лѣтъ отъ роду, его бранили за предпочтеніе, которое онъ оказывалъ Виргилію передъ Псалтыремъ. Но вскорѣ вкусы его измѣнились, повидимому, подъ вліяніемъ почувствовавшаго къ нему особенное расположеніе архіепископа Гегберта и родственника послѣдняго, преподавателя Эльберта, весьма разносторонне образованнаго человѣка. Алкуинъ со страстью предался изученію св. писанія; ему даже стали являться видѣнія. Но онъ былъ по природѣ не способенъ къ односторонности: съ лѣтами эти колебанія прекратились, и Алкуинъ вступилъ въ жизнь разумно-религіознымъ человѣкомъ, поклонникомъ поэзіи и науки.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Эльбертъ, по распространенному между англо-саксами обычаю, предпринялъ учено-религіозное путешествіе въ Римъ и взялъ съ собою своего любимаго ученика; во время пребыванія на континентѣ, у Алкуина, по словамъ его біографа, мелькала мысль о возможности поселиться въ предѣлахъ нынѣшней Франціи. Вскорѣ по возвращеніи ученыхъ путешественниковъ на родину, Эльбертъ наслѣдовалъ отъ Гегберта архіепископскую каѳедру (766 г.), а Алкуинъ, посвященный въ дьяконы, отъ Эльберта—каѳедру преподавателя въ іоркской школѣ и должность библіотекаря одной изъ самыхъ для того времени богатыхъ библіотекъ. Подъ начальствомъ Алкуина школа достигла высокой степени процвѣтанія; въ нее со всѣхъ сторонъ стекались ученики даже съ континента; многіе изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлались архіепископами. Послѣ смерти Эльберта, Алкуинъ рѣшился покинуть іоркскую школу, до тѣхъ поръ столь имъ любимую, и переселиться на континентъ къ Карлу съ нѣсколькими изъ лучшихъ учениковъ своихъ.

Съ перваго взгляда такое рѣшеніе кажется страннымъ: что̀ заставило Алкуина покинуть отечество? Разумѣется, не денежныя выгоды: онъ имѣлъ больше, чѣмъ было нужно для удовлетворенія его потребностей; онъ могъ разсчитывать и дома на блестящую карьеру, на архіепископскую каѳедру; пользы онъ не мало приносилъ и дома; книгъ въ Іоркѣ было, конечно, больше, чѣмъ въ любомъ городѣ сѣверныхъ владѣній Карла.

Digitized by Google

Чтобы понять поступокъ Алкуина, мы должны прежде всего отрѣшиться отъ современнаго намъ представленія объ отечествѣ. Для средневѣковаго духовнаго и піонера цивилизаціи, отечества въ нашемъ смыслѣ не было; его отечество было вездѣ, гдѣ говорятъ по-латыни и хотятъ учиться. Далѣе: Англія была слаба и раздѣлена между мелкими царьками, которые часто ссорились и вели разбойническія войны. Въ Нортумберлендѣ, со времени смерти Беды (735 г.), ни одинъ король не могъ доцарствовать до естественнаго конца жизни. Земледѣліе пало вслѣдствіе отсутствія безопасности; страна ужасно страдала отъ голода и мора; появились первыя толпы разбойниковъ-датчанъ; порядка, единства нельзя было ожидать и въ близкомъ будущемъ. Съ другой стороны слава великаго цивилизатора и побѣдоноснаго устроителя Запада давно успѣла дойти до Іорка; Алкуинъ зналъ, что въ подвластной ему землѣ онъ найдетъ и единство, и порядокъ, и могучую политическую силу, которая непосредственно проведетъ въ жизнь его замыслы; дѣйствуя въ Іоркѣ, Алкуинъ вліялъ на десятки учениковъ; въ Ахенѣ онъ могъ вліять на сотни тысячъ. Наконецъ, мы должны принять въ разсчетъ то стремленіе на материкѣ Европы, которое въ предыдущемъ и въ этомъ столѣтіяхъ увлекало лучшихъ людей съ Британскихъ острововъ въ нынѣшнюю Францію и Германію, и съ которымъ мы подробнѣе познакомимся въ слѣдующей главѣ.

Впрочемъ, Алкуинъ не порвалъ связей съ родиной: получивъ отъ Карла приглашеніе при встрѣчѣ съ нимъ въ Парижѣ, куда Алкуинъ попалъ проѣздомъ въ Римъ за архіепископскимъ палліумомъ для Эанбальда, ректоръ іоркской школы вернулся домой и отправился къ Карлу только тогда, когда заручился согласіемъ своего короля и іоркскаго архіепископа. Съ этихъ поръ Алкуинъ дѣйствуетъ на континентѣ, какъ наиболѣе дѣятельный и способный помощникъ Карла въ дѣлѣ распространенія образованія, какъ другъ его и совѣтникъ въ важнѣйшихъ государственныхъ и религіозныхъ дѣлахъ и какъ ученый богословъ, поборникъ ересей.

Его дѣятельность на пользу просвѣщенія проявлялась посредственно и непосредственно. О первой мы должны догадываться; для характеристики второй мы имѣемъ документальныя свидѣтельства. Мы догадываемся, что Алкуинъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ пребыванія на континентѣ былъ при Карлѣ чѣмъ-то въ родѣ статсъ-секретаря и министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, что капитуляріи, циркуляры и частныя распоряженія, касающіяся этихъ предметовъ, должны были проходить черезъ его руки. Мы документально знаемъ, что Алкуинъ былъ главнымъ преподавателемъ, точнѣе сказать, директоромъ палатинской школы и составилъ рядъ

Digitized by Google

учебниковъ, которые были въ славѣ долго послѣ распаденія школы и смерти автора.

Вопросъ о началѣ и устройствѣ палатинской школы до сихъ поръ не вполнѣ ясенъ; можетъ быть, онъ и никогда не уяснится, тѣмъ болѣе что она не была школой въ современномъ значеніи этого слова, съ годомъ основанія, съ опредѣленнымъ курсомъ, съ разграниченіемъ учителей и учениковъ. Начала ея слѣдуетъ искать довольно далеко, еще при Меровингахъ: при дворахъ ихъ, во 1-хъ, существовала дворцовая капелла, состоявшая исключительно изъ духовныхъ лицъ различныхъ возрастовъ, изъ которыхъ одни учились у другихъ св. писанію и пѣнію; во 2-хъ, при ихъ же дворахъ воспитывались дѣти знатныхъ,—обычай, принесенный изъ лѣсовъ Германіи; при Меровингахъ этихъ воспитанниковъ, конечно, рѣдко утруждали книжнымъ ученіемъ.

Сан-галленскій монахъ разсказываетъ, что Карлъ разъ осматривалъ одну школу, гдѣ были дѣти изъ разныхъ классовъ общества. Оказалось, что дѣти бѣдныхъ и незнатныхъ родителей работали усердно и съ успѣхомъ, а дѣти знатныхъ плохо и безуспѣшно. Похваливъ первыхъ и пообѣщавъ имъ высокія должности, Карлъ, обратившись къ знатнымъ, сказалъ: «Клянусь царемъ небеснымъ! Я не высоко цѣню ваше знатное происхожденіе и красивыя личики; пусть вамъ удивляются другіе! Знайте навѣрно: если вы не вознаградите немедленно своей прежней лѣности усиленнымъ стараніемъ, вы не получите отъ Карла ничего хорошаго» (I, 3).

Положимъ, что этотъ анекдотъ и нельзя принимать буквально, но во всякомъ случаѣ онъ вѣрно выражаетъ взглядъ Карла на сравнительное значеніе знатности и образованія. Очевидно, что при дворѣ такого государя молодые дворяне, мечтавшіе стать близкими къ престолу людьми, должны были учиться. Они-то, вмѣстѣ съ членами капеллы и семейства короля, и составили главный контингентъ учениковъ Алкуина. Самъ Карлъ, не смотря на свои сложныя занятія, можно сказать, съ жадностью поглощалъ самыя разнообразныя научныя свѣдѣнія, которыми могъ позаимствоваться отъ Алкуина, и хотя Алкуинъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ ученѣйшихъ, если не ученѣйшимъ человѣковъ своего столѣтія, Карлъ хотѣлъ бы еще бо́льшаго. Тотъ же с.-галленскій монахъ разсказываетъ, что Карлъ однажды воскликнулъ въ присутствіи Алкуина: «О, еслибъ мнѣ 12 такихъ ученыхъ, какъ св. Іеронимъ и Августинъ!», на что Алкуинъ не безъ сарказма отвѣчалъ ему: «Самъ Богъ имѣлъ только двоихъ, а ты захотѣлъ цѣлыхъ 12!»

Надо полагать, что палатинская школа совмѣщала въ себѣ два разнородныхъ учрежденія: школу въ собственномъ смыслѣ, гдѣ учи-

Digitized by Google

лись дѣти и подростки, гдѣ учился, напр., историкъ Карла Великаго Эйнгартъ, и нѣчто въ родѣ академіи наукъ, большинство членовъ которой были однако не ученые спеціалисты, а люди, еще только каждущіе познаній.

Чему училъ въ этой школѣ Алкуинъ и чѣмъ занимались члены этой академіи? Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые дастъ намъ понятіе о состояніи образованія при Карлѣ Великомъ.

Пересматривая учебники и трактаты Алкуина, мы чувствуемъ себя на границѣ между наукой древности и средневѣковой наукой—схоластикой. Алкуинъ знаетъ 7 свободныхъ искусствъ и учитъ имъ; но сумму своихъ знаній онъ называетъ философіей. «Философія, по его опредѣленію, есть изслѣдованіе природы, познаніе дѣлъ человѣческихъ и божественныхъ, насколько оно доступно смертнымъ, умѣнье хорошо жить, презирая міръ и думая о смерти». Она раздѣляется на физику, и логику. А въ предисловіи къ грамматикѣ онъ говоритъ, что поведетъ своихъ учениковъ черезъ *7 ступеней* философіи (которыя, разумѣется, не что иное, какъ знаменитыя trivium и quadrivium), и свои учебники, дѣйствительно, располагаетъ такимъ образомъ *). Его грамматика, изложенная въ формѣ разговора между двумя учениками: болѣе свѣдущимъ англо-саксомъ и менѣе свѣдущимъ франкомъ, разговора, въ который въ затруднительныхъ для сакса случаяхъ вмѣшивается учитель, трактуетъ о буквахъ, слогахъ и 8 частяхъ рѣчи; къ ней примыкаетъ любопытная для исторіи романскихъ нарѣчій и важная въ то время для переписчиковъ рукописей статья объ орѳографіи. Его риторика, изложенная въ формѣ діалога между королемъ Карломъ и учителемъ Альбиномъ, существенно разнится отъ схоластической въ томъ отношеніи, что обращаетъ вниманіе не на одну форму, а ставитъ на первый планъ содержаніе, да и формальную сторону Алкуинъ понимаетъ не такъ узко, какъ понимали ее впослѣдствіи: онъ говоритъ о положеніи тѣла оратора, о выраженіи, какое онъ долженъ придавать своему рту и пр. Главный его источникъ въ риторикѣ—Цицеронъ, но черезъ посредство Кассіодора. Его діалектика составлена главнымъ образомъ по Боэцію, но въ ней нѣтъ схоластическихъ тонкостей и много здравыхъ психологическихъ понятій, забытыхъ въ средніе вѣка. Астрономическая система Алкуина—система Птолемея, на основаніи которой солнце нѣсколько больше земли.

Какъ ни высоко цѣнилъ Алкуинъ свѣтъ науки, она для него не составляетъ цѣли, а средство къ изслѣдованію природы души, къ

*) До насъ дошли только его учебники тривіума: грамматики, риторики и діалектики, и трактатъ о движеніи луны—какъ часть астрономіи.

Digitized by Google

познанію Бога, которое есть высшее изъ всѣхъ познаній. Такъ и астрономіи воздавалъ онъ особенный почетъ за то, что черезъ нее познается Богъ въ своемъ твореніи: объ Авраамѣ, думаетъ онъ, не даромъ писано, что черезъ наблюденіе надъ движеніемъ планетъ дошелъ онъ до познанія Творца и Устроителя.

Члены академіи, въ которой Алкуинъ игралъ роль то призидинта, то ученаго секретаря, какъ бы желая забыть окружающее ихъ варварство, замѣняли свои имена псевдонимами, которые достаточно ясно характеризуютъ ихъ отношенія къ древности. Алкуинъ назывался не только Альбиномъ, но Флаккомъ, Пипинъ, сынъ Карла,—Юліемъ, Гизела, сестра Карла,—Люціей, дочь Карла,—Деліей; Ангильбертъ—Гомеромъ; сенешалъ Айдульфъ и каммергеръ Мегинфридъ приняли идиллическія имена Меналка и Тирсиса и т. д. Но самъ Карлъ принялъ библейское имя Давида, а его любимецъ Эйгартъ—Веселеила [1]). Очевидно, поклоненіе древности не было слѣпо [2]). Чѣмъ занимались члены академіи, можно видѣть отчасти изъ переписки Алкуина съ Карломъ, отчасти изъ діалога Пипина съ Алкуиномъ. Въ 1797 г. на цѣлый годъ спряталась планета Марсъ; Карлъ сейчасъ же допрашиваетъ Алкуина о причинѣ этого явленія; измѣнился дискъ луны—Алкуинъ долженъ разъяснить и это. Въ другой разъ Алкуинъ долженъ изложить въ письмѣ различіе между *aeternum* и *sempiternum*, *perpetuum* и *immortale*, *saeculum*, *aevum* и *tempus*. Вотъ отрывокъ такъ-называемой диспутаціи Алкина съ Пипиномъ [3]):

Пипинъ. Что такое буква? **Алкуинъ.** Стражъ исторіи. **П.** Что такое слово? **А.** Предатель души [4]). **П.** Кто рождаетъ слово? **А.** Языкъ. **П.** Что такое языкъ? **А.** Бичъ воздуха. **П.** Что такое воздухъ? **А.** Охрана жизни. **П.** Что такое жизнь? **А.** Для счастливыхъ—радость, для несчастныхъ печаль, ожиданіе смерти. **П.** Что такое смерть? **А.** Неизбѣжный исходъ, неизвѣстная дорога, плачъ для остающихся въ живыхъ, закрѣпленіе завѣщаній, разбойникъ для человѣка. **П.** Что такое человѣкъ? **А.** Рабъ старости, мимо проходящій путникъ, гость мѣста... **П.** Какъ помѣщенъ человѣкъ? **А.** Какъ лампада на вѣтру... **П.** Что такое годъ? **А.** Колесница [5]) міра. **П.** Кто везетъ ее? **А.** Ночь и день, холодъ и жаръ. **П.** Кто ея возницы? **А.** Солнце и луна [6]) и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди, близкіе къ государю, который въ вышеприведенномъ циркулярѣ 787 г. сближалъ неумѣнье хорошо

---

[1]) Библейскій художникъ. Исходъ, XXV, ст. 31—33.

[2]) Если бы у всѣхъ была такая же ревность къ наукѣ, сказалъ разъ Альуинъ Карлу, въ Галліи явились бы новыя Аѳины, и Аѳины *лучшія древнихъ*—христіанскія.

[3]) Migne: Patrologiae cursus completus, т. CI, стр. 975 и слѣд.

[4]) Proditor animi.

[5]) Quadriga.

[6]) Такой методъ разъясненія понятій посредствомъ фигуральныхъ синонимовъ не есть изобрѣтеніе Алкуина или его современниковъ: Алкуинъ въ этомъ случаѣ подражаетъ сочиненію аѳинянина Секунда Responsa aenigmatica (Werner, тамъ же, 18).

Digitized by Google

выражаться по латыни съ ересью, обращали большое вниманіе на чистоту и красоту языка; кто изъ членовъ академіи или изъ временно примкнувшихъ къ ней иностранныхъ ученыхъ, чувствовалъ въ себѣ способность писать стихи, того непремѣнно втягивали въ это дѣло, и судя по псевдониму Давида, самъ Карлъ едва ли ограничивался одобреніемъ написанныхъ отъ его имени стихотвореній.

Въ 790 г. Алкуинъ поѣхалъ на родину для устройства кое-какихъ частныхъ и общественныхъ дѣлъ; задержанный политической неурядицей, онъ оставался тамъ болѣе году. Вдругъ онъ получаетъ отъ Карла письмо: «Поспѣши къ намъ на помощь: ересь растекается гнуснымъ потокомъ по нашимъ владѣніямъ». Алкуинъ отправился въ путь, говорятъ, на другой же день.

Это была ересь адоптіанизма; она возникла въ Испаніи, состояніе которой представляло нѣчто параллельное съ состояніемъ Византійской имперіи; какъ тамъ, такъ и здѣсь политическія бѣдствія и униженія не возбудили энергіи интеллигентнаго общества, которое, пренебрегая насущными интересами, устремило всѣ свои силы на богословскіе вопросы. Различіе сказалось впослѣдствіи: Византія такъ и осталась на этой точкѣ и была постепенно поглощена варварскимъ нашествіемъ; а въ Испаніи, цивилизація которой была не столь глубока, общество скоро лишилось ея, возвратилось къ первобытной дикости и оказалось способнымъ къ энергической борьбѣ.

Теперь же отношеніе божества и человѣчества въ Христѣ занимало умы испанскихъ епископовъ несравненно болѣе, чѣмъ сопротивленіе арабамъ. Явилось мнѣніе, что хотя Христосъ, какъ Слово, есть сынъ Божій по происхожденію, но Іисусъ, дѣйствовавшій на землѣ,— сынъ Божій не по природѣ, а по усыновленію (adoptio) *). Во главѣ его защитниковъ стали два епископа: Элипандъ, архіепископъ толедскій—старикъ характера необыкновенно упорнаго, изувѣръ и фанатикъ въ дѣлѣ религіи, человѣкъ, сдѣланный изъ того матеріала, изъ котораго впослѣдствіи дѣлались великіе инквизиторы, и Феликсъ Ургельскій, изъ франкской Испаніи, человѣкъ обширнаго ума и познаній, святой жизни, характера мягкаго и податливаго, но увлекающійся до экзальтаціи; добротой съ нимъ можно было сдѣлать все, но строгость только ожесточала его.

Въ 791 г. Даніилъ, архіепископъ нарбоннскій, по распоряженію

*) Адоптіанисты обижались, когда ихъ называли несторіанами или аріанами; напротивъ, они охотно клеймили послѣднимъ прозвищемъ православныхъ за ихъ нежеланіе отдѣлять двѣ натуры Христа. Тѣмъ не менѣе, связь ихъ ученія съ восточными ересями, особенно съ несторіанствомъ, очевидна. Вѣроятно, на возникновеніе ереси имѣло вліяніе мусульманство, признававшее Христа только боговдохновеннымъ пророкомъ. *Werner*, тамъ же, 52; *Kurz*, Kirchengesch., 2, I, 473.

Digitized by Google

Карла Великаго, созвалъ соборъ для рѣшенія вопроса объ адоптіанизмѣ; Элипандъ, какъ епископъ страны, не подлежащей юрисдикціи Карла, не былъ ни на немъ, ни на послѣдующихъ соборахъ, и представителемъ ереси явился Феликсъ; дѣло какъ то обошли и оставили нерѣшеннымъ. Созвали второй соборъ въ Регенсбургѣ; Феликсъ оказался не въ силахъ отстоять свои мнѣнія и отрекся отъ нихъ; если бы его предоставили собственной совѣсти и только удалили бы отъ Элипанда, онъ, можетъ быть, и не вернулся бы къ ереси. Но его отвели въ Римъ, гдѣ папа Адріанъ велѣлъ бросить его въ тюрьму, истомилъ въ ней и потомъ лишилъ его епископства. Феликсъ возвратился на родину, обезчещенный, озлобленный; онъ сталъ работать въ пользу ереси въ качествѣ бродячаго проповѣдника, дѣйствуя на массу святостью своей жизни и горячимъ словомъ. Ересь распространилась за предѣлы Испаніи, и число ея приверженцевъ росло съ каждымъ днемъ. Тогда-то обратились къ Алкуину, который былъ прежде въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Феликсомъ. Алкуинъ сразу взялся за дѣло какъ слѣдуетъ: онъ прибѣгъ къ мѣрамъ кротости, къ увѣщаніямъ не поднимать вопросовъ, уже давно порѣшенныхъ святыми отцами церкви. Но Феликсъ уже былъ слишкомъ озлобленъ предшествующимъ гоненіемъ и упорствовалъ. Тогда Алкуинъ обличилъ ересь циркулярнымъ посланіемъ; въ отвѣтъ на это, испанское духовенство написало посланіе къ Карлу; судя по язвительности его тона, къ нему, вѣроятно, приложилъ свою руку Элипандъ. Возгорѣлась ожесточенная полемика. Франкфуртскій соборъ, порѣшившій, между прочимъ, дѣло объ иконахъ—противъ мнѣнія греческаго собора онъ отвергъ обязательность ихъ почитанія*)—и окончательно осудившій никѣмъ не защищаемый адоптіанизмъ, только сильнѣе раздражилъ его приверженцевъ. Наконецъ, въ 799 г. Лейброду Ліонскому удалось уговорить Феликса отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Ахенъ; туда прибылъ Алкуинъ, жившій въ то время уже въ Турѣ; съѣхались епископы и аббаты; составился соборъ, и начались пренія. Феликсъ упорствовалъ. Разсказываютъ, что Алкуинъ, уже отчаявшійся въ успѣхѣ, взялъ въ руки книгу св. Кирилла и, разогнувъ ее, печально прочелъ, обращаясь къ собранію: «вотъ человѣкъ, соблазненный діаволомъ, а побѣдою Христа его мѣсто превыше ангеловъ, по правую руку отъ Господа». Феликсъ заплакалъ и объявилъ себя обращеннымъ. Съ тѣхъ поръ онъ оставался вѣренъ православію; по крайней мѣрѣ, не отпадалъ отъ него явно; однако, до

*) Это дѣло приноситъ мало чести Карлу и его совѣтникамъ: во 1-хъ, король руководствовался отчасти личнымъ раздраженіемъ противъ императрицы Ирины; во 2-хъ, соборъ осудилъ православное постановленіе, руководствуясь невѣрнымъ его переводомъ (Werner, тамъ же, 52 и слѣд.).

Digitized by Google

Элипанда и до епископской каѳедры его не допускали, и онъ умеръ на покоѣ во Франціи. Ересь окончательно была подавлена миссіею, которую Карлъ Великій снарядилъ въ Испанію.

При томъ уваженіи, какое Карлъ оказывалъ наукѣ вообще и Алкуину въ частности, и не имѣя подъ руками фактовъ, можно смѣло утверждать, что Алкуинъ долженъ былъ пользоваться довѣріемъ Карла и имѣть вліяніе на рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Но мы имѣемъ и несомнѣнныя данныя: покинувъ палатинскую школу, Алкуинъ ведетъ съ Карломъ оживленную переписку, изъ которой усматриваютъ, напр., что онъ задолго до провозглашенія Карла императоромъ зналъ о предстоящемъ ему повышеніи въ титулѣ. Любопытно письмо Алкуина, написанное имъ къ Карлу послѣ покоренія аваровъ. Опережая политику своего вѣка, Алкуинъ не только настаиваетъ на непригодности насильственнаго крещенія, принятія христіанства только съ внѣшней стороны, но, въ ущербъ выгодамъ своего сословія и въ противность общепринятому взгляду, еще и доказываетъ, что требованіе десятины въ пользу церкви для новообращенныхъ можетъ принести огромный вредъ: «Развѣ апостолы, самимъ Христомъ Богомъ поставленные и посланные на проповѣдь, спрашивали десятину или требовали ея? Мы знаемъ, что сборъ десятины съ имущества—дѣло хорошее (res valde bona est но все же лучше отказаться отъ десятины, чѣмъ погубить вѣру *)».

Это письмо писано Алкуиномъ въ 796 г., вѣроятно, уже изъ аббатства св. Мартина въ городѣ Турѣ, которое учитель, давно стремившійся къ монастырскому покою, получилъ отъ Карла отчасти въ награду **), отчасти для насажденія наукъ въ Турѣ; тамъ уже прежде существовала школа, но шла она очень плохо. Прибывъ сюда и не особенно интересуясь пріумноженіемъ и безъ того значительныхъ богатствъ аббатства, Алкуинъ съ жаромъ предался устройству школы; онъ вскорѣ поднялъ ее, набралъ массу учениковъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и увеличилъ до тѣхъ поръ бѣдную библіотеку отчасти выписанными изъ Англіи, отчасти списанными тутъ же книгами. По собственнымъ словамъ его, Алкуинъ помолодѣлъ за любимымъ занятіемъ. Успѣхъ наградилъ его старанія: изъ этой школы вышла масса церковныхъ сановниковъ и монастырскихъ учителей,

*) Sed melius est illam amittere, quam fidem perdere. *Migne* Patr. cursus t. C. 137—9. Онъ не разъ возвращается къ этой мысли; въ другомъ письмѣ онъ ясно говоритъ: „Decimae Saxonum subverterunt fidem". „Quo modo, удивляется онъ въ другомъ мѣстѣ, potest homo cogi ut credat, quod non credit? Impelli potest homo ad baptizmum, non ad fidem". (Ampère l. c. 75).

**) Съ самаго пріѣзда на континентъ Алкуинъ получалъ, по милости Карла, на содержаніе доходы двухъ богатыхъ аббатствъ.

Digitized by Google

между прочимъ, и знаменитый въ исторіи германской цивилизаціи Грабанъ Фульдскій. Рядъ потомковъ Алкуина по наукѣ тянется непрерывною цѣпью до Герберта и даже до Абеляра.

Въ послѣдніе годы жизни Алкуина между нимъ и императоромъ происходили размолвки, неимѣвшія, однако, важныхъ послѣдствій, между прочимъ, по поводу того, что Карлъ сблизился съ учеными ирландскими монахами, которыхъ Алкуинъ, какъ англо-саксъ и ревностный сынъ церкви, ненавидѣлъ отъ всей души. Алкуинъ умеръ въ 804 г., 67 лѣтъ отъ роду, приготовившись къ суду божьему добрыми дѣлами и размышленіями о смерти.

Выше говорено объ его учебникахъ и письмахъ; кромѣ ихъ, Алкуинъ оставилъ большую поэму: «О настоятеляхъ св. Іоркской церкви», стихотворное житіе Виллиброда, массу мелкихъ стихотреній, до 380 числомъ; интереснѣе другихъ для характеристики эпохи Carmina ad varios, рядъ философскихъ сочиненій («О порокахъ и добродѣтеляхъ», «О душѣ»), и комментаріи на нѣкоторыя книги библіи. Въ комментаріяхъ онъ только компиляторъ отцовъ церкви. Наконецъ онъ положилъ много труда на исправленіе текстовъ св. писанія, которые естественно искажались переписчиками подъ вліяніемъ живаго языка *).

Не впадая въ тонъ панегирика и руководствуясь не столько житіемъ его, сколько болѣе объективными источниками, смѣло можно сказать, что Алкуинъ одинъ изъ лучшихъ людей своего вѣка. Горячій поклонникъ и усердный работникъ науки, даровитый учитель, кроткій, нестяжательный, свободный отъ мелочнаго честолюбія, но въ то же время свободный и отъ исключительности аскета, Алкуинъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ представителей католическаго духовенства, которые, внушая къ себѣ симпатію и уваженіе людямъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, подготовляли постепенно свѣтскую власть церкви. Съ этой точки зрѣнія достоинства Алкуина и ему подобныхъ и пріобрѣтенное черезъ эти достоинства вліяніе опасны для будущаго, тѣмъ болѣе что, по его искреннему убѣжденію, власть папы выше всѣхъ остальныхъ властей въ мірѣ **).

Съ того же итальянскаго похода, во время котораго Карлъ Великій познакомился съ Алкуинымъ, онъ привелъ съ собой въ Галлію ученаго конгобарда Павла Діакона.

*) Сочиненія Алкуина издалъ Фробенъ въ 1776 г.: Alcuini opera omnia ed. Frobenius. Ratisbonnae. Они перепечатаны у Миня въ C и CI томахъ. Важныя дополненія сдѣлали: *Wattenbach-Dümmler*: Monumenta Alcuiniana Berl. 1873. Изслѣдованія: Francis *Monnier*: Alcuin et Charlemagne 2-de ed. 1863. *Lorentz*: Alcuins Leben. Halle 1829. *Werner*, тамъ же. Ср. *Wattenbach*: Deutschlands Geschichtsquellen, 2-te Ausg. Berl. 1866. Стр. 111 и др.

**) Ampère, тамъ же, 75.

Digitized by Google

Не уступая Алкуину ни въ образованіи, ни въ талантѣ, ни въ трудолюбіи, Павелъ не можетъ претендовать на столь же важное мѣсто въ исторіи цивилизаціи средней Европы. Хотя разсказы объ его до самозабвенія доходившей вѣрности падшему королевскому дому, объ его непримиримой ненависти къ завоевателю и оказались принадлежащими къ области вымысла,—вымыселъ этотъ, какъ почти всегда бываетъ, въ основѣ своей вѣренъ дѣйствительности: не безумствуя, не составляя заговоровъ, Павелъ Дьяконъ былъ далекъ отъ того, чтобы привязаться къ личности и дѣлу Карла всею душей. По русской пословицѣ: «какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», Павелъ подчинялся не центростремительной, а центробѣжной силѣ, и оставался при дворѣ Карла только изъ боязни разгнѣвать владыку и изъ разсчета; онъ, можетъ быть, не вѣрилъ въ успѣхъ цивилизаціи, исходящей отъ представителя варварства, и, какъ романизированный человѣкъ, въ глубинѣ души чувствовалъ презрѣніе къ сѣвернымъ дикарямъ.

Павелъ, сынъ Варнефрида, называемый современниками и потомками по своему духовному сану Дьякономъ, происходилъ изъ благородной лонгобардской фамиліи, которая немедленно послѣ вторженія лонгобардовъ въ Италію поселилась около Фріуля (Forum Iulii). Въ 610 году прадѣдъ Павла былъ взятъ въ плѣнъ аварами и хотя возвратился впослѣдствіи изъ плѣна, но не могъ возвратить своихъ земель, захваченныхъ сосѣдями, такъ-что ближайшіе предки Павла были небогаты. Но недостатокъ богатства вознаграждался отчасти близостью ихъ къ королевскому дому. Павелъ, родившійся около 725 года *), по всей вѣроятности, воспитывался при дворѣ короля Ратхиса (правилъ отъ 744—9 г.), учился у грамматика Флавіана, о которомъ онъ въ продолженіе всей жизни вспоминаетъ съ благодарностью. Предполагаютъ, что по окончаніи воспитанія онъ служилъ при королѣ Дезидеріи и занимался обученіемъ его дочери, принцессы Адельперги. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что онъ въ продолженіе всей жизни былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ Адельпергой и съ ея мужемъ Арихисомъ, герцогомъ Беневентскимъ; слѣдовательно стоялъ достаточно близко къ королевскому дому, такъ-что паденіе послѣдняго (774 г.) могло сильно повліять на Павла и загнать его въ настырь Монте-Кассино. Онъ скоро полюбилъ тихую монастырскую жизнь и съ охотой предался кабинетнымъ занятіямъ. Еще въ 763 г. Адельперга пожелала познакомиться съ исторіей. Павелъ послалъ ей Евтропія, но она не удовлетворилась имъ: слишкомъ мало нашла она тамъ того, чѣмъ особенно интересовалась,—

*) Въ поэмѣ къ Карлу Великому, написанной между 781—6 г., онъ говоритъ про себя: jam gravante senio...

Digitized by Google

событій церковной исторіи. Тогда Павелъ рѣшился самъ составить для нея книжку: онъ распространилъ Евтропія и довелъ разсказъ до вторженія лонгобардовъ; это его *historia romana*. Историческое ея значеніе ничтожно: огромное большинство фактовъ извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ, а приводимые имъ новые факты не заслуживаютъ довѣрія. Но любопытна церковная антиварварская точка зрѣнія автора на излагаемыя имъ событія.

Въ 776 г., во Фріулѣ, лонгобарды попытались возстать противъ франковъ; попытка, разумѣется, не удалась: Карлъ быстро подавилъ заговоръ, арестовалъ и увелъ съ собою наиболѣе скомпроментированныхъ лицъ; въ числѣ ихъ былъ и родной братъ Павла, называвшійся, какъ и герцогъ Беневентскій, Арихисомъ; ихъ имѣніе было при этомъ случаѣ отобрано въ казну. На 7-й годъ братнина плѣна, Павелъ, во время пребыванія Карла въ Италіи, обратился къ нему съ просьбой объ освобожденіи брата въ формѣ латинской элегіи. Вѣроятно, Карлъ немедленно воспользовался случаемъ завязать сношенія съ ученымъ лонгобардомъ. Скоро мы видимъ Павла при дворѣ Карла въ нынѣшней Франціи, гдѣ ему сдѣлали блистательный пріемъ; но онъ уже отвыкъ отъ двора, да и къ Карлу не чувствовалъ большой симпатіи; черезъ годъ онъ пишетъ къ монте-кассинскому аббату письмо, въ которомъ высказываетъ свою тоску по тишинѣ монастырской кельи. Павелъ достигъ своей ближайшей цѣли, но Карлъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ, и онъ принужденъ былъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто за его кочующимъ дворомъ. Павелъ принималъ участіе въ литературныхъ забавахъ двора *), училъ по-гречески духовныхъ, назначенныхъ въ свиту дочери Карла Ротрудѣ, которую прочили замужъ въ Византію; сочинялъ надгробныя надписи для принцессъ Карлова дома, по порученію Карла исправлялъ богослужебныя книги, а по порученію мецскаго епископа Ангильрама написалъ исторію епископства мецскаго. Съ особенною подробностью говорилъ онъ въ ней о родѣ и предкахъ Карла Великаго, можетъ быть, согласно желанію короля или, по крайней мѣрѣ, въ угоду ему; во всякомъ случаѣ очевидно намѣреніе оправдать и узаконить, черезъ посредство церковныхъ преданій, захватъ королевской власти Карловингами **). По порученію Карла, но уже вернувшись домой въ Монте-Кассино, въ 787 г., Павелъ составилъ сборникъ образцовыхъ проповѣдей выбранныхъ имъ изъ Амвросія, Августина, Іеронима, папы Льва, Григорія и др. Этотъ трудъ Павла, долго служившій христоматіей для проповѣдниковъ, доставилъ автору почетную извѣ-

*) До насъ дошло нѣсколько его шутливыхъ стихотвореній, обращенныхъ къ Карлу и наполненныхъ намеками, большинство которыхъ намъ, къ сожалѣнію, непонятно.

**) Watenbach, тамъ же, 116.

Digitized by Google

стность въ средніе вѣка и даже позднѣе. Въ томъ же 787 г. умеръ Арихисъ Беневентскій; Павелъ составилъ ему эпитафію, которая считается его совершеннѣйшимъ поэтическимъ произведеніемъ. Вотъ ея начало: «Земля, влажная отъ слезъ плачущихъ народовъ, заключаетъ въ себѣ благородное тѣло великаго государя: здѣсь почіетъ могучій, преславный, оплакиваемый Арихисъ, герой во всемъ проворнѣйшій. Достойно восхвалить его едва могли бы уста Туллія или твой языкъ, о Маронъ! *) Онъ уважалъ художества и науки, охранялъ бодро божественное писаніе; въ искусствѣ владѣть оружіемъ превосходилъ юношей, а въ благочестіи и въ религіозной ревности—самое духовенство; онъ, какъ мудрый кормчій, управлялъ ладьей отечества, утѣшалъ печальныхъ и несчастныхъ. Его оплакиваютъ Беневентъ, Салерно, Апулія, Калабрія, жители по Дунаю и По. Увы, твоя жена, съ грудью на вѣки пронзенной мечемъ, отъ скорби едва влачитъ дни свои **). Она утѣшается только мыслью, что твои добродѣтели доставятъ тебѣ царство небесное». Поэтъ заканчиваетъ любопытной молитвой: О могущественная царица, Дѣва-Богородица, да почіетъ спокойно его прахъ у священнаго *Лара* (sic!) ***). Послѣдніе годы своей жизни Павелъ Дьяконъ провелъ спокойно въ монастырѣ, занятый своей *Исторіей лонгобардовъ*, окончить которую не дала ему смерть (около 795 г.). Это несомнѣнно важнѣйшій его трудъ, одинаково интересный и для историка политическаго, и для историка литературы. Павелъ собралъ въ одно цѣлое всѣ поэтическія преданія о старинѣ своего народа, такъ сказать, въ самый моментъ его политической смерти, преданія, которыя безъ его труда погибли бы для потомства безвозвратно. Его заслуга не ограничивается тѣмъ, что онъ, ученый латинистъ и эллинистъ, не пренебрегъ окончательно этими баснями варваровъ; онъ отнесся къ нимъ съ почтеніемъ, даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, и не позволилъ себѣ уродывать ихъ псевдоученой критикой и поправками. Въ остальной части своего труда (онъ довелъ исторію лонгобардовъ до смерти Ліутпранда, т. е. до 744 года) онъ пользуется больше книжными пособіями: изъ Григорія Турскаго, Беды и др. онъ беретъ цѣлые отрывки и не умѣетъ переработать

*) Lugentum lacrymis populorum roscida tellus
Principis haec magni nobile corpus habet:
Hic namque in cunctis reculat celerrimus heros,
Praepotens Arichis, o decus atque dolor!
Tullius ore potens cujus vix pangere laudes,
Ut dignum est, posset, vel tua lingua Maro!

**) Eheu perpetuo pectus transfixa mucrone,
Lanquida membra trahens, te moribunda dolet.

***) O regina potens, virgo genitrixque creantis
Prosit ei huc sacro membra dedisse Lari!

Digitized by Google

ихъ въ одно цѣлое; его хронологія спутана; онъ позволяетъ себѣ дѣлать длинныя, не идущія къ дѣлу отступленія. Тѣмъ не менѣе и строгіе критики признаютъ за нимъ несомнѣнныя достоинства: ясность изложенія, любовь къ истинѣ, теплоту патріотическаго чувства; многіе изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ чрезвычайно важны для насъ, такъ какъ онъ пользовался источниками, нынѣ затерянными; его языкъ, чрезвычайно правильный и изящный для его времени, отличается большой простотой и безъискусственностью *).

И Алкуинъ, и Павелъ Дьяконъ, и знаменитый грамматикъ Петръ Пизанскій, и итальянскій готъ Теодульфъ, оставившій въ своихъ изящныхъ стихотвореніяхъ живое изображеніе двора Карла, и ненавистные Алкуину ирландцы,—были люди пришлые. Они знали Карла какъ великаго просвѣтителя; Карлъ, король франковъ, былъ имъ чуждъ или даже антипатиченъ. Какъ Петру Великому плохонькіе русскіе были подчасъ дороже высокоученыхъ и талантливыхъ иностранцевъ, такъ и для Карла особенно дорога была помощь просвѣщенныхъ франковъ, которые могли вполнѣ понять его, съ его нѣмецкой грамматикой и нѣмецкими пѣснями. Сыпать деньгами и тѣмъ привлекать даровитыхъ иностранцевъ умѣютъ и герцоги феррарскіе, но создавать людей могутъ только геніи въ родѣ Карла и Петра. Наиболѣе выдающіеся и наиболѣе близкіе сердцу Карла изъ «птенцовъ гнѣзда» его были Ангильбертъ и Эйнгартъ. Ангильбертъ былъ почти ровесникъ Карлу; онъ воспитывался при дворѣ франкскихъ королей, можетъ быть, при вышеупомянутой капеллѣ. Онъ, повидимому, уже давно закончилъ свое образованіе и помогалъ Карлу въ его многотрудныхъ занятіяхъ, когда ко двору пріѣхали Алкуинъ и Петръ Пизанскій. Ангильбертъ, по примѣру своего господина и друга, ревностно предался занятіямъ подъ ихъ руководствомъ и сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ палатинской академіи, гдѣ получилъ прозвище Гомера, вѣроятно, за свой поэтическій талантъ. Эти упражненія столь же мало препятствовали ему заниматься дѣлами, какъ и самому Карлу; нѣкоторое время онъ занималъ довольно важное мѣсто въ Италіи, три раза ѣздилъ посломъ къ папѣ и пр. Насколько близокъ былъ онъ къ Карлу, видно изъ того, что онъ подписалъ, въ качествѣ свидѣтеля, духовное завѣщаніе императора. Онъ былъ духовнымъ и считался аббатомъ монастыря св. Рикарія въ Пикардіи; но онъ не ограничился полученіемъ и расточеніемъ доходовъ своего аббатства, а

*) О немъ см. Felix Dahn: Des Paulus Diakonus Leben und Schriften. Leipzig. 1876 (изъ Longobardische Studien).—Otto Abel: Paulus Diakonus und die uebrigen Geschichtschreiber der Longobarden. Berl. 1857. Einleitung I—XXIX.—Wattenbach, тамъ же, 113 и слѣд.

Digitized by Google

привязался къ нему, хотѣлъ обогатить его и украсить. Любимецъ Карла, разумѣется, располагалъ для этого достаточными средствами, и при постройкахъ аббатства работали королевскіе мастера; сюда пересылались изъ Италіи античныя колонны и лѣпныя украшенія. Монастырь былъ снабженъ библіотекой въ 200 томовъ, въ числѣ которыхъ находилось житіе основателя монастыря, св. Рикарія, переділанное по просьбѣ Ангильберта Алкуиномъ.

Человѣкъ, такъ много сдѣлавшій для монастыря, разумѣется, имѣлъ полное основаніе разсчитывать на канонизацію, и Ангильбертъ былъ въ свое время признанъ святымъ; но авторамъ житія его пришлось прибѣгнуть къ различнымъ ухищреніямъ, чтобы замаскировать его отношенія къ красавицѣ Бертѣ, дочери Карла. Ангильбертъ, несомнѣнно, былъ ея любовникомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ сыновей отъ этого гражданскаго брака, Нитгардъ. Карлъ, конечно, зналъ объ этой связи и, повидимому, не сердился ни на Ангильберта, ни на Берту. Удивляться тутъ нечему: самъ Карлъ имѣлъ нѣсколькихъ признанныхъ любовницъ и много незаконныхъ дѣтей; при дворахъ государей, реформаторовъ рѣдко царствуетъ строгая нравственность; къ тому же времена Фредегондъ были еще очень недалеки.

До насъ дошло немного поэтическихъ произведеній Ангильберта, но это немногое драгоцѣнно по живости воспроизведенія дѣйствительности; два несомнѣнно ему принадлежащія стихотворенія: посланіе къ Карлу и его двору и поздравленіе Пипина съ счастливымъ окончаніемъ похода *), выражаютъ въ прочувствованныхъ стихахъ искреннюю привязанность автора къ королевскому семейству и показываютъ, что Ангильбертъ изучалъ римскихъ поэтовъ не затѣмъ, чтобъ получить способность лѣпить безсодержательные панегирики изъ наворованныхъ у нихъ стиховъ. Тѣмъ не менѣе, довольно курьозное впечатлѣніе производитъ *псевдоклассицизмъ* этой отдаленной эпохи, проявляющійся въ стремленіи упрятать новое содержаніе въ потерявшія смыслъ формы; не странно ли, напримѣръ, что Ангильбертъ называетъ монахиню Гизелу, «Христову невѣсту», «прелестной невѣстой великаго громовержца» **)?

Ангильберту же приписываютъ и, повидимому, съ полнымъ основаніемъ, отрывокъ изъ начала третьей книги поэмы о Карлѣ Великомъ (всего 536 стиховъ). Послѣ краткаго введенія, поэтъ переходитъ къ восхваленію Карла (надо признаться, довольно риторич-

*) Migne, XCIX, 851—3.

**) Egregii sponsa praepulchra Tonantis.

Digitized by Google

ному *), а за нимъ слѣдуетъ очень пластичное описаніе большой королевской охоты. Изъ выводимыхъ на сцену лицъ, поэтъ съ особенной симпатіей останавливается на дочеряхъ Карла. Далѣе идетъ изложеніе сна императора: онъ въ грезахъ видитъ всѣ бѣды, приключившіяся съ папою Львомъ III. Критики усматриваютъ въ этомъ ловкій пріемъ, избавляющій автора отъ необходимости излагать скучныя посольства. «Никто, говоритъ Ваттенбахъ **), взявшій въ руки этотъ отрывокъ, не положитъ его безъ чувства сожалѣнія о томъ что онъ такъ кратокъ: слышится свѣжее дыханіе здоровой жизни, и мы чувствуемъ себя на минуту освѣженными послѣ затхлой атмосферы однообразныхъ монастырскихъ хроникъ».

Ангильбертъ пережилъ своего владыку, благодѣтеля и друга всего на три недѣли: онъ умеръ 18-го февраля 814 года.

Ангильберта Карлъ любилъ какъ брата, а Эйнгарта ***) какъ сына. Ангильбертъ—человѣкъ того же поколѣнія, что и Карлъ; реформа захватила его уже взрослымъ; Эйнгартъ—дѣло рукъ Карла, дитя реформы, одинъ изъ такихъ людей, какими Карлъ желалъ бы видѣть всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобъ превратить свое государство въ христіанскія Аѳины.

Эйнгартъ родился въ 776 г. и первоначальное образованіе получилъ въ монастырѣ Фульдскомъ. Замѣтивъ блестящія способности мальчика, аббатъ Баугольфъ отослалъ его ко двору Карла, не смущаясь его низкимъ происхожденіемъ и невзрачною наружностью ****): онъ зналъ, насколько Карлъ выше этихъ случайныхъ благъ ставилъ знанія и любовь къ наукамъ. Молодой человѣкъ учился въ палатинской школѣ и былъ ея украшеніемъ. Особенно старательно занялся онъ архитектурой, которую изучилъ по Витрувію и античнымъ образцамъ. Впослѣдствіи онъ приложилъ свои знанія къ дѣлу, завѣдывая постройками, задуманными Карломъ, отправляя при немъ такимъ образомъ должность министра общественныхъ работъ. Кромѣ того, онъ исполнялъ другія важныя порученія, ѣздилъ, напримѣръ, посломъ къ папѣ. Въ 813 году именно онъ уговорилъ Карла провозгласить Людовика императоромъ. Отсюда понятно, почему онъ и при Людовикѣ пользовался такимъ значеніемъ. Но Эйнгартъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исполнительныхъ, аккуратныхъ и тихихъ

*) Ст. 13: Spargit ad astra suum Carolus rex nomen opimum.

Оказывается, что по краснорѣчію Карлъ превосходитъ Катона Цицерона и Гомера и т. п. См. Pertz. SS. II, 393 и слѣд.

**) Ср. G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne. 1865. Paris, стр. 35.

***) Такъ, а не Эгинвартомъ называли его современники.

****) Эйнгартъ былъ замѣчательно маленькаго роста; надъ нимъ по этому случаю острятъ современные ему поэты, а Валафридъ Страбонъ называетъ его *человѣчкомъ* — homuncio, „nam statura despicabilis videbatur“.

Digitized by Google

людей, которые составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для прочнаго правительства, но не могутъ управлять событіями, сейчасъ же теряются при сумбурѣ и сутолокѣ и спѣшатъ удалиться отъ дѣлъ. Въ 830 г. Эйнгартъ собралъ всю свою энергію, чтобы воспрепятствовать междоусобной войнѣ; не достигнувъ цѣли, онъ поспѣшилъ уйти въ свои частные интересы. Въ 836 г. умерла нѣжно-любимая жена его Имма *). Эйнгарту окончательно опостылѣлъ свѣтъ; онъ умеръ въ 844 г.

Важнѣйшее его литературное произведеніе — «Біографія Карла Великаго» (Vita Caroli Magni), написанная имъ сейчасъ же послѣ смерти императора. Это вполнѣ продуктъ реформы со всѣми ея хорошими и дурными сторонами. По стройности плана, по обдуманности, по чистотѣ языка, это образцовое произведеніе, подобнаго которому давно уже не возникало въ западной Европѣ. Искреннее чувство, симпатія автора къ герою, ужившаяся съ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу, придаютъ біографіи единство, цѣлостность и правдивость, выше которыхъ и желать нечего. Не только мы, но и ближайшее, успѣвшее до нѣкоторой степени одичать потомство оцѣнило ее: Vita дошла до насъ болѣе нежели въ 60 рукописяхъ. А вотъ оборотная сторона медали: біографія, написанная другомъ, ближайшимъ совѣтникомъ героя, имѣвшимъ полную возможность собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія, переполнена фактическими ошибками; очевидно, авторъ обращалъ исключительно вниманіе на красоту формы и пренебрегалъ содержаніемъ. Далѣе: Vita — рабское подражаніе Светонію: авторъ заимствуетъ у него выраженія, обороты, весь планъ; по словамъ Ранке, можетъ быть, во всей литературѣ новой Европы нѣтъ произведенія, гдѣ подражаніе древнимъ доходило бы до такой степени. Само собой разумѣется, что король франковъ, разсматриваемый черезъ призму отношеній императорскаго Рима, нѣсколько удаляется отъ дѣйствительности.

Вообще надо сказать, цивилизаторская дѣятельность Карла едва ли въ какой другой области литературы проявила себя такъ сильно, какъ въ исторіографіи. Въ концѣ VII и въ началѣ VIII столѣтія не только Григорій Турскій, но и трудъ Фредегара были недосягаемы; почти вся исторіографія сводилась къ житіямъ святыхъ и къ отрывочнымъ монастырскимъ лѣтописямъ, происшедшимъ изъ замѣтокъ на поляхъ пасхальныхъ таблицъ, и которыя безъ разбора ставили рядомъ самые разнородные, по своему значенію, факты. Съ

*) Фривольный анекдотъ объ его отношеніяхъ къ дочери Карла, будто бы переносившей маленькаго любовника на плечахъ своихъ, чистая выдумка, зародившаяся, вѣроятно, подъ вліяніемъ исторіи Ангильберта.

Digitized by Google

Карла Великаго отдѣльныя лица, народы, епископства, аббатства, церкви имѣютъ своихъ историковъ; съ другой стороны, тутъ же возобновляются попытки составить всеобщую исторію, не имѣющія въ виду никакой практической цѣли, а только теоретическій, научный интересъ; въ лѣтописяхъ становится замѣтна личность авторовъ, ихъ политическія стремленія. Амперъ *) указываетъ характерный примѣръ на знаменитой бертиньянской лѣтописи. Первый авторъ, анонимный, безхарактерный, доводитъ варварской латынью написанный разсказъ до 836 г. Ему наслѣдуетъ епископъ Пруденцій, испанецъ по рожденію; онъ человѣкъ съ классическимъ образованіемъ: для «войска» онъ уже не употребляетъ слова *hostis*, а exercitus; онъ даже города Франціи называетъ не современными именами, а классическими, хоть иногда и перевираетъ ихъ. Его наслѣдникъ Гинкмаръ начинаетъ съ упрековъ своему предшественнику, въ продолженіе всего разсказа онъ нападаетъ на своихъ враговъ, проводитъ тенденцію, преслѣдуетъ личныя цѣли.

При Карлѣ же начинаются и оффиціальныя, государственныя лѣтописи, часть которыхъ (отъ 796 до 829 г.) велъ, по всей вѣроятности, Эйнгардъ **). Онѣ имѣютъ всѣ достоинства и недостатки оффиціальной исторіографіи: ихъ извѣстія точны и обстоятельны, но происшествія, компрометирующія правительство, въ родѣ возмущеній родственниковъ государя, скрашены или опущены; ихъ наиболѣе характерная черта — оффиціальный оптимизмъ, напоминающій оптимизмъ реляцій съ театра военныхъ дѣйствій.

Заканчиваемъ эту главу словами историка-поэта Фрейтага, который подводитъ итогъ дѣятельности Карла Великаго въ такихъ выраженіяхъ ***): «Карлъ Великій, вступая на царство, былъ такимъ же неучемъ, какъ и его народъ, а по смерти своей оставилъ много большихъ образовательныхъ заведеній, тысячи книгъ, ученыхъ священниковъ и мірянъ во всѣхъ частяхъ имперіи. Тамъ, гдѣ дикіе саксы приносили человѣческія жертвы, гдѣ фризы убивали своихъ просвѣтителей, гдѣ авары разъѣзжали съ своими колчанами по лугамъ плодородныхъ долинъ, возвышались теперь колокольни, королевскія усадьбы и монастырскія школы. Великое государство его распалось при его преемникахъ, но зародыши жизни, брошенные имъ въ пахотную землю и въ души людей, пережили опустошенія послѣдующихъ временъ, и вмѣстѣ съ порядкомъ, который онъ далъ

*) Тамъ же, 141—2.

**) Wattenbach, тамъ же, 127 и слѣд. Онѣ называются Annales Laurissenses по имени монастыря (Лорисъ), гдѣ найдена древнѣйшая рукопись. См. ихъ Pertz. SS. I, 124.

***) Bilder aus d. deutschen Vergangenheit. Mittelalter. Русскій пер, стр. 212.

Digitized by Google

германцамъ, начинается новая самостоятельная эпоха германской (точнѣе—европейской) исторіи».

V Латино-греческая цивилизація и христіанство на Британскихъ островахъ. Миссіонерство и школы. Борьба британской и англо-саксонской церквей.—Беда.—Альфредъ Великій.—Скоттъ Эригена.

Wattenbach, Ebert, Gidel.

Морошкина: Древняя британская церковь. «Журн. М. Н. Пр. 1872. Октябрь, ноябрь и декабрь.

Boutervek: Caedmon's des Angelsachsen biblische Dichtungen. Güterloh. 1854. 1 Th. Einleitung.

J. B. Weiss, Geschichte Alfreds des Grossen. Schafthausen. 1852.

Theod. Christlieb, Leben und Lehre des Joh. Scotus Erigena. Gotha 1860.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что англо-саксы и бритты, наравнѣ съ итальянцами, естественными наслѣдниками римской образованности, явились въ качествѣ цивилизаторовъ въ монархію Карла Великаго. Мы вскользь замѣтили, что англо-саксы ненавидѣли бриттовъ. Прежде чѣмъ продолжать исторію духовной жизни центральныхъ странъ западной Европы, мы должны вернуться нѣсколько назадъ, чтобъ разъяснить, почему Британскіе острова въ концѣ VIII вѣка оказались на столь высокой сравнительно степени цивилизаціи и за что англо-саксы враждовали съ бриттами.

Отрасль кельтскаго племени, населявшая Британскіе острова, вслѣдствіе своей отдаленности отъ Рима, больше, сравнительно съ галлами, развила національную религію и дольше ее сохранила. Еще Цезарь считалъ Британію главнымъ центромъ друидизма. Мечтательная религія друидовъ подготовляла къ христіанству лучше, нежели государственная религія римлянъ: еще до появленія христіанскихъ миссіонеровъ, бритты вѣрили въ безсмертіе души и выше власти свѣтской ставили власть духовенства, которое въ тоже время составляло интеллигенцію страны.

Христіанство проникло въ Британію очень рано; мѣстныя, не вполнѣ, впрочемъ, достовѣрныя извѣстія говорятъ, что христіанская община существовала здѣсь еще во II вѣкѣ; въ началѣ III в. Тертуліанъ и Оригенъ поминаютъ британскихъ христіанъ; при Діоклетіанѣ являются уже мученики за вѣру; въ 314 г. на соборѣ арелатскомъ присутствовали три епископа изъ собственной Британіи: іоркскій, лондонскій и кольчестерскій.

Христіанство проникло сюда, по всей вѣроятности, изъ Галліи, но изъ какой части Галліи, изъ сѣверной или изъ южной отъ Массилія—это очень важный вопросъ. Есть основанія полагать, что массилійское, т.-е. греческое вліяніе было сильнѣе римско-галльскаго:

Digitized by Google

съ греками Массиліи бритты изстари были въ сношеніяхъ, а римлянъ они ненавидѣли. Впрочемъ, было бы грубой ошибкой сказать, что въ остальной Галліи въ первые вѣка христіанства, господствовалъ римско-католическій обрядъ. Извѣстно, что Галлія постоянно поддерживала торговыя сношенія съ Малой Азіей, Египтомъ и Греціей, а гдѣ есть обмѣнъ товаровъ, тамъ и обмѣнъ языка и обмѣнъ идей; въ первые вѣка въ гальской церкви элементъ греческій былъ очень силенъ; во многихъ мѣстахъ богослуженіе совершалось по-гречески; даже въ VI вѣкѣ въ Арелатѣ поются греческіе антифоны.

Только послѣ покоренія Галліи франками, которые добровольно подчинились римскому епископу, начинаютъ осуществляться мечты послѣдняго о главенствѣ надъ всѣмъ западнымъ духовенствомъ. Окончательно подчинивъ себѣ Галлію, папа стремится забрать въ руки и отдаленные Британскіе острова, на которыхъ между тѣмъ, въ продолженіи двухъ слишкомъ столѣтій, христіанство пустило глубокіе корни. Вслѣдъ за собственной Британіей въ христіанство обратилась Ирландія, апостоломъ которой считается св. Патрикій (V вѣка); въ VI вѣкѣ ирландскіе миссіонеры закончили обращеніе Шотландіи, гдѣ отдѣльныя христіанскія общины существовали уже съ IV вѣка.

Всѣ кельты, по словамъ Тацита, очень воспріимчивы къ наукѣ; надъ кельтами британскими иго римское не тяготѣло съ такой силой, какъ надъ галлами, и не убило въ нихъ любознательности. Теперь христіанство шло рука объ руку съ распространеніемъ умственной культуры. Основы новой религіи бритты усвоили такъ хорошо, что уже въ началѣ V вѣка изъ Британіи вышелъ основатель своеобразной ереси Пелагій *), нашедшій массу приверженцевъ и возбудившій бурю догматическихъ споровъ на западѣ Европы, въ Малой Азіи и Африкѣ. Одна изъ причинъ его успѣха въ Малой Азіи заключалась въ томъ, что онъ принесъ съ собою изъ дому прекрасное знаніе греческаго языка. Почти всѣ ирландскіе святые были ученые, и авторы ихъ житій восхваляютъ ихъ ученыя заслуги съ такимъ же рвеніемъ, какъ авторы восточныхъ житій — подвиги умерщвленія плоти.

Главными центрами просвѣщенія были многочисленные монастыри, собиравшіе въ стѣнахъ своихъ замѣчательно большое число братій; такъ, напр., бангорскій монастырь въ Валлисѣ имѣлъ до 2000 человѣкъ монаховъ. Какое значеніе придавали въ монастыряхъ книжному дѣлу, видно изъ житія просвѣтителя Шотландіи Колумбы **). Онъ родился около 520 г. въ Ирландіи, рано посвятилъ себя церкви,

*) По одному извѣстію, онъ habet progeniem Scotticae gentis de Britannorum vicinia.

**) Латинизація кельтскаго имени *Колумъ*.

Digitized by Google

основалъ, по словамъ біографа, въ Ирландіи около ста монастырей, потомъ съ 12-ю спутниками переправился въ Шотландію, на одномъ островѣ которой и основалъ впослѣдствіи знаменитый гійскій монастырь. Онъ написалъ собственноручно до 300 томовъ и за нѣсколько часовъ до смерти занимался списываніемъ псалтыря. Рукописные труды своихъ монаховъ онъ провѣрялъ, по разсказу біографа, такъ тщательно, что однажды, возвращая писцу провѣренную рукопись, сказалъ ему: «У тебя все вѣрно; только въ одномъ мѣстѣ ты пропустилъ гласную і».

Оставаясь въ сторонѣ отъ движенія вселенской церкви, церковь британская къ VI вѣку оказалась несогласною во многихъ обычаяхъ и обрядахъ съ церковью римской.

Во-первыхъ, духовенство не соблюдало безбрачія; самъ св. Патрикій былъ сынъ дьякона и внукъ священника; есть извѣстія, что даже бывали женатые епископы. Далѣе: бритты расходились съ другими церквами во времени празднованія пасхи; британская тонзура отличалась отъ римской; архіепископовъ не было, а число епископовъ было очень велико; монастыри были церковно-правительственными центрами и пр., а главное: британское духовенство вовсе не считало себя обязаннымъ подчиняться епископу римскому.

Вторженіе Англосаксовъ, естественно, было причиной регресса христіанской культуры на Британскихъ островахъ; тамъ, гдѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ стояли обширные, хотя и деревянные христіанскіе храмы и монастыри, теперь дымились человѣческія жертвы; въ разгарѣ борьбы съ побѣдоноснымъ непріятелемъ, сами бритты одичали. Но британская церковь не погибла: въ горахъ Валлиса и Шотландіи, въ долинахъ Ирландіи британскіе монастыри процвѣтали по прежнему; когда побѣдители созрѣли для христіанства, кельтскіе монахи, или *кульдеи* (такъ называли католики британскихъ монаховъ; это названіе производили отъ *colere Deum*, но вѣрнѣй этимологія кельтская: *cele*—служить и *de*—Богъ, грозили обратить ихъ по своему обряду.

Но дальновидный папа Григорій, недавно подчинившій себѣ бриттовъ Бретани, не допустилъ этого. Въ 180 г. король кентскій (еще язычникъ) женился на франкской принцессѣ Бертѣ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Григорій послалъ въ Англію миссію съ съ Августиномъ во главѣ. Августинъ скоро достигъ своей цѣли: въ 597 г., въ Троицынъ день, крестился король, а на Рождествѣ, по свидѣтельству Григорія *), приняли христіанство 10,000 его подданныхъ. Въ 601 г. Августинъ получилъ палліумъ на архіепископство кентское и съ нимъ вмѣстѣ власть надъ всѣми христіанами Британіи.

*) Ер. 8, 30.

Digitized by Google
760164 A

Изъ Кента христіанство проникло въ другія англо-саксонскія королевства и, послѣ нѣкоторой борьбы и колебаній, вся знать саксонская приняла новую религію. Впослѣдствіи короли англо-саксонскіе превзошли благочестіемъ и преданностью Риму своихъ древнеобращенныхъ собратовъ: они часто совершали путешествія на поклоненіе папамъ, и установили, подъ именемъ «лепты св. Петра», особенную подать въ пользу Рима.

Столкновенія между римскими миссіонерами и представителями британской церкви начались очень рано. Еще въ 603 г. Августинъ вступилъ въ сношенія съ духовенствомъ Валлиса и предлагалъ ему дѣйствовать сообща для обращенія язычниковъ саксовъ; представители обѣихъ сторонъ не разъ устраивали съѣзды. Католики готовы были идти на нѣкоторыя уступки, но требовали измѣненія празднованія Пасхи, тонзуры, а главное: подчиненія римской іерархіи; бритты, оскорбленные начальническимъ тономъ Августина, не шли на соглашеніе. Также безуспѣшны были попытки примиренія и при наслѣдникахъ Августина. Озлобленные упорствомъ «раскольниковъ»*), намѣстники римскіе открыто соединялись съ враждебными бриттамъ англо-саксонскими королями, хотя бы христіанская ревность послѣднихъ представлялась весьма сомнительною, и разореніе британскихъ монастырей не только не огорчало ихъ, а напротивъ радовало. Британская церковь долго не сдавалась; были даже моменты, когда она получала перевѣсъ и право гражданства при дворахъ нѣкоторыхъ англо-саксонскихъ властителей.

Тѣмъ не менѣе исходъ борьбы не могъ быть сомнителенъ: за побѣду Рима ручалась прекрасная организація его клира и политическій перевѣсъ англо-саксовъ (а впослѣдствіи и норманновъ). Надо удивляться тому, что слабая британская церковь могла такъ долго бороться съ могучимъ Римомъ.

Въ VII вѣкѣ начинаются отпаденія среди самихъ бриттовъ; въ 704 г., по настоянію Адаманна, и въ сѣверной Ирландіи (въ южной съ этимъ вопросомъ покончили еще прежде) введено римское празднованіе пасхи; потомъ принята и римская тонзура. Но полное подчиненіе Риму совершается медленно, постепенно; окончательно пала независимость британской церкви только послѣ завоеванія Ирландіи и Валлиса англо-норманскими королями.

Продолжительность борьбы объясняется высокой степенью научной культуры британскаго духовенства и героизмомъ британскихъ миссіонеровъ.

*) Въ посланіи 609 г. три епископа Англіи жалуются, что британскій епископъ Даганъ не только не хотѣлъ раздѣлить съ ними трапезы, но даже считалъ грѣхомъ оставаться съ католиками подъ одною кровлей.

Digitized by Google

Въ VII и VIII вѣкахъ наука особенно высоко стояла въ Ирландіи. Туда обращался за духовной пищей весь западный міръ: цѣлые флоты привозили туда мальчиковъ и юношей, жаждущихъ знанія; по одному свидѣтельству, въ армагской школѣ было до 7,000 учениковъ. Въ VIII вѣкѣ одного ирландца Виргилія папа и епископъ майнцскій притянули къ суду за то, что онъ, на основаніи греческихъ авторовъ, утверждалъ существованіе антиподовъ; другой ирландецъ Мальраханъ проходилъ съ учениками параллельно греческую и латинскую грамматику.

Вообще въ Ирландіи оба классическіе языка и обѣ литературы пользовались равнымъ уваженіемъ. Тамъ читали греческихъ поэтовъ въ то время, когда въ остальной западной Европѣ ни слова не знали по-гречески; въ бангорскомъ антифонаріи есть гимны съ греческими словами. Были въ ирландскихъ монастыряхъ ученые, читавшіе ветхій завѣтъ по-еврейски; сохранились стихотворенія, писанныя на смѣси трехъ языковъ: латинскаго, греческаго и еврейскаго. Интересъ къ послѣднему поддерживался постоянными сношеніями съ Востокомъ: не только ирландцы совершали туда путешествія, но и въ Ирландію часто пріѣзжали сирійцы и египтяне.

Высокая степень научной культуры не заставила ирландцевъ игнорировать интересы простыхъ, неученыхъ людей: для незнающихъ латыни св. писаніе переводили на ирландское и шотландское нарѣчія. Даже женское образованіе не было въ пренебреженіи: при женскихъ монастыряхъ существовали школы для дѣвочекъ.

Ирландцы, или, какъ ихъ тогда называли, *Scoti*, были ревностными миссіонерами. Обыкновенно въ числѣ 13 человѣкъ (ихъ монастыри и даже ихъ школы распадались на маленькія общины по 12 человѣкъ съ однимъ руководителемъ во главѣ) отправлялись они на материкъ—обращать въ христіанство язычниковъ и утверждать въ вѣрѣ полухристіанъ. Лишенные исторіографическаго инстинкта, они не описывали своихъ подвиговъ, и о характерѣ ихъ дѣятельности мы должны были бы судить исключительно по догадкамъ, еслибъ одинъ изъ самыхъ выдающихся миссіонеровъ, Колумбанъ, не нашелъ себѣ біографа въ Италіи.

Колумбанъ вышелъ изъ бангорскаго монастыря въ концѣ VI в. и отправился сперва въ Австразію, гдѣ его смиреніе, строгость жизни и ученость сразу завоевали ему симпатію короля и народа и нерасположеніе преданнаго мірскимъ интересамъ духовенства. Изможденные трудомъ и воздержаніемъ пришельцы, очевидно, были болѣе истинными слугами Бога, нежели толстые, чувственные, самолюбивые и гордые прелаты. Колумбанъ основалъ нѣсколько монастырей въ Вогезскихъ горахъ, и число его учениковъ увеличивалось со дня

Digitized by Google

на день. Но скоро отъ него солоно пришлось и свѣтскимъ властямъ, не руководствовавшимся въ жизни евангельскими правилами. Ирландцы, вытѣсненные изъ Австразіи, въ которой, однако, остались основанные ими монастыри, отправились къ аламаннамъ, среди которыхъ было еще много язычниковъ. Пробывъ тамъ три года и оставивъ у Боденскаго озера одного изъ своихъ спутниковъ, Галла, у могилы котораго, привлекавшей массы ирландскихъ пилигримовъ, впослѣдствіи образовался знаменитый въ исторіи просвѣщенія монастырь Сангалленскій, Колумбанъ отправился въ Ломбардію и основалъ тамъ монастырь Боббіо, въ которомъ и умеръ въ 615 г. Въ этомъ монастырѣ ирландскія преданія: простота жизни, трудолюбіе и уваженіе къ научнымъ занятіямъ *) жили долго и послѣ его смерти.

Уже на примѣрѣ одного Колумбана, во-первыхъ, видно, сколько монастырей, т. е. по средневѣковому—центровъ гражданской и научной культуры, могъ основать одинъ предпріимчивый ирландецъ и, во-вторыхъ, какъ ирландскіе пилигримы слѣдующихъ поколѣній постоянно подновляли добрыя традиціи. Еще очевиднѣе значеніе ирландскихъ миссіонеровъ изъ того обстоятельства, что въ VIII и IX вѣкахъ и позднѣе преданіе, часто ложное, выводило изъ Ирландіи почти всѣхъ миссіонеровъ и насадителей духовнаго просвѣщенія въ нынѣшней Швейцаріи, Германіи и отчасти Франціи. Такъ Арбогастъ, Рупертъ и др., имена которыхъ ясно указываютъ на ихъ германское происхожденіе, въ позднѣйшихъ житіяхъ названы *Scoti*. Очевидно, составителю достаточно было знать, что такой-то основатель монастыря дѣйствовалъ въ меровингскую эпоху, и онъ по аналогіи производилъ его изъ Ирландіи.

На материкѣ, какъ и въ отечествѣ, бритты скоро должны были уступить подчинившимся Риму англо-саксамъ.

Англо-саксонское духовенство очень рано принимается за дѣло миссіонерства между родственными народами Германіи. Уже ученикъ Августина Ливинъ пошелъ обращать въ христіанство фризовъ; его примѣру послѣдовали многіе другіе; въ самомъ началѣ VIII вѣка англо-саксы основали епископство въ Утрехтѣ. Изъ Англіи же выходятъ и первые проповѣдники христіанства между саксами.

Англо-саксонскіе миссіонеры прочнѣе, нежели британскіе, укрѣплялись на занятыхъ разъ мѣстахъ и сильнѣе дѣйствовали на народъ и властителей, благодаря тому обстоятельству, что они работали не въ разбродъ, не на свой страхъ, а являлись звѣньями длинной и крѣпкой цѣпи, охватывавшей постепенно всю западную Европу,

*) Самъ Колумбанъ приводитъ въ своихъ стихахъ Ювенала, знаетъ хорошо миѳологію и подражаетъ Сафо.

Digitized by Google

и концы которой находились въ рукахъ дальновидныхъ епископовъ римскихъ.

Самый знаменитый изъ англо-саксонскихъ миссіонеровъ былъ Винфридъ; онъ родился около 680 г. въ Девонширѣ и воспитывался въ мѣстномъ монастырѣ. Несмотря на то, что онъ, при своей знаменитости, учености и талантахъ, могъ смѣло разсчитывать на блестящую карьеру на родинѣ, онъ еще въ 716 г. отправился на континентъ. Первые шаги его въ землѣ фризовъ были не вполнѣ удачны; въ 718 г. онъ посѣтилъ Римъ, переговорилъ съ папою Григоріемъ II, запасся реликвіями, и рекомендательными письмами, и отправился въ Тюрингію. Въ 723 г. папа сдѣлалъ его епископомъ Германіи подъ именемъ Бонифація. На родинѣ не забыли его: на помощь къ нему приходили многіе благочестивые мужи и жены, которые подъ руководствомъ его устраивали мужскіе и женскіе монастыри. Самъ Бонифацій основалъ знаменитый въ лѣтописяхъ нѣмецкой цивилизаціи монастырь Фульдскій: онъ убитъ фризами въ 755 г.

Англо-саксы приносили въ Германію начатки не только христіанскаго, но и классическаго просвѣщенія. Бонифацій, вся жизнь котораго была поглощена, повидимому, миссіонерствомъ и церковною политикой, нашелъ досугъ составить учебникъ грамматики «De octo partibus orationis»; онъ сочинялъ акростихи и стихотворныя загадки; монахи присылали ему на исправленіе стихи свои. До сихъ поръ одно изъ лучшихъ сокровищъ вѣнской библіотеки составляетъ прекрасная рукопись Ливія, принесенная въ Германію въ первой половинѣ VIII вѣка однимъ англо-саксонскимъ миссіонеромъ, Суибертомъ; даже монахини англо-сакскаго происхожденія изучали классиковъ: житіе двухъ англо-саксовъ, Виллибальда и Виннибальда, написано одною ихъ землячкой съ явными претензіями на изящный, риторически украшенный стиль.

Вообще въ VII и VIII вѣкахъ англо-сакское духовенство стояло почти на одинаковой съ ирландцами высотѣ умственной культуры. Но вотъ въ чемъ разница: ирландцы, какъ мы видѣли, тяготѣли къ Греціи и востоку; а англо-саксы получили христіанство изъ Рима; естественно, что англо-саксонская школа долго ограничивалась изученіемъ латыни. Но въ 668 г., можетъ быть съ спеціальною цѣлью отнять у раскольниковъ-бриттовъ тѣ преимущества, которыя давало имъ знаніе греческаго, папа посылаетъ на каѳедру кентерберійскую грека изъ Тарса Киликійскаго, именемъ Ѳеодора, знавшаго одинаково хорошо греческихъ и римскихъ классиковъ; съ нимъ пріѣхалъ и другой ученый: африканскій монахъ Адріанъ. Вдвоемъ они основали обширную школу, гдѣ, кромѣ языковъ, преподавали піитику, астраномію и математику. У Адріана учился Альдгельмъ († 709)

Digitized by Google

изъ королевскаго рода, бывшій впослѣдствіи мамсберійскимъ аббатомъ, а потомъ епископомъ шерборнскимъ, прославившійся въ одинаковой степени своими англо-саксонскими (къ сожалѣнію, до насъ не дошедшими) и латинскими произведеніями *). Примѣняя къ себѣ стихъ Виргилія, Альдгельмъ съ гордостью говоритъ, что онъ первый ввелъ Музъ въ свое отечество. Критики замѣчаютъ, что въ его латинскомъ стилѣ слышенъ саксъ съ поэтической, выспренней рѣчью. Альдгельмъ унаслѣдовалъ отъ своихъ итальянскихъ и галльскихъ предшественниковъ стремленіе къ мистикѣ чиселъ, къ стихотворнымъ кунштюкамъ, акростихамъ, телестихамъ и пр. Чаще, нежели у кого-либо другаго встрѣчающаяся у него аллитерація и риѳма приписываются вліянію англо-саксонскаго стиха.

Какъ во всякомъ обществѣ есть люди, которые, не смотря на усердный трудъ и добрыя стремленія, не въ силахъ непосредственно произвести ничего самостоятельнаго, крупнаго, а могутъ только способствовать въ этомъ другимъ; такъ и въ обществѣ народовъ есть народы неисторическіе, которые могутъ вліять на общій ходъ человѣческаго развитія только черезъ посредство другихъ. Въ западной Европѣ такимъ неисторическимъ племенемъ являются кельты, и исторія литературы смѣло можетъ подписаться подъ печальнымъ аттестатомъ, который выдала имъ исторія политическая: при всей своей греко-еврейской учености, ирландцы, учителя англо-саксовъ и всей Европы, вѣковыми усиліями не произвели ничего такого, что́ по степени вліятельности можно бы поставить наравнѣ съ сочиненіями одного англо-сакса Беды Достопочтеннаго.

Біографія Беды не представляетъ интереса: онъ такъ много работалъ и писалъ, что жить, можно сказать, ему было некогда. Онъ родился въ 672 г.; на 7-мъ году отъ рожденія его отдали на руки аббату веремутскому. Въ его монастырѣ и въ монастырѣ его друга Кеольфрида, находившемся по сосѣдству, Беда и провелъ всю свою жизнь. На 19-мъ году онъ былъ сдѣлалъ дьякономъ, на 30-мъ

*) Про него Альфредъ Великій разсказываетъ характерный анекдотъ: Альдгельмъ, будучи аббатомъ, замѣтилъ, что прихожане оставляютъ храмъ сейчасъ же послѣ обѣдни, не желая слушать проповѣдь. Тогда онъ переодѣлся странствующимъ пѣвцомъ, сталъ на мосту и запѣлъ веселую пѣсню; его сейчасъ же окружили внимательные слушатели. Постепенно онъ измѣнялъ содержаніе пѣсни и, наконецъ, пропѣлъ то, что разсчитывалъ изложить съ каѳедры. Такимъ образомъ прихожане выслушали проповѣдь, сами того не замѣчая.

Изъ его латинскихъ произведеній сохранилось нѣсколько посланій, разсужденіе: De laudibus virginitatis sive de virginitate sanctorum, обращенная къ монахинямъ одного монастыря поэма De laude virginum (почти 3,000 гекзаметровъ), „Epistola ad Acircium sive liber de septenario et de metris, aenigmatibus ac pedum regulis, заключающая въ себѣ интересное собраніе загадокъ.

Digitized by Google

священникомъ и умеръ въ 735 г. Послѣднія минуты его жизни описалъ намъ одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ его. Беда былъ старъ и боленъ, чувствовалъ близость смерти, но продолжалъ учить и писать; въ послѣдніе дни онъ занятъ былъ переводомъ на англо-саксонскій евангелія отъ Іоанна и Исидора Севильскаго. На Вознесенье ему стало трудно дышать; ноги его начали пухнуть: «Пишите скорѣе, говорилъ онъ ученикамъ: я не знаю, долго ли проживу еще». Всю ночь провелъ онъ въ молитвѣ; на слѣдующій день онъ диктовалъ до трехъ часовъ. Тогда ученики ушли къ божественной службѣ; только одинъ остался при немъ. «Теперь остается одна глава, дорогой учитель, сказалъ ученикъ: тебѣ не тяжело продолжать?» «Ничего, бери перо и пиши скорѣе». Диктуя, Беда раздавалъ своимъ друзьямъ кое-какія вещи на память. Ученикъ дописалъ послѣдній стихъ. «Теперь конецъ!» радостно сказалъ онъ.—«Да, конецъ!» согласился Беда, велѣлъ перенести себя на кресло и испустилъ духъ.

Самый важный трудъ его: «Церковная исторія народа англійскаго» (Historia ecclesiastica gentis Anglorum) дописана имъ въ послѣдніе годы его жизни. Она состоитъ изъ пяти книгъ; 22 главы 1-й книги составляютъ введеніе, въ которомъ авторъ даетъ краткое описаніе Британіи, ея древнѣйшихъ обитателей и излагаетъ исторію страны съ Юлія Цезаря до Августина; затѣмъ въ той же книгѣ излагается исторія британской церкви до смерти папы Григорія Великаго. Вторая книга начинается съ пространнаго некролога Григорія и ведетъ исторію далѣе. Въ концѣ V книги авторъ доводитъ событія до 731 г. Раздѣленіе задумано очень искусно: каждая книга дѣйствительно соотвѣтствуетъ довольно рѣзко выдѣляющемуся періоду. Значеніе исторіи Беды для насъ громадно: она не только почти единственный и въ тоже время вполнѣ удовлетворительный источникъ для исторіи церкви англійской, но также и для исторіи политической и даже для исторіи литературы: изъ нея почерпаемъ мы всѣ наши свѣдѣнія не только о латинскихъ, но и объ англо-саксонскихъ поэтахъ. Отъ историка VIII вѣка мы, конечно, не въ правѣ ожидать прагматическаго изложенія, но, какъ разсказъ о событіяхъ, исторія Беды образцовая книга. Спокойный тонъ, ясный стиль, не лишенный изящества и простоты, объективность автора, проявляющаяся даже въ отношеніи къ ненавистной монахамъ еретической британской церкви, а главное—горячая любовь къ истинѣ ставятъ Беду неизмѣримо выше Григорія Турскаго. Беда не щадитъ трудовъ и усилій, чтобъ получить подлинные документы, черезъ своихъ друзей онъ добываетъ грамоты даже изъ римскихъ архивовъ — и, будто провидя скептицизмъ отдаленныхъ потомковъ, вноситъ ихъ цѣликомъ, безъ пропусковъ. Правда, и онъ, подобно Григорію, собирается

Digitized by Google

преслѣдовать нравственную цѣль—стремится дать образцы для подражанія и научить избѣгать злаго, но въ самомъ изложеніи эта тенденція проявляется далеко не съ такою силой.

Другіе историческіе труды Беды: біографіи аббатовъ веремутскихъ и гирвензскихъ, житіе и чудеса св. Кутберта, представляютъ не лишенное цѣны дополненіе къ его исторіи.

Исторія Беды, безъ сомнѣнія, имѣла вліяніе на средневѣковыхъ писателей, давая имъ прекрасный, недосягаемый образецъ для подражанія; но гораздо чаще списывалась его «Хроника» (Chronicon sive de sex hujus saeculi aetatibus), прибавленная въ видѣ приложенія къ его изслѣдованію «О раздѣленіи времени» (De temporum ratione), Chronicon—популярнѣйшій въ средніе вѣка учебникъ всеобщей исторіи не только для Англіи, но и для континента *).

Беда писалъ и стихи: онъ переложилъ въ гекзаметры свое сочиненіе «О чудесахъ Кутберта», сочинилъ много гимновъ и эпиграммъ, большею частію затерянныхъ или, можетъ быть, дошедшихъ до насъ безъ имени автора. Его гекзаметръ классически правиленъ, и стиль его свободенъ отъ напыщенности, которою такъ часто (чуть не поголовно) страдаютъ подражатели классиковъ.

Яснѣе, нежели какой бы то ни было другой фактъ, учено-литературная дѣятельность Беды вообще и его исторія въ частности показываютъ, на какой сравнительно высокой степени умственной культуры стояла въ то время Англія, и оправдываетъ Карла Великаго, призвавшаго оттуда своего министра просвѣщенія.

Говоря о дѣятельности этого министра, мы имѣли случай указать на ученыя путешествія англо-саксовъ, на богатыя библіотеки, ими собранныя; излагая учебники Алкуина, мы, надѣемся, дали нѣкоторое понятіе о томъ, чему учили въ англійскихъ школахъ. Намъ остается только дополнить сказанное нѣкоторыми подробностями.

Изъ энциклопедистовъ предшествовавшей эпохи особенной популярностью пользовался въ Англіи Исидоръ Севильскій съ своими «Этимологіями». Въ логикѣ первымъ авторитетомъ былъ Аристотель. Ариѳметика главнымъ образомъ служила для исчисленія пасхальнаго круга; арабскія цифры были еще неизвѣстны, а неудобство римскихъ заставляло прибѣгать, при многозначныхъ исчисленіяхъ, къ сложнымъ хитростямъ. Въ медицинскихъ книгахъ англо-саксовъ рядомъ съ лекарствами, рекомендованными древними, упоминаются заклинанія и симпатическія средства. Въ географіи европейскихъ земель, благодаря своей страсти къ путешествіямъ, англо-саксы обладали довольно солидными свѣдѣніями. Изъ церковныхъ писателей у нихъ наиболь-

*) Беда же написалъ изслѣдованіе о метрикѣ и *De natura rerum*—краткую космографію на основаніи древнихъ.

Digitized by Google

шимъ авторитетомъ пользовался основатель англо-саксонской церкви Григорій Великій; его методу толкованія св. писанія усвоили англо-саксонскіе проповѣдники. Въ противоположность бриттамъ, англо-саксы не обращались къ греческимъ или еврейскимъ оригиналамъ книгъ Библіи, а довольствовались латинскимъ Іеронимовымъ текстомъ, значительная часть котораго была переведена на народный англо-саксонскій языкъ, бывшій въ то же время и языкомъ проповѣдей. Вмѣстѣ съ книгами Библіи, на родной языкъ переведены и нѣкоторые апокрифы; евангеліе Никодимово было извѣстно въ народѣ едва ли не больше, нежели тетроевангеліе. Такими популярными апокрифами пользовались, ничтоже сумнящеся, и проповѣдники *), вообще позволявшіе себѣ распространять и украшать текстъ писанія не менѣе, чѣмъ, напр., нашъ проповѣдникъ Кириллъ Туровскій.

Говоря о томъ же Алкуинѣ, мы имѣли случай замѣтить, что въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка политическія условія въ Англіи не могли способствовать процвѣтанію науки. Безвозвратно прошли тѣ спокойныя, мирныя времена, которыя описывалъ Беда въ послѣдней книгѣ своей исторіи. Къ бѣдствіямъ междоусобій скоро присоединились вторженія язычниковъ скандинавовъ; но научный запасъ былъ обиленъ, и въ промежуткахъ сравнительнаго спокойствія, при энергичныхъ правителяхъ являлись крупные литературные дѣятели. Самый энергичный правитель IX вѣка и самый замѣчательный литературный дѣятель одно и то же лицо: это—Альфредъ Великій.

Альфредъ родился въ 849 г.; онъ былъ младшій сынъ вессекскаго короля Этельвульфа и внукъ знаменитаго Эгберта, сломившаго такъ называемую гептархію. По словамъ своего біографа и учителя латинскаго языка, Ассерія **), Альфредъ до 12-лѣтняго возраста не умѣлъ читать, но зналъ наизусть массу англо-саксонскихъ стихотвореній, распѣваемыхъ придворными пѣвцами. За-то, выучившись читать, онъ уже не разставался съ книгой. Въ 855 г. овдовѣвшій Этельвульфъ задумалъ совершить путешествіе въ Римъ къ папѣ, куда его влекло, повидимому, не одно безкорыстное благочестіе, но и стремленіе возвысить, посредствомъ связей съ папскимъ престоломъ, значеніе своей династіи. Въ это путешествіе онъ взялъ съ собою своего любимца маленькаго Альфреда, котораго, говорятъ, папа помазалъ на царство. На возвратномъ пути Этельвульфъ долго прожилъ

*) Одинъ изъ нихъ, Напр., ссылаясь на историческія книги (Hit is geraed on gevyrdelicum racum) разсказываетъ, что въ Канѣ Галлилейской праздновался бракъ Іоанна Богослова, который, пораженный чудомъ, покинулъ жену свою и пошелъ за Христомъ.

**) Asserius: De rebus gestis Aelfredi. Доказано, что біографія Ассерія сильно интерполирована впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе въ ней осталось не мало подлинныхъ мѣстъ. См. Weiss, тамъ же, стр 169, 172, 175 и др.

Digitized by Google

при дворѣ короля Франціи, Карла Лысаго, и женился на его 13-лѣтней дочери Юдиеи. Такимъ образомъ Альфредъ еще ребенкомъ видѣлъ чужія земли и вѣчный городъ. Въ 858 г. король Этельвульфъ, вовлеченный вторымъ бракомъ въ войну съ старшими сыновьями, умеръ. Эти сыновья подѣлили между собою царство отца, кажется, ничего не давъ Альфреду. Послѣдній изъ нихъ умеръ въ 871 г., и Альфредъ, уже въ качествѣ принца успѣвшій пріобрѣсти славу въ отчаянной борьбѣ съ данами, наслѣдовалъ все царство своего отца. Первыя 12 лѣтъ его правленія прошли въ непрестанныхъ войнахъ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ въ деморализованной событіями послѣднихъ лѣтъ странѣ. Войны эти не всегда были счастливы для Альфреда: въ августѣ 877 г. одинъ отрядъ дановъ ворвался въ Мерсію, другой въ Глочестеръ; къ послѣднему присоединились только-что прибывшія изъ-за моря толпы. Даны задумали покончить однимъ ударомъ съ послѣднимъ государемъ, оказывавшимъ имъ сопротивленіе. Объ Рождествѣ, когда никто не ждалъ ихъ нападенія—норманны вообще не любили воевать зимой, а въ концѣ декабря праздновали зимній солнцеповоротъ,—они явились передъ Чиппенгеймомъ, гдѣ находился король. Въ отчаянной битвѣ саксы были побѣждены; разосланный Альфредомъ призывъ къ оружію не достигъ своей цѣли: саксы уже отчаялись въ своемъ спасеніи; часть ихъ покорилась, часть убѣжала въ Валлисъ и за море. Къ тому же, какъ это часто бываетъ въ моментъ отчаянія, начались внутреннія неурядицы: въ несчастіи обвиняли молодаго короля, которому оставалось или искать смерти, или скрыться и переждать злое время. Альфредъ съ немногими лично ему преданными людьми ушелъ въ болотистый, лѣсистый и почти ненаселенный Соммерсетъ; здѣсь нечего было опасаться непріятельской конницы. Скоро сюда же прибыла семья Альфреда; но для дановъ и большинства саксовъ Альфредъ пропалъ безъ вѣсти. Къ этому печальному періоду жизни Альфреда относятся многочисленныя сказанія о томъ, какъ онъ почти умиралъ съ голоду, какъ, принятый изъ состраданія въ домъ одного бѣдняка, онъ поджегъ хлѣбы и былъ за-то обруганъ хозяйкою, какъ онъ, переодѣтый пловцомъ, осмотрѣлъ датскій лагерь и проч. Весною по Англіи разнеслась вѣсть, что король живъ; подъ его знамена стеклись всѣ, кто дорожилъ свободой и честью родины. Альфредъ побѣдилъ датчанъ и, слѣдуя довольно обычной въ то время системѣ, одному изъ предводителей ихъ далъ землю, но сдѣлалъ его своимъ вассаломъ. Съ этого времени счастье повернулось къ Альфреду лицемъ: онъ обезопасилъ Вессексъ отъ нападенія враговъ и постепенно соединилъ въ рукахъ своихъ власть надъ всѣми другими англо-саксонскими землями и даже надъ князьками Валлиса. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ

Digitized by Google

всѣмъ островомъ за исключеніемъ гористой Шотландіи. Въ 886 г. онъ уже имѣлъ средства и досугъ, чтобы вновь отстроить разрушенный Лондонъ. Датскіе флоты только крейсеровали около береговъ, не осмѣливаясь сдѣлать высадку. Только въ 894 г. на Англію рѣшился напасть страшный викингъ Гастингъ, до тѣхъ поръ опустошавшій Францію. Къ нему присоединилось много дановъ, поселенныхъ въ Англіи и даже внѣшнимъ образомъ принявшихъ христіанство. Три года продолжалась отчаянная борьба. Не смотря на боевую опытность и хитрость вождя, не смотря на отчаянную храбрость норманновъ, они ни въ чемъ не успѣли, и Гастингъ съ остатками своего войска принужденъ былъ переправиться обратно во Францію. Остатокъ жизни Альфредъ провелъ спокойно; онъ умеръ сравнительно очень рано, 52 лѣтъ отъ роду, въ 901 году, окруженный любовью своихъ подданныхъ, прославивъ свое имя по всей Европѣ.

Послѣ перваго, бурнаго и несчастнаго, періода своего царствованія, Альфредъ отдался благородной страсти къ ученью и распространенію образованія. Онъ, говорятъ, раздѣлилъ свой день на три равныя части, по 8 часовъ каждая: одну посвящалъ онъ государственнымъ дѣламъ, другую—сну и ѣдѣ, а третью—ученью и молитвѣ. Совершенно самостоятельно онъ шелъ тѣмъ же путемъ, что и Карлъ Великій и съ тою же энергіей; различіе между ними въ томъ, что сфера дѣятельности Карла шире; за-то Альфредъ еще больше, чѣмъ Карлъ, способствовалъ успѣху своего дѣла собственными трудами, и его литературно-ученая дѣятельность еще больше носитъ національный, свободный отъ латинскаго педантизма и безпочвенности характеръ. «Я часто думалъ о томъ, говоритъ Альфредъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ работъ, сколько людей, исполненныхъ божественной и свѣтской мудрости, жило прежде въ Англіи, какъ счастлива въ то время была страна, и какъ короли ея повиновались Богу и божественному писанію; они наслаждались покоемъ въ мирное время, побѣждали на войнѣ, славились благоразуміемъ и мудростью; духовенство ревностно учило и училось и свято исполняло свои обязанности въ отношеніи къ Богу; иностранцы приходили къ намъ за мудростью и наукой, тогда какъ теперь мы къ нимъ за тѣмъ же ходимъ. Наука до того упала въ англійскомъ народѣ, что по эту сторону Гумбера весьма немного людей, которые понимаютъ самыя обыкновенныя латинскія молитвы или могутъ перевести что бы то ни было съ латинскаго на англійскій; а на югѣ отъ Темзы, въ то время, какъ я вступилъ на престолъ, я и одного такого не припомню. Благодаря Бога, теперь на каѳедрахъ есть нѣсколько людей, которые могутъ научить этому. А какимъ наказаніямъ мы подвергаемъ себя, если ни сами не любимъ мудрости и потомкамъ не оставляемъ ее

Digitized by Google

въ наслѣдство! Мы въ этомъ случаѣ почитаемъ только имя Христа, а долга христіанина не исполняемъ». Далѣе онъ спрашиваетъ себя, почему въ старые годы, когда въ Англіи было столько ученыхъ людей, эти ученые ничего почти не переводили на родной языкъ? Они, вѣроятно, не хотѣли поощрять лѣни своихъ согражданъ и желали побудить всѣхъ, пишущихъ знанія, выучиться по-латыни. Но Альфредъ разсудилъ, что св. писаніе было же переведено сперва съ еврейскаго на греческій, потомъ на латинскій языкъ; «поэтому и я считаю полезнымъ перевести на понятный всѣмъ языкъ нѣкоторыя книги, чтеніе которыхъ, по нашему мнѣнію, необходимо, и добиться того—а съ помощью Божьею, если продлится миръ, мы этого добьемся—чтобы все юношество англійское, въ особенности же свободно-рожденные и богатые умѣли читать и не принимались ни за какое ремесло, пока не будутъ въ состояніи разбирать англійскую грамоту. Потомъ ужъ учителя научатъ по латыни тѣхъ, кого захотятъ вести дальше». Въ этихъ строкахъ—конспектъ всей дѣятельности Альфреда: онъ, во-первыхъ, стремится замѣстить каѳедры людьми образованными и «учительными»; во-вторыхъ, онъ создаетъ англо-саксонскую письменность и стремится сдѣлать грамоту всеобщимъ достояніемъ. Альфредъ не жалѣетъ ни издержекъ, ни трудовъ, и даже, какъ увидимъ ниже, рискуетъ прослыть покровителемъ ереси, чтобы привлечь ко двору своему и на каѳедры ученыхъ иностранцевъ. Одному изъ первыхъ призванныхъ, своему біографу Ассерію, когда тотъ настойчиво требуетъ отпуска домой, даритъ онъ доходы съ двухъ монастырей, драгоцѣнныя шелковыя платья и столько ладану, «сколько одинъ человѣкъ можетъ снести», замѣчая при этомъ, что это лишь задатокъ будущихъ, болѣе цѣнныхъ, подарковъ.

Альфредъ основываетъ при дворѣ школу для младшаго своего сына Этельварда; дѣти знатныхъ и дѣти простыхъ людей учатся въ ней по-англо-саксонски и по-латыни.

Одинъ изъ важнѣйшихъ и самый задушевный трудъ Альфреда—его переводъ книги Боэція: Объ утѣшеніи философіи. Предисловіе къ этому переводу мы привели выше; за предисловіемъ слѣдуетъ введеніе, въ которомъ Альфредъ объясняетъ, кто такой Боэцій (онъ считаетъ его виновнымъ въ заговорѣ противъ Теодориха) и при какихъ обстоятельствахъ написалъ онъ свою книгу. Переводъ Альфреда вовсе не дословный; напротивъ, это скорѣе передѣлка, чѣмъ переводъ. Альфредъ желалъ изъ книги ученаго римлянина сдѣлать народную книгу: поэтому онъ измѣняетъ расположеніе, многое выбрасываетъ, иное распространяетъ, толкуетъ мало понятныя выраженія и термины, иногда же замѣняетъ ихъ по своему соображенію другими (такъ, напр., вмѣсто Музъ, ложе больнаго философа окружаютъ олице-

Digitized by Google

творенныя заботы). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Альфредъ говоритъ прямо отъ своего лица и вставляетъ въ изложеніе научныя свѣдѣнія, добытыя имъ изъ другихъ источниковъ. Отъ этого измѣнился весь тонъ книги Боэція: она приняла болѣе христіанскій, болѣе средневѣковой характеръ.

Альфредъ очень любилъ исторію и желалъ распространить между своими англо-саксами историческія свѣдѣнія, какъ общія по исторіи всемірной, такъ и частныя по исторіи родной земли. Въ виду первой цѣли перевелъ онъ чрезвычайно популярную въ средніе вѣка (даже переведенную на арабскій) книгу Орозія *). И здѣсь Альфредъ скорѣй передѣлываетъ, чѣмъ переводитъ, и здѣсь онъ выбрасываетъ и добавляетъ; такъ, въ самомъ началѣ, онъ добавилъ довольно обстоятельное и для насъ очень любопытное описаніе Германіи и средней Европы вообще; между прочимъ, онъ внесъ сюда описаніе Пермской земли (Біарміи) на основаніи матеріала, доставленнаго ему экспедиціей, совершонной человѣкомъ, который потомъ состоялъ у него на службѣ. Преслѣдуя вторую цѣль, Альфредъ перевелъ на англо-саксонскій церковную исторію Беды; имѣя въ виду читателей неспеціалистовъ, онъ выкинулъ всѣ грамоты, кромѣ знаменитаго посланія Григорія Великаго, съ котораго начинается исторія христіанства между англо-саксами.

По порученію Альфреда, стали составлять саксонскую хронику, которая, начиная съ 851 г., справедливо считается важнѣйшимъ источникомъ для исторіи Англіи; она доведена до 1154 г.

Изъ призванныхъ Альфредомъ иностранныхъ ученыхъ—самый знаменитый Іоаннъ Скоттъ Эригена **), чудо учености, посредникъ между греческой и западной философіей, основатель спекулятивной догматики. Онъ родился въ Ирландіи между 800 и 815 годами; юность свою онъ, вѣроятно, провелъ въ одномъ изъ ирландскихъ монастырей; затѣмъ, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, онъ отправился на континентъ. Полагаютъ, что онъ чрезвычайно много путешествовалъ, былъ даже въ Греціи и на Востокѣ, такъ какъ въ одной оксфордской рукописи говоритъ о себѣ: «Я не оста-

*) Орозій—испанецъ—жилъ въ первой половинѣ V вѣка; почитатель блаженнаго Августина, онъ имѣлъ въ виду провести подборомъ фактовъ ту же тенденцію, которую Августинъ положилъ въ основу своего изслѣдованія „О царствѣ Божіемъ“, т. е. онъ хотѣлъ доказать, что отнюдь не христіане навлекли на образованный міръ бѣдствія; прежде же бывали еще горчайшія. Книга его служила долго учебникомъ всеобщей исторіи; въ средніе вѣка она носила странное названіе: *Hormesta* (mundi), которое объясняютъ изъ сокращенія: (H) Orosii maesta mundi—Hor. maesta mundi.

**) Erigena, т. е. ирландецъ, можетъ быть точнѣе *Ierugena*, отъ ἱερον—уроженецъ св. острова: такъ въ то время иногда называли Ирландію, прославленную благочестіемъ кельтовъ.

Digitized by Google

вилъ не посѣщеннымъ ни одного храма, ни одного изъ мѣстъ, въ которыхъ философы сочиняли свои произведенія; я не оставилъ не спрошеннымъ ни одного ученаго, который, по моимъ соображеніямъ, могъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія въ философіи». Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Эригена очень хорошо зналъ по-гречески и, кажется, понималъ по-еврейски. Палатинская школа, основанная Карломъ Великимъ, не совсѣмъ погибла при его преемникахъ. Правда, въ смутное время правленія Людовика Благочестиваго она не могла быть въ цвѣтущемъ положеніи, но и къ его двору приходили многіе ученые ирландцы. Одинъ изъ сыновей Людовика, Карлъ Лысый, оказался способнымъ продолжать дѣло своего знаменитаго дѣда; при немъ палатинская школа, перенесенная въ Парижъ, снова заставила говорить о себѣ по всей Европѣ. Къ его двору былъ призванъ Эригена; онъ сталъ главнымъ учителемъ (директоромъ) этой школы и вообще занялъ при Карлѣ Лысомъ туже должность, какую занималъ Алкуинъ при Карлѣ Великомъ: король совѣтовался съ нимъ обо всемъ, что касалось просвѣщенія Франціи. Судя по анекдотамъ, которые сообщаетъ о немъ позднѣйшій, но довольно достовѣрный историкъ Вильгельмъ изъ Мальмесбери (жилъ при сынѣ Вильгельма завоевателя, Вильгельмѣ Рыжемъ), онъ пользовался большимъ почетомъ и свободой при королевскомъ дворѣ *).

Въ это время среди континентальнаго духовенства происходилъ споръ о предопредѣленіи. Эригену, который, кажется, не принадлежалъ къ духовенству, впутали въ этотъ споръ, и онъ написалъ книгу: De praedestinatione, но въ ней усмотрѣли еретическія мнѣнія, и Карлу не безъ труда удалось отстоять своего любимца. Западное духовенство, впрочемъ, и помимо этой еретической книги имѣло основаніе косо смотрѣть на Эригену: въ основномъ своемъ сочиненіи о раздѣленіи природы **)онъ является въ сущности свободномыслящимъ

*) Однажды послѣ обѣда Карлъ замѣтилъ, что Эригена проступился противъ тонкихъ приличій французскаго двора. Король спросилъ его: что отдѣляетъ дурака отъ Скотта (игра словъ: quid distat inter sottum et Scottum)?—Одинъ столъ, отвѣчалъ Эригена. Въ другой разъ сидѣли вмѣстѣ съ королемъ и Эригеной два высокихъ и дородныхъ духовныхъ. Подали блюдо, на которомъ лежали двѣ большія рыбы и одна маленькая. Король поручилъ Эригенѣ раздѣлить рыбъ поровну; Эригена духовнымъ подалъ одну маленькую рыбу, а себѣ взялъ двѣ большія. Когда король попросилъ объясненія столь страннаго дѣлежа, Эригена сказалъ: Теперь тамъ будутъ двое толстыхъ и одна маленькая, а здѣсь двое толстыхъ и одинъ маленькій (онъ былъ худъ и малъ ростомъ).

**) Написано по образцу Платона въ формѣ діалога. Изложеніе его и вообще полная оцѣнка дѣятельности Эригены не входитъ въ нашу программу: для Эригена настоящее мѣсто въ исторіи схоластической философіи и въ исторіи церкви. Мы только мимоходомъ замѣтимъ, что онъ можетъ быть названъ отцомъ схоластики развѣ въ томъ смыслѣ, что отъ него ведетъ свое начало объединеніе науки и вѣры; въ первый платоническій періодъ схоластики онъ пользовался уваженіемъ, и его ученіе объ идеяхъ не осталось

Digitized by Google

философомъ-пантеистомъ, объединяющимъ божество и міръ, хотя и пытается построить зданіе христіанской вѣры на идеальной философіи Платона. Если эта пантеистическая сущность и не могла быть ясно понята современниками, за-то они легко могли понять, что Эригена, продолжая традиціи ирландцевъ, склоняется болѣе къ Греціи, чѣмъ къ Риму: въ ученіи объ исхожденіи св. Духа онъ держится примиряющаго взгляда Дамаскина, а переводъ сочиненія мнимаго Діонисія Ареопагиты, сдѣланный имъ по порученію Карла Лысаго, онъ заключаетъ элегіей, въ которой сопоставляетъ Константинополь и Римъ къ невыгодѣ послѣдняго *).

Карлъ умеръ въ 877 г.; послѣ его смерти Эригена уже не имѣлъ возможности оставаться въ Парижѣ и принялъ приглашеніе короля Англіи, который, изъ-за просвѣщенія своего народа, не побоялся навлечь себѣ гоненія св. отца. Эригена нѣкоторое время училъ въ оксфордской школѣ, потомъ былъ сдѣланъ аббатомъ въ Мальмесбери, гдѣ также завѣдывалъ школой. Вильгельмъ Мальмесберійскій разсказываетъ, что Эригена былъ убитъ своими учениками въ 891 г., и въ низшемъ духовенствѣ нѣкоторое время считался мученикомъ.

Изъ его гомелій до насъ дошли только отрывки; онъ писалъ и стихи, но не потому, чтобы чувствовалъ въ себѣ поэтическій талантъ, а слѣдуя модѣ того времени; всѣ они религіознаго содержанія. Исключеніе составляетъ похвала Ирминдрудѣ, супругѣ Карла Лысаго. Эригенѣ приписываются греческіе гекзаметры, очень плохіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Если, съ одной стороны, Скоттъ Эригена—самое крупное проявленіе ирландскаго духа, видный представитель тѣхъ ирландцевъ, которые держали себя независимо отъ Рима и, памятуя о греческомъ происхожденіи своей христіанской цивилизаціи, являлись для всего Запада носителями греческой культуры, тотъже Эригена, съ другой стороны, можетъ служить показателемъ разложенія спеціально ир-

безъ вліянія на схоластическій *реализмъ*. Его пантеистическія воззрѣнія имѣли вліяніе на средневѣковыхъ еретиковъ и нѣкоторыхъ мистиковъ. Въ 1225 г. его ученіе было осуждено церковью, и всѣ попавшіе въ руки цензуры экземпляры сожжены. Его издали въ первый разъ въ 1681 г., но черезъ 4 года его сочиненія попали въ Index librorum prohibitorum. По словамъ Христлиба, въ богословіи онъ послѣдній грекъ, въ философіи—первый философъ нѣмецкаго пошиба.

*) Constantinopolis florens nova Roma vocatur.
Moribus et muris Roma vetusta cadis;
Transit imperium mansitque superbia tecum,
Cultus avaritiae te nimium superat
Vulgus ab extremis distractum partibus orbis,
Servorum servi (намекъ на папу) nunc tibi sunt domini.
Truncasti vivos crudeli vulnere sanctos.
Vendere nunc horum mortua membra soles.

Digitized by Google

ландской цивилизаціи и церкви: мы не находимъ въ его сочиненіяхъ ни строчки, изъ которой можно было бы видѣть, что онъ сознавалъ права ирландцевъ на умственную самостоятельность. При всемъ своемъ философскомъ свободомысліи, онъ далекъ отъ сознанія своей отчужденности отъ католиковъ вообще и англо-саксовъ въ особенности; онъ съ спокойною совѣстью служитъ королю Англосаксовъ, забывъ о своей родинѣ. Дѣйствительно, кульдейская церковь доживаетъ свои послѣдніе годы; ирландскіе короли дружатъ съ Римомъ и принимаютъ его культъ изъ политическихъ видовъ. На материкѣ борьба окончилась еще скорѣе: Римъ, признававшій полуязычниками крещеныхъ ирландскими миссіонерами, быстро истребилъ ихъ традиціи *).

Что касается до англо-саксовъ, то, съ легкой руки Альфреда Великаго, главный интересъ сосредоточивается у нихъ не на латиноцерковной, а на національной литературѣ.

VI. Девятый и десятый вѣка на западѣ Европы. Господство духовенства, монастырскія школы и монастырская литература при Каролингахъ и Оттонахъ.—Исторіографія.—Герберть.—Гросвита.—Развитіе національнаго языка.—Духовная поэзія на родномъ языкѣ въ Англіи, Германіи и Франціи (Кедмонъ, Кинсвульфъ и проч. Мусиини, Гемандъ и проч., пѣснь Св. Эулаліи).—Состояніе науки и поэзіи въ XI вѣкѣ **).

Bouterwec и Wattenbach см. выше.

Baehr: Gesch. d. römisch. Liter. im Karolingisch. Zeitalter. Carlsruhe 1840.

Schmidt: Gesch. d. Pädagogik, II. 1861.

Mullinger: The scools of Charles the Great and the restoration of education in the ninth century. Lond. 1877.

Aelteste Christliche Epik der Angelsachsen, Deutscben und Nordländer, v. Fr. Hammerich aus dem dän. uebers. 1874.

W. Scherer: Geschichte der deutschen Dichtung im XI и XII Jahrh. Strassb. 1875.

Aubertin: Hist. de la langue et de la littérature française au moyen-âge. T. I. 1876.

Wackernagel: Gesch. der deutschen Dichtung. 2 Aufl. I Bd. Basel 1877.

Gervinus: Geschichte der deutschen Dichtung. I Bd. 5-te Aufl. Leipz. 1871.

Klein: Geschichte des Dramas. III Bd. Leipz. 1866..

Werner: Gerbert. v. Aurillac; die Kirche u. Wissenschaft seiner Zeit. Wien. 1878.

Ten-Brink: Gesch. d. englischen Literatur. I Bd. 1877.

---

*) Впрочемъ, въ Сан.-Галленскомъ монастырѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, еще до X вѣка носили кульдейское платье.

**) По плану редакціи, настоящей главѣ долженъ былъ предшествовать историческій очеркъ арабской литературы. Къ сожалѣнію, многочисленныя другія работы не позволили профессору барону Розену приступить къ составленію этого очерка. Трудъ этотъ принялъ на себя профессоръ лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, И. Н. Холмогоровъ, и мы надѣемся помѣстить его въ ближайшемъ, 13-мъ, выпускѣ настоящаго изданія. *Ред.*

Digitized by Google

Періодъ, къ которому мы теперь приступаемъ, окончательно завершаетъ броженіе, бывшее слѣдствіемъ введенія христіанства, переселенія народовъ и паденія Римской имперіи, и начинаетъ средніе вѣка въ тѣсномъ значеніи этого слова. Это періодъ уясненія и приведенія въ порядокъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ оригинальныя черты пяти послѣдующихъ вѣковъ. Какъ въ политической, такъ и въ духовной жизни народовъ средней Европы въ два безъ малаго столѣтія, отдѣляющія смерть Карла Великаго отъ тысячнаго года, особенно вліятельными оказываются два факта: преобладаніе духовенства и выдѣленіе національностей.

Католическая церковь, до сихъ поръ то подавляемая внутренними раздорами, то занятая обращеніемъ варваровъ, то стѣсненная могучимъ авторитетомъ Карла Великаго, теперь крѣпнетъ и усиливается, дѣлаетъ книжное образованіе своей привилегіей, создаетъ свою собственную школу и науку и подчиняетъ себѣ власть свѣтскую. Карлъ Великій полагалъ, что закрѣпилъ за собою право утверждать папъ на престолѣ и сдѣлалъ ихъ, какъ свѣтскихъ властителей, вассалами императорской короны. Немедленно послѣ его смерти, папы стараются освободить свое избраніе и свои земли отъ вліянія императора; при междоусобіяхъ внуковъ Карла и при ихъ слабыхъ наслѣдникахъ, занятыхъ защитою своихъ владѣній, они вполнѣ достигаютъ обѣихъ цѣлей. Тогда они начинаютъ въ грамотахъ къ королямъ и императорамъ ставить свое имя на первомъ мѣстѣ и называютъ себя господами (domini).

Благодарность, какую должны были чувствовать папы къ потомкамъ Пипина, давшаго имъ землю и, слѣдовательно, независимость, тяготила ихъ, и вотъ въ половинѣ IX в. составлется легенда «о дарѣ Константина», относившая начало свѣтской власти римскаго епископа къ отдаленному, съ точки зрѣнія той эпохи къ незапамятному, времени и къ такимъ властителямъ, претензіи которыхъ были не страшны папамъ. Во второй половинѣ IX в. энергичный папа Николай I дерзко вмѣшивается въ частное дѣло Лотаря I; не смотря на протестъ императора, заставляетъ его принять вновь отвергнутую жену и покинуть ту, съ которой онъ только-что обвѣнчался, и свергаетъ епископовъ, утвердившихъ разводъ, опираясь на такъ-называемыя *лжеисидоровскія декреталіи*, грубую фальсификацію, тѣмъ не менѣе обязательную для многихъ послѣдующихъ столѣтій.

Усиленіе централизующей церковной власти вовсе не шло рука объ руку съ ея внутреннимъ совершенствованіемъ, напротивъ: никогда папскій престолъ не былъ такъ униженъ, какъ въ это время; не даромъ цѣлый пятидесятилѣтній періодъ называется порнократіей, т.-е. господствомъ блудницъ на папскомъ престолѣ; но оче-

Digitized by Google

видно, что усиленіе папства не зависѣло отъ лицъ, а было исторической необходимостью, и за кратковременное господство Оттона Великаго дорого поплатились его преемники. Все способствовало преобладанію церкви: и ревность новообращенныхъ, и нападенія норманновъ, венгровъ и арабовъ на незащищаемыхъ слабыми государями подданныхъ, и паденіе свѣтской науки, и размноженіе школъ и монастырей, и развитіе феодализма, и даже распаденіе Карловой монархіи, не помѣшавшее духовенству оставаться въ полномъ единеніи при единомъ латинскомъ языкѣ и при однихъ и тѣхъ же интересахъ.

Въ срединѣ IX в. индивидуализируются на материкѣ западной Европы три національности: нѣмцы, французы и итальянцы. Тогда же рядомъ съ латинскимъ языкомъ являются еще два литературныхъ языка: нѣмецкій и романскій. Страсбургская клятва 842 г., обусловившая вердюнскій договоръ, который въ первый разъ узаконилъ распаденіе, и сохранившаяся въ исторіи Нитгарта, древнѣйшій письменный памятникъ послѣдняго изъ названныхъ языковъ.

Уже Карлъ Великій хлопоталъ, хоть и безплодно, о нѣмецкой проповѣди; при Людовикѣ Благочестивомъ требуются переводы св. писанія на lunguam teudiscam. Вызванное къ новой жизни Карломъ, просвѣщенное въ школахъ его помощниковъ, духовенство Франціи и Германіи изъявляетъ желаніе руководить народомъ и, отказавшись отъ нелѣпой надежды заставить всѣхъ говорить по-латыни, начинаетъ обращать вниманіе на народный языкъ и поэзію. Къ концу X в. нѣмецкая національная письменность считаетъ свои памятники сотнями; она имѣетъ свой стиль и свой новый стихъ; во Франціи изъ романскаго выродились два литературныя нарѣчія: сѣверное, или собственно французское, и провансальское. Само собою разумѣется, что эта письменность носитъ спеціально церковный характеръ; поэты и прозаики главнымъ образомъ духовные; содержаніе самостоятельныхъ произведеній—религіозныя представленія христіанства; но такова сила народной традиціонной поэзіи, что ея формула и образы, противъ разсчета и противъ воли поэтовъ, овладѣваютъ ихъ фантазіей, и поэзія христіанская становится національной.

Такова общая идея этихъ двухъ столѣтій; въ частностяхъ же встрѣчаются значительныя колебанія; въ Италіи дѣло идетъ не такъ, какъ въ Германіи, да и въ самой Германіи время послѣднихъ Каролинговъ существенно отличается отъ эпохи Оттоновъ.

Съ перваго взгляда могло казаться, что Людовикъ Благочестивый былъ вполнѣ подготовленъ, чтобы продолжать цивилизаторскую дѣятельность отца; книга для него симпатичнѣе меча; онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ хорошо

Digitized by Google

зналъ по-латыни, немного по-гречески и былъ основательно знакомъ съ богословіемъ; въ его мнѣніи, какъ и во мнѣніи его великаго отца, человѣкъ знающій стоялъ выше родовитаго; онъ хлопоталъ о процвѣтаніи палатинской школы. Въ 821 г. онъ предписываетъ повсемѣстно устраивать школы для духовенства, да и въ самыя тяжелыя минуты жизни онъ находилъ досугъ хлопотать о поднятіи умственнаго уровня духовныхъ. Но ему мѣшала его односторонность; онъ понималъ науку только спеціально церковную; по словамъ біографа, онъ, презрѣвъ языческія поэмы, которыя изучалъ въ юности, не хотѣлъ ни читать, ни слушать ихъ, не хотѣлъ, чтобы другіе ихъ изучали (Poetica carmina gentilia quae in juventute didicerat, respuit, nec legere, nec audire, nec docere voluit). Еще бо̀льшимъ препятствіемъ успѣху науки были неспособность Людовика къ управленію государствомъ и страшная междоусобная война, возникшая по его винѣ. Въ 829 г. епископы, собравшись въ Парижѣ, рѣшили хлопотать объ основаніи трехъ высшихъ школъ для духовенства; но уже въ слѣдующемъ году началась война, и планъ былъ покинутъ навсегда. Отъ междоусобій потерпѣли и монастыри, но, разумѣется, не въ такой степени какъ резиденціи епископовъ, принимавшихъ въ борьбѣ непосредственное участіе. Вотъ одна изъ причинъ, почему монастырскія школы въ слѣдующемъ поколѣніи взяли перевѣсъ надъ епископскими. Изъ нихъ наибольшимъ значеніемъ пользовалась школа фульдскаго монастыря, гдѣ училъ и начальствовалъ знаменитый Рабанъ, или Грабонъ. Въ 802 г., стало быть за два года до смерти Алкуина, къ нему въ Туръ пришелъ, такъ сказать, «командированный съ ученою цѣлью» своимъ монастырскимъ начальствомъ 26-лѣтній Рабанъ, уроженецъ города Майнца. Хотя онъ оставался въ Турѣ всего только годъ, Алкуинъ успѣлъ оцѣнить его и прозвалъ его Мавромъ въ подражаніе св. Мавру, любимому ученику св. Бенедикта. По возвращеніи въ Фульду, Рабанъ былъ сейчасъ же сдѣланъ схоластикомъ, т.-е. учителемъ фульдской школы. Но въ это время на монастырь посыпались несчастія: напали вновь возставшіе саксы, а въ 807 г. моровая язва низвела число братій съ 400 до 150. Затѣмъ возникли жестокія пререканія у монаховъ съ ихъ аббатомъ. Аббатъ Ратгаръ былъ человѣкъ очень хорошій и дѣятельный, но имъ овладѣла непомѣрная страсть строиться—явленіе въ то время легко объяснимое: сопоставленіе величественныхъ развалинъ римскихъ съ деревянными избами возбуждалъ въ мысляхъ стремленіе оставить по себѣ память для послѣдующихъ поколѣній и храмы Бога живаго по крайней мѣрѣ сравнять съ храмами языческими. Раттаръ потерялъ всякое чувство мѣры: съ утра до вечера томилъ онъ на работѣ всѣхъ братій, выгонялъ изъ монастыря слабосильныхъ и даже закрылъ

Digitized by Google

школу, чтобы не отвлекать молодежи отъ «дѣла». Смертность увеличивалась со дня на день, монахи не выдержали и подали жалобу императору. Тотъ поручилъ разобрать дѣло Рикульфу, архіепископу майнцкому. Рикульфъ, самъ страстный строитель, поддержалъ Ратгара и торжественно освятилъ выстроенный храмъ. Ратгаръ немедленно началъ строить новый. Монахи послали ко двору депутацію, но Ратгаръ успѣлъ прибыть раньше ея, и коммиссія изъ четырехъ епископовъ, посланная для разслѣдованія, тоже ограничилась освѣщеніемъ уже новой церкви. Только въ 817 г. Ратгаръ былъ низложенъ, и его мѣсто занялъ кроткій Эйгиль, одинъ изъ изгнанныхъ за слабосиліе; школу сейчасъ же открыли вновь, и Рабанъ дѣятельно принялся за дѣло. Четыре года спустя, Эйгиль умеръ, и Рабанъ единогласно былъ избранъ аббатомъ. Двадцать лѣтъ аббатствовалъ Рабанъ, повидимому удерживая за собою высшій надзоръ надъ школой и усиленно работая перомъ. Еще въ 815 г., будучи учителемъ, составилъ онъ самый извѣстный свой трудъ: «О наученіи клириковъ» (De institutione clericorum). Въ основу духовнаго образованія онъ кладетъ грамматику, для усовершенствованія въ которой совѣтуетъ читать и языческихъ поэтовъ, откидывая шелуху и пользуясь золотомъ. Для діалектики онъ удерживаетъ Алкуиново опредѣленіе, но прибавляетъ отъ себя нѣсколько восторженныхъ эпитетовъ, предсказывающихъ ея великую роль въ XII в. Это, говоритъ онъ, наука наукъ, она учитъ учить, одна умѣетъ знать и не только хочетъ образовать знающихъ, но и можетъ. (Haec ergo disciplina disciplinarum est, haec docet docere, scit scire sola et scientes facere, non solum vult sed etiam potest). Въ годъ избранія въ аббатство, онъ закончилъ обширный комментарій на Евангелія Матѳея, затѣмъ написалъ комментаріи на книги: Бытія, Исходъ, Левитъ и др., какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, написалъ книгу о счетѣ, нѣсколько трактатовъ по каноническому праву, трактатъ о душѣ, много проповѣдей. Грамматику по Присціану, мартирологій и проч. и проч. Въ небольшомъ трактатѣ «Аллегорическое объясненіе всего Св. Писанія» (Allegoriae in universam sacram scripturam) Рабанъ рекомендуетъ каждый по возможности текстъ объяснять четырьмя способами: исторически, аллегорически, тропологически и аналогически. Первое толкованіе онъ сравниваетъ съ молокомъ для младенцевъ, второе съ хлѣбомъ, для всѣхъ необходимымъ, третье съ крѣпкимъ питательнымъ блюдомъ, а четвертое съ виномъ *). Въ своемъ сочиненіи «О магическомъ искусствѣ» (de magicis artibus) онъ проявляетъ критическую способность, мало ожидаемую въ то время, и многое объясняетъ

*) Здѣсь же онъ такъ разграничиваетъ понятія: allegoria aedificat fidem, tropologia vero moralitatem, а аналогія говоритъ de aeternis supernae patriae gaudiis.

Digitized by Google

субъективными иллюзіями. Такъ, тѣнь Самуила не на самомъ дѣлѣ являлась Саулу, но только казалась явившеюся. Рабанъ писалъ и стихи: отъ него дошло до насъ довольно много эпиграммъ, дидактическая поэма De fide catholica, и ему же приписываютъ нѣсколько гимновъ, въ томъ числѣ популярный у католиковъ: Veni, creator spiritus.

Кромѣ Лупа Сервата и Оттона Вейссенбурга, о которыхъ мы будемъ говорить особо, Рабанъ имѣлъ массу учениковъ; по словамъ одного изъ біографовъ, всѣ сколько нибудь выдающіеся дѣятели слѣдующаго поколѣнія болѣе или менѣе обязаны его урокамъ. Благодѣтельно подѣйствовало на развитіе нѣмецкой письменности то обстоятельство, что Рабанъ не принадлежалъ къ числу школьныхъ педантовъ, уважающихъ одну латынь, а явился продолжателемъ труда Карла Великаго и въ дѣлѣ обработки роднаго языка: его именемъ надписанъ латино-нѣмецкій словарь къ Библіи и гимны; отъ него выводятъ цѣлую школу глоссаторовъ, точнѣе и старательнѣе воспроизводившихъ письменно родную рѣчь.—Во время междоусобій, Рабанъ былъ сторонникомъ мира и императора. Послѣ битвы при Фонтенэ (842) онъ рѣшилъ покинуть свой постъ и уединиться отъ свѣта. Здѣсь сочинилъ онъ самое обширное свое произведеніе «О вселенной», въ двадцатидвухъ книгахъ, на основаніи «Этимологій» Исидора Севильскаго, но съ дополненіями; по просьбѣ Лотаря, онъ составилъ комментарій на Іезекіиля и, по просьбѣ Людовика нѣмецкаго (слѣдовательно братья-враги сходились на уваженіи къ великому нѣмецкому учителю),—аллегорическое объясненіе гимновъ. Но ему не удалось окончить жизнь на покоѣ: въ 847 г. онъ былъ выбранъ архіепископомъ майнцкимъ и съ честію занималъ эту каѳедру до самой своей смерти (856 г.). Еще замѣтнѣе осложнились неблагопріятныя политическія условія на его ученикѣ Лупѣ Серватѣ, дѣйствовавшемъ въ предѣлахъ Франціи. Лупъ родился въ началѣ IX в. въ благородной фамиліи, учился сперва въ Ферьерѣ, потомъ былъ командированъ въ Фульду. По возвращеніи въ Ферьеръ въ 830 г., онъ былъ сдѣланъ учителемъ грамматики и риторики, а послѣ вердюнскаго договора Карлъ Лысый сдѣлалъ его ферьерскимъ аббатомъ. Лупъ былъ страстный книголюбецъ и классикъ; какъ Ратгаръ заставлялъ всѣхъ строить, такъ онъ охотно засадилъ бы всѣхъ монаховъ за списываніе рукописей. Почти вся его обширная корреспонденція ведена съ цѣлью добыванія рукописей въ собственность или для снятія копіи. Онъ зналъ хорошо Виргилія, Горація, Марціала, Ливія, Саллюстія, Авла Геллія, Светонія, Квинта Курція и многихъ отцовъ церкви, его латинскій стихъ отличается изумительнымъ для того времени изяществомъ; тѣмъ не менѣе онъ вѣчно жалуется на недостатокъ книгъ. И такого-то человѣка обстоятельства заставляли покидать кабинетъ и аудиторію для ди-

Digitized by Google

пломатіи и даже для войны; напрасно онъ отмаливался: его принудили сѣсть на коня и вести на бой монастырскихъ вассаловъ. Разумѣется, воиномъ былъ онъ плохимъ, и въ 844 г., въ войнѣ съ возставшими аквитанцами, попался въ плѣнъ. Дипломатія была болѣе по немъ: онъ съ успѣхомъ отстаивалъ монастырскія земли отъ захвата со стороны одичавшихъ бароновъ и для Карла ѣздилъ посломъ въ Римъ. Онъ умеръ около 862 г.

Немного позднѣе возвышается школа с.-галленская, одна изъ первыхъ распавшаяся на два отдѣленія: школу внѣшнюю (externa) для дѣтей мірянъ, и школу внутреннюю (interna), въ которой даже ученики носили темное монашеское платье; каждое отдѣленіе имѣло своего схоластика. Внутренняя школа помѣщалась въ самомъ центрѣ монастыря, тамъ же, гдѣ находилась церковь, кладовыя, столовая и совѣтская зала, а внѣшняя—за стѣною, тамъ же, гдѣ домъ настоятеля и службы. Въ это время методъ и языкъ преподаванія былъ еще одинъ и тотъ же для обѣихъ школъ. При женскихъ монастыряхъ были школы для дѣвочекъ, гдѣ воспитывались дочери сосѣднихъ бароновъ. Тамъ же иногда начинали свое образованіе и мальчики, потомъ переходившіе въ мужской монастырь.

Въ концѣ IX в., въ с.-галленской внѣшней школѣ прославился, какъ преподаватель, Ратпертъ изъ Цюриха; онъ почти не покидалъ монастыря и изнашивалъ въ годъ не болѣе двухъ паръ башмаковъ; онъ даже избѣгалъ ходить къ обѣднѣ, доказывая, что преподаваніе есть дѣло болѣе угодное Богу, и хотя онъ по обычаю времени энергично дѣйствовалъ ферулою *), ученики любили его; на его похоронахъ присутствовало болѣе 40 высшихъ церковныхъ сановниковъ, вышедшихъ изъ его школы. Ратпертъ былъ однимъ изъ авторовъ «С.-Галленской Хроники», которая особенно обстоятельно велась въ X в.

Тамъ же, въ С.-Галленѣ, въ 883 г., по порученію Карла Толстаго, неизвѣстный по имени монахъ составилъ чрезвычайно интересный въ историко-литературномъ отношеніи сборникъ народныхъ сказаній о Карлѣ Великомъ. Позднѣе и въ с.-галленскомъ монастырѣ развилось изученіе родного языка: тамъ явилась цѣлая школа переводчиковъ, во главѣ которой стоялъ Ноткеръ Лабео, прозванный Нѣмецкимъ (Theutonicus). Въ лежащемъ по близости монастырѣ Рейхенау дѣйствовалъ ученикъ Рабана Ванафридъ Страбо (strabo или strabus—косоглазый). Онъ родился въ 807 г., а умеръ 40 лѣтъ съ небольшимъ; не смотря на кратковременность своей жизни,

*) Въ монастырскихъ школахъ розги и палки считались необходимымъ педагогическимъ пособіемъ; кромѣ экзекуцій случайныхъ, были особые экзекуціонные дни; въ 937 г. одинъ изъ с.-галленскихъ учениковъ, ожидая себѣ въ такой день жестокаго наказанія поджегъ монастырь.

Digitized by Google

онъ успѣлъ написать довольно много и славился какъ искусный и плодовитый поэтъ; онъ перелагалъ въ стихи житія, сочинялъ гимны, эпиграммы, описательныя поэмы. Любопытнѣе другихъ его поэма въ 300 гекзаметровъ «Садикъ» (Ortulus), изображающая современное ему состояніе садоводства.—Вообще при послѣднихъ Каролингахъ въ монастыряхъ и монастырскихъ школахъ было не мало латинскихъ поэтовъ, но произведенія ихъ не представляютъ ничего оригинальнаго сравнительно съ эпохой предшествующей; больше всего они занимались переложеніемъ въ стихи житій и исторій о чудесахъ; затѣмъ охотно сочиняли описательныя, дидактическія поэмы; интереснѣе поэмы съ историческимъ содержаніемъ, въ особенности, если содержаніе заимствовано авторомъ изъ собственнаго наблюденія; такія поэмы часто даютъ драгоцѣнный матеріалъ для историковъ, но поэтическое искусство ограничивается только болѣе или менѣе правильнымъ построеніемъ стиховъ и заимствованіемъ красотъ у Виргилія, Стація и др. Вотъ рѣзкій примѣръ анти-поэтической виртуозности, къ которой стремились въ это время. Гукбальдъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ преподавателей французскихъ во второй половинѣ IX в. (умеръ въ 930 г. въ глубокой старости), въ 876 г., имѣя въ виду Карла Лысаго, составилъ эклогу «О лысыхъ» (Ecloga de Calvis), въ которой всѣ слова начинаются съ буквы *C*.

Къ концу IX в. нападенія норманновъ и венгровъ, слабость центральной власти и непрерывныя междоусобія сильно понизили уровень умственнаго развитія средней Европы: новыхъ школъ не открывали, старыя еле дышали или вовсе закрывались; число людей грамотныхъ сильно уменьшилось; даже жалкія оффиціальныя лѣтописи прекращаютъ свое существованіе. Синоды не созываются, одичавшіе герцоги и бароны безотчетно распоряжаются церковнымъ имуществомъ и даже должностями. Нравственный и умственный уровень служителей церкви до того понижается, что одинъ изъ писателей слѣдующей эпохи Ратерій, епископъ веронскій (родился 890 г. въ Люттихѣ, писалъ свои Praeloquia въ тюрьмѣ въ Павіи), совершенно серьозно настаиваетъ на томъ, что если священникъ не можетъ понимать обѣдню, такъ пусть хоть наизусть знаетъ молитвы, что неприлично отправлять службу съ мечемъ у пояса; пьянство и развратъ, по его словамъ, весьма обыкновенные пороки духовенства.

Положеніе дѣлъ измѣнилось при Оттонахъ: битва при Мерзебургѣ, въ 955 г., навсегда укротившая венгровъ, положила конецъ переселенію народовъ; бароны и герцоги подчинились сильной центральной власти. Германія успокоилась и снова вступила въ тѣсныя связи съ Италіей, гдѣ наука не прекращала своей дѣятельности, гдѣ продолжали существовать грамматическія школы, въ которыхъ читали классиковъ дѣти

Digitized by Google

и молодые люди, вовсе не имѣвшіе въ виду церковной карьеры. Просвѣтительную дѣятельность Оттона Великаго часто сравнивали съ дѣятельностью Карла Великаго; хотя въ общемъ стремленія ихъ одинаковы, сравненіе не можетъ служить въ пользу Оттона. Оттонъ въ юности еще необразованнѣе Карла; уже взрослымъ учился онъ по латыни; подобно Карлу, онъ старался привлечь въ Германію ученыхъ людей, между ними выбиралъ себѣ совѣтниковъ и не жалѣлъ усилій, чтобы дать возможно лучшее образованіе младшимъ членамъ своей семьи. Но Оттонъ и подъ старость плохо разбиралъ латинскую грамоту, а астрономическіе и богословскіе вопросы были совсѣмъ недоступны ему; его издержки и труды привлекли ученыхъ иностранцевъ, но ихъ нельзя и сравнивать съ Алкуиномъ, Павломъ Дьякономъ и др. Между тѣмъ, въ общемъ, Оттонъ достигъ больше результатовъ: его сынъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; даже большая часть женщинъ его семейства читали латинскихъ, а нѣкоторые и греческихъ классиковъ; въ мужскихъ и даже женскихъ монастыряхъ наука стояла высоко, по свидѣтельству нѣкоего графа Удальриха, въ концѣ X в. всѣ понимали легкую юридическую латынь. Эта кажущаяся странность объясняется тѣмъ, что Оттонъ дѣйствовалъ на почвѣ, уже подготовленной Карломъ; кора невѣжества была гораздо тоньше, достаточно было нѣсколькихъ легкихъ ударовъ заступа, чтобы пробить ее. Это различіе легко видѣть на слѣдующемъ частномъ случаѣ. Оттонъ уговорилъ переселитьс въ Германію одного ученаго итальянца Гунцо, дьякона наварскаго. Гунцо, какъ мы узнаёмъ изъ его собственныхъ словъ, зимою переправился чрезъ Альпы, причемъ чуть не отморозилъ себѣ рукъ, и со всей своей библіотекой поселился въ монастырѣ с.-галленскомъ. Случись это при Карлѣ, монахи или возненавидѣли бы иностранца, который могъ отвлечь ихъ отъ пріятностей сытаго и пьянаго бездѣлья, или слушали бы мудреца, разинувъ ротъ. А теперь была возможна критика: Гунцо какъ-то обмолвился въ латинской рѣчи, употребивъ творительный падежъ вмѣсто винительнаго, и одинъ молодой с.-галленскій монахъ написалъ на него по этому случаю эпиграмму. Тогда ожесточенный итальянецъ написалъ къ монахамъ сосѣдняго монастыря Рейхенау длинное оправдательное посланіе *).

Въ просвѣтительной дѣятельности Оттону оказалъ существенную помощь братъ его Бруно, канцлеръ имперіи, потомъ архіепископъ кельнскій. Образованіе, полученное имъ въ юности, было не обширно, но онъ учился въ продолженіе всей жизни; пользуясь присутствіемъ

*) По сходству народнаго своего языка съ латынью, онъ въ живой рѣчи можетъ споткнуться (licet aliquando retarder usu nostrae vulgaris lingue, quae latinitati vicina est).

Digitized by Google

византійскихъ пословъ, онъ выучился и по-гречески. Онъ руководилъ возрожденною придворною школой; благодаря его симпатіямъ къ молодымъ ученымъ, королевская канцелярія стала разсадникомъ ученыхъ епископовъ.

Ни въ одной литературной области не отражается съ такой быстротой пониженіе и повышеніе уровня цивилизаціи, какъ въ исторіографіи. Она упала уже при Людовикѣ Благочестивомъ, во второй половинѣ царствованія котораго стала невозможна спокойная объективная исторія, такъ какъ всякій описывавшій современныя событія долженъ былъ стоять за ту или другую правительственную партію. Въ этой партіозной исторіографіи выдающееся явленіе— Нитгардъ, сынъ Ангильберта и дочери Карла Великаго, храбрый воинъ, защищавшій своего господина Карла Лысаго и мечемъ, и перомъ. Его четыре книги исторіи (Historiarum libri IV) доведены до 843 г. *) и написаны съ цѣлью обвинить Лотаря предъ потомствомъ. Когда перемерли люди, воспитавшіеся при Карлѣ Великомъ, исторіографія быстро стала падать; только кой-гдѣ ведутся монастырскія лѣтописи; выше было упомянуто о прекращеніи къ X вѣку оффиціальныхъ лѣтописей. Но уже при Оттонѣ I являются два выдающіеся историка: одинъ въ Германіи, другой въ Италіи. Въ 967 г. Видукиндъ, монахъ корвейскаго монастыря, до тѣхъ поръ только обдѣлывавшій житія святыхъ, задумалъ написать исторію саксовъ. Въ высшей степени важно для насъ то обстоятельство, что онъ началъ не съ римскаго времени, какъ составитель лѣтописныхъ сводовъ, а съ древнихъ языческихъ преданій своего народа. Увлекшись свѣжестью ихъ поэзіи, онъ и въ изложеніи позднѣйшихъ событій удерживаетъ эпическій тонъ и, забывъ о своемъ званіи, съ особенною любовью описываетъ битвы. Къ сожалѣнію, Видукиндъ начитался Саллюстія, и отъ него позаимствовался не умѣньемъ, а страстью строить длинные періоды, изъ которыхъ онъ подчасъ не умѣетъ выбраться. Ни такая эпическая свѣжесть, ни такое неумѣнье писать не возможны въ Италіи; достоинство и недостатки исторіи Ліудпранда совсѣмъ другіе. Ліудпрандъ, лангобардъ по происхожденію, получилъ свое грамматическое образованіе при дворѣ павійскомъ; онъ хорошо зналъ Виргинія, Горація, Ювенала, усердно читалъ Цицерона; отъ Боэція заимствовалъ онъ манеру украшать прозаическіе разсказы вставкою стихотворныхъ пьесъ, писанныхъ различными метрами. Онъ былъ канцлеромъ Беренгара и, по его порученію, ѣздилъ въ Грецію; поссорившись съ Беренгаромъ, а еще больше того съ королевой, онъ перешелъ на службу къ Оттону,

*) Ему мы обязаны однимъ памятникомъ романскаго языка: онъ внесъ въ исторію страсбургскую клятву по-романски и по-древне-нѣмецки.

Digitized by Google

который сдѣлалъ его епископомъ кремонскимъ (958—962). По порученію Оттона, онъ вторично ѣздилъ въ Константинополь сватать наслѣднику престола греческую принцессу. Время и обстоятельства его смерти неизвѣстны. Онъ назвалъ свою исторію *Antapodosis*—воздаяніе, потому что хотѣлъ воздать ею по заслугамъ своимъ врагамъ, но не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ довелъ ее только до 949 г. Подлинныхъ документовъ онъ не приводилъ, а на слово его сужденіямъ нельзя вѣрить: онъ слишкомъ раздражителенъ и золъ, но, какъ человѣкъ, всю жизнь проведшій въ политической сумятицѣ, обладаетъ политическимъ тактомъ. Онъ приводитъ массу анекдотовъ, дающихъ намъ возможность заглянуть въ детали жизни той эпохи.

Характерная слабость средневѣковаго мышленія — недостатокъ критики, чрезмѣрное развитіе фантазіи. Эта особенность находитъ себѣ рѣзкое выраженіе въ томъ, что всякій выдающійся дѣятель въ представленіи послѣдующихъ поколѣній получаетъ миѳологическую окраску. Даже ученые, однообразная жизнь которыхъ повидимому не можетъ подать поводъ ни къ чему подобному, дѣятельность которыхъ не касается неграмотной и легковѣрной, поэтически настроенной массы, не избѣгаютъ такой миѳологизаціи. Гербертъ открываетъ собою рядъ ученыхъ чародѣевъ, оканчивающійся знаменитымъ докторомъ Фаустомъ. Гербертъ — бургундецъ незнатнаго происхожденія; онъ воспитывался въ аврелакскомъ монастырѣ и учился у схоластика Раймунда, который позднѣе былъ аббатомъ въ томъ же монастырѣ. Очень распространено преданіе, что свои необыкновенныя познанія въ математическихъ и естественныхъ наукахъ пріобрѣлъ онъ въ Кордовѣ у арабскихъ профессоровъ, но на самомъ дѣлѣ въ арабской Испаніи Гербертъ никогда не былъ. Основа преданія въ томъ, что Гербертъ въ 967 г. совершилъ путешествіе въ испанскую марку, т.-е. въ ту часть Испаніи, которую отвоевалъ Карлъ Великій; туда дѣйствительно проникали отъ арабовъ научныя свѣдѣнія, недоступныя остальной христіанской Европѣ. Въ 970 г. Гербертъ отправился въ Италію, гдѣ познакомился съ Оттономъ и его семействомъ; оттуда онъ поѣхалъ въ Реймсъ, чтобы въ знаменитой въ то время реймской школѣ усовершенствоваться въ діалектикѣ. Изъ студента онъ скоро обратился въ профессора. Слава объ его необыкновенной учености привлекла въ Реймсъ массу учениковъ, но та же слава возбуждала противъ него вражду товарищей по профессіи. Съ однимъ изъ нихъ, саксомъ Ортрикомъ, какъ разсказываетъ его біографъ, Гербертъ препирался въ Равеннѣ въ присутствіи императора Оттона II. Сперва Гербертъ доказывалъ вѣрность своей системы наукъ, согласной съ Боэціемъ, а потомъ диспу-

Digitized by Google

тировалъ о томъ, какое понятіе шире: rationale или mortale. До насъ дошли конспекты его учебниковъ по квадривіуму, преподаваніемъ котораго особенно славился Гербертъ. Изъ разсказа о диспутѣ съ Ортрикомъ и другихъ источниковъ видно, что въ общей системѣ наукъ и въ изложеніи тривіума Гербертъ отличался отъ своихъ предшественниковъ Боэція и Исидора и современниковъ большею ясностью и систематичностью. Пособіемъ, кромѣ нихъ, ему служили Organon Аристотеля, Isagoge Порфирія и латинскіе классики, какъ приготовительная школа къ риторикѣ. Гербертъ оказалъ огромную услугу ариѳметикѣ тѣмъ, что онъ первый ввелъ арабскія цифры, которыя сдѣлали возможнымъ скоро производить длинныя вычисленія (впрочемъ, нуля онъ не зналъ). Въ геометріи онъ руководствовался сокращеннымъ изложеніемъ Эвклида, безъ доказательствъ; свѣдѣнія по астрономіи онъ принесъ изъ Барселоны. Чудомъ учености по этой наукѣ считали его потому, что онъ устроилъ инструментъ, изображавшій сферу. Въ 982 г. Оттонъ II сдѣлалъ его аббатомъ монастыря Боббіо, но такъ какъ онъ, въ противность монахамъ и свѣтскимъ сосѣдямъ, стоялъ за императора, то въ слѣдующемъ же году, послѣ смерти Оттона, онъ долженъ былъ покинуть свой постъ и вернулся въ Реймсъ. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ изъ-за опеки надъ малолѣтнимъ императоромъ; благодаря своимъ высокопоставленнымъ благожелателямъ, онъ назначенъ былъ епископомъ реймскимъ, но былъ изгнанъ своимъ соперникомъ, послѣднимъ Каролингомъ Арнульфомъ. Тогда онъ поселился, въ качествѣ совѣтника, при дворѣ молодого императора. Любопытно то обстоятельство, что когда на папскій престолъ взошелъ родственникъ Оттона, Григорій V, онъ противъ всеобщаго ожиданія не возвратилъ Реймса Герберту, а оставилъ его за Арнульфомъ, Герберту же далъ каѳедру равенскую; мало того: когда, по смерти Григорія въ 999 г., на папскій престолъ вступилъ самъ Гербертъ подъ именемъ Сильвестра II, онъ утвердилъ Реймсъ за своимъ противникомъ: настолько принципъ независимости каѳедръ стоялъ выше личныхъ отношеній. Сильвестръ пережилъ императора только 16 мѣсяцами и умеръ въ 1003 г. Въ виду близости 1000 г., въ которомъ не только простой народъ, но и многіе грамотные ожидали конца міра, богословіе того времени приняло практически-моральный характеръ, а интересъ къ догматикѣ отодвинулся на задній планъ. Гербертъ, какъ богословъ, почти не имѣетъ значенія; впрочемъ объ писалъ по единственному волновавшему въ то время общество догматическому вопросу о преосуществленіи и пришелъ къ примирительному выводу: тѣло Христово, употребляемое въ причащеніи, naturaliter тоже тѣло, что было распято, но specialiter отлично отъ него.

Digitized by Google

Кто пожелаетъ представить конкретное доказательство того, что труды Оттоновъ увѣнчались успѣхомъ, что вѣкъ ихъ можетъ считаться вторымъ малымъ возрожденіемъ, конечно, прежде всего укажетъ на монахиню Росвиту, или Гросвиту *). Это дѣйствительно выдающееся явленіе, на столько выдающееся, что существованію его долго не вѣрили и полагали, что первый издатель ея сочиненій, извѣстный гуманистъ Конрадъ Цельтесъ (1501), самъ сочинилъ ихъ изъ патріотической цѣли, чтобы доказать, что еще въ X в. въ Германіи существовали ученыя поэтессы. Теперь, послѣ изданія новыхъ памятниковъ, послѣ ряда блестящихъ доказательствъ того, что глубокое варварство среднихъ вѣковъ вовсе не такъ глубоко, какъ казалось прежде, послѣ тщательнаго изученія самыхъ произведеній Гросвиты, сомнѣніе стало невозможнымъ; но обвинять сомнѣвавшихся въ ничѣмъ не оправдываемой подозрительности мы не имѣемъ права. И теперь ex abrupto можетъ показаться удивительнымъ, что черезъ полтораста съ небольшимъ лѣтъ по окончаніи кровавой борьбы съ язычниками саксами, въ саксонскомъ женскомъ монастырѣ жила монахиня, писавшая почти правильными гекзаметрами эпическія поэмы, и задолго до первыхъ попытокъ внѣ-церковной драмы сочинявшая латинскія комедіи. Удивленіе легко можетъ перейти въ недовѣріе, когда мы узнаёмъ, что этому чуду въ то время, повидимому, никто не удивлялся: все, что мы знаемъ о ней, мы знаемъ изъ ея же сочиненій. Въ поэмѣ «Исторія непорочной Богородицы» она называетъ себя по имени **). Она воспитывалась въ монастырѣ гандернгеймскомъ, основанномъ въ 856 г., училась у монастырской учительницы Рихарды и у Герберги, племянницы Оттона Великаго, дочери Генриха Баварскаго, которая была настоятельницей монастыря съ 959 г. по 1001 г. Эта Герберга побудила ее написать эпическую поэму о подвигахъ Оттона. Въ 968 г. Гросвита окончила поэму и переслала ее съ стихотворнымъ посвященіемъ и старому, и молодому императорамъ. При сочиненіи этой поэмы она не касалась писанныхъ источниковъ, а передала только устные разсказы членовъ царской фамиліи. Кромѣ того, въ стихахъ она описала исторію своего роднаго монастыря (De primordiis coenobii Gendersheimensis); изложила гекзаметромъ восемъ легендъ о святыхъ и сочинила шесть комедій. Въ предисловіи къ послѣднимъ она говоритъ: «Я рѣшилась подражать Теренцію, котораго читаютъ съ такимъ уваженіемъ, чтобы въ томъ же родѣ поэзіи, въ которомъ воспѣвается развратъ распутныхъ женщинъ,

*) Hrosvitha или Roswitha. Гриммъ объясняетъ ея имя словами: Hruod-suind и считаетъ ея латинское прозвище *clamor validus* переводомъ ея имени; Клейнъ производитъ Rosvitha отъ weisse Rose.

**) Tu dignare suae famulae clementer adesse Hrosvitae que votis carminulisque novis.

Digitized by Google

по силамъ моего умишка, прославить похвальное цѣломудріе святыхъ дѣвъ» *). Въ этихъ словахъ и цѣль и основная тема всѣхъ ея пьесъ: она желаетъ отвлечь своихъ подругъ-монахинь отъ чтенія безнравственнаго Теренція, и усвоивъ, какъ она полагаетъ, его форму, облечь въ нее благочестивое, спеціально же прославляющее цѣломудріе, содержаніе. Сюжетовъ ей, разумѣется, измышлять не нужно: житія и апокрифы могутъ доставить ихъ въ достаточномъ количествѣ. Вотъ перечень ея пьесъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія:

1) Галиканъ. Полководецъ Константина, Галиканъ, соглашается идти въ походъ противъ скиѳовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ императоръ выдалъ за него дочь свою Констанцію, которая дала обѣтъ оставаться дѣвственницей. Констанція притворно соглашается, но откладываетъ свадьбу до возвращенія Галикана изъ похода и требуетъ, чтобы Галиканъ взялъ съ собою въ походъ ея наставниковъ, христіанъ Іоанна и Павла, а ей поручилъ на это время своихъ двухъ дочерей. Дочери Галикана, ею убѣжденныя, рѣшаются посвятить себя Богу, а Іоаннъ и Павелъ въ трудную для римскаго войска минуту уговариваютъ Галикана дать обѣтъ креститься, за что небо и дастъ ему побѣду. По возвращеніи Галиканъ самъ отказывается отъ руки Констанціи. Вторая часть драмы разсказываетъ о томъ, какъ Галикана, Павла и Іоанна замучилъ Юліанъ Отступникъ.

2) Дульцицій. Содержаніе—исторія мученической смерти трехъ дѣвъ: Агапы, Хіоніи и Ирины при Діоклетіанѣ. Дульцицій, намѣстникъ императора, проникаетъ въ тюрьму дѣвственницъ, чтобъ насытить надъ ними свою животную страсть, но Богъ отуманилъ его разумъ и, вмѣсто дѣвы, онъ расточаетъ свои ласки покрытымъ сажей горшкамъ и котламъ, такъ что потомъ его не узнали собственные подчиненные.

3) Каллимахъ. Каллимахъ страстно влюбленъ въ цѣломудренную христіанку Друзіану. Она молитъ Бога о смерти, и Богъ исполняетъ ея желаніе. Каллимахъ проникаетъ въ ея гробницу, чтобъ удовлетворить свою страсть надъ мертвымъ тѣломъ; а мъ умираетъ онъ отъ ужаса, увидя божественнаго юношу, охранявшаго гробъ Друзіаны. Апостолъ Іоаннъ воскрешаетъ своею молитвой и Друзіану, и Каллимаха, который дѣлается искреннимъ христіаниномъ.

Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ апокрифической исторіи апостоловъ, которую приписывали Абдіасу.

4) Авраамъ и Марія. Марія, племянница благочестиваго Авраама, слѣдуетъ за нимъ въ пустыню, но впослѣдствіи убѣгаетъ оттуда съ любовникомъ. Покинутая соблазнителемъ, она дѣлается публичной женщиной. Узнавъ объ ея мѣстопребываніи, Авраамъ является къ ней подъ видомъ человѣка, ищущаго насладиться покупными прелестями, и снова обращаетъ ее къ добродѣтели.

5) Пафнутій. По содержанію эта піеса сходна съ предыдущей: пустынникъ Пафнутій обращаетъ къ благочестивой жизни блудницу Таису, разорявшую многихъ юношей.

6-я и послѣдняя пьеса излагаетъ мученіе святыхъ дѣвъ: Вѣры, Надежды и Любви.

---

*) Unde ego non recusavi illum imitari dictando quem alii colunt legendo, quo eodem dictationis genere, quo turpia lascivarum incesta feminarum recitabantur, laudabilis sacrarum castimonia virginum, juxta mei facultatem ingenioli celebraretur.

Digitized by Google

Въ видѣ образчика изложенія приводимъ отрывокъ изъ первой части «Галикана».

Императоръ Константинъ уговариваетъ Галикана идти на скиѳовъ.

Галиканъ. Я старался, о Константинъ, всегда исполнять твои приказанія и никогда не отказывался отъ дѣла.

Константинъ. Объ этомъ нечего напоминать, я это твердо помню; поэтому я говорю тебѣ, скорѣе увѣщевая, нежели приказывая. Поступай по своему обычаю.

Г. Я приложу всѣ старанія.

К. Весьма этому радъ.

Г. Исполненіе твоихъ приказаній мнѣ будетъ дороже жизни.

К. Хвалю твое расположеніе.

Г. Но сильное желаніе исполнить свою обязанность требуетъ бо́льшаго вознагражденія, и трудность исполненія дѣла облегчается надеждой на вѣрную награду.

К. Это ясно.

Г. Поэтому я прошу тебя, обѣщай мнѣ награду за опасность, которой я подвергнусь, чтобы, храбро сражаясь, я не палъ въ борьбѣ, а воодушевлялся надеждой.

К. Я тебѣ никогда не отказывалъ и не буду отказывать ни въ чемъ, что казалось пріятнымъ сенату; поэтому ты считаешься моимъ другомъ и стоишь выше другихъ придворныхъ.

Г. Это такъ, но я не объ этомъ теперь стараюсь.

К. Если желаешь другаго, скажи.

Г. Совсѣмъ другаго.

К. Чего-же?

Г. Если смѣю сказать...

К. Да, конечно.

Г. Ты разсердишься.

К. Навѣрно нѣтъ.

Г. Навѣрно разсердишься.

К. Отнюдь нѣтъ.

Г. Ты выйдешь изъ себя.

К. Не опасайся этого.

Г. Я скажу, исполняя твое приказаніе: я люблю твою дочь Констанцію...

К. И хорошо дѣлаешь: дочь государя слѣдуетъ любить и почитать.

Г. Ты прерываешь мою рѣчь.

К. Не прерываю.

Г. Я, если ты позволишь, льщу себя надеждой жениться на ней.

К. Онъ не маленькой желаетъ награды и для васъ, начальники, необыкновенной.

Г. Онъ уже негодуетъ. Я это зналъ напередъ. Помогите, прошу васъ, своими просьбами.

Начальники. Великій императоръ, въ его просьбѣ нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ твоимъ достоинствомъ.

К. Что касается до меня, я согласенъ, но нужно напередъ справиться, какъ это приметъ моя дочь.

Н. Это вполнѣ правильно.

К. Я пойду и спрошу ее, если тебѣ это угодно, Галиканъ.

Г. Мнѣ это очень угодно.

Констанція. Императоръ идетъ къ намъ печальнѣе обыкновеннаго; весьма удивляюсь, отчего это?

Digitized by Google

К. Поди сюда, дочь моя. Я хочу поговорить съ тобой.

Констанція. Я здѣсь, государь. Приказывай, что тебѣ угодно.

К. Я въ большомъ безпокойствѣ и тяжкой печали.

Констанція. Какъ только я увидала тебя подходящимъ, я замѣтила твою печаль и, хоть не знала причины, смутилась и испугалась.

К. Я о тебѣ печалюсь.

Констанція. Обо мнѣ?

К. Да, о тебѣ.

Констанція. Мнѣ страшно! Что-жъ это такое, государь?

К. Тяжело сказать: боюсь и тебя опечалить.

Констанція. Мнѣ много хуже, если ты не скажешь.

К. Полководецъ Галиканъ, который многими побѣдами пріобрѣлъ первенство между всѣми начальниками, и въ помощи котораго мы такъ часто нуждаемся для защиты отечества...

Констанція. Что-же онъ?

К. Онъ проситъ руки твоей.

Констанція. Моей?

К. Да.

Констанція. Я лучше соглашусь умереть.

К. Я это зналъ напередъ.

Констанція. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь съ твоего согласія и позволенія я дала обѣтъ Богу сохранить свое дѣвство и т. д.

До сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ, для чтенія или для представленія сочиняла свои драмы Гросвита? Мы склонны думать, что Гросвита не имѣла и понятія о сценическомъ представленіи; въ предисловіи къ комедіямъ она говоритъ только о чтеніи Теренція; вареніе въ котлѣ и бичеваніе (въ послѣдней пьесѣ) представлять невозможно; наконецъ, встрѣчающіяся почти во всѣхъ пьесахъ изображенія словами одного лица дѣйствій другаго при условіи сценическаго изображенія не имѣютъ смысла. Теперь, какъ замѣчено выше, пьесы Гросвиты не считаются единственными въ своемъ родѣ. Къ X же вѣку относятъ комедію «Памфилъ, или искусство быть любимымъ» *), очень популярную въ вѣкъ Возрожденіа: съ 1473 до 1500 года она выдержала одиннадцать изданій. Авторъ ея жилъ, какъ полагаютъ, во Франціи; основная тема и весь тонъ пьесы ничего не имѣютъ общаго съ благочестивыми комедіями гандерсгеймской монахини; «Памфилъ» напротивъ ближе къ тому Теренцію, котораго пытается изгнать Гросвита. Герой, по имени котораго названа пьеса, съ помощью ловкой старухи (отрицательный типъ, особенно популярный въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ вѣкъ Возрожденія), всѣми дозволенными и недозволенными средствами добивается руки своей прекрасной и богатой сосѣдки Галатеи. Эта пьеса тоже очевидно не предназначалась для представленія; ученые Возрожденія считали ее даже поэмой, а Гальдастъ издалъ ее, раздѣливъ на 63 элегіи.

*) Pamphili ou l'art d'être aimé, comedie latine du X-me siecle, par. Ad. Baudouin. Paris, 1874.

Digitized by Google

Переходимъ къ христіанской поэзіи на родномъ языкѣ. Благодаря отчасти условіямъ, о которыхъ была рѣчь въ предъидущей главѣ, отчасти же развитію языческой поэзіи, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, христіанская національная поэзія развилась прежде всего у англо-саксовъ; между ними явились христіанскіе поэты чуть не на другой день послѣ крещенія, и, что̀ любопытнѣе всего, эти поэты вышли не изъ среды образованнаго духовенства, не изъ школъ, а изъ народа.

Въ IV книгѣ своей «Церковной исторіи Англіи» (гл. 24) Беда разсказываетъ слѣдующее: Во второй половинѣ VII столѣтія, по близости монастыря Уитби, въ Нортумберлендѣ, жилъ человѣкъ по имени Кедмонъ. Природа отказала ему въ дарѣ пѣсенъ, такъ что когда, по обычаю народа, на пиру ему въ очередь подавали арфу, чтобъ онъ пропѣлъ что-нибудь, онъ молчалъ и пристыженный уходилъ домой. Однажды вечеромъ, когда съ нимъ случилась именно такая непріятность, онъ ушелъ въ хлѣвъ, который долженъ былъ караулить въ эту ночь, и заснулъ. Во снѣ было ему видѣніе, и повелительный голосъ приказалъ ему пѣть о началѣ міротворенія. Кедмонъ запѣлъ такимъ образомъ: «Теперь слѣдуетъ восхвалить блюстителя царства небеснаго, силу творца, его думу, дѣла отца славы, какъ онъ, вѣчный Господь, положилъ начало каждому чуду. Онъ создалъ сперва дѣтямъ человѣческимъ небо, какъ кровлю, святой творецъ; потомъ хранитель человѣческаго рода сотворилъ срединное жилище, вѣчный Господь, землю для людей, могучій государь». Проснувшись, Кедмонъ вспомнилъ все это и многое прибавилъ въ томъ же стилѣ. Скоро молва о чудѣ достигла монастыря. Аббатисса Гильда, испытавъ силу поэтическаго дарованія до тѣхъ поръ бездарнаго пастуха, взяла его въ монастырь и приказала нѣсколькимъ грамотникамъ пересказывать Кедмону св. исторію; все, что онъ слышалъ отъ нихъ, онъ превращалъ въ прекрасныя пѣсни, такъ что учившіе заслушивались его. «И такъ воспѣлъ онъ, разсказываетъ Беда, твореніе міра, начало человѣческаго рода и все, что разсказано въ книгѣ Бытія; исходъ Израиля изъ Египта, его вступленіе въ обѣтованную землю и многія другія исторіи св. Писанія; вочеловѣченіе Христа, его страданія, воскресеніе и вознесеніе, сошествіе св. Духа и проповѣдь апостоловъ; также объ ужасѣ страшнаго суда и адскихъ мукъ и о сладости царства небеснаго сложилъ онъ много пѣсенъ, о милости, и судѣ божьемъ; во всемъ стремился онъ отвлечь людей отъ склонности къ грѣху и возжечь въ нихъ любовь къ добродѣтели».

Мы не имѣемъ никакого основанія признать Кедмона лицомъ миѳическимъ и весь разсказъ Беды незаслуживающимъ довѣрія: Беда родился въ 673 г., а аббатисса Гильда умерла въ 680; слѣд. Беда

Digitized by Google

имѣлъ полную возможность слышать разсказы о Кедмонѣ отъ людей, знавшихъ его лично. «Чудо» одинъ изъ критиковъ *) объясняетъ такимъ образомъ: Кедмонъ въ язычествѣ былъ даровитый поэтъ; ставъ искреннимъ христіаниномъ, онъ отказался пользоваться своимъ даромъ, боясь грѣха; сонъ, бывшій результатомъ внутренней борьбы, навелъ его на мысль влить новое содержаніе въ старыя поэтическія формы.

Кедмону приписываютъ цѣлый рядъ христіанскихъ эпическихъ поэмъ разнообразнаго достоинства, поэмъ, созданныхъ, очевидно, не въ одномъ поколѣніи. Современная историческая критика признаетъ вѣроятнымъ, что ему принадлежитъ одна поэма — парафразъ книги Бытія до жертвоприношенія Авраама включительно; дошла она до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ сочинилъ ее Кедмонъ; позднѣйшіе пѣвцы и переписчики кое-что пропустили, кое-что прибавили и подновили языкъ, но все же не изгладили слѣдовъ глубокой старины.

Поэма начинается съ восхваленія Творца небесныхъ обителей, изображаетъ радость ангеловъ и небесное грѣхопаденіе. Печальный видъ оставшихся пустыми небесныхъ сѣдалищъ, вслѣдствіе отпаденія Люцифера, побуждаетъ Господа создать міръ и человѣка.

Изъ этого видно, что авторъ не исключительно слѣдуетъ книгѣ Бытія: связь между паденіемъ Люцифера и его сторонниковъ и сотвореніемъ Адама—древнее теологическое, но не библейское воззрѣніе, связанное съ ученіемъ «хиліастовъ», воззрѣніе, сильно распространенное на западѣ, особенно твореніями Григорія Великаго. Но нельзя предполагать, что самъ Кедмонъ склеивалъ въ одное цѣлое разсказъ Библіи съ апокрифическими преданіями: онъ, конечно, не зналъ по-латыни, а воспроизводилъ въ стихахъ то, что разсказывали ему люди грамотные, приставленные къ нему Гильдою.

Стиль Кедмона—стиль сѣверной языческой поэзіи, возвышенный и патетическій, нагромождающій эпитеты, приложенія, повторенія, синонимическія выраженія, но не нарушающій этимъ ясности представленія. Поэтъ вводитъ, гдѣ можно, діалоги, дополняетъ сухой библейскій разсказъ вымышляемыми имъ картинными подробностями, абстрактное превращаетъ въ конкретное. Какъ ученикъ пѣвцовъ, прославлявшихъ подвиги храбрости національныхъ героевъ, онъ съ особенной охотой останавливается на описаніи битвъ. Поэтическая терминологія таже, что у его предшественниковъ язычниковъ: такъ, напр., Авраамъ называется *ярломъ*, красота Сары сравнивается съ красотою *эльфовъ*, всякое писаніе называется *рунами* и пр.

Въ видѣ образца приводимъ разсказъ о жертвоприношеніи Авраама:

*) Hammerich, тамъ же, стр. 22.

Digitized by Google

Потомъ могучій конунгъ сталъ испытывать героя: онъ хотѣлъ узнать, какова доблесть эделинга. Строго сказалъ онъ ему словами и голосомъ: „Вставай, Авраамъ, и иди, направляй шаги твои и веди съ собою твоего сына Исаака; своего сына ты долженъ мнѣ принести въ жертву, послѣ того какъ войдешь ты своими ногами на крутую гору, хребетъ возвышенности, которую я покажу тебѣ. Ты долженъ тамъ приготовить костеръ, погребальный костеръ для твоего сына; ты долженъ самъ убить сына остріемъ меча, на черномъ пламени сжечь тѣло возлюбленнаго и принести его мнѣ въ жертву". Онъ не отказался отъ путешествія, но тотчасъ поспѣшилъ отправленіемъ; слово властителя ангеловъ внушало ему уваженіе, и повелѣніе могучаго было пріятно. Благочестивый Авраамъ покинулъ ночной сонъ, не противился приказу сильнаго; святой мужъ опоясался мечомъ и доказалъ, что страхъ повелителя духовъ жилъ въ его груди. Сѣдой раздаватель золота сталъ взнуздывать своихъ ословъ, велѣлъ двумъ молодцамъ идти съ собою; его собственный сынъ былъ третьимъ, а онъ самъ четвертымъ. Потомъ поспѣшно вывелъ онъ изъ своего дома Исаака, сына-отрока, какъ повелѣлъ ему создатель. Онъ очень спѣшилъ; онъ быстро шелъ впередъ по дорогѣ, которую Господь указалъ ему черезъ пустыню, шелъ до тѣхъ поръ, пока лучистый разсвѣтъ третьяго дня заблисталъ надъ глубокой водой. Потомъ увидалъ блаженный поднимающуюся высокую гору, какъ ему заранѣе сказалъ князь неба. Тогда обратился Авраамъ къ своимъ служителямъ: „Люди мои, отдыхайте на этомъ мѣстѣ; а мы двое придемъ назадъ, исполнивъ наше дѣло для царя духовъ". Тогда эделингъ сталъ подниматься черезъ лѣса въ сторону, которую указалъ ему творецъ; дрова несъ сынъ, а отецъ—огонь и мечъ. Тогда началъ спрашивать отрокъ, зимами (годами) юный: „Вотъ, господинъ мой, огонь и мечъ; но гдѣ-же жертва роскошная, которую принесешь ты Богу во всесожженіе?" и т. д.

Кедмонъ не былъ единственнымъ поэтомъ въ своемъ родѣ: поэтически настроенные англо-саксы выставили цѣлый рядъ эпиковъ, которые принялись за обработку новыхъ христіанскихъ сюжетовъ. Отъ эпохи немного позднѣйшей до насъ дошли: 1) Переложеніе Исхода, авторъ котораго относится къ источнику съ большей, чѣмъ Кедмонъ, свободой, представляетъ типъ чистаго эпика, избѣгающаго діалоговъ, и еще рѣзче, чѣмъ Кедмонъ, проявляетъ воинственный духъ англо-саксонской поэзіи. 2) Переложеніе книги пророка Даніила; его авторъ расположилъ свой матеріалъ по болѣе строгому плану, съ намѣреніемъ провести идею о наградѣ за покорность Богу и о наказаніи за гордость, и значительно больше Кедмона допускаетъ субъективный элементъ, выраженіе личныхъ чувствъ и выводовъ. 3) Юдиѳь, отъ которой дошло до насъ только окончаніе, свидѣтельствующее, однако, о выдающемся поэтическомъ талантѣ автора, и др. Судя по языку, всѣ эти поэмы относятся къ концу VIII или началу IX вѣка. Всѣхъ поэтовъ этой ранней эпохи сближаетъ стремленіе приспособить новое содержаніе къ формамъ древней языческой поэзіи: увѣровавшій на крестѣ разбойникъ—витязь Христа, его посланецъ, за три ночи явившійся на небо возвѣстить его побѣду; Юдиѳь—щитоносная дѣва Господа; Олофернъ, невѣрная собака, отправляется послѣ смерти въ Нифельгеймъ, на змѣиный дворъ; рай описывается

Digitized by Google

самыми чувственными красками и пр. Имена авторовъ перечисленныхъ поэмъ не дошли до насъ; эти имена не интересовали и ближайшихъ потомковъ, такъ какъ поэмы—чистый, объективный эпосъ, въ которомъ личность поэта не отражается. На иной, болѣе высокой ступени культуры и поэтическаго развитія стоятъ произведенія Киневульфа.

Киневульфъ родился между 720 и 730 годами, слѣдовательно писалъ во второй половинѣ VIII столѣтія. Судя по діалектическимъ особенностямъ, онъ, какъ и Кедмонъ, происходилъ изъ Нортумберланда; онъ зналъ по латыни, что̀ указываетъ, повидимому, на воспитаніе въ монастырской школѣ. Онъ самъ разсказываетъ про себя въ одной своей поэмѣ, что въ молодости былъ онъ бродячимъ пѣвцомъ; знатные награждали его цѣпями и кольцами. Но вотъ дѣло стало подходить къ старости; друзья и покровители его перемерли; бѣдность тѣснила его все болѣе и болѣе; совѣсть мучила его за дурно проведенную жизнь. Тогда-то во снѣ явился ему св. крестъ, съ одной стороны блестящій золотомъ и драгоцѣнными камнями, съ другой—облитый кровью, разсказалъ ему свою исторію и исторію Спасителя, котораго удостоился носить онъ, и велѣлъ Киневульфу повѣдать это видѣніе людямъ. Съ тѣхъ поръ жизнь и образъ мыслей его измѣнились, на душу его снизошелъ покой; по всей вѣроятности, онъ поступилъ въ монахи; во всякомъ случаѣ отъ легкомысленной свѣтской поэзіи онъ обратился къ духовной. Въ своей авторской дѣятельности этого періода, онъ главнымъ образомъ развиваетъ темы, намѣченныя въ «видѣніи Креста». Главная его поэма «Христосъ» состоитъ изъ трехъ частей, по тремъ пришествіямъ Христа: на землю, на небо съ земли и на страшный судъ. Главнымъ источникомъ ему служили гомиліи Григорія Великаго, можетъ быть Іеронимъ и Амвросій. Киневульфъ болѣе проникнутъ христіанской цивилизаціей, нежели Кедмонъ и безъименные поэты, что̀ отражается и на внѣшней формѣ его произведеній: у него часто встрѣчаются риѳма и риторическія фигуры, неизвѣстныя національному эпосу; но съ другой стороны онъ удерживаетъ многія особенности древней англо-саксонской поэзіи: повтореніе одной и той же мысли въ синонимическихъ выраженіяхъ, замѣну мѣстоимѣній описаніями, паѳосъ, стремленіе къ конкретности. Киневульфъ имѣетъ въ виду публику болѣе подготовленную, и не столько пересказываетъ факты, сколько намекаетъ на нихъ, переходя такимъ образомъ изъ области эпоса въ область гимнической поэзіи *).

*) Любопытно сличить 3-ю часть его поэмы, о страшномъ судѣ, съ нашими духовными стихами на туже тему: у Киневульфа, какъ и въ духовныхъ стихахъ, огромную роль играетъ пожаръ земли, котораго не знаетъ Евангеліе; въ общемъ у Киневульфа изложеніе картиннѣе и эпичнѣе; но, какъ человѣкъ школьнаго образованія, онъ не упоми-

Digitized by Google

Книжный, латинскій элементъ всего замѣтнѣе у Киневульфа въ его передѣлкѣ латинской поэмы о Фениксѣ, а національный всего рѣзче выступаетъ въ переложенныхъ имъ въ стихи легендахъ. Въ легендѣ объ апостолѣ Андреѣ *), Христосъ могучей рукою, подобно Тору, управляетъ рулемъ на челнокѣ; битвы описываетъ Киневульфъ съ такою же эпическою обстоятельностью, какъ и его предшественники. Въ концѣ своей поэмы объ Еленѣ (исторія воздвиженія креста) Киневульфъ снова вспоминаетъ о своемъ видѣніи, благодаритъ Господа, давшаго ему талантъ и силы исполнить свою задачу, и оглядываетъ свое прошлое въ виду близости смерти.

Кромѣ этихъ и сходныхъ съ ними по направленію поэмъ, отъ англо-саксовъ дошло до насъ много лирическихъ и полулирическихъ произведеній, переложеній псалмовъ и подражаній имъ, преній души съ тѣломъ и пр. Любопытнѣе другихъ въ историко-литературномъ отношеніи основанное на іудейскомъ апокрифѣ преніе Соломона съ Сатурномъ о мудрости, дошедшее до насъ въ двухъ редакціяхъ.

Въ народѣ древній размѣръ и вкусъ къ духовной поэзіи сохранились очень долго, пережили даже норманское завоеваніе и дожили почти до реформаціи.

Важнѣйшіе памятники національной духовной поэзіи въ Германіи относятся ко времени Каролинговъ, такъ какъ при Оттонахъ латинская цивилизація подавила національную. Древнѣйшимъ по времени сочиненія считается «Муспили» **): это памятникъ, стоящій на границѣ аллитерирующей и риемующей поэзіи, послѣдняя поэма, въ которой аллитерація имѣетъ перевѣсъ надъ риемою. Предполагаютъ, что «Муспили» сочиненъ около 800 г. лицомъ, не принадлежавшимъ къ духовенству ***), въ устной передачѣ подвергался вставкамъ, а записанъ (не вполнѣ: безъ начала и конца) около половины IX вѣка на поляхъ одной рукописи собственною рукой Людовика Нѣмецкаго.

Поэма состоитъ изъ двухъ частей. Первая описываетъ, какъ разстается душа съ тѣломъ, какъ приходятъ за ней два войска: ангельское и дьявольское; изображаетъ нѣсколькими штрихами блаженство рая и муки ада, увѣщеваетъ каждаго

наетъ о пищѣ райской и одеждѣ неизносимой, которыя являются въ нашихъ стихахъ при описаніи райскихъ наслажденій; напротивъ, онъ ясно говоритъ, что святые не знаютъ ни голода, ни жажды.

*) Основана на греческомъ апокрифическомъ сказаніи объ апостолахъ Андреѣ и Матѳеѣ.

**) *Muspilli*, сканд. Muspel (собств. огонь)—терминъ языческій; такъ назывался пожаръ земли, предрекаемый въ концѣ свѣта скандинавской миѳологіей; міровой пожаръ, предрекаемый христіанскими апокрифами и преданіемъ, удержалъ тоже названіе.

***) Это предположеніе основано, между прочимъ, на томъ, что грѣхи, которые обличаетъ авторъ: убійство, подкупъ судей, споръ за поземельные участки—грѣхи знатныхъ. W. Scherer, Gesch. d. d. L., I, 44.

Digitized by Google

жить согласно волѣ божіей и напоминаетъ о послѣднемъ судѣ. Вторая часть (можетъ быть, отдѣльная пьеса) имѣетъ самостоятельное начало:

Я слышалъ: толкуютъ мудрецы свѣта,
Какъ долженъ Антихристъ съ Ильей бороться;
Волкъ тотъ съ оружьемъ: поднимается битва,
Бойцы такъ сильны, а дѣло такъ важно:
Илья-то бьется изъ-за вѣчной жизни,
Хочетъ правдивымъ закрѣпить царство.
Ему тотъ поможетъ, кто небомъ владѣетъ.
Антихристъ станетъ при древнемъ врагѣ,
При томъ сатанѣ, что его низвергнетъ,
Получивъ рану, онъ падетъ въ битвѣ
И въ томъ сраженьи безъ побѣды будетъ.
Люди божьи мыслятъ: Илья будетъ раненъ;
Какъ Ильина кровь попадетъ на землю,
Загорятся горы; ни одного древа
На землѣ не будетъ, высохнутъ всѣ воды,
Море изсохнетъ, и небо погибнетъ;
Упадетъ мѣсяцъ, земля запылаетъ.
Придетъ на землю день воздаянья!
Придетъ онъ съ огнемъ людей посѣтить.
Передъ Муспилемъ и другъ не поможетъ!

Въ концѣ поэтъ описываетъ самый судъ Христовъ: Христосъ придетъ, окруженный огромнымъ и храбрымъ воинствомъ. Услышавъ звукъ трубы ангельской, умершіе возстанутъ изъ надгробныхъ холмовъ, и тогда ни одно злодѣяніе не скроется (тогда „заговорятъ всѣ члены человѣческаго тѣла до меньшаго пальца“), если только преступникъ не очистилъ себя милостыней и постомъ. „Тогда вынесенъ будетъ крестъ Христовъ; тогда покажетъ Христосъ раны, которыя получилъ онъ среди людей, которыя изъ-за любви къ человѣческому роду...“ (конца нѣтъ).

Хотя въ битвѣ Ильи съ антихристомъ нельзя видѣть отзвуки старо-нѣмецкаго миѳа (въ христіанскихъ сказаніяхъ о страшномъ судѣ Илья и Енохъ являются *обличать* антихриста; въ народномъ представленіи битва словомъ превращается въ настоящую битву оружіемъ), все же очевидно, что поэтъ и его публика затронуты христіанской цивилизаціей; христіанская терминологія еще не успѣла выработаться, и фантазія переноситъ на небо условія, въ которыхъ нѣмцы живутъ на землѣ.

Это приспособленіе религіознаго содержанія къ формамъ окружающей жизни, хотя не въ равной степени, выступаетъ и въ двухъ большихъ поэмахъ о жизни Христа, сочиненныхъ грамотниками въ томъ же IX вѣкѣ: въ саксонскомъ «Спасителѣ» и въ книгѣ Евангелій Отфрида Вейссенбургскаго.

«Спаситель» (Heliand)—важнѣйшій памятникъ древне-саксонскаго нарѣчія и одинъ изъ важнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ памятниковъ древне-нѣмецкой поэзіи. Припомнимъ, что англо-саксы особенно охотно проповѣдовали христіанство въ землѣ своихъ континентальныхъ роди-

Digitized by Google

чей, языкъ которыхъ былъ очень близокъ къ ихъ родному нарѣчію. Весьма вѣроятно, что они занесли туда, какъ удобное орудіе для обращенія, пѣсни Кедмона и другихъ; они же занесли туда и сказаніе о чудесномъ способѣ, какимъ Кедмонъ получилъ свой даръ, сказаніе, которое впослѣдствіи пріурочивалось къ мѣстнымъ поэтамъ. Такимъ образомъ, когда мечъ франковъ внѣдрилъ на землѣ саксовъ христіанство, почва для религіозной поэзіи оказалась уже подготовленною. По словамъ одного поздняго, но въ данномъ случаѣ достовѣрнаго свидѣтельства, Людовикъ Благочестивый «поручилъ одному саксу, который между своими пользовался извѣстностью, какъ поэтъ, перевести поэтически на нѣмецкій языкъ ветхій и новый завѣтъ». Полагаютъ, что это свидѣтельство имѣетъ въ виду автора «Спасителя», который жилъ въ первой половинѣ IX вѣка и работалъ надъ своей поэмой, повидимому, до 830 г., въ спокойные годы правленія Людовика Благочестиваго. Содержаніе поэмы—земная жизнь Спасителя; поэтъ пересказываетъ ее неученымъ читателямъ на основаніи Гармоніи Евангелій Таціана, пользуясь при этомъ довольно свободно и самымъ текстомъ Евангелія (преимущественно отъ Матѳея), и нѣкоторыми пособіями, какъ-то комментаріями Беды, гомеліями Григорія Великаго и др. Поэтъ допускаетъ въ своемъ изложеніи нѣкоторыя украшающія и объясняющія апокрифическія подробности: такъ, напр., во время крещенія Спасителя бѣлый голубь опускается на плечо ему; страшный сонъ, наканунѣ суда надъ Христомъ, посылаетъ женѣ Пилата сатана, опасавшійся сошествія Спасителя въ адъ, и т. д.

Поэтъ, какъ и слѣдовало ожидать, приспособлялъ чуждыя понятія и представленія къ понятіямъ окружающей его среды: его Богъ—могучій конунгъ, окруженный блестящей свитой; апостолы Христа—его ярлы; ученіе—руны; ап. Петръ передъ отреченіемъ говоритъ о своей вѣрности вассала; судьба—богиня судьбы (thiu Wurth); ангелы—валкиріи въ платьѣ изъ перьевъ; Пилатъ—герцогъ; первосвященникъ—епископъ, и пр. Нельзя думать, что авторъ во всѣхъ этихъ случаяхъ приспособлялся *сознательно*; онъ и самъ не могъ отрѣшиться отъ національныхъ представленій, да и въ языкѣ его не было другихъ словъ.

Вотъ для образца отрывокъ изъ разсказа о бракѣ въ Канѣ Галилейской:

„Черезъ три ночи пошелъ властитель народовъ въ Галилею, куда его богорожденнаго звали на пиръ. Выдавали невѣсту, достойную любви дѣву. Тамъ съ своимъ сыномъ была и Марія, благословенная дѣва, мать могучаго. Повелитель людей, рожденіе Бога, шелъ съ своими учениками въ высокій домъ, гдѣ начальники іудеевъ пили въ гостинной залѣ. Между гостями сидѣлъ онъ и проявилъ силу, дарованную ему Богомъ, помощь отъ отца небеснаго, святой духъ, мудрость могучаго. Много было тамъ веселья, въ радости сидѣли люди, дорогіе гости; кругомъ ходили слуги, наливали чаши, разносили вино въ кружкахъ и штофахъ“ и т. д.

Digitized by Google

Отфридъ, монахъ Вейссенбургскій, схоластикъ своей монастырской школы, былъ ученикъ Грабана Мавра; по совѣту нѣкоторыхъ братій и «высокопочтенной госпожи Юдиѳи» (можетъ быть, вдовы Людовика Благочестиваго), пользуясь толкованіями Грабана къ евангелію отъ Матѳея, Беды къ Лукѣ, Алкуина къ Іоанну, Григоріемъ и Августиномъ, онъ написалъ на родномъ нѣмецкомъ языкѣ книгу Евангелій и около 865 г. посвятилъ ее Людовику Нѣмецкому. Отфридъ—человѣкъ иного пошиба, чѣмъ авторъ «Спасителя», и цѣли у него другія; у него нѣтъ поэтическаго таланта; онъ человѣкъ ученый и иначе, какъ по ученому, писать не умѣетъ; онъ и языкомъ владѣетъ неискусно. Въ поэмѣ его пять книгъ по числу чувствъ человѣка; онъ любитъ хитрые акростихи; факты евангельской исторіи для него на второмъ планѣ: онъ часто не излагаетъ ихъ, а только ссылается на источникъ. На первомъ мѣстѣ у него толкованіе, морализація, спиритуализація, наука; такъ оселъ, на которомъ Христосъ въѣхалъ въ Іерусалимъ, для него не просто оселъ, а прообразованіе глупаго и чувственнаго человѣка. Онъ вычисляетъ, сколько именно часовъ постился Христосъ въ пустынѣ, читаетъ нотацію сатанѣ за глупыя разсужденія, которыя самъ же влагаетъ ему въ уста; доказываетъ, что Христосъ былъ распятъ на крестѣ (а не казненъ какой нибудь иной смертью) именно за тѣмъ, чтобы оставить намъ знаменіе; говоря о вознесеніи, перечисляетъ всѣ звѣзды, мимо которыхъ проносился Христосъ, всѣ инструменты, на которыхъ играли ангелы, и проч. Цѣль Отфрида, какъ говоритъ онъ самъ, изгнать свѣтскія нечестивыя пѣсни, давъ народу пѣсни и благочестивыя, и понятныя. Вотъ почему его большая поэма (около 15,000 стиховъ) раздѣлена на отдѣльныя пѣсни. Сравнительно съ чистымъ объективнымъ эпикомъ, авторомъ «Геліанда», Отфридъ—субъективный лирикъ; естественно, что изъ евангелистовъ особенной его симпатіей пользуется Іоаннъ.

Школьная ученость не помѣшала, однако-же, Отфриду придать евангельскимъ событіямъ колоритъ своего времени: его Христосъ—король бурга Назаретскаго; Марія живетъ во дворцѣ; апостолы—храбрые витязи; разумѣется, этотъ колоритъ здѣсь слабѣе, нежели у автора «Геліанда,» не говоря уже объ англо-саксонскихъ поэтахъ, которые сознательно мѣшали старое съ новымъ, навязывали христіанству языческія идеи; у нѣмцевъ, какъ справедливо замѣтилъ Гервинусъ, христіанская мораль является въ чистомъ, несмѣшанномъ видѣ. Не трудно вывести опредѣленный законъ: чѣмъ развитѣе была языческая поэзія, тѣмъ сильнѣе и сознательнѣе двоевѣріе въ поэзіи христіанской; такъ, въ нашихъ духовныхъ стихахъ совсѣмъ нѣтъ языческихъ терминовъ, у скандинавовъ ихъ всего больше *).

*) См. о Солнечной пѣсни у Гаммериха.

Digitized by Google

Поэма «Спаситель»—явленіе, стоящее особнякомъ; Отфридъ если не глава, то во всякомъ случаѣ видный представитель цѣлой школы ученыхъ поэтовъ, которые стремились создать христіанскую пѣснь для окончательнаго подавленія языческихъ воспоминаній. Ихъ было особенно много въ Санъ-Галленскомъ монастырѣ, гдѣ еще со времени Карла Великаго процвѣтали музыка и церковное пѣніе (сперва исключительно латинское). Съ тою же цѣлью, что и пѣсни Отфрида, сочинены: переложеніе 138 псалма, молитва къ ап. Петру, пѣсня о Христѣ и самаритянкѣ, пѣснь о св. Георгіи (на основаніи его апокрифическаго житія) и, безъ сомнѣнія многія, не дошедшія до насъ произведенія.

Такою же христіанско-національною поэзіей занимались и по ту сторону Рейна, въ предѣлахъ нынѣшней Франціи, такъ какъ и тамъ духовенство было единственнымъ грамотнымъ сословіемъ, и тамъ съ X вѣка усматриваетъ оно въ народномъ языкѣ могучее орудіе и стремится подавить свѣтскую поэзію, главнымъ образомъ, поэтическими обработками Библіи и легендъ о святыхъ.

Древнѣйшій, до насъ дошедшій, памятникъ этой поэзіи и одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ народнаго языка Франціи есть пѣснь о св. Эвлаліи; она сочинена около 900 года, когда языкъ сѣверной Франціи еще не рѣзко отличался отъ языка Прованса; вотъ ея дословный переводъ:

„Хорошая дѣвушка была Евлалія; прекрасно было ея тѣло, еще прекраснѣе душа. Враги Господа хотѣли побѣдить ее; они хотѣли заставить ее служить дьяволу. Она не послушалась злыхъ совѣтниковъ, не отреклась отъ Бога, который обитаетъ на небесахъ, ни изъ-за золота, ни изъ-за серебра, ни изъ-за нарядовъ, ни изъ-за угрозы царской, ни изъ-за просьбы. Ничто не могло ее склонить, чтобы дѣва не любила служить Богу. Вотъ почему ее представили Максиміану, который въ эти дни царствовалъ надъ язычниками. Онъ уговариваетъ ее (къ тому), чего она и знать не хотѣла: чтобъ она оставила имя христіанское. Она собираетъ всю свою силу: лучше ей вытерпѣть пытки, чѣмъ потерять свое дѣвство. Вотъ почему она и умерла съ великою честью. Они бросили ее въ средину огня, чтобъ ей тотчасъ сгорѣть. Она же вины не имѣла и не сгорѣла. Не хотѣлъ этому вѣрить царь язычниковъ, приказалъ мечемъ отрубить ей голову. Отъ этого не отговаривалась благородная дѣвица; она хочетъ оставить міръ: такъ повелѣваетъ Христосъ. Въ видѣ голубя летитъ она къ небу. Мы всѣ просимъ, чтобъ она удостоила молиться за насъ, чтобъ Христосъ сжалился надъ нами послѣ смерти и по своей милости дозволилъ намъ придти къ нему.“

Къ тому же X вѣку и къ той же неопредѣленной народности относятся: «Страсть Христова» (въ восьми-сложныхъ стихахъ), «Жизнь св. Леодегара» и отрывокъ «Боэція», эпико-дидактической поэмы, основанной на вышеупомянутомъ сочиненіи Боэція «Объ утѣшеніи философіи» и на латинской біографіи Боэція. Впрочемъ, въ языкѣ

Digitized by Google

послѣдняго памятника очевидно преобладаніе провансальскаго элемента.

Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, повидимому, составляли часть богослуженія и распѣвались народомъ если не въ церкви, то по крайней мѣрѣ во время церковныхъ процессій.

Вскорѣ послѣ 1000 г. Германія, просвѣщенная христіанствомъ, снабженная школами, вступившая въ прочныя политическія связи съ образованными романскими странами, дѣлается срединной землей европейскаго Запада; движеніе европейской мысли, если и возникаетъ внѣ ея, отражается на ней съ полною силой. Вотъ почему, желая нѣсколькими штрихами охарактеризовать умственное состояніе Европы въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка, мы имѣемъ право ограничиться явленіями одной нѣмецкой литературы.

Отъ предъидущихъ поколѣній XII вѣкъ унаслѣдовалъ двѣ категоріи носителей національной мысли и идеаловъ: безграмотныхъ народныхъ пѣвцовъ и тѣхъ грамотниковъ духовныхъ, которые не пренебрегали роднымъ языкомъ.

Во второй главѣ мы привели нѣсколько свидѣтельствъ о народной героической пѣснѣ въ лѣсахъ Германіи. Эта пѣсня не замолкла и во время переселенія народовъ, и послѣ его завершенія; мало того, она развивалась все дальше и дальше. Отчасти въ силу общаго закона, отчасти подъ вліяніемъ столкновенія съ римской цивилизаціей, изъ толпы народа выдѣлились пѣвцы-спеціалисты. Еще Прискъ разсказываетъ, что при дворѣ Атиллы (гдѣ господствовали германскіе обычаи) двое варваровъ воспѣвали передъ нимъ его побѣды и искусной пѣснью возбуждали всеобщее одушевленіе. Аполлинарій Сидоній изображаетъ намъ готскаго короля Теодориха II окруженнымъ пѣвцами; послѣ ихъ мужественныхъ пѣсенъ всякая другая музыка и поэзія казалась ему слишкомъ вялой. Венанцій Фортунатъ говоритъ, что во время своихъ путешествій онъ часто слыхалъ варварскую арфу, сопровождавшую пѣніе пѣсенъ (leudi—Lieder) *). Онъ же говоритъ о пѣсняхъ, прославлявшихъ герцога Лупа, и напоминаетъ королямъ Хариберту, Хильпериху и королевѣ Теодегильдѣ о пѣсняхъ, прославлявшихъ ихъ предковъ. Изслѣдователи Исторіи Франковъ Григорія Турскаго указываютъ цѣлые эпизоды, повидимому заимствованные авторомъ изъ народныхъ пѣсенъ. Альтфридъ, авторъ житія св. Ліутгера, жившій въ концѣ IX вѣка, упоминаетъ о слѣпомъ Бернлефѣ, котораго очень уважали его сосѣди за умѣнье воспѣвать подвиги

*) Mihi apud barbaros longo tractu gradienti sola saepe bombicans barbara *leudos* harpa relidebat. (Prol, ad. Greg.). Migne LXXXVIII, 62.

Digitized by Google

древнихъ и битвы конунговъ *). Хроникеръ Аймонъ (род. 950, ум. 1008), описывая нападеніе на одно аббатство, говоритъ, что во главѣ осаждающихъ былъ одинъ жонглеръ, который возбуждалъ войска, воспѣвая подвиги и битвы предковъ (priorum) и т. д. Число такихъ свидѣтельствъ легко увеличить вдвое и болѣе.

Публику этихъ жонглеровъ (отъ jocularis; латинскій терминъ joculator), или игрецовъ (spîlman), и послѣ распространенія христіанства составляли не только простой народъ, но и знать; иногда мы встрѣчаемъ ихъ въ эпоху Каролинговъ и при дворахъ епископовъ, не вполнѣ понимавшихъ свою задачу. Передовые дѣятели изъ среды духовенства относились къ нимъ, разумѣется, крайне враждебно. «Имѣютъ ли какую нибудь надежду на спасеніе въ будущей жизни іокуляторы? спрашиваетъ одинъ вѣроучитель. Никакой, отвѣчаетъ онъ же читателямъ: ибо они всѣми помыслами своими—слуги сатаны **).

Хотя и въ это время (около 1000 г.), въ эпоху господства духовныхъ идеаловъ, общественное положеніе народныхъ пѣвцовъ было не блестяще, и общество подъ однимъ названіемъ «бродячаго народа» (varendez volk) объединило ихъ со всякими забавниками, отщепенцами общества: вожаками медвѣдей, плясунами и плясуньями, музыкантами, силачами и гладіаторами: все же они не потеряли своего значенія, были желанными гостями на всякомъ праздникѣ и единственными носителями преданій родной старины.

Обращаемся къ поэзіи письменной. Мы видѣли, что уже Отфридъ сознавалъ необходимымъ бороться съ полу-языческой поэзіей народа тѣмъ же поэтическимъ оружіемъ; у его послѣдователей оказалось больше умѣнья приспособляться къ обычной для народа формѣ пѣсни: въ 881 году нѣкто монахъ Хугбальдъ воспѣлъ въ кантиленѣ (небольшой законченной пѣсни) побѣду Людвига III, короля западныхъ франковъ, надъ норманами (Ludwegs lied). Когда съ половины XI вѣка нравы духовенства стали строже, цѣли яснѣе, когда съ другой стороны обособившееся политически, просвѣтившееся умственно, дворянство потребовало себѣ принаровленной къ интересамъ дня умственной пищи, духовенство употребило усиленныя старанія, чтобы забрать въ свои руки всю національную поэзію. Нѣмецкая поэзія отъ

*) Qui a vicinis suis valde diligebatur eoquod antiquorum actus regumque certamina bene noverat psallendo promere. Pertz. II, 412.

**) Этотъ взглядъ не измѣнился и впослѣдствіи, не смотря на побѣду свѣтскаго міровоззрѣнія: одинъ духовный называетъ музыкантовъ *чертовыми пономарями*, другой принадлежность къ этому званію ставитъ въ число смертныхъ грѣховъ. Наконецъ, въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ шпильманъ могъ быть допущенъ къ причастію только одинъ разъ въ году, и то въ томъ лишь случаѣ, если онъ 14 дней воздерживался отъ своего богопротивнаго ремесла.

Digitized by Google

половины XI и до второй половины XII вѣка, изящная формою, богатая содержаніемъ, обильная видами и памятниками, есть поэзія духовно-національная. Отъ христіанскаго эпоса англо-саксовъ и отъ однородныхъ ему попытокъ нѣмецкихъ она отличается большей субъективностью и тѣсной связью съ современностью.

Мы укажемъ на нѣсколько характерныхъ памятниковъ.

Между 1057 и 1065 годами епископскую каѳедру въ Бамбергѣ занималъ Гунтеръ, человѣкъ богатый, любившій пожить въ свое удовольствіе и не уклонявшійся отъ ратныхъ подвиговъ. Въ 1064 г. онъ задумалъ совершить, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими церковными князьями, путешествіе къ св. мѣстамъ; слухъ объ его намѣреніи распространился по другимъ государствамъ, и всего собралось до 7,000 человѣкъ. Это былъ скорѣй походъ, чѣмъ пилигримство; путешественникамъ пришлось не одинъ разъ биться съ невѣрными, и изъ 7,000 участниковъ возвратилось только 2,000; самъ Гунтеръ умеръ на дорогѣ, въ Венгріи.

По порученію этого Гунтера, не за долго до похода, бамбергскій схоластикъ Эццо составилъ пѣснь о чудесахъ Христа, пѣснь, настолько совпавшую съ общимъ настроеніемъ, что она, по словамъ одного древняго свидѣтельства, побудила многихъ отречься отъ міра и пойти въ монахи.

„In principio erat verbum, въ началѣ бѣ слово—"такъ начинаетъ свою пѣснь Эццо, а потомъ въ 28-ми двѣнадцати-строчныхъ строфахъ вкратцѣ излагаетъ міротвореніе, грѣхопаденіе, тьму, наступившую послѣ него, и упоминаетъ о звѣздахъ, сіявшихъ во время этой умственной ночи: Авелѣ, Енохѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Давидѣ, Іоаннѣ Крестителѣ. Наконецъ, явилось солнце между звѣздами: Христосъ, Спаситель міра. Указавъ на главные моменты его жизни: рожденіе, ученіе, чудеса, смерть, сошествіе въ адъ, воскресеніе, поэтъ возвращается назадъ и доказываетъ, что все совершившееся было предсказано и прообразовано въ ветхомъ завѣтѣ: мы, какъ евреи отъ фараоновъ, избавлены отъ ига дьявольскаго и съ бою должны брать обѣтованную землю, подъ предводительствомъ всеблагаго и могучаго воеводы. Затѣмъ поэтъ обращается ко кресту, мачтѣ корабля, на которомъ вассалы божіи плывутъ къ небесному царству. Пѣснь заканчивается похвалою св. Троицѣ.

У Гунтера былъ другъ Аннонъ, архіепископъ кельнскій, человѣкъ строгой жизни, несомнѣнно вліятельнѣйшій изъ духовныхъ князей Германіи во второй половинѣ XI вѣка. Онъ умеръ 1075 году, и около пяти лѣтъ спустя, его воспѣлъ одинъ клерикъ, его почитатель, очевидно находившійся подъ вліяніемъ пѣсни Эццо. Его поэма—не переложеніе житія: онъ придаетъ своему герою всемірно-историческое значеніе и приводитъ свои тенденціи. Въ самомъ началѣ онъ сознательно соперничаетъ съ національнымъ эпосомъ:

„Мы часто слыхали пѣсни о старинѣ, говоритъ онъ: какъ бились храбрые герои, какъ разбивали они крѣпкіе бурги, какъ расходились друзья, какъ гибли

Digitized by Google

могучіе корабли; теперь время подумать о нашемъ собственномъ концѣ и обратиться къ серьознымъ помысламъ". Затѣмъ поэтъ говоритъ о міротвореніи и грѣхопаденіи; пять царствъ свелъ дьяволъ въ адъ, а во время шестого явился Христосъ, поставилъ знамя креста и, какъ Моисей евреевъ, повелъ насъ къ раю. Поэтъ сообщаетъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи Греціи и Рима, разсказываетъ объ обращеніи нѣмцевъ въ христіанство, и только послѣ такого обширнаго введенія переходитъ къ фактамъ жизни и посмертнымъ чудесамъ своего героя, котораго изображаетъ онъ львомъ между князьями, агнцемъ среди бѣдныхъ, отцомъ для всѣхъ сиротъ.

Пѣснь объ Аннонѣ издалъ въ первый разъ Мартинъ Опицъ въ 1639 г., слѣдовательно она обратила на себя вниманіе въ то время, когда нѣмецкая старина не внушала литераторамъ ни малѣйшаго интереса; Гердеръ называетъ ее чисто пиндарическимъ гимномъ.

Франконія около 1100 г. дѣлается центромъ духовной покаянной поэзіи; здѣсь составлено нѣсколько поэтическихъ изображеній страшнаго суда, явленія антихриста, жизни Христа, нѣсколько изложеній символа вѣры и чисто лирическихъ пьесъ на тему скорби въ грѣхахъ. Въ этой поэзіи, особенно въ стихотвореніяхъ женщинъ, выдвигается постепенно на первый планъ Дѣва Марія, какъ просительница за людей, какъ посредница между Богомъ и грѣшниками. Другой идеалъ—Іоаннъ Креститель, первообразъ кающихся.

Вслѣдствіе путешествій по св. мѣстамъ и усиленія римской централизаціи раздвигается географическій кругозоръ, и вновь добытыя свѣдѣнія дѣлаются предметомъ дидактической поэзіи *).

Во всѣхъ отношеніяхъ характерное для этой эпохи явленіе представляетъ собою изложеніе вѣры или, какъ самъ авторъ называетъ свою поэму, «Рѣчь о вѣрѣ бѣднаго Гартмана», прирейнскаго монаха **). Это—изложеніе никейскаго символа съ толкованіями. Третья часть, трактующая о св. Духѣ, заключаетъ въ себѣ довольно обстоятельное ученіе христіанской морали. Одна изъ выдающихся идей—скорбь о грѣхахъ и сознаніе своей виновности; чтобъ утѣшить себя и читателей, поэтъ перечисляетъ случаи, когда Богъ оказывался милостивымъ къ кающимся грѣшникамъ. Склонность къ паралеллизмамъ и антитезамъ и риторическое многословіе указываютъ на связь поэзіи этого времени съ проповѣдью ***). Точка зрѣнія

*) См. Merigarto, риѳмованную географію, авторъ которой, вѣроятно, уроженецъ Вюрцбурга, жилъ во время спора за инвеституру и въ Утрехтѣ собралъ много баснословныхъ разсказовъ объ Исландіи.

**) По изысканіямъ Димера (Goedeke, Deutsche Dicht. im Mitelalt. Hannover 1854 г., стр. 83), онъ происходилъ изъ Каринтіи или Штиріи, въ 1094 г., на 40-мъ году отъ роду, былъ сдѣланъ аббатомъ въ Готтвейхѣ и умеръ въ 1114 г.

***) О процвѣтаніи проповѣди въ XI и началѣ XII в. свидѣтельствуетъ между прочимъ то обстоятельство, что біографы почти всѣхъ выдающихся князей церкви прославляютъ ихъ какъ проповѣдниковъ.

Digitized by Google

Гартмана аскетическая: онъ грозитъ карой въ будущей жизни могучимъ господамъ, которые въ богатой одеждѣ и блестящемъ вооруженіи гарцуютъ впереди своей дружины, чревоугодничаютъ на раскошныхъ пирахъ или наслаждаются на мягкихъ пуховикахъ въ объятіяхъ своихъ женъ. «Честь, говоритъ онъ, теперь такое слово, изъ-за котораго многіе губятъ и душу, и тѣло». Онъ напоминаетъ такимъ дѣтямъ міра притчу о богатомъ и о Лазарѣ и увѣщеваетъ ихъ отказаться отъ прелестей жизни: кто хочетъ слѣдовать внушенію св. духа, тотъ уходитъ въ лѣсъ и пустыню, оставляетъ жену и дѣтей, или, раздавъ свое имѣніе на божьи дома, идетъ въ монастырь спасать свою душу.

Въ этомъ пунктѣ обличенія дѣтей мира духовно-нравственная поэзія сближается съ сатирой. Первымъ по времени представителемъ нѣмецкой сатиры считается Генрихъ изъ Мелька, какъ предполагаютъ, австрійскій дворянинъ, подъ старость поселившійся въ монастырѣ; онъ писалъ свое главное произведеніе: «Memento mori» въ самомъ началѣ второй половины XII вѣка. Въ обширномъ вступленіи, которому онъ далъ особое заглавіе: «О жизни всеобщей», поэтъ перебираетъ, такъ сказать, по косточкамъ сословія и оба пола: духовнымъ достается за симонію, жадность къ деньгамъ, развратъ, излишнюю свѣтскость и легкомысленное отношеніе къ своимъ обязанностямъ; князьямъ и рыцарямъ за гордость, страсть къ убійствамъ и грабежамъ и отсутствіе нравственныхъ правилъ; женщинамъ—за наряды и пр.

Сатирическая жилка, обращенная главнымъ образомъ противъ знатныхъ и богатыхъ, иногда даетъ себя чувствовать и въ духовномъ эпосѣ. Іосифъ, въ поэмѣ тогоже имени, во время службы у Пентефрія — идеалъ справедливаго управителя: онъ не притѣсняетъ крестьянъ, а требуетъ только исполненія обязанностей; онъ всегда готовъ простить невольную вину. Прямо противорѣча библейскому тексту, авторъ увѣряетъ, что во время голода Іосифъ, какъ министръ фараона, не обращалъ нуждающихся въ рабство, «онъ не хотѣлъ лишить ихъ свободы; онъ считалъ грѣхомъ обратить свободнаго человѣка въ раба, воспользовавшись его стѣсненнымъ положеніемъ». Извѣстно, что сословіе свободныхъ земледѣльцевъ уничтожалось на западѣ именно черезъ такое якобы добровольное закабаленіе.

Къ срединѣ XII вѣка духовно-національная поэзія настолько развилась, настолько была популярна въ обществѣ, что, по словамъ Герхоха Рейхенсбергскаго, «никто во всемъ царствѣ христіанскомъ не смѣлъ распѣвать открыто позорныя пѣсни (turpes cantilenas, разумѣется, народныхъ поэтовъ). Это, конечно, жестокое самообольщеніе: не такъ-то легко было истребить національныя преданія, принудить

Digitized by Google

къ молчанію цѣлый классъ людей, бывшихъ въ продолженіе столькихъ поколѣній носителями народныхъ идеаловъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что усилія духовныхъ поэтовъ повліяли не только на читающую публику, но и на бродячихъ пѣвцовъ: нѣкоторые изъ нихъ принимаются за обработку сюжетовъ изъ св. исторіи *), другіе, познакомившись черезъ духовныхъ съ новыми географическими и историческими именами и вообще ставъ литературнѣе, распространяютъ и украшаютъ свои пѣсни, третьи не безъ посредства того же духовенства усвоиваютъ заграничные сюжеты. Но это вліяніе и популярность достались духовной поэзіи не даромъ: еще ранніе ея представители должны были украшать свои ветхо-завѣтныя поэмы подробными описаніями битвъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе поэзія духовныхъ примирялась съ жизнью и съ свѣтскимъ міросозерцаніемъ. Съ половины XI вѣка на Германію, особенно на прирейнскія страны, начинаетъ сильно вліять Франція. Уже въ 1043 г. аббатъ Зигфридъ изъ Горце жалуется на обычай брить бороду, носить короткое платье и другія французскія моды. Вліяніе это все усиливалось, изъ области костюма и прически скоро перешло оно въ область мысли и идеаловъ, и носители этихъ идеаловъ, духовные поэты, усвоиваютъ французскіе сюжеты, французскія модныя воззрѣнія и даже французскія слова. Въ первой половинѣ XII вѣка появляются пѣснь объ Александрѣ, священника Лампрехта, и пѣснь о Роландѣ, священника Конрада, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Духъ аскетизма и презрѣнія къ міру уступаетъ мѣсто политическимъ симпатіямъ и антипатіямъ, преклоненію передъ чисто мірскимъ идеаломъ цивилизаціи и свѣтскости. Характерное явленіе представляетъ собою такъ-называемая «Императорская Хроника» (Kaiserchronik) **), огромная историческая поэма (18,578 стиховъ), сочиненная, какъ предполагаютъ, однимъ регенсбургскимъ духовнымъ въ первой половинѣ XII вѣка. Содержаніе ея—поэтическая исторія извѣстныхъ въ то время римскихъ царей и императоровъ (включая въ число послѣднихъ и нѣмецко-римскихъ), переплетенная множествомъ вставочныхъ эпизодовъ; ея основная идея, что нѣмецкая христіанская имперія есть завершеніе всемірно-исторической задачи, по выраженію одного критика, пышной цвѣтокъ, корень котораго въ сѣдой древности. Живое выраженіе идеаловъ — Карлъ Великій, Людовикъ Благочестивый и Лотарь Саксонскій. Авторъ—аристократъ

*) Такъ, напримѣръ, очевидна рука народнаго пѣвца въ короткой поэмѣ о Юдиѳи, авторъ которой на пиру у Олоферна выводитъ шпильмана и къ фактамъ Библіи относится съ поразительной свободой.

**) Изд. Massman, Quedlinburg 1849, u. Diemer. Wien, 1849.

Digitized by Google

по убѣжденіямъ: для него нѣтъ ничего хуже зазнавшагося крестьянина. Чтобы показать, какъ глубоко проникнутъ онъ свѣтскостью и какъ въ то время понимали исторію, изложилъ начало исторіи Лукреціи:

Коллатинъ (по словамъ автора, уроженецъ Трира) живетъ въ счастливомъ бракѣ съ благородной Лукреціей. Полнота семейнаго счастья не мѣшаетъ ему довольно часто ѣздить къ осажденному городу „Битерне", гдѣ можно было найти благородныхъ витязей, рыцарскія игры и учтивыхъ дамъ. Рыцари римскіе бесѣдуютъ о прекрасныхъ коняхъ и охотничьихъ собакахъ, о соколахъ и др. забавахъ и о прекрасныхъ безпорочныхъ дамахъ. Однажды римляне устроили подъ стѣнами Битерне турниръ (grôze rîterschaft). Всѣ дамы битернскія выбрались на стѣны любоваться рыцарями, которые на глазахъ красавицъ старались превзойти самихъ себя. Поэтъ приводилъ и отрывки изъ словесныхъ турнировъ рыцарей съ дамами враждебнаго города; такъ, одна смѣлая дама спрашиваетъ рыцаря Тоталу, что̀ пріятнѣе ему: провести-ли ночь съ прекраснѣйшей женщиной, или провести утро въ поединкѣ съ знаменитымъ рыцаремъ? и т. д.

Подчиненіе свѣтскости, вліяніе новыхъ идей проявляется даже въ стихотвореніяхъ на чисто библейскіе сюжеты. Лучшее духовное произведеніе XII вѣка — три пѣсни о Маріи, священника Вернера (нап. ок. 1172 г.), составленныя на основаніи апокрифическаго евангелія «de nativitate Mariae». Первая излагаетъ исторію Анны, вторая дѣтство Маріи и ея бракъ съ Іосифомъ, третья рожденіе Спасителя и событія до возвращенія св. семейства въ Іудею. Данное источниками поэтъ пересыпаетъ сравненіями и тонкими психологическими замѣчаніями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ очевидно имѣетъ въ виду «прекрасныхъ читательницъ», да и въ цѣломъ его поэмы проникнуты нѣжностью, чувствительностью, женственностью и свободны отъ кичливой учености. Изящество формы, чистота языка не оставляютъ желать ничего лучшаго для того времени; единственный недостатокъ его—нѣкоторая растянутость. Тому же Вернеру приписывается нѣсколько латинскихъ писемъ, изъ которыхъ два заканчиваются небольшими нѣмецкими стихотвореніями уже чисто любовнаго характера.

Во второй половинѣ XII вѣка свѣтское міровоззрѣніе окончательно и рѣшительно беретъ перевѣсъ надъ духовнымъ. Любопытно, что эта перемѣна была однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій крестовыхъ походовъ, движенія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ церкви и ультра-духовному настроенію: до тѣхъ поръ жизнь мірская представлялась исключительно скопленіемъ матеріальныхъ страданій и грѣховныхъ наслажденій; идеалъ лежалъ за предѣлами міра; спасти душу, пріобрѣсти право на царство небесное можно было только въ монастырѣ. Теперь военному мужеству была поставлена высокая идеальная цѣль; битвы съ врагами вѣры оказались такимъ же вѣр-

Digitized by Google

нымъ средствомъ для полученія царства небеснаго, какъ и умерщвленіе плоти. Непосредственныя сношенія съ рыцарствомъ Франціи и Прованса внесли идеальныя, благородныя стремленія въ среду до тѣхъ поръ грубыхъ бароновъ нѣмецкихъ, и наконецъ близкое знакомство съ цивилизаціей и роскошью Греціи и Востока облекло земную жизнь, до тѣхъ поръ суровую и грязную, новой прелестью.

Тогда бродячіе пѣвцы вновь стали желанными гостями при дворахъ и не только въ качествѣ забавниковъ и усладителей досуга, но иногда и въ болѣе почетной должности учителей музыки и поэзіи *); ихъ даровитые ученики наполняютъ ряды придворныхъ поэтовъ, къ которымъ переходитъ отъ духовенства задача выражать идеалы и руководить общественнымъ мнѣніемъ. Скоро эти поэты становятся дѣйствительною силой: имѣя полную возможность слѣдить за политическими событіями и составлять о нихъ не одностороннее сужденіе, они пускаютъ въ публику изрѣченія (Sprüche), которыя имѣли тогда такое же значеніе, какъ теперь передовыя статьи распространенныхъ и вліятельныхъ газетъ **).

Новые идеалы, новые интересы и новыя поэтическія формы сильно вліяютъ на переработку древнихъ эпическихъ сюжетовъ, къ исторіи которыхъ мы и переходимъ.

VIII. Германскій національный эпосъ. — Беовульфъ — Миѳическія и героическія пѣсни и саги Скандинавіи. — Пѣснь о Гильдебрандѣ. — Вальтарій. — Нибелунги. — Кудруна. — Циклъ Дитриха Бернскаго и др.

Ten-Brink, Gervinus, Wackernagel, W. Scherer.

W. Grimm, Die deutsche Heldensage. Göttengen. 1829.

K. Goedeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter. Hannover 1854.

K. Simrock, Die Edda 3-tte Ausgabe. Stuttgart 1864.

Fr. W. Horn, Geschichte der Literatur des Scandinavischen Nordens. Leipz. 1879.

Das Nibelungenlied, hsg. v. Zarneke. 5-te Auflage. Leipzig. 1875.

K. Bartsch. Untersuchungen ueber das Nibelungenlied. Wien 1865.

Отдѣльныя части этой главы не разъ были предметомъ русскихъ изслѣдованій. См. Грановскій: Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ; Буслаевъ: многія статьи въ „Очеркахъ"; Чудиновъ: Образцовыя произведенія

*) Готфридъ Страсбургскій разсказываетъ въ своемъ „Тристанѣ", какъ его герой подъ видомъ шпильмана проникъ ко двору ирландскому и, по приглашенію короля, давалъ уроки принцессѣ Изольдѣ; *у него она успѣла больше, чѣмъ у прежняго учителя-священника*: Тристанъ научилъ ее играть и пѣть, читать и писать и сочинять стихотворенія.

**) Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде, какъ разсказываетъ одинъ изъ его современниковъ, однимъ своимъ шпрухомъ отвлекъ тысячи отъ папы и привлекъ на сторону императора.

Digitized by Google

скандинавской поэзіи. Воронежъ, 1875. Кирпичниковъ: Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы. Москва, 1869. Его-же: Поэмы ломбардскаго цикла. Москва, 1873; Его-же: Кудруна. Харьковъ, 1874.

Во второй и седьмой главахъ мы только мимоходомъ говорили о нѣмецкихъ народныхъ пѣвцахъ и ихъ пѣсняхъ. Теперь, не вдаваясь въ разъясненіе понятія о народной поэзіи вообще и эпоса въ особенности (объ этомъ см. 1-й выпускъ настоящаго изданія), мы изложимъ въ главныхъ чертахъ исторію національнаго эпоса главнѣйшихъ германскихъ племенъ.

Раньше другихъ сложился эпосъ у англо-саксовъ; завоеваніе обширной и плодоносной страны, завоеваніе, дорого стоившее побѣдителямъ, подняло духъ народа и дало ему богатый эпическій матеріалъ. Выгодно было и то исключительное обстоятельство, что англо-саксы, овладѣвъ цивилизованной и обстроенной римлянами Британіей, не нашли въ ней самихъ римлянъ, которые могли бы навязать имъ свой языкъ и подавить ихъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. У нихъ же раньше, чѣмъ на материкѣ, появились пѣвцы спеціалисты; вскорѣ послѣ завоеванія пѣвецъ — необходимый членъ придворнаго штата, уважаемое лицо въ пиршественной залѣ, его постоянное мѣсто у подножія королевскаго сѣдалища; въ его рукахъ добрая слава витязей; его пѣсня необходимое украшеніе каждаго пира; его названіе *scop*—творецъ *), указываетъ на уваженіе, которымъ онъ пользовался; сопровождающій его пѣсню инструментъ—арфа—называется *древомъ веселья* (gomen wudu).

Пѣвецъ, отчасти по общей всемъ германцамъ страсти къ передвиженію, отчасти по особымъ условіямъ своего званія, не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Онъ не только странствовалъ отъ одного англо-саксонскаго короля къ другому, но и безстрашно переплывалъ море, чтобы при дворахъ германскихъ владѣтелей, живущихъ въ отдаленныхъ материковыхъ странахъ, набирать подарки и сюжеты для пѣсенъ.

Въ одной старой англо-саксонской пѣснѣ идеальный представитель такихъ странствующихъ пѣвцевъ—wîdsîdh, т.-е. далеко-путешествующій», будто бы побывавшій при дворахъ всѣхъ извѣстныхъ героевъ нѣмецкой саги, отдѣленныхъ тысячами миль и сотнями лѣтъ говоритъ: «Такъ странствуютъ по волѣ судьбы пѣвцы по многимъ землямъ, заявляютъ о своихъ нуждахъ, говорятъ слова благодарности; всегда находятъ они кого-нибудь на сѣверѣ или на югѣ, кто понимаетъ пѣсню и не скупится на подарки, желая возвысить свою славу передъ своими витязями».

*) Одного корня съ нѣм. *schaffen*.

Digitized by Google

Вотъ почему въ эпосѣ англо-саксонскомъ мы находимъ интереснѣйшіе по своей древности отзвуки сагъ верхне-нѣмецкихъ.

Не смотря на то, что пѣвцы жили на счетъ доброхотныхъ дателей, съ занятіемъ ихъ не соединялось представленія о чемъ нибудь недостойномъ высокорожденнаго человѣка: не только витязи, но и сами конунги, если были талантъ и умѣнье, не стыдились брать въ руки арфу.

Важнѣйшей формой англо-саксонской поэзіи въ это историческое время была эпическая пѣсня, излагавшая одинъ, но важный моментъ изъ жизни героя, судьба котораго въ общемъ была извѣстна слушателямъ. Отъ болѣе древней формы гимна эта пѣсня унаслѣдовала возбужденность, восторженность, стремленіе нагромождать синонимы и описательныя выраженія, недостатокъ эпическаго спокойствія и ясности; съ этимъ недостаткомъ въ необходимой связи достоинства— сила и воодушевленіе, дѣйствующія даже и на насъ. Легко себѣ представить, какъ дѣйствовала такая пѣснь въ медовой залѣ конунга на вооруженныхъ витязей!

Въ концѣ VI и въ VII вѣкѣ однимъ изъ любимыхъ героевъ такихъ пѣсенъ былъ Беовульфъ, сынъ Эктеова. Предполагаютъ, что съ основѣ сказаній о немъ лежитъ миѳъ о божествѣ Беовѣ, побѣдившемъ морскаго великана Гренделя (весною) и погибшаго въ битвѣ съ огнедышащимъ дракономъ (осенью). Миѳъ этотъ существовалъ у англовъ и саксовъ еще въ ихъ материковомъ отечествѣ, гдѣ имъ приходилось отчаянно бороться съ моремъ, зотоплявшимъ низменные берега ихъ страны.

Въ первой четверти VI вѣка, когда часть англо-саксонскаго племени вела ожесточенную борьбу съ бриттами, а другая, бо̀льшая, еще жила на материкѣ, случилось происшествіе, возбудившее творческую фантазію жителей береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Король геатовъ (съ нынѣшняго Готланда) Хигелакъ предпринялъ походъ на нижній Рейнъ; король франковъ Теодебертъ, сынъ Теодориха, выступилъ ему на встрѣчу съ войскомъ франковъ и фризовъ; произошла жаркая битва; франки остались побѣдителями, а геаты потеряли своего короля и всю добычу; но благодаря силѣ и искусству королевскаго дружинника и родственника, Беовульфа, который совершилъ въ битвѣ чудеса храбрости, успѣли спасти значительную часть своего войска. Подвигъ этотъ въ пѣсняхъ позднѣйшихъ пѣвцовъ принялъ грандіозные размѣры; Беовульфъ слился въ одно цѣлое съ божествомъ Беовой и сталъ героемъ національнаго англо-саксонскаго эпоса. Англо-саксы обратились въ христіанство; явилась сперва латинская, потомъ и англійская письменность; древнія пѣсни стали

Digitized by Google

забываться, но все еще не потеряли значенія, и грамотники не отказывались примѣнять свое искусство къ ихъ сохраненію.

Въ исходѣ VII или въ началѣ VIII вѣка пѣсни о Беовульфѣ были собраны, приведены въ порядокъ и записаны какимъ-то христіаниномъ, знатокомъ старины, который, конечно, не преминулъ удалить, гдѣ замѣтилъ, миѳическій элементъ, и сдѣлать свои болѣе или менѣе благочестивыя и ученыя справки. Почти въ этомъ же видѣ поэма дошла до насъ въ рукописи X вѣка. Поэма ясно распадается на двѣ половины (сильно напоминающія, по своему взаимному отношенію, двѣ былины о Васькѣ Буслаевѣ) и вмѣщаетъ въ себѣ массу эпизодовъ.

Мѣсто дѣйствія первой половины—Зеландія. Датскій король Хротгаръ, сынъ Хеальфдена, выстроилъ себѣ прекрасную и обширную пиршественную залу, которой, по украшеніямъ фронтона, дали имя Хеоротъ, т-е Олень. Здѣсь сидѣлъ онъ съ своими витязями на медовой скамьѣ и раздавалъ имъ дары, въ то время какъ пѣвцы услаждали ихъ музыкой и пѣснями. Въ мрачномъ прибрежномъ болотѣ живетъ страшное чудовище Грендель. Разъ ночью ворвался онъ въ залу, гдѣ спали утомленные витязи, похитилъ и пожралъ изъ среды ихъ тридцать человѣкъ. Тоже самое повторилось на слѣдующую ночь и т. д. Когда убѣдились въ безполезности всѣхъ попытокъ защититься отъ Гренделя, Хротгаръ долженъ былъ покинуть роскошную залу, и она долго стояла пустою. Объ этомъ услыхалъ геатскій витязь Беовульфъ и, несмотря на увѣщанія старыхъ людей, рѣшился помочь датскому королю. Съ четырнадцатью отборными витязями прибылъ онъ къ Хротгару, который уже слышалъ объ его смѣлыхъ подвигахъ, и былъ имъ принятъ съ большимъ почетомъ. Вечеромъ хозяева и гости утешались въ „Оленѣ", а на ночь геаты остались одни. Беовульфъ снялъ броню и мечъ, чтобы сразиться съ Гренделемъ только силою рукъ своихъ, и скоро заснулъ. Ночью явился Грендель; осмотрѣвъ залу, онъ бросился на одного геата и разорвалъ его; потомъ устремился на Беовульфа, но тотъ схватилъ его съ такою силой, что Грендель сразу понялъ, съ какимъ противникомъ имѣетъ онъ дѣло; онъ хочетъ убѣжать, но напрасно: точно желѣзными клещами держитъ его Беовульфъ. Во время борьбы ихъ трещала вся зала, и скамьи попадали на полъ. Наконецъ, Грендель рванулся и оторвалъ руку свою до самаго плеча. Смертельно раненый, истекая кровью, насилу добрался онъ до своего подводнаго жилища. Богато наградилъ Хротгаръ Беовульфа, и весело пировали датчане и геаты въ очищенной залѣ. Ночью въ Хеоротъ ворвалась мать Гренделя, еще превосходившая силой своего сына, и, схвативъ одного изъ датчанъ, ушла въ свое болото. На утро пришлось опять обратиться къ Беовульфу. Не долго думая, герой получше вооружился и бросился въ воду; цѣлый день среди страшныхъ водяныхъ чудовищъ спускался онъ на дно бездны; тамъ выдержалъ онъ отчаянную борьбу съ матерью Гренделя и побѣдилъ ее только благодаря заколдованному мечу, который сорвалъ со стѣны подземнаго жилища; съ головой Гренделя, которую насилу могли нести четыре человѣка, облитый кровью, вечеромъ вернулся Беовульфъ на поверхность воды, когда товарищи уже перестали ожидать его. Еще болѣе щедро одаренный Беовульфъ отправился съ товарищами на родину *).

*) Битву Беовульфа съ матерью Гренделя считаютъ позднѣйшей вставкой, варьянтомъ битвы съ самимъ Гренделемъ.

Digitized by Google

Во второй половинѣ поэмы мы встрѣчаемъ Беовульфа уже старикомъ. По смерти Хигелака и его сына, Беовульфъ мирно царствовалъ надъ геатами въ продолженіе 50 лѣтъ; но вотъ по ночамъ въ его царствѣ сталъ летать огнедышащій драконъ, который приносилъ много вреда людямъ. Случайно открыли мѣстопребываніе этого дракона и узнали, что онъ въ углубленіи горы охраняетъ великое сокровище. Самъ-двѣнадцать отправляется старый Беовульфъ биться съ дракономъ. Поставивъ своихъ людей въ отдаленіи, онъ вызываетъ дракона на бой. Мечъ Беовульфа скользитъ по змѣиной чешуѣ чудовища, которое палитъ его огнемъ своимъ. Спутники Беовульфа видятъ опасность, которой подвергается ихъ господинъ, но боятся помочь ему; только одинъ изъ нихъ Виглафъ, сынъ Веохстана, родственникъ короля, спѣшитъ стать съ нимъ рядомъ, и его липовый щитъ сгорѣлъ до самой рукоятки. Собравъ всѣ силы, Беовульфъ поражаетъ змѣя въ голову, но крѣпкій мечъ его разлетается въ дребезги. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ извлечь ножъ, драконъ бросился на него и прокусилъ ему своей ядовитой пастью шею и грудь. Тогда только Виглафъ поразилъ змѣя въ животъ, а Беовульфъ докончилъ его. Такимъ образомъ врагъ побѣжденъ, но и побѣдитель раненъ на смерть. Беовульфъ велитъ Виглафу вынести изъ пещеры сокровища, чтобы полюбоваться на нихъ, отказываетъ вѣрному дружиннику свое вооруженіе, дѣлаетъ распоряженіе относительно похоронъ своихъ и испускаетъ духъ. Виглафъ приноситъ во дворецъ извѣстіе о смерти героя; трупъ послѣдняго сжигаютъ и надъ пепломъ воздвигаютъ высокій могильный холмъ.

Эпизоды разсказываютъ о подвигахъ самого Беовульфа, Хротгара, Хигелака и ихъ предковъ.

Христіанскій писецъ проявляетъ себя не особенно многими и не особенно важными вставками: такъ, напр., онъ выводитъ Гренделя отъ Каина, морскихъ чудовищъ—прямо изъ ада, сожалѣетъ о язычествѣ датскаго короля, считаетъ Беовульфа витяземъ Господа и пр.

Кромѣ «Беовульфа» отъ національнаго англо-саксонскаго эпоса до насъ дошелъ только незначительный отрывокъ «Битвы при Финсбургѣ.

Переходимъ къ Скандинавіи.

Скандинавы отдѣлились отъ своихъ континентальныхъ родичей и заняли сѣверъ Европы предположительно около Рождества Христова. Немного позднѣе между ними мы находимъ въ употребленіи общегерманскія руны, которыя, какъ сказано было выше,—не изобрѣтеніе германцевъ, а приспособленный къ вырѣзанію алфавитъ латинскій. Около VIII вѣка изъ этихъ древнихъ рунъ вырабатываются спеціально скандинавскія. Но и эти руны не породили письменности: ихъ употребляли только для надписей на камняхъ, оружіи и пр. Письменная литература развивается въ Скандинавіи только послѣ введенія христіанства, которое проникаетъ туда впервые въ IX вѣкѣ, а окончательно побѣждаетъ язычество около 1000-го года и даже позднѣе.

Центромъ умственной жизни и главнымъ складочнымъ мѣстомъ преданій и фабрикой письменности оказались не Данія и не Скандинавскій полуостровъ, а отдаленный и холодный островъ Исландія.

Digitized by Google

До половины IX в. Исландія была пуста и неизвѣстна даже и смѣлымъ скандинавскимъ мореходамъ. Но вскорѣ послѣ того, какъ къ берегамъ ея подошелъ первый норвежскій корабль, въ продолженіе какихъ нибудь 60 лѣтъ (отъ 874 до 934 г.) она была такъ заселена и такъ застроена, какъ никогда не бывала впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что во второй половинѣ IX в. въ Норвегіи началось централизаторское движеніе: Гаральдъ Прекрасноволосый (Haarfager) стремился стать единовластителемъ и самодержцемъ; многіе знатные и древніе роды, до тѣхъ поръ пользовавшіеся безусловною независимостью и не имѣвшіе довольно силъ, чтобъ оказать ему дѣятельное сопротивленіе, предпочли свободу родинѣ и выселились на отдаленную Исландію. Они принесли съ собой довольно высокую степень чисто національной культуры, развитую миѳологію, гимническую поэзію и много героическихъ преданій. Въ своемъ новомъ отечествѣ они старательно сохраняли старые обычаи и располагались сперва независимыми маленькими общинами; только въ 930 г. эти общины настолько сблизились между собою, что оказалась нужда въ общемъ для всего острова собраніи представителей родовъ—*альтингъ* *).

Альтингъ 1000 года призналъ господствующей на островѣ религіей христіанство, которое проникло сюда безъ огня и меча, безъ насилія, и не оторвало народа отъ его родной старины. Высокая степень національной культуры давала возможность исландцамъ набирать служителей и учителей новой вѣры изъ своей среды; только епископы, да и то на первое время, были иностранцы. Между духовенствомъ и народомъ не было и тѣни той пропасти, какую мы знаемъ на материкѣ и въ Англіи. Какъ въ языческое время глава общины былъ ея руководителемъ въ дѣлахъ религіозныхъ, начальникомъ храма, стоявшаго на его дворѣ, такъ и теперь онъ былъ патрономъ, а иногда и священникомъ христіанскаго храма. Первый епископъ-исландецъ, Ислейфъ (получившій образованіе въ одной монастырской школѣ въ Вестфаліи), въ 1056 г. занялъ каѳедру по требованію своихъ согражданъ и удержалъ при этомъ свою свѣтскую власть. Про его сына и наслѣдника Гиссура прямо сказано, что онъ былъ одновременно епископомъ и конунгомъ.

При этомъ Гиссурѣ на Исландіи были заведены монастыри и духовныя школы, и стали взимать десятину въ пользу духовенства, но безбрачіе, какъ учрежденіе, враждебное народному духу, введено не было.

*) Любовь исландцевъ къ свободѣ не позволила однако централизаціи усилиться, что впослѣдствіи времени повело къ паденію независимости острова: во второй половинѣ XIII вѣка, раздираемыя кровавыми распрями родовъ и общинъ, Исландія принуждена была покориться Норвегіи.

Digitized by Google

Грамота и наука не были на Исландіи исключительной принадлежностью духовенства; въ XI вѣкѣ многіе начальники были такъ образованы, что могли бы безъ всякаго приготовленія занять мѣста священниковъ; въ XII вѣкѣ было много частныхъ библіотекъ, не говоря уже о монастырскихъ и епископскихъ. Знаніе родной исторіи, законовъ и поэзіи было почти общимъ достояніемъ. Съ другой стороны, и въ средѣ духовенства латынь не пользовалась такой исключительной привилегіей, какъ на материкѣ. Однообразная жизнь, долгія полярныя ночи дѣлали исландцевъ чрезвычайно жадными до пѣсенъ, разсказовъ и новостей; собирать послѣднія они имѣли полную возможность; многіе исландцы разъѣзжали по морямъ и чужимъ землямъ въ качествѣ викинговъ, купцовъ, наемныхъ воиновъ (варяговъ), а по странамъ скандинавскимъ и въ качествѣ *скальдовъ*.

Скальды, т. е. спеціалисты поэты и пѣвцы, выдѣлились изъ среды поющаго поэтическаго народа задолго до христіанства и до переселенія на Исландію. Уже въ X вѣкѣ славились своимъ искусствомъ нѣкоторые норвежскіе скальды; на Исландіи это искусство пошло еще далѣе. Въ произведеніяхъ первыхъ скальдовъ мы еще находимъ простоту и величіе древнѣйшихъ безъименныхъ пѣсенъ; впослѣдствіи искусство перешло въ искусственность и вычурность. На первое время, безъ сомнѣнія, они распѣвали миѳическіе гимны и сходныя съ ними по формѣ и тону эпико-героическія пѣсни; впослѣдствіи славу и награды доставляли имъ пѣсни лирическія въ честь оказывающихъ имъ гостепріимство витязей и ихъ предковъ. Тогда выработалась теорія, наука поэзіи и, кромѣ природнаго дарованія, оказалась потребность въ ученьѣ и учебныхъ пособіяхъ.

Отчасти потому, что вѣроучителями христіанства были свои же люди—скандинавы, отчасти потому, что христіанская пропаганда успѣла къ тому времени потерять свой острый, непримиримый характеръ, христіанство и новая культура не убили прочно сложившейся поэзіи скальдовъ; мало того: онѣ почти не повліяли на нее, и основа ея по прежнему оставалась языческой. Христіанинъ исландецъ или норвежецъ столь же мало считалъ грѣховнымъ слушать *драпы* (похвальныя оды), выводящія героевъ отъ Одина, или даже сочинять ихъ, какъ схоластикъ—читать Виргилія или подражать ему.

Связь модной, для всѣхъ образованныхъ людей привлекательной поэзіи скальдовъ съ старыми миѳическими и героическими преданіями обусловливала старательное сохраненіе старыхъ пѣсенъ и преданій путемъ письменности. Этому обстоятельству обязаны мы важнѣйшими памятниками миѳологіи и героическаго эпоса наиболѣе развитаго изъ германскихъ племенъ.

Digitized by Google

Между этими памятниками на первомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, стоятъ двѣ Эдды.

Такъ называемая «Старая Эдда» [1]), составленная, по мнѣнію однихъ,—въ XII, а по мнѣнію другихъ,—въ срединѣ XIII вѣка, въ первый разъ появилась на материкѣ Европы около половины XVII столѣтія; рукопись, ее заключающую, писанную около 1300 г., прислалъ исландскій епископъ Бринъ-Юльфъ Свейнсонъ датскому королю Фридриху III, произвольно поставивъ на ней имя *Семунда Вѣщаго*, полумиѳическаго мудреца Исландіи (жилъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка) [2]). Она состоитъ изъ ряда пѣсенъ, между которыми и внутри которыхъ иногда встрѣчаются короткія прозаическія вступленія и поясненія, принадлежащія, вѣроятно, собирателямъ. Относительно степени народности и древности этихъ пѣсенъ—мнѣнія весьма различны: прежде относили ихъ окончательную форму къ VIII вѣку, даже далѣе, и на основаніи ихъ строили систему не только сѣверной, но и вообще нѣмецкой миѳологіи; теперь относятъ ихъ къ XI и даже XII вѣку и усматриваютъ въ нихъ сильное вліяніе творческой литературно-образованной фантазіи скальдовъ и интерполяціи позднѣйшихъ исландскихъ антикваріевъ. Въ послѣднее время явились изысканія, доказывающія, что и самая основа этихъ пѣсенъ въ значительной степени обязана своимъ происхожденіемъ литературному заимствованію изъ античныхъ и христіанскихъ преданій [3]).

Пѣсни „Старой Эдды“ распадаются естественно на двѣ группы: на пѣсни о богахъ и пѣсни о герояхъ Между миѳическими пѣснями первое мѣсто занимаетъ Видѣніе Валы (Völuspá), обнимающая въ краткомъ очеркѣ всю систему сѣверной космогоніи. Приводимъ ее въ переводѣ академика Грота:

Слушайте всѣ вы, святыя существа,
Большія и малыя дѣти Геймдаля [4]):
Хочешь-ли ты, я разскажу чудеса Вальфадера [5]),
Старыя преданія мужей, которыя я прежде всего узнала?

—

Я помню великановъ искони рожденныхъ,
Которые нѣкогда учили меня;
Помню девять міровъ, девять небесъ,
Славное срединное дерево въ глубинѣ земли.

—

[1]) Названіе это объясняется двумя способами: *Эдда* значитъ или *прабабушка*, т. е. вѣстница отдаленной старины, или есть женскій родъ отъ *oddr* — an der Spitze stehend, стоящій во главѣ, на верху.

[2]) Лучшія изданія Люнинга и Мёбіуса.

[3]) См. Literaturblatt für germanische u. romanische Philologie 1880, № 6. Bang Völuspaa og se Sibyllinske Orakler.

[4]) Т. е. люди. Геймдаль — прародитель.

[5]) Отца міровъ.

Digitized by Google

Было утро вѣковъ, когда властвовалъ Имиръ [1]),
Не было ни песку, ни моря, ни прохладныхъ волнъ,
Не было ни земли, ни высокаго неба,—
Была зіяющая бездна, но травы нигдѣ.

—

Наконецъ, сыновья Бора [2]) воздвигнули твердь,
Дивно создали срединную палату,
Солнце засіяло съ юга на скалы ея,
И поросла земля зеленой травой.

—

Солнце, товарищъ мѣсяца, бросило съ юга
Правую руку на коней небесныхъ;
Солнце не знало, гдѣ его палаты,
Звѣзды не знали, гдѣ ихъ обитель,
Мѣсяцъ не зналъ, какова его сила.

—

Вотъ всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ:
Ночи и мѣсяцу дали они названія,
Наименовали утро и полдень,
Сумерки и вечеръ для счисленія годовъ.

—

Асы [3]) собрались на равнинѣ Идѣ,
Построили высокое святилище и дворъ,
Поставили горнила, ковали сокровища
(Напрягая силу, все испытывая),
Изготовили клещи и сдѣлали орудіе;

—

Играли въ оградѣ, были веселы,
Не было у нихъ недостатка въ золотѣ и пр.

Въ 9 слѣдующихъ строфахъ говорится о сотвореніи карликовъ и перечисляются имена ихъ, въ строфѣ 17-ой сказано такъ о созданіи людей:

Вотъ трое Асовъ изъ собранья,
Могущественные, благіе, пришли къ морю,
Они нашли на берегу Аска и Эмблу
Безъ силы и безъ жизни.

—

У нихъ не было души, не было разума,
Ни крови, ни движенія, ни румянаго лица;
Душу далъ имъ Одинъ, разумъ далъ Гёниръ,
Лодуръ далъ кровь и румяное лицо.

—

Я знаю ясень, имя ему Игдразиль,
Вѣтвистое дерево, окропляемое бѣлымъ туманомъ;
Съ него роса дождемъ падаетъ на долину;
Оно стоитъ вѣчно зеленое надъ ключемъ Урды.

—

[1]) Родоначальникъ великановъ.

[2]) По „Младшей Эддѣ“, Бёръ—сынъ Бури, котораго вылизала языкомъ изъ ледовой глыбы предвѣчная корова Андхумла. У Бёра было три сына: Одинъ, Вили и Ве; черезъ нихъ Бёръ—родоначальникъ боговъ.

[3]) Общее имя боговъ.

Digitized by Google

Оттуда приходятъ три вѣщія дѣвы,
Изъ источника, осѣняемаго древомъ:
Одну зовутъ Урдой, другую Вернанди—
Онѣ пишутъ на своихъ щитахъ—третью Скульдой [1]).
Онѣ даютъ законы, опредѣляютъ жизнь,
Возвѣщаютъ судьбу человѣкамъ.

—

Я помню первое убійство,
Когда Гульвегу [2]) подняли на копья
И сожгли въ палатѣ боговъ;
Трижды жгли ее, трижды рожденную,
Часто жгли ее, но она и теперь жива.

—

И всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ:
Должны ли Асы отплатить за убійство.
Или всѣмъ богамъ принять искупленіе.

—

Воспрянулъ Одинъ и бросилъ копье въ толпу:
То была первая война на землѣ.
Разбита ограда крѣпости Асовъ,
Ваны [3]), чуя битву, бѣгутъ по полю.

—

И всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ.
Кто наполнилъ воздухъ ядомъ вражды
И выдалъ дѣву Ода [4]) племени великановъ;

—

Торъ былъ воспламененъ гнѣвомъ,
Онъ рѣдко сидитъ на мѣстѣ, когда слышитъ подобное.
Клятвы и обѣты нарушены,
Всѣ священныя узы разорваны.

—

Я узнаю рогъ Геймдаля, сокрытый
Подъ святымъ, высокимъ древомъ;
Я вижу, какъ рѣка льется водопадомъ
Надъ залогомъ Вальфадера. Понимаете-ли вы, или нѣтъ?

—

Одиноко сидѣла я, когда пришелъ старый
Родоначальникъ Асовъ и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

---

[1]) Урда одна изъ дѣвъ судьбы, богиня прошлаго; Верданди — богиня настоящаго; Скульда—богиня будущаго.

[2]) „Сила золота".

[3]) Другой родъ боговъ.

[4]) Невѣста или жена Одура есть Фрея, которая, подобно Изидѣ, оплакиваетъ и отыскиваетъ своего пропавшаго мужа. Въ 42 гл. „Младшей Эдды" разсказывается, какъ Аси чуть было не лишились Фреи, пообѣщавъ ее строителю ихъ бурга. Локи спасъ ихъ хитростью, и тогда гнѣвъ заставилъ строителя обнаружить свое происхожденіе изъ Іотунгейма; тогда они сочли себя свободными отъ клятвы, и Торъ своимъ молотомъ убилъ великана.

Digitized by Google

Зачѣмъ спрашиваешь меня? что̀ меня испытываешь?
Я вѣдь знаю, Одинъ, гдѣ ты спряталъ свой глазъ—
Въ свѣтломъ ключѣ Мимира,
Мимиръ каждое утро пьетъ медъ
Изъ залога Вальфадера [1]). Понимаете-ли вы, или нѣтъ?

. . . . . .

Отецъ ратей выбралъ для меня колецъ и цѣпочекъ,
Далъ мнѣ вѣщія слова и пророческія пѣсни:
И я озирала всѣ міры.

—

Я увидѣла, какъ издалека пришли валькиріи
Въ жилище боговъ. Скульда несла щитъ;
За нею шли дѣвы бога брани,
Готовыя поскакать на землѣ.

—

Я видѣла сокровенную судьбу Бальдера,
Кроваваго бога, сына Одинова:
Выросталъ надъ равниною
Нѣжный, прекрасный отростокъ Омелы.

—

Отъ этого отпрыска, столь ничтожнаго на видъ,
Произошелъ страшный ударъ — Гедеръ его нанесъ [2]).

—

Рано былъ рожденъ братъ Бальдера [3]);
Ночь одну проживъ, онъ отмстилъ сыну Одинову [4]);
Онъ не мылъ рукъ, не чесалъ волосъ,
Пока не положилъ на костеръ убійцу Бальдера.
Но Фригга въ своей палатѣ
Оплакивала бѣдствія Валгаллы. Понимаете ли вы, или нѣтъ?

—

Я видѣла, какъ лежалъ въ рощѣ горячихъ ключей
Гигантскій трупъ злаго Локи;
Тамъ надъ мужемъ своимъ сидитъ Сигуна:
Она не весела. Понимаете ли вы, или нѣтъ [5])?

. . . . . .

Далѣе пѣсня описываетъ скандинавскій адъ и свѣтапреставленіе:

Я увидѣла чертогъ вдали отъ солнца,
На берегу труповъ; ворота его обращены къ сѣверу:

---

[1]) Залогъ Вальфадера или Одина, по одному сказанію, есть его другой глазъ, отданный Мимиру (судя по имени богу памяти) за глотокъ изъ источника мудрости; по другому— это рогъ Геймдаля, изъ котораго изливается источникъ знанія будущаго. Геймдаль, по „Младшей Эддѣ“ (гл. 27), стражъ боговъ.

[2]) Хёдуръ — одинъ изъ Асовъ, слѣпой, но очень сильный; вѣроятно, олицетвореніе слѣпаго рока. Онъ, самъ того не зная, убиваетъ копьемъ изъ омелы, которое далъ ему въ руки злой Локи, бога свѣта и добра Бальдура.

[3]) Вали, сынъ Одина и Ринды.

[4]) Зимрокъ переводитъ иначе: ночь одну проживъ, выступилъ на битву сынъ Одина.

[5]) По „Младшей Эддѣ“, Локи наказанъ, подобно Прометею: онъ прикованъ къ скаламъ, и ядовитый змѣй капаетъ ему на голову ядъ; Сигуна стоитъ около него и держитъ надъ головой его чашу.

Digitized by Google

Черезъ всѣ отверстія капалъ тутъ ядъ;
Чертогъ сплетенъ изъ змѣиныхъ хребтовъ.

—

Я увидѣла, какъ бродятъ тамъ въ рѣкахъ
Клятвопреступники и убійцы
И обольстители чужихъ женъ.
Тамъ черный змѣй сосетъ тѣла умершихъ,
Волкъ ихъ терзаетъ. Понимаете вы, или нѣтъ?

—

На востокѣ сидѣла Старая въ желѣзномъ лѣсу;
Тамъ кормила она волчатъ Фенрира [1]).
Изъ всѣхъ ихъ одинъ будетъ силенъ
И въ образѣ чудовища пожретъ мѣсяцъ.

—

Онъ насыщается жизнью низкихъ людей,
Онъ обагряетъ кровью обитель владыкъ.
Почернѣетъ солнце лѣтнее,
Всѣ вѣтры будутъ тлетворны. Понимаете вы, или нѣтъ?

. . . . . .

Мудрая много знаетъ. Я вижу вдали
Сумерки владыкъ послѣднюю битву;
Братья будутъ сражаться, станутъ убивать другъ друга.
Родственники разорвутъ кровныя связи.
Міръ полонъ зла и великаго распутства:
Вѣкъ сѣкиръ, вѣкъ мечей, вѣкъ щитовъ сокрушенныхъ;
Вѣкъ бурь, вѣкъ волковъ предъ паденіемъ міра;
Никто не хочетъ пощадить другаго.

—

Срединное дерево загорается; сыновья великановъ пляшутъ
Подъ звуки гремящаго рога.
Геймдаль, поднявъ рогъ, трубитъ;
Бесѣдуетъ Одинъ съ головою Мимира [2]).

—

Отъ шума потрясенъ высокій ясень Игдразиль:
Старое дерево содрогается, великанъ вырывается на волю;
Всѣ трепещутъ на путяхъ Гелы [3]),
Пока сынъ Суртура [4]) не пожретъ Одина.

—

Гримиръ [5]) ѣдетъ съ востока, щитъ передъ нимъ;
Змѣй, обвивающій землю, извивается въ ярости
И взрываетъ глубину морскую; орелъ весело клокчетъ,
Блѣднымъ клювомъ раздираетъ трупы: пущенъ корабль ногтяной [6]).

—

[1]) Фенриръ — чудовищный волкъ, сынъ Локи; онъ тоже скованъ богами, но освободится при концѣ міра.

[2]) По одному сказанію, Мимиръ убитъ, но голову его сохранилъ Одинъ живою, и съ нею совѣщается онъ въ трудныхъ обстоятельствахъ.

[3]) Смерти.

[4]) Суртуръ—до-міровой великанъ, сидящій съ огненнымъ мечомъ на границѣ Муспельгейма—царства огня.

[5]) Одинъ изъ родоначальниковъ великановъ.

[6]) Корабль мертвецовъ, изъ обрѣзковъ ногтей.

Digitized by Google

Корабль плыветъ отъ востока; сыновья Мумеля
Ѣдутъ по морю; Локъ стоитъ у кормила:
Всѣ исчадія чудовища несутся вмѣстѣ съ волкомъ;
Съ ними на кораблѣ и братъ Билейста [1]).

—

Каково теперь Асамъ? Каково Альфамъ?
Реветъ міръ великановъ; Асы на вѣчѣ,
Карлы стонутъ при каменныхъ дверяхъ,
Мудрые стражи горъ. Понимаете ли вы, или нѣтъ?

—

Суртуръ вторгается съ юга съ развѣвающимся пламенемъ,
На мечахъ сверкаетъ солнце бога войны;
Каменныя горы трещатъ; великанши трепещутъ;
Люди ходятъ по путямъ Гелы. Небо разверзается.

—

Далѣе описываются единоборства боговъ съ враждебными силами и гибель тѣхъ и другихъ. Слѣдуетъ пожаръ земли:

Солнце начнетъ чернѣть, земля погружается въ море;
Изчезаютъ на небѣ сіяющія звѣзды;
Дымъ клубится надъ огнемъ, разрущающимъ міръ;
Исполинское пламя взвивается къ самымъ небесамъ.

—

Я вижу: опять всплываетъ
Надъ моремъ земля, покрытая роскошною зеленью;
Тамъ шумятъ водопады; въ вышинѣ носится орелъ
И со скалъ подстерегаетъ рыбу.

—

Асы собрались на равнинѣ Идѣ
И бесѣдуютъ о могучемъ змѣѣ, обвивающемъ землю,
И вспоминаютъ дѣянія старины
И древнія руны могучаго бога.

—

Асы вновь находятъ въ травѣ
Чудесныя золотыя доски,
Въ началѣ временъ принадлежавшія поколѣніямъ,
Вождю боговъ и его роду.

—

Жатва будетъ всходить безъ посѣва;
Всякое зло изчезнетъ: Бальдеръ возвратится
И съ Гердеромъ построитъ чертоги Одина,
Обитель героевъ. Понимаете, или нѣтъ?

—

Тогда Гениръ [2]) можетъ избрать свой жребій:
Дѣти двухъ братьевъ будутъ жить вмѣстѣ
Въ обширномъ царствѣ воздуха. Понимаете-ли вы, или нѣтъ?

—

Я вижу храмину свѣтлаго солнца,
Покрытую золотомъ, посреди Гимли [3]):

---

[1]) Билейстъ—братъ Локи.

[2]) Хёниръ—братъ Одина, отданный Ванамъ въ заложники; теперь онъ долженъ возвратиться.

[3]) Гимиль, по „Младшей Эддѣ“ (гл. 3),—обитель создателя міра и праведниковъ

Digitized by Google

Тамъ будутъ жить добрые народы
И наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.

—

Является могучій въ судилище боговъ,
Сильный свыше, всѣмъ управляющій;
Онъ изрекаетъ приговоръ, прекращаетъ распри
И на вѣки установляетъ священные законы.

За «Вölуспо» слѣдуютъ пѣсня о Гримнирѣ и пѣсня о Вафтруднирѣ. Обѣ онѣ, особенно же вторая, изображающая состязаніе въ мудрости Одина съ великаномъ Вафтруднировъ, важны для уясненія подробностей сѣверной ѳеогоніи. Далѣе идутъ: пѣсня «Путешествіе Скирнира», излагающая сватовство Фрейра за Герду, цѣлая группа пѣсенъ, посвященная судьбѣ Бальдура, и нѣсколько пѣсенъ изъ цикла Тора: одна («Возвращеніе молота») разсказываетъ, какъ переодѣтый невѣстой, добывалъ онъ украденный у него великанами молотъ; другая («Всезнайка»)—о преніи Тора съ мудрымъ карликомъ, а третья («Пѣсня о Химирѣ») говоритъ, какъ Торъ доставалъ отъ Химира котелъ для боговъ; наконецъ пѣсня о Харбардѣ указываетъ на противоположность между Одиномъ и Торомъ. Особнякомъ стоитъ «Высокая пѣснь» (Hávamál)—стихотвореніе чисто дидактическое, вѣроятно слѣпокъ изъ отрывковъ многихъ дидактическихъ пьесъ, собраніе гномовъ, важное для опредѣленія этическихъ воззрѣній скандинавовъ.

Героическія пѣсни «Эдды» стоятъ выше въ художественномъ отношеніи и не требуютъ особыхъ поясненій. Онѣ также не представляютъ эпоса въ собственномъ смыслѣ слова: то въ формѣ лирики, то въ формѣ діалога, онѣ разрабатываютъ одинъ моментъ изъ жизни героя, отчасти предполагая общую канву извѣстною, отчасти подновляя ее прозаическими введеніями и переходами. Онѣ распадаются на три группы: 1-я пѣсня разсказываетъ судьбу вѣщаго кузнеца Вölундра; 3 слѣдующія принадлежатъ къ чисто скандинавскому циклу Хельги и всѣ остальныя къ циклу Нифлунговъ (нѣмецкихъ Нибелунговъ).

Пѣснь о Вölундрѣ. Прозаическое введеніе разсказываетъ, какъ три сына короля финскаго женились на валькиріяхъ, которыя по прошествіи 7 лѣтъ улетѣли отъ мужей своихъ; старшіе братья пошли искать своихъ женъ, а Вölундръ остался на мѣстѣ. Начало пѣсни передаетъ тоже самое и прибавляетъ, что Вölундръ „обвивалъ золотомъ крѣпкіе камни и нанизывалъ кольца на лыко“. Король Нидудръ послалъ своихъ людей, которые ограбили Вölундра и привели его плѣнникомъ къ своему повелителю. Король Нидудръ далъ своей дочери Баутвильдѣ золотое кольцо, взятое у Вölундра, а себѣ присвоилъ его мечъ. Тогда королева сказала: „Слюнки текутъ у него, когда ему попадается на глаза мечъ, и онъ узнаетъ кольцо Баутвильды... Остеръ взглядъ дракона: разрѣжьте ему сухожилья и посадите его на островъ Саварстадръ“. Ея совѣтъ былъ исполненъ, и искалѣченный Вölундръ былъ посаженъ на островѣ, гдѣ онъ работалъ на ко-

Digitized by Google

роля; но въ душѣ его были злые, мстительные помыслы. Прибѣжали къ нему какъ-то два маленькихъ сына Нидудра; подошли они къ сундуку и разсматривали въ немъ драгоцѣнности. „Приходите завтра вдвоемъ, говоритъ имъ Вёлундръ: я дамъ вамъ золота; но дома никому не говорите, что вы были здѣсь". Рано поутру закричалъ братъ брату: „Пойдемъ смотрѣть кольца!" Они засмотрѣлись на драгоцѣнности въ сундукѣ. Тогда Вёлундръ убилъ ихъ, отрѣзалъ имъ головы, черепа ихъ отдѣлалъ серебромъ и каменьями; обдѣлалъ и глаза, какъ драгоцѣнные каменья, и послалъ ихъ злой королевѣ; а изъ зубовъ дѣтей сдѣлалъ онъ ожерелье и послалъ его Баутвильдѣ. Въ это время Баутвильда сломала кольцо свое, отнесла его къ Вёлундру и сказала: „Я никому не хочу говорить объ этомъ, кромѣ тебя". Вёлундръ отвѣчалъ: „Я задѣлаю изломъ золотомъ такъ, что кольцо покажется еще прекраснѣе твоему отцу, еще лучше твоей матери, а тебѣ самой такъ же хорошо". Обманулъ онъ ее медомъ: былъ онъ хитрѣе ее. Дѣва упала на скалѣ и заснула. Со смѣхомъ поднялся Вёлундръ на воздухъ; съ плачемъ пошла съ острова Баутвильда. „Скажи мнѣ, Вёлундръ, царь эльфовъ, спрашиваетъ ее Нидудръ, что ты сдѣлалъ съ моими сыновьями?"—„Поди въ кузницу, которую ты тамъ построилъ; тамъ найдешь ты тѣла, точащія кровь; я обрѣзалъ головы у твоихъ сыновей и подъ корыто положилъ кости ихъ. А теперь Баутвильда, единственная дочь ваша, ходитъ беременная!"—„Встань, Таккрадръ, лучшій мой слуга, говоритъ король: позови Баутвильду, смуглую красавицу".—„Правду-ли мнѣ сказали, будто ты и Вёлундръ сидѣли вмѣстѣ на островкѣ?"—„Правду, Нидудръ, тебѣ сказали: сидѣли мы вмѣстѣ цѣлый ужасный часъ, чтобъ никогда такого не было! Я не умѣла, я не могла ему противиться!"

Пѣсни о Хельги. Первая называется: „Пѣснь о Хельги, сынѣ Хіёрварда". Въ началѣ разсказывается, какъ конунгъ Хіорвардъ добылъ себѣ въ жены красавицу Зигурлину; отъ нихъ родился сынъ, бывшій нѣмымъ отъ рожденія и потому не получившій имени. Однажды сидѣлъ онъ на холмѣ, а мимо него пролетали валькиріи; одна изъ нихъ Свава дала ему имя „Хельги" и предвозвѣстила ему будущую славу. Но Хельги сказалъ, что не возьметъ имени безъ нея самой. Хельги отправился въ походъ, чтобъ отмстить за смерть отца своей матери. Съ этихъ поръ Свава помогала своему жениху въ битвахъ. Когда Хельги былъ раненъ на смерть, онъ хотѣлъ уступить ее своему брату Хёдину, но Свава говоритъ, что нѣтъ для нея радости послѣ смерти милаго. Въ заключеніе собиратель прибавляетъ: „О Хельги и Свавѣ говорятъ, что они возродились впослѣдствіи".

Вторая пѣснь („о Хельги, убійцѣ Хундинга пѣснь первая") носитъ болѣе эпическій характеръ и потому не нуждается въ прозаическихъ вставкахъ и объясненіяхъ собирателя. Она разсказываетъ о рожденіи Хельги, будущимъ военнымъ подвигамъ котораго радуются вороны; вскользь упоминаетъ о томъ, какъ онъ 15-ти лѣтъ отъ роду убилъ Хундинга и его сыновей, говоритъ, какъ сошелся онъ съ валькиріей Сигруной, которая спасла его отъ бури, и какъ Хельги съ бою добылъ себѣ божественную супругу.

Третья пѣсня („О Хельги, убійцѣ Хундинга, пѣснь вторая") въ началѣ пересказываетъ, частью въ прозѣ, частью въ стихахъ, тоже самое, что и вторая. Въ рѣшительной битвѣ за невѣсту Хельги убилъ отца Сигруны и одного ея брата; только другой, Дагъ, остался въ живыхъ. Когда невѣста подошла къ нему, чтобъ поздравить его съ побѣдой, онъ сказалъ ей: „Не все, милая, произошло по твоему желанію: мечъ виноватъ! рано у Фреканштейна пали Браги и Хёгни, и я ихъ убійца". Сигруна горько заплакала, но осталась вѣрна Хельги. Хельги женился на ней и воспитывалъ дѣтей. Дагъ, между тѣмъ, получилъ отъ Одина копье, которымъ и отомстилъ за смерть отца, убивъ Хельги. Печально приходитъ онъ къ

Digitized by Google

сестрѣ и объявляетъ: „Палъ благороднѣйшій изъ благородныхъ подъ солнцемъ, побѣдитель многихъ князей". Сигруна упрекаетъ его въ нарушеніи клятвы и проклинаетъ; напрасно Дагъ предлагаетъ ей возвратиться домой: Сигрунѣ нѣтъ и не можетъ быть радости послѣ смерти героя. Надъ Хельги насыпали холмъ, а самъ онъ отправился къ Одину, который предложилъ ему раздѣлить владычество въ валгаллѣ. Однажды служанка Сигруны пошла на холмъ и увидала Хельги на конѣ съ большой свитой; она сказала объ этомъ Сигрунѣ, и та сейчасъ-же выбѣжала къ мужу. Она несказанно радовалась и цѣловала его; замѣтивъ, что платье его мокро и руки обмерзли, она спросила что это значитъ? — „Ты виновата въ этомъ, отвѣчаетъ Хельги: слезы, которыя днемъ и ночью проливаешь ты, падаютъ на мою грудь, и мнѣ больно и сыро отъ нихъ". Сигруна больше не плакала, но скоро умерла съ печали.

Очевидно, что 2-я пѣснь есть болѣе художественная и полная передѣлка одной части сказанія, сохранившагося вполнѣ въ 3-ей пѣснѣ; а 1-ая есть или переложеніе совсѣмъ иного сказанія, только черезъ имя сближеннаго съ основнымъ, или произвольная, чисто искусственная передѣлка той-же темы.

Циклъ Нифлунговъ *). Первая пѣсня называется „Предсказаніе Гримира или 1-я пѣснь о Зигурдѣ, убійцѣ Фафнира". Вѣщій Гримиръ—дядя Зигурда по матери; Зигурдъ заѣзжаетъ къ нему, отправляясь на подвиги, и тотъ предсказываетъ его будущую судьбу. „2-я пѣснь о Зигурдѣ, убійцѣ Фафнира", разсказываетъ, какъ узналъ Зигурдъ отъ карлика Регина исторію клада Нифлунговъ, и какъ онъ отмстилъ за смерть своего отца сыновьямъ Хундинга. „Пѣснь о Фафнирѣ" разсказываетъ, какъ Зигурдъ, побуждаемый Региномъ, убилъ Фафнира; какъ онъ, попробовавъ его сердца, сталъ понимать языкъ птицъ, убилъ Регина и овладѣлъ сокровищемъ. „Пѣснь о Зигурдрифи": Зигурдъ проѣхалъ черезъ огонь въ замокъ, освободивъ Зигурдрифу отъ волшебнаго сна, въ который ее, непокорную валькирію, погрузилъ Одинъ, и научился отъ нея рунамъ; взаимною клятвою скрѣпили они свой союзъ. „3-ья пѣснь о Зигурдѣ, убійцѣ Фафнира" **), самая полная и стройная, разсказываетъ, какъ Зигурдъ женился на Гудрунѣ, дочери Гьюка, и вмѣстѣ съ ея братомъ Гуннаромъ поѣхалъ свататься за Брингильду, дочь Будри, которая должна бы быть его женою: съ ней спалъ онъ на одномъ ложѣ, положивъ, впрочемъ, между ней и собой обнаженный мечъ. Брингильда ревнуетъ Зигурда къ Гудрунѣ и требуетъ, чтобы мужъ ея Гуннаръ убилъ Зигурда. Послѣ долгаго колебанія, Гьюкунги рѣшились исполнить ея желаніе, и Зигурдъ былъ убитъ слабоумнымъ Хуттормомъ во время сна. Горько плачетъ вдова его Гудруна; злорадно смѣется Брингильда; на упрекъ мужа она открываетъ ему свою душу: одного Зигурда любила она, изъ любви она и погубила его, и теперь вмѣстѣ съ нимъ взойдетъ на погребальный костеръ. Передъ смертью она предсказываетъ Гьюкунгамъ ихъ будущую судьбу. „Путешествіе Брингильды въ Хелу" (область смерти): опрошенная на пути въ Хелу великаншей, Брингильда разсказываетъ ей свою жизнь (Зигурдъ освободилъ ее отъ волшебнаго сна; она погубила его, побужден-

*) Въ виду того, что эти пѣсни и прозаическій пересказъ „Младшей Эдды" и „Вольсунга-саги" неоднократно изложены по-русски (см. пересказъ по 3-мъ источникамъ въ соч. Т. Н. Грановскаго, перепечатанный въ сборникѣ г. Чудинова; переводъ или пересказъ отдѣльныхъ пѣсенъ въ „Очеркахъ" Ѳ. И. Буслаева и „Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы" Кирпичникова, стр. 46 и слѣд.), мы ограничимся самымъ краткимъ указаніемъ содержанія пѣсенъ „Эдды" въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ переводѣ Зимрока.

**) Предшествующій ей „Отрывокъ пѣсни о Брингильдѣ" есть только варьянтъ средней ея части.

Digitized by Google

ная клеветой Гудруны, будто Зигурдъ былъ ея любовникомъ). „Пѣснь о Гудрунѣ первая“ носитъ чисто лирическій характеръ; она описываетъ, какъ Гудруна оплакивала Зигурда и какъ утѣшали ее родственницы. „Пѣснь о Гудрунѣ вторая“ разсказываетъ, какъ она при посредствѣ матери своей, Гримгильды, примирилась съ братьями и согласилась выйдти за Атли, брата Брингильды. Двѣ слѣдующія пѣсни („Пѣснь о Гудрунѣ 3-ья и Жалоба Оддруны“) касаются эпизодовъ, неизвѣстныхъ намъ изъ разсказа „Младшей Эдды“, вымышленныхъ повидимому позднѣйшими скальдами: въ 1-й изъ нихъ Гудруна, обвиненная несправедливо въ любовной связи съ Тидрекомъ *), выдерживаетъ испытаніе кипяткомъ; 2-ая упоминаетъ о томъ, какъ Гуннаръ, братъ Гудруны, соблазнилъ Оддруну, сестру Атли. Двѣ такъ-называемыя гренландскія **) пѣсни объ Атли въ сходныхъ чертахъ передаютъ послѣдующую судьбу Гьюкунговъ. Атли гнѣвается на Гуннара и Гьюкунговъ за смерть Брингильды и къ тому-же желаетъ овладѣть сокровищемъ Фафнира. Чтобъ отмстить имъ, онъ хочетъ заманить ихъ къ себѣ. Онъ посылаетъ къ нимъ вѣстника Винги, который обѣщаетъ имъ отъ имени своего господина богатые подарки. Гуннаръ говоритъ: „У меня много своего оружія и своихъ коней: не нуждаюсь я въ сокровищахъ Атли“. Но онъ не отказывается ѣхать, несмотря на то, что Гудруна загадочными рунами даетъ ему понять грозящую опасность, а жена Хёгни, Костбера, имѣющая даръ предвѣдѣнія, видитъ страшный сонъ, несомнѣнно предвѣщающій гибель Гьюкунговъ. „Ты поздно говоришь объ этомъ, отвѣчаетъ Гуннаръ своей женѣ, которая тоже уговариваетъ его остаться: мы должны ѣхать, хотя многое доказываетъ, что жить намъ остается недолго“. Передъ стѣнами города Атли, убѣдившись, что часъ ихъ насталъ, Гьюкунги убиваютъ Винги. Тутъ-же и начинается неровная битва. Услыхавъ шумъ сраженія, Гудруна сбросила свое платье, схватила обнаженный мечъ и оружіемъ защитила своихъ друзей; отъ ея руки палъ братъ Атли. „Хороши у меня зятья, говоритъ съ горькой ироніей Атли: они убили сестру мою! Да хороша и жена!“ Битва продолжается. Гуннаръ и Хёгни ослабѣли отъ ранъ и должны умереть. Атли требуетъ отъ Гуннара, чтобъ онъ сказалъ ему, куда спряталъ онъ кладъ Фафнира. „Когда я буду держать въ рукѣ теплое сердце моего брата Хёгни, я скажу вамъ объ этомъ“. Атли приказываетъ вырѣзать сердце у Хёгни, но гунны, жалѣя храбраго воина, рѣшились обмануть своего короля. Въ свитѣ Гьюкунговъ былъ трусъ Хіалли; у него-то и вырѣзали они сердце. „Дрожитъ оно теперь на блюдѣ, говоритъ Гуннаръ: въ груди дрожало оно еще больше: это не сердце моего брата!“ Во 2-й пѣсни Хёгни, увидавъ, какъ Хіалли бился подъ ножемъ, какъ кричалъ онъ и молилъ о пощадѣ, прежде чѣмъ желѣзо коснулось его груди, сказалъ: „Мнѣ легче самому съиграть въ эту игру! Кому охота слушать такой визгъ? Вотъ моя грудь!“ Громко смѣялся онъ, когда ножъ вошелъ въ его тѣло, со смѣхомъ и умеръ онъ. Сердце Хёгни принесли Гуннару. „Вотъ это сердце моего храбраго брата, сказалъ Гуннаръ, взявъ его въ руку: не дрожитъ оно теперь; еще меньше дрожало оно въ груди его. Теперь я спокоенъ: я опасался, пока насъ было двое, что тайна клада сдѣлается извѣстной Атли. Теперь не добьется онъ отъ меня ни слова!“ Король приказалъ бросить Гуннара въ башню, наполненную змѣями. Руки его были связаны; ногами игралъ онъ на арфѣ и усыпилъ всѣхъ змѣй; только одна ехидна не заснула и высосала его печень. Для совершенія тризны по убитымъ гуннамъ и нифлунгамъ, Атли задалъ пиръ. Гудруна, мстя за смерть братьевъ, убила двухъ сыновей своихъ и дала кровь ихъ, смѣшанную съ медомъ, пить Атли; потомъ

*) Тидрекъ упоминается и въ предыдущей пѣснѣ: 30 своихъ витязей привелъ онъ на службу и потерялъ ихъ всѣхъ.

**) Гренландія — южная часть Норвегіи.

Digitized by Google

убила и мужа и сожгла дворецъ со всѣми тамъ находившимися. Двѣ послѣднія пѣсни (Гудруна подстрекательница и пѣснь о Хамдирѣ) излагаютъ послѣдующую судьбу несчастной дочери Гьюки: покончивъ съ Атли, она желала покончить и съ собою и бросилась въ море. Но волны вынесли ее въ царство Іонакура, который женился на ней и прижилъ съ нею троихъ сыновей: Сöрли, Хамдира и Эрна. Свою дочь отъ Зигурда, Сванхильду, Гудруна согласилась выдать за богатаго короля Іöрмунрека. Но злой совѣтникъ послѣдняго, Бикки, посовѣтовалъ жениться на ней сыну королевскому Рандверу, и самъ-же донесъ объ этомъ королю. Рандвера Іöрмунрекъ повѣсилъ, а Сванхильду велѣлъ растоптать лошадьми. Гудруна уговорила сыновей своихъ мстить за Сванхильду; Сöрли и Хамдиръ по дорогѣ убили Эрна, который, какъ имъ показалось, обѣщалъ имъ недостаточно дѣятельную помощь, отрубили Іöрмунреку руки и ноги, но и сами были убиты готами.

Несмотря на высокую степень художественности пѣсенъ о Нифлунгахъ, на характеръ сѣдой древности, какой придаютъ имъ кровавыя подробности, простота и несложность отношеній и отсутствіе указаній на черты культуры христіанской, мы должны признать первенство не за скандинавской, а за нѣмецкой редакціей сказанія.

Основа второй половины сказанія о Нифлунгахъ чисто историческая. Хроника аквитанца Проспера подъ 435 г. сообщаетъ: «Въ это же время, Гундикарія, короля бургундовъ, живущаго въ Галліи, Аэцій смирилъ войною и по его моленію далъ ему миръ. Миромъ этимъ пользовался Гундикарій недолго. Гунны истребили его съ народомъ его и племенемъ» *). На историческомъ же фактѣ основано и преданіе о гибели Атли отъ жены германки: Аттила умеръ отъ изліянія крови въ ночь брака своего съ Ildico **). Къ числу историческихъ лицъ принадлежитъ и Тидрекъ—Теодорихъ Великій, который подъ именемъ Дитриха Бернскаго сталъ главнымъ героемъ нѣмецкаго эпоса. Основа первой части сказанія—подвиги и гибель Зигурда, нѣмецкаго Зигфрида, остается до сихъ поръ темною; надо полагать, что оно возникло на материкѣ Европы и пользовалось извѣстностью у нидерландскихъ франковъ въ эпоху Меровинговъ ***); по мнѣнію Ессена, оно было перенесено прямо съ материка въ Норвегію и Исландію въ X вѣкѣ. Гдѣ оно слилось съ преданіемъ о гибели бургундскаго королевскаго дома—вопросъ спорный; мы склонны думать, что это произошло еще на материкѣ Европы. Сильно развитая, выработанная на гимнахъ и похвальныхъ одахъ, сѣверная поэзія отнеслась къ пришлымъ сказаніямъ очень самостоятельно; историче-

*) Eodem tempore Gundicarium Burgundionum regem intra Gallias habitantem Aetius bello obtrivit pacemque ei supplicanti dedit. Qua non diu potitus est: si quidem illum Chunni cum populo suo ac stirpe deleverunt.

**) Ildico—уменьшительное отъ Hilde; Hilde вм. Krimhilde, ср. Bera вм. Kostbera.

***) Что у скандинавовъ это не туземное, а пришлое сказаніе, доказывается самой Эддой: въ Scufiötlalok Зигмундъ называется королемъ франковъ; Brynhildar kvidha ссылаетъ на „нѣмецкихъ мужей“ и т. д.

Digitized by Google

ская обстановка и историческія идеи исчезли; даже Теодорихъ и Аттила обратились въ мелкихъ конунговъ; объемъ силы и геройства дѣйствующихъ лицъ раздвинулся до предѣловъ сверхестественныхъ; волшебство. предвѣдѣніе будущаго, способность превращаться въ животныхъ замѣнили простыя человѣческія отношенія. На Зигурда съ туземнаго героя Хельги перенесено преданіе о сватовствѣ за валькирію *). Вторая часть сказанія измѣнена существенно, чтобы приспособиться къ сѣвернымъ нравамъ: не за мужа братьямъ, а за братьевъ второму мужу мститъ героиня. Жизнь героини продолжена, чтобы слить съ этимъ полюбившимся скандинавамъ сюжетомъ тоже историческое, рано принесенное съ материка сказаніе о смерти Эрманриха, короля ост-готовъ. Мало того: изъ генеалогическихъ цѣлей, чтобы прославить туземныхъ героевъ, присочинена (впрочемъ, не въ Эддѣ, а въ позднѣйшихъ сагахъ) исторія дочери Змурда Аслауги, отъ которой будто бы происходилъ Рагнаръ Лодброкъ.

Такъ-называемая Младшая Эдда **) приписывается Снорре Стурласону (род. 1178 г., убитъ 1241), но составлена на самомъ дѣлѣ многими авторами и въ разное время съ цѣлью служить одновременно и пособіемъ и руководствомъ для скальдовъ. Въ первыхъ двухъ ея отдѣлахъ (Ослѣпленіе Гильфы и разсказы Браге) мы находимъ систематическое и обстоятельное, хоть и заключенное въ вымышленныя рамки, обозрѣніе сѣверной космологіи и миѳологіи съ цитатами изъ старыхъ пѣсенъ. Въ 3-мъ отдѣлѣ—«Ученіе объ искусствѣ поэзіи» помѣщено разъясненіе употребляемыхъ скальдами поэтическихъ описаній и пр. Въ 4-мъ отдѣлѣ—«Перечисленіе видовъ стиха»—несомнѣнно принадлежащемъ Снорре, заключается метрика съ примѣрами ***). Къ этимъ 4-мъ отдѣламъ въ рукописяхъ присоединяются обыкновенно четыре разсужденія по грамматикѣ и риторикѣ, составленныя въ XII и XIII столѣтіяхъ. Кромѣ того, во второй части Эдды находится связное изложеніе многихъ сказаній о герояхъ (въ томъ числѣ о Зигурдѣ и Гьюкунгахъ), служащее прекраснымъ комментаріемъ къ пѣснямъ.

Стиль поэзіи скальдовъ скоро дошелъ до крайней степени искусственности и умышленной темноты: ни одинъ предметъ не назы-

*) Зигурдрифа первоначально не имѣла ничего общаго съ Брингильдой; даже Grípisrá различаетъ ихъ.

**) Въ старыхъ рукописяхъ она не носитъ имени Эдды, но въ XIV в. поэтическое искусство называлось: *Eddulist* и законы поэзіи (въ виду третьей части сборника) называются: *Eddureglur*.

***) Основа древне-скандинавскаго стихосложенія—строфы и аллитерація; строфа состоитъ изъ 8 стиховъ, изъ которыхъ каждые 4 заключаютъ въ себѣ отдѣльную мысль. Въ произведеніяхъ позднѣйшихъ скальдовъ метрика разнообразнѣе; тамъ встрѣчается ассонансъ и даже риѳма.

Digitized by Google

вался своимъ собственнымъ именемъ; всѣ существительныя замѣнялись синонимами или описательными выраженіями, имѣющими отношеніе къ миѳологіи и героологіи и непонятными безъ толкованій. Такъ напр. золото называлось слезами Фреи—по миѳу, Фрея плакала золотыми слезами, когда ее покинулъ супругъ Одъ; висѣлица — конемъ Хагбарда—на висѣлицѣ кончилъ жизнь свою норвежскій витязь Хагбардъ, любовникъ датской королевны; *воинъ* замѣнялся описаніемъ: махатель меча; *мечъ*—огонь щита, *щитъ*—боевая крыша и т. д. Особенно поэтичнымъ считалось вплетать одно описаніе въ другое; такъ вмѣсто *воинъ* говорили: «махатель огня боевой крыши». Вотъ для образца, въ буквальномъ переводѣ, отрывокъ изъ пѣсни одного исландскаго скальда: «Луна бровей одѣтой въ бѣлое богини луковаго супу блеснула на меня по соколиному съ свѣтлаго неба бровей; но блескъ луны вѣждъ богини золотыхъ колецъ съ тѣхъ поръ причиняетъ несчастіе мнѣ и богинѣ колецъ». На простомъ языкѣ это значитъ: женщина въ бѣломъ бросила на меня соколиный взглядъ, и съ тѣхъ поръ мы оба несчастны.

Пониманіе пѣсенъ скальдовъ еще болѣе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что за стѣсненія, которыя претерпѣвали они касательно выраженій, они вознаграждали себя необыкновенной свободой конструкціи; мало того: чѣмъ менѣе на своемъ мѣстѣ стояло слово, тѣмъ это считалось изящнѣе.

Поэзія скальдовъ начинаетъ падать въ концѣ XIII в.; въ это время въ земляхъ скандинавскихъ, особенно на Исландіи, процвѣтала проза: національная исторіографія (одинъ изъ лучшихъ ея представителей тотъ же Снорре) и сага. Раннія собранія сагъ весьма важны для исторіи скандинавской и германской поэзіи, такъ какъ въ нихъ находимъ мы пересказы скандинавскихъ или зашедшихъ устнымъ путемъ изъ Германіи преданій (важнѣе другихъ Вользунга-сага и Тидрекъ-сага); впослѣдствіи же въ излюбленную форму сагъ перелагали и переводные рыцарскіе романы и легенды.

Эпическія преданія Германцевъ, оставшихся на континентѣ, слагались, какъ было сказано выше, со времени переселенія народовъ. Это героическій періодъ германскихъ племенъ, соотвѣтствующій такому же періоду въ исторіи Греціи. Но греки были счастливѣе нѣмцевъ въ томъ отношеніи, что въ ихъ героическій періодъ случилось событіе, ставшее потомъ поэтическимъ центромъ, стянувшее къ себѣ преданія о событіяхъ предшествующихъ и послѣдующихъ, — троянская война. Героическій періодъ германцевъ не имѣлъ такого центральнаго событія; походъ Аттилы только въ весьма слабой степени исполнялъ его роль. Кромѣ того, нѣмецкія племена были такъ мало связаны между собой, такъ раскиданы, что событіе,

Digitized by Google

важное для одной группы ихъ, оставалось неизвѣстнымъ въ другихъ. Наконецъ греки счастливѣе нѣмцевъ и въ томъ отношеніи, что у нихъ грамотники не отдѣлялись отъ народа, эпическія сказанія и пѣсни долгое время служили какъ знати, такъ и низшему классу единственнымъ средствомъ знакомиться съ родной стариной; тогда какъ у германцевъ вмѣстѣ съ христіанствомъ явилась латинская исторіографія духовенства, самое существованіе которой, по тонкому и вѣрному замѣчанію Гервинуса, удаляло нѣмецкія саги, а слѣдовательно и пѣсни, отъ исторической истины.

Напрасны были труды Карла Великаго: раннія эпическія пѣсни германцевъ пропали для потомства. О содержаніи ихъ мы можемъ получить понятіе только по позднѣйшимъ искусственнымъ поэмамъ; объ ихъ формѣ и стилѣ— только по одному драгоцѣнному памятнику, отрывку пѣсни о Гильдебрантѣ. Отрывокъ этотъ записанъ на первой и послѣдней оборотныхъ страницахъ деревяннаго, обтянутаго кожей, переплета латинскаго молитвенника двумя монахами Фульдскаго монастыря, въ концѣ VIII вѣка. Приводимъ его въ близкомъ переводѣ *):

„Я слышалъ разсказъ о томъ, какъ вызвали другъ друга на поединокъ Гильдебрантъ и Гадубрантъ между двумя войсками, людьми сына и отца; они изготовили свои доспѣхи, оправили свою боевую одежду; опоясались герои своими мечами сверхъ кольчугъ, такъ какъ они съѣзжались на бой. Заговорилъ Гильдебрантъ, сынъ Герибранта; онъ былъ старше лѣтами и разсудительнѣе умомъ; онъ началъ кроткими словами, кто его отецъ изъ мужей въ народѣ и какого ты роду-племени?— Назовешь ты, дитя, мнѣ одного, я уже знаю другихъ: извѣстенъ мнѣ весь народъ на землѣ.—Сказалъ Гадубрантъ, сынъ Гильдебранта: „говорили мнѣ наши люди, старые и опытные, которые прежде жили, что Гильдебрантъ звался мой отецъ, а я называюсь Гадубрантъ; давно ушелъ онъ на востокъ, убѣгалъ онъ отъ злобы Отахера **), (ушелъ) туда съ молодцами. Онъ оставилъ на родинѣ сиротами жену въ домѣ (и) малаго сына, лишенныхъ наслѣдства; поѣхалъ онъ на востокъ. Позднѣе Дитрихъ лишился моего отца. Это былъ такой лишенный друзей человѣкъ; на Отахера гнѣвался онъ, храбрѣйшій изъ витязей, пока Теодрихъ не лишился его. Онъ всегда былъ во главѣ народа; битва всегда была люба ему; извѣстенъ онъ былъ смѣлымъ людямъ; не надѣюсь я живымъ его видѣть“.—Знаешь ли, сказалъ Гильдебрантъ: клянусь Богомъ небеснымъ, что тебѣ еще никогда не приходилось имѣть дѣло съ столь близкимъ человѣкомъ! — Онъ снялъ тогда съ руки крученыя кольца, сдѣланныя изъ императорскихъ золотыхъ, какъ ему далъ ихъ король, властитель гунновъ.—Это даю я тебѣ по расположенію.—Отвѣчалъ Гадубрантъ, сынъ Гильдебранта: „Дары добывать нужно копьемъ, остріе противъ острія. Видно, ты, старый гуннъ, очень хитеръ: манишь меня словами, а самъ хочешь сбросить меня копьемъ; а старъ ты, стало быть, всю жизнь лукавилъ. Сказали мнѣ плавающіе на западѣ по Вендильскому (Средиземному) морю, что его похитилъ бой. Умеръ Гильдебрантъ, сынъ Герибранта“. Сказалъ Гильдебрантъ, сынъ Герибранта:—„Хорошо вижу я по твоему вооруженію, что у тебя дома добрый господинъ, что ты

*) По тексту Goedeke: Deutsche Dicht. im Mittelalter.

**) Одоакра.

Digitized by Google

при этомъ царствѣ не былъ еще изгнанникомъ. Но горе, могучій Боже! сказалъ Гильдебрантъ: несчастіе совершается! 60 лѣтъ и зимъ бродилъ я внѣ родины, тамъ, гдѣ меня всегда ставили въ ряды мечущихъ копья. Ни передъ однимъ бургомъ не унесла меня смерть, а теперь мое родное дитя должно меня мечомъ разрубить, сталью поразить, или я долженъ быть его убійцей! Ну вотъ, можешь ты легко, если у тебя хватитъ силы, добыть вооруженіе у столь славнаго мужа, отнять добычу, когда на то будешь имѣть право. Да будетъ трусливѣйшимъ изъ восточныхъ людей, сказалъ Гильдебрантъ, кто помѣшаетъ теперь тебѣ въ битвѣ, которая такъ тебя манитъ. И такъ, битва бойцовъ должна рѣшить, кто сегодня лишится вооруженія и кто будетъ владѣть этими обѣими бронями!—И вотъ ударились они сперва ясеневыми копьями сильнымъ ударомъ, такъ что копья остались въ щитахъ, потомъ, ударились щитами, начали жестоко рубить свѣтлые щиты, пока не изрубили ихъ въ конецъ и съ деревомъ, и съ кожей...“

На этомъ обрывается древняя пѣсня; въ позднѣйшемъ пересказѣ побѣдителемъ остается отецъ, но не убиваетъ сына, а ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ домой. Какъ ни коротокъ, какъ ни плохо записанъ этотъ отрывокъ, изъ него не трудно видѣть, что древнею формой нѣмецкаго эпоса была недлинная пѣснь (кантилена, былина), излагающая одинъ важный моментъ изъ жизни героя, но по тону мало похожая на пѣснь англо-саксонскую, а еще менѣе на пѣснь «Эдды»: вмѣсто лирико-дидактическаго паѳоса находимъ мы здѣсь эпическое спокойствіе, ясность и обстоятельность; вмѣсто сверхъестественнаго—человѣческое, вмѣсто преувеличенія—естественность, вмѣсто миѳа—исторію, какъ понималъ ее народъ.

Намъ пришлось бы непосредственно отъ пѣсни о Гильдебрантѣ перейти къ эпическимъ поэмамъ рыцарскаго времени (отъ VIII вѣка къ концу XII), еслибы, на наше счастье, нѣкоторые монастырскіе грамотѣи времени Оттоновъ не упражнялись въ латинской метрикѣ надъ сюжетами національнаго эпоса.

Около 930 г. с.-галленскій монахъ, впослѣдствіи аббатъ Эккегардъ († 978 г.), избралъ для такихъ упражненій слышанную или читанную имъ въ юности нѣмецкую поэму о Вальтерѣ Аквитанскомъ, которую онъ и обработалъ въ латинскихъ гекзаметрахъ. Его трудъ не дошелъ до насъ, но около ста лѣтъ спустя, ученый аббатъ того же монастыря Эккегардъ IV († около 1060 г.) передѣлалъ его поэму, и эта-то передѣлка, какъ предполагаютъ *), и сохранилась до нашего времени. Вотъ ея содержаніе:

Король Аттила задумалъ съ своими гуннами походъ на западъ; въ землю франковъ, въ городъ Вормсъ устремляются они, незваные. Въ это время франками правилъ король Гибихъ; посовѣтовавшись съ своими, онъ не отважился на сопротивленіе и рѣшилъ выдать заложниковъ. Сынъ его Гунтеръ былъ еще слишкомъ малъ, и онъ послалъ къ гуннамъ своего родственника Гагена. Подчинился Аттилѣ и бур-

*) Утверждать этого положительно мы не можемъ: въ прологѣ парижской и брюссельской рукописей авторомъ называетъ себя нѣкто *Geraldus*.

Digitized by Google

гундскій король Геррихъ; онъ выдалъ гуннамъ свою прекрасную дочь Гильдегунду. Третьимъ заложникомъ изъ земли франковъ поѣхалъ Вальтари, сынъ аквитанскаго короля Альфера. Вмѣстѣ съ заложниками короли препроводили Аттилѣ и богатые дары. Весело возвратились гунны послѣ счастливаго похода, а царственныхъ заложниковъ Аттила воспиталъ при дворѣ своемъ, какъ собственныхъ дѣтей. Когда умеръ Гибихъ, его сынъ и наслѣдникъ Гунтеръ отказался платить дань, а франкскій заложникъ Гагенъ счастливымъ побѣгомъ избавился отъ мщенія Аттилы. Королева гунновъ, опасаясь того же и со стороны Вальтари, совѣтуетъ мужу „опутать соколенка гуннскою красною дѣвицей", но Вальтари ловко отклоняетъ это предложеніе: въ битвѣ храбрѣе бьется тотъ, кому не приходится думать о женѣ и дѣтяхъ. Однажды изъ жаркаго боя вернулся во дворецъ утомленный Вальтари; въ залѣ нашелъ онъ одну Гильдегунду; оба они знали, что еще въ дѣтствѣ отцы обручили ихъ другъ другу. Онъ попросилъ пить и, обнявъ красавицу, предложилъ ей вмѣстѣ съ нимъ бѣжать изъ земли гунновъ. „Зачѣмъ языкъ твой говоритъ то, чего не мыслитъ твое сердце?" печально отвѣтила Гильдегунда. Но когда Вальтари настойчиво заявилъ, что таково его давнишнее желаніе, Гильдегунда упала къ его ногамъ изъ благодарности; она готова съ нимъ на всѣ труды и опасности.

Семь дней спустя, ночью, когда гунны напились съ радости по поводу одержанной побѣды, Гильдегунда, исправлявшая при дворѣ должность смотрительницы за сокровищами, набрала два мѣшка драгоцѣнностей и приготовила припасовъ на дорогу и рыболовную сѣть; Вальтари вывелъ тихонько изъ конюшни своего коня, и они отправились.

Прекрасно пересказана сцена во дворцѣ короля гунновъ, бывшая послѣдствіемъ бѣгства. Аттила проснулся съ отуманенной, больною головой. „Позовите скорѣй Вальтари! кричитъ онъ: онъ, какъ добрый дружинникъ, долженъ раздѣлить горе своего государя и подать опохмѣлиться". Въ тоже время выходитъ и королева: „Гдѣ это заспалась Гильдегунда, что не несетъ мнѣ платья?" Когда истина обнаружилась, король цѣлый день ничего не ѣлъ и ночью то вертѣлся съ боку на бокъ, то садился на своей постели, то шагалъ по комнатѣ. На третій день догадался онъ послать погоню; онъ обѣщалъ осыпать золотомъ того, кто приведетъ ему связаннымъ Вальтари — „хитрую лисицу"; но не нашлось ни графа, ни герцога, ни свободнаго воина, ни раба, который рѣшился бы въ полѣ перевѣдаться съ Вальтари. Между тѣмъ бѣглецы, подвигаясь непроложенными дорогами, на четырнадцатый день достигли Рейна близь Вормса. За перевозъ Вальтари заплатилъ пойманною имъ въ Дунаѣ рыбой. Эта рыба попала на столъ короля Гунтера. Гунтеръ и Гагенъ, разспросивъ перевозчика, догадались, кто неизвѣстные странники, и Гунтеръ, не смотря на увѣщанія Гагена, рѣшилъ отнять у Вальтари сокровища гунновъ, будто бы въ вознагражденіе за дань, которую отецъ его когда-то платилъ Аттилѣ.

Въ Вогезскихъ горахъ, развьючивъ лошадь, Вальтари рѣшился отдохнуть; онъ положилъ голову на колѣна Гильдегунды и велѣлъ ей наблюдать за окрестностью. Вдругъ она увидѣла облако пыли: то ѣхали Гунтеръ съ Гагеномъ и лучшими дружинниками. Гильдегунда приняла ихъ сперва за гунновъ и умоляла Вальтари убить ее, чтобы не достаться въ руки врагамъ. Но Вальтари узналъ франковъ и своего прежняго друга Гагена. Только его одного боится онъ изъ всей толпы. Начинаются переговоры: Гунтеръ требуетъ выдачи всѣхъ сокровищъ, коня и дѣвицы; Вальтари готовъ дать сто золотыхъ пряжекъ. Гагенъ уговариваетъ своего государя согласиться: онъ знаетъ, какіе удары наноситъ Вальтари, и, кромѣ того, онъ въ эту ночь видѣлъ вѣщій сонъ, будто Гунтеръ и онъ дрались съ медвѣдемъ; Гунтеръ лишился при этомъ ноги, а онъ, Гагенъ, глаза. Во всякомъ случаѣ онъ не хочетъ

Digitized by Google

принимать участія въ битвѣ. Вальтари убиваетъ, то въ одиночномъ бою, то по нѣскольку сразу, всѣхъ спутниковъ Гунтера, въ томъ числѣ и Гагенова племянника. Тогда король падаетъ къ ногамъ Гагена и умоляетъ его отмстить за франковъ. Наконецъ Гагенъ сдается. Онъ увѣренъ, что Вальтари нельзя побѣдить на узкой горной тропинкѣ, его необходимо выманить въ открытое поле. Гагенъ и Гунтеръ скрылись; на утро Вальтари и Гильдегунда съ своими сокровищами и отбитыми въ бою конями пустились въ путь. На дорогѣ на нихъ нападаютъ Гунтеръ и Гагенъ. Не отвѣчая на вызывающія рѣчи Гунтера, Вальтари обращается къ Гагену: „Развѣ такъ думалъ я встрѣтиться съ тобою, старымъ другомъ? Я надѣялся, ты встрѣтишь меня объятіями!“ Мрачно отвѣчаетъ ему Гагенъ: „Ты сперва употребляешь насиліе, а потомъ лесть. Ты первый нарушилъ вѣрность, убивъ моего племянника“. Начинается нечестная битва двоихъ противъ одного. Брошенныя врагами копья не сдѣлали вреда Вальтари, но и онъ напрасно метнулъ свое копье. Могучимъ ударомъ меча онъ отрубилъ Гунтеру ногу, и тотъ упалъ полумертвый; Вальтари ударилъ на Гагена, но мечъ его разлетѣлся въ куски. Гагенъ отрубилъ ему неосторожно выставленную правую руку. Силой воли побѣдивъ мучительную боль, Вальтари лѣвою рукой захватилъ кривую гунскую саблю, которая висѣла у него на боку и однимъ ударомъ вырубилъ Гагену глазъ и шесть зубовъ. Тогда всѣ трое оказались не въ состояніи биться; раны горѣли, и бойцовъ мучила лютая жажда. Гильдегунда подошла и перевязала имъ раны. „Теперь принеси намъ вина! сказалъ ей Вальтари: мы честно заработали его. Первымъ пусть выпьетъ Гагенъ: онъ былъ вѣренъ королю и храбро сражался; вторымъ выпью я: мнѣ пришлось хуже всѣхъ; а послѣднимъ выпьетъ Гунтеръ“. Но когда Гильдегунда подошла къ Гагену, тотъ отказался, какъ ни страдалъ онъ отъ жажды: „Первымъ долженъ выпить твой повелитель Вальтари: онъ храбрѣе меня и всѣхъ остальныхъ!“ И недавніе враги пили изъ одного кубка, и одинъ шутилъ надъ ранами другаго. Потомъ Гагенъ и Вальтари отнесли короля на коня, и франки поѣхали къ Вормсу, а Вальтари домой. „Тамъ, принятый съ большимъ почетомъ, онъ торжественно отпраздновалъ свою свадьбу съ Гильдегундой. По смерти отца, всѣмъ любезный, онъ тридцать лѣтъ управлялъ своимъ народомъ; его войны и многочисленныя побѣды отказывается описать притупленный стиль“ *).

Не смотря на латинскій гекзаметръ, не смотря на ученость автора (онъ пользуется Виргиліемъ, упоминаетъ Гомера, знаетъ, хотя употребляетъ не всегда къ мѣсту, миѳологическія имена), не смотря на благочестивыя молитвы, вставленныя поэтомъ-монахомъ, «Valtarius»— одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ нѣмецкой національной поэзіи: это почти единственный представитель средней, переходной формы между былиной, въ родѣ пѣсни о Гильдебрантѣ, и литературно-обработанной поэмой, въ родѣ Нибелунговъ. Здѣсь больше искусства, чѣмъ въ поэмѣ, и нѣтъ искусственности, подкрашиванья, модныхъ замашекъ позднѣйшихъ поэмъ. Нравы, въ общихъ чертахъ, вѣрно изображаютъ древне-нѣмецкую дѣйствительность; обычай брать въ заложники принцевъ и принцессъ былъ чрезвычайно распространенъ въ эпоху готско-гунскаго движенія. Нѣжно-деспотическія отноше-

*) Qualia bella de hinc, vel quantos saepe triumphos
Coeperit, ecce stylus renuit signare retusus.
Grimm и Schmeller: Lat. Ged., 53.

Digitized by Google

нія жениха къ невѣстѣ, трагическая коллизія между обязанностью помогать своему государю и мстить за убитаго родственника съ одной стороны, и невозможностью драться противъ стараго товарища по оружію—съ другой, свирѣпыя битвы изъ-за добычи, свирѣпо-добродушныя шутки послѣ битвы—все это дѣйствительность нѣсколько грубая, но не лишенная высокой поэзіи. Монаху-латинисту потомство глубоко благодарно не только за сохраненіе сюжета, но и за сохраненіе колорита нѣмецкой старины; для знакомства съ жизнью и понятіями германца въ героическое время, его латинская поэма даетъ больше, чѣмъ десятки нѣмецкихъ поэмъ, составляющихъ циклъ Дитриха Бернскаго; только «Нибелунги» и «Кудруна» могутъ въ этомъ отношеніи равняться съ «Вальтари» *).

„Нибелунги“. Исторія ученой критики «Нибелунговъ» любопытна, пожалуй, не менѣе самой поэмы.

Въ 1-й главѣ мы имѣли случай упомянуть о первомъ изданіи этой поэмы и о томъ, какъ мало сочувствія оказали ей передовые люди того времени **). Тамъ же упоминали мы вскользь и о томъ горячемъ интересѣ, какой возбуждали «Нибелунги» въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Уже съ первыхъ годовъ его появляются переводы и пересказы; въ 1810 г. одинъ изъ переводчиковъ, фонъ-деръ Гагенъ, издаетъ полный текстъ съ приложеніемъ разночтеній; не смотря на этотъ ученый аппаратъ, старанія фонъ-деръ Гагена дать критическое изданіе на этотъ разъ безусловно не удались; удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи его же изданіе 1816 г. Но честь перваго строго научнаго изслѣдованія «Нибелунговъ» всецѣло принадлежитъ Лахману.

Лахманъ приступилъ къ изученію «Нибелунговъ» съ предвзятой

*) Другая латинская поэма, которую прежде сопоставляли съ „Вальтари“,—*Руодлибъ*—принадлежитъ къ другому роду поэзіи и къ другой эпохѣ. „Руодлибъ“ написанъ около 1050 г. и съ національнымъ эпосомъ имѣетъ гораздо меньше общаго, чѣмъ позднія поэмы. Это, по словамъ В. Шерера, первый рыцарскій романъ; въ основѣ его вымыселъ, служащій дидактическимъ цѣлямъ и украшенный мотивами нѣсколькихъ новеллъ и отзвуками героической саги. Содержаніе его: исторія витязя, который, покинувъ свое отечество, отправился служить королю Африки; въ награду за 10-лѣтнюю службу онъ получаетъ два хлѣба, наполненные золотомъ, и 12 мудрыхъ изрѣченій (напр., не довѣряйся рыжему, не топчи жатвы, не проѣзжай мимо церкви, не помолившись въ ней и т. д.) Справедливость всѣхъ этихъ совѣтовъ Руодлибъ испытываетъ на дѣлѣ. Романъ дошелъ до насъ въ отрывкахъ.

**) Полному изданію 1782 г. на много лѣтъ предшествовало изданіе одной послѣдней части (1757 г. Chrimhilden Rache u. die Klage, zwey Heldengedichte aus dem schwäbischen Zeitpunkte etc. Zürich). Самъ издатель (Бодмеръ) считалъ мало вѣроятнымъ, чтобы когда нибудь оказалась надобность въ полномъ изданіи; для чести швабскаго періода, говоритъ онъ, лучше, если не все будутъ извлекать на свѣтъ, что валяется въ пыли.

Digitized by Google

идеей. Горячій приверженецъ теоріи Вольфа въ гомеровскомъ вопросѣ, исходя изъ убѣжденія, что народныя пѣсни сами по себѣ верхъ художественности, что ихъ портятъ и разбавляютъ водой позднѣйшіе поэты-собиратели, онъ задался мыслію отдѣлить въ «Нибелунгахъ» подлинныя пѣсни отъ позднѣйшихъ наростовъ.

«Нибелунги» дошли до насъ въ десяти полныхъ рукописяхъ и многихъ отрывкахъ; изъ полныхъ рукописей три написаны на пергаментѣ и относятся къ XIII столѣтію; семь остальныхъ относятся къ XIV, XV и XVI вѣкамъ. Рукописи XIII вѣка A, B и C представляютъ весьма несходный текстъ: A короче другихъ, C пространнѣе другихъ, а B занимаетъ между ними середину; значительное большинство позднѣйшихъ рукописей и отрывковъ примыкаютъ къ среднему тексту B. Какой же изъ этихъ трехъ типовъ есть оригиналъ и какіе—передѣлки?

Лахманъ пришелъ къ заключенію, что A ближе другихъ къ пѣснямъ, которыя въ немъ наименѣе подверглись порчѣ; B и C—позднѣйшія передѣлки A. Пустивъ въ ходъ пріемы несомнѣнно остроумные, но иногда слишкомъ тонкіе и искусственные, Лахманъ изъ 2316 строфъ рукописи A выкинулъ 879, какъ неумѣстныя добавки собирателя, а остальныя 1437 раздѣлилъ на 20 пѣсенъ. Тотъ же Лахманъ позднѣе далъ объясненіе относительно исторіи возникновенія позднѣйшихъ текстовъ B и C и весьма остроумно разъяснилъ основу поэмы и ея отношеніе къ «Эддѣ». Далеко не всѣхъ убѣдилъ Лахманъ, но огромное большинство германистовъ приняли его теорію за неимѣніемъ лучшей, и долго никто не рѣшался рѣзко возставать противъ нея. Только въ 1851 г. въ критической статейкѣ *), посвященной одному изданію, основанному на теоріи Лахмана, Яковъ Гриммъ обратилъ вниманіе на одно курьозное обстоятельство: число строфъ въ каждой пѣснѣ Лахмана оказалось дѣлимымъ на 7, а изъ трудовъ Лахмана по классической филологіи было извѣстно, что этому священному числу Лахманъ придаетъ особенно важное значеніе; стало быть и здѣсь, не рѣшаясь открыто заявить о томъ—онъ самъ чувствовалъ, какъ странно предполагать мистическое уваженіе къ цифрѣ у безграмотныхъ и безсчетныхъ народныхъ пѣвцовъ—Лахманъ проводитъ свою седмиричную теорію. Это открытіе заставило заподозрѣть всѣ выводы Лахмана, и вновь пересмотрѣть все дѣло. Черезъ три года, противъ Лахмана выступили два германиста: Гольцманъ и Царнке. Отвергнувъ теорію механически слѣпленныхъ народныхъ пѣсенъ, они рѣшительно разошлись съ Лахманомъ въ вопросѣ о рукописяхъ. По ихъ мнѣнію, подробный текстъ C ближе всѣхъ къ оригиналу,

*) Götting. Gelehrt. Anz., стр. 1747.

Digitized by Google

а А есть произвольное и неудачное сокращеніе уже сокращеннаго текста В *). Между германистами произошелъ великій расколъ: Мюлленгофъ, Максъ Ригеръ, Лиліенкронъ защищали взглядъ Лахмана; Вильгельмъ Мюллеръ и Генрихъ Фишеръ высказались въ пользу новаторовъ. Въ 1862 г. выступилъ съ небольшой, но надѣлавшей много шуму, брошюркой Францъ Пфейферъ: онъ снова взялся за вопросъ, который давно считался безплоднымъ, и задумалъ отыскать автора «Нибелунговъ». Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго многіе дѣлали на этотъ счетъ болѣе или менѣе неосновательныя предположенія и приписывали великую поэму то тому, то другому изъ извѣстныхъ поэтовъ цвѣтущаго періода нѣмецкой поэзіи; теорія отдѣльныхъ народныхъ пѣсенъ развязала всѣмъ руки; теперь вопросъ объ авторѣ опять получилъ значеніе среди сторонниковъ Гольцмана и Царнке. Пфейферъ исходитъ изъ того положенія, что каждый средневѣковый поэтъ обязанъ былъ самъ выдумывать себѣ метръ, а метръ, которымъ написаны «Нибелунги», впервые пущенъ въ ходъ Кюренбергеромъ (между 1120 и 1140 гг.); слѣд. Кюренбергеръ—авторъ и «Нибелунговъ» въ ихъ первоначальной формѣ; но около 1190 г. поэма подверглась передѣлкѣ. Выводы Пфейфдра съ нѣкоторыми измѣненіями принялъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой (какъ германской, такъ и романской) литературы, Карлъ Барчъ **). Подготовившись къ изслѣдованію «Нибелунговъ» работой надъ нѣмецкой поэмой о Карлѣ Великомъ, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ несходныхъ редакціяхъ, и опираясь главнымъ образомъ на такія повидимому незыблемыя основаы, какъ языкъ, риѳма и постройка строфы, Барчъ приходитъ къ заключенію, что поэма въ первоначальномъ видѣ явилась между 1140 и 1150 гг. и авторомъ ея, вѣроятно, былъ Кюренбергеръ (австрійскій рыцарь), заимствовавшій сюжетъ изъ народныхъ пѣсенъ и преданій. Между 1170 и 1180 гг. поэма подверглась первой передѣлкѣ, а между 1190 и 1200 гг. почти одно-

*) Такимъ образомъ, по теоріи Лахмана, схема отношенія рукописей была

A
|
B
|
C

а по теоріи Гольцмана и Царнке

C
|
B
|
A.

**) Untersuchungen ueber das Nibelungenlied. 1875.

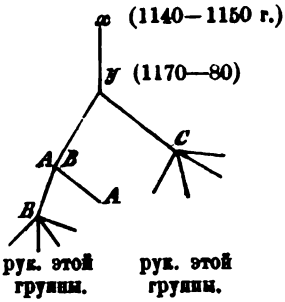
Digitized by Google

временно двумъ независимымъ передѣлкамъ, изъ которыхъ одну, болѣе близкую, представляютъ рукописи B и A (A—небрежная копія), а другую, болѣе далекую отъ оригинала, рукопись C *).

До настоящаго времени лучшимъ знатокомъ поэмы остается вышеупомянутый Царнке, профессоръ лейпцигскаго университета, ученый очень осторожный и осмотрительный; онъ предпочитаетъ откровенно сказать: «не знаю», тамъ, гдѣ другой на его мѣстѣ сталъ бы строить шаткую гипотезу; ему мы и будемъ слѣдовать во всѣхъ спорныхъ вопросахъ. Относительно основы первой части — исторіи Зигфрида — Царнке отзывается незнаніемъ, а для второй части— гибели Бургундскаго королевскаго дома — онъ принимаетъ основу историческую **). Пѣсни объ этомъ происшествіи сложились немного спустя послѣ самаго событія. Въ первой половинѣ XII вѣка пѣсня о томъ, какъ Кримгильда коварно завлекла своихъ братьевъ, пользовалась большою популярностью. Когда въ 1131 г. датскій король Магнусъ хотѣлъ заманить къ себѣ герцога Шлезвигскаго и пригласилъ его къ себѣ черезъ саксонскаго пѣвца Сиварда, тотъ, желая предупредить герцога, но не смѣя дѣйствовать открыто, по дорогѣ запѣлъ пѣсню о коварствѣ Кримгильды противъ братьевъ. По убѣжденію Царнке, составленная на основаніи пѣсенъ и сказаній поэма въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, уже существовала около 1200 г.: обычаи, границы областей и государствъ и народности представлены въ ней именно въ томъ видѣ, какой они имѣли въ XII вѣкѣ. Авторъ поэмы намъ неизвѣстенъ, равно какъ неизвѣстно и мѣсто созданія поэмы. Царнке имѣетъ нѣкоторыя данныя, доказывающія, что поэма возникла въ Тиролѣ, но не особенно стоитъ за свою гипотезу.

Въ вопросѣ о рукописяхъ Царнке остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, т. е. стоитъ за самую обширную редакцію—C. B—передѣлка ея, сама отличающая себя инымъ названіемъ поэмы; въ C это «Пѣснь

*) Схема Барча:



По законамъ филологической критики Барчъ пытается возобновить текстъ y.

**) См. выше, Сказаніе о нибелунгахъ.

Digitized by Google

о Нибелунгахъ» (Nibelunge liet), въ В это—«Горе Нибелунговъ» (Nibelunge nôt); А есть сокращеніе изъ В. Художественный тактъ и обширныя познанія автора С не подлежатъ сомнѣнію: у него нѣтъ тѣхъ географическихъ несообразностей, тѣхъ недосмотровъ, которыми изобилуютъ В и А.

Еще въ 1854 г. Гольцманъ сдѣлалъ важное и далеко не безъосновательное предположеніе относительно литературной исторіи поэмы. Почти во всѣхъ рукописяхъ за текстомъ «Нибелунговъ» слѣдуетъ лирическая, написанная двустишіями, поэма: «Жалоба» (Klage). Она ставитъ въ родственную связь съ погибшими бургундскими королями одно историческое лицо: пассаускаго епископа Пильгрима (971—991)*), который будто бы приказалъ своему писцу Конраду по латыни описать судьбу его родичей. Въ виду того, что въ X вѣкѣ, въ эпоху большаго развитія латинской поэзіи въ Германіи, многіе сюжеты народной пѣсни обработывались по-латыни, въ этомъ можно видѣть отзвукъ дѣйствительности. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь Конрадъ, епископскій писецъ, пересказалъ рядъ пѣсенъ и преданій въ латинской поэмѣ. Такъ какъ извѣстны случаи, когда въ эпоху развитія національной поэзіи нѣмецкіе поэты пользовались латинскими оригиналами, такъ какъ «Пѣснь о Нибелунгахъ», по тону и изложенію, очевидно предназначена не для безграмотной публики, а для читателей и слушателей высшаго класса, то нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что авторъ поэмы творилъ не на основаніи противорѣчивыхъ народныхъ пѣсенъ, а на основаніи латинскаго источника.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе поэмы:

Въ бургундской землѣ, въ Вормсѣ на Рейнѣ, стоялъ старый королевскій замокъ, гдѣ жила юная прекрасная принцесса Кримгильда, подъ защитой братьевъ своихъ Гунтера, Гернота и Гизельхера. Ей снится однажды, что она выростила сокола; вдругъ на него спускаются два орла и разрываютъ его на части своими когтями. Сильно опечаленная, Кримгильда разсказываетъ сонъ матери. „Соколъ, разъясняетъ та, означаетъ благороднаго супруга; не дай Богъ, чтобы ты рано его лишилась!“ Но Кримгильда не хочетъ и слышать о мужѣ. „Я схороню свою молодость и красоту, говоритъ она, чтобы не пришлось платить страданіемъ за любовь“. Такимъ образомъ первое предчувствіе будущей невыразимой боли закрадывается въ сердце Кримгильды.

Въ это время въ Нидерландахъ, въ Сантенѣ на Рейнѣ, жилъ молодой Зигфридъ, сынъ Зигмунда и Зигелинды, прославившійся своими подвигами еще въ ранней юности. Онъ посѣтилъ многія земли, чтобъ испытать свою богатырскую силу; красота и отвага его возбуждали общее удивленіе. День, когда его, вмѣстѣ съ 400 его товарищей, посвятили въ рыцари, былъ отпразднованъ при дворѣ его отца съ необыкновенной торжественностью. До Зигфрида доходятъ слухи о прекрасной Кримгильдѣ, и онъ рѣшается отправиться въ Вормсъ, просить ея руки. Отецъ и

*) Онъ два раза упоминается и въ „Нибелунгахъ“.

Digitized by Google

мать неохотно соглашаются отпустить его: имъ извѣстна сила и гордость бургундовъ; но не смотря на это, Зигфридъ уѣзжаетъ въ сопровожденіи 12 рыцарей. Въ Ворисѣ никто не знаетъ прекраснаго юноши. Короли посылаютъ за сильнѣйшимъ своимъ вассаломъ Гагеномъ, которому извѣстны всѣ чужія земли; онъ хотя никогда не видалъ юнаго вождя, но тотчасъ признаетъ его за Зигфрида. „Судя по величественной осанкѣ незнакомца, говоритъ онъ, это тотъ самый Зигфридъ, который покорилъ родъ Нибелунговъ, овладѣлъ ихъ огромнымъ сокровищемъ, отнялъ у карлика Альбериха въ горячемъ бою шапку-невидимку*), убилъ страшнаго дракона и купался въ его крови, такъ что кожа его съ тѣхъ поръ неуязвима какъ рога. Я совѣтую принять его какъ можно лучше, чтобы не навлечь его неудовольствія." Зигфрида принимаютъ великолѣпно; для него устраиваютъ веселые праздники и турниры. Кримгильда украдкой въ окно любуется на героя; Зигфридъ же въ продолженіе цѣлаго года, который провелъ онъ при дворѣ бургундскомъ, не имѣлъ случая видѣть ее.

Король саксовъ Ліутгеръ, вмѣстѣ съ датскимъ королемъ Ліутгастомъ, объявляетъ войну бургундамъ. Зигфридъ вызывается помочь Гунтеру; съ тысячью отборныхъ бургундскихъ витязей и съ своими спутниками отправляется онъ въ походъ. Одержавъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, онъ приводитъ королей плѣнными въ Ворисъ. Когда до Кримгильды дошла вѣсть о томъ, какъ отличился Зигфридъ, лицо ея отъ радости покрылось яркимъ румянцемъ, и она щедро наградила посла. Въ Троицынъ день, Гунтеръ устроиваетъ въ честь побѣдителей великолѣпный праздникъ, на который стекаются вельможи изъ близкихъ и дальнихъ странъ. Кримгильда съ матерью тоже приглашены туда. Сопровождаемая огромной свитой придворныхъ и дамъ, она появляется среди витязей, блистая юностью и красотой. Гунтеръ подвелъ Зигфрида къ сестрѣ; тотъ рыцарски поклонился ей: они украдкой взглянули другъ на друга, и вдругъ ихъ охватилъ могучій пылъ любви. Послѣ обѣдни Кримгильда стала благодарить его за помощь, оказанную братьямъ. „Изъ любви къ вамъ я служилъ имъ", отвѣчаетъ онъ. 12 дней продолжались праздники и Кримгильда ежедневно выходила къ гостямъ. Когда всѣ стали разъѣзжаться хотѣлъ уѣхать и Зигфридъ; но Гизельхеръ безъ труда уговорилъ его остаться.

Въ это время за моремъ, на Исландіи, жила королева Брунгильда, дѣва чудной красоты и силы. Многіе рыцари добивались ея любви, но она рѣшилась принадлежать только тому, кто побѣдитъ ее въ военныхъ играхъ; побѣжденный же подвергался смерти, и уже многихъ постигла эта печальная участь. Вдругъ Гунтеру вздумалось попытать счастья. Зигфридъ сначала пробуетъ отговорить его, но потомъ обѣщаетъ свое содѣйствіе съ тѣмъ, чтобы Гунтеръ въ награду отдалъ за него сестру свою. Въ сопровожденіи Гагена и Данкварта, богато снаряженные, на великолѣпномъ кораблѣ отправляются они на Исландію, и послѣ 12-дневнаго плаванія пріѣзжаютъ въ Изенштейнъ, столицу Брунгильды. Красиво возвышаются у морскаго берега ея дворцы и башни, выстроенные изъ зеленаго мрамора. Только одному Зигфриду извѣстны этотъ отдаленный замокъ и гордая его владѣтельница. Брунгильда ласково привѣтствуетъ Зигфрида и спрашиваетъ о цѣли его прибытія. Зигфридъ отвѣчаетъ: „Я вассалъ короля Гунтера, который пріѣхалъ къ тебѣ свататься". Начались приготовленія къ испытанію. Щитъ Брунгильды былъ такъ великъ, что его едва внесли четверо; потомъ принесли копье и камень, такой тяжелый, что его могли поднять только 12 человѣкъ. Гунтеръ ужаснулся, но Зигфридъ, надѣвъ шапку-невидимку, поспѣшилъ къ нему на помощь. Сильно метнула копьемъ Брунгильда въ щитъ, за которымъ скрывались Гунтеръ и невидимый Зиг-

*) Tarnkappe—точнѣе плащъ, дѣлающій невидимымъ.

Digitized by Google

фридъ; пошатнулся герой; но еще сильнѣе пустилъ Зигфридъ копье назадъ; отъ его удара Брунгильда упала на землю. Далеко бросила камень Брунгильда и далеко прыгнула за нимъ; но еще дальше бросилъ камень и сдѣлалъ скачекъ Зигфридъ, хотя ему приходилось нести съ собою и Гунтера. И такъ, не смотря на свою демонскую силу, Брунгильда побѣждена и должна стать женою Гунтера. Начинаютъ готовиться къ отъѣзду, а Зигфридъ, посѣтивъ свое нибелунгское царство и захвативъ богатыя сокровища, отправляется впередъ возвѣстить о побѣдѣ и о прибытіи будущей королевы. Радостно приняла его прекрасная Кримгильда. Гунтеръ по прибытіи домой исполнилъ обѣщаніе, и Кримгильду обручили съ Зигфридомъ. Брунгильда, увидавъ ихъ вмѣстѣ, начала горько плакать. Испуганный Гунтеръ спросилъ ее о причинѣ слезъ. „Я плачу о Кримгильдѣ, отвѣчаетъ она, потому что ты отдаешь ее за вассала". Въ брачномъ покоѣ Брунгильда еще разъ борется съ Гунтеромъ, который, лишенный на этотъ разъ помощи, долженъ постыдно сдаться. На другой день онъ разсказываетъ о томъ Зигфриду; тотъ еще разъ надѣваетъ шапку-невидимку, опять побѣждаетъ Брунгильду и беретъ у ней поясъ и кольцо, которые даритъ Кримгильдѣ всѣмъ на погибель.

По окончаніи свадебныхъ пиршествъ, Зигфридъ отправляется съ супругой на родину. Отецъ уступаетъ ему правленіе.

Прошло десять счастливыхъ лѣтъ. Кримгильда родила Зигфриду сына, названнаго въ честь дяди Гунтеромъ, какъ и сынъ Гунтера получилъ имя Зигфрида. Но для сердца Брунгильды все нѣтъ покоя: она считаетъ себя оскорбленной тѣмъ, что Зигфридъ не является ко двору, подобно прочимъ вассаламъ; Гунтеръ сперва старается успокоить ее словами, наконецъ принужденъ отправить пословъ къ Зигфриду, чтобы пригласить его на великое празднество. Всѣ въ одинъ голосъ совѣтуютъ Зигфриду принять приглашеніе, и онъ пускается въ путь въ сопровожденіи жены, старика-отца и огромной свиты; маленькаго сына они оставляютъ дома. Въ Вормсѣ гостей ожидаетъ блестящій пріемъ; звуки трубъ и флейтъ наполняютъ городъ.

Десять дней продолжались рыцарскія игры и веселые пиры; на одиннадцатый обѣ королевы сидѣли вмѣстѣ, и Кримгильда начала восхвалять Зигфрида. „Посмотри, какъ онъ красуется, говоритъ она, между героями, точно мѣсяцъ между звѣздами!" Брунгильда на это отвѣчаетъ: „Онъ все-таки только вассалъ Гунтера; онъ самъ сказалъ это, когда твой братъ сватался за меня". Кримгильда проситъ ее оставить такія оскорбительныя рѣчи; развѣ братья выдали бы ее за вассала? Но Брунгильда настаиваетъ на своемъ. Подъ-конецъ Кримгильда въ негодованіи восклицаетъ, что докажетъ ей въ тотъ же день, что она не жена вассала, а такая же королева, и войдетъ первою въ церковь.

Брунгильда ожидаетъ Кримгильду у собора, и когда та приближается, она громко при народѣ велитъ ей остановиться, говоря, что служанка не должна идти впереди госпожи. Тутъ въ первый разъ сильный гнѣвъ вспыхиваетъ въ сердцѣ кроткой Кримгильды. „Ты бы лучше молчала, говоритъ она: Зигфридъ покорилъ тебя для Гунтера; онъ же и лишилъ тебя дѣвства, ты опозорила себя на вѣкъ!" Брунгильда расплакалась, а Кримгильда вошла первою въ церковь. По окончаніи обѣдни Брунгильда требуетъ, чтобы золовка доказала справедливость своихъ словъ; тогда Кримгильда показываетъ кольцо и поясъ. Высокомѣріе Брунгильды подавлено, но тѣмъ сильнѣе разгорается въ ней жажда мести, и она клянется погубить Зигфрида. Простосердечный Зигфридъ, не подозрѣвая, что ссора эта будетъ началомъ борьбы на жизнь и смерть, что онъ самъ будетъ ея жертвой, не обращаетъ на нее большаго вниманія и проситъ Гунтера и Брунгильду забыть о ней. Но Брунгильда ея не забудетъ; тоскуя въ безсильной ярости, сидитъ она въ своей комнатѣ, и

Digitized by Google

любный Гагенъ обѣщаетъ отмстить за нее. Ему удается привлечь на свою сторону многихъ героевъ, даже самого Гунтера; только одинъ Гизельхеръ находитъ эту женскую ссору слишкомъ ничтожной, чтобы такой герой, какъ Зигфридъ, изъ-за нея лишился жизни. По совѣту Гагена, распускаютъ ложный слухъ о войнѣ; Зигфридъ тотчасъ вызывается съ своими Нибелунгами помогать Гунтеру. Коварный Гагенъ отправляется къ Кримгильдѣ, чтобы проститься съ нею. Кримгильда, не подозрѣвая въ Гагенѣ врага, проситъ его беречь Зигфрида во время похода. Хотя онъ и неуязвимъ, прибавляетъ она, но въ то время, когда онъ купался въ крови дракона, между плечъ его упалъ липовый листъ, и въ это мѣсто можно поразить его. Она проситъ Гагена въ сраженіяхъ охранять это мѣсто и обѣщаетъ обозначить его крестомъ, нашитымъ на одеждѣ. Тогда Гагенъ устроилъ такъ, что лже-послы датскіе объявили, будто король ихъ согласенъ на миръ, и Гунтеръ въ радости устраиваетъ большую охоту; Зигфридъ, конечно, приметъ въ ней участіе. Кримгильду мучитъ зловѣщее предчувствіе: ей снилось, что два кабана гнались за Зигфридомъ на лугу, что двѣ горы упали на него; она проситъ мужа остаться дома, но онъ успокоиваетъ ее ласками и уѣзжаетъ. Послѣ охоты, на которой Зигфридъ превзошелъ всѣхъ отвагой и силой, охотниковъ мучитъ палящая жажда; вина же нѣтъ по коварному распоряженію Гагена, который предлагаетъ бѣжать на перегонки къ источнику. Зигфридъ прибѣжалъ первымъ, но не сталъ пить прежде Гунтера. Когда напился тотъ, наклонился къ водѣ и Зигфридъ. Тогда Гагенъ схватилъ его копье и нанесъ ему смертельную рану въ мѣсто, обозначенное крестомъ. Вскочилъ на ноги Зигфридъ и сталъ искать оружія, но Гагенъ заранѣе унесъ его прочь. Зигфридъ взялъ щитъ и ударилъ имъ Гагена съ такою силой, что тотъ растянулся по землѣ. Упалъ и Зигфридъ; горько упрекалъ онъ бургундовъ въ неблагодарности; всѣ были тронуты; только Гагенъ гордился своимъ дѣломъ. Вспомнивъ о женѣ своей, Зигфридъ поручилъ ее братской любви Гунтера. Всѣ оплакивали смерть героя; даже Гунтеръ почувствовалъ раскаяніе. Нѣкоторые хотѣли скрыть преступленіе и сказать, что Зигфрида убили разбойники, но Гагенъ воспротивился этому и взялъ на себя доставить трупъ Зигфрида въ Вормсъ; тамъ онъ велѣлъ положить его къ дверямъ комнаты Кримгильды.

Ужасно было горе несчастной вдовы и велика печаль Нибелунговъ; Кримгильда уговорила ихъ уѣхать, не пытаясь отмстить за героя. Старый Зигмундъ звалъ ее съ собою, но она отказалась и осталась въ Вормсѣ.

Кримгильда жила въ уединеніи недалеко отъ мѣста, гдѣ былъ похороненъ Зигфридъ, и молилась за упокой его души. Чтобъ овладѣть богатствомъ Нибелунговъ, Гагенъ посовѣтовалъ Гунтеру помириться съ сестрой; съ помощью Гернота и Гизельхера дѣло устроилось, и она согласилась перевезти кладъ Нибелунговъ въ Вормсъ. Онъ состоялъ изъ такого множества драгоцѣнныхъ каменьевъ и золота, что 12 подводъ двигались 4 дня и 4 ночи, чтобъ довезти его до кораблей на Рейнѣ. Кримгильда щедро раздавала бѣднымъ и богатымъ свои сокровища: это привлекало къ ней сердца многихъ рыцарей, и Гагенъ началъ бояться, что это можетъ послужить для него причиною гибели. Поэтому онъ погрузилъ сокровища въ Рейнъ, и короли поклялись не открывать никому, гдѣ спрятанъ кладъ, пока хоть одинъ изъ нихъ еще живъ. Новая обида Кримгильдѣ! Наконецъ и для нея наступаетъ пора мщенія. Кримгильда уже 13 лѣтъ оплакивала Зигфрида, когда умираетъ супруга короля гунновъ, Этцеля, и друзья указываютъ ему на Кримгильду, какъ достойную ея замѣстительницу. Рюдигера, маркграфа бехларенскаго, отправляютъ съ огромною свитой на Рейнъ, чтобъ просить ея руки. Гунтеръ съ радостью принимаетъ предложеніе и обѣщаетъ свое содѣйствіе. Только одинъ Гагенъ, не предвидя ничего добраго отъ этого брака, старается отговорить короля. Но братья, думая, что онъ

Digitized by Google

не желаетъ счастія Кримгильдѣ, не слушаютъ его и сообщаютъ ей о предложеніи Этцеля. Она сначала и слышать не хочетъ о новомъ мужѣ: печаль по Зигфридѣ наполняетъ ея сердце; но когда Рюдигеръ обѣщаетъ служить ей вѣрой и правдой и мстить ея врагамъ, она вдругъ оживляется мыслью отплатить Гагену за убійство Зигфрида, соглашается быть женой Этцеля и отправляется въ путь съ огромною свитой. На дорогѣ ее встрѣчаетъ Этцель со множествомъ именитыхъ князей. Они вмѣстѣ отправляются въ Вѣну, гдѣ въ продолженіе 17 дней празднуютъ свадьбу съ неслыханной роскошью и великолѣпіемъ. Но Кримгильда грустна и молчалива посреди шумныхъ пиршествъ: она вспоминаетъ о прошломъ счастьѣ. Послѣ свадьбы супруги ѣдутъ въ замокъ Этцеля, гдѣ Кримгильда, подъ видомъ спокойствія, скрываетъ глубокую скорбь и жажду мщенія.

Прошло 13 лѣтъ со времени свадьбы (стало быть, 26 со смерти Зигфрида); у Кримгильды отъ Этцеля уже шести-лѣтній сынъ. Она обращается къ мужу съ просьбой пригласить въ гости ея родственниковъ: „иначе народъ подумаетъ, что я изгнанница или безродная". Этцель съ радостью готовъ исполнить ея желаніе и немедленно посылаетъ пѣвцовъ Свеммелина и Вербеля въ Вормсъ, звать въ гости Гунтера и его вассаловъ. Кримгильда поручаетъ имъ особенно постараться о томъ, чтобы пріѣхалъ и Гагенъ.

Гунтеръ ласково привѣтствуетъ посланныхъ, и бургунды, подумавъ, начинаютъ готовиться въ путь. Гагенъ противится поѣздкѣ, напоминая, что Кримгильда никогда не проститъ имъ смерти Зигфрида; но короли не обращаютъ вниманія на его предостереженія, и Гизельхеръ говоритъ ему, что онъ можетъ остаться, если боится быть убитымъ. Послѣ этого уже самъ Гагенъ совѣтуетъ ѣхать, но въ полномъ вооруженіи. 2060 избранныхъ рыцарей и 9000 слугъ отправляются подъ предводительствомъ Гагена. Мать Ута, которой приснилось, что вымерли всѣ птицы государства, также пытается отговорить Гунтера, но напрасно. Когда бургунды доѣхали до Дуная, оказалось, что онъ выступилъ изъ береговъ, и на немъ не было парома, чтобы перевезти огромную толпу. Осматривая берега рѣки, Гагенъ увидалъ двухъ купающихся водяныхъ женщинъ, подкрался и унесъ ихъ платья. Тогда одна изъ нихъ сказала: „Васъ ожидаютъ большія почести при дворѣ гунновъ". Гагенъ, обрадованный этими словами, возвращаетъ платье. Тогда сказала другая: „Возвратитесь, пока еще не поздно; иначе никто изъ вашего огромнаго войска не вернется домой, кромѣ королевскаго капеллана". Гагенъ сталъ перевозить всю свиту; когда дошла очередь до капеллана, онъ, чтобы помѣшать исполниться предсказанію, сбросилъ его въ волны, но Богъ спасъ несчастнаго, и онъ благополучно добрался до другаго берега. Тутъ Гагенъ понялъ, что вторая женщина сказала правду. Претерпѣвъ ночное нападеніе отъ баварскаго короля Гельфрата, который и былъ убитъ Данквартомъ, бургунды прибыли во владѣнія маркграфа Рюдигера. Онъ принялъ ихъ по-княжески и велѣлъ супругѣ и дочери привѣтствовать поцѣлуемъ королей и ихъ витязей: Гагена, Данкварта и Фолькера. Когда дѣвушка должна была поцѣловать Гагена, онъ показался ей такимъ страшнымъ, что она поблѣднѣла отъ ужаса и только по вторичному приказанію отца рѣшилась подойти къ нему. Гости пробыли здѣсь нѣсколько дней; Гизельхеръ обручился съ дочерью Рюдигера; потомъ и хозяинъ, и гости поѣхали ко двору короля гунновъ. Имъ на встрѣчу выѣхалъ Дитрихъ Бернскій и предостерегъ ихъ, сказавъ, что Кримгильда всякій день еще оплакиваетъ Зигфрида. Когда бургунды пріѣхали къ Этцелю, гунны толпою собрались посмотрѣть на могучаго Гагена. Король ласково встрѣтилъ всѣхъ безъ изъятія, но Кримгильда искренно привѣтствовала одного Гизельхера; ни она, ни Гагенъ не скрывали взаимной ненависти.

Рыцарей и слугъ помѣстили въ гостинницѣ подъ начальствомъ Данкварта;

Digitized by Google

главные же витязи отправились во дворецъ королевскій. Гагенъ съ Фолькеромъ, предвидя неминуемую гибель, поклялись другъ другу въ вѣрности до смерти и сѣли на скамейку во дворѣ, противъ комнатъ Кримгильды. Когда Кримгильда увидѣла такъ близко своего смертельнаго врага, въ ней закипѣла злоба, и она залилась слезами. Въ отвѣтъ на вопросы окружающихъ, она стала умолять ихъ отомстить Гагену за нанесенную ей обиду. Шестьдесятъ человѣкъ *) вызываются убить Гагена и Фолькера и, съ самой королевой во главѣ, отправляются къ витязямъ. Фолькеръ совѣтуетъ Гагену встать передъ королевой, но тотъ спокойно остается на мѣстѣ и при этомъ кладетъ на колѣни блестящее оружіе, которое тотчасъ узнала Кримгильда: то былъ мечъ Зигфрида. Тутъ злоба и скорбь еще сильнѣй заговорили въ сердцѣ королевы гунновъ. Она стала упрекать Гагена; онъ отвѣчалъ ей дерзостями. Война объявлена, но никто изъ людей Кримгильды не осмѣливается напасть на сильныхъ героевъ, и Кримгильда должна удалиться, не достигнувъ цѣли.

Когда наступила ночь, и короли бургундскіе легли спать въ назначенной для нихъ залѣ, Гагенъ и Фолькеръ вызвались сторожить ихъ, опасаясь нечаяннаго нападенія. Предосторожность оказалась не лишней. При наступленіи ночи приблизились къ залѣ вооруженные гунны, но, увидѣвъ двоихъ могучихъ стражей, скрылись. На другой день, во время военныхъ игръ, когда Фолькеръ убилъ одного гунскаго витязя, едва не возгорѣлась битва, но Этцель успѣлъ сдержать своихъ.

Идя къ столу, Кримгильда старалась склонить на свою сторону Дитриха Бернскаго, но это не удалось ей; тогда она обратилась къ Блёделину, брату Этцеля, и, подкупивъ его богатыми обѣщаніями, велѣла ему напасть на рыцарей и слугъ, помѣщавшихся въ гостинницѣ; сама же съ Этцелемъ и съ своимъ маленькимъ сыномъ Ортлибомъ сѣла за столъ.

Блёделинъ проникъ въ залу, гдѣ сидѣлъ Данквартъ съ рыцарями, объявляя, что онъ пришелъ мстить за смерть Зигфрида. Въ отвѣтъ на это Данквартъ однимъ ударомъ меча срубилъ ему голову. Началось страшное кровопролитіе; къ гуннамъ на помощь спѣшили все новыя толпы. Бургунды всѣ погибли; одному Данквартъ удалось пробиться къ своимъ. Весь въ крови, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, кричитъ онъ у дверей залы брату Гагену: „Что̀ вы сидите тутъ? всѣ наши убиты!“ Стереги дверь, Данквартъ,—отвѣчаетъ Гагенъ—чтобы никто не вышелъ изъ залы, а мы теперь выпьемъ королевскаго вина за умершихъ.“

Съ этими словами онъ отрубилъ голову невинному ребенку; она покатилась на колѣни матери. Потомъ онъ бросился убивать другихъ. Фолькеръ и короли бургундскіе нападаютъ на остальныхъ гунновъ; происходитъ страшное кровопролитіе, зала наполняется трупами. Кримгильда въ страхѣ проситъ Дитриха Бернскаго защитить ее. Голосъ Дитриха раздается по залу, какъ трубный звукъ; сраженіе на минуту прерывается. Дитрихъ объявляетъ, что не хочетъ принимать участіе въ битвѣ и требуетъ пропуска; съ нимъ вмѣстѣ оставляютъ залу Этцель, Кримгильда и Рюдигеръ. По ихъ уходѣ, борьба въ залѣ продолжается до тѣхъ поръ, покуда не убиты всѣ люди Этцеля. Гагенъ и Фолькеръ смѣются надъ трусостью короля гунновъ и надъ безсильной злобой Кримгильды; она обѣщаетъ тому, кто принесетъ ей голову Гагена, полный щитъ золота и много земель и замковъ. Эти обѣщанія снова возбуждаютъ къ бою витязей, и Ирингъ Датскій первый рѣшается сразиться съ Гагеномъ; но онъ не въ силахъ одолѣть героя и бросается на Фолькера и Гернота; наконецъ Гизельхеръ наноситъ ему сильный ударъ; онъ падаетъ, но тотчасъ же снова устремляется на Гагена, ранитъ его и бѣжитъ. Кримгильда

*) Къ нимъ потомъ, по приказанію Кримгильды, присоединилось еще 400.

Digitized by Google

лаетъ его, сама снимаетъ съ него оружіе, и Ирингъ, отдохнувъ, ется, чтобы напасть на Гагена. На этотъ разъ Гагенъ однимъ удаь его. Ирнфридъ и Гавартъ врываются въ залу, чтобъ отомстить за я ихъ постигаетъ таже участь.

леру въ залѣ настала страшная тишина; только слышно журчаніе ручейи, текущихъ на дворъ вдоль желобовъ. Усталые бургунды требуютъ, ъ выпустили изъ зала для переговоровъ; но Кримгильда боится лишиться жертвъ. Тутъ юный Гизельхеръ молитъ сестру дать имъ свободу; она соется на это только съ условіемъ, чтобъ они выдали Гагена. Возмущенные ъ предложеніемъ, они восклицаютъ: „Еслибъ насъ было тысяча человѣкъ, а тогда не выдали бы ни одного". Тогда Кримгильда велитъ зажечь залъ; бургунды лемогаютъ отъ жару и жажды; жажду утоляютъ они кровью убитыхъ и провоатъ ночь въ страшныхъ мукахъ посреди обрушившихся стѣнъ зала.

Этцель наконецъ обращается съ мольбою о помощи къ благородному Рюдигеру; Кримгильда напоминаетъ ему данную ей на Рейнѣ клятву—мстить за нее всѣмъ ея врагамъ. Въ его душѣ происходитъ страшная борьба: ему невозможно отказать королевѣ, но въ тоже время ужасно измѣнить друзьямъ, которымъ онъ клялся въ вѣрности. Наконецъ онъ рѣшается, выходитъ противъ бургундовъ, бьется съ Гернотомъ, и они убиваютъ другъ друга.

Когда до Дитриха Бернскаго дошла вѣсть о смерти Рюдигера, онъ послалъ разузнать о дѣлѣ повѣрнѣе стараго рыцаря Гильдебранта; къ нему добровольно присоединились всѣ витязи готскіе; они просятъ выдать имъ трупъ Рюдигера; бургунды отказываютъ; возгорается битва, въ которой гибнетъ много героевъ: изъ готовъ вернулся къ Дитриху только израненный Гильдебрантъ, а изъ бургундовъ остаются въ живыхъ только Гагенъ и Гунтеръ. Горько оплакиваетъ Дитрихъ своихъ витязей, потомъ, вооружившись съ помощью Гильдебранта, спѣшитъ на мѣсто битвы и требуетъ, чтобы Гунтеръ и Гагенъ сдались; тогда онъ обѣщаетъ имъ покровительство и безопасное возвращеніе домой; но Гагенъ не согласенъ уступить, пока чувствуетъ себя въ силахъ держать оружіе. Тогда Дитрихъ вступаетъ въ единоборство съ Гагеномъ, наноситъ ему тяжелую рану и связываетъ его мощными руками; тоже дѣлаетъ онъ и съ Гунтеромъ. Отдавъ ихъ обоихъ въ руки Кримгильды, которая приказываетъ развести ихъ по тюрьмамъ, Дитрихъ проситъ пощадить жизнь героевъ, что̀ она и обѣщаетъ. Только-что ушелъ Дитрихъ, Кримгильда идетъ въ тюрьму къ Гагену и обѣщаетъ ему жизнь, если онъ возвратитъ ей кладъ Нибелунговъ. Но Гагенъ отвѣчаетъ, что онъ поклялся не открывать никому, гдѣ спрятанъ кладъ, покуда живъ хоть одинъ изъ его повелителей. Тогда жестокая Кримгильда велитъ отрубить голову Гунтеру и, держа ее за волосы, приноситъ Гагену. „Теперь, говоритъ Гагенъ, никто не знаетъ гдѣ кладъ, кромѣ меня и Бога, и ты, чертовка жадная, никогда не получишь его!" Кримгильда срываетъ съ него Зигфридовъ мечъ и отрубаетъ ему голову. Такъ страшно заплатила за смерть Зигфрида когда-то кроткая, любящая Кримгильда. Видя, что она нарушила обѣщаніе, данное Дитриху, Гильдебрантъ поражаетъ ее мечемъ; съ предсмертнымъ крикомъ падаетъ она рядомъ съ трупомъ Гагена. Такъ погибли всѣ бургундскіе герои, а съ ними и кладъ Нибелунговъ.

Содержаніе вышеупомянутой „Жалобы" *) состоитъ въ томъ, что Этцель, Дитрихъ и Гильдебрантъ въ кучѣ труповъ отыскиваютъ близкихъ имъ людей, причемъ разсказываютъ ихъ исторію и оплакиваютъ ихъ гибель. Отроки Рюдигера возвращаются домой съ его конемъ, который все повертываетъ голову назадъ, къ трупу

*) См. въ изданіи „Нибелунговъ" Лахмана, 5-ter Abdruck, Berl. 1866, стр. 243 и слѣдующія.

Digitized by Google

господина, а въ Бехларнѣ женщины, уже предувѣдомленныя злыми сновидѣніями, ожидаютъ несчастія. Получивъ печальную вѣсть, Готелинда умираетъ съ горя. Пѣвецъ Свеммелинъ ѣдетъ къ старой королевѣ, чтобы сообщить ей о гибели всѣхъ ея дѣтей; по дорогѣ онъ заѣзжаетъ къ дядѣ погибшихъ, пассаускому епископу Пильгерину, который приказываетъ записать его разсказъ. У старой королевы отъ горести буквально разрывается сердце, и ее хоронятъ въ аббатствѣ Лоршъ. Павшихъ королей оплакиваетъ Брунгильда, виновница всѣхъ бѣдствій [1]); и сына отъ Гунтера провозглашаютъ королемъ. Кримгильду, думаетъ авторъ, Богъ помилуетъ, такъ какъ ея преступленія оправдываются вѣрностью памяти мужа.

Къ тому же бургундо-нидерландскому циклу принадлежитъ «Пѣснь о роговомъ Зигфридѣ» [2]). Она существовала еще въ XIII вѣкѣ, но до насъ дошла только въ лубочномъ изданіи XVI столѣтія, воспроизводящемъ передѣлку XV. Впослѣдствіи сюжетъ ея переработался въ лубочной прозаической книжкѣ, выдававшейся за переводъ съ французскаго. Эта книжка пользуется нѣкоторою популярностью и до сихъ поръ [3]).

Содержаніе пѣсни состоитъ въ слѣдующемъ. Зигфридъ, сынъ Зигмунда нидерландскаго, еще въ дѣтствѣ отличается такой страшной силой и неукротимостью, что родители не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. По совѣту вельможъ, Зигмундъ отпускаетъ его на волю. Онъ приходитъ къ кузнецу и предлагаетъ ему себя въ ученики; его принимаютъ съ охотой, но сила его слишкомъ велика даже и для этого дѣла: онъ заколотилъ наковальню глубоко въ землю, а когда его хотѣли наказать за это, избилъ и работника и хозяина. Желая отдѣлаться отъ такого неудобнаго ученика, кузнецъ посылаетъ его за угольями въ лѣсъ, гдѣ живетъ страшный драконъ. Зигфридъ убиваетъ дракона и, разложивъ громадный костеръ, сжигаетъ на немъ массу змѣй, ужей и другихъ гнѣздящихся въ лѣсу гадовъ; изъ костра вытекаетъ ихъ расплавленная чешуя; этимъ составомъ намазывается Зигфридъ и тѣло его покрывается роговой оболочкой (кромѣ одного мѣста между плечъ, куда впослѣдствіи и былъ направленъ смертный ударъ, „какъ можно слышать въ другихъ поэмахъ“). Дочь короля Габиха Кримгильда похищена дракономъ-оборотнемъ и поселена имъ въ высокой скалѣ. Къ этой скалѣ случайно заѣхалъ Зигфридъ; карликъ Эйгель разсказалъ ему о заключенной Кримгильдѣ. Зигфридъ, по его указанію, отыскалъ стража скалы, великана Куперана, побѣдилъ его послѣ ожесточенной битвы и принудилъ помогать ему въ освобожденіи красавицы; а послѣ двукратной его измѣны — убилъ его на смерть. Пробравшись къ Кримгильдѣ, Зигфридъ ведетъ съ нею любовныя рѣчи; вдругъ прилетаетъ драконъ и начинается единоборство, въ которомъ одержалъ верхъ Зигфридъ. Захвативъ у карликовъ кладъ Нибелунговъ, Зигфридъ уѣхалъ оттуда; на прощаньи Эйгель предсказалъ ему раннюю смерть. Пѣсня въ концѣ указываетъ на другую, излагающую дальнѣйшую судьбу Зигфрида: „Кто хочетъ слышать дальше, пусть читаетъ о свадьбѣ Зигфрида“ [4]).

---

[1]) Во 2-й части „Нибелунговъ“ о ней совсѣмъ нѣтъ рѣчи. Надо думать, что въ древней версіи она, какъ и въ Эддѣ, умирала вмѣстѣ съ Зигфридомъ.

[2]) Der Hürnen Seyfrid. Goedeke MA. 553—7.

[3]) Вслѣдствіе курьезной ошибки „роговой“ Зигфридъ превратился въ „рогатаго“ (der gehörnte Seifrid) и, соотвѣтственно этому, онъ является на виньеткѣ съ рогами.

[4]) Wer weiter hoeren woell—der lis Seyfriedes hochzeyt.

Digitized by Google

Рядомъ съ «Нибелунгами», хотя и на второмъ мѣстѣ, можетъ быть поставлена поэма «Кудруна»; но въ средніе вѣка она не польсовалась большой пупулярностью, судя по тому, что дошла до насъ только въ одной, довольно поздней (XVI в.), рукописи. По содержанію она распадается на три неравныя части, имѣющія предметомъ судьбу трехъ поколѣній героевъ.

I-я часть. У ирландскаго короля Зигебанта былъ только одинъ сынъ Гагенъ; когда ему было 7 лѣтъ, его похитила огромная птица—грифъ, и унесла на уединенный островъ въ свое гнѣздо, на пищу своимъ птенцамъ. Одинъ изъ птенцовъ, захвативъ ребенка, перелетѣлъ съ нимъ на другое дерево; вѣтка обломилась; грифъ и его добыча полетѣли на землю, и Гагенъ упалъ въ траву. Скоро нашелъ онъ каменную пещеру и въ ней трехъ дѣвушекъ-принцессъ, также занесенныхъ сюда грифомъ. Долго жили дѣвушки и Гагенъ, не смѣя днемъ выходить изъ пещеры. Однажды, близь острова разбился корабль; Гагенъ нашелъ трупъ одного изъ пассажировъ, снялъ съ него вооруженіе и перебилъ грифовъ. Послѣ этого онъ свободно выходилъ изъ пещеры, когда хотѣлъ, убивалъ дикихъ звѣрей, убилъ дракона, выпилъ его кровь и оттого получилъ необыкновенную силу. Проходившій мимо корабль принялъ Гагена и дѣвушекъ и привезъ ихъ въ Ирландію. Зигебантъ уступилъ сыну престолъ; Гагенъ женился на одной изъ спасенныхъ имъ принцессъ и прославился по всѣмъ окрестнымъ землямъ своею необыкновенною силой; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „дикаго Гагена".

2-я часть. Въ Тенеландѣ, въ землѣ гегелинговъ, жилъ король Гетель. У него нѣтъ ни отца, ни матери, и онъ до сихъ поръ не выбралъ себѣ жены. Дружина совѣтуетъ ему жениться, но Гетель отвѣчаетъ: я не знаю дѣвушки, достойной сдѣлаться королевой гегелинговъ. Ему указываютъ на Гильду, единственную дочь дикаго Гагена; но кто рѣшится ѣхать за ней сватомъ? Гагенъ не хочетъ отдать ее за человѣка, который былъ бы слабѣе его, и вѣшаетъ сватовъ. Послѣ долгихъ пререканій, къ Гагену за Гильдой рѣшаются ѣхать Горантъ, знаменитый пѣвецъ, его дядя Вате, воспитатель Гетеля, немногимъ уступающій по силѣ Гагену, хитрый Фруте и др. По совѣту Фруте, гегелинги набрали съ собой товаровъ и переодѣлись купцами, а въ глубинѣ корабля скрыли 700 вооруженныхъ воиновъ. Послѣ 36-тидневнаго путешествія, они прибыли въ Ирландію, послали Гагену богатые подарки и расположли на берегу свою лавочку. Черезъ нѣсколько дней слухъ объ ихъ драгоцѣнныхъ товарахъ и о дешевой цѣнѣ послѣднихъ (кто не имѣетъ денегъ, тому они даютъ даромъ) достигаетъ женской половины дворца, и Гильда проситъ отца позвать гостей во дворецъ.

Гегелинги не заставили ждать себя. Вате вошелъ первымъ; Гильда привѣтствовала его поцѣлуемъ, хоть и испугала ее широкая борода героя. Королева и ея дочь стали спрашивать Вате, что̀ ему пріятнѣй: сидѣть ли съ красавицами, или участвовать въ битвѣ *)?—„Хотя и пріятно сидѣть съ красавицами, отвѣчаетъ Вате, но драться съ добрыми воинами еще лучше". Этотъ отвѣтъ возбудилъ громкій смѣхъ женщинъ. Онѣ спрашиваютъ Вате, есть ли у него жена и дѣти, и совѣтуютъ ему поселиться въ Ирландіи. „Я привыкъ отвѣчаетъ Вате, самъ раздавать коней и земли и служить ленникомъ мнѣ было бы тяжело". Гегелинги идутъ въ покои короля. Тамъ фехтуютъ молодые рыцари, показывая свое искусство. „Умѣютъ ли въ вашемъ отечествѣ такъ хорошо дѣйствовать мечемъ?" спрашиваетъ Гагенъ у Вате. Тотъ отвѣчаетъ, что онъ никогда не видѣлъ ничего подобнаго и очень желалъ бы поучиться.

*) Стр. 343 по Барчу. Ср. приведенный на стр. 145 эпизодъ изъ „Kaiserchronik".

Digitized by Google

Гагенъ призываетъ своего лучшаго фехтмейстера, и Вате беретъ у него урокъ;но когда онъ переходитъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, учитель едва спасается, отпрыгнувъ въ сторону. Тогда самъ Гагенъ требуетъ меча, чтобы выучить гостя четыремъ своимъ ударамъ; но скоро и онъ убѣждается, что ученикъ стоитъ учителя.

Скоро до Гильды доходитъ слухъ о необыкновенно пріятномъ пѣніи Горанта: онъ пѣлъ такъ хорошо, что звѣри въ лѣсахъ и рыбы въ водахъ останавливались и слушали. Вечеромъ,тихонько отъ всѣхъ,она посылаетъ за Горантомъ своего камергера. Горантъ не заставилъ себя долго просить и пѣлъ для принцессы, сколько ей хотѣлось. Гильда предложила ему богатые подарки, но онъ согласился взять только одинъ поясъ. „Я отвезу его, говоритъ онъ, моему господину".—„Кто твой господинъ и какъ зовутъ его? Король ли онъ и владѣетъ ли собственной землей?" Тогда Гарантъ открываетъ ей цѣль своего прибытія. „Да наградитъ Богъ Гетеля, сказала Гильда, за любовь ко мнѣ; если онъ придется по душѣ мнѣ, я раздѣлю его ложе, только бы ты пѣлъ мнѣ утромъ и вечеромъ". Горантъ соглашается на это, но, прибавляетъ онъ, при дворѣ Гетеля 12 пѣвцовъ, которые всѣ поютъ лучше его, „а всѣхъ лучше поетъ самъ король". Гильда готова бѣжать съ ними; условились, что передъ ихъ отъѣздомъ Гильда должна выпросить у отца позволеніе осмотрѣть ихъ корабль. Въ день, назначенный для отъѣзда, принцесса съ своей свитой вступила на корабль и разсматривала драгоцѣнные товары, разложенные Фруте; въ это время Гагенъ, собиравшійся сопровождать дочь, былъ еще на одномъ изъ перевозныхъ судовъ. Вдругъ изъ-подъ люковъ вышли вооруженные люди и побросали въ воду воиновъ Гагена, сопровождавшихъ Гильду, а матросы въ это время подняли паруса. Гагенъ приказываетъ садиться на корабли и гнаться за похитителями; но корабли ветхи и пробиты насквозь: надо строить новые. Гегелинги прибыли въ свою землю; радостно встрѣтилъ ихъ и свою невѣсту Гетель. Но онъ еще не успѣлъ отпраздновать свадьбу, какъ явился мститель—дикій Гагенъ. На морскомъ берегу начинается жестокая битва; Гагенъ всюду разноситъ смерть. Замѣтивъ Гетеля, онъ пробивается къ нему, и начинается единоборство королей. Гетель раненъ; Вате заступаетъ его мѣсто. Гагенъ наноситъ такой ударъ Вате, что у того кровь брызнула изъ-подъ шлема; въ отмщеніе Вате съ такою силой ударяетъ короля ирландскаго, что у того свѣтъ затмился въ очахъ. Видя близкую гибель отца, Гильда умоляетъ только-что окончившаго перевязку Гетеля спасти его. Гетель пробивается къ Гагену и проситъ его прекратить вражду. „Кто говоритъ со мной?" спрашиеаетъ Гагенъ.— „Я—Гетель, посылавшій къ тебѣ своихъ витязей". Гагенъ выражаетъ удовольствіе, что дѣло было обдѣлано такъ ловко, и опускаетъ оружіе; тоже, хотя съ неудовольствіемъ, дѣлаетъ и Вате. Всѣ сражающіеся снимаютъ доспѣхи. У Вате былъ драгоцѣнный пластырь, данный ему когда-то дикою женщиной. Гильда падаетъ къ ногамъ его, умоляя залѣчить раны отца и Гетеля. „Пока Гагенъ не помирится со всѣми, я не помогу ему", отвѣчаетъ Вате. Происходитъ полное примиреніе, и, благодаря чудодѣйственному пластырю, раненые выздоравливаютъ. Всѣ отправляются въ землю Гетеля. Тамъ Гагенъ присутствуетъ при свадьбѣ и коронованіи дочери и убѣждается собственными глазами въ богатствѣ своего зятя. Возвратившись въ Ирландію, онъ говоритъ женѣ, что не могъ бы лучше выдать свою дочь; еслибъ у него были еще дочери, онъ всѣхъ бы отослалъ къ гегелингамъ.

3-я часть. Гетель прижилъ съ Гильдой сына Ортвина и дочь Кудруну. Когда послѣдняя достигла тѣхъ лѣтъ, „въ которыя мущинъ опоясываютъ мечомъ", она стала такъ красива, что на свѣтѣ не было женщины лучше ея. Скоро за нее стали свататься женихи. Ей предложилъ руку Зигфридъ изъ Морландіи *), могучій

*) Môrlande — земля мавровъ.

Digitized by Google

и богатый король, но черный тѣломъ. Гетель отказалъ ему, и Зигфридъ уѣхалъ домой, угрожая мщеніемъ. Затѣмъ, по указанію своей матери Герлинды, за Кудруну посватался Гартмутъ, король Орманіи, сынъ Людвига нормандскаго, но и эта партія не признана приличною: отецъ Гартмута состоитъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ дикому Гагену. Наконецъ, является третій претендентъ—зеландскій король Гервигъ; получивъ отказъ, онъ быстро собираетъ 300 своихъ вассаловъ и нападаетъ на бургъ Гетеля. Кудруна видитъ, какъ храбро дерется Гервигъ, и это доставляетъ ей удовольствіе. Гетель и Гервигъ сталкиваются въ битвѣ и начинается единоборство. Чтобъ положить ему конецъ, Кудруна кричитъ со стѣны: „Гетель, отецъ мой! Ужъ кровь течетъ съ кольчуги на землю; всѣ стѣны обрызганы ею. Ради меня, кончите бой; дайте на-время отдыхъ сердцамъ и членамъ, пока я спрошу, какова дружина у Гервига". Гервигъ проситъ позволенія явиться безъ оружія, чтобы разсказать ей объ этомъ. Битва прекращается, и Гервигъ приходитъ къ женщинамъ. „Мнѣ разсказывали, говоритъ онъ Кудрунѣ, что вы стыдитесь моего ничтожества; но часто богатыя находятъ счастіе у бѣдныхъ". Она сказала: „Не можетъ быть женщины, которая отвергла бы любовь (буквально: *служеніе*) такого героя, какъ вы. Если согласны близкіе мнѣ люди, я хотѣла бы принадлежать вамъ". Гервигъ получаетъ, наконецъ, и согласіе родителей; начинаются приготовленія къ свадьбѣ.

Услышавъ объ этомъ, на землю счастливаго соперника нападаетъ Зигфридъ. Гетель съ дружиной идетъ помогать будущему зятю. Въ это время на оставшійся почти безъ защитниковъ бургъ Гетеля нападаетъ Гартмутъ съ своимъ отцомъ Людвигомъ. Послѣ недолгой битвы, норманны врываются въ замокъ и силою увозятъ Кудруну и ея подругъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Гетеля и Гервига, они спѣшатъ заключить миръ съ побѣжденнымъ и доведеннымъ почти до сдачи Зигфридомъ, захватываютъ стоящіе по близости на якорѣ корабли пилигримовъ, отправлявшихся къ святымъ мѣстамъ, и устремляются въ погоню за норманнами.

„Былъ широкій берегъ, называвшійся Вюльпензандъ"; тамъ задумали отдохнуть утомленные длиннымъ переѣздомъ норманны; Кудруна уже перестаетъ надѣяться на избавленіе. Вдругъ одинъ норманскій матросъ видитъ парусъ съ крестомъ. „То, вѣрно, крестоносцы", думаютъ норманны. Но корабли подходятъ все ближе и ближе, и наконецъ не остается сомнѣнія: то Гетель пріѣхалъ за своей дочерью. Начинается отчаянная битва; Вате и Людвигъ вступаютъ въ единоборство; какъ ни силенъ Людвигъ, онъ долженъ уступить и уйти съ берега; Гервигъ соскакиваетъ съ корабля въ воду и бьется, стоя въ ней по грудь. Отъ крови раненыхъ и убитыхъ вся вода, на разстояніи брошеннаго копья, принимаетъ красный цвѣтъ. Въ свалкѣ встрѣтились Людвигъ и Гетель, и Людвигъ убилъ Гетеля. Кудруна громко рыдаетъ; Вате реветъ отъ ярости, какъ дикій звѣрь; но уже наступаетъ ночь; въ темнотѣ Горантъ убилъ роднаго племянника, принявъ его за норманна; рѣшено отложить битву до утра. Ночью, по приказу Людвига, норманны тайкомъ уходятъ на корабли и пускаются въ открытое море; плѣнницамъ приказано молчать подъ страхомъ немедленной смерти. Утромъ, убѣдившись въ бѣгствѣ враговъ, гегелинги не рѣшаются преслѣдовать ихъ: норманны ушли далеко впередъ, а напасть на нихъ въ ихъ землѣ немыслимо ослабленному войску гегелинговъ. Похоронивъ убитыхъ, они возвращаются домой и рѣшаютъ отложить мщеніе до тѣхъ поръ, пока подростетъ новое поколѣніе.

Норманны на всѣхъ парусахъ плывутъ по морю; всѣмъ стыдно, что они тайкомъ ушли отъ непріятеля. Вотъ уже видны башни замка Гартмута. Людвигъ говоритъ Кудрунѣ: „Вы можете забыть свое горе: мы сдѣлаемъ васъ владѣтельницей богатой земли".—„Прежде чѣмъ выдти за Гартмута, я соглашусь умереть", отвѣ-

Digitized by Google

чаетъ Кудруна. Раздраженный Людвигъ схватилъ ее за волосы и кинулъ въ море; насилу Гартмутъ спасъ ее отъ неминучей смерти: „Еслибъ это сдѣлалъ кто-нибудь другой, говоритъ онъ, я отнялъ бы у него жизнь и честь". Королева Герлинда съ дочерью Ортруной спѣшатъ на встрѣчу прибывшимъ. Гартмутъ ведетъ Кудруну за руку: она отклонила бы эту честь, но дѣлать нечего: надо покориться судьбѣ. Ортруна ласково встрѣчаетъ ее, и Кудруна отвѣчаетъ ей поцѣлуемъ; но отъ поцѣлуя Герлинды она уклонилась. „По вашему совѣту, отвѣчаетъ она, я претерпѣла столько горя". Кудруна съ почетомъ принята въ замкѣ, но не повеселѣла отъ этого; отъ брака съ Гартмутомъ она отказывается на-отрѣзъ. Мать успокоиваетъ его обѣщаніемъ довести Кудруну до согласія; Гартмутъ проситъ ее не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ и пожалѣть бѣдную плѣнницу; самъ же онъ отправляется въ походъ, чтобъ размыкать свое горе; въ его отсутствіе Герлинда принуждаетъ Кудруну топить печи и дѣлать другую черную работу. Черезъ три съ половиною года, Гартмутъ вернулся, но нашелъ Кудруну попрежнему непреклонною; преслѣдованія Герлинды еще болѣе раздражили ее; ласковыя увѣщанія Ортруны тоже не достигаютъ цѣли: Кудруна объявляетъ, что она не измѣнитъ Гервигу. Герлинда посылаетъ Кудруну на рѣку мыть бѣлье; видя, какъ мучатъ Кудруну, плачетъ вся ея свита; громче всѣхъ жалуется бывшая подруга ея матери, Гильдебурга. „Если ты жалѣешь свою госпожу, говоритъ ей Герлинда: ты можешь раздѣлить ея трудъ". Гильдебурга спѣшитъ порадовать Кудруну. „Я выпросила у чертовки позволеніе помогать тебѣ".— „Да наградитъ тебя Христосъ", отвѣчаетъ Кудруна. Съ этихъ поръ они работали и плакали вмѣстѣ.

Прошло 12 лѣтъ. Братъ, женихъ и всѣ вассалы отца Кудруны привели по условію свои войска къ замку Гильды; на Вюльпензандѣ они соединились съ Зигфридомъ и его маврами и поплыли къ Орманіи. Счастливо миновавъ магнитную гору и выдержавъ бурю, они высадились наконецъ не вдалекѣ отъ замка Гартмута, на пустынномъ берегу. Ортвинъ и Гервигъ отправляются соглядатаями, чтобъ узнать объ участи Кудруны..

Однажды великимъ постомъ Кудруна и Гильдебурга моютъ бѣлье на берегу; у берега плаваетъ какая-то птица. „О, какъ мнѣ жалко тебя, говоритъ ей Кудруна, что ты плаваешь по этимъ волнамъ". Птица отвѣчаетъ ей человѣческимъ голосомъ: „Я вѣстникъ къ тебѣ отъ Бога"; птица утѣшаетъ ее извѣстіемъ, всѣ близкіе ей люди живы и помнятъ ее, и что завтра, рано поутру, придутъ два вѣстника отъ ея родныхъ. Когда дѣвушки возвращаются домой, Герлинда встрѣчаетъ ихъ бранью и упреками: ей кажется, что онѣ наработали слишкомъ мало; завтра, на разсвѣтѣ, онѣ должны отправляться на рѣку, потому что скоро будетъ праздникъ, Вербное воскресенье, и въ замкѣ ожидаютъ гостей. Кудруна и ея подруга ложатся спать въ мокрыхъ рубашкахъ, на голыхъ доскахъ, поужинавъ черствымъ хлѣбомъ. Съ разсвѣтомъ онѣ просыпаются и видятъ, что за ночь выпалъ снѣгъ. „Ты должна, говоритъ Кудруна Гильдебургѣ, пойдти къ Герлиндѣ и попросить у нея башмаковъ: мы можемъ умереть, если пойдемъ по снѣгу голыми ногами".—„Какое мнѣ дѣло до вашей смерти? отвѣчаетъ Герлинда на просьбу Гильдебурги: Дѣлайте, что вамъ приказано".—„Не дай мнѣ Богъ забыть это", говоритъ про себя Кудруна. Царственныя прачки пошли къ рѣкѣ и начали свою работу, часто оглядываясь по сторонамъ.

Гильдебурга видитъ лодку съ двумя воинами: „Вотъ, говоритъ она: люди, похожіе на нашихъ вѣстниковъ.—Ахъ я несчастная! восклицаетъ Кудруна: мнѣ и пріятно и горько; если вѣстники Гильды увидятъ меня въ этомъ положеніи, я умру съ горя". Дѣвушки бросаются бѣжать, Гервигъ и Ортвинъ уговариваютъ ихъ воротиться и распрашиваютъ ихъ, чья это земля, сколько войска въ бургѣ и слы-

Digitized by Google

хали ли онѣ о плѣнницахъ, привезенныхъ изъ земли гегелинговъ, между которыми была Кудруна. „Я знаю, о комъ вы спрашиваете, отвѣчаетъ Кудруна: я часто видала королевну въ большомъ горѣ“. Гервигъ первый узналъ свою невѣсту; убѣдившись, что ея не забыли, Кудруна открываетъ себя. Теперь узналъ я радость послѣ долгаго горя“, восклицаетъ Гервигъ, обнимая Кудруну. Ортвинъ также обрадованъ. „Гдѣ же дѣти, прижитыя тобою съ Гартмутомъ, что ты одна моешь бѣлье на берегу?“ спрашиваетъ онъ. Кудруна обижена такимъ подозрѣніемъ. Гервигъ хочетъ сейчасъ же увести съ собою дѣвушекъ. „Этому не бывать, говоритъ Ортвинъ: будь у меня сто сестеръ, я лучше допустилъ бы ихъ умереть, чѣмъ поступить такъ: что у меня отнято съ бою, того я не краду у враговъ“. Ортвинъ и Гервигъ уходятъ, обѣщая завтра явиться передъ воротами зàмка. Гильдебурга напоминаетъ Кудрунѣ о бѣльѣ. „Два короля сегодня цѣловали меня“, говоритъ Кудруна и бросаетъ бѣлье въ море. Герлинда встрѣчаетъ прачекъ бранью; узнавъ о судьбѣ бѣлья, она приказываетъ наломать прутьевъ и хочетъ подвергнуть Кудруну позорному наказанію. Кудруна объявляетъ, что она согласна сдѣлаться королевой Орманіи. Всѣ обрадовались; Гартмутъ спѣшитъ обнять свою любимую невѣсту; но Кудруна отстраняетъ его; могучему королю неприлично обнимать бѣдную прачку. Она требуетъ, чтобъ ей приготовили баню, чтобъ допустили къ ней ея подругъ; ей нѣтъ ни въ чемъ отказу: одѣвшись въ дорогое платье, съ своими вымытыми и разодѣтыми дѣвушками она сидитъ въ богато убранныхъ покояхъ, пьетъ дорогое вино и лучшій медъ. Кудруна очень весела, но подруги ея горюютъ, что теперь не видать имъ милой родины; въ отвѣтъ на ихъ жалобы, Кудруна громко смѣется. Услыхавъ этотъ смѣхъ, Герлинда начинаетъ подозрѣвать какую-то опасность, но сынъ ее успокоиваетъ.

Когда Ортвинъ и Гервигъ разсказали своимъ, въ какомъ положеніи видѣли они Кудруну, многіе стали плакать. „Если вы хотите помочь Кудрунѣ, говоритъ Вате, вы должны окрасить бѣлье, вымытое ея руками“. Ночью войско окружило зàмокъ. На зарѣ ихъ замѣтили изъ зàмка. „Вставайте, господа! къ оружію! Не слишкомъ ли долго вы спали сегодня!“—„Дорого будетъ сегодня намъ стоить смѣхъ Кудруны!“ говоритъ Герлинда. Она уговариваетъ сына запереться въ замкѣ. „Не учите меня, отвѣчаетъ ей Гартмутъ: указывайте своимъ женщинамъ, какъ вышивать золотомъ, да посылайте Кудруну мыть бѣлье; вы думали: у ней нѣтъ друзей и защитниковъ? вы увидите, какъ отблагодарятъ насъ за это гости“. Начинается битва подъ стѣнами зàмка; женщины наблюдаютъ за нею со стѣны. Гартмутъ храбро сражается, разсыпая удары во всѣ стороны; онъ ранитъ Ортвина и Горанта; Гервигъ встрѣтился съ Людвигомъ и храбро напалъ на него, но повалился, пораженный сильнымъ ударомъ. Со стыдомъ поднялъ онъ глаза къ стѣнѣ, гдѣ стоитъ его милая; онъ боится, что со временемъ жена будетъ попрекать его этимъ, снова устремляется на Людвига и на этотъ разъ убиваетъ его. Увидѣвъ смерть мужа, Герлинда обѣщаетъ большую награду тому, кто убьетъ Кудруну и ея дѣвушекъ; одинъ изъ ея людей спѣшитъ исполнить ея порученіе. Громко закричала Кудруна, такъ громко, что Гартмутъ услыхалъ ее. „Если ты убьешь хоть одну изъ этихъ дѣвушекъ, ты погибъ, и вся твоя родня будетъ повѣшена“, кричитъ онъ убійцѣ; тотъ въ испугѣ спѣшитъ назадъ. Между тѣмъ Вате страшно тѣснитъ Гартмута; видя угрожающую ему гибель, Ортруна молитъ Кудруну спасти его. Склонившись со стѣны, Кудруна спрашиваетъ: нѣтъ ли здѣсь ея друзей? Гервигъ называетъ себя, спрашиваетъ, кто она и что ей нужно. „Я Кудруна, и если вы хотите служить мнѣ, вы должны спасти Гартмута“. Гервигъ проситъ Вате отъ имени достойныхъ любви дѣвушекъ оставить жизнь Гартмуту. „Король Гервигъ, ступайте прочь! отвѣчаетъ Вате; мнѣ нѣтъ дѣла до просьбъ женщинъ; я щажу враговъ, когда хочу

Digitized by Google

того самъ; Гартмутъ заплатитъ мнѣ за свою смѣлость". Гервигъ бросается между противниками и падаетъ, пораженный Вате; въ это время Гартмутъ захваченъ въ плѣнъ. Между тѣмъ Вате сбиваетъ засовъ и врывается въ замокъ; онъ не щадитъ ни мущинъ, ни женщинъ, ни грудныхъ дѣтей. Ортруна съ своими дѣвушками прибѣгаетъ подъ защиту Кудруны. Сюда же приходитъ и злая Герлинда, и умоляетъ Кудруну спасти ей жизнь. Упрекнувъ ее за дурное обращеніе, Кудруна однако же не отказываетъ и ей. Въ комнату врывается Вате, скрежеща зубами, глаза его горятъ, длинная борода разметалась по груди; его платье мокро отъ крови. Онъ требуетъ, чтобъ ему указали Герлинду. „Здѣсь нѣтъ такой", отвѣчаетъ Кудруна. Но Вате грозитъ перебить всѣхъ, если ему не скажутъ, гдѣ она; ему показываютъ ее глазами. „Скажите мнѣ, госпожа Герлинда, хотите ли вы еще имѣть такихъ прачекъ?" говоритъ Вате, оттаскивая ее въ сторону, чтобъ отрубить ей голову; но Кудруна не позволила ему тронуть Ортруны и ея дѣвушекъ. Занявъ замокъ, гегелинги отправились внутрь страны; они разрушили 26 бурговъ и взяли 1000 заложниковъ; оставивъ въ Орманіи Горанта съ 1000 воиновъ, они вернулись домой.

На встрѣчу побѣдителямъ вышла Гильда со всѣмъ своимъ дворомъ. Кудруна, послѣ первыхъ радостныхъ объятій, проситъ мать поцѣловать Ортруну; Гильда не можетъ согласиться на это: слишкомъ много горя испытала она черезъ ея ближайшихъ родственниковъ; наконецъ Кудруна слезами побѣждаетъ упорство матери; но ей этого мало: она проситъ снять оковы съ Гартмута и успѣваетъ въ этомъ. Когда Гартмутъ, вымытый и въ новомъ платьѣ, явился ко двору Гильды, не было человѣка красивѣе его: „онъ точно кисточкой нарисованъ на пергаментѣ" *). Благодаря стараніямъ Кудруны, одновременно съ ея свадьбой устраиваются еще три: Ортвинъ женится на Ортрунѣ, Зигфридъ на сестрѣ Гервига, Гартмутъ на Гильдебургѣ; въ приданое онъ получаетъ обратно отнятую у него Орманію.

Поэма въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее въ настоящее время, явилась на свѣтъ въ началѣ XIII столѣтія (около 1210 г.), какъ предполагаютъ въ Штиріи. Авторъ ея—рыцарь или во всякомъ случаѣ человѣкъ, проводившій жизнь свою въ кругу рыцарей. Первая часть исторія дѣтства Гагена — его выдумка; въ ней нельзя не видѣть вліянія французскихъ романовъ, герои которыхъ обыкновенно проводятъ свое дѣтство въ самой необыкновенной обстановкѣ. Напротивъ того, основа двухъ остальныхъ частей—исконное нѣмецкое сказаніе, получившее поэтическую обработку еще раньше конца XI вѣка **) и извѣстное далеко за предѣлами континентальной Германіи. Уже въ VIII в. въ одной англо-саксонской поэмѣ поминается пѣвецъ Гöррендъ — Горантъ «Кудруны» ***). Основа второй части встрѣчается въ «Младшей Эддѣ» въ такомъ видѣ:

*) Als er mit einem pensel an ein permint wol entworfen waere (1601, 4).

**) У Ламирехта (половина XII в.) поминается битва при Вульпенвертѣ, гдѣ „отецъ Гильды палъ мертвый между Гагеномъ и Вате", поминаются, какъ участники въ этой битвѣ Гервихъ и Вольфрамъ (Ортвинъ?); въ Битерольфѣ (см. ниже) является Гербортъ, король тенеландскій, воевавшій изъ за-дѣвушки съ Людвигомъ, королемъ Орманіи, и сыномъ его Гартмутомъ и пр.

***) Въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи его искусство вошло въ пословицу на равнѣ мудростью Соломона и красотой Авессалома.

Digitized by Google

„Одинъ король, по имени Гёгни, имѣлъ дочь, по имени Гильдра; ее увелъ съ собою Гетинъ, сынъ Гіарранда. Гёгни былъ на собраніи королей, и когда узналъ, что его королевство опустошено войною, а дочь уведена, собралъ свой народъ, чтобъ преслѣдовать Гетина"... Гёгни настигъ его на одномъ изъ Оркнейскихъ островов. Гильдра отправилась къ своему отцу и предложила ему отъ Гетина золотое ожерелье, при чемъ прибавила, что Гетинъ готовъ къ битвѣ и Гёгни не долженъ ожидать отъ него пощады. Гёгни сурово отказалъ дочери, и она, возвратившись къ Гетину, сказала ему, что Гёгни отвергъ удовлетвореніе и вызываетъ его на битву. Такъ и сдѣлали они оба: пошли на острова и приготовили рати. Тогда Гетинъ воззвалъ къ своему родственнику Гёгни, предложилъ ему миръ и въ вознагражденіе много золота. Гёгни отвѣчалъ ему: Поздно предлагаешь ты миръ, потому что я уже извлекъ дайнелейфъ, выкованный карликами, а онъ не возвращается въ ножны, не причинивъ смерти человѣку". Они бились цѣлый день безъ успѣха, а вечеромъ опять ушли на свои корабли. Ночью Гильдра волшебствомъ оживила всѣхъ павшихъ. На другой день битва возобновилась снова и также безъ успѣха; ночью Гильдра опять оживила мертвецовъ. Такъ продолжалась битва изо дня въ день. „*Въ пѣсняхъ поютъ*, что гіаднинги будутъ сражаться до самаго рагнарёкра (свѣтапреставленія)".

Приблизительно тоже самое разсказываетъ извѣстный лѣтописецъ Саксонъ Грамматикъ († 1204 г.).

Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ видно, что въ основѣ второй части «Кудруны» лежитъ историческій фактъ: борьба двухъ сѣверныхъ королей Гагена и Гитина (Гетеля) за Гильду, дочь перваго. Въ какомъ именно мѣстѣ царствовали эти короли и когда—вопросы не разрѣшимые и не особенно интересные. Довольно знать одно: пѣсня произошла на сѣверѣ и рано распространилась по германскимъ племенамъ. Пѣсня, превратившаяся въ сагу, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи далеко отошла отъ первоначальной основы. Къ ней очень рано примѣшался миѳическій мотивъ битвы до свѣтапреставленія и оживленія мертвецовъ, въ которомъ изслѣдователи видятъ миѳъ о вѣковѣчной борьбѣ дня съ ночью. Чѣмъ болѣе распространялась пѣсня, тѣмъ болѣе измѣнялась она, и нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій чрезвычайно поучительны. Такъ напр. слѣды оживленія мертвецовъ остались и въ нашей поэмѣ, но какая перемѣна! Мѣсто могучей валькиріи, которая силой волшебства оживляетъ павшихъ героевъ, заняла слабая, хорошенькая женщина, которая падаетъ къ ногамъ Вате, умоляя дать ей чудодѣйственной мази.

Мы не можемъ указать исторической основы для третьей части поэмы и должны ограничиться предположеніями. Въ IX в., при слабыхъ наслѣдникахъ Карла Великаго, могло существовать по берегамъ Сѣвернаго моря довольно значительное фризское королевство, конечно, съ вѣчноизмѣняющимися границами; датчане и норвежцы, разумѣется, дѣлали на него частые набѣги и по временамъ утверждались на берегахъ при устьяхъ Шельды и Ваалы то подъ верховнымъ покровительствомъ фризскихъ королей, то самостоятельно. Въ одинъ

Digitized by Google

изъ набѣговъ норманны могли похитить фризскую княжну, по имени Кудруну, которая, несмотря на тяжелыя угнетенія, сохранила вѣрность своему жениху изъ ея же племени, и была наконецъ освобождена фрисландцами въ союзѣ съ датчанами *).

Введенный эпизодически морландскій король Зигфридъ вполнѣ естественно напоминаетъ одноименнаго съ нимъ предводителя норманновъ, который въ 885 и 886 г. осаждалъ Парижъ, а осенью 887 г. погибъ при нападеніи на Фрисландію. Язычники норманны и саксы часто смѣшивались въ поэтическихъ памятникахъ съ сарацинами и маврами.

Обращаемъ вниманіе читателей на характеръ главнаго дѣйствующаго лица поэмы. Кудруна—идеалъ нѣмецкой средневѣковой женщины и въ тоже время лицо живое, не оторванное отъ окружающей среды. Кудруна человѣчнѣе и развитѣе всѣхъ другихъ героинь средневѣковаго эпоса. Она любитъ не чувственной любовью юга; въ дѣлѣ любви ею руководитъ не страсть къ наслажденію, а глубокое нравственное убѣжденіе; однажды отдавъ свое сердце, она никогда не возьметъ его назадъ; она требуетъ любви и съ другой стороны требуетъ самопожертвованія, но за-то никогда не задумается и себя принести въ жертву. Въ ея лицѣ, христіанство наложило на германскую женщину свою печать: развило въ ней женственность, мягкость, доброту, заглушаемыя у ея бабушекъ суровой обстановкой и суровыми нравами. Она горда, когда ее унижаютъ, но въ счастіи готова протянуть руку даже злѣйшему врагу своему; она не только умѣетъ прощать беззавѣтно, но и дѣлаетъ это такъ, что прощаемый не чувствуетъ никакого униженія.

Циклъ Дитриха Бернскаго. Въ «Нибелунгахъ» Дитрихъ Бернскій является только эпизодически; но и тамъ видно, съ какимъ особеннымъ почтеніемъ относится къ нему поэтъ: только витязи готскаго короля сломили силу бургундовъ; только Дитрихъ могъ побѣдить въ одиночной борьбѣ сильнѣйшихъ на свѣтѣ бойцовъ—Гунтера и Гагена.

Дитрихъ Бернскій—центральная фигура національнаго нѣмецкаго эпоса и воплощеніе народнаго идеала: онъ играетъ у нѣмцевъ ту же роль, что Сидъ у испанцевъ, Марко Кралевичъ у сербовъ, Илья Муромецъ у русскихъ; онъ народнѣе Зигфрида, также какъ Одиссей народнѣе и центральнѣе Ахилла.

Относительно основы сказаній о Дитрихѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія; Это лицо историческое—Теодорихъ Великій (475—526), знаменитѣйшій изъ германскихъ конунговъ эпохи переселенія на-

*) Die Gudrunsage, von K. H. Keck. Leipz. 1867, стр. 53.

Digitized by Google

родовъ, побѣдитель Одоакра, завоеватель Италіи. Теодорихъ по исторіи сынъ Теодомера; Дитрихъ поэзіи—сынъ Дитмара; изгоняющій Дитриха изъ Италіи братъ Дитмара Эрманрихъ есть Германрихъ, король остготскій, на самомъ дѣлѣ отдѣленный отъ Теодориха цѣлымъ столѣтіемъ, но связанный съ нимъ преданіемъ еще въ очень отдаленную эпоху *). Прозваніе «Бернскаго» объясняется побѣдой, одержанной Теодорихомъ въ 489 г. при городѣ Веронѣ. Эпосъ знаетъ его вражду съ Одоакромъ и битву при Равеннѣ (Strit vor Rabene), которую, какъ извѣстно, послѣ продолжительной осады Одоакръ принужденъ былъ сдать Теодориху. Эпосъ сильно отступилъ отъ исторіи въ томъ отношеніи, что превратилъ могучаго завоевателя Италіи въ бездомнаго скитальца, состоящаго на службѣ у Аттилы гуннскаго; неизвѣстно, подало ли къ этому поводъ пребываніе Теодориха въ Константинополѣ въ качествѣ заложника, или преданіе смѣшало его съ Аэціемъ, который въ 433 г. бѣжалъ къ Аттилѣ. Изъ отрывка пѣсни о Гильдебрантѣ мы имѣли случай убѣдиться, что сказаніе о Дитрихѣ Бернскомъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, успѣло уже сложиться въ концѣ VIII вѣка. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о судьбѣ этихъ сказаній и о пѣсняхъ странствующихъ пѣвцовъ на эту тему въ продолженіи всего періода латинской и національно-духовной поэзіи, и только по истеченіи слишкомъ четырехъ столѣтій снова встрѣчаемся въ исторіи нѣмецкаго эпоса съ Дитрихомъ. Въ это сравнительно позднее время о Дитрихѣ слагается и переписывается масса поэмъ, которыя довольно рѣзко распадаются на двѣ группы: въ однихъ онъ герой «былиннаго» эпоса, витязь Аттилы, врагъ Эрманриха и Одоакра; въ другихъ онъ—герой сказочнаго эпоса: бьется съ великанами и великаншами, входитъ въ соприкосновеніе съ лѣсными женщинами, карликами и проч. Миѳологи доказываютъ, что въ поэмахъ второй группы Дитрихъ—не что иное, какъ возрожденный Торъ-Доннаръ; оттого онъ сынъ эльфа или черта (то есть Водана); оттого у него рыжая борода и огненное дыханіе; оттого у него кусокъ стрѣлы въ головѣ, какъ у Тора кусокъ каменной дубины Хрунгнира.

Изъ поэмъ первой группы мы упомянемъ три:

I. „Предки Дитриха и его бѣгство". Эта поэма состоитъ изъ двухъ частей: вторая, бѣгство Дитриха къ гуннамъ, основана на древнемъ народномъ преданіи; первая же, предки Дитриха, есть поздно измышленное введеніе. Дитрихъ ведетъ свой родъ отъ римлянина Дитварта, женатаго на Миннѣ, дочери короля Ладемера. Дитварту наслѣдовалъ Зигехеръ, женатый на Амельгардѣ Норманнской; сынъ Зигехера назывался Отнитъ, на его вдовѣ женился Вольфдитрихъ, которому наслѣдовалъ Гугдитрихъ **). У Отнита была сестра Зигелинда, мать знаменитаго Зиг-

*) Въ одной англо-саксонской поэмѣ Теодрикъ—одинъ изъ витязей Эрманриха.

**) О нихъ см. ниже.

Digitized by Google

фрида. Отъ сына Гугдитриха Амелунга родились Дитеръ, Эрмрихъ и Дитмаръ, отецъ Дитриха Бернскаго. Коварный Эрмрихъ убилъ дѣтей Дитера и пытался погубить Дитриха; ему удалось захватить витязей послѣдняго; Дитрихъ выкупилъ ихъ уступкою всѣхъ своихъ владѣній и самъ ушелъ къ гуннамъ. Съ помощію послѣднихъ онъ разбилъ дядю передъ Миланомъ и заставилъ его бѣжать сперва въ Рабенъ (Равенну), потомъ въ Болонью, потомъ возвратился ко двору Аттилы, гдѣ и женился на племянницѣ королевы. Во время его отсутствія Эрмрихъ опять захватилъ Равенну и перебилъ много женщинъ и дѣтей; возвратившійся Дитрихъ разбилъ его на голову у Болоньи. Поэма заключаетъ въ себѣ около 10,000 стиховъ въ короткихъ двустишіяхъ. Самая ранняя рукопись относится къ XIV вѣку. Авторъ самъ называетъ себя Генрихомъ Фогелеромъ.

II. „Альфартъ" излагаетъ одинъ эпизодъ изъ борьбы Дитриха съ Эрмрихомъ. Хейме, когда-то служившій Дитриху, пріѣзжаетъ къ нему посломъ отъ императора Эрмриха, чтобъ объявить ему войну. Дитрихъ упрекаетъ его за измѣну, однако не отказываетъ ему въ свободномъ пропускѣ назадъ и даже даетъ ему охранную стражу. Дитрихъ объявляетъ своимъ витязямъ о предстоящей войнѣ, и всѣ готовы стоять за него до послѣдняго. Самый юный изъ дружинниковъ Дитриха, Альфартъ, племянникъ Гильдебранта, не смотря на увѣщанія родныхъ и невѣсты, изъявляетъ желаніе ѣхать къ непріятельскому лагерю въ одиночку на развѣдки. Дядя его Гильдебрантъ, чтобы принудить его возвратиться домой, заѣзжаетъ ему напередъ. Альфартъ, принимая его за непріятеля, вступаетъ съ нимъ въ бой и побѣждаетъ его. Отправившись далѣе, Альфартъ встрѣчаетъ на заставѣ непріятельской, герцога Вольфинга съ 80 витязей. Онъ вызываетъ Вольфинга на рыцарскій поединокъ и убиваетъ его; затѣмъ побѣждаетъ и убиваетъ по одиночкѣ троихъ его витязей. Остальные 77 хотѣли броситься на него сразу, но старый рыцарь удержалъ своихъ товарищей: „Напавъ на одного толпою, мы покроемъ себя вѣчнымъ позоромъ". Происходитъ длинный рядъ поединковъ; изъ 80 рыцарей въ живыхъ остались только 8, и тѣ израненные; на-силу ускакали они въ лагерь. Съ ужасомъ узнали императоръ и войско, что надѣлалъ одинъ витязь Дитриха. Эрмрихъ предлагаетъ богатую награду тому, кто поѣдетъ противъ неизвѣстнаго героя; но нѣтъ охотниковъ. Императоръ умоляетъ Виттиха (также бывшаго дружинника Дитриха) взять на себя трудное дѣло. Тотъ соглашается и, вооружившись, ѣдетъ на встрѣчу Альфарту. И его беретъ страхъ: ему такъ тѣсно въ кольчугѣ, что потъ выступаетъ сквозь нее; чуть не вернулся онъ назадъ; въ отдаленіи за нимъ ѣдетъ Хейме, его другъ. Когда Виттихъ доѣхалъ до Альфарта и спросилъ его, онъ ли перебилъ рыцарей Эрмриха, тотъ отвѣчалъ утвердительно и упрекнулъ Виттиха въ измѣнѣ Дитриху. Виттихъ самъ чувствуетъ неправоту свою, но тѣмъ настоятельнѣе требуетъ битвы. Ударомъ копья Альфартъ сбросилъ Виттиха на землю и спѣшился самъ, чтобъ не имѣть преимущества передъ противникомъ; начинается пѣшій бой. Оглушенный ударомъ по шлему, Виттихъ споткнулся и упалъ; кровь брызнула у него изъ носа и ушей; Альфартъ не хочетъ бить лежачаго. Въ это время подбѣгаетъ Хейме и щитомъ своимъ прикрываетъ друга. Хейме проситъ Альфарта сказать имъ свое имя: если онъ одинъ изъ Вольфинговъ, то Хейме не будетъ сражаться противъ него; иначе они нападутъ на него вдвоемъ. „И я не буду одинокъ, отвѣчаетъ Альфартъ: мнѣ поможетъ Тотъ, кто вѣдаетъ всю истину". Начинается нечестная битва. Альфартъ проситъ не нападать на него съ тылу; противники соглашаются. Трудно биться Альфарту съ двоими; онъ проситъ ихъ выступить по одиночкѣ. Они великодушно согласились и на это. Хейме выступилъ первый и получилъ тяжелую рану; опасаясь за свою жизнь, Виттихъ нарушилъ оба свои обѣщанія, напалъ на Альфарта сзади и ранилъ его въ ногу; еще тяжеле

Digitized by Google

стало Альфарту: кровь текла у него и по лицу и мѣшала ему ясно видѣть. Наконецъ Виттихъ пронзилъ его мечомъ и повернулъ въ его тѣлѣ оружіе. „Ахъ вы злые и безчестные трусы!“ закричалъ юноша.... (слѣдуетъ пропускъ). Во второй части поэмы разсказывается, какъ Гильдебрантъ и Нитичеръ ѣздили въ Брейзахъ за вспомогательными войсками. Ночью Гильдебрантъ стоитъ на стражѣ: на него напали двое витязей Эртриха; онъ убилъ ихъ; тогда окружилъ его отрядъ непріятелей въ 6,000 человѣкъ: Гильдебрантъ и тутъ не потерялся и началъ бойко дѣйствовать мечемъ. Услыхавъ шумъ битвы, къ нему подоспѣли Вальтеръ Керлингенскій, Эккартъ, Гугъ Датскій и силачъ-монахъ Ильзанъ, его братъ. Они пробились сквозь нападающихъ, но число послѣднихъ все возрастаетъ. Тогда Гильдебрантъ затрубилъ въ свой рогъ и къ нему поспѣшилъ на помощь весь отрядъ брейзахцевъ. Непріятели были разбиты на голову, и ихъ предводитель, Студенфусъ, бѣжалъ съ печальною вѣстью къ императору, а витязи Дитриха, захвативъ огромную добычу, двинулись къ Берну (Веронѣ). Желая испытать храбрость бернцевъ, Гильдебрантъ велѣлъ закрыть щитовые гербы, чтобъ ихъ приняли за людей императора. Только когда на него бросился родной его племянникъ, Вольфхартъ, открылъ онъ свою сарбанту (serpent—змѣю). Дитрихъ ласково привѣтствовалъ своихъ помощниковъ; всѣ вошли въ городъ, за исключеніемъ отряда Ильзана въ 1,100 человѣкъ, носившихъ рясы сверхъ кольчугъ. Ильзанъ боялся показаться на глаза Дитриху; онъ убилъ дядю короля Бернскаго. Но теперь брейзахцамъ удалось примирить его съ королемъ. Громко оплакивали вновь прибывшіе гибель юноши Альфарта и твердо рѣшились отмстить за него.

Когда Студенфусъ извѣстилъ Эрмриха о гибели его отряда, коварный Зибихъ посовѣтовалъ императору какъ можно скорѣе поспѣшить къ Берну, пока вспомогательныя войска еще не вошли въ городъ, но Эрмрихъ уже опоздалъ. Увидѣвъ приближеніе огромной непріятельской арміи, бернцы не убоялись и рѣшились принять битву въ полѣ. Битва была жестокая: изъ 80,000 войска Эрмриха только 30,000 спаслись бѣгствомъ съ поля сраженія. Дитрихъ потерялъ всего 2,000 человѣкъ; но его витязи были недовольны тѣмъ, что Виттихъ и Хейме ускользнули отъ ихъ мщенія: при самомъ началѣ битвы они сняли съ шлемовъ значки и обернули щиты, такъ что никто не могъ узнать ихъ. Дитрихъ захватилъ въ лагерѣ императора, огромную добычу и щедро наградилъ своихъ.

Поэма сохранилась только въ одной рукописи XV вѣка. Развитіе идеи рыцарской чести и рыцарскіе обычаи, знакомство нѣмцевъ съ географіей Италіи, явившееся слѣдствіемъ походовъ Гогенштауфеновъ, и другія обстоятельства доказываютъ, что поэма сочинена въ XIII вѣкѣ.

III. «Равенская битва». Дитрихъ, живущій при дворѣ Этцеля, жалуется на Эрмриха, опустошающаго его земли. Этцель готовъ оказать ему помощь. Королевичи гуннскіе, Шарфъ и Ортъ, просятся ѣхать вмѣстѣ съ Дитрихомъ, но королева Хельке не хочетъ отпустить ихъ: она видѣла во снѣ, что сыновей ея похитилъ драконъ. Только тогда изъявила она свое согласіе, когда Дитрихъ обѣщалъ не выпускать ихъ изъ Берна. Онъ сдержалъ свое слово: во главѣ своего войска онъ отправился къ Равеннѣ на встрѣчу императору, а Шарфъ и Ортъ и младшій братъ Дитриха, Дитхеръ, остались въ Бернѣ подъ надзоромъ Ильзана. Юноши уговорили Ильзана позволить имъ проѣхаться за городомъ, а пока онъ снаряжался, чтобы сопровождать ихъ, они успѣли уѣхать одни. Ильзанъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними, но оказалось, что въ полѣ страшный туманъ, такъ что онъ не могъ найти своихъ питомцевъ, и съ тяжелымъ предчувствіемъ вернулся домой. Между тѣмъ юноши, радуясь своей свободѣ, переночевали въ полѣ; утромъ, сѣдлая коней, они увидѣли измѣнника Виттиха и, хотя были безъ панцырей, рѣшились

Digitized by Google

сразиться съ нимъ. Напрасно Виттихъ уговаривалъ ихъ оставить его въ покоѣ. Шарфъ бросился на него и нанесъ ему нѣсколько ранъ. Тогда Виттихъ вышелъ изъ терпѣнія и убилъ его. Ортъ кинулся мстить за брата, и его постигла таже участь; дольше всѣхъ продержался Дитхеръ, но и онъ былъ наконецъ убитъ.

Между тѣмъ у Равенны происходитъ одиннадцати-дневная битва. Эрмрихъ разбитъ на голову. Въ упоеніи побѣды возвращается Дитрихъ въ Бернъ и тутъ узнаетъ отъ Ильзана объ исчезновеніи принцевъ и брата. Въ ярости онъ срубилъ Ильзану голову. Когда нашли наконецъ трупы убитыхъ, Дитрихъ плакалъ кровавыми слезами. Разсмотрѣвъ внимательно раны, онъ узналъ удары Миминга, меча Виттиха, который въ это время проѣзжалъ въ отдаленіи. Какъ бѣшеный кинулся къ нему Дитрихъ и гнался за нимъ до самаго берега моря. Изъ моря вышла прабабушка Виттиха, морская женщина, и вмѣстѣ съ конемъ взяла его къ себѣ. Узнавъ о смерти сыновей, Хельке прокляла Дитриха, но Рюдигеръ разсказалъ ей, что Дитрихъ ни въ чемъ не виноватъ и самъ лишился своего брата. Когда Дитрихъ пріѣхалъ ко двору, Этцель возвратилъ ему свою милость.

Изъ поэмъ второй группы назовемъ три: „Зигенотъ"; „Выходъ Экке" и „Лауринъ".

Въ первой разсказывается, какъ Дитрихъ нашелъ спящаго великана Зигенота и разбудилъ его. Зигенотъ повергъ его на землю ударомъ палицы и бросилъ въ темную каменную пещеру. Старый воспитатель Дитриха, Гильдебрантъ, поѣхалъ искать своего господина; увидавъ его лошадь безъ сѣдока, онъ понялъ, что Дитриху плохо. Скоро явился Зигенотъ, который безъ особаго труда побѣдилъ Гильдебранта и потащилъ его къ той же пещерѣ. Но Гильдебранту удалось захватить валявшійся около пещеры мечъ Дитриха, и имъ убилъ онъ безоружнаго Зигенота. Чтобъ извлечь Дитриха изъ пещеры, онъ сдѣлалъ веревку изъ своего платья и потащилъ было его на верхъ; но веревка оборвалась, и Дитрихъ опять упалъ въ глубину. Гильдебрантъ, плача отъ досады и горя, отправился бродить кругомъ; онъ нашелъ спящаго карлика Эггериха, схватилъ его за бороду и угрожалъ убить, если онъ не поможетъ ему; но Эггерихъ и самъ чувствовалъ расположеніе къ Дитриху и съ радостью указалъ Гильдебранту кожаную лѣстницу, по которой Дитрихъ и выбрался на божій свѣтъ.

Поэма сохранилась въ рукописи XIII вѣка и въ позднѣйшихъ передѣлкахъ; въ тойже древней рукописи сохранилась и поэма: „Выходъ Экке".

Въ Кельнѣ, на Рейнѣ, жили три королевы, благосклонность которыхъ стремились пріобрѣсти три брата-великана: Фазольтъ, Эбенротъ и Экке. Однажды дамы разговаривали о храбрыхъ витязяхъ и особенно хвалили и изъявляли желаніе видѣть Дитриха Бернскаго. Эти похвалы такъ раздражили Экке, что онъ обѣщалъ непремѣнно доставить сюда Дитриха, добровольно или силой, живаго или мертваго. Королева Себурга подарила ему для похода прекрасное вооруженіе, хотѣла подарить и коня, но Экке не можетъ ѣхать верхомъ; ни одна лошадь не снесетъ его. Пѣшкомъ приходитъ онъ въ Бернъ и тамъ узнаётъ, что Дитрихъ поѣхалъ въ горы. Отыскивая Дитриха въ лѣсу, онъ находитъ израненаго имъ рыцаря Хельфриха и его убитыхъ товарищей. Наконецъ нагналъ онъ и Дитриха. Тотъ сперва желаетъ уклониться отъ битвы съ великаномъ, который настолько превышаетъ его ростомъ, но когда Экке грозитъ повсюду разславить объ его трусости, онъ принимаетъ вызовъ. При закатѣ солнечномъ начинается битва; она продолжается и ночью при свѣтѣ искръ, сыплящихся съ мечей бойцовъ. Утромъ на другой день Дитрихъ побѣдилъ наконецъ великана; тотъ отказался сдаться, и Дитрихъ былъ принужденъ убить его. Побѣдитель съ честью хоронитъ трупъ убитаго, а его отрубленную голову привязываетъ къ сѣдлу. Залѣчивъ свои раны съ помощью мор-

Digitized by Google

ской женщины, Дитрихъ встрѣчаетъ лѣсную карлицу, которую преслѣдуетъ съ собаками великанъ Фазольтъ, братъ Экке. Слѣдуетъ описаніе нѣсколькихъ битвъ Дитриха съ коварнымъ Фазольтомъ и другими великанами и великаншами, родственниками Экке. Среди этихъ битвъ древняя рукопись обрываетъ поэму. По позднѣйшей передѣлкѣ Дитрихъ пріѣзжаетъ въ Кельнъ къ тремъ королевамъ, на ихъ глазахъ убиваетъ Фазольта, принимаетъ главенство надъ всей страной и со славой возвращается въ Бернъ.

Поэма о королѣ Лауринѣ (Kunech Luarin), иначе называемая „Малый розовый садъ", дошла до насъ только въ спискѣ XIV столѣтія; къ началу тогоже столѣтія относится и оригиналъ, что̀, разумѣется, не исключаетъ возможности считать этотъ оригиналъ передѣлкой древнѣйшей поэмы. Въ основѣ поэмы, какъ предполагаетъ В. Гриммъ, лежитъ тирольская сага о карликѣ, которая довольно поздно примкнула искусственно къ циклу Дитриха Бернскаго.

Въ тирольскихъ горахъ, въ великолѣпномъ саду живетъ король карликовъ, Лауринъ, который, не смотря на свой маленькій ростъ, обладаетъ страшною силой и жестоко наказываетъ того, кто осмѣливается коснуться его розъ. Въ строгомъ заключеніи держитъ онъ у себя похищенную красавицу Симильду, дочь Битерольфа, герцога штирійскаго. Братъ Симильды, Дитлибъ, обращается за помощью къ Дитриху. Тотъ пріѣзжаетъ къ розовому саду Лаурина въ сопровожденіи одного Виттиха; Гильдебрантъ и другіе слѣдуютъ сзади. Биться съ ними выѣхалъ Лауринъ въ блестящемъ вооруженіи, въ поясѣ, который даетъ ему силу двѣнадцати человѣкъ; Виттихъ побѣжденъ имъ; плохо приходилось и Дитриху, пока ему не удалось сорвать съ Лаурина его волшебный поясъ. Побѣжденный Лауринъ приглашаетъ витязей въ свой подземный дворецъ, находящійся внутри горы. Карлики угощаютъ и забавляютъ героевъ, но это только коварная хитрость: волшебный напитокъ погружаетъ Дитриха и его спутниковъ въ непробудный сонъ, въ продолженіи котораго ихъ связываютъ и бросаютъ въ глубокую тюрьму. Симильда освобождаетъ своего брата; тотъ помогаетъ освободиться другимъ. Дитрихъ прожигаетъ своимъ огненнымъ дыханіемъ связывающія его веревки и разбиваетъ желѣзныя кольца. Начинается битва витязей съ карликами; послѣдніе побѣждены. Дитлибъ увозитъ свою сестру домой; плѣннаго Лаурина увозятъ въ Бернъ.

Всякій національный эпосъ, на всѣмъ пути своего развитія, проявляетъ стремленіе къ концентраціи; на первыхъ стадіяхъ его развитія это стремленіе сказывается, во-первыхъ, въ томъ, что разновременныя событія сводятся къ одному историческому пункту, и, во-вторыхъ, въ томъ, что отдѣльныя пѣсни про одного героя соединяются въ поэмы На послѣднихъ стадіяхъ тоже стремленіе выражается тѣмъ, что поэмы, сводятъ вмѣстѣ героевъ различныхъ цикловъ. Славился въ Германіи, какъ первый по силѣ, герой Зигфридъ; славился и побѣдитель великановъ Дитрихъ Бернскій; поэмы обоихъ цикловъ исчерпали содержаніе сказаній; явилось стремленіе свести Зигфрида и Дитриха въ битвѣ другъ съ другомъ, заставить ихъ помѣряться силой, и оно осуществилось въ поэмѣ: «Розовый садъ въ Вормсѣ». Первую редакцію этой поэмы относятъ ко второй половинѣ XIII в.; до насъ дошла она въ нѣсколькихъ разновременныхъ передѣлкахъ.

Въ Вормсѣ, на Рейнѣ, живетъ король Гибихъ съ своими тремя сыновьями и съ своею дочерью красавицей Кримгильдой, за которую сватается могучій

Digitized by Google

Зигфридъ Нидерландскій. Онъ былъ такъ силенъ, что руками ловилъ львовъ и, связавъ хвостами, вѣшалъ ихъ на стѣнѣ. Кримгильда много слышала про силу Дитриха Бернскаго и желаетъ свести его въ битвѣ съ Зигфридомъ. У ней былъ прекрасный розовый садъ, простирающійся на милю въ длину и на пол-мили въ ширину. Послали вызовъ Дитриху, чтобъ онъ прибылъ на мѣсто съ 11 витязями и сразился съ двѣнадцатью защитниками сада. Побѣдителю обѣщаны отъ Кримгильды розовый вѣнокъ и поцѣлуй. Чтобы дополнить число своихъ спутниковъ, Дитрихъ съ Гильдебрантомъ отправились въ монастырь, гдѣ уже 20 лѣтъ спасался братъ Гильдебранта, Ильзанъ. Въ Ильзанѣ еще не укротилась страсть къ битвамъ, и онъ охотно примыкаетъ къ свитѣ Дитриха. Аббатъ съ удовольствіемъ отпускаетъ его, а братія, много пострадавшая отъ его неукротимой силы, шлетъ ему вслѣдъ проклятія. Слѣдуетъ описаніе путешествія героевъ къ Вормсу и двѣнадцати рыцарскихъ поединковъ, въ которыхъ перевѣсъ постоянно остается на сторонѣ бернцевъ. Самъ зигфридъ побѣжденъ Дитрихомъ: онъ не могъ выдержать его огненнаго дыханія. Ильзанъ, комическая фигура котораго занимаетъ во всей поэмѣ первенствующее мѣсто, вызываетъ еще 52 витязей на бой: онъ обѣщалъ привести братіи 52 вѣнка, онъ получилъ ихъ и получилъ 52 поцѣлуя, хотя его жесткая борода до крови исцарапала нѣжное личико Кримгильды. Гибихъ долженъ принять свое царство въ ленъ отъ Дитриха, а Ильзанъ, возвратившись въ свой монастырь, силою надѣлъ на монаховъ розовые вѣнки съ шипами и, связавъ ихъ за бороды, заставилъ ихъ исповѣдываться въ грѣхахъ своихъ.

Историки литературы обыкновенно выдѣляютъ изъ національнаго нѣмецкаго эпоса такъ-называемый лонгобардскій циклъ. Онъ состоитъ изъ трехъ поэмъ разнаго времени и достоинства: «Ротеръ» «Ортнитъ» и «Вольфдитрихъ». Первая поэма, какъ предполагаютъ, составлена какимъ-то баварскимъ шпильманомъ въ тридцатыхъ годахъ XII вѣка, на основаніи болѣе древней (XI вѣка) пѣсни о сватовствѣ короля Озериха. Отъ лонгобардскаго Ротариса мы, кромѣ имени, не находимъ никакихъ слѣдовъ *).

Царствующій въ городѣ Бари король Ротеръ ищетъ себѣ невѣсты; ему указываютъ на дочь императора Константинопольскаго; онъ посылаетъ сватами своихъ 12 вассаловъ; императоръ хватаетъ ихъ и сажаетъ въ темницу. Черезъ годъ Ротеръ инкогнито, но въ сопровожденіи своихъ витязей и великановъ, отправляется въ Константинополь, хитростью освобождаетъ своихъ пословъ и увозитъ принцессу Константинопольскую. Хитрый шпильманъ, во время отсутствія Ротера, обманомъ похищаетъ у него жену и возвращаетъ ее отцу. Переодѣтый Ротеръ проникаетъ во дворецъ имератора въ тотъ самый день, какъ его жена противъ воли должна обвѣнчаться съ вавилонскимъ принцемъ. Онъ узнанъ и долженъ быть повѣшенъ; но на выручку ему въ послѣдній моментъ является скрывавшееся невдалекѣ его войско, и вмѣсто него повѣшенъ вавилонскій принцъ.

Въ заключеніе поэтъ связываетъ генеалогически своего героя съ Карломъ Великимъ: отъ Ротера и дочери Константина, по его словамъ, родился Пипинъ Короткій, отецъ Карла Великаго.

---

*) Если передъ авторомъ носилось представленіе о какой-нибудь исторической личности, то это былъ скорѣе графъ Рожеръ Сицилійскій, «знаменитѣйшій человѣкъ своего времени», какъ называетъ его одинъ хроникеръ.

Digitized by Google

Авторъ поэмы, очевидно, находился подъ сильнымъ вліяніемъ разсказовъ о первомъ крестовомъ походѣ и о пребываніи крестоносцевъ въ Константинополѣ.

Сто слишкомъ лѣтъ спустя, когда нѣмецкая болѣе образованная публика уже ознакомилась въ передѣлкахъ съ французскими романами, повидимому послѣ похода Фридриха II въ Сирію, неизвѣстный южно-германскій поэтъ составилъ поэму объ Ортнитѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, и задумалъ слить съ нею поэму о Вольфдитрихѣ, но не кончилъ своего предпріятія.

Ортнитъ, король Ломбардіи, какъ Ротеръ, ищетъ себѣ невѣсты. Ему указываютъ на дочь сирійскаго короля Махореля, который рубилъ головы всѣмъ, кто пріѣзжаетъ свататься. Въ ожиданіи, пока соберутся къ нему вассалы, Ортнитъ ѣдетъ искать приключеній и встрѣчается съ карликомъ Альберихомъ, который даритъ ему вооруженіе, открываетъ ему тайну его рожденія (Ортнитъ сынъ Альбериха) и обѣщаетъ помочь ему добыть невѣсту. Ортнитъ съ войскомъ является къ берегамъ Сиріи; невидимый никому, кромѣ сына, Альберихъ помогаетъ ему побѣдить Махореля, убѣждаетъ принцессу бѣжать съ Ортнитомъ и спасаетъ ихъ отъ погони. Чтобъ отмстить Ортниту, Махорель посылаетъ въ подарокъ дочери два яйца, изъ которыхъ потомъ вылупились два дракона. Выросши, они начинаютъ производить страшныя опустошенія въ землѣ ломбардской. Ортнитъ погибъ въ битвѣ съ однимъ изъ нихъ. Какъ ни принуждали ломбарды свою молодую королеву выбрать себѣ другаго мужа, она не соглашалась: по завѣщанію Ортнита, она должна отдать свою руку тому, кто побѣдитъ дракона. Мстителемъ за Ортнита долженъ былъ явиться Вольфдитрихъ.

Поэма о Вольфдитрихѣ дошла до насъ въ нѣсколькихъ довольно далеко расходящихся между собою редакціяхъ. Въ одной изъ нихъ, весьма распространенной, его исторіи предшествуетъ поэма объ его отцѣ Гугдитрихѣ, который въ женскомъ платьѣ проникъ въ башню Гильдебурги, дочери короля ѳессалоникскаго *), и прижилъ съ нею сына, который былъ названъ Вольфдитрихомъ потому, что былъ найденъ своимъ дѣдомъ въ волчьей пещерѣ. Другая редакція излагаетъ исторію рожденія Вольфдитриха въ иномъ видѣ. Вольфдитрихъ—избранникъ неба съ утробы матери; но его отецъ, побуждаемый совѣтами одного коварнаго вассала, считаетъ его сыномъ бѣса и приказываетъ убить его Берхтунгу. Старый и вѣрный Берхтунгъ не можетъ рѣшиться на гнусное дѣло и спасаетъ жизнь ребенка съ опасностью для собственной. Въ обѣихъ редакціяхъ Вольфдитрихъ воюетъ съ братьями, причемъ ему остаются вѣрными только Бертунгъ и его сыновья, испытываетъ различныя приключенія съ великанами, волшебницами, лѣсными женщинами, отмщаетъ за Ортнита и женится на его вдовѣ.

Въ заключеніе настоящей главы считаемъ не лишнимъ упомянуть о нѣсколькихъ поэмахъ, которыя стоятъ внѣ «цикловъ».

---

*) Очевидно, этотъ эпизодъ составленъ послѣ четвертаго крестоваго похода и, повидимому, подъ вліяніемъ преданія объ Ахиллѣ.

Digitized by Google

Въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка, какой-то франконскій шпильманъ, можетъ быть жившій при дворѣ Генриха Льва, обдѣлалъ въ поэму національное сказаніе или пѣсню о герцогѣ Эрнстѣ, сливъ его съ слышаннымъ и читаннымъ о чудесахъ Востока; впослѣдствіи его поэма переработывалась не одинъ разъ.

Въ основѣ поэмы разновременные историческіе факты, спутанные въ одинъ клубокъ; изъ исторіи намъ извѣстны два Эрнста: Эрнстъ Баварскій, жившій во времена Людовика Благочестиваго, и Эрнстъ, пасынокъ императора Конрада Салійскаго, и извѣстенъ возстававшій противъ отца сынъ Оттона Людольфъ Швабскій, пасынокъ Адельгейды. Въ поэмѣ Эрнстъ—герцогъ Баварскій, сынъ Адельгейды и пасынокъ императора Оттона; онъ представитель нѣмецкаго партикуляризма. По наговорамъ коварнаго пфальцграфа Генриха, его вотчимъ, императоръ Оттонъ, ссорится съ нимъ и послѣ упорной борьбы принуждаетъ его покинуть царство. Эрнстъ съ 1000 рыцарей отправляется въ св. землю, воюетъ съ народомъ журавлей, терпитъ кораблекрушеніе при Магнитной горѣ, попадаетъ въ гнѣздо грифовъ, проходитъ черезъ Карбункуловую гору, служитъ у короля одноглазыхъ аримасповъ, сражается съ широконогими, съ долгоухими людьми, съ великанами и, наконецъ, попадаетъ въ Іерусалимъ, гдѣ помогаетъ тампліерамъ защищать св. гробъ. Слава объ его подвигахъ доходитъ до императора, который и даруетъ ему полное прощеніе.

Поэма „Соломонъ и Морольфъ“ основана на древнемъ апокрифѣ (похищеніе жены Соломона и возвращеніе ея хитростью), который и у насъ на Руси далъ сюжетъ былинѣ; по формѣ это самое характерное произведеніе поэзіи шпильмановъ; къ книжному сюжету поэтъ отнесся чрезвычайно свободно и внесъ туда массу вымышленныхъ имъ подробностей *).

Около 1190 года сложена полуцерковная, полунаціональная поэма: «Король Орендель», которая съ обычной сказочной темой—добыванія невѣсты—сливаетъ популярную въ то время легенду о хитонѣ Христа, принесенномъ ему моремъ и росшемъ вмѣстѣ съ нимъ **). Къ одной съ нею категоріи и приблизительно къ тому же времени принадлежитъ поэма о св. Освальдѣ, королѣ англійскомъ. Авторъ ея воспользовался нѣкоторыми мотивами изъ древнихъ народныхъ сказаній; помощникомъ героя при сватовствѣ, кромѣ пилигрима Трагемунда (который дѣйствуетъ и въ «Оренделѣ») является мудрый, одаренный словомъ, воронъ.

Къ совершенно иному роду и болѣе поздней эпохѣ принадлежитъ большая поэма неизвѣстнаго штирійскаго поэта: «Битерольфъ и Дитлибъ». Она представляетъ еще дальнѣйшую, сравнительно съ «Розовымъ Садомъ», ступень развитія національнаго эпоса: авторъ ея не только сводитъ въ одной рыцарской битвѣ всѣхъ извѣстныхъ ему первостепенныхъ и второстепенныхъ витязей нѣмецкаго эпоса, но,

*) См. о ней *А. Н. Веселовскаго*: „Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“.

**) Въ основѣ нелегендарнаго элемента поэмы многіе видятъ миѳъ: Orendel—геній мореходства, представитель хорошаго времени года; осенью терпитъ онъ кораблекрушеніе и попадаетъ во власть ледоваго великана Ізе.

Digitized by Google

сверхъ того, переноситъ центръ тяжести, главный интересъ на малознакомыхъ преданію или измышленныхъ героевъ, характеръ и подвиги которыхъ обдѣлываетъ по образцу извѣстныхъ ему модныхъ рыцарскихъ поэмъ французскаго происхожденія.

Содержаніе поэмы состоитъ въ томъ, что Битерольфъ, король толедскій, изъ страсти къ приключеніямъ тайно покидаетъ свою жену Дитлинду и маленькаго сына, ѣдетъ ко двору гунскаго короля Этцеля, и подъ чужимъ именемъ поступаетъ къ нему на службу. 12½ лѣтъ отъ роду, покинутый имъ сынъ Дитлибъ также тихонько покидаетъ родину и отправляется искать своего отца. По дорогѣ онъ ломаетъ копья съ многими витязями, между прочимъ съ Гагеномъ, Гернотомъ и Гунтеромъ, и пріѣзжаетъ наконецъ ко двору Этцеля, гдѣ его принимаютъ съ отличнымъ радушіемъ; тамъ находитъ онъ своего отца, но они не узнаютъ другъ друга; во время войны Этцеля съ поляками, они даже обмѣниваются многими ударами. Наконецъ черезъ Рюдигера тайна открывается, и весь дворъ Этцеля узнаетъ объ ихъ высокомъ положеніи. Этцель желаетъ посвятить Дитлиба въ рыцари, но тотъ требуетъ, чтобы прежде отмстили за него королямъ бургундскимъ. Слѣдуетъ описаніе рыцарственной войны (болѣе похожей на турниръ) гунновъ съ бургундами; въ этой войнѣ на сторонѣ гунновъ сражаются Дитрихъ и Эрманрихъ; на сторонѣ бургундовъ—Зигфридъ, пріѣзжающій къ ихъ двору съ Кримгильдой; кромѣ того, между сторонами распредѣляются множество извѣстныхъ и неизвѣстныхъ намъ именъ нѣмецкаго эпоса. Сидящія на стѣнѣ Вормса дамы (Брунгильда, Кримгильда и др.) въ самый разгаръ битвы приказываютъ прекратить ее, устраиваютъ пиръ и мирятъ противниковъ. Убитыхъ почти нѣтъ и нѣтъ указаній на позднѣйшую судьбу Зигфрида и бѣдствія Дитриха; поэтъ полусознательно удаляетъ изъ эпоса весь серьозный трагическій элементъ, какъ нѣчто неприличное веселой придворной поэзіи.

Нѣмецкій національный эпосъ не закончилъ своей жизни въ XIII в.: въ вѣка послѣдующіе не только переписывались и передѣлывались отдѣльныя поэмы, но и являлись попытки свести ихъ въ одно цѣлое. Одну изъ вліятельнѣйшихъ и удачнѣйшихъ подобныхъ работъ представляетъ такъ-называемая «Книга героевъ» (Heldenbuch), составленная въ XV в. и заключающая въ себѣ «Ортнита», «Вольфдитриха» съ «Гугдитрихомъ», «Розовый Садъ» и «Лаурина»; въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія она перепечатывалась шесть разъ. Любопытнѣе, чѣмъ самое изложеніе поэмъ, въ ней прозаическое введеніе, такъ сказать, въ конспектѣ излагающее содержаніе не вошедшихъ сюда поэмъ, иногда въ редакціяхъ намъ неизвѣстныхъ. Въ концѣ того же XV в. трое писцовъ-поэтовъ, изъ которыхъ одинъ называетъ себя по имени (Kasper von der Roen) «списали въ одну рукопись, болѣе или менѣе сокращая, выкидывая», какъ говоритъ одинъ изъ нихъ, «безполезныя слова», поэмъ изъ цикла ломбардскаго и цикла Дитриха.

Даже и въ XVI в. эпическіе сюжеты не забывались окончательно; нѣкоторые драматурги, напр., Яковъ Айреръ, передѣлывали ихъ для сцены. Выше было сказано, что иныя поэмы въ летучихъ листкахъ и лубочныхъ передѣлкахъ дожили до эпохи ученаго изслѣдованія нѣмецкаго эпоса.

Digitized by Google

XVIII. Феодальный порядокъ.—Французскій эпосъ.—Циклъ Карла Великаго.—Теорія кантилянъ.—Вопросъ о хроникѣ Турпина.—Пѣснь о Роландѣ.—Труверы и жонглеры.—Три эпохи въ развитіи французскаго національнаго эпоса.—Ренсевальскій Роланъ.—Три цикла.—Раулъ Камбрейскій.—Циклъ Вильгельма Оранжскаго.—Французскій эпосъ внѣ Франціи.

Главныя пособія:

A. Guizot: Hist. de la civilisation en France. 10-me éd. Paris. 1868. T. III.
Aubertin (см. выше).
Gaston Paris: Hist. poétique de Charlemagne. Paris. 1865.
Les anciens poëtes de la France. Paris 1859 et ss. T. I—X.
Léon Gautier: Les épopées françaises. 2-de éd. Paris. 1878.
— Ch. de Rol. 7-me éd.
Tobler: Ueber das volksthümliche Epos der Franzosen. Zeitschrift für Volkspsychol. IV, 2. 1866.
Jonckbloet: Guillaume d'Orange. Chansons de Geste des XI et XII siècles. La Hay. 1854. T. 1—2.
Hist. littéraire de la France. T. XXII.

Ложный блескъ вѣка Людовика XIV и первенствующая роль, которую съ того времени играла Франція въ семьѣ европейскихъ государствъ, ослѣпили современниковъ и ближайшее потомство, и средневѣковая Франція долгое время была предметомъ поруганія и, пожалуй, жалости, но никакъ не объективнаго изученія. Съ самоувѣренностью невѣжества Буало отвергалъ существованіе опредѣленнаго принципа въ средневѣковомъ стихосложеніи, а Вольтеръ—способность своихъ предковъ къ созданію эпоса. Только съ 30-хъгодовъ нашего столѣтія стало возможнымъ серьозное, вполнѣ научное изслѣдованіе средневѣковой французской старины, и поразительно богатые результаты, ставшіе очевидными, такъ сказать, послѣ первыхъ ударовъ заступа, превзошли самыя пылкія ожиданія.

Уже въ VII гл. мы вскользь упоминали о томъ вліяніи, какое имѣла Франція на сосѣднюю съ ней Германію, начиная съ конца XI в. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ средніе вѣка Франція была страной болѣе передовой и дающей тонъ всей Европѣ, чѣмъ въ XVIII в., что ея средневѣковая поэзія богаче, жизненнѣе, разнообразнѣе и художественнѣе, чѣмъ вся поэзія XVII и XVIII столѣтій. Ея вліяніе на цивилизацію сосѣдей было тѣмъ благотворнѣе, что оно шло мирнымъ путемъ; его не разносили на концѣ штыковъ солдаты великаго короля или великаго императора.

Основныя формы средневѣковой общественной и умственной жизни—феодализмъ, рыцарство, общины, схоластика—вполнѣ сложились прежде всего во Франціи, и здѣсь являются онѣ въ болѣе чистомъ, болѣе удобномъ для изученія видѣ. Французскій національный эпосъ сложился въ эпоху феодолизма; ни его содержаніе, ни способы

Digitized by Google

распространенія не могутъ быть понятны безъ уясненія, хотя бы въ общихъ чертахъ, сущности феодальнаго порядка.

Сущность феодализма, какъ извѣстно каждому, есть распаденіе государства на множество мелкихъ независимыхъ государствъ-помѣстій. Разсмотримъ его причины, условія и послѣдствія.

Коренный источникъ его лежитъ въ древне-германскомъ бытѣ и въ завоеваніи. Въ первой главѣ мы говорили объ отсутствіи принудительнаго государства у германцевъ и о дружинникахъ. Къ дружинѣ передъ походомъ приставала масса до тѣхъ поръ вполнѣ независимыхъ членовъ общинъ съ женами, дѣтьми и скарбомъ. Завоевавъ область имперіи, дружина герцога раздѣлялась: приставшіе къ ней временно торопились захватить участки земли, на которыхъ они и поселялись такими же независимыми общинниками. Также поступали optimo jure и тѣ дружинники, которые желали завестись своимъ домомъ. Такія владѣнія, захваченныя сейчасъ же послѣ завоеванія, не связанныя ни съ какими обязательствами къ бывшему предводителю, назывались обыкновенно аллодами. Предводитель забиралъ себѣ много земли (ему доставалась значительная часть владѣній римской казны). Не могъ же онъ обработывать ее личнымъ трудомъ; къ тому же онъ желалъ наградить своихъ старыхъ дружинниковъ и привязать къ себѣ возможно большее количество новыхъ. Въ замѣнъ оружія, подарковъ и содержанія, которыми тѣ довольствовались въ лѣсахъ Германіи, онъ раздавалъ имъ теперь участки земли, доходами съ которыхъ они должны были кормиться. Въ Германіи дружинникъ пировалъ въ медовой залѣ только до тѣхъ поръ, пока служилъ своему господину; такъ и теперь онъ долженъ былъ пользоваться такою землею только до тѣхъ поръ, пока исполнялъ въ отношеніи къ дарителю извѣстныя обязанности. Такіе участки назывались бенефиціями или съ IX в. феодами. Дружинникъ, жившій вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, съ одной стороны служилъ ревностнѣе, съ другой, связь его съ господиномъ могла быть расторгнута очень легко: не поладили они, дружинникъ завтра же переходилъ къ другому. Дружинникъ, получающій плату землею, на которой онъ живетъ, не могъ такъ легко бросать насиженное мѣсто, и съ другой стороны онъ несравненно легче забывалъ свои обязательства. Съ V по IX в. на почвѣ нынѣшней Франціи идетъ повсемѣстно глухая борьба между получившими бенефиціи и давателями: первые стараются обратить свое временное владѣніе въ потомственное, вторые мѣшаютъ имъ въ этомъ всѣми мѣрами и стараются отнять участки у тѣхъ, кто плохо исполняетъ свои служебныя обязанности, чтобы раздать ихъ другимъ. Кратковременное пользованіе землею—дѣло неудобное: затраченный на нее трудъ можетъ дать

Digitized by Google

плодъ только черезъ много лѣтъ; построенный на ней домъ на своз не имѣетъ цѣны. Борьба должна была кончиться въ пользу феодаловъ, такъ какъ за нихъ была логика вещей. Съ VII вѣка многія бенефиціи раздаются въ потомственное владѣніе; въ 877 г. Карлъ Лысый объявляетъ всѣ бенефиціи наслѣдственными. Остается только память о временности бенефицій, проявлявшаяся въ томъ, что до конца X вѣка, по смерти короля, феодалы обращались къ его наслѣдникамъ съ просьбой утвердить за ними бенефиціи, и до самаго конца феодальнаго порядка, послѣ смерти вассала, его наслѣдники приносили присягу въ вѣрности, а за нее получали свою наслѣдственную землю отъ сюзерена. Имѣя въ виду способствовать устройству прочнаго общества, положить конецъ остаткамъ кочеваго быта, даже Карлъ Великій, вообще противодѣйствовавшій обособленію феодаловъ, старался указами закрѣпить вассаловъ за сеньорами, запрещая первымъ безъ достаточнаго основанія покидать свои участки. Число бенефицій все росло и постепенно поглотило всѣ аллоды и бо́льшую часть королевскихъ владѣній. Это произошло главнымъ образомъ въ силу того закона, по которому формы (соціальныя или грамматическія, все равно) болѣе рѣдкія поглощаются формами болѣе распространенными; были и свои спеціальныя причины. Земли, несправедливо захваченныя изъ королевскихъ доменовъ, или изъ обширныхъ аллодовъ и бенефицій, или изъ числа земель пустопорожнихъ, по взаимному соглашенію захватившаго и законнаго владѣтеля, или могучаго сосѣда, обращались въ феоды. Небогатые владѣльцы аллодовъ дарили свои участки богатымъ сосѣдямъ, чтобы получить ихъ сейчасъ же обратно: они добровольно соглашались нести извѣстныя обязанности, чтобы пользоваться за то покровительствомъ сильныхъ людей, крайне необходимымъ въ то безправное время. Связь обязательной личной службы съ территоріальной собственностью—одинъ важный элементъ феодализма, другой еще болѣе важный—связь территоріальная, хотя бы и мелкой собственности съ царской властью въ предѣлахъ собственности: всякій феодалъ пользовался правами независимаго государя надъ колонами и горожанами, живущими на землѣ, данной ему въ бенефицію.

Ничего подобнаго мы ни находимъ ни въ римской имперіи, ни въ новой Европѣ, даже при крѣпостномъ правѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ, сильная центральная власть опредѣляетъ отношенія высшаго къ низшимъ. Средневѣковый баронъ, владѣлецъ нѣсколькихъ акровъ, въ границахъ своихъ владѣній не стѣснялся никакимъ законодательствомъ, онъ творилъ судъ и расправу, казнилъ и миловалъ, налагалъ подати, имѣлъ право чеканить монету и даже могъ воевать и ми-

Digitized by Google

риться съ сосѣдомъ-феодаломъ, только бы это не противорѣчило его отношеніямъ къ сюзерену.

Источникъ этого страннаго порядка видятъ, во 1-хъ, въ устройствѣ древне-германской трибы, глава которой, при отсутствіи государственнаго центра, имѣлъ права государя надъ своими чадами и домочадцами, и во 2-хъ, въ завоеваніи: германецъ-побѣдитель, захватившій силой оружія и на свой личный страхъ участокъ римской земли, чувствовалъ себя полнымъ господиномъ надъ побѣжденными. Обуздать завоевателей, измѣнить ихъ отношенія могла бы сильная центральная власть, а такой, какъ извѣстно, не было ни при Меровингахъ, ни при Карловингахъ. Дѣятельность Карла Великаго была только временнымъ перерывомъ, и ея послѣдствіемъ было не обузданіе феодальнаго своеволія, а приведеніе его къ большему однообразію. Правда, неограниченная власть оставалась за феодалами не долго: уже послѣдніе Капетинги начинаютъ постепенно ограничивать ее, развитіе общинъ связываетъ феодаламъ руки, но остатки государствованія феодаловъ уцѣлѣли, какъ извѣстно, до самой французской революціи.

Элементарная форма феодальной жизни есть укрѣпленный нагорный замокъ и лежащая у его подножія деревня. Эта форма обусловливаетъ и соціальную и даже, въ извѣстной степени, умственную жизнь эпохи. Ворвавшись въ Галлію, германцы не сейчасъ же занялись постройкой замковъ: большая часть ихъ селилась въ роскошныхъ загородныхъ домахъ галло-римлянъ *), но скоро оказались невыгоды жизни на открытыхъ мѣстахъ; стали строить каменныя башни на неприступныхъ высотахъ, какъ для того, чтобы лучше защищаться отъ набѣговъ, такъ и для того, чтобъ удобнѣе производить набѣги въ долины. Оказалось, что безопаснымъ и сильнымъ можетъ считать себя только тотъ, кто имѣетъ операціонный базисъ въ видѣ такого, грубо, но прочно сколоченнаго орлинаго гнѣзда. Само собою разумѣется, что центральной власти было крайне непріятно такое самовольное удаленіе изъ предѣловъ закона. При Карлѣ Великомъ мы не слышимъ о постройкѣ такихъ зàмковъ, но сейчасъ же послѣ него число ихъ быстро увеличивается, и Карлъ Лысый напрасно пытается безсильными указами уничтожить ихъ. Непріятны были зàмки и миролюбивымъ сосѣдямъ, и тѣ изъ нихъ, кто имѣлъ голосъ въ обществѣ—епископы и монастыри, энергически протестовали противъ нихъ въ частныхъ случаяхъ. Но безполезно возставать противъ логики событій, и дѣло кончилось тѣмъ, что по типу зàмка стали строиться и другія жилища: епископскіе домы, монастыри, города,

*) Villa—оттого множество позднѣйшихъ дворянскихъ резиденцій оканчивается на ville.

Digitized by Google

въ городахъ отдѣльныя улицы, даже дома превратились въ укрѣпленные, насколько позволяли обстоятельства, зàмки.

Жизнь въ уединенномъ зàмкѣ, положительное отсутствіе общества—подчиненный вилланъ не могъ же быть товарищемъ для своего государя—во первыхъ, способствуютъ развитію индивидуальности, сознанію своего превосходства надъ всѣмъ окружающимъ, выработкѣ понятій о дворянской гордости и о дворянской чести—понятій, которымъ современное общество обязано многимъ хорошимъ. Почти обязательная жизнь въ семьѣ способствовала усиленію семейнаго начала и высокому положенію женщины, которая при выходѣ изъ первобытныхъ формъ жизни лѣсовъ германскихъ не только ничего не потеряла, но напротивъ выиграла. Далѣе: таже разобщенность, отсутствіе общества дѣлало невозможнымъ быстрый ходъ цивилизаціи, который поражаетъ насъ своей безпримѣрной медленностью, особенно, если мы примемъ въ разсчетъ богатые остатки античной культуры и способности свѣжаго, даровитаго народа. Безъ общества, безъ занятій феодалъ отчаянно скучалъ въ своемъ зàмкѣ, и когда ему приходилось спуститься въ долину, онъ жаждалъ развлеченія сильнаго, необыкновеннаго, о которомъ онъ могъ бы долго вспоминать въ своемъ нагорномъ уединеніи. Отсюда страсть къ похожденіямъ, къ необыкновеннымъ приключеніямъ. Этой страстью столько же, сколько и стремленіемъ къ наживѣ, обусловливаются столь частые грабежи на большой дорогѣ, ею исключительно объясняются такія съ нашей точки зрѣнія мало-понятныя событія, какъ крестовые походы. Слабость, лучше сказать, полное безсиліе центральной власти обусловливаетъ безпрерывное, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, военное положеніе, а это придаетъ совсѣмъ особый колоритъ всей внѣшней и духовной жизни среднихъ вѣковъ.

Французскій эпосъ, chansons de geste—полное выраженіе феодальнаго порядка вещей; начало и конецъ этихъ двухъ явленій совпадаютъ безусловно: феодальная эпоха, въ строгомъ смыслѣ слова, занимаетъ почти четыре столѣтія, отъ Гуго Капета до Филиппа Валюа; при первыхъ Капетингахъ старинныя кантилены передѣлываются въ поэмы, при первыхъ Валюа въ циклическихъ огромныхъ поэмахъ и свободныхъ передѣлкахъ заканчиваетъ свою жизнь національный французскій эпосъ.

Центральная фигура французскаго эпоса—Карлъ Великій. Въ исторіи латинской литературы среднихъ вѣковъ мы уже имѣли случай упоминать о художественныхъ латинскихъ поэмахъ, которыя воспѣвали его еще при жизни, и о сказаніяхъ, которыя появились вскорѣ послѣ его смерти (записаны с.-галленскимъ монахомъ).

Не разъ положеніе Карла Великаго во французскомъ эпосѣ

Digitized by Google

сравнивали съ положеніемъ Владиміра Краснаго Солнышка въ русскомъ и проводили параллель между постепеннымъ пониженіемъ личностей обоихъ государей: какъ Карлъ въ древнемъ слоѣ эпоса—величественная, всѣми уважаемая фигура, такъ и Владиміръ въ былинахъ, которыя считаются древними; какъ Карлъ впослѣдствіи, при развитіи феодальнаго порядка—въ позднѣйшихъ chansons становится вздорнымъ, несправедливымъ и слабымъ старикомъ, такъ и Владиміръ при развитіи удѣльно-вѣчеваго порядка не разъ посрамляется своими богатырями и нарушаетъ самые простые законы нравственности. Какъ огромное количество chansons начинается съ изображенія Карла, собирающаго своихъ бароновъ въ Ахенѣ *), такъ и большое количество былинъ начинается общимъ мѣстомъ: «Какъ въ городѣ было въ славномъ Кіевѣ, у ласковаго князя Володиміра» и т. д. Сходство безъ сомнѣнія есть, но есть и различіе, зависящее главнымъ образомъ какъ отъ связи французскаго эпоса съ латинской письменностью, такъ и отъ различнаго положенія обоихъ государей въ представленіи народа. Владиміръ уже въ тѣхъ раннихъ сказаніяхъ, которыя занесены въ начальную лѣтопись, только ласковый хозяинъ и глава дружины; Карлъ—самъ боецъ и богатырь; въ chansons ранней эпохи его личность принимаетъ грандіозные размѣры: ангелъ Божій часто является къ нему то какъ совѣтникъ, то какъ помощникъ; какъ Іисусъ Навинъ, онъ останавливаетъ бѣгъ солнца. Получивъ обиду, онъ восклицаетъ въ сознаніи своей страшной силы: «Пусть не спятъ тѣ, кто сдѣлалъ мнѣ зло: Карлъ просыпается». По смерти его, колокола звонятъ сами собою, когда проносятъ мимо его тѣло; въ своей могилѣ въ Ахенѣ онъ не лежитъ, а сидитъ съ обнаженнымъ мечомъ на колѣняхъ, и этотъ мечъ и теперь грозитъ язычникамъ **). Карлъ не только государь, собиратель богатырей, не только самъ богатырь, но и центральное эпическое событіе: его царствованіе для французскаго эпоса тоже, что эпоха переселенія народовъ для германскаго, что завоеваніе Сербіи для сербскаго, что троянская война для греческаго эпоса.

Разсказъ с.-галленскаго монаха неопровержимо доказываетъ, что уже въ половинѣ IX вѣка въ представленіи народа личность и дѣятельность Карла Великаго облеклись поэтическими чертами. Въ той же половинѣ IX вѣка такъ-называемый Лимузинскій астрономъ (біографъ Людовика Нѣмецкаго), разсказавъ о ронсевальскомъ пораженіи, считаетъ излишнимъ называть имена павшихъ, такъ какъ

*) Sa cort tint Charlemagne á Ais á sa chapelle, или Un jor tint cort l'Emperére au vis fier и т. д.

**) Encore manace la pute gens averse.

Digitized by Google

они слишкомъ извѣстны въ народѣ *). Въ одной редакціи Эйнгарда, которую относятъ къ XI в., «Жизнь Карла Великаго» заканчивается такой фразой: Остальные его (Карла Великаго) подвиги или то, что обыкновенно разсказываютъ о немъ въ стихотвореніяхъ, ищи въ его біографіи, написанной Алкуиномъ **). Наконецъ, не такъ давно найденъ отрывокъ (Le fragment de la Haye) латинскаго, вѣроятно, первоначально стихотворнаго разсказа о походѣ императора Карла противъ сарацинъ; по стилю и рукописи, отрывокъ этотъ относятъ къ X вѣку; въ именахъ сподвижниковъ Карла узнаютъ героевъ эпоса цикла Вильгельма Оранжскаго. Біографъ св. Вильгельма Геллонскаго говоритъ, что этого могучаго сподвижника Карлова воспѣвали хоры юношей при большомъ вниманіи со стороны публики и т. д. Все это доказываетъ, что въ продолженіи двухъ съ половиной столѣтій, которыя протекли отъ смерти Карла Великаго до первой дошедшей до насъ французской поэмы, подвиги его воспѣвались народомъ въ пѣсняхъ. Какого характера были эти пѣсни? На какомъ языкѣ были онѣ? Какъ онѣ относятся къ позднѣйшимъ поэмамъ—chansons? Это вопросы спорные; не имѣя возможности разбирать въ подробности перипетіи этихъ споровъ мы ограничимся краткимъ изложеніемъ наиболѣе популярныхъ въ настоящее время мнѣній и указаніемъ факта, имѣющаго наибольшую доказательную силу.

Начинаемъ съ факта. Въ правленіе Карла Лысаго, Гельгарій, епископъ Мо (Meaux) написалъ житіе св. Фарона, знаменитѣйшаго своего предшественника, и въ немъ разсказываетъ слѣдующій случай: Въ 620 г. къ Лотарю II явились послы саксовъ и отъ имени своего государя и народа грозили франкамъ войною. Лотарь пришелъ отъ этого въ такой гнѣвъ, что велѣлъ имъ идти въ тюрьму и готовиться на-завтра къ казни; напрасно убѣждали его приближенные; Лотарь рѣшился, въ угоду ярости, нарушить святое международное право. Фаронъ ночью отправился къ саксамъ въ тюрьму и убѣдилъ ихъ принять христіанство. Когда Лотарь на другой день потребовалъ саксовъ на казнь, Фаронъ объяснилъ ему, что они уже не саксы, а благочестивые христіане, и такимъ образомъ жизнь саксовъ и честь короля франковъ были спасены. Объ этомъ событіи сложилась очень распространенная народная пѣсня, распѣваемая женскимъ хоромъ (carmen publicum juxta rusticitatem per omnium pene volitabat ora), изъ которой Гельгарій приводитъ двѣ строфы: начало и конецъ. А надо замѣтить, что въ странѣ, о которой идетъ рѣчь, языкъ франковъ никогда не былъ общенароднымъ языкомъ.

*) Quorum quia vulgata sunt nomina dicere supersedi.

**) Reliqua actuum ejus (Caroli) gesta seu ea quae in carminibus vulgo canuntur de eo, non hic pleniter descripta, sed require in vita quem Alchinus de eo scribit.

Digitized by Google

Изъ этого факта выводятъ слѣдующія заключенія:

1) Одновременно съ пѣснями нѣмецкими, существовали пѣсни на романскомъ языкѣ.

2) Эти пѣсни сочинялись неизвѣстно кѣмъ и распѣвались всѣмъ народомъ.

3) Эти пѣсни обладали большой живучестью (съ VII по IX в. черезъ кантилены сохранялась въ народѣ память о событіи).

Подвиги Карла Великаго должны были послужить предметомъ многихъ подобныхъ пѣсенъ, за которыми во французской наукѣ утвердилось названіе: «кантиленъ», терминъ, взятый изъ современныхъ имъ латинскихъ лѣтописей. По аналогіи съ другими народами утверждаютъ, что эти кантилены были небольшаго объема, касались одного, но выдающагося событія изъ жизни героя; близко къ событію они носили лирическій характеръ, по мѣрѣ удаленія отъ него все болѣе и болѣе подходили по характеру къ нашимъ былилинамъ. Прежде увѣряли, будто chansons de geste произошли отъ механическаго соединенія въ одно цѣлое (juxtaposition) многихъ кантиленъ; теперь пришли къ заключенію, что кантиленами пользовались авторы chansons только какъ стимуломъ: кантилены давали имъ сюжетъ и кое-какія указанія на его развитіе, давали характеры, типы, уголъ зрѣнія на событіе, но авторъ chansons былъ не собиратель, а самостоятельный поэтъ, который могъ черпать содержаніе и помимо кантиленъ, непосредственно изъ прозаическихъ преданій.

Кантилены отличаются отъ chansons происхожденіемъ: авторъ кантилены народъ въ цѣломъ, или безграмотный его представитель; авторъ chansons — грамотникъ. Кантилены и chansons различаются и по способу распространенія: кантилену поетъ весь народъ, chansons поетъ или читаетъ спеціалистъ этого дѣла, жонглеръ, получающій за это вознагражденіе отъ слушателей, живущій своимъ ремесломъ.

Теперь другой вопросъ касательно происхожденія chansons de geste вообще и древнѣйшихъ chansons изъ цикла Карла Великаго въ частности: въ какомъ отношеніи стоитъ пѣснь о Роландѣ, первый и важнѣйшій памятникъ цикла, къ такъ-называемой «Хроникѣ Турпина», чрезвычайно популярному латинскому повѣтствованію о подвигахъ Карла? Архіепископъ Турпинъ, точнѣе Тюльпинъ—лицо историческое; онъ занималъ каѳедру реймскую между 753 и 794 г. Имя его въ преданіи пользовалось большою популярностью: въ «Пѣснѣ о Роландѣ» онъ одинъ изъ 12 паладиновъ Карла, единственный между ними духовный, воодушевляющій войско къ битвѣ съ невѣрными и бойко дѣйствующій мечомъ, одинаково свободно чувствующій себя въ рясѣ и въ кольчугѣ, онъ погибаетъ въ долинѣ Ронсевальской однимъ изъ послѣднихъ. Приписываемая ему хроника подъ названіемъ De vita et

Digitized by Google

gestis Caroli Magni, разсказывающая главнымъ образомъ о походѣ Карла Великаго въ Испанію, о ронсевальскомъ побоищѣ и мщеніи Карла, существовала въ первой половины XII в. Въ 1180 г. одинъ пріоръ даритъ монахамъ монастыря св. Марціала списокъ съ хроники, принесенный изъ Испаніи, сильно потертый, пропуски котораго онъ счелъ необходимымъ пополнить. За 15 лѣтъ до этого, въ 1165 г., когда Фридрихъ Барбарусса, во время борьбы съ папою Александромъ, изъ политическихъ видовъ (чтобъ освятить свою претензію на всемірное владычество и свое право смѣщать папъ) рѣшился канонизировать Карла Великаго, онъ велѣлъ составить житіе его, и такъ-называемая «Хроника Турпина» вошла туда цѣликомъ.

Что эта хроника не принадлежитъ Турпину, или другому современнику Карла, всего очевиднѣе доказывается ея легендарнымъ содержаніемъ; что она явилась на свѣтъ никакъ не раньше самаго конца IX вѣка, доказываетъ встрѣчающееся въ ней географическое названіе Лотарингіи (раньше 855 года это имя не встрѣчается и не можетъ встрѣчаться). Умершій въ 966 году историкъ, епископъ реймскій Флодоартъ не имѣлъ ея въ рукахъ. Наконецъ въ ней встрѣчается имя «Portugallorum», а самый древній памятникъ, въ которомъ есть это названіе, относится къ 1069 г.; изъ этого слѣдуетъ, что хроника псевдо-Турпина или по крайней мѣрѣ тотъ эпизодъ ея, гдѣ встрѣчается это имя, возникъ не раньше второй половины XI вѣка. На тотъ же вѣкъ, какъ на самый ранній терминъ (terminus a quo), указываютъ и встрѣчающіеся въ ней леонинскіе съ риѳмой въ срединѣ стихи, и риторическій надутый слогъ. Изслѣдователи *) приходятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: хроника псевдо-Турпина составлена не въ одно время и не однимъ лицомъ. Зерно ея составляютъ первыя пять главъ; ихъ авторъ говоритъ о Турпинѣ въ третьемъ лицѣ; онъ не пользуется поэмами, а тономъ историка разсказываетъ о путешествіи Карла Великаго въ Испанію съ цѣлью прославить св. Якова Компостельскаго; авторъ хорошо знаетъ Испанію и мусульманъ. Остальныя 27 главъ сочинены значительно позднѣе; ихъ авторъ французъ, онъ желаетъ себя выдать за архіепископа Турпина: говоря о клерикахъ вьенскихъ, онъ называетъ ихъ: наши клерики, изъ чего можно сдѣлать довольно точный выводъ о мѣстѣ его жительства.

До 1119 г. архіепископскую каѳедру во Вьеннѣ занималъ Гюи бургонскій, позднѣе вступившій на папскій престолъ подъ именемъ Каликста II-го; его братъ Раймундъ былъ графомъ Галиціи (въ предѣлахъ которой лежитъ Компостелла), и самъ Гюи въ 1108 году

[1]) См. G. Paris. De pseudo-Turpino. Его же Histoire poetique de Ch., стр. 158 и слѣд.—L. Gautier, I, 99 и слѣд.

Digitized by Google

совершилъ пилигримство къ мощамъ св. апостола. Не лишено вѣроятія предположеніе, что авторъ второй части хроники сопутствовалъ ему въ этомъ путешествіи. Во всякомъ, случаѣ позднѣе имя Каликста II связали съ хроникой довольно тѣсно: его именемъ подписана подложная булла, будто бы изданная въ 1122 году, объявляющая хронику Турпина подлиннымъ актомъ, а помѣщенное въ началѣ книги о чудесахъ св. Якова письмо (тоже апокрифическое) одного съ буллой содержанія. Немного позднѣе хроника псевдо-Турпина подверглась различнымъ интерполяціямъ и добавленіямъ. Взятая въ цѣломъ, она отчасти опирается на историческомъ преданіи, отчасти есть продуктъ фантазіи, главнымъ же образомъ переложеніе раннихъ французскихъ chansons *). Послѣднему обстоятельству съ одной стороны, и латинской прозѣ, которая въ то время считалась доказательствомъ истинности повѣствованія — съ другой — хроника обязана своей огромной популярностью: уже въ первые годы XIII вѣка явились три ея перевода и съ того же времени она входитъ почти во всѣ историческія компиляціи, гдѣ идетъ рѣчь о Карлѣ Великомъ. По языку она казалась правдивымъ разсказомъ, по содержанію была чрезвычайно интересна и понятна, духовенство читало ее съ интересомъ, усматривая въ ней церковно-моральную тенденцію, міряне видѣли въ ней оправданіе и приведеніе въ систему столь любимыхъ ими поэмъ. Въ переводахъ она стала извѣстна и труверамъ и, обязанная своимъ содержаніемъ раннимъ поэмамъ, послужила въ свою очередь источникомъ для позднихъ chansons **). Что касается до отношенія хроники къ дошедшей до насъ редакціи «Пѣсни о Роландѣ», не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ 2-й части хроники пользовался этой редакціей какъ источникомъ. Главныя его отступленія отъ источника мы укажемъ при изложеніи содержанія поэмы.

«Chanson de Roland», какъ извѣстно, основывается на историческомъ фактѣ, о которомъ упоминаетъ Эйнгартъ въ жизнеописаніи Карла и въ лѣтописяхъ подъ 778 годомъ: когда Карлъ возвращался изъ похода въ Испанію, на его аріергардъ въ ущельѣ Пиренеевъ напали возмутившіеся баски (гасконцы) и истребили его; при этомъ погибло нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Хруодландъ, начальникъ британской марки ***). Память о печальномъ событіи сохранилась во французскомъ народѣ, причемъ основной фактъ

*) Хроника, говоря объ Ожье, сама ссылается на поэмы: De hoc canitur in cantilena usque in hobiernum qiem, quia innumera fecit mirabilia.

**) Напр. Entrée en Espagne непосредственно по хроникѣ воспроизводитъ поединокъ Феррагуса съ Роландомъ.

***) Hruodlandus britannici limitis praefectus.

Digitized by Google

естественно подвергся существеннымъ измѣненіямъ: Хруодландъ—Роландъ, вѣроятно, и по другимъ причинамъ памятный въ народѣ, сталъ не только лучшимъ витяземъ Карла, но его роднымъ племянникомъ. Мало извѣстные баски обратились въ традиціонныхъ враговъ вѣры христіанской, въ сарацинъ; размѣры пораженія расширены, можетъ быть, не безъ вліянія вторженія сарацинъ въ 793 г.; ихъ нападеніе въ ущельѣ, гдѣ воинамъ Карла трудно было защищаться, обусловливалось измѣной одного изъ вельможъ Карла, — и эту измѣну мотивировали ссорой измѣнника съ Роландомъ. Въ преданіе вплелись памятные народу люди, жившіе много позднѣе Карла Великаго, напримѣръ Жофруа Анжуйскій и Ришаръ Нормандскій. Наконецъ, по закону эпическаго оптимизма, дѣло не могло закончиться избіеніемъ христіанъ: Карлъ Великій воротился съ дороги въ Испанію и отмстилъ сарацинамъ; измѣнникъ также получилъ должное воздаяніе.

Поэмѣ несомнѣнно предшествовали кантилены: ихъ, повидимому, имѣетъ въ виду авторъ «Chanson», когда влагаетъ въ уста Роланду опасеніе, что о нихъ «споютъ плохую пѣсну». Кантиленой, кажется, нужно признать и ту пѣсню, которую до начала Гастингской битвы распѣвалъ передъ войскомъ норманновъ мужественный Тайлефертъ, пѣсню о Карломанѣ, о Роландѣ, объ Оливье и вассалахъ, которые погибли въ Ронсевалѣ».

На сколько авторъ лежащей передъ нами поэмы воспользовался предшествующими кантиленами, мы судить не можемъ, за неимѣніемъ фактовъ *). Судя по языку, грубымъ ассонансамъ, нравамъ и обычаямъ, какъ они изображены въ поэмѣ, и по умолчанію поэмы о первомъ крестовомъ походѣ, «Пѣснь о Роландѣ» относятъ къ концу XI вѣка **).

„Пѣснь о Роландѣ", въ древнѣйшей рукописи, заключаетъ въ себѣ около 4000 стиховъ; по содержанію она довольно удобно распадается на 4 части: 1) вступленіе: посольство Марсиля къ Карлу Великому; ссора бароновъ; Ганелонъ у Марсиля; Карлъ Великій уходитъ во Францію, оставляя въ Испаніи Роланда, перовъ и 20 тысячъ воиновъ; 2) гибель французскаго аріергарда; 3) возвращеніе Карла Великаго и его побѣда надъ сарацинами; 4) заключеніе: возвращеніе Карла Великаго и казнь Гонелона.

Передаемъ содержаніе „Пѣсни о Роландѣ". Карлъ Великій семь лѣтъ провелъ въ Испаніи; онъ завоевалъ почти всю страну, за исключеніемъ Сарагоссы, столицы

*) Напрасны были усилія ученыхъ, воодушевленныхъ примѣромъ Лахмана и его послѣдователей, разбить „Chanson de Roland" на отдѣльныя кантилены; кантилены о смерти Ауды не фактъ, а ученая фикція; не могли въ этомъ дѣлѣ оказать помощь часто встрѣчающіеся въ „Chanson" куплеты сходнаго содержанія (очень напоминающіе повторенія въ книгахъ Моисеевыхъ), въ которыхъ думали видѣть, такъ сказать, разночтеніе кантиленъ. Происхожденіе и назначеніе этихъ куплетовъ еще не разъяснено окончательно.

**) Наиболѣе ранняя рукопись—оксфордская—написана въ XII вѣкѣ.

Digitized by Google

сарацинскаго короля Марсиля. Марсиль спрашиваетъ у своихъ бароновъ совѣта, какъ бы спастись ему отъ окончательной гибели. Старый Бланкандинъ совѣтуетъ послать къ Карлу посольство, которое предложитъ ему богатые подарки, заложниковъ и полное подчиненіе Марсиля. Тогда Карлъ оставитъ Испанію, и сарацины освободятся отъ неминуемой опасности. Пусть погибнутъ лучше немногіе заложники, чѣмъ вся страна. Совѣтъ его принятъ. Подъ его же предводительствомъ отправляется посольство; послы сидятъ на бѣлыхъ мулахъ, узды у нихъ золотыя, а сѣдла серебряныя; въ рукахъ они держатъ оливковыя вѣтви.

Карлъ веселъ и радостенъ: онъ только-что овладѣлъ Кордовой и отдыхаетъ среди своихъ витязей. Бароны, послѣ обѣдни, въ роскошномъ саду играютъ въ шахматы; другіе упражняются въ фехтованіи. Предложеніе Марсиля Карлъ отдаетъ на обсужденіе бароновъ. Роландъ совѣтуетъ не идти на соглашеніе, но перевѣсъ получаетъ болѣе миролюбивое мнѣніе Ганелона. Надо послать къ Марсилю посольство, передать ему условія Карла. Дѣло это не безопасное: бывали примѣры, что „язычники" измѣннически убивали посланниковъ. Тѣмъ не менѣе, Роландъ и другіе витязи сами на него напрашиваются; но Карлъ Великій не желаетъ рисковать жизнью своихъ перовъ. Тогда Роландъ указываетъ на Ганелона *). Тотъ приходитъ въ ярость и клянется отомстить Роланду, если ему удастся возвратиться живымъ, на что́ онъ не надѣется, помня участь Базгена и Базиля **). Но отъ порученія онъ и не думаетъ отказываться: онъ опоясываетъ свой мечъ Мургленсъ, надѣваетъ золотыя шпоры и садится на своего бѣгуна Tachebrun; его вассалы провожаютъ его со слезами; онъ проситъ ихъ, въ случаѣ его смерти, позаботиться объ его женѣ и сынѣ. Ганелонъ догналъ по дорогѣ Бланкандина; онъ не скрываетъ своей ненависти къ Роланду и приписываетъ ему продолжительность войны. Бланкандинъ отлично понялъ, что Ганелономъ можно воспользоваться ко благу короля Марсиля. Тѣмъ не менѣе, прибывъ въ Сарагоссу, Ганелонъ безукоризненно-честно исполняетъ свою обязанность; не стѣсняясь въ выраженіяхъ, онъ требуетъ покорности со стороны Марсиля; тотъ хватаетъ копье и готовится поразить дерзкаго; тогда и Ганелонъ извлекаетъ мечъ и обѣщаетъ дорого продать свою жизнь. Насилу удалось Бланкандину увести Марсиля и дать ему понять, что Ганелонъ скорѣе другъ, чѣмъ врагъ сарацинъ. Въ саду король сарацинъ условливается съ Ганелономъ, какъ погубить Роланда и обмануть Карла. Марсиль и его приближенные осыпаютъ Ганелона ласками и подарками.

Возвратившись къ Карлу, Ганелонъ доноситъ, что Марсиль готовъ покориться, и на слѣдующій годъ придетъ въ Ахенъ принять крещеніе. Армія съ радостью готовится къ возвращенію. Обсуждаютъ вопросъ, кому ввѣрить самый опасный постъ—командованіе арьергардомъ. По предложенію Ганелона, арьергардъ поручается Роланду, который оставляетъ при себѣ 12 перовъ и 20,000 французовъ. Императоръ съ остальной арміей пускается въ путь ***). Во ночное время, его тревожатъ вѣщіе сны.

На другое утро огромное войско сарацинъ приближается къ дружинѣ Роланда. Увидавъ его съ вершины холма, Оливье предлагаетъ Роланду затрубить въ рогъ; Карлъ услышитъ его и возвратится назадъ. „Богу не угодно, отвѣчаетъ Роландъ,

*) Въ „Хроникѣ Турпина" Роландъ непричемъ въ этомъ выборѣ, и ненависть къ нему Ганелона является, такимъ образомъ, не мотивированной; его измѣна обусловливается только подкупомъ.

**) Вѣроятно, намекъ на современную поэму или предшествующую кантилену.

***) Въ „Хроникѣ Турпина" здѣсь благочестивая прибавка: Ганелонъ привезъ въ арьергардъ вина и сарацинскихъ прелестницъ. Грѣхъ, въ которомъ провели эту ночь французы, былъ причиною ихъ гибели.

Digitized by Google

чтобъ я посрамилъ свой родъ и опозорилъ милую Францію; нѣтъ! я лучше пущу въ ходъ мой славный мечъ Дюрендаль, которымъ я опоясалъ себя. Вы увидите окровавленнымъ весь клинокъ. Негодяи язычники собрались сюда на свою погибель; я клянусь вамъ, что они осуждены на смерть... Ни одна живая душа не скажетъ, что я трубилъ въ рогъ изъ-за язычниковъ. Скорѣй смерть, чѣмъ безчестіе; чѣмъ болѣе рубимся мы, тѣмъ болѣе любитъ насъ императоръ" *).

Битва неизбѣжна. Архіепископъ Турпинъ всходитъ на холмъ, благословляетъ воиновъ, увѣщеваетъ ихъ биться храбро и обѣщаетъ „тѣмъ, кто падетъ въ битвѣ— „святымъ мученикамъ"—царство небесное". Съ криками: Monjoie и Saint-Denis бросаются французы въ битву; перы оказываютъ чудеса храбрости, и толпы враговъ замѣтно рѣдѣютъ; но къ нимъ идутъ на помощь новыя дружины, а французы гибнутъ, подавляемые множествомъ. Наконецъ, ихъ остается очень немного; тогда Роландъ предлагаетъ затрубить въ рогъ, а Оливье противится этому, считая такой поступокъ за выраженіе трусости: „Ты не хотѣлъ трубить, чтобъ спасти все войско, а теперь думаешь только о своемъ спасеніи!" Турпинъ миритъ перовъ: Карлъ не поспѣетъ къ нимъ на помощь, но его надо призвать, чтобъ онъ могъ похоронить тѣла своихъ воиновъ. Изо всей силы трубитъ Роландъ, и Карлъ, не смотря на увѣщанія Ганелона, велитъ повернуть войску назадъ. Погибъ, наконецъ, и Оливье, измѣнически убитый сзади; бѣжалъ съ поля сраженія Марсиль, которому Роландъ отрубилъ руку **), но тысячи его воиновъ еще продолжаютъ битву, а изъ французовъ остался, наконецъ, въ живыхъ только одинъ усталый, измученный Роландъ; тогда, надрывая всѣ силы свои, жалобно затрубилъ онъ въ послѣдній разъ. По звуку трубы Карлъ понялъ, что гибнетъ его племянникъ и, чтобъ утѣшить его, велитъ сразу затрубить всему войску. Услышали страшный шумъ язычники и спѣшатъ окончить битву; не смѣя подступить къ Роланду ближе, они осыпаютъ его стрѣлами; когда онъ упалъ съ воемъ, они сочли его мертвымъ и разбѣжались. Но Роландъ не былъ мертвъ: собравъ послѣднія силы, онъ пошелъ отыскивать, не осталось ли кого въ живыхъ изъ его товарищей. Живъ только одинъ Турпинъ; къ нему снесъ Роландъ трупы убитыхъ перовъ, чтобъ онъ благословилъ ихъ. При видѣ трупа Оливье, Роландъ упалъ въ безпамятствѣ. Когда онъ очнулся, онъ былъ одинъ средя мертвецовъ: отошелъ въ вѣчность и Турпинъ. Отъ потери крови Роландъ лежалъ почти безъ дыханія. Спрятавшійся между трупами сильный сарацинъ бросился на него и хотѣлъ отнять его мечъ; Роландъ приподнялся на минуту и ударомъ рога раздробилъ ему черепъ. Страшная мысль приходитъ ему: что̀ если язычники овладѣютъ его знаменитымъ Дюрендалемъ, въ рукоятку котораго вложены мощи святыхъ! Онъ хочетъ разбить его о скалу; но крѣпкая сталь не ломается, только скала распадается на части. Близка послѣдняя минута Роланда передъ нимъ проносятся картины прошлаго, воспоминанія о битвахъ на службѣ великаго императора. Съ молитвой на устахъ умираетъ онъ, и ангелъ Гавріилъ относитъ его душу на небо ***).

Когда армія подходитъ къ Ронсевальской долинѣ, она изъ долины видитъ пыль, поднятую убѣгавшими язычниками. Карлъ устремился за ними въ погоню, но день близится къ концу; Карлъ молитъ Бога помочь ему, съ неба спускается ангелъ и

*) Этого эпизода нѣтъ въ „Хроникѣ Турпина".

**) По „Хроникѣ", Марсиль убитъ въ битвѣ.

***) По „Хроникѣ Турпина", изъ битвы возвратились живыми Болуэнъ, братъ Роланда, и Тьери, который и разсказалъ своимъ о смерти Роланда. Очевидно, хроникеръ заботится о вѣроятности: откуда, кто могъ знать всѣ подробности о битвѣ, если никто не остался въ живыхъ? Но, какъ говоритъ г. Пари, истинная поэзія мало заботится о подобныхъ мелочахъ.

Digitized by Google

возвѣщаетъ, что Богъ продлитъ день. У Эбро настигъ Карлъ языческую армію и истребилъ ее въ конецъ; только тогда садится солнце, и французы располагаются на отдыхъ *).

Утромъ возвращаются французы въ Ронсевальскую долину, оплакиваютъ и хоронятъ своихъ мертвецовъ; тѣла Роланда, Оливье и Турпина перевозятся во Францію.

Раненый Марсиль бѣжалъ въ Сарагоссу и тамъ предался полному отчаянію. Неожиданно получаетъ онъ радостную вѣсть: еще семь лѣтъ назадъ, въ началѣ войны съ Карломъ, онъ послалъ просить помощи у Балигана Вавилонскаго; теперь тотъ привелъ ему огромную армію. Печальную церемонію погребенія въ долинѣ Ронсевальской прерываетъ его гордый вызовъ. Карлъ строитъ свою армію въ боевой порядокъ; начинается отчаянная битва; въ самомъ пылу ея Карлъ сходится съ Балиганомъ и, вспомоществуемый ангеломъ съ неба, убиваетъ его; язычники разбиты. Узнавъ эту печальную новость, Марсиль обернулся къ стѣнѣ и умеръ. Карлъ взялъ Сарагоссу, перебилъ или окрестилъ всѣхъ язычниковъ и увелъ съ собой королеву Брамимунду, вдову Марсиля **).

Когда Карлъ вернулся въ Ахенъ, къ нему приходитъ прекрасная Ауда, невѣста Роланда, и спрашиваетъ о Роландѣ. Карлъ предлагаетъ ей въ мужья своего сына, но Ауда падаетъ къ его ногамъ мертвою. Въ цѣпяхъ Ганелонъ предсталъ на судъ перовъ; онъ не запирался, что предалъ сарацинамъ своего врага, но не признавалъ этого преступленіемъ; его осудили на смерть. Тогда выступилъ его другъ, могучій Пинабель, и потребовалъ судебнаго поединка; запуганные судьи пришли къ Карлу и уговаривали его простить Ганелона; горько это было императору; Тьери Анжуйскій выступилъ на защиту его правъ и въ отчаянномъ, упорномъ поединкѣ побѣдилъ Пинабеля. Ганелонъ привязанъ къ хвостамъ жеребцовъ и раздернутъ на части. Въ заключеніи поэмы говорится вкратцѣ о крещеніи Брамимунды и о повелѣніи Карлу съ небесъ идти на помощь королю Вивьену, осажденному сарацинами.

Поэма написана десяти-сложными стихами и раздѣлена на куплеты разной величины. Каждый стихъ имѣетъ цезуру послѣ четвертаго слога, каждый куплетъ имѣетъ одинъ и тотъ же ассонансъ.

Въ древнѣйшей рукописи стоитъ приписка: «Ci falt la geste que Turoldus declinet», на основаніи которой авторомъ поэмы считали какого-то Турольда, но declinet значитъ только окончилъ, и Турольдъ, вѣроятно, имя писца. Не зная имени автора «Пѣсни о Роландѣ», мы тѣмъ не менѣе имѣемъ довольно положительныя и подробныя свѣдѣнія какъ объ авторахъ chansons de geste вообще, такъ и о способѣ популяризаціи, распространенія этихъ поэмъ. Авторы chansons de geste, какъ и вообще всѣ сѣверно-французскіе ***) поэты, назывались тру-

*) Въ „Хроникѣ“ неумѣстное преувеличеніе: три дня не заходитъ солнце, чтобы дать Карлу возможность отмстить язычникамъ.

**) Этого пространнаго эпизода совсѣмъ нѣтъ въ „Хроникѣ Турпина“ и въ нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ. Не рѣшено, слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ „Хроника“ ближе древней версіи, или въ ней здѣсь пропускъ.

***) Въ южной Франціи, въ Провансѣ, какъ теперь убѣждены почти всѣ, эпосъ не былъ развитъ; провансальскихъ chansons de geste нѣтъ и не было; были, разумѣется, народныя кантилены, воспѣвавшія подвиги національныхъ героевъ, но онѣ такъ и оста-

Digitized by Google

верами отъ trouver — находить, изобрѣтать, стало быть равнозначуще съ провансальскимъ трубадуръ отъ trobare, trobar—trouver *). Въ генезисѣ ихъ можно различить три источника, изъ которыхъ ни одному нельзя отдать преимущество передъ другимъ: родоначальниковъ труверовъ съ одинаковымъ правомъ можно видѣть въ латинскихъ поэтахъ галло-римскаго общества, въ пѣвцахъ германскихъ франковъ и въ кельтскихъ бардахъ, которые, какъ намъ документально извѣстно, не погибли безслѣдно при римскомъ завоеваніи и долго спустя послѣ германскаго завоеванія пользовались благосклонностью публики во Франціи, особенно въ сосѣдней съ Бретанью Нормандіи. Труверы-эпики появляются, какъ предполагаютъ, въ концѣ X вѣка; въ XI вѣкѣ число ихъ довольно велико. Они не образуютъ особаго сословія; въ ихъ рядахъ не мало дворянъ, есть и простые воины; еще больше между ними клериковъ, конечно, не монаховъ, а свѣтскихъ клериковъ, которыхъ мы часто встрѣчаемъ при дворахъ, а иногда и въ войскахъ сеньоровъ. Труверы послѣдняго рода, какъ люды грамотные, сами писали свои поэмы; труверы безграмотные диктовали свои произведенія писцамъ. Чѣмъ ближе къ кантиленамъ, чѣмъ народнѣй были поэмы труверовъ, тѣмъ менѣе они гордились своимъ авторствомъ: изъ сотни сохранившихся до насъ chansons de geste (geste отъ gesta, ae, героическая хроника и дѣянія героевъ) только отъ 19, да и то позднѣйшихъ, дошли до насъ имена авторовъ. Не безусловно рѣзко, но довольно очевидно, труверъ—авторъ поэмы—отличается отъ популяризатора—жонглера. Жонглеръ (joculator отъ jocus, шутка)—бродячій музыкантъ, пѣвецъ или чтецъ, живущій на счетъ своего искусства. Говоримъ: различіе было не особенно рѣзко, такъ какъ часто одно и то же лицо и сочиняло поэму, и пѣло ее; въ документахъ подъ именемъ менестрелей (слово входитъ въ употребленіе въ XIII в.) иногда безразлично разумѣются какъ тѣ, такъ и другіе. Мы имѣемъ указанія, что нѣкоторые жонглеры въ Англіи получали обширные феоды; одинъ жонглеръ Генриха I-го, короля Англіи, на деньги, добытыя имъ при дворѣ, основалъ въ Лондонѣ больницу св. Варѳоломея; едва ли такія награды могли получать музыканты и пѣвцы, жившіе чужимъ умомъ. Вѣроятно, здѣсь одинъ терминъ стоитъ въ замѣну другаго; но въ очень значительномъ большинствѣ случаевъ жонглеръ относительно трувера играетъ

лись незаписанными и необдѣланными; рано развившаяся искусственная рыцарская лирика помѣшала ихъ дальнѣйшему развитію. При распространеніи письменности впослѣдствіи сѣверныя chansons de geste переводились и передѣлывались въ Провансѣ, но ни какъ не болѣе чѣмъ въ Германіи или Скандинавіи.

*) Средневѣковое латинское trobare можетъ быть одного корня съ нѣмецкимъ treffen; но-провансальски существительное им. пад. trobaire, косв. пад. trobador, фр. trouvere, trouveor.

Digitized by Google

туже роль, какую теперь играетъ издатель относительно автора. Есть указанія, что жонглеръ покупалъ у автора право на исключительное пользованіе его поэмой, и реально его право выражалось тѣмъ, что онъ получалъ отъ трувера небольшую рукопись его поэмы, которую и разучивалъ на досугѣ. Уже изъ послѣдняго обстоятельства можно видѣть съ достовѣрностью, что жонглеры очень часто бывали люди грамотные (возможны, конечно, случаи, что и неграмотные разучивали цѣлые манускрипты: извѣстно, что у неграмотныхъ людей память крѣпче); между ними было много недоучившихся школьниковъ, которые предпочли суровой наукѣ беззаботную бродячую жизнь, полную то пріятныхъ, то непріятныхъ приключеній. Попадетъ жонглеръ въ зàмокъ къ гостепріимному сеньору на праздникъ,—онъ тамъ желанный гость, его тамъ накормятъ, напоятъ и съ интересомъ ждутъ, когда послѣ обѣда появится онъ въ дверяхъ залы въ пестромъ, красивомъ платьѣ, съ скрипкой подъ мышкой. Проигравъ прелюдію, онъ въ стихахъ начинаетъ упрашивать свою аудиторію не мѣшать ему и слушать со вниманіемъ; въ тоже время онъ старается заинтересовать ее новѣстью сюжета, иногда увѣреніемъ, что все, что онъ будетъ разсказывать, — чистая правда (впослѣдствіи они часто ссылались на несуществующія латинскія хроники). Удается ему добиться молчанія,—онъ начинаетъ свою поэму; устанетъ онъ, захочетъ выпить, онъ останавливается, обыкновенно, на интересномъ мѣстѣ и въ стихахъ попроситъ отдыха или вина. Окончивъ поэму, онъ призывалъ благословеніе божіе на себя и своихъ слушателей. Хозяинъ дома и гости награждаютъ его деньгами и подарками. Не только въ зàмкахъ, но и въ городахъ и даже въ селахъ онъ можетъ найти себѣ и внимательныхъ слушателей, и поживу. Но добыча не долго остается во владѣніи представителя средне-вѣковой богемы: сами жонглеры не рѣдко иронизируютъ надъ своей безшабашностью. «Не жалѣйте о деньгахъ, которыя вы мнѣ даете; ихъ сейчасъ же заберетъ у меня кабатчикъ», читаемъ мы въ одной фабліо. Другой современный документъ описываетъ живыми красками, какъ спѣшитъ нагруженный подарками жонглеръ въ трактиръ и гуляетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не прогуляетъ всего нажитаго, а иногда въ придачу и собственной скрипки и платья. Ясно, что при такомъ образѣ жизни жонглеры не могли считаться примѣрными гражданами. Тѣмъ не менѣе, ими очень дорожили и на подарки не скупились самые сдержанные люди: такъ извѣстно, что св. Людовикъ за одинъ разъ раздалъ имъ 2000 ливровъ. Да и представители средневѣковой морали, проповѣдники и духовные писатели рѣзко отличали пѣвцовъ, которые въ кабакахъ распѣваютъ lascivas cantilenas, отъ joculatores,

Digitized by Google

qui cantant gesta principum et vitas sanctorum et faciunt solacio hominibus in aegritudinibus suis *).

Въ литературной исторіи chansons de geste, отличаютъ три эпохи: 1-я начинается съ того времени, когда короткіе эпизоды кантилены стали передѣлывать въ chansons, и оканчивается первой половиной XII в.; вторая идетъ съ половины XII до самаго конца XIII, и третья обнимаетъ XIV вѣкъ.

Самымъ полнымъ и для насъ почти единственнымъ представителемъ первой эпохи служитъ изложенная «Пѣснь о Роландѣ». Говоримъ для насъ, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ то время въ обращеніи было много подобныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію поэмъ: въ самой «Ch. de R.» мимоходомъ упоминаются эпизоды, бывшіе, вѣроятно, сюжетами современныхъ ей поэмъ. (Такъ напр., изъ рѣчи Ганелона мы узнаёмъ о взятіи Роландомъ Каркассоны). Кромѣ того, мы имѣемъ нѣсколько поэмъ первой эпохи въ позднѣйшихъ передѣлкахъ. Сличеніе этихъ передѣлокъ съ иностранными, иногда съ латинскими пересказами тѣхъ же сюжетовъ и аналогія съ позднѣйшей передѣлкой «Пѣсни о Роландѣ» даютъ возможность опредѣлить приблизительно ихъ первоначальный видъ **).

Отличительныя черты поэмъ первой эпохи всего удобнѣй опредѣлить сравненіемъ ихъ съ редакціями позднѣйшими.

Начнемъ съ внѣшней стороны. Поэмы первой эпохи написаны десяти-сложными стихами и ассонансами. Онѣ предназначались по всей вѣроятности для пѣнія. Содержаніе ихъ большею частью война, битвы кровавыя и безжалостныя; любовь и женщины стоятъ на заднемъ планѣ; о позднѣйшей галантеріи нѣтъ и рѣчи; характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены рѣзко и сильно; въ нихъ, какъ и вообще

*) Summa poenitentiae XIII в.

**) Въ такомъ положеніи находится принадлежащая къ тому же „циклу короля" поэма Aspremon, имѣющая сюжетомъ завоеваніе Апуліи. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе: Аголандъ, король Африки, предлагаетъ Карлу Великому принять магометанство и сдѣлаться его вассаломъ. Карлъ, разумѣется, отказывается. Эомонъ, сынъ Аголонда, вторгается въ южную Италію, куда на встрѣчу ему отправляется Карлъ Великій. При горахъ Аспремонскихъ происходитъ длинный рядъ битвъ, которыя заканчиваются побѣдой Карла. Но во время преслѣдованія сарацинъ французами Карлъ вступаетъ въ единоборство съ Эомономъ, гдѣ сила оказалась на сторонѣ сарацинъ. Карлу пришлось бы погибнуть, еслибъ на выручку къ нему не поспѣлъ племянникъ его Роландъ, за малолѣтствомъ оставленный во Франціи и явившійся на войну безъ дозволенія дяди. Своей дубиной—какъ не удостоенный еще званія рыцаря онъ не имѣетъ права сражаться мечемъ—онъ убиваетъ Эомона. Вторая половина поэмы разсказываетъ о битвахъ Карла Великаго съ Аголандомъ, который явился въ Италію на помощь сыну; онъ побѣжденъ и убитъ въ свою очередь; его жена Анселиса стала христіанкой и вышла замужъ за Наима Баварскаго. Chanson на эту тему зналъ авторъ „Хроники Турпина" и вкратцѣ пересказалъ ея содержаніе.

Digitized by Google

въ содержаніи, нѣтъ шаблонности и пошлости *). Священныя идеи любви къ родинѣ и къ христіанству выступаютъ чрезвычайно ярко. Богъ, его ангелы и святые принимаютъ горячее участіе въ судьбѣ героевъ, но по стольку, поскольку въ возможность такого участія серьозно вѣрило современное поэтамъ общество. Сюжеты поэмъ не выдумываются и не передѣлываются произвольно: и слушатели, и пѣвецъ вѣрятъ въ реальность, *былинность* содержанія поэмъ.

Около середины XII в. старыя, основанныя на кантиленахъ и преданіи, поэмы всѣмъ пріѣлись; общество потребовало новыхъ сюжетовъ. Съ другой стороны, литературный вкусъ общества развился далѣе: форма старыхъ поэмъ оказалась слишкомъ грубой и несовершенной. Наконецъ при новой манерѣ произношенія поэмъ—чтеніе вмѣсто пѣнія и речитатива—объемъ старыхъ поэмъ казался слишкомъ недостаточнымъ. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, старыя поэмы подвергаются подновленіямъ и передѣлкамъ, во-вторыхъ, изобрѣтаются поэмы на темы, неизвѣстныя эпохѣ предшествующей.

Перемѣны и подновленія, которымъ подвергались старыя поэмы, не трудно прослѣдить на передѣлкѣ, которой подверглась «Chanson de Roland». До насъ дошло шесть редакцій этой передѣлки, обыкновенно называемой «Романомъ Ронсевальскимъ» (Roman de Roncevaux) **). Изъ нихъ самая древняя относится ко второй половинѣ XIII в.

Сличая эту передѣлку съ оригиналомъ, мы, во первыхъ, убѣждаемся, что авторъ поставилъ себѣ задачею замѣнить всѣ ассонансы оригинала полными риѳмами и вслѣдствіе этого очень часто по неволѣ одинъ сильный и знаменательный стихъ замѣнялъ 2-мя и 3-мя. Кромѣ того, онъ и безъ всякой необходимости вставляетъ въ тирады стихи, распространяющіе текстъ и комментирующіе его; далѣе авторъ вставляетъ также безъ всякой нужды новыя тирады (куплеты), описывающія 12 перовъ и ихъ вооруженіе. Наконецъ, авторъ слегка касается и самаго содержанія; воинственная грубость и рѣзкость оригинала уступаетъ мѣсто элегантности и деликатности, соотвѣтствующей нравамъ эпохи. Это одна изъ самыхъ, такъ сказать, осторожныхъ передѣлокъ. Трагизмъ, популярность, національное значеніе пѣсни о Роландѣ удерживали дерзкую руку новатора, внушали ему большую осмотрительность. Въ другихъ случаяхъ мы находимъ больше

*) Ганелонъ въ „Ch. de R.“, какъ мы видѣли, ставъ измѣнникомъ, не теряетъ своего достоинства и сохраняетъ симпатичныя черты; измѣнники и злодѣи позднѣйшихъ поэмъ по извѣстному выраженію Пушкина, „и воду пьютъ, какъ злодѣи“.

**) Особенная сравнительно съ другими, ранними chansons популярность „Пѣсни о Роландѣ“ доказывается, кромѣ этихъ 6-ти подновленій, еще существованіемъ составленнаго, вѣроятно, въ XII в. сокращенія пѣсни въ латинскихъ дистихахъ (напечатано Фр. Мишелемъ въ его изданіи „Ch. de R.“, стр. 228 и слѣд.).

Digitized by Google

перемѣнъ какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи: десяти-сложный стихъ замѣняется двѣнадцати-сложнымъ (александрійскимъ) стихомъ, имѣющимъ цезуру послѣ седьмаго слога; вставляются цѣлые длинные эпизоды, удвояются съ нѣкоторыми отмѣнами эпизоды существующіе (эпическіе дублеты), измѣняются характеры дѣйствующихъ лицъ. Отчасти въ угоду слушателямъ-феодаламъ, которыхъ въ то время начинаетъ сильно тѣснить возрождающаяся королевская власть, отчасти въ силу закона смѣны эпическихъ идеаловъ, самъ Карлъ Великій спускается съ своего пьедестала, становится вздорнымъ, глупымъ, слабымъ и несправедливымъ старикомъ, надъ которымъ смѣются и самые близкіе люди.

Въ первую эпоху каждая chanson, такъ сказать, отвѣчала сама за себя, составляла самостоятельное цѣлое; сюжеты нѣкоторыхъ chansons, воспѣвавшихъ подвиги одного героя, сближались другъ съ другомъ совершенно естественнымъ образомъ, но никто не думалъ приводить всѣ поэмы въ систему, искусственно разбивать ихъ на опредѣленное число цикловъ.

Понятіе о строго разграниченныхъ циклахъ выработано не современными намъ изслѣдователями, учеными систематиками; оно съ достаточною опредѣленностью существовало уже во вторую эпоху, о которой идетъ рѣчь. Авторъ поэмы «Girars de Viane» (XIII в.) во вступленіи говоритъ: «Въ прекрасной Франціи только три героическія фамиліи (gestes)»: короля (т. е. Карла Великаго), Доона Майнцскаго съ цвѣтущей бородой и Гарена Монтгленскаго *). Авторъ поэмы о Доонѣ Майнцскомъ даетъ совершенно такое же дѣленіе. «Многіе знаютъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ королевствѣ Франціи только три жесты: первая о Пепинѣ и ангелѣ, вторая о великодушномъ Гаренѣ Монтгленскомъ и третья о Доонѣ Майнцскомъ» **). Замѣчательно, что современная наука вполнѣ удовлетворяется такимъ распредѣленіемъ французскаго національнаго эпоса и подвергаетъ его только нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ.

Во-первыхъ, внѣ этихъ основныхъ цикловъ есть еще нѣсколько провинціальныхъ героевъ, которые воспѣваются въ нѣсколькихъ поэмахъ, образующихъ необширные отдѣльные циклы; таковы Лоррени

*) N'otke III gestes en France la garnie
Dou roi de France est la plus seignorie
Et de richesce et de chevallerie.
Et l'autre après (bien est drois que je die)
Est de Doon à la barbe florie
Cel de Maiance qui taut ot baronie.
La tierce geste, ke moult fest à proisier
Fu de Garin de Montglaine le fier.

**) Gautier, тамъ-же, 125; см. другія указанія у Gautier, 409.

Digitized by Google

(въ древней Австразіи), Рауль Камбрейскій (въ Вермандуа) и др.; поэмы, имъ посвященныя, носятъ спеціально феодальный характеръ. Отдѣльно слѣдуетъ поставить и нѣсколько поэмъ, сюжеты которыхъ основаны на литературномъ преданіи (напр., Amis и Amile), и рядъ поэмъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ важнѣйшему изъ современныхъ событій—крестовымъ походамъ. Въ концѣ втораго періода понятіе о трехъ циклахъ дѣлается настолько распространеннымъ и общеобязательнымъ, что поэты, обработывающіе эти поэмы a parte, во что бы то ни стало стремились ввести своихъ героевъ въ одинъ изъ основныхъ цикловъ: они или сочиняютъ имъ предковъ, стоящихъ въ близкомъ родствѣ съ родоначальниками трехъ жестъ, или женятъ ихъ на дѣвушкахъ изъ великихъ героическихъ фамилій.

Во-вторыхъ, Доонъ и Гаренъ—не главные герои цикловъ; они были мало извѣстны въ первомъ періодѣ, а во второмъ получили такое значеніе, благодаря только генеалогическимъ соображеніямъ; главными лицами цикла Доона были Ожье Датскій и Рено Монтабанскій съ братьями, а въ циклѣ Гарена такую роль играетъ еще очевиднѣе Вильгельмъ, знаменитый боецъ Алисконскій.

Въ этомъ второмъ періодѣ являются пошлыя шаблонныя поэмы, ставленныя по одной и той же формулѣ; тогда выработывается то, что французскіе изслѣдователи называютъ moule epique. Вотъ, въ короткихъ словахъ, эти формулы: Карлъ Великій собралъ ко двору бароновъ (tenir cort—техническое выраженіе); разсуждаютъ о томъ, объявить ли войну сарацинамъ; въ разсужденіяхъ наибольшее участіе принимаетъ Несторъ французскаго эпоса—герцогъ Наимъ. Вдругъ въ залу совѣта гордо входитъ посланникъ мусульманскаго государя (рѣже—возмутившагося вассала). Онъ дерзко бросаетъ Карлу и его баронамъ вызовъ; возмущенные французы готовы убить его, но нѣкоторые болѣе благоразумные бароны спасаютъ ему жизнь. Начинается война. Въ самую опасную для французовъ минуту, во время рѣшительной битвы, или въ тотъ моментъ, когда сарацины напрасно требуютъ поединщика противъ своего страшнаго витязя, появляется герой. На описаніе войны и главнымъ образомъ подвиговъ героя уходитъ больше половины всѣхъ стиховъ. Для отдыха отъ однообразія побоищъ, читателямъ или слушателямъ предлагается любовная интрига: сарацинская принцесса страстно влюблена въ героя и сдаетъ французскимъ войскамъ городъ. Язычниковъ заставляютъ креститься, а несоглашающихся убиваютъ безъ жалости. Отлично сознавая свой грѣхъ, авторъ такой шаблонно-выдуманной поэмы въ самомъ началѣ спѣшитъ заявить, что поэма его содержитъ только правду; онъ съ большой подробностью разсказываетъ, какъ въ извѣстномъ аббатствѣ (особенно часто въ Сенъ-Дени) отъ такого-то мо-

Digitized by Google

наха, съ большимъ трудомъ, съ большой затратой времени получилъ онъ «Livre aux histoires», изъ которой и заимствовалъ свою поэму; сюжетъ этотъ обработывали и другіе, но непозволительно лгали и путали факты.

Если и въ чисто народномъ эпосѣ, каковы поэмы Гомера и наши былины, въ большомъ количествѣ встрѣчаются такъ-называемыя эпическія формулы, т. е. очень сходныя изображенія человѣческихъ дѣйствій и явленій природы, то во французскомъ эпосѣ этого періода, когда поэты стремились, во чтобы то ни стало, насочинить какъ можно больше, мы встрѣчаемъ, кромѣ старыхъ, освѣщенныхъ временемъ формулъ, длиннѣшія молитвы, излагающія всѣ главныя событія ветхаго и новаго завѣта, описанія весны, изображенія горя родныхъ при извѣстіи о смерти одного изъ дѣйствующихъ лицъ и пр.

Заканчиваемъ характеристику этого періода изложеніемъ пролога одной поэмы, свидѣтельствующаго съ поразительной наглядностью о томъ, къ какимъ удивительнымъ пріемамъ прибѣгали позднѣйшіе передѣлователи, чтобъ угодить вкусу публики, испорченному или по крайней мѣрѣ развившемуся въ извѣстную сторону вслѣдствіе одновременнаго чтенія романовъ Круглаго Стола и псевдо-ученыхъ поэмъ:

Гюонъ Бордосскій въ начальномъ преданіи смѣлый, юный витязь двора Карлова, которому за его проступокъ дано почти невозможное порученіе: пробраться въ одиночку ко двору сарацинскаго короля и въ присутствіи всей его свиты нанесть ему рядъ тяжкихъ оскорбленій. Чтобъ облегчить ему исполненіе этого порученія, болѣе поздняя поэма даетъ ему помощника въ лицѣ карлика Оберона (ср. Альбериха нѣмецкихъ поэмъ). Поэма XIV в. снабжаетъ этого Оберона такой генеалогіей: отъ Іуды Маккавея и дочери сарацинскаго короля родилась дочь Брунгильда, состоявшая подъ покровительствомъ фей и родившая Юлія Цезаря. Юлій Цезарь совершаетъ путешествіе ко двору короля Артура и становится супругомъ его дочери, знаменитой феи Морганы. Отъ этого брака родятся св. Георгій и карликъ Оберонъ!

Третій періодъ можно охарактеризовать, назвавъ его циклическимъ. Терминъ этотъ принадлежитъ ему не столько потому, что тогда установилось окончательно понятіе о трехъ циклахъ, внѣ которыхъ уже не можетъ быть эпопеи (по позднѣйшимъ chansons, три родоначальника ихъ родились въ одинъ день), но главнымъ образомъ потому, что въ то время, при ослабленіи поэтическаго творчества, у грамотниковъ является въ сильнѣйшей степени стремленіе циклизировать, сшивать въ одно цѣлое отдѣльныя chansons или чисто внѣшнимъ образомъ, переписывая ихъ въ одну рукопись, связывая конецъ одной поэмы съ началомъ другой, или внутреннимъ, приводя въ извѣстную систему цѣлый рядъ поэмъ одного цикла.

Одна изъ первыхъ попытокъ такой циклизаціи принадлежитъ хроникеру еще первой половины XIII в. Филиппу Муске, который

Digitized by Google

хочетъ примирить Chansons de geste съ исторіей; описаніе подвиговъ Карла Великаго занимаетъ унего 10,000 стиховъ. Въ это время составилась большая часть библіотечныхъ фоліантовъ, столь несходныхъ съ маленькими портативными рукописями жонглеровъ in 4, фоліантовъ, служившихъ для препровожденія свободнаго времени въ замкахъ грамотныхъ дворянъ и дворянокъ. Само собою понятно, что въ томъ же періодѣ—предѣлы его приблизительно совпадаютъ съ началомъ и концомъ XIV в.—передѣлывались и отдѣльныя chansons; передѣлыватели ихъ идутъ дальше въ томъ же направленіи, что и ихъ предшественники второго періода: 12-сложные александрійскіе стихи становятся закономъ, длинноты въ частностяхъ, вообще обкрадываніе другихъ поэмъ, романовъ и даже энциклопедій, отсутствіе моральнаго и ослабленіе поэтическаго достоинства — явленіе безусловно общее; характерныя черты національнаго эпоса стираются до неузнаваемости. Всего болѣе поражаетъ размѣръ этихъ выродковъ: 20,000 стиховъ вовсе немного для поэмы XIV в., занятой даже однимъ героемъ. Въ XV в. тѣ изъ поэмъ національныхъ цикловъ, которымъ удалось удержать за собою интересъ публики, изъ стиховъ передѣлываются въ прозу, какъ полагаютъ, главнымъ образомъ въ угоду буржуазіи. Съ распространеніемъ книгопечатанія эти «романы» расходятся десятками изданій. Въ видѣ лубочныхъ книгъ иные изъ нихъ дожили до нашего времени и въ самой Франціи, и за границей.

При такомъ измѣненіи формы измѣнялось, конечно, и содержаніе, и опять въ томъ же направленіи: когда-то короткія chansons являются въ видѣ многотомныхъ прозаическихъ романовъ, въ которыхъ національный, такъ сказать, былинный колоритъ уступаетъ мѣсто сказочному, субъективному вымыслу.

Прежде чѣмъ говорить о французскомъ національномъ эпосѣ внѣ Франціи, считаемъ нужнымъ дополнить сказанное изложеніемъ одной chanson феодальнаго характера и указаніемъ на судьбы одного изъ важнѣйшихъ цикловъ, чрезвычайно интереснаго въ историко-литературномъ отношеніи,—цикла Вильгельма Оранжскаго.

Поэма о Раулѣ Камбрейскомъ дошла до насъ въ единственной рукописи XIII столѣтія. Надъ ней работалъ, повидимому, не одинъ поэтъ и не въ одно время: нѣкоторыя ея части обработаны въ XII вѣкѣ, другія въ слѣдующемъ; сама поэма ссылается на болѣе древнюю chanson *); насколько самостоятельно отнесся къ источнику авторъ дошедшей до насъ версіи—мы судить не можемъ.

---

*) Car puis l'occist, si com dit la chanson, стр. 321 единственнаго изданія (1840 г.), принадлежащаго Эдуару Ле-Глэ.

Digitized by Google

Основа поэмы историческая: лѣтописцы подъ 943 г. говорятъ о битвѣ, въ которой погибъ Рауль II, графъ Камбрейскій, племянникъ Людовика Заморскаго. Его отецъ Рауль I былъ третій сынъ Бодуэна Желѣзная-Рука, графа фландрскаго; онъ былъ женатъ на сестрѣ Людовика Алаидѣ, или Аделаидѣ, и погибъ въ 893 г. въ битвѣ противъ Герберта, графа вермандуаскаго; ссоры и войны двухъ семействъ происходили изъ-за лена камбрейскаго, который не былъ ни за кѣмъ утвержденъ на-крѣпко. Герой поэмы пользовался большою извѣстностью и не разъ упоминается въ другихъ chansons. 15-ти лѣтъ Рауль посвященъ въ рыцари. Дядя его жены, графъ арраскій, представляетъ его ко двору короля Людовика. Рауль сдѣланъ королевскимъ сенешаломъ и два года живетъ при дворѣ въ постоянныхъ забавахъ и удовольствіяхъ. Здѣсь же при дворѣ нажилъ онъ себѣ врага и друга: врага въ лицѣ графа Эрно, двоихъ сыновей котораго онъ убилъ на турнирѣ, и друга въ лицѣ Бернье, незаконнаго сына графа Ибера, котораго онъ сдѣлалъ рыцаремъ и принялъ къ себѣ на службу. По совѣту дяди, Рауль требуетъ у Людовика себѣ бенефицію Камбре, которая осталась вакантною послѣ смерти Рауля I-го. Король отказываетъ въ этой просьбѣ: онъ долженъ отдать Камбре другому вассалу, который уже давно служитъ ему; за-то онъ обѣщаетъ Раулю первый ленъ, который будетъ свободенъ, и въ закрѣпленіе своего обѣщанія даетъ ему 40 заложниковъ. Умираетъ Гербертъ, графъ вермандуаскій, владѣвшій Пероной, Ориньи и другими землями. Рауль и его дядя требуютъ отъ короля исполненія его обѣщанія, но онъ, какъ настоящій феодальный король, не хочетъ сдержать слова: онъ боится четырехъ сыновей Герберта. Въ ярости Рауль грозитъ перебить заложниковъ; испуганный Людовикъ дозволяетъ Раулю отнять ленъ у теперешнихъ владѣльцевъ, если онъ будетъ въ силахъ. Рауль и дядя съ войскомъ направляются къ Ориньи. Здѣсь кончается то, что́ французы называютъ exposition, и начинается центральная часть поэмы.

Рауль и его дядя осаждаютъ монастырь и бургъ Ориньи; съ ними и Бернье, хотя Ориньи его родина и въ монастырѣ живетъ его мать; ему очень грустно видѣть опустошенія, производимыя ратью Рауля, но Рауль—его сеньоръ, а по обычаямъ времени, дружинникъ долженъ, не задумываясь, биться даже съ роднымъ отцемъ, если онъ врагъ его господину. Ориньи взятъ приступомъ и сожженъ вмѣстѣ съ монастыремъ. Бернье видѣлъ собственными глазами, какъ погибла въ огнѣ его мать; мечъ выпалъ изъ рукъ его, и онъ упалъ безъ чувствъ, но остался вѣренъ своему сеньору. Рауль пируетъ послѣ побѣды, не смотря на св. пятницу: онъ грозитъ истребить въ конецъ своихъ враговъ до послѣдняго. Бернье, зная, что въ числѣ ихъ находится и его отецъ, Иберъ, вступаетъ съ Раулемъ въ споръ. Рауль хватаетъ отломокъ рогатины и ударяетъ его по головѣ съ такою силой, что кровь течетъ на его одежду. Ихъ розняли; Бернье созвалъ своихъ людей и уѣхалъ прямо къ своему отцу. Старый Иберъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Ведономъ, собираетъ войско и выступаетъ противъ Рауля. Послѣ напрасныхъ переговоровъ, слѣдуетъ рѣшительная битва (историческая битва 943 г.), описанная съ большою подробностью; въ этой битвѣ Рауль погибаетъ отъ руки своего бывшаго вассала Бернье; остатки обоихъ войскъ расходятся мирно.

Во второй части поэмы героемъ является Бернье, характеръ котораго поэтъ умышленно оттѣняетъ отъ характера Рауля: на сколько Рауль неукротимъ и несдержанъ, на сколько онъ готовъ каждую минуту нарушить самые святые обычаи, на столько кротокъ, сдержанъ, справедливъ и покоренъ общепринятому кодексу рыцарской чести Бернье. Рауля похоронили съ большимъ торжествомъ въ Камбре; его невѣста, горько оплакавъ его, пошла въ монастырь. Черезъ семь лѣтъ подросъ и сдѣлался рыцаремъ его племянникъ Готеле; съ тѣмъ же дядей Рауля онъ вызы-

Digitized by Google

ваетъ на бой Бернье, который сдѣлался владѣльцемъ Рибемона. Въ эту возродившуюся ссору вмѣшивается король Людовикъ, но играетъ въ ней очень некрасивую, жалкую роль. Центральная часть поэмы оканчивается бракомъ Бернье съ дочерью дяди Рауля.

Конецъ придѣланъ впослѣдствіи: Бернье, мучимый угрызеніями совѣсти за убіеніе своего сеньора Рауля, отправляется въ пилигримство къ Сентъ-Жиль, въ сосѣдствѣ сарациновъ. Онъ сражается съ ними, попадаетъ въ плѣнъ, бѣжитъ оттуда, является на родину, переодѣтый монахомъ, и освобождаетъ свою жену изъ рукъ захватившаго ее графа Пуатье. Бернье примирился съ своимъ тестемъ Жери; вдвоемъ они отправляются на поклоненіе гробу св. Іакова; на возвратномъ пути имъ случилось проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ былъ убитъ Рауль. Жери задрожалъ, Бернье вздохнулъ; въ двухъ шагахъ оттуда Жери отвязалъ одно свое стремя, ударилъ въ голову своего спутника и проломилъ ему черепъ. Бернье умеръ, исповѣдавшись въ грѣхахъ и простивъ своему убійцѣ. Но не простили его сыновья: они созвали своихъ вассаловъ и осадили Аррасъ; Готеле убитъ однимъ изъ нихъ; Жери бѣжалъ, и никто не знаетъ, что съ нимъ сталось; говорили, что онъ поступилъ въ монахи.

Мы сказали выше, что циклъ Вильгельма Оранжскаго (по подставленному впослѣдствіи предку названный позднѣйшими труверами цикломъ Гарена) представляетъ большой историко-литературный интересъ. Можно выразиться еще сильнѣе: мы не знаемъ въ національномъ эпосѣ явленія, на которомъ было бы удобнѣе прослѣдить законы постепеннаго измѣненія историческаго преданія.

Оставляя въ сторонѣ позднія и чисто выдуманныя поэмы о предкахъ Вильгельма, о Гаренѣ, Жирардѣ и другихъ, мы разсмотримъ историческую основу немногихъ центральныхъ поэмъ, гдѣ героемъ является самъ Вильгельмъ.

Въ 787 г. въ буйной Аквитаніи, именно въ Тулузѣ, Карлъ Великій поставилъ герцогомъ нѣкоего Вильгельма, подчинивъ ему остальныхъ начальниковъ страны. Вильгельму удалось усмирить гасконцевъ, но скоро ему пришлось имѣть дѣло съ болѣе опасными врагами. Наслѣдовавъ въ 788 г. своему отцу, знаменитому Абдальрахману (Desramé французской поэмы), халивъ Хешамъ объявилъ противъ христіанъ альгихадъ (священную войну), и въ 793 г. сарацинское войско въ 50,000 человѣкъ, подъ начальствомъ визиря Абдальмалека, вступило въ предѣлы Франціи. Въ это время Карлъ Великій былъ на берегахъ Дуная; сынъ его Людовикъ, которому отдана была въ удѣлъ Аквитанія, находился въ Италіи; Вильгельму пришлось дѣйствовать въ одиночку. Сарацины сожгли предмѣстья Нарбонны и двинулись къ Каркассонѣ. Между этими двумя городами, въ Вилледеньѣ, Вильгельмъ встрѣтилъ ихъ съ тѣми незначительными силами, какія онъ могъ набрать на скорую руку. Онъ храбро ударилъ на сарацинъ, но былъ отброшенъ; сарацины, аттаковавъ его въ свою очередь, прорвали ряды французской рати. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ христіанскаго войска искали спасенія въ бѣг-

Digitized by Google

ствѣ. Одинъ Вильгельмъ отчаянно бился и даже убилъ одного изъ сарацинскихъ предводителей; наконецъ, сознавая невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, искуснымъ и храбрымъ отступленіемъ спасъ остатки французскаго войска. Такимъ образомъ поле битвы осталось за сарацинами, но побѣда, вѣроятно, стоила имъ очень дорого: они не рѣшились идти дальше и, хотя и съ добычей, хотя и гордясь побѣдой, возвратились во-свояси. Вильгельмъ продолжаетъ жить и дѣйствовать. Въ 801 году Людовикъ аквитанскій, по его совѣту, напалъ на Барселону; при штурмѣ города Вильгельмъ командовалъ однимъ изъ трехъ отрядовъ и много содѣйствовалъ успѣху предпріятія.

Въ пустынномъ мѣстѣ, въ окружностяхъ Лодевы, Вильгельмъ, жившій въ большой дружбѣ съ Бенедиктомъ, аббатомъ аніанскимъ (впослѣдствіи святымъ), основалъ монастырь; въ 806 году онъ удалился туда отъ міра и умеръ въ 812 г. Въ концѣ XI вѣка Вильгельмъ Геллонскій считался святымъ, и неизвѣстный намъ монахъ написалъ его житіе, въ которомъ, конечно, центръ тяжести составляютъ подвиги монашескаго періода жизни Вильгельма; впрочемъ авторъ житія не только прекрасно знаетъ о томъ, какъ Вильгельмъ прославился мірскими подвигами, но и прямо ссылается на народныя преданія и пѣсни, ихъ воспѣвавшія: «Какія царства, какія области, какіе города и какіе народы, говоритъ онъ въ предисловіи пространнымъ и широковѣщательнымъ стилемъ своего вѣка, не толкуютъ о могуществѣ герцога Вильгельма, о храбрости его духа, о силѣ его тѣла, объ его славныхъ и многочисленвыхъ военныхъ тріумфахъ? Какіе хоры юношей, какія сборища народовъ, особенно воиновъ и знатныхъ людей, какія вигиліи святыхъ не отзываются сладко и не воспѣваютъ мѣрнымъ голосомъ о томъ, каковъ и сколь великъ былъ онъ, сколь славно воевалъ онъ при знаменитомъ Карлѣ, сколь могущественно и побѣдоносно укрощалъ и отражалъ онъ варваровъ, сколько отъ нихъ перенесъ, сколько нанесъ имъ бѣдъ и, наконецъ, многократно побѣдивъ ихъ и обративъ въ бѣгство, смятенныхъ принудилъ удалиться изъ предѣловъ Франціи!» Въ началѣ XII в. Ордерикъ Виталій, жившій въ Нормандіи, стало быть на противуположномъ отъ мѣста подвиговъ Вильгельма концѣ Франціи, еще яснѣй говоритъ: «Vulga canitur a joculatoribus de illo cantilena». Итакъ, очевидно, что даже въ XI в. битвы Вильгельма съ сарацинами воспѣвались во всей Франціи и, вѣроятно, въ Англіи. О содержаніи этихъ пѣсенъ и о характерѣ ихъ мы можемъ получить ближайшія свѣдѣнія изъ дошедшихъ до насъ chansons de geste. Древнѣйшая chanson изъ цикла Вильгельма Aliscans, имѣющая центромъ своимъ несчастную по ближайшимъ послѣдствіямъ битву Вильгельма съ сарацинами при Вилледеньѣ, дошла до насъ въ 13 рукописяхъ, боль-

Digitized by Google

шинство которыхъ написаны въ XIII в., а одна, можетъ быть, и въ концѣ XII вѣка.

Содержаніе ея вкратцѣ таково:

Вивьенъ, племянникъ Вильгельма, вызвалъ своими набѣгами и жестокостями нападеніе огромной сарацинской рати. Сарацины напали на его небольшой отрядъ. Вивьенъ могъ бы отступить, но онъ еще прежде далъ клятву не подаваться ни на шагъ назадъ передъ сарацинами. Страшно израненный, онъ спасается въ старый замокъ. Одинъ изъ его спутниковъ умѣлъ дать знать объ его положеніи Вильгельму. Съ небольшимъ отрядомъ онъ спѣшитъ на помощь племяннику и при Алисканѣ, близь Арля, происходитъ отчаянная битва. Отрядъ Вильгельма истребленъ, Вивьенъ умираетъ отъ ранъ, и Вильгельмъ съ большимъ трудомъ спасаетъ его тѣло и свою жизнь. Когда онъ доскакалъ до воротъ своей резиденціи Оранжа, покрытый кровью, въ вооруженіи, снятомъ съ одного сарацинскаго короля, привратникъ сначала не хотѣлъ пускать его. Долго не узнавала его даже и вѣрная жена Гибурга. Сарацины осаждаютъ его замокъ. Не имѣя силъ отбить ихъ, Вильгельмъ поручаетъ защиту женѣ, а самъ спѣшитъ за помощью къ королю Людовику. Онъ возвращается домой во главѣ большой французской рати, и на-голову разбиваетъ сарацинъ.

Имя Алискана перенесено въ поэму съ одной изъ прежнихъ битвъ южно-галльскихъ христіанъ съ сарацинами, а съ другихъ битвъ сюда перенесены и другія подробности по закону эпической аккумуляціи. Вымыселъ второй части—пораженія сарацинъ—обусловливается, по нашему мнѣнію не столько воспоминаніемъ о битвѣ при Пуатье, сколько закономъ эпическаго оптимизма.

При слабыхъ Каролингахъ сарацинамъ удалось утвердиться въ Провансѣ; до 975 года они владѣли тамъ операціоннымъ базисомъ въ крѣпосчи Фраксинетѣ. Въ этомъ году ихъ выгналъ навсегда съ юга Франціи Вильгельмъ Прованскій († 992). Этотъ Вильгельмъ и въ другомъ важномъ пунктѣ сходится съ Вильгельмомъ, бившимся съ сарацинами при Вилледеньѣ; передъ самой смертью онъ принялъ монашество.

Вѣроятно его подвиги послужили основой двухъ поэмъ, составляющихъ эпизоды въ поэтической біографіи Вильгельма Оранжскаго: «Нимская Телѣга» (Le charroi de Nisme) и «Взятіе Оранжа» (La prise d'Orange). Первая разсказываетъ, какъ Вильгельмъ взялъ у сарацинъ городъ Нимъ часто встрѣчающеюся въ эпосѣ хитростью: онъ явился въ неприступный городъ переодѣтый купцомъ, а его воины были провезены черезъ заставу въ бочкахъ въ видѣ товара. «Взятіе Оранжа» связано съ другой chanson—«Дѣтство Вильгельма» (Le enfances Guillaume), составляющей не эпизодъ, а необходимое звено въ поэтической біографіи, но дошедшей до насъ только въ поздней редакціи. Ея авторъ, или точнѣе передѣлыватель, до извѣстной степени ученый человѣкъ, знакомый съ модной рыцарской поэзіей: онъ упоминаетъ о доспѣхахъ, Александра Македонскаго,

Digitized by Google

добытыхъ въ бою, и о щитѣ, который ему же подарила фея, подробно описываются чародѣйства принцессы Орабль; законы рыцарства соблюдаются настолько строго, что и въ смертельной опасности не посвященный въ рыцари герой не рѣшается дѣйствовать рыцарскимъ оружіемъ.

«Дѣтство Вильгельма», какъ легко понять изъ самаго заглавія, разсказываетъ объ его первыхъ военныхъ подвигахъ. Во время его перваго путешествія ко двору за рыцарскими шпорами, онъ вступаетъ въ сношенія съ сарацинской принцессой, которая въ поэмѣ: «Взятіе Оранжа» помогаетъ ему взять городъ, принимаетъ христіанство и выходитъ замужъ за Вильгельма.

Эпизодически входитъ въ эпосъ Вильгельма поэма: «Коронованіе Людовика» (Couronnement du roi Looys). Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что Карлъ Великій, достигши глубокой старости, подъ вліяніемъ злого совѣтника (Бернарда Орлеанскаго) хочетъ лишить наслѣдства своего сына Людовика, который болѣе способенъ быть монахомъ, чѣмъ государемъ *). Но въ это дѣло вступается Вильгельмъ, убиваетъ злого совѣтника и возстановляетъ Людовика въ его правахъ. Когда умеръ Карлъ и вассалы возмутились противъ Людовика, тотъ же Вильгельмъ приводитъ ихъ къ покорности. Вторая часть поэмы связана съ первой чисто внѣшнимъ образомъ. Вильгельмъ отправляется въ Римъ, на поклоненіе гробницѣ Петра. Въ это время въ Италію вторгается сарацинское войско подъ предводительствомъ Галафра и Марсиля; сарацины уже взяли Неаполь и завоевали Апулію. Папа падаетъ къ ногамъ французскаго барона и умоляетъ его о защитѣ. Судьбу войны положено рѣшить поединкомъ между Вильгельмомъ и сарацинскимъ великаномъ Корсольтомъ (Corsout). Передъ битвой частица мощей св. Петра была приложена ко всѣмъ частямъ тѣла Вильгельма. Забыли только кончикъ его носа: Вильгельмъ остался побѣдителемъ, но сарацинъ отрубилъ ему кончикъ носа, и Вильгельмъ, до тѣхъ поръ называвшійся Fiere brace (Bracchium ferri — желѣзная рука), сталъ называться коротконосымъ. Король Апуліи Гайферъ, освобожденный Вильгельмомъ изъ плѣна, предложилъ ему въ супружество свою дочь, но свадьба не состоялась за быстрымъ отъѣздомъ Вильгельма во Францію.

Характеръ Людовика, сына Карла Великаго, вѣренъ исторіи, но сюжетъ первой части не можетъ быть основыванъ на дѣйствительныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его вступленіе на престолъ: извѣстно, что Людовикъ замѣстилъ отца безъ всякихъ препятствій, и Вильгельмъ

*) Or li faisons tous les cheveus trenchier
Moines sera a Es en cel moustier
Tira les cordes et sera maregliers (церковный сторожъ).

Digitized by Google

Аквитанскій не дожилъ до этого времени. Несравненно ближе подходитъ поэма къ позднѣйшему факту: вступленію на престолъ Людовика Заморскаго, сына и наслѣдника Карла Простого. При Людовикѣ Заморскомъ игралъ видную роль Вильгельмъ Длинный Мечъ, герцогъ нормандскій. Во время войны молодого короля съ непокорными вассалами, ему оказалъ дѣйствительную помощь другой Вильгельмъ, герцогъ аквитанскій.

Гайферъ, герцогъ салернскій,—лицо историческое (ум. 879 г.). Исторія похода Вильгельма въ Римъ, вѣроятно, отраженіе подвиговъ нормандца Вильгельма-Желѣзной Руки, сына Танкредова, совершонныхъ имъ въ южной Италіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльные эпизоды вышеупомянутыхъ chansons и цѣлыя поэмы, о которыхъ намъ придется говорить ниже, основываются на болѣе или менѣе темномъ воспоминаніи о дѣяніяхъ другихъ историческихъ лицъ, связанныхъ съ Вильгельмомъ Аквитанскимъ или единствомъ имени (въ то время чрезвычайно популярнаго), или родствомъ, или мѣстомъ дѣятельности, или другимъ видомъ ассоціаціи представленій; но наука еще не дошла въ этомъ вопросѣ до положительныхъ результатовъ.

Переходимъ къ чрезвычайно популярной chanson, сюжетомъ которой служитъ конецъ жизни Вильгельма—«Монашество Вильгельма» (Moniage Guillaume).

Вильгельмъ Аквитанскій, какъ мы видѣли выше, пошелъ въ монахи. Этотъ скромный конецъ карьеры великаго герцога въ ту, еще сравнительно мало религіозную, эпоху произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ. Одинъ изъ нихъ, Ардонъ, авторъ житія св. Бенедикта, отрывается отъ своей темы, чтобы поговорить о томъ, какъ Вильгельмъ одарялъ и украшалъ монастырь и какимъ смиреніемъ отличался онъ. «Я самъ былъ свидѣтелемъ», говоритъ авторъ: «какъ могучій герцогъ, отринувъ свою земную славу, на простомъ ослѣ возилъ вино для братій, занятыхъ жатвой.» Этимъ свидѣтельствомъ пользуется авторъ житія Вильгельма, прибавляя къ нему много новаго, что̀ отчасти объясняется общими риторическими пріемами (таковъ, напр., ангелъ, указывающій Вильгельму мѣсто для построенія монастыря), отчасти основывается на преданіи: такъ онъ разсказываетъ, какъ Вильгельмъ, построивъ монастырь, заявилъ Карлу Великому о своемъ желаніи уйти отъ міра, какъ съ великимъ плачемъ провожали его друзья и родственники, какъ въ торжественной процессіи встрѣтили его аббатъ и монахи и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ передъ вступленіемъ въ монастырь пожертвовалъ свое оружіе св. Юліану.

О монашеской жизни Вильгельма мы имѣемъ двѣ поэмы. Первая,

Digitized by Google

первоначальная и краткая, предположительно составлена около половины XI в., вторая—распространенная—упоминаетъ о крестовыхъ походахъ, о Карліонѣ, столицѣ Артура; герой называется Вильгельмомъ Оранжскимъ (это прозвище перенесено на него съ историческаго Вильгельма, жившаго около половины XII в.). Кое-какія подробности въ ней заимствованы изъ преданій о Вильгельмѣ-Отшельникѣ († 1157), слѣд. она относится ко второй половинѣ XII в. Въ обѣихъ герой слагаетъ свое оружіе на алтарь св. Юліана; въ обѣихъ, въ отличіе отъ житія, Вильгельмъ, надѣвъ рясу, не способенъ совлечь съ себя ветхаго человѣка и продолжаетъ вести себя не по-монашески, что̀ производитъ цѣлый рядъ комическихъ сопоставленій, напоминающихъ подвиги монаха Ильзана.

Похоронивъ своего отца и жену Гибуръ, Вильгельмъ рѣшилъ позаботиться о спасеніи своей души и отправился въ монастырь женевскій (по распространенной редакціи—въ аніанскій). „Умѣете-ли вы пѣть?“ спросилъ его аббатъ.—„Да, не глядя въ книгу“. Аббатъ разражается смѣхомъ и выражаетъ увѣренность, что Вильгельмъ выучится въ свое время читать псалтырь и пѣть часы. Но скоро въ монастырѣ почувствовали все неудобство имѣть такого брата: онъ ѣлъ за шестерыхъ, много пилъ и, подвыпивши, бывалъ неспокоенъ и буенъ; плохо приходилось тому, кто тогда съ нимъ заговаривалъ о церковной службѣ. Чтобъ отъ него отдѣлаться, его рѣшили послать купить рыбы: проѣзжать нужно было черезъ лѣсъ, гдѣ постоянно скрывались разбойники. О послѣднемъ обстоятельствѣ аббатъ считаетъ долгомъ предупредить Вильгельма. Неопытный въ дѣлахъ благочестія и смиренія, инокъ спрашиваетъ аббата, имѣетъ-ли онъ право защищаться въ случаѣ нападенія. Отвѣтъ, конечно, отрицательный.—„А если разбойники вздумаютъ отнимать мое платье?“—„Ты долженъ смиренно отдать имъ все“, отвѣчаетъ аббатъ: „только въ томъ случаѣ, если разбойники покусятся снять съ него нижнее бѣлье, безъ котораго позорно оставаться иноку,—дозволяется защищаться „мясомъ и костью“. Заплативъ безъ торгу деньги за рыбу, Вильгельмъ ѣдетъ назадъ лѣсомъ; на него нападаютъ разбойники; Вильгельмъ въ точности исполняетъ приказъ аббата, но когда дошло дѣло до нижняго бѣлья, онъ выламываетъ ногу у мула и „мясомъ и костью“ избиваетъ разбойниковъ *). Сходство Вильгельма съ Ильзаномъ не ограничивается этимъ комическимъ сопоставленіемъ: какъ Ильзанъ нѣмецкаго эпоса, какъ русскій богатырь Данила Игнатьевичъ,—Вильгельмъ еще понадобился на защиту родины: на Парижъ напали язычники, подъ предводительствомъ великана Изорэ, короля Коимбры, и король Людовикъ умоляетъ Вильгельма спасти Францію. Вильгельмъ покидаетъ пустыню, въ которую онъ ушелъ изъ монастыря, и оказываетъ своей родинѣ послѣднюю услугу. Исторической основой этой части поэмы считаютъ осаду Парижа норманнами въ 886 г.

Въ 1129 г. Вильгельмъ Геллонскій былъ канонизированъ, что̀ не могло остаться безъ вліянія на усиленіе его популярности. Къ основнымъ поэмамъ, перечисленнымъ нами, присоединилась масса

*) Въ Chronicon Novalese, около 1060 г., разсказывается тоже про извѣстнаго героя нѣмецкаго эпоса, Вальтарія, будто-бы монашествовавшаго въ Новалезѣ. Жонкбло̀тъ пришелъ къ справедливому заключенію, что въ пѣснѣ о Вильгельмѣ мы имѣемъ оригиналъ, а въ хроникѣ—копію.

Digitized by Google

новыхъ поэмъ, въ которыхъ историческое преданіе играетъ самую незначительную роль, а чаще и не играетъ ровно никакой роли.

Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ случаевъ, гдѣ основное сказаніе распространяется не по нисходящей, а по восходящей линіи, и гдѣ примѣняется законъ, въ силу котораго поэмы о ближайшихъ родственникахъ героя древнѣе, чѣмъ поэмы объ его отдаленныхъ предкахъ; послѣднія переходятъ въ такъ-называемыя poèmes d'aventures, сюжетъ которыхъ не имѣетъ основы въ народномъ преданіи. Отецъ Вильгельма, Эмери Нарбонскій—лицо историческое, хотя далеко не родственникъ Вильгельма—это виконтъ нарбонскій, жившій въ первой половинѣ XII в., воевавшій съ сарацинами и женатый, какъ сказано и въ поэмѣ, на Эрменгардѣ; но по исторіи у него были только двѣ дочери, а по chanson, Вильгельмъ—одинъ изъ семи его сыновей. Прадѣдъ Вильгельма, Гаренъ Монтгленскій—чистый вымыселъ; при его рожденіи присутствуютъ три феи, въ томъ числѣ Моргана, сестра Артура. Въ посвященной ему chanson Карлъ Великій упалъ нравственно до послѣдней степени; жена его, какъ жена Владиміра, готова при всякомъ случаѣ измѣнять мужу. Другой рядъ поэмъ, тоже сравнительно позднихъ, вымышляетъ уже не предковъ Вильгельма, а современниковъ и помощниковъ. Авторы ихъ—люди по-своему ученые, знакомые съ классической миѳологіей: одинъ знаетъ сиренъ, судъ Париса, объясняетъ по-своему происхожденіе гвельфовъ и гибеллиновъ; они также начитаны въ рыцарскихъ романахъ: у одного на сценѣ весь волшебный Аваллонъ вмѣстѣ съ королемъ Артуромъ.

Очень рано циклъ Вильгельма проникаетъ за предѣлы Франціи: уже Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ въ неоконченной поэмѣ «Willehalm» довольно свободно пересказываетъ содержаніе бо̀льшей части основныхъ вещей. Въ предисловіи онъ говоритъ объ огромной популярности, которою пользовались эти поэмы во Франціи. Во второй половинѣ XIII в., два нѣмецкихъ поэта посредственнаго таланта, Ульрихъ ф. Тюргеймъ и Ульрихъ ф. Тюрлинъ, взялись продолжать его трудъ.

Значительно раньше проникли въ Германію основные сюжеты французскаго національнаго эпоса и, по весьма понятнымъ причинамъ, пустили тамъ болѣе глубокіе корни. Хотя мы не находимъ въ Германіи ни одной туземной поэмы о Карлѣ Великомъ, сказанія о немъ, несомнѣнно, были извѣстны народу; есть даже указаніе на существованіе нѣмецкихъ пѣсень, до насъ не дошедшихъ *). Такимъ образомъ, почва для пересадки французскихъ chansons была подготовлена.

При дворѣ вельфа Генриха Гордаго жилъ, около 1130 г., какой-

*) Karl hat auch andere Lied—про Карла поютъ и другую пѣсню, говоритъ авторъ „Kaiserchronik" въ 15088 ст.

Digitized by Google

то священникъ Конрадъ, который, по порученію своего государя и жены его, составилъ поэму «Пѣснь о Роландѣ» (Rolandslied); въ основу ея былъ положенъ старый текстъ chanson de Roland; онъ былъ сперва переведенъ на латинскій языкъ, а съ латинскаго—на нѣмецкій. Въ силу своего званія, Конрадъ измѣнилъ тонъ поэмы, обратилъ героическую поэму въ благочестивую. Онъ присочинилъ вступленіе, молитву къ Творцу; всѣ естественныя побужденія—любовь къ douce France, къ семьѣ, вѣрность государю—замѣнило непомѣрно разросшееся стремленіе къ мученичеству.

Въ послѣдней четверти XII в., Генрихъ фонъ-Вельдеке произвелъ реформу въ нѣмецкой поэзіи и стихосложеніи; съ него начинается періодъ художественной придворной поэзіи, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Тогда всѣ старыя, но по содержанію нравившіяся публикѣ произведенія были подвергнуты переработкѣ, съ цѣлью приспособленія къ измѣнившемуся вкусу публики. Около 1230 г. неизвѣстный поэтъ, обозначаемый нарицательнымъ именемъ «штрикера», т.-е. перекладчика, рапсода *), передѣлалъ поэму Конрада подъ именемъ «Karl», дополнивъ разсказъ изъ нѣмецкихъ преданій и французскихъ поэмъ, которыя онъ зналъ тоже въ нѣмецкихъ пересказахъ. Духъ благочестія, вооодушевлявшій Конрада, остался неприкосновеннымъ, но читатель чувствуетъ, что бывшее для Конрада выраженіемъ искренняго чувства—для Штрикера только риторическое украшеніе.

Въ томъ же XIII в. въ Германіи составлена циклическая поэма, извѣстная подъ именемъ «Karl Meinet» (Meinet отъ maynus, псевдонимъ, принятый Карломъ во время изгнанія его изъ Франціи). Авторъ пользовался поэмой Конрада и нѣсколькими французскими chansons, дошедшими до него въ нидерландскихъ и нѣмецкихъ пересказахъ.

Въ предѣлахъ и на границѣ нынѣшней фламандской Бельгіи и Нидерландовъ, около Люттиха, Намюра, Ахена, былъ центръ наслѣдственной власти Карловинговъ. Естественно было ожидать, что здѣсь сохранятся и выработаются въ поэмы сказанія о Карлѣ Великомъ. Естественно также, что нидерландскіе ученые старались присвоить своему отечеству авторское право на нѣсколько старыхъ поэмъ о Карлѣ Великомъ. Но преданія, не получившія художественной обработки, забываются очень скоро, а эпическій центръ очень рѣдко соотвѣтствуетъ историческому. Теперь оказывается, что нидерландскія поэмы на темы національнаго французскаго эпоса явились на свѣтъ сравнительно поздно, въ XIII и XIV вв., хотя иныя изъ нихъ основаны на древнихъ редакціяхъ французскихъ поэмъ, не дошедшихъ до насъ.

*) *Strickoere* отъ *stricken* связывать; въ одной рукописи, вмѣсто strickoere, стоитъ ihtocre.

Digitized by Google

въ оригиналѣ. Одна изъ самыхъ интересныхъ въ историко-литературномъ отношеніи и раннихъ поэмъ—«Mainet»—написана около половины XIII в. Она основана на затерянномъ французскомъ оригиналѣ. Мы вкратцѣ изложимъ содержаніе поэмы XIII в. «Карлъ и Элегастъ», на которую особенно упорно поддерживали свои притязанія Нидерланды:

Явившійся во снѣ Карлу ангелъ приказываетъ ему, во имя Божіе, идти ночью воровать. Карлъ, послѣ довольно упорнаго сопротивленія, отправляется. Онъ встрѣчаетъ чернаго рыцаря на вороном конѣ. Тотъ спрашиваетъ Карла объ имени; вслѣдствіе его отказа назвать себя, между ними начинается поединокъ, который оканчивается не въ пользу незнакомца: его мечъ сломался; тогда онъ принужденъ объявить свое имя: онъ Элегастъ, изгнанный Карломъ и принужденный содержать себя воровствомъ. Карлъ, назвавъ себя Альбрехтомъ, предлагаетъ ему себя въ товарищи и указываетъ ему цѣль въ королевской сокровищницѣ. Первое Элегастъ принимаетъ, отъ втораго энергично отказывается и предлагаетъ ему идти къ зятю короля, Эккериху Эккермундскому, который не отличается особенной преданностью государю. Они подходятъ къ замку, Элегастъ пролѣзаетъ въ проломъ, а Альбрехтъ остается, чтобы принимать добычу. Элегастъ проникаетъ въ спальню Эккериха и подслушиваетъ разговоръ послѣдняго съ своей женой: Эккерихъ сообщаетъ ей о заговорѣ, который онъ составилъ противъ короны и жизни Карла. Жена пытается отговорить его отъ этого, но получаетъ за это побои. Объ этомъ разговорѣ Элегастъ сообщаетъ Альбрехту. Тотъ уговариваетъ его явиться къ королю и предупредить его; когда Элегастъ отказывается, Альбрехтъ самъ берется передать королю объ оказанной ему Элегастомъ услугѣ. Тогда Карлъ понялъ, зачѣмъ Богъ велѣлъ ему идти воровать. Прибывшій ко двору Эккерихъ схваченъ и посаженъ въ темницу. Элегастъ является противъ него свидѣтелемъ. Дѣло рѣшается поединкомъ между ними; побѣдитель Элегастъ получаетъ въ награду жену повѣшеннаго Эккериха и милость королевскую. Въ этой поэмѣ Нидерландамъ (или точнѣе прирейнской землѣ) принадлежитъ только имя Элегаста, сказочнаго ловкаго вора; въ нидерландской поэмѣ оно подставлено вмѣсто имени Базэна, который упоминается въ нѣсколькихъ chansons, въ томъ числѣ и въ „Рено Монтобанскомъ", гдѣ Карлъ разсказываетъ, какъ онъ въ молодости ходилъ съ нимъ воровать и, благодаря ему, открылъ заговоръ двѣнадцати пэровъ, во главѣ которыхъ стоялъ Жеренъ. Что на эту тему существовала особая chanson,—доказывается скандинавскимъ пересказомъ, занесеннымъ въ „Karlomagnus saga", о которой мы будемъ говорить нѣсколько ниже. Въ ней герой также называется Базэномъ (но въ датскомъ сокращеніи саги онъ названъ Aligast); врагъ Карла—графъ Ренфруа; его разговоры съ женой слышитъ самъ Карлъ, введенный Базэномъ въ спальню жены. Поэма оканчивается также женитьбой вора на женѣ измѣнника. Первоначальная французская редакція, повидимому, ничего не знаетъ о прежнихъ отношеніяхъ Карла и его спасителя. Послѣдній—просто типичный ловкій воръ. Намеки на эту поэму встрѣчаются у одного французскаго хроникера.

Замѣчательно, что этотъ разсказъ зашелъ неизвѣстными пока путями къ намъ на Русь и пріуроченъ въ народныхъ сказаніяхъ къ Ивану Грозному: странствуя переодѣтымъ, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ, Грозный познакомился съ воромъ, подбивалъ его, какъ Карлъ Элегаста, обокрасть казну государеву и также неожиданно встрѣтилъ протестъ; воръ (одинъ, какъ въ нидерландской редакціи) прони-

Digitized by Google

ваетъ къ боярину, подслушиваетъ разговоръ его съ товарищами и также является обличителемъ и карателемъ злодѣевъ; также, какъ въ нидерландской редакціи, Грозный не открылъ вору своего инкогнито и обѣщается дать знать царю о заговорѣ *).

Всѣ нидерландскія поэмы цикла Карла Великаго составлены раньше 1250 г. Со второй половины XIII в. ими перестаютъ интересоваться, такъ какъ тогда развивается въ Голландіи буржуазная личная поэзія; ихъ даже преслѣдуютъ съ точки зрѣнія исторической истины. Послѣ распространенія книгопечатанія, онѣ опять возрождаются въ видѣ романовъ.

Въ странахъ скандинавскихъ, послѣ того какъ окончательно укрѣпилась побѣда христіанства, начинается новое литературное движеніе: и тамъ грамотники стремятся усвоить то, что̀ занимало воображеніе жителей континента. Норвегія, которая была, повидимому, первоначальнымъ центромъ національной языческой поэзіи, и теперь оказалась передовой страной. Гаконъ (1217—1263), уничтожившій послѣдніе слѣды язычества, задумалъ довершить свое дѣло, подставивъ, вмѣсто языческихъ пѣсень и сагъ, творенія новой рыцарской поэзіи; между прочимъ, явилось много переводовъ поэмъ интересующаго насъ цикла.

О важнѣйшемъ памятникѣ этого рода мы упоминали: это—«Karlamagnus saga». Авторъ ея—исландецъ; онъ пользовался древними французскими поэмами, важность которыхъ для исторіи французскаго эпоса можно опредѣлить всего яснѣе, указавъ на то, что отдѣльныя части его труда объясняютъ и развиваютъ намеки «Пѣсни о Роландѣ»; онъ излагаетъ свой матеріалъ, повидимому, близко держась подлинника и безъ излишнихъ затѣй. Черезъ полъ-вѣка послѣ своего созданія, «Karlamagnus saga» была подновлена, причемъ отдѣльныя части ея переработаны по другимъ источникамъ.

Англія такъ поздно освободилась отъ французскаго языка, что на англійскомъ языкѣ раньше XV в. (эпохи прозаическихъ романовъ) нельзя найти въ большомъ количествѣ отголосковъ карловинскаго цикла. Новую жизнь и силу получилъ французскій эпосъ въ Испаніи, и особенно въ Италіи.

Испанія съ сюжетами французскаго эпоса ознакомилась чрезвычайно рано: въ латинской поэмѣ, сочиненной въ похвалу Альфонсу VII, немного спустя послѣ его смерти (1157), авторъ, прославляя одного воина, говоритъ: «Еслибъ онъ жилъ во времена Роланда и находился третьимъ съ нимъ и Оливье, то я, не умаляя ихъ чести, могу сказать, что сарацины оказались-бы подъ игомъ французовъ, и вѣр-

*) Напечатано Н. Я. Аристовымъ. „Историческій Вѣстникъ“, сентябрь 1880 года. 15 стр.

Digitized by Google

ные товарищи спаслись-бы отъ смерти». Очевидно, что автору была извѣстна поэма о Ронсевальскомъ побоищѣ, и есть основаніе полагать, что онъ зналъ ее въ очень ранней формѣ. «Въ Cronica general» Альфонса X (1251—1284) вошелъ цѣлый рядъ сказаній, основанныхъ на французскихъ chansons de geste, на которыя Альфонсъ и самъ ссылается, называя ихъ cantares de gesta. Нѣтъ сомнѣнія, что не разъ поминаемые въ этой хроникѣ jaglares—ученики и подражатели французскихъ жонглеровъ. На первое время они, повидимому, довольствовались воспроизведеніемъ поэмъ французскихъ, причемъ, естественно, наиболѣе интересовались подвигами Карла въ Испаніи, но потомъ мало по малу становились самостоятельнѣе. Уже въ XIII в. они совсѣмъ иначе разсказывали исторію Ронсевальскаго побоища, а именно, изобрѣли своего собственнаго героя Бернарда del Carpio, испанца по отцу и незаконнаго племянника Карла Великаго; онъ помогалъ Карлу въ войнѣ противъ сарацинъ и въ награду получилъ корону Италіи. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что историческая основа этой фигуры — Бернардъ или Беренгаръ, правнукъ Карла Великаго, владѣвшій Италіей. Далѣе Бернардъ обиспанился еще болѣе; его родство съ Карломъ было забыто: онъ сталъ племянникомъ испанскаго короля Альфонса Цѣломудреннаго и не союзникомъ, а соперникомъ Роланда, побѣдившимъ его при Ронсевалѣ. Уже Альфонсъ X, въ качествѣ испанца, отдаетъ преимущество этой версіи преданія передъ болѣе древней. На ней основывано большинство и донынѣ распѣваемыхъ испанскихъ романсовъ, но другіе передаютъ дѣло болѣе согласно съ chansons de geste *).

Кромѣ сказаній о ронсевальской битвѣ, рано проникли въ Испанію и въ формѣ романсовъ пользуются популярностью и до сихъ поръ многіе другіе отголоски французскаго эпоса: такова исторія молодости Карла Великаго, его походъ въ св. землю **), разсказъ объ Амисѣ и Амилѣ, Фьерабрасѣ, Ожье Датскомъ, Рено Монтобанскомъ и др. Любопытно, что популярность Карла Великаго заставляла грамотниковъ отыскивать такіе сюжеты для романсовъ о Карлѣ, которые остались неизвѣстны французскому эпосу; такова, напр., исторія Эгингарда и Эммы. Переведенная съ французскаго книжка: «Побѣды Карла Великаго»—до сихъ поръ популярнѣйшая лубочная книжка въ Испаніи.

*) Теперь считается доказаннымъ, что испанскіе романсы, вообще, не отличаются глубокою древностью (едва-ли есть сочиненые раньше XV в.) и, между ними, иные обязаны своимъ происхожденіемъ художественнымъ поэтамъ, поддѣлывавшимся подъ тонъ народной пѣсни.

**) „Великое заморское завоеваніе“ переведено съ французскаго по повелѣнію Санчо, сына Альфонса X.

Digitized by Google

Достигшая высшей степени развитія въ XVI и XVII вв. испанская драма не разъ черпала сюжеты изъ обильнаго запаса романсовъ и сказаній французскаго происхожденія.

Италія по причинамъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, не могла развить собственнаго эпоса; тѣмъ охотнѣй и старательнѣй обработывала она эпосъ французскій, который, можно сказать, нашелъ тамъ новое отечество. Сто лѣтъ назадъ, Роландъ, Ганелонъ стали извѣстны образованной Европѣ только благодаря итальянцамъ.

Уже въ 1131 г., рыцари и консулы Непи (въ Церковной области), связывая себя клятвой, обрекали отступника участи Іуды и *позорной смерти* Ганелона. Извѣстно мѣсто Данта, гдѣ онъ сравниваетъ звукъ адской трубы съ звукомъ Роландова рога *).

Изъ другого мѣста Данта видно, что онъ зналъ не только циклъ Карла, но и циклъ Вильгельма Оранскаго (Par. XVIII, 43).

Французскія chansons de geste распространялись, такъ сказать, публиковались въ Италіи тѣмъ же способомъ, что̀ и во Франціи; только, при скученности населенія въ городахъ, это было еще удобнѣе. Въ 1288 г., въ Болоньѣ, запрещено было пѣвцамъ, воспѣвавшимъ французскихъ витязей, останавливатья на публичныхъ мѣстахъ; въ томъ же XIII в. поминаются «histriones», воспѣвавшіе Роланда и Оливье на подмосткахъ миланскаго театра.

Всѣ эти свидѣтельства, какъ видятъ читатели, относятся къ сѣв. Италіи; и это не случайность: чтобы здѣсь получить извѣстность, chansons de gestes даже не нуждались въ переводахъ; «Livres dou tresor», Брунетто Латини, описаніе путешествія Марко Поло и многія другія книги, написанныя итальянцами по-французски, несомнѣнно доказываютъ, что не задолго до эпохи Данта, французскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ въ сѣв. Италіи; его понимали, по-видимому, не только государственные люди и представители торговыхъ фирмъ, имѣвшіе сношенія съ Франціей, но и бо́льшая часть публики, понимали и люди, никогда не видѣвшіе Франціи. Понятно, что при этомъ условіи французской поэмѣ стоило только попасть въ предѣлы Италіи, чтобы пріобрѣсти въ ней нѣкоторое право гражданства. Переписывавшій ее писецъ невольно и безсознательно итальянизировалъ французскія слова и формы; тотъ, кто копировалъ его копію, конечно, увеличивалъ число итальянизмовъ и, пройдя чрезъ

*) Inf. XXXI, 16.

Dopo la dolorosa rotta, quando
Carlo magno perdi la santa gesta
Non sono si terribilmente Orlando.

Digitized by Google

нѣсколько рукъ, поэма становилась вполнѣ понятною и неграмотному горожанину.

Подобное явленіе можно указать и въ нашей письменности: извѣстно, что въ XVII в. нѣкоторыя польскія книги становились русскими также безъ перевода, а въ силу того, что прошли чрезъ нѣсколько рукъ русскихъ переписчиковъ. Итальянцы же не имѣли нужды измѣнять и алфавита.

До насъ дошелъ цѣлый рядъ рукописей французскихъ chansons de geste, итальянизированныхъ съ бо́льшей или меньшей послѣдовательностью. Однѣ изъ нихъ только переписаны въ Италіи, другія передѣланы и приспособлены къ новымъ условіямъ, а третьи, по видимому, сочинены итальянцами и только пріурочены къ героямъ французскаго эпоса. Намъ извѣстно имя одного италофранцузскаго трувера (Николая изъ Падуи), автора двухъ поэмъ: «Вступленіе въ Испанію» и «Взятіе Пампелуны». Это совершенно самостоятельный поэтъ, пользовавшійся только французскими источниками; онъ сочиняетъ чисто-итальянскаго героя Дезидерія, заставляетъ героевъ эпоса высказывать свою ненависть къ нѣмцамъ и т. д.

Время процвѣтанія этого италофранцузскаго эпоса, приблизительно, можно ограничить 1300 — 1330 г. Немного позднѣе, приноравливаясь къ измѣнившемуся вкусу публики, эти поэмы разлагаются въ итальянскую прозу. Любопытнѣйшій и вліятельнѣйшій памятникъ этого рода: «Reali de Francia» (Королевичи Франціи), въ 12 книгахъ; авторъ «Reali» человѣкъ по-своему ученый и не переводчикъ, а писатель въ современномъ значеніи этого слова. Заимствованные изъ италофранцузскихъ поэмъ сюжеты онъ связываетъ посвему, прибавляетъ вычитанное изъ другихъ, якобы историческимъ книгъ, заботится о единствѣ и системѣ. Первыя три книги, излагающія исторію предковъ Карла отъ Константина Великаго, основаны главнымъ образомъ, не на французскомъ національномъ, а на книжномъ преданіи, хотя авторъ пользуется мѣстами и первымъ; IV и V книги заняты исторіей Бева Ганстонскаго (Beuveis—у французовъ, Buovo—въ Италіи), героя поэмы вымышленной французскими труверами, не имѣющей корня въ народномъ преданіи *),— героя, искусственно генеалогически-связаннаго съ цикломъ Карла; VI книга излагаетъ исторію молодости Карла Великаго.

«Reali» составлена около $^1/_2$ XIV стол. и, съ 1491 г., выдержала не одинъ десятокъ изданій; до сихъ поръ это одна изъ распростра-

*) Во французской наукѣ для такихъ поэмъ употребляется обыкновенно терминъ: roman d'aventure. Извѣстно, какую популярность пріобрѣлъ этотъ Бевъ Ганстонскій подъ именемъ Бовы Королевича у насъ на Руси. См. Пыпинъ: Очеркъ литерат. исторіи повѣстей, стр. 244 и слѣд. Галаховъ: Ист. Слов., I, 452 и сл.

Digitized by Google

неннѣйшихъ лубочныхъ книгъ въ Италіи. Къ сожалѣнію, эти печатныя изданія содержатъ въ себѣ только первыя 6 книгъ; наиболѣе интересная вторая половина до сихъ поръ не издана и, можетъ быть, навсегда пропала для науки; намъ извѣстно только подробное ея оглавленіе *).

«Reali di Francia» не единственное въ своемъ родѣ явленіе: на границѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени было много такихъ прозаическихъ исторій, соотвѣтствующихъ французскимъ прозаическимъ романамъ, но онѣ не попали въ печать. Произошло это по той причинѣ, что во Франціи прозаическіе романы—послѣдняя ступень развитія эпоса, а въ Италіи — предпослѣдняя. Когда во Франціи буржуазные читатели стремились только занять воображеніе, болѣе чуткіе къ красотѣ итальянцы требовали стихотворной формы. Поэты XIV в. и эпохи Возрожденія, пропагандировавшіе въ Италіи французскій національный эпосъ, раздѣляются на двѣ группы: одни довольствуются только обработкой формы и въ содержаніи рабски слѣдуютъ за своими источниками, другіе даютъ полную волю своей творческой фантазіи и личнымъ взглядамъ Хронологически первая группа предшествуетъ второй; къ ней принадлежитъ неизвѣстный флорентинецъ XIV в., авторъ поэмы Buova d'Antona, Sostegno di Zanobi — авторъ поэмы la Spagna, и много другихъ. Жившій въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. вѣнчанный поэтъ флорентійскій, Христофанъ или Христофоръ, задумалъ огромное предпріятіе: переложить въ стихи всю «Reali», но не сладилъ и ограничился только 2-мя книгами: 1-я книга заключаетъвъ себѣ 98 пѣсень!

Ко второй группѣ принадлежатъ: Пуявчи, Боярдо и, наконецъ Аріосто. Историко-литературный разборъ ихъ былъ бы тѣмъ болѣе неумѣстенъ въ настоящей главѣ, что Боярдо и Аріосто столько же обязаны своимъ вдохновеніемъ французскому національному эпосу, сколько и рыцарскимъ романамъ такъ-называемаго бретонскаго цикла, которымъ мы посвящаемъ слѣдующую главу.

IX **). Романы объ Артурѣ и рыцарятъ Круглаго Стола.—Рыцарство и его связь съ поэзіей.—Хроника британцевъ.—Жизнь Мерлина.

Главнѣйшія пособія:

Guizot: III. т.

Freytag: Bilder aus der deutschen Vergangenheit. II Bd. 5-te Aufl. Leipz. 1867.

Falke Jac.: Die ritterliche Gesellschaft im Zeitalter des Frauencultus. Berl. 1863.

*) H. Michelant Titoli dei Capitoli della Storia Reali di Erancia. Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. XI, 1870.

**) Въ 12-мъ выпускѣ вкрались опечатки въ обозначеніе главъ. Глава VII-я показана VIII-ю, а VIII-я—XVIII-ю.

Digitized by Google

Schulz Alvin: Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Leipz. I Bd. 1879. II Bd. 1880.
Aubertin: I, 203 и слѣд.
Paris Paulin: Les romans de la Table Ronde. Paris. 1868—1877 Vv. I—X.
—. Le Saint-Graal. Romania I, 457 и слѣд.
Birch-Hirschfeld: Die Sage vom Gral. Leipz. 1877.
Дашкевичъ: Сказаніе о св. Граалѣ. Кіевъ 1877.
San-Marte: Die Arthursage etc. Quedl. 1847.
Villemarqué: Les romans de la Table Ronde.
— Myrdhinn ou l'enchanteur Merlin. Paris 1862.
Веселовскій: Соломонъ и Китоврасъ, стр. 189 и слѣд., стр. 304 и слѣд.
Gaston Paris: Le lai de l'épervier. Romania № 25.
Ernst Martin: Zur Gralsage. Strassb. 1880. (Quellen u. Forschungen XLII).
W. Holland: Chrestien von Troies, eine literaturgeschichtliche Untersuchung. Tübingen. 1854.

Насколько французскій національный эпосъ—chansons de geste—служитъ выраженіемъ феодализма, настолько же романы Круглаго Стола служатъ выраженіемъ рыцарства. Мало того, здѣсь связь еще крѣпче: не только циклъ произведеній фантазіи, извѣстный подъ этимъ именемъ, есть идеальное отраженіе историческаго рыцарства, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти поэтическія произведенія до извѣстной степени обусловливаютъ и самый историческій фактъ; иными словами: не только романы результатъ рыцарства, но и извѣстныя стороны рыцарства были результатомъ названныхъ романовъ. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ случаевъ взаимнодѣйствія поэзіи и жизни. Оттого, очерку развитія этихъ романовъ необходимо предпослать хоть краткое разъясненіе тѣхъ условій жизни, съ которыми они такъ тѣсно связаны.

Что̀ такое рыцарство? Кто не имѣетъ о немъ общаго, поверхностнаго понятія? Но это поверхностное понятіе не можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, такъ какъ оно унаслѣдовано нами отъ извѣстной литературной школы (романтиковъ), поставившей себѣ задачей идеализировать средніе вѣка.

Романтики видѣли въ рыцарствѣ идеальнѣйшее выраженіе той идеальной въ ихъ глазахъ эпохи, и для выработки понятія о немъ собирали какъ черты изъ жизни разныхъ національностей и эпохъ (даже не стѣсняясь предѣлами среднихъ вѣковъ), такъ и изъ поэзіи. Понятіе, добытое такимъ некритическимъ путемъ, и потомъ разукрашенное творческой фантазіей поэтовъ школы, до сихъ поръ остается въ большой публикѣ господствующимъ. Оно не пригодно для нашей цѣли *).

*) Чтобы видѣть несоотвѣтствіе между ходячимъ представленіемъ о рыцарствѣ съ дѣйствительностью, достаточно, напр., сравнить изящный рыцарскій шлемъ съ округлыми линіями, который защищаетъ головы рыцарей въ иллюстрированныхъ изданіяхъ Вальтеръ-Скотта, съ безобразнымъ горшкомъ, который носили на турнирахъ до XV вѣка.

Digitized by Google

Романы Круглаго Стола развились во Франціи; къ Франціи же мы должны обратиться, чтобъ уяснить себѣ происхожденіе рыцарства; въ другихъ странахъ западной Европы оно возникаетъ несомнѣнно подъ вліяніемъ Франціи.

Одновременно съ молекулой феодальной жизни, о которой мы говорили въ началѣ предыдущей главы,—съ рыцарскимъ зàмкомъ, возникли и существовали дворы сюзереновъ, которые сложились изъ оставшихся при предводителѣ дружинниковъ, изъ чиновниковъ, вѣдающихъ его хозяйство, и служителей. На первое время, въ эпоху Меровинговъ, эти дворы были въ зачаточнымъ состояніи; но чѣмъ дальше, тѣмъ все бóльше и бóльше развивались они. Повинуясь центростремительной силѣ, все большее и большее число феодаловъ оставляло свои владѣнія для веселой придворной жизни, которая казалась раемъ послѣ скуки и однообразія жизни въ зàмкѣ. При дворѣ вассалы состояли въ разныхъ должностяхъ, съ которыми соединялись извѣстныя привилегіи и доходы. Эти должности ассимилировались въ общемъ сознаніи съ феодами, и одновременно съ борьбой за наслѣдственность послѣднихъ шла глухая борьба и за наслѣдственность придворныхъ званій и привилегій: сюзерены старались удержать за собою право давать и отнимать ихъ по своей волѣ; должностныя лица стремились поставить себя внѣ зависимости отъ произвола главы двора и пріобрѣсти право передавать должности своимъ дѣтямъ; и хотя здѣсь логика вещей не за наслѣдственность (какъ это мы видѣли въ отношеніи владѣнія землею), но сила закона ассимиляціи такова, что во многихъ случаяхъ придворныя и даже военныя должности стали наслѣдственными.

Кромѣ придворныхъ чиновъ и феодаловъ-гостей, пріѣзжавшихъ къ сюзерену на-время по своимъ частнымъ или по общественнымъ дѣламъ, при дворахъ проживали постоянно и получали воспитаніе несовершеннолѣтніе сыновья феодаловъ. Этотъ обычай, объясняемый, главнымъ образомъ, тѣмъ же стремленіемъ къ центру, былъ равно выгоденъ для обѣихъ сторонъ: феодалъ охотно посылалъ своею сына, такъ какъ, во 1-хъ, живя въ одинокомъ зàмкѣ съ прислугой, мальчикъ могъ совершенно одичать, а во 2-хъ, по близости отъ источника всякихъ милостей—сюзерена—онъ могъ разсчитывать пріобрѣсти выгодный ленъ или придворную должность. Съ другой стороны сюзеренъ готовилъ себѣ въ воспитывающемся при дворѣ его мальчикѣ вѣрнаго слугу въ будущемъ; да и въ настоящее время сынъ служилъ заложникомъ за вѣрность отца.

При этихъ-то феодальныхъ центрахъ выработывается своеобразный складъ жизни, своеобразная культура, общественный идеалъ, въ названіи котораго—*cortoisie*—ясно видно его придворное происхож-

Digitized by Google

деніе *). Пониманіе этого идеала, сознаніе необходимости подчиняться правиламъ, выработаннымъ этою культурой, умѣнье вести себя прилично своему высокому званію, чувство своей близости ко всѣмъ, кто подчиняется тѣмъ же требованіямъ *кортуазіи*, прежде всего отличаетъ въ XII вѣкѣ рыцаря отъ простого феодала. Другія характерныя черты рыцарства: страсть къ приключеніямъ, гордость передъ горожанами и вилланами—въ достаточной степени объясняются тѣми особенностями зàмковой жизни, о которыхъ была рѣчь въ началѣ предыдущей главы. Отсюда же, какъ мы сказали, исходитъ и уваженіе къ женщинѣ, которому дворы придали особый оттѣнокъ «галантеріи»: въ зàмкѣ, баронъ видѣлъ въ своей женѣ или матери подругу, съ которой приходилось ему дѣлить и горе, и радость, которой, на время отсутствія, онъ поручалъ охрану своего орлинаго гнѣзда; при дворѣ въ женѣ или дочери сюзерена онъ видѣлъ свою владычицу, *даму* **), благосклонность которой онъ стремился пріобрѣсти услужливостью.

Рыцарство никогда не составляло одного особеннаго общества, *ордена*, и потому нельзя указать момента его возникновенія. Первоначально *chevalier*, какъ и *rîter*, только конный воинъ; лат. *miles* лишь военный слуга, временно обязанный дружинникъ. Обычай посвященія въ рыцари первоначально не связанъ ни съ какими обѣтами. Онъ ведетъ свое начало еще изъ лѣсовъ германскихъ. Тацитъ говоритъ въ 13 гл. своей «Германіи»: «Согласно обычаю, никто не можетъ носить оружія, пока община не признàетъ его къ тому способнымъ: тогда на самомъ собраніи или кто-нибудь изъ начальниковъ, или же отецъ, или родственники украшаютъ юношу щитомъ и копьемъ. Это соотвѣтствуетъ у нихъ нашей тогѣ; это первая почесть для юноши; до этого момента онъ только членъ семьи, съ этихъ поръ онъ — членъ государства». «Этотъ обычай пережилъ переселеніе народовъ; только копье и щитъ замѣнились болѣе цивилизованнымъ оружіемъ—мечемъ, какъ видно, напр., изъ слѣдующихъ лѣтописныхъ данныхъ. Въ 791 г. въ Регенсбургѣ Карлъ Великій опоясалъ «торжественно» мечемъ своего сына Людовика; а въ 838 г. Людовикъ Благочестивый—Карла Лысаго. Въ XI в. при всѣхъ большихъ и малыхъ дворахъ (замѣнившихъ въ этомъ случаѣ древнія собранія) дѣти сюзерена и молодые люди, воспитывавшіеся

*) *Curteisie*, *courtesie* отъ *cort*, *court*, ит. *corte*, пров. *cort*, средневѣковое лат. *cortis*, *curtis*, отъ лат. *cohors*, *chors*, *cors*. Ср. нѣм. переводъ *höveschkeit*, отъ *hövecsh*, придворный, откуда происходятъ два новонѣм. прилагательныхъ: *höflich*, учтивый, и *hübsch*, красивый.

**) Отъ лат. domina.

Digitized by Google

при дворѣ, по достиженіи воинскаго совершеннолѣтія, получаютъ эту «первую почесть» отъ рукъ сюзерена (который такимъ дешевымъ способомъ пріобрѣталъ себѣ вѣрныхъ сторонниковъ), причемъ совершаются извѣстные религіозные обряды: церковь, не пожелавшая истребить этотъ остатокъ сѣдой старины, не упустила случая наложить на него свою руку. Вотъ каковъ былъ полный ритуалъ такого посвященія въ XII вѣкѣ: Аспирантъ прежде всего омывался въ ваннѣ въ ознаменованіе душевнаго очищенія; по выходѣ изъ ванны, его облеками въ бѣлую сорочку—символъ чистоты, въ красную тунику—въ ознаменованіе того, что онъ долженъ проливать кровь свою за вѣру, и черный кафтанъ—въ знакъ его готовности къ смерти. Послѣ этого онъ постился 24 часа; вечеромъ запирали его въ церковь, или одного, или съ священникомъ и воспріемникомъ, и онъ проводилъ тамъ цѣлую ночь въ молитвѣ. На другой день онъ исповѣдовался, пріобщался св. тайнъ, выслушивалъ обѣдню и проповѣдь; по окончаніи послѣдней онъ подходилъ къ алтарю съ мечемъ, повѣшаннымъ на шею, священникъ отвязывалъ мечъ, благословлялъ его и снова вѣшалъ на аспиранта; тогда послѣдній приближался къ посвящавшему его (крестному отцу) и становился передъ нимъ на колѣна; рыцари и дамы надѣвали на него части рыцарскаго вооруженія, посвящающій давалъ ему *акколаду* *), т. е. три удара мечемъ плашмя по плечу или по затылку, и дѣлалъ краткое наставленіе. Посвященный надѣвалъ шлемъ, вскакивалъ на коня и спѣшилъ показать свое искусство передъ собравшимся народомъ. Очень часто за посвященіемъ въ рыцари высокопоставленнаго лица слѣдовали военныя игры.

Обѣты, которые давалъ посвящаемый, были довольно разнообразны; но во всѣхъ дошедшихъ до насъ текстахъ защита католической церкви играла очень видную роль **).

Само собою разумѣется, что полный ритуалъ отнюдь не былъ обязателенъ и исполнялся сравнительно рѣдко; документально извѣстно, что часто передъ сраженіемъ, для возбужденія храбрости въ молодыхъ людяхъ, ихъ цѣлыми десятками и даже сотнями посвящали

*) Происхожденіе акколады объясняютъ различно; можетъ быть, это воспоминаніе о томъ ударѣ, который въ Римѣ ликторъ давалъ отпускаемому на волю рабу; можетъ быть, удары должны были укрѣпить въ памяти юноши сообщаемыя ему правила (подобно тому, какъ дѣтямъ давали пощечину при постановкѣ пограничныхъ камней). Въ Германіи и Англіи акколада не была въ употребленіи.

**) Хотя эти обѣты или уставы относятся сравнительно къ позднѣйшему періоду рыцарства, они очень важны для опредѣленія его *идеала* (извѣстно, что никогда идеалъ не находился такъ далеко отъ дѣйствительности, какъ въ средніе вѣка): почти во всѣхъ этихъ обѣтахъ говорится объ обязанности рыцаря защищать вдовъ, сиротъ, женщинъ, честно держать свое слово, никогда не отказываться отъ равнаго боя и т. д.

Digitized by Google

въ рыцари. Тоже производили и послѣ сраженія, чтобъ наградить отличившихся *). Въ этомъ случаѣ, конечно, не соблюдали никакихъ частей ритуала, кромѣ опоясыванія мечемъ или акколады.

Точно также нельзя считать обязательнымъ, даже нельзя возводить въ общее правило 14-лѣтнее пребываніе аспиранта въ званіяхъ пажа и оруженосца; въ Германіи эти званія часто не различаются и обозначаются однимъ терминомъ — der Knapre **). Утвердительно можно сказать одно—что, по духу учрежденія, посвященію въ рыцари предшествовало особое, къ будущей дѣятельности приспособленное, воспитаніе.

Въ благородныхъ семьяхъ такое воспитаніе начиналось очень рано, раньше чѣмъ въ наше время начинаютъ учить ребенка грамотѣ; въ эпоху рыцарства, его уже пріучили держаться на лошади: искусство верховой ѣзды было важнѣе всего; отъ него зависѣлъ успѣхъ въ одиночныхъ битвахъ, на турнирахъ, спасеніе жизни на полѣ сраженія. Немного позднѣе начинали закалять тѣло мальчика, пріучая его ко всякимъ лишеніямъ и развивая его силы гимнастикой. Если мальчикъ оказывался слабымъ, болѣзненнымъ, ему лучше было навсегда отказаться отъ военной карьеры и поступить въ монастырскую школу, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться аббатомъ или епископомъ. Оказывался онъ достаточно крѣпкимъ и выносливымъ, его учили натягивать лукъ, метать копье, наконецъ фехтовать. Рядомъ съ этимъ шло воспитаніе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Какъ только ребенокъ могъ обойтись безъ няньки, его вмѣстѣ съ нѣсколькими сверстниками отдавали подъ надзоръ особому наставнику, который долженъ былъ тонко понимать приличія и знать музыку (большею частію онъ завѣдывалъ и гимнастическими упражненіями своихъ воспитанниковъ). Въ Германіи, уже въ XII в., богатые дворянскіе дома выписывали такихъ гувернеровъ изъ Франціи, и воспитаніе дѣвочекъ тоже поручали гувернанткамъ-француженкамъ ***). Вотъ почему многіе неграмотные рыцари хорошо понимали и даже говорили по-французски. Дворяне побѣднѣе держали своихъ сыновей дома лѣтъ до 12, подъ надзоромъ простого дядьки, а потомъ отправляли ихъ ко двору, гдѣ непремѣнно, даже и въ случаѣ бездѣтности сюзерена, былъ педагогъ для воспитанія дѣтей вассаловъ.

Вотъ на выдержку нѣсколько правилъ общежитія, въ которыхъ

*) Извѣстенъ случай, относящійся, впрочемъ, къ эпохѣ паденія рыцарства (1429 г.), когда графъ Суффолькъ въ самомъ пылу сраженія произвелъ въ рыцари преслѣдовавшаго его воина, чтобы, не нанося себѣ безчестія, отдать ему мечъ.

**) Рѣже der Knapre приравнивается оруженосцу, а *daz kint* или *der garzûn*— пажу.

***) Дѣвочекъ чаще учили грамотѣ, чѣмъ мальчиковъ.

Digitized by Google

воспитывались будущіе рыцари. Во время ѣды, когда рѣжешь хлѣбъ, не слѣдуетъ прижимать его къ груди; пищу съ блюда нельзя брать руками, но ложкой или кусочкомъ хлѣба (до XV в. вилокъ не было) и въ послѣднемъ случаѣ надо стараться, чтобы крошки не попали въ блюдо; нельзя пить и говорить, не проглотивъ взятой въ ротъ пищи; локтей на столъ нельзя класть, а сидѣть слѣдуетъ прямо; во время обѣда другихъ вещей, кромѣ кушанья и ложки, нельзя брать голой рукой, а обернувъ ее полою платья. Передъ питьемъ слѣдуетъ обтирать ротъ; нельзя дуть въ кубокъ или во время питья смотрѣть черезъ кубокъ и т. д.

Всѣмъ рыцарямъ юноша долженъ былъ оказывать почтеніе; гостю обязанъ онъ служить, какъ своему господину; въ присутствіи рыцаря онъ не смѣлъ садиться, по крайней мѣрѣ на ту лавку, гдѣ сидѣлъ тотъ; говоря съ рыцаремъ, онъ долженъ былъ воздерживаться отъ жестовъ; положить руку на плечо рыцаря считалось важнымъ проступкомъ. Всѣмъ дамамъ онъ долженъ былъ оказывать такое-же почтеніе, какъ своей госпожѣ; если онъ ѣхалъ верхомъ и видѣлъ идущую даму, онъ былъ обязанъ слѣзть съ лошади.

Воспитывавшіеся при дворахъ мальчики служили рыцарямъ и дамамъ, исполняли обязанности вѣстниковъ и почтальоновъ, а болѣе взрослые сопровождали своихъ господъ на войну и на турниры.

Турниръ — именно такое учрежденіе, гдѣ всѣ характерныя стороны рыцарства выступали съ особенною яркостью. Начала его опять надо искать во Франціи, т.-е., тамъ впервые испытаніе силы и искусства, воинскія игры, существовавшія издревле повсемѣстно, были подчинены строго опредѣленнымъ законамъ; но уже въ XII в. турниры были чрезвычайно распространены въ Германіи, причемъ термины для этой модной забавы были большею частью удержаны французскіе. Нельзя сказать, чтобы начальство покровительствовало турнирамъ: папы прямо запрещали ихъ и отказывали смертельно раненымъ на турнирахъ въ исповѣди и причастіи, а убитымъ въ христіанскомъ погребеніи; короли часто облагали довольно высокой пошлиной право устраивать турниры и даже право участвовать въ нихъ. Опасность для участниковъ была не малая: при всякомъ большомъ турнирѣ (а въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ поминаются турниры, гдѣ на арену выѣзжали болѣе 2000 рыцарей изъ дворянъ) были смертные случаи; погибшихъ часто считали десятками, не говоря уже о томъ, что при тогдашнемъ искусствѣ владѣть оружіемъ многіе ухитрялись наносить смертельные удары копьемъ безъ острія и тупымъ мечемъ; тяжело вооруженный рыцарь, отброшенный съ лошади на землю на 10—12 шаговъ, часто ушибался до смерти; многіе задыхались отъ пыли подъ своими тяжелыми шлемами. Синія

Digitized by Google

пятна, подтеки на тѣлѣ и страшная усталость были почти общимъ удѣломъ. Расходовъ турниры требовали не малыхъ: баронъ, устраивающій турниръ, часто тратилъ на это значительную часть своего состоянія; да и пріѣзжимъ издалека участникамъ это обходилось не дешево: надо было снарядить и содержать въ дорогѣ большую свиту; надо было проживать въ чужомъ городѣ, гдѣ торговцы, разумѣется, пользовались случаемъ обобрать гостей сколько возможно болѣе. Кромѣ того, всякій участникъ подвергался опасности быть побѣжденнымъ, а слѣдовательно выкупать своего коня, вооруженіе и себя самого. Тѣмъ не менѣе турниры процвѣтали, такъ какъ для рыцарей, живущихъ по одинокимъ замкамъ, турниры были единственнымъ развлеченіемъ, и развлеченіемъ очень сильнымъ, надолго памятнымъ. Турниръ сопровождался обыкновенно рядомъ празднествъ и баловъ, гдѣ можно было и невѣстъ показать, и обдѣлать другія практическія дѣла. Были и рыцари не дворянскаго происхожденія,—такихъ въ Германіи было очень много *); они выходили не только изъ податныхъ сословій, но и изъ несвободныхъ дружинниковъ барона; впослѣдствіи они обратились въ наемныхъ ландскнехтовъ; но нѣкоторая часть ихъ, удержавшая свои рыцарскія привилегіи и даже пріобрѣтшая поземельную собственность, положила начало низшему дворянству. Эти рыцари, жившіе исключительно добычей своего копья, смотрѣли на турниры, какъ на дѣло серьозное, денежное: выкупъ съ плѣнниковъ **) давалъ имъ довольно крупныя суммы. Наконецъ, турниръ удовлетворялъ потребности въ красивыхъ, величественныхъ и потрясающихъ душу зрѣлищахъ: двѣ большія толпы воиновъ въ блестящемъ вооруженіи, съ развѣвающимися перьями и пестрыми значками, сталкивающіяся по срединѣ арены, трескъ ломаемыхъ копій, стукъ мечей, крикъ герольдовъ, перипетіи битвы, разряженныя, нервно возбужденныя красавицы на трибунахъ, масса народа — то было такое зрѣлище, которому могъ позавидовать императорскій Римъ.

Въ Германіи турниромъ въ тѣсномъ смыслѣ называлась правильная битва (но съ турнирнымъ, т.-е. тупымъ оружіемъ) двухъ отрядовъ; отъ него отличались *buhurt*, сходный съ кавказской или казацкой джигитовкой, и одиночныя копейныя битвы—*tjost* ***). Самое любопытное и характерное для рыцарства военное упражненіе называлось *авантюромъ* и состояло въ томъ, что рыцарь, въ сопровожденіи свиты, отправлялся отыскивать себѣ противниковъ, которые сразились бы съ нимъ или просто для испытанія силы и искусства ****),

*) Они были и во Франціи и назывались chevaliers de grâce.

**) Богатые люди очень часто уступали его въ пользу герольдовъ.

***) Франц. *jouste*, *joute*, отъ лат. *juxta*.

****) Гартманъ ф. Ауэ даетъ такое опредѣленіе этому виду поединка: «Что такое

Digitized by Google

или за какой нибудь закладъ. На авантюрахъ употребляли и острое и турнирное оружіе; первое въ томъ случаѣ, когда дѣло происходило между рыцарями воюющихъ державъ, второе—въ мирное время. Одинъ изъ такихъ *авантюристовъ*, дѣйствовавшій въ первой половинѣ XIII в., Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, очень извѣстенъ благодаря тому обстоятельству, что самъ, въ назиданіе потомству, описалъ свои подвиги въ поэмѣ: «Служеніе дамамъ». Онъ, какъ извѣстно, въ костюмѣ «дамы Венеры» совершилъ путешествіе отъ Венеціи до Богеміи, предлагая золотое кольцо всякому рыцарю, который переломитъ съ нимъ копье; кто собьетъ его съ коня, имѣлъ получить всѣхъ коней, которыхъ онъ велъ съ собою; кто будетъ имъ сбитъ, долженъ поклониться на всѣ четыре стороны въ честь дамамъ. Лихтенштейну случалось ломать въ день до 50 копій; однажды ему пришлось сражаться 12 часовъ сряду, вслѣдствіе чего руки и ноги его къ вечеру страшно опухли. Въ 1226 г. другой нѣмецкій рыцарь, Вальтеръ фонъ-Зеттельштадтъ, совершилъ подобное же путешествіе изъ Эйзенаха въ Мерзебургъ въ сопровожденіи прекрасной дѣвушки на иноходцѣ; дѣвушка держала на рукѣ сокола, а на сворѣ охотничью собаку. Условія были таковы: кто побѣдитъ Вальтера, получитъ дѣвушку и сокола, но дѣвушка могла выкупиться за золотое кольцо; кто будетъ имъ побѣжденъ, долженъ дать по золотому кольцу ему и дѣвушкѣ. Черезъ нѣсколько недѣль Вальтеръ возвратился въ Эйзенахъ съ дѣвицею и множествомъ золотыхъ колецъ. Лѣтописные разсказы объ англо-французской войнѣ особенно богаты описаніями странныхъ обѣтовъ и авантюръ, гдѣ бились, конечно, острымъ оружіемъ и безъ закладовъ. Рыцари враждебной стороны всегда оказывали любезности смѣлому авантюристу *), но—выступала на сцену другая сила, и конецъ рыцаря былъ близокъ, какъ показываетъ слѣдующій случай: Когда англичане, подъ предводительствомъ Роберта Кноулеса, опустошали окрестности Парижа, одинъ англійскій рыцарь далъ обѣтъ ударить копьемъ въ городскія ворота. Въ сопровожденіи одного оруженосца онъ пустился къ городу и исполнилъ свой обѣтъ. Многіе французскіе рыцари видѣли его и легко могли бы преградить ему путь; никто однако не сдѣлалъ этого. «Идите, идите, кричали ему: вы хорошо исполнили свое дѣло!» Но въ предмѣстьи его подстерегъ одинъ мясникъ и тяже-

авантюръ, я постараюсь объяснить тебѣ получше. Видишь, какъ я вооруженъ? Я называюсь рыцаремъ и разъѣзжаю, отыскивая такимъ же образомъ вооруженнаго человѣка, который сразился бы со мною; убьетъ онъ меня—ему честь; останусь я побѣдителемъ—возростетъ мое достоинство». Ivein, 527.

*) Когда Дюгесклепъ пріѣхалъ въ англійскій лагерь, войско салютовало ему всѣми трубами.

Digitized by Google

лымъ топоромъ нанесъ ему ударъ въ затылокъ; другіе добили несчастнаго авантюриста. Французскіе рыцари похоронили его съ честью.

Турниры, судебные поединки, а въ особенности авантюры описываются въ романахъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ этой главѣ, очень часто и, понятно, съ преувеличеніями. Прежде, чѣмъ перейти къ литературной исторіи этихъ романовъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о рыцарской любви, составляющей необходимую составную часть ихъ. Ограничивалась ли эта любовь идеальными отношеніями, или представляла только оригинальную, свойственную духу времени форму, общечеловѣческой любви? Были явленія и того и другаго порядка. Исходя изъ положенія, что прототипъ «дамы» есть жена сюзерена, слѣдуетъ признать, что во многихъ случаяхъ «служеніе дамѣ» носитъ идеальный и, такъ сказать, формальный характеръ, что высшей наградой для вѣрнаго и храбраго рыцаря былъ поцѣлуй, даваемый при публикѣ, или шарфъ, лоскутъ платья, привязываемый на его копье, что такая любовь и при условіи взаимности не могла возбуждать ревности ни въ мужѣ дамы, ни въ женѣ рыцаря; короче сказать, что она скорѣй приближается къ нашему понятію идеальной дружбы мужчины съ женщиной; этому соотвѣтствуютъ и французскіе термины *ami* и *amie*. Но люди вездѣ люди, и идеальныя отношенія, какъ въ поэзіи, такъ и въ дѣйствительности, очень часто переходили въ реальныя, къ которымъ мужъ «дамы» не могъ уже относиться спокойно. Тогда выработался типъ рыцарственнаго любовника, который знакомится съ дамой на турнирѣ, долго ухаживаетъ за ней, прославляетъ ее (не называя по имени) своими подвигами, а если онъ поэтъ, то и пѣснями, добивается наконецъ свиданія, проникаетъ къ ней по веревочной лѣстницѣ съ опасностью жизни или живетъ съ ней открыто. Поэзія настолько повліяла на жизнь, что въ благочестивые средніе вѣка установилось нѣчто въ родѣ русскаго гражданскаго брака: подруга открыто сопровождала своего друга на турниры, и нѣтъ свидѣтельства, чтобы мужнія жены за это косились на нее; любовницы высокопоставленныхъ лицъ пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Правда, противъ такихъ отношеній возставали строгіе церковники, да и то преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда это было безопасно; къ тому же высшее общество теперь нашло себѣ новый, внѣ-церковный идеалъ и не очень-то боялось обличеній.

Обѣтъ не жалѣть своей жизни для защиты дамъ *), рыцарское

*) Что этотъ обѣтъ не былъ пустой формулой, видно изъ многихъ историческихъ фактовъ: во Франціи даже существовалъ особый орденъ „бѣлой дамы съ зеленымъ щитомъ“, члены котораго спеціально посвящали себя на защиту угнетенныхъ дамъ. Даже національная вражда замолкала, когда дѣло шло о защитѣ благородныхъ женщинъ. Такъ

Digitized by Google

уваженіе къ прекрасному полу не исключаетъ и въ романахъ ни чувственности, то грубой, то утонченной, ни даже насилія надъ женщинами. Убивъ въ поединкѣ отца, герой часто въ тотъ же день сходится съ дочерью; про дамъ, овдовѣвшихъ по винѣ героя, и говорить нечего. Дѣвицы прямо заявляютъ, что берегутъ свое дѣвство для извѣстнаго рыцаря. Кретьенъ де-Труа любитъ изображать такія сцены, гдѣ дама позволяетъ рыцарю многое, но не желаетъ позволить послѣдняго; въ концѣ концовъ она должна уступить, «какъ гарнизонъ, который допустилъ непріятеля безъ боя до воротъ и палисадовъ». Иногда во французскомъ источникѣ говорится только о поцѣлуѣ; нѣмецкій романистъ заходитъ гораздо дальше; въ этомъ направленіи передѣлываются и всѣ античные сюжеты *). Часто дама упрекаетъ героя не за то, что онъ довелъ ее до паденія, а за то, что онъ распорядился слишкомъ энергично: слѣдовало бы предварительно попросить хорошенько. Въ видѣ наслѣдства отъ эпохи грубаго варварства сохранилось убѣжденіе, что рыцарь, побѣдившій спутника дамы, имѣетъ право изнасиловать ее **).

А между тѣмъ дидактика, да и самая дѣйствительность выставляла героевъ Круглаго Стола образцами для подражанія всему рыцарскому юношеству. Очевидно, не въ одной только храбрости противъ непріятеля рыцари стремились подражать героямъ, но и въ смѣлости любовныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе рыцарское общество, въ отношеніи нравственности, едва ли можно сравнивать съ французской аристократіей временъ регентства, а скорѣе съ буржуазіей временъ Поль де-Кока или второй имперіи; Бальзакъ, Флоберъ, Золя изображаютъ дѣйствительность; но это обстоятельство не исключаетъ положенія, что буржуазія въ массѣ живетъ тихо и спокойно, ограничивая страсть брачнымъ ложемъ. Точно также и въ рыцарскомъ обществѣ, во многихъ зàмкахъ, гдѣ повѣствованія о подвигахъ Тристана и Говена читались на расхватъ, жизнь женской половины текла тихо и мирно, безъ романическихъ треволненій. Разница отъ современной буржуазіи въ томъ, что вольные разговоры велись чаще и, какъ теперь въ крестьянствѣ, вещи назывались своими именами.

Что̀ дурнаго и что̀ хорошаго принесло съ собою Европѣ рыцар-

во время англо-французской войны нѣсколько англійскихъ рыцарей соединились съ графомъ де-Фуа, чтобъ освободить дамъ, осажденныхъ въ городѣ Мо взбунтовавшимися крестьянами.

*) Язонъ при первомъ свиданіи съ Медеей:

gneif ir under daz kleit
daz war der juncfrouwen leit. Herb. Troj., 713.

*) Sa volonté an poist faire
Sanz honte et sanz blasme retraire.
Rom. d. la Charrette, 1302.

Digitized by Google

ство? Открывъ личной доблести путь къ славѣ и почестямъ, разломавъ кастовыя перегородки, раздѣлявшія до тѣхъ поръ средневѣковое общество, посадивъ за одинъ Круглый Столъ и короля, и герцога, и владѣтеля одинокой башни, а иногда и отличившагося крестьянина, оно же впослѣдствіи было причиною сооруженія болѣе прочной стѣны, отдѣлявшей человѣка со шпагой отъ человѣка съ палкой. Оно развило понятіе о личной чести, но оно же сдѣлало честь привилегіей извѣстнаго сословія. Оно внесло идеальный элементъ въ военное ремесло, что̀ было очень полезно во время варварства, но очень вредно впослѣдствіи, когда, несмотря на всѣ успѣхи разума, молодежь привилегированнаго сословія считала ниже своего достоинства какую бы то ни было мирную службу. Оно облагородило любовь, но оно же облагородило и прелюбодѣяніе. Оно открыло новыя и обширныя области для поэзіи, но оно же было причиною удаленія ея отъ жизни, а слѣдовательно и грубаго реализма, реакціи противъ этого удаленія. Вліяніе рыцарства въ новой исторіи простирается очень далеко: его надо имѣть въ виду и при объясненіи знаменитой французской революціи и послѣдствій священнаго союза. Даже и теперь, при неограниченномъ, повидимому, господствѣ буржуазіи, въ частностяхъ нельзя не видѣть обломковъ когда-то богатаго наслѣдства: дуэли, честь офицерскаго мундира, ордена, уваженіе къ дамамъ (не къ женщинамъ, а именно къ дамамъ) и пр. и пр. — все это «переживаніе» отъ средневѣковой старины. Въ одномъ отношеніи несомнѣнно благое вліяніе рыцарства на судьбы западной Европы: оно сильно двинуло цивилизацію посредствомъ сближенія, можно сказать, объединенія дворянства разныхъ странъ; съ этой точки зрѣнія Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ въ своемъ шутовскомъ нарядѣ дамы Венеры или короля Артура—піонеръ цивилизаціи.

Обращаемся къ литературной исторіи этого Артура, короля бриттовъ.

Не смотря на самыя старательныя изысканія, начало ея до сихъ поръ остается темнымъ. Послѣ изданія въ свѣтѣ такъ-называемой «Красной Книги» или «Мабиногіона» (собраніе валлійскихъ сказокъ), и трудовъ Вильмарке и Санъ-Марта (Шульца), многіе считали вопросъ поконченнымъ въ томъ смыслѣ, что французскіе поэты воспользовались богатыми и поэтичными преданіями, пѣснями и сказками бриттовъ, какъ материковыхъ (жителей Арморики), такъ и островныхъ (жителей Валлиса). Но болѣе старательное сличеніе предполагаемыхъ оригиналовъ съ подражаніями показало, что достовѣрность и древность нѣкоторыхъ бриттскихъ памятниковъ болѣе чѣмъ сомнительна; важнѣйшее же собраніе сказаній «Мабиногіонъ» не могло послужить

Digitized by Google

источникомъ романовъ, а напротивъ представляетъ сравнительно поздній пересказъ этихъ самыхъ романовъ.

Первый несомнѣнный и вліятельный въ исторіи Артура и его витязей памятникъ относится къ первой половинѣ XII вѣка. Это была эпоха, чрезвычайно важная въ средневѣковой исторіографіи. Тогда, очевидно, не безъ вліянія непосредственнаго знакомства съ историками Рима, пробудилось желаніе ознакомиться и съ родной, послѣ-классической стариной; тогда въ большомъ количествѣ являются лѣтописи, сборники и даже продукты «благочестиваго обмана»; тогда явилась хроника Турпина; аббатъ Сугерій сталъ собирать лѣтописи Франціи; Ордерикъ Виталій принялся составлять свою исторію Нормандіи; тогда Генрихъ I Англійскій и его незаконный сынъ Робертъ Глостерскій покровительствовали нѣкоторымъ клерикамъ, обработывавшимъ исторію Альбіона. Около 1130 г. одинъ бенедиктинскій монахъ Готфридъ Монмоутскій (Galfredus Monumetensis) составилъ «Исторію Бриттовъ». Въ началѣ ея, онъ говоритъ о томъ удивленіи, въ какое повергало его молчаніе старыхъ писателей Гильды и Беды*) объ Артурѣ и его наслѣдникахъ, подвиги которыхъ такъ прославляются въ народныхъ сказаніяхъ. «Когда я много разъ думалъ объ этомъ, Вальтеръ, оксфордскій архидіаконъ, далъ мнѣ одну весьма старую книгу на британскомъ языкѣ (quendam britannici sermonis librum vetustissimum), которая послѣдовательно и весьма изящнымъ языкомъ излагала дѣянія всѣхъ королей, начиная отъ Брута, перваго короля бриттовъ, до Кадвалладра, сына Кадваллонова. По его просьбѣ я озаботился переводомъ ея на латинскій языкъ, не собирая украшенныхъ словъ въ чужихъ садахъ, но довольствуясь своимъ грубымъ стилемъ». Такъ говоритъ Готфридъ, обращаясь къ Роберту Глостерскому, которому онъ посвящаетъ свою книгу.

Въ „Исторіи Бриттовъ“ онъ разсказываетъ, какъ послѣ Энея, основавшаго царство въ Италіи, вступилъ на престолъ его сынъ Асканій. У Асканія былъ сынъ Брутъ, который имѣлъ несчастіе на охотѣ убить своего отца. Онъ бѣжалъ въ Грецію, собралъ вокругъ себя разсѣянныхъ троянцевъ и освободилъ ихъ отъ греческаго ига. Побѣдивъ греческаго царя Пандраза и его брата Антигона, Брутъ женился на дочери Пандраза, Игнонѣ. По приказанію Діаны, онъ отправляется искать отдаленный островъ, гдѣ предназначено царствовать его потомкамъ. Объѣхавъ столбы Геркулеса, онъ посѣщаетъ Галлію, гдѣ одинъ изъ его полководцевъ Турнъ основалъ городъ Туръ, какъ это извѣстно изъ Гомера (sic). Высадившись на плодородномъ Альбіонѣ, Брутъ далъ острову свое имя и основалъ городъ „Новую Трою“—Trinovantum, названный впослѣдствіи Лондономъ. Затѣмъ слѣдуетъ баснословная исторія королей Британіи (между прочимъ знаменитаго по Шекспиру короля Лира), которая для исторіи романовъ Круглаго Стола пріобрѣтаетъ

*) О Бедѣ см. выше; Гильда (Gildas)—монахъ Банкорскаго монастыря, род. 520 г., авторъ книги «De calamitate, excidio et conquestu Britanniae».

Digitized by Google

значеніе вотъ съ какого пункта: король Константинъ, уроженецъ Арморики, оставилъ послѣ себя троихъ сыновей: Константа, уже ушедшаго въ монастырь, Аврелія Амвросія и Утера. Вліятельный вельможа Вортигернъ извлекъ Константа снова въ міръ, посадилъ его на престолъ и управлялъ за него царствомъ. По его наущенію, пикты, составлявшіе гвардію Константа, убили несчастнаго короля. Вортигернъ занялъ престолъ, а убійцъ казнилъ, думая тѣмъ обмануть народъ.

Приверженцы законныхъ властителей переправили Амвросія и Утера въ Бретань. Вортигернъ оказался между двухъ огней: съ сѣвера на него напали пикты, мстя за подло убитыхъ родственниковъ, а съ материка грозили нападеніемъ принцы. Тогда-то призвалъ онъ на помощь саксовъ подъ предводительствомъ Генгиста, дочь котораго плѣнила Вортигерна своей красотой. Побѣжденный саксами, узурпаторъ скрывается въ Валлисъ, гдѣ по совѣту своихъ маговъ рѣшаетъ построить для своей безопасности башню. Послѣднее не удается ему: что строили въ одинъ день, то ночью проваливалось въ пропасть. Тогда маги совѣтуютъ найдти ребенка, рожденнаго безъ отца, и кровью его окропить камни. Посланные для отысканія такого ребенка, проходя мимо толпы игравшихъ дѣтей, слышатъ, какъ одного изъ нихъ товарищъ упрекаетъ въ томъ, что у него никогда не было отца. Ребенка взяли и привели къ Вортигерну; это былъ Мерлинъ, сынъ одной принцессы, не познавшей мужа: она зачала и родила его отъ какого-то духа, являвшагося ей въ образѣ человѣческомъ. Мудрецъ Мауганцій объяснилъ, что это былъ одинъ изъ полу-ангеловъ, живущихъ между луной и землей, о которыхъ говоритъ Апулей въ книгѣ: „Демонъ Сократа“ и которыхъ онъ называетъ инкубами *). Мерлинъ — чудный ребенокъ, одаренный великимъ умомъ и даромъ предвѣдѣнія. Онъ объявляетъ, что его кровь не поможетъ дѣлу, что мудрецы обманули короля: фундаментъ проваливается оттого, что подъ нимъ есть озеро; спустивъ его, король найдетъ тамъ двухъ спящихъ драконовъ: краснаго и бѣлаго... Здѣсь (въ VII кн.) авторъ предлагаетъ читателю длинный рядъ пророчествъ Мерлина, которыя, какъ онъ самъ поясняетъ, взяты изъ другаго источника, а вставлены сюда по желанію Александра, еп. линкольнскаго.

Послѣ различныхъ перипетій, саксы изгнаны, Вортигернъ свергнутъ съ престола и королемъ Британіи дѣлается Утеръ *Пендрагонъ* (его прозвище, значитъ *голова дракона)*, а Мерлинъ служитъ ему вѣрой и правдой. Утеръ влюбляется въ жену одного изъ своихъ вассаловъ, и Мерлинъ даетъ ему возможность проникнуть къ ней тою-же чудесной хитростью, посредствомъ которой когда-то Зевесъ проникъ къ женѣ Амфитріона; плодъ этого обмана — Артуръ. По смерти Утера, отравленнаго саксами, Артуръ на 15 году отъ роду всходитъ на престолъ Британіи, разбиваетъ саксовъ и прогоняетъ ихъ съ острова, отнявъ всю добычу. Когда они снова нападаютъ на берега Британіи, онъ своимъ чудеснымъ мечемъ Калибурномъ, скованнымъ на островѣ Авалонѣ, одинъ убиваетъ 470 враговъ; потомъ онъ завоевываетъ Гибернію, Исландію и Оркады. Слава его распространяется по всѣмъ землямъ: лучшіе витязи вездѣ вооружаются по образцу рыцарей Артура. Онъ завоевываетъ Норвегію, идетъ въ Галлію, которою управлялъ въ то время римскій трибунъ Флолло, побѣждаетъ его въ рыцарскомъ поединкѣ и овладѣваетъ страной. На рѣкѣ Оскѣ (Ускъ въ Валлисѣ) Артуръ основываетъ свою резиденцію, строитъ дворцы и церкви и собираетъ туда 200 философовъ, которые наблюдаютъ звѣзды и предсказываютъ ему будущее. Довольно подробно описывается его торжественное коронованіе, при которомъ присутствуютъ 40 государей и про-

*) На самомъ дѣлѣ такое названіе даетъ имъ не Апулей, а св. Августинъ. Въ Бретани повѣрья о такихъ духахъ (duz) и приживаемыхъ ими съ дѣвушками дѣтяхъ, существуютъ и до сихъ поръ.

Digitized by Google

всходитъ длинный рядъ пировъ и турнировъ въ присутствіи прелестныхъ дамъ. Римскій императоръ Люцій Тиверій объявляетъ Артуру войну; выступая въ походъ, Артуръ подъ своими знаменами имѣетъ 183,200 человѣкъ одной конницы. На время своего отсутствія, царство свое онъ поручаетъ племяннику Модреду и женѣ Ганхумарѣ. Въ стилѣ эпической поэмы разсказывается о побѣдѣ Артура надъ великаномъ и его битвѣ съ римлянами. Возвратившись побѣдителемъ, Артуръ узнаётъ, что измѣнникъ Модредъ овладѣлъ сердцемъ его жены и престоломъ. Въ рѣшительной битвѣ Артуръ разбилъ племянника, но и самъ былъ раненъ на смерть и перенесенъ на островъ Авалонъ. Послѣ него престолъ занялъ его родственникъ Константинъ. Повѣствованіе о наслѣдникахъ Артура не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ романамъ. Въ заключеніе авторъ опять вспоминаетъ о книгѣ Британской.

Современники Готфрида относительно этой книги не высказали никакого сомнѣнія; новѣйшіе кельтофилы тоже готовы были повѣрить ему на слово и даже мечтали найти ея оригиналъ *). Свободному отъ увлеченія читателю нашего времени сразу становится понятнымъ, что масса подробностей (напр., письма Брута, описаніе его свадьбы и пр.) вымышлена самимъ Готфридомъ или подобнымъ ему грамотѣемъ XII вѣка; что, съ другой стороны, къ царямъ Британіи пріурочено много классическихъ преданій, всевозможныхъ обрывковъ школьной мудрости и даже измѣненныхъ сказаній саксонскихъ. Ничего подобнаго не могло быть въ «очень старой» британской книгѣ. Солгавъ въ одномъ, онъ могъ солгать и въ другомъ. Самъ онъ не бриттъ по происхожденію; о языкѣ своего источника онъ отзывается какъ-то глухо. Не удобнѣе ли предположить, что онъ воспользовался какой нибудь доступной ему по языку книгой, и пополнилъ ее собственной ученостью и фантазіей съ одной стороны и разсказами и пѣснями валлисцевъ съ другой? Такъ именно рѣшаютъ вопросъ объ его источникахъ въ настоящее время и видятъ основу книги Готфрида въ дошедшей до насъ хроникѣ нѣкоего Неннія, автора многихъ житій, жившаго въ IX вѣкѣ; многія мѣста этой хроники почти буквально сходны съ разсказомъ Готфрида; въ другихъ Готфридъ распространяетъ и украшаетъ Неннія: гдѣ у послѣдняго одно слово, у Готфрида цѣлая фраза, гдѣ у Неннія фраза, у Готфрида чуть не страница. Изъ сличенія того, что Ненній говоритъ объ Артурѣ, съ разсказомъ Готфрида становится очевиднымъ, что отъ IX до XII вѣка личность британскаго героя значительно выросла въ народномъ преданіи: у Неннія Артуръ — одинъ изъ предводителей бриттовъ въ войнѣ противъ саксовъ, правда, наиболѣе знаменитый и всегда побѣдоносный; у Готфрида, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ завоеватель міра, новый Александръ Македонскій въ сказаніяхъ александрійскихъ сказочниковъ. Ненній ничего не знаетъ о

*) Камбрейская книжка, на которую они указывали, оказалась при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи передѣлкой «Исторіи Британцевъ».

Digitized by Google

Мерлинѣ, но почти тоже самое, что Готфридъ — про Мерлина, онъ разсказываетъ про Аврелія Амвросія *), сына британки и римскаго консула.

Книга Готфрида, что называется, попала въ жилу: во Франціи искали новыхъ поэтическихъ сюжетовъ; въ Англіи, сверхъ того, были не прочь поднять кельтскую народность на счетъ англо-саксонской. Интересъ къ старинѣ, какъ сказано выше, былъ развитъ повсемѣстно, а критики не было, и все, написанное по-латыни, считалось за сущую правду **). Готфридъ (сдѣланный впослѣдствіи епископомъ Сентъ-Азафскимъ) получилъ прозвище «Artus»; книга его распространилась во множествѣ списковъ, и нѣкоторые современные ему историки поспѣшили внести сообщенные имъ факты въ новыя редакціи своихъ сочиненій.

Нѣсколько лѣтъ спустя (между 1147—1151 гг.), тотъ же Готфридъ, стремясь къ новымъ лаврамъ, составилъ латинскую поэму «Жизнь Мерлина» въ 1530 стиховъ; въ концѣ поэмы онъ самъ свидѣтельствуетъ о той славѣ, какую пріобрѣло его первое сочиненіе:

Duximus ad metam carmen. Vos ergo, Britanni,
Laurea serta date Gaufrido de Monumeta:
Est enim vester, nam quondam proelia vestra
Vestrorumque ducum cecinit scripsitque libellum
Quem nunc gesta vocant Britonum celebrata per orbem ***).

Поэма разсказываетъ исторію Мерлина послѣ того, какъ онъ, впавъ въ меланхолію вслѣдствіе смерти многихъ друзей, покинулъ дворъ и скрылся въ глубинѣ Калидонскаго лѣса. Его сестра, королева Ганіеда, посылаетъ слугъ искать его; одинъ изъ нихъ находитъ его сидящимъ на краю фонтана и заставляетъ его придти въ себя именемъ Гвендолены (жены его) и музыкой. Мерлинъ возвращается, но шумъ городовъ опять погружаетъ его въ меланхолію, и онъ желаетъ снова уйти. Ни слезы жены, ни просьбы сестры не могутъ его удержать; его сковываютъ; онъ плачетъ и просится въ лѣсъ; вдругъ, замѣтивъ, какъ мужъ снимаетъ листочекъ съ головы Ганіеды, онъ разражается хохотомъ; только подъ

*) О немъ упоминаетъ Гильда, а на основаніи его словъ и Беда, I, XVI.

**) Блестящее исключеніе представляетъ Вильгельмъ Ньюбургскій, авторъ книги: De rebus anglicis, доказавшій какъ $2 \times 2 = 4$ баснословность «Исторіи Британцевъ» (см. Paulin Paris, I, 63 и слѣд.); но одна ласточка не дѣлаетъ весны; да и самыя его усилія доказать невѣроятность очевидной сказки свидѣтельствуютъ о легковѣріи публики. Разсказъ Гиральда Камбрейскаго о томъ, какъ демоны, прогнанные съ больного Іоанновымъ Евангеліемъ, насѣли на него еще въ большемъ количествѣ, какъ только заклинатель положилъ паціенту на грудь «Исторію Британцевъ», протестуетъ не столько противъ достовѣрности, сколько противъ свѣткости книги.

***) Т. е. мы довели поэму до конца. И такъ, британцы, увѣнчайте лаврами Готфрида Монмоутскаго; онъ вашъ, ибо нѣкогда онъ воспѣлъ битвы ваши и вашихъ вождей и написалъ книгу, которую теперь называютъ Дѣянія Бриттовъ, прославленныя во всему свѣту.

Digitized by Google

условіемъ, что ему дадутъ свободу, онъ объясняетъ причину смѣха: этотъ листочекъ доказываетъ невѣрность. Ганіеда убѣждаетъ всѣхъ, что Мерлинъ рѣшительно сошелъ съ ума, и ему нельзя ни въ чемъ вѣрить. Уходя, Мерлинъ говоритъ, что онъ возвратится въ день свадьбы Гвендолены. Однажды по звѣздамъ узналъ онъ, что свадьба готова совершиться; онъ собираетъ стадо дикихъ козъ и сернъ и, сидя на большомъ оленѣ, подъѣзжаетъ ко дворцу. Женихъ, увидѣвъ эту процессію изъ окна, громко разсмѣялся, а Мерлинъ, раздраженный этимъ, отломилъ рогъ оленя, бросилъ ему въ голову и убилъ его на мѣстѣ. Послѣ того онъ хотѣлъ уѣхать, но его поймали и привели во дворецъ. Король, желая развлечь его, водитъ его по площадямъ и базарамъ. Увидѣвъ нищаго, просящаго милостыню у хорошо одѣтаго человѣка, онъ разражается смѣхомъ; его веселость возбуждаетъ также человѣкъ, покупающій себѣ башмаки по-крѣпче. Онъ объясняетъ причину смѣха подъ условіемъ полученія свободы: нищій гораздо богаче того, у кого онъ проситъ, подъ ногами его находится огромный кладъ, а покупающій башмаки на нѣсколько лѣтъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ. Испытали, и все было такъ*).

Мерлинъ снова уходитъ въ лѣсъ, приказываетъ тамъ построить себѣ домъ съ 70-ю дверями и 70-ю окнами и оттуда изрекаетъ свои пророчества. Къ нему являются совѣтствовать мудрецъ Талгіесинъ и сестра Ганіеда, которая теперь сдѣлалась мудра почти такъ же, какъ и ея братъ.

Во многихъ мелкихъ подробностяхъ поэма согласна съ „Исторіей Британцевъ" только теперь Готфридъ, въ качествѣ поэта, смѣлѣй говоритъ о безсмертіи Артура, въ возвращеніе котораго вѣрили бритты.

Пока разсказы Готфрида были доступны только клерикамъ-латинистамъ, людямъ сравнительно осторожнымъ и сдержаннымъ, они не могли видоизмѣняться очень значительно. Чтобы возымѣть вліяніе на общество, жаждущее новыхъ идеаловъ, и дать толчекъ фантазіи поэтовъ, короче—чтобы стать сюжетами *романовъ*, они должны были появиться на *романскомъ* языкѣ. Въ 1155 г. появилась французская обработка исторіи Готфрида подъ названіемъ: «Брутъ Англійскій». Авторъ ея — нѣкій Васъ; онъ родился въ началѣ XII вѣка, на островѣ Джерсеѣ, учился сперва въ Каэнѣ, потомъ въ Парижѣ, былъ учителемъ въ томъ же Каэнѣ, состоялъ на службѣ при Генрихѣ II Плантагенетѣ, отъ котораго и получилъ богатую пребенду, умеръ около 1180 г. Свою творческую дѣятельность посвятилъ онъ ознакомленію публики съ исторіей двухъ странъ, подчиненныхъ его государямъ: въ Брутѣ Англійскомъ—Англіи, въ «Roman de Rou» (романъ о Роллонѣ явился около 1160 г.) — Нормандіи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сочиненіи онъ опирался на латинскіе источники, украшая ихъ народными сказаніями. Въ «Брутѣ» онъ пересказываетъ въ восьмисложныхъ стихахъ (около 15,300) то, что вычиталъ у Готфрида; онъ и останавливается тамъ же, гдѣ Готфридъ; но къ его разсказу прибавляетъ народныя преданія бретонцевъ. Такъ, напр., у Готфрида

*) Этотъ эпизодъ и кое-что другое перенесено на Мерлина изъ апокрифа о Соломонѣ и Асмодеѣ Китоврасѣ. Въ романѣ, основанномъ на латинской поэмѣ, заимствованій изъ этого источника еще больше (см. Веселовскій).

Digitized by Google

нѣтъ ни слова о Кругломъ Столѣ, который далъ имя всему циклу этихъ поэтическихъ произведеній; по Васу:

„Артуръ приказалъ сдѣлать Круглый Столъ,
О которомъ бретонцы говорятъ много басень“ *).

Какимъ образомъ содержаніе этихъ «бретонскихъ басень» становилось доступно людямъ небретонскаго происхожденія, которымъ мы не имѣемъ основанія приписывать знаніе языка Бретани или Валлиса?

Нерѣдки случаи, что народы, не имѣвшіе никогда политическаго значенія, вносятъ въ исторію человѣческой цивилизаціи свою лепту другимъ способомъ. Мы уже видѣли (см. гл. VII), какъ высоко въ христіанской культурѣ стояли бритты Альбіона въ VIII и IX вв. Надо полагать, что одновременно съ этимъ и позднѣе, среди нихъ, какъ среди ихъ материковыхъ родичей, съ усердіемъ культивировалось и національное искусство—музыка и поэзія. Еще при дворахъ Меровинговъ поминаются бретонскіе арфисты. Позднѣе одинъ хроникеръ XI вѣка убѣждаетъ ихъ соединиться съ норманскими поэтами, чтобы прославить Ричарда I († 996 г.). Ко времени развитія національнаго эпоса во Франціи, бретонскіе арфисты пользовались большимъ уваженіемъ: въ chansons de geste они часто фигурируютъ рядомъ съ жонглерами; въ Аспремонѣ у Роланда есть другъ, молодой Граэлентъ, бретонскій пѣвецъ. Ихъ пѣсни носятъ особое техническое названіе *lai*; первоначально онѣ распѣвались на языкѣ бретонскомъ, но уже отъ XII и XIII вѣка до насъ дошли нѣсколько французскихъ lais.

Въ Россіи въ недалекомъ прошломъ можно указать явленіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходное: мы разумѣемъ русскихъ цыганъ-пѣвцовъ; подобно бретонцамъ, они изъ пѣсни сдѣлали себѣ ремесло; подобно бретонскимъ lais, цыганскія пѣсни отличаются особой мелодіей, и на первое время слушатели тѣхъ и другихъ, не понимая языка, наслаждались только звуками. Подобно тому, какъ въ исторіи цыганской пѣсни была переходная эпоха, когда къ русскому тексту прибавлялись непонятные припѣвы, и въ бретонскихъ *lais* слѣдуетъ допустить такую же переходную эпоху двуязычія. Подобно тому, какъ въ настоящее время уже нѣтъ цыганскихъ пѣсень, а есть только цыганскія мелодіи и цыганская манера пѣть, *lai* въ XII вѣкѣ была бретонской манерой стихосложенія и пѣнія, формой, въ которую могло быть облечено какое угодно содержаніе. Наиболѣе существенное отличіе въ томъ, что цыгане, сколько извѣстно, не принесли собственнаго поэтическаго матеріала, а только сильныя легкія

*) Fist Artus la Réonde Table
Dont Breton dient mainte fable.

Digitized by Google

и музыкальный слухъ, и скоро перестали понимать даже собственные припѣвы, тогда какъ бретонскіе арфисты содержаніемъ своихъ lais способствовали появленію новой эры въ средневѣковой поэзіи. Lai (lay) breton или de Bretagne въ XII вѣкѣ есть небольшая лирико-эпическая поэма, написанная большею частію 8-ми-сложнымъ стихомъ съ парными риѳмами. Содержаніе ея можетъ быть очень разнообразно; подъ этимъ заглавіемъ записывались шутливыя повѣсти, перешедшія съ Востока, перевранныя классическія преданія, переписка или діалогъ влюбленныхъ современниковъ, обработки безъименныхъ сказокъ, но очень часто и эпизоды изъ бретонскихъ національныхъ сказаній. Въ началѣ пьесы французскій авторъ lai большею частію ссылается на Бретань, какъ на отечество своей поэмы, и собственныя имена значительнаго числа lais дѣлаютъ такую ссылку для большей части случаевъ весьма вѣроподобной. Марія Французская, поэтесса XI—XII вѣка, особенно любившая форму lai, несомнѣнно знала по-бретонски, такъ же какъ и другіе норманскіе труверы.

Lais, источникомъ которыхъ служатъ національныя сказанія бретонцевъ, способствовали популярности героевъ романа о Брутѣ и послужили стимуломъ и матеріаломъ для авторовъ французскихъ романовъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ ихъ исторіи, мы должны указать на третій разрядъ источниковъ, характеръ которыхъ придалъ извѣстной части этихъ романовъ особый вѣсъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить мимоходомъ, что одна часть поэмы о Мерлинѣ основана на апокрифѣ. Въ апокрифахъ же надо искать начала глубокомысленнѣйшаго произведенія средневѣковой романтики—сказанія о св. Гралѣ.

Въ царствованіе Карла Великаго, въ монастырь Мойенмутье, въ Вогезахъ, прибылъ съ востока патріархъ Фортунатъ и рѣшился поселиться тамъ. Въ видѣ вклада онъ привезъ съ собою много реликвій и между прочимъ цѣльныя мощи Іосифа Аримаѳейскаго. Извѣстно, что во всѣхъ 4-хъ евангеліяхъ поминается Іосифъ изъ Аримаѳеи, какъ одинъ изъ старшинъ іудейскихъ, членъ синедріона, человѣкъ добрый и благочестивый, тайный ученикъ Христа, выпросившій у Пилата позволеніе снять со креста тѣло Спасителя и похоронить его въ своей гробницѣ. Въ эти переходные вѣка (IX и X) культъ мощей въ западной Европѣ былъ развитъ особенно сильно, и личность Іосифа, владѣвшаго нѣкоторое время драгоцѣннѣйшими мощами, какія только могъ себѣ представить христіанинъ, естественно, возбуждала всеобщее вниманіе. Въ это время обширной извѣстностью и довѣріемъ пользовалось апокрифическое евангеліе Никодима, гдѣ про того же Іосифа разсказывалось гораздо болѣе; послѣ воскресенія

Digitized by Google

Спасителя, іудеи обвинили Іосифа въ томъ, что онъ скрылъ тѣло Іисуса, чтобы выдать его за воскресшаго. Они заперли его въ тюрьму и приставили стражу. Черезъ нѣсколько дней, когда они хотѣли вести его на судъ, его въ тюрьмѣ не оказалось: онъ очутился въ родномъ городѣ Аримаѳеѣ. Призванный въ судилище, Іосифъ объяснилъ, что къ нему въ темницу явился Христосъ въ сопровожденіи четырехъ ангеловъ, и двери его темницы растворились сами собою*). Другой апокрифъ: Vindicta Salvatoris разсказываетъ о томъ, какъ Веспасіанъ, излеченный отъ проказы иконой Спаса Нерукотвореннаго, пошелъ въ Іудею мстить за смерть Спасителя. Узнавъ о томъ, что живъ еще Іосифъ, одинъ изъ тайныхъ учениковъ Христа, онъ освободилъ его изъ темницы и принялъ отъ него крещеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе на Западѣ мощей Іосифа должно было повліять на популярность легенды о немъ; въ представленіи клериковъ, а тѣмъ болѣе въ представленіи неграмотной массы, Іосифъ могъ сдѣлаться героемъ особаго сказанія, которое такъ или иначе должно было распространить и закончить разсказъ апокрифическихъ евангелій.

Въ XI вѣкѣ началось великое движеніе съ Запада на Востокъ, походы въ Палестину. Понятно, что при высокомъ уваженіи, которымъ тогда пользовались реликвіи, чуть не всякій крестоносецъ мечталъ принести изъ св. земли какую нибудь религіозную драгоцѣнность, а въ этой области отъ мечтанія до исполненія—одинъ шагъ. Понятно, что реликвіи земной жизни Спасителя привлекали преимущественное вниманіе и въ Европѣ становились предметомъ особыхъ сказаній. Мы уже упоминали о нѣмецкой поэмѣ, обработавшей сказаніе о несшивномъ хитонѣ Спасителя. Кровь Христова, чаша тайной вечери, о которыхъ христіанамъ ежедневно напоминало таинство евхаристіи, должны были возбуждать особый интересъ. Въ 1148 г. изъ Іерусалима во Фландрію была принесена часть крови Христовой и помѣщена въ Брюгге, въ церкви св. Василія; въ 1171 г. часть крови Христовой была выставлена въ Фекампѣ, въ Нормандіи **). Что касается до чаши, то въ 1101 г., при взятіи Цесареи, крестоносцы нашли сосудъ изъ цѣльнаго смарагда, бывшій, по ихъ мнѣнію, въ употребленіи на тайной вечерѣ; впослѣдствіи его показывали въ Генуѣ. По извѣстному эпическому закону концентраціи, преданіе отожествило эту чашу съ той чашей, въ которую собрали кровь и воду, истекшую изъ бока Спасителя, и съ чашей, въ которую собралъ остатки драгоцѣнной крови Іосифъ, омывавшій тѣло

*) Приблизительно тоже разсказываютъ отъ лица Іосифа Gesta Pilati, гл. XV.

**) Объ упоминаемыхъ ранѣе (въ X в.) частицахъ крови Спасителя см. *Дашкевичъ*. 198—9. О крови Христа въ Византіи ср. Путешествіе Антонія, изд. Савваитова, стр. 86.

Digitized by Google

Христа передъ погребеніемъ. Вотъ пунктъ, на которомъ циклъ сказаній объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ сошелся съ разсказами о св. чашѣ. Когда, гдѣ и въ одной ли редакціи, или въ нѣсколькихъ, другъ отъ друга независимыхъ, составился латинскій разсказъ о св. чашѣ: de Gradali *), героемъ котораго является Іосифъ Аримаѳейскій, намъ неизвѣстно. Нѣкоторые даже сомнѣваются въ самомъ существованіи такой книги, не смотря на ссылки современниковъ. Дѣйствительно, средневѣковые авторы часто ссылаются на несуществующіе латинскіе источники, а лѣтописецъ Гелинандъ откровенно признается, что, не смотря на всѣ усилія, онъ не могъ отыскать латинской книги на эту тему; не можемъ отыскать ее и мы. Но съ другой стороны трудно предположить, чтобы свѣтскій, не знающій латыни, человѣкъ рѣшился на свой страхъ соединить въ одно цѣлое, связать своей собственной изобрѣтательностью disjecta membra poetae объ Іосифѣ и чашѣ. Между этими отрывочными сказаніями и французской поэмой, къ которой мы сейчасъ переходимъ, должна, по нашему мнѣнію, существовать переходная ступень.

Эта французская поэма составлена между 1160 и 1170 годами; авторъ ея—Робертъ де-Боронъ, бургундскій рыцарь изъ Монбельярскаго графства.

Поэма: „Іосифъ Аримаѳейскій" начинается краткимъ изложеніемъ земной жизни Спасителя, говоритъ подробнѣе о предательствѣ Іуды и о тайной вечери. Послѣ нея остался въ домѣ Симона сосудъ, въ которомъ Христосъ совершалъ таинство; одинъ изъ евреевъ передалъ его Пилату. У Пилата состоялъ на службѣ рыцарь по имени Іосифъ; онъ тайно любилъ Іисуса, но не осмѣлился противорѣчить его жестокимъ судьямъ. Послѣ смерти Спасителя онъ выпросилъ у Пилата тѣло распятаго. Омывая его для погребенія, онъ собралъ кровь въ сосудъ тайной вечери, подаренной ему тѣмъ же Пилатомъ. Когда распространилась вѣсть о воскресеніи Христовомъ, іудеи пришли въ домъ Іосифа, жестоко избили его, ввергли въ темницу и заложили его тамъ камнями; никто, даже самъ Пилатъ, не зналъ, куда дѣвался Іосифъ.

Въ темницу къ Іосифу явился Христосъ и принесъ сосудъ Грааль, содержавшій божественную кровь, который былъ скрытъ Іосифомъ въ тайномъ мѣстѣ его дома. Христосъ обѣщалъ Іосифу, что память объ его подвигѣ сохранится до конца міра и оставилъ ему Граль, отъ созерцанія котораго Іосифъ не чувствовалъ ни голода, ни жажды, и годы казались ему часами.

Прошло много лѣтъ; императоръ, сынъ котораго, Веспасіанъ, былъ боленъ проказою, узналъ отъ путешественника о чудесахъ Христа, выписалъ изъ Азіи Веронику съ Нерукотвореннымъ Спасомъ, и Веспасіанъ мгновенно исцѣлился. Послѣ этого онъ рѣшилъ отмстить виновникамъ смерти Христовой и во главѣ арміи вошелъ въ Іудею. Тамъ онъ узналъ о подземной темницѣ, въ которую былъ заключенъ Іосифъ, и пожелалъ лично спуститься туда. Іосифъ оказался живымъ и здо-

*) Слово *gradalis* или *gradale* одни производятъ отъ *cratalis* (cratus, crater—чаша: такъ объясняетъ это слово и лѣтописецъ XIII в. Гелинандъ, указывающій и его французскую форму — *graal*); другіе отъ *gradual* — латинскій служебникъ.

Digitized by Google

ровымъ, разсказалъ Веспасіану о Христѣ, и тотъ увѣровалъ; послѣ этого Веспасіанъ наказалъ іудеевъ и возвратился въ Римъ.

Сестра Іосифа, услыхавъ, что онъ живъ, явилась къ нему вмѣстѣ съ своимъ мужемъ Брономъ; они и нѣкоторые другіе іудеи, увѣровавшіе вслѣдствіе проповѣдей Іосифа, подъ его предводительствомъ отправились въ отдаленную страну. Сперва имъ все удавалось, но потомъ почему-то стали ихъ постигать несчастія. По просьбѣ Брона, Іосифъ приблизился со слезами къ святому Граалю и, ставъ передъ нимъ на колѣна, молилъ Бога о помилованіи. Голосъ Св. Духа возвѣстилъ Іосифу, что среди ихъ общества есть злые люди, которыхъ надо отдѣлить отъ добрыхъ такимъ способомъ: надо приготовить столъ, покрыть его скатертью, поставить по срединѣ Граль, а передъ нимъ положить рыбу, которую долженъ поймать Бронъ. Іосифъ долженъ былъ сѣсть противъ Граля. Все такъ и устроили, но многимъ не нашлось за столомъ мѣста, и они не чувствовали благодати, исходящей отъ Граля.

Грѣшники удалились, а вѣрные стали съ тѣхъ поръ ежедневно въ третьемъ часу дня (9 часовъ утра) собираться къ Граалю. Изъ отверженныхъ остался только одинъ Моисей — хитрый лицемѣръ; по просьбѣ товарищей и съ божьяго согласія, Іосифъ допустилъ его къ столу, но едва онъ сѣлъ, земля разверзлась и поглотила его. У Брона было двое сыновей. По повелѣнію божію, имъ было предложено выбрать себѣ женъ. Одиннадцать изъ нихъ женились, а двѣнадцатый, Алайнъ (Alain), рѣшительно отказался и былъ поставленъ служителемъ Граля. Послѣ этого Бронъ, получившій названіе «riche pécheur», удалился отъ Іосифа, чтобы ожидать своего будущаго внука, которому долженъ передать Граль, а Іосифъ возвратился на родину и тамъ умеръ.

Поэма Роберта дошла до насъ въ одной плохой рукописи и въ нѣсколькихъ прозаическихъ передѣлкахъ. Въ концѣ поэмы, Робертъ весьма ясно намекаетъ, что онъ не имѣлъ подъ руками книги, написанной «великимъ клерикомъ», но только въ послѣднее время слышалъ о ней. Тѣмъ не менѣе, мы, какъ сказано выше, не рѣшаемся приписать ему изобрѣтеніе сюжета. Для рыцаря сюжетъ этотъ слишкомъ остроуменъ и полонъ тонкой символики. Робертъ, вѣроятно, слышалъ пересказъ латинской книги, и во время работы надъ поэмой узналъ, что надъ тѣмъ же сюжетомъ работаетъ кто-то другой. Что̀же представляетъ собой этотъ предполагаемый источникъ Роберта? Изъ какихъ элементовъ составленъ онъ?

Въ романѣ Роберта можно отличить три части: во 1-хъ, исторію Іосифа Аримаѳейскаго до казни іудеевъ включительно; во 2-хъ, исторію чудодѣйственнаго сосуда, и, въ 3-хъ, исторію потомковъ Іосифа, которая здѣсь находится, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи. Въ основу первой части, безъ сомнѣнія, легли знакомые намъ разсказы апокриѳическихъ евангелій; центръ всего—вторая часть, требовавшая большей изобрѣтательности. Собраніе вѣрующихъ въ опредѣленный часъ утра, ихъ духовное пиршество, наслаждаться которымъ могутъ только достойные, гибель приступившаго къ сосуду съ нечистыми помыслами — очевидно аллегорическое изображеніе мессы и таинства причащенія. На исторію Моисея не остался безъ вліянія

Digitized by Google

разсказъ св. Матѳея объ Іудѣ и сосудѣ, узнающемъ измѣнника; рыба — извѣстный символъ Спасителя. Третья часть — прибавка, не имѣющая ничего общаго съ апокриѳомъ; авторъ ея обратился къ кельтской сагѣ, можетъ быть, безъ всякой задней мысли, а просто съ цѣлью отыскать имена почуднѣй (Алаинъ или Алеинъ, Бронъ или Бранъ — имена кельтскія), а можетъ быть вслѣдствіе какихъ нибудь связей съ кельтскою народностью. Какъ бы ни были слабы эти указанія на связь Іосифа съ бриттами *), ихъ было достаточно, чтобы вдохнуть новую жизнь въ сказаніе. Мы видѣли, послѣ какой продолжительной, тяжкой борьбы бриттская церковь уступила Риму. Преданія объ ея самостоятельности не совсѣмъ заглохли и легко оживились во время несогласій англійскихъ королей съ папами. Сказаніе о томъ, что бриттская церковь основана не римскими миссіонерами, а непосредственными учениками Христа или по крайней мѣрѣ апостоловъ, сказанія, имѣвшія свое историческое основаніе, не забылись и существовали, по видимому, въ нѣсколькихъ сходныхъ редакціяхъ. Когда Іосифъ аримаѳейскій сталъ героемъ обширной легенды, защитники древности бриттской церкви не могли удержаться отъ искушенія присвоить его себѣ, особенно когда въ легенду о немъ попали какимъ бы то ни было путемъ нѣсколько кельтскихъ именъ и особенно, когда хроника Готфрида сдѣлала древнихъ британцевъ, такъ сказать, героями дня. Уже раньше половины XII в. монахи Гластонберійскаго аббатства утверждали, что Іосифъ, посланный апостоломъ Филиппомъ, прибылъ въ Британію съ 12-ю спутниками и построилъ церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь (т. е. въ XII в.) стоитъ ихъ аббатство; они даже показывали кости Іосифа **).

Приблизительно въ одно время съ поэмой Роберта, на основаніи того же или родственнаго ему источника, появился прозаическій романъ, носящій названіе «Св. Граль», или, въ отличіе отъ поэмы Роберта, которой часто придавали тоже названіе, «Большой Св. Граль». Этотъ романъ пересказываетъ тоже самое, что и поэма Роберта, но съ большими прибавками и дополненіями. Его приписываютъ знаменитому въ исторіи средневѣковой латинской поэзіи Вальтеру Мапу, близкому человѣку и дѣятельному помощнику Генриха II въ его борьбѣ противъ Рима. Въ романѣ очевидна двойная тенденція: во 1-хъ—доказать древность британской церкви и ея независимость отъ Рима, во 2-хъ—связать сказанія объ ея основаніи съ модным въ то время героемъ британскимъ—Артуромъ. Первой цѣли авторъ дости-

*) Въ источникѣ Борона, вѣроятно, эти указанія были точнѣе.

**) Монахи Мойенмутье не могли уличить ихъ во лжи: тотъ же лѣтописецъ, который разсказываетъ о Фортунатѣ, принесшемъ мощи, говоритъ, что, по ослабленіи благочестія въ монастырѣ, мощи Іосифа похитили какіе-то monachi peregrini.

Digitized by Google

гаетъ приблизительно тѣмъ-же способомъ, что и гластонберійскіе монахи: Іосифъ съ своими спутниками и съ своимъ сыномъ, тоже Іосифомъ, первымъ по времени христіанскимъ епископомъ, пріѣзжаетъ чудеснымъ образомъ въ Великую Британію и просвѣщаетъ ее свѣтомъ христіанства; а для достиженія второй цѣли авторъ приводитъ того же Іосифа и его спутниковъ въ генеалогическую связь съ Артуромъ и его рыцарями. Но и помимо этихъ тенденціозныхъ прибавокъ, даровитый и смѣлый авторъ украшаетъ свой сюжетъ эпизодами, имъ изобрѣтенными или добытыми изъ разнообразныхъ источниковъ (между прочимъ и изъ національныхъ кельтскихъ сказаній). Не заботясь о претензіяхъ гластонберійскихъ монаховъ, авторъ хоронитъ обоихъ Іосифовъ въ аббатствѣ Гларъ, въ Шотландіи, а св. Граль поручаетъ на храненіе Мордрайну, бывшему королю саррасскому, окрещенному Іосифомъ; Мордрайнъ поселяется съ своимъ сокровищемъ въ лѣсахъ нортумберландскихъ. Автору «Большаго Граля», былъ ли то Вальтеръ Мапъ, или кто другой, приписывается романъ «Исканіе св. Граля» (La Queste del Saint Graal), пересказывающій дальнѣйшую исторію Граля: Галаадъ, рыцарь, исполненный всѣхъ совершенствъ воина и христіанина, цѣломудренный тѣломъ и помыслами, послѣ многихъ приключеній, достигаетъ жилища Мордрайна тотъ сдаетъ ему храненіе св. Граля и самъ умираетъ. Галаадъ съ двумя наиболѣе благочестивыми рыцарями, Персевалемъ и Бохоромъ, увозитъ Граль въ Сирію. Передъ его смертью ангелы возносятъ св. чашу на небо. Персеваль умираетъ въ Сиріи, а Бохоръ возвращается ко двору Артура и разсказываетъ ему о чудесахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Не смотря на хитроумный символизмъ и богатство фантазіи, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого, мало кому доступнаго, хитроумія, романы, приписываемые Мапу, не имѣли такого вліянія на развитіе цикла, какъ поэмы простодушнаго французскаго рыцаря.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія «Іосифа Аримаѳейскаго», Робертъ сочинилъ другой романъ — «Мерлинъ», изъ котораго дошло до насъ только 500 стиховъ; о содержаніи его мы можемъ составить себѣ ясное представленіе по прозаическому пересказу. Въ этомъ романѣ Робертъ, очевидно, слѣдуетъ хроникѣ Готфрида и его латинской поэмѣ, но украшаетъ сюжетъ чѣмъ можетъ и связываетъ, хотя и внѣшнимъ образомъ, бретонскую сагу съ христіанскимъ апокрифомъ; слѣдовательно, дѣйствуетъ въ томъ же плодотворномъ направленіи, что и авторъ «Большаго Граля».

Тому же Роберту де-Борону приписываютъ и сочиненіе поэмы о Персевалѣ, сынѣ Алейна. Исторія Персеваля у него тѣсно связана не только съ исторіей Іосифа Аримаѳейскаго, но и съ Мерли-

Digitized by Google

номъ *). Можно предполагать, что значительную часть подвиговъ своего героя Робертъ заимствовалъ изъ бретонскаго сказанія о Передурѣ **), сроднаго съ сказками многихъ народовъ о неопытномъ, незнающемъ жизни, но сильномъ и храбромъ юношѣ. Въ поэмѣ Борона ничего не говорится о вознесеніи Граля на небо и о смерти Персеваля: послѣдній такъ и остается королемъ Граля. Эта поэма дошла до насъ только въ прозаической передѣлкѣ.

Проза давала большую свободу вымыслу. Скоро явились подражатели и продолжатели Борона, прямо обратившіеся къ прозѣ; они пользовались отчасти Готфридомъ, отчасти бретонскими lais и преданіями, которымъ книга Готфрида придала новую жизнь. Одинъ изъ такихъ продолжателей, пересказавъ прозой поэму Роберта о Мерлинѣ, присоединилъ къ ней длинное повѣствованіе о дальнѣйшей судьбѣ британскаго короля, которому Мерлинъ служилъ совѣтникомъ, повѣствованіе, изъ котораго вышелъ особый романъ, извѣстный подъ именемъ «Артура». Другіе занялись motu proprio витязями Артура и героями lais, которые въ бретонскомъ преданіи не имѣли съ Артуромъ никакой связи, но были теперь пріурочены къ его двору въ силу закона циклизаціи. Такимъ образомъ явились романы о смерти Артура, о Говенѣ, Ланселотѣ, Тристанѣ и, можетъ быть, много другихъ, до насъ недошедшихъ.

Эти прозаическіе романы возбуждали большой интересъ, но районъ ихъ дѣйствія былъ не обширенъ: люди образованные, т.-е. знающіе по-латыни, не оказывали имъ уваженія за то, что они были писаны по-французски; люди свѣтскіе, интересовавшіеся національной поэзіей, привыкли отожествлять поэзію съ стихами; жонглеры, носители поэзіи, не могли ихъ утилизировать. Поэтому въ концѣ того же XII вѣка ихъ стали передѣлывать въ стихи.

Графиня шампанская Марія, дочь Людовика VII и Элеоноры, единоутробная сестра королей Англіи и Франціи, представлявшая живую связь между этими двумя странами, въ одинаковой степени заинтересованными рыцарскимъ эпосомъ, побудила своего любимаго поэта Кретьена взяться за обработку романовъ о рыцаряхъ Артура. Кретьенъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ французскихъ труверовъ, родился между 1140 и 1150 гг. въ городѣ Труа, на Сенѣ; вѣроятно, онъ получилъ хорошее образованіе въ монастырской школѣ, судя по его переводамъ съ латинскаго—онъ перевелъ «Ars amandi» Овидія и обработалъ отдѣльные эпизоды изъ «Метаморфозъ»,—и частымъ обра-

*) Самый Круглый Столъ учрежденъ Мерлиномъ въ воспоминаніе о столѣ тайной вечери и Іосифѣ.

**) Его упоминаетъ и хроника Готфрида и Vita Merlini, хотя совсѣмъ въ другой обстановкѣ.

Digitized by Google

щеніямъ къ классической миѳологіи; можетъ быть, онъ принадлежалъ къ духовному сословію, что̀, какъ извѣстно, въ средніе вѣка не мѣшало быть поэтомъ любви и веселья. Онъ умеръ въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія. Однимъ изъ первыхъ его стихотворныхъ романовъ былъ «Эрекъ, сынъ Лака» (Li contes d'Erec li fil Lac). Вотъ его содержаніе:

На праздникѣ Пасхи король Артуръ держитъ свой дворъ въ Карадиганѣ. Онъ рѣшаетъ устроить охоту на бѣлаго оленя, низложеніе котораго давало право счастливцу поцѣловать первую красавицу двора. Выѣхавшая позднѣй другихъ королева Женьевра встрѣтила Эрека и попросила его проводить ее. На дорогѣ они наѣхали на карлика, который жестоко колотилъ какую-то дѣвушку. Эрекъ, по приказу королевы, хотѣлъ освободить послѣднюю, но на помощь карлику подоспѣлъ рыцарь Идье, которому не рѣшился противостать безоружный Эрекъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Эрекъ на турнирѣ встрѣтился съ Идье, побѣдилъ его и послѣ того отправился ко двору вмѣстѣ съ своей невѣстой Энидой, съ которой онъ познакомился во время послѣдняго приключенія. Между тѣмъ Артуръ затравилъ бѣлаго оленя и, пользуясь своимъ правомъ, поцѣловалъ Эниду, признавъ ее такимъ образомъ первой красавицей двора. Отпраздновавъ при дворѣ свою свадьбу, Эрекъ возвратился къ отцу своему, королю Лаку. Казалось бы, онъ долженъ чувствовать себя вполнѣ счастливымъ; но самое счастіе служитъ для рыцаря источникомъ несчастія: наслаждаясь жизнью, онъ охладѣлъ къ военнымъ подвигамъ, а черезъ то потерялъ и свою боевую славу. Услышавъ порицанія своихъ будущихъ подданныхъ, онъ рѣшилъ возстановить свое доброе имя и отправиться на авантюры въ сопровожденіи одной вѣрной Эниды, на которую онъ почему-то наложилъ обѣтъ молчанія. Слѣдуетъ длинный рядъ авантюръ, изъ которыхъ Эрекъ всегда выходитъ побѣдителемъ. Въ одной изъ нихъ онъ, однако, такъ израненъ, что всѣ считаютъ его мертвымъ. Проѣзжавшій мимо графъ влюбился въ Эниду и вздумалъ насильно обвѣнчаться съ нею при трупѣ мужа. Къ счастію, тотъ вовремя очнулся и убилъ графа. Послѣ этого Эрекъ попадаетъ съ своей охотой въ заколдованный садъ, побѣждаетъ тамъ великана Мабонаграйна, освобождаетъ всѣхъ плѣненныхъ имъ и, послѣ ряда празднествъ, возвращается домой. Отецъ его умеръ, и Артуръ торжественно короновалъ его въ Нантѣ.

Переложилъ ли Кретьенъ въ стихи не дошедшій до насъ прозаическій романъ, или украсилъ собственной фантазіей какіе нибудь бретонскія lais и преданія, мы не знаемъ. Но мы имѣемъ полное основаніе предполагать существованіе такихъ преданій, такъ какъ имя героя принадлежитъ исторіи Бретани: въ 980 г. былъ коронованъ въ Нантѣ нѣкто Герекъ, или Эрекъ. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда герои бретонской саги, первоначально чуждые циклу Артура, связываются съ нимъ въ воображеніи французскихъ поэтовъ.

Къ чистому типу рыцарскаго романа, изображающему служеніе дамѣ и тысячи разнообразныхъ фантастическихъ авантюръ, гораздо ближе Эрека подходитъ поэма: «Рыцарь телѣги». Вотъ ея содержаніе:

Ко двору Артура во время праздника является гордый рыцарь, во власти котораго находятся многіе вассалы Артура, и вызываетъ всѣхъ присутствующихъ

Digitized by Google

на поединокъ; если онъ будетъ побѣжденъ, его плѣнники должны быть свободны въ противномъ случаѣ онъ уведетъ съ собой и королеву Женьевру. Хвастливый и сварливый сенешаль Кексъ, постоянная фигура бретонскаго цикла, отчасти шутъ, отчасти негодяй, съ свойственной ему запальчивостью принимаетъ вызовъ и отправляется вмѣстѣ съ королевой, которая ѣдетъ въ качествѣ заклада поединка. Артуръ скоро понялъ, какъ неосторожно поступилъ онъ, допустивъ это, и вмѣстѣ съ Говеномъ спѣшитъ на мѣсто битвы; но они уже не находятъ тамъ ни Кекса, ни королевы — только лошадь сенешаля безъ сѣдока мчится имъ на встрѣчу. Говенъ сейчасъ же отправляется въ походъ. На дорогѣ видитъ онъ странное зрѣлище: на телѣгѣ, которая обыкновенно служила позорной колесницей, ѣдетъ Ланселотъ, его другъ, лучшій рыцарь Артурова двора; его везутъ карлики. Оказалось, что онъ тоже отправился отыскивать королеву, по дорогѣ встрѣтилъ карлика и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ Женьевра; карликъ отогналъ его лошадь и обѣщалъ дать ему обстоятельныя указанія, если онъ сядетъ на его колесницу. Теперь рыцари отправляются вмѣстѣ. Ночь провели они въ замкѣ, гдѣ ихъ приняли очень гостепріимно. Днемъ, стоя у окна, они увидѣли рыцаря въ сопровожденіи многихъ особъ обоего пола, и въ числѣ ихъ узнали королеву; Ланселотъ чуть не бросился изъ окна. Цѣлый день они проплутали напрасно; наконецъ отъ встрѣтившейся дѣвушки узнали, что королева находится во власти Мелеаганта, сына Бадемагутова; она же посовѣтовала имъ раздѣлиться, чтобы достигнуть цѣли разными дорогами. Ланселотъ отправляется къ мосту Меча; по дорогѣ испытываетъ множество приключеній, побѣждаетъ и убиваетъ одного рыцаря, упрекнувшаго его въ сидѣньѣ на позорной колесницѣ, и наконецъ достигаетъ замка Бадемагута, гдѣ хозяинъ принялъ его очень вѣжливо. Ланселотъ вступилъ въ бой съ Мелеагантомъ и одержалъ надъ нимъ верхъ. Королева только своимъ заступничествомъ спасла своего похителя отъ окончательнаго пораженія. Ланселотъ разсчитывалъ на благодарность королевы, но та отнеслась къ нему съ презрѣніемъ за сидѣнье на позорной колесницѣ, и онъ съ горя уѣхалъ. Получивъ ложное извѣстіе о смерти королевы, онъ чуть не лишилъ себя жизни. Его схватили слуги Бадемагута и привели въ замокъ своего господина. Теперь королева, успѣвшая раскаяться въ своей строгости, приняла его болѣе чѣмъ ласково. Отправляясь къ ней на ночное свиданіе, Ланселотъ оцарапалъ себѣ палецъ и уронилъ на полъ нѣсколько капель крови. Это дало поводъ Мелеаганту обвинить Кекса въ связи съ королевой; Ланселотъ вызвалъ клеветника на поединокъ, который снова остался неоконченнымъ. Отправившись отыскивать Говена, Ланселотъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и внезапно изчезъ. Между тѣмъ Говенъ, послѣ многихъ приключеній, добрался до Бадемагута, но напрасно надѣялся онъ найти тамъ извѣстіе о другѣ: о немъ ничего не знали. Отъ Ланселота получаютъ письмо, въ которомъ онъ проситъ королеву отправиться къ Артуру, гдѣ онъ ожидаетъ ее; та исполняетъ его просьбу. Но письмо это подложное; Ланселота держитъ въ плѣну Мелеагантъ. При дворѣ Артура назначенъ турниръ; на него отпросился у жены своего тюремщика Ланселотъ, обѣщавшій по окончаніи игръ вернуться назадъ. Побѣдивъ всѣхъ своихъ противниковъ, онъ свято исполнилъ свое обѣщаніе. Мелеагантъ, узнавъ объ его пріѣздѣ, приказалъ замуравить его въ башню безъ оконъ.

Здѣсь Кретьенъ обрываетъ свой разсказъ. Докончилъ романъ его пріятель, клерикъ Готфридъ де-Леньи; онъ разсказалъ объ окончательномъ освобожденіи Ланселота изъ тюрьмы сестрой Мелеаганта и изобразилъ послѣдній бой соперниковъ, бой, въ которомъ Ланселотъ, конечно, остался побѣдителемъ.

Digitized by Google

Въ началѣ поэмы Кретьенъ, хотя и въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, указываетъ на письменный источникъ. О рыцарѣ телѣги, говоритъ онъ, Кретьенъ начинаетъ свое произведеніе; содержаніе и смыслъ и книгу дала ему графиня *), т. е. таже Марія Шампанская. Эта «книга»—французскій прозаическій романъ «Ланселотъ Озера», приписываемый тому-же Вальтеру Мапу; то, что у Кретьена составляетъ содержаніе всей поэмы, въ романѣ только рядъ эпизодовъ; литературная связь памятниковъ внѣ всякаго сомнѣнія; мы не знаемъ только, въ той ли редакціи лежалъ передъ Кретьеномъ романъ, которая дошла до насъ, или въ другой, болѣе краткой.

Въ предисловіи къ третьему роману: «Рыцарь Льва» (Li romans dou chevaliers au lyon), Кретьенъ глухо ссылается на бретонцевъ. Герой романа у Кретьена называется Ивайнъ: это, несомнѣнно, тоже лицо, что Овенъ или Овайнъ, сынъ Уріена, многихъ бретонскихъ памятниковъ, Iventus Uriani filius латинскихъ лѣтописей; онъ упоминается и въ старо-французскихъ фабліо и lais. Что́, кромѣ его имени, заимствовалъ Кретьенъ изъ своихъ источниковъ, мы не знаемъ и должны ограничиться догадками. Центральныхъ пунктовъ въ романѣ два: во 1-хъ, чудесный источникъ, находящійся въ лѣсу Брецильяндскомъ и производящій громъ и молнію, и, во 2-хъ, удивительная привязанность льва къ оказавшему ему услугу рыцарю. О чудесномъ фонтанѣ, пріуроченномъ къ той же мѣстности, приводитъ бретонское сказаніе вышеупомянутый Васъ въ «Roman de Rou»; второй пунктъ коренится на общеизвѣстномъ сказочномъ мотивѣ о благодарныхъ животныхъ; спеціальную же окраску (герой помогаетъ льву въ его битвѣ съ змѣемъ) могло ему дать какое нибудь литературное или даже художественное преданіе. Что касается приключеній героя, они такъ шаблонны, что для нихъ нѣтъ нужды отыскивать источникъ въ lai или прозаической книгѣ: достаточно было талантливому человѣку понять идеалы рыцарства и обработать въ этомъ духѣ одинъ романъ, чтобы потомъ изобрѣтать матеріалъ для массы рыцарскихъ авантюръ. И авторы и публика всегда имѣли въ виду, что рыцарскій романъ не гонится за правдой или даже правдоподобіемъ, что онъ можетъ брать свое добро вездѣ, гдѣ найдетъ его **). Этимъ

*) Del chevalier de la charrette
Comance Crestiens son livre;
Matière et san li dono et livre
La contesse. Holl, II.

**) Вотъ какъ различаетъ современный памятникъ — Chanson des Saisnes — три рода сюжетовъ средневѣковой французской поэзіи:

Ne sont que trois materes a nul home entendant:
De France, de Bretagne et de Rome la grant.

Digitized by Google

только и можетъ быть объяснено то съ перваго взгляду странное явленіе, что въ національномъ эпосѣ, забавлявшемъ простой народъ, менѣе пунктовъ соприкосновенія со сказками, нежели въ романахъ, сочинявшихся для аристократіи. Кретьенъ и другіе, установившіе на дѣлѣ культъ фантазіи, не только истые романтики, предшественники Тика и братьевъ Шлегелей: они даже предшественники Гриммовъ, такъ какъ они открыли народной сказкѣ путь въ салоны. На сколько свободно поэты сочиняли рыцарскія авантюры, украшали ими темы, первоначально рыцарству чуждыя, всего яснѣй можно видѣть изъ принадлежащаго тому-же Кретьену романа о Клиже (li contes de Cliget); съ перваго взгляда видно, что поэтъ воспользовался какими-то отзвуками классическихъ преданій *), дошедшими до него, можетъ быть, черезъ посредство баснословной хроники; но весь рыцарскій элементъ, всѣ сношенія героя съ дворомъ Артура и всѣ его авантюры—продуктъ фантазіи автора.

Содержаніе „Клиже“: Императоръ Александръ, властитель Константинополя и Греціи, имѣетъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ старшій, тоже Александръ, не заботясь о престолѣ, отправляется ко двору Артура, посвящается имъ въ рыцари, оказываетъ ему чрезвычайно важныя услуги и получаетъ отъ него руку сестры Говена съ богатымъ приданымъ. Отъ этого брака родился Клиже. Черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ съ сыномъ и женой отправляется въ отечество, надѣясь еще застать въ живыхъ отца. Но престолъ уже нѣсколько лѣтъ занимаетъ его младшій братъ Алисъ. Чувствуя нѣкоторую несправедливость своего поступка, Алисъ обѣщаетъ никогда не жениться. Однако подданные заставляютъ его нарушить обѣщаніе, и онъ ѣдетъ свататься за племянницу нѣмецкаго императора, Фенице. 18-тилѣтній Клиже, находящійся въ свитѣ дяди, влюбляется въ Фенице и своею храбростью возбуждаетъ и въ ней любовь. Фенице, не смотря на свое отвращеніе, должна выдти за Алиса, а Клиже, чтобы забыть ее, отправляется искать приключеній. Явившись ко двору Артура, онъ побѣждаетъ всѣхъ его рыцарей и даже едва не одолѣваетъ своего дядю Говена. Возвратившись въ Грецію, онъ вмѣстѣ съ своей любезной составляетъ хитрый планъ освобожденія. Фенице выпиваетъ напитокъ, данный ей кормилицей Тессаной, отъ котораго она дѣлается на-время мертвой; не смотря на всѣ усилія врачей, несмотря на растопленный свинецъ,

Et de ces trois materes n'i a nule semblant,
Li conte de Bretagne sont et vain et plaisant
Cil de Rome sont sage et de sens apparent,
Cil de France sont voir chascun jour aprenant.

Т. е. всего существуетъ у насъ три рода сюжетовъ: національный, бретонскій и классическій. Они существенно отличаются одинъ отъ другаго: бретонскія сказки лживы, но пріятны, поэмы классическія мудры и исполнены глубокаго смысла, а національныя — изображаютъ быль.

«Басни объ Артурѣ» — въ XIII в. было ходячее, стереотипное выраженіе для означенія самой неосновательной выдумки.

*) Умышленное обмираніе красавицы, получившее такую обширную извѣстность благодаря Ромео, одинъ изъ обычныхъ пріемовъ въ греческихъ романахъ. Въ Тессанѣ возиднюму не безъ основанія видятъ Тессалу т. е. Ѳессалійку; жены Ѳессаліи и у Апулея пользуются славою колдуній.

Digitized by Google

который ей лили на руку, она не пробуждается, и ее должны похоронить. Клиже съ вѣрнымъ слугою освобождаютъ ее изъ гробницы, оживляютъ и увозятъ съ собой. Не долго жили они спокойно: Алисъ узналъ мѣстопребываніе ихъ и сталъ ихъ преслѣдовать. Клиже съ подругой ушелъ къ Артуру, который принялъ ихъ очень ласково и вооружилъ флотъ противъ Алиса. Во время приготовленія къ войнѣ, Алисъ умираетъ, и Клиже съ Фенице восходятъ на престолъ константинопольскій.

Кретьенъ поработалъ и для двухъ популярнѣйшихъ, наиболѣе типичныхъ рыцарскихъ романовъ: Тристана и Парциваля. Въ предисловіи къ роману о Клиже, перечисляя свои произведенія, онъ говоритъ, что писалъ «о королѣ Маркѣ и бѣлокурой Изольдѣ», т.-е. о дядѣ и соперникѣ Тристана и объ его возлюбленной; но отъ этого романа до насъ дошли только немногіе и сомнительные отрывки. Повидимому, въ концѣ своего литературнаго и жизненнаго поприща Кретьенъ началъ романъ о Гралѣ (li contes del Graal). Во вступленіи онъ говоритъ, что книгу, послужившую ему источникомъ, ему вручилъ «графъ Филиппъ». Это книга о Персевалѣ, Роберта де-Борона (вѣроятно, въ прозаической передѣлкѣ), изъ которой Кретьенъ, конечно, выбросилъ все, что связывало эту часть Бороновой трилогіи съ двумя предыдущими. Вотъ въ какомъ видѣ у него является сюжетъ Персеваля:

По смерти Іосифа Аримаѳейскаго, скончавшагося въ Англіи, принадлежавшая ему чудесная чаша—св. Граль,—сама собою наполнявшаяся обильнѣйшими яствами, если ея обладатель былъ нравственно чистъ и исполненъ благодати, вдругъ съ теченіемъ времени неизвѣстно куда изчезла. Тогда король Утеръ-Пендрагонъ учредилъ орденъ Круглаго Стола, первую обязанность членовъ котораго составляло отысканіе св. Граля. Артуръ, сынъ Утера, особенно старался развить и усовершенствовать этотъ орденъ. Отыскать св. Граль суждено было Персевалю Гаэльскому (Валлисскому), въ началѣ своей дѣятельности неопытному и невѣжественному, но чистому сердцемъ и храброму юношѣ. Прежде чѣмъ достигнуть цѣли, ему пришлось преодолѣть самыя ужасныя препятствія—не разъ сразиться съ рыцарями, великанами и карликами; наталкиваться на соблазнъ со стороны прелестнѣйшихъ женщинъ, которыя были для него еще опаснѣе остальныхъ враговъ, такъ какъ, поддаваясь очарованію ихъ красоты, онъ утрачивалъ свою нравственную чистоту, а съ нею и надежду на пріобрѣтеніе чудотворной чаши; но, сообразно съ духомъ христіанскаго ученія, слезы и покаяніе всегда могли вновь примирить его съ небомъ и бывшее сдѣлать небывшимъ. Присущая Персевалю, какъ слабому смертному, наклонность отдаваться суетнымъ желаніямъ и формально относиться къ дѣлу, не разъ мѣшала ему достигнуть своей высокой цѣли именно въ то время, когда онъ былъ особенно близокъ къ ней. Разъ онъ попалъ въ одинъ замокъ, гдѣ увидѣлъ больного старца, который лежалъ въ постели, между тѣмъ какъ одинъ изъ служителей держалъ копье, съ котораго стекала капля крови, а двое другихъ имѣли въ рукахъ по золотому подсвѣчнику; тутъ-же находились двѣ дѣвушки, одна съ серебрянымъ ножемъ въ рукахъ, другая съ Гралемъ — золотою чашей, украшенной эмалью. Когда всѣ сѣли за столъ, Граль обошелъ участвующихъ въ трапезѣ. Персеваль вышелъ изъ этого гостепріимнаго дома, не предложивъ старцу никакого вопроса. Въ этомъ-то и была его страшная ошибка; ему стоило-бы сдѣлать одинъ вопросъ о непонятной для него церемоніи, и онъ

Digitized by Google

мгновенно исцѣлилъ бы короля и получилъ-бы въ свою собственность священную чашу. Узнавъ, что счастье было такъ близко, Персеваль тщетно старался въ продолженіи долгаго времени вновь отыскать таинственный замокъ. Наконецъ, покаявшись и совершивъ рядъ новыхъ подвиговъ, онъ снова попадаетъ въ замокъ, излѣчиваетъ короля, оказавшагося его дядей, и получаетъ Граль. Онъ царствуетъ со славою въ продолженіи семи лѣтъ, а потомъ, взявъ съ собою Граль и копье, удаляется въ пустыню. Въ день его благочестивой кончины, копье и чаша были взяты на небо, а душу его Богъ помѣстилъ по правую отъ себя руку, на тронѣ.

Окончаніе принадлежитъ, впрочемъ, не Кретьену, а его продолжателямъ; онъ покинулъ своего героя среди его приключеній и бѣдствій.

Эта глава разрослась бы въ цѣлую книгу, еслибъ мы стали пересказывать содержаніе всѣхъ французскихъ романовъ Круглаго Стола и всѣхъ сюжетовъ, которые перерабатывались по ихъ образцу подъ вліяніемъ новыхъ идеаловъ. Мы ограничимся только переводомъ довольно характернаго отрывка изъ стихотворнаго романа о Тристанѣ по редакціи, составленной въ томъ же XII в., когда жилъ и Кретьенъ.

Если можетъ быть сомнѣніе въ томъ, воспѣвали ли бретонскія lais другихъ героевъ, то относительно Тристана это извѣстно документально *). Тристанъ, очевидно, народный бретонскій герой, прославившійся своею несчастной любовью. Его романское имя, объясняемое въ позднѣйшихъ романахъ его *печальной* судьбою, вѣроятно, или переводъ бретонскаго, или передѣлка подъ вліяніемъ народной этимологіи.

Тристанъ, племянникъ короля корнваллійскаго Марка, отправляется по порученію дяди сватать ему невѣсту Изольду, принцессу германскую, которую онъ зналъ и прежде. Изольда приняла предложеніе короля и вмѣстѣ съ Тристаномъ ѣдетъ къ Марку. По дорогѣ молодые люди ошибкою выпили любовный напитокъ, приготовленный для супруговъ, и воспылали другъ къ другу неудержимою страстью. Изольда стала женой Марка и любовницей Тристана. Послѣ многихъ приключеній, изгнанный Маркомъ Тристанъ снова проникаетъ во дворецъ, вымазавъ себѣ лицо и переодѣвшись дурачкомъ. Онъ открылся горничной Изольды Бренжіенѣ, которая и прежде помогала любовникамъ; она ввела его въ комнату госпожи, притворявшейся больною. Тристанъ бросился было къ ней съ намѣреніемъ обнять ее, но она оттолкнула его, какъ незнакомаго. Тристанъ **) видитъ, что она избѣгаетъ его; онъ застыдился и сконфузился, отошелъ назадъ къ порогу и остановился у самыхъ дверей. Потомъ онъ сталъ говорить: „Никогда не ожидалъ я этого отъ васъ, благородная королева, ни отъ Бренжіены, вашей служанки. Увы! До того

*) Большой извѣстностью пользуется lai du chèvrefeil Маріи Французской. Содержаніе его: Тристанъ, изгнанный королемъ Маркомъ, срѣзалъ палку и спряталъ туда свое письмо, гдѣ онъ говоритъ, что не можетъ жить безъ Изольды. Онъ сравниваетъ себя съ жимолостью (chevrefeuille), которая, разъ привязавшись къ корню орѣшника, не можетъ быть отъ нея отдѣлена. Палку съ письмомъ онъ положилъ на тропинкѣ, по которой Изольда имѣла обыкновеніе прогуливаться. Когда Изольда нашла письмо и стала читать его, вдругъ передъ нею явился лично Тристанъ. Въ память этого-то событія Тристанъ и сочинилъ этотъ lai.

**) Bartsch: Chrestomatie de l'ancien français, 2-me, ed. Leipz. 1872.

Digitized by Google

ли я дожилъ, чтобъ видѣть съ вашей стороны такое презрительное обращеніе! Кому же мнѣ вѣрить, если Изольда перестала любить меня, презираетъ меня, забыла меня? О Изольда, милая подруга! Кто истинно любитъ, для того нѣтъ забвенія. Хорошъ родникъ, полный бѣгущей водою; но если вѣтеръ высушитъ его и вода перестаетъ бѣжать, онъ ничего не стòитъ. Такъ и измѣна губитъ любовь."

Изольда отвѣчаетъ: „Братъ! не знаю, какъ и смотрѣть на васъ: я такъ испугана. Вѣдь вы вовсе не похожи на возлюбленнаго Тристана."

Тристанъ отвѣчаетъ: „Королева Изольда! Я—Тристанъ, вамъ преданный. Развѣ вы не помните сенешаля, который зложелательствовалъ намъ передъ королемъ? Мы съ нимъ, какъ молодые люди, спали въ одной комнатѣ. Однажды ночью, когда я вышелъ, онъ всталъ и послѣдовалъ за мною. Было снѣжно, онъ шелъ по моимъ слѣдамъ, дошелъ до забора, перепрыгнулъ; въ вашей комнатѣ подсмотрѣлъ за вами, а на другой день васъ предалъ. Я полагаю, что онъ былъ первый, кто донесъ на насъ королю."

„Вамъ нужно еще вспомнить о карликѣ, котораго вы такъ боялись. Онъ былъ врагомъ моихъ радостей; онъ торчалъ съ нами день и ночь; онъ былъ приставленъ шпіонить за нами, исполнялъ гнусную службу. Обыкновенно мы были осторожны; любовники, которыхъ стѣсняютъ, умѣютъ хитрить и коварствовать, чтобъ устроить свиданіе. Таковы же были и мы. Но подлый, низкій карликъ насыпалъ муки въ комнатѣ, гдѣ мы были, между нашими кроватями. Такимъ образомъ онъ разсчитывалъ свѣдать доподлинно про нашу любовь; но я замѣтилъ это и прыгнулъ на вашу постель съ сжатыми ногами; при этомъ я поранилъ руку и оставилъ кровавыя пятна на вашей кровати; назадъ я тоже прыгнулъ и окровавилъ свою постель *). Пришелъ король Маркъ, нашелъ кровь на вашей кровати, подошелъ къ моей; оказалось, что и мое платье въ крови. Тогда, королева, за любовь къ вамъ я былъ прогнанъ отъ двора..."

„Изольда, помните ли вы божій судъ, которому подверглись за меня? Когда вы выходили изъ лодки, я нѣжно принялъ васъ на руки: согласно вашему приказу, я хорошо переодѣлся, а голову держалъ наклоненной; вмѣстѣ съ вами я упалъ умышленно (я зналъ, что вы меня одобряете). Развѣ это не правда, подруга Изольда?.. Такимъ образомъ, сколько я знаю, вы раздѣлались и съ клятвой, и съ божьимъ судомъ, которому подверглись при дворѣ короля **)."

Королева слушала его, замѣчала каждое слово, посмотрѣла, вздохнула изъ глубины сердца, не знала, чтò и сказать: на Тристана онъ вовсе не былъ похожъ ни лицемъ, ни фигурой, ни платьемъ, а между тѣмъ все, что онъ говорилъ, была правда; нѣтъ лжи ни въ чемъ. Вотъ отчего сердце ея было въ великомъ безпокойствѣ, и она не знала, чтò дѣлать... Тристанъ убѣдился, что она все не узнаетъ его. Тогда онъ говоритъ: „Госпожа королева! вы благородно поступали, когда отъ души любили меня; теперь же, видя васъ такой сдержанной и лживой, я горько жалѣю о вашемъ лицемѣріи. А видалъ я, прекрасная, такой день, когда вы любили меня всѣмъ сердцемъ. Когда король Маркъ прогналъ насъ отъ своего двора, мы взялись за руки и вышли изъ залы. Придя въ рощу, мы нашли тамъ прекрас-

---

*) Одинъ изъ многихъ случаевъ литературной связи между романами. См. выше о рыцарѣ телѣги; тоже находимъ въ прозаическомъ Ланселотѣ.

**) Т.-е. Изольда поклялась, что не лежала ни съ кѣмъ, кромѣ мужа и этого нищаго. Это одна изъ формъ чрезвычайно распространеннаго, извѣстнаго еще въ древней Индіи разсказа о формально правильной, но ложной по существу клятвѣ. О русскомъ его родичѣ см. Очерки Буслаева: Преданіе о Судомѣ. Ср. Веселовскаго: Соломонъ и Китоврасъ, стр. 70.

Digitized by Google

ное мѣсто—пещеру, выдолбленную въ скалѣ съ проломаннымъ входомъ; внутренность пещеры была обширна и такъ хороша, какъ будто нарисованная; разрѣзъ камня былъ замѣчательно красивъ. Въ ней-то и жили мы все время нашего пребыванія въ лѣсу. Мою любимую собаку Гудейна я выдрессировалъ безъ крику; своей собакой и ястребомъ я кормилъ каждый день наши головы.

„Госпожа королева! Вы хорошо знаете, какъ насъ потомъ нашли; нашелъ насъ самъ король, приведенный карликомъ. Но Богъ сохранилъ насъ: король нашелъ насъ лежащими далеко другъ отъ друга, и мечъ находился между нами. Король снялъ перчатку съ своей руки и тихонько, не говоря ни слова, положилъ ее вамъ на лицо: онъ увидѣлъ, что лучъ солнца жегъ вамъ лицо до красноты. Затѣмъ король сейчасъ же ушелъ, оставивъ насъ спящими. Потомъ ужъ у него не было подозрѣнія, чтобъ между нами было что нибудь; онъ смѣнилъ свой гнѣвъ на милость и сейчасъ же послалъ за нами.

„Изольда! вамъ слѣдуетъ хорошо помнить, какъ я подарилъ вамъ Гудейна, мою собаку. Что̀ вы съ ней сдѣлали? Покажите ее мнѣ.“—Изольда отвѣчаетъ: „Собака, о которой вы говорите, ей-Богу у меня. Сейчасъ вы въ этомъ убѣдитесь. Бренжіена, подите за собакой; приведите ее совсѣмъ съ привязью.“ Бренжіена встала, пошла за Гудейномъ, къ его великой радости отвязала его и повела за собою. Тристанъ сказалъ: „Сюда, Гуйденъ! Ты былъ моимъ, теперь я беру тебя назадъ.“ Гудейнъ увидалъ его, тотчасъ узналъ и, естественно, обрадовался. Я никогда не слыхалъ о другомъ случаѣ, когда собака выражала бы бо̀льшую радость, чѣмъ Гудейнъ при видѣ своего господина. Такую любовь она выказываетъ ему! бѣжитъ къ нему, поднимаетъ голову, толкаетъ мордой, бьетъ ногой, такъ что жалость даже смотрѣть.

Изольда очень этому удивилась, смутилась и покраснѣла: какъ это Гудейнъ обрадовался, только заслышавъ голосъ? Вѣдь собака была сердита и зла, кусала и дѣлала всякое зло тѣмъ, которые играли съ ней, и даже тѣмъ, которые трогали ее. Никто не могъ дотронуться до нея, кромѣ королевы и Бренжіены — такую злость выказывала она съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ потеряла своего господина, который выдрессировалъ ее и кормилъ. Тристанъ удерживаетъ Гудейна и говоритъ Изольдѣ: „Онъ лучше понимаетъ мой кормъ и ученье, чѣмъ вы—мою любовь. Въ собакѣ, стало быть, много вѣрности, а въ женщинѣ — вѣроломство.“

Услыхавъ это, Изольда измѣнилась въ лицѣ, задрожала отъ горести. А Тристанъ сказалъ ей: „Госпожа королева! вы прежде бывали искренни. Помните ли вы какъ въ садъ, гдѣ мы лежали, пришелъ король и нашелъ насъ? Онъ возвратился назадъ, задумавъ злое дѣло — убить васъ изъ ревности. Но Богъ не допустилъ этого. Я тотчасъ сообразилъ, какъ быть: слѣдовало разлучиться, чтобы король не опозорилъ насъ. Тогда вы дали мнѣ ваше кольцо изъ чистаго золота, прекрасно сдѣланное; получивъ его, я ушелъ, а васъ поручилъ истинному Богу.“

Изольда сказала: „Такимъ доказательствамъ я вѣрю! Съ вами кольцо? Покажите его!“ Онъ досталъ кольцо и подалъ ей. Изольда взяла его, посмотрѣла—и въ слезы! Ломаетъ руки, чуть не сходитъ съ ума. — „О, я несчастная! Не въ добрый часъ родилась я! Потеряла я своего друга! Я вѣрно знаю, что, будь онъ живъ, не бывать бы этому кольцу въ рукахъ у другого!“ Вѣрно теперь его нѣтъ въ живыхъ! Ужъ мнѣ, несчастной, никогда не оправиться. Увидѣвъ ея слезы, Тристанъ, какъ и слѣдовало, пожалѣлъ ее. Онъ сказалъ ей: „Госпожа королева! вы прекрасны и искренни. Теперь не хочу больше скрываться: вы меня сейчасъ же узнаете.“ Онъ измѣнилъ голосъ и заговорилъ, какъ обыкновенно. И сейчасъ же Изольда узнала его, обвила руками его шею, стала цѣловать и въ лицо, и въ глаза.

Digitized by Google

Въ концѣ предыдущей главы мы видѣли, съ какой охотой нѣмецкіе поэты перерабатывали поэмы своихъ французскихъ собратовъ. Первые крестовые походы, распространеніе рыцарскихъ понятій и нравовъ, разумѣется, еще усилило притокъ французскихъ идей и сюжетовъ въ Германію. Тѣже самыя причины, которыя способствовали популярности рыцарскихъ романовъ во Франціи, еще съ большею интенсивностью вліяли и на Германію: ея поэтамъ не было нужды создавать новые поэтическіе образы для воплощенія новыхъ формъ жизни: они могли черпать изъ готоваго и обильнаго источника. Заглянувъ въ хронологію рыцарскихъ романовъ Германіи, невольно удивляешься быстротѣ ихъ распространенія *): въ какія нибудь 50 лѣтъ все выдающееся по этой части успѣло найдти себѣ за Рейномъ переводчиковъ и подражателей, а иногда подвергнуться и двукратной передѣлкѣ. Рѣдко въ наше время перелетаютъ съ такой быстротой изъ одной страны въ другую произведенія геніальнѣйшихъ поэтовъ. Не забудемъ, что герои этихъ романовъ, равно какъ и вся ихъ обстановка и мѣсто дѣйствія, были совершенно чужды нѣмецкой націи. Такова была притягательная сила модной рыцарской поэзіи.

Очеркъ исторіи этой поэзіи въ Германіи будетъ предметомъ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же скажемъ два слова о дальнѣйшей судьбѣ романовъ Круглаго Стола въ ихъ настоящемъ отечествѣ. Мы уже упоминали мимоходомъ о появившейся въ концѣ среднихъ вѣковъ модѣ на прозаическія передѣлки поэмъ. Еще раньше и охотнѣе, чѣмъ національнымъ поэмамъ, эту новую форму стали придавать романамъ цикла Артурова. Эта перемѣна въ формѣ совпала съ усиленіемъ буржуазіи и до извѣстной степени мотивировалась имъ и распространеніемъ въ народѣ грамотности: буржуа не настолько былъ развитъ, какъ рыцарь, и не на столько дорожилъ изящною внѣшностью. Кромѣ того языкъ поэмъ устарѣлъ, а поэтовъ для подновленія не хватало; между тѣмъ какъ къ XIV вѣку проза развилась и усовершенствовалась, стихотворство дошло до крайней искусственности; наконецъ проза болѣе напоминала хронику и болѣе поддерживала пріятную для читателя иллюзію, вѣру въ справедливость разсказываемаго.

Такія передѣлки рыцарскихъ поэмъ изъ стиховъ въ прозу начинаются со второй половины XIV в. и особенно усиливаются въ XV.

*) Ок. 1170 г. Эйльхартъ фонъ Оберге написалъ Тристана; ок. 1194 Ульрихъ фонъ Цациковенъ—Ланселота; между 1194 и 1205 Гартманъ фонъ-Ауэ передѣлалъ Кретьенова Эрека и Ивейна (рыцарь льва); ок. 1205 г. Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ—Парцивваля; ок. 1210 г. Готфридъ Страсбургскій написалъ Тристана; ок. 1212 Виринтъ фонъ-Гравенбергъ—Виталуа, и т. д. А сколько романовъ еще не дошло до насъ!

Digitized by Google

Во второй половинѣ этого вѣка онѣ издаются въ большомъ количествѣ и изъ нихъ составляются въ богатыхъ домахъ довольно обширныя библіотеки. Само собою разумѣется, что рядомъ съ измѣненіемъ формы идетъ и внутренняя перестройка. Романы значительно удлиняются. Старые герои надоѣдаютъ; являются на сцену ихъ потомки и предки; являются романы циклическаго характера, соединяющіе по нѣскольку поэмъ. Редакторы часто люди, не чуждые школьной мудрости, и, конечно, при легкости формы не зарываютъ своего таланта въ землю, а украшаютъ вступленіе и самыя авантюры цитатами изъ классиковъ и другими научными свѣдѣніями. Французскія поэмы изъ античнаго цикла или переводы классиковъ снабжаютъ ихъ эпизодами, которые они вплетаютъ въ исторію витязей Артура. Элементъ чудеснаго въ значительной степени усиливается; характерныя особенности стираются и пошлѣютъ *).

Къ XV в. рыцарство въ жизни пало, но многія формы его удержались; тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность выразить въ поэзіи идеалъ, отъ котораго удалялась жизнь. Популярность рыцарскихъ романовъ не только не ослабѣвала, а напротивъ увеличивалась. По образцу ихъ переработывались произведенія, не имѣвшія съ ними въ началѣ ничего общаго: chansons de geste и поэмы античнаго цикла; Роланды и Гекторы ассимилируются Тристанамъ и Ланселотамъ. Въ эту эпоху изъ disjecta membra рыцарскихъ романовъ создается новый циклъ—Амадиса, вдохновлявшій безсмертнаго ламанчскаго гидальго; но о немъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

X. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

И. Н. Холмогорова.

1. Арабскій языкъ и до-мусульманская литература арабовъ.

G. W. Freytagii, *Hamasae carmina.* Арабскій текстъ, 1828 г.

Его же, *Arabum proverbia.* Bonnae ad Rhenum. 1838 a. Pp. 1, 2, 3.

Septem Moallakat, carmina antiquissima arabum, ed. Arnold. Lipsiae, 1850 a. Арабскій текстъ.

Ignat. Guidi, Gemaleddini ibn Hisàmi, Commentarius in carmen Ka'bi ben Zoheir Banat-Suad appellatum. Pp. 1, 2. Lipsiae, 1871—1874. Арабскій текстъ.

Le Diwan d'Amrol'Kais.. par M. le Baron Mak Guckin de Slane. Paris, 1837. Арабскій текстъ и латинскій переводъ.

Кромѣ того, статьи въ повременныхъ изданіяхъ и «Bibliothèque orientale d'Herbelot».

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію арабской литературы до-мугаммеданскаго, языческаго періода, не лишнимъ считаемъ ознакомить читателей съ самымъ богатымъ и древнѣйшимъ, почти библей-

*) Граль въ прозаическомъ романѣ о Парцивалѣ просто одинъ изъ клейнодовъ дяди героя.

Digitized by Google

скимъ, языкомъ отрасли такъ-называемой Симовой—который, можно сказать, совмѣстилъ въ себѣ всѣ лучшіе обороты и образы этой огромной группы языковъ (semitarum linguae). Безъ сомнѣнія, въ языкѣ народа всего болѣе отражаются его мысль, его духъ и его своеобразный взглядъ на окружающую природу; въ языкѣ мы найдемъ болѣе прямое доказательство умственныхъ сокровищъ народа и его способности къ самосовершенствованію. Если самъ народъ бѣденъ понятіями, то скуденъ и языкъ его, какъ óрганъ для выраженія этихъ понятій: тогда необходимость заставляетъ прибѣгать къ заимствованію чуждыхъ словъ, чтобы вознаградить недостатокъ, замѣтный въ собственномъ языкѣ, и много лѣтъ требуется для того, чтобы въ замѣну пришлаго явилось и выработалось самородное слово. Всего этого успѣлъ избѣжать арабскій языкъ, уже съ древнѣйшихъ временъ являющійся какъ-бы во всеоружіи, чуждый всякаго посторонняго вліянія и до-того обильный, что при переводѣ, напримѣръ, съ греческаго языка, онъ, за немногими исключеніями, мало принялъ въ себя научныхъ терминовъ, довольствуясь собственными средствами. Прошли цѣлые ряды столѣтій пока сильная воля одного человѣка, въ связи съ историческими обстоятельствами, успѣла выдвинуть арабовъ-мусульманъ за предѣлы ихъ прежде мало извѣстной родины, доставила имъ преобладаніе въ значительной части древняго міра, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ смыслѣ — особенно въ послѣднемъ; настало новое время и съ нимъ поднялись новые жизненные вопросы, иные дѣятели, иныя стремленія—но языкъ арабскій остался цѣлъ и невредимъ въ устахъ народа, имъ говорящаго, невредимъ какъ живой родникъ, который выдѣляетъ изъ себя мелкіе, разбросанные ручьи, мало отдалившіеся отъ своего первообраза.

Арабскій языкъ, «ясная арабская рѣчь», какъ онъ названъ въ самомъ «Алкоранѣ» *), принадлежитъ къ группѣ языковъ симитскихъ (названіе крайне обширное). Корень ихъ опредѣлить трудно, почти невозможно, при отсутствіи прямыхъ историческихъ данныхъ (хотя многіе, въ томъ числѣ Гоффманъ въ своей сирійской грамматикѣ **), приписываютъ эту честь языку арамейскому); но въ совокупности они образуютъ идіомы, во многомъ сходные между собою по корнямъ словъ и по самому строю рѣчи, до такой степени, что знакомство съ однимъ изъ языковъ этой отрасли значительно облегчаетъ знакомство съ другимъ языкомъ той же вѣтви. Быть мо-

*) Какъ славяне считали всѣхъ иностранцевъ „*нѣмыми*“, *нѣмцами*, такъ точно арабы прочихъ чужеземцевъ, особенно персіянъ, также считаютъ „*аджемъ*“, нѣмыми — откуда поговорка: „*разница между языкомъ арабскимъ и чужеземнымъ* походитъ на разницу между свѣжимъ финикомъ и его косточкой“.

**) Hoffmann, Grammaticae Syriacae Libri III. Halae. 1827.

Digitized by Google

жетъ всю эту группу языковъ можно означить общимъ именемъ языковъ арабскихъ въ обширномъ смыслѣ слова, какъ, напримѣръ, существуетъ группа языковъ славянскихъ, романскихъ и германскихъ — въ послѣднемъ случаѣ знаніе одного языка изъ названныхъ группъ способствуетъ изученію другаго языка той же группы.

Группа арабскихъ языковъ (мы только предлагаемъ, съ своей стороны, это названіе, какъ общее) составляютъ, во-первыхъ, діалекты уже вымершіе, уцѣлѣвшіе лишь въ немногихъ письменныхъ памятникахъ, въ названіяхъ историческихъ мѣстностей, въ собственныхъ именахъ историческихъ лицъ у древнихъ писателей, на надгробныхъ монументахъ, на медаляхъ, монетахъ и сосудахъ. Сюда относятся языки: финикійскій и кареагенскій (пуническій), слѣды котораго, между прочимъ, можно видѣть у М. А. Плавта въ его комедіи: «Poenulus» *), въ надписяхъ, найденныхъ на островѣ Мальтѣ **), въ Сардиніи, въ другихъ мѣстахъ кареагенскихъ поселеній и въ настоящее время болѣе или менѣе удачно объясненныхъ Гезеніусомъ, Мункомъ, Соси (Saulcy), Беллерманномъ и другими учеными. Далѣе языкъ евреевъ, живущій въ священныхъ бытописаніяхъ народа еврейскаго, и діалектъ этого языка, извѣстный подъ именемъ раввинскаго; потомъ языки симитскіе (арабскіе) отрасли арамейской, такъ названные отъ слова «Арамъ», высота, означающаго Сирію (Шамъ) и Месопотамію (Междурѣчье), въ противоположность Ханъану, или низменности: они заключаютъ въ себѣ діалекты: вавилонскій или халдейскій, самаританскій и сирійскій ***), довольно богатый памятниками письменности, въ числѣ которыхъ можно указать на сирійскую хронику Абу-ль-Фараджа (Баръ-Ебрея), родившагося въ 1226 и умершаго въ 1286 по Р. Х., на переводы Евангелія и на творенія отцовъ церкви: Ефрема Сирскаго (въ IV в. по Р. Х.), Ѳеодора Мопсуеста (въ V в. по Р. Х.). Затѣмъ слѣдуютъ живые языки: абиссинскій (эѳіопскій, амгарскій), а потомъ обильнѣйшій изъ всѣхъ симитскихъ языковъ умственными произведеніями и замѣчательно, до тонкости, обрабо-

*) Особенно дѣйствіе 5-е, сцена 1-я, гдѣ кареагенянинъ Ханнонъ говоритъ „punice", по-кареагенски, стихами, которые почти цѣликомъ переведены у Плавта по-латыни. Эта рѣчь отчетливо реставрирована ученымъ Гезеніусомъ; въ ней попадаются и еврейскіе, и арабскіе корни.

**) Мнѣніе Беллерманна, что въ языкѣ мальтійцевъ сохранилась извѣстная примѣсь финикійско пуническаго элемента, не лишено основанія, если принять въ разсчетъ древнюю колонизацію острова Мальты финикіянами. См. „Phoeniciae linguae vestigiorum in Melitensi" (Spec. 1. Berolini, 1809), и его-же: „De Phoenicum et Poenorum inscriptionibus.

***) Еще въ концѣ прошлаго столѣтія, по свидѣтельству ученаго Антонія Арыды, языкъ сирійскій — народный — слышался въ различныхъ областяхъ Сиріи; нынѣ же, по словамъ Гоффмана, онъ причисляется къ нарѣчіямъ вымершимъ и употребляется только въ духовномъ чинѣ у сирійскихъ христіанъ: маронитовъ, якобитовъ, мельхитовъ и несторіанъ.

Digitized by Google

танный въ отношеніи грамматическомъ—языкъ собственно арабскій. Онъ, кромѣ общеусвоеннаго ему дѣленія (впрочемъ, не совсѣмъ справедливаго, какъ мы объяснимъ впослѣдствіи) на языкъ книжный и народный, дробится въ говорѣ народа на отдѣльныя нарѣчія, болѣе или менѣе удаленныя отъ языка ученаго, въ двухъ главныхъ отрасляхъ—восточной и западной; на долю первой выпадаютъ нарѣчія, употребляемыя въ Сиріи, въ Египтѣ, въ Хеджазѣ, и на всемъ Джезиратъ-эль-Арабъ (арабскомъ полуостровѣ), гдѣ опять слышатся дробныя нарѣчія у племенъ бедуинскихъ (арабовъ кочующихъ); западная-же отрасль принадлежитъ Алжиру, Фецу, Марокко, Тунису, острову Мальтѣ (крайне-испорченный діалектъ, съ большой примѣсью языка итальянскаго), даже острову Мадагаскару, и всюду съ извѣстными, конечно, оттѣнками, такъ что, при нѣкоторомъ ограниченіи, можно допустить, что арабская народная рѣчь, какъ языкъ торговли, международныхъ сношеній и религіи, слышится въ лучшей части азіатскаго и африканскаго материковъ. Къ тому же, если прибавимъ сюда повсемѣстное у мусульманъ изученіе «Алкорана» и мусульманской юриспруденціи (ильмъ-эль-фикхъ), основанной на «Алкоранѣ», то найдемъ, что арабскій языкъ, какъ языкъ религіи и школы, господствуетъ еще въ степяхъ и городахъ Средней Азіи, въ Индустанѣ (между мусульманскимъ населеніемъ), въ пустыняхъ Сахары, частію въ Суданѣ, въ Персіи, въ Афганистанѣ, въ Турціи и въ Россіи между мугаммеданскимъ населеніемъ. Обитатели перечисленныхъ здѣсь странъ—мусульмане, хотя говорятъ мѣстными языками, но приняли въ письмѣ алфавитъ арабскій, съ нѣкоторыми измѣненіями или дополненіями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ народный арабскій языкъ, письменный, или книжный (литературный), языкъ изучается въ школахъ (медресахъ) и служитъ языкомъ болѣе образованнаго класса. Впрочемъ, что касается формъ діалекта, употребляемаго въ Сиріи и Аравіи, то существуетъ почти нечувствительная разница между книжнымъ и народнымъ языкомъ; но такъ какъ арабскій языкъ весьма богатъ въ смыслѣ лексикологическомъ, то найдется нѣсколько сочиненій, писанныхъ такимъ языкомъ, гдѣ простой, неграмотный человѣкъ не можетъ ничего понять безъ комментарія. Вотъ это-то обстоятельство и было, какъ кажется, причиной, что нѣкоторые поэты и прозаики позднѣйшаго періода, чтобы быть понятными, сами писали комментаріи къ своимъ произведеніямъ. Мы не говоримъ уже о поэтахъ мистическихъ, которые, подъ вліяніемъ выспреннихъ полетовъ своего воображенія, говорятъ особеннымъ, загадочнымъ языкомъ. Эрбенъ (Herbin, «Developpemens de la langue arabe moderne», Paris, 1803) говоритъ, что «еменское арабское нарѣчіе мало разнится отъ того языка, которымъ говорили тамъ

Digitized by Google

назадъ тому много столѣтій, и почти походитъ на языкъ «Алкорана». Чистѣйшей арабской рѣчью можно-бы считать ту, которая близко подходитъ къ языку «Алкорана» и арабскихъ поэмъ. На Ливанѣ самая правильная арабская рѣчь слышится въ Дейръ-эль-Камарѣ, даже чище, нежели въ Алеппо и Дамаскѣ. Туже идею единства книжнаго и ученаго арабскаго языка поддерживаетъ и Бренье (Bresnier) въ своей хрестоматіи арабскаго алжирскаго діалекта (Chrestho-matie arabe vulgaire, par Bresnier. Alger, 1846, стр. 2, 3), оговариваясь при этомъ, что если онъ назвалъ свое сочиненіе руководствомъ къ *народному* арабскому языку, то это сдѣлано съ той цѣлью, чтобы преждевременно не идти наперекоръ общепринятому предразсудку. Чисто-религіозному преобладанію арабскаго языка у мугаммеданъ въ ихъ школахъ способствуетъ и самое богатство арабской литературы, классическія произведенія которой во всякое время служили образцами для поэтовъ и прозаиковъ персидскихъ и турецкихъ, не говоря уже о бѣдной письменными памятниками литературѣ средне-азіатской и татарской. Безъ знанія арабскаго языка, въ большой части случаевъ, недоступно чтеніе персидскихъ и османскихъ писателей, такъ что онъ служитъ необходимымъ дополненіемъ для изучающихъ мугаммеданскій Востокъ.

Были-ли арабскія племена аборигенами Аравіи или прикочевали съ сѣвера, съ месопотамскихъ равнинъ, вслѣдствіе какого-либо политическаго, неизвѣстнаго исторіи, переворота — это относится къ области гипотезъ, не доказанныхъ фактами. Извѣстно только, что съ незапамятныхъ временъ названіе Аравіи (у персіянъ: Арабистана) придается всему арабскому полуострову, который слыветъ у жителей края то подъ именемъ арабскаго острова (джезиратъ-эль-арабъ), то подъ именемъ арабскихъ провинцій (биледъ-эль-арабъ) *).

Жители этого полуострова называются аравитянами, арабами; въ библейскихъ сказаніяхъ они нерѣдко именуются исмаильтянами и «Бени-Кедемъ», сынами Востока **), у византійцевъ—агарянами, а въ средніе вѣка—сарацинами (saraceni, sarrasin), отъ испорченнаго арабскаго слова «шаркійнъ, шаркійонъ» (житель Востока), въ противоположность «гарбійонъ, гарбійнъ, могребинъ» (житель Запада, мавръ). Одни производятъ названіе Аравіи отъ еврейскаго слова «арабъ» — обширныя пастбища, пустыни, другіе отъ сирійскаго «арàбъ» — смѣшивать, по причинѣ смѣшаннаго населенія полуострова, иные, какъ, напримѣръ, Мотареззи, цитированный у Эд. Покока въ его

*) *Альджезира* островъ, въ названіи Аравіи и Алжира принимается въ значеніи полуострова.

**) Gesenii, Thesaurus criticus linguae Hebraeae et Chaldeae veteris Testamenti. Lipsiae. 1829, p. 217.

Digitized by Google

«Обозрѣніи исторіи арабовъ» *), выводятъ это названіе отъ Арабы, части провинціи Тегамы, нѣкогда занятой Исмаиломъ. Въ самомъ же арабскомъ языкѣ коренной, повидимому, глаголъ «аруба» значитъ: арабская рѣчь была чиста, изъята отъ погрѣшностей, а производныя отсюда существительныя «уру́бе, урубійе», арабизмъ, чистая арабская рѣчь.

На обширномъ арабскомъ полуостровѣ, который, по образованію своей почвы, скорѣе служитъ какъ-бы продолженіемъ великой африканской пустыни, прерываемой лишь долиною Нила и Краснымъ моремъ, обитатели издревле дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Послѣдніе обыкновенно называются «бадави», пустынными, и «ахлъ-эль-уа̀баръ», народомъ шерсти, по причинѣ шатровъ своихъ, крытыхъ тканьемъ изъ овечьей или верблюжьей шерсти — въ противоположность горожанамъ, — и этому кочующему населенію преимущественно придается названіе «Аараби».

Есть преданіе, удержанное и «Алкораномъ», будто древнія арабскія колѣна: Адъ, Тамудъ, Тесмъ, Джадисъ и Джоргомъ, погибли за свои беззаконія, и что слѣдующія поколѣнія уже возникли отъ Еверова сына, Кахтана (библейскаго Іоктана), и отъ Аднана, одного изъ потомковъ Исмаила; первый, Кахтанъ, считается родоначальникомъ арабовъ чистыхъ, а другой, Аднанъ — арабовъ-пришельцевъ. Такимъ образомъ арабскіе генеалоги (арабы очень дорожатъ родовыми отношеніями и родословіемъ) выводятъ многіе роды отъ Кахтана, каковы, напримѣръ, могущественныя племена Химъяръ, Кагланъ, Аздъ, Тай, Кинда, Гассанъ, Аусъ — и отъ Кидара, одного изъ сыновъ Исмаила. Замѣчательныя изъ колѣнъ арабовъ пришлыхъ: Ва́ель, Бекръ, Таглѐбъ, Шейбанъ, Аназе, Мазенъ, Абсъ и Дзобъянъ.

За нѣсколько времени до появленія Мугаммеда, арабскій языкъ распадался на большое число діалектовъ, такъ что каждое колѣно удерживало такія слова, которыя вращались только въ немъ, и другія, общія многимъ колѣнамъ, но только принимаемыя не въ одномъ и томъ же смыслѣ. Но мало-по-малу эти діалекты стушевывались, и хотя во времена Мугаммеда еще можно было отличить еменское нарѣчіе отъ хеджазскаго, а нѣкоторые обороты были употребляемы только колѣнами Темимъ и Тай, однако арабскій языкъ этой эпохи можно считать почти однороднымъ.

Этому сліянію діалектовъ много способствовало весьма-древнее учрежденіе сборныхъ пунктовъ въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ мѣстахъ, сначала, конечно, съ цѣлью чисто-торговой, словомъ, учрежденіе ярмарокъ. Такихъ торговыхъ мѣстъ насчитывали пять: Зу-ль-Меджазъ, близь горы Арафата, эль-Маджанна и Мина, близь

*) Pockokii, Specimen historiae Arabum. Oxonii, 1650 an.

Digitized by Google

Мекки, Оказъ, въ пустынѣ между Нахлы и Таифомъ, и Хонайнъ, между Таифомъ и Меккой. Во время этихъ большихъ торжищъ царствовало общее перемиріе, и враждебныя другъ другу колѣна могли заявлять свои непріязненныя чувства только состязаніями о славѣ своего племени и собственныхъ заслугахъ, да сатирами, выраженными въ формѣ поэтической, часто въ формѣ импровизацій. Изъ упомянутыхъ ярмарокъ самая замѣчательная происходила въ Оказѣ; здѣсь и самъ Мугаммедъ выслушивалъ рѣчи христіанскаго епископа Косса, краснорѣчивѣйшаго изъ древнихъ арабовъ, стихи еврея Самуила-бенъ-Адія, и языческія арабскія поэмы, слѣды которыхъ еще можно узнать въ нѣкоторыхъ изрѣченіяхъ «Алкорана».

Здѣсь-то появились первые образцы древней арабской литературы. Они были заучиваемы наизусть, какъ и другія произведенія, каковы: семь такъ-называемыхъ моаллака, поэмы Могальгеля, Набига-Дзобъяни, Аша, Шанфара, Таабата-Шарранъ. Вся арабская литература до-мугаммеданскаго періода держалась въ памяти народа и передавалась, какъ наслѣдіе, потомству. Прежде всего, вниманіе арабовъ обратилось на изученіе отечественныхъ поэтовъ древности— на моаллака, творенія Ахталя, Джерира, Фараздака, собраніе поэтовъ племени Гозайль и Хамасу.

Такимъ образомъ, вся древняя литература Аравіи заключается въ пѣсняхъ, которыя восполняютъ ощутительный недостатокъ туземныхъ историческихъ матеріаловъ, да въ пословицахъ или присловьяхъ, иногда имѣющихъ историческое значеніе. Въ ряду арабскихъ поэтовъ находятся и женщины.

«Моаллаки» (ихъ числомъ семь: Имрилькайса, Тарафы, Зогейра, Лебида, Антара, Амру-бенъ-Кюльтума и Гареса)—родъ стихотвореній, наиболѣе извѣстный въ Европѣ. Ихъ названіе происходитъ отъ глагола *аллака* — привѣшивать, потому что они вывѣшивались для всенароднаго чтенія на оказской ярмаркѣ или даже въ Каабѣ. Кромѣ того, ихъ называютъ «мозаггабатъ»—позолоченными, или потому, что они были писаны золотомъ, или оттого, что ихъ края были обведены золотомъ. Названіе: «семь долгихъ поэмъ», указываетъ на то, что другія произведенія поэтовъ были гораздо короче; самая длинная — моаллака Тарафы, въ которой двѣсти-четыре стиха. Надобно замѣтить, что арабамъ неизвѣстны бѣлые стихи. «Нанизывать жемчугъ» — техническій терминъ, означающій «писать стихи», разсыпать жемчугъ — писать прозой.

Въ сборникѣ пѣсень, извѣстномъ подъ именемъ «Хамасы» (т.-е. военной доблести) всего вѣрнѣе обрисовывается предъ нами вся жизнь до-мусульманскаго арабскаго воина. Этотъ сборникъ, названный по своей первой главѣ — и самой большой — «Хамасою», состоитъ изъ

Digitized by Google

десяти главъ: собственно главы «Хамаса», главы элегій и главы, трактующей о томъ, какъ должно вести себя въ отношеніи къ обществу; глава четвертая воспѣваетъ красоту женщинъ; глава пятая содержитъ въ себѣ сатиры, шестая—говоритъ о гостепріимствѣ, седьмая заключаетъ въ себѣ описаніе явленій природы, восьмая трактуетъ о путешествіяхъ и дремотѣ, девятая содержитъ шутливыя піесы и десятая — упреки женщинамъ. Мы обязаны этимъ отличнымъ сборникомъ Абу-Таммаму-Хабибу-бенъ-Аусу, скончавшемуся въ 221 году мугаммеданской эры — геджры.

Другой, не менѣе замѣчательный рядъ народныхъ пѣсень, собранныхъ Абу-ль-Фараджемъ Испаганскимъ, называется «Китабъ-эль-Агани» (книгою пѣсень); кромѣ того, какъ мы уже сказали, дошли до насъ довольно большія поэмы Шанфары, Нàбига-Дзобъяни, панегириста Мугаммедова Каабъ-бенъ-Зогейра, Аша-бенъ-Маймуна, котораго поэма иногда причисляется къ моаллакамъ. Въ большимъ поэмахъ, каковы, напримѣръ, моаллака, поэтъ въ первыхъ стихахъ обыкновенно начинаетъ оплакивать разлуку (хотя бы и вымышленную) съ своей подругой — это было условіемъ и требованіемъ времени—потомъ уже переходитъ къ главному предмету, къ содержанію поэмы; напротивъ, въ мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ, напримѣръ, въ стихахъ «Хамасы», приступъ начинается прямо, съ главной мысли, занимающей поэта, такъ что эти небольшія пѣсни, надо полагать, являлись въ видѣ импровизацій и по преданію, переходя изъ устъ въ уста, достигли до поздняго потомства, часто съ многочисленными варіантами и прибавленіями. Кочевой и воинственный бытъ араба, безпрестанныя столкновенія независимыхъ племенъ, споры за колодезь, перекочевки съ мѣста на мѣсто, любовь, кровомщенье, которое тянется на долгіе годы, пораженіе непріятеля, похвалы себѣ и своему племени, описаніе коня и верблюда, занимающее, какъ, напримѣръ, въ моаллакѣ Тарафы, почти треть всей поэмы, и, наконецъ, изображеніе явленій природы: марева, молніи, дождя—вотъ тѣ особенныя черты, которыя передаетъ намъ поэзія пустыни до-мугаммеданскаго періода. Нерѣдко оба сошедшіеся соперника, какъ герои Гомера, прежде чѣмъ вступить въ бой, исчисляютъ свои доблести и доблести представителей своего племени и тогда уже приступаютъ къ дѣйствію, какъ отважные «фàрисы», рыцари.

Мы возьмемъ небольшую импровизацію, помѣщенную въ сборникѣ „Хамасы". Два племени: Бени-Шейбанъ и Бени-Мазенъ, поссорившись за колодезь, открываютъ военныя дѣйствія, и шейхъ или начальникъ племени Мазенъ, отъ лица всѣхъ своихъ родичей, въ слѣдующихъ стихахъ отвѣчаетъ на вызовы племени Шейбанъ:

(Стихъ 1) „Сыны Шейбана, нѣсколько удержитесь отъ вашихъ угрозъ: завтраже встрѣтите моихъ коней у колодезя Сафавана, (ст. 2) встрѣтите благородныхъ

Digitized by Google

коней, которые не уклоняются отъ боя, столкнувшись въ тѣсной схваткѣ; (ст. 3) потому-что на нихъ сидятъ блистательные, закованные въ латы, всадники изъ племени Мазенъ — львы въ сраженіяхъ, когда надобно наносить удары копьями; (ст. 4) вы встрѣтитесь съ ними и узнаете, каково ихъ терпѣніе противъ бѣдствій, какія влечетъ на нихъ рука судьбы; (ст. 5) они безпрестанно идутъ впередъ, не разлучаясь съ двулезвейнымъ еманскимъ мечемъ — (ст. 6) и когда ихъ просятъ помочь, они не допытываются у того, кто зоветъ ихъ: на какую войну надобно идти и въ какое мѣсто?"

Вотъ нѣсколько случайностей изъ жизни кочеваго араба, выраженныхъ въ формѣ пѣсни:

Тсáбетъ, сынъ Джáбера, съ прозвищемъ Тáаббата-Шарранъ (онъ носитъ подъ мышкой бѣду, т.-е. ножъ), одинъ изъ четырехъ бедуиновъ, которыхъ, по преданію, не обгоняла скаковая лошадь *), доставалъ въ горахъ медъ и былъ обойденъ своими недругами изъ племени Лихъянъ, которые расположились внизу, у скалы, предлагая противнику или сдаться на ихъ произволъ, или броситься съ утеса. Однако, Тааббата-Шарранъ придумалъ другое средство: онъ вылилъ медъ на противоположную сторону скалы и, прилегши грудью на мѣхъ, спустился такимъ образомъ въ долину, на разстояніи трехъ дней пути отъ выжидавшихъ его непріятелей. Онъ прославилъ этотъ достопамятный въ своей жизни случай слѣдующей пѣснью **):

„Если, при наступленіи страшной опасности, человѣкъ не изворотливъ, то его дѣло пропало, погибло, пошло назадъ; но кто побратается съ рѣшительностію, тотъ, при неожиданной бѣдѣ, видитъ и средство спастись отъ бѣды. Этотъ герой, отборный верблюдъ своего времени, хитеръ, пока живъ; когда ему запрутъ одинъ путь къ выходу, у него сейчасъ готовъ и другой. Опорожнивъ свой мѣхъ, я переговаривался съ моими недругами племени Лихъянъ, тогда какъ мой день уже становился и тѣсенъ и страшенъ, будто львиная берлога: мнѣ оставались два средства—плѣнъ и укоры или кровь и убійство, — а послѣднее предпочтительнѣе для вольнаго человѣка. Но я придумалъ и еще средство, которое, въ случаѣ удачи, послужитъ мнѣ началомъ и концомъ рѣшимости. Я это замыслилъ, прилегъ на скалу и скользилъ по ней своей широкой грудью и сухощавыми боками. Такъ я и съѣхалъ до самаго суходола; скала не оставила на мнѣ ни одной царапины, а смерть только посмотрѣла на меня — и застыдилась. Я воротился къ своему племени (и едва воротился),—но сколько бывало такихъ случаевъ, когда я разставался съ родными, и они щебетали насчетъ меня, какъ птицы? Бедуинъ пригласилъ къ себѣ гостя, началъ ему услуживать и молоть муку на ручной мельницѣ, для приготовленія хлѣба. Женѣ бедуина не понравилось такое униженіе мужа, достойное лишь женщины; но онъ отвѣчалъ ей слѣдующими стихами:

„Она ударила себя правой рукой въ грудь и проговорила: мужъ-ли мой это гнется надъ жерновомъ? Не торопись, отвѣчалъ я ей, а взгляни лучше на мои дѣла въ ту пору, когда противъ меня столпятся непріятельскіе всадники. Не я-ли отражаю своего противника? Покрытый кровью, онъ падаетъ на свое лицо, и въ трупѣ его дрожитъ двугранный гибкій дротикъ. Не я-ли выношу на себѣ всю тяжесть боя и начинаю „доить сосцы смерти", въ ту пору, когда самый отчаянный смѣльчакъ уже предается бѣгству? Не я-ли угощаю рѣшимостью своихъ ночныхъ посѣтителей — тяжелыя думы, когда мой духъ бесѣдуетъ со мной, какъ принять этихъ ночныхъ посѣтителей? Когда другіе оробѣютъ, я прямо кидаюсь въ ту пучину смерти, ярость которой навела-бы ужасъ на самаго стойкаго ратника; но

*) Прочіе: Асиръ, сынъ Джабера, Солейкъ, сынъ Салека, и Шанфара, изъ племени Аздъ.

**) Freytagii, Hamasae carmina, cap. I.

Digitized by Google

клянусь жизнью твоего отца, я слуга своему гостю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящій „фарисъ“ (рыцарь), если выступаю на битву. Такъ-то я покупаю себѣ славу, домогаясь лишь этой корысти; я покидаю своего противника, покрытаго стыдомъ, близкаго къ смертному сну“.

Таа̀ббата-Шарранъ, о которомъ мы упомянули выше, высваталъ себѣ невѣсту въ племени Абсъ, изъ семейства Ка́ребъ. Дѣвушка, его невѣста, изъявила согласіе; но вскорѣ отказалась вступить съ нимъ въ бракъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Таа́ббата, какъ извѣстный воинъ, не сегодня такъ завтра, при встрѣчѣ съ непріятелями будетъ убитъ, и она останется вдовою. Разставаясь съ невѣстой, Таа́ббата проговорилъ:

„Ей сказали—не выходи за него замужъ; онъ обреченъ лезвію первой сабли, едва только встрѣтится въ бою съ непріятелями! Но, стало быть, у нея нѣтъ разсудка ни на финиковую кожицу, когда она боится сдѣлаться вдовой неустрашимаго воина, прикрытаго плащомъ ночи, почти безсоннаго; его томитъ одна забота: кровомщенье (тсаръ), да встрѣча съ опытнымъ, закованнымъ въ латы, всадникомъ. Со мною состязается всякій, кто хочетъ прослыть въ своемъ племени за храбреца; а самъ я, срубая головы непріятелямъ, даже и не думаю этимъ хвастаться. Я приберегаю себѣ въ запасъ только необходимое, хотя и высунулись наружу мои ребра и стянулась внутренность; я живу среди хищныхъ звѣрей, и они привыкли ко мнѣ, потому-что я никогда не отгоняю ихъ отъ ихъ луговъ. Они видятъ, что не ловля звѣрей озабочиваетъ меня, и еслибы могли ласкаться къ человѣку, конечно, приласкались-бы ко мнѣ. Нападая открыто или изъ засады, я состарѣлся въ бояхъ съ непріятелями; но кто дѣйствуетъ противъ врага отважно, какъ дѣйствую я, необходимо долженъ пасть на смертномъ полѣ. Довольно истомилъ я владѣльцевъ верблюжьяго табуна, когда они принимались меня преслѣдовать то одного, то съ сотоварищами моихъ набѣговъ. Знаю, что еслибъ я прожилъ и долго, непремѣнно долженъ я встрѣтить свѣтлое, какъ молнія, копье смерти!...“

Предсказаніе отважнаго воина, что онъ проживетъ недолго и падетъ въ неравномъ бою, вскорѣ оправдалось: Таа́ббата-Шарранъ, нѣсколько разъ счастливый въ нападеніяхъ, былъ убитъ въ наѣздѣ на племя Гозайль. Враги бросили его, убитаго, въ ущелье Рехмо̀нъ. По освященному вѣками степному кодексу, „тсаръ“, или право мести за кровь, кровомщенье *), jus talionis, прямо падаетъ на долю ближайшаго въ семьѣ родственника, и, чтобъ удовлетворить этому праву, за дѣло взялся племянникъ убитаго, сынъ сестры его, Хельфъ-Красный. Мрачная пѣснь Хельфа, пѣснь ночи, посвящена описанію доблестей убитаго дяди его и торжества по окончаніи кровомщенья. Эта превосходная піеса, живо обрисовывающая бурную натуру бедуина, заключаетъ въ себѣ двадцать-восемь стиховъ **):

„Подъ скалой, въ ущельѣ, онъ брошенъ убитый; но на кровь его не пала роса. Онъ возложилъ на меня ношу, отошелъ, и я легко поднялъ его ношу. Я, сынъ его сестры, исполнилъ „тсаръ“ за неустрашимаго воина, который, насупясь, точилъ смертный ядъ своему недругу, будто точитъ ядъ желтая змѣя пустынныхъ песковъ. Какъ поразила насъ тяжелая вѣсть, отъ какой разсѣлись-бы крѣпкіе утесы! Несправедливая судьба отняла у меня человѣка неприступнаго—онъ былъ защитой своего сосѣда, онъ зимою согрѣвалъ насъ, будто солнце, а лѣтомъ, когда горѣла песья звѣзда—онъ былъ нашей прохладой и нашей тѣнью. Онъ сухощавъ, но не отъ скудости, его руки влажны (щедры); проницательный, могучій, твердый въ

*) Это корсиканская vendetta. Она освящена и «Алкораномъ», только подъ формой „кысасъ“, а не „тсаръ“ и съ дозволеніемъ выкупа за кровь убитаго, чего не было до Мугаммеда. См. „Алкоранъ“, глава 2-я.

**) Глава элегій, въ „Хамасѣ“.

Digitized by Google

исполненіи задуманнаго, онъ обильно лилъ свои дары, словно благодѣтельная туча, а въ гнѣвѣ шелъ какъ губитель-левъ. Чернокудрый, онъ гордо расхаживалъ въ длинной одеждѣ между палатками своего племени; но въ набѣги мчался легкимъ волкомъ. Онъ кормилъ и медомъ, и полынью—и всякій вкусилъ того и другого *). Одинокъ пускался онъ во всѣ ужасы, и не было ему товарища, кромѣ иззубреннаго въ бояхъ еменскаго булата.

„Собравшись въ набѣгъ съ самаго полудня, мы, юноши, шли всю ночь и пришли въ непріятельскій станъ на зарѣ **); каждый смѣльчакъ былъ опоясанъ мечомъ, свѣтлымъ, будто молнія, когда выхватишь его изъ ноженъ. Непріятели пили сладкій сонъ, покачивали въ дремотѣ головами, какъ вдругъ мы ударили на нихъ, и они разсыпались: тутъ мы взяли съ нихъ „тсаръ", кровавую месть, отъ которой ушли немногіе изъ обоихъ вражьихъ племенъ, и если племя Гозайль притупило нѣкогда объ него (т.-е. убитаго дядю) свои сабли, за-то въ былое время и онъ притупилъ свой мечь о племя Гозайль; подъ его ударами враги падали, словно верблюды, на жесткій каменникъ, гдѣ раскололось-бы верблюжье копыто; за-то прежде, при нападеніи на непріятельскій станъ, по-утру, онъ избилъ вражье племя, разграбилъ и разогналъ его. Огнемъ войны я пожегъ теперь племя Гозайль; огонь жегъ ихъ, пока они не сгорѣли. Я водилъ на кровавое пойло свои копья въ первый разъ, и когда онѣ напились вдоволь, я водилъ ихъ вторично. Теперь мнѣ можно испить запрещеннаго доселѣ вина ***); съ большимъ трудомъ досталось мнѣ это право. Пейте-же вино, мои сабли, мои длинныя копья, мои легкіе кони — теперь все позволено, доступно; Савадъ, сынъ Амра, подай мнѣ вина — мое тѣло изнурилось послѣ кровомщенья за дядю. Напоили мы племя Гозайль чашею смерти и въ подонкахъ этой чаши стыдъ, позоръ, презрѣнье. Засмѣялись гіены, почуявъ трупы непріятелей; волки оскалили зубы при видѣ убитыхъ, и со всѣхъ сторонъ слетаются вольные орлы,—они наклевались до-сыта, отяжелѣли и, когда ты пройдешь мимо нихъ, они не будутъ въ силахъ подняться кверху."

Поэтъ Имри-ль-Кайсъ (обыкновеннѣе Амру-ль-Кайсъ), почти и даже современникъ Мугаммеда (писавшій сатиры на арабскаго пророка, который отвѣчалъ на нихъ чрезъ посредство другаго поэта, Лебида), въ особенности отличается картинными изображеніями природы. Между прочимъ, онъ такъ описываетъ своего коня въ «моаллакѣ» его имени:

„Я выѣзжаю на охоту рано утромъ", — говоритъ онъ, — „когда птицы сидятъ еще въ гнѣздахъ: меня носитъ гладкій конь, который какъ-бы цѣпью оковываетъ дикаго звѣря на всемъ бѣгу. Высокій, какъ чертогъ, мой конь то побѣжитъ впередъ, то отступаетъ, то приблизится, то отбѣжитъ назадъ — какъ огромная скала, сброшенная съ горъ потокомъ. Гнѣдой, по спинѣ его скользитъ чепракъ, отскакиваетъ, словно капли дождя, отражаемыя выполированнымъ камнемъ; кипучій, съ тощими боками, въ жару бѣга, на гонкѣ, онъ издаетъ изъ груди гулъ, похожій на кипятокъ въ мѣдномъ котлѣ. Онъ стелется и плыветъ на бѣгу еще и въ ту пору, когда другіе скакуны уже отстаютъ и оставляютъ въ пыли глубокіе слѣды

*) По мнѣнію языческихъ арабовъ, кровь неотмщеннаго покрывается росой. Медъ и полынь — сладкое и горькое.

**) Подобные набѣги всегда совершались врасплохъ, и преимущественно раннимъ утромъ, когда сонъ одолѣваетъ всякаго сильнѣе.

***) Собираясь на кровомщенье, арабы давали обѣтъ не пить вина, не стричь волосъ и избѣгать сообщества женщинъ, пока не исполнятъ своего долга.

Digitized by Google

своихъ копытъ; онъ сбрасываетъ съ своей спины легкаго юношу и крутитъ наскаку плащемъ пожилаго, тяжелаго всадника; онъ извивается, будто круглая игрушка дитяти, прорѣзанная по срединѣ и быстро вращаемая руками на прицѣпленной ниткѣ. У него бока газели, ноги страуса, побѣжка—волка, прискочка—молодой лисицы, и широкія его бедра, когда смотришь на него сзади, замыкаются прямымъ, пушистымъ хвостомъ, который волочится до земли. Когда онъ стоитъ на привязи у моей палатки, обѣ стороны его спины лоснятся, будто камни, на которыхъ растираютъ благовонія для молодой невѣсты, или остались выжимки колокинта; кровь изловленныхъ звѣрей струится по шеѣ его, словно „хена“ [1]), какою красятъ сѣдины старика. Намъ попалось стадо дикихъ ословъ; ихъ самки выступали гордо, какъ дѣвицы ходятъ вокругъ идола Дувара [2]), въ длинныхъ платьяхъ, и мой конь принялся бѣгать попеременно то между самцами, то между самками, не освѣжаясь водой и не купаясь. Подъ вечеръ мы воротились съ охоты. Глаза мои не могли налюбоваться вдоволь на моего коня; на немъ ночуютъ и сѣдло, и узда; онъ отдыхаетъ, стоя предо мной, не трогаясь съ мѣста для посылокъ!“...

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же поэтъ оплакиваетъ въ формѣ элегіи кратковременную человѣческую жизнь [3]):

„Вижу, мы быстрыми шагами идемъ къ таинственной смерти; но очарованы, преданы пищѣ и питью. Мы слабы, будто воробьи, мухи, черви; но на злое мы болѣе дерзки, нежели волки, гоняющіеся за добычей. Мой духъ всегда былъ обращенъ на благородныя страсти; я старался обогатиться ими, и ты, женщина, укоряющая меня, оставь свои укоры, меня извинятъ и собственный мой опытъ, и воспоминаніе о моихъ предкахъ. Мое происхожденіе связано съ происхожденіемъ отъ Адама, и вотъ, предстоящая смерть похищаетъ мою юность; она похититъ, безъ сомнѣнія, и мою душу, и мое тѣло, и быстро пригвоздитъ меня къ землѣ. Развѣ я не истомилъ своего верблюда, гоняясь на немъ по широкой и длинной пустынѣ, гдѣ свѣтится только одно марево, — призракъ воды? Развѣ не разъѣзжалъ я въ толпѣ наѣздниковъ, добиваясь плода, сопряженнаго съ страшными опасностями? Довольно я покружился въ нашемъ мірѣ, и теперь, вмѣсто всякой добычи, считаю за счастіе, что возвращаюсь (невредимъ). Могу-ли я надѣяться, что перемѣнчивая судьба поступитъ со мною кротко, когда уже скончался князь Гаресъ, сынъ Амра, и мой родитель Ходжръ, славный владѣлецъ палатокъ—судьба, которая не щадитъ даже твердыя скалы? И вотъ, вскорѣ, я знаю, смерть впуститъ въ меня свои острые когти и зубы также, какъ она поступила съ моимъ отцемъ Ходжромъ, съ моимъ дѣдомъ и съ тѣмъ, кто убитъ при Колябѣ [4])“.

Вся жизнь этого князя, прозваннаго Меликъ-Зиллиль—блуждающій князь, прошла въ странныхъ приключеніяхъ. Изгнанный своимъ отцемъ Ходжромъ изъ племени Кинда, Имри-ль-Кайсъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, принужденъ былъ блуждать изъ мѣста въ мѣсто, иногда торжествуя надъ непріятелями, всего же чаще испытывая

---

[1]) Lawsonia inermis. Восточные жители красятъ хеною и руки, и ногти. Подобное щегольство особенно въ ходу у персіянъ, которые красятъ даже домашнихъ животныхъ, напр., овецъ.

[2]) Это слова араба-язычника, хотя и современника Мугаммеда.

[3]) Le Diwan d'Amrol'Kais... par Mac Guckin de Slane, Paris, 1837, стр. 33 арабскаго текста.

[4]) Колябъ — мѣстечко большой битвы, гдѣ былъ убитъ Шарахбиль, дядя нашего поэта

Digitized by Google

пораженіе. Наконецъ, обстоятельства заставили его искать покровительства у греческаго императора, который принялъ его благосклонно и съ большимъ почетомъ; но одинъ арабъ, изъ колѣна Асадъ, по имени Таммà, желая отмстить Имри-ль-Кайсу за своего убитаго брата, старался возстановить императора противъ поэта. Таммà внушилъ императору, будто Имри-ль-Кайсъ вступилъ въ связь съ его дочерью и будто-бы на это обстоятельство у него водятся и стихи. Императоръ послалъ поэту платье, шитое золотомъ, но пропитанное сильнымъ ядомъ. Имри-ль-Кайсъ съ радостью надѣлъ жалованное платье, и вскорѣ ядъ произвелъ свое дѣйствіе; кожа Имри-ль-Кайса покрылась язвами, потому-то онъ получилъ прозвище *Зу-ль-Курухъ*,— «*человѣкъ, покрытый струпьями*». Проболѣвъ нѣсколько времени, поэтъ скончался въ городѣ Анкирѣ и тамъ-же похороненъ у подошвы горы Асибъ.

Другой поэтъ, авторъ одной изъ «моаллака», привѣшенныхъ къ мекскому храму поэмъ, особенно извѣстенъ подробнымъ описаніемъ верблюда. Это второй, въ группѣ семи поэтовъ «моаллака», именно Тàрафа, сынъ Абда, изъ колѣна Бекръ. Его поэма составлена, какъ полагаетъ ученый Рейске, между первымъ и восьмымъ годами жизни Мугаммеда, хотя и нѣтъ на то ясныхъ, положительныхъ доказательствъ. Беззаботное веселье, разгулъ, который тамъ и сямъ воспѣтъ Тарафой въ его моаллака, едва не повредили ему, потому-что молодой человѣкъ совершенно пренебрегалъ своей обязанностью сторожить табуны верблюдовъ, которыхъ отогнали у него арабы изъ племени Модзаръ; но стихи послужили юношѣ на пользу. Тарафа похвалилъ въ своей моаллака одного богатаго своего родственника, Амру-бенъ-Мортседа, который за это подарилъ ему большое стадо верблюдовъ и тѣмъ избавилъ молодого человѣка отъ нареканій со стороны его домашнихъ.

Приступъ къ моаллака Тарафы изображаетъ картину отъѣзда или перекочевки его любимицы Хаулы. Въ первыхъ десяти стихахъ поэтъ припоминаетъ время, когда она, молодая серна, сидѣла въ «хиджѣ», или паланкинѣ, называемомъ у персіянъ «кюджеве»; затѣмъ, слѣдующіе тридцать-три стиха посвящены описанію дрессированной для усиленныхъ переходовъ верблюдицы, остальные-же пятьдесятъ-семь содержатъ въ себѣ похвалы веселью и вину, описаніе подвиговъ храбрости и щедрости и намекъ на отношенія Тарафы къ его родственникамъ.

Вотъ какъ начинаетъ Тарафа свою поэму:

„Еще замѣтны"—говоритъ онъ,—„слѣды кочевья Хаулы на каменистой равнинѣ Тагмеда; они похожи на остатки узоровъ, наколотыхъ на поверхности руки. Здѣсь-то мои спутники остановились и, подъѣхавъ ко мнѣ на своихъ верблюдахъ, ска-

Digitized by Google

зали: не пропадай съ тоски, подкрѣпи себя! (Но я припомнилъ то) утро, когда верблюжьи паланкины (моей) Малекитки (удалясь отсюда) казались большими лодками, плывущими въ широкомъ руслѣ Дада, лодками адавленскими или судами, построенными рукой Ибнъ-Ямина. Искусный кормчій управляетъ ими, то отклоняя ихъ въ сторону, то снова направляя прямо; а между тѣмъ, ихъ носъ рѣжетъ водяную пѣну, словно угадчикъ-игрокъ дѣлитъ рукою кучки песку [1]). Съ этимъ племенемъ откочевала и моя темногубая газель, которая (вытягивая красивую шею) сбиваетъ ягоды съ растенія „эракъ“ [2]) и щеголяетъ двумя нитями изъ жемчуга и топаза. Бездѣтная, она пасется въ стадѣ газелей, на лѣсистой полянѣ, поѣдаетъ кончики спѣлаго „эрака“ и прикрывается его вѣтками. Красавица улыбается темноватыми губами; ея улыбка походитъ на цвѣтокъ дикой ромашки, выдающійся наружу изъ бугра самаго чистаго, влажнаго песку. Само солнце напоило ее блескомъ своихъ лучей, не коснувшись только десенъ, которыя остались темны, хотя и не посыпаны „кохлемъ“ [3]); само солнце накинуло на ея лицо свою свѣтлую мантію, на лицо чистаго цвѣта, не изрытое морщинами!...“

Поэтъ, кончивъ обычный современный приступъ, начинаетъ описывать свою верблюдицу:

„Но я умѣю прогонять свою тоску, при ея появленіи. Я сажусь тогда на исхудалую отъ дальнихъ переходовъ, поджарую верблюдицу [4]), которая бѣжитъ рысью и вечеромъ, и по-утру. Надежная, какъ доски у носилокъ, она рыскаетъ подъ моимъ бичемъ по торной, узорчатой, словно пестрый плащъ, дорогѣ; она не уступаетъ благороднѣйшимъ скаковымъ самцамъ-верблюдамъ и на утоптанной тропѣ попадаетъ задней ногой въ тоже мѣсто, куда ступила ея передняя нога. Весной она выгуливается между двухъ холмовъ, вмѣстѣ съ другими стельными верблюдицами, и рветъ траву зеленаго, сочнаго луга, влажнаго отъ весеннихъ дождей; она послушна крику погонщика; она отмахивается своимъ густымъ хвостомъ отъ темно-бураго самца, покрытаго попоной,—хвостомъ, похожимъ на прямой сучекъ пальмы, по бокамъ котораго прикрѣплено по орлиному крылу, и верблюдица бьетъ имъ то по сидящему сзади сѣдоку, то по исхудалымъ, высохшимъ, будто кожаный мѣхъ, своимъ сосцамъ. У ней твердыя, мясистыя бедра, словно двѣ колонны высокаго дворца, у ней нѣжные спинные позвонки, ребра выгнуты лукомъ, затылокъ покрытъ расположенными въ ряды складками кожи; крѣпкая, какъ мостъ греческой постройки, архитекторъ котораго поклялся, что непремѣнно свяжетъ его со всѣхъ сторонъ прочнымъ цементомъ, верблюдица съ бурыми волосами подъ бородой, съ твердымъ хребтомъ, она далеко откидываетъ заднія ноги и быстро перебираетъ передними; она ходитъ нѣсколько на бокъ, бѣжитъ проворно, большеголовая, и веревки такъ же мало оставляютъ свой слѣдъ на ея бокахъ, какъ ручейки на гладкой поверхности каменника: онѣ то покажутся, то скроются, словно бѣлыя тесемки на разорванномъ вдоль платьѣ. Она быстро ворочаетъ свою шею,

---

[1]) Намекъ на игру, называемую *фиялъ* (угадка). Игроки насыпаютъ кучки песку и кто-нибудь прячетъ въ одну кучку какую-либо вещь. Партнеръ долженъ угадать—въ какой кучкѣ спрятана вещь, которая, въ случаѣ отгадки, принадлежитъ ему.

[2]) *Эракъ*—общее названіе для кустарника изъ рода *химъ*. Почти зрѣлое—это растеніе называется *бериръ*, а совсѣмъ зрѣлое *мердъ*. Шея животнаго, съ которымъ здѣсь сравнивается красавица, особенно красива, когда оно тянется кверху доставать ягоды съ дерева.

[3]) Арабы хвалятъ въ женщинахъ темный цвѣтъ десенъ. Арабское слово „кохль“ равняется персидскому „сюрьма“, названіе антимонія.

[4]) Чаще всего для поѣздокъ и набѣговъ дрессировались верблюдицы, способныя легче выносить трудность переѣздовъ.

Digitized by Google

словно корму лодки, плывущей по рѣкѣ Тигру. Черепъ ея походитъ на наковальню, и кто дотронется до него, тотъ прикоснется словно къ зубцамъ пилы (по причинѣ жесткой кожи); щеки походятъ на сирійскій киртасъ *), губы будто выдѣланы изъ еменской кожи, которая не морщится; глаза сверкаютъ, какъ два зеркала, вставленныя во впадинахъ глазныхъ костей, твердыхъ, точно скала, въ которой выдолблены ямины для водопоя; они не допускаютъ до себя ни соринки, какъ два черныхъ зрачка испуганной дикой коровы, матери теленка **). Оба уха ея вѣрно различаютъ тихій ночной шелестъ и сильный голосъ во время ночнаго перехода: они чутки, по нимъ можно узнать ея благородную породу, они походятъ на уши дикаго быка, одиноко пасущагося въ Хаумалѣ. Сердце ея бьется, дрожитъ; оно легко и вмѣстѣ съ тѣмъ плотно, какъ отломокъ скалы, который колотится о жесткій плитнякъ. Если я захочу, верблюдица закидываетъ голову до средины сѣдла и бѣжитъ со скоростью страуса; если захочу, она оставляетъ рысистый бѣгъ или снова пускается рысью, боясь ременной, крѣпко скрученной плети. Верхняя губа ея словно разсѣчена, и когда верблюдица нагибается носомъ къ землѣ, то еще болѣе усиливаетъ свой ходъ. На этой-то верблюдицѣ я разъѣзжаю по такимъ мѣстамъ, гдѣ мой спутникъ скажетъ: о еслибъ я могъ вывести и тебя и самого себя изъ страшной пустыни—а между тѣмъ испугъ овладѣлъ-бы его духомъ и спутникъ мой считалъ-бы себя уже погибшимъ отъ жажды и изнуренія, хотя на ту пору и не случилось-бы противъ него никакой непріятельской засады. Когда говорятъ: кто-же можетъ разъѣзжать по такой пустынѣ? Я думаю, что разумѣютъ меня, и не отступаюсь отъ своего намѣренія, какъ сдѣлалъ-бы человѣкъ неопытный: я замахиваюсь плетью на верблюдицу, и она быстро бѣжитъ даже и въ ту знойную пору, когда марево колышется по раскаленному солнцемъ каменнику; она заметаетъ пыль своимъ хвостомъ, какъ гордо выступающая служанка на пиру, что̀ машетъ передъ хозяиномъ длинными концами своего бѣлаго платья.

„Я не изъ тѣхъ, что избираютъ для своего жилья низменныя мѣста, чтобы гость ихъ не примѣтилъ—напротивъ, если у меня просятъ помощи, я помогаю. Будешь искать меня въ кругу совѣщающагося люда, ты найдешь меня тамъ, захочешь изловить меня въ винной лавочкѣ, ты поймаешь меня и тамъ; если пожалуешь ко мнѣ, я напою тебя поутру обильной чашей вина, которую ты можешь выпить и вторично. Когда кочевыя племена начнутъ хвастаться другъ передъ другомъ своею родословной, ты увидишь, что я принадлежу къ благороднѣйшей палаткѣ, которую стремятся посѣщать всѣ люди; мои собесѣдники, какъ ясныя звѣзды; намъ предстоитъ прекрасная пѣвица, одѣтая по-вечеру въ платье шафраннаго цвѣта, съ широкимъ воротомъ, откуда виднѣются ***) красивыя очертанія ея шеи и груди, плѣнительныя для моихъ собесѣдниковъ. Когда мы скажемъ ей: „пропой намъ что-нибудь“, она начинаетъ пѣть томнымъ голосомъ, потупившись въ землю—и перекаты ея голоса походятъ на отголоски стоновъ верблюдицы, лишившейся своего весенняго первенца“.

Здѣсь Тарафа переходитъ собственно къ своимъ личнымъ, родовымъ отношеніямъ.

„Я не переставалъ пить вино, веселиться, продавать свое имущество и проматывать все нажитое мною лично и отцовское, пока вся семья не отступилась

*) Слово, вѣроятно образовавшееся изъ греческаго и, быть можетъ, означающее пергаментъ или другой родъ бумаги.

**) По замѣчанію комментатора Нахаса, это дикая корова въ испугѣ широко растворяетъ свои зрачки.

***) Мы нѣсколько смягчаемъ въ этомъ мѣстѣ жесткія выраженія сына пустыни.

Digitized by Google

отъ меня и не покинула совсѣмъ одного, словно чесоточнаго верблюда *); но между тѣмъ, я вижу, что меня не забываютъ ни бѣдняки, ни хозяева большихъ шатровъ. Ты, укоряющій меня въ томъ, что я присутствую на битвахъ и предаюсь удовольствіямъ, — развѣ ты можешь доставить мнѣ безсмертіе? Если же ты не въ силахъ отразить отъ меня смерть, такъ дозволь мнѣ упредить ее расточеніемъ моего имущества. Если бы меня не веселили въ жизни три предмета, которые составляютъ удовольствіе юноши, то я ни мало-бы не заботился—клянусь тебѣ—когда придутъ оплакивать мою кончину; именно, я стараюсь предупредить укоры моихъ родныхъ, выпивая красное вино, которое пѣнится, будучи смѣшано съ водой, потомъ—я стремительно бросаюсь на коня, когда прибѣгающій подъ мою защиту проситъ о помощи—на коня, подобнаго волку, засѣвшему въ кустарникѣ, и въ третьихъ, я люблю коротать облачные дни въ сообществѣ красивыхъ женщинъ, бесѣдуя съ ними въ палаткѣ женщинъ, украшенныхъ запястьями на рукахъ и на ногахъ. Человѣкъ щедрый поитъ виномъ свою душу еще и въ этой жизни—узнаешь, когда мы умремъ, кто изъ насъ больше чувствуетъ жажду. Вотъ я вижу: могила скупца, который щадитъ свое имѣніе, совершенно одинакова съ могилой весельчака-расточителя; замѣтны лишь двѣ насыпи, на которыхъ положены твердыя плиты рядъ надъ рядомъ. Вижу, смерть выбираетъ себѣ благороднѣйшаго и отнимаетъ лучшее имущество у гнуснаго скупца; вижу, жизнь походитъ на сокровище, которое уменьшается съ каждой ночью, а что сокращаютъ дни, то гибнетъ на вѣки.

„Но что-же это со мной? Я вижу: Маликъ, сынъ моего дяди, убѣгаетъ, отдаляется отъ меня, когда я стараюсь приблизиться къ нему. Онъ осыпаетъ меня укорами, и я не знаю, за что̀ онъ коритъ меня, равно какъ укоряетъ меня и Кортъ, сынъ Аабада; онъ лишилъ меня своего добраго расположенія, какъ будто мы закопали всѣ наши отношенія въ могилу. За что-же? Развѣ за то, что я отыскивалъ и сторожилъ верблюдовъ Маабеда? Обиды родныхъ наносятъ болѣе тяжкія раны, нежели взмахъ острой индійской сабли. Такъ оставь меня при моихъ наклонностяхъ; я благодаренъ тебѣ и переношу свою палатку далеко отъ тебя, въ Даргадъ. Вы знаете, я человѣкъ легкій, поджарый, человѣкъ быстрый и подвижной, словно голова разъяренной змѣи **). Клянусь, я никогда не отвязываю отъ своего бока тонкаго, двулезвейнаго, индійскаго меча, такого остраго, что когда я бросаюсь съ нимъ на помощь кому-либо, то не нужно повторять ударъ; это не тотъ мечъ, которымъ рубятъ дерево, это мой довѣренный братъ — онъ бьетъ навѣрняка, и если ему говорятъ „потише“, онъ отвѣчаетъ: я уже покончилъ свое дѣло. Когда люди спѣшатъ взяться за оружіе, ты увидишь меня неприступнымъ, если я захвачу рукоять этого меча...

„Итакъ, когда я умру, о дочь моего брата Маабеда, ты оплачь мою кончину, какъ я того заслуживаю, и растерзай съ печали обо мнѣ свое платье. Не выставляй меня мужемъ, котораго мысль не равняется моей мысли, котораго труды не приносили-бы такой-же пользы въ битвахъ и совѣщаніяхъ: медленнымъ на доблестныя дѣла, скорымъ на низости, ничтожнымъ въ собраніяхъ мужей, исключеннымъ изъ ихъ кружка̀; потому-что, еслибъ я былъ безъ славнаго имени среди воиновъ, то мнѣ повредила-бы непріязнь моихъ недруговъ, и вмѣстѣ, и по одиночкѣ. Но враговъ отгоняютъ отъ меня моя смѣлость, моя отвага, искренность и благородство происхожденія; клянусь твоей жизнью, ничто не можетъ затруднить

*) Верблюдовъ, пораженныхъ чесоткой, мажутъ дегтемъ или смолою, называемой *жатранъ* (goudron) и удаляютъ отъ стада.

**) Кочевники презираютъ тучныхъ людей, какъ лѣнивыхъ и неспособныхъ къ военнымъ доблестямъ. Подъ эту же категорію они ставятъ и жителей городовъ.

Digitized by Google

меня въ сомнительныхъ обстоятельствахъ ни днемъ, ни ночью, которая не кажется мнѣ въ ту пору слишкомъ долга. Нерѣдко въ битвахъ, оберегая честь своихъ соратниковъ, которымъ грозила опасность, я становился въ такомъ мѣстѣ боя, гдѣ каждый страшится гибели, гдѣ у каждаго отъ ужаса занимается духъ; нерѣдко, сидя у огня, я участвовалъ въ азартной игрѣ жеребейными желтыми стрѣлами *), которыя вынималъ довѣренный партнёръ; но время обнаружитъ предъ тобой то, чего ты не вѣдаешь, и дастъ тебѣ вѣсти о томъ, кого ты и не снабжалъ пищей; время сообщитъ тебѣ о томъ, кому ты ничего никогда не продавалъ, кому не назначалъ условнаго времени для передачи вѣстей."

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе семи моаллакъ, исключая двухъ послѣднихъ: Амру-бенъ-Кюльтума и Хареса-бенъ-Хеллизы. Ихъ можно назвать судейскими рѣчами; рѣчь Амру является какъ-бы обвиненіемъ со стороны его племени Таглебъ, рѣчь Хареса кажется оправданіемъ со стороны племени Бекръ. Оба поэта произнесли свои поэмы предъ лицомъ гирскаго государя Амру-сына-Гинды.

Бекръ и Таглебъ, родоначальники того и другого племени, были родные братья, сыновья Ваеля-бенъ-Кàсета. Потомки ихъ не задолго до Мугаммеда вели между собой жестокую войну, продолжавшуюся сорокъ лѣтъ, за убійство верблюдицы у старухи Басусъ. Эта гибельная борьба, гдѣ главную роль играло знаменитое степное „право кровомщенья", окончилась примиреніемъ бекритовъ и таглебитовъ; но вражда едва было не возгорѣлась снова. Арабы изъ племени Таглебъ въ сухой годъ пришли отыскивать воды въ мѣстахъ, гдѣ кочевало племя Бекръ; но бекриты прогнали своихъ родичей и на обратномъ пути семьдесятъ таглебитовъ погибли въ пустынѣ отъ жажды. Вслѣдствіе такой обиды, племя Таглебъ снова начало готовиться къ войнѣ; однако недавняя сорокалѣтняя борьба еще была у всѣхъ въ свѣжей памяти, такъ что обѣ тяжущіяся стороны рѣшились прибѣгнуть къ посредничеству гирскаго государя Амру, сыну Мондзира отъ Гинды; Амру способствовалъ возстановленію мира, и племена Бекръ и Таглебъ уполномочили своихъ поэтовъ Хареса, сына Хиллизы, и Амру-бенъ-Кюльтума произнести „моаллаки" въ защиту своихъ правъ. Амру-Таглебитъ произнесъ свою моаллаку первый: онъ говорилъ съ самоувѣренностью, съ насмѣшкой высчиталъ неудачи бекритовъ, хвалилъ храбрость и могущество своего племени и заключилъ свою поэтическую рѣчь словами: „Міръ и все, что въ немъ, это—наше; когда мы нападаемъ, мы нападаемъ со всей энергіей. Предъ нашими дѣтьми, едва только отнятыми отъ груди, уже кланяются до земли самые безстрашные герои!"...

Благоразумный его противникъ Харесъ отвѣчалъ кротко на гордую рѣчь Амру, высчитывая извѣстные всѣмъ случаи предшествовавшей войны. Говорятъ, онъ съ такимъ жаромъ продекламировалъ свое оправдательное слово, что даже не почувствовалъ какъ тетива лука, на который онъ опирался стоя, врѣзалась ему въ руку. „До насъ дошли,—говорилъ онъ,—тяжелые слухи и вѣсти, которые огорчили, опечалили насъ. Мы слышимъ, что наши братья „Пестрыя Змѣи" (прозваніе одной фамиліи въ племени Таглебъ) взводятъ на насъ небывальщину въ своихъ рѣчахъ и смѣшиваютъ невиннаго изъ насъ съ виновнымъ, такъ что невинность не помогаетъ безвинному; они выставляютъ на видъ, что всякій, кто билъ ихъ князя Колейба,—нашъ родичъ и что мы помогали ему въ этомъ дѣлѣ.

*) Игра стрѣлами, называемая „кыдахъ", состояла въ томъ, что на каждой стрѣлѣ дѣлалась надпись о стоимости предмета. Затѣмъ стрѣла вынималась изъ ряда стрѣлъ наугадъ, рукой посторонняго лица, и по надписи приносила выигрышъ или проигрышъ.

Digitized by Google

Задумавъ свой набѣгъ съ вечера, они встали по-утру и вмѣстѣ съ ними проснулись военный кличъ, шумъ зовущихъ и отвѣчающихъ, ржаніе коней и смѣшанное съ нимъ рычаніе верблюдовъ. Ахъ, говорунъ, ты хочешь „расписать" насъ предъ Амру, но развѣ есть этому основаніе? Ты не воображай унизить насъ своей клеветой, потому-что и прежде того насъ старались „расписывать" непріятели; но несмотря на всю ихъ ненависть, насъ ограждали твердыя укрѣпленія и необоримая слава; онѣ и прежде этого сидѣли, какъ бѣльмо на глазу у нашихъ недруговъ, вслѣдствіе гнѣва и зависти. Когда на насъ обрушивались невзгоды, то встрѣчали въ насъ словно гребень черной горы, о который рѣжутся тучи, а онъ выстаиваетъ, угрюмый, противъ всѣхъ перемѣнъ и не слабѣетъ отъ ударовъ времени.

„Скажите, о комъ вы слышали, кто былъ-бы выше насъ доблестями? Развѣ вамъ невѣдомы тѣ дни, когда люди шли войной другъ на друга и когда каждое племя издавало военный кличъ? когда мы погнали своихъ верблюдовъ скорымъ ходомъ отъ пальмъ Бахрейна и до самаго Эль-Хиса, потомъ ударили на племя Тамимъ и съ наступленіемъ священнаго мѣсяца, когда не позволяется воевать *), дочери этого племени уже были нашими рабынями... Вы, обольщенные самомнѣніемъ, вызвали насъ на войну, и ваша дерзкая воля повлекла колѣно Бекръ противъ васъ; однако бекриты не напали на васъ врасплохъ: полуденное марево показало вамъ ихъ издалека! Говорунъ, ты стараешься оклеветать насъ предъ Амру —да будетъ-ли этому конецъ? Вотъ здѣсь государь, которому извѣстны три нашихъ доблестныхъ подвига, и въ каждомъ изъ нихъ найдется достаточное доказательство. Доказательствомъ тому восточная полоса между двухъ песчаныхъ пространствъ, когда явилось сюда племя Мааддъ и каждое колѣно пришло съ своими знаменами, собравшись около Химъярскаго князя Кайса. Ратники, одѣтые въ кольчуги, шли подъ начальствомъ еменскаго князя, похожаго на бѣлую скалу. Сколько мы прогнали назадъ молодыхъ людей, рожденныхъ отъ благородныхъ женъ, юношей, которыхъ ничто не могло сдерживать, кромѣ блестящаго длиннаго меча! Кровь ихъ лилась, какъ вода изъ отверстія мѣха; мы ихъ гнали копьями до утесовъ горы Тахланъ, такъ что бедра ихъ покрылись кровью; мы пускали имъ прямо въ лобъ дротики, которые дрожали въ непріятельскихъ тѣлахъ, словно бадьи въ глубокихъ колодцахъ! Мы поступили съ ними, какъ вѣдаетъ о томъ Богъ, и кровь погубленныхъ нами осталась безъ отмщенья. Потомъ мы убили Ходжра, сына Оммъ-Катàмы, предводителя персидскихъ ратниковъ, покрытыхъ ржавыми отъ частаго употребленія кольчугами; то былъ желтый звучно шагающій левъ во время боя, то была настоящая весна, когда наступалъ пыльный голодный годъ. Мы сняли оковы съ Имри-ль-Кайса, послѣ его долгаго заточенія и бѣдствій... Оставьте же свою гордость и мнимое ослѣпленіе, таглебиты; если-же снова притворитесь слѣпыми, это будетъ уже болѣзнь; вспомните союзъ, заключенный съ нами въ Зу-ль-Меджазѣ и всѣ его условія и ручательства **) чтобъ воздерживаться отъ несправедливости и отъ насилій. Неужели людскія страсти

*) Чтобы дать мѣсто общему примиренію, хотя на нѣкоторое время, арабы-язычники признавали четыре мѣсяца въ году, какъ святыню. Въ теченіе ихъ пріостанавливались всѣ непріязненныя дѣйствія арабскихъ колѣнъ; каждый воинъ снималъ наконечникъ съ копейнаго ратовища, и убійца не могъ опасаться кровомщенья со стороны родственниковъ своей жертвы. Обычай, отчасти напоминающій средневѣковое „treuga Dei" или „treuga Domini". Впрочемъ, это обыкновеніе не всегда соблюдалось строго, какъ видно изъ приведеннаго стиха.

**) Зу-ль-Меджазъ—названіе мѣстности, гдѣ Амру, сынъ Гинды, помирилъ прежде племена Бекръ и Таглебъ.

Digitized by Google

успѣютъ расторгнуть то, что написано на пергаментѣ? Знайте, что мы и вы, въ тотъ день, когда возникли между нами несогласія и когда мы заключили договоръ, были совершенно равны; а пустое, несправедливое дѣло походитъ на то, еслибъ кто закололъ, вмѣсто любимой овечки, дикую козу. Развѣ къ намъ относится преступленіе племени Кинда, что ихъ предводитель отогналъ у васъ ваши стада? Развѣ мы должны расплачиваться за это? Развѣ намъ вмѣняется вина Ибада, какъ будто къ тяжести, навьюченной на верблюда, слѣдуетъ прицѣпить еще тяжесть? Неужели на насъ падаютъ проступки племени Бени-Атикъ? Мы совсѣмъ не причастны вашей винѣ, если вы дѣйствовали коварно. На васъ напали восемьдесятъ воиновъ изъ племени Тамимъ съ смертоносными наконечниками на копейныхъ ратовищахъ; они изрубили въ куски вашихъ ратниковъ и воротились, уводя съ собой захваченныя стада, при оглушительномъ пѣніи погонщиковъ. Ужели намъ должно приписать вину племени Бени-Ханифа или нападеніе ратниковъ, собравшихся въ голодный годъ для добычи? Ужели на насъ лежитъ отвѣтственность за преступленіе племени Кодзàа? Мы отнюдь не покрыты росой ихъ вины. Они пришли потомъ съ просьбой о выдачѣ взятаго у нихъ, но имъ не было возвращено ни бѣлаго, ни черняго верблюда. Наше племя не нападало во время священныхъ мѣсяцевъ на Бени-Ризàхъ, на каменистой мѣстности Нитàа; напротивъ, оно желало имъ добра, а не такъ, какъ вы, таглебиты. Вы напали на нихъ, и потомъ побѣжали съ раздробленными хребтами; вы остались безъ всякаго отмщенья. Послѣ этого на васъ ринулись безпощадные, безжалостные всадники вмѣстѣ съ Аллакомъ, и вотъ государь былъ свидѣтелемъ нашихъ подвиговъ въ день битвы при Хаярейнѣ, когда грозила страшная опасность!"

Въ ряду первоклассныхъ поэтовъ до-мусульманскаго періода мы не можемъ пройти молчаніемъ замѣчательной личности Нàбига-Дзобъяни, котораго ставятъ на равнѣ съ Имри-ль-Кайсомъ, Тàрафой, Аашой и Зогейромъ. Даже самъ набожный халифъ Омаръ, сынъ Хаттаба, восторгался его произведеніями, хотя Набига и не былъ мусульманинъ. Отличительныя черты этого поэта, по мнѣнію арабовъ, состоятъ «въ его роскошномъ языкѣ и въ его стихѣ, который течетъ не прерываясь». Онъ былъ изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые въ періодъ между началомъ мугаммеданства уже вѣровали въ единаго Бога и въ воскресеніе мертвыхъ. Онъ умеръ незадолго до появленія исламизма и можетъ считаться однимъ изъ представителей домусульманской культуры. Этотъ поэтъ жилъ постоянно при дворѣ арабскихъ христіанскихъ князей, гассанскихъ и гирскихъ, поставляя себѣ въ честь говорить имъ панегирики. Онъ сознавалъ свой поэтическій даръ; онъ зналъ, что въ Окадзѣ никакой поэтъ не былъ выше его, и въ силу этого считалъ себя панегиристомъ владѣтельныхъ лицъ.

Сочиненія Нàбига не только возбуждали общее удивленіе, но даже послужили къ тому, что онъ былъ избираемъ посредникомъ даже своими сотоварищами по стихотворству. Ежегодно во время Окадзской ярмарки для Нàбига раскидывали палатку изъ овечьихъ кожъ; тамъ онъ произносилъ свои приговоры, и лучшіе поэты старались заискивать его одобреніе. Между поэтами, которые признавали

Digitized by Google

превосходство Нáбига, мы упомянемъ о Джарирѣ и его современникѣ Ахталѣ, по мнѣнію арабовъ, не уступающему Нáбигѣ въ энергіи и звучности стиха.

Чтобы дать понятіе о такомъ первоклассномъ поэтѣ до-мусульманскаго періода, мы приведемъ здѣсь одну изъ его «касыдъ» (піесъ). Начало ея нѣсколько сходно съ поэмой Кааба-бенъ-Зогейра, какъ увидимъ далѣе:

„Соáда покинула меня; связи ея со мною порваны. Теперь она остановилась въ Шúраа и въ долинѣ Идама. Единственная изъ племени Ялú, и если мое сердце сокрушается за нее, такъ это просто или глупость, или какой-то ночной бредъ. Ея пяты, когда она оборачивается, не то, что пяты негритянокъ или торговокъ горшками въ Нáхла. Красивая, лучшая изъ всѣхъ, ходящихъ по землѣ, и самая усладительная собесѣдница. „Вотъ я вижу",—говорила она, „ты сдѣлался братомъ верблюжьяго сѣдла и осѣдланной верблюдицы *); ты идешь на гибель и не достигнешь старости". — „Господь да сохранитъ тебя", — отвѣчалъ я: „не все же намъ веселиться съ женщинами; долгъ налагаетъ на насъ свои обязанности. Мы быстро садимся на взнузданныхъ верблюдицъ, съ упованіемъ на Господа; мы исполняемъ дѣла благочестія и добываемъ себѣ насущную пищу. Чтоже ты не спрашиваешь у Бени-Дзобъянъ на счетъ моего почета, которымъ я пользуюсь, когда дымъ отъ приготовляемыхъ кушаній охватываетъ меня (т.-е. когда я готовлю кушанье для гостей); когда дуетъ вѣтеръ со стороны Зи-Уруля, который гонитъ ночью стадо пыли, пыли темнобурой, на мѣстность Тинъ, и нѣтъ ни капли дождя? Всякій изъ нихъ, если онъ благоразуменъ и свѣдущъ (а несвѣдущій не сравняется съ знающимъ), скажетъ тебѣ, что я отличный игрокъ въ азартныя игры (въ кости), что я отдаю своимъ партнерамъ, что̀ остается отъ игры, что угощаю ихъ обильными блюдами и пересѣкаю широкую пустыню на шальной верблюдицѣ, которая, утомясь, жалуется на усталость и на свое безвременье. Она чуть-чуть не сбросила съ себя мое сѣдло и мои пожитки въ Зу-ль-Меджазѣ, когда ей еще не встрѣчались верблюды, а только отъ того, что заслышала слова Мекенки, которая, при отъѣздѣ, говорила: „Нѣтъ-ли между вашими всадниками человѣка, который покупалъ-бы кожи?" „Гей?" — сказалъ я этой женщинѣ: — „посторонись, а то моя верблюдица задавитъ тебя, и тогда конецъ торгу". Моя верблюдица провела три ночи, да еще одну въ Зу-ль-Меджазѣ, чтобы посмотрѣть на раѣзсянное здѣсь кочевье, и тогда, съ появленіемъ зари, она побѣжала рысью, будто дикая ослица, которую преслѣдуетъ жадный охотникъ. Испуганная, она кинулась бѣжать, когда завидѣла черные пни сгнившихъ деревьевъ; она побѣжала, какъ служанка, набравшая по-утру вязанку дровъ, или какъ дикій быкъ, который, въ холодную пору, ищетъ себѣ гдѣ-нибудь пріюта; онъ останавливается на песчаномъ бугрѣ Баккàра; бугоръ осыпается подъ его ногами, а онъ уперся рогами и лбомъ противъ вѣтра и въ этомъ положеніи походитъ на кузнеца, который присядаетъ, чтобы сильнѣе дуть на уголья. Такъ онъ остается до утра. Тогда-то бросается онъ, будто вынутая изъ ноженъ сабля, отыскивая кремнистыхъ долинъ и холмовъ Лубнана."

Мы подходимъ къ тому періоду арабской литературы, который

*) Слово *братъ* въ арабскомъ языкѣ означаетъ человѣка, преданнаго дѣлу или занятяго какимъ-либо дѣломъ. И такъ, *братъ пути*—путешественникъ, братъ *верблюжьяго сѣдла* — ѣдущій на сѣдлѣ верблюда и т. п.

Digitized by Google

служитъ какъ-бы гранью между старымъ и новымъ порядкомъ политическаго быта Аравіи. Крутой переворотъ, совершонный Мугаммедомъ, сыномъ Абдаллы, открылъ арабамъ совершенно новый путь къ дѣятельности, и поэты-язычники, волей-неволей, должны были покориться мысли одного лица — проповѣдника и провозвѣстника идей, хотя давно пустившихъ корни въ Аравіи, однако еще непризнанныхъ всенародно, цѣлою націей. Ученіе Мугаммеда возникло на туземныхъ, освященныхъ давностью, обычаяхъ, съ примѣсью нововведеній, которыя, конечно, были необходимы реформатору.

Идолопоклонство и сабеизмъ, или поклоненіе свѣтиламъ, развились въ Аравіи еще за-долго до Мугаммеда: различныя племена покланялись избраннымъ звѣздамъ, и, кромѣ того, часто каждое семейство имѣло домашнихъ божковъ, которымъ посвящалась часть имѣнія или военной добычи. Впрочемъ, арабамъ-сабеямъ не было чуждо понятіе о духѣ, наполняющемъ вселенную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они покланялись и свѣтиламъ, не какъ матеріи, но какъ ангеламъ или существамъ, проявляющимся въ матеріи. Чувственный человѣкъ еще не могъ возвыситься надъ природой: замѣчаемый въ ней порядокъ, перемѣны погоды при восходѣ и закатѣ извѣстныхъ звѣздъ, подтверждаемыя долголѣтнимъ опытомъ, могли укоренить мнѣніе, что свѣтила одушевлены и, какъ существа разумныя, несутъ землѣ жизнь и смерть.

Почитаніе камней (къ числу такихъ камней относится и «черный камень», находящійся въ Каабѣ) возникло со времени Исмаила, потомки котораго, размножившись въ Аравіи, разсѣявались въ разныя стороны, но брали съ родины, въ знакъ памяти, камни и считали ихъ святыней; впослѣдствіи этотъ простой и трогательный обычай послужилъ поводомъ къ идолопоклонству. Арабы имѣли понятіе и воскресеніи о мертвыхъ, но своеобразно; на могилѣ умершаго привязывали верблюдицу, которой не давали ни корму, ни воды; въ день воскресенія долженъ былъ явиться на ней ея бывшій владѣлецъ. Алкоранъ жестоко преслѣдуетъ древнія повѣрья арабовъ, и нигдѣ Мугаммедъ не становится такимъ непреклоннымъ судьей, какъ противъ идолопоклонниковъ, привязанныхъ къ своимъ грубымъ обычаямъ, - какимъ, напримѣръ, было умерщвленіе новорожденныхъ дѣвочекъ, которыхъ язычники-арабы закапывали въ землю живыми, изъ страха бѣдности.

Предъ появленіемъ Мугаммеда, два значительныхъ государства тогдашняго времени, Византія и Персія, уже были сильно потрясены отъ внутреннихъ раздоровъ. Византія, одряхлѣвшая отъ нашествій варваровъ и отъ расколовъ, безпрестанно волнуемая схизматиками, не походила болѣе на хорошо-организованное государство, а скорѣе

Digitized by Google

могла назваться риторскою и богословскою школой. Частые соборы ясно свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ несогласіи церквей на востокѣ и западѣ, особенно со временъ Констанція, который, вмѣсто того, чтобы примирить враждовавшія партіи, еще болѣе раздражилъ ихъ недоступными для человѣческаго ума вопросами. Упадокъ нравовъ отразился на народѣ; столь прославленное правленіе Юстиніана, по словамъ Прокопія, не было такимъ на самомъ дѣлѣ, Самыя громкія дѣла его царствованія совершены Нарзесомъ и Велизаріемъ. Съ одной стороны, аріане, савелліане, несторіанцы и евтихіане, съ другой — Дамасъ и Урсицинъ, оспоривавшіе другъ у друга папскій престолъ, волновали умы и, вслѣдствіе такихъ несогласій, всѣ недовольные слабѣйшихъ партій по необходимости удалялись изъ отечества. Аравія являлась лучшимъ къ тому убѣжищемъ: тамъ еще раньше образовались секты Евіона, Верилла, назареянъ и коллиридіанъ. Такимъ образомъ, христіанство не было новостью для арабовъ.

Персія, въ свою очередь, гибла отъ тѣхъ-же причинъ, какъ и Византія: Манесъ и Маздакъ, въ царствованіе Кобада, объявили себя посланниками неба и проповѣдывали общность женъ и имѣній, говоря, что этимъ средствомъ можно пресѣчь всѣ общественныя смуты. Сынъ Кобада, Ануширванъ-Правосудный, успѣлъ возстановить религію маговъ, но не былъ въ состояніи доставить государству прежняго блеска, а его преемники, занятые домашними спорами, совершенно потрясли Персію и приготовили въ будущемъ торжество для Аравіи.

Никогда обстоятельства не слагались такъ благопріятно въ пользу новоявленнаго арабскаго пророка. Мугаммедъ *), сынъ Абдаллы, родился отъ Эмины **), въ 579 году христіанской эры, въ Меккѣ—матери городовъ; онъ наслѣдовалъ, по кончинѣ отца, только пять верблюдовъ и рабу-абиссинку, но дѣдъ его Абдъ-эль-Моталлебъ взялся воспитать двухмѣсячнаго ребенка, а дядя Абу-Талебъ доставилъ впослѣдствіи случай отличиться въ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. На сороковомъ году возраста Мугаммедъ обнаружилъ свои намѣренія. Трудно рѣшить: особенная-ли настроенность духа и пылкость фантазіи, или холодный житейскій разсчетъ руководили проповѣдникомъ въ его молодости; но, во всякомъ случаѣ, можно сказать

*) Мугаммедъ значитъ *достойный хвалы, славный*. Онъ еще называетъ себя въ Алкоранѣ Ахмедомъ—значеніе этого слова тоже. Примѣняя къ себѣ евангельское *параклетъ* (*утѣшитель*), онъ измѣнилъ его въ *периклитъ*, чтобы доказать, что Спаситель говорилъ въ Евангеліи именно о немъ, *славномъ*, а не объ утѣшителѣ-духѣ.

**) По нѣкоторымъ Эмина была еврейка. Быть можетъ, этимъ обстоятельствомъ и объясняется перевѣсъ еврейскаго элемента въ Алкоранѣ предъ элементомъ христіанскимъ.

Digitized by Google

утвердительно, что стремленія его сначала были чисты, не касались отношеній гражданскихъ, а прямо были направлены къ уничтоженію идолопоклонства, къ обновленію, по его словамъ, древней вѣры Авраамовой — словомъ, къ обнародованію ислама, что̀ значитъ порученіе себя Богу. Углубляясь въ размышленія, онъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ проводилъ въ пещерѣ (Гаръ) и тамъ бесѣдовалъ съ своимъ геніемъ о замышляемой реформѣ; но не имѣя вѣса въ кругу родственниковъ, по недостаточности состоянія, Мугаммедъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Только послѣ выгоднаго супружества онъ началъ дѣйствовать настойчивѣе, и первыми его прозелитами были: невольникъ Зейдъ, жена Хадиджа и Али, сынъ Абу-Талеба, поклявшійся, въ присутствіи Корайшитовъ, защищать его, а первыми гонителями — родственники Абу-Лагебъ и Абу-Суфъянъ, которые называли Мугаммеда безумнымъ поэтомъ и энтузіастомъ. Однако, восторженныя рѣчи пророка, его увлекательная наружность, мужество и терпѣніе торжествовали всюду, такъ что, къ концу его жизни, исламъ совершенно успѣлъ утвердиться въ Меккѣ, Мединѣ (или Ятребѣ) и другихъ мѣстахъ.

Здѣсь мы представимъ только литературныя достоинства «Алкорана», не касаясь ни его ученія, ни его постановленій гражданскихъ и военныхъ. Если вчитаться во всѣ его сто-четырнадцать главъ, называемыхъ *сурами*, то нельзя не замѣтить частыхъ повтореній одного и того же, однихъ и тѣхъ же словъ, какой-то нестройности, разбросанности мыслей—какъ-бы отрывочныхъ импровизацій, особенно въ послѣднихъ главахъ, бо̀льшею частію напоминающихъ риѳмованную прозу (prosa scandens), которую такъ любятъ арабскіе разсказчики и романисты и которая такъ легко удерживается въ памяти, за рѣдкостью письменъ. Темами для бо̀льшей части суръ служили различныя случайныя обстоятельства: споры, выигранное сраженіе, дѣлежъ добычи, семейныя происшествія и т. п.; но изъ каждаго частнаго событія Мугаммедъ выводилъ соотвѣтственное нравоученіе, становившееся закономъ для его послѣдователей, или примѣнялъ къ настоящему уже слышанные имъ разсказы, припоминалъ такіе-же случаи, бывшіе въ старину. Отсюда, впослѣдствіи, возникла темнота, запутанность въ нѣкоторыхъ главахъ Алкорана: что̀ было понятно для современниковъ, то потеряло силу, не будучи утверждено письменно и сохраняясь единственно въ памяти народа. Часто Алкоранъ блистаетъ высокими мыслями ветхаго и новаго завѣтовъ, часто въ немъ встрѣчаются правила нравственности и благочестія, подкрѣпляемыя ссылками на Библію и, наконецъ, статьи судопроизводства. Главною цѣлью Алкорана, говоритъ Голіусъ, было соединить одною религіей какъ разрозненныя племена Аравіи, такъ

Digitized by Google

и чужеземцевъ; но эта цѣль достигнута уже по кончинѣ законодателя.

Каждый стихъ Алкорана мусульмане называютъ *чудомъ* (áетъ), и языкъ этой книги считается образцовымъ относительно арабизма; а между тѣмъ, Мугаммедъ выставляетъ себя *неграмотнымъ* (юмійю), выучившимся читать уже впослѣдствіи у архангела Гавріила; впрочемъ, позднѣйшіе арабскіе писатели не предполагали въ Алкоранѣ подобныхъ достоинствъ слога. Мугаммедъ является поэтомъ именно тамъ, гдѣ онъ гремитъ угрозами противъ невѣрныхъ; здѣсь его поэтическія картины быстро смѣняются одна другою: наблюдателю представляются то разверстое небо и солнце, свивающееся на подобіе пелены въ день страшнаго суда, то горы, убѣгающія вдаль словно *сарабъ* (полуденное марево), то мученія грѣшныхъ, напитанныхъ плодами адскаго дерева «заккумъ» (дерево, плоды котораго походятъ на головы демоновъ), напоенныхъ кипящею водой и вновь жаждущихъ жаждою истомленнаго верблюда. И Мугаммедъ клянется въ непреложности своихъ словъ смоковницей и оливой, Меккой и Синаемъ, небомъ и звѣздою утренней, зарей и священными ночами, землею и всѣмъ, что̀ на ней живетъ, конями, которые мчатся въ битву, выбивая копытами искры, предвѣчною тростью (калямъ для письма) и всѣмъ, что̀ ею написано *). Вотъ образецъ его живой, сильной рѣчи—въ подлинникѣ риѳмованная проза—именно въ главѣ «Закутанный въ мантію». Явившійся Духъ говоритъ пророку, отъ имени Господа:

„Встань, закутанный въ мантію, прославь Господа твоего, очисти свои одежды, бѣги позора, не желай обогатиться; но потерпи ради твоего Владыки! Раздастся трубный звукъ и наступитъ тяжелый день для невѣрныхъ: тогда оставь меня наединѣ съ моимъ твореніемъ (Ибнъ-Могайрою, противникомъ пророка), которому я даровалъ довольство, дѣтей и все, сообразное его желаніямъ. Онъ желаетъ еще бо̀льшаго, но нѣтъ—онъ воспротивился моимъ словамъ (т.-е. словамъ Алкорана), и Я накажу его жестоко! Какъ онъ все обдумалъ, проклятый, какъ хитро дѣйствовалъ! Озираясь кругомъ, онъ нахмурилъ чело, отворотился и сказалъ съ презрѣніемъ: Алкоранъ есть заимствованное чародѣйство, произведеніе человѣка. Мы ввергнемъ его за это въ адскій огонь, но знаешь-ли—что̀ такое адскій огонь? Онъ сожигаетъ, онъ палитъ кожу и его стерегутъ девятнадцать ангеловъ.“

Духъ Гавріилъ, явившись ночью къ Мугаммеду, приказываетъ ему читать. Пророкъ отговаривается неумѣньемъ, и тогда ангелъ велитъ ему повторять за собою слова суры „Сгущенная кровь“ (алакъ):

„Читай во имя твоего Господа, Творца, создавшаго человѣка изъ сгущенной крови! Читай, Господь твой достойный чествованія—Онъ научилъ „каляму“ (употребленію письменной трости), Онъ научилъ человѣка тому, чего этотъ не зналъ. Но человѣкъ выходитъ изъ границъ, когда видитъ себя богатымъ. Ты долженъ возвратиться къ своему Господу. Развѣ ты не видишь человѣка, который запрещаетъ рабу Божію молиться? Развѣ можно считать его идущимъ по прямому

*) Тростью, которою начертаны на вѣчныхъ таблицахъ всѣ предопредѣленія Божіи.

Digitized by Google

пути или приказывающимъ исполнять дѣла благочестія? Развѣ онъ не считаетъ ложными стиховъ Алкорана и не отворачивается? Но развѣ онъ не вѣдаетъ, что Богъ все это видитъ? И если онъ не перестанетъ, мы схватимъ его за переднія кудри, кудри лживыя и грѣшныя; тогда пусть онъ призоветъ своихъ тѣлохранителей, а мы созовемъ свою стражу. И такъ, не повинуйся ему, покланяйся до земли своему Господу и старайся къ нему приблизиться!"

Вопросъ о неграмотности арабскаго пророка, впослѣдствіи выученнаго Гавріиломъ чтенію и письму, приводитъ насъ къ элементамъ арабскаго письма. Гезеніусъ, въ упомянутомъ нами сочиненіи (Scriptur. ling. Phoenic. monumenta), при исчисленіи письменъ, получившихъ начало отъ древнѣйшей финикійской азбуки, между прочимъ обозначаетъ два рода арабскихъ письменъ: одинъ древній, или такъ-называемое письмо химъярское (моснадъ), отъ котораго произошло эѳіопское (абиссинское), и другой, возникшій отъ сирійскаго эстрангело [1]), почеркъ арабскій — куфическій, такъ названный отъ города Куфы и давшій въ свою очередь начало нынѣшнему почерку «несхи». Гезеніусъ полагаетъ, что абиссинцы, по мнѣнію нѣкоторыхъ арабская колонія, приняли искусство письма не прямо отъ финикіянъ, а чрезъ посредство южно-арабскаго племени Химъяръ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ вполнѣ удовлетворительно указать на образцы этой письменности, и хотя путешественникомъ Зеетценомъ привезены снимки подобныхъ письменъ изъ Емена, однако М. А. Лянчи ясно доказалъ, что эти письмена чисто-куфическія [2]). Ученый Сильвестръ-де-Саси разсматривалъ существованіе этого почерка, какъ проблему [3]). Съ другой стороны очень вѣроятно мнѣніе Эд. Покока [4]), что князья племени Химъяръ берегли почеркъ «моснадъ»

[1]) Хотя нѣкоторые выводятъ названіе сирійскаго эстрангело отъ греческаго слова στρογγύλος, *круглый*; однако достовѣрнѣе можно согласиться съ Адлеромъ и Михаэлисомъ на производство этого слова отъ двухъ словъ: арабскаго *инжиль*, или *инджиль*, Евангеліе, и сирійскаго *ситръ*, письмо, что будетъ означать: *почеркъ, которымъ преимущественно писалось Евангеліе*. Это—древнѣйшее сирійское письмо, употреблявшееся главнымъ образомъ до 800 года по Р. Х. Надобно думать, что почеркъ *эстрангело* болѣе употреблялся при заглавіяхъ въ священныхъ книгахъ; тоже можно сказать на счетъ такъ-называемаго двойнаго сирійскаго почерка, гдѣ каждая буква обводится вдвое для красоты и ничуть не разнится отъ крупнаго эстрангело.

[2]) Trattato delle sepolcrali iscrizioni in Cufica tamurea e nischia lettera... composto dal cavaliere M. A. Lanci. Lucca. 1840 Стр. 188—192.

[3]) Mémoires sur diverses antiquités de la Perse. Paris, 1793.

[4]) Pockok. Specimen historiae Arab., стр. 155. Библіографъ Хаджи-Хальфа приписываетъ даже изобрѣтеніе арабскихъ письменъ Химъяру, сыну Саба, пятому преемнику Іоктана, сына Еверова, въ Еменѣ, по словамъ историка Абульфеды. Это Кахтаново (Іоктаново) племя, утвердившееся въ Еменѣ, собственно и слыло у мусульманскихъ писателей подъ именемъ „арабъ-эль-арибе", арабовъ природныхъ, которые, какъ видно, не разъ должны были входить въ непріязненныя столкновенія съ племенами Хеджаза и покорялись владычеству абиссинцевъ. Впрочемъ, большая часть до-исламическаго періода исторіи арабовъ лишена хронологіи и основывается на народныхъ преданіяхъ и по-

Digitized by Google

какъ святыню, и не позволяли другимъ пользоваться этимъ сокровищемъ иначе, какъ съ ихъ согласія; слѣдовательно, подобное письмо скорѣе можно-бы назвать достояніемъ касты, высшаго сословія. Буквы «моснада», надобно полагать, разнились совершенно отъ куфическаго почерка, и потому арабскіе авторы различаютъ эти двѣ письменности, хотя у позднѣйшихъ арабовъ почти всякая, непонятная для нихъ, грамота, выраженная несвязанными буквами, слыла подъ именемъ грамоты химъярской. Уже во всемъ Еменѣ предъ началомъ ислама, по словамъ біографа Ибнъ-Халлекана, не оставалось никого, кто умѣлъ-бы читать и писать (вѣроятно по-химъярски или во всемъ Еменѣ, какъ полагаетъ Сильвестръ-де-Саси). Но здѣсь расходятся взгляды ученыхъ Гезеніуса и Сильвестра-де-Саси: первый думаетъ, что почеркъ «моснадъ», во всемъ похожій на извѣстное абиссинское письмо, происходитъ отъ древне-финикійскаго и сообщенъ абиссинцамъ химъяритами, а то обстоятельство, что буквы его пишутся слѣва на право и что къ согласнымъ буквамъ присоединяются гласныя, объясняется будто-бы заимствованіемъ отъ грековъ послѣ временъ Константина; напротивъ, не менѣе сильный авторитетъ въ подобномъ вопросѣ, Сил.-де-Саси, положительно доказываетъ, будто изобрѣтатель эѳіопскаго алфавита подражалъ въ этомъ случаѣ алфавиту греческому, что̀ можно сказать и объ языкѣ египетскомъ. Кирхеръ, цитированный у Сил.-де-Саси, допускаетъ и еще мнѣніе, что письмо эѳіопское (а слѣдовательно и химъярское, если основываться на авторитетѣ де-Саси) одолжено своимъ началомъ сирійскимъ проповѣдникамъ Евангелія, и потому происходитъ отъ священнаго письма эстрангело. Мы считали-бы невполнѣ высказанными мнѣнія о почеркѣ моснадъ, еслибы не присовокупили сюда, что въ трактатѣ Ахмеда, сына Яхъи Еменскаго, названномъ «Цвѣты въ отношеніи правъ чистыхъ имамовъ», находятся образцы химъярской грамоты, а равно и въ персидскомъ сочиненіи «Корабль океана»; но въ этомъ послѣднемъ уже совершенно другіе, не заслуживающіе вѣроятія. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ нельзя допустить, чтобъ арабы за-долго до Мугаммеда оставались безъ письменности: иначе, какъ понимать общій отзывъ арабскихъ писателей на счетъ культуры арабскаго языка, краснорѣчія и поэзіи? Трудолюбивый, добросовѣстный библіографъ Хаджи-Хальфа, въ отдѣлѣ объ арабахъ, выражается такъ: «Ихъ знанія, которыми они могли гордиться, заключались въ вѣдѣніи собственнаго языка, въ «нанизываніи» стиховъ, въ составленіи прозаическихъ отрывковъ,

вѣрьяхъ; этотъ мракъ мало-по-малу разсѣявается предъ появленіемъ Мугаммеда. Приведенное здѣсь мѣсто изъ Хаджи-Хальфы основывается на авторитетѣ Ибнъ-Гешама, умершаго въ 218 году геджры.

Digitized by Google

въ знаніи историческихъ разсказовъ, біографій и хроникъ. Гамедани говоритъ: не возможно знать ни одного историческаго сказанія объ арабахъ и персахъ, кромѣ какъ чрезъ посредство арабовъ. Это потому (слова Гамедани), что кто проживалъ въ Меккѣ, тотъ пріобрѣталъ свѣдѣнія объ арабахъ чистыхъ (т. е. природныхъ) и о людяхъ книги (христіанахъ и евреяхъ). Вступая въ города для торговыхъ сношеній, такіе люди вмѣстѣ съ тѣмъ знакомились и съ разсказами о туземцахъ; такъ, жившіе въ городѣ Гирѣ, въ сосѣдствѣ съ персами, имѣли случай узнать исторію этого народа, сраженія племени Химъяръ и походы ихъ въ разные края. Жившіе въ Сиріи могли разсказывать о дѣяніяхъ римлянъ, израильтянъ и грековъ (юнанъ); кому же приводилось побывать въ Бахрейнѣ и Оманѣ, отъ такихъ людей шли разсказы о Синдѣ, Индустанѣ и Фарсѣ *). Кто жилъ въ Еменѣ, тотъ узнавалъ разсказы: о всѣхъ народахъ, находясь подъ покровительствомъ властителей блуждающихъ (вѣроятно, часто мѣнявшихся). Кромѣ того, арабы были знатоками преданій и удерживали ихъ въ памяти. Чтоже касается до наукъ философскихъ, то Богъ не даровалъ арабамъ ничего изъ этой отрасли знаній и даже не приспособилъ ихъ къ заботѣ о томъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ.»

Хаджи-Хальфа повторилъ здѣсь только мысль Абу-ль-Фараджа**); но не разъяснилъ самаго дѣла касательно вопроса: какимъ-же способомъ письма удерживались въ памяти народа всѣ эти знанія? Оттого Сильвестръ-де-Саси предполагаетъ слабую степень распространенія письменности только у жителей Хеджаза, а въ южной Аравіи, по его мнѣнію, надобно-бы предположить существованіе двоякаго рода письменъ: геезъ или моснадъ (почеркъ эѳіопскій, абиссинскій, амгарскій) и сури (сирійскій); но употребленіе той и другой азбуки прекратилось вслѣдствіе разныхъ политическихъ переворотовъ: изгнанія абиссинцевъ, владычества персовъ, подчиненія химъяридовъ чуждому господству, введенія ислама и новаго почерка, освященнаго Алкораномъ, такъ что представленное нами мнѣніе арабскикъ писателей, будто въ Еменѣ, предъ началомъ мусульманства, не было никого, кто умѣлъ бы читать и писать, можетъ быть пущено въ ходъ лишь съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Все, скасанное доселѣ о почеркѣ моснадъ, примѣняется исключительно къ южной Аравіи. Въ Хеджазѣ и въ другихъ частяхъ арабскаго полуострова этотъ почеркъ, по всей вѣроятности, не былъ распространенъ въ большомъ размѣрѣ и ограниченъ извѣстными пре-

*) Hadji Khalfae, Lex. bibl. et encyclop. I, 75, 76. У Г. Флюгеля, по его переводу, „historiam Persarum“ отнесено ко всей Персіи: намъ кажется, что здѣсь идетъ рѣчь только о провинціи Фарсъ.

**) Pockokii, Specimen hist. Arab., стр. 6 и примѣчанія къ этому мѣсту Эд. Покока.

Digitized by Google

дѣлами. Скорѣе можно допустить вліяніе образованія смежной Сиріи и Палестины, что̀ и оправдывается на самомъ дѣлѣ. Какъ древній химъярскій алфавитъ былъ почеркомъ, какъ мы замѣтили, исключительно высшихъ сословій, письмомъ касты, такъ точно сирійскій эстрангело переродился на сѣверѣ Аравіи въ общенародное письмо, которое, по причинѣ его усовершенствованія въ разныхъ городахъ, преимущественно въ Куфѣ, получило названіе куфическаго.

И такъ, мы осмѣливаемся думать, что почеркъ куфическій нельзя считать новымъ изобрѣтеніемъ: это, по нашему мнѣнію, одно изъ видоизмѣненій (variété) сирійскаго эстрангело, что̀ оказывается достовѣрнымъ при сличеніи алфавитовъ древняго сирійскаго и куфическаго; слѣдственно, здѣсь введеніемъ письменности Аравія обязана христіанству, наравнѣ съ другими странами, куда оно проникало. Самъ неграмотный Мугаммедъ, надобно думать, впослѣдствіи выучился этому письму въ Сиріи, во время своихъ торговыхъ путешествій, при знакомствѣ съ христіанскими монахами. Трудность рѣшенія вопроса заключается здѣсь именно въ опредѣленіи эпохи, когда введено было сирійское письмо въ сѣверную Аравію, въ христіанское государство Гиру, или въ римскую провинцію, часть Аравіи съ городомъ Бострой *) и кто былъ его вводителемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ составляетъ чистую догадку; но во всякомъ случаѣ можно сказать, что около временъ Мугаммеда искусство письма было явленіемъ еще не довольно общимъ; писались, напр., поэмы, привѣшиваемыя (моаллака), какъ мы сказали, къ меккскому храму для публичнаго чтенія, и почеркомъ меккскимъ **), какъ думаетъ С.-де-Саси, основываясь на мнѣніи одного арабскаго автора; но такъ какъ этотъ почеркъ мало отличался отъ мединскаго, а послѣдній былъ похожъ на почеркъ «сури» (сирійскій), то мы въ правѣ думать, что корайшиты писали почти сирійскимъ эстрангело, который былъ введенъ у нихъ Бешаромъ и Харбомъ. Третій почеркъ, бассорскій, составлялъ только разновидность вышеупомянутыхъ двухъ почерковъ, а четвертый, собственно куфскій, куфическій (куфи), по преданію, уцѣлѣвшему отъ Ибнъ-Аббаса и принятому Хаджи-Хальфой (по изданію Флюгеля, томъ III, стр. 145), одолженъ своимъ началомъ тремъ лицамъ изъ фамиліи Баулянъ, части племени Тай. Эти трое, проживавшіе въ городѣ Анбарѣ, были: Мораръ (по другимъ Морамеръ)—онъ далъ очертаніе буквамъ; Аслямъ—онъ писалъ буквы однѣ слитными, другія разъединенными; третій—Амиръ—придумалъ діакритическія точки и, такимъ образомъ, искусство письма распространилось». Филологъ Асмаи, по Ибнъ-Халлекану въ біографіи Ибнъ-Бавваба, повторяетъ тоже, называя Мора-

*) Де-Саси предполагаетъ здѣсь существованіе почерка, сходнаго съ пальмирскимъ.

**) Письмо введено въ Меккѣ, по словамъ де-Саси, въ 560 г. по Р. Х.

Digitized by Google

мера сыномъ Морры (или Марвы). «Корайшитовъ спрашивали», говоритъ онъ, откуда они получили искусство письма? и они отвѣчали, что изъ города Гиры. Жители Гиры говорили, что имъ досталось это изобрѣтеніе изъ города Анбара. Ибнъ-Кельби и Гайтемъ, сынъ Ади, говорятъ, что письмо перенесено изъ Гиры въ Хеджазъ Харбомъ, сыномъ Омайи, Корайшитомъ, который предпринималъ путешествіе въ Гиру и возвратился въ Мекку съ письменами. Спрашивали Абу-Суфьяна, сына Харба: откуда его отецъ получилъ искусство письма? и онъ отвѣчалъ, что отъ Асляма, а этотъ послѣдній говорилъ, что онъ выучился у самого изобрѣтателя, Морамера, сына Морры. Этотъ почеркъ введенъ не задолго до ислама» *).

Принятый, такимъ образомъ, сирійскій почеркъ эстрангело (въ числѣ 22 буквъ) преобразился у арабовъ въ куфическій—названіе общее для всѣхъ почерковъ, предшествовавшихъ изобрѣтенію почерка несхи, но исключительно относимое къ городу Куфѣ (основанному въ 17-мъ году геджры), потому что здѣсь онъ получилъ большее развитіе, тогда какъ другіе почерки были позабыты. Однако, въ тѣхъ частяхъ Аравіи, которыя подчинились господству персовъ, нельзя не допустить вліянія языка и письменности вѣка Сассанидовъ, что̀, повидимому, и заставило Сильвестра де-Саси сказать, будто, хотя и не осталось слѣдовъ подобной письменности у арабовъ, но если позволено догадываться, то можно предположить существованіе у нихъ письма, мало удалявшагося отъ древняго алфавита, общаго бо̀льшей части народовъ и уцѣлѣвшаго до нашихъ дней на памятникахъ финикійскихъ и пальмирскихъ, равно какъ на развалинахъ Накши-Рустама, Керманшаха и на медаляхъ Сассанидовъ **). Матеріалы, которые служили для письма, были очень разнообразны: даже, по рѣдкости папируса или другого рода бумаги (кыртàсъ), писали на лопаткахъ и ребрахъ какого-либо животнаго, на кожахъ, на пальмовыхъ листьяхъ, на тканяхъ и широкихъ бѣлыхъ камняхъ, потому что бумага (замѣчаетъ Зейдъ, сынъ Тсабета) не существовала въ то время и, быть можетъ, это капитальное препятствіе къ отчетливой передачѣ устнаго слова, послужило главною причиной частыхъ и рѣзкихъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ въ Алкоранѣ, который, какъ извѣстно, окончательно былъ собранъ послѣ смерти Мугаммеда то изустно, отъ свидѣтелей его подвиговъ и рѣчей, то письменно на разныхъ матеріалахъ для письма. Почеркъ куфи получилъ подъ перомъ нѣкоторыхъ поименованныхъ у Хаджи-Хальфы каллиграфовъ ***), довольно

*) Ibn-Challicani, Vitae illustrium virorum, ed. Wüstenfeld. Gottingae. 1835. I, 48.

**) S. de Sacy, Gram. Arabe, sec. ed. 1831, I, 6.

***) Haji-Khalfae, Lex. bibl. et encycl. ed. Fluegel. 1842. III, 150. Настав-

Digitized by Google

красивыя очертанія: онъ употреблялся для списковъ Алкорана, для поэмъ и для историческихъ сочиненій; но по медленности, съ какою сопряжено это письмо, требовалъ измѣненія. Во время восточныхъ Омайядовъ нѣкто Котба изобрѣлъ четыре почерка, производя ихъ одинъ отъ другаго. Это былъ лучшій каллиграфъ; послѣ него, при Аббасидахъ, особенно отличались: Дзаххакъ, сынъ Иджляна, и Исхакъ, сынъ Хаммада, при халифахъ Аль-Мансурѣ и Мегди. Почерковъ или разностей почерковъ куфическихъ насчитываютъ до двѣнадцати, но всѣ они бо̀льшею частію вышли изъ употребленія при исправленіи письменъ визиремъ Ибнъ-Мокле, который считается вводителемъ новаго, болѣе удобнаго и легкаго, современнаго почерка несхи.

Совершенная реформа въ почеркѣ куфическомъ произведена упомянутымъ выше визиремъ въ правленіе халифа аббасидской династіи, Радзы-билля. По нѣкоторымъ интригамъ своихъ противниковъ, Ибнъ-Мокле былъ приговоренъ къ отсѣченію правой руки *), какъ разсказываетъ это обстоятельство біографъ Ибнъ-Халлеканъ; но казнь не воспрепятствовала бывшему визирю продолжать свои занятія—онъ привязывалъ «калямъ» къ отсѣченной рукѣ и, такимъ образомъ, писалъ довольно четко. Флюгель, переводчикъ сочиненія Хаджи-Хальфы, называетъ изобрѣтенный Ибнъ-Мокле почеркъ «хаттъ-эль-беди», придавая слову *беди* особенное, отличное значеніе, хотя здѣсь слово *беди* должно-бы просто означать *новоизобрѣтенный* почеркъ, выраженіе, которое употребилъ Хаджи-Хальфа и для почерка, усовершенствованнаго впослѣдствіи Ибнъ-Баввабомъ (умеръ 1022 г. по Р. Х.).—«Если Ибнъ-Мокле»,—говоритъ Хаджи-Хальфа, «былъ первымъ преобразователемъ почерка изъ письма куфическаго

никъ халифа Моктадера и сыновей его, Исхакъ, сынъ Ибрагима, изъ колѣна Тамимъ, прозванный Абу-ль-Хусейномъ, лучшій каллиграфъ своего времени, составилъ даже трактатъ объ искусствѣ письма подъ заглавіемъ: „Тòхфатъ-эль-уàмикъ"—подарокъ любителя.

*) „Когда халифъ Радзы-билля отсѣкъ руку у своего визиря Ибнъ-Мокле, этотъ началъ писать лѣвой рукой, также точно какъ писывалъ правой, а послѣ привязалъ къ отрубленной рукѣ „*калямъ*" (перо) и писалъ такимъ образомъ очень красиво, какъ-бы не существовало разницы въ письмѣ между временемъ до и послѣ отсѣченія руки. Этотъ визирь занималъ свой постъ три раза, путешествовалъ въ Мекку три раза и похоронен три раза—въ первый разъ въ дому халифа, когда былъ убитъ тамъ, чрезъ нѣсколько времени послѣ отсѣченія руки, потомъ вторично, когда его семья просила халифа отдать его трупъ, который былъ отрытъ и отданъ семейству для погребенія, и—наконецъ—въ третій разъ, по просьбѣ супруги его, которая вновь отрыла его могилу и похоронила мужа въ своемъ домѣ".—См. „Фахри, Правила для государей и разсказы о мусульманскихъ династіяхъ", соч. Ибнъ-Тиктака, переводъ съ арабск. И. Хомогорова. Казань. 1868 г. Стр. 316—317.

Digitized by Google

и далъ своему новоизобрѣтенію такую форму, заслуживъ первенство при своемъ отличномъ искусствѣ письма, за-то Ибнъ-Баввабъ улучшилъ изобрѣтенный Ибнъ-Мокле почеркъ, усовершенствовалъ его и одѣлъ его *свѣжестью и красотой*. Ибнъ-Баввабъ самъ былъ ученикомъ Мугаммеда-бенъ-Асада.»

Такъ возникли почерки: тсулюсъ, несхъ, таалика, рейханъ, мохаккакъ, рикàа, и искусными представителями на поприщѣ этого письма считаются: Ибнъ-Мокле, Ибнъ-Баввабъ, Якутъ, Абдалла-Аргунъ, Абдалла-Сейрафи, Яхъя-Суфи, шейхъ Ахмедъ Сагарверди, Мобарекъ-шахъ Союфи, Мобарекъ-шахъ Котбеддинъ и Асадулла Кермани.

Восточные авторы, при изчисленіи ученыхъ или дипломатическихъ заслугъ какого-либо визиря или другаго замѣчательнаго лица, не опускаютъ случая упомянуть о почеркѣ, какимъ они писали, если этотъ почеркъ былъ красивъ и отчетливъ.—Подобное достоинство высоко цѣнилось въ «кятибахъ», или секретаряхъ при халифахъ и правительственныхъ лицахъ, напр. изъ фамиліи Сельджуковъ. Такъ, біографъ Ибнъ-Халлеканъ говоритъ о «кятибѣ», писцѣ или секретарѣ при сельджукскомъ султанѣ Малекъ-шахѣ, именно объ Абу-Доррѣ Якутѣ, сынѣ Абдаллы:—«Его красивый почеркъ прославился по всему свѣту, такъ что при концѣ жизни Якута не было никого, кто приблизительно могъ-бы съ нимъ равняться въ красотѣ почерка, ни даже Ибнъ-Баввабъ, несмотря на все свое превосходство. Онъ любилъ арабскій лексиконъ Джаугари, Сихàхъ, и каждый, переписанный Якутомъ отдѣлъ, продавался по сту червонныхъ. Слава объ Якутѣ прошла по свѣту, и одинъ багдадскій поэтъ воспѣлъ его искусство въ своей поэмѣ.»

Тѣже восторженныя похвалы красивому почерку расточаются и персидскими авторами. Біографъ Доулетъ-шахъ-Гази Самаркандскій, излагая жизнь извѣстнаго персидскаго поэта Хафиза (въ своемъ сочиненіи «Жизнеописанія поэтовъ»), упоминаетъ о цѣнителѣ его таланта, султанѣ Ахмедѣ, потомкѣ шейха Увейса Джелайридскаго. По словамъ Доулетъ-шаха, это былъ государь съ большими талантами и покровитель талантовъ; онъ писалъ арабскіе и персидскіе стихи, отличался способностью къ живописи, умѣлъ хорошо золотить разныя вещи, выдѣлывать луки, стрѣлы, кольца и проч. — и, вдобавокъ ко всему, писалъ шестью почерками.

Мы видимъ, что арабское слово до временъ Мугаммеда соблюдалось неприкосновеннымъ среди сыновъ пустыни; однако правила языка еще не были приведены въ систему. Между тѣмъ, Али, сынъ Абу-Талеба, опасаясь, чтобъ арабизмъ не повредился при столкно-

Digitized by Google

веніи арабовъ съ другими народами, поручилъ Абу-ль-Асваду-Даули *) привести общеупотребительный языкъ къ извѣстнымъ правиламъ, а за этой попыткой явилось большее число грамматиковъ, изъ которыхъ можно упомянуть здѣсь о Халилѣ и Сибевейгѣ, родомъ персіянинѣ, умершемъ въ 796 году по Р. Х. въ городѣ Ширазѣ, наконецъ о двухъ школахъ, бассорской и куфской, представители которыхъ своими частыми диспутами яснѣе и точнѣе опредѣляли запутанные грамматическіе вопросы, такъ что стали появляться грамматическіе трактаты въ стихахъ. Такова, напр., «Эльфійе» (тысячная, т. е. въ тысячѣ стиховъ излагающая грамматическія правила), произведеніе Ибнъ-Малека, по справедливости прозваннаго моремъ грамматическихъ знаній. Впослѣдствіи мы подробнѣе коснемся заслугъ Гариpи, не только какъ романиста, но и какъ отличнаго знатока тонкостей арабизма, Джемаль-еддина-Тафтазани (автора «Кяфійе»), Сангаджи, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Аджрума (авторъ грамматики «аджрумійе») и другихъ, оставившихъ послѣ себя превосходные грамматическіе трактаты. Безъ преувеличенія можно сказать, что до тѣхъ поръ ни одинъ народъ не прилагалъ такихъ огромныхъ усилій къ обработкѣ родного языка, какъ арабы. О томъ свидѣтельствуютъ ихъ словари (которыхъ насчитываютъ едва ли не около трехъ-сотъ); нѣкоторые изъ этихъ словарей носятъ названіе «океановъ», каковы труды Джаугари и Фирузабади (умершаго въ 817 г. геджры)—этотъ послѣдній лексикологъ получилъ отъ извѣстнаго Тамерлана пять тысячъ золотыхъ монетъ за свой трудъ. Арабы въ строгомъ смыслѣ не были рабскими подражателями въ дѣлѣ просвѣщенія; они усвоивали отъ классической Греціи лишь то, что казалось имъ необходимымъ для собственнаго, самостоятельнаго развитія; они отстояли свой языкъ отъ чуждой примѣси и обратили впослѣдствіи все вниманіе на изученіе философіи и точныхъ наукъ; къ несчастію, схоластика и знакомство съ александрійской школой повели значительную часть арабскихъ (а за ними и переходныхъ) писателей, всюду подражавшихъ арабамъ, къ мистицизму. Этому, надобно сказать, много способствовало и самое ученіе Алкорана съ его туманными, загадочными фразами и аллегоріями, объясненіе которыхъ, по выраженію Мугаммеда, извѣстно только Богу, какъ сказано въ началѣ третьей суры. Что̀ разумѣлъ Мугаммедъ подъ этими словами, трудно рѣшить. Вотъ собственныя его выраженія: «Богъ ниспослалъ тебѣ книгу, Мугаммедъ; въ этой книгѣ содержатся умнорасположенные стихи, они-то и составляютъ сущность (въ арабскомъ подлинникѣ *мать*) книги, и другіе стихи, только похожіе на первые

*) Или *Дуали*, какъ говоритъ Ибнъ-Халликанъ, производя это прилагательное отъ племени Дуаль, части рода Кенáна.

Digitized by Google

(т. е. стихи аллегорическіе). Потому-то тѣ люди, въ сердцахъ которыхъ замѣтно уклоненіе отъ истины, слѣдуютъ аллегоріямъ изъ желанія раскола и изъ желанія толковать Алкоранъ (по своему вкусу); но объясненіе его извѣстно только Богу». Очевидно, Мугаммедъ, чувствовавшій шаткость своихъ положеній, часто противорѣчащихъ одно другому, хотѣлъ этими словами только преградить путь къ объясненію Алкорана; однако, впослѣдствіи случилось иначе: секты, которыя возникли въ исламѣ, въ соединеніи съ ученіемъ аллегорическимъ, не только преступили заповѣдь Мугаммеда, но даже учили, что въ Алкоранѣ все—аллегорія, что самъ Алкоранъ есть тѣло, которое по временамъ можетъ обращаться то въ человѣка, то въ животное, какъ выразился о немъ Джáхезъ—сектантъ, державшійся ученія мотазалитовъ (отщепенцевъ). Отсюда уже недалекъ былъ переходъ къ кощунству Валида, одиннадцатаго халифа изъ Восточно-Омайядской династіи, который, прочитавъ угрозы, обѣщанныя Алкораномъ всякому гордому и упорному, началъ пускать стрѣлы въ эту книгу и говорилъ: «Ты пугаешь меня словами: горделивый, упорный! Вотъ я самый тотъ горделивый и упорный; когда ты, въ день общаго воскресенія, явишься къ своему Господу, то скажи Ему: Господи, меня изорвалъ Валидъ!..» *). Не прошло много времени, говоритъ историкъ Ибнъ-Тиктака, какъ этотъ халифъ былъ убитъ своимъ сыномъ Езидомъ въ 126 году геджры.

Мугаммедъ, еще на первыхъ порахъ своего пророчества, долженъ былъ встрѣтить множество своихъ родственниковъ — корайшитовъ, которые вооружались противъ его новаго ученія. Къ этой же категоріи противниковъ ислама Мугаммедъ причисляетъ и современныхъ ему поэтовъ, которые издѣвались надъ Алкораномъ, называя его «старыми баснями». Въ сурѣ, называемой «Поэты», Мугаммедъ, крайне недовольный ихъ выходками, говоритъ: «Хотите-ли я скажу вамъ, на кого сходятъ бѣсы? Они сходятъ на грѣшныхъ лжецовъ, которые только обольщаютъ слухъ, между тѣмъ какъ бóльшая часть ихъ лгутъ. Поэтамъ слѣдуютъ только люди потерянные. Развѣ ты не видишь, что они шатаются на всѣ стороны и говорятъ то, чего сами не дѣлаютъ?»

Изъ числа такихъ противниковъ Мугаммеда можно назвать талантливаго поэта Кáаба, сына Зогейра и внука Абу-Сольму, отецъ котораго, Зогейръ, считается авторомъ одной изъ моаллака. Послѣ нѣкотораго колебанія, Зогейръ, испуганный угрозами Мугаммеда, рѣшился явиться къ нему съ просьбой о прощеніи. Пророкъ поща-

*) Фахри, Правила для государей и разсказы о мусульманскихъ династіяхъ, соч. Ибнъ-Тиктака, съ арабскаго перевелъ И. Холмогоровъ. Казань, 1863 г. Стр. 154.

Digitized by Google

дилъ его, слѣдствіемъ чего и явилась его поэма «Пощада» (амàнъ) иначе «Бáнетъ Соадъ»—*Соада уѣхала* *).

Желая дать здѣсь мѣсто переводу этой прекрасной поэмы, гдѣ личность арабскаго пророка является въ самомъ привлекательномъ видѣ, мы руководились текстомъ, изданнымъ Г. Гуиди въ Лейпцигѣ, въ 1871 г. **), и приложеннымъ тутъ же комментаріемъ Ибнъ-Гешама:

«Каабъ и Боджайръ, дѣти Зогейра (говоритъ Ибнъ-Гешамъ), отправились въ Иракъ-Араби. Боджайръ сказалъ Каабу: Останься при верблюдахъ, а я пойду къ этому человѣку (т. е. Мугаммеду), послушаю его и разузнаю о чемъ онъ проповѣдуетъ? Каабъ остался на мѣстѣ, а Боджайръ отправился и увѣровалъ въ посольство Мугаммеда, болѣе потому, что Зогейръ, какъ думаютъ, бесѣдовавшій съ христіанами и евреями, слышалъ отъ нихъ, что уже наступило время посольства Мугаммедова. Зогейръ видѣлъ во снѣ, будто съ неба протянута веревка, а онъ протягиваетъ свои руки, чтобы схватить ее, но не можетъ; но Мугаммедъ помогъ ему поймать веревку. Онъ разсказалъ этотъ сонъ своимъ дѣтямъ, увѣщая ихъ обратиться въ исламъ.—Когда Боджайръ обратился въ исламъ, братъ его Каабъ былъ сильно раздраженъ его поступкомъ и отправилъ къ нему укоризненные стихи. Боджайръ въ свою очередь передалъ эти стихи Мугаммеду, который объявилъ народу, что кто встрѣтитъ Кааба, сына Зогейра, тотъ въ правѣ убить его. Это случилось послѣ похода Мугаммедова въ Таефъ. Боджайръ извѣщалъ брата, что уже многіе въ Меккѣ погибли за свое злословіе и оскорбленіе пророка, а нѣкоторые убѣжали, «но я не думаю, чтобы ты успѣлъ спастись (писалъ Боджайръ), всего лучше явись къ Мугаммеду, онъ принимаетъ благосклонно всякаго, кто раскается.» Прочитавъ письмо, Каабъ пришелъ къ знакомой женщинѣ и просилъ укрыть его у себя въ домѣ, но та отказалась. И вотъ, земля показалась ему тѣсной; ему стало жаль себя, а враги прямо говорили, что онъ будетъ убитъ. Тогда онъ составилъ эту поэму, гдѣ осыпалъ похвалами пророка и упомянулъ о навѣтахъ своихъ клеветниковъ. По прибытіи въ Медину, онъ остановился у одного знакомаго изъ племени Джогайна; этотъ повелъ его въ мечеть и, указавъ на Мугаммеда, сказалъ: «Вотъ посланникъ Аллаха, ступай къ нему и проси его о пощадѣ». Каабъ

*) См. также Д'Эрбло, Biblioth. orientale, стр. 201. Cab-pen-Zohair. Кромѣ того Bibliotheca arabica, *Schnurrer*, Halae ad Salam, 1811. Стр. 195 — 196. „Caabum recitasse carmen suum Mohammedi prophetae anno Heg. nono, auctor est Abulfeda". Annal. T. 1, стр. 170.

**) Это очень хорошее изданіе арабскаго текста и арабскаго комментарія поэмы „Пощада". Полное заглавіе: Gemaleddini ibn-Hisàmi commentarius in carmen Ka'bi ben Zoheir Banat Suad appellatum, ed. Ignatius Guidi Romanus. 1, 2. Lipsiae. 1871.

Digitized by Google

узналъ пророка по описанію, какъ ему говорили люди. «Асхабы» (сподвижники) Мугаммеда сидѣли вокругъ него, вмѣстѣ съ прочими, какъ будто за обѣдомъ — онъ переговаривался то съ одними, то съ другими. Тогда Каабъ подошелъ къ нему, вложилъ свою руку въ руку пророка и сказалъ: «Посланникъ Аллаха, Каабъ, сынъ Зогейра, пришелъ и проситъ у тебя пощады; онъ раскаявается и дѣлается мусульманиномъ. Пріймешь-ли ты его благосклонно, если я приведу его къ тебѣ?»—Да, отвѣчалъ пророкъ. — «Вотъ я Каабъ, сынъ Зогейра», сказалъ поэтъ и затѣмъ продекламировалъ свое стихотвореніе; когда же дошелъ до слѣдующаго стиха:

„Пророкъ — это обнаженный, свѣтлый индійскій мечъ — изъ числа божіихъ мечей",

Мугаммедъ набросилъ на него свою мантію. Моавія впослѣдствіи давалъ за нее Каабу 10,000 динаровъ, но поэтъ не согласился продать, и только послѣ его смерти наслѣдники продали ее Моавіи за 20,000. Это та самая мантія, которая до сей поры хранится у султановъ.»

Поэма «Пощада», по обычаю того времени, также начинается оплакиваніемъ подруги—воображаемой или настоящей; а хвалы пророку сберегаются къ концу:

„Покинула меня Соада и сердце мое нынѣ тоскуетъ, бѣжитъ вслѣдъ за нею, какъ нечающій выкупа, скованный невольникъ. Въ день перекочевки, по-утру, Соада представлялась мнѣ не иначе, какъ молодой серной, съ томными, насюрмленными глазами; при улыбкѣ видны ея темныя десны, словно источникъ сладкаго вина, изъ котораго пріятно выпить и въ другой разъ—вина, смѣшаннаго съ холодной водой, почерпнутой изъ глубокаго дола, водой чистой, которую обвѣваетъ сѣверный вѣтеръ. Вѣтеръ сдуваетъ всѣ соринки съ этой воды, а густыя облака снова наполняютъ съ избыткомъ весь бассейнъ. Хороша была-бы моя подруга, еслибъ она соблюдала свои обѣщанія, или, по крайней мѣрѣ, слушалась моихъ совѣтовъ; но это такая подруга, въ крови которой скрываются коварство, лживость, неисполненіе обѣщанія и обманы. Никогда она не является въ одномъ и томъ же видѣ, измѣняясь въ своемъ наружномъ образѣ, словно степной «гоуль» (бѣсъ); она не сдерживаетъ своихъ предложенныхъ условій, какъ рѣшето не можетъ удерживать воду. Не обольщайся-же ея посулами и обѣтами — нечего приходить въ заблужденіе отъ пустыхъ басень да отъ соннаго бреда; обѣщанія Соады напоминаютъ притчу объ Оркубѣ *), всѣ ея обѣщанія—пустяки. Надѣюсь и жду, авось она полюбитъ меня; что же касается меня, я не думаю мѣняться.

„Соада откочевала въ такую мѣстность, куда достигаютъ только отличныя, благородныя верблюдицы, сильныя, которыя, не смотря на усталость, идутъ доброй поступью; верблюдицы, которыя, въ незнакомыхъ мѣстахъ отыскиваютъ глазами своихъ дѣтей, словно дикія коровы — а между тѣмъ и камни, и пески уже

*) Оркубъ, сынъ Маабеда, амалекитъ, обѣщалъ своему брату подарить финиковъ. „Приходи, когда взойдетъ пальма", сказалъ онъ. Потомъ сказалъ: когда выростетъ, далѣе: когда зацвѣтетъ, потомъ: когда начнетъ завязываться плодъ, потомъ: когда финики поспѣютъ. Но когда финики поспѣли, Оркубъ ночью срѣзалъ ихъ и брату его ничего не досталось. Отсюда пословица: *твои обѣщанія—обѣщанія Оркуба.*

Digitized by Google

пламенѣютъ отъ солнечнаго зноя. Такъ и моя верблюдица, съ крѣпкою шеей, съ твердыми ногами — она своими качествами отличается предъ другими дочерями отличнаго верблюда—сильная, полнощокая—она идетъ широкими шагами. Ея кожу, похожую на покровъ черепахи, не могутъ прогрызть тощіе, голодные клещи; они падаютъ въ безсиліи съ обѣихъ сторонъ ея спины. Мощная, съ долгою шеей — она можетъ похвастаться своей родней: ея братъ походитъ на обломокъ утеса, ея отецъ благороднѣйшій верблюдъ, равно какъ и дядья со стороны отца и матери; горбоносая,—по ушамъ можно узнать ея благородную породу,—она, вся въ поту, не перестаетъ перебирать ногами даже и въ ту пору, когда полуденный „сарàбъ" (марево) окутываетъ, будто покрываломъ, песчаные бугры, когда хамелеонъ жарится на солнцѣ, подставляя свою спину, когда погонщикъ скажетъ своимъ спутникамъ: остановитесь, полуднюйте, а зеленая саранча прыгаетъ отъ зноя по каменнику. Вотъ въ такую-то пору дня выступаетъ она, и на ея мычаніе отвѣчаютъ верблюдицы жалкимъ стономъ, словно лишившіяся своихъ дѣтей...

„Клеветники принесли мнѣ вѣсть. — „Сынъ Абу-Сольмы", говорили они мнѣ, „ты непремѣнно будешь убитъ"; и всѣ друзья мои, на которыхъ я надѣялся, высказались: „Намъ не до тебя — у насъ много и своихъ заботъ".—Дайте-же мнѣ дорогу—нѣтъ вамъ отца *)!—пусть совершится то, что опредѣлилъ Милосердый (Богъ); всякаго, рожденнаго отъ жены, хотя бы онъ и долго былъ невредимъ, когда-нибудь понесутъ на искривленныхъ носилкахъ. Мнѣ стало вѣдомо, что посланникъ Аллаха страшитъ меня угрозами; но я надѣюсь на помилованіе. О, пощади—тебя руководитъ по прямой стезѣ Тотъ, который ниспослалъ тебѣ въ даръ Алкоранъ, съ его увѣщаніями, съ его разграниченіемъ добра отъ всего злого. Не ищи моей крови по навѣту доносчиковъ: я не преступенъ, хотя на мой счетъ ходило много рѣчей— и вотъ я стою теперь на такомъ мѣстѣ (передъ тобою) и вижу и слышу то, что если-бы заслышалъ слонъ—онъ затрепеталъ-бы всѣми членами, развѣ, попущеніемъ божіимъ, пророкъ даровалъ-бы ему прощеніе. Я предстою ему, я вложилъ свою руку въ его правую руку, руку мстителя, котораго слово по-истинѣ можетъ назваться словомъ. О, какъ страшно мнѣ, когда я говорю съ нимъ и когда мнѣ скажутъ: тебя спросятъ о твоей родословной!—гораздо страшнѣе чѣмъ встрѣтить льва въ долинѣ Ассаръ, въ самой неприступной тростниковой чащѣ — льва, который кормитъ двухъ своихъ дѣтенышей по-утру кусками запыленнаго человѣчьяго тѣла – который, когда прыгаетъ на своего противника, не иначе оставляетъ его, какъ повергнувъ во прахъ. Замолкнутъ, завидя его, дикіе звѣри, человѣкъ не пройдетъ мимо его долины, и кто слишкомъ надѣется на себя, тотъ будетъ растерзанъ и съѣденъ. Пророкъ—это блестящій мечъ, индійскій, обнаженный мечъ божій, въ кругу корайшитскихъ мужей, изъ которыхъ одинъ (Омаръ) сказалъ, сдѣлавшись мусульманиномъ: отступите изъ Мекки (въ Медину)—это неодолимые витязи, для которыхъ въ день боя служатъ вмѣсто одежды кольчуги, выдѣланныя Давидомъ **), блестящія длинныя кольчуги: кольца ихъ идутъ непрерывными двойными рядами, словно пеньки деревьевъ въ лѣсу. Это мужи суровые: они не изъявляютъ радости, когда ихъ копья настигаютъ врага, и не слишкомъ предаются печали, когда побѣда склонится на сторону непріятелей. Коренные арабы, они выступаютъ гордо, словно бѣлые верблюды — ихъ защищаютъ сабельные удары, въ ту пору, когда съ боя бѣгутъ малодушные трусы; копья падаютъ прямо имъ въ грудь, но они не робѣютъ и не бѣгутъ отъ колодезя смерти."

---

*) Формула желательная, которая употребляется и въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ, но чаще въ послѣднемъ.

**) Давидъ, какъ сказано въ Алкоранѣ, получилъ отъ Бога даръ выдѣлывать кольчуги и панцыри.

Digitized by Google

Здѣсь мы оканчиваемъ до-исламическую исторію арабской литературы. Приведенные выше образцы классической арабской древности послужатъ намъ ключемъ для уразумѣнія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей, потому что между первыми и послѣдними существуетъ, такъ сказать, посредствующее звѣно—произведенія языческаго періода.

2. Мугаммеданскій періодъ арабской литературы.

Вступая во второй періодъ арабской литературы, въ силу совершившагося религіознаго и политическаго переворота на арабскомъ полуостровѣ, мы можемъ объясниться словами извѣстнаго библіографа Хаджи-Хальфы *):

«Въ послѣднія времена, времена невѣжества» **) передъ появленіемъ пророка, княжества Аравіи были разрознены, и дѣла ихъ были въ полномъ упадкѣ. Богъ, чрезъ своего пророка, соединилъ арабовъ въ одно и объединилъ потомковъ Кахтана и Аднана. Они оставили все, чему прежде вѣрили, и вполнѣ приняли исламизмъ. Пророкъ послѣ того жилъ недолго; его мѣсто заступили его сподвижники (асхабы), которые одержали побѣды надъ сосѣдними князьями, особенно въ правленіе Османа, сына Аффа́на—слава и обширность халифата ***) достигла той степени, какую предрекъ самъ Мугаммедъ. «Видѣлъ я въ сновидѣніи всю землю (говорилъ Мугаммедъ) и востокъ и западъ—и мой народъ овладѣетъ тѣми странами, которыя я видѣлъ». Такъ, при началѣ ислама, было сокрушено могущество персовъ въ Иракѣ и Хорасанѣ, могущество грековъ (румійцевъ) въ Сиріи и коптовъ въ Египтѣ. При началѣ ислама арабы не знали другихъ наукъ, кромѣ своего языка, предписаній «шеріата» (т.-е. правилъ закона, основаннаго на Коранѣ) и свѣдѣній въ медицинѣ, которыя практиковались немногими изъ-нихъ, по необходимости. Подобными мѣрами мусульмане хотѣли сохранить новое ученіе во всей цѣлости отъ вторженія чуждыхъ идей—и до такой степени, что даже сожигали книги, найденныя ими въ чужихъ земляхъ. Имъ было запрещено просматривать Пятикнижіе или Евангеліе, именно съ той цѣлью, чтобы существовала только одна божественная книга (т.-е. Алкоранъ), да преданія пророка, пригодныя на какой-либо случай. Такъ шли дѣла до конца времени, когда жили ученики учениковъ пророка; начиная же съ этой поры стали распространяться различныя мнѣнія и секты—

*) Hadji-Khalfae, Lex. bibl. et encycloped. Leipzig. cur. G. Fluegel. 1835.—Хаджи-Хальфа умеръ въ 1658 г. по Р. Х.

**) Такъ называютъ мусульмане времена до-мугаммеданскаго періода.

***) Слово „халифъ“ значитъ „преемникъ, наслѣдникъ“ (Мугаммеда).

Digitized by Google

тогда-то науки начали принимать извѣстную форму и соблюдаться въ письменныхъ памятникахъ »

Слѣдовательно, здѣсь мы можемъ означить ту грань, которая служитъ переходной чертой къ самостоятельному развитію арабской литературы втораго, мугаммеданскаго, періода. Хаджи-Хальфа высчитываетъ въ началѣ этого періода слѣдующія лица, которыя извѣстны, какъ составители книгъ *): «По инымъ, первый былъ Абдъ-эль-Меликъ, сынъ Абдъ-эль-Азиза, внукъ Джериха, Бассорскій, умершій 155-го года геджры († 771 г. по Р. Х.), по другимъ—Абу-Насръ Саидъ-бенъ-Аби-Аруба († 772 г. по Р. Х.). Затѣмъ, слагателями книгъ считаются: въ Мединѣ—Суфъянъ-бенъ-Ояйна и Малекъ, сынъ Анеса, въ Египтѣ Абдалла, сынъ Вегба, въ Еменѣ Моаммеръ и Абдуррезакъ, въ Куфѣ—Суфъянъ Саури и Мугаммедъ-бенъ-Фозайль, въ Бассорѣ — Гаммадъ-бенъ-Селеме и Рухъ-бенъ-Аббада, въ Васетѣ— Гошаймъ, въ Хорасанѣ — Абддала-бенъ-Мобарекъ. Всѣ эти авторы стремились уяснить темныя мѣста Алкорана и преданій пророка—и затѣмъ собрать все это въ одну книгу».

Изъ этихъ словъ Хаджи-Хальфы мы можемъ заключить, что въ первомъ вѣкѣ мусульманства на первомъ планѣ является богословско-юридическая литература, именно съ цѣлью укрѣпить прочною связью новое ученіе, когда еще вліятельныя лица колеблются и дѣйствуютъ на народъ нерѣшительно. Во время халифовъ Оммайядской династіи науки мало уважались, именно въ силу того, что арабы еще стремились пропагандировать исламъ силою завоеваній и не обращали особеннаго вниманія на знакомство съ греческой цивилизаціей; но когда, по истребленіи Омайядовъ, власть перешла къ Аббасидамъ, то второй халифъ этой династіи, Абу-Джафаръ Мансуръ, искусный правовѣдъ, занимавшійся и философіей, и особенно астрономіей (вѣрнѣе, астрологіей), сообщилъ арабамъ сильное движеніе къ занятіямъ науками. Это умственное движеніе еще сильнѣе обнаружилось при Гарунѣ-Рашидѣ и сынѣ его Мамунѣ, седьмомъ халифѣ Аббасидской династіи. Мамунъ былъ преданъ наукамъ и уважалъ ученыхъ; онъ посылалъ къ византійскимъ императорамъ нарочныхъ, прося, чтобъ ему доставили философскія сочиненія и, по его желанію, ему доставлялись труды Платона, Аристотеля, Гиппократа, Галена, Эвклида, Птолемея и другихъ. Кромѣ того, для перевода греческихъ авторовъ на языкъ арабскій были приглашены опытные переводчики; самъ Мамунъ совѣтовалъ арабскимъ ученымъ перечитывать подобныя произведенія греческихъ философовъ, поощрялъ изучать ихъ, тогда какъ завѣтъ предковъ состоялъ въ томъ, чтобы, чрезъ удаленіе отъ наукъ, сильнѣе утверждались основы ислама. Уже при жизни этого халифа

*) Hadji-Khalfae, I, стр. 81.

Digitized by Google

явились отличные умы, которые углублялись въ греческую философію и стремились къ солидному образованію.

Богословско-юридическая литература. Это самый обильный и самостоятельный отдѣлъ арабской литературы, который, будучи предметомъ первой важности, изучался преимущественно мусульманами, какъ это практикуется обязательно и до настоящаго времени. Изученію богословія по Алкорану, толкованію его, преданіямъ отъ пророка, суннѣ и юриспруденціи (ильмъ-аль-фикхъ) посвящаются многіе годы въ мусульманскихъ медресахъ. Чтеніе Алкорана на-распѣвъ, именно на семь различныхъ напѣвовъ, входитъ также въ этотъ богословскій отдѣлъ—это называется «ильмъ-эль-карáатъ» (наука чтенія Алкорана).

Элементы, входящіе въ составъ Алкорана, двоякаго рода: туземные, чисто-арабскіе, и посторонніе—частію христіанскіе, частію еврейскіе. Первые, туземные, удерживая значительную часть древнѣйшихъ обрядовъ и обычаевъ, должны были привлекать арабовъ-язычниковъ (къ которымъ можно причислить и сабеевъ); вторые назначались собственно для иновѣрцевъ: евреевъ и христіанъ, и сліяніе всего этого въ извѣстной мѣрѣ образовало исламъ, ученіе, такъ названное, по мнѣнію арабскихъ филологовъ, или отъ того, что оно выражаетъ совершенную преданность Богу, «таслимъ» или отъ своей правоты, «селямъ» въ сравненіи съ другими вѣроисповѣданіями. Оно было, какъ говоритъ самъ законодатель, исповѣданіемъ Авраама и слѣдовавшихъ за нимъ патріарховъ, но искажено ложными толкованіями людей. Сущность его Мугаммедъ выразилъ въ слѣдующей краткой формулѣ: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха единаго; Мугаммедъ посланникъ Аллаха; исполненіе пяти молитвъ въ сутки; раздаваніе милостыни; постъ въ мѣсяцѣ рамадзанѣ и священное странствованіе въ Мекку—составляютъ исламъ.

Такимъ образомъ собраніе раввинскихъ преданій, касательно нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго завѣта, извлеченія изъ апокрифическихъ книгъ христіанства, древніе обычаи арабовъ съ примѣсью гражданскихъ учрежденій- все это, приведенное въ порядокъ уже по кончинѣ законодателя, образовало Алкоранъ, что̀ значитъ: чтеніе по преимуществу. Здѣсь не мѣсто входить въ критическую оцѣнку этой книги, столь извѣстной по переводамъ; можно только сказать, что проповѣдуемыя Алкораномъ идеи надолго задерживали ходъ человѣческаго ума въ большей части Азіи. Алкоранъ сообщилъ своимъ послѣдователямъ извѣстную долю религіозной отчужденности, а въ самую литературу внесъ отпечатокъ религіозности, просвѣчивающій въ бо́льшей части мусульманскихъ литературныхъ произведеній. На-

Digitized by Google

ціональный духъ Аравіи совершенно исчезаетъ въ новѣйшихъ сочиненіяхъ мугаммеданъ. Въ заключеніе скажемъ, что никто такъ вѣрно не выразилъ направленія VII вѣка, вѣка богословскихъ диспутовъ, какъ Мугаммедъ. Его личныя качества, по словамъ восточныхъ историковъ и поэтовъ—каковы Каабъ-бенъ Зогейръ и шейхъ Бусири (оба панегиристы Мугаммеда)—заслуживаютъ удивленія; но его понятія, клонившіяся ко вреду предшествовавшихъ богословскихъ мнѣній, послужили новымъ источникомъ для религіозныхъ споровъ въ Азіи и Африкѣ. Именно, въ главѣ Алкорана «Очевидность», пророкъ самъ подтверждаетъ наше мнѣніе. «Народъ книги (т.-е. христіане и евреи) и идолопоклонники раздробились въ мнѣніяхъ съ той поры, какъ появилась очевидность (Алкоранъ) и пророкъ, читающій этотъ чистый свитокъ».

Кромѣ комментарій (тафсиръ) къ Алкорану, можно упомянуть въ первомъ вѣкѣ ислама объ извѣстномъ халифѣ Али, сынѣ Абу-Талеба. Онъ, кромѣ поэтическаго дара, еще славился мудрыми изреченіями, которыя нѣсколько разъ были издаваемы въ Европѣ, подъ названіемъ Sententiae Ale-ben Abi-Talebi. Къ этому-же первому столѣтію ислама принадлежатъ поэты: Ахталь, Джериръ и Фараздакъ. Первый изъ нихъ былъ христіанинъ, которому покровительствовали омайядскіе халифы Езидъ и Абдъ-эль-Меликъ. Что касается Джерира, это былъ соперникъ Фараздака, писавшій на него сатиры; но Фараздакъ, въ свою очередь, также не оставался въ долгу. Пренирательства обоихъ этихъ поэтовъ носятъ имя: «взаимныя опроверженія». Третій изъ упомянутыхъ поэтовъ, Фараздакъ, съ полнымъ именемъ Абу-Ферасъ Хаммамъ Фараздакъ, былъ уроженецъ бассорскій и преимущественно отличался своимъ сатирическимъ направленіемъ, за что́ нерѣдко терпѣлъ гоненія и часто принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ гнѣва своихъ патроновъ.

Внѣшнія войны, которыми ознаменовался первый вѣкъ геджры, съ цѣлью распространенія исламизма, и къ тому-же домогательства различныхъ партій, особенно партіи аліидской, надолго задержали умственное движеніе во вновь образовавшемся Восточно-Омайядскомъ халифатѣ. Только съ воцареніемъ династіи Аббасидской, въ лицѣ перваго ея представителя Абу-ль-Аббаса-Саффаха (т. е. кровопроливца) проявляется стремленіе къ образованію, именно, къ изслѣдованіямъ филологическимъ. Самъ Саффахъ, избивая Омайядовъ и захватывая имущества этой фамиліи, выражалъ свою ненависть къ Омайядамъ стихами:

«Сыны Омайе, я погубилъ васъ всѣхъ; но каково-то мнѣ было отъ васъ прежде, въ прошлую пору?

Digitized by Google

«Меня радуетъ то, что адскій огонь соберетъ васъ всѣхъ къ себѣ, и пусть этотъ огонь замѣнится для васъ еще злѣйшей замѣной!

«Пусть замучитъ васъ—да не проститъ Богъ грѣховъ вашихъ!—пусть замучитъ васъ яростный левъ, прыгающій на своего противника изъ тростниковой чаши.

«Если я злобился, желая вамъ смерти, за-то теперь я удовольствовался тѣмъ, что̀ стало угодно Господу!»

Замѣчательнѣе всего то, что въ литературно-ученомъ движеніи арабовъ на первыхъ порахъ принимаютъ живѣйшее участіе персы, усвоившіе исламъ. Какъ это ни кажется странно, а это весьма справедливо — какъ говоритъ библіографъ Хаджи-Хальфа *), который въ тоже время сообщаетъ, что это были личности по происхожденію арабы, но по языку персіяне. Это можно приписать тому обстоятельству, что персидская современная культура стояла выше арабскаго умственнаго развитія. Большая часть мусульманъ тогдашняго времени состояла изъ арабовъ-кочевниковъ, и потому-то науками занимались только жители городовъ: персіяне, сирійцы и другіе осѣдлые горожане. Такъ первые грамматики, установившіе формы арабизма, были—по словамъ Хаджи-Хальфы—персіяне, именно: Сибовейгъ, Фареси и Зеджаджъ, изучавшіе арабскій языкъ чрезъ частое собесѣдованіе съ арабами. Точно тоже случилось и съ преданіями пророка: большая часть ихъ вращалась въ устахъ персовъ-мусульманъ, которые ознакомили мусульманъ съ юриспруденціей, съ толкованіями и объясненіями Корана—словомъ, первыми двигателями арабскаго богословскаго и грамматическаго образованія являются персы, тогда какъ завоеватели-арабы преимущественно употребляли свои усилія на заботы правительственныя.

Сибовейгъ—персіянинъ родомъ, учился арабскому языку у Айсы, сына Омара Сакафи, и у другихъ знатоковъ того времени. Въ его сочиненіи, называемомъ, по причинѣ извѣстности автора, просто «Китабъ» т.-е. Книга, разсматривается преимущественно арабская этимологія.

Абу-Али-Хасанъ-Фареси (т.-е. персіянинъ), умершій въ 987 г. по Р. Х., учился въ Багдадѣ. Онъ извѣстенъ своимъ грамматическимъ трактатомъ «Ийдзахъ»—Объясненіе, которое посвящено бувейгидскому государю Адздъ-Эддоуле, сыну Рокнуд-Доуле, съ проименованіемъ Абу-Шуджа Феннахосру (+372 геджры). На это грамматическое произведеніе существуетъ много замѣчаній, изъ которыхъ извѣстнѣе другихъ трудъ Абубекра Абдъ-эль-Кагира Джорджани.

*) Полное имя этого замѣчательнаго библіографа: Мустафа-сынъ Абдаллы Хаджи-Хальфа или Катибъ-Челеби. Его сочиненіе носитъ названіе: „Удаленіе сомнѣній отъ названій книгъ и отраслей знаній“. Словарь Хаджи-Хальфы изданъ Флюгелемъ въ Лейпцигѣ, въ 1835 г., въ семи томахъ.

Digitized by Google

Желаніе уяснить темныя, нерѣдко разнорѣчивыя положенія въ Коранѣ породило особенный классъ ученыхъ, именно «чтецовъ Корана», а отсюда возникла цѣлая наука ильмъ-эль-карàатъ, «наука чтенія» *). Уже восточно-омайядскій халифъ Абдъ-эль-Меликъ, во избѣжаніе разночтеній священной книги «Китабъ-шерифъ», приказалъ своему полководцу Хеджаджу снабдить арабскій текстъ Корана гласными знаками и діакритическими точками, а Хеджаджъ поручилъ завершить это дѣло ученому Хасану Бассорскому. Такимъ путемъ было узнано, что чтеніе священной книги не вездѣ одинаково и могла возникнуть разногласица. Начиная съ VIII-го столѣтія по XI-е появлялись различныя исправленія арабскаго текста Корана, и семь такихъ исправленій были признаны непогрѣшимыми въ мусульманскомъ мірѣ. Особенно прославились въ этой *наукѣ чтенія Корана* Абу-Обейдъ-Касимъ (+ 832 г. гедж.), Абу-Бекръ Ахмедъ, сынъ Моджагеда (+935 г. геджры), испанскій ученый, уроженецъ города Кордовы (Кортуба), Абу-Анръ Османъ-Дани (+1052 г. по Р. Х.), Шàтиби, съ полнымъ именемъ Абу-Мугаммедъ-Кàсемъ (+1194 по Р. Х.), котораго труды высоко цѣнятся мусульманами по части чтенія Корана.

За тѣмъ въ мусульманскихъ школахъ господствуетъ наука тафсѝръ—объясненіе Корана въ смыслѣ преимущественно грамматическомъ, и таавѝль—наука изъясненія Корана въ смыслѣ изъясненія

*) Чтобы показать, какъ много зависитъ смыслъ отъ перемѣны гласныхъ знаковъ при чтеніи Корана (въ манускриптахъ рѣдко встрѣчаются гласные знаки и только смыслъ показываетъ: какъ должно прочесть извѣстную фразу), можно сослаться на главу или суру Корана „Румъ“ (Греки). Начало этой суры представляетъ два совершенно противоположныя понятія при двухъ разныхъ чтеніяхъ гласныхъ знаковъ, замѣняющихъ въ арабскомъ письмѣ гласныя буквы. Въ первомъ случаѣ пророчество Мугаммеда гласитъ, что „греки въ ближайшихъ мѣстахъ *были побѣждены*; но опять, послѣ этого пораженія, они непремѣнно останутся *побѣдителями* въ скоромъ времени“; по другому-же чтенію (именно: *гàлябати-р-Руму*) выходитъ, что „греки въ ближайшихъ мѣстахъ *остались побѣдителями*, но опять, послѣ этой побѣды, они непремѣнно *будутъ побѣждены* въ скоромъ времени“. По этому случаю Сильвестръ-де-Саси между прочимъ замѣчаетъ, что Мугаммедъ, любившій иногда пускаться въ прорицанія, нарочно приберегалъ для себя, на случай неудачи, подобныя двусмысленныя толкованія. (Sylvestre de Sacy, Mémoire sur l'origine et les anciens monuments de la litterature parmi les Arabes. Paris. 1805. Стр. 100). Надобно сказать, что мугаммедане въ упомянутомъ здѣсь выраженіи Корана (*гулибати-р-Руму* или *гàлябати-р-Руму*) видятъ прямое доказательство дара Мугаммедова прозрѣвать будущее; но такъ какъ этотъ стихъ не представляетъ никакого достаточнаго доказательства въ смыслѣ факта историческаго и можетъ быть примѣненъ или къ побѣдамъ грековъ надъ персами, или персовъ надъ греками эпохи Мугаммеда, то арабскіе комментаторы сами расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ того: сбылось или нѣтъ это предвѣщаніе, въ какой мѣрѣ и въ какомъ мѣстѣ—и допускаютъ, чтобъ уяснить дѣло, крайне-произвольныя, натянутыя толкованія. (Maracci, Alcoranus. Refutationes in Sur. XXX, стр. 541—542. Patavii. 1698).

Digitized by Google

идей, заключающихся въ священной книгѣ. Каждый классъ ученыхъ примѣняетъ къ своей профессіи—какъ говоритъ Хаджи-Хальфа *)—и «тафсиръ» и «таавиль». — «Тѣ, что объясняютъ Коранъ и сунну, примѣняютъ изреченіе Мугаммеда: должно учиться каждому мусульманину и мусульманкѣ, исключительно къ себѣ. Правовѣды думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о знаніи позволеннаго закономъ и запрещеннаго; мутакеллимы (богословы) примѣняютъ тафсиръ и таавиль исключительно къ себѣ, къ своей наукѣ. Важное мѣсто въ числѣ «муфассировъ» (толкователей Корана) занимаетъ Абдалла сынъ Аббаса (+689 г. по Р. Х.), родственникъ Мугаммеда; за нимъ слѣдуетъ человѣкъ громадной учености по разнымъ отраслямъ знанія—Тебери (т.-е. уроженецъ Табаристана), съ полнымъ именемъ Абу-Джафаръ Мугаммедъ (+922 г. по Р. Х., авторъ «Большаго тефсира». Можно также упомянуть изъ числа представителей науки «тефсира» Замахшари (Абу-ль-Касемъ Махмудъ+1144 г. по Р. Х.), родомъ изъ харезмскаго города Замахшаръ. Онъ прославился своимъ твореніемъ, называемымъ «Кешшафъ»—Отверзающій (въ смыслѣ *отверзающій* истины Корана). Лучшимъ-же толкователемъ по этой части, особенно между мусульманами-суннитами (эгль-сунна), признается Казы-Байзави, котораго сочиненіе «Свѣточи откровенія свыше и тайны толкованія Корана» носитъ отпечатокъ глубокаго знанія своего предмета. Байзави, урожденецъ города Байза, недалеко отъ Шираза, съ полнымъ именемъ Насруддинъ Абу-ль-Хусейнъ Абдалла, оставилъ по себѣ много сочиненій по части богословскихъ наукъ и по исторіи—его историческое твореніе называется «Низаніе исторій» (Низамъ-эт-Тауарихъ).

Не маловажную роль среди мусульманъ въ ихъ школахъ занимаетъ толкованіе *хадисовъ*, или преданій, приписываемыхъ Мугаммеду, а также *сунны*—обычаевъ, объясняемыхъ съ юридической точки зрѣнія тамъ, гдѣ предписанія Корана оказываются недостаточными, по узкому кругозору священной книги.—Когда возникла въ первый вѣкъ ислама борьба между аліидами и ихъ противниками омайядами, тогда-то партія аліидовъ, подъ названіемъ *послѣдователей* шіа (шіиты) Али, совершенно отвергла сунну и преданія. Такимъ образомъ въ мірѣ мусульманскомъ произошелъ великій расколъ *шіитовъ* и *суннитовъ*, поводомъ къ которому на первыхъ порахъ послужила именно борьба двухъ политическихъ партій.

Абу-Горайра (+677 по Р. Х.) усвоилъ себѣ до 3500 преданій; къ этой же категоріи собирателей преданій Мугаммеда принадлежатъ нѣкоторые сподвижники (асхабы) пророка, каковъ, напр., Орва, сынъ Зобейра. Чтобы соблюсти преданія въ цѣлости и отличить лож-

*) Haji-Chalfae, Lex. bibl. et encyclop. I, 135. Ed. Fluegel. Leipz. 1835.

Digitized by Google

ныя отъ истинныхъ, явился отличный, трудолюбивый ученый собиратель Бухари, съ полнымъ именемъ Абу-Абдалла Мугаммедъ (+870 по Р. Х.), которому Хаджи-Хальфа посвящаетъ очень длинную статью въ своемъ библіографическомъ словарѣ *). Дѣйствительно, нельзя не подивиться тому горячему усердію, съ какимъ принимался за сборъ преданій Бухари. Имъ собрано и записано 7,275 преданій, послѣ дополненныхъ его ученикомъ Мослимомъ. Сборникъ его называется «Истиннымъ сборникомъ»—«Джами-сахихъ», или просто «Сахихъ», по причинѣ общеизвѣстности автора. О немъ передаютъ слѣдующее:—«Видѣлъ я во снѣ (говоритъ Бухари), будто пророкъ стоитъ предо мною, а я отгоняю отъ него мухъ вѣеромъ, который на ту пору былъ въ моей рукѣ. Я просилъ одного изъ снотолкователей объяснить мнѣ этотъ сонъ. Это значитъ, отвѣчалъ тотъ, что ты отразишь отъ пророка лживые на него навѣты. Вотъ причина, которая побудила меня собирать преданія и составить «Сахихъ»; я не приступалъ къ объясненію какого-либо преданія, не совершивъ омовенія и не положивъ двухъ поклоновъ».

Другіе собиратели и объяснители преданій, каковы напр. Союти или Осъюти Джелаль-еддинъ-Абдуррахманъ (+1505 г. по Р. Х.) и Ибнъ-уль-Асиръ (+1210 по Р. Х.), болѣе или менѣе были подражателями Бухари и Муслима, или старались расположить собранныя преданія въ болѣе удобной формѣ.

Юридическая литература арабовъ несомнѣнно есть отрасль литературы богословской, такъ какъ Коранъ обнимаетъ собою всю жизнь мусульманина. Коранъ и сунна, не представляя правильной системы, должны были вызвать потребность и попытки привести въ прочное цѣлое какъ богословскія идеи, такъ и законовѣдѣніе. За этотъ трудъ взялись четверо ученыхъ. Они сначала разсмотрѣли «ибадàтъ», то есть дѣйствія, относящіяся къ обрядамъ религіознымъ всякаго правовѣрнаго, и затѣмъ «маамелятъ», дѣйствія гражданскія, соціальныя. И такъ «шеріàтомъ» названъ ими такой законъ, который непосредственно исходитъ отъ Бога, а тѣ узаконенія, которыя могутъ быть уничтожены волею человѣка, сообразно съ обстоятельствами, называются у нихъ *канунъ* (правило), *аваміръ* (повелѣнія), *авамиръ-у-сиàе* (повелѣнія гражданскія). Трактаты, написанные этими четырьмя учеными, хотя нѣсколько и отличаются одинъ отъ другого, признаны ортодоксальными; на нихъ основались четыре правовѣрныхъ секты: ханифитовъ, шафеитовъ, малекитовъ и хамбалитовъ.

Первый изъ этихъ ученыхъ, имамъ Абу-Ханифа-Номанъ-бенъ-Сабитъ, родился въ Куфѣ и умеръ въ Багдадѣ въ 769 г. по Р. Х.; второй, имамъ Шафей, родился въ Газѣ въ 797 по Р. Х. и

*) Haji-Chalfae, тамъ же, II, 512.

Digitized by Google

умеръ въ Египтѣ около 819 г.; третій—Малекъ, сынъ Анеса, родился въ Мединѣ и умеръ тамъ же въ 795 г. по Р. Х., четвертый—Хамбаль умеръ въ Багдадѣ, въ 855 г.

Прочіе законовѣды, между которыми видное мѣсто занимаетъ Мугаммедъ-бенъ-Шегабъ Зогейри, старались скрѣпить письменно тѣ юридическія преданія, которыя имъ удалось собрать. Халифъ Гарунъ-Рашидъ утвердилъ на прочномъ основаніи судебныя правила. Въ 786 г. по Р. Х. онъ облекъ въ званіе юрисконсульта Абу-Юсуфа-Якуба, сына Ибрагима, ученика Абу-Ханифы, и съ той поры уже не поручалъ должности кадзы (судьи) никому, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя были рекомендованы Абу-Юсуфомъ. Ученіе ханифитовъ болѣе всего привилось въ Турціи, въ Туркестанѣ и въ Индіи; ученіе Малека господствуетъ въ Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко; исповѣданіе шафіитовъ преимущественно господствуетъ въ Египтѣ; ученіе Ахмеда-ибнъ-Хамбаля держится въ Аравіи.

Словами «иджмàа» (согласіе всѣхъ) и «кыясъ» (аналогія) мусульманскіе юрисконсульты обозначаютъ такіе случаи въ вопросахъ юридическихъ, которые не подходятъ къ объясненіямъ ни въ Коранѣ, ни въ суннѣ, ни въ преданіяхъ пророка. Такимъ образомъ мусульманское право основывается, кромѣ Корана, сунны и преданій (изреченій) Мугаммеда, еще на двухъ источникахъ: *согласіи* и *аналогіи*. Этотъ послѣдній источникъ мусульманскаго права примѣняется уже тогда, когда при разборѣ дѣла не встрѣчается установленныхъ правилъ. Въ крайнихъ случаяхъ дается «фетва», или судейскій приговоръ со стороны «муфти» — знаніе такихъ приговоровъ составляетъ отдѣльную отрасль мусульманской юриспруденціи.

Кромѣ установителей четырехъ ортодоксальныхъ сектъ, можно упомянуть о двухъ извѣстныхъ законовѣдахъ по ученію ханифитовъ: Кодури-Маргинани и Ибрагимѣ-Алеппскомъ. Первый изъ нихъ составилъ «Краткое руководство къ законовѣдѣнію» (Мохтасаръ). Ибрагимъ-Алеппскій (+ 1549 г. по Р. Х.) есть авторъ обширнаго юридическаго сочиненія «Мультакà-ль-абхуръ»—*Встрѣча морей*, комментированнаго ученымъ Шейхъ-Задэ, подъ названіемъ: «Маджмау-ль-ангаръ» (соединеніе рѣкъ).

Здѣсь мѣсто остановиться на нѣкоторыхъ особенныхъ сектахъ, возникшихъ изъ ученія Корана и смѣшавшихся съ философскими воззрѣніями мистиковъ. Толюкъ въ своемъ сочиненіи *) старался уяснить пантеистическое ученіе суфіевъ, такъ названныхъ отъ плаща, выработаннаго изъ «суфъ»—верблюжьей шерсти, но ни чуть не отъ греческаго (σοφὸς). Цѣль суфіевъ состояла въ стараніи, чрезъ

*) Tholuck, Sufismus seu Theosophia persarum pantheistica, Berol. 1821.

Digitized by Google

умерщвленіе плотскихъ страстей, соединиться съ божествомъ (васль); чтобъ отличиться отъ народа, они изобрѣли и особенный языкъ, съ аллегорическими представленіями, совершенно непонятными для профановъ. Восторженное состояніе мистика-суфи называется «халь»; божество представляется въ формѣ любимаго предмета, кумира, красавицы, друга и проч., а отсюда и всѣ части тѣла этого воображаемаго предмета снова употребляются въ значеніи фигуральномъ. Такъ напр. *кудри* въ языкѣ мистическомъ означаютъ тайны божества, извѣстныя лишь одному божеству; словомъ *чело* мистики выражаютъ откровеніе этихъ тайнъ въ троичности свѣта, жизни и любви, какъ вѣчной истины, вѣчной красоты и добродѣтели. Подбородокъ красавицы (т. е. божества)—высшее наслажденіе созерцателя, ямочка на подбородкѣ—это затрудненія, встрѣчаемыя при созерцаніи сверхъестественныхъ истинъ, самый-же подбородокъ изображаетъ развивающееся наслажденіе мистика. Опьяненіе значитъ упоеніе божественной любовью, чаша—чаша вѣчной любви, винный подвалъ представляетъ исчезновеніе, поглощеніе человѣческаго достоинства въ сліяніи съ божествомъ. Танецъ мистиковъ — это вращеніе небесныхъ сферъ вокругъ престола верховнаго существа. Силы небесныя носятъ наименованія *дестуровъ* (гебрскихъ жрецовъ), *мобедовъ*, виночерпіевъ, музыкантовъ. Термины: идолопоклонство, огнепоклонство, невѣріе, безчинство выражаютъ, въ смыслѣ аллегорическомъ, чистѣйшую нравственность. Человѣкъ, *привлеченный* (меджзубъ) божественной любовью, идетъ по *тарикату* (дорогѣ), какъ путникъ, на четырехъ станціяхъ: законъ (шеріатъ), путь (тарикатъ), истина (хакикатъ) и знаніе (марифатъ). Цѣль этого таинственнаго пути есть *единеніе* съ богомъ, когда человѣкъ сливается съ божествомъ, какъ высказывали эту мысль мистики Баязидъ-Бестами и Хусейнъ-Халляджъ, который говорилъ о себѣ: *Я есмь истина!* Онъ былъ казненъ при халифѣ Моктадерѣ (+922 г. по Р. Х.), какъ ересіархъ. Къ этой серіи мистиковъ-созерцателей можно причислить Ситти-Нефису, женщину изъ потомства Али, Абдъ-Эль-Кадера Гилянскаго (основателя монашескаго ордена кадеритовъ), Ибнъ-уль-Рифаа (основателя ордена Рифаи), Ибнъ-уль-Араби Андалусскаго (т. е. испанскаго+1240 г. по Р. Х.). Во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить въ суфизмѣ сильнаго вліянія греческой и индійской философіи.

Таинственный языкъ суфизма съ особенной силой выразился въ сочиненіяхъ Омара-ибнъ-Фаредза, весьма темныхъ и неудобопонятныхъ безъ знакомства съ терминами мистиковъ. Поэмы или касыды Омара-ибнъ-Фаредза изданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ Рошайдомъ-ибнъ-Дахдахомъ Ливанскимъ, съ предисловіемъ аббата Барже́

Digitized by Google

въ Парижѣ *). Чтобы дать понятіе о поэзіи этого рода, мы предлагаемъ пѣснь «О таинственномъ винѣ», еще не переведенную на европейскіе языки—и при этомъ отмѣтимъ аллегорическіе термины. Она читается на стр. 472—500 по тексту Рошайда-ибнъ-Дахдаха, и исполнена истинно-глубокихъ мыслей. Всѣхъ стиховъ въ ней 41:

„Мы пьемъ вино въ память любимицы и опьянѣли отъ него прежде, чѣмъ была создана виноградная лоза. Полная луна—его чаша, а оно—какъ солнце, носимое вокругъ молодымъ мѣсяцемъ. Сколько видно звѣздъ, когда оно смѣшано!.. Если бы не его благоуханіе, я не пошелъ-бы прямо къ его подвалу; еслибы не блескъ этого вина, воображеніе не могло-бы и представить его себѣ. Долгій промежутокъ времени ничего не оставилъ въ немъ, кромѣ частицъ его духа, такъ что, если оно обнаруживается въ груди мудрецовъ нашего міра, то это внѣшнее обнаруженіе равняется сокровенному его дѣйствію (въ груди познавшихъ божество). Когда объ этомъ винѣ упоминаютъ въ кочевомъ племени, обитатели приходятъ въ упоеніе—но это не вмѣняется имъ ни въ позоръ, ни въ грѣхъ. Оно поднимается по-немногу изъ внутренности бочекъ, и въ сущности отъ него уцѣлѣло одно лишь имя; но если это вино когда-либо снова придетъ на память человѣку (послѣ забвенія), то возстановляетъ въ немъ радость и далеко прогоняетъ грусть. Если бы собесѣдники только взглянули на печать сосуда, въ которомъ помѣщается это вино, то одна печать уже способна привести ихъ въ упоеніе, хотя они и не употребляли-бы самаго напитка. Еслибъ этимъ виномъ оросить прахъ могилы мертвеца, въ умершаго возвратился-бы духъ, и тѣло его воскресло-бы; еслибъ бросить тяжкобольного подъ тѣнь загороди, гдѣ растетъ его виноградная лоза, болѣзнь оставила бы умирающаго. Еслибъ приблизить сидня къ подвалу, гдѣ стоитъ это вино, сидѣнь началъ бы ходить, а нѣмой заговорилъ-бы при одномъ воспоминаніи объ его вкусѣ. Еслибъ его благовонный запахъ разошелся по востоку, а на западѣ кто-нибудь страдалъ бы потерей обонянія, то къ больному возвратилось бы чувство обонянія. Еслибъ изъ той чаши, гдѣ налито подобное вино, окрасить руку прикоснувшагося къ нему, онъ не сбился бы съ дороги и среди темной ночи, какъ будто въ рукѣ его сіяетъ яркая (путеводная) звѣзда. Еслибъ это вино въ тайнѣ показать слѣпорожденному, онъ прозрѣлъ бы; а отъ звука, когда оно пропускается сквозь цѣдильный сосудъ, къ глухому воротился бы слухъ. Еслибъ путники направлялись къ мѣсту, гдѣ находится это вино, и кто-нибудь изъ нихъ былъ ужаленъ змѣей, ядъ змѣи не повредилъ бы ему. Еслибы заклинатель начерталъ буквы его имени на челѣ бѣсноватаго, то подобное начертаніе изцѣлило бы больного. Если бы написать названіе этого вина на знаменахъ войска, то подобная надпись привела бы въ опьяненіе всѣхъ ратниковъ, стоящихъ подъ знаменами. Оно очищаетъ нравы собесѣдниковъ, и тотъ, у кого не достаетъ твердой рѣшимости, руководится имъ къ исполненію предположенной цѣли. Тотъ, чья рука не вѣдала щедрости, вкусивъ этого вина, становится щедрымъ; въ комъ не бывало кротости, становится кроткимъ въ своемъ гнѣвѣ. Еслибы неразумному изъ среды народа удалось поцѣловать только пробку, которою закупорено это вино, то подобный поцѣлуй обогатилъ бы его мыслью о свойствахъ самаго напитка. Мнѣ скажутъ: опиши намъ это вино, ты знаешь его качества! Я отвѣчу: да, мнѣ извѣстны его свойства. Оно чисто, чище, нежели вода; оно усладительно, отраднѣе, чѣмъ воздухъ; оно—свѣтъ, блистающій ярче, нежели грубый огонь; оно—духъ, но не тотъ духъ, что заключенъ въ грубомъ тѣлѣ. Повѣсть о немъ искони предшествовала

*) Le Diwan du cheikh Omar-ibn-el-Faredh. Paris. Съ комментар. Абдъ-эль-Ганиабулси и Хасанъ-эль-Бурини. 1855.

Digitized by Google

всему существующему, когда тамъ, въ вѣчности, еще не было ни формъ, ни слѣдовъ чего-либо; тамъ, посредствомъ его, возникли всѣ вещи вслѣдствіе божественной премудрости, которая укрывала это вино отъ всѣхъ неразумныхъ. Возлюбилъ его мой духъ до такой степени, что и духъ мой и вино смѣшались, слились во-едино, но не какъ тѣло, въ которое проникаетъ другое тѣло. То было вино, а не виноградная лоза, когда еще Адамъ былъ мнѣ отцомъ; то была виноградная лоза, а не вино, когда мать этого вина была моей матерью. Пріятность сосудовъ въ сущности слѣдуетъ за пріятностью внутренняго вѣдѣнія (меâни), но внутреннее вѣдѣніе возростаетъ при этой пріятности. Между ними встрѣчается раздѣлъ, но цѣлое составляетъ одно: души наши—вино, а наши формы—виноградная лоза. Прежде этого вина нѣтъ ничего прежняго, послѣ него нѣтъ ничего послѣдующаго, и предшествованіе всему послѣдующему несомнѣнно присвоивается этому вину. Его выжали прежде всѣхъ вѣковъ, такъ что время отца нашего (Адама) наступило послѣ него, а для вина настало сиротство! Таковы-то прекрасныя свойства этого вина, побуждающія панегиристовъ воспѣвать его; въ этомъ отношеніи хороши и проза, и стихи ихъ. При одномъ воспоминаніи о немъ приходитъ въ восторгъ даже тотъ, кто не знаетъ его, какъ любимецъ Нôамы приходитъ въ восторгъ, когда вспоминаютъ о Ноâмѣ. Мнѣ возразятъ: ты пьешь не вино, а грѣхъ! О, нѣтъ,—отвѣчу я,—я подлинно пью тотъ напитокъ, оставить который, по моему, будетъ грѣхъ; этотъ напитокъ идетъ въ здоровье для обитателей монастыря—сколько разъ они пьянѣли отъ него, не вкушая его, а только собираясь вкусить! А я отуманенъ его хмѣлемъ еще прежде моего отрочества, и этотъ хмѣль пребудетъ со мной, хотя-бы истерлись мои кости. Берись за такое вино въ самомъ чистомъ его видѣ; если же захочешь дать ему примѣсь, то будетъ несправедливо, если не смѣшаешь его съ слюной своей любимицы! Пей его въ подвалѣ и тамъ ищи его блеска при звукѣ веселыхъ пѣсень—тогда вино, въ сопровожденіи веселой пѣсни, можно считать за добычу. Никогда оно не встрѣчается въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ печалью, подобно тому, какъ горе не уживается съ веселой пѣснію. Пьянѣя отъ него, ты увидишь, какъ судьба будетъ твоимъ послушнымъ рабомъ въ теченіи этой часовой (короткой) жизни и отъ тебя будутъ зависѣть приговоры надъ ней. Нѣтъ веселья въ мірѣ тому, кто живетъ трезво; тотъ лишенъ твердаго разсудка, кто не умираетъ въ опьяненіи отъ вина, и пусть оплакиваетъ свою душу тотъ, чья жизнь промчалась и кому нѣтъ въ этомъ напиткѣ ни доли, ни части!"

Таинственный смыслъ этой истинно-художественной пѣсни не подверженъ сомнѣнію уже и по обстоятельствамъ жизни Ибнъ-Фаредза, который пользовался глубокимъ уваженіемъ гражданъ Каира (онъ родился тамъ въ 577 г. геджры и умеръ въ 632), и которому приписывали особенныя видѣнія. Такъ сынъ его разсказывалъ слѣдующій случай: «Отецъ мой (говорилъ онъ) какъ-то разъ во снѣ промолвилъ: Ты правъ, посланникъ божій, ты правъ!—и, возвышая свой голосъ, при этомъ показывалъ двумя пальцами лѣвой и правой руки на себя. Когда онъ проснулся, то выговаривалъ тоже, и положеніе рукъ его не измѣнялось, а я пожелалъ узнать причину подобнаго сновидѣнія. Я видѣлъ во снѣ посланника божія (разсказывалъ Ибнъ-Фаредзъ); онъ спрашивалъ меня, къ кому я принадлежу по родословной? Я отвѣчалъ, что веду свой родъ отъ Бени-Саадъ, племени, къ которому

Digitized by Google

принадлежала и кормилица пророка, Холейма. Нѣтъ, ты мой и твоя родословная связывается съ моей! возразило видѣніе. Я снова повторилъ прежнее, но пророкъ проговорилъ протяжно: Нѣтъ, ты изъ моихъ и твоя родословная связана съ моей! Тогда я проговорилъ: Правда, посланникъ божій—и при этомъ показалъ своими пальцами, какъ ты видѣлъ и слышалъ.

Чтобы понять основную мысль пѣсни о мистическомъ винѣ, мы должны обратиться къ толкованію Набулси. Вино, по его словамъ, означаетъ божественное вѣдѣніе, любимица—божество, виноградная лоза — бытіе. Мѣсяцъ — человѣкъ совершенный, какъ въ отношеніи правилъ вѣры, такъ и въ приложеніи этихъ правилъ къ жизни. Такой человѣкъ наполненъ, какъ чаша, свѣтомъ истины. Онъ передаетъ вѣдѣніе этой истины своему муриду (послушнику), а муридъ, когда испьетъ подобнаго вина (мистическаго), то въ немъ исчезаетъ все, за исключеніемъ этого напитка. Онъ—свѣтлая, не имѣющая начала и конца Истина, которая, будто солнце, восходитъ и сіяетъ надъ всѣмъ предопредѣленнымъ и изображеннымъ въ формахъ бытія. Молодой мѣсяцъ, который водитъ кругомъ, то есть разноситъ это вино, не кто другой, какъ тотъ же совершенный человѣкъ, только съ той разницей, что его собственный духъ еще не позволяетъ ему обнаруживать вполнѣ остатокъ свѣта, какъ, напр., земля, когда становится между луной и солнцемъ, тогда закрываетъ часть свѣта. Человѣкъ совершенный разноситъ это вино, то есть распространяетъ въ мірѣ идеи о названіяхъ и аттрибутахъ Истины. Смѣшеніе вина значитъ принятіе въ себя Истины со стороны человѣка совершеннаго, которую онъ передаетъ другимъ и становится для нихъ путеводной звѣздой, какъ уясняетъ эту мысль изреченіе Мугаммеда: «Мои сподвижники (асхабы) похожи на звѣзды; какою-бы изъ такихъ звѣздъ вы ни руководились, вы будете стоять на правомъ пути!»

Благовоніе въ языкѣ мистиковъ принимается въ смыслѣ: міръ Великаго Духа, возникшій по божію велѣнію. Подвалъ изображаетъ высокое божественное существо, то есть, разные роды его наименованій и аттрибутовъ. Блескъ этого напитка — свѣтъ человѣческаго разума, какъ-бы блескъ духовной молніи. Слѣдовательно, это должно понимать такъ: еслибъ не было слѣдовъ міра Великаго Духа, его благовонія, наполняющаго всѣ существа, человѣкъ не могъ-бы достигнуть прямого пути къ божіимъ именамъ и аттрибутамъ, къ этой сберегаемой тайнѣ; еслибъ не существовало молніи духа человѣческаго, то воображеніе не могло-бы составить себѣ понятія касательно этого напитка (всеобъемлющей божественной Истины), потому что у него въ сущности нѣтъ никакого образа.

Digitized by Google

Слово *судьба* объясняется комментаторомъ чрезъ «украшенія нашаго міра и блескъ его», которые не оставляютъ въ человѣкѣ ни одной частицы духовнаго начала, такъ что, если Истина (вино) и обнаружится въ разумѣ человѣка, то подобное обнаруженіе походитъ на сокровенныя тайны въ груди людей, получившихъ божественное знаніе. Кочевое племя изображаетъ въ этой пѣсни «людей, достойныхъ принять свѣтъ божественной милости и помощи». Подъ именемъ *бочекъ*, изъ которыхъ поднимается вино, здѣсь разумѣются сердца человѣческія, небрегущія божественнымъ вѣдѣніемъ, по причинѣ привязанности къ міру и его вождѣленіямъ. Такимъ образомъ у истиннаго *мурида* (новиціата) остается только одно имя этого вина, потому что самая сущность (т.-е. сущность божества) не нуждается въ мірскомъ, на основаніи словъ Корана: Богъ не нуждается въ мірѣ.

Собесѣдниками названы въ этой мистической пѣсни «люди, идущіе божіей дорогой»; печать сосудовъ—обнаруженіе божества въ сердцѣ человѣка, взглядъ на эту печать—желаніе удостовѣриться въ истинѣ сказаннаго, а самый сосудъ—человѣческая душа. Орошеніе виномъ—появленіе людей благочестивыхъ, одаренныхъ, по соизволенію божію, великимъ приближеніемъ къ божеству, какъ напр., сказано въ Коранѣ на счетъ Айсы (Іисуса): *и ты будешь воскрешать мертвыхъ по Моему соизволенію* — людей, отличныхъ по своей святости и посредствомъ чуда воскрешающихъ умершаго. Тѣнь имѣетъ здѣсь смыслъ воображенія въ совершенномъ человѣкѣ, который, отвращаясь отъ запада существъ, стремится къ востоку солнца божія—единства. Загородь — собраніе міровъ возможнаго, доступнаго чувствамъ и уму. Эта совокупность міровъ составляетъ какъ-бы стѣну между здѣшней и будущей жизнію. Тѣло человѣка съ его членами и духовными силами изображаетъ стѣну, которая, когда будетъ разрушена смертью, человѣкъ переходитъ въ будущую жизнь. И такъ, смыслъ, что больного бросаютъ подъ тѣнь стѣны и проч., будетъ тотъ, что мысль совершеннаго человѣка и его воображеніе представляютъ себѣ образъ этого нравственно больного, о которомъ, напр., сказано въ «Коранѣ»: Въ сердцахъ ихъ болѣзнь (глава 2-я).

Точно также надобно понимать слова: *сидѣнь* и *нѣмой*. Сидѣнь есть тотъ, кто не стремится познать, какъ должно, своего Господа. Если тотъ сидѣнь пойдетъ, это значитъ онъ освободится отъ цѣпей своей фантазіи и похотей, шествуя, при помощи божіей, по дорогѣ Истины. *Нѣмой*, т.-е. несвѣдущій въ божественномъ знаніи, будучи близко отъ подваловъ такого мистическаго напитка (подвалы—бесѣды вѣдающихъ божественныя тайны съ людьми, ищущими знаній), начинаетъ говорить о божественныхъ знаніяхъ.

Слово *востокъ* имѣетъ смыслъ страны востока, откуда вышли

Digitized by Google

иракскіе святые, а также сердце человѣка совершеннаго, подобное востоку, откуда появляется солнце бытія Истины. Благовонный запахъ вина — распространеніе понятій объ Истинѣ со стороны человѣка совершеннаго (кямиль); страждущій потерею обонянія — человѣкъ разсѣянный, которому стало-было недоступнымъ благоуханіе божественнаго обнаруженія, но который рѣчами «кямиля» снова доведенъ до обонянія Истины.

Рука прикоснувшагося—рука искренняго мурида, когда онъ полагаетъ ее въ руку муршида (старца-руководителя) при заключеніи съ нимъ обоюдныхъ условій. Подобный торгъ, въ смыслѣ духовномъ, предполагаетъ какъ-бы покупку Богомъ души у мурида при посредствѣ муршида. Полагая такимъ образомъ руку свою въ руку муршида, искренній муридъ берется за платье искомаго (мурадъ) предмета, т.-е. божества; торгъ, стало быть, состоялся невозвратно, и Богъ пріобрѣтаетъ душу правовѣрнаго.

Окрашеніе виномъ выражаетъ дарованіе божіей помощи искреннему муриду; ночь—какое-либо его положеніе; звѣзда—помощь, происходящая отъ прикосновенія къ рукѣ «кямиля». Тайное показываніе вина слѣпорожденному—обнаруженіе Истины предъ человѣкомъ безпечнымъ, завѣшеннымъ собственной душой отъ познанія Господа. Такой человѣкъ прозрѣваетъ внутренно лишь при помощи господней. *Цѣдильнымъ сосудомъ* (раўкъ) называется умъ кямиля. Кямиль, который постигаетъ Творца не самъ собой, а при посредствѣ свѣта господня, передаетъ полученное отъ свѣта своему уму, и умъ очищаетъ это отъ постороннихъ мутныхъ, нечистыхъ примѣсей. Подъ глухими разумѣются люди, занятые пустяками и не слушающіе рѣчей народа божія. Путники — это люди дороги и знанія, ведомые самимъ Богомъ на водѣ и на сушѣ; мѣсто происхожденія мистическаго вина—человѣческій образъ, въ которомъ рождается образъ духовный, иначе *муршидъ*. Ужаленный змѣею—мистическій любовникъ, котораго жалятъ похоти, но которому не вредитъ ихъ ядъ, если этотъ любовникъ обращается за совѣтами къ муршиду. Заклинатель—это шейхъ муршидъ; буквы имени мистическаго вина—различныя измѣненія, придумываемыя мистикомъ въ размышленіи о божественныхъ откровеніяхъ и при посредствѣ самихъ-же откровеній, а не чрезъ самого себя. Начертаніе подобныхъ нематеріальныхъ буквъ происходитъ отъ муршида при помощи божіей. Бѣсноватый принимается въ смыслѣ безпечный, увлекающійся собственными мечтами и помыслами; онъ уклоняется отъ божественнаго просвѣтлѣнія (откровенія) и разсматриваетъ всѣ предметы, какъ нѣчто самостоятельное, неизмѣняющееся. Начертаніе на челѣ, какъ на высшемъ мѣ-

Digitized by Google

стѣ, означаетъ то, что страждущій душевнымъ недугомъ долженъ чаще приводить себѣ на память врачевство отъ такой болѣзни.

Знамя (лива̀) имѣетъ таинственный смыслъ образа дѣйствій, свойственныхъ каждому изъ суфійскихъ шейховъ; подъ такимъ знаменемъ ихъ муриды (ученики) выступаютъ въ походъ противъ вожделѣній плотской души. Словомъ *неразумный* здѣсь обозначается человѣкъ несвѣдущій, небрежный, но любящій людей благочестивыхъ. *Пробка* значитъ *покрывало* на мистическомъ винѣ, то есть человѣческій разумъ, въ случаѣ, если разумъ не вѣдаетъ вина, если-же разуму знакомъ этотъ напитокъ, то онъ будетъ цѣдильный сосудъ. *Поцѣлуй пробки*—знаніе, возникшее отъ божественнаго просвѣтлѣнія.

Все существующее, по смыслу этой пѣсни, возникло не отъ самаго напитка, а отъ божественнаго вѣдѣнія и божественнаго слова, какъ напр., цѣлая пальма заключается въ одной финиковой косточкѣ. Смѣшеніе духа мистика съ таинственнымъ виномъ уподобляется этому соединенію пальмы съ финиковой косточкой прежде, чѣмъ обнаружится самое дерево, несуществующее въ косточкѣ; таково единеніе познающаго съ познаваемымъ. Выраженія: *Адамъ былъ мнѣ отцомъ*, означаетъ, что мое сыновнее отношеніе къ Адаму уже существовало въ вѣдѣніи божества, а слово божіе не мѣняется.

Имя *Нда̀ма*—названіе красавицы, совершенно произвольное, и принимается здѣсь въ смыслѣ божества. Подъ *обитателями монастыря* разумѣются *святые* (эвлія), наслѣдовавшіе духовную степень *Айсы* (т. е. Христа) въ религіи Мугаммедовой, которая объемлетъ собою всѣ степени святости пророковъ и посланниковъ, предшественниковъ Мугаммеда. Ихъ опьяненіе, въ смыслѣ мистическомъ, есть воспоминаніе объ этомъ напиткѣ, который приближаетъ ихъ къ міру духовъ, изъятому отъ мрака, и вводитъ ихъ въ свѣтъ Мугаммеда; однако они не достигаютъ до конца этого міра, а только толпятся по дорогѣ къ нему.

Словами: *погребъ винотороговца* Ибнъ-Фаредзъ намекаетъ на всякій предметъ, такъ какъ это вино, подъ которымъ разумѣется сущность единаго Бога, обнаруживается, проявляется и раскрывается въ предназначеніи и формѣ каждой вещи, какъ будто всякій предметъ въ этомъ смыслѣ можетъ назваться абсолютно погребкомъ, и все погибнетъ, кромѣ лица божія (мысль Корана). *Часовая жизнь*, т. е. жизнь скоропреходящая; рабство или послушаніе судьбы человѣку объясняется такъ: судьба не станетъ прекословить тебѣ, по причинѣ отреченія твоего отъ собственнаго *я*, свидѣтельства твоего о томъ, что твой Господь свидѣтельствуется самимъ собою.

При изложеніи богословско-юридическаго отдѣла мы не можемъ пройти молчаніемъ богословской знаменитости Имама Газзали—уче-

Digitized by Google

наго, который во второмъ вѣкѣ геджры хотѣлъ противодѣйствовать распространявшимся философскимъ воззрѣніямъ. Абу-Хамедъ Мугаммедъ, сынъ Мугаммеда, съ прозвищемъ *Газзали*, т.-е. продавецъ нитокъ *), родился въ 1058 г. по Р. Х. въ городъ Тусѣ, учился въ Джорджанѣ и Нишабурѣ, а потомъ преподавалъ богословіе въ Багдадѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Дамаскъ, а отсюда въ Нишабуръ, гдѣ и умеръ въ 1111 г. по Р. Х. **). Его логику сравниваютъ съ логикой Ибнъ-Сины (Авиценны); между тѣмъ и другимъ замѣчается не великая разница. Всѣ труды Газзали были устремлены къ поддержанію ислама во всей его цѣлости. Онъ оставилъ послѣ себя до *ста* сочиненій, за что́ прозванъ «Худжджату-ль-исламъ». Главное его сочиненіе: «Оживленіе наукъ религіи» (Ихъя-эль-Олюмъ-еддинъ); оно заслужило такого отзыва, что еслибы всѣ книги, гдѣ трактуется о мусульманской религіи, пропали, а осталось-бы только это произведеніе Газзали, то не стоило-бы и жалѣть о потерѣ прочихъ сочиненій.

Сочиненіе Газзали состоитъ изъ четырехъ частей; въ первой говорится о священныхъ обрядахъ, во второй о принятыхъ въ жизни обыкновеніяхъ, въ третьей разбираются страсти, вредныя для души, въ четвертой—страсти полезныя. Газзали не сомнѣвается въ откровеніи человѣку свыше; хотя онъ прямо не отвергаетъ правъ разсудка, однако добавляетъ, что существуютъ такія истины, которыя недосягаемы для нашего разумѣнія, и мы должны принять ихъ, хотя и не можемъ ихъ вывести логическимъ путемъ изъ извѣстныхъ посылокъ. Газзали извѣстенъ также, какъ моралистъ: онъ увѣщеваетъ дѣлать добро, избѣгать зла, придерживаться строгой нравственности и господствовать надъ своими страстями. Что касается мнѣній греческихъ философовъ, Газзали разсматриваетъ ихъ системы и находитъ, что между ними господствуетъ постоянный разладъ.

Философская литература (ильмъ-уль-фелясафати). Если занятія философіей въ арабскихъ школахъ имѣли свое начало въ знакомствѣ съ сочиненіями греческихъ мудрецовъ, все-таки нельзя не признать за арабскими учеными самостоятельнаго развитія этой отрасли знаній, такъ что средневѣковая схоластика почерпалась изъ сочиненій арабскихъ ученыхъ. Они важны, какъ звено, связующее міръ греко-римскій и ново-европейскій. Уже было замѣ-

*) Есть и еще мнѣніе, что *Газзали* получилъ свое прозвище или отъ того, что часто бесѣдовалъ *съ продавцами нитокъ* (газзалйнъ), или отъ того, что любилъ раздавать милостыню старухамъ, которыя приходили въ нитяный рядъ продавать свою пряжу. Ихъ жалкое ремесло и немощи побуждали Газзали къ благотворительности.

**) Хаджи-Хальфа (Т. 1, стр. 180) говоритъ, что Газзали умеръ въ Тусѣ.

Digitized by Google

чено, что греческая философія заинтересовала первыхъ аббасидскихъ халифовъ, особенно Гаруна-Рашида и сына его Мамуна. При нихъ столица халифата, Багдадъ, получила полный блескъ, откуда распространялось просвѣщеніе въ мусульманскомъ мірѣ. Переводъ книгъ Аристотеля, начатый Хонейномъ и Яхъею-грамматикомъ, безспорно считается у арабовъ точкой отправленія къ занятіямъ философіей. Аль-Кинди, Мугаммедъ-бенъ-Масъудъ, Абу-Теммамъ-Нишабурскій, Ибнъ-Сахль-Балхскій, Тальха-Насафи, Исферайни, Аль-Амири были признаваемы за великихъ философовъ до появленія Аль-Фараби и Ибнъ-Сины (Авиценны), которые стали во главѣ новой школы. Эти извѣстные ученые сообщили философіи систематическую форму, которая удержана и ихъ преемниками. Ибнъ-Баджа (Авенпаче † 1138 г. по Р. Х.), Асиръ-еддинъ-Альабхаръ, Али-эль-Ховенджи, Ибнъ-Абу-Рошдъ (Аверроесъ), Абу-Сальтъ и особенно ходжа Насыръ-еддинъ Тусскій, шли по слѣдамъ ихъ и позднѣе проникли въ западныя школы. Не должно впрочемъ думать, что арабы ограничивались только тѣмъ, что комментировали Аристотеля; они знали Федона, Платонова Кратила и, въ частности, его большое сочиненіе «О законахъ»; между ними уже ходили многія сочиненія, приписываемыя Пиѳагору. Между древними арабы цитируютъ Орфея и Гомера, котораго поэтическія произведенія запечатлѣны *божественною философіей*, семь мудрецовъ, Эмпедокла и Анаксагора, Гераклита и Демокрита, школу елеатескую, Сократа и его учениковъ, Евклида, Антисѳена, Діогена, Аристиппа, Эпикура и школу стоиковъ. Имъ были извѣстны комментаторы Аристотеля и александрійская школа; Ѳемистій, Александръ Афродизійскій, Аммоній, Порфирій, Плотинъ и Проклъ пользовались у арабовъ большимъ уваженіемъ, и замѣтно, что они судятъ о древнихъ по понятіямъ новоплатониковъ и новопиѳагорейцевъ, образуя такимъ образомъ цѣпь, которая соединяетъ древнюю философію съ схоластикой. Мистическое направленіе въ средніе вѣка, безъ сомнѣнія, возникло также подъ вліяніемъ мугаммеданскаго суфизма.

Лучшимъ переводчикомъ Аристотеля (Аристу-эль-кебиръ) признается Кинди, или Алькинди (умер. 861 г.), жившаго въ лучшій періодъ Багдадскаго халифата при халифѣ Мамунѣ. Онъ снабдилъ «Органонъ» Аристотеля своими толкованіями. Фараби, уроженецъ города Фараба или Отрара (†954 г. по Р. Х.), изучивъ логику и философію Аристотеля у Матта-бенъ-Юнуса, отправился въ Алеппо къ Сейфъ-уд-Доуле, князю хамданидскому. Его объемистое сочиненіе, въ которомъ содержится энциклопедія философіи Платона и Аристотеля, хранится въ эскуріальской библіотекѣ и называется «Ихса-эль-Улюмъ» (обозрѣніе наукъ). Фараби отвергалъ от-

Digitized by Google

кровеніе свыше и училъ, что всякій человѣкъ своимъ умомъ можетъ достигнуть созерцанія высшихъ истинъ, и тѣмъ прямо становился въ разрѣзъ съ проповѣдью Корана. Возникшая вслѣдствіе этого антирелигіознаго движенія такъ-называемая бассорская школа, или общество, начала распространять свои либеральныя идеи чрезъ свой энциклопедическій «Сборникъ братьевъ чистоты и друзей честности». Этотъ сборникъ (по словамъ Хаджи-Хальфы, III, 460) составленъ при участіи слѣдующихъ лицъ: Абу-Солеймана Бости, извѣстнаго подъ прозвищемъ Мокаддаси (Іерусалимскій), Абду-ль-Хасана Зенджани, Абу-Ахмеда Негриджаури, Ауфи и Зейда-бенъ-Рифаа; въ немъ содержится 51 трактатъ, обнимающій всѣ роды знаній.

Какъ на философа съ громадной эрудиціей можно указать на извѣстнаго въ ученомъ мірѣ Авиценну, котораго подлинное имя— Абу-Али-Хусейнъ Ибнъ-Сина (†1036 г. по Р. Х.). Его энциклопедія философскихъ наукъ называется «Книга лекарства въ пользу мудрости». Здѣсь изложены ученія Аристотеля и неоплатониковъ, такъ что, хотя Авиценна и признаетъ существованіе божества, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ и вѣчность матеріи, сообразно съ ученіемъ перипатетиковъ. Представителемъ враждебнаго направленія противъ греческой философіи, какъ уже замѣчено выше, считается Газзали, который старался поддержать основы мусульманства.

Ибнъ-Ваджа (†1138 г. по Р. Х.), или Авенпаче Абубекръ Мугаммедъ, сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, родился въ Сарагоссѣ (Caesar Augusta), жилъ въ Севильѣ и наконецъ въ Фецѣ у князя Яхъи-Ташуфинъ. Въ своемъ сочиненіи «Упражненіе пустынника» онъ во всемъ подражаетъ Фараби и слѣдуетъ его идеямъ въ томъ отношеніи, что человѣкъ можетъ отожествиться, при помощи упражненія, со всемірнымъ разумомъ. Къ этой-же категоріи философовъ-вольнодумцевъ, отрицающихъ многія постановленія Корана, принадлежитъ Ибнъ-Тофайль (†1185 г. по Р. Х.), уроженецъ испанской гренадской области, который состоялъ лейбъ-медикомъ при князѣ Абу-Якубѣ-Юсуфѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ Ибнъ-Рошда (Аверроеса). Извѣстенъ его романъ: «Живущій, сынъ бодрствующаго», а также и переводъ его, составленный ученымъ Эдуардомъ Пококомъ въ 1671 г. подъ заглавіемъ «Philosophus autodidactus» (философъ-самоучка), гдѣ авторъ доказываетъ, что человѣкъ чрезъ наблюденіе природы и собственнымъ разумомъ можетъ дойти до раскрытія сокровенныхъ тайнъ природы и божества. Его ученикъ Ибнъ-Рошдъ (или, правильнѣе, Ибнъ-Абу-Рошдъ), у европейцевъ Аверроесъ (†1198 г. по Р. Х.), считается лучшимъ толкователемъ Аристотеля. Когда Имамъ Газзали составилъ свой трудъ «Паденіе философовъ» (тегафутъ-эльфелясифетъ), гдѣ говорится, что «источ-

Digitized by Google

никъ невѣрія философовъ истекаетъ изъ знакомства съ твореніями Сократа, Гиппократа (Бократъ), Платона, Аристотеля и тому подобныхъ, и что только Абу-Насръ Фараби и Ибнъ-Сина (Авиценна) составляютъ какъ-бы исключеніе по своимъ философскимъ воззрѣніямъ» *), то Ибнъ-Рошдъ написалъ на книгу Газзали свое опроверженіе, подъ заглавіемъ: «Опроверженіе на опроверженіе» (тегафутъ-эт-тегафутъ), гдѣ этотъ философъ старается согласить положенія Корана и философіи и, такъ сказать, примирить ихъ обоюдныя мнѣнія.

Знаменитый, пользующійся значительнымъ авторитетомъ въ средневѣковой литературѣ, ученикъ Ибнъ-Рошда — шейхъ Моисей-Маймонидъ († 1208 г. по Р. Х.), или Муса бенъ-Маймонъ, уроженецъ Кордовы, еврей-талмудистъ, изучившій медицину и философію. Преслѣдуемый княземъ Абдъ-Эль-Муминомъ-Али, онъ переѣхалъ въ египетскій городъ Фостатъ, гдѣ преподавалъ философскія науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ торговалъ драгоцѣнными камнями. При султанѣ эюбидскомъ Саладинѣ онъ состоялъ въ качествѣ придворнаго медика. Послѣ него осталось много философскихъ и богословскихъ сочиненій, изъ которыхъ извѣстно «Морѐ невохимъ» (Doctor perplexorum).

Греко-арабская философія исчезаетъ изъ мусульманскихъ школъ уже въ 12 столѣтіи по Р. Х., но чрезъ посредство ученыхъ евреевъ дѣлается достояніемъ европейскихъ школъ и, такъ сказать, служитъ связью между древними и новыми мыслителями въ области философіи.

Медицина и естествознаніе. Въ средніе вѣка арабы занимаютъ почетное мѣсто въ медицинѣ и естествознаніи вообще. Ихъ наставниками по медицинѣ можно считать несторіянскихъ проповѣдниковъ, которые, кромѣ того, сообщили сирійскую грамоту и монголамъ. Школа Джундишапурская (ея основаніе приписываютъ персидскому царю Сапору или Шапуру) славилась своимъ преподаваніемъ медицинскихъ наукъ. Такъ изъ арабовъ, получившихъ здѣсь образованіе, извѣстенъ Хàресъ, сынъ Кельда, изъ племени Тсакифъ, современникъ Мугаммеда. Арабскіе врачи всегда пользовались заслуженною славой, соединяя съ своими спеціальными знаніями изученіе математики и философіи, хотя не пренебрегали иногда и шарлатанствомъ, чтобъ угодить вкусу своихъ соотечественниковъ, склонныхъ къ вѣрѣ въ чудесное. Они называли себя послѣдователями Аристотеля и не затруднялись дѣйствовать на умы своихъ паціентовъ всѣми средствами, какія предоставляли имъ магія и астрологія. Отсюда возникли разнаго рода

*) Haji-Chalfae, Lex. bibliograph. et encyclop., III, 466, 467, 468 и 469.

Digitized by Google

талисманы (по-арабски *телесмъ*) и амулеты (арабское: *хамулетъ*, т.-е. то, что носится при себѣ, особенно отъ дурнаго глаза, occhio cattivo, по-персидски *чешми-бедъ*); отсюда же возникла наука толкованія сновъ, въ которой особенно отличались арабы.

Съ 3-го вѣка по Р. Х. персидскіе цари приглашали къ себѣ греческихъ врачей, которые въ свою очередь распространили на Востокѣ ученіе Гиппократа, и вскорѣ академія Джондишапурская могла поспорить съ александрійскою, а вслѣдствіе арабскихъ завоеваній Антіохія и Хорранъ сдѣлались центрами учености, откуда выходили знаменитости, соединявшія съ медицинской практикой знаніе языковъ греческаго и арабскаго и представившія въ переводахъ произведенія Аристотеля, Евклида и Птолемея. Такъ, напр., Хонайнъ, какъ разсказываютъ, получалъ отъ халифа Мамуна за каждое переведенное греческое сочиненіе столько золота, сколько оно вѣсило. Хонайнъ былъ ученикъ сирійца Яхъи-Ибнъ-Месуе (или Месевайгъ) и долго пользовался довѣріемъ аббасидскихъ халифовъ. Месуе составилъ много трактатовъ по части медицины, перевелъ Аристотеля, написалъ доказательства по медицинѣ, фармакопею, трактаты о лихорадкахъ, о пищѣ, о катаррахъ, баняхъ, головныхъ боляхъ и проч. Многіе изъ этихъ трактатовъ были переведены на языкъ еврейскій и находятся или въ этомъ переводѣ, или въ подлинникѣ, въ главныхъ библіотекахъ Европы. Этотъ врачъ умеръ въ 855 г. по Р. Х. *), 80-ти лѣтъ отъ роду.

Хонайнъ, сынъ Исхака Ибади, не менѣе прославился, чѣмъ его учитель Месевайгъ. Онъ перевелъ Гиппократа (подъ названіемъ «Изрѣченія Гиппократа»), а также и Галена (Джалинусъ) подъ названіемъ «Вступленіе въ медицину». Сынъ Хонайна также перевелъ много сочиненій съ греческаго языка и, кромѣ того, написалъ книгу: «Исторія врачей».

Анатомія и хирургія были въ пренебреженіи у арабскихъ медиковъ, какъ кажется, въ силу причинъ религіозныхъ. Говорятъ, что и самъ Мугаммедъ не одобрялъ подобныхъ занятій, но надобно сказать, что арабы успѣшно занимались химіей, ботаникой и фармакологіей. Между такими знатоками, вышедшими изъ Джундишапурской академіи, можно указать на Георгія Бахтишуа и сына его Бахтишуа-Джирджиса (т. е. Георгія), и другого Бахтишуа, по имени Гавріила († 828 г. по Р. Х.), который состоялъ врачемъ при халифахъ Аминѣ и Мамунѣ и прославился необыкновенными исцѣленіями; но никто изъ упомянутыхъ врачей не сравнялся въ авторитетѣ по части медицины съ Рáзесомъ и Авиценной, которыхъ сочиненія долго господствовали въ школахъ западной Европы. Рá-

*) По другимъ въ 874 г. по Р. Х.

Digitized by Google

зесъ (Мугаммедъ-Абубекръ-бенъ-Захарія), или Рейскій, т.-е. уроженецъ города Рея (годъ его рожденія 860 по Р. Х.), соединялъ, по примѣру древнихъ медиковъ, теоретическое знаніе медицины съ практическимъ его примѣненіемъ. Онъ говаривалъ, что еслибы человѣкъ жилъ и тысячу лѣтъ, все-же онъ не могъ-бы наблюдать то, что было произведено въ различныя времена и въ различныхъ концахъ земли—слѣдовательно, надобно основываться на знаніяхъ предшествовавшихъ дѣятелей. Онъ былъ главнымъ врачемъ въ багдадскихъ больницахъ, въ Реѣ и Джондишапурѣ, и составилъ большое сочиненіе по части медицины, извѣстное подъ названіемъ «Ха́ви» (всеобъемлющее). Его трактатъ объ оспѣ и кори былъ всюду принятъ медиками; десять книгъ его, посвященныхъ намѣстнику Хорассана, саманидскому государю Мансуру, сыну Исмаила, напечатанныя въ Венеціи (1510 г. по Р. Х.), особенно замѣчательны методомъ изложенія.

Ра́зесъ написалъ болѣе двухъ-сотъ сочиненій; онъ ввелъ въ фармацію употребленіе легкихъ слабительнныхъ средствъ и химическихъ препаратовъ, приспособленныхъ къ медицинѣ; кромѣ того, онъ извѣстенъ какъ изобрѣтатель за̀волоки, которую онъ часто употреблялъ при леченіи ранъ. Онъ придавалъ большое значеніе изученію анатоміи, и разсказываютъ, что когда въ старости онъ потерялъ зрѣніе, то не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь другой снялъ ему катарактъ, кромѣ такого хирурга, который объяснилъ бы ему: сколько оболочекъ заключаетъ въ себѣ глазъ. Ра́зесъ предпринималъ путешествія по Сиріи, Египту и Испаніи; онъ скончался въ 932 г. по Р. Х. Его трактатъ объ оспѣ и кори (Джедри-вель-Хасба) неоднократно издавался въ переводахъ на европейскіе языки.

Пятьдесятъ лѣтъ позднѣе прославился на медицинскомъ поприщѣ Али-бенъ-Аббасъ-Мажуси (т. е. магъ по своей религіи, персіянинъ по происхожденію), который составилъ полный курсъ медицинскихъ наукъ, подъ названіемъ «Малеки» (царская книга), посвященный имени бувейгидскаго государя Адзъ-ед-Доуле *). Этотъ курсъ содержитъ въ себѣ десять книгъ теоріи и десять книгъ практическаго примѣненія; онъ былъ переведенъ на латинскій языкъ Стефаномъ Антіохійскимъ въ 1127 г. по Р. Х. и напечатанъ въ 1523 г. въ Ліонѣ, подъ заглавіемъ: *Книга всей медицины* (*Liber totius medicinae*). Али-бенъ-Аббасъ указалъ нѣкоторыя ошибки, замѣченныя имъ у Гиппократа, Галена, Орибаза и Павла Эгинскаго; онъ называетъ,

*) Адздъ-ед-Доуле, сынъ Рокнъ-ед-Доуле, съ проименованіемъ Абу-Шуджа́а Феннахосру, въ 338 г. геджры принялъ отъ своего дяди Има́да правленіе Фарсомъ и Керманомъ. Онъ умеръ въ 372 г. геджры отъ эпилепсіи и погребенъ въ Неджефѣ.

Digitized by Google

въ числѣ своихъ предшественниковъ Серапіона, автора книги: «Сокращенное руководство къ практической медицинѣ».

Около того же времени, именно въ X столѣтіи по Р. Х. (980 г.) родился Авиценна. Его родина, по мнѣнію однихъ, Афшана, близь Шираза, гдѣ отецъ его былъ правителемъ, а по мнѣнію другихъ, близь Бухары, гдѣ онъ и получилъ образованіе и, будучи еще 18-ти лѣтъ, вылечилъ эмира Нуха, саманидскаго государя, отъ тяжкой болѣзни, что̀ и доставило ему репутацію опытнаго медика. Газневидскій султанъ Махмудъ, сынъ Себуктегина, приглашалъ его къ себѣ на службу; но Авиценна, врагъ придворнаго медика Махмудова, Аль-Бируни, отвергъ его предложеніе, и вслѣдствіе того принужденъ былъ влачить скитальческую жизнь, полную приключеній и неумѣренности, что̀ и свело его въ могилу на 56 г. отъ роду, въ городѣ Гамаданѣ (въ 1037 г. по Р. Х.). Безъ сомнѣнія, это была единственная личность своего времени. Онъ отличался во всѣхъ отрасляхъ знаній; но въ Европѣ онъ болѣе извѣстенъ какъ врачъ, который въ теченіи шести вѣковъ господствовалъ въ западно-европейскихъ школахъ.—Его «Канонъ-фи-штиби»—«Правила медицины», раздѣленныя на пять книгъ, переведенныя на европейскіе языки и напечатанныя нѣсколько разъ, послужили основою для изученія медицины во Франціи и въ Италіи. Шпренгель сообщаетъ много любопытныхъ подробностей объ Авиценнѣ въ своей «Исторіи медицины».

Между тѣмъ, среди испанскихъ мусульманъ являются замѣчательные ученые—преимущественно въ области медицинскихъ наукъ. Таковы, напр., Альбуказисъ († 1107 г. по Р. Х.), Авенъ-Зогаръ (1161 г.), Аверроесъ (1198 г.), Абенъ-Витаръ (1248 г.). Первый изъ нихъ, котораго настоящее имя было Абу-ль-Касемъ-Халяфъ-бенъ-Аббасъ, считается какъ-бы возстановителемъ хирургіи, науки, которая начала упадать послѣ Авиценны; онъ составилъ точное описаніе хирургическихъ инструментовъ, съ примѣненіемъ къ операціямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на исключительно трудные случаи и на опасность производить ту или другую операцію. Описывая литотомію, онъ указываетъ для камнесѣченія тоже мѣсто, какъ и наши теперешніе хирурги. Его творенія стали извѣстны въ Европѣ съ половины XV-го вѣка, и никто не оцѣнилъ ихъ такъ справедливо, какъ Порталь, въ своей исторіи анатоміи и хирургіи.

Авенъ-Зогаръ, подлинное мусульманское имя котораго — Абу-Мерванъ-бенъ-Абдъ-эль-Малекъ-бенъ Зогръ, происходилъ изъ фамиліи Ибнъ-Зогръ, давшей много знаменитостей по части юриспруденціи и медицины въ XI и XII столѣтіяхъ по Р. Х. Авенъ-Зогаръ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, родился въ Пенафлорѣ, служилъ у ма-

Digitized by Google

рокскаго князя Юсуфа-бенъ-Ташфина. Онъ хотѣлъ подчинить медицину законамъ, основаннымъ на наблюденіяхъ, и осмѣлился, вопреки предразсудкамъ своего времени, присоединить къ ней изученіе хирургіи и фармаціи. Его главные труды были переведены на латинскій языкъ, но весьма невполнѣ. Левъ Африканскій сообщаетъ очень любопытный анекдотъ о сынѣ Авенъ-Зогара, который шелъ также по слѣдамъ своего отца и сопутствовалъ Юсуфу въ Марокко (Марокешъ). Онъ написалъ стихи, въ которыхъ выразилъ сожалѣніе, что онъ разлученъ съ своей семьей. Султану случайно попались эти стихи, и онъ приказалъ севильскому правителю какъ можно скорѣе доставить семейство своего врача въ Африку и помѣстилъ его въ богато-убранномъ домѣ, который тутъ же и подарилъ ему. Авенъ-Зогаръ былъ туда позванъ подъ предлогомъ осмотра больныхъ и пріятно изумился при видѣ представившагося ему зрѣлища.

Аверроесъ (собственно: Ибнъ-Рошдъ), врачъ-философъ, съ полнымъ именемъ Абу-Валидъ-Мугаммедъ, родился въ Кордовѣ 1149 г. по Р. Х. и справедливо считается въ числѣ лучшихъ учениковъ Авенъ-Зогара старшаго, о которомъ онъ отзывался всегда съ уваженіемъ. Онъ былъ приверженецъ школы перипатетиковъ и близко держался ученія Галена. Кромѣ примѣчаній на Аристотеля, Аверроесъ составилъ также комментаріи на «Канонъ Авиценны», трактаты о противоядіи, книгу о ядахъ и о лихорадкахъ. Книга его «Кюллиетъ» (т. е. полное собраніе) много разъ была издана въ Венеціи и въ Ліонѣ.

Абу-Мугаммедъ Абдалла-ибнъ-Бейтаръ *) родился близъ города Малаги, въ деревнѣ Бенана. Онъ много путешествовалъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, былъ принятъ султаномъ Саладдиномъ въ Египтѣ и нашелъ также благосклонный пріемъ со стороны Меликъ-Кямиля въ Дамаскѣ. По желанію султана Меликъ-Салеха, сына Меликъ-Кямиля, Ибнъ-Бейтаръ написалъ сочиненіе «Общій сборникъ лекарствъ и средствъ, служащихъ въ пищу». Здѣсь онъ исчисляетъ большое количество растеній, а также упоминаетъ о камняхъ, металлахъ и животныхъ, которые употребляются въ медицинѣ. Имъ пересмотрѣны и исправлены труды Діоскорида, Галена и Орибаза, такъ что у Ибнъ-Бейтара можно найти болѣе подробностей, нежели у вышеупомянутыхъ ученыхъ.

Что касается произведеній по части естествовѣдѣнія, то можно указать на труды Ахмеда-Тейфаши († 1252 г. по Р. Х.), подъ названіемъ «Цвѣты размышленій по поводу свойствъ драгоцѣнныхъ

*) Слово *бейтаръ* перешло въ латинскій, а потомъ и въ другіе языки съ значеніемъ *ветеринаръ*, *скотскій врачъ*; также какъ отъ арабскаго слова *витръ* (струна) произошло названіе *витары*.

Digitized by Google

камней» [1]). Абдулъ-Лятыфъ Багдадскій (родился въ Багдадѣ, въ 1162 г. по Р. Х.) оставилъ также много сочиненій, изъ которыхъ замѣчательно: «Описаніе Египта въ разныхъ отношеніяхъ». Оно очень извѣстно въ Европѣ и издано французскимъ оріенталистомъ Сильвестромъ-де-Саси [2]). Многіе врачи-арабы оставили также болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія по ботаникѣ, минералогіи и проч., а Ибнъ-Аввамъ написалъ книгу «О земледѣліи» *(Китабъ-Феляхатъ)*. Дамири, съ полнымъ именемъ Кемальеддинъ-Абу-ль-Бекà Мугаммедъ († 1405 г. по Р. Х.), законовѣдъ, преподаватель въ азгарской мечети въ Каирѣ, написалъ сочиненіе «О жизни животныхъ». Онъ выбралъ это сочиненіе изъ 560 книгъ и изъ 199 арабскихъ стихотворныхъ произведеній и далъ два изданія, большое и малое—въ первомъ помѣщены нѣкоторыя историческія сказанія и толкованіе сновъ [3]). Многіе арабскіе писатели представили трудъ Дамири въ сокращенномъ видѣ, какъ напр. шейхъ Шемсуддинъ Мугаммедъ-бенъ-Абубекръ († 1424 по Р. Х.), Омаръ-сынъ-Юнуса и другіе. Не столь громкими именами пользуются медики Абу-Джафаръ-Ахмедъ Талибъ (970 г. по Р. Х.), Джазла ибнъ-Джазла (1100 г. по Р. Х.), Абдурразакъ (1150 г.), Абу-ль-Фараджъ (1286 г.), Исхакъ-бенъ-Ибрагимъ, Джудеки (который въ 1252 г. написалъ трактатъ о философскомъ камнѣ, называемомъ у него *аляксиръ* (элексиръ) [4]); въ 1134 г. Когенъ-Аттаръ составилъ фармацевтическое сочиненіе, въ которомъ разсуждаетъ о приготовленіи питій, сироповъ, позолоченныхъ пилюль и проч.

Науки математическія. Занятія арабовъ науками математическими и астрономіей не менѣе заслуживаютъ уваженія, чѣмъ ихъ работы по части медицины. Труды Птолемея, Эвклида, Архимеда и другихъ ученыхъ были уже имъ знакомы и переведены на арабскій языкъ. — Исправителемъ этихъ переводовъ явился Тсабитъ-бенъ-Курра. Сочиненія Архимеда были переведены Хонайномъ и Тсабитомъ. Мамунъ, сынъ Гаруна-Рашида, приказалъ пересмотрѣть сочиненіе Птолемея (Аль-меджесте), первый переводъ котораго уже былъ сдѣланъ во времена Гаруна-Рашида стараніями Яхъи, сына Халеда, изъ фамиліи Бармекъ [5]).

---

[1]) Journal asiatique, 1868 г.

[2]) Relation de l'Egypte, par Abdollatif. Paris. 1810.

[3]) Hadji-Halfae, Lexicon bibliographicum et encyclopedicum, III, 122—123—124. 1842. London.

[4]) Нынѣшніе персіане произносятъ *аляксиръ* безъ члена *аль*, именно *эксиръ*. Слово *сиропъ* есть испорченное арабское *шерабъ* (питье).

[5]) Фамилія *Бармекъ*, какъ замѣчаетъ историкъ Мугаммедъ-ибнъ-Табатаба, происходила изъ Персіи, и первымъ замѣчательнымъ лицемъ въ ней былъ Халедъ, сынъ Бармека, при Мансурѣ. Эта фамилія истреблена халифомъ Рашидомъ.

Digitized by Google

Яхъя-бенъ-Аби-Мансуръ († 833 г. по Р. Х.), завѣдывавшій багдадскою обсерваторіей, считается авторомъ замѣчательнаго сочиненія «Провѣренная таблица», гдѣ провѣрены выводы греческихъ ученыхъ касательно окружности земнаго шара. Сендъ-бенъ-Али, сотрудникъ упомянутаго Яхъи, дѣлалъ астрономическія наблюденія въ 832 и 833 гг. по Р. Х., вмѣстѣ съ Халедомъ-Мерверуди. Этимъ двумъ ученымъ, при содѣйствіи Али-бенъ-Исы и Али-бенъ-Бахтари, мы обязаны измѣреніемъ градуса меридіана. Сендъ-бенъ-Али и Халедъ-Мерверуди производили свои наблюденія, по словамъ Масуди, между городами Раккой и Тадморомъ (Пальмира).

Въ тоже время Ахмедъ-бенъ-Абдалла Хабашъ составилъ три таблицы о движеніяхъ планетъ, провѣривъ предварительно самъ опредѣленія своихъ предшественниковъ; а Аббасъ-бенъ-Саидъ-Джаугари своими трудами прославилъ правленіе халифа Мамуна. Къ этой категоріи извѣстныхъ астрономовъ принадлежатъ также имена Исхака-Кесуфи, Абдаллы-бенъ-Сагля-Ноубахтъ, современника Фезàри († 772 по Р. Х.), составителя астрономическихъ таблицъ, подъ названіемъ «Синдугиндъ», гдѣ трактуется о движеніи звѣздъ, а также опредѣлены широта и долгота нѣкоторыхъ замѣчательныхъ городовъ. Въ исправленіи греческихъ таблицъ немаловажное участіе принималъ астрономъ Мугаммедъ-Фергани (Альфраганъ), такъ названный отъ имени своей родины, города Ферганы; онъ, при содѣйствіи названныхъ здѣсь астрономовъ, не только исправилъ ошибки Птолемея, но даже наблюдалъ затмѣнія, кометы и другія небесныя явленія. Ахмедъ-бенъ-Мугаммедъ-Негавенди производилъ наблюденія въ городѣ Джондишапурѣ и въ 803-мъ году нашей эры составилъ новыя таблицы, названныя «Мостаамаль» (употребительныя); а еврей Машалла Ибнъ-эль-Асари († 815 г. по Р. Х.) написалъ много трактатовъ объ астролябіи и, кромѣ того, высказалъ очень дѣльныя мнѣнія о природѣ небесныхъ тѣлъ.

Альбумазаръ (правильнѣе Абу-Машаръ), ученикъ Алькинди, уроженецъ города Балха, посвятилъ себя исключительно изученію небесныхъ явленій и прославился своими свѣдѣніями въ астрологіи. Продолжателями «Провѣренной таблицы» (Зейджъ-мумтаханъ) являются сыновья Мусы-сына Шакира, Мугаммедъ, Ахмедъ и Хасанъ; второй изъ этихъ братьевъ преимущественно занимался механикой. Сыновья Мусы-Шакира оставили послѣ себя много сочиненій по геометріи, механикѣ, астрономіи и музыкѣ.

Багдадское высшее училище (медресе), преимущественно въ самомъ началѣ, отличается своимъ научнымъ направленіемъ. Арабы въ IX вѣкѣ по Р. Х. уже владѣли тѣмъ прекраснымъ научнымъ методомъ, который спустя долгое время привелъ новѣйшихъ ученыхъ къ самымъ

Digitized by Google

важнымъ открытіямъ. Тсабитъ-бенъ-Курра, о которомъ упомянуто выше (умеръ въ 900 г. по Р. Х.), и въ распоряженіи котораго находились астрономическія таблицы, начиная отъ царствованія Мамуна, весьма сожалѣлъ, что онъ самъ не успѣлъ собрать бо́льшее ихъ число и откровенно признавался, что онѣ однѣ могли-бы содѣйствовать движенію науки. Этотъ отличный математикъ, первый, примѣнившій алгебру къ геометріи, снова перевелъ Аль-магесту и присовокупилъ собственныя, весьма дѣльныя замѣчанія.

Промежутокъ времени, отдѣляющій сыновей Мусы-бенъ-Шакира отъ Аль-Батени, пополняется астрономическими наблюденіями Абуль-Аббаса Найризи и Мугаммеда-бенъ-Исы, съ прозвищемъ Магани. Найризи преимущественно старался исправить ошибки, вкравшіяся въ сочиненія астрономовъ временъ халифа Мамуна; отличный астрономъ-наблюдатель и геометръ, этотъ ученый составилъ комментарій на Аль-Магесту (что̀ названо въ латинскомъ средневѣковомъ переводѣ De motu siderum, и De Spherae coelestis ratione, въ подлинникѣ μεγάλη σύνταξις) и оставилъ послѣ себя таблицы, употреблявшіяся не безъ пользы спустя цѣлое столѣтіе послѣ него. Ибнъ-Юнусъ, хотя и находитъ въ нихъ неточности, но все-таки, отдаетъ справедливость заслугамъ Найризи. Что касается Магани, то Зузени признаетъ его за математика, который съ величайшею точностью опредѣлилъ всѣ небесныя явленія своего времени, затмѣнія солнца и луны, соединенія планетъ и т. п., въ періодъ времени отъ 854 г. по Р. Х. до 868 г.

Аль-Батени (правильнѣе Абу-Абдалла Мугаммедъ-эль-Беттàни) родился въ мѣстечкѣ Беттанъ, близь Харрана († 929 по Р. Х.). Онъ непосредственно слѣдуетъ за Магани и считается представителемъ арабской школы въ IX-мъ столѣтіи, потому-что его астрономическій трактатъ: «Книга распознаванія востока и знаковъ зодіака», очень извѣстенъ между европейскими учеными. Можно сказать, что Аль-Батени, сабеецъ по вѣроисповѣданію, стоялъ у арабовъ на такой же степени уваженія, какъ Птолемей у грековъ. Батени производилъ свои наблюденія въ городѣ Ракка, и можно сожалѣть, что его астрономическія таблицы, вѣроятно заключавшія съ себѣ большой интересъ, не дошли до насъ. Латинскій переводъ упомянутаго выше сочиненія изданъ подъ заглавіемъ: «De scientia stellarum» въ 1537 году какимъ-то Платономъ Тибуртинскимъ (т. е. Тиволійскимъ) и въ 1645 г. въ Болоньѣ. Это сочиненіе было комментировано извѣстнымъ Регіомонтаномъ и, къ несчастію, за неимѣніемъ арабскаго текста, исполнено ошибокъ. Полагаютъ, что арабскій текстъ долженъ храниться или въ Ватиканской, или въ Эскуріальской библіотекѣ.

Между болѣе или менѣе замѣчательными астрономами у арабовъ,

Digitized by Google

число которыхъ довольно значительно, можно упомянуть о Бени Амаджурѣ. Это имя примѣняется къ Али-бенъ-Амаджуру и его сыну Абу-ль-Хасану-Али-бенъ Амаджуру. Какъ отецъ, такъ и сынъ Амаджуры производили свои наблюденія почти въ теченіе полустолѣтія (съ 885 по 933 гг. по Р. Х.) и издали сочиненіе «Новая таблица» (по арабски Зейджъ-эль-бедіа). Въ наблюденіяхъ имъ помогалъ отпущеникъ Мофлихъ, который въ свою очередь и самъ составлялъ астрономическія таблицы.

Не смотря на тревожное состояніе Восточнаго или Багдадскаго халифата, потрясеннаго мелкими династіями, возникавшими на его развалинахъ, не смотря на дикія орды монголовъ и турокъ, захватившихъ власть и мѣнявшихъ по своему произволу халифовъ [1]), толчекъ, данный наукамъ, не остановился, и въ бо́льшей части городовъ халифата науки имѣли своихъ представителей: въ Дамаскѣ, въ Ширазѣ, въ Самаркандѣ астрономія вездѣ дѣлала успѣхи и въ правленіе Тагера, сына Абдаллы, четвертаго князя изъ династіи Тагеридовъ, наблюденія производились въ Нишабурѣ посредствомъ армиллярной сферы, о которой говоритъ Ибнъ-Юнусъ.

Бувейгидскіе князья Адздъ-еддоуле и Шерфъ-еддоуле (338 г. геджры и 379 г.) оживили угасавшее рвеніе ученыхъ своимъ покровительствомъ. За отцомъ и сыномъ Амаджурами слѣдовалъ Абу-ль-Касемъ, съ прозвищемъ Ибнъ-эль-Ааламъ, составившій астрономическую таблицу. Мы не будемъ здѣсь приводить имена значительныхъ астрономовъ и математиковъ между арабами; ихъ перечень чрезвычайно великъ, и намъ приходится только отмѣтить болѣе значительныя личности между ними. Таковы, напр., Абу-Риханъ Мугаммедъ-Бируни, Абу-ль-Хасанъ-Али-бенъ-Юнусъ, Омаръ-Хайямъ, Абу-ль-Вефа-Бузджани, Насыръ-еддинъ-Тусскій (уроженецъ города Туса), родившійся въ 1201 г. по Р. Х.

---

1) Историкъ Ибнъ-Тиктака такъ описываетъ положеніе халифовъ въ рукахъ у турокъ: „Со времени убійства Мотаваккиля, турки совершенно овладѣли государствомъ. Халифъ походилъ на плѣнника, съ которымъ турки обходились по своему усмотрѣнію; если хотѣли, оставляли его на престолѣ, и если хотѣли, отстраняли. Когда на престолъ вступилъ халифъ Мостаинъ (866 г. по Р. Х.), его вельможи призвали астрологовъ и спрашивали ихъ: „Посмотрите, сколько лѣтъ проживетъ этотъ халифъ и сколько просидитъ на халифатѣ?“ Какой-то, бывшій тутъ же острякъ, проговорилъ: „Я лучше астрологовъ могу опредѣлить количество лѣтъ его жизни и царствованія“.—Сколько-же лѣтъ проживетъ онъ и будетъ царствовать?“ замѣтили ему. „А столько, сколько захотятъ турки!“ При этомъ отвѣтѣ всѣ присутствовавшіе не могли воздержаться отъ хохота“.

Также точно турки убили и халифа Мотазза въ 868 г. по Р. Х. Они били его булавами, изорвали на немъ рубаху и выставили этого халифа на солнце. Затѣмъ турки заперли его въ одинъ домъ, гдѣ Мотаззъ и умеръ. Это была настоящая преторіанская гвардія позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, мѣнявшая государей по своему произволу.

Digitized by Google

Бируни († 1039 г. по Р. Х.), уроженецъ города Бируна, получилъ прозвище «мохаккикъ», подтвердитель, за свои точныя астрономическія изслѣдованія. Другъ султана Махмуда Газневидскаго (1030 г. по Р. Х.), во время похода этого государя въ Индію для распространенія ислама и за богатой добычей, онъ воспользовался преданіями древней и новой Индіи и, быть можетъ, тѣми отраслями знаній, которыя были занесены въ Индустанъ со времени похода Александра Македонскаго въ тѣ края. Цифры, называемыя у европейцевъ арабскими, у самихъ арабовъ слывутъ подъ названіемъ *«ракамъ-гинди»*— индійскій счетъ, такъ какъ арабы придерживаются буквеннаго счета, на подобіе церковно-славянскаго. Кромѣ того, цифры индійскаго счета пишутся, какъ и у европейцевъ, слѣва на право. Бируни долго пользовался большимъ авторитетомъ на арабскомъ востокѣ, такъ что хаматскій князь, извѣстный Исмаилъ Абульфеда, заимствовалъ у него таблицы долготы и широты извѣстныхъ мѣстностей земнаго шара. Арабскіе математики отзываются о Бируни съ большой похвалой, и если его главные труды не дошли до насъ вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отрывки изъ нихъ, которые мы имѣемъ, достаточно говорятъ въ пользу заслугъ этого ученаго. Главный его трудъ — «Исторія Индіи», современный Махмуду-Газневидскому, ревностному распространителю ислама.

Ибнъ-Юнусъ († 1008 г. по Р. Х.), съ полнымъ именемъ Абу-ль-Хасанъ-Али-ибнъ-Юнусъ, особенно прославился своими наблюденіями въ Египтѣ, во время фатимидскаго халифа Хакемъ-биамрилла. Онъ оставилъ послѣ себя «хакимитскую астрономическую таблицу», посвященную имени халифа Хакема; наблюденія свои онъ производилъ на горѣ Мокаттамъ, употребляя при этомъ для измѣренія времени маятникъ.

Омаръ-Хайямъ († 1122 г. по Р. Х.), сотоварищъ визиря Низаму-ль-Мулька и основателя ордена исмаилитовъ или ассасиновъ (потребителей хашиша) Хасана-Саббаха. Онъ извѣстенъ, какъ исправитель мусульманскаго календаря, въ правленіе сельджукскаго султана Джелаль-еддина Меликъ-шаха (въ 1079 г. по Р. Х.), и его исправленіе называется «эрой Джелаль-еддиновой» (Тарихи-Джелали). Замѣчателенъ также его трактатъ по алгебрѣ.

Абу-ль-Вефа, уроженецъ города Бузджана и потому называемый Бузджанскимъ, исправилъ «Провѣренную таблицу» и оставилъ много сочиненій по ариѳметикѣ и алгебрѣ.

Абу-Джафаръ Мугаммедъ Насыръ-еддинъ, уроженецъ хорасанскаго города Туса, находился при особѣ внука Чингизова, Гулагухана, отъ руки котораго палъ въ 1258 г. Багдадъ при послѣднемъ восточномъ халифѣ Мостасемъ-билла. Монгольскій завоева-

Digitized by Google

тель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и покровителемъ наукъ. Насыръ-еддинъ Тусскій (умеръ въ 1273 г.) умѣлъ воспользоваться покровительствомъ своего сильнаго патрона, и Гулагу-ханъ (иначе Ильханъ, какъ вассалъ верховнаго хакана) построилъ для наблюденій обсерваторію въ городѣ Марагѣ. Въ наблюденіяхъ Насыръ-еддину помогали эль-Ореди Дамасскій, эль-Хелати изъ Тифлиса, Ибнъ-Деббиранъ Казбинскій, эль-Мараги Мосульскій и другіе, менѣе извѣстные ученые. Въ результатѣ этихъ астрономическихъ наблюденій чрезъ двѣнадцать лѣтъ явились такъ-называемыя «Ильханскія таблицы» (Зейджъ-Ильхани), посвященныя Ильхану, т.-е. Гулагу. Онѣ впослѣдствіи были сокращены и въ 1360 г. исправлены нѣсколько Ибнъ-Шатиромъ.

Монголы, овладѣвъ Персіей, придали арабской школѣ часть ея прежняго блеска; съ другой стороны Хубилай-ханъ, братъ Гулагу, внесъ въ Китайскую имперію, подчинившуюся ему, ученые труды арабовъ, такъ что таблицы Ибнъ-Юнуса были тщательно изучаемы въ Китаѣ. Но вскорѣ является достойный соперникъ династіи ильханской. Это Тимурленгъ (Аксакъ-Тимуръ), который, пользуясь слабостью послѣднихъ монгольскихъ владѣтелей въ Персіи, основалъ династію Тимуридовъ. Какъ всѣ огромныя имперіи Востока, созидавшіяся быстро, быстро разрушались и слабѣли, такъ точно произошло и съ династіею Тимурленга. Самаркандъ, во время этого завоевателя, сдѣлался богатымъ и цвѣтущимъ городомъ, куда, при покровительствѣ Тимура, стекались ученые и извѣстные художники; самъ онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ свѣдѣній въ математикѣ и философіи. Медреса, основанная имъ въ Самаркандѣ, пользовалась немаловажною долей извѣстности. Сынъ этого завоевателя, Шахъ-Рохъ, подражалъ отцу и устроилъ великолѣпную библіотеку, гдѣ были собраны рѣдкія, драгоцѣнныя рукописи. Улугъ-бекъ, сынъ Шахъ-Роха, которому было поручено управленіе Мавераннегромъ, посвятилъ себя изученію астрономіи и подъ собственнымъ наблюденіемъ велѣлъ составить астрономическія таблицы, обезсмертившія его имя и служащія какъ-бы необходимымъ дополненіемъ трудовъ арабской школы. Его обсерваторія въ Самаркандѣ была снабжена хорошими инструментами и, при содѣйствіи его сотрудниковъ: Хасанъ-Челеби (иначе Кадзы-Заде), Джемшидъ, Али-Кушджи и Миръямъ-Челеби, былъ составленъ новый каталогъ звѣздъ. Такимъ образомъ явились «Таблицы Улугъ-бека» (Зейджъ-Улугъ-бекъ), которыми и нынѣ пользуются мусульманскіе народы при составленіи своихъ календарей и проч. Улугъ-бекъ (убитый въ 1449 г. своимъ сыномъ) можетъ, по справедливости, считаться послѣднимъ представителемъ арабской багдадской школы. Полтора вѣка только отдѣляютъ его отъ безсмертнаго

Digitized by Google

Кеплера, который совершенно разрушилъ всѣ греческія гипотезы и методы и считается однимъ изъ творцовъ новѣйшей астрономіи.

На таблицы Улугъ-бека составленъ комментарій упоминаемымъ выше Миръямомъ-Челеби. И таблицы, и комментарій къ нимъ, вмѣстѣ съ таблицами Насыръ-еддина Тусскаго, были изданы англичаниномъ Гревсомъ въ 1648 году, подъ заглавіемъ: Binae tabulae astronomicae.

Происхожденіе алгебры, приписываемое индійцамъ, еще до сихъ поръ вполнѣ не выяснено; самое названіе *альджебръ-эль-мокабаля* скорѣе можетъ служить подтвержденіемъ того факта, что алгебра получила начало у арабовъ. Цифры, которыя мы привыкли называть арабскими, у арабовъ слывутъ подъ названіемъ индійскихъ «*ракамъ-гинди*», вѣроятно, потому, что перенесены изъ Индіи, тогда какъ арабы употребляютъ иногда и буквенный счетъ по буквамъ своей азбуки. Мнѣніе, что арабы въ наукахъ математическихъ только копировали грековъ, оказывается неточнымъ: багдадская школа не только сохранила намъ лучшіе труды александрійскихъ ученыхъ, но даже сообщила форму тригонометріи сферической. Вообще, число арабскихъ математиковъ весьма значительно, и тригонометрія преимущественно занимала арабовъ, служа приложеніемъ къ астрономіи. Арабы усовершенствовали эту отрасль математики, дали ей новую форму и приспособили ее къ примѣненіямъ, чего греки достигали съ большими усиліями.

Исторія, географія и путешествія. Историческія сочиненія у арабовъ носятъ въ первые вѣка ислама форму преданій, переходящихъ постепенно отъ одного къ другому—преданій устныхъ и потомъ записанныхъ, причемъ на первомъ планѣ всегда имѣлись въ виду изреченія Мугаммеда и его сподвижниковъ, или *асхабовъ*. Но историческая критика у арабовъ не существовала даже и въ позднѣйшее время; событія записывались и сообщались просто, какъ ихъ представляла себѣ личность историка. Можно указать на небольшія исключенія. Такъ, историкъ Багдадскаго халифата Ибнъ-Тиктака, написавшій въ 1302 г. по Р. Х. книгу «Фахри», т.-е. посвященную Фахреддину [1]), приближается нѣсколько къ европейскому образу воззрѣнія на историческіе труды. Въ предисловіи къ своему сочиненію Ибнъ-Тиктака говоритъ:

«Я изложилъ исторію каждой династіи вообще въ томъ видѣ, въ какомъ сформировалось въ умѣ моемъ понятіе объ этихъ государствахъ, при пособіи прочитанныхъ мною хроникъ; я упомянулъ о началѣ и концѣ каждой династіи и представилъ лучшія стороны изъ доблестей

[1]) *El-Fachri*, Geschichte der islamischen Reiche vom Anfang bis zur Ende des Chalifates von ibn-Etthiqthaqua. Arabisch. Herausgegeben nach der Pariser Handschrift von W. Ahlwardt. Gotha. 1860.

Digitized by Google

тѣхъ лицъ, которыя тогда стояли во главѣ правительства. Если какое-либо событіе ускользало отъ собственнаго моего взгляда и я нуждался въ подтвержденіи его или какимъ-либо новымъ фактомъ, или рѣдкимъ стихомъ, или стихомъ Корана, или преданіемъ отъ пророка—я заимствовалъ это событіе изъ тѣхъ сочиненій, гдѣ оно могло, по предположенію моему, существовать. При разсказѣ о каждой династіи порознь, я излагалъ сначала ея общія черты, а потомъ уже передавалъ отдѣльно исторію каждаго правителя и событій, случившихся въ дни его правленія. Затѣмъ, по окончаніи біографіи правителя, я приступалъ къ исторіи его визирей, по одиночкѣ, и къ событіямъ ихъ жизни. Въ такомъ порядкѣ и послѣдовательности я довелъ мою исторію до конца династіи Аббасидовъ, строго соблюдая при томъ два правила. Первое—держаться всегда сущей истины, говорить только правду, безъ всякаго съ моей стороны пристрастія, и отречься отъ всѣхъ предразсудковъ родины и воспитанія — словомъ, отрѣшиться отъ описываемыхъ мною лицъ до такой степени, чтобы стать для нихъ человѣкомъ постороннимъ и какъ-бы чужимъ между ними.

«Второе, принятое мною, правило состоитъ въ томъ, что я старался излагать свои мысли языкомъ чистымъ, общедоступнымъ, дабы всякій могъ пользоваться предлежащимъ сочиненіемъ. Я, по возможности, избѣгалъ трудныхъ выраженій, которыми запасаются авторы, съ цѣлью пощеголять краснорѣчіемъ и отборными фразами. Нерѣдко я замѣчалъ, какъ пропадали изъ виду настоящая цѣль и мысль писателей, когда они слишкомъ вдавались въ вычурный языкъ и чрезъ то отъ ихъ произведеній получалась маловажная польза. Изъ числа такихъ книгъ можно упомянуть о «Канонѣ Ибнъ-Сины», составителемъ котораго былъ Абу-Али-Хусейнъ-Ибнъ-Сина-Бухарскій. [1]) Онъ наполнилъ свой трудъ тяжелыми, трудными для пониманія, выраженіями и, такимъ образомъ, полезная цѣль его книги не достигнута. Мы видимъ, что большинство врачей, оставляя «Канонъ Ибнъ-Сины», обращаются къ творенію Малеки [2]), какъ болѣе доступному для уразумѣнія, по легкости слога».

Въ такомъ-то видѣ является у арабскихъ историковъ зародышъ исторической критики. Прочіе, даже лучшіе историки, могутъ быть названы писателями хроникъ, хроникерами. Число ихъ весьма велико въ арабской литературѣ, такъ что неоднократно упомянутый библіографъ Хаджи-Хальфа (Lexicon bibliograph. et encyclopedicum) насчитываетъ хроникъ и историческихъ сочиненій у арабовъ до *тисячи двухъ-сотъ*! Громадный запасъ, если присоединить сюда еще

[1]) См. выше.

[2]) Т. е. „*Китабъ-эль-Ма́леки*“ (Царская книга), сочиненіе Али-бенъ-Аббаса-Маги (Междуси), лейбъ-медика Бувейгидскаго государя Аддъ-еддоуле.

Digitized by Google

біографіи отдѣльныхъ лицъ! Если здѣсь нельзя встрѣтить связи событій, то, въ замѣнъ этого, точность, съ какою опредѣлены мѣстность и время дѣйствія, составляютъ здѣсь неоцѣнимую заслугу, особенно для исторіи среднихъ вѣковъ. Имена историковъ: Абу-ль-Феды, Алу-ль-Фараджа, Бегауддина, Ибнъ-Хальдуна, Макризи, Шемсъ-еддина Димешки, Союти, Новаири и многихъ другихъ, сдѣлались почти классическими среди европейцевъ.

Историческія сочиненія у арабовъ начались легендами о Мугаммедѣ, подъ названіями походовъ и подвиговъ пророка. Авторомъ и собирателемъ этихъ легендъ считается Ибнъ-Гешамъ (умеръ 822 г. по Р. Х.). Современникъ Ибнъ-Гешама, Абдалла Вакиди, составилъ сочиненіе «Исторія завоеванія Шама» (т. е. Сиріи) и «Завоеваніе Мисра» (Египта) — и то и другое произведенія неоднократно были издаваемы въ Европѣ. Затѣмъ, появляются частныя исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, какъ напр. исторія города Алеппо, Египта, Дамаска, Іемена и пр.—а потомъ уже общая исторія, въ томъ направленіи, какъ упомянуто выше.

Князь Хоматскій, Исмаилъ Абу-ль-Федà, царствовалъ въ Хоматѣ, въ началѣ XIV столѣтія (скончался въ 1331 г. по Р. Х.). Его «Общая исторія о родѣ человѣческомъ» состоитъ изъ пяти частей—въ послѣдней части заключается исторія сирійцевъ, сабеевъ, персовъ и событій въ мусульманскихъ государствахъ до 1328 г. по Р. Х. Абу-ль-Феда умеръ спустя три года позже. Этотъ трудъ его полезенъ и при изученіи литературы мусульманской, и для знакомства съ біографіями греческихъ императоровъ VIII IX и X вѣковъ. Лучшее изданіе Абу-ль-Феды принадлежитъ Адлеру, подъ заглавіемъ: Annales muslemici, 1786, въ пяти книгахъ.

Историкъ Григорій Абуль-Фараджъ (скончался въ 1286 г. Р. Х.), извѣстный подъ именемъ Баръ-Еврея (сынъ Еврея), былъ сынъ еврейскаго лекаря въ городѣ Малатіи. Это былъ христіанинъ секты якобитовъ, посвященный впослѣдствіи въ епископа города Триполи. Онъ написалъ общую исторію на языкѣ сирійскомъ и потомъ перевелъ ее на арабскій языкъ подъ заглавіемъ: «Сокращенная исторія государствъ». Это сочиненіе сообщаетъ много данныхъ касательно арабовъ и монголовъ времени Чингизъ-хана. Издано Эд. Пококомъ, подъ заглавіемъ: «Сокращенная исторія династій» (Historia compendiosa dynastiarum. 1663—72).

Историкъ Бегауддинъ (Абу-ль-Махасинъ-Юсуфъ) описалъ подвиги Салахуддина (Саладина), извѣстнаго героя крестовыхъ походовъ. Родившись въ Мосулѣ, Бегауддинъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ Низамійской коллегіи и потомъ въ учебномъ заведеніи кади Кемаль-еддина Мугаммеда Шегрезури въ Мосулѣ. Умеръ въ

Digitized by Google

1235 году по Р. Х. Его сочиненіе служитъ хорошимъ пособіемъ для современныхъ ему крестовыхъ походовъ. Подлинникъ на арабскомъ языкѣ и латинскій переводъ изданы Альбертомъ Шультенсомъ (Lugduni-Batavorum (Лейденъ)—Vita et res gestae Saladini auctore Bohaeddino, 1735 an). Его исторія Сиріи и Месопотаміи до сихъ поръ не издана.

Очень понятно, что, при деспотизмѣ восточныхъ властителей, историки не могли пользоваться полною свободой мысли, и если повелитель запрещалъ, подъ страхомъ смерти, описывать событія своего царствованія, то писатели стушевывались и предъявляли на письмѣ только лучшія страницы изъ жизни своего патрона. Но вотъ, напр., Ибнъ-Хальдунъ вышелъ изъ этой общей колеи. Ибнъ-Хальдунъ, родившійся въ 1332 году въ Тунисѣ, послѣ многихъ приключеній въ молодости, нѣкоторое время служилъ у государей Феца и послѣ былъ преподавателемъ въ Каиро, гдѣ и умеръ въ 1406 г. по Р. Х. Главный историческій его трудъ, поистинѣ геніальный, носитъ названіе: «Наставленія, подлежащее и сказуемое на счетъ дней арабовъ, персіянъ и берберовъ». Это—исторія арабовъ и берберовъ до конца XIV-го вѣка. Этотъ историкъ сначала излагаетъ свои мысли касательно исторической критики; потомъ разсматриваетъ вопросъ: какъ образовались общества, какое вліяніе оказываетъ на человѣка климатъ, вычисляетъ различныя общественныя занятія. Вообще въ сочиненіи Ибнъ-Хальдуна, какъ и въ исторіи Ибнъ-Тиктака, встрѣчаются достаточные задатки исторической критики.

Макризи, современникъ Ибнъ-Хальдуна (его имя Таки-еддинъ-Ахмедъ) оставилъ по себѣ замѣчательные труды. «Исторія Мамлюковъ»—извлеченіе изъ его большого сочиненія «Шествіе къ познанію правительственныхъ династій» (Переведено Катрмеромъ: «Histoire des sultans mameluks de l' Egypte; Paris, 1837—49). Затѣмъ, Макризи составилъ исторію мусульманскихъ государей въ Абиссиніи. Многіе труды этого историка не дошли до насъ; предположенная имъ общая хроника должна бы была заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ восемьдесятъ томовъ. Ринкъ издалъ въ 1798 году исторію мусульманскихъ государей въ Хабешѣ (Абиссиніи) [1]). Исторія коптовъ существуетъ въ переводѣ Ветце [2]); о мѣрахъ и вѣсахъ есть переводъ Де-Саси [3]); его же, о мусульманскихъ монетахъ [4]). Кромѣ того, мы имѣемъ отъ Макризи «Историческое и топографическое описаніе Египта», неистощимый источникъ разсказовъ, относящихся къ исторіи рели-

[1]) Macrisii Historia regum islamiticorum in Abyssinia Th. Rinck.
[2]) Historia coptorum christianorum in Egypto.
[3]) Traité des poids et mesures légales des Musulmans. Paris 1799.
[4]) Traité des monnaies musulmanes, par Macrizi. Paris 1797.

Digitized by Google

гіи, политики, администраціи и торговли въ Египтѣ, начиная съ завоеванія этого края арабами.

Фамилія Макризи происходила изъ Баальбека. Самъ онъ родился въ Каирѣ въ 1364 г. по Р. Х., выросъ тамъ и учился, и за тѣмъ поступилъ на службу къ кади, по имени Бедреддинъ-Мугаммеду, сыну Фадуль-улла Омари. Макризи не разъ исправлялъ должность *мохтасыба* (надзирателя за вѣсами и мѣрами). Сначала онъ принадлежалъ къ ортодоксальной сектѣ ханефитовъ, но потомъ перешелъ въ секту шафіитовъ, за что́ и за разныя выходки противъ послѣдователей Абу-Ханифы, получалъ отъ своихъ современниковъ большія укоризны.

Ибнъ-Тагриберди (Абуль-Махасинъ-Юсуфъ) написалъ также исторію Египта за время съ 838 г. по Р. Х. до 1453; Ибнъ-Аясъ продолжилъ ее до 1522 г., а Шемседдинъ-ибнъ-Абуссуруръ докончилъ въ 1652 г. Абдаллатыфъ, современникъ Саладина († 1231 г.) оставилъ прекрасное описаніе Египта, преимущественно въ отношеніи его естественной исторіи [1]). Союти (Джелаль-еддинъ Абдуррахманъ † 1505 г.), родомъ изъ города Осъюта или Союта въ Саидѣ, т.-е. Верхнемъ Египтѣ, былъ, какъ и большая часть арабскихъ ученыхъ, человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, соотвѣтственно времени и понятіямъ мусульманской школы. Труды его по разнымъ отраслямъ наукъ многочисленны—ихъ насчитываютъ до пятисотъ. По исторіи Египта его извѣстнѣйшій трудъ называется «Отличная бесѣда касательно разсказовъ объ Египтѣ и Каирѣ»; она начинается библейскими разсказами по понятіямъ мугаммеданъ и доведена до царствованія султана Абу-Насра Меликъ-Ашрафа Кайтбая. Кромѣ того, Союти составилъ сокращенную исторію халифовъ.

Историкъ X-го вѣка Масъуди (полное его имя Абу-ль-Хасанъ-Али, ум. 956 г.) пользуется вполнѣ заслуженною славой между учеными по обширности и разнообразію своей эрудиціи—ему ничто не было чуждо: ни философія, ни литература, ни географія, ни исторія. Ученый Катрмеръ говоритъ, что можно изумляться его разностороннему образованію и трудности задачъ, которыя разрѣшалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ не только перечиталъ всѣ источники, касающіеся Аравіи и арабовъ, но углублялся и въ исторію грековъ, римлянъ и народовъ Востока—древнихъ и новыхъ. Ему были извѣстны религіозные догматы евреевъ, христіанъ, еретиковъ, мусульманъ, гебровъ и идолопоклонниковъ. Ножно сказать утвердительно, безъ боязни ошибиться, что никто изъ арабовъ не достигалъ такой обширной эрудиціи. Если иногда Масъуди лишенъ исторической критики, то это объясняется увлекавшимъ его любопытствомъ, подъ вліяніемъ

[1]) Relation de l'Egypte par Abdollatif. S. de Sacy.

Digitized by Google

котораго онъ какъ-бы забывалъ, второпяхъ, разсуждать о причинахъ и слѣдствіяхъ какого либо даннаго историческаго факта. Изъ его трудовъ можно указать на два главные: «Ахбаръ-эзземанъ» «Современныя сказанія», и «Китабъ-Аусàтъ» «Средняя книга». Оба эти сочиненія, содержащія 20 томовъ, въ Европѣ неизвѣстны. Зато его «Золотые луга и жемчужныя копи» (Мюруджуззегебъ ве меадинуль-джевгери) одни могли-бы доставить ему заслуженную извѣстность. Это сочиненіе раздѣляется на сто-двадцать-шесть главъ, изъ которыхъ шестьдесятъ-пять посвящены древней исторіи арабовъ и другихъ народовъ, а шестьдесятъ-одна спеціально посвящена Мугаммеду и его преемникамъ (халифамъ) [1]).

Табари (съ полнымъ именемъ Абу-Джафаръ Мугаммедъ сынъ Джорайра), родившійся въ городѣ Амоль, въ Табаристанѣ, отъ чего и получилъ свое прозваніе, можетъ назваться составителемъ всеобщей исторіи, которая идетъ отъ начала міра до 914 г. по Р. Х. Табари умеръ въ Багдадѣ въ 922г., восьмидесяти-трехъ лѣтъ отъ роду. Онъ былъ *муджтагидъ*—высшее духовное лицо, приговоры котораго по вопросамъ богословско-юридическимъ считались безусловно-вѣрными. Его главное сочиненіе «Исторія государей и ихъ жизни», говорятъ, составляетъ только часть труда болѣе обширнаго, которымъ пользовались послѣдующіе составители хроникъ. По замѣчанію библіографа Хаджи-Хальфы, исторія Табари сначала заключала въ себѣ тридцать тысячъ листовъ и потомъ была имъ же самимъ сокращена. Существуютъ переводы исторіи Табари на персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Джирджисъ (т. е. Георгій) Ибнъ-эль-Амидъ-эль-Макинъ (умер. 1275 г.), христіанинъ изъ Египта (умеръ въ Дамаскѣ 1273 г.), былъ какъ-бы продолжателемъ Табари. Часть его труда издана въ 1624 г. оріенталистомъ Эрпеніемъ, подъ заглавіемъ «*Elmácini, Historia saracenica*», съ большими ошибками въ латинскомъ переводѣ.

Ибнъ-эль-Асиръ-Джезери (полное имя его Абу-ль-Хасанъ Али), умершій въ 1232 г. по Р. Х., родился въ Алджезирѣ, т. е. въ Месопотаміи, отъ чего и названъ Джезери, или, быть можетъ потому, что провелъ годы дѣтства въ Джезери-бени-Омаръ. Онъ принималъ участіе въ походахъ Салахуддина (Саладина) и заслужилъ почетное прозвище *Иззеддинъ—честь религіи*. Поселившись въ Мосулѣ, онъ написалъ тамъ свое обширное произведеніе «Кямиль-эттаварыхъ» (полное собраніе исторій), иногда называемое просто *Кямиль*. Это сочиненіе, по обыкновенію всѣхъ составителей общей исторіи, начинается съ сотворенія міра и оканчивается 1231 годомъ по Р. Х.; оно было продолжено

[1]) *Maçoudi*. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris. 1861. T. 1-7. in 4°. Вверху текстъ и внизу переводъ. Изданіе Азіятскаго Общества.

Digitized by Google

Абу-Талебомъ-Али до 1258 г. и переведено на персидскій языкъ въ правленіе Мирзы Миранъ-шаха, сына Тамерлана (Тимурленга, Аксакъ-Тимура). Ибнъ-эль-Асиръ писалъ также исторію сирійскихъ атабековъ и исторію асхабовъ (первыхъ сподвижниковъ Мугаммеда). Хроника или исторія Ибнъ-эль-Асира была издана Торнбергомъ съ 1851 по 1870, г. въ двѣнадцати томахъ, подъ заглавіемъ: Ibn-el-Athiri Chronicon, quod *Perfectissimum* inscribitur.

Историкъ Новайри, принадлежавшій къ послѣдователямъ шафіитовъ, составилъ историческую энциклопедію въ 10-ти томахъ, которая трактуетъ объ арабскихъ древностяхъ. Онъ прославился своимъ каллиграфическимъ талантомъ, наравнѣ съ другимъ каллиграфомъ Ибнъ-Баввабомъ, столь извѣстнымъ къ концу X-го столѣтія; онъ десять разъ, говорятъ, успѣлъ переписать сборникъ преданій Бохари, называемый *Сахихъ*, и каждый экземпляръ продавалъ за тысячу серебряныхъ монетъ. Новайри скончался около 1331 г. по Р. Х. Послѣ него Ибнъ-Форатъ († 1405 г.) составилъ хронику въ 25 томахъ, которая восходитъ къ 622 г. по Р. Х. Ахмедъ-ибнъ-Арабшахъ извѣстенъ своимъ полупоэтическимъ произведеніемъ, писаннымъ риѳмованной прозой (prosa scandens), именно исторіей Тамерлана, подъ пышнымъ титуломъ: «Книга удивительныхъ судебъ въ разсказахъ о Тимурѣ».

Отби († 1050 г. по Р. Х.) составилъ хронику *Ямини*, такъ названную потому, что она посвящена описанію подвиговъ Газневидскаго султана Махмуда, сына Себуктегинова, который носилъ почетное прошенованіе *Яминъ-еддоуле* (Десница государства); а Ибнъ-Котайба († 890 по Р. Х.) собралъ весьма важные матеріалы въ отношеніи арабскихъ генеалогій и также написалъ біографіи поэтовъ.

Испанскіе арабы или мавры (магребины, т. е. западники) также занимались историческими работами. Между ними появились историки: Ибнъ-Кутня († 978 г. по Р. Х. въ Кордовѣ), который изложилъ событія, относившіяся къ завоеванію Испаніи арабами; поэтъ Ахмедъ, сынъ Мугаммеда, около того же времени составилъ лѣтописи этой страны и описалъ предпріятія Омайядовъ; Ибнъ-эль-Фарадзи написалъ хронику поэтовъ и ученыхъ, Ибнъ-Хатибъ († 1374 г. по Р. Х.) составилъ сборникъ лѣтописей о халифахъ и государяхъ Африки и Испаніи. Маккари много пользовался трудами Ибнъ-Хатиба.

Что касается Маккари (его собственное имя Ахмедъ-бенъ-Мугаммедъ), то этотъ уроженецъ города Тлемсена принадлежалъ къ весьма древней фамиліи. Онъ прибылъ въ Фецъ около 1600 г. по Р. Х., и познакомился съ просвѣщенными людьми своего времени. Въ 1618 году онъ совершилъ путешествіе въ Мекку и остановился на жи-

Digitized by Google

тельство въ Каирѣ, а спустя десять лѣтъ, въ Дамаскѣ, дополнилъ свой трудъ о династіяхъ въ Испаніи. Его главный трудъ: «Analectes sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagne, par Al-Makkari», изданъ въ Парижѣ, въ 1855 году, подъ редакціей Дюга̀. Вотъ что говорятъ объ этомъ трудѣ его издатели Дози, Крель, Райтъ и Дюга̀: «Сочиненіе Эль-Маккари, это—сокращенная библіотека, энциклопедія, музей литературныхъ и историческихъ архивовъ для испанскихъ арабовъ. Это картина ихъ умственной культуры. Въ отношеніи историческомъ оно имѣетъ большое значеніе. Немного найдется книгъ, которыя совмѣщали-бы въ себѣ столько назидательнаго чтенія. Историки, артисты, поэты, философы — всѣ здѣсь находятъ пищу для своей пытливости. Даже въ самыхъ скудныхъ описаніяхъ Маккари вставляетъ стихи и анекдоты, будто свѣжіе оазисы, гдѣ читатель можетъ отдохнуть» [1]). Этотъ трудъ по-арабски названъ: «Дыханіе благовоній отъ свѣжей андалузской вѣтви».

Кайси, около 1125 г. по Р. Х., составилъ біографическій словарь поэтовъ и ученыхъ одиннадцатаго столѣтія; Ибнъ-Хайянъ (съ полнымъ именемъ Абу-Мерванъ-Кортуби) составилъ исторію Испаніи (Андалусъ) въ десяти томахъ, и другое сочиненіе по тому же предмету въ шестидесяти томахъ. Это сочиненіе сокращено Хомайди, уроженцемъ Маіорки, въ 1095 г. по Р. Х.

Ибнъ-Сабихи-Салятъ, въ XIII вѣкѣ по Р. Х., написалъ короткій историческій очеркъ исторіи Испаніи въ правленіе Альморавидовъ и Альмогадовъ; Ибнъ-Хабидъ-Эссолями составилъ хронику, обнимающую событія при семи первыхъ халифахъ династіи омайядской. Ибнъ-Харисъ-Кушни написалъ очеркъ исторіи кордовскихъ кадіевъ до конца десятаго вѣка; а Шегабъ-еддинъ Ахмедъ-Фаси—общую исторію, которая сокращена Сиди-ль-Хаджъ-Ашшатили.

Вліяніе упомянутыхъ арабскихъ историковъ вполнѣ отразилось на лучшихъ историкахъ персидскихъ, каковы Мирхондъ (съ полнымъ именемъ Гемамъ-еддинъ-Мирхавендъ-Мугаммедъ (родился въ 1432 г. по Р. Х., умеръ въ 1498 г.). Его трудъ «Общая исторія» (въ подлинникѣ: *Садъ удовольствія*) оканчивается съ царствованіемъ Шахроха. Сынъ Мирхонда, Хондемиръ, шелъ по стопамъ своего отца и оставилъ замѣчательныя сочиненія: a) *Хилясету-ль-Ахбаръ* (отборныя исторіи), оканчивающіяся 1499 г. по Р. Х., и b) *Хабибъ-эс-Сіяръ* (любитель странствованій,) гдѣ изложены событія до 1525 г. по Р. Х., и гдѣ впервые встрѣчается упоминаніе о бумажныхъ ассигнаціяхъ въ концѣ XIII-го столѣтія [2]), подъ именемъ *чао*. Всѣ эти извѣстные

[1]) Analectes sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagne par Al-Makkari. Paris. 1855. Отдѣльная брошюра.

[2]) Мирхондъ, въ своей исторіи Раузатуссафа (Садъ удовольствія), томъ 5-й, исто-

Digitized by Google

персидскіе историки и біографы болѣе или менѣе были подражателями историковъ арабской школы. Такъ, біографіи поэтовъ (Тезкиратъ-уси-Шоара) автора Доулетъ-шаха-Гази Самаркандскаго, исторія монголовъ Рашидъ-еддина Табиба при Гулагу-ханѣ, исторія Феришты, исторія Тимура Шерфеддина-Али Ездскаго—всѣ эти сочиненія, въ большей части случаевъ, приближаются по формѣ изложенія къ историкамъ арабскимъ.

Изъ біографовъ болѣе другихъ извѣстны: Ибнъ-Халликанъ (съ полнымъ именемъ Азу-ль-Аббасъ Ахмедъ), умершій въ концѣ XI-го вѣка; онъ былъ уроженецъ города Арбелы (Ирбиль). Его біографическій словарь названъ «Кончины очей (т.-е. знаменитостей)

рія Гулагидовъ, такъ повѣствуетъ о введеніи бумажныхъ денегъ (чао) и упраздненіи ихъ: «Одною изъ причинъ введенія *пао-чао* была та, что, при переворотахъ судьбы, казна высокостепенныхъ султановъ пришла въ упадокъ. Къ этому присоединился *ютъ* (или *зутъ*), падежъ на скотъ у монголовъ; и щедрость гулегидскихъ государей и мотовство ихъ повели къ установленію ассигнацій *чао*. Расходы со дня на день становились обширнѣе. Визирь Иззъ-еддинъ-ибнъ-эль-Амидъ, котораго дурная внѣшность служила вывѣской его дѣйствій, сдѣлался совѣтникомъ (муширомъ) и визиремъ; онъ хотѣлъ записать эру своего безславія на скрижаляхъ міра до дня всеобщаго воскресенія, поставивъ безславіе цѣлью для проклятія отъ всѣхъ людей. Онъ предложилъ начальнику Дивана (государственнаго совѣта), что суммы, долженствующія взиматься съ подданныхъ и подвѣдомственныхъ лицъ, не могутъ болѣе удовлетворять издержкамъ государя, содержанію его супругъ, шахзаде (царевичей) и войскъ, заемъ сдѣлался также недостаточенъ и, вслѣдствіе этого, наступило полное бѣдствіе.—„Мнѣ пришло на умъ (говорилъ Ибнъ-Амидъ) пустить ассигнаціи *чао* въ ходъ по всѣмъ областямъ Ильхана (т.-е. гулагидскаго государя Кайхату) взамѣнъ денегъ.“ Такъ какъ подобная мѣра съ виду казалась облегченіемъ для торговыхъ сдѣлокъ и успокоивала бѣдныхъ людей, то Кайхату-ханъ далъ указъ, чтобы во всѣхъ его богохранимыхъ областяхъ не употребляли никакой звонкой монеты при торговлѣ и сдѣлкахъ. Словомъ, по внушенію этой безбожной обезьяны — визиря, который рѣшился такъ поступить съ своимъ благодѣтелемъ государемъ, Кайхату назначилъ эмировъ для исполненія этой мысли въ Иракъ-Араби, Иракъ-Аджеми, Діярбекрѣ, Діярреби, Меяфарекинѣ, Азербайджанѣ, Хорасанѣ, Керманѣ и Ширазѣ. Во всякомъ городѣ былъ построенъ „*Чао-Хане*“, домъ для производства ассигнацій, назначены чиновники, битекчи (бухгалтеры) и другія должностныя лица. *Чао* пошли въ ходъ, къ великому замѣшательству народа. Наружная форма этихъ ассигнацій заключалась въ четвероугольномъ лоскутѣ бумаги, на которой написано было нѣсколько строкъ (уйгурскими, хатайскими) буквами; на двухъ сторонахъ этихъ словъ читался мусульманскій символъ: «нѣтъ божества, кромѣ Аллаха, Мугаммедъ посланникъ Божій», а внизу «*Иренджинъ-Турджи*,» какъ уйгурскіе камы (шаманы) именуютъ государя. Въ срединѣ бумаги находился кружокъ, внѣ центра котораго обозначалась цѣнность *чао* отъ полудиргема до десяти диргемовъ, также было написано нѣсколько строкъ, именно: „государь міра пустилъ въ ходъ по провинціямъ эту благословенную чао въ 693 году (Геджры); кто испортитъ или поддѣлаетъ ее, тотъ будетъ казненъ съ женой и дѣтьми, а его имущество будетъ отобрано въ казну“. Поэты того времени воспѣвали въ стихахъ это нововведеніе. Приведемъ одинъ стихъ:

„Чао, если пойдетъ по свѣту, то государство получитъ вѣчный блескъ.“

Если ассигнація *чао* ветшала, ее приказано было приносить въ Чао-Хане и обмѣнивать на новую. Отъ персидскихъ купцовъ, торговавшихъ съ иностранными землями,

Digitized by Google

для свѣдѣнія современниковъ». Здѣсь помѣщены біографіи 846 лицъ, расположенныя по азбучному порядку. Это сочиненіе издано Вюстенфельдомъ въ литографированномъ видѣ [1]). Трудъ Ибнъ-Халликана продолжали Сафани (въ 1362 году) и Абу-ль-Мехасинъ Ибнъ-Тагриберди. Но самую заслуженную славу на поприщѣ біографій мусульманскихъ знаменитостей пріобрѣлъ Хаджи-Хальфа Мустафа, сынъ Абдаллы, иногда называемый Кятибъ-Челеби (въ переводѣ секретарь-щеголь), первый секретарь и министръ финансовъ при османскомъ султанѣ Мурадѣ IV-мъ. Онъ умеръ въ Константинополѣ въ 1658 г. по Р. Х. Его трудъ «Открытіе сомнѣній въ названіяхъ книгъ и различныхъ отрасляхъ вѣдѣнія» заключаетъ въ себѣ 14,500 названій сочиненій на языкахъ: арабскомъ (самый трудъ и предисловіе къ нему писаны по-арабски), персидскомъ, турецкомъ и татарскомъ, причемъ приложены имена авторовъ, ихъ біографіи и годы кончины. Трудъ Хаджи-Хальфы въ семи томахъ изданъ Густавомъ Флюгелемъ (1835—1858 гг.), подъ названіемъ въ латинскомъ переводѣ «Hadji-Chalfae, Lexicon bibliographicum et encyclopedicum.» Арабскій текстъ помѣщенъ вверху страницы, а латинскій переводъ внизу.

Распространенію географическихъ свѣдѣній между арабами не мало способствовала ихъ страсть къ путешествіямъ, преимущественно съ торговыми и научными цѣлями. Кому не извѣстны имена Ибнъ-Батуты, Ибнъ-Хаукала, Якута, Истахри, Эдриси, Льва Афри-

ассигнаціи *чао* отбирались во время поѣздокъ этихъ купцовъ за границу, и изъ казначейства выдавалась имъ звонкая монета. Короче, ассигнаціи *чао* сдѣлались въ Тебризѣ ходячей монетой, и два-три дня народъ по необходимости еще торговалъ, потому-что состоялось повелѣніе, что кто не станетъ употреблять въ общежитіи *чао*, съ того снесутъ голову. Большая часть тебризцовъ эмигрировала, и этотъ городъ, носившій прозвище Малаго-Каира, сталъ пустъ, словно кошелекъ нищаго. Народъ устремился на Иззъеддина и на тѣхъ, которые дѣйствовали съ нимъ за-одно, убилъ его вмѣстѣ съ соучастниками нововведенія и овладѣлъ его головой. Негодные люди и всякая сволочь прятались ночью въ засадѣ по улицамъ и садамъ, и если кому-нибудь случалось пріобрѣсти хлѣбъ или что другое, они отнимали у прохожаго, а въ случаѣ сопротивленія говорили: „Возьми взамѣнъ твоихъ вещей ассигнацію чао.“ До свѣдѣнія государя было доведено, что введеніе ассигнацій принесло съ собой только разореніе для народа и уничтоженіе государственнаго достоинства. Ильханъ (гулягидскій государь Кайхату-ханъ), выслушавъ эти совѣты, приказалъ уничтожить ассигнаціи *чао*; тогда народъ возвратился въ свои коренныя жилища, и въ короткое время самый городъ Тебризъ и его рынки пришли въ прежнее положеніе“.

Упоминаемыя здѣсь, въ выноскѣ, слова *Иренджинъ-Турджи* (или, правильнѣе *Дорджи*) принадлежатъ языку тибетскому. Калмыки переводятъ ихъ чрезъ *эрдени* (драгоцѣнный) и *очиръ* (скипетръ).

[1]) Ibn-Challicani, Vitae illustrium virorum, 1835—1840 г. Ed. Wüstenfeld. Существуетъ также изданіе не полное—Мекъ-Гюкенъ-де-Слана: Vies des hommes illustres de l'islamisme.

Digitized by Google

канскаго и недавно упомянутаго біографа Хаджи-Хальфы, автора книги «Джиганъ-Нюма» (Указатель міра)?

Побуждаемые религіознымъ фанатизмомъ, особенно на первыхъ порахъ ислама, арабы быстро разсѣялись по африканскому и азіатскому материкамъ, всюду принося съ собой проповѣдь Корана, торговлю, промышленность, и собирая географическія данныя. Они проникали съ торговыми цѣлями и въ Индію, и въ Китай. Терминъ «географія» у нихъ менѣе извѣстенъ; они выработали собственный терминъ «знаніе путей и государствъ». Отъ грековъ они усвоили понятія о космографіи, дѣлили землю на семь климатовъ и считали градусы меридіана отъ «Счастливыхъ острововъ»—такъ они называли острова Канарскіе. Не смотря на сухой перечень описываемыхъ арабскими путешественниками городовъ и мѣстностей, ихъ труды весьма важны для исторіи среднихъ вѣковъ.

Географія Птолемея (Батломеусъ) была переведена на арабскій языкъ астрономомъ Ховарезли при халифѣ Мамунѣ; самостоятельные-же труды начинаются съ Хурреми, который былъ въ плѣну у византійцевъ (въ половинѣ IX вѣка) и сообщилъ кое-какія свѣдѣнія объ аварахъ, болгарахъ, славянахъ и хазарахъ. Хордадбе (умеръ въ 912 г.), составилъ систематическое сочиненіе по географіи, назвавъ его: «Книга дорогъ по государствамъ» [1]).

Якуби, географъ IX вѣка, составилъ сочиненіе: «Книга городовъ». Истахри (съ полнымъ именемъ Абу-Исхакъ-Ибрагимъ-Фареси) написалъ книгу: «Странствованіе по государствамъ» — сочиненіе, въ сжатомъ видѣ представляющее географію странъ, занятыхъ мусульманами. Ахмедъ-Ибнъ-Фодланъ, столь извѣстный своимъ путешествіемъ къ волжскимъ болгарамъ 921-го года, оставилъ обширный географическій трудъ, который дошелъ до насъ въ извлеченіи Якута, подъ рубрикой «Русъ» въ его словарѣ. Покойный академикъ Христіанъ Мартинъ Френъ издалъ эту статью подъ заглавіемъ: «Ibn-Fozlans und anderer Araber Bericht über die Russen älterer Zeit. «S.-Petersburg. 1823.

Эдриси, географъ и путешественникъ XII вѣка, потомокъ Мугаммеда, съ полнымъ именемъ Абу-Абдалла Мугаммедъ Эдриси. Онъ былъ родомъ изъ владѣтельнаго княжескаго дома Эдрисовъ, города Сеуты (род. 1099 г. по Р. Х.). Фатимидскій халифъ изгналъ Эдриси изъ его помѣстій, и тогда этотъ послѣдній удалился къ Рожеру 2-му, королю Обѣихъ Сицилій. Здѣсь онъ издалъ свой географическій трудъ и приложилъ къ нему шестьдесятъ-девять картъ. Географія Эдриси сообщаетъ много важныхъ данныхъ по исторіи, торговлѣ и промыш-

[1]) Текстъ и переводъ этого труда изданъ Барбье-де-Мейнаромъ въ Journ. Asiat. 1865 г.

Digitized by Google

ленности. Переводъ ея сдѣланъ въ Парижѣ Жоберомъ въ 1836 г. [1]). Его Geographia Nubiensis издана на латинскомъ языкѣ въ Парижѣ, въ 1619 году.

Левъ Африканскій, ренегатъ, обращенный въ христіанство изъ мусульманства (его мугаммеданское имя Хасанъ-бенъ-Мугаммедъ-Фаси) жилъ въ XVI вѣкѣ. Онъ совершалъ большія путешествія, сколько съ научной цѣлію, столько-же по коммерческимъ дѣламъ; въ 1517 году былъ схваченъ пиратами, которые привезли его въ Римъ, гдѣ папа Левъ X-й и крестилъ его, назвавъ Львомъ. Мы имѣемъ отъ него «Описаніе Африки» въ девяти книгахъ; оно переведено самимъ авторомъ на итальянскій языкъ въ 1526 году.

Ибнъ-Батута (съ полнымъ именемъ Абу-Абдалла Мугаммедъ), замѣчательный путешественникъ и наблюдатель, въ 1325 г. по Р. Х. оставилъ свою родину, городъ Тангеръ, и съ той поры успѣлъ совершить поѣздку въ Египетъ, Персію, Мавераннегръ, Индію, Китай, Зангебаръ, Анатолію, Кипчакское государство и острова Серандибъ (Цейлонъ) и Суматру; затѣмъ, на возвратномъ пути, онъ былъ въ Испаніи и потомъ доходилъ до Тобукту въ Суданѣ. Описаніе его путешествій представляетъ живой интересъ; но такъ какъ Ибнъ-Батута часто довѣрялъ своей памяти и не записывалъ бывшихъ съ нимъ случаевъ, то иногда онъ не довольно строгъ въ изложеніи фактовъ. Его путешествіе носитъ названіе «Даръ очевидца въ отношеніи странныхъ вещей въ городахъ и удивительныхъ событій въ путешествіяхъ.» Этотъ трудъ его изданъ Дефремери и Сангинетти въ Парижѣ, 1853—1859 гг. [2]).

Якутъ (съ полнымъ именемъ Шегабъ-еддинъ-Абу-Абдалла) есть авторъ извѣстнаго географическаго словаря, называемаго «Моаджамъ-эль-больданъ» (алфавитный перечень городовъ); изъ этого большого словаря самъ Якутъ сдѣлалъ впослѣдствіи сокращеніе. Какъ путешественникъ и человѣкъ торговый, онъ ѣздилъ по порученію своего хозяина, багдадскаго купца, по разнымъ мусульманскимъ землямъ и тщательно изучалъ географическія сочиненія своихъ предшественниковъ. Словарь Якута содержитъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній по части географіи мугаммеданскаго востока; онъ изданъ Вюстенфельдомъ. Якутъ родился въ 1184 году и умеръ въ 1229 г. по Р. Х.

Закарія Казвини извѣстенъ своимъ сочиненіемъ по космографіи и естественной исторіи: «Чудеса твореній и странности существъ». Авторъ пользовался трудами предшественниковъ своихъ и, помимо свѣдѣній по космографіи, сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ по

[1]) Geographie d'Edrisi 836.

[2]) Les voyages d'Ibn-Batoutah, Paris, 1853—1859.

Digitized by Google

естественной исторіи. Другое сочиненіе Казвини носитъ заглавіе: «Слѣды странъ и повѣсти о поклонникахъ божіихъ». Казвини умеръ въ 1283 г. по Р. Х.

Димешки, т.-е. Дамаскинецъ, съ полнымъ именемъ Абу-Абдалла-Мугаммедъ (умеръ въ 1327 г. по Р. Х.), оставилъ послѣ себя довольно интересное сочиненіе: «Выборъ времени относительно чудесъ земли и моря.»

Хаматскій князь Исмаилъ-Абу-ль-Феда, о которомъ упомянуто выше, какъ о составителѣ «Общей исторіи человѣческаго рода» (Эль-Мохтасаръ фи-Тарихи-ль-башаръ), не менѣе извѣстенъ и своимъ географическимъ трудомъ «Расположеніе городовъ» (Теквимъ-эль-больданъ). Хотя Абу-ль-Феда пользовался трудами своихъ предшественниковъ въ области географіи, у него находится много и самостоятельныхъ изслѣдованій по нѣкоторымъ мусульманскимъ провинціямъ, каковы Египетъ, Шамъ (Сирія) и Аравія [1]).

Грамматики, лексикографы и представители изящной литературы у арабовъ мусульманскаго періода. Выше было упомянуто, какъ высоко цѣнили арабы обработку родного языка. Они заботились о правильномъ произношеніи словъ [2]) и старались на первыхъ же порахъ послѣ ислама установить прочныя грамматическія формы. Эта опредѣленность формъ арабскаго языка простирается до мельчайшихъ подробностей: слова въ своемъ производствѣ образуются легко при небольшихъ приставкахъ одной, двухъ или трехъ буквъ, что̀ особенно замѣтно въ богатѣйшей его части — глаголѣ, или, какъ называютъ арабскіе грамматики — дѣйствіи. Изъ трехъ буквъ, которыя большею частію составляютъ корень гла-

---

[1]) Полное изданіе географическихъ таблицъ Абу-ль-Феды издано съ французскимъ переводомъ Рейно (Reinaud): Géographie d'Adoulfeda. Paris. 1840—1848. T. I-V.

[2]) Валидъ сынъ Абдъ-Эль-Мелика, халифъ омайядской восточной династіи (705—715 по Р. Х.) очень дурно произносилъ слова и не любилъ грамматическихъ правилъ. Однажды къ нему явился какой-то бедуинъ и по родству съ халифомъ былъ допущенъ въ его бесѣду. Валидъ спросилъ бедуина: „*Манъ хатанака* (произнося букву *н* съ гласнымъ звукомъ *а*)?“ Кочевнику показалось, что его спрашиваютъ объ извѣстномъ обрядѣ обрѣзанія (т.-е. въ переводѣ—*кто тебя обрѣзалъ*?) и онъ отвѣчалъ: такой-то лекарь. Но Солейманъ, братъ халифа, объяснилъ бедуину, что халифъ хотѣлъ сказать: „*Манъ хатанука*“ (*кто твой тесть?* произнося букву *н* съ гласн. *у*). Бедуинъ догадался и отвѣчалъ: вотъ кто мой тесть! и началъ высчитывать родство. Отецъ Валида, Абдъ-Эль-Меликъ нерѣдко укорялъ своего сына за дурное произношеніе и говорилъ, что тотъ не можетъ управлять арабами, кто некрасиво выражается ихъ языкомъ. Валидъ заперся въ одномъ домѣ, набралъ учителей грамматики и долго трудился надъ этимъ предметомъ; но оказался въ немъ еще болѣе несвѣдущимъ, чѣмъ въ тотъ день, когда затворился въ томъ домѣ, съ цѣлью выучиться грамматикѣ. Когда объ этой неудачѣ Валида сообщили его отцу Абдъ-Эль-Мелику († 705 г. по Р. Х.), то онъ только вымолвилъ: „теперь его можно извинить!“

Digitized by Google

гола (хотя, впрочемъ, за корень можно считать повелительное наклоненіе, какъ кратчайшую форму), при помощи буквъ прибавочныхъ (завàидъ), какъ и въ языкахъ еврейскомъ и сирійскомъ, формируются виды первоначальнаго дѣйствія: усиленный, страдательный, переходящій вдвойнѣ, взаимный между двумя или многими лицами, словомъ—тѣ оттѣнки дѣйствія, для изображенія которыхъ въ грамматикахъ европейскихъ языковъ существуютъ отдѣльные залоги. Если, напр., взять какой-либо корень трехбуквеннаго глагола — такъ какъ существуютъ корни изъ четырехъ буквъ—положимъ буквы *к*, *т* и *б*, съ гласнымъ звукомъ *а* для всѣхъ трехъ буквъ, то образуется трехбуквенный глаголъ *ка-та-ба* (катаба), *онъ писалъ*. Если вторую коренную этого глагола удвоить (*тт*) въ произношеніи, то полученный такимъ образомъ другой видъ (ка́ттаба) уже будетъ переходящій вдвойнѣ и получитъ значеніе понужденія: *заставить* кого-нибудь *писать*, стало быть *учить писать*. Продолженный звукъ а̂ при первой коренной буквѣ того же глагола *к* (ка̂таба) придаетъ ему значеніе *взаимнаго дѣйствія* между *двухъ лицъ* (исключительно); а если приложимъ къ этой формѣ впереди еще букву *т*, что̀ составитъ слово *такатаба*, мы означимъ идею *переписки взаимной*, но уже между *многими лицами* (они переписывались, т.-е. многія лица.) Чрезъ приложеніе слога *иста* къ корню *катаба* явится опять новый видъ глагола, означающій просьбу, желаніе, чтобы исполнено было дѣйствіе, выражаемое первой формой. И такъ, если *катаба* значитъ *писать*, то *истактаба* значитъ просить кого-нибудь написать.

Глаголъ въ арабскомъ языкѣ, какъ обильнѣйшая часть рѣчи, отличается большой оригинальностью и служитъ часто для образованія именъ во всемъ ихъ производствѣ. Возьмемъ на удачу три коренныя разнородныя буквы: *б*, *к*, *р*. Переставляя ихъ, мы получаемъ *шесть* различныхъ значеній, если произнесемъ ихъ съ гласнымъ звукомъ *а* для всѣхъ трехъ буквъ. И такъ 1) *ба-ка-ра* (ба̀кара)—*быть поутру*; 2) *ра-ка-ба* (ра̀каба)—*ѣхать верхомъ*; 3) *ка-ба-ра* (ка́бара)—*быть гордымъ*; 4) *ба-ра-ка* (ба́рака)—*стать на колѣни* (говоря о верблюдѣ, когда онъ падаетъ на колѣни для принятія ноши); 5) *ка-ра-ба* (ка̀раба)—*волноваться въ горѣ;* 6) *ра-ба-ка* (ра̀бака)—*связывать*. Разумѣется, подобныя перестановки возможны не для всѣхъ буквъ—есть буквы не соединяемыя, не допускающія подобныхъ дѣйствій.

Дѣйствіе, выражаемое глаголомъ, часто не нуждается въ особенномъ дополнительномъ словѣ для обозначенія времени этого дѣйствія: оба отношенія дѣйствія и времени высказываются въ самомъ глаголѣ. Такъ, глаголъ *ша́раба* означаетъ *пить*, общее понятіе безъ означенія времени, но *са́баха—пить* (только) *поутру*, *ка́ля—пить* (только) *въ полдень*, *ша̀бака—пить* (только) *вечеромъ*—отсюда производ-

Digitized by Google

ныя существительныя *сабухъ—утреннее питье, кайлъ—питье въ полдень, габукъ—питье вечернее.*

Извѣстные глаголы могутъ быть употреблены при извѣстныхъ существительныхъ. Такъ, глаголъ *бàрака*—стать на колѣни, употребляется исключительно о верблюдѣ, когда вожакъ хочетъ его вьючить; глаголъ *рàбадза* употребляется только о *львѣ*, когда онъ ложится въ своей пещерѣ; о *садящейся птицѣ* говорится *джасама.*

Для образованія именъ, производныхъ отъ глаголовъ, существуютъ извѣстныя общія формы, которыя чрезвычайно облегчаютъ изученіе этого отдѣла словъ. Есть формы для обозначенія мѣста и времени дѣйствія, формы для обозначенія орудія, сосуда или вмѣстилища чего-либо (напр., *халябъ*—молоко, *михлябъ*—подойникъ), формы для выраженія кратнаго отглагольнаго имени, формы для означенія изобилованія и проч. Въ образованіи множественнаго числа именъ существительныхъ надобно замѣтить то обстоятельство, что кромѣ такъ-называемаго правильнаго множественнаго, существуютъ еще множественныя неправильныя, даже множественныя, произведенныя отъ другихъ множественныхъ того же слова. Напр., слово *ардзъ*—земля—образуетъ множественное правильное *ардзунъ* и, кромѣ того, множественныя неправильныя *арàдзы, арадзàтъ, орудзъ* и *арàдзъ.* Нѣкоторыя множественныя отъ одного и того же единственнаго числа, принимая иныя формы, мѣняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое значеніе. Такъ: *айнъ*—глазъ, источникъ; его множественное *оюнъ* означаетъ *глаза, источники*, а другое множественное *айянъ—отличные, избранные люди*; *бейтъ—домъ* и *стихъ*, множ. *бюютъ* дома, а *абъятъ*—стихи. Сверхъ того, есть множественныя для опредѣленія количества *пяти, десяти, тридцати* предметовъ, которыя нельзя употребить, какъ скоро дѣло идетъ о числѣ бóльшемъ. Но такая чрезвычайная опредѣленность грамматическихъ формъ арабскаго языка, какъ-бы вставляя его въ извѣстную раму, препятствуетъ образованію словъ составныхъ, которыми такъ богаты другіе языки, какъ, напр., персидскій, нѣмецкій, русскій. Сложныхъ словъ въ арабскомъ языкѣ очень мало, такъ: *басмаля—произносить фразу: во имя Аллаха* (отъ слова *исмъ* имя и *Аллахъ* Богъ); *хаулака—говорить ляхаула*, изъ словъ *хаулъ*, сила (нѣтъ силы, какъ у Бога), *тадàмшака*, идти въ Дамаскъ (отъ *Димешкъ*-Дамаскъ); *такялляба — злиться, какъ собака*, отъ *кельбъ* собака.

Чтобы Коранъ не подвергался искаженіямъ при неправильномъ чтеніи нѣкоторыхъ стиховъ (о чемъ сказано нами уже прежде), надобно было установить правильность чтенія при посредствѣ гласныхъ знаковъ. Такимъ образомъ текстъ Корана, исправленный грамматиками Дуали, Сакафи, Сибевейги (или Сибуе), послужилъ какъ-бы

Digitized by Google

мѣриломъ чистоты языка; кромѣ того, древнія стихотворенія, писанныя изящнымъ поэтическимъ языкомъ бедуиновъ, считались болѣе правильнымъ элементомъ языка, нежели рѣчь жителей городовъ (эгль-эль-модари). Явившіяся вскорѣ школы въ Бассорѣ и Куфѣ предположили себѣ цѣлью уяснить грамматическія тонкости арабскаго языка.

Абу-Бекръ-Джорджани, умершій въ 1078 году, составилъ грамматическій трактатъ «Сто управляющихъ» (въ латинскомъ переводѣ: *centum regentes*), гдѣ грамматика излагается по словамъ, дѣйствующимъ на измѣненіе именъ и глаголовъ. Абу-ль-Касемъ Махмудъ-Замахшари (умеръ въ 1143 г. по Р. Х.), кромѣ своего извѣстнаго труда по толкованію Корана (*Кешшафъ*, т.-е. открывающій, объясняющій), считается авторомъ сочиненія по арабскому синтаксису, по введенію въ грамматику и лексикону арабско-персидскаго языка.

Изъ числа куфскихъ ученыхъ грамматиковъ можно упомянуть о Кесаѣ, составившемъ руководство по грамматикѣ въ сжатомъ видѣ. Его ученикъ Абу-Закарія-эль-Ферра (умершій въ 822 г. по Р. Х.) оставилъ по себѣ много грамматическихъ изслѣдованій.

Къ школѣ бассорскихъ грамматиковъ, болѣе авторитетныхъ, принадлежитъ: Фàреси (т.-е. персіянинъ, умеръ въ 987 г.) съ именемъ Абу-Али-Хасанъ, составитель трактата «Ійздахъ» (т.-е. Разъясненіе). Болѣе другихъ пользуются извѣстностью грамматики позднѣйшихъ вѣковъ. Абу-Амръ-Османъ, съ прозвищемъ *Ибнъ-эль-Хаджибъ* (сынъ тѣлохранителя), египтянинъ по происхожденію, былъ учителемъ грамматики въ Дамаскѣ и скончался въ Александріи (1249 г. по Р. Х.). Его сочиненія по грамматикѣ: «Удовлетворительное произведеніе грамматическое» (или, короче, *Кяфія* (т. е. достаточное, удовлетворяющее) и *Шафія* (*цѣлительница* грамматическихъ ошибокъ). Оба сочиненія были комментированы извѣстнымъ персидскимъ поэтомъ Абдуррахманомъ Джами.

О грамматикѣ Ибнъ-Мáлекѣ (съ собственнымъ именемъ Джемаль-еддинъ Абу-Абдалла-Мугаммедъ, умеръ въ 1274 году по Р. Х.) можно, пользуясь замѣчаніемъ Хаджи-Хальфы, сказать безъ преувеличенія, что трудъ его «Тысячная грамматическая поэма», *Эльфійя* (т.-е. грамматика, умѣщенная въ тысячѣ стиховъ), пользуется огромнымъ значеніемъ на мугаммеданскомъ востокѣ. На него составленъ комментарій Ибнъ-Акилемъ (ум. въ 1367 г.); въ Европѣ какъ текстъ, такъ и переводъ *Эльфійи* изданъ въ 1851 году берлинскимъ профессоромъ Дитерици. Ибнъ-Гешамъ (съ полнымъ именемъ Джемаль-еддинъ Абу-Мугаммедъ-Абдалла, умеръ 1369 г.), преподаватель грамматики въ Каирѣ, извѣстенъ преимущественно, какъ составитель арабскаго трактата о синтаксисѣ. Ибнъ-Гешамъ придер-

Digitized by Google

живается метода Сибевейги въ изложеніи своего трактата. Ибнъ-Аджрумъ эс-Санхаджи (съ полнымъ именемъ Абу-Абддала Мугаммедъ, умеръ въ 1323 г. по Р. Х.) составилъ грамматику «Аджрумійя» (Аджрумійское введеніе), не разъ изданную и въ Европѣ подъ именемъ *Аджрумійи*.

Разбирая труды такихъ ученыхъ, каковы Харири, Джемаль-еддинъ Тафтазани, авторъ «кяфійи» (т.-е. достаточнаго руководства) и вышеприведенныхъ грамматиковъ, нельзя не признать за арабскими учеными заслугъ на пользу чистоты и правильности языка. Что касается лексикографіи, то большое количество словарей (которыхъ насчитываютъ едва-ли не около трехъ-сотъ) служитъ доказательствомъ богатства языка; словари Джаугари и Фирузабади, которыми преимущественно пользовались европейскіе ученые при изданіи арабскихъ лексиконовъ, не даромъ называются «Океанами».

Абу-Насръ-Исмаилъ-бенъ-Хаммадъ Джаугари (т.-е. Жемчужный), уроженецъ города Фараба (Отрара) въ Мавераннегрѣ, почему онъ иногда называется *Фарабскій*, чтобъ уяснить себѣ чистую арабскую рѣчь, провелъ довольно долгое время среди кочевыхъ арабовъ. Онъ умеръ въ 1005 г. по Р. Х. Его словарь, изданный въ 999-мъ году по Р. Х., носитъ названіе «Сихахъ-эль-Люгатъ», т.-е. Правильность языка, и состоитъ изъ 40,000 словъ. За это сочиненіе авторъ названъ отъ современниковъ «имамомъ (первенствующимъ лицомъ) языка». Словарь Джаугари былъ комментированъ многими учеными; имъ пользовались при изданіи своихъ арабско-латинскихъ словарей Голіусъ, Менинскій, Фрейтагъ; Мугаммедъ Ванкули перевелъ его на турецкій языкъ.

Фирузабади (Меджд-еддинъ-Абу-Тагеръ-Мугаммедъ) жилъ уже во времена упадка наукъ у арабовъ (онъ умеръ 80-ти лѣтъ въ Зебидѣ, въ 1415 г. по Р. Х.); но, имѣя въ своихъ рукахъ драгоцѣнные матеріалы, предположилъ составить словарь, который включалъ-бы въ себѣ всѣ богатства арабскаго языка. Существовало два большихъ словаря: «Мохкамъ» (прочный), трудъ Абу-ль-Хасана Али-бенъ Исмаила, съ прозвищемъ Ибнъ-Сеида (умеръ въ 1065 г.) и «Обадъ» (пучина) трудъ Хасана-Сагани. Фирузабади соединилъ эти оба словаря подъ именемъ «Блистающій удивительный свѣточъ, вмѣщающій въ себѣ словари: *Твердый* и *Пучину*». Его словарь «Камусъ-мохитъ» (окружающій океанъ) составляетъ только тридцатую часть этого труда. Властитель Іемена, Исмаилъ-бенъ-Аббасъ-Аль-Ашрафъ, всегда покровительствовалъ ему; говорятъ, что Баязетъ и Тамерланъ, изъ уваженія къ учености Фирузабади, посылали ему подарки. Словарь Фирузабади переведенъ на турецкій языкъ, подъ заглавіемъ: «Обширный океанъ, переводъ Окружающаго океана» (т.-е. Словаря Камуса).

Digitized by Google

Изящная словесность арабовъ можетъ быть подраздѣлена на слѣдующіе отдѣлы:

1) Собственно произведенія въ прозѣ, какъ мы понимаемъ это слово въ смыслѣ европейскомъ.

2) Произведенія, писанныя *риѳмованной* прозой (prosa scandens), образцы которой очень рѣдки въ Европѣ [1]).

Тотъ и другой отдѣлы называются по-арабски «*нетсръ*», или «*ментсуръ*», *разсыпаніе* жемчуга, въ силу того, что слова рѣчи представляются *разсыпанными* зернами жемчуга.

3) Отдѣлъ *поэтическій*, или самостоятельныя произведенія арабскихъ мусульманскихъ поэтовъ или подражанія древнимъ образцамъ періода до-мугаммеданскаго. Ни арабы, ни ихъ подражатели—персіяне и османскіе тюрки (и всѣ вообще мусульманскіе народы) не знаютъ о существованіи стиховъ бѣлыхъ, безъ риѳмы. Словомъ *недзмъ* или *мендзумъ* (нанизываніе жемчуга) арабы обозначаютъ стихотворныя произведенія. Замѣчательно то обстоятельство, что многія прозаическія произведенія въ арабской литературѣ вмѣщаютъ въ себѣ одновременно и стихи и прозу, каковы, напримѣръ сочиненія Харири, Ибнъ-Арабшаха и др., чему подражаютъ и лучшіе персидскіе прозаики, какъ напримѣръ Саади въ своемъ «Гюлистанѣ», Мирза Мегди Астрабадскій, панегиристъ Надиръ-Шаха, Вассафъ и другіе классическіе писатели Ирана.

Риторика и краснорѣчіе занимаютъ не послѣднее мѣсто въ арабской литературѣ, какъ это можно замѣтить изъ комментарія Джорджани на сочиненіе «Тальхисъ-эль-Мифтахъ» (объясненіе ключа), «Хадàикъ-эль-белягатъ» (Сады краснорѣчія), сочиненіе Миръ-Шемседдина и «Адабъ-эль-хатибъ» сочиненіе Ибнъ-Котайбы († 890 г. по Р. Х.), гдѣ трактуется о слогѣ и различныхъ видахъ краснорѣчія. Халиль-бенъ-Ахмедъ былъ изъ числа первыхъ, которые установили, основываясь на древнихъ поэтическихъ произведеніяхъ, правила метрики. Въ настоящее время мы имѣемъ для риторики и просодіи языковъ мусульманскаго востока отличное сочиненіе извѣстнаго ученаго Гарсенъ-де-Тасси, гдѣ вычислены всѣ виды метровъ, наблюдаемыхъ поэтами [2]). Гарсенъ-де-Тасси составилъ свой трудъ на основаніи сочиненія сейчасъ упомянутаго—«Хадаикъ-эль-белягатъ».

Къ прозаическимъ произведеніямъ перваго отдѣла можно отнести, во-первыхъ, изреченія (сентенціи) Али, сына Абу-Талеба, Басни Локмана, Арабскія пословицы и сказки «Тысяча одна ночь.» Труды

---

[1]) Нѣкоторыя сказки и легенды русскаго народа подходятъ къ образцамъ, написаннымъ *риѳмованной* прозой, разумѣется, кромѣ содержанія арабскихъ произведеній.

[2]) Garcin de Tassy, Rhéthorique et prosodie des langues de l'orient musulman etc. Seconde édition. Paris, 1873.

Digitized by Google

историковъ, географовъ и математиковъ упомянуты были въ своемъ мѣстѣ. Али, сынъ Абу-Талеба, супругъ Фатимы, дочери Мугаммеда, извѣстенъ подвигами храбрости, необычайной тѣлесной силой; краснорѣчіемъ и мудрыми изреченіями. Мугаммедъ сказалъ о немъ: *Я городъ знаній, а Али дверь этого города.* Ему приписываютъ трактатъ «Дорога краснорѣчія»; его изреченія нѣсколько разъ издавались въ Европѣ подъ названіемъ: Sententiae Ali-ben-Abu-Talibi. Таковы, напримѣръ: «Любовь твоя къ какому-либо предмету есть завѣса между тобою и его дурными качествами, а ненависть къ этому предмету—завѣса между тобою и его хорошими качествами.—Надежда, какъ пустынный сарабъ (миражъ), который обольщаетъ того, кто на него смотритъ, и обманываетъ того, кто полагается на него.—Человѣкъ благородный не надмевается пріобрѣтеннымъ званіемъ, хотя-бы оно уподоблялось горѣ, которую не поколеблютъ вѣтры; но человѣка низкаго дѣлаетъ надменнымъ малѣйшее возвышеніе, какъ былинку, которую качаетъ дуновеніе зефира.—Зависть есть болѣзнь неизлечимая; она прекращается или съ гибелью завистника, или со смертью того, кому завидуютъ».

Что касается *басенъ Локмана* (Эмтсаль-Лукманъ-эль-Хакими) мудреца, то сборникъ ихъ представляетъ изъ себя подобіе басенъ Езопа. Ихъ сорокъ-одна басня (притча—*матсаль*). Хотя въ одной изъ суръ Корана и говорится о Локманѣ, какъ о пророкѣ и мудрецѣ, который даетъ наставленія своему сыну: не придавать Богу сотоварищей, почитать родителей (однако не повиноваться имъ, если они будутъ принуждать своего сына къ идолопоклонству), быть ровнымъ въ походкѣ и смягчать свой голосъ, «ибо самый отвратительный голосъ—рычаніе осла»; но кто таковъ этотъ Локманъ—ни Коранъ, ни его комментаторы прямо не поясняютъ, только относятъ его жизнь ко временамъ Давида. Эти басни нерѣдко были издаваемы въ Европѣ, со времени лейденскаго ученаго Ѳомы Эрпенія (1615 г.). Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ арабской христоматіи Болдырева (Москва 1832 года).

Таковы, напримѣръ, *Басни:*

Газель. Газель однажды почувствовала жажду и пошла къ источнику воды напиться. Она увидала свое изображеніе въ водѣ; она была опечалена тонкостью своихъ ногъ, но обрадовалась и восхищалась величиной и красотой своихъ роговъ. Въ это время напали на нее охотники. Газель побѣжала отъ нихъ, и пока она бѣжала по равнинѣ, охотники не настигли ее; но когда она попала въ горы и пробѣгала между деревьями (запутавшись рогами) охотники догнали ее и убили. При смерти она говорила: „о я, несчастная, то, что я презирала, спасло меня, а на что надѣялась, то меня погубило".

Женщина и курица. У женщины была курица, которая ежедневно несла по серебряному яйцу. Женщина сказала сама себѣ: „если я увеличу ея кормъ, она будетъ нести по два яйца"; но когда ея кормъ былъ увеличенъ, зобъ ея лоп-

Digitized by Google

нулъ и она умерла. *Нравоученіе.* Многіе, желая большей прибыли, губятъ весь свой капиталъ.

Негръ. Однажды Негръ, снявши съ себя платье, началъ собирать снѣгъ и тереть имъ свое тѣло. Ему сказали: „что это ты трешь свое тѣло снѣгомъ?" Онъ отвѣчалъ: „быть можетъ, я побѣлѣю". Какой-то мудрецъ, пришедши туда, проговорилъ: „эй ты, не надсажайся; скорѣе твое тѣло зачернитъ снѣгъ, а снѣгъ не отмоетъ твоей черноты". *Нравоученіе.* Невозможно уничтожить врожденныя человѣку качества.

Левъ и Лисица. Однажды солнце сильно пекло Льва; онъ вошелъ въ какую-то пещеру укрыться въ тѣни, и когда протянулся, тутъ явилась къ нему ящерица и стала бѣгать по его спинѣ. Левъ вспрыгнулъ, въ испугѣ озираясь направо и налѣво. Лисица увидала это и начала надъ нимъ подтрунивать; но Левъ сказалъ: „мой страхъ не отъ ящерицы—напротивъ, я негодую на презрѣніе, оказываемое моей особѣ". *Нравоученіе.* Униженіе, оказанное человѣку умному, тяжелѣе смерти

Собраніе арабскихъ пословицъ и поговорокъ носитъ двоякій характеръ — пословицы, собственно заимствованныя изъ быта бедуиновъ, и пословицы позднѣйшія, часто имѣющія значеніе историческое. Во всякомъ случаѣ эти *амсалъ* весьма интересны, какъ живой образъ народнаго быта, народныхъ повѣрій и до извѣстной степени иногда замѣняютъ недостатокъ историческихъ матеріаловъ.

Мейдани (съ полнымъ именемъ Абу-ль-Фадзль-Ахмедъ, умершій въ 1124 г. по Р. Х.), уроженецъ города Нишабура, оставилъ сборникъ изъ 6000 пословицъ. Извѣстный оріенталистъ Фрейтагъ издалъ ихъ въ 1838 — 1848 гг. [1]). Второй, не менѣе замѣчательный собиратель пословицъ, извѣстный *Замахшари*, кромѣ сборника пословицъ, оставилъ еще сочиненіе «Золотыя ожерелья», гдѣ заключается сто трактатовъ разнаго содержанія.

Къ чисто бедуинскимъ, степнымъ пословицамъ, можно, напримѣръ, причислить слѣдующія:

1) *Выдавать* (или показывать) *пятидневный верблюжій водопой за шестидневный:*

Отправляясь въ далекій путь, пріучаютъ верблюдовъ переносить жажду до *пяти дней* и даже до *шести.* Смыслъ пословицы тотъ, что кто-нибудь, намекая на извѣстный предметъ, хитритъ и держитъ въ умѣ совсѣмъ другое.

2) *Не все, что бѣло, жиръ; не все что черно, финикъ.*

(т.-е. не все то золото, что блеститъ).

3) *Это вязанка сѣни на вязанкѣ дровъ.*

(т.-е. горе, приложенное къ горю).

4) *Бить кого-нибудь такъ, какъ бьютъ чужихъ верблюдовъ.*

(Когда владѣлецъ колодца отгоняетъ чужихъ верблюдовъ).—Также говорится: „бей его, какъ чужую верблюдицу".

5) *Мышенокъ не попалъ въ свою нору.*

(Говорится о томъ, кто не можетъ исправить свое дѣло).

6) *Посвѣти мнѣ, и я вырублю тебѣ огня.*

---

[1]) G. W. Freytagii, Arabum proverbia. Bonnae ad Rhenum. Par. I—IV. Въ послѣднемъ томѣ приложены пословицы и поговорки, заимствованныя у разныхъ составителей сборниковъ.

Digitized by Google

(Помоги мнѣ и я помогу тебѣ).

7) *Земля хоть и обширна, стала ему тѣсна.*

(Говорится о томъ, кто въ трудныхъ обстоятельствахъ не знаетъ, что ему дѣлать).

8) *И старый верблюдъ переходитъ пустыню.*

(Говорится о старикѣ, еще довольно сильномъ).

9) *Жиру сказали: куда ты? Онъ отвѣчалъ: поправить горбатаго.*

(Тучность скрываетъ недостатки. Говорится о человѣкѣ презрѣнномъ, но богатомъ, который пользуется почетомъ).

10) *Лошака спрашиваютъ: кто твой отецъ; а онъ отвѣчаетъ — мой дядя конь.*

(Отвѣчаетъ совсѣмъ не то, о чемъ спрашиваютъ).

11) *Въ его хребтѣ совершенно нѣтъ жиру.*

(Въ немъ нѣтъ никакого проку).

12) *Онъ похожъ на дочь горы (эхо); что говорятъ, то она и повторяетъ.*

(Слабоумный повторяетъ чужія рѣчи).

13) *У кого отецъ сапожникъ, у такого и сапоги хороши.*

(У кого есть помощники, у того и дѣла идутъ хорошо).

14 *Онъ походитъ на страуса—ни птица, ни верблюдъ.*

(Человѣкъ, о которомъ нельзя сказать ни хорошаго, ни дурного).

15) *Побей его Богъ третьей подпоркой котла!*

(Порази его Богъ сильнымъ несчастіемъ. Пословица ведется отъ того обстоятельства, что кочевники, когда варятъ въ котлѣ пищу, то приставляютъ одинъ его бокъ къ горѣ или скалѣ; а подъ другой бокъ подкладываютъ камни. И такъ какъ третья подпорка (гора или скала) самая тяжелая, то, въ переносномъ смыслѣ, означаетъ большое несчастіе.

Пословицы, имѣющія историческое значеніе, весьма многочисленны. Такъ, напримѣръ: *Въ краснорѣчіи заключается очарованіе*—пословица, приписываемая Мугаммеду, когда онъ въ 630 году, принималъ депутацію, состоявшую изъ Амрубенъ-Ахтема, Зибярикана-бенъ-Бедра и Капса-бенъ-Асема.

Могущественнѣе, нежели Колейбъ-Ваель. Вождь племени Рабна пользовался такимъ значеніемъ, что никто безъ позволенія его не могъ ни выпускать скотъ на луга, ни охотиться за звѣрями, которыхъ онъ бралъ подъ свое покровительство. Въ его присутствіи никто не осмѣливался говорить громко, и поэтъ Могальгель сказалъ слѣдующіе стихи, когда Джассасъ убилъ Колейда. „Мнѣ стало извѣстно, что послѣ твоей кончины, Колейбъ, стали раскладывать огонь, перебраниваться въ бесѣдахъ и переговаривать о важныхъ дѣлахъ, но еслибы присутствовалъ ты, они не осмѣлились бы сказать ни слова“.

Произведенія, извѣстныя въ арабской литературѣ подъ именемъ макаматъ, или Бесѣдъ, представляютъ изъ себя родъ сочиненій, слывущихъ подъ названіемъ новеллъ. Здѣсь разскащикъ передаетъ приключенія вымышленныхъ лицъ, которыя играютъ въ его повѣствованіи разныя общественныя роли, стараясь преимущественно расположить слушателей въ свою пользу и дѣйствуя на ихъ умы своимъ краснорѣчіемъ. Языкъ этихъ произведеній весьма изященъ и перемѣшанъ со стихами—обстоятельство, которое, скажемъ мимоходомъ, свойственно и отборнымъ персидскимъ авторамъ, подражавшимъ вкусу арабскихъ писателей. Изобрѣтателемъ подобныхъ новеллъ

Digitized by Google

считается Хамадани, прозванный «Чудомъ своего времени» (Бади-Эзземанъ), подлинное имя котораго Абу-ль-Фазль-Ахмедъ-бенъ-Хусейнъ (умеръ 1007 г. по Р. Х.). Онъ, говорятъ, былъ одаренъ такой счастливой памятью, что не затруднялся прочесть поэму, слышанную только одинъ разъ, и легко импровизировалъ, соблюдая отличныя выраженія, чистоту и изящество языка.

Хамадани оставилъ четыреста такихъ бесѣдъ, изъ которыхъ иныя очень кратки. Дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ бесѣдахъ боыкновенно является Абу-ль-Фатхъ Александріецъ (Искендери), а разскащикомъ его приключеній—Иса, сынъ Гешама, который всюду слѣдитъ за Абу-ль-Фатхомъ и послѣдній не стѣсняется спрашивать его: почему такъ нравится ему роль попрошайки—хитреца?—«Пусть жизнь твоя среди людей (говоритъ Абу-ль-Фатхъ) будетъ посвящена хитрости и обману. Счастіе никогда не остается въ одномъ положеніи и я, съ своей стороны, стараюсь подражать ему; иногда оно злится на меня, а иногда и я золъ на него. Я примѣняюсь ко времени и, сообразуясь съ нимъ, мѣняю и свое имя и свою родословную: сегодня вечеромъ я обращаюсь въ Набатейца, а завтра утромъ — въ чистокровнаго араба».

Хамадани нашелъ себѣ достойнаго подражателя въ лицѣ Харири, который, по богатству языка, даже превзошелъ своего предшественника. Многія изъ его «Бесѣдъ» рѣшительно не переводимы ни на какой языкъ, составляя, такъ сказать, исключительное достояніе арабскаго языка, каковы: бесѣда 17-я, 26-я (Ракта), 28-я, 32-я и проч. Всѣхъ макаматъ Харири *пятьдесятъ*, съ разными наименованіями.

Что касается личности Харири, то Ибнъ-Халлеканъ даетъ намъ его біографію въ слѣдующихъ словахъ [1]).

«Абу-Мугаммедъ Касемъ-бенъ-Али-бенъ-Мугаммедъ-бенъ-Османъ Харири-Басри (т. е. урожденецъ города Бассоры), авторъ Макаматъ, совмѣстилъ въ своихъ «Бесѣдахъ» отборныя красоты арабизма, и кто изучалъ его сочиненіе, какъ должно, тотъ можетъ себѣ составить идею о талантѣ этого писателя и его огромной эрудиціи.—Поводомъ къ составленію *Макаматъ*, по словамъ сына Харири, послужило слѣдующее происшествіе.—Мой отецъ (говоритъ сынъ Харири) однажды сидѣлъ въ мечети съ Бену-Харамъ, какъ вдругъ явился старикъ, одѣтый въ рубище, но говорившій весьма краснорѣчиво. Имя его было Абу-Зейдъ, уроженецъ города Саруджа. Такимъ образомъ, дѣйствующее лицо было найдено, и разскащикъ, отъ лица котораго ве-

[1]) Séances de Hariri, publiées en Arabe par. S. de Sacy. Paris. 1822. Vie de Hariri, extraite du Dictionnaire biographique d'Ebn-Khilcan pg. XIV. Здѣсь его біографія представляется въ сжатомъ видѣ.

Digitized by Google

дется повѣсть о приключеніяхъ Абу-Зейда, носитъ подложное имя: Харесъ сынъ Геммама. Первая *бесѣда* Харамійская (въ сборникѣ бесѣдъ она считается сорокъ-осьмою) была показана визирю халифа Мостаршедъ-билла, по имени Шерефъ-еддину Ануширвану, и заслужила его одобреніе. Этотъ сановникъ ободрилъ Харири къ продолженію труда. Дѣйствующее лицо, какъ выше сказано, есть Абу-Зейдъ, являющійся въ разныхъ видахъ—ученаго, богомольца, хромого или слѣпого нищаго, котораго въ концѣ концовъ разскащикъ Харесъ сынъ Геммама всегда узнаетъ, несмотря на внѣшнія формы. Проза, которую употребилъ Харири въ своихъ макаматахъ, есть такъ называемая prosa scandens—риѳмованная, которую отчасти можно читать въ послѣднихъ главахъ корана [1]). Каждая макамата непремѣнно заключаетъ въ себѣ и стихи (риѳмованные, такъ какъ бѣлые стихи арабамъ неизвѣстны). Послѣ разныхъ похожденій, Абу-Зейдъ завершаетъ свое скитальческое поприще покаяніемъ; онъ вступаетъ въ монастырь и на желаніе Хареса сына Геммама, который упрашиваетъ его дать себѣ послѣднее наставленіе, говоритъ: «имѣй смерть предъ своими очами—и съ этимъ мы разлучимся». Эта послѣдняя бесѣда—Бассорская.

Чтобы дать приблизительное понятіе о *макаматахъ*, мы рѣшились, не имѣя возможности передать риѳмованную прозу и стихи, придающіе большую красоту арабскому подлиннику, представить въ переводѣ девятую бесѣду, имѣя въ виду преимущественно ея содержаніе. Разскащикъ въ этой бесѣдѣ (*александрійской* [2]) встрѣчается съ Абу-Зейдомъ у александрійскаго кади (судьи) при слѣдующей обстановкѣ.

„Харесъ, сынъ Геммама, говоритъ вотъ что—

Юношеская бойкость и страсть къ наживѣ доводили меня до того, что я изъѣздилъ всѣ дороги отъ Ферганы до Ганы [3]); я ввергался въ трудныя обстоятельства, чтобы добыть изъ того какой-нибудь плодъ, я пренебрегалъ всѣми опасностями съ цѣлью—достигнуть желаемаго. Между тѣмъ, изъ устъ людей ученыхъ и изъ завѣщаній мудрецовъ я удержалъ въ своей памяти наставленіе, что человѣку образованному, проницательному, когда онъ вступаетъ въ чужой городъ, необходимо пріобрѣсти расположеніе и вниманіе кади, чтобы въ его вліяніи имѣть точку опоры въ сомнительныхъ случаяхъ и на чужбинѣ избавиться отъ притѣсненій со стороны городскихъ властей.

И такъ, взявъ себѣ подобное руководство за имама [4]) и за поводья въ своихъ дѣлахъ, я не вступалъ ни въ какой городъ, ни въ какую берлогу безъ того, чтобы не войти съ судьей города въ связь столько же тѣсную, какъ соединяется вода съ виномъ, и чтобы не укрѣпиться его помощію, какъ плоть укрѣпляется духомъ.

---

[1]) Сильвестръ-де-Саси, въ одной изъ давнихъ книжекъ *Journal Asiatique*, пробовалъ перевести на французскій языкъ *третью макамату* риѳмованной прозой подлинника.

[2]) Séances de Hariri, par 5. de Sacy. pg. 85. Арабскаго текста.

[3]) т.-е. отъ одного края халифата до другого. Фергана—городъ въ Мавераннегрѣ.

[4]) Имамомъ называется первосвященникъ, стоящій впереди всѣхъ при молитвѣ. Халифы также носили названіе *имамовъ*.

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ я, въ одинъ холодный вечеръ, сидѣлъ у александрійскаго судьи, (а онъ въ ту пору велѣлъ представить себѣ богадѣльныя деньги на раздачу бѣднымъ)—вдругъ вошелъ какой-то бѣдовый старикъ, котораго тащила за собой довольно красивая женщина.—„Подкрѣпи, Господи, кади — продли ему свою милость"! проговорила она. — „Я женщина изъ благородной породы, чистой крови, извѣстная по дядьямъ съ отцовой и материной стороны! Я жена цѣломудренная, скромная, нравственная—такъ что между мною и моими сосѣдками огромная разница. Когда меня сватали именитые, богатые женихи, мой отецъ не хотѣлъ о нихъ и слышать, отвергая родство съ ними и подарки ихъ и выставляя на видъ то обстоятельство, будто онъ далъ клятву Богу не отдавать свою дочь замужъ кромѣ какъ за человѣка, знающаго какое-нибудь ремесло. И вотъ, на мое горе, на мою бѣду, рокъ судилъ явиться этому обманщику въ семейство моего родителя, который въ кругу родственниковъ поклялся, что этотъ человѣкъ вполнѣ удовлетворяетъ его условіямъ, что съ давняго времени онъ принизываетъ жемчужину къ жемчужинѣ и продаетъ такія двѣ жемчужины по червонцу. Мой отецъ былъ обольщенъ его хитростью и выдалъ меня за него замужъ, не справившись предварительно насчетъ положенія его дѣлъ. Когда же онъ, мой мужъ, вывелъ меня изъ моего логовища—отцовскаго дома, увелъ отъ родныхъ и помѣстилъ меня, покорную, въ свое жилище, тогда только я увидала, что онъ не болѣе, какъ сидень, лѣнтяй и лежебокій сонуля. Я принесла за собой въ приданое богатыя платья, пышные уборы, полную домашнюю утварь и деньги; но все это было имъ распродано за пустяки, все было истрачено на удовлетвореніе его безмѣрнаго аппетита. Мое имущество онъ издержалъ на свои нужды и когда довелъ меня до полнаго разстройства, очистивъ мой домъ глаже ладони, я сказала ему: „Эй, ты, послушай—нечего скрывать намъ наше бѣдственное положеніе: послѣ Аруса не зачѣмъ умащаться благовоніями [1]). Вставай, промышляй своимъ ремесломъ, срывай плоды твоихъ талантовъ.

Однако, онъ полагаетъ, что ремесло его теперь пришло въ застой, такъ какъ на землѣ распространилось все негодное. А у меня отъ него есть дитя, тощее словно зубочистка; мы оба сидимъ у него голодные и не осушаемъ своихъ слезъ въ такой нуждѣ... Вотъ я привела и представляю его тебѣ — *погрызи дерево его извиненій* [2]) и разсуди насъ, какъ тебѣ укажетъ Богъ!"

— „Ты слышалъ рѣчи своей жены" сказалъ кади.—„Оправдывайся, а иначе я разоблачу твое плутовство и велю отвести тебя въ тюрьму!"

И старикъ, потупясь взорами въ землю, будто змѣя, бойко выступилъ, какъ видно, уже на извѣданную неоднократно битву. Онъ началъ декламировать слѣдующіе стихи:

„Выслушай мою повѣсть; она удивительна,—надъ ней и посмѣешься, и поплачешь. Я человѣкъ, котораго достоинства несомнѣнны и слава неопровержима; моя родина—городъ Саруджъ, и по родословной я принадлежу къ племени Гассанъ. Мое занятіе—науки, углубляться въ нихъ—мое искательство, и прекрасное искательство! Мой капиталъ—чарующія рѣчи, изъ которыхъ образуются и стихи и

[1]) Пословица, смыслъ которой объясняютъ такъ: Асма, дочь Абдаллы, изъ племени Озра, была замужемъ за Арусомъ, красивымъ мужчиной; а по смерти его вышла замужъ за Науфаля, человѣка безобразнаго, у котораго изо рта выходилъ дурной запахъ. Науфаль, догадываясь, что Асмѣ не нравится этотъ запахъ, предлагалъ опрыскиваться благоуханіями, на что получилъ въ отвѣтъ, что *„послѣ Аруса нѣтъ благоуханій"*. Такой пословицей выражаютъ непоправимое горе.

Впрочемъ, иные комментаторы даютъ и другое толкованіе этому выраженію.

[2]) Т.-е. послушай его извиненій, испробуй ихъ.

Digitized by Google

краснорѣчивыя проповѣди; погружаясь въ пучины краснорѣчія, я выбираю оттуда самыя лучшія жемчужины. Я срываю самые свѣжіе плоды съ дерева слова, другіе-же ораторы подбираютъ только сухіе сучья.—Рѣчи въ естественномъ видѣ я беру, какъ серебро, но когда я оправлю, обдѣлаю ихъ,—мнѣ говорятъ: это золото.

„Прежде, мое образованіе служило для меня источникомъ богатства; мои ноги касались самыхъ высокихъ ступеней; со всѣхъ сторонъ сыпались на меня подарки, но я принималъ ихъ не отъ всякаго. Но въ настоящее время—кто возлагаетъ свои надежды на образованность, это считается самымъ плохимъ, не идущимъ съ рукъ, товаромъ.

„Уже не цѣнится честь людей образованныхъ, имъ нѣтъ никакого почета ихъ считаютъ трупами, отъ которыхъ всякій отстраняется подальше.

„Я растерялся отъ перемѣнчивыхъ, испытывающихъ мое терпѣніе, ночей; подлинно, онѣ удивительны. Мои таланты изсякли вслѣдствіе нищеты, на меня нахлынули горе и заботы; судьба, достойная укоровъ, повела меня къ поступкамъ неодобрительнымъ; я распродалъ все, до послѣдняго шерстяного лоскута, до войлока, на которомъ можно-бы уснуть. Я нахваталъ на свою шею долговъ и теперь сгибаюсь подъ этой ношей, которая тяжелѣе смерти. За тѣмъ, я сталъ голодать по пяти дней, и когда дошелъ до полнаго изнуренія, то не видалъ другого выхода кромѣ продажи ея приданаго; хотя моя душа и не желала этого, хотя глазъ мой плакалъ, а сердце уязвлялось печалью. Впрочемъ, это я дѣлалъ съ ея согласія, дабы избѣжать ея гнѣва.

Если она сердится, думая, будто я наживаю себѣ состояніе, нанизывая жемчугъ, или негодуетъ на то, что я, когда рѣшился сватать ее, то ради лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ подкрасилъ ложью свою рѣчь,—то я клянусь тѣмъ, ко храму котораго (каабѣ) стекаются путники на отличныхъ, благородныхъ верблюдахъ, что не въ моемъ обычаѣ обманывать честныхъ женщинъ; я не притворяюсь и не лгу. Съ тѣхъ поръ, какъ я подросъ, въ моихъ рукахъ не было другихъ орудій, кромѣ перьевъ и книгъ. Моя мысль, а не рука нижетъ ожерелья; мое низанье,—это стихи, а не благовонные шарики, и вотъ, на такое-то ремесло я и указывалъ, такимъ трудомъ я и пріобрѣталъ себѣ богатство. Выслушай мое объясненіе, какъ ты выслушалъ объясненіе моей жены, дѣйствуй безъ лицепріятія и разсуди насъ, какъ должно“.

Когда старикъ кончилъ свою импровизацію (говоритъ разсказчикъ), кади обратился къ женщинѣ. Тронутый сердечно стихами, онъ сказалъ ей: „Теперь всѣмъ судьямъ и правителямъ стало извѣстно, что поколѣніе благородныхъ людей прекратилось и что счастіе перешло на сторону негодяевъ—потому-то я и считаю твоего мужа правдивымъ въ его рѣчахъ, свободнымъ отъ укоровъ. Онъ признается тебѣ, что задолжалъ; онъ высказалъ сущую правду, объяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ низаньемъ жемчуга и что его кости обглоданы нищетой; итакъ, укорять извиняющагося было-бы дѣломъ низкимъ, запирать въ темницу бѣдняка—тяжелый грѣхъ, скрывать отъ людей свою бѣдность—дѣло благочестія, ожидать терпѣливо лучшаго конца, значитъ—исполнять предписанія религіи. Ступай—же домой и извини своего супруга; перестань плакать, поручи себя Господней волѣ!“ Затѣмъ кади отдѣлилъ имъ обоимъ часть милостыни и, подавая имъ серебряныя монеты, прибавилъ: „воспользуйтесь этими брызгами, утѣшьтесь въ своихъ несчастіяхъ, потерпите невзгоды судьбы и, можетъ статься, Богъ даруетъ вамъ счастіе или ниспошлетъ какую-либо помощь!“

Оба супруга отправились. Старикъ выказывалъ такую радость, будто узникъ, вырвавшійся изъ плѣна или внезапно разбогатѣвшій бѣднякъ.—„Я догадался (говоритъ разсказчикъ), что это Абу-Зейдъ,—догадался съ того самаго часа, какъ показа-

Digitized by Google

лось его солнышко, его лицо, и его жена начала препираться съ нимъ; я чуть-чуть было не высказался насчетъ его разнообразныхъ талантовъ и плодовъ его знаній, но побоялся, что кади откроетъ его обманъ и его лживый языкъ; а вслѣдствіе этого откажетъ въ благотвореніи. Я воздержался отъ рѣчей, какъ будто неувѣренный въ ихъ правдивости; я не сталъ болѣе говорить, какъ безмолвно свертываетъ свой свитокъ тотъ ангелъ, который записываетъ людскіе грѣхи. Только, по уходѣ старика, уже получившаго подарки, я сказалъ: „Вотъ кабы намъ теперь такого человѣчка, который отправился-бы по слѣдамъ старика и принесъ вѣсти насчетъ его, какіе еще онъ тамъ развертываетъ узоры!"

Кади отправилъ одного изъ своихъ довѣренныхъ чиновъ, приказавъ разузнать все дѣло. Этотъ вскорѣ вернулся, вкатываясь въ комнату, какъ круглый булыжникъ и помирая со смѣху.—„Что съ тобой, Абу-Марьямъ?" спросилъ кади [1]). „Я видѣлъ диво и слышалъ то, что привело меня въ веселость", сказалъ чиновникъ кади. „Ну, что же ты видѣлъ и что слышалъ?"—„Старикъ, какъ только вышелъ отсюда, безпрестанно приплясывалъ, хлопалъ въ ладоши и во все горло распѣвалъ:.

„Чуть-чуть было я не попалъ въ бѣду изъ за моей хитрой безстыдницы; посидѣть-бы мнѣ въ темницѣ, еслибы не александрійскій кади".

При этихъ словахъ кади залился такимъ громкимъ смѣхомъ, что его судейская шапка съѣхала на бокъ и вся важность его пропала; но, вслѣдъ за хохотомъ, онъ снова принялъ степенный видъ, проговоривъ „*истагфиру-ллахъ*" (прости меня, Господи!). „О Боже", прибавилъ кади, „во имя святости твоихъ приближенныхъ рабовъ, не допусти меня сажать въ тюрьму людей ученыхъ".—„Поди, приведи его сюда" сказалъ онъ чиновнику. Этотъ поспѣшилъ исполнить приказаніе; но возвратился чрезъ нѣсколько времени съ извѣстіемъ объ уходѣ старика.—„Вотъ еслибы онъ былъ здѣсь, проговорилъ кади, ему нечего было-бы бояться и я доказалъ-бы ему, что послѣдній мой даръ былъ-бы лучше перваго!"

Харесъ, сынъ Геммама, говоритъ: „Когда я увидалъ, что кади благосклоненъ къ Абу-Зейду и что этотъ послѣдній лишится плода такихъ благодѣяній, то мною овладѣло такое-же сожалѣніе, какое чувствовалъ Фераздакъ при разлукѣ съ своей возлюбленной Неварой, или какое испыталъ Косаій съ наступленіемъ дневного свѣта" [2]).

Макаматы Харири были комментированы многими учеными, изъ которыхъ болѣе извѣстенъ Шериши (т. е. уроженецъ города Хереса), по имени Абу-ль-Аббасъ Ахмедъ, сынъ Абдъ-эль-Мумина († 1222 по Р. Х.).

Въ наше время изъ числа новѣйшихъ подражателей бесѣдамъ Харири можно упомянуть объ ученомъ сирійцѣ Насыфѣ Языджи, который въ Бейрутѣ составилъ пятьдесятъ макаматъ; но онѣ своимъ достоинствомъ уступаютъ сочиненію Харири.

---

[1]) Чиновникъ въ подлинникѣ названъ *Абу-Марьямъ*, техническій служебный терминъ.

[2]) Поэтъ Фераздакъ развелся съ своей женой Неварой; но послѣ очень сожалѣлъ о томъ и высказывалъ свою скорбь въ стихахъ. Что же касается *Косаійя*,—это былъ отличный стрѣлокъ. Разъ, подстерегая ночью у водопоя дикихъ ословъ, онъ пробилъ стрѣлами на вылетъ пять ословъ; стрѣла, ударившись въ скалу, давала искры. Охотникъ думалъ, при каждомъ выстрѣлѣ, что онъ промахнулся и, разсерженный, изломалъ свой лукъ; но по утру, увидавъ убитыхъ животныхъ, онъ понялъ, что пробивалъ ихъ насквозь—и раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ съ лукомъ.

Digitized by Google

Испанскій еврей Іуда, сынъ Соломона Харизи, перевелъ бесѣды Харири на еврейскій языкъ, подъ названіемъ «Мехаберотъ Итнель» (сочиненія Итнеля), гдѣ вмѣсто дѣйствующихъ лицъ у Харири, выставлены другія :Итнель и Хеберъ—Гаккени. Этотъ же самый еврей Харизи составилъ, на еврейскомъ языкѣ, почти подобный трудъ, названный «Тахкемони» и напечатанный въ Константинополѣ въ 1540 и въ Амстердамѣ въ 1729 году.

Кромѣ того, Харири извѣстенъ, какъ авторъ многихъ другихъ, равно уважаемыхъ, сочиненій по части грамматики и языкознанія. Таково, напр. его твореніе «Мольхатъ-эль-ирабъ» (грамматическія пріятности), съ его же комментаріемъ и «Жемчужина водолаза, касающаяся фальшивыхъ выраженій, употребляемыхъ учеными» [1]), гдѣ авторъ разбираетъ многія ошибочныя выраженія въ отношеніи грамматики, которыя свойственны даже лучшимъ писателямъ.

Басни Бидпая или Пильпая, извѣстныя въ арабской литературѣ подъ именемъ «Калила и Димна» [2]), основаны на сборникѣ басень индійскихъ Вишну-Сарма или Гитопадеса и болѣе древнемъ сборникѣ «Панча-Тантра» (пятикнижіе). Съ индійскаго басни эти были переведены, при Хосроѣ Ануширванѣ, на языкъ пеглевійскій (древне-персидскій) придворнымъ врачемъ Ануширвана (Нуширвана), Барзуе. На арабскій языкъ басни «Калила и Димна» переведены Абдаллой-ибнъ-Мокаффа (его персидское имя—Бузбе). Біографія этого лица весьма замѣчательна. Ибнъ-Мокаффа родился въ Персіи; отецъ его Дадуе былъ сборщикомъ податей въ Иракѣ и въ провинціи Фарсѣ при полководцѣ Хеджаджѣ-бенъ-Юсуфѣ; но за казнокрадство былъ преданъ пыткѣ — ему вывернули руку, почему сынъ его получилъ прозвище Мокаффа: сынъ человѣка, у котораго съежилась рука [3]). Этотъ Абдалла-ибнъ-Мокаффа состоялъ на службѣ у Исы-бенъ-Али, дяди первыхъ двухъ аббасидскихъ халифовъ — Абу-ль-Аббаса Саффаха и Мансура. Абдалла принялъ исламъ, отрекшись отъ религіи маговъ, какъ и большая часть огнепоклонниковъ изъ лучшихъ фамилій тогдашняго времени, каковы, напр. Бармекиды; однако его заподозрѣвали въ неискренности къ мусульманству. Говорятъ, что онъ старался превзойти слогъ корана — обстоятельство, весьма щекотливое для истиннаго мугаммеданина, который долженъ быть твердо убѣжденъ, что умъ человѣческій ничего не можетъ произвести, что стояло-бы выше корана, его правилъ и его слога. Абдалла былъ

[1]) Сильвестръ-де-Саси, въ своей „Anthologie grammaticale arabe", помѣстилъ извлеченіе изъ этого труда Харири.

[2]) Calila et Dimna ou Fables de Bidpaï en arabe etc. par M. Silvestre de Sacy. Paris. 1816.

[3]) Calila et Dimna, par S. de Sacy. pg. 11.

Digitized by Google

очень склоненъ къ сатирѣ и къ насмѣшкамъ; это послужило ему на гибель. Ибнъ-Мокаффа возбудилъ противъ себя ненависть Софъяна, сына Моавіи, правителя Бассоры, который поклялся при удобномъ случаѣ убить насмѣшника. Халифъ Мансуръ, огорченный поведеніемъ Ибнъ-Мокаффа, искалъ случая избавиться отъ него; онъ тайно далъ Софъяну предписаніе убить его. Когда Ибнъ-Мокаффа явился къ Софъяну, этотъ приказалъ растопить печь, изрубить тѣло Ибнъ-Мокаффа въ руки и бросить его въ эту печь.

Кромѣ книги «Калила и Димна», Ибнъ-Мокаффа перевелъ съ пеглевійскаго на арабскій языкъ древнюю исторію Персіи, послужившую отчасти источникомъ для Шахъ-намэ Фирдоуси. Басни Бидпая существуютъ въ переводахъ на многіе языки. Греческій переводъ Симеона-Сиѳа относится къ концу XI стол. по Р. Х. Съ этого перевода сдѣланъ латинскій Поссеномъ, подъ заглавіемъ «Specimen Sapientiae Indorum veterum» (обращикъ мудрости древнихъ индійцевъ).

Еврейскій переводъ приписываютъ раввину Іоелю, а сирійскій— какому-то Будъ-Періодевта. Самый древній персидскій переводъ «Калила и Димна» составленъ въ правленіе Саманидскаго государя Нарас-бенъ-Ахмеда, по порученію его визиря, Абу-ль-Фазля Ахмеда Бельами — обстоятельство, насчетъ котораго говорится и въ Шахъ-намэ. Иные же говорятъ, что визирь Бельами есть и переводчикъ этого произведенія.

Поэтъ Рудеги (Устадъ Абу-ль-Хисанъ), жившій при дворѣ вышеупомянутаго государя и умершій въ 331 г. геджры, перевелъ книгу «Калила и Димна» персидскими стихами; но этотъ переводъ потерянъ.

Другой персидскій переводъ книги «Калила» составленъ Абу-ль-Меали Насрулла, въ правленіе послѣдняго газневидскаго государя Беграмъ-шаха.

Третій персидскій переводъ упомянутаго сочиненія называется «Энвери-Согейли» (Свѣточи созвѣздія Канопы) и принадлежитъ Хусейну-Вадзу-Кяшефи. Этотъ переводъ не можетъ считаться новымъ, но онъ подновленъ и писанъ болѣе популярнымъ языкомъ. Переводъ басень Хусейнъ-Вадза читается также охотно и съ такою же легкостью, какъ извѣстное произведеніе Саади «Гюлистанъ». Онъ посвященъ имени шейха Ахмеда Согейли, визиря при потомкѣ Тимуровомъ Абулгази Багадуръ-ханѣ.

Наконецъ, существуетъ еще новѣйшій переводъ на персидскій языкъ басень «Калила и Димна» Абу-ль-Фазла, озаглавленный: «Эяри-Данешъ» (т. е. Пробный камень знанія) и составленный во время великаго Могола Акбера. Абу-ль-Фазль, кромѣ того, написалъ исторію Акбера—«Акберъ-намэ» (999 годъ геджры).

На турецкомъ языкѣ существуетъ переводъ басень Бидпая, подъ

Digitized by Google

названіемъ «Гумаюнъ-намэ», Царственная (благословенная) книга, переводъ съ персидскаго, составленный Али-Челеби, въ правленіе Солеймана 1-го. Но чтобы вполнѣ понимать «Гумаюнъ-намэ», надобно хорошо знать языки арабскій и персидскій — и мало-мальски турецкій.

Произведеніе «Калила и Димна» имѣло много подражателей. Говорятъ, что переводъ его существуетъ на языкѣ малабарскомъ и что недавно вышелъ его индустанскій переводъ, подъ заглавіемъ «Хиредъ-афрузъ» (Восхищающій умъ).

Къ извѣстнымъ литературнымъ произведеніямъ арабской прозы относятся разсказы или повѣсти «Тысяча и одна ночь» (Эльфъ ляйлетинъ-ве-ляйлетонъ), давно знакомое всѣмъ европейскимъ литературамъ въ болѣе или менѣе удачномъ переводѣ. Говорятъ, будто «Тысяча и одна ночь»—произведеніе чисто персидское; но, припоминая то обстоятельство, что арабы, большіе охотники до разсказовъ, любили воскрешать въ своей памяти былое величіе восточнаго халифата, въ лицѣ его лучшихъ представителей — Гаруна-Рашида, Мамуна и другихъ, нельзя не признать чисто-арабское происхожденіе этихъ разсказовъ, съ неизбѣжной примѣсью индо-персидскаго элемента. Въ этихъ, столь извѣстныхъ Европѣ, сказкахъ отражается мусульманскій востокъ съ его хорошими и дурными (а иногда и крайне-скандальными по понятіямъ европейцевъ) сторонами. Полное изданіе арабскаго текста «Тысячи и одной ночи» принадлежитъ Габихту, въ Бреславлѣ (1835 г.). На русскомъ языкѣ существуетъ весьма старый переводъ, едвали не сдѣланный съ перевода Галлана (Galland); новый переводъ весьма сокращенъ и приспособленъ для дѣтскаго чтенія.

Арабскій романъ, извѣстный подъ заглавіемъ «Исторія Антары», относится уже къ позднѣйшимъ временамъ, когда имя самого героя Антары, сына Шеддадова, становится почти баснословнымъ, равно какъ и его любовь къ прелестной Аблѣ. Вся суть этого романа зиждется на моаллака имени Антары и на бедуинскихъ преданіяхъ; здѣсь можно подмѣтить много особенностей изъ быта кочевниковъ. Отрывки романа Антары сообщены Коссенъ-де-Персевалемъ въ 1841 года подъ заглавіемъ: «Извлеченія изъ романа Антара».

Что касается поэтовъ послѣ-исламическаго періода, то можно сказать, что они мало удалялись отъ своихъ первообразовъ—поэтовъ пустыни, которыхъ считали своими руководителями въ области поэзіи. Уже было замѣчено, что поэты Ахталъ, Джериръ и Фараздакъ почти принадлежали къ циклу древнихъ поэтовъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію своихъ произведеній; тоже самое нужно сказать и о поэмѣ «Пощада» Каабъ-бенъ-Зогейра, который воспѣлъ Мугаммеда,

Digitized by Google

также какъ впослѣдствіи шейхъ Бусири въ своей поэмѣ «Борда». (Цвѣтная мантія) [1]).

Бешшаръ-бенъ-Бордъ, по прозванію Зариръ (слѣпой), служитъ звеномъ между двумя эпохами арабской поэтической литературы до-и послѣ-мусульманскаго періода. За нимъ слѣдуетъ Абу-Новасъ, котораго имя Абу-Али-Хасанъ-Ибнъ-Гани (умеръ 810 г. по Р. Х.). Это—поэтъ по преимуществу эротическій. Облагодѣтельствованный фамиліей Бармекъ, Абу-Новасъ воспѣвалъ ея доблестныя качества въ своей элегіи, гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

«Сыны Бармека, съ вашей гибелью міръ пришелъ въ застой, лишившись своихъ вечернихъ и утреннихъ путеводителей къ вашему дому!»

Почти противоположнаго направленія держится поэтъ Абу-ль-Атагійе (умеръ 826 г. по Р. Х.). Это поэтъ мистическій; онъ однажды привелъ Гаруна-Рашида въ слезы, какъ говоритъ историкъ Ибнъ-Тиктака. «Филологъ Асмаи (говоритъ Ибнъ-Тиктака) разсказывалъ, что Башибъ устроилъ пиршество, убралъ великолѣпно залы дворца и призвалъ поэта Абу-ль-Атагійе.—Опиши намъ тѣ удовольствія, которыми мы наслаждаемся теперь, сказалъ Рашидъ поэту. Абу-ль-Атагійе началъ:

«Живи и благоденствуй, какъ тебѣ угодно, подъ сѣнью этихъ высокихъ чертоговъ».

Хорошо, сказалъ Рашидъ. А далѣе что?

«Да исполняются всѣ твои желанія, и вечеромъ, и поутру».

Прекрасно, воскликнулъ Рашидъ. А далѣе что?

«Но когда духъ твой забьется предсмертной тоской въ углубленіи груди, тогда ты достовѣрно узнаешь, что находился въ постоянномъ самообольщеніи» [2]).

Рашидъ заплакалъ и сказалъ: онъ видитъ нашу слѣпоту и не хочетъ увеличивать ее еще болѣе.

Поэтъ Бохтори (умеръ 897 г. по Р. Х.) извѣстенъ, какъ панегиристъ аббасидскихъ халифовъ.

Абу-бекръ-Мугаммедъ, съ прозвищемъ Ибнъ-Дорайдъ, извѣстенъ своей поэмой «Максура» (Усѣченная), въ честь правителя области Фарсъ, Ибнъ-Микаля. Халифъ Моктадеръ въ Багдадѣ назначилъ этому поэту мѣсячное содержаніе. Ибнъ-Дорайдъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, отъ апоплексическаго удара.

Корифеемъ всѣхъ поэтовъ послѣ-исламическаго періода можно признавать Абу-Таиба Ахмеда Мотенебби, геніальнаго, истинно-великаго въ ряду поэтовъ, по силѣ выраженія и по гармоніи стиха

[1]) Carmen mysticum Borda dictum. *Ed. Ury.*

[2]) Sylv. de Sacy, Chrest. arabe. T. II, 1806. Paris, pg. 2, 3.

Digitized by Google

весьма близкаго къ поэтамъ до-мугаммеданской эпохи. Мотенебби (что значитъ: выдающій себя за пророка) родился въ мѣстечкѣ Кинда, близь города Куфы, въ 945 г. по Р. Х. За свое притязаніе на достоинство пророка Мотенебби былъ посаженъ въ тюрьму правителемъ города Хемса (Эмессы), пока не отрекся отъ своихъ притязаній. Его недюжинный поэтическій даръ открылъ ему доступъ ко двору хамданидскаго государя въ Алеппо, Сейфъ-еддоуле; затѣмъ, по своимъ капризамъ, Мотенебби перешелъ въ Египетъ къ правителю-евнуху Кафуру, который обѣщалъ дать ему мѣсто правителя Саида (Верхняго Египта), но не исполнилъ обѣщанія; за это Мотенебби написалъ на него ѣдкую сатиру. Отъ Кафура поэтъ перешелъ къ Бувейгидскому государю Адздъ-еддоуле, потомъ въ Багдадъ и Куфу; но на послѣднемъ пути былъ настигнутъ разбойниками изъ племени Асадъ и убитъ. Несомнѣнный талантъ Мотенебби еще болѣе украшается отличнымъ знаніемъ арабскаго языка, звучнымъ, музыкальнымъ стихомъ и столь близкимъ знакомствомъ съ древними произведеніями поэзіи пустыни, что онъ служитъ какъ-бы продолжателемъ ихъ. Лучшее изданіе его въ Европѣ принадлежитъ профессору Дитерици (Mutanabbii carmina, 1858. Berolino). Существуетъ также разборъ его произведеній *Болена*, нынѣ, впрочемъ, составляющій рѣдкость: «*Commentatio de Mutanabbio, poeta arabum celeberrimo, ejusque carminibus*» [1]).

Духъ сатиры (геджà), столь врожденный арабамъ, отличалъ талантливаго Мотенебби еще въ дѣтствѣ. Такъ, въ своей импровизаціи-сатирѣ на кади Зегеби, поэтъ говоритъ:

«При разсмотрѣніи твоей родословной ты оказываешься сыномъ безъ отца (т. е. незаконнорожденнымъ), а при испытаніи тебя въ тебѣ не отыскивается образованія — по этимъ причинамъ ты и названъ *Зегеби*, прозвищемъ, которое берется не отъ *Зегебъ* (золото), а отъ *Зегабъ* (отсутствіе разсудка»).

Пророческій даръ Мотенебби послужилъ ему во вредъ; за то вотъ какъ отзываются о немъ почитатели его таланта:

«Человѣчество не увидитъ второго Мотенебби — да гдѣ же и сыскать второго для первенца своего вѣка? Онъ пророкъ въ своихъ стихахъ, и его чудеса — это его мысли».

Беремъ на выдержку нѣсколько стиховъ изъ сатиры Мотенебби на евнуха Кафура:

„Презрѣнный слуга (Кафуръ) спалъ въ ту ночь, когда я ушелъ отъ него, хотя онъ спалъ и прежде, но не сномъ, а слѣпотой безпечности. Не смотря на то, что мы были съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, между нами, вслѣдствіе его невѣжества и умственной слѣпоты, лежала цѣлая пустыня. До знакомства съ этимъ ка-

[1]) *Bonnae*, 1824.

Digitized by Google

стратомъ я предполагалъ, что голова составляетъ вмѣстилище разсудка, но когда добрался до его ума, то увидалъ, что всѣ остроты заключались у него въ отнятыхъ частяхъ, съ лишеніемъ которыхъ Кафуръ лишился и разсудка. Много въ Египтѣ смѣшныхъ вещей, но этотъ смѣхъ равняется плачу: Набатеецъ изъ Совада поучаетъ тамъ степныхъ арабовъ ихъ родословію, тамъ властвуетъ негръ (Кафуръ), котораго губы занимаютъ половину его туловища; но ему говорятъ льстецы: ты настоящая полная луна, блистающая въ темнотѣ ночи! Что касается до стиховъ, въ которыхъ я восхвалялъ этого носорога, то они составляютъ средину между стихами и чародѣйскимъ вымысломъ: это не пошло ему въ похвалу, а послужило сатирой на все человѣчество, не признавшее моего таланта!"

Степные арабы изъ колѣна Каабъ-бенъ-Ребіа-бенъ-Амеръ и Келябъ-бенъ Реба, тѣснимые хамданидскимъ княземъ Сейфъ-еддоуле, заключили союзъ для нападенія на него общими силами. Но дѣло ихъ не увѣнчалось успѣхомъ; они были разбиты Сейфъ-еддоуле, жены и дѣти ихъ попались въ плѣнъ, а скотъ и вся добыча отбиты воинами князя. Мотенебби не участвовалъ въ этомъ походѣ противъ бедуиновъ, и Сейфъ-еддоуле, разсказывая поэту подробности битвъ и преслѣдованія хищниковъ, предложилъ описать ему все дѣло въ стихахъ. Мотенебби, въ блестящей поэмѣ, которая состоитъ изъ шестидесяти-шести стиховъ, прославилъ хамданидскаго князя. Мы позволимъ себѣ выписать болѣе выдающіяся мѣста изъ этой поэмы. Мотенебби такъ начинаетъ свой панегирикъ:

„Самыя длинныя копья, когда ты бросаешься въ бой, оказываются короткими; одна твоя капля въ щедрыхъ дарахъ и въ сраженіи равняется морю. Ты терпѣливо переносишь оскорбленія, а это кажется твоимъ недругамъ робостью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это дѣлается изъ презрѣнія. Ты подчинилъ себѣ и городскихъ, и степныхъ арабовъ—ярмо, доселѣ невѣдомое потомкамъ Низара. Они бѣгутъ при твоемъ приближеніи, какъ дикіе звѣри, почуявъ запахъ человѣка; бѣгутъ, объятые ужасомъ, послышавъ твой духъ. Они во зло употребили твое терпѣніе; страсть къ битвамъ и любовь къ оружію совершенно завладѣли ихъ сердцами. Ихъ кони рвутся и не повинуются уздѣ: ихъ всадники не въ состояніи усидѣть въ своихъ шатрахъ. Сыны Келяба раздѣлили преступленіе Кааба; но они устрашились грядущаго наказанія и вымолили себѣ прощеніе у своего повелителя (Сейфъ-еддоуле); а когда онъ выступилъ противъ мятежныхъ сыновъ Кааба, сыны Келяба присоединились къ его войску. Онъ повелъ ихъ неутомимыхъ коней на равнины Саляміи—коней поджарыхъ, ни очень худыхъ, ни очень полныхъ. Въ своемъ стремительномъ бѣгѣ кони подняли облака пыли, и безъ условнаго военнаго клича нельзя было бы распознать всадниковъ. Орлы, охваченные въ своемъ полетѣ густыми слоями пыли, летали робко, словно воздушное пространство обратилось въ топкую землю, гдѣ вязнутъ ноги пѣшехода. Смерть дѣйствовала быстро; съ обѣихъ сторонъ подъ тяжелыми ударами падали всадники; но смятые тобою, враги бросились бѣжать. Сейфъ-еддоуле гналъ ихъ, преслѣдуя страшнымъ, дрожащимъ, гибкимъ съ обоихъ концовъ, дротикомъ.

„Съ наступленіемъ ночи враговъ охватила двойная темнота—мракъ ночи и облака пыли; на разсвѣтѣ-же озарилъ ихъ свѣтъ утра и блескъ твоего меча... Уже на пескахъ Сахсахана они растеряли узды своихъ коней, свои чалмы и покрывала своихъ женъ. Ихъ дѣвицы-дочери, которыя сидѣли на коняхъ позади своихъ отцовъ, погибли отъ изнуренія; ихъ малыя дѣти были затоптаны конскими копытами...

Digitized by Google

„Они бросились къ Тадмору (Пальмирѣ), но и здѣсь догналъ ихъ Сейфъ-еддоуле. Досегѣ страшные, эти львы-непріятели не могли отразить своего врага, быстраго, какъ птица, разсѣкающая воздухъ. Они не могли даже спастись бѣгствомъ: если они избѣгли губительныхъ дротиковъ, за то пустыня подставила имъ свои копья— пожирающую жажду. Съ обѣихъ сторонъ имъ грозила неминуемая смерть. Ихъ трупы, раскиданные по дорогамъ, могли служить указателями пути по пустынѣ Самавы.

„На зарѣ побѣдитель расположился въ Авасемѣ на отдыхъ; но его щедрость не вѣдаетъ отдыха. Всѣ арабскія колѣна преклоняются передъ нимъ; сабли и копья наперерывъ воспѣваютъ его подвиги. Будто солнце отдало ему свои лучи, и наши слабые взоры не могутъ выносить блеска его славы... Арабы имѣютъ всѣ права на твою милость; ихъ родоначальникъ, какъ и твой, — Низаръ; а какая-же связь крѣпче родственной? Быть можетъ, нѣкогда и ихъ дѣти будутъ биться подъ знаменами твоихъ сыновъ!“

Почти современникъ этого поэта, уроженецъ города Севильи (по арабски: Ишбилія), Ибнъ-Гани-Андалузскій, извѣстенъ своимъ талантомъ, какъ и Мотенебби. Обстоятельства жизни того и другого поэта имѣютъ между собою нѣкоторое сходство. Ибнъ-Гани умеръ въ 973 г. по Р. Х. Гюставъ Дюга̀ говоритъ о немъ слѣдующее: «Ибнъ-Гани, одинъ изъ великихъ поэтовъ арабской Испаніи, еще не нашелъ себѣ комментатора: такъ сжатъ его слогъ, такъ сильна его мысль, такъ приводитъ въ отчаяніе его краткость. Въ его слогѣ есть что-то шекспировское» [1]).

Слѣпецъ отъ рожденія Абу-ль-Оля́, съ полнымъ именемъ Ахмедъ-Маарри, оставилъ по себѣ сборникъ стиховъ, подъ названіемъ: «Искры Огнива» и комментарій къ нимъ, подъ названіемъ «Блескъ искръ». Затѣмъ, существуетъ его философскій трактатъ, гдѣ поэтъ развивалъ свои взгляды на религію, за что и навлекъ на себя подозрѣніе въ безбожіи. Абу-ль-Оля́ умеръ въ 1058 г.

Абу-ль-Валидъ Ахмедъ-Ибнъ-Зейдунъ Кордовскій (Кортуби), поэтъ, жившій при дворѣ государя Ибнъ-Джафара, прославился сатирой на своего соперника въ любви къ Веллядѣ, дочери Мостакфи, по имени Ибнъ-Абдуса. Въ послѣднее время жизни онъ проживалъ въ Севильѣ, у князя Ибнъ-Аббада. Ибнъ-Зейдунъ умеръ въ 1070 г. по Р. Х.

Между западно-арабскими или испанскими поэтами упоминаются и женщины, — обстоятельство, уже замѣченное въ женщинахъ доисламской эпохи. Біографіи ихъ бросаютъ новый свѣтъ на состояніе

[1]) *Dugat*, Analectes sur l'histoire et la litterature des Arabes d'Espagne, par Al-Makkari, etc. Paris. 1855. pg. 17, VI. Дюга̀ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе насчетъ поэзіи испанскихъ арабовъ: „Поэзія испанскихъ арабовъ оригинальнѣе, живописнѣе, сильнѣе поэзіи арабовъ восточныхъ. Кажется, будто языкъ закалился подъ другимъ небомъ, какъ будто, исключительно будучи изучаемъ въ первобытныхъ памятникахъ литературы, онъ усвоилъ себѣ твердость и широкій слогъ до-мусульманскихъ поэтовъ. Впрочемъ, ему можно ставить въ упрекъ нѣкоторую жесткость, происходящую отъ краткости“.

Digitized by Google

арабскаго общества въ Испаніи въ X и XI столѣтіяхъ. Между женщинами, выдающимися по своимъ талантамъ, на первомъ планѣ считается Итимадъ, болѣе извѣстная подъ именемъ Ерромайкія. Вотъ причина ея возвышенія.

Мотамедъ (князь Севильскій, сынъ Аббада, умеръ въ 1095 г.) однажды катался въ лодкѣ съ своимъ визиремъ Ибнъ-Аммаромъ. Вѣтерокъ покрылъ рябью поверхность воды и князь сказалъ, обращаясь къ визирю: «отвѣчай на слѣдующее полустишіе:

«Вѣтеръ соткалъ на водѣ кольчугу» [1]).

Ибнъ-Аммаръ не нашелся вскорѣ, что отвѣчать. Одна изъ прачекъ, которыя стояли на берегу рѣки, дополнила стихъ такъ:

«Какая-бы отличная кольчуга для битвы, если-бы вода замерзла!»

Мотамедъ, восхищенный этимъ отвѣтомъ, посмотрѣлъ на женщину: она была красива. Онъ спросилъ ее: замужемъ ли она, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, женился на ней.

Изъ испанскихъ арабскихъ поэтовъ не менѣе извѣстенъ Ибнъ-Абдунъ (съ полнымъ именемъ Абду-ль-Меджидъ). Въ своей элегіи онъ оплакиваетъ паденіе династіи Афтасидовъ. Комментарій на эту элегію составленъ Ибнъ-Бедруномъ. Ибнъ-Абдунъ умеръ въ 1134 г.

Поэтъ Тогра̀и Абу-Исмаилъ-Хусейнъ, хранитель печати (тогра̀) при сельджукскомъ султанѣ Меликъ-Шахѣ, оставилъ послѣ себя поэму, подражаніе древней поэмѣ Шанфары «*Лямійетъ-эль-арабъ*» (Арабская поэма, стихи которой оканчиваются на букву *л*) и назвалъ ее «Лямійетъ-эль-аджамъ» (поэма *персидская*, въ отличіе отъ поэмы Шанфары, хотя она написана языкомъ арабскимъ). Какъ по мыслямъ, такъ и по способу изложенія Тогра̀и далеко уступаетъ степному поэту Шанфарѣ, который жилъ незадолго до появленія Мугаммеда; его поэма можетъ считаться не совсѣмъ удачнымъ подражаніемъ древнему образцу. Тогра̀и—осѣдлый житель—хочетъ прикинуться въ ней кочующимъ бедуиномъ, который при своихъ переѣздахъ гоняется за счастьемъ, не находитъ его и въ концѣ концовъ читаетъ себѣ поученія, что надобно довольствоваться малымъ.

— „Твердый разсудокъ спасаетъ меня отъ ошибокъ“, говоритъ Тогра̀и. „Я лишенъ дорогихъ украшеній, за то меня украшаютъ таланты; моя послѣдняя и моя первая слава равны, какъ солнце одинаково на восходѣ и на закатѣ. Что мнѣ жить въ Багдадѣ, гдѣ нѣтъ у меня ни дома, ни верблюдицы, ни верблюда? Я удаляюсь отъ людей, я одинокъ, словно мечъ, вынутый изъ ноженъ; нѣтъ у меня друга, которому я пожаловался-бы въ своемъ горѣ, нѣтъ товарища, соучастника моей радости. Стремленіе къ спокойствію удаляетъ человѣка отъ высокихъ дѣяній и погружаетъ его въ разслабленіе; итакъ, если пожелаешь покоя,

---

[1]) По выраженію древнихъ арабскихъ поэтовъ „вѣтеръ въ пустынѣ также покрываетъ пески *узорчатой тканью*, перенося ихъ съ мѣста на мѣсто“.

Digitized by Google

то уединись, оставь другимъ славу съ ея пучинами и довольствуйся только брызгами...

—„Самый злѣйшій твой врагъ, это—ближній, кому ты довѣряешься; опасайся людей и будь на-сторожѣ. Тотъ поистинѣ можетъ назваться единственнымъ мужемъ въ мірѣ, кто ни на кого не возлагаетъ надеждъ. Твои мысли, что настоящее положеніе дѣлъ хорошо—не болѣе, какъ слабость; предполагай все дурное и страшись этого. Исчезла честность, распространилось вѣроломство и явилось большое разстояніе между словомъ и дѣломъ. Ты, приближающійся къ концу своей мрачной жизни,—ты издержалъ всю ея чистоту въ предшествовавшіе дни! Зачѣмъ ты ввергаешься въ морскія пучины, когда тебѣ довольно для питья немного воды? Царство довольства своей судьбой не оставляетъ за собою страха; оно не нуждается въ пособникахъ и помощникахъ. Ты надѣешься вѣчно прожить въ этомъ нашемъ неустойчивомъ мірѣ; но слышалъ-ли ты, чтобы тѣнь не переходила съ мѣста на мѣсто? Ты, знающій, изучившій всѣ тайны, лучше молчи—и молчаніемъ спасешься отъ заблужденій. Если тебя приставятъ къ какому-нибудь дѣлу, къ которому ты способенъ, ты все-таки наблюдай за собою, чтобы не пастись вмѣстѣ съ безпастушными верблюдами“.

Тантарани, Абу-Насръ Ахмедъ, жившій въ концѣ XI-го и началѣ XII-го вѣка, по словамъ біографа Доулетъ-шаха, былъ преподавателемъ въ Багдадѣ, въ Низамійской коллегіи, основанной Низамъ-эль-Мулькомъ, визиремъ Меликъ-шаха. Онъ считается авторомъ многихъ поэтическихъ произведеній; изъ нихъ замѣчательна поэма въ честь упомянутаго Низамъ-эль-Мулька. Отличительныя черты ея—безпрестанная игра словъ и большая искусственность, которая служитъ доказательствомъ испорченнаго литературнаго вкуса, хотя позднѣйшіе прозаики и поэты крайне дорожили подобными вычурными произведеніями. Самая поэма состоитъ изъ тридцати-пяти стиховъ; но прославленіе героя начинается лишь съ 17-го стиха, потому-что поэтъ въ первыхъ стихахъ подражаетъ древнимъ образцамъ и описываетъ свою любовь къ избранному предмету (конечно, воображаемому):

„О, украшеніе государства (Низамъ-Эль-Мулькъ, игра словъ), слава всего сотвореннаго, о ты, прибѣжище для всякаго обиженнаго! Знамена Мугаммедовой религіи сдѣлались чрезъ тебя побѣдоносными: чрезъ *джигадъ* (священную обязательную войну) погибли всѣ заблудшіеся. Его благодѣянія изливаются на друзей; но его враги гибнутъ въ оковахъ и въ путахъ. Горы трепещутъ отъ угрозъ его, и еслибы нечестивое племя Адъ увидало его, то прекратило-бы свое нечестіе [1]) смерть, будто ночной грабитель, повинуется ему и бросается на непріятелей; страхъ отнимаетъ у нихъ разсудокъ. Онъ справедливъ, источникъ его правосудія всегда чистъ; онъ могуществен, какъ потокъ, увлекающій непріятелей. Это князь; его завистники постоянно унижаются, его высокій постъ сметаетъ ихъ съ лица земли, словно буйный вѣтеръ. Его гостепріимный огонь [2]) никогда не обманывалъ на-

[1]) Нечестивое племя древнихъ арабовъ *Адъ* погибло, какъ гласитъ глава корана „Разсвѣтъ“.—„Развѣ ты не видалъ, какъ Господь твой поступилъ съ племенемъ Адъ (съ его княземъ Шеддадомъ), владѣльцемъ иремскаго сада съ колоннами, подобнаго которому еще не существовало среди обитаемыхъ мѣстностей?“

[2]) „*Огонь гостепріимства*“ (Наръ-эль-кыра) у бедуиновъ зажигается на высокихъ

Digitized by Google

дежду на покровительство нуждающихся въ немъ; скорое исполненіе у него неразлучно съ благодѣяніемъ. Еслибы небо перестало давать землѣ свой дождь— это ничего-бы не значило: дождь щедротъ, который льется съ самаго утра изъ рукъ Низамъ-Эль-Мулька, удовлетворитъ-бы всѣ творенія. Вопреки желаніямъ твоихъ враговъ, живи, Низамъ-эль-Мулькъ, радуйся возвращенію священнаго праздника (курбанъ-байрама), среди блистательнаго счастія, завершеніемъ котораго будетъ круговой ходъ около меккскаго храма (Каабы)".

Кругъ этихъ поэтовъ завершается, кромѣ мистика Омара-ибнъ-Фаредза, о которомъ упомянуто выше, другимъ, не менѣе замѣчательнымъ мистикомъ—панегиристомъ Мугаммеда, шейхомъ Бусири; его поэма «Мантія пророка» высоко цѣнится мусульманами и изучается въ мугаммеданскихъ школахъ съ глубокимъ уваженіемъ. Собственно говоря, Бóрда (мантія пророка) есть не болѣе, какъ подражаніе извѣстной, прекрасной поэмѣ Мугаммедова современника, Каабъ-бенъ-Зогейра (о немъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, подъ названіемъ Касыда, «Пощады»); но отличается бóльшимъ паѳосомъ и черезъ-чуръ раздутыми метафорами о добродѣтеляхъ арабскаго пророка. Полное заглавіе этой поэмы: «Блистающія звѣзды касательно похвалы лучшаго изъ твореній» (т. е. Мугаммеда); а названіе «Мантія» относится къ тому обстоятельству, что поэтъ, будто-бы, получилъ облегченіе отъ болѣзни, когда пророкъ явился ему во снѣ и возложилъ на него свою мантію (борда). Бусири умеръ въ 1295 г. по Р. Х.

Изъ этого краткаго очерка умственной дѣятельности арабовъ, въ періодъ времени отъ ихъ появленія на историческомъ поприщѣ до окончанія среднихъ вѣковъ, становится яснымъ ихъ непосредственное участіе въ общеевропейской культурѣ. Не смотря на подавляющее вліяніе мусульманства, арабы, такъ сказать, перешли за черту, заповѣданную Мугаммедомъ, который напрягалъ всѣ силы, стараясь удержать эту могущественную націю въ узкихъ предѣлахъ бездушнаго ученія — проповѣди корана. Арабы являются посредниками между греко-римской культурой и новѣйшимъ научнымъ движеніемъ: физика, математика, астрономія, науки естественныя—все это было усвоено ими изъ древняго міра, разработано и передано новѣйшимъ ученымъ для дальнѣйшихъ изысканій. Кромѣ памятниковъ словесности, переводовъ древнихъ писателей, арабы не менѣе замѣчательны на поприщѣ техническихъ искусствъ (мы не говоримъ о живописи— именно объ изображеніи живыхъ существъ, чего и религія, и пред-

---

мѣстахъ, чтобы запоздавшій путникъ издали увидѣлъ его и могъ пріютиться подъ защиту хозяина. — Здѣсь, разумѣется, должно понимать метафизически, въ смыслѣ покровительства.

Digitized by Google

разсудки мусульманъ никогда не допускали). Ихъ заслуги въ ремеслахъ, какъ, напр., выдѣлка оружія и кольчугъ, тканіе ковровъ и проч. могутъ назваться единственными въ своемъ родѣ. Стоитъ только припомнить блестящій, пышный дворъ восточно-омайядскихъ халифовъ и аббасидскую династію съ ея представителями—Мансуромъ, Мегди, Гаруномъ-Рашидомъ и Мамуномъ,—чтобы получить понятіе о той обстановкѣ, которая отличала намѣстниковъ, «наслѣдниковъ» пророка Мугаммеда.

Что касается произведеній архитектуры, то такъ называемый мавританскій стиль можетъ быть раздѣленъ на три, слѣдующія другъ за другомъ, эпохи. Первая, отъ VIII до X вѣка, обличаетъ худо скрываемое подражаніе постройкамъ христіанскимъ и римскимъ. Кордовская мечеть, безъ сомнѣнія, была построена въ томъ же стилѣ, какъ и мечеть Дамасская, которую, впрочемъ, она должна была превзойти великолѣпіемъ; весьма вѣроятно, что церкви, описанныя Евсеніемъ Кесарійскимъ въ его «Жизни Константина», съ ихъ дворами портиками, фонтанами, помѣщеніями для священниковъ, послужили моделью для мечетей въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ. Въ этихъ мечетяхъ встрѣчаются мозаики, работы византійскихъ художниковъ.

Вторая эпоха, отъ X-го до XII вѣка, заключаетъ въ себѣ начатки развитія собственно мавританской архитектуры, поощряемой владѣтельными князьями Альморавидскими и Альмогадскими.

Третья эпоха, впродолженіе которой арабское архитектурное искуство достигаетъ своего апогея, есть въ то же время блестящій періодъ королевства Гренады. Альгамбра (собственно: Аль-хамрà—красная, т. е. Красный дворецъ) есть самое высшее выраженіе архитектуры этого періода.

Обширныя владѣнія халифовъ, богатство почвы, разнообразіе климата, разнохарактерное населеніе — все это необходимо должно было вліять на торговыя отношенія. Произведенія Испаніи, Варварійскихъ владѣній, Египта, Абиссиніи (Хабешъ), Аравіи, Персіи, Россіи, мѣстностей, омываемыхъ Каспійскимъ моремъ, товары Индіи и Китая—стекались въ Мекку, Медину, Куфу, Бассору, Дамаскъ, Багдадъ, Мосуль, Мадаинъ; учрежденіе колоній открыло новые торговые центры и пути. Кромѣ того, самый коранъ поощрялъ арабовъ къ труду, торговлѣ (самъ Мугаммедъ занимался торговлею) и земледѣлію; даже правители городовъ, ученые, военачальники часто носили прозвища: Хайятъ (портной), Аттаръ (москотильщикъ), Джевгари (ювелиръ). Дороги на всѣхъ пунктахъ были приведены въ безопасность; въ песчаныхъ пустыняхъ выкопаны колодцы и устроены мензили (гостинницы, станціи) для отдохновенія путешествующихъ.

Digitized by Google

Испанія находилась въ сношеніяхъ съ границами восточной Азіи; арабскій флотъ перешелъ Гибралтарскій проливъ, и только буря, которая высадила его на берегъ, отняла у него честь открытія Азорскихъ островов и, быть можетъ, честь открытія Америки; но и въ Старомъ Свѣтѣ мусульмане успѣли дать дѣятельный толчекъ человѣческому труду. Испанія обогащалась произведеніями своего земледѣлія и своихъ фабрикъ: сахарный тростникъ, сарацинское пшено, хлопокъ, шафранъ, амбра, фисташковое дерево, бананъ, шелковичное дерево, хенна для краски — все это были торговыя статьи вывоза съ Пиринейскаго полуострова. Фабричныя произведенія Кордовы, Толедо, Мурсіи, Гренады, Алмеріи и Севильи всюду находили сбытъ, равно какъ въ натуральномъ видѣ сѣра, ртуть, мѣдь и желѣзо. Кромѣ того, изъ Валенсіи вывозились южные плоды; изъ портовъ Малаги, Картагены, Барселоны и Кадикса производился большой отпускъ товаровъ.

Восточные арабы, оставивъ арабамъ западнымъ торговлю на Средиземномъ морѣ, обратили вниманіе преимущественно на Индійскій океанъ. Они достигли, слѣдуя берегами Африки, сначала до пролива Бабъ-эль-Мандебъ, далѣе до Зангебара (Барръ-эззенджъ—земля Зенджей) и земли Кафровъ; они основали колоніи Брава, Момбаза, Квилоа, Мозамбикъ, Софалу, Мелинду и Магадоксо, заняли многіе пункты на островѣ Мадагаскарѣ, проникли въ Индію и Китай. Внутренняя Африка и все ея сѣверное побережье подчинилось, по большей части, ученію корана. Арабы вездѣ оставили по себѣ неизгладимые слѣды мусульманской культуры; имъ принадлежатъ три замѣчательныя открытія, имѣвшія вліяніе на литературное, политическое и военное дѣло цѣлаго міра — мы хотимъ указать на изобрѣтеніе бумаги, компаса и пороху.

Если-бы арабы и не сами были виновниками многихъ полезныхъ и важныхъ изобрѣтеній, мы все-таки не можемъ отказать имъ въ улучшеніи или въ передачѣ этихъ изобрѣтеній другимъ народамъ. Именно, въ этомъ отношеніи выдаются: бумага, компасъ и порохъ. Предположеніе, будто всѣ эти изобрѣтенія принадлежатъ китайцамъ, несправедливо. Говорятъ, будто книгопечатаніе существовало въ Китаѣ еще въ VIII вѣкѣ; тѣмъ не менѣе, имена Гуттенберга, Фауста и Шеффера не лишились своей славы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы арабы приняли отъ китайцевъ шолковую бумагу, неужели въ тоже время они не могли заимствовать у нихъ и книгопечатаніе? Какое употребленіе китайцы дѣлали-бы изъ компаса, когда еще въ 1850 году они вѣрили, что южный полюсъ есть горящая печь? и могъ-ли порохъ въ рукахъ китайцевъ имѣть такое примѣненіе, какое мы видимъ у арабовъ?

Digitized by Google

При осадѣ Мекки, въ 690 г. по Р. Х., употребляли родъ бомбъ; въ XIII вѣкѣ въ Египтѣ былъ въ ходу порохъ, приготовляемый изъ селитры и издававшій звуки, подобные грому. Объ этомъ же составѣ упоминается по случаю морской битвы, которую далъ тунисскій правитель севильскому эмиру въ XI столѣтіи. Писатель Феррера (въ 1342 году) говоритъ положительно, что пули выбрасывались посредствомъ пороха. Съ тѣхъ поръ испанцы стали его употреблять и мало-по-малу онъ вошелъ въ общее употребленіе въ Европѣ.

Что касается компаса, то мы находимъ, что арабы уже въ XI вѣкѣ пользовались имъ въ своихъ морскихъ поѣздкахъ и въ переѣздахъ по пустынямъ, а также и для того, чтобы точнѣе обозначать во время молитвы «кибле», то есть направленіе къ Меккѣ (или Каабѣ, на основаніи 2-й главы корана).

Шелковая бумага уже выдѣлывалась въ Самаркандѣ и Бухарѣ въ 650 году. Юсуфъ Амру въ 706 году придумалъ въ Меккѣ замѣнить шелкъ хлопчатой бумагой и отсюда произошло названіе Дамасской бумаги (кыртасъ-шами, какъ она названа въ Моаллакѣ Тарафы), о которой говорятъ греческіе историки. Въ Испаніи, гдѣ обильно произрастаютъ и ленъ, и конопля, возникали фабрики бумаги изъ полотна. «Хативская бумага» говоритъ географъ Эуриси, «очень хороша и несравненна». Валенсія и Каталонія вскорѣ оказались опасными соперницами Хативѣ въ дѣлѣ фабрикаціи бумаги. Въ XIII вѣкѣ въ Кастиліи употреблялась арабская бумага; отсюда она проникла во Францію, Англію и Германію; но арабскія рукописи, во всякомъ случаѣ, превышаютъ европейскія по изяществу отдѣлки и живости красокъ.

Такимъ образомъ, вліяніе арабской культуры отразилось на всѣхъ отрасляхъ новѣйшей гражданственности. Начиная отъ IX и до XV вѣка возникаетъ одна изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ литературъ; умственныя произведенія, важныя изобрѣтенія ясно доказываютъ кипучую дѣятельность умовъ въ эту эпоху и оправдываютъ мнѣніе, что арабы, во всякомъ случаѣ, были нашими наставниками. Съ одной стороны, дорогіе матеріалы для исторіи среднихъ вѣковъ, описанія путешествій, біографическіе словари; съ другой—несравненная наклонность къ труду, грандіозныя архитектурныя постройки, важныя открытія по части искусствъ и ремеслъ,— все это должно возвысить арабскую націю среди другихъ народовъ и дать ей право на вполнѣ заслуженную, справедливую оцѣнку въ дѣлѣ общечеловѣческаго образованія.

И. Холмогоровъ.

Digitized by Google

3. Новѣйшая литература арабовъ.

Съ паденіемъ арабскаго халифата, умственное движеніе у арабовъ прекратилось, и вся литература ограничилась изученіемъ образцовъ классической эпохи и подражаніемъ имъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, и то со времени завоеванія Египта Мегмедомъ-Али, началось новое движеніе; но въ этомъ движеніи главнымъ образомъ принимали участіе одни только христіане, мусульмане же, по прежнему, продолжали ограничиваться изученіемъ древнихъ образцовъ и плохимъ подражаніемъ имъ. Подъ вліяніемъ европейскихъ миссіонеровъ, которые, изучивъ арабскій языкъ, стали преподавать на немъ всѣ первоначальные предметы и составлять учебники, у христіанъ пробудилось національное литературное движеніе. Въ то же время они начали изучать европейскіе языки, особенно французскій, и чрезъ это знакомились съ европейскими идеями и культурой. Особенная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ американскимъ миссіонерамъ. Изъ нихъ многіе не только вполнѣ изучили арабскій языкъ, но и издали на немъ учебники почти по всѣмъ предметамъ, не ограничиваясь одними только религіозными сочиненіями.

Сообразно указанному нами двоякому направленію въ содержаніи и методѣ изложенія, всѣ произведенія арабской литературы послѣдняго столѣтія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: мусульманскія—съ консервативнымъ и христіанскія—съ европейскимъ духомъ и направленіемъ. О мусульманскихъ писателяхъ достаточно сказать, что они, по прежнему, подражали и подражаютъ во всемъ древнимъ мусульманскимъ писателямъ; они мало что прибавили къ нимъ въ своихъ многотомныхъ сочиненіяхъ по части синтаксиса, этимологіи и лексикографіи. Что же касается поэтовъ, то всѣ они, не смотря на свою многочисленность, не произвели ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ Ахмедъ-эфенди-аль-жинди и Аль-кести, которымъ приписывается большое число распространенныхъ въ народѣ пѣсенъ. Хотя между мусульманскими законовѣдами есть отличные знатоки языка, но они весьма рѣдко принимаются за перо, и вся ихъ дѣятельность ограничивается толкованіемъ авторовъ классическаго періода ислама. Лучшіе изъ нихъ находятся при мечети Аль-Азхаръ, въ Каирѣ.

Обработка арабскаго языка между арабами-христіанами въ нынѣшнемъ столѣтіи началась съ маронитскаго митрополита Карманосъ-бинъ-Фархата. Онъ началъ свое образованіе подъ руководствомъ одного шейха, у котораго былъ мастеровымъ; затѣмъ онъ поступилъ въ одинъ изъ монастырей на Ливанѣ, гдѣ познакомился съ

Digitized by Google

однимъ французскимъ монахомъ, научившимъ его по-французски и по-латыни. Здѣсь онъ познакомился съ грамматикою извѣстнаго Сильвестра де-Саси и въ подражаніе ей написалъ свою первую книгу: «Ад-делилъ фи-с-сарфъ», а затѣмъ «Бахсу-ль-Моталибъ». Обѣ эти книги дошли до насъ, наполненныя ошибками переписчиковъ, вслѣдствіе чего Аль-Бустани взялся ихъ исправить; но вмѣсто исправленія только увеличилъ число ошибокъ. Глубокая ученость Фархата въ языкѣ, во всякомъ случаѣ, остается внѣ всякаго сомнѣнія, чему доказательствомъ служитъ его лексиконъ, который хотя написанъ по прежнему методу—Фейрузабади, но отличается отсутствіемъ мало-употребительныхъ словъ и оборотовъ, вслѣдствіе чего и вошелъ въ большое употребленіе у христіанъ. Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ писателей особенно прославился превосходствомъ своихъ познаній въ арабскомъ языкѣ предъ современниками шейхъ Насыфъ-аль-Язаджи, который хотя и былъ христіаниномъ, однако-же по своему образованію принадлежалъ къ консервативной партіи. Онъ въ началѣ былъ писцомъ у эмира Бошира, а послѣ его смерти переселился въ Бейрутъ, гдѣ и началъ свою литературную дѣятельность. Первымъ трудомъ его по части грамматики была книга «Фаслу-ль-Хитабъ», написанная по образцу книги Фархата «Бахсу-ль-Моталибъ»; впослѣдствіи сочиненіе это было снабжено комментаріями и издано американскимъ ученымъ Смитомъ, который также вновь перевелъ съ еврейскаго на арабскій пятикнижіе Моисея. Кромѣ «Фаслу-ль-Хитабъ, ему принадлежатъ многія другія сочиненія по грамматикѣ, въ которыхъ онъ слѣдовалъ древнему методу; между этими сочиненіями особенно замѣчательно изложеніе синтаксиса въ стихахъ, въ которомъ онъ подражаетъ Ибнъ-Малику. Впослѣдствіи онъ прибавилъ къ этому труду комментаріи, по примѣру Ибнъ-Акила, и назвалъ ихъ «Китабу нари-ль-кира фи-шархи жауфи-ль-фара» («Огонь угощенія (т.-е.) комментаріи на книгу «вѣнецъ охоты») [1]). Это сочиненіе состоитъ изъ 1,400 стиховъ и обработано на основаніи Кашшафа, Замахшари и Саббана, отличаясь точностью и отсутствіемъ лишнихъ дополнительныхъ фразъ во 2-й половинѣ двустишій, которыя часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ эпохи паденія литературы. Ему также принадлежитъ по части реторики «Мажмуу'-ль-адабъ фи лисани-ль-арабъ» (Собраніе правилъ по всѣмъ отраслямъ изящной слове-

[1]) „Вѣнецъ охоты“ въ подлинникѣ „брюхо дикаго осла“,—ибо у арабовъ только та охота считается вполнѣ удавшеюся, за которой убьютъ дикаго осла; поэтому названіе перваго сочиненія „брюхомъ осла“ обозначаетъ, что авторъ, *охотясь* въ разныхъ сочиненіяхъ за лучшими мыслями по избранному предмету, здѣсь предлагаетъ публикѣ „брюхо осла“, т.-е. собраніе лучшихъ мыслей. Смыслъ же всего заглавія второго сочиненія таковъ: эта книга составляетъ для перваго сочиненія тоже, что огонь для приготовленія мяса дикаго осла.

Digitized by Google

сности у арабовъ»), въ которомъ онъ слѣдовалъ книгѣ «Мифтахъ» Тафтазанія. Какъ поэтъ, онъ замѣчателенъ своими «макамами», написанными имъ въ подражаніе Харири и названными «Мажма'у-ль-бахрейнъ». Въ нихъ онъ собралъ лучшія сентенціи и стихи корана. Изъ другихъ поэтическихъ произведеній этого же автора упомянемъ еще о его диванахъ. Таковыхъ написано имъ три. Какъ на курьозъ, а также характеристическій примѣръ арабскаго стихотворства, укажемъ еще на стихотвореніе этого писателя, въ которомъ онъ прославляетъ султана Абду-ль-а'зиза. Въ этомъ стихотвореніи Язаджи обнаружилъ замѣчательное искусство и кропотливое трудолюбіе: сумма численнаго значенія буквъ каждаго стиха составляетъ годъ воцаренія Абду-ль-а'зиза; всѣ отдѣльныя двустишія попеременно начинаются буквою съ точкой и безъ точки—«му'жамятъ» и «мухмалятъ»; начальныя буквы всѣхъ стиховъ образуютъ два стиха, заключающихъ въ себѣ 28 разъ годъ воцаренія Абду-ль-а'зиза, а именно: буквы всякаго полустиха составляютъ годъ его воцаренія, буквы съ точками каждаго полустиха съ каждымъ изъ остальныхъ трехъ полустиховъ представляютъ тотъ же годъ, то же самое образуютъ буквы безъ точекъ и съ точками въ томъ же порядкѣ. Однако, не смотря на это трудное подчиненіе автора такому счетоводству, это стихотвореніе, подобно всѣмъ его стихотвореніямъ, не имѣетъ въ себѣ ничего натянутаго. Коснувшись здѣсь главнымъ образомъ учебной—такъ сказать—литературы по арабской грамматикѣ, мы не можемъ обойти молчаніемъ лучшій по новѣйшей лексикографіи трудъ Аль-Бустани, подъ заглавіемъ «Мухитъ-аль-мухитъ» (всеобъемлющій океанъ). Въ немъ онъ впервые ввелъ европейскій методъ отыскиванія словъ. Въ заключеніе скажемъ о недоконченномъ, но интересномъ лингвистическомъ трудѣ Фарисъ-Аш-шадьяка, подъ заглавіемъ «Сирру-ль-лейяль фи-ль-кальби уа-ль-абдаль» («Тайна ночей, т.-е. плодъ уединенныхъ ночныхъ работъ касательно превращенія и измѣненія буквъ»), въ которомъ указывается близость понятій, выражаемыхъ арабскими словами, отъ подобія или однородности составляющихъ ихъ звуковъ, главнымъ образомъ начальныхъ коренныхъ.

Новая научная литература, какъ выше сказано, началась въ Египтѣ со времени Мегмета-Али, который отправилъ во Францію нѣсколько молодыхъ людей для изученія наукъ и искуствъ. Послѣдніе, по возвращеніи, перевели на арабскій языкъ нѣсколько учебниковъ по математикѣ, географіи, химіи, медицинѣ и астрономіи. Относительно этихъ переводовъ можно сказать, что они сдѣланы довольно удачно, за исключеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ терминологіи, но страдаютъ почти совершеннымъ отсутствіемъ чертежей и

Digitized by Google

рисунковъ даже въ такихъ книгахъ, какъ учебники по естественной исторіи, анатоміи и т. д. Когда-же въ Сиріи, при помощи американскихъ миссіонеровъ, научное знаніе начало распространяться, то въ короткое время появилось множество учебниковъ въ несравненно лучшемъ видѣ. Авторами этихъ книгъ во многихъ случаяхъ были мѣстные жители изъ христіанъ, получившіе образованіе подъ руководствомъ американскихъ миссіонеровъ; но лучшая часть этихъ сочиненій принадлежитъ самимъ миссіонерамъ, изъ которыхъ иные въ знаніи языка превзошли туземцевъ. Между этими послѣдними безспорно первое мѣсто принадлежитъ Корнилію ванъ-Дику (van-Dyck), потомку знаменитаго голландскаго живописца. Онъ родился 13-го Августа 1818 года въ штатѣ Нью-Іоркъ въ Америкѣ, куда его предки переселились изъ Голландіи въ XVII вѣкѣ. Сначала подъ руководствомъ своего отца, въ теченіе семи лѣтъ, онъ изучалъ медицину и фармацію, а затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ въ Филадельфіи, гдѣ и получилъ степень доктора медицины и хирургіи. До 1840-го года онъ занимался медицинскою практикой въ Америкѣ, затѣмъ отправился въ Сирію и Палестину, гдѣ въ разныхъ городахъ устраивалъ школы и самъ преподавалъ въ нихъ. По смерти Эли-Смита, въ 1857 году, онъ былъ вызванъ въ Бейрутъ для окончанія перевода Библіи съ еврейскаго и греческаго языковъ на арабскій и для управленія арабскою типографіей. Восемь лѣтъ онъ трудился надъ этимъ переводомъ, который Смитомъ былъ доведенъ только до книги Левитъ; а по окончаніи перевода отправился въ Нью-Іоркъ, чтобы приготовить стереотипы для его изданія, для чего ему пришлось пробыть тамъ два года, въ теченіе которыхъ, между прочимъ, онъ преподавалъ еврейскій языкъ въ тамошней богословской школѣ. Въ 1867 году онъ снова возвратился въ Бейрутъ и съ того времени занимаетъ каѳедру патологіи въ устроенномъ тамъ американскими миссіонерами медицинскомъ факультетѣ, состоя въ тоже время директоромъ астрономической обсерваторіи. Одинъ простой перечень его сочиненій на арабскомъ языкѣ самъ по себѣ говоритъ объ его обширной и многосторонней дѣятельности и о той громадной популярности, какою г. ванъ-Дикъ заслуженно пользуется на всемъ арабскомъ Востокѣ. Вотъ этотъ перечень: 1) Всеобщая Географія; 2) Алгебра; 3) переводъ сочиненія Евклида по астрономіи; 4) О стихосложеніи и риѳмѣ въ

*) Почтенный авторъ очерка новой арабской литературы, проф. Муркосъ, проситъ насъ дополнить его очеркъ предлагаемыми страницами, которыя должны непосредственно слѣдовать за XIII выпускомъ нашего изданія и замѣнить собою всю 377-ую страницу въ XIV выпускѣ, кромѣ трехъ послѣднихъ строкъ этой страницы и относящагося къ нимъ примѣчанія. Ред.

Digitized by Google

арабскомъ языкѣ; 5) Логариѳмы и нѣкоторые отдѣлы высшей математики; 6) Основы химіи; 7) Естественная Исторія; 8) Астрономія; 9) Объ удареніяхъ въ еврейскомъ языкѣ; 10) разныя брошюры, сборники статей, проповѣдей и пр.

Говоря о научной литературѣ, мы не можетъ не упомянуть о выходящемъ нынѣ замѣчательномъ трудѣ г. Селима Шхаде, драгомана русскаго генеральнаго консульства въ Бейрутѣ, именно—о «Географическомъ и историческомъ энциклопедическомъ словарѣ», котораго въ настоящее время вышло уже 6 томовъ, in quarto, убористой печати, заключающихъ въ себѣ только букву А (алефъ) и часть буквы Б (бе). Трудъ этотъ первоначально былъ предпринятъ г-мъ Шхаде сообща съ г. Селимомъ аль-Хури, но за смертію послѣдняго, изданіе продолжаетъ одинъ г. Шхаде, который, при составленіи своего словаря, пользуется лучшими сочиненіями по этой части на англійскомъ и французскомъ языкахъ, и не только всѣми наиболѣе замѣчательными сочиненіями на арабскомъ языкѣ, напечатанными какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ, но и многими рукописями. Особый интересъ представляютъ свѣдѣнія относительно названій арабскихъ мѣстъ и историческихъ именъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ встрѣчается не мало такого, что̀ могло бы представить значительный интересъ и для европейскихъ ученыхъ, чего въ подобныхъ-же европейскихъ словаряхъ не встрѣчается. По обработкѣ своей трудъ этотъ можетъ быть названъ вполнѣ научнымъ.

Кромѣ того, недавно вышелъ изъ печати «Полный энциклопедическій словарь», принадлежащій перу почтеннаго и неутомимаго дѣятеля на поприщѣ арабской литературы и школьнаго дѣла въ Бейрутѣ,—вышеупомянутаго г. Бустани.

Какъ на наглядный примѣръ того, что, благодаря образовательной дѣятельности американцевъ между арабами, успѣли развиться не только научный интересъ, но и самодѣятельность въ области знанія, упомянемъ въ заключеніе объ изобрѣтенномъ въ Бейрутѣ весьма интересномъ приборѣ, о которомъ недавно возвѣстилъ въ бейрутской газетѣ «Лисану-ль-халь» вышеупомянутый г. ванъ-Дикъ. Этотъ приборъ изобрѣтенъ г. Ильею Ажія и названъ «небесною люстрой». Онъ состоитъ изъ мѣдныхъ прутьевъ съ 24 свѣчами и снабжена шарами, изображающими взаимное положеніе небесныхъ тѣлъ по отношенію къ землѣ. При приборѣ находятся часы, показывающіе мѣсяцъ и число, день недѣли, часы и минуты; кромѣ того, на шарѣ, представляющемъ луну, особая стрѣлка показываетъ дни луннаго (турецкаго) мѣсяца. Земля вращается вокругъ своей оси разъ въ 24 часа, указывая въ своемъ вращеніи сравнительное время въ наиболѣе важныхъ городахъ міра. Луна вращается вокругъ земли

Digitized by Google

разъ въ каждый лунный мѣсяцъ. Обѣ онѣ разъ въ годъ вращаются вокругъ особаго шара, представляющаго солнце, и своимъ вращеніемъ указываютъ на четыре времени года. Все это, заключаетъ г. ванъ-Дикъ, устроено весьма просто, и приборъ заводится всего только разъ въ мѣсяцъ.

Беллетристическая литература, возникшая со времени проникновенія новыхъ европейскихъ вѣяній, состоитъ почти вся изъ переводныхъ повѣстей и разсказовъ, хотя являются попытки создать и оригинальныя произведенія въ этомъ родѣ, съ сюжетами изъ современной и древне-арабской жизни. По художественности изложенія и особенно по умѣнью передавать европейскія понятія въ арабской формѣ особенно замѣчательны переводы и статьи профессора учебнаго отдѣленія Азіатскаго Департамента, И. И. Науфаля. Какъ на особенно интересное и болѣе или менѣе самостоятельное произведеніе, укажемъ на недавно появившуюся на арабскомъ языкѣ, въ подражаніе «Скупому» Мольера, весьма интересную комедію, представляющую почти оригинальное сочиненіе. Эта комедія составлена г. Наккашемъ, въ Бейрутѣ, и по поводу ея, по словамъ «Journal des Débats», въ скоромъ времени появится особая статья въ «Journal Asiatique». Для русскихъ читателей небезъинтересно будетъ упомянуть о передѣлкѣ романа Антаръ, исполненной г. Аттая и весьма удачно сыгранной студентами Лазаревскаго Института, два года тому назадъ, на театрѣ Секретарева въ Москвѣ.

Въ заключеніе этого отдѣла упомянемъ о путешествіяхъ по Европѣ Селима Бустроса и особенно шейха Рэфаа. Въ нихъ мѣтко схвачены смѣшныя, съ арабской точки зрѣнія, стороны европейцевъ, и есть немало остроумныхъ замѣчаній объ образѣ ихъ жизни. Сюда же можно отнести весьма интересное во многихъ отношеніяхъ путешествіе патріарха Макарія въ Россію, совершенное при Алексѣѣ Михайловичѣ. Оно переведено на англійскій языкъ и издано Бальфоромъ; отрывки изъ этого перевода есть и на русскомъ языкѣ, а рукописи подлинника имѣются въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ библіотекѣ учебнаго отдѣленія при Азіатскомъ Департаментѣ въ Петербургѣ.

Поправка. Въ выпускѣ XIV, на стр. 378, въ примѣчаніи, пропущены нѣсколько словъ, что существенно измѣнило смыслъ рѣчи. Къ словамъ: „Изъ христіанскихъ писателей перваго вѣка ислама укажемъ на Хунейна Хирскаго“, должно быть прибавлено: „и извѣстнаго Ахтала, диванъ котораго“ и пр.

Digitized by Google

Digitized by Google

рисунковъ, даже въ такихъ книгахъ, какъ учебники по естественной исторіи, анатоміи и т. д. Когда же въ Сиріи, при помощи американскихъ миссіонеровъ, научное знаніе начало распространяться, то въ короткое время появилось множество учебниковъ въ несравненно лучшемъ видѣ. Авторами этихъ книгъ во многихъ случаяхъ были мѣстные жители изъ христіанъ, получившіе образованіе подъ руководствомъ американскихъ миссіонеровъ; но лучшая часть этихъ сочиненій принадлежитъ самимъ миссіонерамъ, изъ которыхъ иные въ знаніи языка превзошли самихъ туземцевъ.

Интересны также путешествія по Европѣ Фареса-аш-шидьяки, Селима Бустроса и особенно шейха Рефаа. Въ нихъ мѣтко схвачены смѣшныя съ арабской точки зрѣнія стороны европейцевъ, и есть не мало остроумныхъ замѣчаній объ образѣ ихъ жизни. Сюда-же можно отнести и весьма интересное во многихъ отношеніяхъ путешествіе патріарха Макарія въ Россію, совершонное при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Оно переведено на англійскій языкъ и издано Бальфоромъ, а рукописи его имѣются въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ библіотекѣ учебнаго отдѣленія при Азіятскомъ департаментѣ, въ Петербургѣ.

Беллетристическая литература, возникшая со времени проникновенія новыхъ европейскихъ вѣяній, состоитъ почти вся изъ переводныхъ повѣстей и разсказовъ, хотя являлись попытки создать и оригинальныя произведенія въ этомъ родѣ съ сюжетами изъ современной и древней арабской жизни. По художественности изложенія и особенному умѣнью передавать европейскія понятія въ арабской формѣ, наиболѣе замѣчательны переводы и статьи профессора И. И. Науфаля.

Что же касается до христіанской духовной литературы, получившей свое начало еще задолго до Магомета и имѣвшей цѣлый рядъ писателей въ до-исламскую эпоху и въ первые вѣка ислама *),

*) Къ до-исламскимъ писателямъ изъ христіанъ, между прочимъ, относятся: Адибинъ-Зейдъ бинъ-Эйюбъ бинъ-Зейдъ-манатъ, о которомъ Абу-Убейда сказалъ: „онъ среди поэтовъ, какъ Канопъ среди звѣздъ,—опережаетъ ихъ и не идетъ по ихъ теченію“. Этотъ поэтъ сравниваемый съ Канопомъ, былъ изъ христіанъ Хира. Сюда же относятся Сандъ и Акибъ, епископъ Нажрана. Оба эти писателя, явившись со многими другими изъ своихъ единовѣрцевъ къ Мугамеду, вступили съ нимъ въ религіозныя пренія, побудившія Мугамеда отпустить ихъ съ почестями, довольствуясь съ христіанъ только взятіемъ джизьята (подати, взимаемой съ покоренныхъ и не принявшихъ ислама народовъ). Послѣднему изъ нихъ принадлежатъ многія сочиненія по языку и богословію. Затѣмъ упомянемъ Муталяммиса, Жаріира-бинъ-Абдъ-Масиха-Аддаб'и, извѣстнаго своими стихотвореніями, поэта Баррака-бинъ-Асада-Аттамими, Бустама аш-шайбана, одного изъ шерифовъ, котораго домъ въ Аравіи назывался домомъ Зу-ль-жид-дейнъ (имѣющій двухъ дѣдовъ); Атареда, проповѣдника Тамима и поэта Забрикана; оба они явились къ Мугамеду, и Забриканъ продекламировалъ весьма интересное стихотвореніе, сохранив-

Digitized by Google

то за послѣднее время, кромѣ многочисленныхъ изданій Библіи американскими миссіонерами и другими религіозными обществами, а также церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ,— почти вся она полемическаго содержанія и представляетъ мало замѣчательнаго. Наибольшаго вниманія между духовными писателями заслуживаетъ, во первыхъ, православный священникъ Іосифъ Муханна-ль-Хаддадъ (окончившій мученически свою жизнь въ рѣзнѣ 1860-го года въ Дамаскѣ), который частью дѣлалъ новые переводы духовныхъ книгъ съ греческаго на арабскій, частью исправлялъ старые переводы; сюда-же слѣдуетъ отнести и другого священника, также родомъ изъ Дамаска, Спиридона Сарруфа, и сына его Ѳедора Сарруфа, которыхъ дѣятельность была такая-же, какъ и Іосифа Хаддада; во вторыхъ— Михаила Мшака, бывшаго американскаго консула въ Дамаскѣ, который весьма удачно ввелъ въ литературу неупотреблявшуюся дотолѣ разговорную арабскую рѣчь. Упомянемъ также о «Катехизисѣ» на арабскомъ языкѣ, патріарха іерусалимскаго Софронія, и его «Этикѣ», переведенной съ греческаго. Особенное же вниманіе слѣдуетъ обратить на сочиненія патріарха іерусалимскаго Анѳима, скончавшагося въ 1808 году. Важнѣйшія сочиненія его—«Толкованіе на Псалтирь» и «Китабу-ль-Хидаятъ» (книга руководства); послѣдняя книга была напечатана въ Вѣнѣ въ 1792 г.; о ней одинъ западный ученый выразился такъ: «трудъ этотъ, по многосторонней учености и по чистотѣ арабскаго языка, заслуживаетъ всякой похвалы». Сочиненія эти онъ писалъ первоначально на греческомъ языкѣ, а потомъ самъ же переводилъ на арабскій; они и по настоящее время пользуются большимъ уваженіемъ у арабовъ-христіанъ на Востокѣ, а послѣдняя читается въ церквахъ по воскресеньямъ великаго по-

---

шееся и до настоящаго времени. Стихотвореніе это начинается такъ: „Мы благородны, и нѣтъ палатки, которая-бы равнялась съ нами въ щедрости; отъ насъ цари, и наша страна усѣяна церквами". Упомянемъ также Ханзалятъ-бинъ-ат-таи, который, вѣрнымъ исполненіемъ даннаго имъ обѣщанія, обратилъ въ христіанство На'мана, правителя Гари-лайна и многихъ жителей Хира. Кромѣ того, христіане считали гордостью для всякаго Араба-Нусса бинъ-Са'идатъ аль-аяди, краснорѣчіе котораго вошло въ пословицу у арабовъ. Онъ принадлежалъ къ знатному роду и былъ впослѣдствіи епископомъ Наджрана; объ его необычайномъ краснорѣчіи свидѣтельствуетъ и Мугамедъ, услышавшій его однажды проповѣдующимъ на верблюдицѣ по улицамъ Оказа; Абу-Бекру также приписывается двустишіе, въ которомъ онъ выражаетъ свое удивленіе его краснорѣчію. Изъ христіанскихъ писателей перваго вѣка ислама укажемъ на Хунейна Хирскаго, диванъ котораго въ рукописи хранится въ библіотекѣ учебнаго отдѣленія Азіатскаго департамента, въ Петербургѣ, и наконецъ—на Умайръ бинъ Шабима, стихотворенія котораго также принадлежатъ къ числу первокласныхъ. Въ заключеніе можно указать на стихотворное переложеніе Евангелія Бахтъ Яшу'омъ и на извѣстное посланіе Абдъ-уль-Масиха бинъ Исхака аль-Кинди, въ отвѣтъ Аббу-ллаху бинъ Исмаилу Хашими, касательно религіозныхъ вопросовъ.

Digitized by Google

ста. Объ учености и глубокихъ познаніяхъ Анеима въ языкахъ греческомъ, арабскомъ и персидскомъ свидѣтельствуетъ и то, что Британская Академія посылала къ нему двоихъ ученыхъ, чтобы спросить его совѣта, какъ перевесть Ветхій Завѣтъ на персидскій языкъ. Кромѣ того, есть еще нѣсколько дивановъ и сборниковъ стихотвореній духовно-христіанскаго содержанія и множество переводныхъ книгъ съ тѣмъ же содержаніемъ, по бо́льшей части переведенныхъ съ латинскаго или греческаго. Какъ на образецъ современнаго церковно-христіанскаго языка, можно указать на превосходный, принадлежащій талантливому ученому Герасиму Яреду (нынѣ ректору псковской духовной семинаріи), переводъ сочиненія московскаго митрополита Иннокентія: «Указаніе пути въ царствіе небесное».

Для полноты нашего очерка новѣйшей арабской литературы упомянемъ также о возникающихъ нынѣ въ Сиріи литературныхъ обществахъ. Основавшееся въ 1852 г. въ Бейрутѣ «Сирійское общество» имѣло своею цѣлью, какъ показываютъ изданные труды его членовъ, распространять любовь къ научнытъ занятіямъ и изыскивать средства для возможно-скорѣйшаго сближенія съ Европой; это общество насчитывало только до сорока членовъ и состояло изъ американскихъ миссіонеровъ и самой образованной части населенія. Лучшимъ дѣломъ его было учрежденіе первой общественной библіотеки, которая существуетъ и по настоящее время. Для бо́льшаго уясненія дѣятельности этого общества, мы приведемъ заглавія нѣсколькихъ статей, написанныхъ его членами и прочитанныхъ въ его засѣданіяхъ: «О пользѣ и удовольствіи научныхъ знаній», «Умственное движеніе въ Сиріи въ послѣднее время», «Связь между Сиріей и Европой», «Польза образованія государственныхъ людей», «О пользѣ образованія женщинъ», «О наукахъ древнихъ арабовъ», «О началахъ естественныхъ наукъ» и пр. Все это, конечно, зелено и незрѣло, и самое общество могло просуществовать только пять лѣтъ. Второе общество—«Ученое Сирійское»—было основано въ 1867 году; оно достигло бо́льшаго развитія; но хотя оно и насчитывало до 210 членовъ, существованіе его ограничилось только двумя годами. Въ настоящее время имѣются два общества—въ Бейрутѣ и Триполи. Судя по недавно начатой дѣятельности одного изъ бейрутскихъ обществъ, называемаго «Захрату-ль-адабъ», оно обѣщаетъ сдѣлаться весьма полезнымъ и интереснымъ. Это общество поставило себѣ цѣлью распространеніе школъ и завело свою типографію. Независимо отъ этихъ обществъ, почти всѣ христіанскія общины въ Бейрутѣ и другихъ городахъ Сиріи основали отдѣльныя братства съ замкнутыми, религіозно-благотворительными цѣлями; такой же характеръ носитъ на себѣ и ихъ дѣятельность по распространенію грамотности.

Digitized by Google

Первыя арабскія типографіи на Востокѣ появились въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Алеппо, затѣмъ при монастырѣ св. Іоанна Крестителя, называемомъ Шовейръ, на горѣ Кесрауанъ, наконецъ—въ Египтѣ, Константинополѣ, Бейрутѣ, Іерусалимѣ и др. городахъ. Въ настоящее же время число типографій доходитъ въ одномъ только Бейрутѣ до 9; число же газетъ и періодическихъ изданій въ Бейрутѣ доходитъ до 13, не говоря уже объ Египтѣ, составляющемъ, во всякомъ случаѣ, центръ новѣйшей арабской литературной дѣятельности. Бо́льшая часть этихъ газетъ издаются различными миссіонерскими обществами, а остальныя—мѣстными христіанами. Старѣйшее изъ этихъ изданій—«Хадикату-ль-ахбаръ»—предпринято въ 1857 году и выходитъ на двухъ языкахъ — арабскомъ и французскомъ.

Георгій Муркосъ.

XI. Южная Франція; ея культура и языкъ.—Народная поэзія въ Провансѣ и письменность духовныхъ.—Остатки провансальскаго эпоса.—Развитіе провансальской лирики.—Поэты и пѣвцы. Виды любовной лирики; сирвенты. Вильгельмъ де Кабестанъ по его біографіи.—Петръ Видаль.—Бертранъ де-Борнъ.

Главныя пособія:

Fauriel: Histoire de la poesie provençale, 3 vol. Paris 1846.

Raynouard: Choix des poésies originales des troubadours. I—III. 1816—1818.

Eug. Baret: Les troubadours et leur influence sur la littérature du Midi de l'Europe. 2-e éd. 1867.

Fr. Diez: Leben und Werke der Troudadours. Zwickau. 1829.

Bartsch: Grundriss der provenzalischen Literatur. Elberfeld. 1872.

Francis Hueffer: The Troubadours, a history of provensal life and literature in the middle ages. London. 1878.

Leon Clédat: Du rôle historique de Bertrand de Born. Paris. 1879.

Albert Stimming: Bertran de Born, sein Leben u. seine Werke, mit Anmerk. und Glossar. Halle. 1879.

Aubertin et cet.

Южная Франція развилась несравненно ранѣе сѣверной: уже за 600 лѣтъ до Р. Х. фокейцы основали Массилію—нынѣшню Марсель, и слѣды греческой культуры сохранялись по всему побережью гораздо долѣе, чѣмъ это думали прежде; съ ними рано столкнулась здѣсь культура римская. Въ то время, какъ на мѣстѣ нынѣшняго Парижа стояло нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, Арль, Нарбонна, Бордо, Тулуза были густо населенными, богатыми городами и блистали всѣми прелестями римской цивилизаціи и роскоши. Въ V вѣкѣ аристократы южно-гальскіе чувствовали себя совершенными римлянами и оплакивали бѣдствія имперіи съ большею искренностью, нежели развратившіеся сыны Италіи. Римская наука на свѣжей почвѣ давала даже болѣе обильные плоды, чѣмъ на родинѣ. Южно-гальскія риторскія школы считались лучшими во всемъ мірѣ. Въ Тулузѣ

Digitized by Google

воспитывались братья императора Константина; еще прежде того отсюда пригласили въ воспитатели къ будущему императору грамматика и ритора Авзонія. Что этотъ блескъ культуры принадлежитъ именно югу, мы можемъ видѣть хоть изъ слѣдующаго случая: Житіе св. Мартина написано Сульпиціемъ Северомъ въ формѣ діалога; аквитанцы распрашиваютъ сѣвернаго галла, бывшаго свидѣтелемъ подвиговъ святаго. Тотъ предпосылаетъ разсказу извиненіе: Когда я подумаю, что я, галлъ, обращаюсь къ вамъ, аквитанцамъ, меня беретъ страхъ, какъ бы моя грубоватая рѣчь не оскорбила вашего чрезвычайно деликатнаго слуха» *). Такое различіе не стерлось и впослѣдствіи: не даромъ меровингскіе короли называютъ сѣверную Галлію землею франковъ, а южную—землею римлянъ. Варварское нашествіе сказалось здѣсь не такъ сильно, какъ на сѣверѣ: визиготы пришли сюда значительно цивилизованными, да и бургунды романизировались скорѣе франковъ. Власть меровинговъ и карловинговъ была здѣсь по большей части номинальною. Благосостоянію страны, правда, не мало по вредили набѣги арабовъ; но непрестанныя, упорныя войны, кончившіяся изгнаніемъ враговъ, укрѣпили и подняли народный духъ; сношенія съ арабами способствовали дѣлу прогресса, при чемъ связующимъ звеномъ служили евреи, въ то время образованнѣйшее племя, нигдѣ въ Европѣ не чувствовавшее себя такъ хорошо, какъ въ южной Франціи **). Въ XII вѣкѣ на югѣ Франціи были лучшія суконныя фабрики; многіе побережные города заключали торговые союзы между собою и съ портовыми городами Италіи. Съ сѣверной Франціей, съ людьми языка oil, бароны Прованса ***) имѣли такъ же мало общаго, какъ богатые ополячившіеся паны Малороссіи конца XVI вѣка съ московскими боярами. Уже въ 1000 г. одинъ сѣверно-французскій лѣтописецъ съ глубокимъ негодованіемъ говоритъ о франтовствѣ, щегольствѣ, изнѣженности аквитанскихъ бароновъ, наѣхавшихъ на сѣверъ съ невѣстой короля Роберта. Черезъ сто лѣтъ разъединеніе не уменьшилось, и если французъ былъ идеаломъ изящества для нѣмца, провансалецъ игралъ такую же роль сравнительно съ французомъ. Рыцарство, какъ извѣстное нравственное міровоззрѣніе, распростра-

*) Dum cogito me hominem Gallum inter Aqnitanos verba facturum, vereor ne offendat vestras nimium urbanas aures sermo rusticior.

**) Очеркъ исторіи еврейской литературы въ средніе вѣка, составляемый А. Я. Гаркавѣ, не могъ быть оконченъ къ настоящему выпуску. Онъ будетъ напочатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ нашего изданія. *Ред.*

***) Подъ этимъ именемъ здѣсь и ниже мы будемъ подразумѣвать не только Прованс въ собственномъ смыслѣ, но и Лангедокъ, Аквитанію, Лимузенъ, Пуату, Керси и Овернь, короче всю область языка ос. Отчего этотъ языкъ получилъ невѣрное названіе провансальскаго и отчего вся литература этихъ областей называется провансальскою, будетъ сказано ниже.

Digitized by Google

нилось въ Провансѣ раньше, чѣмъ на сѣверѣ, и тамъ, на югѣ, процвѣтала именно его галантная любовная сторона. Одинъ провансальскій дидактикъ говоритъ: «Рыцари имѣютъ многообразныя достоинства; одни хорошіе воины, другіе отличаются гостепріимствомъ и щедростью; одни служатъ дамамъ, другіе блистаютъ костюмомъ и вооруженіемъ; одни смѣлы въ рыцарскихъ предпріятіяхъ, другіе пріятны при дворѣ». Провансальскіе рыцари особенно блистали щедростью, гостепріимствомъ, костюмомъ, до самозабвенія служили дамамъ и при дворѣ въ большинствѣ случаевъ чувствовали себя лучше, чѣмъ на бранномъ полѣ. У истинно щедраго рыцаря, по словамъ поэтовъ, не было ничего, что онъ могъ бы назвать своимъ; все принадлежало его друзьямъ и гостямъ. Кромѣ того, въ Провансѣ было особенно много рыцарей, которые и юридически ничего не могли считать своимъ, такъ какъ у нихъ, кромѣ носильнаго платья, оружія и лошади не было никакой собственности. Эти-то свободные, но привязанные къ землѣ авантюристы служили носителями идеи чистаго рыцарства (безъ связи съ феодализмомъ), преимущественно въ отношеніи къ дамамъ.

Въ Провансѣ женщины были поставлены вѣсколько иначе, нежели въ сѣверной Франціи: онѣ могли владѣть поземельной собственностью, вслѣдствіе чего, во 1-хъ, чувствовали себя самостоятельнѣе, тверже, а во 2-хъ, чаще становились жертвами обмана—браковъ по разсчету; это обстоятельство имѣло въ свою очередь послѣдствіемъ болѣе частые, чѣмъ на сѣверѣ, случаи развода и открытаго прелюбодѣянія. Но и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, рыцарское поклоненіе не обусловливало связи; разница съ сѣверомъ въ томъ, что здѣсь эта любовь подчинялась болѣе строгому, опредѣленному ритуалу, иногда даже освящалась религіей *), и въ случаѣ перехода идеальныхъ отношеній въ реальныя, общественная нравственность чувствовала себя еще менѣе оскорбленной. Всѣ эти обстоятельства въ связи съ благозвучнымъ, гибкимъ и довольно богатымъ языкомъ, должны были способствовать умственной жизни общества и придать ей именно то направленіе, которое выразилось въ провансальской поэзіи.

*) Трубадуры различали 4 степени, черезъ которыя долженъ былъ проходить влюбленный: пока онъ не смѣетъ говорить о своей любви, онъ *колеблющійся* (feignaire); если дама ободритъ его и онъ рѣшится изложить ей свою сердечную муку, онъ *молящій* (pregaire); если она продолжаетъ поощрять его, даетъ ему перчатку, ленту или поясъ, онъ *услышанный* (éntendeire). Наконецъ, если она признаетъ его достойнымъ поцѣлуя, онъ *другъ* (drutz).

Обряды, сопровождавшіе вступленіе рыцаря въ отправленіе своихъ обязанностей при дамѣ, во многомъ напоминали вассальную присягу; этотъ союзъ иногда освящалъ священникъ; иногда приносившій обѣтъ служенія дамѣ рыцарь, какъ монахъ, выстригалъ себѣ тонзуру.

Digitized by Google

Провансальскій языкъ, какъ было сказано выше [1]), одинъ изъ романскихъ языковъ, болѣе другихъ близкій къ разговорной латыни [2]). До IX вѣка онъ не имѣлъ и не могъ имѣть письменныхъ памятниковъ. На соборѣ въ Арлѣ въ 813 году, благодаря вліянію Карла Великаго, духовенству былъ данъ совѣтъ—говорить проповѣди на народномъ языкѣ, вслѣдствіе чего клерики перестали смотрѣть на него съ презрѣніемъ и начали приспособлять его къ выраженію болѣе или менѣе отвлеченныхъ идей.

Первые памятники провансальскаго языка—отдѣльныя фразы, которыя встрѣчаются въ латинскихъ грамотахъ, начиная съ 960 года [3]). Къ концу X вѣка относятъ стихотворный отрывокъ изъ 258 стиховъ, извѣстный подъ названіемъ «Боэцій». Онъ начинается такъ:

„Пока мы молоды, мы по глупости говоримъ вздоръ; мы забываемъ Того, черезъ Кого надѣемся жить, Кто насъ питаетъ и сохраняетъ отъ голодной смерти, Кто, будучи призванъ, спасетъ, какъ я надѣюсь, и меня“ и т. д. Послѣ такого нравоучительнаго введенія, неизвѣстный авторъ разсказываетъ, какъ мудрый Боэцій, консулъ римскій, хотѣлъ исправить человѣчество, научивъ его истинной вѣрѣ; императоръ Манлій Торкватъ очень любилъ его, но наслѣдникъ его, императоръ Теодорихъ, отрекся отъ Бога, несмотря на всѣ увѣщанія Боэція. Чтобы погубить добродѣтельнаго мудреца, злой Теодорихъ поддѣлалъ отъ его имени письма въ Грецію, приглашавшія грековъ взять съ помощію измѣны Римъ, и, призвавъ Боэція на судъ его перовъ, обвинилъ его въ государственномъ преступленіи. Друзья отступились отъ Боэція (не явились за него поручителями), и онъ былъ ввергнутъ въ темницу. Отчасти отъ своего лица, отчасти отъ лица Боэція авторъ приводитъ рядъ нравоучительныхъ соображеній и, пользуясь извѣстнымъ трактатомъ: De consolatione philosophiae [4]), подробно описываетъ наружность и костюмъ Мудрости [5]).

Отрывокъ написанъ 10-ти-сложнымъ стихомъ и тирадами.

«Боэцій»—первый памятникъ провансальской искусственной поэзіи, исторію которой можно съ большимъ удобствомъ раздѣлить на три періода: 1) X и XI вѣка—эпоха подготовительная; 2) XII и XIII вѣка—время процвѣтанія, и 3) XIV и XV вѣка—время паденія. Кромѣ «Боэція», къ первому періоду относятся нѣсколько произведеній стихоплетствовавшихъ клериковъ, произведеній, болѣе интересныхъ для

---

[1]) См. I вып. Введеніе.

[2]) Начало молитвы Господней по-провансальски: Paire nostre que etz el cel, sanctificats sia vostré noms, т. е. буквально, Pater noster qui estis in illo coelo, sanctificatum sit vestrum nomen и т. д.

[3]) Отъ XI вѣка дошло до насъ нѣсколько грамотъ, гдѣ провансальскій элементъ беретъ перевѣсъ надъ латынью; а чисто-провансальскія грамоты встрѣчаются только съ XII вѣка.

[4]) См. главу III, вып. XII, стр. 62.

[5]) П (практика), по его словамъ, означаетъ жизнь въ цѣломъ; Θ (теорія) — истинный законъ божій.

Digitized by Google

исторіи языка, чѣмъ для исторіи литературы. Виды ихъ тѣ же, какіе мы видѣли и въ Германіи въ эпоху литературнаго преобладанія духовенства: есть гимны къ св. Маріи, церковныя пѣсни на смѣшанномъ языкѣ, есть исповѣданіе вѣры, есть переложенія житій святыхъ и проповѣдей, есть отрывокъ поэмы объ Александрѣ. Существенное отличіе въ томъ, что здѣсь такихъ памятниковъ сохранилось сравнительно немного: блескъ позднѣйшей поэзіи трубадуровъ совершенно затмилъ этотъ подготовительный періодъ и заставилъ забыть о поэтахъ-клерикахъ.

До сихъ поръ не всѣ согласны въ рѣшеніи вопроса: былъ ли въ Провансѣ національный эпосъ? Когда-то провансофилы были склонны пріурочивать къ своей родинѣ изобрѣтеніе и первую обработку чуть не всѣхъ древнѣйшихъ chansons de gestes и даже романовъ Круглаго Стола; другіе, основываясь между прочимъ на словахъ провансальскаго грамматика Видаля, что «французскій языкъ болѣе удобенъ для сочиненія романовъ и пастурелей, а провансальскій— для лирическихъ стихотвореній, кансонъ и сирвентовъ» *), отрицали у провансальцевъ всякую способность къ эпосу; и то и другое одинаково невѣрно. Опровергать первое нѣтъ нужды; что касается до мнѣнія противуположнаго, то легко доказать, что войны съ сарацинами были сюжетами кантиленъ; мѣстныя легенды о Роландѣ существовали очень долго; были провансальскія кантилены и о другихъ чисто-національныхъ герояхъ, и Провансъ сдѣлалъ не маловажный вкладъ въ эпосъ французскій: циклъ о Вильгельмѣ Оранжскомъ обработывался первоначально на югѣ; повѣсть объ Окассенѣ и Николеттѣ, какъ показываютъ собственныя имена и, такъ сказать, духъ всего произведенія, имѣла несомнѣнно и провансальскую форму; происхожденіе и начальную редакцію весьма популярнаго до новѣйшихъ временъ романа о Петрѣ Прованскомъ и прекрасной Магелони, повидимому, тоже слѣдуетъ пріурочить къ Провансу. Наконецъ отъ начала XII вѣка дошла до насъ провансальская поэма—«Жераръ Руссильонскій, основа которой выработалась, очевидно, въ X и XI вѣкахъ.

Повѣсть объ Окассенѣ и Николеттѣ сохранилась въ болѣе поздней французской редакціи, въ формѣ прозы, смѣшанной со стихами. Приводимъ ея содержаніе: Графъ Бугаръ изъ Валенсіи воевалъ съ старымъ графомъ Гареномъ де-Бокеръ: сынъ послѣдняго, Окассенъ, отказался сражаться за отца, если тотъ не позволитъ ему жениться на крещеной плѣнницѣ Николеттѣ. По распоряженію раздраженнаго этимъ заявленіемъ графа, Николетту заперли въ высокую башню. Окассенъ, считающій Николетту погибшей, въ полномъ отчаяніи. Въ это время враги осаж-

*) La parladura francesca vol mais et es plus avinens a far romanz el pasturellas, mas cella de Lemosin (такъ провансальцы часто называютъ свой языкъ), per far vers et cansons el serventes.

Digitized by Google

даютъ зàмокъ Бокеръ. Окассенъ соглашается сразиться съ ними только на томъ условіи, что отецъ позволитъ ему сказать нѣсколько словъ Николеттѣ и одинъ разъ поцѣловать ее. Графъ поневолѣ соглашается, и юный герой отправляется на бой. Но и въ толпѣ враговъ онъ думаетъ не о томъ, что̀ дѣлаетъ, а о предметѣ своей любви. Враги окружили его, взяли въ плѣнъ и стали разсуждать, какой смерти предать его. Тутъ только онъ опомнился: если мнѣ отрѣжутъ голову, я не буду въ состояніи говорить съ Николеттой! справедливо разсудилъ онъ. Онъ разсѣялъ нѣсколькими ударами окружавшихъ его рыцарей, взялъ въ плѣнъ Бугара и привелъ его къ своему отцу. Отецъ отказался исполнить свое обѣщаніе и за грубость посадилъ сына въ тюрьму. Между тѣмъ Николетта бѣжала ночью изъ башни; проходя мимо тюрьмы Окассена, она услыхала его жалобы, разсказала ему, что она бѣжитъ изъ Бокера, и скрылась въ лѣсу. Оттуда она послала пастуховъ извѣстить Окассена, что она три дня будетъ ожидать его. Окассенъ поѣхалъ въ лѣсъ, долго и безъ успѣха искалъ Николетту, наконецъ, не подалеку отъ ея убѣжища, разбился, упавъ нечаянно съ лошади. Николетта нашла его, перевязала ему плечо, и они бѣжали за-море. Проживъ счастливо три года, они были разлучены судьбою. Послѣ долгихъ приключеній, Николетта оказалась дочерью короля карѳагенскаго, а Окассенъ заступилъ мѣсто своего умершаго отца. Наконецъ, испытавъ взаимную вѣрность, они снова соединились и въ этотъ разъ уже на всю жизнь.

„Жераръ"—провансальская chanson de gestes, описывающая борьбу храбраго вассала противъ королевской власти. Жераръ—лицо историческое, онъ жилъ при Людовикѣ Благочестивомъ и его сыновьяхъ; Людовикъ за вѣрную службу далъ ему графство Парижское. По смерти Людовика, онъ сталъ на сторону Лотаря, за что Карлъ Лысый отнялъ у него Парижъ. Получивъ себѣ въ ленъ герцогство Бургундское, онъ построилъ свой знаменитый зàмокъ Руссильонъ. Послѣ смерти Лотаря онъ былъ опекуномъ его младшаго сына, управлялъ за него Провансомъ и воевалъ съ Карломъ Лысымъ. Онъ умеръ въ Руссильонѣ въ 878 или 879 году.

Поэма (дошедшая до насъ не вполнѣ) на мѣсто Карла Лысаго поставила Карла Мартела, извѣстнаго на югѣ благодаря своей побѣдѣ надъ арабами. Императоръ Карлъ, и прежде не любившій своего могучаго вассала Жерара, возненавидѣлъ его еще больше, когда узналъ, что императрица (вышедшая за него замужъ съ согласія Жерара, который пожертвовалъ своей любовью ея благу и женился на ея сестрѣ) въ глубинѣ души любитъ только одного Жерара. Безъ всякаго основанія Карлъ напалъ на зàмокъ Руссильонъ и взялъ его, благодаря измѣнѣ. Но Жераръ собралъ своихъ друзей, воротилъ зàмокъ и разбилъ императора. Напрасно Жераръ уговариваетъ государя оставить несправедливую войну; тотъ требуетъ новой, рѣшительной битвы. Во время боя Богъ явнымъ чудомъ показалъ, что ему непріятно это междоусобіе. Императоръ и Жераръ соединили свои силы и ударили на сарацинъ. Но миръ между ними былъ непродолжителенъ: снова началась война; послѣ многихъ перипетій, Жераръ вторично лишился своего зàмка и вдвоемъ съ женою бѣжалъ въ Ардены. Во время его сна воры утащили у него лошадь и вооруженіе. Одинъ пустынникъ, вспомоществуемый кроткой женою Жерара, не безъ труда уговариваетъ непокорнаго барона отложить свои мстительныя намѣренія и простить императору всѣ его обиды. По дорогѣ Жераръ повсюду слышитъ проклятія своему имени за продолжительную войну и узнаётъ, что голова его дорого оцѣнена Карломъ. Послѣ цѣлаго ряда униженій и преслѣдованій судьбы, Жераръ дѣлается носильщикомъ у угольщиковъ, а его вѣрная Берта—портнихой. 22 года года прожили они въ этомъ состояніи и совсѣмъ забыли, какъ жили прежде. Тогда, больше изъ жалости къ истомленной женѣ, Жераръ, по ея совѣту, отпра-

Digitized by Google

вился къ императрицѣ (чрезвычайно удачно описано ихъ свиданіе), которая помирила его съ государемъ и доставила ему всѣ прежнія почести.

И такъ, провансальцы имѣли свой эпосъ; но раннее процвѣтаніе искусственной лирики было причиною того, что этотъ эпосъ не развился до такой степени, какъ во Франціи, и провансальскіе жонглеры (joglars) вмѣсто того, чтобы разносить по замкамъ chansons de gestes, стали распространять лирическія, болѣе субъективныя пѣсни трубадуровъ.

Откуда возникла провансальская искусственная лирика, которую мы находимъ уже въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка въ развитой, изящной формѣ, съ звучной риѳмой и строгимъ метромъ? Какъ могла она появиться безъ приготовленія во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера? Теорія, выводившая риѳму и искусственныя лирическія формы вообще отъ арабовъ Испаніи, давно сдана въ архивъ за непригодностью. Риѳма, какъ мы уже имѣли случай упоминать, явилась въ полной силѣ въ латинской христіанской поэзіи. Народная лирика существовала во всѣхъ странахъ, она существовала и даже достигла болѣе высокой степени процвѣтанія и «подъ голубымъ небомъ Прованса» *). Постепенно, но вслѣдствіе особыхъ условій довольно быстро, она дѣлалась болѣе и болѣе субъективной. Совершенство формы первыхъ дошедшихъ до насъ пѣсень трубадуровъ объясняется тѣмъ, что пѣсни, болѣе древнія и менѣе совершенныя по формѣ, не записывались. Такимъ образомъ, лирика Прованса, начавшись съ деревенской, народной пѣсни, въ продолженіе одного XI столѣтія преобразовалась въ дворянскую, аристократическую и наконецъ въ чисто-придворную поэзію. Лучшимъ показателемъ ея обширнаго значенія служитъ рано выработавшійся литературный языкъ, свободный отъ всякихъ исключительно мѣстныхъ особенностей; обороты различныхъ діалектовъ встрѣчаются, но у одного и того же поэта, въ видѣ синонимовъ, безъ отношенія къ мѣсту его рожденія. Время процвѣтанія этой поэзіи, какъ сказано выше, XII и XIII столѣтія. Но и въ этихъ двухъ столѣтіяхъ провансальская лирика стояла, очевидно, не на одинаковой степени развитія. XII вѣкъ есть эпоха подготовительная; на границѣ обоихъ вѣковъ и въ первые годы XIII поэзія была въ зенитѣ своего процвѣтанія; съ середины XIII вѣка интересы общества и особенно его заправителей—князей и бароновъ, отвлекаются въ сторону политики; многіе поэты покидаютъ родину и расходятся по сосѣднимъ странамъ; поэзія отъ дворовъ постепенно

*) Документальное доказательство ея существованія мы имѣемъ напр. въ латинской драмѣ, изображающей жизнь св. Агнессы, гдѣ авторъ или писецъ приводитъ нѣсколько стиховъ изъ народныхъ пѣсень, чтобъ указать исполнителямъ, на какой голосъ должны они пѣть вставленные въ драму гимны.

Digitized by Google

переходитъ въ города; развиваются дидактика и проза; для Прованса наступаетъ свой александрійскій періодъ.

Говоря о характерныхъ чертахъ этой поэзіи, мы будемъ имѣть въ виду время высшаго ея процвѣтанія. Начнемъ съ авторовъ.

Къ какому сословію принадлежали они и каково было ихъ общественное положеніе? На первый вопросъ можно дать очень широкій отвѣтъ: ко всевозможнымъ. Изъ болѣе чѣмъ четырехъ-сотъ извѣстныхъ намъ хоть по имени поэтовъ, около половины принадлежало къ дворянству, большею частью низшему и небогатому. Повидимому, для многихъ музой была бѣдность: вмѣсто всякаго другого занятія или въ связи съ личной службой богатому феодалу, поэзію избирали младшіе сыновья небогатыхъ дворянскихъ фамилій. Между именами трубадуровъ-дворянъ мы встрѣчаемъ болѣе двадцати царственныхъ лицъ, которыя въ занятіи поэзіей не видѣли ничего унизительнаго, а напротивъ, не малую заслугу *). Они признавали уравнивающую силу поэзіи: Альфонсъ Кастильскій удостоивалъ перебраниваться съ трубадуромъ Гиро, а дофинъ Франціи съ однимъ изъ своихъ кредиторовъ. Другая половина трубадуровъ принадлежала къ среднему и низшему классамъ: Фульке, впослѣдствіи епископъ тулузскій, былъ сынъ купца; Бернаръ Вентадорнъ—сынъ лакея; Маркобрунъ—просто подкидышъ, безъ роду и племени; были трубадуры изъ духовныхъ, покидавшіе университетъ для «веселой науки»; другіе наоборотъ: послѣ многихъ лѣтъ веселой жизни шли въ монастырь замаливать свои грѣхи. До насъ дошло 14 именъ поэтовъ-женщинъ; но произведенія ихъ немногочисленны; одна, много двѣ пьесы—все, что осталось отъ каждой **); очевидно, поэзія не была ихъ спеціальностью.

Общественное положеніе трубадуровъ, изъ какого бы сословія они ни происходили, было очень хорошо. Трубадуръ смотрѣлъ на себя не какъ на потѣшника публики и въ поэзіи видѣлъ не ремесло, а на божій даръ, который равняетъ его съ сильными земли, а иногда ставитъ и выше ихъ. Большинство трубадуровъ проживало при дворахъ государей, особенно интересовавшихся поэзіей, въ выгодномъ положеніи полугостей, полупридворныхъ. Обойтись неуважительно съ извѣстнымъ трубадуромъ было очень опасно, даже для могущественнаго

*) Писали они, однако, сравнительно понемногу, „за недосугомъ". Больше другихъ, послѣ Вильгельма IX Пуатье (одинъ изъ самыхъ раннихъ и даровитыхъ трубадуровъ, прославившійся необыкновеннымъ изобиліемъ любовныхъ приключеній), осталось отъ Ричарда Англійскаго. Его Canzo, сочиненное въ австрійской тюрьмѣ, сохранилось и по-французски и по-провансальски. Съ дофиномъ онъ перебранивался провансальскими стихотворцами.

**) Исключеніе представляетъ одна Беатриса де-Діе, отъ которой остался цѣлый рядъ пѣсень, изображающій исторію ея несчастной любви къ трубадуру Рамбо Оранжскому.

Digitized by Google

короля: трубадуръ уйдетъ, сочинитъ нелестную пѣсню; она быстро, какъ нынѣшняя сатирическая газета, разлетится по всѣмъ дворамъ и навѣки опозоритъ оскорбителя. Эти сыновья плебеевъ и бѣдныхъ дворянъ обращались за панибрата съ князьями и бывали въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ знатными дамами.

Пѣсня трубадура не мыслима безъ пѣнія и акомпанимента; трубадуры, знавшіе музыку, сами бывали композиторами и исполнителями, но другіе нуждались по крайней мѣрѣ въ одномъ музыкантѣ, а иные, для бо́льшаго эффекта, набирали съ собою цѣлый оркестръ; наконецъ всѣмъ имъ безъ исключенія было желательно, чтобы ихъ пѣсни распространялись и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сами они не бывали. Такими оруженосцами поэтовъ, посредниками между поэтомъ и публикой служили жонглеры (jonglars), мало чѣмъ отличающіеся отъ извѣстныхъ уже намъ жонглеровъ сѣверной Франціи. Здѣсь также, какъ и на сѣверѣ, трудно провести рѣзкую черту между жонглеромъ и поэтомъ. Извѣстный впослѣдствіи трубадуръ Маркабрунъ началъ, судя по его біографіи, свою дѣятельность какъ жонглеръ трубадура Керкамона. Здѣсь біографъ различаетъ термины; иногда и того не бываетъ: такъ прославляемый Дантомъ Арно-Даніэль въ біографіи большею частью называется жонглеромъ. Вотъ картинка нравовъ эпохи, гдѣ терминъ жонглеръ употребленъ, очевидно, въ довольно неопредѣленномъ значеніи: Сеньоръ Гуго де-Матапланъ давалъ въ большой залѣ своего за́мка блестящій праздникъ многочисленнымъ и богатымъ баронамъ. За роскошно-сервированнымъ столомъ царили смѣхъ и безумная радость; одни изъ собесѣдниковъ ходили по залѣ, другіе на коврахъ и разноцвѣтныхъ подушкахъ играли въ кости и шашки; много тутъ было блестящихъ и любезныхъ дамъ. Вотъ вошелъ пріятной наружности, прекрасно одѣтый жонглеръ; учтиво спросивъ позволенія у сира Гуго, онъ спѣлъ намъ нѣсколько пѣсень и разсказалъ много сказокъ. Отомъ, каковы бывали въ большинствѣ случаевъ отношенія между поэтомъ и жонглеромъ, мы узнаёмъ изъ самыхъ текстовъ пѣсень, особенно изъ такъ-называемыхъ «торнадъ» (обращеніе въ формѣ особой прибавки къ пѣснѣ). «О Байона!» обращается къ своему жонглеру трубадуръ Раймонъ де-Мираваль. «Я знаю: ты пришелъ за сирвентомъ; стало быть, теперь всѣхъ ихъ будетъ три: два уже сочинилъ я прежде, и ты заработалъ ими много золота и серебра». Другіе просятъ своихъ жонглеровъ не перевирать и не пропускать стиховъ при пѣніи. Нѣкоторые трубадуры, въ особенности изъ позднѣйшихъ, упрекаютъ жонглеровъ за униженіе искусства, за то, что они потѣшаютъ публику не одними пѣснями, но и шутовскими выходками, фокусами и проч. Гаро Рикіертъ въ 1273 г. предлагаетъ установить болѣе точныя дѣленія. По его мнѣнію, надо отличать

Digitized by Google

четыре вида служителей искусства: *буффовъ*—забавниковъ низшаго сорта, *жонглеровъ*—пѣвцовъ чужихъ пѣсень, *трубадуровъ* и *докторовъ поэзіи* (doctores de trobar). Это послѣднее, высшее званіе слѣдуетъ давать тѣмъ трубадурамъ, которые въ своихъ произведеніяхъ преслѣдуютъ серьозныя цѣли, поучаютъ, доставляя наслажденіе.

Главное достоинство поэзіи трубадуровъ, вполнѣ доступное только при чтеніи ихъ произведеній въ оригиналѣ,—красота формы. Въ то время, какъ французскіе и нѣмецкіе поэты тянули свои однообразныя тирады или подбирали слово къ слову, только бы составить стихъ съ грубымъ ассонансомъ, безпрестанно повторяясь, безъ нужды пережевывая вполнѣ понятную мысль, трубадуры слогали ясно, изящно, гармонично, обработывая и безъ того богатыя риѳмы провансальскаго языка иногда даже съ излишнею виртуозностью.

Вотъ главные виды провансальской лирики:

Стихъ (vers)—древнее и не ясно опредѣленное названіе. Около 1200 г. такъ называли любовную пѣсню, болѣе простую по формѣ, преимущественно съ одними мужскими риѳмами, сопровождаемую болѣе народной протяжной мелодіей.

Кансона (canzo)—эссенція поэзіи трубадуровъ, видъ, посвященый почти исключительно культу любви и недавно выработаннаго идеала женственности. При единствѣ темъ естественно ихъ сходство въ подробностяхъ: въ множествѣ кансонъ—тотъ же идеалъ женской красоты, тѣже сравненія, тѣже слова для выраженія любовныхъ страданій. Вотъ, для примѣра, переводъ кансоны Клары—внучки (по матери) Раймунда VI, графа тулузскаго:

«Лгуны—изобрѣтатели ложныхъ доносовъ—повергли меня въ тягостное волненіе, въ жестокую заботу, ввели мое сердце въ прискорбное заблужденіе. Эти враги забавъ и удовольствій заставили васъ удалиться отъ меня, васъ, котораго я люблю болѣе всего на свѣтѣ. Теперь я лишена возможности и видѣть васъ. Я готова умереть отъ гнѣва и ярости.

«Кто порицаетъ любовь мою къ вамъ, кто мнѣ запрещаетъ любить васъ, не можетъ исправить моего сердца; онъ даже не можетъ усилить моего желанія, моего стремленія, моего счастія нравиться вамъ. Какъ бы я ни ненавидѣла человѣка, я почувствую къ нему расположеніе, если онъ будетъ хорошо говорить о васъ; а кто будетъ говорить дурно, что бы онъ ни дѣлалъ, что бы ни говорилъ, все будетъ мнѣ непріятно.

«Прекрасный другъ мой! не бойся, что я обману тебя, что я покину тебя для другого возлюбленнаго; пусть хоть сто дамъ побуждаютъ меня къ тому; любовь къ вамъ, которая держитъ меня въ своей власти, хочетъ, чтобы мое сердце вѣчно принадлежало вамъ,

Digitized by Google

и я исполню ея волю. Ахъ, еслибъ я могла быть вполнѣ свободной! Мной владѣетъ тотъ, кому я никогда не отдалась бы добровольно!»

За кансоной по степени распространенности слѣдуетъ тенсона (tenso—споръ). Форма діалога одна изъ любимыхъ формъ всякой лирики, какъ искусственной, такъ и народной *), но трубадуры подчинили его строго опредѣленнымъ правиламъ. Тенсона есть поэтическій діалогъ двухъ поэтовъ или поэта съ лицемъ, имъ вымышленнымъ, иногда даже съ предметомъ неодушевленнымъ (напр. съ плащомъ). Антагонистъ, дѣйствительный или вымышленный, долженъ былъ повторить всѣ риѳмы вызывающаго въ томъ же размѣрѣ и той же послѣдовательности; если вызывающій велъ діалогъ далѣе, онъ долженъ былъ вернуться къ той же схемѣ; только такъ-называемое envoi, заканчивающее споръ, имѣло свою систему риѳмъ. Вотъ первыя строфы тенсоны, въ составленіи которой участвовали графиня де-Діе **) и Рамбо Оранжскій.

Она. «Другъ мой! Изъ-за васъ я страдаю и мучусь; а вы, я думаю, ничего подобнаго не чувствуете. Какой-же вы любовникъ, если все зло вы взваливаете на меня, вмѣсто того, чтобъ раздѣлять его?»

Онъ. «Госпожа моя! Любовь такое дѣло, что если двое ею связаны, то и радость, и горе всякій чувствуетъ по-своему; я не обманщикъ, и напротивъ думаю, что жестокая сердечная скорбь вся приходится на мою долю».

Иногда въ тенсонѣ участвуютъ не два, а болѣе лицъ. Вотъ сохраненный преданіемъ случай, характерно показывающій, до какой степени виртуозности дошли провансальцы въ разработкѣ любовнаго искусства.

Трубадуръ Саварикъ де-Молеонъ поѣхалъ посмотрѣть знаменитую красавицу виконтессу Вильгельму и влюбился въ нее. У нея въ тоже время были: Эліасъ Рудель, владѣтель Бержерака, и трубадуръ Жофре Рудель, тоже въ нее влюбленные. Они всѣ трое сидѣли около нея;

*) Одна изъ извѣстнѣйшихъ тенсонъ ода Горація: Donec gratus eram tibi ect. Вотъ примѣръ тенсоны въ великорусскихъ пѣсняхъ (Шеинъ, стр. 346):

Ахъ ты дѣвка! Ахъ ты красная моя!
Ты пойдешь ли дѣвка замужъ за меня?
Ужъ какъ я тебя, красавицу, любилъ!
Не одинъ я голубой кафтанъ сносилъ и т. д.

Отвѣтъ:

Слышу: ходишь ты по вольнымъ по домамъ;
Еще ходишь по царевымъ кабакамъ.
Не того я бору ягода была,
Не того я отца съ матерью дитя,
Чтобъ тебя разувать, раздѣвать.
Расканалью распоясывати и т. д.

**) См. ниже.

Digitized by Google

одинъ по одну сторону, другой по другую, а третій—противъ. Ловкая дама любовно смотрѣла на Жофре, нѣжно пожимала руку Эліасу и съ улыбкой прижала ногой ногу Саварика. Никто не зналъ о милости, оказанной другому, пока они не покинули зáмка. Тогда каждый изъ Руделей разсказалъ Саварику о своемъ счастіи. Опечаленный Саварикъ предложилъ на обсужденіе двоимъ пріятелямъ-трубадурамъ вопросъ, кому изъ троихъ оказана бóльшая милость. Этотъ вопросъ и составляетъ первую стансу тенсоны. Одинъ изъ трубадуровъ стоитъ за преимущество «глазокъ», другой-за рукопожатіе, а Саварикъ доказываетъ, что онъ получилъ больше всѣхъ.

Исторія Саварика и той-же виконтессы дала тему и для другой тенсоны. Поэтъ долго за нею ухаживалъ безъ всякаго утпѣха; наконецъ, по совѣту друзей, онъ обратился къ другой дамѣ, которая сразу изъявила готовность дать всевозможныя доказательства любви. Узнавъ объ этомъ, виконтесса изъ самолюбія сейчасъ-же послала за Саварикомъ. Онъ препирался въ тенсонѣ съ своимъ другомъ, которой изъ двухъ дамъ отдать предпочтеніе *).

Не всегда тенсоны посвящались такимъ деликатнымъ темамъ. Въ иныхъ трубадуры порицали другъ друга, не стѣсняясь въ выраженіяхъ; но вотъ курьозный фактъ: мѣшая съ грязью противника и нарушая всѣ правила приличія, антагонистъ строго наблюдалъ правила метрическія и строго держался данной ему схемы.

Тенсона—далеко не послѣдняя степень искусственности: еще стѣснительнѣе правила такъ-называемой сестины, стихотворенія, состоящаго изъ 6 строфъ (не считая торнады), изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ 6 стиховъ **); внутри первой строфы нѣтъ риѳмъ, но въ каждой слѣдующей строфѣ не только являются тѣ же риѳмы, но и повторяются тѣ же конечныя слова, иногда въ особенно извращенномъ порядкѣ ***).

*) Тенсоны, указывающія на третейскій судъ въ любовныхъ вопросахъ, и нѣкоторыя невѣрно понятыя свидѣтельства породили представленіе о такъ-называемыхъ судилищахъ любви, будто-бы существовавшихъ въ лучшее время провансальской поэзіи. Ошибочность его теперь очевидна: обращеніе трубадуровъ за разрѣшеніемъ вопроса къ извѣстному лицу прямо доказываетъ, что тогда постоянныхъ учрежденій этого рода не было. Нѣчто подобное судилищамъ явилось впослѣдствіи, послѣ паденія поэзіи, да и то главнымъ образомъ въ сѣверной Франціи.

**) Изобрѣлъ ее, говорятъ, Арно Даніэль, котораго хвалитъ за эту выдумку самъ Дантъ, замѣчая при этомъ: et nos eum secuti sumus. (De Vulg. El. 10).

***) Вотъ схема риѳмъ одной сестины:

I строфа.	II	III	IV	V	VI	Торнада.
1	6	3	5	4	2	2—5
2	1	6	3	5	4	4—3
3	5	4	2	1	6	6—1
4	2	1	6	3	5	
5	4	2	1	6	3	
6	3	5	4	2	1	

Digitized by Google

Полную противуположность сестинѣ составляетъ descort (несозвучіе), въ которомъ ни въ чемъ нѣтъ однообразія; онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ строфъ разной длины, разнаго метра и разной системы риѳмъ. Отъ одного трубадура до насъ дошелъ дескортъ въ одинаково построенныхъ строфахъ, но *на пяти разныхъ діалектахъ*.

Кстати по поводу искусственныхъ формъ замѣтимъ, что удержавшійся почти до нашихъ дней сонетъ есть форма, изобрѣтенная по провансальскимъ правиламъ, но, повидимому, въ Италіи, а не въ Провансѣ. Единственный провансальскій сонетъ написанъ итальянцемъ Дантомъ да-Маяно. Слово *sonet* существуетъ у провансальцевъ, но означаетъ не извѣстный видъ лирики, а *мелодію* вообще (уменьшительное отъ *so*, *son*).

Изъ видовъ болѣе народныхъ важнѣй другихъ пастушеская пѣснь (pastorella, или pastoreta). О характерѣ этого вида намъ могутъ дать понятіе пасторели поэта, о которомъ мы уже упоминали,—Гиро Рикіерта. Нѣсколько его пьесъ составляютъ одну связную драму. Въ первой трубадуръ встрѣчаетъ молоденькую пастушку и начинаетъ ухаживать за нею; учтиво, ловко и не безъ ироніи она отыгрывается словами. Во второй туже пастушку онъ встрѣчаетъ черезъ два года и возобновляетъ свою попытку. «Вы должны были ужасно страдать, замѣчаетъ сельская красавица, что два года не показывались мнѣ на глаза». Въ третьей поэтъ встрѣчаетъ ее уже замужемъ и ухаживаетъ съ тѣмъ-же сомнительнымъ успѣхомъ. Дѣйствіе четвертой черезъ семь лѣтъ; пастушка уже счастливая мать. Въ пятой (прошло еще шесть лѣтъ) пастушка уже вдова, далеко не первой молодости; постарѣлъ и самъ поэтъ, и только по привычкѣ говоритъ ей обычныя любезности; та съ добродушной насмѣшкой отсылаетъ его къ своей уже взрослой дочери; понятно, что и ухаживанье за послѣдней остается безъ результата.

Гиро одинъ изъ немногихъ въ Провансѣ поэтовъ-реалистовъ; у другихъ пастухи и пастушки болѣе походятъ на Виргиліевыхъ, чѣмъ на дѣйствительныхъ.

Альба (alba, auba, разсвѣтъ)—видъ любовной пѣсни, весьма распространенный между прочимъ у нѣмецкихъ миннезингеровъ (Wächterlied). Это діалогъ двухъ влюбленныхъ, долженствующихъ разстаться при появленіи утренней зари, или діалогъ любовника съ другомъ или сторожемъ, побуждающимъ его оставить красавицу въ виду наступленія утра *). Народность вида доказывается тѣмъ, что между альбами мы встрѣчаемъ много анонимныхъ. Трубадуры стѣснили свой произволъ тѣмъ, что въ послѣднемъ стихѣ каждой строфы или

*) Популярнѣйшая въ новой литературѣ *альба*—діалогъ Ромео и Юліи послѣ брачной ночи.

Digitized by Google

въ припѣвѣ считали обязательнымъ повтореніе слова *alba*. Въ позднѣйшихъ альбахъ это правило соблюдается въ точности, а содержаніе часто разнообразится; иногда нѣтъ діалога, а только монологъ влюбленнаго, призывающаго разсвѣтъ во время безсонной ночи.

На томъ-же принципѣ построена serena (вечерняя пѣснь), въ которой въ припѣвѣ должно повторяться слово *ser* — вечеръ. Содержаніе бо́льшею частью однообразно: влюбленному обѣщано на ночь свиданіе, и онъ торопитъ день.

Balada (отъ balar—плясать) у народа означала плясовую пѣсню. Съ такимъ значеніемъ на югѣ Франціи этотъ терминъ пережилъ и альбигойскую войну, и даже XVIII вѣкъ. Въ баладахъ трубадуровъ такой характеръ отражается въ разнообразіи и игривости метра. Невозможно отличить баладу отъ *dansa* *). По содержанію какъ та, такъ и другая просто любовныя пѣсни.

Перечислить всѣ виды провансальской любовной лирики нѣтъ возможности; достаточно только замѣтить, что въ основу дѣленія иногда кладется форма, иногда содержаніе. Тонкому различенію видовъ стали придавать значеніе сравнительно поздно; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ древнѣйшихъ сборникахъ стихотворенія располагаются по поэтамъ, въ позднѣйшихъ—по видамъ.

Кансоны, тенсоны, сестины и пр. могли возбуждать удивленіе современниковъ изяществомъ и виртуозностью формы, могли вызывать подражателей среди другихъ народовъ; но поэзія, занимавшаяся исключительно личнымъ чувствомъ и субъективными интересами, не могла бы заслужить большаго вниманія съ нашей стороны. Въ поэзіи провансальской есть и гражданскій элементъ.

Политическія событія начала XIII в. благодѣтельно повліяли на поэзію Прованса; тогда развился сирвентъ**)—стихотвореніе съ серьознымъ содержаніемъ. Тогда «увидѣли, что трубадуры умѣютъ воспѣвать не одни листочки и цвѣты весенніе, чирикающихъ птичекъ и прелести дамъ, къ нимъ благосклонныхъ. По своей близости къ князьямъ они имѣли полную возможность слѣдить за событіями и пользовались ею; въ обществѣ того времени ихъ произведенія играли въ извѣстныхъ отношеніяхъ роль нашихъ газетъ, то отражающихъ общественное мнѣніе, то управляющихъ имъ».

---

*) *Balar* и *dansar* различаются по значенію такъ же, какъ нѣмецкія *reien* и *tanzen*.,

**) Происходитъ отъ лат. *servire*; слѣд. по первому значенію сирвентъ есть пѣсня прославляющая сюзерена, того, кому служитъ поэтъ. Провансальская піитика Leys d'amors опредѣляетъ сирвентъ, какъ пѣснь, содержащую обличеніе и порицаніе порочныхъ людей. Это уже третья стадія его развитія; на второй онъ, очевидно, могъ содержать какъ похвалу, такъ и порицаніе.

Digitized by Google

Въ 1210 г. Магометъ-эль-Нассоръ изъ Африки вступилъ съ огромнымъ войскомъ въ предѣлы Испаніи. Весь югъ взволновался; Родриго, архіепископъ толедскій, объѣхалъ всю Францію и Италію, умоляя о помощи. Трубадуры помогаютъ ему своими пѣснями. Нѣкто Гаводанъ, сочинявшій до тѣхъ поръ только любовныя пѣсенки и пасторели, обращается къ публикѣ съ такимъ сирвентомъ: «Сеньоры! за наши грѣхи ростетъ сила сарацинъ. Саладинъ взялъ Іерусалимъ, который все еще не могутъ отнять у него. Теперь марокскій король вооружилъ противъ христіанства своихъ арабовъ и анзалузцевъ и вызываетъ на бой всѣхъ государей. Онъ собралъ всѣхъ альковизцевъ, мазмудовъ, мавровъ, готовъ и берберовъ, созвалъ всѣхъ великихъ и малыхъ. Не такъ часты капли дождя, какъ полки его воиновъ, покрывающіе всѣ долины. Какъ овецъ гонитъ онъ на пастбище эту стаю коршуновъ и позади ихъ не остается ни пня, ни корня. Они такъ горды, что считаютъ себя властелинами міра. Располагаясь на нашихъ нивахъ, эти мароканцы и марабуты кричатъ съ насмѣшкой: «Франки! очистите намъ мѣсто! Нашъ Провансъ, наша Тулуза! «Намъ принадлежитъ вся земля до Пюи!» Слыхано-ли, чтобы невѣрныя собаки такъ обижали насъ? О императоръ! о король Франціи! О кузенъ его король Англіи, графъ Пуатье! послушайте! Вы должны помочь испанскому королю. Никогда еще не представлялось такого прекраснаго случая послужить Господу! Съ его помощью вы побѣдите невѣрныхъ собакъ магометанъ... Когда возложатъ себѣ на плеча крестъ бароны Германіи, Франціи, Камбре, Англіи, Бретани, Анжу, Беарна, Гаскони; когда Провансъ соединится съ ними всей массой, тогда мечъ прорубитъ эту глыбу, начнетъ косить головы и руки; тогда-то подѣлимъ мы золото. Гаводанъ предсказываетъ вамъ это; его слова исполнятся; собаки погибнутъ всей массой; имя божіе будетъ славиться тамъ, гдѣ теперь обожаютъ Магомета».

Значеніе направленныхъ противъ лица сатирическихъ сирвентовъ видно изъ того, что сильные люди и короли удостоивали отвѣчать на нихъ незнатнымъ трубадурамъ и въ отвѣтѣ не скрывали злобы и личнаго раздраженія.

Провансальская поэзія—первое въ новой Европѣ рельефное проявленіе личности; чтобъ имѣть ясное понятіе о ней, не достаточно знакомства съ ея произведеніями: нужно и знаніе условій жизни авторовъ. Логика вещей привела къ тому, что средневѣковые люди, не оставившіе намъ никакихъ свѣдѣній о личностяхъ авторовъ chansons de gestes, пѣсни о Нибелунгахъ и пр., оставили цѣлые десятки довольно объемистыхъ тетрадей съ біографіями провансальскихъ поэтовъ; въ болѣе древнихъ рукописяхъ эти біографіи кратки и помѣщаются непосредственно передъ пьесами; позднѣе онѣ составляются

Digitized by Google

отдѣльно. Конечно, имъ нельзя вѣрить на-слово (хотя бо́льшая часть ихъ составлена въ началѣ XIII в.): многія біографіи, особенно обработанныя въ Италіи, сразу выдаютъ свой беллетристическій характеръ; но все же онѣ служатъ не малымъ подспорьемъ при изученіи какъ дѣйствительности, такъ и идеаловъ того времени.

Приводимъ нѣсколько образцовъ, наиболѣе характерныхъ, начиная съ біографіи, имѣющей видъ итальянской новеллы.

Въ IV книгѣ Trionfo d'Amore Петрарка, говоря о любовныхъ поэтахъ разныхъ странъ, поминаетъ „того Вильгельма, который своей пѣснью укоротилъ цвѣтъ дней своихъ" *). Это Вильгельмъ Кабестанъ, по біографіи сынъ небогатаго, многосемейнаго рыцаря; не расчитывая на грошевое наслѣдство, онъ еще отрокомъ предпочелъ снискивать себѣ хлѣбъ службой въ чужихъ домахъ. Онъ пріѣхалъ ко двору Раймунда Россильонскаго, женатаго на красавицѣ Маргаритѣ, и предложилъ ему себя въ вассалы. Раймундъ съ удовольствіемъ принялъ его и сдѣлалъ его пажемъ своей жены. Графинѣ понравился красивый и ловкій юноша, и она стала замѣтно кокетничать съ нимъ. Скажи мнѣ, Вильгельмъ, разъ спросила она его: полюбилъ ли бы ты даму, еслибъ она показала видъ, что любитъ тебя?—Да, отвѣчалъ Вильгельмъ: но только въ томъ случаѣ, еслибъ я думалъ, что этотъ видъ есть выраженіе истиннаго чувства.—Клянусь св. Іоанномъ! замѣтила дама: честный и благородный отвѣтъ! Вотъ я посмотрю, съумѣешь ли ты отличить ложь отъ правды?—Да совершится ваша воля! отвѣтилъ скромный пажъ. Съ этого дня Вильгельмъ сталъ смотрѣть на свою госпожу другими глазами; скоро любовь овладѣла вполнѣ его сердцемъ и сдѣлала его поэтомъ. Въ стихахъ повѣдалъ онъ міру о своей страсти. Всѣмъ нравились его произведенія, а всего болѣе той, для кого они были писаны. Дни и ночи думала она о Вильгельмѣ и стала оказывать ему знаки своей благосклонности. Разъ она рѣшила испытать его, поставивъ ему крайне трудную диллему. „Скажи мнѣ, Вильгельмъ, спросила она, намекая на прежній разговоръ: истинна ли моя любовь къ тебѣ, или я только притворяюсь?" Вильгельмъ уклонился отъ отвѣта. „Госпожа моя! сказалъ онъ. Съ тѣхъ поръ какъ я вступилъ въ вашу службу, я не могу ни о чемъ думать, кромѣ того, что вы лучшая дама на свѣтѣ". Скоро дама перестала себя сдерживать, и Вильгельмъ насладился полнымъ счастіемъ. Поднялись сплетни, которыя, наконецъ, дошли и до графа Раймунда. Онъ возъимѣлъ къ своему другу страшную злобу, но съумѣлъ таить ее для болѣе вѣрнаго мщенія. Разъ узналъ онъ, что Вильгельмъ поѣхалъ одинъ на охоту. Графъ надѣлъ полное вооруженіе и скоро нагналъ его въ лѣсу. Вильгельмъ понялъ, что жизнь его въ страшной опасности, но притворился спокойнымъ. Они начали говорить о пустякахъ. Наконецъ Раймундъ не могъ дольше сдерживать себя.—Оставимъ эту болтовню! сказалъ онъ. Можешь ли ты мнѣ отвѣтить правду на мой вопросъ? Вильгельмъ догадался, какой это будетъ вопросъ, и согласился не безъ колебанія. Кого воспѣваешь ты, и истинная, или притворная любовь вдохновляетъ тебя?—Вильгельмъ попытался ограничиться отвѣтомъ только на вторую половину.—Только истинная любовь можетъ вдохновлять къ поэзіи, отвѣтилъ онъ.—Ну такъ назови мнѣ даму своего сердца. Въ отвѣтъ Вильгельмъ привелъ стихи Бернарда Вентадорна: глупое и дѣтское дѣло открывать свою любовь другу, который не можетъ оказать помощи. „Это справедливо! сказалъ Раймундъ; но мнѣ ты долженъ все сказать: я обѣщаю помочь тебѣ, въ чемъ могу". Вильгельму нѣтъ спасенія: надо лгать, или погубить

*) ....quel Guglielmo che per cantar ha'l fior dei suoi di scemó.

Digitized by Google

не только себя, но и графиню. У Маргариты была сестра Агнеса, тоже бывшая замужемъ за богатымъ барономъ Робертомъ Тарасконскимъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Вильгельмъ назвалъ ее и добавилъ, что, по его соображеніямъ, она должна тоже относиться къ нему съ симпатіей. Желая разъяснить начавшее возникать въ немъ сомнѣніе, Раймундъ предлагаетъ немедля ѣхать въ Тараскону и обѣщаетъ помогать Вильгельму. Нечего дѣлать: надо ѣхать. Раймундъ, не допуская свиданія поэта съ Агнесой, чтобъ они не сговорились, спѣшитъ подвергнуть Агнесу искусному допросу. Къ счастію поэта, она быстро сообразила, въ чемъ дѣло, и поддержала ложь Вильгельма; при первой возможности она предупредила объ этомъ мужа, и тотъ вступилъ въ заговоръ. На половину убѣжденный, Раймундъ спѣшитъ домой и сообщаетъ женѣ, что онъ узналъ про Вильгельма. Та въ страшномъ горѣ: что если мужъ говоритъ правду, и Вильгельмъ ее обманываетъ? Однако она съумѣла скрыть свои чувства передъ мужемъ, но сейчасъ же по его уходѣ привлекла къ допросу Вильгельма. Тотъ выдержалъ сцену, и только съ помощью Агнесы, пріѣхавшей навѣстить сестру, наконецъ успокоилъ ревность Маргариты; но долженъ былъ по ея требованію воспѣть этотъ драматическій эпизодъ. Онъ сочинилъ свою знаменитую кансону: *Si dous cossire qu'em dou'amors soven*—„сладкое влеченіе, которое часто внушала мнѣ любовь". Услыхавъ этотъ сонетъ, Раймундъ понялъ, что онъ обманутъ *), заманилъ Вильгельма въ уединенное мѣсто, убилъ его, отрѣзалъ ему голову, вырѣзалъ сердце и, приказавъ его изготовить, угостилъ имъ жену.

„Какъ понравилось тебѣ это блюдо и знаешь ли ты, что ты ѣла?" спросилъ онъ ее потомъ и показалъ ей голову Вильгельма.—„Это блюдо такъ хорошо, что никогда другое не сотретъ съ моихъ устъ его сладости!" сказала та. Раймундъ бросился на нее съ мечемъ. Спасаясь отъ него и не дорожа жизнью, Маргарита кинулась внизъ съ балкона и расшиблась до смерти. Когда разнеслась вѣсть объ этомъ двойномъ убійствѣ, на Раймунда возстали всѣ друзья Вильгельма, всѣ учтивые рыцари сосѣдства. Его имя проклинали всѣ дамы, въ особенности влюбленныя. Самъ Альфонсъ Аррагонскій не поколебался выступить мстителемъ за Вильгельма и Маргариту: ихъ отношенія по тогдашнему кодексу нравственности представлялись явленіемъ обычнымъ, а поступокъ Раймунда до-крайности возмутительнымъ. Альфонсъ осадилъ замокъ Раймунда, взялъ его въ плѣнъ и на всю жизнь заключилъ въ тюрьму. Его владѣнія были подѣлены между родственниками Вильгельма и Маргариты, а тѣла вѣрныхъ любовниковъ положены въ одномъ гробѣ; въ день ихъ смерти всѣ молились за ихъ души.

Вѣрить этой новеллѣ буквально, разумѣется, невозможно, тѣмъ болѣе, что подобная же исторія (о съѣденномъ сердцѣ любовника) разсказывается про одного поэта сѣверной Франціи, Шателена де-Куси, а также встрѣчается и за предѣлами Франціи; но разсказъ характеренъ для изображенія нравовъ.

Вильгельмъ Кабестанъ, по біографіи, представитель культа любви съ ея драматической стороны; его младшій современникъ, Петръ Видаль—курьозное соединеніе высокихъ дарованій и дикихъ эксцентричностей,—представитель того же культа со стороны комической,

*) Эта часть разсказа плохо мотивирована. Къ событію въ этомъ сонетѣ могутъ относиться только слова: „принимайте въ хорошую сторону то, что я дѣлаю изъ страха", и намекъ на высокое общественное положеніе своей дамы. Все это легко отнести и къ Агнесѣ.

Digitized by Google

разумѣется на наши глаза. Факты, сообщаемые его біографомъ, такъ странны, что многому мы не повѣрили бы ни въ одномъ словѣ, еслибъ эти факты не находили себѣ подтвержденія въ произведеніяхъ самого Видаля.

Видаль былъ сынъ тулузскаго скорняка, дѣтство провелъ въ бѣдности; но талантъ рано доставилъ ему средства: у него, какъ видно изъ его произведеній, цѣлый штатъ прислуги, и онъ никогда не вымаливаетъ денегъ у своихъ покровителей. Кажется, онъ началъ свою артистическую карьеру при дворѣ Альфонса Аррагонскаго, уже упомянутаго нами покровителя поэзіи и поэтовъ; даровитый поэтъ чувствовалъ себя тамъ вполнѣ дома. Но Видаль имѣлъ безпокойный характеръ, не дававшій ему засиживаться на одномъ мѣстѣ: онъ долго странствовалъ по Испаніи, Италіи и южной Франціи, благосклонно принимаемый при всѣхъ дворахъ и во всѣхъ богатыхъ зáмкахъ. Онъ влюблялся несчетное количество разъ; дамы хотя охотно принимали его поклоненіе, способствовавшее ихъ славѣ, но, по словамъ біографа, totas lengannavan—всѣ онѣ его обманывали, что̀ не мѣшало ему имѣть самое высокое мнѣніе о своихъ любовныхъ успѣхахъ. Разсказываютъ (и разсказъ этотъ подтверждается намеками другихъ, враждебныхъ Видалю, трубадуровъ), что одинъ рыцарь, благосклонностью жены котораго онъ хвалился безъ достаточнаго основанія, посадилъ его въ тюрьму и проткнулъ ему языкъ. Болѣе продолжительную и серьозную страсть испыталъ онъ, познакомившись съ виконтессой Азалаидой, женой барраля марсельскаго, уже прославленной не однимъ трубадуромъ. Азалаида обращалась съ поэтомъ довольно сурово и иногда прогоняла его съ глазъ своихъ; но барраль очень любилъ его и не разъ мирилъ его съ женой. Вотъ какъ разсказываетъ біографія о самой сильной ссорѣ Видаля съ его дамой: Разъ утромъ, когда барраль уже всталъ, Азалаида продолжала еще спать. Безумный поэтъ пробрался въ спальню и поцѣловалъ ее. Азалаида сперва подумала, что это вернулся мужъ и, не открывая глазъ, отвѣтила на поцѣлуй улыбкой. Но потомъ, узнавъ Видаля, подняла страшный крикъ, призвала мужа и потребовала, чтобъ онъ отмстилъ за ея поруганную честь: мужъ успокоилъ ее, какъ могъ; но Видаль долженъ былъ уѣхать и провелъ нѣкоторое время въ Генуѣ *). Наконецъ Азалаида, по ходатайству мужа и по собственнымъ соображеніямъ—ей было лестно быть предметомъ пѣснопѣній талантливѣйшаго поэта своего времени,—простила его, и онъ нѣкоторое время чувствовалъ себя счастливымъ; но вскорѣ снова сталъ жаловаться на ея неблагодарность и суровость.

*) По словамъ біографіи, оттуда онъ ѣздилъ съ Ричардомъ Англійскимъ въ Палестину. Это невѣрно. Видаль дѣйствительно былъ въ Палестинѣ, но не въ это время.

Digitized by Google

Въ исторіи его другой любви еще больше нелѣпаго: такъ какъ предметъ его поклоненія, тоже замужняя женщина и тоже жена его пріятеля, носила имя *Лобы* (loba, лат. lupa—волчица), то Видаль пожелалъ, для доказательства своей преданности, превратиться въ волка или по крайней мѣрѣ попасть, такъ сказать, на волчье положеніе. Забравшись въ горы, недалеко отъ зàмка Лобы, онъ надѣлъ волчью шкуру и приказалъ пастухамъ натравить на него собакъ. Тѣ такъ его отдѣлали, что онъ насилу добрался до дома Лобы, которая встрѣтила его безжалостными насмѣшками. Ея мужъ долженъ былъ призвать врачей для излеченія Видаля.

Во время этого пассажа Видаль былъ уже женатъ и, можетъ быть, былъ добродѣтельнымъ отцомъ семейства. Впрочемъ и въ свою домашнюю жизнь онъ успѣлъ внести нѣчто необычное. Онъ женился во время путешествія на востокъ на гречанкѣ съ острова Кипра. Неизвѣстно, на какомъ основаніи онъ вообразилъ, что она племянница греческаго императора и что онъ *поэтому* имѣетъ право на константинопольскій престолъ: онъ потребовалъ, чтобы его титуловали величествомъ, досталъ себѣ тронъ, сидя на которомъ принималъ гостей, и сталъ готовиться къ походу на востокъ. Другіе трубадуры смѣялись надъ его претензіями въ сирвентахъ, но и онъ не оставался въ долгу и отругивался, сколько могъ *).

При всемъ этомъ Видаль дѣятельно занимался политикой, помогая своимъ покровителямъ. Особенно онъ былъ близокъ съ Альфонсомъ Аррагонскимъ и его сыномъ Петромъ, и своими сирвентами поддерживалъ ихъ въ борьбѣ съ Тулузой. Онъ энергично стоялъ за крестовые походы и отчаянно бранилъ Филиппа-Августа за равнодушіе къ нимъ. Онъ много путешествовалъ, жилъ нѣкоторое время въ Венгріи и въ присланномъ оттуда сирвентѣ весьма неодобрительно отзывается о нѣмцахъ. По его словамъ, они грубы, вульгарны и совсѣмъ не умѣютъ держать себя въ обществѣ. Ихъ языкъ онъ сравниваетъ съ собачьимъ лаемъ.

Сирвенты не сдѣлали бы Видаля знаменитымъ: его прославили любовныя приключенія и пѣсни.

Переходимъ къ трубадуру, обширная извѣстность котораго именно основывается на сирвентахъ и біографія котораго освѣтитъ намъ жизнь Прованса съ другой стороны: не смотря на высшую культуру юга Франціи, все же и тамъ были средніе вѣка и тамъ лилась кровь въ феодальныхъ войнахъ.

Дантъ высоко чтилъ трубадуровъ и въ своемъ изслѣдованіи: «De

*) „Маркизъ Ланца! отвѣчаетъ онъ одному литературному врагу. Бѣдность и невѣжество ограбили васъ; вы похожи на слѣпого уличнаго нищаго, который потерялъ всякій стыдъ“ и т. д.

Digitized by Google

vulgari eloquio» ставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ почти на одну доску съ обожаемымъ имъ Виргиліемъ. Но одного изъ нихъ, именно того, о которомъ идетъ рѣчь, онъ изобразилъ въ «Божественной Комедіи» въ ужасномъ видѣ. Онъ встрѣчаетъ его въ девятомъ кругѣ ада, гдѣ мучатся сѣятели расколовъ, гдѣ мучится и самъ Магометъ:

Досель я вижу то, что тамъ узрѣлъ.
Безглавый трупъ я видѣлъ въ томъ соборѣ
И, ужасомъ объятый, обомлѣлъ!
Онъ голову, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Въ рукѣ за кудри, какъ фонарь, носилъ...
И голова кричала мнѣ: о горе!
Онъ самъ себѣ свѣтильникомъ служилъ!
Въ единомъ тѣлѣ двое терпятъ муки,
А какъ, то знаетъ тотъ, кто такъ судилъ!
Ставъ надъ мостомъ, высоко обѣ руки
Ко мнѣ онъ поднялъ съ головой своей
И словъ ея ко мнѣ достигли звуки:
Смотри, вотъ казнь! и ужаснись предъ ней!
О ты, живой скиталецъ въ царствѣ этомъ,
Скажи, чья казнь ужаснѣе моей?
А чтобъ о мнѣ повѣдалъ ты предъ свѣтомъ,
Узнай: я тѣнь *Даль Борніо* пѣвца,
Кѣмъ Іоаннъ *) подвигнутъ злымъ совѣтомъ.
Въ отцѣ и сынѣ я возжегъ сердца:
Не столько средствъ нашелъ въ Ахитофелѣ
Авессаломъ къ возстанью на отца...
Я разлучилъ столь близкихъ въ страшномъ дѣлѣ;
За-то мой мозгъ, о ужасъ! отдѣленъ
Отъ своего начала въ этомъ тѣлѣ!
Свершенъ на мнѣ возмездія законъ **).

Бертранъ де-Борнъ, полагаютъ, родился въ 1145 году, въ родовомъ зàмкѣ своего отца, барона средней руки; на 7-мъ году онъ потерялъ мать, на 9-мъ былъ посланъ въ сосѣдній монастырь для обученія грамотѣ и оставался тамъ пять лѣтъ; 17-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ отправленъ учиться военному дѣлу въ зàмокъ пріятеля своего отца и 21 года посвященъ въ рыцари ***). Документально из-

*) Если слѣдовать этому варіанту, Дантъ смѣшалъ *re giovane* (юноша-король), какъ обыкновенно называли Генриха, старшаго сына Генриха II Плантагенета, съ его младшимъ братомъ re Giovanni — Іоанномъ, будущимъ Безземельнымъ. Въ другихъ изданіяхъ „Бож. Комедіи", въ этомъ мѣстѣ придерживаются другаго варіанта и печатаютъ: re giovane, а не re Giovanni.

**) XXVIII, 118. Переводъ Мина, стр. 236.

***) Неизвѣстно, на основаніи какихъ документовъ излагаетъ такимъ образомъ Лоранъ (Le Tyrthée du moyen-âge, par Laurent. Paris 1863); но все это очень похоже на правду.

Digitized by Google

вѣстно, что въ 1179 году Бертранъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей.

Въ 1170 г. Генрихъ II Плантагенетъ, король Англіи и владѣтель лучшей половины Франціи, имѣлъ неосторожность короновать своего старшаго сына Генриха, прозваннаго впослѣдствіи *королемъ-юношей*. Около того же времени онъ разлучился съ своею женой, знаменитой Элеонорой, когда-то развратной красавицей, а теперь опасной интриганкой. Генрихъ молодой, также какъ и его братья Ричардъ (впослѣдствіи Львиное Сердце) и Готфридъ, часто бывали у матери и, поддавшись ея совѣтамъ, рѣшили возстать противъ отца. На помощь Ричарду вооружилась значительная часть аквитанскихъ бароновъ. Бертранъ де-Борнъ повидимому посѣщалъ дворъ Элеоноры въ Бордо и тутъ-то успѣлъ сдружиться со всѣми этими принцами. Имѣя отъ природы характеръ энергичный и крайне безпокойный, любя войну для войны *), онъ, разумѣется, и въ этой распрѣ принималъ дѣятельное участіе, но во́-время успѣлъ прекратить военныя дѣйствія въ виду рѣшительной побѣды стараго короля. Принцы сложили оружіе и были прощены отцомъ; наступилъ недолговременный миръ. Но Бертранъ и въ это время съумѣлъ найдти себѣ поприще для военныхъ операцій. Его младшій братъ Константинъ женился на богатой наслѣдницѣ и въ приданое взялъ за̀мокъ Аутафортъ съ бургомъ и приписаннымъ къ нему населеніемъ въ количествѣ около 1,000 человѣкъ. Неизвѣстно по какому праву, Бертранъ объявилъ притязаніе на этотъ за̀мокъ; послѣ ожесточенной борьбы, онъ хоть отчасти достигъ своей цѣли: за̀мокъ поступилъ въ ихъ совмѣстное владѣніе.

Въ 1182 г. Геприхъ Юный потребовалъ отъ отца Нормандію или какую нибудь другую столь же обширную область, чтобъ имѣть средства прилично содержать себя и свою молодую жену. Король Англіи на это не согласился, но далъ ему денегъ и обѣщалъ заставить братьевъ принести ему присягу на вѣрность. Готфридъ принесъ ее безъ замедленія, но Ричардъ, и прежде имѣвшій столкновенія съ старшимъ братомъ, отказался, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, какъ владѣтель Аквитаніи, уже состоитъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королю Франціи. Генрихъ Юный былъ очень обиженъ этимъ отказомъ. Въ тоже время противъ Ричарда возстали аквитанскіе бароны, уже давно жаловавшіеся на его деспотизмъ, и черезъ депутатовъ предложили себя въ вассалы Генриху Юному. Въ организаціи этого возстанія и въ поощреніи Генриха къ войнѣ съ братомъ, Бертранъ де-Борнъ, стоявшій къ Генриху ближе, чѣмъ къ его

*) Одинъ изъ сирвентовъ онъ заканчиваетъ такой наивной торнадой (припѣвомъ): „О еслибы всѣ большіе бароны вѣчно воевали другъ съ другомъ!“

Digitized by Google

братьямъ, принималъ самое дѣятельное участіе. Его жонглеръ Папіоль переѣзжалъ изъ зàмка въ зàмокъ, распѣвая его зажигательные сирвенты; въ нихъ поэтъ ловко раздражалъ самолюбіе принца и бароновъ и воодушевлялъ ихъ надеждою на сильныхъ союзниковъ. Началась братоубійственная война. Константинъ де-Борнъ, не желавшій принимать въ ней участія, человѣкъ болѣе спокойный и благоразумный, былъ выгнанъ братомъ изъ Аутафорта. Ричардъ обратилъ особенное вниманіе на бывшаго пріятеля и, бросивъ другія дѣла, устремился на владѣнія Бертрана. Бертрану удалось отсидѣться, но окрестности Аутафорта были выжжены и опустошены. Бертранъ въ сирвентѣ выбранилъ союзниковъ, которые покинули его въ тяжелую минуту. Когда Ричарду пришлось туго, изъ Англіи прибылъ съ войскомъ Генрихъ II и сталъ на его сторону. Генрихъ Юный покорился отцу, за что̀ Бертранъ въ новомъ сирвентѣ назвалъ его королемъ трусовъ, испугавшимся родительскаго гнѣва. Покинутые принцемъ, многіе бароны были не прочь покориться Ричарду. «Тысячу шпоръ изломалъ я объ нихъ, восклицаетъ въ сирвентѣ неугомонный Бертранъ, и все не могу ихъ заставить идти рысью или въ галопъ». Между тѣмъ Ричардъ вторично осадилъ Аутафортъ и поклялся, что не двинется съ мѣста, пока не возьметъ его. Узнавъ объ этомъ, Бертранъ былъ принужденъ отворить ворота и отдаться на волю побѣдителя. Нравилась ли Ричарду неукротимость Бертрана, или онъ вспомнилъ старую дружбу, только онъ, говорятъ, встрѣтилъ Бертрана объятіями. Черезъ нѣсколько времени мы снова видимъ послѣдняго владѣтелемъ Аутафорта и, такъ какъ война не кончилась, снова съ мечемъ и воинственной лирой въ рукахъ. Мятежные бароны нашли себѣ новаго начальника въ лицѣ Готфрида, третьяго сына Генриха II, который нанялъ на помощь имъ брабантцевъ. Скоро къ нимъ снова присталъ и Генрихъ Юный. Отецъ долженъ былъ напрячь всѣ свои силы, чтобъ укротить мятежныхъ сыновей и аквитанцевъ. Война возгорѣлась съ ужаснымъ ожесточеніемъ: на глазахъ сыновей, ихъ союзники измѣннически стрѣляли въ стараго короля, убивали парламентеровъ; наемники Готфрида хозяйничали въ земляхъ его отца хуже, чѣмъ турки; чтобы платить имъ, Готфридъ и даже Генрихъ не разъ грабили раки святыхъ и монастырскія сокровища; ожесточеніе дошло до того, что папское отлученіе отъ церкви не произвело на бароновъ ни малѣйшаго дѣйствія. Наконецъ, Генрихъ Юный опасно заболѣлъ; враги приговорили его къ смерти; онъ послалъ къ отцу умолять его о прощеніи и свиданіи. Генрихъ Англійскій порывался ѣхать, но совѣтники отговорили его, опасаясь измѣны. Король только послалъ сыну свое кольцо, которое было хорошо из-

Digitized by Google

вѣстно послѣднему. Чувствуя приближеніе смерти, Генрихъ Юный умолялъ отца черезъ присутствующихъ оказать милосердіе его союзникамъ баронамъ и заплатить его людямъ жалованье; затѣмъ онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ кольцо отца и велѣлъ положить себя, въ знакъ смиренія, на кучу пепла. Черезъ нѣсколько минутъ онъ испустилъ духъ. Это была большая потеря для Бертрана: онъ видѣлъ въ умершемъ не только главу партіи и могучаго покровителя, но и друга, и свой идеалъ принца. Въ плачевныхъ сирвентахъ, написанныхъ Бертраномъ по этому поводу, видно искреннее чувство: умеръ lo joves reis, и поэту сталъ бѣлый свѣтъ не милъ. Генрихъ, должно быть, былъ способенъ внушать сильную привязанность. Отецъ принца, получивъ извѣстіе, что судьба освободила его отъ соперника, чуть не сошелъ съ ума съ горя, но отказался исполнить его просьбу о милосердіи къ баронамъ; напротивъ, считая ихъ виновниками войны, а слѣдовательно и смерти сына, онъ думалъ найдти исходъ своему горю въ страшномъ мщеніи. Бертрану, разумѣется, должно было достаться одному изъ первыхъ. Генрихъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ Альфонсомъ Аррагонскимъ, осадилъ Аутафортъ.

Вотъ что разсказываетъ біографъ Бертрана про эту осаду:

„Бертранъ былъ прежде въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Альфонсомъ и не удивился, когда тотъ прислалъ въ зàмокъ попросить у Бертрана хлѣба, вина и мяса. Отсылая припасы, Бертранъ по дружбѣ попросилъ его устроить такъ, чтобъ осаждающіе отодвинули машины отъ стѣнъ, ставшихъ вслѣдствіе учащенныхъ ударовъ очень слабыми. Вмѣсто того, чтобъ оказать Бертрану услугу, Альфонсъ сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ Генриху, и стѣны чрезъ нѣсколько дней были пробиты. Зàмокъ былъ взятъ приступомъ и его владѣтель приведенъ къ Генриху. Не добромъ встрѣтилъ его король Англіи.

— Бертранъ, Бертранъ! — съ свирѣпой ироніей сказалъ ему Генрихъ. — Вы хвастались, что вамъ не нужно и половины вашего ума. Такъ знайте, что теперь онъ понадобится вамъ весь.

— Государь! я говорилъ такъ и говорилъ правду,—отвѣчалъ Бертранъ.

— Ну, а теперь, я полагаю, вы растеряли его?

— Да, это вѣрно: съ тѣхъ поръ, какъ умеръ храбрый юный король, вашъ сынъ, у меня нѣтъ ни ума, ни знанія.

„Слыша какъ Бертранъ со слезами говоритъ объ его сынѣ, король ощутилъ въ своемъ сердцѣ великую жалость; когда онъ пришелъ въ себя, онъ сказалъ: „Сеньоръ Бертранъ! вы правы, и вполнѣ понятно, что вы съ его смертью потеряли разсудокъ, такъ какъ онъ любилъ васъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Изъ любви къ нему я дарю вамъ жизнь и ваше имѣніе, и вашъ зàмокъ, и мою любовь и милость, и дарю вамъ 500 марокъ серебра за убытки, вамъ причиненные“. И Бертранъ упалъ къ его ногамъ.“

Если этотъ разсказъ и не вѣренъ въ подробностяхъ, онъ, вмѣстѣ съ лѣтописнымъ разсказомъ о смерти юнаго Генриха, представляетъ любопытную картинку нравовъ изъ жизни этихъ сильныхъ духомъ и тѣломъ, впечатлительныхъ людей, быстро переходившихъ

Digitized by Google

изъ одного настроенія въ другое, людей, жившихъ здоровымъ сердцемъ и горячею кровью, а не изсушеннымъ мозгомъ и разстроенными нервами.

Во всякомъ случаѣ Бертранъ не былъ наказанъ жестоко, такъ какъ мы вскорѣ видимъ его опять въ Аутафортѣ и въ томъ же бодромъ настроеніи. Королю Аррагонскому онъ отплатилъ злымъ сирвентомъ.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того, Бертранъ поневолѣ жилъ смирно. Но вотъ, въ концѣ 80-хъ годовъ, начались неудовольствія между Генрихомъ, королемъ Англіи, и Филиппомъ-Августомъ; неудовольствія перешли въ открытую войну. Бертранъ не замедлилъ выступить въ походъ подъ знаменемъ своего законнаго сюзерена, короля Англіи. Уже войска противниковъ готовились къ генеральному сраженію; но между ними явились папскіе легаты, которымъ удалось добиться двухъ-лѣтняго перемирія. Горестно это было Бертрану, и онъ далъ исходъ своему огорченію въ сирвентѣ: Зачѣмъ-де короли послушали поповъ? Лучше было бы не поднимать напрасно шуму! Особенно негодуетъ онъ на Филиппа-Августа.

Въ 1187 г. пришла въ Европу вѣсть о побѣдѣ Саладина надъ христіанами, о плѣненіи короля Іерусалимскаго и о завоеваніи самаго Іерусалима. Вѣсть эта взволновала всѣхъ; началось движеніе, не меньшее, чѣмъ сто лѣтъ назадъ. Генрихъ и Филиппъ оба собираются въ походъ; Бертранъ поощряетъ ихъ сирвентами. Онъ особенно восхищается энергіей своего будущаго сюзерена Ричарда; да и король Филиппъ, по его словамъ, готовъ наконецъ показать себя истиннымъ королемъ. Но въ слѣдующей пѣснѣ онъ, прославляя храбрость крестоносцевъ, отстоявшихъ противъ Саладина городъ Тиръ, упрекаетъ Ричарда и Филиппа за медленность, которая мѣшаетъ ему обнажить свой мечъ за святое дѣло. Свѣтъ, по его мнѣнію, дѣлается все хуже и хуже, и люди заботятся только о томъ, какъ бы обмануть своихъ ближнихъ.

Ричардъ не былъ виноватъ въ замедленіи: его задерживали обстоятельства. То возставали бароны; то графъ Тулузскій захватилъ аквитанскихъ купцовъ, а когда Ричардъ явился мстить за это, прибѣгъ подъ защиту короля Франціи. Готова была вспыхнуть война между Франціей и Англіей. Бертранъ въ восторгѣ: «Нѣтъ на свѣтѣ ничего лучше войны между королями!» восклицаетъ онъ *). Онъ, Берт-

*) На основаніи подобныхъ восторговъ Бертрану долго приписывали слѣдующій сирвентъ къ веснѣ:

„Я очень люблю прекрасную пору весны, которая приноситъ съ собою и цвѣты и листья; мнѣ пріятно слышать, какъ радуются птицы, какъ раздаются въ рощѣ ихъ пѣсни. Мнѣ пріятно видѣть въ долинахъ палатки и шатры; веселится мое сердце, когда я вижу, какъ за городомъ собираются всадники на закованныхъ въ желѣзо коняхъ.

Digitized by Google

ранъ, не довольно богатъ, чтобы вести далеко свою дружину; но лично съ своимъ копьемъ и щитомъ непремѣнно явится. Онъ старается «пришпорить» и Ричарда, льстя ему, и Филиппа, унижая его сколько возможно. Война дѣйствительно вспыхнула, хоть и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ ожидали. Когда Генрихъ пришелъ изъ Англіи помогать сыну, тотъ сошелся съ Филиппомъ и явился его союзникомъ противъ отца; отецъ принужденъ былъ согласиться на невыгодный для него миръ съ Франціей. Когда же онъ узналъ, что противъ него возсталъ его младшій и любимый сынъ (будущій Іоаннъ Безземельный), онъ съ горя заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

Вступивъ на наслѣдственный престолъ, Ричардъ двинулся наконецъ въ крестовый походъ въ 1190 г., за что́ Бертранъ не замедлилъ похвалить его. Спрашивается: отчего самъ Бертранъ, такой поклонникъ войны и приключеній, не пошелъ въ походъ? Едва ли изъ страха не вернуться домой. Вѣрнѣе, у него не было достаточно денегъ (а на крестовый походъ рыцарю, предводителю дружины, ихъ требовалось очень много), и кромѣ того, онъ опасался брата Константина, который въ его отсутствіе не замедлилъ бы обобрать его семью. Дома оставаться ему было невесело: во время похода прекращались всѣ феодальныя распри и не слышно было ни о турнирахъ, ни о праздникахъ; лучшіе люди страны были далеко. «Сочинилъ бы я сирвентъ, говоритъ Бертранъ, да некому будетъ его слушать». Плѣнъ Ричарда въ австрійской тюрьмѣ очень огорчилъ его, и онъ считаетъ неблаговиднымъ поступокъ императора Генриха VI; его благородный отецъ Фридрихъ Барбаросса не сталъ бы захватывать пилигрима, возвращающагося изъ Св. Земли; потому-то ему и досталась Романья. Радостно привѣтствоетъ онъ возвращеніе Ричарда. «Теперь мы снова увидимъ разрушеніе валовъ и башень, снова увидимъ враговъ въ цѣпяхъ. Онъ грозитъ мщеніемъ баронамъ Аквитаніи и Пуату́, которые возставали противъ сюзерена въ его отсутствіе, но напоминаетъ Ричарду Льву, что львы всегда великодушны къ побѣжденнымъ врагамъ.

По обилію воинственныхъ сирвентовъ, по силѣ furoris bellici Бертрана можно было бы думать, что онъ понималъ рыцарство только съ этой его стороны и не вѣдалъ идеальной рыцарской любви. Ничуть не бывало. Бертранъ—авторъ многихъ кансонъ, внушенныхъ ему самымъ утонченнымъ культомъ женскаго пола. Однимъ изъ пер-

„Мнѣ пріятно, когда гонцы заставляютъ разбѣгаться и людей и стада; мнѣ пріятно, когда я вижу, какъ за ними гремятъ воины; веселится мое сердце, когда я вижу, какъ осаждаютъ крѣпкіе замки, какъ подрываются и падаютъ ихъ стѣны“ и т. д.

Теперь дознано, что этотъ сирвентъ принадлежитъ другому, столь же войнолюбивому трубадуру.

Digitized by Google

выхъ предметовъ его поклоненія была нѣкая Maenz (Матильда) де Montagnaci; ей посвятилъ онъ не мало пѣсень, отличающихся оригинальностью мысли. Съ этой Матильдой у Бертрана случилась слѣдующая назидательная исторія. Разъ онъ воспѣлъ другую даму; Матильда обидѣлась и дала ему отставку; Бертранъ извинился (конечно, въ стихахъ)—это не подѣйствовало; онъ сочинилъ кансону, которая должна была очень польстить самолюбію Матильды,—также не подѣйствовало. Отчаявшись въ успѣхѣ, Бертранъ явился къ другой знакомой дамѣ, разсказалъ ей все дѣло и просилъ принять его въ рыцари. Дама поблагодарила за честь (искренно, а не съ ироніей) и сказала: «Если все было такъ, какъ вы говорите, я попытаюсь убѣдить Матильду; если же вы въ чемъ-нибудь другомъ серьозно виноваты, то ни я и никто другой не приметъ васъ къ себѣ въ рыцари». Она переговорила съ Матильдой, и та возвратила Бертрану свою милость.

Между прочимъ, Бертранъ одно время былъ оффиціальнымъ поклонникомъ другой Матильды, дочери Генриха, короля англійскаго, сестры Ричарда, бывшей замужемъ за знаменитымъ Генрихомъ Львомъ (почему онъ и воспѣваетъ ее иногда подъ именемъ Саксонки). Когда Фридрихъ Барбаросса послалъ Генриха Льва въ изгнаніе, тотъ вмѣстѣ съ женой направился къ своему тестю; Ричардъ, въ то время дружившій съ Бертраномъ (дѣло происходило до начала междоусобій), желая утѣшить сестру въ несчастіи, представилъ ей знаменитаго трубадура. Бертранъ въ кансонахъ упоминаетъ о великихъ милостяхъ, которыя ему оказываетъ Матильда—такъ, она позволяла ему сидѣть у ея ногъ на коврѣ и вести съ нею интимную бесѣду—и добивается высшей милости—поцѣлуя.

Уже 45-ти лѣтъ отъ роду, Бертранъ еще любилъ даму, какую-то «блондинку», и жаловался въ стихахъ на ея нежеланіе отпустить его въ Св. Землю. Все это не мѣшало ему быть хорошимъ семьяниномъ. Онъ былъ женатъ два раза и отъ первой жены имѣлъ двоихъ сыновей, къ которымъ повидимому питалъ большую любовь. Одинъ изъ нихъ тоже назывался Бертраномъ и былъ поэтомъ; мы имѣемъ отъ него сирвентъ противъ Іоанна Безземельнаго.

Вскорѣ по смерти Ричарда Англійскаго и своей второй жены, Бертранъ-отецъ передалъ свои владѣнія сыновьямъ и ушелъ въ монастырь. Въ 1215 году его уже поминали за упокой.

Въ это время югъ Франціи, особенно самый Провансъ, имѣлъ совсѣмъ иной нравственный обликъ, чѣмъ въ пору молодости Бертрана: не любовь, не война для войны, а другіе, болѣе серьозные интересы волновали его. Видаламъ и Бертранамъ надо было сойти со сцены.

Во второй половинѣ XII и въ первые годы XIII в. повсемѣстно въ западной Европѣ мы замѣчаемъ болѣе или менѣе глухое рели-

Digitized by Google

гіозное движеніе, протестъ противъ порядковъ и идей, господствующихъ въ церкви. Вездѣ слышатся голоса, обличающіе пороки духовенства, требующіе свободы мысли и перевода Библіи *).

Нигдѣ это движеніе не могло проявиться въ такой сильной степени, какъ въ богатыхъ, свободныхъ и образованныхъ городахъ южной Франціи. Тамъ-то появилась и пустила особенно глубокіе корни знаменитая ересь альбигойцевъ, или вальденцевъ **).

Въ первые годы XIII в. ересь была чрезвычайно сильна, имѣла много приверженцевъ и между знатью, особенно между дамами. Общественное мнѣніе если не стояло за ересь, то во всякомъ случаѣ стояло за свободу совѣсти. Напрасно папскіе легаты и высшее духовенство юга требовали отъ сильныхъ бароновъ истребленія еретиковъ; тѣ вовсе не намѣрены были раззорять себя своими руками. Особенно злилъ ярыхъ католиковъ равнодушіемъ Раймундъ VI Тулузскій. Но вотъ въ 1209 г. совершено убійство папскаго легата, и энергическій Иннокентій III рѣшился во что бы то ни стало настоять на крестовомъ походѣ противъ еретиковъ и ихъ укрывателей.

Въ 1211 г. въ предѣлы языка d'oc вступилъ Симонъ Монфортскій съ войскомъ, главнымъ образомъ набраннымъ въ сѣверной Франціи, и началась страшно опустошительная война, продолжавшаяся почти 20 лѣтъ; къ концу ея югъ Франціи получилъ приблизительно тотъ же видъ, какой имѣлъ югъ Россіи послѣ татарскаго нашествія ***). Раймундъ VI умеръ съ разбитымъ сердцемъ и разстроеннымъ состояніемъ; его сынъ Раймундъ VII долженъ былъ уступить французскому королю двѣ трети своихъ земель.

Въ 1229 г. въ Тулузѣ была учреждена инквизиція, и свобода мысли и совѣсти погибла надолго; самый языкъ страны попалъ въ разрядъ запретныхъ предметовъ; могла-ли, послѣ этого, процвѣтать поэзія ****)?

---

*) Единство источника и цѣлей всѣхъ такъ-называемыхъ ересей прекрасно сознавалъ Иннокентій III: species quidem habent diversas, sed caudas ad invicem colligatas: magisterium ecclesiae romanae diffugiunt.

**) Альбигойцы — общее названіе, произведенное отъ имени города Albi (древн. Albiga); названіе вальденцевъ происходитъ отъ имени лiонскаго гражданина Петра Вальда (Valdez), стараніями котораго былъ сдѣланъ переводъ многихъ отрывковъ изъ Библіи. Вальденцы въ строгомъ смыслѣ — очень умѣренная секта, существующая до нашего времени. Крайніе изъ альбигойцевъ стоятъ въ связи съ дуалистическою ересью богумиловъ и катаровъ (отъ καθαρὸς—чистый, откуда нѣм. Ketzer): они отвергали обряды, святыхъ, таинства, священство, ветхій завѣтъ, высоко почитали дѣвственность, постъ и и пр. Объ альбигойцахъ по-русски см. Н. Осокина: Исторія Альбигойцевъ и ихъ времени. Казань. 2 т. 1869—72.

***) При взятіи Безьера погибло до 20,000 гражданъ. „Бейте всѣхъ", кричалъ солдатамъ аббатъ Арнольдъ: „Богъ потомъ разберетъ своихъ!"

****) Графъ Прованскій, сильно высказывавшійся противъ ереси, сохранилъ свои

Digitized by Google

Какъ держали себя трубадуры во время этой борьбы и вскорѣ послѣ окончательной побѣды католицизма и инквизиціи? Конечно, между ними были горячіе приверженцы той и другой партіи *). Но въ общемъ они, будучи совершенно равнодушны къ догматамъ, глубоко возмущаются пороками духовенства и еще болѣе—его притязательностью. Временами они доходятъ до дантовскаго паѳоса. «О Римъ!» восклицаетъ въ своемъ сирвентѣ трубадуръ Вильгельмъ Фигейра (по біографіи онъ происходилъ изъ низшаго класса и послѣ взятія Тулузы французами ушелъ въ Ломбардію). «Съ мудрымъ коварствомъ ты разставляешь ловушки, и много гадкихъ кусковъ пожираешь въ злобѣ голода. Ты имѣешь видъ невиннаго ягненка, а въ сердцѣ ты — злой волкъ, коронованная змѣя, порожденіе ехидны. Дьяволъ привѣтствуетъ тебя, какъ друга своего сердца!». Въ другомъ сирвентѣ онъ говоритъ о священникахъ и монахахъ: «Если вы скажете слово противъ нихъ, они обвинятъ васъ въ ереси, и вы отлучены отъ церкви. Если вы отказываетесь платить, вамъ не будетъ мира. Св. Дѣва, Богоматерь! Дай мнѣ увидѣть день, когда бы мнѣ не нужно было бояться поповъ!»

Само собою разумѣется, что съ такими благими пожеланіями успѣха ереси, трубадурамъ нужно было выбираться изъ отечества, гдѣ господствовала св. инквизиція.

Прежде нежели перейти къ послѣднему періоду провансальской литературы, скажемъ два слова о нелирическихъ видахъ поэзіи въ эпоху ея процвѣтанія.

Отъ половины XIII в., къ сожалѣнію въ одной, да и то неполной, рукописи дошелъ до насъ любопытнѣйшій для изображенія нравовъ общества памятникъ—стихотворный романъ, извѣстный подъ названіемъ «Фламенка» **). Не паладины Карла, не рыцари Артура являются въ немъ дѣйствующими лицами, а современники автора. «Фламенка»—романъ спеціально любовный; онъ разработываетъ избитую, особенно въ средніе вѣка, тему — наказаніе ревнивца именно

земли нетронутыми; но когда, по смерти послѣдняго Беренгара, Провансъ въ 1246 г. достался Карлу Анжуйскому, трубадурамъ и здѣсь не стало мѣста, хотя письменность и продолжала существовать. Вотъ причина, почему французы всю литературу южной Франціи называли провансальской: они застали ее только въ Провансѣ.

*) Про Аймерика Пегульяна сказано въ его біографіи, что онъ умеръ въ ереси. Фульке Марсельскій, ставшій изъ трубадура епископомъ, былъ однимъ изъ самыхъ яростныхъ враговъ ереси. Талантливо написанная, со вставкою вымышленныхъ рѣчей, эпическая поэма: „Альбигойская война", имѣетъ двоихъ авторовъ, изъ которыхъ одинъ на сторонѣ крестоносцевъ, другой — противъ нихъ.

**) Paul Meyer: Le roman de Flamenca, publ. d'après le ms. unique de Carcassone, traduit et accompagné d'un glossaire. Paris. Libr. Franck. 1865.

Digitized by Google

тѣмъ, чего онъ болѣе всего боится; но отъ другихъ средневѣковыхъ произведеній «Фламенка» отличается своимъ реализмомъ.

Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Графъ Бурбонскій—Аршамбо *)—дѣлаетъ предложеніе красавицѣ Фламенкѣ, дочери графа Немурскаго. Немуръ въ колебаніи: руки Фламенки добивается одинъ король, но и Аршамбо — партія вполнѣ приличная. Онъ рѣшаетъ наконецъ дѣло въ пользу Аршамбо, такъ какъ они почти сосѣди, слѣдовательно дочь не далеко уѣдетъ отъ него. Фламенка относится къ перемѣнѣ своей судьбы довольно спокойно: сердце ея вполнѣ свободно. Слѣдуетъ описаніе брачныхъ празднествъ въ Немурѣ. Довольный своимъ выборомъ, Аршамбо желаетъ похвастаться женой и богатствомъ и устраиваетъ роскошный праздникъ („дворъ", по средневѣковому), на который приглашаетъ и короля Франціи съ его супругой. Король, чувствуя дружеское расположеніе къ Фламенкѣ, позволялъ себѣ вполнѣ открыто оказывать ей любезности и ласки. Это не понравилось королевѣ, и она взяла на себя роль Яго, наведя Аршамбо на мысль, что жена готова измѣнить ему. До тѣхъ поръ беззаботный и веселый, Аршамбо ощутилъ припадки ужасной страсти, сталъ мраченъ и золъ, но, какъ учтивый хозяинъ, на время праздниковъ съумѣлъ себя сдержать. Гости разъѣхались, а ревность Аршамбо осталась при немъ и мучила его все сильнѣй и сильнѣй. Описаніе его страданій достойно пера хорошаго романиста-психолога нашего времени:

„Онъ часто говорилъ: Увы! увы! съ чего это я несчастный вздумалъ жениться? Развѣ мнѣ плохо жилось прежде? Да будутъ прокляты мои родственники, посовѣтовавшіе мнѣ взять то, отъ чего мужчинамъ всегда горе!..

„Великое огорченіе причиняли ему чужіе люди. Когда являлся гость, онъ изображалъ изъ себя человѣка очень занятаго и насвистывалъ что-нибудь, бормоча про себя: Мнѣ надо употреблять надъ собой большія усилія, чтобъ не выбросить васъ вонъ, головой впередъ!.. То онъ давалъ знать слугѣ, чтобъ ему принесли воды умыться, будто онъ собирается обѣдать. Это онъ дѣлалъ, чтобы выпроводить посѣтителя, шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ говорилъ, выйдя изъ терпѣнья: „Дорогой сеньоръ! кушайте, пожалуйста, съ нами! Уже насталъ часъ обѣда. Вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе, и сами будете имѣть случай показать свою галантность". Онъ походилъ на собаку, которая только показываетъ зубы, а смѣяться не можетъ **)."

Наконецъ Аршамбо не въ силахъ выносить такую жизнь и рѣшается запереть жену. Тогда онъ будетъ спокоенъ. Онъ посадилъ ее въ высокую башню съ двумя служанками и больше никого не пускалъ къ ней. Ее же онъ выпускалъ только въ праздникъ въ церковь, и тогда не отходилъ отъ нея ни на шагъ, ставилъ ее въ самомъ темномъ углу и не позволялъ ей ни поднимать покрывала съ головы, ни снимать перчатокъ. И при всемъ этомъ онъ считалъ себя въ правѣ упрекать жену за мнимый обманъ и невѣрность. Фламенка жила мученицей. Всѣ въ сосѣдствѣ знали объ этомъ, всѣ жалѣли ее, и много пѣсенъ было сложено въ Овернѣ о зломъ ревнивцѣ и его жертвѣ.

Въ это время жилъ во Франціи молодой рыцарь Вильгельмъ Неверскій, вмѣстилище всѣхъ рыцарскихъ достоинствъ, на что указывало и его прозваніе—le cortes. Онъ слышалъ про рѣдкую красоту и небывалыя страданія Фламенки, заочно

*) Имена имѣютъ только видъ историческихъ; сюжетъ несомнѣнно вымышленъ, или, точнѣе, не связанъ съ народнымъ преданіемъ.

**) 292—3.

Digitized by Google

влюбился въ нее и рѣшился во чтобы то ни стало утѣшить страдалицу. Амуръ, говоритъ авторъ, руководилъ имъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Неподалеку отъ замка Аршамбо были цѣлебныя купанья, принадлежавшія другому владѣльцу. Изрѣдка пользовалась ими и Фламенка, конечно, въ сопровожденіи неотвязнаго супруга, который сперва перешаритъ всѣ дырочки въ купальнѣ, а потомъ, оставивъ Фламенку съ прислужницами, не отходитъ отъ дверей. Вильгельмъ подъ чужимъ именемъ пріѣхалъ къ владѣльцу купалень, былъ въ церкви, видѣлъ издали совсѣмъ закрытую Фламенку и замѣтилъ, что одинъ молодой священникъ подавалъ послѣдней книгу прикладываться. Этого достаточно: нить найдена. Вечеромъ Вильгельмъ сошелся съ священникомъ, далъ ему денегъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Парижъ учиться, а самъ остригся, выбрилъ себѣ макушку и въ слѣдующій праздникъ уже участвовалъ въ мессѣ: онъ зналъ семь свободныхъ искусствъ и вообще такъ хорошо прошелъ школу, что самъ въ любомъ мѣстѣ могъ бы быть преподавателемъ; слѣдовательно, церковная служба не затрудняла его. Такимъ образомъ найдена возможность хоть разъ въ недѣлю, хоть на одну секунду приближаться къ Фламенкѣ. Краснорѣчивыхъ разговоровъ вести нельзя, но одно коротенькое словечко сказать можно. Въ слѣдующее воскресенье, подавая книгу, онъ прошепталъ Фламенкѣ на ухо: Hai laz (о я несчастный)! Фламенка сперва не хотѣла вѣрить и не знала что̀ дѣлать. Служанка доказала ей, что не учтиво оставлять несчастнаго безъ утѣшенія, и черезъ недѣлю Фламенка прошептала въ отвѣтъ: Planz (жалѣю)! Такъ начался односложный, съ длинными промежутками, разговоръ, который не трудно привести in extenso.

Mor mi (умираю)! сказалъ Вильгельмъ.—De que (отчего)? спросила Фламенка черезъ недѣлю.—D'amor (отъ любви). **Фл.** Per cui (къ кому)? **В.** Per vos (къ вамъ). **Фл.** Qu'en puesc (что̀ я могу)? **В.** Garir (вылечить). **Фл.** Con si (какъ)? **В.** Par gein (хитростью). Онъ же чрезъ недѣлю: Pres l'ai (я нашелъ ее). **Фл.** E cal (какая она)? **В.** Iretz (идите). **Фл.** E on (куда)? **В.** Als banz (въ ванны). **Фл.** Cara (когда)? **В.** Iorn breu e gent (въ ближайшій хорошій день).—Mi plas (я согласна), сказала Фламенка и тронула его руку своею.

Вильгельмъ былъ внѣ себя отъ восторга; дѣло въ томъ, что онъ заранѣе, выпроводивъ на-время хозяина изъ дому, нанялъ рабочихъ и прокопалъ изъ своей квартиры подземный ходъ къ ваннамъ. Фламенка черезъ нѣсколько дней притворилась больною и упросила мужа дозволить ей принять ванну. Аршамбо согласился; также внимательно осмотрѣлъ онъ купальню и не нашелъ въ ней ничего подозрительнаго. Но женщины догадались въ чемъ дѣло и, когда онъ уходилъ, крѣпкимъ засовомъ заперли за нимъ дверь. Скоро послышался легкій шумъ въ полу, и Вильгельмъ упалъ къ ногамъ Фламенки. Недолго она раздумывала: тяжелая жизнь, несправедливыя подозрѣнія мужа и героическая настойчивость прекраснаго рыцаря вполнѣ подготовили ее къ измѣнѣ.

По выходѣ изъ купальни, она сказала мужу, что чувствуетъ себя лучше, только ей, по возможности, чаще слѣдуетъ пользоваться этимъ способомъ леченія.

Въ слѣдующій разъ Вильгельмъ явился не одинъ, а съ двумя оруженосцами, чтобъ и фрейлинамъ не было обидно.

Съ этого момента романъ въ значительной степени теряетъ свой интересъ; къ тому же здѣсь пропускъ въ рукописи, и мы не можемъ понять, вслѣдствіе чего Аршамбо, ничего не знающій о продѣлкахъ жены, рѣшилъ измѣнить въ отношеніи къ ней свое поведеніе; онъ начинаетъ вывозить ее въ свѣтъ и самъ снова дѣлается свѣтскимъ человѣкомъ. Между тѣмъ Фламенка настояла, чтобы Вильгельмъ покинулъ ее на-время: ему, какъ молодому человѣку, нельзя сидѣть пришитымъ къ юбкѣ и пренебрегать своей рыцарской карьерой. Она слышитъ объ его

Digitized by Google

подвигахъ на войнѣ, и радость наполняетъ ея сердце. Аршамбо тоже слышитъ о Вильгельмѣ много хорошаго и ищетъ случая познакомиться съ нимъ. Разъ они встрѣтились на турнирѣ и почти равно отличились оба: не будь Вильгельма, Аршамбо былъ бы первымъ. Аршамбо пригласилъ Вильгельма на турниръ къ себѣ и, пріѣхавъ домой, много разсказывалъ женѣ о новомъ пріятномъ знакомствѣ. Слѣдуетъ описаніе богатаго турнира и вторичнаго знакомства любовниковъ, и рядъ фривольныхъ сценъ во вкусѣ кавалера Фоблаза. Романъ, какъ мы сказали, не конченъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что «Фламенка»—не единственное явленіе въ своемъ родѣ: были и другіе подобные романы, какъ оригинальные, такъ и переводные, но они не дошли до насъ. Мы имѣемъ полное основаніе думать, что провансальская редакція романа о Флерѣ и Бланшфлерѣ—древнѣе всѣхъ дошедшихъ до насъ французскихъ.

И стихотворная повѣсть (по-провансальски novas, conte) имѣла въ Провансѣ своихъ представителей, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какъ въ области языка d'oil. Одинъ изъ трубадуровъ первой половины XIII в., Раймундъ Видаль, обязанъ именно ей своею извѣстностью; лучшая его повѣсть: «Наказанный ревнивецъ» имѣетъ мѣстомъ дѣйствія Кастилію. Отъ другого трубадура, Арнò де-Каркассъ, дошла до насъ повѣсть «О попугаѣ» (попугай служитъ посредникомъ въ любви), которая, судя по имени героя (Antiphanos) и нѣкоторымъ особенностямъ фабулы, имѣетъ связь съ Востокомъ и Греціей.

Сохранилось и нѣсколько дидактическихъ поэмъ, облеченныхъ въ форму повѣстей; въ одной изъ нихъ дѣйствующими лицами являются олицетворенныя свойства любви. Житія святыхъ получали стихотворную обработку не больше и не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Очень мало, сравнительно напр. съ сѣверной Франціей, была развита драма, хотя и невозможно отрицать ея существованіе. Отъ XIII в. дошелъ до насъ отрывокъ (всего 22 стиха) мистеріи, кажется, имѣвшей сюжетомъ избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ. Драматическое представленіе житія св. Агнессы, о которомъ мы упоминали выше, относится къ слѣдующему періоду, именно къ XIV вѣку.

При такомъ подъемѣ національнаго развитія, который мы замѣчаемъ въ Провансѣ, слѣдуетъ естественно ожидать и развитія прозы. Выше было сказано, что дѣловыя бумаги сравнительно очень рано стали писаться на родномъ языкѣ. Рано появились и провансальскія проповѣди; уже въ концѣ XII вѣка былъ сдѣланъ переводъ Библіи, вскорѣ впрочемъ запрещенный. Отъ XIII в. дошло до насъ много апокрифовъ, житій святыхъ, большею частію, конечно, переведенныхъ съ латинскаго (блестящее исключеніе составляетъ житіе св. Доуцелины, составленное вскорѣ послѣ ея смерти на основаніи устнаго

Digitized by Google

преданія), видѣній и пр. Есть весьма важные для исторіи средневѣковой науки лапидаріи, медицинскія монографіи и пр., но въ общемъ провансальская умственная культура носила скорѣй, такъ сказать, «словесный», чѣмъ реальный характеръ: важнѣе сравнительно очень удачныя попытки обработать грамматически и лексикально родной языкъ. Уже въ началѣ XIII столѣтія, когда въ Италіи и Франціи народный языкъ только терпѣли, какъ неизбѣжное зло, не удостоивая его ни малѣйшаго вниманія, явился «Donatus provincialis» Укъ-Файдита; другую грамматику съ присоединеніемъ свѣдѣній по теоріи поэзіи: Las rasos de trobar (способы поэтизировать) составилъ вышеупомянутый авторъ новеллъ Раймундъ Видаль. О біографіяхъ трубадуровъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

Третій періодъ провансальской литературы (XIV и XV в.) носитъ ученый и подражательный характеръ. Переживъ лучшее свое время, поэзія обращается къ прошедшему и, не стремясь превзойти его, пытается только сравняться съ нимъ. Обработываются бо̀льшею частію все тѣже виды; но копія никогда не можетъ сравняться съ оригиналомъ. Подчинившись сѣверу въ политическомъ отношеніи, Провансъ долженъ былъ до извѣстной степени оказаться подъ его вліяніемъ и умственно. Всего замѣтнѣй это выразилось въ той области, въ которой и прежде французы стояли выше провансальцевъ— въ области эпоса. Въ Провансъ проникаютъ французскія chansons de gestes и рыцарскіе романы. Высокая степень умственнаго развитія провансальцевъ сказалась въ томъ, что они не только переводятъ съ чужого языка, но и выдумываютъ свои сюжеты, которые обработываютъ *во вкусѣ* чужого.

Но и въ этомъ періодѣ центръ тяжести поэзіи—таже лирика, разумѣется, mutatis mutandis. Самое важное измѣненіе то, что поэты этого періода не рыцари-трубадуры, а горожане, духовные, ученые. Въ 1323 г. семеро гражданъ города Тулузы положили основаніе обществу, долженствовавшему собираться каждое воскресенье для упражненія и состязанія въ стихотворствѣ. Почва была готова, и общество быстро разрослось. Вскорѣ выработались незыблемые «законы веселой науки», стѣснившіе свободное творчество, и основалась школа для подготовки поэтовъ. Членомъ общества могъ быть только человѣкъ, несомнѣнно ортодоксальный въ религіозномъ и незапятнанный въ гражданскомъ отношеніи. Женщины исключались. Приглашенія на собранія разсылались въ стихахъ. Побѣдителямъ раздавались награды, и трижды получившій награду пріобрѣталъ титулъ трубадура. На правильность формы обращалось бо̀льше вниманія, чѣмъ на содержаніе. Въ отношеніи послѣдняго самая важная перемѣна въ томъ, что любовь, въ обычномъ значеніи слова, не могла быть предметомъ

Digitized by Google

пьесы, представляемой на состязаніе; изъ женщинъ предоставлялось воспѣвать только дѣву Марію и святыхъ. Дошедшія до насъ пьесы съ рѣзкой очевидностью свидѣтельствуютъ о томъ, что поэзія этого періода только «переживаніе»: очень часто одинъ и тотъже поэтъ обработываетъ одну и туже тему въ нѣсколькихъ видахъ и размѣрахъ, и это въ глазахъ современниковъ и судей доказываетъ не бѣдность его творческой фантазіи, а великое искусство. Аллегорія господствуетъ безгранично надъ наивнымъ и естественнымъ и доходитъ до изумительной вычурности; являются не новыя формы, а довольно странныя комбинаціи изъ старыхъ формъ, въ родѣ напр. духовныхъ плясовыхъ пѣсень и пр. Характеръ переживанія не препятствовалъ этой поэзіи жить и распространяться не въ народѣ, конечно, а въ извѣстныхъ небольшихъ кружкахъ, но на большомъ пространствѣ: скоро появились отпрыски Тулузскаго Общества даже въ Каталоніи и Аррагоніи; въ концѣ XV в. изъ него же явились такъ-называемыя jeux floraux, существующія, какъ извѣстно, и по настоящее время.

Замѣчательно то обстоятельство, что исключительное вниманіе къ формѣ и ученость не препятствовали поэтамъ оскорблять грамматику (тогда какъ старые полуграмотные трубадуры не позволяли себѣ выходить изъ ея предѣловъ), и въ поэзіи этого періода выползли снова на свѣтъ особенности діалектовъ.

Трубадуры, какъ мы видѣли напр. изъ біографіи Видаля, и въ лучшее для юга Франціи время охотно переходили границу родины и странствовали по дворамъ чужеземныхъ государей. Ихъ пѣснями въ 1162 г. наслаждался Фридрихъ Барбаросса. Трубадуры въ Испаніи упоминаются еще въ первой четверти XII в. Въ Италіи въ концѣ XII и началѣ XIII в. знаніе провансальскаго языка и умѣнье слагать на немъ пѣсни служило признакомъ хорошаго воспитанія. Messer такой-то, говоритъ одинъ старый памятникъ, era molto bene costumato e sappe il provenzale. Послѣ ужасовъ альбигойской войны они толпами бросились въ сосѣднія земли, и вліяніе провансальской поэзіи, бывшее сильнымъ и до тѣхъ поръ, сказалось еще замѣтнѣе. О томъ, какую услугу оказали трубадуры Италіи и Испаніи, будетъ сказано въ исторіи литературы этихъ странъ; на Германію они вліяли главнымъ образомъ не непосредственно, а черезъ Францію, и мы теперь же скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи провансальцевъ на лирику ихъ сѣверныхъ сосѣдей.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда къ научнымъ вопросамъ часто относились безъ достаточной объективности и вниманіе публики возбуждали только тѣ историческія изслѣдованія, гдѣ была очевидна политическая подкладка, тогда, въ видѣ реакціи противъ выводовъ южно-

Digitized by Google

французскихъ ученыхъ, доказывавшихъ провансальское происхожденіе южно-французскаго эпоса, явилось мнѣніе, что не трубадуры имѣли вліяніе на сѣверно-французскую лирику, а наоборотъ, будто лирика Прованса обязана своей жизнью труверамъ.

Теперь вопросъ рѣшенъ окончательно. Достаточно привести два факта, бьющіе въ глаза: во-первыхъ, въ сборникахъ французскихъ пѣсень мы очень часто встрѣчаемъ провансальскія, между тѣмъ какъ обратное явленіе чрезвычайно рѣдко; во-вторыхъ, лучшее время провансальской лирики, какъ мы видѣли, началось съ XII вѣка, тогда какъ искусственная лирика сѣверной Франціи развилась только въ XIII столѣтіи.

Говоримъ: искусственная лирика, такъ какъ лирика народная, безъ сомнѣнія, родилась вмѣстѣ съ языкомъ, и въ XII в. она достигаетъ такой высокой степени развитія, что грамматики удостоиваютъ заносить ея произведенія въ свои сборники.

Къ XII в. относятся дошедшіе до насъ полтора десятка романсовъ—таково родовое названіе сѣверно-французской лирики; десять изъ нихъ анонимны, а пять приписываются ничѣмъ другимъ неизвѣстному труверу Одефруа (Audefroy de Bastard); анонимные грубѣе и небрежнѣе по формѣ; романсы Одефруа изящнѣе и выдержаннѣе; но у тѣхъ и другихъ есть общая черта, рѣзко отдѣляющая ихъ отъ произведеній современныхъ имъ трубадуровъ—эпическое содержаніе; они выражаютъ чувства не самого поэта, а одного, двухъ дѣйствующихъ лицъ, положеніе которыхъ поэтъ обозначаетъ съ эпическою точностью; положеніе это всегда драматично, и дѣйствіе выражается въ діалогѣ, такъ что такой романсъ, примыкая съ одной стороны къ эпосу, съ другой представляетъ драму въ зародышѣ. Стихъ ихъ эпическій—десяти-сложный и по объему они далеко превосходятъ кансоны: одинъ романсъ заключаетъ въ себѣ около 170 стиховъ.

Темы ихъ—любовь, но простая и сильная, рѣзко отличающаяся отъ напускной влюбленности трубадуровъ; въ одномъ романсѣ разсказывается, какъ красавица, узнавъ о смерти своего возлюбленнаго, падаетъ и молча умираетъ; въ другомъ красавица Амелò грозитъ убить себя, если ее выдадутъ замужъ за немилаго; тронутая мать соглашается имѣть зятемъ молодца Гарена (le preux Garin). Въ видѣ образца приводимъ одинъ изъ самыхъ короткихъ и древнихъ романсовъ:

„Пришелъ май, который называютъ мѣсяцемъ съ долгими днями, и франки Франціи возвращаются отъ двора короля. Рейно идетъ въ первомъ ряду; онъ прошелъ мимо дома Эремборъ, но не удостоилъ поднять головы. О другъ Рейно! *).

Прекрасная Эремборъ въ тотъ день сидитъ у окна; она видитъ франковъ Франціи, возвращающихся отъ двора, видитъ Рейно въ первомъ ряду. Она возвысила голосъ и сказала: О другъ Рейно!

*) Это припѣвъ, рѣзко отличающій романсъ отъ кантилены.

Digitized by Google

Другъ Рейно, я помню время, когда вы жестоко огорчились бы, еслибъ проходя мимо башни моего отца, не удостоились привѣта.—А за вами, дочь императора, развѣ нѣтъ грѣха? Вы полюбили другого, а насъ забыли.—О другъ Рейно!

Сиръ Рейно! Я въ этомъ оправдаюсь! Съ сотней дѣвственницъ поклянусь я на мощахъ святыхъ, съ тридцатью дамами, которыхъ приведу съ собою, что я никогда никого, кромѣ васъ, не любила. Примите мою присягу, и я васъ поцѣлую. О другъ Рейно!

Графъ Рейно всходитъ по лѣстницѣ; широкъ онъ въ плечахъ, узокъ въ таліи; волосы у него русые и всѣ въ изящныхъ кудряхъ; еще нигдѣ не бывало такого молодца; видитъ его Эремборъ, начинаетъ плакать. О другъ Рейно!

Графъ Рейно входитъ въ башню, садится на кровати, на вышитой постели; рядомъ съ нимъ садится прекрасная Эремборъ, и они стали любить другъ друга по прежнему.—О другъ Рейно!" *).

Кромѣ романсовъ, отъ того же времени до насъ дошло много пастурелей (болѣе 40), которыя тоже слѣдуетъ отнести всецѣло на счетъ сѣверной Франціи. Мы привели выше слова Раймунда Видаля, что для этого вида лирики языкъ d'oil пригоднѣй провансальскаго; и дѣйствительно, нѣкоторыя провансальскія пастурели несомнѣнно переведены съ французскаго. Стихъ пастурели легче, изящнѣе и короче.

Французская лирика XIII вѣка несравненно богаче числомъ памятниковъ, именами поэтовъ и разнообразіемъ формъ; именъ мы знаемъ такъ много, что кажется, будто всякій владѣтельный рыцарь считалъ своею обязанностью сочинить что нибудь. Тѣмъ не менѣе это несмѣтное богатство — плодъ подражанія, блѣдная копія съ лирики провансальской; самая быстрота развитія лирики труверовъ именно въ то время, когда связь съ югомъ стала особенно тѣсной, говоритъ противъ ихъ оригинальности, что̀, конечно, еще не даетъ основанія признать ихъ простыми переводчиками: они не только выражали собственныя, пережитыя чувства, но и вносили нѣкоторыя національныя черты въ свои произведенія.

Характернымъ представителемъ французскихъ лириковъ можетъ служить графъ Тибо Шампанскій, внукъ короля наварскаго и самъ впослѣдствіи король наварскій. Онъ родился въ 1201 г., былъ воспитанъ на югѣ, а большую часть жизни провелъ на сѣверѣ; такимъ образомъ онъ могъ служить посредствующимъ звеномъ между трубадурами, у которыхъ онъ заимствуетъ изящныя формы и образы, и труверами, къ числу которыхъ принадлежитъ не только по языку, но и по своей наклонности шутить, играть словами и острить. Онъ воспѣваетъ прекрасныя глазки своей дамы и раны, которыя онѣ нанесли его сердцу; онъ спрашиваетъ себя, когда онъ увидитъ этихъ *враговъ*, отъ которыхъ такъ пострадалъ, и замѣчаетъ при этомъ,

*) Bartsch: Chrestomatie de l'ancien français. 2-e ed., стр. 49.

Digitized by Google

что на свѣтѣ еще никогда не бывало человѣка, который бы такъ по-христіански любилъ своихъ враговъ. Онъ жалуется на *сладкія страданія*, которымъ подвергаетъ его любовь, жалуется на свою даму, которую начинаетъ *нежно ненавидѣть*; онъ хочетъ умереть, подобно соловью, который гибнетъ отъ любви и пѣнія. «Мнѣ должно умереть съ пѣснью на устахъ; потерявъ то, къ чему больше всего стремилась душа, я въ пѣснѣ выражу мою скорбь».

Извѣстно, что Тибо ухаживалъ за королевой Бланкой, матерью Людовика IX (святаго). Это придаетъ особый интересъ нѣкоторымъ подробностямъ его пѣсень и даетъ возможность понимать намеки. «Та, кого я люблю, столь высокаго роду, что красота ея лишаетъ меня разума; когда я ее вижу, я не знаю что́ говорю; я такъ пораженъ, что не смѣю и просить ее. Никто не будетъ осуждать меня, что я не скажу имени своей подруги; никто и въ мысли ко мнѣ не проникнетъ» и т. д.

Среди стереотипныхъ фразъ, заимствованныхъ у трубадуровъ, у Тибо встрѣчаются повидимому прочувствованныя строки; напр: «Кто можетъ слышать ея милый голосъ и не пожелать овладѣть ея сердцемъ?»

На провансальское происхожденіе своей лирики Тибо указываетъ и самъ: «Когда я возвращался изъ Прованса, сердце мое взволновалось желаніемъ пѣть». Но не все въ трубадурахъ ему нравится: описаній весны онъ не любитъ: «цвѣтки и листочки въ пѣснѣ ни на что не нужны». Въ другомъ мѣстѣ онъ смѣется надъ вѣчными угрозами поэтовъ умереть. «Госпожа моя! Я у васъ спрашиваю: развѣ вы не считаете за грѣхъ убить того, кто васъ искренно любитъ? Вы, конечно, знаете, какъ это дурно. Молю васъ, не убивайте меня, и откровенно вамъ скажу: хоть любовь и мученіе, я не разсержусь, если вы будете любить меня живого». Тибо, дѣйствительно, остался въ живыхъ и, не смотря на любовь, толстѣлъ вволю. Такъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ тенсонахъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ знатными и веселыми товарищами: Филиппомъ Нантельскимъ, Балдуиномъ Реймскимъ и другими, онъ разбиралъ вопросы нѣсколько скабрезнаго свойства.

Вдругъ въ немъ произошла перемѣна: онъ началъ обличать всеобщую испорченность нравовъ. «Дьяволъ, говоритъ онъ, закинулъ въ міръ четыре удочки: роскошь, жадность, гордость и вѣроломство, и мошенникъ, къ несчастію, ловитъ удачно». Онъ, Тибо, теперь не хочетъ имѣть другой дамы, кромѣ дамы Маріи; только ее будетъ воспѣвать онъ. Наконецъ, онъ въ стихахъ начинаетъ проповѣдовать крестовый походъ, и слово у него не расходится съ дѣломъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ похода онъ умеръ 52 лѣтъ отъ роду.

Digitized by Google

Мы не будемъ приводить параллельныхъ мѣстъ изъ пѣсень трубадуровъ и аристократическихъ труверовъ, и ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что провансальцы лучше владѣютъ и риѳмой, и фразой, и умѣютъ лучше выражать оттѣнки страсти, нежели сравнительно холодные жители сѣвера. И у труверовъ кансона (cançona, cançonnette)—самый распространенный видъ поэзіи. За нимъ по степени популярности слѣдуетъ тенсонъ, здѣсь носящій иногда названіе jeu parti; встрѣчаются аубады и другіе мелкіе виды. Баллада является сравнительно поздно и, можетъ быть, подъ итальянскимъ вліяніемъ. Политическаго сирвента почти нѣтъ, и названіе: sirventois придается большею частью благочестивымъ гимнамъ въ честь Бога, Богоматери и святыхъ. Даже и въ этихъ гимнахъ встрѣчаются цѣлыя тирады, заимствованныя съ провансальскаго. Объ руку съ заимствованіемъ видовъ, метрическихъ схемъ, идей и фигуръ идетъ и заимствованіе провансальскихъ словъ, которыя выдаютъ себя окончаніями.

Въ лирикѣ труверовъ, между прочимъ и у Тибо, часто встрѣчаются олицетворенія нравственныхъ понятій—черта, нашедшая столь полное выраженіе въ знаменитомъ «Романѣ Розы».

Еслибы придворные лирики сѣверной Франціи оставили намъ малочисленные и низшіе по достоинству и оригинальности памятники, они всеже нашли бы себѣ почетное мѣсто въ исторіи литературы, такъ какъ ихъ кансоны сыграли роль посредниковъ между поэзіей провансальской и богатой лирикой миннезингеровъ Германіи, къ которой мы теперь и переходимъ *).

---

*) Считаемъ не лишнимъ въ заключеніе этой главы привести заглавіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ монографій о провансальской поэзіи:

Birch-Hirschfeld: Ueber die den provenzalischen Troubadours des XII u. XIII Jahrh. bekannten epischen Stoffe. 1878. Halle.

Gisi M.: Der Troubadour Guillem Anelier von Toulouse. 4 prov. Gedichte erläutert v.—Solothurn. 1877.

Levy, E.: Guillem Figueira, ein prov. Troubadour. 1880.

Robert Meyer: Das Leben des Trobadors Gancelm Faidit. Heidelberg. 1876.

Monaci: Il mistero provenzale di S. Agnese. Facsimile in eliotipia con prefa cione. Roma. 1880.

Napolski, Max: Leben u. Werke des Troubadours Ponz de Cardouill. Halle. 1880.

Reboul: Anonymes, pseudonymes et supercheries litteraires de la Provence ancienne et moderne. 1879.

Zingerle: Ueber Raoul de Houdenc u. seine Werke, eine sprachliche Untersuchung. Erlangen, 1880.

Ferd. Michel: Heinrich v. Morungen und die Troubadours. 1880. Strassb.

Digitized by Google

XII. Эпоха Гогенштауфеновъ въ Германіи.—Первые миннезингеры.—Общій характеръ нѣмецкой рыцарской лирики.—Вельдеке; его современники и послѣдователи.—Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.—Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ.—Нитгартъ.—Тангейзеръ.—Паденіе лирики.—Мейстерзингеры.—Рыцарскій эпосъ.—Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ.—Переработка легендъ.—Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ.—Готфридъ Страсбургскій.

ГЛАВНЫЯ ПОСОБІЯ:

Wilh. Scherer: Geschichte der deutsch. Literatur. II, III u. IV Heft. Berl. 1880.
G. G. Gervinus: Geschichte der deutsch. Dicht. I Bd. 5-te Aufl. Leipz. 1871.
Vilmar: Geschichte der deutsch. Nationalliteratur. 20-te Aufl. Marburg. u. Leipz. 1881.
Deutsche Classiker des Mitt. begründet v. Franz Pfeiffer: Wolfr. v. Esch. hsgb. v. Bartsch. Leipz. 1870.
A. Lange: Un trouvère allemand. Etude sur Walther v. d. Vogelweide. Paris. 1879.
W. Scherer: Deutsche Studien. II. Die Anfänge des Minnesanges. Wien. 1874.
Rich. v. Muth: Heinrich v. Veldecke und die Genesis der roman. u. heroisch. Epik um 1190. Wien. 1880.

Въ Троицынъ день 1184 г. императоръ Фридрихъ Барбаросса праздновалъ въ старомъ городѣ Майнцѣ посвященіе въ рыцари двухъ сыновей своихъ: Генриха и Фридриха. Давно Германія, да и вообще Европа, не видала ничего подобнаго. На праздникъ собралось до 70,000 рыцарей. Въ долинѣ между Рейномъ и Майномъ выросъ густо населенный деревянный и полотняный городъ; однѣ кухни и палатки для разлива вина составляли цѣлыя улицы. Въ продолженіи трехъ дней каждый приходящій былъ гостемъ императора; сколько живности и вина поглотили крѣпкіе желудки этихъ гостей, трудно себѣ и представить. Не только на нѣмецкомъ, но и на латинскомъ, на французскомъ и, вѣроятно, на провансальскомъ языкахъ прославляли поэты небывалый праздникъ. Въ лѣтописяхъ всѣхъ національностей западной Европы осталось о немъ воспоминаніе. На этомъ праздникѣ присутствовалъ и знаменитѣйшій нѣмецкій поэтъ своего времени, Генрихъ фонъ-Вельдеке. Если иностранцы собирались на майнцскій праздникъ только попить и поѣсть, да обдѣлать свои собственныя дѣлишки, болѣе дальновидные изъ нѣмцевъ придавали ему другое значеніе: Германія въ третій (и не въ послѣдній) разъ становилась главной ареной всемірной исторіи, и теперь больше, чѣмъ когда нибудь, была достойна этой опасной чести: нѣмцы уже не были, какъ во времена Карла Великаго, варварами, жадно стремящимися поглотить, хотя бы не переваривая, остатки чужой цивилизаціи; не были черствыми скопидомами, желающими попользоваться чужой бѣдой: подъ предводительствомъ швабскихъ императоровъ нѣмцы стали міровыми людьми, благодаря развившимся за послѣднее время идеальнымъ стремленіямъ.

Digitized by Google

Не даромъ позднѣйшее сказаніе облекло Барбароссу въ миѳическія черты, пересадило его изъ отдаленнаго прошлаго въ еще болѣе отдаленное будущее, связавъ его, какъ лучшаго представителя эпохи Гогенштауфеновъ, съ двумя самыми дорогими мечтами человѣчества: съ вѣрой въ золотой вѣкъ и съ надеждой на водвореніе царства справедливости на землѣ. То была пора нѣмецкаго самосознанія, породившая идею единства и величія Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовавшая развитію немалаго бѣдствія этой богато одаренной націи—стремленія къ партикуляризму.

Ни одна нація не можетъ достигнуть полнаго развитія своихъ силъ, питаясь только собственными соками. Чтобы не остаться въ хвостѣ цивилизаціи, она должна усвоивать себѣ все лучшее, добытое другими. Отчасти изъ книгъ, отчасти изъ живого общенія съ Италіей, нѣмецкіе монастыри, епископскіе дворы и школы усвоили себѣ многое, что оставалось у ихъ южныхъ сосѣдей отъ наслѣдства античнаго. Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы указывали на рано начавшееся вліяніе передовой Франціи на Германію. Крестовые походы, французско-нѣмецкое правительство пограничной Фландріи *), непрестанныя политическія сношенія, рыцарство—очень усилили это вліяніе ко второй половинѣ XII в. Въ это время изъ Франціи шли въ Германію и матеріи, и моды, и архитектура, и богословіе, и танцы, и поэтическія формы и содержаніе, и множество словъ. Но, усвоивая себѣ внѣшній блескъ французской культуры, нѣмцы всеже оставались нѣмцами: только націи варварскія или лишенныя производительной силы, заимствуя чужое, теряютъ свою самобытность. Какъ совмѣщается чужое съ своимъ—показываетъ исторія нѣмецкой поэзіи за это время.

Съ начала развитія рыцарства произведенія нѣмецкой лирики, считавшіяся достойными занесенія на бумагу, стали измѣнять свой тонъ: изъ рукъ бродячихъ пѣвцовъ и духовенства поэзія переходитъ въ руки новаго передоваго сословія. Первые плоды творчества австрійскихъ и баварскихъ рыцарей коренятся во всѣхъ отношеніяхъ на народной почвѣ: по содержанію и основнымъ мотивамъ они гораздо ближе къ нашимъ такъ-называемымъ семейнымъ или женскимъ пѣснямъ, чѣмъ къ остроумнымъ кансонамъ трубадуровъ. Женщина здѣсь является нѣжной, чувствительной, часто невинно-страдающей, вѣрной; любовь здѣсь реальная, здоровая, а не модная, обрядовая. Здѣсь, какъ и вездѣ въ народной лирикѣ, выраженію чувства часто предшествуетъ эпическое введеніе, напр.: «Стояла дама одна и смотрѣла въ степь; она высматривала своего милаго; вотъ видитъ она

*) Одинъ изъ герцоговъ брабантскихъ сочинялъ пѣсни и по-французски, и по-нѣмецки, и былъ одновременно и труверомъ, и миннезингеромъ.

Digitized by Google

пролетающаго сокола и говоритъ» и пр. Многія пѣсни дошли до насъ безъ имени авторовъ. Метръ этихъ пѣсень — обычный эпическій метръ съ четырьмя повышеніями; чистая, рѣзкая риѳма—чуть не случайность; ее замѣняютъ ассонансы. Такова начальная рыцарская лирика на юго-востокѣ Германіи; ей на-встрѣчу идетъ модная провансальско-французская лирика, надвигающаяся одновременно съ рыцарскимъ эпосомъ, и повидимому совершенно вытѣсняетъ ее, особенно на западѣ.

Женщина становится госпожею; мущина—рабомъ ея капризовъ; его дѣло томиться, страдать и желать. Живая, человѣческая страсть превращается въ служеніе дамамъ. Риѳма дѣлается чрезвычайно чистою, отточенною. Метры поражаютъ своимъ разнообразіемъ; въ этомъ отношеніи нѣмцы идутъ гораздо дальше всеобщихъ учителей—трубадуровъ: не только считалось неприличнымъ брать чужую метрическую схему, но и собственнымъ умомъ изобрѣтенную схему поэтъ не могъ употреблять очень часто: его обвинили бы въ недостаткѣ изобрѣтательности.

Эти утонченности—явленіе вполнѣ понятное въ подражательной поэзіи. Подражательностью же объясняется и бѣдность мотивовъ, поразительное однообразіе нѣмецкой рыцарской лирики. Въ Провансѣ, какъ мы видѣли, ряды трубадуровъ пополнялись изъ всѣхъ сословій; миннезингеры *) въ эпоху процвѣтанія ихъ поэзіи — исключительно рыцари. У трубадуровъ рыцарская любовь—наиболѣе частая тема, не исключавшая впрочемъ и другихъ, самыхъ разнообразныхъ; здѣсь, за немногими исключеніями, она—единственная тема; у трубадуровъ воспѣваемая дама не всегда предметъ дѣйствительной, реальной любви; здѣсь—очень рѣдко; въ отношеніи деликатности къ дамѣ миннезингеры далеко перещеголяли романцевъ: они считаютъ святотатствомъ назвать предметъ фиктивной страсти по имени. Если современнаго читателя поражаетъ скромность трубадура, который мечтаетъ о поцѣлуѣ при публикѣ, какъ о самой высокой наградѣ, то еще болѣе поразитъ его миннезингеръ, который и о поцѣлуѣ мечтать не смѣетъ; ласковый поклонъ (vriuntlicher gruoz)—вотъ все, чего онъ добивается; его любовь — робкая и мечтательная, незнакомая съ измѣной и ревностью. Эпитетъ—женственный, дамскій—несравненно болѣе подходитъ къ поэзіи, которою услаждали себя потомки дикихъ саксовъ, чѣмъ къ поэзіи Прованса, не смотря на то, что между трубадурами мы знаемъ четырнадцать женщинъ, а между миннезингерами нѣтъ ни одного женскаго имени.

*) Minnesenger или minnesinger, отъ minne — любовь, откуда производится глаголъ minnen, потомъ получившій болѣе грубое значеніе, и масса сложныхъ; liebe въ mhd.—удовольствіе, радость.

Digitized by Google

Вышеуказанныя черты подражательной поэзіи не исключаютъ въ пѣсняхъ миннезингеровъ многихъ оригинальныхъ чертъ, свойственныхъ именно нѣмецкому племени. Во-первыхъ, эта робость въ любви, идеальность отношеній по крайней мѣрѣ настолько же обусловливается національнымъ характеромъ, насколько и утонченностью, пересаливаніемъ, свойственнымъ заимствованію. Во-вторыхъ, рыцарская поэзія въ Германіи никакъ не могла назваться веселымъ искусствомъ (gai saber), такъ какъ нѣмецкая натура сейчасъ же сказалась въ наклонности къ обработкѣ мотивовъ печальныхъ, трагичныхъ. Въ трубадурахъ жизнь бьетъ ключемъ; они наслаждаются ею безъ оглядки, довольные собою и всѣмъ окружающимъ; даже въ пѣснѣ, воспѣвающей безнадежную любовь къ высокопоставленной красавицѣ, сквозитъ самодовольная улыбка ограниченнаго, но увѣреннаго въ себѣ романца, сына кроткой, услужливой природы; въ пѣсни миннезингера предъ нами сѣверный человѣкъ, вдумчивый, наклонный къ уничтожающей всякую полную радость рефлексіи, ищущій темныхъ сторонъ и въ наслажденіи, человѣкъ, у котораго короткіе моменты увлеченія жизнью смѣняются часами горькаго презрѣнія къ ней.

Въ связи съ этимъ наклонность къ религіозности: трубадуры, какъ люди, вполнѣ довольные земной жизнью, не любятъ думать о небесной; они предоставляютъ это спеціалистамъ, монахамъ. Рыцарственные поэты Германіи охотно примѣняли свои сложные метры къ возвышеннымъ религіознымъ сюжетамъ. Самая идеальность ихъ отношеній къ женщинѣ до извѣстной степени поддерживается культомъ Дѣвы Маріи.

Въ связи съ этимъ—у нихъ и иное отношеніе къ любви: трубадуръ остроумно говоритъ о ней или патологически страдаетъ отъ нея; миннезингеръ стремится изслѣдовать ея тайны, ея психологію.

Извѣстно, что человѣкъ, живущій подъ вѣчно голубымъ небомъ, гораздо менѣе способенъ наслаждаться природой, чувствовать красоту ея, чѣмъ тотъ, кто шесть мѣсяцевъ заваленъ снѣгомъ. Трубадуры о природѣ говорятъ только мимоходомъ; чуть не половина пѣсень миннезингеровъ посвящена воспоминанію радостной весны или печальной осени.

Національная самобытность нѣмецкой лирики всего рѣзче выражается въ ея исторіи: подражательною и чисто-искусственною она была очень недолго; вышедши изъ народнаго направленія баварско-австрійскихъ поэтовъ, Кюренбергера, Дитмара ф. Айста и др., она черезъ одно, много два поколѣнія возвращается къ нему въ лицѣ Нитгарта, Тангейзера и др. Да и въ періодъ подражательности лучшіе изъ поэтовъ, какъ мы увидимъ ниже, представляли характерные образцы истинно-нѣмецкаго образа мыслей.

Digitized by Google

Сравнивая миннезингеровъ съ трубадурами, мы отнюдь не имѣемъ въ виду непосредственной литературной связи тѣхъ и другихъ: изслѣдователи у отдѣльныхъ, и то изъ наименѣе извѣстныхъ, поэтовъ указываютъ строфы, мысли, сравненія, заимствованныя съ провансальскаго; у многихъ находятъ вліяніе провансальской метрики; но въ общемъ миннезингеры подпали подъ вліяніе Прованса только черезъ посредство Франціи, отъ которой они получили и рыцарскій эпосъ.

Гогенштауфены слишкомъ много занимались внѣшней политикой и слишкомъ рѣдко сидѣли на мѣстѣ, чтобы ихъ дворы могли играть роль центровъ рыцарской поэзіи. Они имѣли на послѣднюю только косвенное вліяніе, давая ей мотивы, до извѣстной степени направленіе и населяя бурги, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ верхняго Рейна, цвѣтомъ образованныхъ аллеманскихъ рыцарей. Именно благодаря тому, что императоры почти постоянно были въ отъѣздѣ, развились дворы мелкіе, и при нихъ, особенно при дворѣ тюрингенскомъ и Бабенберговъ австрійскихъ, собирались десятками миннезингеры. Изъ покровителей поэзіи извѣстнѣе всѣхъ другихъ Германъ, ландграфъ тюрингенскій, отличавшійся замѣчательнымъ гостепріимствомъ. «Еслибъ бочка добраго вина стоила тысячу фунтовъ, говорилъ про него Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, ни одинъ бокалъ рыцаря, его гостя, не стоялъ бы пустой». Но тотъ же Фогельвейде жалуется на его неразборчивость. «Здравствуйте, добрые и дурные люди», говоритъ поэтъ, обращаясь къ его гостямъ. Тотъ же поэтъ и съ нимъ вмѣстѣ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ выражаютъ недовольство на то, что вѣчный шумъ, постоянная смѣна гостей мѣшаютъ жить спокойно въ замкѣ Германа, Вартбургѣ. Тѣмъ не менѣе почти всѣ поэты по долгу живали въ Вартбургѣ, знакомились здѣсь другъ съ другомъ, дѣлились мыслями, находили внимательную и подготовленную публику. Раньше Фогельвейде и Эшенбаха, при отцѣ Германа, его братѣ и при немъ самомъ, въ Вартбургѣ проживалъ отецъ рыцарской поэзіи Германіи— Генрихъ ф.-Вельдеке, авторъ «Энеиды».

Со времени распространенія рыцарскихъ идеаловъ, Карлъ Великій съ своими паладинами и Александръ Македонскій стали терять свою популярность: они не служили дамамъ. Герой рыцарства, конечно, долженъ быть храбръ, но, кромѣ того, онъ непремѣнно долженъ быть влюбленъ до безумія. Въ семи-десятыхъ годахъ XII вѣка появляются одновременно два стихотворныхъ разсказа о судьбѣ двухъ влюбленныхъ паръ: неизвѣстный поэтъ переводитъ съ французскаго исторію Флера и Бланшфлеры *), а нѣкто Эйль-

*) Французскій roman d'aventure, внѣшнимъ образомъ пріуроченный къ циклу Карла Великаго. Флеръ, королевскій сынъ, влюбляется съ дѣтства въ плѣнницу Бланшфлеру, проникаетъ въ ея башню въ корзинѣ съ цвѣтами, бѣжитъ съ нею изъ ради-

Digitized by Google

гартъ фонъ-Оберге — исторію Тристана и Изольды. Послѣдняя особенно должна была придтись повкусу публикѣ, такъ какъ здѣсь въ любовный романъ вплетены турниры, приключенія и многія сказочныя чудеса: битва съ дракономъ, любовный напитокъ и пр. Но если Эйльгартъ удовлетворялъ общество содержаніемъ романа, то относительно формы рыцарское общество переросло его: она слишкомъ проста, груба, безъискусственна, слишкомъ напоминала уже пережитой порядокъ вещей до-рыцарственной эпохи.

Тогда-то и явился Вельдеке съ третьей парой влюбленныхъ, съ Энеемъ и Дидоной. Только при полномъ незнанія среднихъ вѣковъ можно было думать, будто рыцарство совсѣмъ отвернулось отъ античныхъ преданій. Рыцарство есть высшая ступень средневѣковой свѣтской культуры; въ этомъ качествѣ оно должно было стремиться усвоить себѣ по крайней мѣрѣ сущность всего, что̀ знали общество или извѣстная его часть на предъидущихъ ступеняхъ развитія, стараться, такъ сказать, секуляризировать результаты умственныхъ трудовъ монастырскихъ ученыхъ, между прочимъ и свѣдѣнія изъ области классической древности. Въ отечествѣ рыцарства, Франціи, съ его развитіемъ совпадаетъ передѣлка античныхъ сюжетовъ. Бенуа де-С.-Моръ (Benoist de St.-More), авторъ романа о Троѣ (roman de Troie) и предполагаемый авторъ Энея жилъ при дворѣ много разъ нами упомянутаго Генриха II Плантагенета. Его романъ о Троѣ основанъ не только на латинскихъ переводахъ Дареса и Диктиса *), но и на школьныхъ латинскихъ поэмахъ XI вѣка; онъ вплетаетъ въ него другія сказанія, не имѣющія прямого отношенія къ троянской войнѣ, напр. разсказъ о походѣ аргонавтовъ, и старается оживить однообразіе битвъ подъ Троей любовной исторіей Троила и Бризеиды, которая впослѣдствіи пріобрѣла такую обширную популярность.

Мы видѣли, что лучшій эпикъ французскаго рыцарства, Кретьенъ де-Труа, передѣлывалъ Овидія. Имя Виргилія,—поэта, уважаемаго отцами церкви, чуть не канонизированнаго заднимъ числомъ, давно уже было популярно въ народѣ даже и внѣ предѣловъ Италіи. Теперь стало извѣстно людямъ не-школьнымъ и содержаніе его эпопеи.

Достаточно сравнить двѣ, три сотни гекзаметровъ «Энеиды» съ тѣмъ, что сдѣлалъ изъ нихъ французскій поэтъ, былъ ли то Бенуа или кто другой, чтобы видѣть, какъ высоко цѣнили передовые люди XII в. свою рыцарскую культуру: только фабулу считали они воз-

---

тельскаго дома. Осужденные оба на казнь, они рѣшаются вмѣстѣ умереть, хотяли спасенія одного у нихъ было волшебное средство; тронутый ихъ любовью, адмиралъ даруетъ имъ жизнь. Отъ нихъ впослѣдствіи родилась Берта, мать Карла Великаго.

*) Пересказчики поэмы Гомера изъ первыхъ вѣковъ христіанства; псевдо-Дарестъ жилъ въ VI вѣкѣ, псевдо-Диктисъ нѣсколько ранѣе.

Digitized by Google

можнымъ заимствовать; грубую форму Виргилія надо было *исправить*; надо было облагородить дѣйствующихъ лицъ, сдѣлать изъ нихъ рыцарей и дамъ comme il faut; надо было помочь собственной изобрѣтательностью скудному воображенію римлянина и вычеркнуть глупости, которыми онъ морочилъ несчастныхъ язычниковъ. Поэтъ изъ 6 строкъ Виргилія, посвященныхъ описанію красоты Лавиніи, сдѣлалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 1400; эпизоды, въ родѣ напр. смерти Лаокоона, онъ счелъ нужнымъ выбросить, какъ нѣчто безвкусное.

Вельдеке, небогатый рыцарь, служилый человѣкъ (ministrialis) графовъ Лоцъ близь Местрихта, зналъ и по-французски, и по-латыни. Свою «Энеиду» онъ обработывалъ между 1175 и 1190 гг.; онъ не потрудился заглянуть въ латинскій текстъ, а перевелъ его французскую передѣлку, точнѣе травестію и прибавилъ три тысячи стиховъ не для пополненія эпизодовъ, напротивъ: изъ нихъ онъ нѣкоторые выпустилъ для бо́льшей обстоятельности описаній и любовныхъ рѣчей.

Кромѣ «Энеиды» и незаслуживающей большаго вниманія передѣлки одной легенды, отъ Вельдеке намъ осталось *) нѣсколько пѣсень и шпрюховъ, т. е. краткихъ стихотвореній дидактическаго характера **). Въ нихъ онъ высказываетъ свой взглядъ на жизнь: его богъ—удовольствіе; его враги—завистники и люди, сующіе свой носъ въ чужія дѣла; выше всего на свѣтѣ любовь къ дамамъ—отъ нея идетъ людямъ все доброе. Хотя онъ и не лишенъ таланта, нельзя ставить его на одну доску съ Вальтеромъ фонъ-деръ-Фогельвейде и великими эпиками. Между тѣмъ младшіе поэты считали себя его учениками; современники прославляли его болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, и прославляли не за пѣсни, а за бездарную «Энеиду». Какъ понять это?

Тайна его искусства—чистая, звучная риѳма, какой нѣмецкая поэзія не знала до сихъ поръ, — и вообще обработка формы. Форма въ его рукахъ достигла такого изящества, что рыцари и дамы, обладавшіе тонкимъ вкусомъ, уже не имѣли болѣе нужды учиться по-

*) Его поэма о Соломонѣ и Венерѣ не дошла до насъ даже и въ отрывкахъ.

**) *Spruch*, буквально *изреченіе*, стихотвореніе, не приспособленное къ пѣнію, видъ поэзіи, игравшій въ Германіи туже роль, что сирвенты въ Провансѣ, видъ, по своему происхожденію, народный, но вошедшій въ моду въ переходную эпоху нѣмецкой поэзіи, когда она въ XII в. изъ рукъ странствующихъ пѣвцовъ переходила въ руки рыцарей. Къ этому времени относится собраніе шпрюховъ, принадлежащее одной школѣ, можетъ быть одной семьѣ пѣвцовъ, *Шперфогелей*. По содержанію, это плоды здороваго, умѣреннаго міровоззрѣнія, первые провозвѣстники мѣщанской поэзіи. Шпрюхи Вельдеке и его послѣдователей отличаются не только болѣе совершенною формой, но и субъективностью содержанія.

Digitized by Google

провансальски и по-французски, чтобы находить въ стихахъ изящное выраженіе модныхъ чувствъ.

Во всѣхъ литературахъ долгое время великими поэтами считаются техники, реформаторы формы и стиха.

При томъ же дворѣ тюрингенскомъ и около того же времени явились еще двѣ поэмы античнаго цикла: Герботъ изъ Фритцлара, по порученію ландграфа Германа, перевелъ большую поэму Бенуа—романъ троянскій, которая могла служить введеніемъ къ «Энеидѣ» Вельдеке, и Альбрехтъ Гальберштадтскій передѣлалъ «Метаморфозы» Овидія. Хотя Альбрехтъ былъ духовнымъ лицомъ и передъ нимъ лежала не французская передѣлка, а латинскій оригиналъ, но и онъ, въ угоду духу времени, травестировалъ Овидія: дріады и наяды обращены у него въ фей; герои носятъ рыцарскіе шлемы и сражаются на коняхъ турнирнымъ оружіемъ; значительно распространены любовныя объясненія, тонко соблюдаются приличія и пр.

Въ одно время съ Вельдеке при дворѣ австрійскомъ жилъ эльзасецъ Рейнмаръ фонъ-Гагенау, посѣщавшій и дворъ тюрингенскій. Онъ извѣстенъ только какъ лирикъ; по содержанію своихъ пѣсень онъ миннезингеръ самаго чистаго типа, т. е. трубадуръ безъ южной страсти и интереса къ политическимъ вопросамъ. Онъ не знаетъ природы и не любитъ ея касаться; онъ вѣчно плачется на свои небывалыя любовныя страданія, которымъ подвергаетъ его дама сердца, далеко превышавшая красотою и добродѣтелью всѣхъ другихъ женщинъ, умершихъ и живущихъ. Короче сказать, все у него дѣланное и модное. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался большою славой за чистоту риемы и разнообразіе метра (Готфридъ Страсбургскій называетъ его соловьемъ гагенаускимъ и знаменоносцемъ фаланги поэтовъ); эту славу онъ дѣлилъ сперва съ Вельдеке, потомъ съ его ученикомъ Генрихомъ Морунгенскимъ и, наконецъ, съ своимъ знаменитымъ послѣдователемъ, величайшимъ изъ миннезингеровъ, Вальтеромъ-фонъ-деръ-Фогельвейде.

Вальтеръ, безземельный, низшаго ранга дворянинъ, родился, какъ полагаютъ, въ южномъ Тиролѣ, въ Эйзакской долинѣ, во второй половинѣ XII столѣтія. Стало быть, его раннія политическія впечатлѣнія совпадаютъ съ величіемъ дома Гогенштауфеновъ. Онъ былъ ребенкомъ, когда весь міръ съ напряженіемъ ждалъ исхода борьбы Барбароссы съ папой и ломбардцами; отрокомъ—во время майнцскаго празднества и свадьбы наслѣдника имперіи съ наслѣдницей Сициліи; молодымъ человѣкомъ—во время крестоваго похода Фридриха. Германско-имперскій патріотизмъ, ненависть къ итальянцамъ и къ притязаніямъ папъ имѣли основаніе развиться въ его впечатлительной душѣ; но увѣренность въ силѣ императора успокоивала его

Digitized by Google

и другихъ насчетъ будущности Германіи и давала возможность наслаждаться жизнью, мало безпокоясь о политикѣ. Юность свою провелъ Вальтеръ въ Вѣнѣ, гдѣ нашелъ блестящее общество и Рейнмара фонъ-Гагенау, которому на первое время онъ явно подражалъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи формы *). Но вотъ, въ концѣ 90-хъ годовъ, положеніе вещей и лично для Вальтера и для всей Германіи радикально измѣнилось: въ Вѣну пришла вѣсть о смерти императора, 32-хъ-лѣтняго Генриха VI (1197 г.); чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ крестовомъ походѣ, въ Палестинѣ, скончался покровитель и другъ Вальтера, Фридрихъ Австрійскій, прозванный Католическимъ, и въ томъ же 1198 г. вступилъ на папскій престолъ могучій ненавистникъ императорской власти, Иннокентій III. Въ это время Вальтеру было около 30 лѣтъ; смыслъ событій былъ ему вполнѣ понятенъ. Онъ сталъ ярымъ бойцомъ за единство и величіе Германіи, обратился отъ любовныхъ пѣсенъ къ шпрюхамъ, и литературная исторія послѣднихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ политическая исторія его времени. Имперія нуждалась въ крѣпкой державной рукѣ; слѣдовательно о малолѣтнемъ сынѣ покойнаго императора нечего было и думать. Гибеллинская партія рѣшила собраться около его дяди, 20-ти-лѣтняго сына Барбаруссы, Филиппа Швабскаго, и провозгласила его императоромъ. Гвельфы выставили противъ него безумно-храбраго, энергичнаго воспитанника Франціи—Оттона, второго сына Генриха Льва. Вальтеръ стоялъ за Филиппа, и когда тотъ короновался въ Майнцѣ, онъ привѣтствовалъ его однимъ изъ популярнѣйшихъ своихъ шпрюховъ:

«Корона старше, чѣмъ король Филиппъ; но смотрите: не чудо ли это? Мастеръ сдѣлалъ ее точь въ точь по его головѣ. Его царственное чело такъ пришлось къ коронѣ, что ни одинъ честный человѣкъ не подумаетъ отдѣлить ихъ» и пр.

25-го декабря 1199 г. Филиппъ торжественно праздновалъ Рождество въ Магдебургѣ. Вальтеръ присутствовалъ на этомъ празднествѣ и воспѣлъ его: «Въ годовщину рожденія нашего Спасителя торжественно шествовалъ въ Магдебургѣ прекрасный король Филиппъ; тамъ шелъ братъ и сынъ императора. Всѣ эти три имени принадлежатъ одному лицу... Всѣ мудрые люди должны этому радоваться»...

Вальтеръ былъ близокъ къ Филиппу и, можетъ быть, ѣздилъ по его дѣламъ въ Парижъ, просить у короля Франціи болѣе дѣятельной помощи. Полагаютъ, что онъ написалъ по возвращеніи оттуда

*) Нѣкоторые полагаютъ, что ихъ соперничество въ искусствѣ перешло въ личную вражду; въ этомъ смыслѣ объясняютъ посвященную памяти учителя пѣсню Вальтера, гдѣ онъ говоритъ: „Я не тебя, Рейнмаръ, оплакиваю, а твое благородное искусство“.

Digitized by Google

свою знаменитую пѣсню: «Германія выше всего» (Deutschland ueber alles).

Вы должны сказать: здравствуй! Это я приношу вамъ вѣсть. Все, что вы слышали до сихъ поръ—вздоръ. Спрашивайте меня. Но я желаю награды; если она мнѣ понравится, я, можетъ быть, разскажу вамъ нѣчто такое, что размягчитъ васъ; смотрите-жъ, окажите мнѣ честь.

„Я скажу кое-что о нѣмецкихъ дамахъ, послѣ чего онѣ еще болѣе понравятся всему свѣту. Большой награды я не потребую за это. Чего бы мнѣ пожелать? Онѣ для меня слишкомъ высоко стоятъ; я скроменъ и прошу только ласковаго привѣта.

„Я видѣлъ много земель и лучшія узналъ хорошо; пусть меня накажетъ судьба, если сердце мое дойдетъ до того, что чужой образъ жизни понравится ему. Что̀ мнѣ за польза говорить неправду? Нѣмецкая жизнь лучше всѣхъ.

„Отъ Эльбы до Рейна и назадъ до Венгріи — лучшія земли, какія я только видѣлъ въ свѣтѣ; если я знаю толкъ въ хорошихъ манерахъ и красотѣ, то клянусь Богомъ, здѣсь женщины лучше другихъ дамъ.

«Нѣмецкіе люди хорошо воспитаны; жены ихъ подобны ангеламъ: кто ихъ бранитъ, тотъ въ заблужденіи. Иначе я не могу себѣ этого объяснить. Кто хочетъ найти добродѣтель и чистую любовь, тотъ пусть придетъ въ нашу землю. Тутъ-то много радости. Да, я живу здѣсь долгіе годы!“

Въ 1204 г. мы видимъ Вальтера въ Тюрингенѣ, въ Вартбургѣ, гдѣ онъ, какъ извѣстный поэтъ, былъ принятъ, конечно, съ почетомъ.

Когда, въ 1208 г., Филиппъ былъ убитъ Виттельсбахомъ, Вальтеръ оплакалъ смерть его, но перешелъ на сторону Оттона, теперь единственнаго представителя имперской державной власти, недавно обручившагося съ дочерью покойнаго Филиппа. Когда Иннокентій въ 1210 г. отлучилъ Оттона отъ церкви, Вальтеръ горячо протестовалъ противъ этого отлученія, относясь съ ироніей къ видимой непослѣдовательности папы (честные нѣмцы должны исполнять его прежній приказъ и считать враговъ Оттона врагами церкви), и его могучій голосъ, говорятъ, не мало поддержалъ дѣло имперіи. Когда Иннокентій выставилъ соперникамъ Оттону Фридриха II, Вальтеръ обвинялъ папу въ стремленіи дурачить нѣмцевъ ради собственной выгоды. Папа говоритъ своимъ итальянцамъ: «Я посадилъ двухъ нѣмцевъ подъ одну корону, чтобы привести въ смуту имперію и подвергнуть ее пожару и опустошенію. А въ это время сундуки мои наполняются». Тѣмъ не менѣе, самъ Вальтеръ вскорѣ перешелъ на сторону Гогенштауфена, къ которому влекли его и традиціи, и личный характеръ принца, и его расположеніе къ поэтамъ. Вальтеръ, до тѣхъ поръ бездомный, напрасно умолявшій своихъ прежнихъ покровителей доставить ему уголъ, получилъ отъ Фридриха собственность въ Вюрцбургѣ и выразилъ свою радость въ пѣснѣ, которая начинается наивнымъ восклицаніемъ: «У меня есть лэнъ, о люди! у меня есть лэнъ!»

Digitized by Google

Слѣдуетъ ли, въ виду вышеизложенныхъ фактовъ, считать Вальтера наемникомъ, «перелетомъ», который изъ личныхъ выгодъ всегда переходитъ на сторону побѣдителя, или, исходя изъ убѣжденія, что Вальтеръ великій нѣмецкій патріотъ, Vater Глеймъ, Кёрнеръ своего времени, слѣдуетъ искать, хотя бы и не безъ софизмовъ, оправданія для этихъ переходовъ? Вальтеръ по бѣдности—прямой наслѣдникъ странствующихъ пѣвцовъ и вполнѣ сынъ своего времени. При всей своей любви къ родинѣ онъ не забываетъ личныхъ выгодъ и говоритъ о нихъ съ наивной откровенностью, безъ лицемѣрія. Для него, какъ для любого шпильмана, щедрость — первая добродѣтель; бережливость—самый ужасный порокъ князей; при самыхъ тяжелыхъ для Германіи обстоятельствахъ, онъ воспѣваетъ пиры и праздники или жалѣетъ, что ихъ слишкомъ мало *). Между двумя соперниками, императорами или князьями, онъ предпочтетъ того, къ кому привязываютъ его личныя выгоды, но родинѣ въ широкомъ смыслѣ онъ никогда не измѣнитъ, и папу, унижающаго имперію, восхвалять не станетъ. Короче сказать, по выраженію одного біографа, изъ личныхъ выгодъ онъ могъ перемѣнять покровителей, но не принципы.

Вальтеръ не долго довольствовался наслажденіемъ сидѣть на собственной землѣ, и вскорѣ мы видимъ его опять въ странствіяхъ: то проживаетъ онъ въ Вартбургѣ, то при дворѣ австрійскомъ, гдѣ онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ герцога Леопольда. Императору онъ остается вѣренъ до конца и своимъ летучимъ оружіемъ дѣятельно помогаетъ ему въ борьбѣ съ папой. Еще до начала открытой борьбы онъ совѣтовалъ ему не довѣрять духовенству. Когда вражда разгорѣлась, онъ рекомендуетъ могучее средство — отнять у всѣхъ епископовъ и аббатовъ, которые не хотятъ ему повиноваться, земли и имѣнія. Онъ огуломъ бранитъ духовенство за жадность къ деньгамъ, которыми оно не хочетъ дѣлиться съ бѣдными. Папа и кардиналы подаютъ всѣмъ ужасный примѣръ сребролюбія: «Какъ по-христіански папа насмѣхается надъ нами!» восклицаетъ Вальтеръ, узнавъ о кружкахъ, разставленныхъ Иннокентіемъ для сбора пожертвованій на крестовый походъ. «Я ихъ направилъ, говоритъ онъ, къ моей кружкѣ, и все ихъ имущество отойдетъ ко мнѣ... Вы, мои слуги, ѣшьте куръ, пейте вино, а глупые нѣмцы пусть постятся». Источникъ алчности—свѣтская власть папъ. «Еслибы Константинъ зналъ, какое употребленіе сдѣлаютъ папы изъ его щедрости, онъ не рѣшился бы подвергнуть имперію такимъ бѣдамъ». Въ выраженіяхъ Вальтеръ не стѣсняется нимало, главу христіанства назы-

*) Онъ не брезгаетъ брать въ награду за свои пѣсни не только бриллiянты, но и платья, и хвалится тѣмъ, что получаетъ ихъ не съ барскаго плеча, а неношенными.

Digitized by Google

ваетъ онъ новымъ Іудой и другими подобными именами. «Чье сердце не испортится въ эти времена»—восклицаетъ Вальтеръ въ пьесѣ, обыкновенноо заглавливаемой «Дурной примѣръ»—«когда самъ папа, этотъ истинно святой и богобоязненный человѣкъ, усиливаетъ безвѣріе. Посмотрите на дѣла поповъ и ихъ ученіе: прежде и дѣла, и ученіе были святы; теперь они тоже сходны, только въ другомъ отношеніи, такъ что мы видимъ нечестивыя дѣла и слышимъ нечестивыя рѣчи тѣхъ, кто долженъ бы подавать намъ благой примѣръ. Намъ, глупымъ мірянамъ, остается только на все махнуть рукой».

Враги знали цѣну шпрюхамъ Вальтера. Одинъ итальянскій прелатъ, хорошо знавшій по-нѣмецки *), говоритъ, что Вальтеръ своими стихами одурачилъ и сдѣлалъ непослушными папѣ цѣлыя тысячи людей.

Его ненависть къ итальянскому духовенству отнюдь не обусловливается невѣріемъ или религіознымъ индифферентизмомъ, который рѣзко выдается въ произведеніяхъ большинства трубадуровъ. Какъ истый предшественникъ Лютера, Вальтеръ полонъ религіознаго одушевленія, переходящаго временами въ аскетическое отвращеніе отъ радостей міра. Онъ горячій сторонникъ крестовыхъ походовъ; одновременно съ папой онъ уговариваетъ Фридриха II не медлить съ святымъ дѣломъ; разница въ томъ, что когда дѣло затягивается, онъ обвиняетъ въ промедленіи не императора, а бунтовщиковъ-прелатовъ.

Когда Фридрихъ собрался наконецъ въ Св. Землю, Вальтеръ доказалъ, что слово у него не расходится съ дѣломъ (не то, что Бертранъ де-Борнъ), и принялъ крестъ. Увидавъ собственными глазами, какія препятствія воздвигъ папа Фридриху и услыхавъ о вторженіи папскихъ войскъ въ Апулію, Вальтеръ обличилъ папу и призвалъ на него мщеніе Божіе. Это было, какъ полагаютъ, его послѣднее произведеніе.

Въ массѣ народной слава Вальтера, конечно, основывалась на его политическихъ шпрюхахъ; въ галантномъ и особенно въ дамскомъ обществѣ—на любовныхъ пѣсняхъ, которымъ, по крайней мѣрѣ въ молодости, и самъ Вальтеръ придавалъ больше значенія.

Выше было сказано, что Вальтеръ — ученикъ Рейнмара, какъ Рейнмаръ — ученикъ трубадуровъ. Но Вальтеръ выше Рейнмара, такъ какъ онъ скоро освободился отъ его вліянія и воспользовался уроками, которые давала ему народная пѣсня. Форма одинаково изящна у обоихъ; но въ содержаніи, вмѣсто напыщенной сухости и формализма Рейнмара, у Вальтера мы находимъ искреннее чувство. У Рейнмара его дама лучше всѣхъ, красавица, какой еще свѣтъ не создавалъ. Вальтеръ говоритъ своей возлюбленной: «Можетъ быть,

*) Tomasin von Zirelaria въ 1215 г.

Digitized by Google

другія и лучше тебя, но въ моихъ глазахъ и ты хороша». Народнымъ вліяніемъ объясняется то обстоятельство, что не всѣ пѣсни Вальтера посвящены такъ-называемой высокой любви (*hohe minne*, рыцарская любовь, переходящая въ обожаніе); у него есть любовныя пѣсни, въ которыхъ рѣзко выдается элементъ грубоватой чувственности и сатира на женщинъ. Онъ доказываетъ, что гораздо благоразумнѣе ухаживать за горожанками и крестьянками, чѣмъ за благородными дамами; мечтаетъ о томъ, чтобъ увидѣть свою возлюбленную раздѣтой; говоритъ про какую-то свою немолодую любовницу, которая измѣнила ему для юноши, и желаетъ, чтобы палка новаго возлюбленнаго отдѣлала получше ея старую кожу; онъ бранитъ женщинъ за страсть къ деньгамъ, рекомендуетъ имъ скорѣй давать свою любовь даромъ, чѣмъ продавать ее дешево и т. д. Но таково направленіе меньшинства пѣсень; бо̀льшая часть ихъ посвящена высокой любви, идеальному отношенію къ дамамъ. Благородная дама въ глазахъ поэта — вѣнецъ творенія; какъ ни прекрасна весна, дама прекраснѣй ея, и не столько физической красотой, сколько нравственной: граціей, веселостью, скромностью и особенно постоянствомъ. Онъ недоволенъ своимъ вѣкомъ именно потому, что теперь стали оказывать мало уваженія дамамъ. Если у женщинъ и есть пороки, то виновна въ нихъ другая сторона. «Тотъ, кто первый обманулъ женщину, столько же провинился передъ мущинами, какъ и передъ женщинами».

Но и Вальтеръ въ своихъ пѣсняхъ часто даетъ мѣсто не чувству, а остроумной болтовнѣ о чувствѣ; въ этомъ случаѣ онъ отличается отъ своихъ собратовъ бо̀льшимъ искусствомъ, послѣдовательностью въ проведеніи образовъ. Такъ напр. исходя изъ извѣстнаго представленія, что тѣло есть одежда души, онъ пользуется имъ для прославленія красоты своей дамы въ цѣломъ рядѣ картинъ: изящнѣйшаго платья онъ никогда не видывалъ; разумъ и счастье встрочены въ него. Вспоминая объ обычаѣ награждать странствующихъ пѣвцовъ платьемъ, онъ говоритъ: «Я никогда не бралъ поношеннаго платья, но это взялъ бы охотно на всю жизнь. Изъ-за него императоръ способенъ сдѣлаться шпильманомъ. Ну-ка, императоръ, поиграй! Нѣтъ, господинъ, лучше ступай подальше». Любовь такое обширное чувство, разсуждаетъ онъ въ другой пѣснѣ, что не можетъ вмѣститься въ одномъ сердцѣ. Чтобъ ему не было тѣсно, нужны по крайней мѣрѣ два.

Подобно лирикамъ французскимъ и согласно съ общимъ направленіемъ художественной и умственной жизни того времени, Вальтеръ часто въ своихъ пѣсняхъ выводитъ аллегорическія фигуры: Saelde (счастіе), Werlt (свѣтъ), Maze (умѣренность, довольство своимъ),

Digitized by Google

Unmaze (неумѣренность) [1]), Staete (постоянство), Fuoge (urbanitas, искусство жить) и пр. Чаще всѣхъ другихъ, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчается аллегорическая фигура любви — Minne, которая у нѣмцевъ является не юношей (Amour), а женщиной, могучей королевой, съ копьемъ и стрѣлами и съ укрѣпленнымъ замкомъ [2]).

Зналъ-ли Вальтеръ грамотѣ—неизвѣстно; но онъ былъ натертый и для своего времени и сословія развитой человѣкъ: онъ знаетъ и Елену Троянскую, и Діану, слыхалъ про русскихъ и поляковъ; библейскія имена знакомы ему очень хорошо. Вальтеръ убѣжденъ, что евреи, язычники и христіане служатъ одному Богу; смѣется надъ вѣрой въ сны, требуетъ, чтобы въ основу воспитанія дѣтей была положена не строгость, а кротость; доказываетъ равноправность людей по рожденію.

Вальтеръ умеръ въ 1230 году, въ Вюрцбургѣ; по преданію онъ сдѣлалъ вкладъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы въ продѣланныя по его приказанію четыре отверстія въ его надгробномъ камнѣ клали кормъ для птицъ [3]). Но монахи не долго исполняли его завѣщаніе, и вскорѣ стали ограничиваться тѣмъ, что въ день его памяти не птицъ, а самихъ себя угощали пирожками.

Въ исторіи литературы часто случается (разумѣется, всегда съ достаточнымъ основаніемъ), что выдающіеся дѣятели вліяютъ на младшія поколѣнія, образуютъ школу не лучшей, а слабѣйшей стороной своихъ произведеній, не достоинствами, а недостатками. Разстроенная борьбой съ папами Германія распалась, германо-имперскій патріотизмъ изсякъ, и политическіе шпрюхи Вальтера не нашли подражателей; софистика однихъ его любовныхъ пѣсень и грубоватая чувственность другихъ нашли ихъ въ изобиліи.

Мы упоминали выше о пресловутомъ чудакѣ Ульрихѣ фонъ-Лихтенштейнѣ и его книгѣ: «Служеніе дамамъ» [4]). Этотъ мученикъ

---

[1]) Вальтеръ, какъ практическій философъ — поклонникъ „мѣры". Любопытенъ эпизодъ одной его пьесы, представляющій зародышъ басни: „Одно *шесть* захотѣло сдѣлаться *семью*. Но кто выходитъ изъ своей мѣрки, часто подвергается многимъ непріятностямъ. Гордое *шесть!* Вотъ ты теперь принуждено сдѣлаться *тремя*". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Кто властвуетъ надъ собой, тотъ истинный богатырь; онъ побѣждаетъ и льва и великана".

[2]) Minne, по словамъ одного изъ миннезингеровъ, „обнимаетъ все узкое и широкое, царствуетъ на землѣ и на небѣ, присутствуетъ вездѣ, кромѣ ада".

[3]) Сказаніе это, конечно, основано на имени: *Vogelweide, птичій покормъ.*

[4]) Онъ умеръ въ 1245 г., 76 лѣтъ отъ роду; отъ него происходитъ княжескій родъ Лихтенштейновъ. Разговоры старшихъ о служеніи дамамъ внушили ему, когда онъ былъ еще ребенкомъ, желаніе прославиться именно въ этомъ отношеніи. Предметомъ своего поклоненія онъ выбралъ, какъ полагаютъ, герцогиню Меранскую, у которой состоялъ пажемъ; для ея-то удовольствія онъ пилъ грязную воду, одѣвался прокаженнымъ и пр. Кромѣ „Vrouwen Dienst", онъ оставилъ другую, меньшую поэму „Vrouwen Lop", содержаніе которой составляютъ пререканія мущинъ и женщинъ.

Digitized by Google

моды считался весьма талантливымъ миннезингеромъ школы Вальтера (разумѣется, какъ поэта высокой любви). Особенности своего учителя онъ довелъ до крайности: мысли его нѣжны, какъ только возможно; стихи гладки; системы риѳмъ необыкновенно сложны. Вотъ для примѣра довольно близкій переводъ одной изъ его пѣсень:

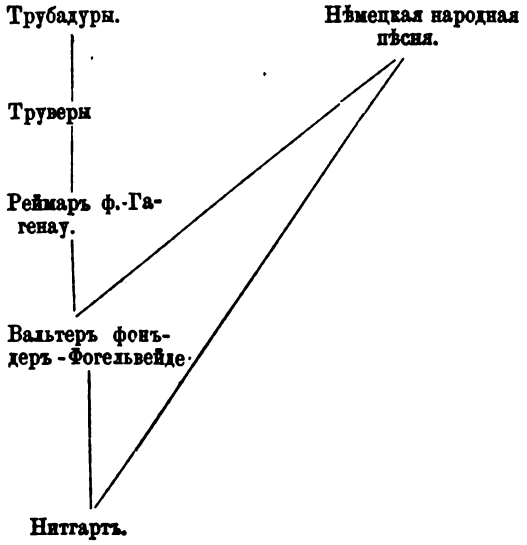
Сладко птички распѣваютъ
Въ тѣни дуба и сосны;
На лугу-же разцвѣтаютъ
Дѣти пестрыя весны.

***

Такъ цвѣтетъ мой духъ весельемъ
Какъ помыслю я о той,
Кто своею красотой
Меня въ горѣ утѣшаетъ,
И блаженствомъ награждаетъ,
Какъ бѣднягу сновидѣнье.

Другая сторона любовной лирики Вольтера нашла себѣ продолжателей въ баварско-австрійскихъ поэтахъ, въ лирикѣ которыхъ народная струя никогда не пресѣкалась окончательно. Знаменитѣйшій изъ нихъ—Нитгартъ, младшій современникъ Вальтера, подсмѣивался надъ послѣднимъ и вмѣстѣ съ остальными реалистами вызывалъ его негодованіе грубостью тона своихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе въ отношеніи внѣшней формы: метра и риѳмы, Нитгартъ несомнѣнно ученикъ Вальтера *).

*) Такимъ образомъ генетическую связь между главными представителями нѣмецкой лирики можно выразить въ такой схемѣ:



Digitized by Google

Нитгартъ изъ Рейенталя—по происхожденію баварскій рыцарь, вслѣдствіе какого-то несчастія лишившійся наслѣдственнаго лена. Онъ проживалъ при баварскомъ и австрійскомъ дворахъ, особенно долго при послѣднемъ. Всѣ его произведенія, за исключеніемъ немногихъ дисгармонирующихъ съ остальными пьесами, въ которыхъ онъ является чистымъ послѣдователемъ придворныхъ миннезингеровъ, представляютъ, при несогласіи формы съ содержаніемъ, какъ бы пародію на послѣднихъ. Ихъ дѣлятъ на двѣ группы: лѣтнія (Angertänze) и зимнія (Stubentänze); первыя имѣютъ болѣе драматическій характеръ; тема значительной части ихъ—успѣхи поэта въ любви къ деревенскимъ красавицамъ; дѣйствующія лица ихъ—бабы и дѣвушки: старуха хочетъ посмотрѣть хороводъ; дочь, имѣющая на этотъ вечеръ свои виды, уговориваетъ ее остаться дома; въ другой пьесѣ дѣвушка стремится идти на свиданіе къ Нитгарту, а мать, сватающая ее за мельника, запрещаетъ ей это, не даетъ ей платья, вслѣдствіе чего происходитъ потасовка между матерью и дочерью.

Въ зимнихъ пѣсняхъ выдается сатирическій элементъ. Поэтъ осмѣиваетъ разбогатѣвшихъ мужиковъ, которые пародируютъ рыцарей, причемъ нравы послѣднихъ, доведенные до абсурда, естественно являются не съ привлекательной стороны, такъ что трудно разобрать, какой конецъ палки Нитгарта бьетъ сильнѣе.

Однакоже пѣсни Нитгарта охотно распѣвались при дворахъ, и онъ нашелъ массу подражателей. Едва ли это можно объяснить только прелестью ихъ плясовыхъ мелодій—онѣ, насколько можно судить по размѣру, навѣрно были хороши; очевидно, реакція противъ деликатной рыцарской поэзіи была въ духѣ времени: близилась эпоха некрасиваго, мѣщански расчетливаго, мужицки-эгоистичнаго, за-то и мужицки-дѣльнаго императора Рудольфа.

Изъ такихъ реакціонеровъ извѣстная народная сага о Венериной горѣ (впрочемъ окончательно сложившаяся много позднѣе, въ эпоху реформаціи) прославила Тангейзера. Онъ былъ тоже, какъ и Нитгартъ, баварскій рыцарь, часто проживавшій при австрійскомъ дворѣ, человѣкъ безпокойнаго нрава, много поѣздившій на своемъ вѣку, бывавшій, вѣроятно, и на отдаленномъ Востокѣ. Онъ пародируетъ рыцарское служеніе дамамъ, перечисляя задачи, которыя поставила ему гордая дама: отвести Рейнъ отъ Кобленца, достать со дна морскаго песокъ, на которомъ спитъ по ночамъ солнце, принести изъ Галилеи гору, на которой сидѣлъ Адамъ, Ноевъ ковчегъ, Парисово яблоко и пр.; онъ пародируетъ аубады, изображая, какъ пастушескій рожекъ отрываетъ батрака отъ его дѣвушки; лучшее время года для него не весна, а осень и зима, когда охотнѣй гуляютъ кубки.

Хотя у Лихтенштейна были товарищи и послѣдователи, съ по-

Digitized by Google

ловины XIII вѣка рыцарская лирика очевидно падаетъ. Дольше всего она держится въ Швабіи, но и здѣсь школа Нитгарта все болѣе и болѣе вытѣсняетъ ее. Правда, около этого времени появляются новые центры поэзіи при дворахъ сѣверовосточныхъ князьковъ, гдѣ въ XII вѣкѣ господствовали чуть не медвѣжьи нравы; даже иные изъ славянскихъ государей упражняются въ миннезангѣ. Но всѣ эти поздніе, безпочвенные отпрыски скоро замираютъ; поэзія снова переходитъ въ руки бродячихъ пѣвцовъ; рыцари заняты политикой, охотой, разбоемъ; они, по словамъ поэтовъ, стали больше любить вино, чѣмъ дамъ; да и самыя дамы теперь не прочь выпить въ хорошей компаніи. И странствующій пѣвецъ, не говоря уже про поэта-рыцаря, не могъ быть доволенъ пріемомъ, который ему оказывали въ зáмкахъ.

Поэзія постепенно переселяется въ города, гдѣ, конечно, она должна была измѣнить свой характеръ. Представителемъ этой переходной эпохи можетъ служить Генрихъ Мейссенскій, прозванный за уваженіе къ дамамъ Frauenlob. Сравнительно съ прежними миннезингерами, въ его произведеніяхъ прежде всего поражаетъ масса учености; чтобы показать тлѣнность всего земного, онъ начинаетъ съ Артура, потомъ перебираетъ Самсона, Соломона, Аристотеля, Александра, Зигфрида, Рюдигера, Парциваля и пр. Форма доходитъ до небывалой искусственности: въ такъ-называемомъ «нѣжномъ тонѣ» Фрауэнлоба строфа имѣетъ 21 риѳму; въ «крайне-нѣжномъ» не менѣе 34. По сказанію, когда онъ умеръ, въ 1318 г., въ Майнцѣ благодарныя дамы города несли на рукахъ его гробъ и оросили его могилу виномъ въ такомъ изобиліи, что оно залило весь церковный дворъ.

Къ этому періоду эпигоновъ относится «Вартбургская война»—лирическая поэма, цѣль которой прославить меценатство Германа Тюрингенскаго и геній Вольфрама фонъ-Эшенбахъ (см. ниже), а содержаніе—состязаніе поэтовъ, будто бы происходившее въ Вартбургѣ въ 1206—7 годахъ. Гейнрихъ фонъ-Офтердингенъ поетъ похвалу Леопольду Австрійскому, а Шрейберъ и Вольфрамъ—Герману; къ двумъ послѣднимъ присоединяетъ свой голосъ и Вальтеръ ф.-д. Фогельвейде. Побѣжденный Офтердингенъ призываетъ на помощь полу-волшебника, полу-поэта Клингзора *); Клингзоръ, представитель книжной мудрости, задаетъ Вольфраму мудрыя загадки, которыя тотъ благополучно разрѣшаетъ.

Въ мудреныхъ рѣчахъ ученаго Клингзора авторъ безсознательно воспроизвелъ паденіе нѣмецкой лирики—пѣсню мейстерзингеровъ,

*) Въ „Парцивалѣ“ Вольфрама поминается *Klinschor*.

Digitized by Google

на которой, какъ на явленіи жалкомъ, до извѣстной степени уродливомъ, мы несчитаемъ нужнымъ долго останавливаться.

Тѣ изъ бродячихъ пѣвцовъ, которые учились въ школахъ и потому составляли, такъ сказать, аристократію этого класса, уже въ раннее время пользовались титуломъ мейстеровъ (испорченное magister). Теперь, когда центрами умственной жизни стали города, въ средѣ бюргеровъ явились поэтическія общества, съ необыкновенною строгостью и педантизмомъ воспроизводившія всѣ виды рыцарской лирики. Объ искреннемъ чувствѣ и поэтическихъ мотивахъ въ ихъ произведеніяхъ не могло быть и рѣчи; рѣзко выдающіяся черты: ученость, туманность и благочестивое направленіе; слѣд. буквально тоже самое, что мы видѣли въ концѣ предыдущей главы въ городахъ Прованса. Сходство объясняется не непосредственнымъ вліяніемъ, а единствомъ ступени развитія.

Только въ области дидактики и бытовой новеллы произведенія эпохи мейстерзингеровъ заслуживаютъ вниманія; но о нихъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Возвращаемся къ рыцарскому эпосу, который мы покинули на той ступени его развитія, когда изящная, модная форма, чистый, правильный стихъ прилагались къ сюжетамъ, рабски скопированнымъ съ французскаго. Дѣло не могло остановиться на этомъ: въ эпоху высокаго развитія миннезанга нѣмецкіе эпики не могли оставаться переводчиками и должны были вносить въ заимствованные сюжеты національныя и личныя черты.

Изъ ряда рыцарственныхъ эпиковъ обыкновенно выдѣляютъ троихъ даровитыхъ поэтовъ-современниковъ, изъ которыхъ тѣмъ не менѣе каждый имѣетъ рѣзко опредѣленную физіономію, соотвѣтствующую извѣстной ступени національнаго развитія.

Гартманъ фонъ-Ауэ, служилый дворянинъ владѣтелей Ауэ, по своему времени былъ человѣкъ ученый, т. е. грамотный; кромѣ того, онъ свободно читалъ по-французски; сочинять стихи онъ началъ, какъ самъ говоритъ, для того, чтобы занять праздное время. Онъ участвовалъ въ крестовомъ походѣ, или предпринятомъ Фридрихомъ Барбаруссою (1189—91), или, что́ вѣроятнѣе, въ слѣдующемъ (1197—98), а можетъ быть, и въ томъ и въ другомъ: въ первомъ, какъ оруженосецъ, во второмъ, какъ рыцарь; умеръ раньше 1220 г. Онъ—одинъ изъ даровитѣйшихъ миннезингеровъ; въ виду красоты формы и чистоты риѳмы, его пѣсни помѣщаются въ хрестоматіяхъ рядомъ съ произведеніями Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде. Сравнительно съ Рейнмаромъ и другими типичными миннезингерами, Гартманъ мужественнѣе, живѣе и смѣлѣе. Противъ горя и отчаянія у него есть могучее лѣкарство: «Будь, что будетъ; придетъ и наше

Digitized by Google

время!» Онъ откровенно требуетъ служенія двоимъ господамъ: міру и Богу, и соотвѣтственно этому его эпическія произведенія распадаются на двѣ группы: легенды и рыцарскіе романы.

Мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, что въ странахъ, гдѣ былъ силенъ потокъ національной языческой поэзіи, какъ въ Англіи и Германіи, въ первыхъ христіанскихъ поколѣніяхъ поэты, вышедшіе изъ среды народа, прилагали къ легендарнымъ и библейскимъ сюжетамъ тѣ пріемы, которые они выработали на миѳогероическомъ эпосѣ. Съ другой стороны, поэты школьнаго образованія, напр. Отфридъ, пытались черезъ духовную поэзію распространить въ публикѣ богословскія и научныя свѣдѣнія. Посрединѣ между этими двумя крайностями стояли духовные поэты, которые ограничивали свой трудъ простымъ переложеніемъ латинской легенды въ нѣмецкіе, англо-саксонскіе или французскіе стихи. На первое время, какъ мы видѣли на примѣрѣ пѣсни о св. Эвлаліи, эти переложенія стремились удовлетворить только самый неприхотливый вкусъ. Но скоро эстетическія требованія повысились, и уже въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ правильно обработанныя поэмы духовнаго содержанія.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей такой вѣрной писанію духовной поэзіи во Франціи—авторъ поэмы о житіи св. Алексѣя (Алексѣй Божій человѣкъ, какъ извѣстно, и у нашихъ каликъ перехожихъ пользуется особою популярностью), написанной около половины XI вѣка *). Имя его неизвѣстно, но легко заключить, что онъ принадлежалъ къ духовному сословію, и судя по искусству его и свидѣтельству одного современника о нѣкоемъ каноникѣ Тетбальдѣ Вернонскомъ, который переложилъ житія многихъ святыхъ въ весьма изящные стихи, онъ далеко не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ XII в. его поэма была передѣлана для бродячихъ пѣвцовъ какимъ-то неталантливымъ и лѣнивымъ труверомъ; главная забота передѣлывателя состояла въ томъ, чтобъ увеличить объемъ поэмы, хотя бы совершенно безсодержательными вставками, и измѣнитъ старую форму пяти-строчныхъ куплетовъ въ новомодную. Но духъ сословія и времени сказывается и у этого пустослова: во первыхъ, онъ считаетъ себя въ правѣ дополнять церковное преданіе, выдумывая, въ видахъ эпической законченности, имена для безъименныхъ дѣйствующихъ лицъ; во вторыхъ, онъ старается выдвинуть впередъ «даму»—жену св. Алексѣя. Во второй половинѣ XII в. французскіе, а за ними и нѣмецкіе поэты идутъ въ томъ же направленіи еще дальше, приспособляя церковное содержаніе къ духу и эстетическимъ требованіямъ дамскаго и рыцарскаго вѣка.

*) Лучшее изданіе: G. *Paris et Leop. Pannier.* La vie de St. Alexis. Paris. 1872.

Digitized by Google

Гартманъ фонъ-Ауэ избираетъ для себя такіе легендарные сюжеты, на которыхъ фантазія его могла разгуляться, не оскорбляя рѣзко церковнаго преданія. Его поэма: «Григорій съ камня» излагаетъ христіанизированную и пріуроченную къ папѣ Григорію Великому сагу объ Эдипѣ. Источникъ поэмы не латинскій, какъ думали прежде, а французскій, въ значительной степени пріукрашенный Гартманомъ.

Вотъ ея содержаніе: Въ Аквитаніи у одного могучаго сеньора родились близнецы, мальчикъ и дѣвочка, рано потерявшіе своихъ родителей. Изъ нѣжной родственной любви между ними, по наущенію дьявола, возникло кровосмѣшеніе. Сестра забеременила; братъ въ отчаяніи бѣжалъ въ чужія земли и вскорѣ умеръ. Новорожденный ребенокъ съ драгоцѣнными одеждами и дощечкою, на которой было обозначено его высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ преступное происхожденіе, былъ положенъ въ лодку и спущенъ въ море. Его прибило къ берегу недалеко отъ одного монастыря, аббатъ котораго взялъ его потомъ на воспитаніе. Подробно описываетъ поэтъ, какія науки изучалъ мальчикъ и какіе успѣхи оказалъ въ нихъ. Услышавъ, что его бранятъ найденышемъ, молодой Григорій добился отъ аббата свѣдѣній о своемъ происхожденіи и объявилъ, что онъ возвратится въ міръ и будетъ рыцаремъ: Богу лучше служитъ, доказываетъ онъ аббату, воинъ, который честно выполняетъ рыцарскія обязанности, чѣмъ отупѣвшій монастырскій сидѣлецъ. Между тѣмъ мать Григорія, отказывавшая всѣмъ женихамъ и жившая въ строгомъ уединеніи, утѣснена своими врагами, и замокъ ея осажденъ. Незнакомый молодой рыцарь побѣждаетъ ея враговъ и въ награду получаетъ ея владѣнія и руку. Чрезъ нѣсколько времени супруги узнали истину, и Григорій покинулъ замокъ своей супруги-матери. Одинъ рыбакъ отвезъ его на голую скалу, торчавшую изъ моря, приковалъ къ ней за ногу, а ключъ бросилъ въ воду. Семнадцать лѣтъ каялся Григорій на голомъ камнѣ. Въ это время умеръ въ Римѣ папа, и гласъ божій повелѣваетъ римлянамъ возвести на папскій престолъ Григорія. Очищенный страшнымъ покаяніемъ, Григорій при жизни сдѣлался чудотворцемъ. Услышавъ о святости новаго папы, въ Римъ идетъ каяться въ своихъ преступленіяхъ его мать. Мать и сынъ узнаютъ другъ друга и доживаютъ свой вѣкъ въ душевной чистотѣ и спокойствіи.

Въ основу другой поэмы Гартмана: «Бѣдный Генрихъ», долженствовавшей прославить предка его ленныхъ господъ, положена швабская сага, отчасти сродная по сюжету съ массой сказаній объ излеченіи болѣзни чужою кровью, отчасти съ извѣстной русской легендой о Петрѣ и Февроніи.

Богатый и слишкомъ преданный міру рыцарь Генрихъ заболѣлъ проказой; всѣ старанія врачей помочь ему были тщетны. Наконецъ одинъ салернскій врачъ сказалъ, что его можно излечить только кровью изъ сердца невинной дѣвушки, которая добровольно принесетъ себя за него въ жертву. Не надѣясь найдти такую дѣвушку, Генрихъ роздалъ имѣніе родственникамъ, и церкви и поселился въ домѣ своего мельника, избѣгая людей. У мельника была 8-ми-лѣтняя дочь, привязавшаяся къ больному господину. Три года прожилъ у мельника Генрихъ. Разъ, на вопросъ хозяина, уже-ли нѣтъ никакого средства излечить его, Генрихъ сказалъ о лекарствѣ, указанномъ салернскимъ врачомъ. Этотъ разговоръ слышала дѣвочка и изъявила твердое намѣреніе принести въ жертву за господина свою юную жизнь. Напрасны были мольбы отца и матери и даже увѣщанія са-

Digitized by Google

мого Генриха. Дѣвочку повезли въ Салерно; врачъ уже привязалъ ее къ столу и сталъ точить ножъ. Вдругъ Генрихъ, почувствовавшій весь эгоизмъ своего поведенія, воспротивился убійству, не смотря на протестъ дѣвушки. Богъ наградилъ доброе движеніе его сердца и ея самопожертвованіе: Генрихъ выздоровѣлъ и женился на ней.

Чтобы болѣе не возвращаться къ духовному эпосу въ литературѣ среднихъ вѣковъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ развитіи легенды въ рукахъ свѣтскихъ поэтовъ.

Преемники Гартмана не были такъ сдержанны въ отношеніи выбора сюжетовъ и безъ колебанія подвергали свободной передѣлкѣ житія наиболѣе почитаемыхъ святыхъ. Такъ въ половинѣ XIII вѣка явилась обширная поэма Рейнбота фонъ-Дорнъ, составленная на основаніи французскаго текста и до-нельзя свободно пересказывающая житіе великомученника Георгія *). Рыцарственному поэту было достаточно знать, что Георгій обратилъ своею проповѣдью царицу Александру, чтобы на основаніи этого вплести въ поэму рядъ пестрыхъ сценъ изъ рыцарской придворной жизни, заставить великомученника вести свѣтскіе разговоры, выказывать свое знаніе свѣтскихъ приличій, острить, чуть не ухаживать; ему достаточно было знать, что Георгій—воинъ, чтобы посвятить десятки страницъ описанію его подвиговъ въ войнѣ противъ сарацинъ; достаточно было слышать, что культъ его связанъ съ культомъ Димитрія Солунскаго и Ѳедора Стратилата, чтобы предпослать мученію Георгія цѣлый романъ, излагающій его семейную исторію. Особенно рѣзкимъ передѣлкамъ въ житіяхъ мученниковъ подверглось грубое обращеніе мучителей съ женщинами: авторъ одной французской поэмы о томъ же св. Георгіи, въ другихъ пунктахъ державшійся близко латинскаго источника, съ однимъ не могъ помириться: съ варварствомъ мучителя по отношенію къ царицѣ Александрѣ, и вложилъ въ его уста нѣжную фразу, которая отнюдь не вяжется съ его позднѣйшимъ поведеніемъ **).

Около половины того же XIII столѣтія два поэта: одинъ французъ (Гюи), другой нѣмецъ (Рудольфъ Эмескій), независимо другъ отъ друга переложили въ стихи легенду о Варлаамѣ и Іоасафѣ ***). Съ нашей точки зрѣнія эта легенда—религіозный романъ; съ точки зрѣнія средневѣковаго человѣка — подлинное житіе. Тѣмъ не менѣе

*) Древняя (X вѣка) короткая поэма—Georgslied—представляетъ духовный эпосъ на той же ступени развитія, что и кантилена о св. Эвлаліи: она только грубо и неумѣло передаетъ содержаніе извѣстнаго тогда апокрифа. См. Св. Георгій и Егорій Храбрый Спб. 1879 г.

**) Oh dolce raine que feroi?
Coment morrir te soffreroi?

***) Греческій текстъ приписывается Іоанну Дамаскину; латинскій переводъ появился очень рано: мы имѣемъ рукописи отъ XII в.

Digitized by Google

оба поэта отнеслись къ тексту совершенно свободно; обстановку Востока замѣнили средневѣковой; въ пренія язычниковъ съ христіанами внесли всѣ свои школьныя воспоминанія о классической миѳологіи и литературѣ, выпустили все, что было скучно или непонятно ихъ читателямъ, и выдвинули женщину на видный планъ. Въ аскетическомъ оригиналѣ женская красота — только орудіе дьявола; нѣмецкій поэтъ не только въ передачѣ эпизода о прельщеніи Іоасафа красотою вставилъ панегирикъ дамамъ, но и наивно сознался, что онъ на мѣстѣ царевича не удержался бы отъ искушенія.

Дѣло и на этомъ не остановилось: во французскихъ «романахъ приключеній», въ позднѣйшихъ поэмахъ нѣмецкихъ шпильмановъ, въ англійскихъ романсахъ свободное отношеніе къ легендарнымъ именамъ переходитъ въ профанацію: тотъ же великомученникъ Георгій не только является крестнымъ отцомъ Вольфдитриха (см. выше), но и сыномъ Юлія Цезаря и феи Морганы, братомъ лѣснаго царя Оберона *). Въ одномъ прологѣ къ Гюону де-Бордо царевна, освобожденная имъ отъ змѣя,—его любовница; ей при родильныхъ мукахъ помогаетъ сама Богородица, съѣхавшаяся съ влюбленной парочкой на пути въ Египетъ.

Рядомъ съ этимъ шли близкія къ латинскому тексту передѣлки житій и апокрифовъ въ Пассіоналяхъ, Отечникахъ и въ отдѣльныхъ легендахъ. Съ конца XIII в., когда появилась знаменитая энциклопедія легендарной литературы—«Золотая Легенда» (Legenda Aurea) Якова Ворагине (род. 1230, ум. 1298 г.), большинство поэтовъ и прозаиковъ, обработывавшихъ легендарные сюжеты,, руководствовались исключительно ею.

Возвращаемся къ Гартману. Его перу принадлежать два романа изъ цикла Круглаго Стола: «Эрекъ» и «Ивейнъ». «Эрекъ»—его первое крупное произведеніе, доставившее ему большую извѣстность. Источникъ его — романъ Кретьена де-Труа, но не въ той редакціи, въ какой онъ дошелъ до насъ. Въ такомъ-же, повидимому, отношеніи къ Кретьену и «Ивейнъ» (около 1200 г.), еще болѣе совершенный по формѣ, свободный отъ грубыхъ выраженій и варваризмовъ, которые иногда пестрятъ слогъ «Эрека».

Съ точки зрѣнія придворнаго стиля, Гартманъ совершенствуетъ Кретьена: онъ опускаетъ всѣ тяжелыя сравненія, скучныя перечисленія, идеализируетъ всѣхъ появляющихся въ романѣ женщинъ; шутки, не особенно деликатныя, обращаетъ въ утонченную жантильность; распространяетъ психологическую сторону романа и удлинняетъ изложеніе такихъ сценъ, которыя были интересны придворнымъ кавалерамъ и дамамъ.

*) См. Веселовскій: Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 105.

Digitized by Google

Скоро наступило время, когда эти дамы и рыцари перестали довольствоваться описаніями роскошныхъ пировъ, турнировъ и красавицъ; лучшіе представители нѣмецкаго общества и отъ рыцарскихъ поэмъ начинаютъ требовать тонкихъ мыслей, философіи жизни.

Тогда-то появился вѣнецъ рыцарскаго эпоса и средневѣковой личной поэзіи вообще—«Парциваль» Вольфрама фонъ-Эшенбахъ.

Вольфрамъ—баварскій рыцарь изъ низшаго дворянства, кажется, ленникъ графовъ вертгеймскихъ. Его родители, можетъ быть, и имѣли средства, но онъ, какъ младшій сынъ, не могъ расчитывать на наслѣдство отъ нихъ и въ свѣтъ вступилъ только съ копьемъ и лошадью. Но благодаря своему поэтическому таланту, онъ находилъ радушный пріемъ въ зàмкахъ государей и могъ шутить надъ своею бѣдностью. По обычаю времени, онъ ухаживалъ за дамами, принадлежавшими къ высшему сословію, напримѣръ за маркграфиней Елизаветой фонъ-Вобургъ, сестрой герцога баварскаго. Дольше всего проживалъ онъ при дворѣ ландграфа тюрингенскаго Германа. Тамъ встрѣчался онъ съ Вальтеромъ ф.-д.-Фогельвейде и др. поэтами. Только по смерти Германа (1216 г.), при его слишкомъ благочестивыхъ наслѣдникахъ, Вольфрамъ оставилъ Вартбургъ и поселился доживать свой вѣкъ въ своемъ бѣдномъ зàмкѣ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, по крайней мѣрѣ одну дочь. Вольфрамъ былъ безграмотенъ, зналъ по-французски, но плохо. За-то онъ, что называется, многое узналъ изъ разговоровъ: имѣлъ свѣдѣнія по астрономіи, естественной исторіи, богословію, особенно же хорошо зналъ саги. Онъ умеръ, какъ полагаютъ, около 1220 г.

Ближайшіе потомки были очень высокаго мнѣнія объ его дарованіяхъ; мы видѣли, какъ превознесъ его авторъ «Вартбургской войны»: leienmunt nie baz gesprach (уста свѣтскаго человѣка никогда лучше не говорили); стало быть, только св. писаніе и отцы церкви могли быть поставлены выше его.

Отъ Вольфрама дошли до насъ нѣсколько любовныхъ пѣсень *) и три поэмы, но славу его составилъ одинъ «Парциваль».

До сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ объ источникѣ Вольфрамова «Парциваля». Самъ авторъ разсказываетъ о нѣкоемъ язычникѣ Флегетанисѣ, мать котораго происходила изъ рода Соломонова: этотъ Флегетанисъ написалъ о Гралѣ на своемъ языкѣ. Книгу его нашелъ въ Толедо провансалецъ Кіо (Kyot), почерпнувшій изъ нея содержаніе для своего романа, а этимъ романомъ воспользовался Вольфрамъ (Parz. IX, 623). Первая часть этого разсказа, разумѣется, басня; но кто такой Кіо, на котораго ссылается Вольфрамъ и въ другихъ мѣстахъ, мы до сихъ поръ не знаемъ.

*) Преимущественно обадъ (Tagelieder).

Digitized by Google

Сравнивая Вольфрамову поэму съ неоконченнымъ «Парсивалемъ» Кретьена, мы видимъ, что отъ III книги до XII (главы 118 — 679) Вольфрамъ въ общихъ чертахъ сходится съ Кретьеномъ. Но начало, конецъ и, что́ важнѣе того, мистико-психологическая окраска сюжета не имѣютъ съ Кретьеномъ ничего общаго.

Мы говорили, что въ концѣ XII и началѣ XIII в. романъ Кретьена имѣлъ нѣсколько продолжателей. Кромѣ извѣстныхъ намъ продолженій, надо полагать, существовали и другія, теперь погибшія. Необходимо допустить, что Вольфрамъ пользовался одной изъ такихъ погибшихъ передѣлокъ, составленной съ спеціальною цѣлью прославленія дома Анжуйскаго; иначе, зачѣмъ нѣмцу хлопотать о послѣднемъ?

И какъ могъ Вольфрамъ, столь плохо знавшій по-французски, что въ одномъ изъ своихъ произведеній (Willehalm, см. ниже) li rois d'antiquité обратилъ въ kunec Anticote, выдумать осмысленныя французскія имена какъ для тѣхъ лицъ, которыя дѣйствуютъ въ главахъ, не имѣющихся у Кретьена, такъ и для тѣхъ, которыя у Кретьена являются безъименными? Мы не имѣемъ основанія не вѣрить Фольфраму, когда онъ утверждаетъ, что его источникъ былъ подписанъ именемъ Кіо.

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. мы знаемъ во Франціи одного поэта по имени Guiot de Provins (изъ Шампанскаго Провенса), монаха изъ Клюни, но весьма любимаго свѣтской публикой автора нѣсколькихъ любовныхъ пѣсень и сатирической библіи, гдѣ онъ отчасти съ похвалой, отчасти съ порицаніемъ, но во всякомъ случаѣ съ интересомъ говоритъ о храмовникахъ (рыцари Граля у Вольфрама называются *templeise*); легко допустить, что съ домомъ Анжуйскимъ у него были близкія связи. Нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что этотъ Гіо—авторъ передѣлки Кретьена, которая легла въ основу поэмы Вольфрама. Смѣшать Шампанскій Провенсъ съ Провансомъ, разумѣется, Вольфраму ничего не стоило *).

Въ такомъ случаѣ вопросъ сводится къ тому, насколько самостоятельно отнесся Вольфрамъ къ своему источнику Кіо? Тутъ мы вступаемъ въ область малообоснованныхъ предположеній и, повидимому, противорѣчивыхъ фактовъ: съ одной стороны Вольфрамъ сохраняетъ всѣ французскія имена и нѣкоторые обороты, сохраняетъ похвалы дому Анжуйскому; съ другой онъ несомнѣнно отъ себя вноситъ въ разсказъ указанія на героевъ нѣмецкаго эпоса, да и нельзя отказать въ убѣдительности тѣмъ критикамъ, которые считаютъ нѣмецкимъ изобрѣтеніемъ идею романа во всемъ ея развитіи. Во-

*) Имѣетъ кое-что за себя предположеніе, что редакція Кіо — сестра, а не дочь редакціи Кретьена, и Вольфрамъ пользовался въ иныхъ мѣстахъ одною, въ другихъ другою. Годфридъ Страсбургскій тоже пользовался нѣсколькими редакціями Тристана.

Digitized by Google

просъ этотъ можетъ быть рѣшенъ положительно только открытіемъ новыхъ французскихъ рукописей.

Въ романѣ Вольфрама, исторіи св. Чаши предпослана исторія камня, изъ котораго она сдѣлана. Этотъ камень выпалъ изъ короны Люцифера во время его паденія съ неба. Онъ такъ тяжелъ, что всѣ вмѣстѣ грѣшные люди не могутъ сдвинуть его съ мѣста; но въ тоже время и такъ легокъ, что чистая нравственно женщина можетъ поднять его одной рукой. Одно его созерцаніе даетъ исполненіе всевозможныхъ желаній. Граль хранится на *Munsalvaesche*, т. е. *mont salvage* — Дикой горѣ *). Граль состоитъ въ завѣдываніи короля Граля, которому подчинены рыцари Граля, долженствующіе обладать всѣми кардинальными добродѣтелями, особенно же цѣломудріемъ, вѣрностью и смиреніемъ. Кто изъ рыцарей посылается въ другія страны на защиту невинности, можетъ тамъ жениться, но онъ долженъ сохранять тайну Дикой горы, и если жена нескромнымъ вопросомъ попытается поднять завѣсу съ этой тайны, онъ долженъ ее оставить **). Рыцари Граля получаютъ отъ него пищу, одежду и вооруженіе, и одинъ взглядъ на него дѣлаетъ ихъ безсмертными на цѣлую недѣлю. Братство этихъ рыцарей Гралева храма имѣетъ, такъ сказать, членовъ-соревнователей по всей землѣ, между мущинами и женщинами, духовными и свѣтскими.

„Парциваль" Вольфрама—психологическій эпосъ, который не одинъ разъ сравнивали съ „Фаустомъ" Гете. Парциваль—человѣкъ, ищущій идеала на землѣ; такимъ идеаломъ онъ на первое время считаетъ свѣтское рыцарство, но скоро въ этомъ отношеніи разочаровывается. Юношеская чистота и простота приводятъ его къ дѣйствительному идеалу — въ зàмокъ Граля; но таже простота и буквальное исполненіе правилъ рыцарскаго этикета мѣшаютъ ему воспользоваться своимъ счастіемъ, и въ то время, когда въ свѣтскомъ рыцарствѣ Парциваль достигаетъ высшей ступени, онъ узнаётъ, сколько горя надѣлалъ онъ себѣ и другимъ. Съ этой поры начинаются его душевныя страданія: онъ отчаявается въ благости и справедливости божіей; только въ кельѣ пустынника вновь находитъ онъ успокоеніе, вѣру и способность различать добро и зло. Очистившись покаяніемъ и побѣдивъ своего друга Гавана (представитель свѣтскаго рыцарства), онъ снова попадаетъ на вѣрную дорогу къ зàмку Граля. Послѣ упорной битвы съ своимъ единокровнымъ братомъ, язычникомъ, онъ достигаетъ наконецъ цѣли своихъ желаній.

Основную идею романа поэтъ высказываетъ въ самомъ вступленіи: сомнѣніе, колебаніе можетъ сдѣлать много зла человѣку, можетъ измучить его; но если у него есть устойчивость въ характерѣ и вѣрность, онъ освободится отъ сомнѣнія и достигнетъ цѣли.

На наши глаза главное достоинство «Парциваля» не въ искусно проведенной тенденціи, и даже не въ богатой фантастикѣ Граля, а въ изображеніи разнообразныхъ характеровъ и сторонъ рыцарскаго общества и въ умѣньи идеализировать ихъ, не переходя границъ естественности. По способности чувствовать себя одинаково дома и во дворцѣ, и въ хижинѣ пустынника, по способности съ одинаковой

*) Вѣроятно, первоначально mons salvationis, такъ какъ вся мѣстность называется terre *de* salvatsche.

**) Это правило введено ради пріуроченія къ Гралю брабантской саги о Лоэнгринѣ, рыцарѣ Лебедя.

Digitized by Google

рельефностью рисовать характеръ и легкомысленной дамы, мѣняющей любовниковъ, какъ перчатки, и идеально вѣрной матери семейства, и мелочнаго денди того времени, и человѣка, который живетъ исключительно внутренней жизнью, Вольфрама называютъ средневѣковымъ Шекспиромъ.

Отъ своихъ собратій—придворныхъ поэтовъ—Вольфрамъ рѣзко отличается нѣмецкою искренностью, прямотою. Онъ смѣло высказываетъ все, что думаетъ, не заботясь о модѣ и этикетѣ. Въ его слогѣ нѣтъ той вылощенности, что у Гартмана; риѳмы его не такъ чисты; богатство мыслей давитъ его, и оттого онъ бываетъ мѣстами теменъ. Сила его воображенія поразительна: любая черта характера, добродѣтель или порокъ, любое явленіе природы у него прыгаетъ на лошадь, хватаетъ въ руки копье и съ готовностью вступаетъ въ бой. Гартманъ, какъ мы видѣли, избѣгаетъ грубоватыхъ шутокъ Кретьена; Вольфраму онѣ, повидимому, особенно нравятся; онъ даже идетъ дальше Кретьена: ему ничего не стóитъ сравнить стройную талію дамы съ зайцемъ, вытянутымъ на вертелѣ, или съ муравьемъ. Про рыцаря, который плачетъ отъ радости, Вольфрамъ говоритъ: его глаза не годились бы быть цистернами—въ нихъ вода совсѣмъ не держится.

Кромѣ «Парциваля», отъ Вольфрама дошли до насъ отрывки лирической поэмы: «Титурель» и неоконченная поэма «Виллегальмъ».

Титурель, древній король Граля, вовсе не герой поэмы; она получила его имя оттого, что это имя—первое слово поэмы. Тема поэмы любовь Шіонатуландера и правнучки Титуреля, Сигуны, которая появляется и въ «Парцивалѣ» *); въ послѣдній разъ Парциваль находитъ ее мертвой на гробѣ ея возлюбленнаго. Одинъ изъ критиковъ **) доказываетъ, что «Титуреля» связываетъ съ «Парцивалемъ», кромѣ сюжета, единство тенденціи; здѣсь, какъ и въ «Парцивалѣ», поэтъ возстаетъ противъ свѣтскихъ, придворныхъ правилъ приличія, показывая ужасныя слѣдствія, которыя могутъ истекать изъ ихъ точнаго исполненія: какъ Парциваль странствуетъ и страдаетъ долгіе годы потому, что, соблюдая этикетъ, не спросилъ короля Граля о причинѣ и значеніи обряда, такъ и Шіонатуландеръ гибнетъ и своей смертью разбиваетъ сердце Сигуны оттого, что, слѣдуя этикету «служенія дамамъ», бросается, очертя голову, исполнять вздорныя задачи, заданныя ему Сигуной.

«Виллегальмъ» есть передѣлка французской chanson de geste изъ

---

*) Шіонатуландеръ—воспитанникъ Парцивалева отца Гамурема; Сигуна—воспитанница его матери Герцелойды.

**) В. Шереръ. 182.

Digitized by Google

цикла Вильгельма Оранжскаго. Вольфрамъ смягчаетъ грубые моменты народной поэмы, распространяетъ описанія, вноситъ идею вѣротерпимости въ довольно широкомъ смыслѣ, но въ фабулѣ не даетъ воли своей фантазіи (изъ чего самъ собою напрашивается выводъ, что также поступалъ онъ и съ оригиналомъ «Парциваля»). Въ «Вилгельмѣ» замѣтно старческое ослабленіе таланта. Вѣроятно, Вольфрамъ умеръ во время работы надъ нимъ.

Вольфрамъ—величайшій средневѣковой поэтъ Германіи, какъ Гете—величайшій поэтъ новой Германіи—имѣлъ вредное вліяніе на своихъ многочисленныхъ послѣдователей: произведенія людей, мало талантливыхъ, усвоившихъ его образность, его страсть къ отдаленнымъ сравненіямъ, его темноту, у нихъ только имѣющую видъ глубокомыслія, въ сильной степени страдали тѣмъ недостаткомъ, которымъ покрываются всѣ достоинства—были скучны. Но это не умаляло славы Вольфрама: «leien munt nie baz gesprach».

Не всѣ однако были столь высокаго мнѣнія о Вольфрамѣ. Еще при жизни онъ былъ жестоко обруганъ за своего «Парциваля» талантливымъ и популярнымъ поэтомъ Готфридомъ Страсбургскимъ; къ нему единогласно относятъ теперь тѣ стихи Готфрида (по изд. Бенеке, 4663—4688), въ которыхъ тотъ издѣвается надъ изобрѣтателями, ловцами чудныхъ сказокъ, сравнивая ихъ съ площадными фокусниками; ихъ рѣчи такъ темны, что они сами должны бы позаботиться о пріисканіи себѣ комментаторовъ.

Готфридъ имѣлъ свою партію и между современниками и въ ближайшемъ потомствѣ, имѣетъ ее и въ настоящее время. Несогласіе въ сравнительной оцѣнкѣ произведеній Готфрида и Вольфрама объясняется вѣчно противурѣчивыми взглядами на поэзію, отъ которой одни требуютъ прежде всего красоты формы, а другіе — глубины содержанія. Въ исторіи литературы трудно указать другой случай, гдѣ въ одно время, при сходныхъ условіяхъ, при однохарактерныхъ сюжетахъ, явились бы два поэта, произведенія которыхъ служатъ столь рѣзкимъ выраженіемъ двухъ противуположныхъ воззрѣній.

Условія ихъ развитія сходны, но не тожественны: Готфридъ не рыцарь, а горожанинъ, не неграмотный, а очень образованный по своему времени человѣкъ; онъ былъ городскимъ секретаремъ въ Страсбургѣ въ началѣ XIII столѣтія *). Онъ читалъ, и читалъ съ толкомъ, понимая духъ и форму, Овидія и Виргилія, хорошо зналъ по-французски (даже свое собственное отечество называлъ по-фран-

*) Его подпись: Godofredus rodelarius de Argentina встрѣчается на одной грамотѣ 1207 г. 18 іюня.

Digitized by Google

цузски—Almanje); онъ умеръ, не кончивъ своей знаменитой поэмы «Тристанъ», около 1210 г., повидимому, въ цвѣтѣ силъ.

О сюжетѣ «Тристана» мы говорили раньше, говорили мимоходомъ и о томъ, что Готфридъ пользовался не одной, а нѣсколькими французскими редакціями; намъ остается только сказать о формѣ, въ которую облекъ Готфридъ уже и въ то время популярный въ Германіи сюжетъ.

Готфридъ восхищается яснымъ, изящнымъ стилемъ Гартмана и старается превзойти его. Онъ успѣлъ въ этомъ и довелъ искусство до виртуозности. Чистота его риѳмы для такой огромной поэмы (ок. 20,000 стиховъ) изумительна; въ отношеніи грамматической правильности его языкъ образцовый; но, чувствуя себя мастеромъ слова, онъ часто переходитъ границу натуральности, играетъ словами, нагромождаетъ тавтологическія выраженія и синонимы. Онъ любитъ похвалиться знаніемъ техническихъ терминовъ и иногда тутъ же приводитъ ихъ этимологію. Отъ простодушнаго, объективнаго народнаго эпоса Готфридъ отошелъ еще дальше Вольфрама. Онъ цѣликомъ переноситъ центръ тяжести на рефлексію; личность поэта вѣчно, такъ сказать, торчитъ впереди разсказываемыхъ событій. Онъ избѣгаетъ преувеличеній, проявленій необыкновенной физической силы героя. Унего мы не найдемъ длинныхъ описаній празднествъ и турнировъ; онъ сознательно отклоняетъ ихъ отъ себя: «сколько копій они сломали, пусть скажутъ оруженосцы, которые имъ прислуживали». Сознавая необходимость иногда подольше остановиться на важномъ событіи, онъ обращается къ аллегоризму: при описаніи посвященія героя въ рыцари, онъ разсказываетъ, какія воплощенныя доблести при этомъ присутствовали. Гротъ любви, гдѣ проводятъ время Тристанъ и Изольда — аллегорическое изображеніе свойствъ любви. Когда Тристанъ бьется съ Морольдомъ, въ бою участвуютъ восемь бойцовъ, такъ какъ Морольдъ имѣетъ силу четырехъ человѣкъ, а на сторонѣ Тристана бьются Богъ, Право и Смѣлость.

Бюргерское происхожденіе Готфрида не выражается прямо въ его міровоззрѣніи, о которомъ мы можемъ составить себѣ очень ясное представленіе, благодаря его многочисленнымъ отступленіямъ: этикетъ, судъ аристократическаго общества для него выше всего. Законы любви (психологіи которой онъ посвящаетъ лучшія мѣста своей поэмы) выше всѣхъ остальныхъ законовъ; безъ нея нѣтъ ни добродѣтели, ни чести. Въ отношеніи ея моральный кодексъ Готфрида весьма снисходителенъ: король Маркъ расписанъ не радужными красками; самъ Богъ помогаетъ Изольдѣ обманывать его. Короче сказать, Готфридъ не возвышается надъ окружающею жизнью, какъ Вольфрамъ, а стоитъ въ центрѣ ея. Его герой—модный человѣкъ, рыцарь,

Digitized by Google

comme il faut; не безъ пятна и упрека, не идеалистъ и утопистъ—такихъ въ обществѣ и не любили—а именно такой человѣкъ, котораго пожелала бы себѣ въ любовники всякая модная барыня того времени. Прошло немного времени послѣ окончанія «Парциваля», и авторъ его еще приготовлялся къ новымъ трудамъ въ томъ же духѣ; но рыцарство, которое у Вольфрама кажется въ зенитѣ своей славы, у горожанина Готфрида, безсознательно для него—на краю пропасти; дурачекъ Парциваль полонъ одушевленія и вѣры; образованный, умный, но эгоистичный и слабонервный Тристанъ—не дальній предокъ Фоблазовъ и Рене.

Готфридъ не окончилъ своего романа: онъ обрываетъ на софистическомъ монологѣ Тристана, который, бѣжавъ изъ Британіи на материкъ, убѣждаетъ себя жениться на другой Изольдѣ «съ бѣлыми руками», хотя и любитъ ее только въ половину. Готфридъ долженъ былъ разсказать намъ, какъ Тристанъ, женившись, снова почувствовалъ прежнюю любовь, какъ онъ заболѣлъ, какъ призвалъ Изольду, какъ жена убила его ложнымъ извѣстіемъ, что Изольда не пріѣдетъ, какъ прибывшая Изольда упала мертвой на трупъ его и какъ любовники соединились, наконецъ, на вѣки въ гробу. Это сдѣлали за него два его продолжателя, не имѣвшіе и тѣни его таланта. Лучшій изъ нихъ работалъ около 1300 г. *).

Вообще, въ наступившій скоро періодъ дѣятельности эпигоновъ нашлось много охотниковъ поддѣлываться подъ тонъ великихъ мастеровъ, дополнять Вольфрамова «Виллегальма», передѣлывать «Титуреля»; поэты, работавшіе надъ этими сюжетами, составляютъ зерно Вольфрамовой школы, которая дѣйствовала въ Баваріи и отличалась вышеупомянутыми особенностями стиля и богатой фантастикой. Многочисленнѣй и вліятельнѣй была Готфридова школа (центръ ея дѣятельности—Швабія), такъ какъ ея реализмъ съ одной стороны, стремленіе къ открытой дидактикѣ и сложной аллегоріи съ другой характеризуютъ этотъ своего рода александрійскій періодъ и больше подходятъ къ новымъ носителямъ поэзіи—бюргерамъ.

Когда старые, заимствованные изъ Франціи, сюжеты оказались избитыми, стали по тѣмъ же мотивамъ создавать новые, ссылаясь при этомъ, по обычаю времени, на несуществующіе источники. Такъ старый романъ Вигалуа вызываетъ къ жизни Вигамура, рыцарь льва—рыцаря лебедя и т. д.

Съ другой стороны пробудившійся въ городахъ интересъ къ исторіи понудилъ обработывать въ стилѣ романовъ національныя ска-

*) На границѣ новаго времени Гансъ Саксъ сдѣлалъ изъ исторіи Тристана трагедію; любочная нѣмецкая книга о немъ читается и до сихъ поръ.

Digitized by Google

занія и хроники; но разбору этихъ поэмъ мѣсто не здѣсь, а въ исторіографіи *).

XIII. Состояніе науки въ XI вѣкѣ. Росцеллинъ. Ансельмъ. Абеляръ и св. Бернаръ. Арнольдъ Бреміанскій. Петръ Ломбардскій. Іоаннъ Салисберійскій. Умственное движеніе во второй половинѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка. Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій. Роджеръ Бэконъ. Раймундъ Луллій. „Великое Зерцало“ Винцентія Бовэ. Наука въ XIV и XV вѣкахъ: Дунсъ Скотъ, Вильгельмъ Оккамъ и мистики.

Латинская поэзія въ средніе вѣка: Ея форма въ Италіи и во Франціи. Школьная поэзія. Вагаты или голіарды; ихъ поэзія и проза. Судьба поэзіи голіардовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Главныя пособія:

Octave d'Assailly: Albert le Grand, l'ancien monde devant le nouveau. Paris. 1870.

Victor Clavel: Arnauld de Brescia et les Romains du XII s. Paris. 1868.

---

*) По примѣру предыдущей главы, приводимъ списокъ важнѣйшихъ новыхъ монографій по рыцарской нѣмецкой поэзіи:

Bergemann. Das höfische Leben nach Gottfried v. Strassburg. Hallische Diss. 1876.

Rich. Bethge. Wirnt v. Gravenberg, eine literar-historische Untersuchung. Weidm. Buchh. 1881.

Ludw. Bock. Wolfram's Eschenbach Bilder u. Wörter für Freude u. Leid. Strassb. 1879.

Böse. Walthers v. d. Vogelweide patriotische Dichtungen, an den Faden der Geschichte seiner. Tagen gereiht. Olbenburg. 1879.

Bossert. Tristan et Iseult, poème de Goffrit de Srassbourg, comparé à d'autres sur le même sujet. 1865. Diss.

Boetticher. Die Wolfram-Literatur seit Lachmann, mit kritischen Anmerkungen. Eine Einführumg in das Studium Wolfram's. Berl. 1880.

Domanig. Parziwalstudien. II Heft. Der Gral des Parzival. Paderborn. 1880.

Wilh. Greve. Leben u. Werke Hartmanns v. Aue. 1879.

Henrici. Zur Geschichte der mhd. Lyrik. Berl. 1876.

Osc. Jacob. Das zweite Büchlein—ein Hartmannisches. Ein Beitrag zu Hartmanns v. Aue Leben u. Dichtung. Naumburg. 1879.

Karl Kant. Scherz und Humor in Wolfram's v. Eschenbach Dichtungen. Heilbronn. 1878.

Karl Knorr. Ueber Ulrich v. Lichtenstein (Quellen u. Forschungen etc., № 9). Strassb. 1875.

Joh. Kottenkamp. Zur Kritik und Erklärung des Tristan Gottfried's v. Strassb. Göttingen. 1879.

Willibald Leo. Die gesammte Literatur Walters v. d. Vogelweide. Wien. 1880.

Mebes. Ueber den Wigalois von Wirnt v. Gravenberg u. seine altfranz. Quelle. Neumünster Programm. 1879.

Michel. Heinrich v. Morungen u. die Troubadours (Quellen u. Forschungen etc., № 38). 1879.

Karl Reissenberger. Zur Krone Heinrich's v. Türlin. Graz. 1879.

Sarrazin. Wigamur, eine Literarhistorische Untersuchung. Strassb. 1879.

Strack. Die Darstellungsmittel des Wolfr. Humors. Rost. Diss. 1880.

Toische. Ueber Alexandreis Ulrichs v. Eschenbach (Sitz.-Ber. Wien. Ak. XCVII 2, 1881).

Digitized by Google

Victor Carus: Geschichte der Zoologie. Münch. 1872.
Guizot: Abailard et Héloise, essai hist. Paris. 1861.
Liliencron: Ueber den Inhalt der allgemeinen. Bildung in der Zeit der Scholastik. München. 1876.
Abbé Michaud: Guillaume de Champeaux et les écoles de Paris au XII s. Paris. 1867.
Rémusat: Abélard, 2 v. Paris. 1845.
De Rosières: Histoire de la société française au Moyen-Age. Paris. 1880.
Sauerland: Abailard u. Heloise. Eine historische Charakterstudie. Frankf. 1879.
Schaarscmidt: Iohannes Saresburiensis, nach Leben u. Studien, Schriften u. Philosophie. Leipz. 1862.
Karl Schmidt: Die Geschichte der Pädagogik. II Bd. Cöthen. 1861.
Ioh. Sighart: Albertus Magnus. Sein Leben u. seine Wissenschaft, nach den Quellen dargestellt. Regensburg. 1857.
Ueberweg: Grundriss der Geschichte der Philosophie. 4 Aufl. Berl. 1873. II Bd.
Kuno Francke: Zur Geschichte der lateinischen Schulpoesie des XII u. XIII Jahrh. München. 1879.
Oscar Hubatsch: Die lateinische Vagantenlieder des Mittelalters. Görlitz. 1870.
Joh. Grimm u. Andr. Schmeller: Lateinische Gedichte des X und XI. Jh. Gött. 1838.

Носителей средневѣковой науки мы оставили на самой границѣ X и XI столѣтій. Мы видѣли въ гл. VI (стр. 125), съ какимъ страхомъ латинскій Западъ ожидалъ приближенія 1000-го года и второго пришествія. Когда забитое этимъ страхомъ поколѣніе уступило мѣсто новому, отъ него свободному, общество, какъ человѣкъ, неожиданно выздоровѣвшій послѣ тяжкой болѣзни, почувствовало приливъ силъ и укрѣпилось на землѣ. Съ этого именно времени начинается постройка большихъ церквей романскаго стиля и выведеніе стѣнъ огромнаго готическаго зданія средневѣковой науки.

XI вѣкъ считается эпохой установленія церковнаго могущества. Съ 1048 г. и до самаго конца столѣтія, посредственно или непосредственно, дѣйствуетъ въ этомъ направленіи великій Гильдебрантъ, основатель папскаго монархизма, реформаторъ духовенства, побѣдитель салійско-франконскихъ императоровъ. Въ концѣ вѣка, по мановенію руки одного изъ его наслѣдниковъ, лучшія силы Запада устремляются въ Св. Землю на борьбу съ невѣрными; да и прежде этого, въ теченіе всего столѣтія, пилигримство развилось до такой степени, о какой не имѣли понятія и наканунѣ рокового 1000-го года. Съ другой стороны, тотъ же XI вѣкъ есть эпоха секуляризаціи церкви и духовенства. По всей западной Европѣ именно съ этого времени оно заговорило на языкѣ народномъ. Да и самъ Григорій VII страшился дать духовенству силу въ мірскихъ дѣлахъ.

Эта характерная черта столѣтія рѣзко выразилась въ исторіи школы и науки. Монастырскія школы даютъ слишкомъ мало и теряютъ свой авторитетъ. Ищущіе знанія скопляются въ большихъ го-

Digitized by Google

родахъ; получаютъ преимущественное значеніе школы епископскія, которыя постепенно выходятъ изъ-подъ опеки церкви. Раздаются отдѣльные голоса, требующіе участія разума въ предметахъ вѣры. Наукой начинаютъ интересоваться люди, отнюдь не предназначающіе себя къ церковнымъ должностямъ. Нѣкоторыя принцессы, дамы и состоятельныя горожанки не только свободно читаютъ по-латыни, но и занимаются философіей.

Эта философія выдѣлилась изъ семи свободныхъ искусствъ. Третья наука тривіума: діалектика или логика, получила перевѣсъ надъ своими сестрами и раздѣлилась на логику мѐньшую, низшую (logica minor), науку чисто-формальную и небольшую по объему, и логику бо̀льшую, высшую (logica major), которая занималась важнѣйшими, по понятіямъ того времени, богословско-философскими вопросами и привлекала къ себѣ всѣ пылкіе умы, требовавшіе знанія съ жадностью, свойственною крѣпкимъ, энергичнымъ организмамъ поколѣнія, которое только вчера вышло изъ полнаго варварства.

Въ логикѣ формальной слѣдовали Аристотелю въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ получили его въ трудахъ Марціана Капеллы и Боэція (см. гл. IV); относительно многихъ пунктовъ высшей логики слѣдовали Платону, disjecta membra котораго дошли до XI вѣка по преданію, черезъ отцовъ церкви. Такъ въ важнѣйшемъ для исторіи средневѣковой науки пунктѣ, въ вопросѣ объ общихъ понятіяхъ (универсаліяхъ), руководители церкви склонялись къ идеализму Платона и признавали независимое отъ вещей существованіе понятій *). Болѣе строгое отношеніе къ источникамъ знанія породило во второй половинѣ XI вѣка двѣ враждебныя школы, борьбѣ которыхъ исторія средневѣковой философіи, такъ-называемой схоластики, въ значительной степени обязана своимъ содержаніемъ.

И въ этомъ отношоніи Франція—передовая страна Европы. Подобно тому, какъ въ ней воспитались рыцарство и рыцарская поэзія, въ ней воспитались и средневѣковая школа и ея философія; ея столица Парижъ—вмѣстѣ съ тѣмъ и столица схоластики.

Сказаніе объ основаніи парижскаго университета Карломъ Великимъ, какъ мы видѣли въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, очевидно басня. Но нѣтъ сомнѣнія, что еще при Каролингахъ епископская школа города Парижа начинаетъ пріобрѣтать значеніе. Подъ 908 годомъ упоминаются два знаменитыхъ въ то время учителя Реми и Гукбальдъ, учившіе въ Парижѣ публично. При Капетингахъ парижскія училища выдвинулись еще замѣтнѣе. Въ XI вѣкѣ въ Парижѣ были три большія школы, считавшія своихъ учениковъ тысячами: соборная, она-же и

*) Впрочемъ, въ эпоху Рабана Мавра имѣло приверженцевъ и противуположное мнѣніе.

Digitized by Google

епископская, св. Женевьевы и св. Германа, и много меньшихъ. Другіе города: Суассонъ, Реймсъ и пр., старались не отставать отъ столицы.

Родоначальникомъ спора объ универсаліяхъ считается Росцеллинъ. Въ исторіи литературы онъ не можетъ занимать виднаго мѣста, такъ какъ сочиненія его, если таковыя и были, не дошли до насъ; сущность его ученія мы знаемъ только изъ словъ его противниковъ.

Росцеллинъ родился въ Бретани, учился въ Суассонѣ и Реймсѣ, а самъ училъ главнымъ образомъ въ школѣ города Тура. Онъ возсталъ противъ такъ-называемаго реализма, т.-е. ученія о реальномъ существованіи общихъ понятій, независимо отъ вещей (ante rem), и доказывалъ, что общія понятія суть только названія (voces, nomina, откуда номинализмъ), что родъ и видъ суть только отвлеченія нашего ума *).

Вопросъ объ универсаліяхъ самъ по себѣ былъ для церковнаго правовѣрія безразличенъ; но Росцеллинъ примѣнилъ его къ богословію и вывелъ неправовѣрныя слѣдствія: если реально существуютъ только индивидуальныя вещи, и каждая отдѣльно отъ другой, то и три ипостаси св. Троицы суть или три отдѣльныхъ лица (tres personae tres res sunt), или это только названія одного реально существующаго лица (res una). Въ послѣднемъ случаѣ, стало быть, вмѣстѣ съ Сыномъ воплотились и Богъ Отецъ и св. Духъ, а это нелѣпо; слѣд. нужно допустить первое положеніе.

Росцеллинъ былъ судимъ на суассонскомъ соборѣ; его ученіе было объявлено еретическимъ, и онъ принужденъ былъ отречься отъ него. Съ тѣхъ поръ самая сущность номинализма стала подозрительною въ глазахъ церкви.

Росцеллинъ — одинъ изъ первыхъ защитниковъ разума передъ авторитетомъ церкви; для него разумъ на первомъ мѣстѣ; догматъ, имъ оправданный, только на второмъ.

Иного взгляда держится сильнѣйшій его противникъ Ансельмъ

*) Базисомъ спора служили слѣдующія слова толкователя Аристотеля, Порфирія, извѣстныя на Западѣ въ переводѣ Боэція: „Mox de generibus et speciebus illud quidem sive subsistant, sive in solis nudis intellectibus posita sint, sive subsistentia corporalia sint an incorporalia et utrum separata a sensilibus an insensilibus posita et circa haec consistentia, dicere recusabo. Altissimum enim negotium est hujusmodi et majoris egens inquisitionis“, т.-е. „Я не стану изслѣдовать, существуютъ ли роды и виды сами по себѣ, или только въ умѣ, ни, въ случаѣ, еслибъ они существовали, тѣлесны они или безтѣлесны, и притомъ, отдѣльны ли они отъ чувственныхъ вещей, или въ нихъ самихъ находятся и вмѣстѣ съ ними существуютъ. Это дѣло слишкомъ трудное и требуетъ болѣе обширнаго изслѣдованія“ (переводъ пр. Владиславлева, 207).

Для отважныхъ, ищущихъ опасности, средневѣковыхъ умовъ всякое altissimum negotium было уже само по себѣ привлекательно.

Digitized by Google

Кентерберійскій, одинъ изъ плодовитѣйшихъ богословскихъ писателей. Ансельмъ родился въ 1033 г. въ Піемонтѣ, но учился во Франціи; въ 1060 г. онъ поступилъ въ одинъ норманскій монастырь, въ которомъ въ 1078 г. былъ сдѣланъ аббатомъ; съ 1093 г. до самой смерти (1109 г.) онъ занималъ архіепископскую каѳедру въ Кентербери. Его взглядъ на отношеніе вѣры къ разуму выражается формулой: credo ut intelligam (я вѣрую, чтобы понимать), стало быть, догматъ долженъ быть нормой для мышленія.

Ансельмъ допускаетъ, даже считаетъ необходимымъ изслѣдованіе догмы [1]; но результатомъ этого изслѣдованія должно быть утвержденіе догмы; если результатомъ является отрицаніе, значитъ изслѣдованіе ведено фальшиво, ибо догма есть божественное откровеніе и, какъ таковое, заподозрѣно быть не можетъ. Во время процесса Росцеллина онъ пишетъ къ Фулькону, епископу Бове: «Вѣра должна вести христіанина къ разумѣнію, а не разумѣніе къ вѣрѣ»; невозможность уразумѣть догму не можетъ оправдать невѣрія [2]). Съ бо́льшею послѣдовательностью, чѣмъ гуманностью онъ совѣтуетъ не вступать съ Росцеллиномъ въ пренія, а прямо потребовать его отреченія.

Слава Ансельма основывается главнымъ образомъ на двухъ его сочиненіяхъ: «Proslogium», гдѣ онъ впервые съ рѣзкой опредѣленностью выставилъ «онтологическое» доказательство бытія Божія [3]), и «Cur deus homo?» (почему Богъ вочеловѣчился) [4]). Въ этихъ и другихъ сочиненіяхъ онъ пытается установить на разумѣ всѣ главные догматы вѣры. Въ своей политической дѣятельности Ансельмъ является приверженцемъ идей Григорія VII.

Хотя въ отношеніи метода изслѣдованія Ансельмъ — типичный схоластикъ, тонко различающій оттѣнки терминовъ и придающій формальной логикѣ первенствующее значеніе [5]), отцемъ схоласти-

---

[1]) Отсюда другая, болѣе прогрессивная формула: intellige ut credas.

[2]) Christianus per fidem debet ad intellectum proficere, non per intellectum ad fiidem aut si intelligere non volet, a fide recedere.

[3]) Prosloguim sive fides quaerens intellectum: въ насъ есть идея о совершеннѣйшемъ существѣ; совершество же предполагаетъ существованіе, слѣд. Богъ существуетъ

[4]) Родоначальникъ человѣчества совершилъ преступленіе; благость помѣшала Богу осудить за это человѣчество, а справедливость не позволяла простить; Богъ придумалъ высшее искупленіе.

[5]) Любопытенъ въ этомъ отношеніи его „Dialogus de grammatico“, можетъ быть, самое раннее его произведеніе, написанное въ формѣ діалога между учителемъ и ученикомъ и посвященное изслѣдованію вопроса: принадлежитъ ли grammaticus къ категоріи субстанцій или качествъ. Учитель ставитъ двѣ посылки: Omnis homo potest intelligi sine grammatica и nullus grammaticus potest intelligi sine grammatica. Отчего отсюда нельзя вывести заключенія, что nullus grammaticus est homo? А оттого, что въ первой посылкѣ homo берется въ извѣстномъ отношеніи, а grammaticus въ цѣломъ объемѣ; стало

Digitized by Google

ческой философіи справедливо считается Петръ Абеляръ, для котораго діалектика — единственный критерій всякой, не исключая и божественной, истины. Его преподавательскій геній, его высокое общественное положеніе, наконецъ его трагическая судьба заинтересовали въ пользу науки такихъ людей, отцы и дѣды которыхъ въ самодовольномъ невѣжествѣ считали ее исключительной принадлежностью неспособныхъ къ настоящему дѣлу клериковъ.

Петръ Абеляръ родился въ 1079 г. въ Бретани, близъ Нанта, въ замкѣ своего отца Беренжера *). Онъ былъ старшимъ сыномъ и долженъ бы наслѣдовать имѣніе отца; но онъ не встрѣтилъ со стороны послѣдняго противодѣйствія своимъ научнымъ стремленіямъ. Напротивъ: его отецъ употребилъ всѣ старанія, чтобы дать сыну лучшее образованіе **). Абеляръ, какъ предполагаютъ, еще мальчикомъ слушалъ лекціи Росцеллина. Послѣ занятій въ школахъ лаонской и реймсской, 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ явился въ Парижъ и поступилъ слушателемъ въ каѳедральную школу, гдѣ діалектику преподавалъ съ большимъ успѣхомъ Вильгельмъ Шампо. Высокодаровитый слушатель сперва пріобрѣлъ горячую любовь учителя, но когда онъ все чаще и чаще сталъ вступать съ нимъ въ споры и, какъ онъ разсказываетъ, побѣждать его, эта любовь обратилась въ ненависть. Уже въ 1102 г., стало быть 21 года отъ роду, Абеляръ рѣшился взойти на каѳедру. Не имѣя возможности дѣйствовать въ Парижѣ, онъ открылъ школу недалеко отъ него, въ Мелюнѣ, хотя Шампо дѣятельно мѣшалъ ему и въ этомъ. Черезъ нѣкоторое время Абеляръ перебрался съ своею школой поближе къ Парижу, въ Корбейль. Но усиленныя занятія разстроили его здоровье, онъ уѣхалъ поправляться на родину, откуда вернулся только въ 1108 г. Между тѣмъ Шампо отказался отъ міра, ушелъ въ монастырь, но, по желанію епископа, не отказался совсѣмъ отъ преподавательской дѣятельности и обучалъ молодыхъ монаховъ въ школѣ св. Виктора. Абеляръ снова сталъ его ученикомъ и снова, вызвавъ его на споръ объ универсаліяхъ, какъ онъ разсказываетъ, разбилъ его. Шампо былъ крайній реалистъ; по его ученію, универсаліи—сущности вещей; строго говоря, только онѣ и существуютъ; индивидуумы—простыя случай-

быть, отсюда можно вывести только то, что grammaticus и homo—разнородныя понятія. Окончательный же выводъ тотъ, что на вопросъ: quid est grammaticus? надо отвѣчать: vox, significans qualitatem.

*) Прозвище Abaelardus или Habelardus объясняютъ такимъ анекдотомъ: будтобы учитель математики, къ которой Петръ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты, приписывалъ его лѣнь пресыщенности въ другихъ отрасляхъ знанія, и сказалъ: когда собака сыта, она только лижетъ ветчину (bajat lardum), вслѣдствіе чего товарищи и прозвали его Bajolardus, а онъ, не отказываясь отъ клички, принялъ ее какъ прозвище, измѣнивъ только къ своей чести первую часть слова: Habelardus, отъ habet lardum.

**) Онъ, какъ и жена его, окончилъ жизнь въ монастырѣ.

Digitized by Google

ности; родъ и видъ пребываютъ въ каждомъ индивидуумѣ существенно (essentialiter). По ученію Абеляра, идеалы или формы вещей существуютъ въ божественномъ духѣ до творенія, но только какъ понятія, conceptus mentis. Универсаліи не имѣютъ отдѣльнаго отъ вещей существованія; родъ и видъ служатъ сказуемымъ вещи, а вещь не можетъ служить сказуемымъ вещи (rem de re praedicari monstrum dicunt); слѣд. родъ и видъ—не вещь и пребываютъ въ вещи не существенно, а только въ понятіи (conceptualiter); это концептуальное пребываніе имѣетъ и свою реальность, но не до вещей, а въ вещахъ (universalia in re); не существуй универсаль, онъ не могъ бы быть и мыслимъ. Такимъ образомъ Абеляръ старается найдти средній путь между номинализмомъ, для котораго универсаліи только условные термины, и реализмомъ, въ глазахъ котораго существованіе универсалій болѣе реально, чѣмъ существованіе вещей. Для Абеляра универсаліи—понятія, концепты, основанные на реальностяхъ.

Абеляръ, которому не удалось пристроиться въ каѳедральной школѣ, снова отправился профессорствовать въ Мелюнъ, а потомъ открылъ школу у самыхъ воротъ Парижа, на горѣ св. Женевьевы.

Онъ имѣлъ огромный успѣхъ, но имѣлъ и много враговъ. По ихъ разсказамъ, ему пришлось испытать пораженіе не отъ знаменитаго и опытнаго Шампо, который на-время оставилъ свою каѳедру, но отъ юноши-студента. Въ Парижѣ въ тоже время имѣла нѣкоторый успѣхъ другая частная школа—Гозелена, прозваннаго Рыжимъ (изъ благородной фамиліи Вьерци), гдѣ проповѣдовался номинализмъ, но примиренный съ ученіемъ церкви. Въ ней былъ слушателемъ нѣкто Гозвинъ, много обѣщавшій молодой человѣкъ. Его-то учитель и друзья послали спорить съ Абеляромъ. Приготовившись, какъ слѣдуетъ, онъ отправился съ секундантами на гору св. Женевьевы, въ то время какъ друзья молились за успѣхъ этого новаго Давида. Гозвинъ смѣло вызвалъ Абеляра; тотъ отнесся къ вызову полуребенка съ презрѣніемъ: «Молчи и не прерывай лекціи», сказалъ онъ ему. Гозвинъ продолжалъ настаивать, а ученики объяснили Абеляру, что этотъ юноша уже опытный диспутантъ. Абеляръ прервалъ лекцію и принялъ вызовъ. Онъ былъ разбитъ на голову, и Гозвинъ съ тріумфомъ возвратился въ свою школу *).

Вскорѣ Абеляръ долженъ былъ покинуть Парижъ: его вызвала къ себѣ мать, собиравшаяся идти въ монастырь. По возвращеніи,

*) Этотъ разсказъ нужно принимать cum grano salis уже по одному тому, что его приводитъ монахъ монастыря, гдѣ Гозвинъ былъ аббатомъ; но онъ интересенъ, какъ картинка нравовъ эпохи.

Digitized by Google

Абеляръ уже не нашелъ Шампо въ Парижѣ: тотъ удалился въ провинцію епископомъ.

Теперь Абеляръ могъ бы безраздѣльно царить надъ діалектическими школами Парижа, но ему хотѣлось бо́льшаго: онъ пожелалъ пріобрѣсти такое-же положеніе и между богословами; только какъ преподаватель богословія могъ онъ разсчитывать на блестящую церковную карьеру. Не смотря на свои 35 лѣтъ, онъ не задумался снова сѣсть на студенческую скамью въ Лаонѣ, гдѣ училъ лучшій во Франціи преподаватель богословія Ансельмъ, у котораго нѣсколько лѣтъ назадъ учился и Шампо, подобно Абеляру покинувшій профессорскую каѳедру для студенческой скамьи. Но Абеляръ уже слишкомъ отвыкъ отъ подчиненія; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ превратился изъ слушателя, такъ сказать, въ приватъ-доцента. По его разсказу, онъ былъ вынужденъ къ тому обстоятельствами. Товарищи, замѣтивъ, что онъ часто пропускаетъ лекціи, и недовольные этимъ, завели съ нимъ споръ о томъ, какая подготовка нужна для толкованія св. писанія. Абеляръ высказалъ мнѣніе, что философски-образованный человѣкъ не нуждается для этого въ руководителѣ и можетъ своимъ умомъ объяснить любой текстъ изъ пророка Іезекіиля. Черезъ день Абеляръ читалъ о немъ первую лекцію съ огромнымъ успѣхомъ; поощряемый слушателями, онъ продолжалъ свои чтенія. Когда Ансельма убѣдили запретить ихъ, Абеляръ возвратился въ Парижъ, уже предшествуемый славой, какъ искусный теологъ. Не имѣя въ Парижѣ соперниковъ, онъ получилъ наконецъ каѳедру въ соборной школѣ и вступилъ въ каноникатъ. Слѣдующіе четыре года были лучшимъ временемъ его жизни. Богатый, благодаря гонорару съ многочисленныхъ слушателей *), красивый мужчина въ полномъ цвѣтѣ силъ, обожаемый друзьями, страшный теперь замолкшимъ врагамъ, привлекающій своими лекціями молодежь со всѣхъ концовъ католическаго міра, Абеляръ былъ первымъ человѣкомъ въ столицѣ Франціи. Знатныя дамы уступали ему дорогу; толпа при его приближеніи разступалась въ почтительномъ молчаніи. Но близилось время его бѣдствій. Въ числѣ парижскихъ канониковъ былъ нѣкто Фульбертъ, человѣкъ скупой и эгоистичный. Единственной его привязанностью была племянница Элоиза, очень молоденькая дѣвушка, воспитанная въ монастырѣ и тамъ пристрастившаяся къ наукѣ. Абеляръ слышалъ объ ея умѣ и миловидности и рѣшилъ, какъ онъ самъ сознается, сдѣлать ее своей любовницей, такъ какъ не находилъ удовольствія въ грязныхъ мимолетныхъ увлеченіяхъ. Онъ явился къ Фульберту и предложилъ ему себя въ нахлѣбники, ссылаясь на то, что ему трудно и невыгодно самому держать хозяйство. Фульбертъ,

*) Число ихъ въ общемъ, говорятъ, доходило до 5000.

Digitized by Google

побуждаемый и жадностью къ деньгамъ, и любовью къ племянницѣ, съ радостью согласился, съ тѣмъ, чтобы Абеляръ въ свободное время руководилъ занятіями Элоизы, и «волкъ (по собственному выраженію Абеляра) былъ допущенъ въ овчарню». Фульбертъ какъ нарочно старался облегчить ему дѣло: онъ открылъ Абеляру доступъ въ комнату Элоизы во всякое время дня и ночи и, въ случаѣ лѣности и неповиновенія, предоставилъ ему право бить ученицу. Нетрудно было Абеляру побѣдить сердце Элоизы: она уже по слухамъ благоговѣла передъ нимъ, и страстную любовь къ наукѣ скоро перенесла на даровитѣйшаго ея представителя. Она пала, но не стыдилась своего паденія и не раскаявалась. «Пріятнѣе и достойнѣе, писала она впослѣдствіи Абеляру, казалось мнѣ быть твоей наложницей, чѣмъ супругой императора Августа». Она съ наслажденіемъ вспоминала о томъ, что сочиненныя Абеляромъ въ этотъ періодъ любовныя пѣсни (вѣроятно, латинскія) дѣлали ее знаменитой повсемѣстно. Ей было непріятно только одно—что, весь отдавшись любви, Абеляръ сталъ пренебрегать лекціями и не находилъ въ себѣ прежней энергіи. Наконецъ и Фульбертъ замѣтилъ ихъ отношенія и разлучилъ любовниковъ, выгнавъ Абеляра изъ дому; но онъ не могъ помѣшать ихъ тайнымъ свиданіямъ. Когда Элоизѣ подошло время родить, Абеляръ увезъ ее изъ Парижа и помѣстилъ къ своей сестрѣ. Тогда же онъ сталъ уговаривать ее обвѣнчаться съ нимъ. Сперва Элоиза и слышать не хотѣла объ этомъ: оторвать Абеляра отъ науки, закрыть для него доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ—какая потеря для всего христіанскаго міра! Наконецъ Абеляръ, вспомоществуемый въ этомъ случаѣ Фульбертомъ, убѣдилъ ее согласиться на тайный бракъ, который и совершился въ Парижѣ въ присутствіи немногихъ довѣренныхъ свидѣтелей, давшихъ слово молчать. Но Фульбертъ былъ слишкомъ доволенъ такимъ знаменитымъ зятемъ, и вскорѣ тайное стало явнымъ. Тогда Элоиза, все еще остававшаяся въ домѣ Фульберта, жертвуя для любимаго человѣка своей честью и даже совѣстью, стала отрицать самый фактъ брака. Послѣ этого ея пребываніе въ домѣ дяди стало положительно невыносимымъ. Абеляръ вторично похитилъ ее и поселилъ подъ Парижемъ въ томъ монастырѣ, гдѣ она получила свое воспитаніе. Тогда-то Фульбертъ, вообразившій, что Абеляръ изъ честолюбія хочетъ сдѣлать Элоизу монахиней, чтобъ избавиться отъ всякихъ послѣдствій связи и тайнаго брака, рѣшился отмстить ему и вмѣстѣ сдѣлать для него недоступными высшія церковныя должности. Слуга Абеляра былъ подкупленъ, и наемные разбойники, вторгнувшись ночью въ его квартиру, совершили оскопленіе. Сочувствіе всего ученаго Парижа было на сторонѣ Абеляра, орудія мести были же-

Digitized by Google

стоко наказаны; самъ Фульбертъ поплатился; но все это мало утѣшило пострадавшаго; его приводила въ ужасъ комическая сторона дѣла, и самыя соболѣзнованія звучали въ его ушахъ насмѣшкой; смерть была бы пріятнѣй для него во сто разъ. Но жить приходилось по неволѣ, и оставалось одно убѣжище—монастырь. Прежде, чѣмъ разстаться съ дорогимъ для него міромъ, Абеляръ потребовалъ постриженія Элоизы, точно онъ боялся, что его жена, невинная виновница несчастія, можетъ безъ него наслаждаться жизнію, въ то время, какъ онъ уже будетъ томиться въ кельѣ. Элоиза была глубоко огорчена такимъ недовѣріемъ, но не задумалась ни на минуту и приняла монашество; вскорѣ въ монастырѣ св. Діонисія надѣлъ рясу и Абеляръ (1119 г.).

Постригшись, Абеляръ желалъ быть истиннымъ монахомъ, а нравы въ богатѣйшемъ изъ французскихъ монастырей не отличались строгостью; новые товарищи Абеляра, лѣнивые, чревоугодливые, безъ особаго удовольствія смотрѣли на поселившагося у нихъ цензора, и онъ отлично зналъ это; къ тому же друзья уговаривали его продолжать плодотворную профессорскую дѣятельность. Въ качествѣ пріора онъ поселился въ одномъ небольшомъ филіалѣ монастыря и открылъ курсъ свѣтскихъ наукъ и богословія. Успѣхъ былъ огромный: не хватало помѣщенія для всѣхъ желающихъ учиться у него. Но тотъ же успѣхъ порождалъ завистниковъ и сердилъ его многочисленныхъ враговъ. Когда Абеляръ издалъ свое «Введеніе въ богословіе», послѣдніе съ радостью нашли въ этой книгѣ то, на чемъ основать обвиненіе, и вызвали Абеляра на судъ собора.

Съ узко-церковной точки зрѣнія враги Абеляра были правы, и многіе изъ нихъ дѣйствовали по внутреннему убѣжденію. Не даромъ св. Бернаръ говоритъ, что Абеляръ «суетъ свою морду на небо и допрашиваетъ тайны божества», что онъ «переходитъ границы, поставленныя отцами церкви»; но и Абеляръ былъ твердо убѣжденъ, что онъ не подкапываетъ основъ вѣры, а напротивъ, укрѣпляетъ ихъ.

Абеляръ — первый представитель рѣзко-выразившагося раціонализма въ религіи. Въ противуположность Ансельму, онъ училъ, что разумъ есть основа всякаго религіознаго убѣжденія; сперва надо знать, потомъ вѣрить; для людей, могущихъ разсуждать, доводы разума сильнѣе чудесъ. Отсюда выводится вполнѣ послѣдовательно положеніе, что авторитетъ людей, обладавшихъ разумомъ въ высшей степени—мудрецовъ древности — почти равенъ авторитету святыхъ, что языческіе философы не могутъ быть осуждены вмѣстѣ съ ворами и убійцами—выводъ съ точки зрѣнія того времени особенно непріятный для церковниковъ.

Digitized by Google

Во «Введеніи» изложено изслѣдованіе о природѣ божества. Абеляръ, какъ и Росцеллинъ, не можетъ примирить понятіе о реальности трехъ ипостасей Троицы съ реальностью единаго божества; но въ то время, какъ Росцеллинъ склоняется въ пользу трехъ божествъ, по Абеляру три лица Св. Троицы суть только три проявленія единаго божества, три концепта: могущество, мудрость и благость. Ихъ отношеніе къ Единому онъ сравниваетъ съ отношеніемъ трехъ частей силлогизма къ цѣлому силлогизму. Не смотря на это, когда Абеляръ явился по вызову на соборъ въ Суассонѣ, въ народѣ распространились слухи, что Абеляръ учитъ поклоняться тремъ богамъ, и двоихъ его учениковъ побили. Чтобы разсѣять неосновательныя мнѣнія, Абеляръ, дѣло котораго еще не разбиралось, сталъ публично излагать свое ученіе. Эта смѣлость подѣйствовала на многихъ: стало быть, онъ правъ, говорили они, если не боится выступать открыто. Дѣло его было отложено на послѣдній день, и чуть не передано другому учрежденію. Но противники Абеляра уговорили папскаго легата, не разбирая дѣла по существу, заставить Абеляра сжечь своею рукой «Введеніе», какъ книгу, появившуюся и читаемую имъ на лекціяхъ безъ одобренія церкви и папы, а его самого подвергнуть заключенію. Убитый нравственно, Абеляръ исполнилъ требованіе относительно сожженія книги и былъ отведенъ въ аббатство св. Медарда въ Суассонѣ, гдѣ проживалъ въ то время и пользовался большимъ авторитетомъ упомянутый нами противникъ Абеляра, Гозвинъ *).

Но враги Абеляра торжествовали недолго; въ самой тюрьмѣ ему оказывали нѣкоторое уваженіе; общество было глубоко возмущено несправедливостью; обвинители стали кивать другъ на друга, и черезъ нѣсколько дней Абеляръ былъ освобожденъ и возвращенъ въ монастырь св. Діонисія.

Онъ недолго прожилъ здѣсь спокойно. Мимоходомъ онъ высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности поздней и противурѣчивой, но выгодной для славы монастыря, легенды Гильдуина о томъ, будто Діонисій Ареопагитъ былъ основателемъ аббатства. Его вызвали на споръ, онъ ссылался на авторитетъ Беды и отказался поступиться своимъ мнѣніемъ. Оскорбленные монахи посадили его въ тюрьму и рѣшили жаловаться на обидчика королю. Не вѣря больше въ чело-

*) Гозвинъ, по разсказу его біографа, обошелся съ „неукротимымъ носорогомъ" въ духѣ кротости; но кротость эта была условной. Гозвинъ читалъ Абеляру наставленія, и когда тотъ въ отвѣтъ ему разъ замѣтилъ, что многіе, проповѣдующіе честность, не знаютъ ея сущности, Гозвинъ отвѣтилъ: „А вотъ если ты скажешь или сдѣлаешь что нибудь противное честности, то найдешь насъ на твоей дорогѣ, и испытаешь по той энергіи, съ какою мы преслѣдуемъ противное честности, что мы знаемъ ея сущность". Испугался неукротимый носорогъ (pavefactus rhinoceros iste) и сталъ больше бояться плети (timidior flagellorum).

Digitized by Google

вѣческое правосудіе, Абеляръ бѣжалъ и скрылся въ одномъ монастырѣ на землѣ Тибо, графа шампанскаго. Послѣ немалыхъ хлопотъ ему удалось добиться позволенія оффиціально покинуть монастырь св. Діонисія и поселиться въ пустынѣ. Друзья добыли ему клочекъ земли въ округѣ Труа, на берегу Ардиссона, и онъ поселился тамъ съ однимъ клерикомъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, это былъ знаменитый впослѣдствіи Арнольдъ Брешіанскій). Но Абеляръ никуда не могъ — а можетъ быть, и не желалъ—скрыться отъ своей славы отличнаго преподавателя: и въ пустынѣ у него явились ученики, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. Сперва они жили въ наскоро-сколоченныхъ хижинахъ, а когда число ихъ увеличилось, въ пустынѣ явилась духовно-учепая община съ прочными домами и храмомъ; послѣдній Абеляръ посвятилъ св. Духу-Утѣшителю (Параклету). Параклетомъ сталъ называться и весь этотъ свободный, на новыхъ началахъ основанный, монастырь.

На несчастіе Абеляра недалеко отъ Параклета находился монастырь, основанный на самыхъ старыхъ, но вновь возрожденныхъ къ жизни началахъ беззавѣтнаго послушанія и отрѣшенія отъ личности, монастырь Клервосскій **), и въ немъ начальствовалъ столь же знаменитый представитель вѣка, Бернаръ.

Бернаръ, какъ и Абеляръ, былъ дворянинъ родомъ; также, какъ и Абеляръ, онъ не встрѣтилъ въ семьѣ противодѣйствія своимъ анти-рыцарскимъ стремленіямъ.

Но въ то время, какъ одного увлекалъ вновь пробужденный интересъ къ божественному знанію, другой искалъ только жизни въ Богѣ. Еще до поступленія въ монахи, Бернаръ у себя дома устроилъ частное общежитіе съ строго-аскетическимъ характеромъ. 23 лѣтъ отъ роду онъ съ 30-ю товарищами поступилъ въ бѣдный монастырь Сито. Онъ рано началъ впадать въ экстазъ и въ этомъ состояніи не замѣчать внѣшнихъ предметовъ. Вслѣдствіе воздержанія желудокъ его такъ испортился, что немедленно извергалъ назадъ принятую пищу, а то что въ немъ случайно оставалось и переваривалось, выходило съ страшною болью. Родись Бернаръ вѣкомъ или двумя ранѣе, его житіе представляло бы однообразный рядъ подвиговъ умерщвленія плоти, и политическое значеніе было бы равно нулю. Но съ Григоріемъ VII церковь вступила на новый путь: изъ оборонительнаго положенія она перешла въ наступательное, и такіе глубокоубѣжденные, до психоза экзальтированные люди должны были сражаться на ея пользу и славу. Понятно, что Бернаръ, сторонникъ вѣры безъ разсужденія, не могъ чувствовать симпатіи къ Абеляру—

**) Clara Vallis—Ясная Поляна.

Digitized by Google

богослову-революціонеру, опозорившему духовное званіе любовнымъ скандаломъ и желавшему добывать божественную истину на свой страхъ. Къ тому же Бернаръ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ врагомъ Абеляра, Шампо, который посвятилъ его въ аббаты Клерво и спасъ ему жизнь, отмѣнивъ суровыя мѣры подвижничества, буквально умерщлявшія плоть Бернара. Понятно, что онъ косо поглядывалъ на вольную общину, посвященную небывалому имени Параклета. Около этого времени Абеляръ издалъ новую книгу: «Этика, или познай самого себя», гдѣ между прочимъ высказывалъ убѣжденіе, что добрые язычники спасены, такъ какъ заблужденіе, происходящее изъ добраго источника, не можетъ быть поставлено въ вину; для соглашенія съ ученіемъ апостольскимъ онъ допускаетъ для нихъ только временныя муки *).

Начались преслѣдованія, которыя разстроенному и запуганному воображенію Абеляра казались крайне ожесточенными. Абеляръ пришелъ въ отчаяніе и, какъ самъ сознаётся, думалъ бѣжать къ врагамъ Христа.

Въ это время (1125 г.) монахи одного бретанскаго монастыря (св. Гильды въ Ваннскомъ округѣ) выбрали его своимъ аббатомъ, и Абеляръ съ радостью послѣдовалъ ихъ призыву. Но сейчасъ же по прибытіи на мѣсто, онъ увидѣлъ, что ему придется бороться со многими и тяжкими трудностями: монахи оказались грубы, невѣжественны и распутны до послѣдней возможности; земли монастыря безсовѣстно захватывались сильными сосѣдями. Абеляръ, мечтавшій о радикальныхъ преобразованіяхъ, вскорѣ разсорился съ своими подчиненными, которые, если вѣрить ему, не разъ покушались на его жизнь.

Между тѣмъ Элоиза въ своемъ монастырѣ достигла званія пріорши, но какъ разъ около того времени, когда Параклетъ оказался ненуженъ Абеляру, аббатъ св. Діонисія оттягалъ у монастыря, гдѣ жила Элоиза, зданіе и земли. Абеляръ уступилъ своей бывшей женѣ и ея монахинямъ зданіе и земли Параклета и въ 1131 г. добылъ для этой уступки папское утвержденіе. Бернаръ, по близости мѣста своего жительства, посѣщалъ Параклетъ и исправлялъ порядки, учрежденные тамъ его бывшимъ владѣтелемъ, что̀, конечно, сильно не нравилось послѣднему; по этому случаю между двумя знаменитыми аббатами возникла не особенно дружественная переписка.

*) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно одно мѣсто изъ его этики: Si enim diligenter moralia evangelii praecepta consideremus, nihil ea aliud, quam reformationem legis naturalis inveniemus, quam secutos esse philosophos constat. Обвиняя его, Бернаръ говоритъ: „Dum multum sudat, quo modo Platonem faciat christianum, se probat ethnicum.

Digitized by Google

Больной и разстроенный, Абеляръ описалъ всѣ свои злоключенія подъ названіемъ: «Historia calamitatum mearum» *) въ формѣ письма къ одному бѣдствующему другу, который просилъ у него утѣшенія. Тамъ онъ подробно и откровенно изложилъ исторію своихъ отношеній къ Элоизѣ. Эта книжечка дошла до аббатиссы Параклета и послужила поводомъ къ перепискѣ между разлученными судьбой супругами, любопытнѣйшему памятнику средневѣковой латинской прозы **). Въ этой перепискѣ Элоиза рисуется съ лучшей стороны, нежели Абеляръ; она живая, благородно мыслящая, все еще беззавѣтно любящая женщина, готовая на всевозможныя жертвы, привлекательно наивная при всемъ своемъ умѣ и развитіи, глубоко нравственная при всей своей трудно подавляемой страстности. Абеляръ—сухой, мѣстами циничный резонеръ, эгоистъ, отвѣчающій банальными утѣшеніями и совѣтами на живую страсть все отдавшей ему подруги. Но надо принять въ разсчетъ, что Элоиза въ это время была молодая, сильная, хорошо сохранившаяся женщина лѣтъ 30-ти съ небольшимъ, а Абеляръ—измученный старикъ, жившій вслѣдствіе своего несчастія только головой.

Впрочемъ, во время этой переписки, Абеляру жилось сравнительно недурно: слава его облетѣла весь христіанскій міръ; многія епископскія каѳедры были заняты его учениками. И Элоиза пользовалась общимъ уваженіемъ; даже Бернаръ бесѣдовалъ съ ней, какъ съ равной. Полагаютъ, что именно въ это время Абеляръ, оставивъ своихъ неблагодарныхъ и нечестивыхъ монаховъ, опять учительствовалъ въ Парижѣ.

Тучи снова собрались надъ его головой, когда онъ издалъ свою «Теологію» (ок. 1140 г.). Многое возмутило въ ней строгихъ католиковъ, но болѣе всего слишкомъ ясное представленіе о св. Троицѣ. Нѣкто Вильгельмъ изъ С.-Тьери обжаловалъ его передъ церковными властями. Абеляръ, въ сознаніи своей правоты и діалектической ловкости, желая оправдаться отъ темныхъ обвиненій, самъ требовалъ собора, который и состоялся по случаю церковнаго торжества въ каѳедральномъ городкѣ Сансѣ. Абеляръ безъ преній былъ признанъ виновнымъ. Какъ происходило дѣло, мы въ точности не знаемъ, потому что имѣемъ два противурѣчивыхъ разсказа. Одинъ идетъ изъ Клерво, другой—отъ сторонника Абеляра. По первому соборъ

*) Исторія моихъ бѣдствій.

**) Уже черезъ сто лѣтъ эта переписка была переведена на французскій языкъ. Въ XVI столѣтіи Бюсси Рабютенъ сдѣлалъ новый переводъ, который пользовался такою извѣстностью, что изъ-за него былъ забытъ надолго и самый подлинникъ. Въ послѣднее время заподозрѣли подлинность переписки или по крайней мѣрѣ писемъ Элоизы. См. Romania, 1880, № 36, стр. 618.

Digitized by Google

былъ вполнѣ почтенный; къ дѣлу отнеслись серьёзно и готовы были выслушать оправданія Абеляра. Но напрасно Бернаръ вызывалъ его на диспутъ: онъ уклонился и аппеллировалъ къ папѣ. По другому разсказу, дѣло Абеляра разбиралось послѣ обѣда, сопровождавшагося обильными возліяніями, и большинство членовъ были полупьяны и дремали. Абеляра отказались выслушать, и когда его личные враги закричали: damnamus (осуждаемъ), дремлющіе присоединились къ нимъ и коснѣющимъ языкомъ подхватили: namus (плаваемъ).

Трудно повѣрить, чтобы первый діалектикъ вѣка, самъ же требовавшій разбирательства, отказался отъ диспута, въ которомъ всѣ выгоды были на его сторонѣ: вѣроятно, Бернаръ требовалъ не диспута о догмѣ, а подчиненія авторитету. Еще труднѣй повѣрить, что дѣло происходило именно такъ, какъ разсказываетъ сторонникъ Абеляра, что Бернаръ воспользовался опьяненіемъ и дремотой отцовъ собора. Абеляръ поѣхалъ аппеллировать въ Римъ, увѣренный въ своей правотѣ и въ помощи сильныхъ друзей. Стоя вдали отъ событій, мы ясно видимъ, что разсчетъ его былъ крайне невѣренъ: папа и соборъ должны были осудить его; Бернаръ пользовался огромнымъ авторитетомъ: въ 1130 г., когда въ церкви былъ расколъ, Бернаръ своимъ вмѣшательствомъ рѣшилъ дѣло въ пользу Иннокентія II. Когда папа послалъ его въ непокорный Миланъ, жители встрѣтили его за 7 миль отъ города, рвали на клочки его платье, какъ реликвію, и по одному его слову, безъ разсужденій подчинились папѣ. Съ другой стороны церкви угрожали многія опасности: пропагандировали свое ученіе вальденцы; Арнольдъ Брешіанскій грозилъ коренной реформой, которая отнюдь не была на руку чинамъ церковнымъ; въ подобные моменты курія, какъ всякое сильное правительство, не бывала наклонна къ снисходительности.

Абеляръ двигался не спѣша и останавливался для отдыха въ монастыряхъ. Доѣхавъ до Ліона, онъ получилъ вѣсть, что курія осудила его ученіе и его самого, даже безъ соблюденія обычныхъ формальностей; книги его должны были подвергнуться сожженію, а самъ онъ, «какъ бы еретикъ», осуждался на вѣчное заключеніе въ монастырѣ. Это было страшнымъ ударомъ для Абеляра, ударомъ, послѣ котораго онъ такъ и не оправился. Къ счастію, онъ нашелъ прибѣжище въ монастырѣ Клюнійскомъ, гдѣ начальствовалъ Петръ, прозванный Достопочтеннымъ, который, хотя и расходился въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ Бернаромъ, но пользовался его уваженіемъ. Петръ утѣшилъ Абеляра, какъ могъ, и взялся помирить его съ его благочестивымъ противникомъ и съ куріей. Ему удалось устроить это, не подвергая Абеляра большому униженію. Но сломленный предыдущими бѣдами, Абеляръ рѣшился на этотъ разъ серьозно отказаться

Digitized by Google

отъ міра и кончить жизнь въ Клюни. Петръ пережилъ его и описалъ, въ письмѣ къ Элоизѣ, послѣдніе дни жизни знаменитаго профессора. По его словамъ, самые строгіе церковники были въ восторгѣ отъ аскетическихъ подвиговъ и смиренія Абеляра; самъ св. Мартинъ не точнѣе исполнялъ обѣтъ бѣдности. Всегда кроткій, молчаливый и печальный, Абеляръ прятался въ толпѣ монаховъ и только въ своей кельѣ, за рабочимъ столомъ, и на каѳедрѣ, когда по обязанности поучалъ братію, являлся великимъ Абеляромъ. Онъ работалъ до послѣдней минуты жизни.

Тѣло Абеляра, по распоряженію Петра, было тайно перенесено въ Параклетъ, съ которымъ аббатъ клюнійскій поддерживалъ самыя дружественныя отношенія: онъ былъ тамъ, служилъ обѣдню и сдѣлалъ Элоизѣ подарокъ, странный съ нашей точки зрѣнія, но весьма обычный въ то время: онъ подарилъ ей треценарій, т. е. право на извѣстное число заупокойныхъ обѣдень, которыя должны быть отслужены за нее послѣ ея смерти *).

Элоизѣ приписывается прекрасный погребальный гимнъ, который будто бы она пѣла съ своими монахинями; въ немъ, между прочимъ, говорится отъ ея лица:

Tecum fata sum perpessa,
Tecum dormiam defessa
Et in Sion veniam.
Solve crucem,
Duc ad lucem
De gravatam animam.
Хоръ поетъ: Requiescant a labore
Doloroso et amore etc **).

По всей вѣроятности, этотъ гимнъ сочиненъ много позднѣе какимъ-нибудь клерикомъ, вдохновленнымъ перепиской Абеляра и Элоизы. Элоиза пережила своего мужа на 20 слишкомъ лѣтъ; она умерла въ 1164 г. По ея желанію, она была положена въ одинъ гробъ съ Абеляромъ; преданіе говоритъ, что когда открыли для этого гробъ философа, трупъ протянулъ руки и заключилъ вѣрную супругу въ объятія.

Заканчиваемъ біографію Абеляра словами Ремюзà: Il vécut dans l'angoisse et mourut dans l'humiliation, mais il eut de la gloire et il fut

*) Въ вышеупомянутомъ письмѣ Петръ сравниваетъ Элоизу съ Деборой и Пентезилаей; Абеляра же въ своей эпитафіи онъ называетъ Сократомъ, Аристотелемъ, Платономъ Галліи и Запада.

**) Я съ тобой терпѣла горе; съ тобой усну я, утомленная, и съ тобой приду въ Сіонъ. Разрѣши крестъ, веди къ свѣту отягченную душу.—Хоръ: Пусть отдохнутъ они отъ тяжкаго страданія и любви.

Digitized by Google

aïmé (Онъ много страдалъ, умеръ въ униженіи, но вкусилъ славы и былъ любимъ. I, 274).

Одна и таже булла 16 іюля 1140 г. осудила на вѣчное заточеніе въ монастырь и Абеляра, и его знаменитаго ученика Арнольда Брешіанскаго, котораго мы уже поминали мимоходомъ. Сочиненія его не дошли до насъ, и потому въ исторіи литературы онъ не можетъ занимать много мѣста, но общій характеръ его дѣятельности важенъ для уразумѣнія духа эпохи.

Арнольдъ родился въ Брешіи въ началѣ XII вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ юности изучалъ классиковъ и проникся идеей величія древняго Рима. Онъ учился у Абеляра въ пору его наибольшей славы и болѣе всего усвоилъ его ученіе о свободѣ воли, которое примѣнилъ не къ богословію, а къ жизни. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ главами ереси вальденской и, возвратившись въ Брешію, громилъ въ своихъ проповѣдяхъ пороки духовенства, доказывая, что папа и епископы только тогда будутъ истинными пастырями, когда откажутся отъ свѣтской власти и богатства и уподобятся по жизни Христу и апостоламъ. Самъ онъ, какъ сознается даже его неумолимый противникъ Бернаръ, велъ строго аскетическую жизнь *). Кромѣ того онъ расходился съ церковной догмой по вопросу о пресуществленіи и о крещеніи младенцевъ. Осужденный на латеранскомъ соборѣ, Арнольдъ бѣжалъ во Францію; но оттуда его выжилъ св. Бернаръ; тогда онъ переѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ пользовался большимъ вліяніемъ. Когда въ 1143 г. римляне отняли свѣтскую власть у папъ и учредили сенатъ, Арнольдъ былъ приглашенъ въ Римъ и до 1155 г. руководилъ римскою республикой. Императоръ Фридрихъ I, не прозрѣвъ въ немъ могучаго союзника для борьбы съ папствомъ, выдалъ его врагамъ, и Арнольдъ былъ сожженъ безъ суда.

Своимъ печальнымъ концомъ Арнольдъ доказалъ, что еще не пришло время прилагать скороспѣлые результаты пробудившейся мысли къ политикѣ. И Абеляръ, какъ мы видѣли, кончилъ тоже не тріумфаторомъ. Но Абеляръ оставилъ послѣ себя многочисленныхъ учениковъ и продолжателей, и еще не успѣло сойти въ могилу поколѣніе, бывшее свидѣтелемъ побѣды Бернара, какъ сочиненіе Абеляра, возбуждавшее наибольшую злобу: Sic et Non **), уже легло въ основу популярнѣйшаго въ средніе вѣка учебника богословія.

Ученикъ Абеляра Петръ Ломбардскій (умеръ въ 1164 г. епи-

*) Qui utinam, говоритъ онъ про Арнольда, tam sanae esset doctrinae, quam districtae est vitae.

**) Это рядъ цитатъ съ толкованіями изъ отцовъ церкви *pro* и *contra* важнѣйшихъ догматовъ. Резюмируя программу всей схоластики, Абеляръ говоритъ въ немъ: Dubitando ad inquisitionem venimus, inquirendo veritatem percipimus.

Digitized by Google

скопомъ парижскимъ) издалъ компендіумъ богословія, подъ названіемъ: «4 книги сентенцій» (Sententiarum libri 4), гдѣ привелъ въ систему мнѣнія отцевъ церкви о важнѣйшихъ теологическихъ вопросахъ. 1-я книга говоритъ о Богѣ, какъ объ абсолютномъ благѣ, 2-я о твореніяхъ, 3-я о вочеловѣчиваніи Христа, 4-я о семи таинствахъ и концѣ міра. Это первая полная догматика; ея популярность пережила многія поколѣнія, и не она получила названіе отъ автора, а авторъ отъ нея: Петръ былъ впослѣдствіи извѣстенъ подъ именемъ magister sententiarum.

Въ этой книгѣ мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ такой массѣ наивные и мелочные, но въ тоже время смѣлые вопросы, характеризующіе отношеніе схоластической науки къ дѣлу вѣры. Гдѣ находились Богъ и ангелы до сотворенія неба? Могъ ли Богъ сотворить вещи лучше, чѣмъ онъ ихъ сотворилъ? Могутъ ли ангелы грѣшить? Каковъ былъ возрастъ Адама, когда онъ былъ созданъ? Почему Ева сотворена изъ его ребра, а не изъ какой-нибудь другой части его тѣла? Почему она сотворена во время сна Адама? Были ли бы люди безсмертны, еслибъ Адамъ не согрѣшилъ? Какъ въ такомъ случаѣ размножался бы родъ человѣческій? Почему именно Богъ-Сынъ вочеловѣчился? Могъ ли бы Богъ воплотиться въ видѣ женщины и пр., и пр.

Несомнѣнно, что Абеляръ, поднимавшій «рыло свое къ небу» для изслѣдованія тайнъ божіихъ, лучше угадалъ духъ вѣка, чѣмъ его противникъ, имѣвшій немногихъ и невлятельныхъ послѣдователей. Самый выдающійся изъ нихъ Гуго изъ С.-Виктора выставилъ принципъ, что незыблемая истина не можетъ быть добыта разсужденіемъ: rerum incorrupta veritas ex ratiocinatione non potest inveniri.

Типичнымъ характернымъ явленіемъ этого интереснаго времени былъ другой ученикъ Абеляра—Іоаннъ Салисберійскій, также высокопоставленный церковный дѣятель. Онъ родился въ Салисбери въ саксонской фамиліи около 1120 г. (вѣрнѣе между 1110 и 1120 г.). Такъ какъ англійскія школы того времени были плохи, то Іоаннъ отправился учиться во Францію, преимущественно въ Парижъ. Ученію посвятилъ онъ около 12 лѣтъ, въ томъ числѣ 5 лѣтъ логикѣ и вообще свободнымъ искусствамъ, и 5 лѣтъ богословію. Онъ былъ нѣкоторое время слушателемъ Абеляра, но не принадлежалъ къ числу его горячихъ приверженцевъ и не былъ скомпрометированъ въ его дѣлѣ. Одинъ пріятель рекомендовалъ его Бернару клервосскому, а тотъ—Теобальду, архіепископу кентерберійскому. Когда въ 1148 г. Іоаннъ вернулся на родину, Тебальдъ принялъ его къ себѣ на службу секретаремъ. Дѣятельность Іоанна была очень обширна и разнообразна. Какъ секретарь примаса, онъ велъ большую переписку.

Digitized by Google

Такъ какъ примасъ былъ главнымъ духовнымъ судьей, то его секретарь долженъ былъ заниматься юриспруденціей. Въ отсутствіе короля примасъ управлялъ государствомъ, и потому Іоаннъ былъ важнымъ политическимъ дѣятелемъ. «Десять разъ, говоритъ онъ про себя, переходилъ я Альпы, два раза былъ въ Апуліи, много разъ бывалъ во Франціи». Съ папой Адріаномъ IV (англичаниномъ) былъ онъ въ тѣсной дружбѣ. Когда Теобальдъ состарѣлся, Іоаннъ за него предсѣдательствовалъ въ духовномъ судѣ. При всемъ этомъ онъ находилъ время заниматься наукой.

Король Генрихъ II не взлюбилъ его (вѣроятно, за клерикальныя стремленія), и около 1160 г. Іоаннъ даже думалъ оставить Англію. За-то онъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ канцлеромъ Ѳомою Бекетомъ, и когда Ѳома отказался отъ канцлерства, Генрихъ приписалъ это вліянію Іоанна. Съ 1163 г. Іоаннъ живетъ во Франціи и дѣятельно работаетъ въ пользу архіепископа Ѳомы, который около этого времени окончательно разошелся съ королемъ изъ-за кларендонскихъ постановленій *). Впрочемъ, Іоаннъ не былъ крайнимъ церковникомъ и нѣсколько разъ увѣщевалъ Бекета относиться къ королю съ большей кротостью. Онъ былъ бы не прочь сыграть роль посредника и примирителя, но это не удалось ему. Онъ находился въ Кентербери во время убіенія Бекета и, говорятъ, былъ обрызганъ его кровью. Послѣ смерти покровителя, онъ дѣятельно хлопоталъ объ его канонизаціи и помогалъ его преемнику. Въ 1176 г. онъ былъ назначенъ епископомъ шартрскимъ и умеръ въ 1180 г., занимая этотъ постъ.

Важнѣйшее произведеніе Іоанна: «Policraticus, или о глупостяхъ придворныхъ и путяхъ философовъ» **), окончено имъ въ 1159 г., когда онъ былъ клерикомъ въ Кентербери, и посвящено канцлеру Ѳомѣ Бекету.

Сочиненіе дѣлится на 8 книгъ и распадается на двѣ неравныя части; первыя 6 книгъ носятъ преимущественно отрицательный характеръ и трактуютъ о глупостяхъ придворныхъ; 2 послѣднія книги говорятъ „о путяхъ философовъ“, изображаютъ идеалъ автора. Первая книга говоритъ объ охотѣ, объ игрѣ въ кости, о музыкѣ, зрѣлищахъ, магніи, суевѣріяхъ. Авторъ не ограничивается разсужденіями: онъ вездѣ, гдѣ можетъ, излагаетъ исторію предмета, затрогиваетъ классическую

*) 1164 г. Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ тотъ, что клерика, въ случаѣ тяжкаго преступленія, долженъ судить судъ свѣтскій.

**) *Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum.* Трудно объяснить это заглавіе: 1-я часть снова происходитъ отъ Πόλις, вѣроятно въ значеніи не города, а *двора*; тогда Policraticus значитъ *Hofbezwinger*, *покоритель двора*. Πόλις также можетъ значить и міръ; въ такомъ случаѣ Policraticus—Weltbezwinger, *покоритель міра*. А можетъ быть, заглавіе имѣетъ отношеніе къ моменту сочиненія книги. Ѳома въ это время былъ въ войскѣ, осаждавшемъ городъ Тулузу, о чемъ прямо говоритъ Іоаннъ въ посвященіи: «Istud agressus sum, dum Tolosam cingitis».

Digitized by Google

миѳологію, преданія и легенды о святыхъ. По его мнѣнію, музыка сама по себѣ — дѣло пріятное и полезное; она служитъ и церкви, возбуждая благоговѣніе; но предаваться ей исключительно — не слѣдуетъ. Августъ бросилъ киѳару, чтобы лучше управлять царствомъ, а музыкантъ Неронъ погубилъ себя и государство.

Вторая книга говоритъ о предзнаменованіяхъ и предсказаніяхъ; въ ней авторъ касается весьма важнаго вопроса, который волновалъ христіанскій міръ еще со временъ Августина: о свободѣ воли человѣка и провиденціализмѣ. Сны, по мнѣнію автора, могутъ быть и ложны, и вѣрны; въ доказательство онъ приводитъ свидѣтельства Библіи и древнихъ. Онъ вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ, т.-е. такихъ женщинъ, въ которыхъ, съ попущенія божія, вселяется дьяволъ, но не вѣритъ въ реальность ихъ ощущеній *). Онъ вѣритъ участію злого духа въ дѣлѣ некромантіи, но убѣжденъ, что врагъ рода человѣческаго часто умышленно обманываетъ легковѣрныхъ; поэтому обращаться къ подобнымъ искусствамъ не только грѣшно, но и безполезно. На счетъ предопредѣленія авторъ держится либеральныхъ воззрѣній: Богъ изъ милосердія, по его мнѣнію, можетъ измѣнять свои предначертанія.

Третья книга говоритъ объ отношеніи Бога къ человѣку, о самопознаніи, о смиреніи, какъ его слѣдствіи, и въ противуположность этому—о гордости и лести. Авторъ мѣстами высказываетъ странныя въ устахъ благочестиваго христіанина мысли, напоминающія правила іезуитизма, которымъ слѣдовали Жакъ Клеманъ и Равальякъ. „Другу льстить не слѣдуетъ, но лестью ласкать уши тирана дозволяется. Вообще дозволяется льстить тому, кого дозволяется убить. Нѣтъ грѣха убить тирана; напротивъ, это высоко справедливое дѣло“ **).

Въ четвертой книгѣ изложены обязанности правителей. Если государь хочетъ быть не тираномъ, а истиннымъ пастыремъ народа, онъ въ дѣлѣ правленія долженъ руководствоваться не своимъ произволомъ, а законами страны и справедливостью. Свой мечъ, орудіе справедливости, онъ получаетъ отъ церкви, служителямъ которой не прилично проливать кровь. „Такимъ образомъ государь есть служитель священства, исполняющій ту часть священныхъ обязанностей, которая недостойна рукъ служителя божія“ ***). Но въ то же время государь есть образъ Бога на землѣ, и оскорбленіе величества есть поэтому преступленіе и противъ божества.

Книги пятая и шестая говорятъ объ устройствѣ государства, главнымъ образомъ по всевдо-Плутархову „уставу Траянову“ (Institutio Trajani). Князь есть глава государства; сенатъ, т.-е. собраніе благородныхъ старцевъ—сердце; придворные—грудь государства; чиновники провинцій—глаза и уши; воины—руки (авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду римскихъ легіонаріевъ, а не средневѣковыхъ рыцарей). Ноги государства — крестьяне; ихъ первая и самая священная обязанность — безусловное повиновеніе. И въ этой части авторъ возвращается къ своей любимой

---

*) Quod in spiritu patiuntur miserrime et mendacissime credunt in corporibus evenire.

**) Ei namque licet adulari, quem licet occidere. Porro tirannum occidere non modo licitum est, sed aequm et justum. (Ed. Giles, p. 217). Эти революціонныя воззрѣнія принадлежатъ не исключительно Іоанну: они въ духѣ времени. Немного позднѣе Ѳома Аквинскій, на вопросъ: имѣетъ ли право народъ возстать противъ тирана, отвѣчаетъ утвердительно. „Сверженіе тираніи, говоритъ онъ, даже не можетъ быть названо возмущеніемъ, только бы народъ не подвергся бѣдствіямъ, горчайшимъ тѣхъ, какія испыталъ отъ тирана“. Franck: Réformateurs et publicistes. Moyen Age. 1864, стр. 60.

***) Est ergo princeps sacerdotii quidem minister et qui sacrorum officiosum illam partem exercet, quae sacerdotii manibus videtur indigna.

Digitized by Google

мысли: „нарушать неприкосновенность священныхъ дѣлъ значитъ возставать противъ Бога и какъ бы стараться обратить его въ рабство“.

Седьмая и восьмая книги трактуютъ о философіи; здѣсь авторъ излагаетъ свои философскія убѣжденія, т.-е. взгляды новой академіи, насколько они измѣнились подъ вліяніемъ христіанства. Здѣсь же Іоаннъ говоритъ о современномъ ему положеніи церкви: онъ порицаетъ симонію, возстаетъ противъ замѣщенія мѣстъ викаріями, противъ сребролюбія и жадности монаховъ. Излагая свои нравственныя воззрѣнія, авторъ съ особенною подробностью останавливается на сладострастіи. „Всякое проявленіе чувственности постыдно, исключая того, которое *извиняется* брачнымъ союзомъ“ (quae excusatur foedere conjugali). Какъ средневѣковой клерикъ, авторъ энергично обличаетъ „злобы женскія“. Изъ сада свѣткости изливаются въ міръ, по его словамъ, четыре рѣки: жадность, чувственность, властолюбіе и честолюбіе; отъ нихъ можно спастись только въ ковчегѣ церкви.

Въ заключеніе авторъ, обращаясь къ Бекету, увѣщеваетъ его остаться вѣрнымъ себѣ среди придворнаго великолѣпія и не сѣтовать на него, Іоанна, такъ какъ онъ въ своихъ обличеніяхъ не касался личностей и имѣлъ благія намѣренія, и поручаетъ себя молитвамъ читателей и милости божьей.

Другое его сочиненіе: «Metalogicus» имѣетъ болѣе спеціальное содержаніе; оно говоритъ о значеніи логики вообще и о нѣкоторыхъ логическихъ вопросахъ въ частности. Іоаннъ считаетъ универсаліи имманентными и существенными качествами вещей; ихъ можно отдѣлить отъ послѣднихъ только отвлеченно; но онъ не твердо стоитъ за свое мнѣніе и не совѣтуетъ никому посвящать всѣ силы свои на рѣшеніе такихъ тонкихъ и неплодотворныхъ вопросовъ.

Сочиненія Іоанна даютъ драгоцѣнный матеріалъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи XII вѣка къ классикамъ. Какъ ученикъ Абеляра, Іоаннъ цѣнитъ ихъ довольно высоко; по его словамъ, всякая добродѣтель, въ томъ числѣ и древнихъ философовъ, исходитъ изъ божественнаго источника; но въ тоже время онъ сравниваетъ классическую науку съ тѣми гадами, которыя спустились съ неба въ видѣніи ап. Петра. Книги отцовъ и вѣроучителей христіанскихъ полезно читать и изучать всѣмъ безъ изъятія, а книги языческихъ философовъ только крѣпкимъ въ вѣрѣ умамъ. Онъ знаетъ Светонія, Евтропія, Флора, Юстина, Авла Геллія, Макробія, Сенеку, Квинтиліана и Цицерона. Особенно высоко ставитъ онъ послѣдняго, не только какъ стилиста, но и какъ философа. Въ одномъ стихотвореніи онъ такъ говоритъ о мудрецѣ тускуланскомъ:

Римскій міръ не имѣлъ ничего выше Цицерона;
Замолкла самая Греція передъ его словомъ *).

Сенеку онъ считаетъ святымъ и мученикомъ. Онъ различаетъ двоихъ Плиніевъ, и младшаго называетъ гуманнымъ человѣкомъ, не не смотря на то, что онъ, по своимъ оффиціальнымъ обязанностямъ, долженъ былъ принимать участіе въ гоненіи на христіанъ. Изъ по-

*) Orbis nil habuit majus Cicerone Latinus,
Cujus ad eloquium Graecia muta fuit.

Digitized by Google

этовъ, кромѣ Виргилія и Овидія, онъ читалъ Лукана, Стація, Петронія, Апулея и сатиры Горація. Но одъ Горація онъ не знаетъ; не читалъ Цезаря и Тацита, и имѣлъ очень поверхностное понятіе о Ливіи.

На первое мѣсто между поэтами Іоаннъ ставитъ Виргилія, въ сочиненіяхъ котораго видитъ философское глубокомысліе, скрытое подъ покровомъ басни *). Эней, по словопроизводству (отъ ἔνναιος) и разсужденію, есть душа, временно обитающая въ хижинѣ тѣла. Авторъ подъ видомъ кораблекрушенія изображаетъ бѣдствія человѣка въ дѣтствѣ, повѣствуетъ о заблужденіяхъ юности, о преступной любви и т. д. По-гречески Іоаннъ не зналъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ словъ, какъ не знали ни Гербертъ, ни Абеляръ; съ Платономъ и Аристотелемъ онъ знакомъ только въ латинскихъ переводахъ и пересказахъ.

Во второй половинѣ XII вѣка наука пріобрѣтаетъ общее уваженіе. Церковь дѣятельно хлопочетъ объ ея распространеніи; латеранскій соборъ 1179 г. издаетъ постановленіе: «если люди способные и образованные вздумаютъ заводить школы, пусть они дѣлаютъ это безъ всякой помѣхи и затрудненія»; Александръ III (1159—1181) пишетъ одному аббату: «Смотри хорошенько за тѣмъ, чтобы въ городѣ и пригородахъ честнымъ и образованнымъ людямъ не возбраняли открывать школы». Съ этого времени начинаютъ возвышаться школы въ Оксфордѣ и Кембриджѣ и во многихъ городахъ Италіи. Учебныя заведенія Парижа соединяются въ одно цѣлое. Въ 1183 г. въ Парижѣ считалось около 10,000 студентовъ. Хотя оффиціально 4 націи, на которыя дѣлилась парижская universitas magistrorum et scoliarum, признаны только въ 1215 г., на дѣлѣ университетъ сложился во второй половинѣ XII вѣка и уже въ это время пользовался многими привилегіями. Когда на самой границѣ двухъ столѣтій, въ 1200 г., произошло крупное столкновеніе между студентами и городской полиціей, правительство принуждено было стать на сторону студентовъ.

Наука, дѣйствительно, развивалась; ея росту сильно помогло распространеніе всѣхъ главныхъ сочиненій Аристотеля, отъ котораго, какъ мы видѣли выше, пользовались до тѣхъ поръ только формальной логикой. Стагиритъ является на Западъ первоначально въ арабской одеждѣ: въ XI вѣкѣ его комментируетъ Авиценна († 1036 г.), въ XII—Аверроэсъ, знаменитѣйшій изъ арабскихъ ученыхъ. Арабскія толкованія и передѣлки Аристотеля проникаютъ сюда различ-

*) Это общее заблужденіе среднихъ вѣковъ. Одинъ изъ популярнѣйшихъ комментаторовъ говоритъ, что Виргилій describit quid agat vel quid patiatur animus humanus in humano corpore temporaliter positus.

Digitized by Google

ными путями: черезъ обычныхъ посредниковъ-евреевъ, черезъ дворъ сицилійскій, гдѣ арабы пользовались почетомъ, и наконецъ черезъ христіанъ, которые изъ жажды знанія проникали въ высшія школы Испаніи *)

Въ концѣ того же XII вѣка церковь сознала опасность, которая угрожала ей отъ развившейся науки и связаннаго съ нею свободомыслія; между людьми учеными, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ сочиненій неоплатониковъ и арбскихъ и еврейскихъ философовъ, стаъ распространяться пантеизмъ; въ мѣстностяхъ болѣе богатыхъ и населенныхъ, напр. въ южной Франціи, народъ цѣлыми массами переходилъ въ доступныя ему раціоналистическія ереси. Церковь дѣлается подозрительной, собираетъ свои силы **) и выступаетъ на борьбу съ наукой, которую сама же она вызвала къ жизни. Аристотеля она считала не безъ нѣкотораго основанія виновникомъ научнаго движенія, и парижскій провинціальный соборъ 1209 г. положилъ, что книги Аристотеля по натуральной философіи и комментаріи на нихъ не должны читаться ни публично, ни тайно. Въ томъ же году папа издаетъ декретъ, запрещающій изученіе римскаго права. Но вскорѣ лучшіе люди церкви сознали, что бороться запрещеніями противъ духа времени и научнаго прогресса по меньшей мѣрѣ безполезно. Въ 1231 г. приказомъ папы Григорія безусловно разрѣшаются всѣ сочиненія Аристотеля, кромѣ книгъ по естественнымъ наукамъ (libri naturales); разрѣшаются и тѣ, но съ цензурою. Въ 1254 г. метафизика и физика Аристотеля поставлены, какъ особые предметы на парижскомъ факультетѣ искусствъ. Приблизительно около тогоже времени главныя сочиненія стагирита дѣлаются извѣстными въ переводѣ непосредственно съ греческаго, и Аристотель считается «Предтечею Христа» въ познаніи природы (in rebus naturalibus), подобно тому какъ Іоаннъ Креститель—его предтеча въ дѣлахъ благодати.

Церковь дѣйствовала очень ловко: вмѣсто того, чтобы продолжать безполезную борьбу съ Аристотелемъ, она преклонилась передъ нимъ и старалась извлечь изъ него свою пользу; пунктомъ соприкосновенія служило ученіе Аристотеля о существованіи божества отдѣльно отъ вселенной и о главенствѣ его надъ природой. Поставивъ Аристотеля на такую высоту, она обязала человѣческую мысль устремить всю свою дѣятельность на то, чтобы согласовать догматъ съ буквою сочиненій Аристотеля. Внѣшнимъ образомъ эта эксплуатація Аристотеля церковью выразилась въ томъ, что въ то время какъ ауди-

*) Покровитель Абеляра, Петръ Достопочтенный, долго учился въ Кордовѣ; онъ говоритъ, что нашелъ тамъ много ученыхъ христіанъ даже изъ отдаленной Англіи.

**) Вспомнимъ, что въ 1170 г. род. св. Доминикъ, а въ 1182 г.—св. Францискъ.

Digitized by Google

торіи во всѣхъ высшихъ школахъ боли полны монахами и клериками, такъ и каѳедры занимали члены монашескихъ орденовъ, особенно доминиканцы.

Мы остановимся на жизни и сочиненіяхъ знаменитѣйшаго изъ доминиканскихъ профессоровъ Альберта, названнаго Великимъ.

Альбертъ родился въ 1193 г., въ Швабіи; онъ былъ законный сынъ и наслѣдникъ богатаго графа Больштедскаго. Мы не знаемъ ничего объ его первоначальномъ воспитаніи, но по педагогической энциклопедіи того времени: Doctrinale puerorum, намъ извѣстно, что грамотѣ (разумѣется, латинской) начинали учить съ 7—8-лѣтняго возраста: укрѣпившись въ ней, ученикъ разучивалъ грамматику по Донату, Присціану или Дидиму, потомъ училъ псалтырь. Отъ 9 до 12 лѣтъ ученикъ читалъ Езопа, Теодула *), моралиста Катона; немного позднѣе Сенеку, Овидія, Горація, Персія, особенно Виргилія, Цицерона, Квинтиліана и въ латинскомъ изложеніи Аристотеля; одновременно съ этимъ изучались риторика и логика.

Вообще классики были въ большемъ почетѣ. Винцентій Бове (см. ниже) говоритъ о нихъ: «Хотя и лишенные откровенія вѣры, они разсуждали удивительно о творцѣ и его твореніяхъ. о добродѣтеляхъ и порокахъ». Самъ Альбертъ въ трактатѣ объ обѣднѣ, объясняя слово Κύριε, говоритъ: «Высшая свѣтская мудрость процвѣтала въ Греціи. Подобно тому, какъ іудей узнавалъ Бога въ Писаніи, языческій мудрецъ и философъ познавалъ его естественной мудростью разума» **). Ставъ юношей, Альбертъ имѣлъ передъ собою двѣ дороги, двѣ карьеры: военную и ученую. Онъ избралъ послѣднюю, повидимому безъ противодѣйствія со стороны родителей.

Въ это время старыя, когда-то знаменитыя, монастырскія школы окончательно потеряли кредитъ. Такъ какъ въ Германіи университета еще не было, то жаждущій знанія нѣмецъ могъ выбирать между Парижемъ и Италіей. Альбертъ выбралъ Падую или потому, что имѣлъ тамъ связи, или потому, что онъ особенно интересовался свободными искусствами, которыя процвѣтали въ Падуѣ, тогда какъ Болонья славилась юристами, а Парижъ—богословами. Онъ прибылъ въ Италію ок. 1212 г.

Падуя изстари имѣла хорошія монастырскія школы; получивъ по Констанскому миру (1183 г.) политическую свободу, городъ сталъ

*) Писатель X вѣка, сопоставлявшій чудеса Библіи съ миѳологіей.

**) Само собою разумѣется, что утверждать на основаніи подобныхъ цитатъ, будто Возрожденіе не внесло ничего новаго въ оцѣнку древности, было бы крайне несправедливо: въ эпоху Возрожденія не заставляли классиковъ служить цѣлямъ богословія и обходили вопросъ объ ихъ „поганствѣ“. XIII в., при всемъ видимомъ уваженіи, смотритъ на нихъ подъ особымъ угломъ зрѣнія и не въ состояніи понимать красоты формы; послѣднее обстоятельство было связано съ незнаніемъ греческаго языка и поэзіи.

Digitized by Google

быстро подниматься; явились мосты, каналы, городскія стѣны съ башнями; вмѣстѣ съ тѣмъ стала рости и внутренняя культура; въ общественную школу, не жалѣя расходовъ, были приглашены лучшіе учителя; явилась масса студентовъ изъ другихъ городовъ Италіи и изъ иныхъ странъ.

Лекціи читались въ Падуѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ двухъ-этажной каѳедры; преподаватель-докторъ, стоя на верхней площадкѣ, сообщалъ научныя положенія; слова его записывали нѣкоторые скорописцы; остальные студенты довольствовались слушаніемъ, репетиціями и диспутами, которыми руководилъ стоявшій на нижней площадкѣ лиценціатъ или баккалавръ. О занятіяхъ Альберта въ Болоньѣ впослѣдствіи составилось сказаніе, будто онъ въ началѣ вовсе не имѣлъ способностей къ наукамъ, въ особенности страдалъ недостаткомъ памяти и хотѣлъ изъ-за этого бросить университетъ *). Разъ явились къ нему три небесныя жены и богоматерь, которая, за его благочестіе, обѣщала ему исполнить все, что онъ пожелаетъ. Альбертъ пожелалъ мірской мудрости. Богоматерь, хоть и была недовольна тѣмъ, что онъ не попросилъ божественной мудрости и спасенія души, устояла на словѣ и даже обѣщала предохранить его отъ ереси; но объявила, что передъ смертью онъ забудетъ все, что зналъ, и будетъ какъ ребенокъ.

Альбертъ учился долго, лѣтъ десять. Вѣроятно, онъ проживалъ во дворцѣ дяди, ходилъ въ богатомъ костюмѣ итальянскаго аристократа; занимался онъ усердно, особенно Аристотелемъ; часто дѣлалъ экскурсіи по окрестностямъ и наблюдалъ явленія природы; но въ тоже время онъ водилъ дружбу и съ учеными доминиканцами.

По окончаніи ученья, передъ нимъ опять лежали двѣ дороги: онъ могъ заняться правомъ и стремиться къ высшимъ государственнымъ должностямъ, или сдѣлаться служителемъ церкви. Онъ избралъ послѣднее и отдалъ предпочтеніе наиболѣе суровой формѣ—монашеству. Теперь ему пришлось выдержать довольно долгую борьбу съ родственниками. Онъ побѣдилъ и въ 1223 г. вступилъ въ доминиканскій орденъ: богатый дворянинъ превратился въ босоногаго монаха, лишеннаго собственной воли.

Его послали въ Болонью заниматься богословіемъ; онъ поселился въ монастырѣ, а въ университетъ ходилъ слушать лекціи. Курсъ богословія въ то время продолжался 4—6 лѣтъ и раздѣлялся на 3 отдѣла: студентъ во-1-хъ изучалъ Библію и слушалъ аллегорическое ея толкованіе,—тогда онъ назывался biblicus; затѣмъ онъ

*) Въ основу легенды положенъ тотъ же мотивъ эффектнаго перехода отъ безсилія къ необыкновенной силѣ, что и въ массу народныхъ сказаній о героихъ, представителяхъ силы физической.

Digitized by Google

проходилъ догматику и мораль по Сентенціямъ Петра Ломбардскаго и назывался sententiarius; только послѣ этого онъ переходилъ къ изученію отцовъ церкви. Альбертъ особенно много времени посвятилъ Августину и Амвросію.

Имѣя приблизительно около 36 лѣтъ отъ роду, Альбертъ покончилъ ученье и былъ отправленъ въ Кёльнъ.

Доминиканцы уже лѣтъ десять имѣли въ богатомъ Кельнѣ hospitium—пріютъ для иностранцевъ—и капеллу; теперь явились тамъ доминиканскій монастырь и при немъ школа, въ которой Альбертъ и началъ учительствовать. Успѣхъ его лекцій и проповѣдей превзошелъ ожиданія начальниковъ, и Альберта часто посылали въ другіе города Германіи, гдѣ нужно было закрѣпить доминиканскую колонію и вліяніе. Особенно долго проживалъ онъ въ Регенсбургѣ и въ Страсбургѣ. Для собственнаго усовершенствованія въ наукахъ онъ ходилъ въ Парижъ *). Въ 1243 г. мы видимъ его снова въ Кельнѣ, гдѣ у него явился даровитый ученикъ, въ области божественной науки даже превзошедшій учителя—Ѳома Аквинскій.

Ѳома происходилъ изъ аристократической семьи графовъ Аквинскихъ. Онъ родился въ Калабріи въ 1226 г., учился сперва въ монастырской школѣ Монтекассино, потомъ въ неаполитанской высшей школѣ. 16 лѣтъ отъ роду онъ рѣшился покинутьміръ и его соблазны и сдѣлаться доминиканцемъ. Изъ-за этого ему пришлось выдержать отчаянную борьбу съ родителями и братьями; на него, какъ на нашего Ѳеодосія Печерскаго, пытались дѣйствовать то слезными мольбами, то тиранствомъ; Ѳома крѣпко стоялъ на своемъ. Дѣло доходило до папы, который рѣшилъ его въ пользу церкви. Говорятъ, что папа тутъ-же предложилъ 19-лѣтнему Ѳомѣ аббатство въ богатѣйшемъ монастырѣ Монтекассинскомъ; но Ѳома отказался. Самъ генералъ ордена, уже считавшій въ то время своихъ подданныхъ десятками тысячъ, привелъ его въ Кельнъ къ Альберту. Біографъ разсказываетъ, что Ѳома изъ смиренія прикинулся простачкомъ и молчальникомъ. Товарищи прозвали его сициліанскимъ быкомъ. Одинъ добрый монахъ вызвался помогать ему въ занятіяхъ. Однажды онъ напрасно усиливался растолковать Ѳомѣ нѣчто такое, чего и самъ не понималъ. Сжалившись надъ руководителемъ, Ѳома принялъ на себя роль учителя и выказалъ при этомъ свои знанія и способности. Братъ попросилъ его взять на себя на будущее время обязан-

*) Для монаха, соблюдавшаго обѣтъ нищенства, хотя бы онъ занималъ и высшую должность въ орденской іерархіи, другого способа передвиженія не существовало. Только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. на пути къ больному или по экстреннымъ дѣламъ ордена, онъ могъ присѣсть на повозку или на лошадь. Кто поѣдетъ безъ такой крайности, тотъ подвергался дисциплинѣ, т. е. тѣлесному наказанію.

Digitized by Google

ность толкователя, и Ѳома согласился подъ условіемъ тайны. Вскорѣ послѣ этого обстоятельства принудили его принять участіе въ диспутѣ; онъ выказалъ такую силу логики и краснорѣчія, что профессоръ Альбертъ вскричалъ: «Этотъ быкъ скоро подниметъ въ наукѣ такое мычанье, что его услышитъ весь свѣтъ». Съ этихъ поръ Ѳома сталъ помогать Альберту въ преподаваніи. Скоро и Альберту, и Ѳомѣ пришлось дѣйствовать на болѣе обширной аренѣ въ самомъ Парижѣ.

Еще въ 1216 г. св. Доминикъ послалъ въ Парижъ четверыхъ братій; черезъ нѣсколько лѣтъ орденъ уже имѣлъ въ столицѣ Франціи около 30 проповѣдниковъ. Ему очень хотѣлось пріобрѣсть для себя каѳедру въ университетѣ; но коллегія вовсе не желала пускать въ свою среду сочленовъ, которымъ будутъ дороги не университетскіе, а орденскіе интересы. Въ 1228 г. произошла ссора между французскимъ правительствомъ (тогда во главѣ его стояла королева Бланка) и университетомъ. Не получивъ удовлетворенія, профессора и студенты удалились изъ города. Этимъ воспользовались доминиканцы и проникли на каѳедры черезъ епископа и канцлера. Когда въ университетѣ снова открылись лекціи, коллегія стала гнать непрошенныхъ товарищей, но тѣ оказали энергическое сопротивленіе; началась отчаянная борьба, едва окончившаяся черезъ 40 лѣтъ и не разъ дававшая поводъ къ уличнымъ дракамъ.

Въ 1245 г. въ Кёльнѣ собрался капитулъ доминиканскаго ордена; братья, прекрасно понимавшіе, что парижскія каѳедры (ихъ въ это время было двѣ въ рукахъ доминиканцевъ) всего лучше могутъ удержать за ними хорошіе профессора, опредѣлили послать туда Альберта для объясненія Сентенцій Петра Ломбардскаго и Ѳому для окончанія его богословскаго образованія.

По словамъ біографа, Альбертъ имѣлъ въ Парижѣ небывалый успѣхъ; его слушали епископы, князья и графы; не нашлось аудиторіи, могущей вмѣстить всѣхъ его слушателей, и онъ принужденъ былъ читать на улицѣ *); къ нему являлись депутаціи изъ разныхъ городовъ и странъ за рѣшеніемъ богословскихъ вопросовъ.

Альбертъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы пріобрѣсти всѣ, какія были тогда въ ходу, сочиненія Аристотеля.

Въ 1248 г. капитулъ рѣшилъ учредить въ Кельнѣ доминиканскую высшую школу; т.-е. свой собственный университетъ, конечно, съ перевѣсомъ богословскаго элемента; руководить этимъ дѣломъ долженъ былъ Альбертъ, а въ ассистенты ему назначили Ѳому Аквинскаго. Аудиторіи вновь открытой школы вскорѣ наполнились духов-

*) Говорятъ, что онъ читалъ на Place Maubert, которая будто-бы отъ него и получила свое имя (Maubert=Maître Albert); на самомъ дѣлѣ Maubert — имя прежняго владѣльца земли.

Digitized by Google

ными и свѣтскими слушателями. На этотъ разъ преподавательская дѣятельность Альберта продолжалась пять лѣтъ почти безъ перерыва. Въ 1254 г. онъ былъ назначенъ провинціаломъ ордена для Германіи и Голландіи; съ этою должностью было соединено столько практическаго дѣла, что ему пришлось оставить систематическое занятіе наукой. Свои многочисленныя визитаціи Альбертъ производилъ по правиламъ, пѣшкомъ; хотя онъ и имѣлъ при себѣ немного денегъ въ поясѣ, но урожденный графъ Больштедскій рѣдко прибѣгалъ къ нимъ и бо̀льшею частью питался милостыней. Если онъ имѣлъ возможность пробыть въ какомъ-нибудь монастырѣ нѣсколько дней, то переписывалъ для библіотеки книги.

Вообще, по сказаніямъ современниковъ, орденъ въ это время твердо держался правилъ своего основателя и пользовался большою славой благочестія. Когда, по смерти одного брата-бѣльца *), у послѣдняго нашли платье и деньги, о которыхъ не зналъ пріоръ, трупъ нарушившаго обѣтъ вырыли изъ могилы и похоронили въ неосвященной землѣ. Вслѣдствіе такой славы повсюду открывались не только мужскіе, но и женскіе монастыри, подчиненные ордену; одинъ изъ богатѣйшихъ и важнѣйшихъ, близь города Соэста, открылъ Альбертъ. Рыцари толпами приходили къ доминиканцамъ съ женами и дочерьми и отказывались отъ міра.

Между прочими своими дѣлами Альбертъ ходилъ въ Польшу для укрѣпленія тамъ католичества, и мирилъ съ городомъ кельнскаго епископа Конрада, который не только ссорился, но и открыто воевалъ съ своими подданными.

Въ самый годъ его вступленія въ должность провинціала, въ Парижѣ съ особенною силой возобновилась борьба между свободными членами университетской коллегіи и доминиканцами. По случаю оскорбленія, нанесеннаго нѣсколькимъ студентамъ, университетскія власти рѣшили по обыкновенію прекратить на время лекціи, чтобы принудить правительство къ уступкамъ; профессора-монахи на это не согласились. Раздраженное этимъ большинство коллегіи постановило связать членовъ университета клятвой, которой не могли дать по смыслу своихъ обѣтовъ доминиканцы. Возгорѣлась литературная война, получившая такую популярность, что нѣкоторыя изъ полемическихъ сочиненій были переведены на французскій языкъ. Вопросъ расширился: стали нападать на орденъ и на монашество вообще. Альбертъ, какъ крупная литературно-ученая сила, былъ призванъ къ участію въ этомъ дѣлѣ. Онъ отправился въ Римъ и передъ куріей обвинялъ одну изъ книгъ противниковъ; книга бы-

*) Laienbruder, по-латыни conversus.

Digitized by Google

ла осуждена на сожженіе. Во время пребыванія въ Римѣ Альбертъ былъ сдѣланъ лекторомъ папскаго дворца и передъ высокоученою по тогдашнему аудиторіей комментировалъ евангеліе отъ Іоанна, конечно, въ духѣ того времени, т.-е. сопоставляя тексты, морализируя и въ подтвержденіе подбирая факты изъ «физики».

Приблизительно черезъ годъ онъ вернулся къ исполненію своихъ обязанностей въ Германію, но отъ должности провинціала онъ вскорѣ былъ избавленъ.

Въ это время папа смѣнилъ регенсбургскаго епископа, одного изъ тѣхъ служителей церкви, которые къ духовенству принадлежали только по имени и платью, храбраго воина, тонкаго политика и страшнаго деспота, возбудившаго сильное неудовольствіе подданныхъ. Папа рѣшилъ замѣнить его Альбертомъ. Альберту въ это время было 66 лѣтъ, но, благодаря строгой жизни, онъ былъ еще бодръ и крѣпокъ. Альбертъ долго и усиленно отказывался, не смотря на увѣщанія самого генерала ордена; наконецъ упорствовать стало невозможно, и тогда орденъ снялъ съ Альберта обѣтъ нищеты, не совмѣстный съ положеніемъ князя церкви.

Въ новомъ званіи Альбертъ остался вѣренъ своимъ и орденскимъ правиламъ. Обыкновенно новый епископъ вступалъ въ метрополію съ великою помпой и огромной свитой; городъ украшался флагами; духовенство встрѣчало своего начальника въ торжественной процессіи еще далеко за городомъ; лавки запирались; войска и граждане становились шпалерами. Подобную встрѣчу готовили регенсбургцы своему знаменитому епископу. Но Альбертъ вошелъ въ городъ пѣшкомъ, въ сумерки, когда его никто не ждалъ, и направился прямо въ орденскій страннопріимный домъ; только на другой день, по приготовленіямъ къ торжественному богослуженію, граждане узнали объ его прибытіи. Онъ жилъ такъ просто, что, по словамъ Регенсбургской хроники, народъ прозвалъ его лаптемъ: онъ и на епископскомъ престолѣ остался вѣренъ этой доминиканской обуви *). Прежніе епископы объѣзжали свои округи со стражей и свитой; ихъ встрѣчали съ колокольнымъ звономъ. Альбертъ обходилъ округъ пѣшкомъ; одна вьючная лошадь везла за нимъ облаченіе и книги. Значительные доходы епархіи, за вычетомъ того, что было необходимо для церковнослужителей, шли отчасти на уплату долговъ прежнихъ епископовъ, отчасти на добрыя дѣла; на себя Альбертъ почти ничего не тратилъ. Въ общемъ, положеніе церкви было не особенно красивое: на развратъ и любостяжаніе духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, жалуются и папы, и самъ Альбертъ, когда придется къ слову.

*) Hunc populus ligatum calceum cognominabat, eo quod ferret ligatos calceos, sicut est mos deferre fratribus praedicatoribus.

Digitized by Google

Кроткій къ свѣтскимъ людямъ, Альбертъ былъ требователенъ къ духовенству. При осмотрѣ монастырей онъ энергически старался возстановить въ нихъ древнюю чистоту нравовъ и трудолюбіе.

Альбертъ тяготился своимъ положеніемъ, и въ 1262 г. папа, послѣ долгихъ моленій съ его стороны, освободилъ его отъ каѳедры. Альбертъ поселился «на покой» въ одномъ баварскомъ монастырѣ, но ему не пришлось успокоиться: папа назначилъ его проповѣдникомъ крестоваго похода (въ это время турки угрожали послѣдней христіанской крѣпости Акрѣ) въ Германіи и Чехіи. Кромѣ того, ему часто приходилось дѣлать экскурсіи для примиренія епископовъ съ горожанами и бароновъ между собою. Изъ Баваріи Альбертъ переѣхалъ въ Кельнъ, гдѣ поселился въ своей старой кельѣ, наполнивъ ее собранными за послѣднее время книгами, орудіями и препаратами. Онъ сейчасъ-же возобновилъ свои лекціи и работалъ въ тоже время надъ обширнымъ трактатомъ: «Mariale, или ангельское благовѣстіе», гдѣ изслѣдовалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ всѣ вопросы, касающіеся благовѣщенія, напр., въ какомъ видѣ ангелъ явился Маріи? знала ли Марія семь свободныхъ искусствъ? (отвѣтъ, разумѣется, былъ утвердительный) и пр. Его лекціи и занятія прерывались временами, когда онъ ѣздилъ по сосѣднимъ монастырямъ на освященіе храмовъ: освободившись отъ обязанностей епископа, онъ удержалъ титулъ и соединенныя съ нимъ права,—ставленіе священниковъ, подниманіе мощей и пр.

Въ 1273 г. состоялся въ Ліонѣ большой соборъ съ цѣлью обсудить вопросъ о помощи Св. Землѣ и о возсоединеніи грековъ. На него отправился Ѳома Аквинскій, передъ тѣмъ учившій съ огромнымъ успѣхомъ въ Неаполѣ, но умеръ на дорогѣ въ 1274 г. Говорятъ, будто Альбертъ, сидѣвшій въ моментъ смерти своего знаменитаго ученика за трапезой съ братіею, прозрѣлъ вѣщимъ духомъ это событіе и вдругъ заплакалъ. Самъ онъ по старости не принималъ участія въ дѣлахъ собора.

По преданію, Альбертъ однажды, во время лекціи, вдругъ замолкъ: согласно предсказанію Богородицы, онъ забылъ все, что зналъ когда-нибудь. Понявъ это, онъ заплакалъ, простился съ своими учениками и съ тѣхъ поръ жилъ, какъ ребенокъ, никогда не прикасаясь къ книгамъ *). Онъ умеръ въ 1280 г., 87 лѣтъ отъ роду. Регенсбургцы, опираясь на то, что Альбертъ у нихъ былъ епископомъ, домогались получить все его тѣло; но Кельнъ, гдѣ Альбертъ провелъ бо́льшую часть жизни, удержалъ его за собой, предоставивъ Регенсбургу лишь внутренности (exta).

*) Отсюда поговорка, распространенная соперничествующимъ орденомъ — францисканцами: Albertus ex asino factus est philosophus et ex philosopho asinus.

Digitized by Google

Надгробная надпись ставитъ Альберта выше Платона и «едва ниже» мудрѣйшаго изъ людей—Соломона *)

Изъ его сочиненій прежде всего слѣдуетъ назвать огромный богословскій сводъ (Summa Theologiae), надъ которымъ онъ работалъ въ нѣсколько пріемовъ. Этотъ обширный трудъ миновалъ свою цѣль, такъ какъ раньше его окончанія вышла въ свѣтъ «Summa Theologiae» ученика Альберта, Ѳомы Аквинскаго. Книга Ѳомы короче, логичнѣе, удобнѣе для изученія, а въ сочиненіи Альберта много лишняго, не относящагося къ дѣлу.

Альбертъ сочинилъ массу проповѣдей, въ которыхъ разъяснялъ своимъ слушателямъ евангельскіе тексты, толкуя ихъ аллегорически и морально и приводя параллельныя мѣста изъ св. отцовъ **); онъ написалъ много молитвъ, въ которыхъ по преимуществу выражаетъ не чувства свои, а мысли о богословскихъ вопросахъ. Его труды по философіи—не самостоятельныя изслѣдованія, а парафразы главнымъ образомъ Аристотелевыхъ сочиненій; тѣмъ не менѣе въ исторіи средневѣковаго философскаго просвѣщенія Альбертъ вмѣстѣ съ Ѳомою Аквинскимъ занимаютъ очень высокое мѣсто: имъ больше, чѣмъ кому-нибудь другому, обязанъ западно-европейскій міръ широкимъ распространеніемъ стагирита. Всѣми уважаемый профессоръ-доминиканецъ и знаменитый доминиканскій богословъ, до которыхъ не могло коснуться подозрѣніе ни въ ереси, ни въ свободомысліи, освятили своей пропагандой и толкованіями величайшаго ученаго древности.

Въ пресловутомъ вопросѣ объ универсаліяхъ Альбертъ является эклектикомъ до послѣдней степени; онъ признаетъ ихъ троякое существованіе: онѣ существуютъ предвѣчно въ божественномъ разумѣ, въ вещи, согласно Аристотелю, и послѣ вещи, какъ субъективныя понятія. Ученіе о Троицѣ Альбертъ строго отдѣляетъ отъ раціонализма: въ этомъ пунктѣ разумъ безсиленъ и надо обратиться къ вѣрѣ. Его этика основана на свободѣ воли.

Міровоззрѣніе и вѣроученіе XIII вѣка, обусловившія міровоззрѣніе творца «Божественной Комедіи», получило стройную систему въ сочиненіяхъ Ѳомы Аквинскаго ***), который, по всеобщему признанію, довелъ схоластику до высшей точки развитія. Онъ приспособилъ, насколько это было возможно, философію Аристотеля къ церковной

*) Major Platone, vix inferior Salomone.

**) Въ Германіи онъ говорилъ народу по праздникамъ нѣмецкія проповѣди, но содержаніе ихъ записано по-латыни.

***) Кромѣ „Summa", о которой мы упоминали, и комментарій къ Аристотелю, онъ написалъ рядъ философско-богословскихъ монографій, четыре книги „De veritate fidei catholicae contra gentiles" и пр.

Digitized by Google

ортодоксіи, избравъ для этого единственный, ведущій къ цѣли, путь: онъ стремился доказать разумомъ не необходимость догматовъ, а только вѣроятность ихъ и отсутствіе въ нихъ противорѣчій. Въ вопросахъ объ универсаліяхъ онъ реалистъ въ аристотелевскомъ смыслѣ: онѣ присущи индивидууму и могутъ быть отдѣлены отъ него только абстракціей разума. Онъ признаетъ возможность существованія общихъ понятій до вещи, но только въ божественномъ разумѣ, а не въ дѣйствительности. Такимъ образомъ идеямъ, или универсаліямъ (бѣдность, слѣпота) онъ приписываетъ бытіе субъективное и называетъ ихъ entia; въ противуположность имъ, вещи имѣютъ бытіе объективное, реальное и называются сущностями (essentiae, substantiae). Эти сущности раздѣляются на сущности чистыя, имѣющія одну только форму безъ матеріи, и сущности сложныя, состоящія изъ формы, которая существуетъ въ дѣйствительности (in actu), и матеріи, которая существуетъ въ возможности (in potentia). Въ мірѣ есть только одна чистая сущность — Богъ, начальная и конечная причина міра (causa efficiens и causa finalis), единственный actus purus. Бытіе Творца Ѳома доказываетъ фактомъ творенія. Другое доказательство выводится такимъ образомъ: истина должна быть въ мірѣ, такъ какъ даже тѣ, которые говорятъ, что истины нѣтъ, убѣждены въ томъ, что высказываемое ими положеніе есть истина. А истина можетъ заключаться только въ Богѣ, ибо въ немъ нѣтъ различія между его мыслью и бытіемъ. Свобода воли божіей тожественна съ необходимостью; поэтому все, созданное Богомъ, совершенно, и нашъ міръ есть лучшій изъ міровъ.

Безсмертіе души Ѳома доказываетъ ея нематеріальностью: душа не можетъ сама себя разрушить и не можетъ быть разрушена разрушеніемъ матеріи. Низшія функціи души связаны съ тѣломъ, но высшія независимы отъ него. Тѣмъ не менѣе душа до тѣла не существовала, прирожденныхъ идей она не имѣетъ, а всѣ формы отвлекаетъ отъ впечатлѣній, стало быть получаетъ идеи изъ опыта. Въ этикѣ Ѳома отличаетъ добродѣтели философскія, пріобрѣтенныя (acquisitae), которыя ведутъ къ естественному блаженству, и богословскія, или откровенныя (infusae), которыя ведутъ къ блаженству сверхъестественному. Откровенію божественному придаетъ онъ чрезвычайно важную роль: религіозныя истины, до которыхъ можно дойти естественнымъ разумомъ, суть только предваренія вѣры (praeambula fidei). Такъ естественнымъ разумомъ можно дойти до познанія единства божеской природы, но нельзя дойти до познанія лицъ св. Троицы *);

*) Impossibile est per rationem naturalem ad cognitionem divinarum personarum pervenire; per rationem naturalem cognosci possunt de deo ea, quae pertinent ad unitatem essentiae, non ea, quae pertinent ad distinctionem personarum.

Digitized by Google

также выше разума и другіе догматы христіанства: первородный грѣхъ, воплощеніе Слова, воскресеніе плоти, страшный судъ, будущая жизнь.

Главная заслуга Ѳомы въ томъ, что онъ отдѣлилъ метафизику отъ богословія и открылъ такимъ образомъ для философіи обширное и свободное поприще.

Вліяніе его было огромно: уже съ конца XIII вѣка его ученіе обязательно для всего доминиканскаго ордена, а доминиканцы, какъ извѣстно, держали въ рукахъ своихъ всю оффиціальную науку. Впослѣдствіи всѣ существенные пункты его ученія усвоили себѣ іезуиты; оно было имъ тѣмъ болѣе на руку, что въ вопросѣ объ отношеніи церкви къ государству Ѳома стоялъ на ультрамонтанской точки зрѣнія: государство относится къ церкви такъ, какъ грубая матерія, имѣющая только существованіе въ возможности, относится къ формѣ, имѣющей дѣйствительное бытіе.

Если Альбертъ уступалъ своему ученику первенство въ области отвлеченной науки, то онъ остается знаменитѣйшимъ естествоиспытателемъ среднихъ вѣковъ.

Его сочиненіе о животныхъ вышло между 1250 и 1254 гг.; оно раздѣляется на 26 книгъ, изъ которыхъ 19 излагаютъ Аристотеля, а 7 книгъ—его собственная прибавка. Но и въ заимствованномъ Альбертъ не слѣдуетъ рабски за текстомъ учителя, а переработываетъ данное содержаніе. Въ его собственныхъ наблюденіяхъ множество ошибокъ вслѣдствіе неумѣнья наблюдать *); онъ вѣритъ въ существованіе древесной птицы, Пегаса, единорога, уловляемаго лономъ чистой дѣвицы; онъ приводитъ вездѣ медицинскую силу частей животныхъ, aphrodisiaca, держится народнаго дѣленія на звѣрей, птицъ, водяныхъ животныхъ и др. Тѣмъ не менѣе онъ все-же основатель новаго естествознанія: интересъ, съ которымъ относился знаменитый доминиканецъ ко всѣмъ гадамъ, и указаніе на необходимость наблюдать природу имѣли важное и благотворное вліяніе на его современниковъ и потомковъ.

Именно эти занятія естественными науками сдѣлали Альберта героемъ массы легендъ, какъ для него созданныхъ, такъ и пріуроченныхъ къ нему бродячихъ сказаній.

Вотъ нѣкоторые разсказы изъ наиболѣе извѣстныхъ.

I. Однажды въ самое суровое время года Вильгельмъ Голландскій посѣтилъ Кёльнъ и былъ приглашенъ на обѣдъ великимъ Альбертомъ. Хозяинъ объявилъ гостямъ, что они будутъ обѣдать въ саду; всѣ пришли въ ужасъ отъ такой перспективы: на дворѣ былъ страшный холодъ, снѣгъ и вьюга; но когда Альбертъ вывелъ гостей въ садъ, оказалось, что все успѣло измѣниться: воздухъ былъ те-

*) Напр. говоря о червѣ-волосатикѣ *seta*, онъ увѣряетъ, будто видѣлъ самъ, какъ конскіе волосы въ стоячей водѣ превращались въ червей.

Digitized by Google

пелъ, какъ въ маѣ, деревья были покрыты зеленью и цвѣтами, и множество птичекъ чрезвычайной красоты распѣвали, сидя на вѣткахъ. Обѣдъ былъ необыкновенно изобильный и роскошный; множество богато одѣтыхъ слугъ прислуживало: за столомъ. Когда обѣдъ кончился, и гости встали изъ-за стола, вмигъ все изчезло: и слуги, и посуда, и птицы, и зелень, и хлопья снѣга повисли на деревьяхъ.

Вильгельмъ Голландскій, дѣйствительно, былъ въ Кёльнѣ, посѣщалъ и жилище Альберта. Основой сказанія могъ послужить зимній садъ, содержимый Альбертомъ, и искусственныя поющія птички; о подобныхъ инструментахъ Альбертъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ.

II. У Альберта при кельѣ была комнатка, куда онъ никого не пускалъ, а между тѣмъ проводилъ тамъ много часовъ, что-то строгая и выпиливая. Разъ изъ любопытства забрался туда любимый ученикъ Альберта, Ѳома Аквинскій. Онъ увидѣлъ тамъ множество удивительныхъ инструментовъ и машинъ. Подъ занавѣсомъ находилась кукла, изображавшая дѣвушку такой удивительной красоты, что Ѳома не могъ отвести отъ нея глазъ. Вдругъ кукла открыла ротъ и сказала: salve! salve! salve! Съ крикомъ: Прочь отъ меня, сатана! Ѳома схватилъ палку и разбилъ куклу въ дребезги. Въ эту минуту вошелъ Альбертъ. „Что́ ты надѣлалъ!“ воскликнулъ онъ въ страшной горести. „Ты погубилъ плодъ моихъ тридцатилѣтнихъ трудовъ!“

Альбертъ, повидимому, дѣйствительно работалъ надъ автоматомъ; по крайней мѣрѣ, онъ не разъ упоминаетъ объ автоматахъ древности. Въ эпоху младенчества наука охотно занимается такими игрушками.

Вотъ сказаніе благочестиваго характера, пріуроченное ко многимъ памятникамъ средневѣковаго искусства:

III. Послѣ пожара старой кёльнской церкви романскаго стиля, епископъ Конрадъ поручилъ Альберту составить планъ новаго собора. Онъ долго и усиленно работалъ, но не могъ выдумать ничего хорошаго, и прибѣгнулъ къ молитвѣ. Тогда ему явились 4 мужа съ циркулемъ, угольникомъ и проч., и съ ними дѣва Марія; мужи набросали планъ собора, и видѣніе исчезло, не оставивъ слѣдовъ. Альбертъ запомнилъ небесный планъ и сейчасъ же перевелъ его на бумагу.

Приводимъ нѣсколько словъ объ Альбертѣ въ обработкѣ мейстерзингеровъ:

IV. У одного герцога была очень развратная и злая дочь; девятерыхъ юношей, своихъ любовниковъ, посредствомъ западни, бросила она въ воду. Она пригласила къ себѣ Альберта и предложила ему свою любовь. Альбертъ отвѣчалъ ей, что онъ слышитъ журчаніе воды и предостереженіе девятерыхъ. Тогда красавица приказала связать его и бросить въ воду. Но мудрецъ мгновенно освободился отъ веревокъ и пошелъ по водѣ, какъ по сушѣ. Слуги герцогини стали пускать въ него стрѣлы, но эти стрѣлы обратились въ птичекъ. Альбертъ ловилъ ихъ, привязывалъ каждой записочку, на которой стояли слова; „Девятерыхъ убила королева изъ-за любви“ (neun mordete die Königin um Minne), и пускалъ летать по бѣлу-свѣту. Красавица покаялась, пошла въ монастырь, гдѣ вела строгую, подвижническую жизнь, и черезъ 80 лѣтъ 9 ангеловъ отнесли ея душу на небо.

V. Разъ Альбертъ спросилъ у своего пріятеля Вильгельма Голландскаго, будетъ ли онъ къ нему милостивъ, какъ теперь, если возвысится даже до императорскаго престола? Вильгельмъ, разумѣется, отвѣчалъ утвердительно. По милости Альберта Вильгельмъ сдѣлался императоромъ и царствовалъ три года. Однажды пришелъ къ нему Альбертъ въ нищенской одеждѣ и напомнилъ о старинномъ обѣщаніи. Жестокосердный Вильгельмъ велѣлъ прогнать его съ позоромъ. Тогда, по манію Альберта, исчезло всё: оказалось, что Вильгельмъ и не думалъ быть императоромъ и три года протекли въ три минуты. Это бродячее сказаніе объ отводѣ

Digitized by Google

глазъ и превращенія минутъ въ годы — съ явной тенденціей пріурочено къ Вильгельму, чтобъ осмѣять его возвышеніе съ помощію клира и кратковременность его царствованія.

Увлеченіе Альберта естественными науками не было дѣломъ случайнымъ и субъективнымъ. Въ немъ отразился духъ времени, духъ пытливаго поколѣнія, уже не довольствовавшагося узко-церковнымъ понятіемъ о природѣ, а желавшаго проникнуть въ ея тайны. Во второй половинѣ XIII вѣка работалъ другой естествоиспытатель, еще болѣе смѣлый и даровитый, но именно въ силу своихъ дарованій слишкомъ далеко шагнувшій впередъ и потому не имѣвшій на ближайшихъ потомковъ такого вліянія, какъ Альбертъ. Мы разумѣемъ англійскаго францисканца Роджера Бако, или Бэкона. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи и родился въ Ильчестерѣ, въ графствѣ Соммерсетскомъ, въ 1214 г. Онъ учился сперва въ Оксфордѣ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ и получилъ степень доктора богословія. Около 1240 г. онъ поступилъ въ орденъ и поселился въ Оксфордѣ. Безплоднымъ тонкостямъ схоластики онъ предпочелъ изслѣдованіе тайнъ природы; обладая необходимыми орудіями знанія (онъ понималъ не только греческій, но и арабскій, и еврейскій языки), поддерживаемый знатными покровителями, которые снабжали его деньгами для опытовъ, онъ сдѣлалъ рядъ открытій, казавшихся монахамъ внушеніями ада. Такъ какъ онъ къ тому-же высказывалъ недовольство существующими въ духовенствѣ порядками, то его обжаловали передъ папой, лишили каѳедры и посадили въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ уже новымъ папой, Климентомъ IV, защищавшимъ Роджера еще въ бытность свою кардиналомъ. По его требованію, Роджеръ написалъ въ 1267 г. «Opus majus» (большой трудъ), въ которомъ доказывалъ необходимость научной реформы и излагалъ часть своихъ открытій. Но Климентъ занималъ папскій престолъ только три года (1265—1268); при его преемникѣ, генералъ францисканскаго ордена настоялъ на запрещеніи сочиненій Бэкона, и автора снова посадили въ тюрьму, гдѣ онъ оставался не меньше десяти лѣтъ. Онъ вышелъ оттуда уже дряхлымъ старикомъ и умеръ черезъ два года, въ 1294 г.

Кромѣ «Opus majus», Бэконъ оставилъ послѣ себя «Opus minus» и «Opus tertium». Въ нихъ онъ изслѣдовалъ вопросы по математикѣ, механикѣ, астрономіи, физикѣ и оптикѣ. Онъ предугадалъ возможность устроить телескопъ и примѣнить оптическіе законы къ измѣренію угловъ; онъ зналъ, что соединеніемъ сѣры, селитры и угля можно пользоваться для взрывовъ, указалъ ошибки въ юліанскомъ календарѣ, оцѣнилъ по заслугамъ математическій методъ изслѣдованія; ему приписываютъ важное изобрѣтеніе—очки.

Едва ли нужно прибавлять, что при всѣхъ своихъ дарованіяхъ

Digitized by Google

и знаніяхъ, Роджеръ не могъ отрѣшиться отъ научныхъ суевѣрій своего времени: онъ вѣрилъ въ астрологію, признавалъ ее лучшей частью медицины, вѣрилъ въ алхимію и въ возможность найти философскій камень.

Его прозвали «удивительнымъ докторомъ» (doctor mirabilis), но читали его очень немногіе.

Чтобы покончить съ выдающимися самостоятельными дѣятелями XIII вѣка, упомянемъ о Раймундѣ Луллiѣ (Raimundus Lullus), главное сочиненіе котораго играетъ нѣкоторую роль и въ русской литературѣ *).

Люллій родился на островѣ Майоркѣ. Онъ былъ воспитанъ при дворѣ, былъ рыцаремъ, какъ и его отецъ, и, не смотря на женитьбу, велъ жизнь болѣе чѣмъ легкомысленную. Вдругъ онъ почувствовалъ отвращеніе къ пороку и покаялся; явившійся ему Христосъ пригласилъ его на служеніе дѣлу вѣры; онъ роздалъ свое имѣніе бѣднымъ и рѣшился подготовить себя наукой къ миссіонерству. Онъ учился около 10 лѣтъ, выучился у одного изъ своихъ слугъ по-арабски и въ 1276 году издалъ свое главное сочиненіе—«Великую Науку». Это—попытка наглядно схематизировать научныя понятія для болѣе яснаго усвоенія и обзора ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ основать науку открытій; орудіями этой въ значительной степени фантастической системы служатъ буквы, означающія основныя понятія, фигуры, означающія ихъ отношенія, и камеры, являющіяся вслѣдствіе сопоставленія этихъ фигуръ. Само собою разумѣется, что примѣненіе такой механики разсужденія можетъ вести только къ самому поверхностному мышленію о предметѣ **).

Жизнь Раймунда полна трудовъ и опасностей; въ качествѣ миссіонера онъ путешествовалъ по Азіи и не одинъ разъ былъ въ Африкѣ. Во время второго путешествія къ ея негостепріимнымъ берегамъ, въ Тунисѣ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, изъ которой спасъ его генуэзскій купецъ. Во время третьяго путешествія онъ претерпѣлъ тамъ такія страданія, что умеръ на обратномъ пути въ Европу (1315 г.).

Онъ написалъ массу монографій; въ его сочиненіяхъ, какъ у автодидактовъ вообще, серьозныя и дѣльныя мысли стоятъ рядомъ съ

---

*) Въ XVII в. переведена, очевидно, съ польскаго: „Великая и предивная наука (Ars magna) богомъ преосвященнаго учителя (doctoris illuminatissimi) Раймунда Луллія, новаго ученія творца и уставителя“.

Люллій и на Западѣ получилъ популярность въ XVI и XVII вв. См. у Владиславлева, 259 и слѣд.

**) Подробное изложеніе см. у Владиславлева, 244—55.

Digitized by Google

наивными фантазіями. Въ богословіи онъ дѣлаетъ шагъ назадъ, пытаясь философски доказать догматъ Троицы и воплощенія *).

Главный трудъ Раймунда, при всей странности его задачи, выражаетъ духъ вѣка въ томъ отношеніи, что пытается циклизировать, привести въ упрощенную систему работы предшествовавшихъ поколѣній. Во второй половинѣ XIII столѣтія люди науки почувствовали себя достаточно подготовленными для этого; въ передовой странѣ— Франціи — еще за 15 лѣтъ до «Великой Науки» выполнялся планъ огромной энциклопедіи, которая вмѣстила въ себѣ всю сумму знаній средневѣковаго человѣчества и для многихъ поколѣній вплоть до XVI вѣка служила единственной сокровищницей всякой мудрости. Планъ возникъ и въ главныхъ частяхъ осуществился при дворѣ знаменитаго государя, который, по выраженію Т. Н. Грановскаго. «былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ», въ лицѣ котораго «воплотились вся красота и все достоинство отходящаго времени» **)—Людовика IX Святаго. При его дворѣ проживалъ клерикъ Винкентій изъ Бовэ (Vincentius Belovacensis) ***); онъ носилъ званіе королевскаго лектора и былъ его совѣтникомъ по дѣламъ просвѣщенія, смотрѣлъ за его обширной библіотекой и руководилъ воспитаніемъ его дѣтей. Этому-то Винкентію принадлежитъ планъ и выполненіе значительной части энциклопедіи: «Великое Зерцало» (Speculum Magnum), которая дошла до насъ съ интерполяціями и дополненіями послѣдующихъ поколѣній.

Въ предисловіи Бовэ такъ объясняетъ цѣль своего труда: „Такъ какъ нельзя всего удержать въ памяти, я предпринялъ привести въ единообразную систему и представить въ извлеченіяхъ изъ христіанскихъ и языческихъ писателей и въ собственномъ изложеніи все, что относится къ догматикѣ и морали, къ возбужденію желанія погрузиться въ божество, къ уясненію мистическаго смысла св. писанія, къ буквальному или символическому толкованію святой истины.»

На основаніи этихъ словъ можно было бы полагать, что Бовэ задумалъ не общую, а богословскую энциклопедію; на дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, это вовсе не такъ. Таковъ былъ духъ вѣка, что исходнымъ пунктомъ всякой мудрости признавалось св. писаніе; но исходя изъ этого пункта, знаніе могло растекаться такъ широко, могло такъ далеко отходить отъ первоначальной задачи, что выставленіе ея на первый планъ имѣло видъ какъ бы приспособленія къ даннымъ условіямъ.

Ультра-богословская тенденція сказалась и въ распредѣленіи «Зерцала»; оно должно было прежде всего сообщить свѣдѣнія о Творцѣ, сотвореніи міра и тва-

*) Луллій писалъ и на своемъ родномъ языкѣ — на каталонскомъ нарѣчіи. Между прочимъ отъ него дошелъ до насъ очень интересный съ бытовой точки зрѣнія романъ: „Бланкерна, или о 5 состояніяхъ человѣка: о бракѣ, религіи, прелатствѣ, объ апостольской власти (перешедшей къ св. отцу и кардиналамъ) и о созерцательной пустынической жизни“. См. о немъ Romania 1877, № 24, стр. 504 и слѣд.

**) Соч., I, 457.

***) Онъ род. между 1184 и 1194, умеръ послѣ 1260, можетъ быть, въ 1264 г.

Digitized by Google

ряхъ, кромѣ человѣка. Это 1-ая часть, или Зерцало Естественное (speculum naturale), вмѣщающее богословіе и физику въ обширномъ смыслѣ. Остальныя три части имѣли предметомъ человѣка; одна изъ нихъ излагала его грѣхопаденіе и плоды его тяжкихъ трудовъ, бывшихъ слѣдствіемъ этого несчастія, т.-е. науки и искусства,—это Зерцало Научное (speculum doctrinale); другая (по общему счету третья) излагала ученіе о внутренней природѣ человѣка, о порокахъ и добродѣтеляхъ,—это Зерцало Нравственное (speculum morale); наконецъ послѣдняя говорила объ искупленіи грѣхопаденія, т. е. излагала исторію Христа и христіанства—Зерцало Историческое (speculum historiale).

Въ первой части, говоря о твореніи, Бовэ признаетъ пять различныхъ его актовъ или способовъ: прежде всего Богъ внутри себя сотворилъ идеалъ міра, т.-е. платоническія идеи или аристотелевски-схоластическія универсаліи, и Сына; второй актъ — твореніе ангеловъ и элементовъ; третій — раздѣленіе элементовъ; четвертый — продолжающійся до сихъ поръ, — развитіе міра по предвѣчно созданнымъ законамъ, и наконецъ пятый актъ, еще имѣющій наступить — конецъ нынѣшняго свѣта, страшный судъ и созданіе міра новаго.

За раздѣленіемъ слѣдуетъ ученіе о природѣ божества, т. е. изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ догматики; затѣмъ говорится о твореніи эмпирея, т.-е. внѣшней скорлупы міра, составляющей жилище Бога и ангеловъ. Ангеловъ „Зерцало" признаетъ разумными субстанціями, не индивидуализированными по особямъ, но различающимися по силамъ; они составляютъ вторую іерархію (первая—Богъ, третья — истинная церковь) и раздѣляются на 9 порядковъ. Всякому человѣку даны добрый и злой ангелы, но такъ какъ добрыхъ ангеловъ сотворено ровно столько, сколько людей, предназначенныхъ къ спасенію, то, остроумно заключаетъ Бовэ, очевидно, что одинъ ангелъ находится одновременно или послѣдовательно при многихъ людяхъ. Говоря объ элементахъ міра, «Зерцало» довольно долго останавливается на вопросѣ: что́ такое свѣтъ: субстанція или акциденція? При этомъ случаѣ оно излагаетъ и начала оптики. Отъ свѣта «Зерцало» переходитъ къ тьмѣ и ея жителямъ—дьяволамъ. За ними признаются свободная, но всегда злая воля и способность являться на землѣ въ обманныхъ образахъ. Говоря о результатѣ творенія второго дня—кристальномъ небѣ—«Зерцало» излагаетъ краткую астрономію и метеорологію. По поводу отдѣленія суши отъ воды Бовэ излагаетъ гидрографію, ученіе о каналахъ и бальнеологію: по его словамъ, четыре великія рѣки: Нилъ, Гангъ, Тигръ и Евфратъ, выходятъ изъ рая. Поверхность земли имѣетъ форму круга; мы живемъ на одной его половинѣ; другая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, состоитъ изъ воды, а по мнѣнію иныхъ, тамъ тоже есть материкъ, но необитаемый, отдѣленный отъ насъ океаномъ. Къ тексту: „повелѣлъ Господь землѣ произвести растенія". «Зерцало» пріурочиваетъ элементы ботаники; списокъ растеній (также какъ и металловъ) приведенъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ пятомъ днѣ творенія изложены свѣдѣнія изъ зоологіи; тутъ же авторъ говоритъ о жизненной силѣ (vis vitalis).

Въ седьмой день начинается четвертый актъ творенія: Богъ находится въ покоѣ, а міръ развивается по предначертаннымъ законамъ. Здѣсь составитель рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи всевѣдѣнія и всемогущества божія къ законамъ природы, говоритъ о милосердіи божіемъ и излагаетъ теорію грѣха. Къ рожденію Каина и Авеля авторъ пріурочиваетъ начала акушерства. Распространеніе человѣческаго рода даетъ ему поводъ говорить объ этнографіи, и онъ заканчиваетъ „Зерцало естественное", сдѣлавъ въ 33-й книгѣ краткій обзоръ исторіи человѣчества до страшнаго суда.

Расположеніе второй части (speculum doctrinale) въ зависимости отъ такой

Digitized by Google

схемы: зло, или грѣхопаденіе, имѣетъ два источника: невѣжество и похоть; добро, или искупленіе, противоборствуетъ ему знаніемъ и нравственнымъ очищеніемъ. Знаніе, какъ орудіе противъ зла, даетъ автору поводъ изложить въ этой части элементы всѣхъ наукъ. Сперва излагаются начала общей педагогики; затѣмъ идутъ семь свободныхъ искусствъ, раздѣляющіяся на двѣ группы: *искусства мышленія* — грамматика, логика и риторика съ піитикой, и *искусства измѣренія* — ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Между этими двумя группами могутъ быть преподаваемы *искусства практическія*, распадающіяся тоже на двѣ группы: *искусства моральныя*, а именно: *монатика*, или *этика*, т.-е. ученіе о добродѣтеляхъ и порокахъ, *экономика*, соотвѣтствующая нашему „Домострою" съ обѣими его частями, общей и спеціальной, и *политика*, т.-е. ученіе объ управленіи государствомъ, куда авторъ пріурочиваетъ и начала юриспруденціи; и *искусства механическія*, между которыми подробнѣе другихъ излагается практическая медицина, распадающаяся на гигіену и лѣчебникъ. За искусствами слѣдуютъ *натуральная философія*, или *физика*, и краткій учебникъ *богословія*, къ которому подъ именемъ *баснословнаго богословія* пристегнута и миѳологія.

Въ послѣдующіе вѣка отдѣльныя части „Зерцала Научнаго" обработывались въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій на латинскомъ и національныхъ языкахъ; такъ обработывался домострой, политика (Regentenspiegel) и медицина (regimen sanitatis).

„Зерцало Нравственное" основано главнымъ образомъ на моральной части богословскаго свода Ѳомы Аквинскаго *). Оно распадается на три отдѣла: первый говоритъ о добродѣтеляхъ, второй — о наградахъ и наказаніяхъ въ загробной жизни; третій — о грѣхахъ. Главныхъ добродѣтелей признается семь: три богословскихъ — вѣра, надежда и любовь, и четыре кардинальныхъ — мудрость, справедливость, мужество и умѣренность. Въ томъ же отдѣлѣ говорится о двѣнадцати дарахъ Духа Св. и о семи блаженствахъ.

Во второмъ отдѣлѣ изложенъ длинный рядъ видѣній и подробно говорится объ адскихъ мукахъ. Муки признаются какъ душевныя, такъ и тѣлесныя; замѣтно стремленіе поставить ихъ въ соотвѣтствіе съ преступленіями. Райскія наслажденія сами по себѣ одинаковы, но испытываютъ ихъ праведники въ различной степени.

Семь книгъ послѣдняго отдѣла говорятъ о семи смертныхъ грѣхахъ, которые расположены въ такомъ порядкѣ: гордость, зависть, гнѣвъ, ипохондрія **), жадность, чревоугодіе (gula), чувственность (luxuria).

„Зерцало историческое", кромѣ лѣтописнаго свода, заключаетъ въ себѣ огромное количество сказаній, какъ книжныхъ, такъ и народныхъ, апокрифовъ, легендъ, житій святыхъ и пр. Эта часть охотнѣе всего переписывалась, переводилась и передѣлывалась въ средніе вѣка, а на востокѣ Европы и позднѣе.

Историко-литературное значеніе «Великаго Зерцала» огромно. На немъ непосредственно или посредственно основано множество дидактическихъ поэмъ XIV и XV вѣковъ (дидактика тогда была господствующимъ родомъ поэзіи); во всей «Божественной Комедіи» нѣтъ ничего, что по существу не заключалось бы въ «Зерцалѣ»

*) Именно эта часть обработана не Викентіемъ, а какимъ-то менѣе искуснымъ клерикомъ конца XIII или начала XIV вѣка.

**) *Acidia* отъ *acidus* — кислый — недовольство собой и міромъ, разочарованность.

Digitized by Google

Бовэ *). Сейчасъ-же по изобрѣтеніи книгопечатанія, «Speculum» перепечатывалось по крайней мѣрѣ шесть разъ, не смотря на то, что самое компактное изданіе заключаетъ въ себѣ четыре фоліанта, страницъ по 800—1000 каждый. Даже и послѣ того, какъ появились энциклопедіи, основанныя на новыхъ началахъ (напр., Цвингеровъ «Theatrum vitae humanae»), и въ которыхъ философія строго отдѣлена отъ богословія, система наукъ основана на теоріи познаній и въ основу знанія положена классическая древность, даже и тогда фоліанты Бовэ перепечатывались два раза **)

Съ XIV столѣтія средневѣковая наука спеціализируется. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ томъ, что уже съ половины XIII вѣка въ парижскомъ университетѣ изъ четырехъ націй выдѣлился факультетъ богословскій; затѣмъ послѣдовало выдѣленіе медиковъ и наконецъ юристовъ. Наука выработываетъ себѣ сложную и трудную, недоступную для непосвященныхъ, терминологію, требуетъ для пониманія своихъ произведеній спеціальной подготовки, вообще совершенствуется въ отношеніи формы, хотя въ отношеніи содержанія, по свойству своей основы, и продолжаетъ вертѣться на одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ она отходитъ отъ образованной публики и прячется въ глубинѣ кабинетовъ, а слѣдовательно дѣлается гораздо менѣе интересной для историка литературы. Еслибъ явился въ это время реформаторскій геній, онъ пробилъ бы каменную стѣну ученой кельи, и его идеи получили бы широкое и общее значеніе. Но такого генія не было: творческая сила схоластики истощилась, и потому мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться самымъ краткимъ обзоромъ ея дальнѣйшей исторіи.

Значительная часть философско-религіозныхъ разногласій второй половины среднихъ вѣковъ состоитъ въ близкой связи съ соперничествомъ могучихъ монашескихъ орденовъ. Ѳома Аквинскій поднялъ славу доминиканскаго ордена; вскорѣ изъ рядовъ послѣдователей св. Франциска вышелъ ему соперникъ, подвергшій остроумной критикѣ его положенія и основавшій свою столь же многочисленную школу.

Іоаннъ Дунсъ Скотъ родился во второй половинѣ XIII в., въ Нортумберлендѣ; въ юности онъ много и усердно занимался математикой; вступивъ въ орденъ францисканцевъ, онъ сперва былъ преподавателемъ въ Оксфордѣ, потомъ въ Парижѣ и наконецъ въ Кельнѣ, гдѣ и умеръ. Это одинъ изъ плодовитѣйшихъ средневѣковыхъ пи-

*) Хотя въ подробностяхъ систематики адскихъ мукъ и грѣховъ Дантъ мѣстами расходится съ „Зерцаломъ“.

**) Въ 1521 и 1627 гг.

Digitized by Google

сателей: хотя онъ и жилъ, говорятъ, всего 34 года, но успѣлъ написать столько, что его opera omnia изданы въ 12 фоліантахъ.

Въ согласіи съ общимъ духомъ своего ордена, придававшаго больше значенія практикѣ христіанства, чѣмъ теоріи, Дунсъ признавалъ богословіе практической наукой и доводы разума цѣнилъ гораздо ниже, нежели Ѳома. Онъ скептикъ, но не по отношенію къ доктринѣ, а по отношенію къ аргументамъ. Идя дальше Ѳомы, онъ выдвигаетъ за предѣлы разума и сотвореніе міра изъ ничего и безсмертіе души. Аристотель для него не такой авторитетъ, какъ для Ѳомы; въ немъ значительно больше платонизма. Главная заслуга его состоитъ въ поднятіи индивидуума и свободной воли человѣка. мѣстѣ съ Альбертомъ и Ѳомою, онъ признаетъ троякое существованіе универсалій, но не согласенъ съ ними на счетъ отношенія универсалій къ индивидууму. Онъ не хочетъ отожествлять универсалій съ формой; напротивъ, въ ней, а не въ матеріи видитъ онъ индивидуализирующій принципъ. Индивидуумъ, какъ послѣдняя и высшая реальность, выходитъ изъ общаго черезъ прибавку положительнаго опредѣленія *).

Воля Божія въ твореніи, какъ и въ управленіи міромъ, не опредѣляется необходимостью; Богъ безусловно свободенъ и не знаетъ другого закона, кромѣ своей воли. Свободенъ и человѣкъ; ему присуща какъ формальная свобода—онъ можетъ хотѣть и не хотѣть,—такъ и матеріальная—онъ можетъ хотѣть того, а не другого; на этомъ основывается его заслуга, а на безусловной свободѣ Бога основывается право церкви давать отпущеніе грѣховъ. Дунсъ, по словамъ Ueberweg'a, относится къ Ѳомѣ, какъ Кантъ къ Лейбницу. Ѳома и Лейбницъ—догматики, Дунсъ и Кантъ—критики; оба они основывали убѣжденія на нравственной волѣ и ей отдавали преимущество передъ разумомъ. Различіе въ томъ, что для Дунса авторитетъ—церковь, для Канта—нравственное сознаніе; критика Канта принципіальная, критика Дунса—частная.

Скептицизмъ Дунса и признаніе значенія личности повели учениковъ его еще дальше и сдѣлали ихъ опасными для церкви.

Изъ числа ихъ выдѣляется возстановитель номинализма—Вильгельмъ Оккамъ. Онъ родился въ Англіи, рано поступилъ въ монахи францисканскаго ордена, учился у Дунса Скота, былъ препо-

*) Для означенія общаго, или типа, Дунсъ вводитъ терминъ — *quidditas*. Когда къ этой *quidditas* присоединяется *haecceitas*, т.-е. начало различія, является реальный индивидуумъ. Когда мы къ quidditas *animal* прибавимъ болѣе частное понятіе — *humanitas*, а потомъ и чистую haecceitas—*socratitas*, получится Сократъ. Реальнаго существованія не имѣетъ ни quidditas, отдѣльно отъ haecceitas, ни haecceitas отдѣльно отъ quidditas, а только соединеніе той и другой.

Digitized by Google

давателемъ въ Парижѣ; во время борьбы Филиппа Красиваго съ папой онъ стоялъ на сторонѣ свѣтской власти; преслѣдуемый куріей, онъ бѣжалъ въ Германію и поддерживалъ Людовика баварскаго въ борьбѣ съ Іоанномъ XXII, упорно доказывая, что папа можетъ заблуждаться, какъ и всякій другой человѣкъ. Онъ умеръ въ 1347 (по другимъ въ 1343) году.

Реалистовъ Оккамъ ловитъ на основномъ противорѣчіи: для нихъ общее понятіе существуетъ въ нѣсколькихъ различныхъ вещахъ, а это немыслимо, слѣдовательно универсаліи — не вещи, а простые знаки, имена (nomina) для означенія нѣсколькихъ сходныхъ вещей, которыя однѣ имѣютъ реальность.

Оккамъ не только съуживаетъ, какъ его учитель, кругъ теологическихъ доказательствъ, но вовсе не признаетъ возможности доказывать догматы; для него и бытіе, и единство Божіе—дѣло вѣры и не можетъ быть доказано разумомъ. Но выводъ, который изъ этого дѣлаетъ Оккамъ, не имѣетъ ничего общаго съ скептицизмомъ. Онъ монахъ не только по одеждѣ, но и въ душѣ, и искренно любитъ церковь. Исходя изъ этой любви, онъ требуетъ, чтобы церковь отказалась отъ безполезной для нея науки и возвратилась къ простотѣ и чистотѣ временъ апостольскихъ.

Номинализмъ Оккама, нашедшій очень многихъ приверженцевъ, вліялъ на развитіе раціонализма въ Европѣ такимъ образомъ: если универсаліи—фикція ума, то все вниманіе должно быть сосредоточено на вещи; стало быть, настоящій методъ изслѣдованія не спекуляція, а наблюденіе и индукція.

Очевидно, близится время Гусса и Лютера, и схоластика доживаетъ послѣдніе дни въ безплодныхъ пререканіяхъ ѳомистовъ и скотистовъ, бурлеистовъ (Вальтеръ Бурлей — защитникъ реализма) и буриданистовъ (Іоаннъ Буриданъ—сторонникъ Оккама). Что́ сказалъ бы св. Бернаръ, еслибъ онъ могъ предвидѣть, что черезъ полтораста лѣтъ начнутъ доказывать равноправность свѣтскихъ властей съ духовными въ церковныхъ дѣлахъ, что не Петръ Абеляръ, ученый богословъ, а Петръ Дюбуа, свѣтскій легистъ, будетъ поднимать «рыло свое къ небу» и доказывать публично, что король имѣетъ право наказать папу, какъ еретика, если папа будетъ утверждать, что отъ него зависитъ власть свѣтская.

Когда схоластика завершила кругъ своего развитія, въ Германіи появилась мистика. Основателемъ этого новаго направленія считается Эккартъ. Его мистицизмъ рѣзко отличается отъ мистицизма XII вѣка прежде всего тѣмъ, что онъ не исходитъ изъ непостижимости религіозныхъ истинъ, не враждуетъ съ схоластикой, но

Digitized by Google

кладетъ ее себѣ въ подножіе, опирается на нее, какъ на низшую ступень развитія религіознаго мышленія.

Эккартъ родился въ Страсбургѣ въ 1260 г., учился въ Парижѣ, былъ монахомъ доминиканскаго ордена и занималъ въ немъ довольно видныя должности. Его сочиненія и проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ вызвали противъ него бурю гоненій. Онъ умеръ въ Кельнѣ въ 1327 г.

Эккартъ, какъ доминиканецъ, исходитъ изъ свода Ѳомы Аквинскаго. Онъ признаётъ справедливость его основныхъ положеній, признаётъ, что онъ сдѣлалъ все возможное для теоретическаго познанія божества. Но, по его мнѣнію, это познаніе не есть высшее проявленіе человѣческаго духа; не имъ можетъ достигнуть блаженства человѣкъ. Выше его стоитъ непосредственное созерцаніе Бога, единеніе, сліяніе съ нимъ.

Богъ есть единое сущее, единое бытіе; его самооткровеніе есть твореніе. Человѣческій духъ, стало быть, тоже самооткровеніе Бога, т.-е. самъ Богъ. Чтобы возвести его къ источнику, надо преодолѣть свою тѣлесность, отрѣшиться отъ собственной личности, и тогда настанетъ полное единеніе съ божествомъ, небесное блаженство.

Отсюда возможны два различныхъ (иногда противуположныхъ) практическихъ вывода: можно стремиться къ мистическому общенію съ Богомъ, т.-е. къ религіозному экстазу, или можно обратить все вниманіе на нравственность и стараться въ этомъ направленіи преобразовать человѣческое общество. Общее между этими выводами—полное признаніе тщеты богословской науки. Возможенъ еще третій выводъ, теоретическій — пантеизмъ, отрицаніе личнаго Бога, выводъ самый опасный для правовѣрія.

Все это нашло себѣ выраженіе между послѣдователями Эккарта; несомнѣнно подъ его вліяніемъ въ XIV вѣкѣ усиливаются видѣнія; Генрихъ Сузо сливаетъ мистическое богословіе съ поэзіей («Пѣснь пѣсней» служила традиціоннымъ выраженіемъ такого направленія). Ученикъ Эккарта, Таулеръ (род. 1290, ум. 1361 г.), придалъ мистицизму учителя практическій характеръ; онъ дѣйствовалъ, какъ проповѣдникъ, поощряя къ внутреннему благочестію и дѣятельной христіанской любви. Во второй половинѣ XIV вѣка составилась община *братьевъ доброй воли*, желавшихъ возстановить своимъ примѣромъ чистоту жизни первыхъ вѣковъ христіанства. Хотя она и протестовала, то молча, то явно, противъ современныхъ церковныхъ порядковъ, хотя францисканцы и преслѣдовали ее всѣми силами, папы должны были терпѣть ее, и констанскій соборъ закрѣпилъ ея право на существованіе.

Въ главной школѣ братьевъ, въ Девентерѣ, получилъ свое образованіе знаменитый авторъ книги «О подражаніи Христу», Ѳома Кем-

Digitized by Google

пійскій (1380—1471 г.). Въ этой общинѣ возрождающійся классицизмъ нашелъ себѣ первое убѣжище, а немного позднѣе реформація—способныхъ и подготовленныхъ бойцовъ.

Пантеистическая тенденція Эккарта сказалась не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ усиленіи нѣкоторыхъ крайне раціоналистическихъ ересей среди простого народа *).

Мистики имѣютъ важное значеніе въ исторіи національной нѣмецкой литературы: Эккартъ проповѣдовалъ и писалъ преимущественно, а Таулеръ исключительно на родномъ языкѣ. Нѣмецкая проповѣдь начинается еще раньше, съ XIII вѣка. Тогда францисканецъ Бертольдъ Регенсбургскій († 1272) говорилъ живо, сильно, пластично, хоть подъ-часъ и грубо, въ пользу церкви и имѣлъ огромный успѣхъ; теперь Эккартъ и его послѣдователи пользуются тѣмъ-же орудіемъ съ другою цѣлью, но съ такимъ-же успѣхомъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Эккартъ былъ поставленъ въ необходимость изобрѣсти нѣмецкіе термины для выраженій изъ области отвлеченнаго мышленія и уже по одному этому можетъ считаться предшественникомъ великихъ нѣмецкихъ философовъ новаго времени.

Такимъ образомъ съ Эккартомъ и мистиками мы уже выходимъ изъ предѣловъ среднихъ вѣковъ и заглядываемъ въ область гуманизма, реформаціи и даже нѣмецкой философіи. Но мы должны прежде возвратиться далеко назадъ, чтобъ отъ серьознаго дѣла клериковъ—схоластики, обратиться къ ихъ удовольствію и развлеченію—латинской поэзіи.

Каждый классъ средневѣкового общества, едва только онъ выдѣлялся изъ безформенной массы и начиналъ чувствовать свою обособленность, имѣлъ свою поэзію. Въ тяжелую переходную эпоху военное сословіе находитъ свои идеалы въ Беовульфѣ, Нибелунгахъ, Роландѣ. Рыцарство, едва успѣвъ стать на ноги, имѣетъ и свою лирику, и свой эпосъ.

Ниже мы познакомимъ читателей съ особенностями поэзіи горожанъ. Только обездоленное крестьянство питается крупицами, падающими со стола господъ: до самаго конца среднихъ вѣковъ оно помнитъ кое-что изъ національнаго эпоса, забавляется въ рѣдкія минуты отдыха смѣхотворными разсказами горожанъ, гдѣ часто осмѣиваются его-же представители, передѣлываетъ по-своему легенды о святыхъ и даже усвоиваетъ впослѣдствіи, въ видѣ лубочныхъ книгъ, сюжеты рыцарскихъ романовъ; но, кромѣ всего этого, оно имѣетъ свои пѣсни, которыми сопровождаетъ радостныя и горестныя событія жизни.

*) Напр. *братьевъ свободнаго духа*. О нихъ см. Пред. къ переводу „Исторіи Реформаціи" Гейссера, г. В. Михайловскаго. М. 1882. Стр. XLI и слѣд.

Digitized by Google

Клерики сильнѣе другихъ обособились, больше другихъ чувствовали свою политическую силу: могли-ли они обойтись безъ своей сословной поэзіи? Разумѣется, нѣтъ; только ихъ поэзія не была національна, а стояла внѣ народностей, благодаря клерикальному языку—латыни. Пока клиръ не противупоставлялъ себя остальнымъ классамъ общества, а только былъ его сливками, наиболѣе талантливые представители, какъ мы видѣли выше, были двигателями поэзіи національной; но съ тѣхъ поръ, какъ вѣкъ Григорія VII сосредоточилъ силы клира для борьбы съ свѣтскою властью, начала развиваться спеціальная латинская поэзія клириковъ, нашедшая себѣ популяризаторовъ въ такъ-называемыхъ *вагантахъ* (отъ лат. *vagar*—скитаться).

И въ этомъ отношеніи Франція занимаетъ первое мѣсто: въ ней латинская средневѣковая поэзія достигла полнаго своего разцвѣта, хотя сѣмена были принесены изъ той страны, гдѣ латынь была не сословнымъ, а народнымъ языкомъ—изъ Италіи.

Извѣстно, что въ древнемъ Римѣ, рядомъ съ поэзіей метрической, въ которой стихъ строился по греческому образцу, существовала поэзія народная, не наблюдавшая долготы, но построенная на акцентѣ или ритмѣ. Произведенія ея не считались достойными сохраненія, и всѣ погибли, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ преимущественно солдатскихъ пѣсень *). По ея законамъ въ первые вѣка христіанства слагаются оригинальные и переводные церковные гимны **); въ болѣе позднихъ церковныхъ пѣсняхъ встрѣчается и риѳма, сперва похожая больше на ассонансъ, потомъ доходящая до замѣчательной чистоты и звучности.

Классическія преданія поддерживали въ Италіи образованіе лучше, нежели просвѣтительныя стремленія отдѣльныхъ государей сѣверной Европы, и Випонъ, современникъ императора Генриха III, противупоставляетъ невѣжественныхъ нѣмцевъ, которые считаютъ нужнымъ учить только клериковъ, жителямъ Италіи, гдѣ все юношество посѣщаетъ школы ***). Въ этихъ школахъ ученики и учителя, конечно,

*) См. passim у Du Méril'я: Poésies populaires latines du moyen-âge. Paris. 1847. Poésies populaires latines antérieurs au XII siècle. 1853.

**) Уже Августинъ разсказываетъ въ своихъ Retractationes, I, 20, что онъ этимъ размѣромъ сочинилъ одинъ гимнъ, чтобъ и невѣжественныхъ людей познакомить съ споромъ донатистовъ.

***) Tunc fac edictum per terram Teutonicorum
Quilibet ut dives sibi natos instruat omnes
Litterulis, legemque suam persuadeat illis,
Ut cum principibus placitundi venerit usus,
Quisqis suis libris exemplum proferat illis.
Moribus his dudum vivebat Roma decenter,
His studiis tantos potuit vincire tyrannos.

Digitized by Google

упражнялись въ сочиненіяхъ метрическихъ, но кто искалъ бо́льшей популярности для своихъ произведеній, тотъ обращался къ размѣру церковно-народному. Стихи перваго рода назывались *versus*, стихи второго—*modi* или *moduli*.

Съ XI вѣка Италія начинаетъ усиленно интересоваться политикой, и Франція обгоняетъ ее на поприщѣ образованія. Вмѣстѣ съ наукой, въ Парижъ и другіе города вселяется страсть къ латинскому стихотворству. Характерна форма латинскаго творчества во Франціи въ XII в.: представители его, выходя изъ школъ, гдѣ они изучали Виргилія и Овидія, питаютъ уваженіе къ гекзаметру, но такъ какъ они въ церкви слышатъ гимны съ риѳмами, а на улицѣ пѣсни жонглеровъ, и являются наслѣдниками итальянцевъ, пропагандировавшихъ modulos, то они вносятъ въ классическій гекзаметръ риѳму. Нѣкто Бернардъ изъ Морласа, монахъ Клюнійскаго монастыря, оплакиваетъ испорченность вѣка въ 3000 дактилическихъ гекзаметровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ ассонансъ въ серединѣ, двѣ цезуры (послѣ второй и одну послѣ четвертой стопы) и звучную риѳму на концѣ *). Произведенія этого рода, создававшіяся по правиламъ школьныхъ піитикъ, служили главнымъ образомъ для того, чтобы занимать досугъ школяровъ и грамотныхъ монаховъ. Это видно по ихъ серьознымъ, большею частію дидактическимъ темамъ; они предназначались, конечно, не для пѣнія, а для чтенія. Рядомъ съ этой школьной поэзіей на томъ-же латинскомъ языкѣ существовала другая, несравненно болѣе популярная, а слѣдовательно и для насъ болѣе интересная.

Мы видѣли въ біографіи Абеляра, съ какой гордостью вспоминаетъ Элоиза о пѣсенкахъ своего возлюбленнаго, прославлявшихъ ее по всей Франціи. Судя по отвращенію, какое выказывалъ Абеляръ къ народному языку, и по духу времени, это были пѣсенки латинскія и, конечно, съ риѳмами.

Абеляръ сочинялъ стихи въ исключительныхъ обстоятельствахъ и, очевидно, не дорожилъ произведеніями своей любовной музы; но въ тоже время жили люди, основывавшіе свою извѣстность на латинскихъ риѳмованныхъ стихахъ. Ученикъ Абеляра, нѣкто Гилярій, обязанъ славой латинскимъ стихамъ. Ему, между прочимъ, принадле-

---

Hoc servant Itali post prima crepundia cuncti,
Et sudare scholis mandatur tota juventus.
Solis Teutonicis vacuum vel turpe videtur,
Ut doceant aliquem, nisi clericus accipiatur.

*) Вотъ начало его поэмы:

Hora novissima, tempora pessima sunt, vigilemus!
Ecce minaciter imminet arbiter ille supremus.

Digitized by Google

житъ одна пѣсенка съ французскимъ припѣвомъ, обращенная къ знаменитому профессору и выражающая огорченіе его учениковъ по поводу того, что онъ покидаетъ Параклетъ.

Одинъ отрывокъ изъ второй половины XII вѣка перечисляетъ нѣсколькихъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ, авторовъ modulorum. «Между поэтами, придерживающимися риѳмы, выдѣляются особенно четверо: Стефанъ, цвѣтъ Орлеана, Петръ изъ Блюа; по заслугамъ съ ними рядомъ ставится Бертеръ: а перечисляя другихъ, нельзя опустить и пѣвца подвиговъ Александра: онъ не затеряется въ своемъ Шатильонѣ» *).

Изъ этихъ поэтовъ намъ вполнѣ неизвѣстенъ только одинъ Бертеръ. Стефанъ Орлеанскій, занимавшійся преподаваніемъ, умеръ въ 1200 г., будучи епископомъ въ Турнѐ. Послѣдній, не названный поэтъ, какъ полагаютъ, самъ авторъ отрывка—Вальтеръ изъ Лилля, авторъ извѣстной въ свое время «Александріи», въ которой онъ усиленно подражалъ Виргилію. Повидимому, славу свою отъ основываетъ не столько на своей «классической» поэмѣ, сколько на «modulis».

Такимъ образомъ Вальтеръ изъ Лилля представляетъ собою двуликаго Януса: онъ съ одной стороны поэтъ для ученыхъ; съ другой —rithmice dictans, поэтъ толпы. Большинство латинскихъ средневѣковыхъ поэтовъ не слѣдуетъ его примѣру и избираетъ себѣ или ту, или другую область. Мы остановимся прежде на ученой поэзіи XII и XIII вв.

Предоставивъ лирику другой партіи, школьные поэты главнымъ образомъ занимались эпосомъ и дидактикой, причемъ послѣдняя часто склонялась къ сатирѣ. Не только въ отношеніи формы, но и въ содержаніи они такъ строго придерживаются классическихъ образцовъ, что, по выраженію одного изъ изслѣдователей, ихъ поэзія есть не что иное, какъ продолженіе и паденіе поэзіи римской; она относится къ своему первообразцу такъ же, какъ романскій языкъ, на которомъ говорили въ VIII и IX вѣкахъ во Франціи, относится къ классической латыни.

Эти поэты для своего времени превосходно знали миѳологію и мѣстами доходили до языческаго міросозерцанія. «Въ статуяхъ боговъ

*) Inter quos sunt quatuor *rythmice dictantium*,
Qui super hoc retinent sibi privilegium:
Stephanus flos scilicet Aurelianensium
Et Petrus, qui dicitur de Castro Blecensium.
Istis non inmerito Berterus adjicitur;
Sed nec inter alios apte praetermittitur
Ille, quem Castellio latere non patitur
In cujus opusculo Alexander legitur.

Digitized by Google

живетъ божество», восклицаетъ одинъ изъ поэтовъ, французскій епископъ. Англійскій поэтъ Жофруа Винесофъ *), по поводу смерти короля Ричарда, въ такихъ выраженіяхъ обращается къ Богу: «Жестокій! Знаешь ли, кого ты похитилъ? Но ты всегда присвоиваешь великое, презирая малое». Судьба, фатумъ и даже Юпитеръ очень часто въ серьозныхъ стихотвореніяхъ замѣняютъ христіанскаго Бога. Подобно поэтамъ послѣднихъ временъ Рима, школьные поэты того времени очень любятъ обстоятельныя описанія храмовъ и картинъ, особенно аллегорическаго содержанія. Рабство передъ древними доходитъ до того, что нѣкто Петръ Эболійскій воспроизводитъ Виргиліевы полугекзаметры, явившіеся, какъ извѣстно, потому, что Виргилій не успѣлъ окончательно отдѣлать своей «Энеиды».

Способъ публикованія своихъ произведеній школьные поэты также унаслѣдовали отъ древнихъ: это рецитаціи въ школахъ, храмахъ и при дворахъ, особенно духовныхъ князей.

Съ другой стороны и современность наложила на нихъ свою печать, причемъ она иногда очень курьозно смѣшивается съ школьной традиціей: Парки, дѣвы судьбы, представляются дочерьми Бога Отца; Аполлонъ восходитъ къ престолу божію; добродѣтели изображаются въ античныхъ костюмахъ, а пороки въ современныхъ; въ изображеніяхъ ада мы видимъ амальгаму изъ представленій христіанскихъ и античныхъ.

Отчасти подражаніемъ поэтамъ IV—V вѣка, отчасти теплымъ отношеніемъ къ природѣ, которое во всѣхъ странахъ свойственно монастырскимъ заключенникамъ, объясняется рядъ довольно живыхъ картинокъ, противуполагающихъ тихую пустыню суетѣ дворовъ и городовъ.

Жанровыя сцены и свободныя передѣлки эпизодовъ изъ животнаго эпоса сближаютъ латинскую метрическую поэзію съ національной, а злыя выходки противъ духовенства—съ веселой поэзіей вагантовъ, къ которой мы и переходимъ.

Типъ странствующаго студента особенно рѣзко вырабатывается въ XII вѣкѣ. Это—вѣкъ крестовыхъ походовъ, вѣкъ, когда всѣми овладѣваетъ страсть къ перемѣнѣ мѣста. Какъ будущіе члены церкви, странствующіе студенты состоятъ подъ ея высокимъ покровительствомъ; ихъ привилегіи утверждаются синодами. Бѣдные схоластики (какъ впослѣдствіи школяры юго-западной Руси) платили за гостепріимство монастырямъ, епископамъ и деревенскимъ священникамъ пѣснями, разумѣется, латинскими. Иные сдѣлали себѣ изъ этого ремесло и для пѣсень оставили науку; они такимъ образомъ явились

*) Жилъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, и, вѣроятно, принималъ участіе въ 3-мъ крестовомъ походѣ.

Digitized by Google

вагантами по-преимуществу и составили нѣчто въ родѣ особаго цеха; другое столь-же популярное названіе ихъ—голіарды *)—дало имъ возможность выдумать себѣ патрона—св. Голіаса или Голіафа.

Ваганты бродили, то по одиночкѣ, то обществами, изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, отъ одного епископскаго двора къ другому, причемъ ихъ общеклерикальный языкъ давалъ имъ возможность не стѣсняться границами народностей. О литературной собственности тогда, конечно, не было и помину: самъ ли голіардъ сочинилъ пѣсню, приспособливалъ ли чужую или оставлялъ ее безъ перемѣнъ, онъ одинаково считалъ ее за свою. Вотъ почему одновременно въ разныхъ концахъ латинскаго міра, отъ Калабріи до горъ Шотландіи, распѣвался одинъ и тотъ же удачный куплетъ, часто вставляемый въ пѣсни вовсе несходныя. Вновь сочиненное стихотвореніе дѣлалось всеобщею собственностью, причемъ каждый пѣвецъ могъ урѣзывать и дополнять его своимъ и чужимъ, сколько ему было угодно. Пѣсни голіардовъ дошли до насъ въ сборникахъ, составленныхъ, вѣроятно, для веселыхъ епископовъ, любителей поэзіи, которые приказывали заносить туда все, что имъ нравилось, безъ всякой системы. Чрезвычайно трудно, а при нынѣшнихъ средствахъ часто невозможно возстановить по этимъ сборникамъ первоначальный текстъ пѣсни и прослѣдить ея развѣтвленія. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ на основаніи произведенія мы можемъ сказать что-нибудь объ авторѣ, оказывается, что наиболѣе плодовитыми поставщиками пѣсень для голіардовъ были клерики, проживавшіе при дворахъ высокопоставленныхъ лицъ изъ духовенства.

Поэзія голіардовъ съ одной стороны примыкаетъ къ пѣснѣ національной, а съ другой—къ школѣ; и то и другое выразилось въ ея произведеніяхъ, даже помимо содержанія, рѣзкими, чисто внѣшними чертами. Въ самыхъ старыхъ пѣсняхъ являются припѣвы на народномъ языкѣ **), и въ тоже время Богъ часто называется Юпитеромъ; Вакхъ, Ніобея, Дидона, Катоны, Сципіоны встрѣчаются очень часто; грамматическіе каламбуры попадаются на каждомъ шагу.

Естественна тѣсная связь поэзіи голіардовъ съ церковною пѣснью, отъ которой она заимствовала мелодію и ритмъ. Изъ церковныхъ гимновъ голіарды берутъ сравненія и цѣлыя строфы, и примѣняютъ ихъ въ видѣ безсознательной пародіи къ самымъ неподходящимъ вещамъ: стихами изъ гимновъ Богородицѣ поэты пользуются для прославленія своихъ возлюбленныхъ ***); нѣкоторыя пѣсни вагантовъ очень трудно по содержанію отличить отъ гимновъ.

*) Слово темнаго происхожденія; ср. прованс. *gualiador*—обманщикъ.

**) См. выше о Гиляріи.

***) Любопытный примѣръ пріуроченія трагическаго къ веселому представляютъ куп-

Digitized by Google

Пѣсни голіардовъ по основной темѣ болѣе или менѣе рѣзко раздѣляются на три разряда: *любовныя, застольныя* и *сатирическія*. Пѣсни любовныя въ большинствѣ грубы и циничны; иныя облагорожены чисто внѣшнимъ образомъ черезъ введеніе классическихъ именъ *) или стиховъ изъ гимновъ **). Несравненно удачнѣе пѣсни застольныя, изъ которыхъ иныя пережили семь столѣтій и до сихъ поръ печатаются въ сборникахъ студенческихъ пѣсень.

Въ главѣ, посвященной провансальской поэзіи, мы говорили о тенсонахъ, какъ объ одномъ изъ популярнѣйшихъ видовъ лирики; мимоходомъ мы сказали и о томъ, что тенсона, подъ названіемъ jeu parti, стала любимымъ видомъ во французской лирикѣ, начиная съ XIII вѣка. Естественно ожидать, что страстные диспутанты схоластики съ охотой будутъ обработывать этотъ видъ поэзіи. Сохранились двѣ совершенно различныя редакціи спора вина съ водой: одна представляетъ чистую тенсону, въ другой есть эпическое введеніе. Въ

леты знаменитой студенческой пѣсни: Gaudeamus igitur. У Дю-Мериля напечатана благочестивая пѣснь о суетѣ мірской, оканчивающаяся совѣтомъ идти въ монастырь. Тамъ мы встрѣчаемъ слѣдующія двѣ строфы:

Vita brevis brevitas, in brevi finietur;
Mors venit velociter et neminem veretur;
Omnia mors perimit et nulli miseretur.
Surge, surge vigila et semper esto paratus...
Ubi sunt, qui ante nos in hoc mundo fuere?
Vinies ad tumulos, si eos vis videre;
Cineres et vermes sunt, carnes compatruere.
Surge, surge, vigila etc.

Эти строфы, повидимому, еще въ устахъ вагантовъ получили нынѣшнюю свою форму то-есть:

Vita nostra brevis est, brevi finietur
Venit mors velociter, rapit nos atrociter
Nemini parcetur.
Ubi sunt, qui ante nos in mundo fuere?
Venite ad superos, transite ad inferos,
Ubi jam fuere.

*) Напр.

Haec si sola mihi datur
Cui me prorsus dedi
Mihi Roma subjugatur
Subjugantur Medi.

**) Напр.

Ave formosissima, gemma pretiosa!
Ave decus virginum, virgo gloriosa!
Ave mundi luminar, ave mundi rosa!
Blanciflor et Helena, Venus generosa.

Любопытный, но чуть ли не единственный набѣгъ въ національную поэзію; Бланшфлеръ — героиня извѣстнаго романа.

Digitized by Google

первой вино говоритъ: «Я божество, и объ этомъ свидѣтельствуетъ Овидій; черезъ меня всѣмъ дается мудрость. Когда магистры безъ меня обходятся, они лишаются разума, и служители науки покидаютъ занятія». Вода говоритъ: «Ты-то богъ! Да черезъ тебя и праведный дѣлается преступникомъ, дурнымъ и злымъ человѣкомъ» *). Пѣсня оканчивается такъ: «Я, присутствовавшій при этомъ спорѣ, объявляю всему народу въ заключеніе моего стихотворенія: да будетъ отлученъ Христомъ на вѣки вѣковъ тотъ, кто будетъ мѣшать воду съ виномъ **)».

Другое стихотвореніе на туже тему называется: «Голіасовъ діалогъ вина съ водой». Покинутый друзьями, послѣ попойки, поэтъ былъ восхищенъ до третьяго неба и тамъ присутствовалъ при диспутѣ Ѳетиды и Ліэя. Ѳетида въ защиту своего элемента приводитъ извѣстный библейскій текстъ: «Духъ Божій носился надъ водою». Ліэй возражаетъ ей тоже ссылкой на «Книгу Бытія», изъ которой явствуетъ, что все доброе сотворено послѣ злего», и т. д. Ліэй побѣждаетъ такимъ аргументомъ: «Кто не пьетъ вина, тотъ чуждъ пѣсни, а кто выпьетъ, сейчасъ запоетъ: Слава въ вышнихъ Богу. Небесный хоръ подхватываетъ: и на землѣ міръ. Другая излюбленная тема такихъ диспутацій, обработывавшаяся и въ національной поэзіи сѣвера и юга Франціи: кого удобнѣй любить, рыцаря или клерика? Само собою разумѣется, что клерики рѣшали вопросъ въ пользу своего сословія.

Интереснѣе другихъ сатирическія пѣсни голіардовъ; ихъ сатира носитъ то добродушный, то озлобленный и жесткій характеръ. Добродушно, хотя и грубо поносятъ они невѣжественныхъ мірянъ. «Мірянина надо считать за скота, говоритъ одна пѣсня, потому что

---

*) Ego deus et testatur
Illud Naso, per me datur
Cunctis sapientia.
Cum non potant me magistri
Sensu carent et ministri
Non frequentant studia.
Aqua inquit: Tu es deus?
Per te justus homo reus,
Malus, pejor, pessimus.

Послѣдняя строка—обычная школьная острота.

**) Ego praesens disputator
Hujus cantus terminator
Omni dico populo:
Quod haec miscens exsecretur
Et a Christo separetur
In aeterno saeculo.

Digitized by Google

онъ глухъ и нѣмъ къ наукѣ» [1]). Гораздо злѣе ихъ выходки противъ Рима и церкви, и ядовитость ихъ нисколько не ослабляется наивностью школьныхъ остротъ и каламбуровъ. «Если звательный падежъ вызвалъ тебя въ Римъ и винительный хочетъ низложить тебя, привлеки непремѣнно къ дѣлу дательный и тогда отпуститъ тебя творительный» [2]). «Папа, если коснемся сущности, носитъ свое имя по заслугамъ: все, что имѣютъ другіе, онъ хочетъ поглотить одинъ» [3]). «Римъ есть глава міра (Roma caput *mundi* est), но въ немъ нѣтъ ничего чистаго (sed nil habet *mundi*)»; «въ немъ вмѣсто божества служатъ деньги» (nummus est pro numine). Эти и имъ подобныя остроты встрѣчаются въ массѣ пѣсенъ и рукописей.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какимъ образомъ пѣсни вагантовъ, первоначально продуктъ личнаго творчества, блуждая по разнымъ странамъ, видоизмѣнялись сообразно обстоятельствамъ и становились общимъ достояніемъ.

Между 1162 и 1165 гг. въ Павіи, при дворѣ канцлера и архіепископа кельнскаго, Рейнальда фонъ-Дассель, вѣрнаго совѣтника Фридриха Барбароссы, проживалъ какой-то поэтъ, называвшій себя archipoeta. Обжалованный людьми покровителя, онъ написалъ «Покаяніе поэта» (Confessio poëtae), гдѣ признается въ своемъ легкомысліи и уподобляетъ себя листку, носимому по волѣ вѣтра, и ладьѣ безъ кормчаго. Первый его порокъ—страсть къ женщинамъ; но «кто, живя въ Павіи, могъ сохранить цѣломудріе?» спрашиваетъ онъ въ свое оправданіе [4]). Второй его порокъ — страсть къ игрѣ. Далѣе онъ продолжаетъ: «На третьемъ мѣстѣ я кабакъ поставлю [5]),

[1]) Aestimetur autem
Laicus ut brutus,
Nam ad artem surdus est,
Surdus est, et mutus.

Ср. изъ ученой поэзіи надпись на вормсской церкви св. Мартина:

Cum mare siccatur et daemon ad astra levatur,
Tunc primo laicus fit clero fidus amicus.

[2]) Si te forte traxerit Romam Vocativus
Et si te deponere vult Accusativus,
Qui te restituere possit Ablalivus,
Vide quad fideliter praesens sit Dativus.

[3]) *Papa* si rem tangimus
Nomen habet a re,
Quidquid habent alii,
Solus vult pappare.

[4]) Quis Paviae demorans
Castus habebatur?

[5]) Tertio capitulo
Memoro tabernam.

Digitized by Google

къ которому никогда не относился съ пренебреженіемъ». Затѣмъ слѣдуетъ знаменитая строфа: «Мнѣ судьбой назначено кончить жизнь въ трактирѣ» и т. д. [1]), которая вмѣстѣ съ нѣсколькими другими сходнаго содержанія до сихъ поръ перепечатывается въ сборникахъ нѣмецкихъ студенческихъ пѣсень. Поэтъ и здѣсь находитъ себѣ оправданіе: игра и вино ему необходимы, какъ возбуждающія средства для поэтическаго вдохновенія; онъ не ожидаетъ ничего путнаго отъ поэтовъ, которые бѣгутъ отъ жизни. «Видишь, говоритъ онъ далѣе: я признался въ своихъ грѣхахъ. Пусть броситъ въ меня камень тотъ, кто самъ безгрѣшенъ. Но теперь, выплюнувъ свой ядъ, я намѣренъ исправиться». Пьеса кончается мольбою къ покровителю не прогонять несчастнаго отъ себя, а помочь его нищетѣ.

Быстро являются передѣлки; именное обращеніе: *dilecte Coloniae*, обобщается въ о *dilecte domine*, *o pastor ecclesiae*, *praesul*, *mihi cognite*, или пріурочивается къ другимъ лицамъ; такъ, напр., въ одной англійской рукописи мы читаемъ: *Praesul Coventrensium*; иногда строфа съ обращеніемъ выпадаетъ вовсе. Указаніе на развратъ Павіи или вовсе выпадаетъ, или обобщается такъ: «кто, живя *въ мірѣ*, могъ сохранить цѣломудріе» [2])? Похвала вину выдѣляется въ особое стихотвореніе, причемъ въ первомъ стихѣ вмѣсто словъ: «на третьемъ мѣстѣ я кабакъ поставлю», читаемъ: «болѣе чѣмъ церковь, я люблю кабакъ [3])». Въ это стихотвореніе вносятся строфы изъ другихъ тогоже размѣра и на туже тему, между прочимъ и довольно безсмысленная школьная острота о трехъ родахъ вина [4]).

Во многихъ англійскихъ рукописяхъ встрѣчается сатирическая пѣсня подъ заглавіемъ: «На жадность или о римской справедливости». Авторъ ея прямо начинаетъ съ указанія на революціонный харак-

---

[1]) Mihi est propositum
In taberna mori;
Vinum sit appositum
Morientis ori.

[2]) Quis in mundo demorans
Castus habebatur?

[3]) Magis quam ecclesiam
Diligo tabernam.

[4]) Fertur in conviviis
Vinùs, vina, vinum;
Masculinum displicet
Atque femininum.
Sed in neutro genere
Vinum est divinum.
Loqui facit socios (варіантъ: clericos)
Optime latinum.

Digitized by Google

теръ своего произведенія, оправдываемый пороками людей [1]). Подъ золотой оболочкой теперь у людей желѣзное сердце; ослы гуляютъ въ львиной шкурѣ, у всѣхъ медъ на языкѣ, желчь въ сердцѣ, какъ снѣгъ блеститъ все снаружи, а внутри это — черная смола [2]).

Члены тѣла церкви болѣютъ, такъ какъ нездорова сама голова. «Римъ глава міра, а чистаго въ немъ нѣтъ ничего». Это большой рынокъ, гдѣ продаются и покупаются должности. Кто имѣетъ тамъ процессъ, пусть не жалѣетъ денегъ; иначе онъ ничего не получитъ. Тамъ правъ тотъ, кто богаче всѣхъ. Тамъ законъ — не выслушивать просителя съ пустыми руками. Тамъ и Цицеронъ не помогаетъ; краснорѣчивыми признаются только деньги; давай взятки и не бойся ни Юстиніана, ни каноновъ святыхъ; тамъ монета вмѣсто божества, и марка серебряная вмѣсто Марка (евангелиста), и алтарь тамъ не такъ почитается, какъ сундукъ съ деньгами [3]). Придешь къ папѣ, не забывай, что бѣдному у него нѣтъ мѣста; онъ благоволитъ къ тому, кто приноситъ золото и серебро. «Папа, если мы коснемся сущности дѣла, носитъ имя по заслугамъ; все, что имѣютъ другіе, онъ хочетъ поглотить; или можешь, по желанію, употребить французское слово: Paez, paez, dit li mot, если хочешь добиться чего нибудь [4])». Папа хочетъ взятки, канцелярія хочетъ взятки, привратникъ хочетъ взятки; кардиналъ хочетъ взятки; курьеръ хочетъ взятки; всѣ хотятъ взятки; и если одному не дашь, все испорчено (totum mare salsum est). За кошельками въ Римѣ охотятся, и добыча получается весьма значительная (magna, major, maxima). Кошелекъ просителя долженъ тамъ уподобиться печени Титія: его опустошаютъ, а онъ опять долженъ наполняться, и т. д.

Другое стихотвореніе на туже тему, менѣе популярное, изобилуетъ миѳологическими украшеніями. Жадные римляне сравниваются съ Крассомъ, съ Сциллой и Харибдой, съ Сиренами. Въ Римѣ каждый кардиналъ по наружности св. Петръ, а по добродѣтелямъ Неронъ. Тамъ разбойничаетъ начальникъ пиратовъ, толстобрюхій, гладко-

---

[1]) Utar contra vitia
Carmine rebelli.

[2]) *mel* и *fel*, *nix* и *pix*—часто встрѣчающіяся риѳмы.

[3]) Nummus est pro numine et pro marco marcha.
Et est minus celebris ara quam sit archa.

[4]) Papa, si rem и пр.
Aut si verbum gallicum vis apocopare:
Paez, paez, dit li mot,
Si vis impetrare.

Digitized by Google

кожій Іоаннъ, чудовище пороковъ [1]). Тамъ только два прибѣжища: Петръ Павійскій [2]) и «мой Александръ» [3]), покровитель наукъ и несчастныхъ. Переписывалась и эта пьеса, причемъ собственныя имена измѣнялись.

Выше мы упоминали о Вальтерѣ изъ Лилля. Изъ пьесъ, дошедшихъ съ его именемъ, важнѣй другихъ сатира «На духовныхъ по апокалипсическому видѣнію» [4]), изложенная въ формѣ сна. Пиѳагоръ, какъ Виргилій въ «Божественной Комедіи», ведетъ поэта по царству мертвыхъ и показываетъ ему тѣни мудрецовъ древности, потомъ ангелъ ведетъ его ко входу на небо. Далѣе начинается видѣніе о семи церквахъ Нейстріи; являются четыре апокалипсическихъ звѣря [5]), и поэтъ пользуется объясненіемъ ихъ аттрибутовъ для сатирическихъ цѣлей. Онъ приводитъ всѣ чины церкви въ нисходящемъ порядкѣ, не забывая приходскихъ священниковъ и простыхъ монаховъ. Онъ рисуетъ такую картинку изъ монастырской жизни: Аббатъ поднимаетъ обѣими руками огромный кубокъ и говоритъ: «Бокалъ въ рукахъ хорошаго человѣка—святильникъ божій. Да здравствуетъ Вакхъ! Да будетъ онъ предводителемъ нашего союза! Можетъ ли изъ васъ кто-нибудь выцѣдить такую баклагу?» Хоръ отвѣчаетъ: Мы можемъ! Чтобы не было споровъ, устанавливается законъ, по которому всякій долженъ выпивать баклагу, не отводя отъ губъ. Монахи болтаютъ подобно сорокамъ и попугаямъ; подобно жерновамъ работаютъ ихъ зубы; въ ихъ брюхахъ скоро образуется цѣлый потопъ. Тогда они начинаютъ шпынять другъ друга, и дѣло кончается ссорой. Нѣтъ чорта хуже монаха; нѣтъ существа жаднѣе и непостояннѣе его. Дайте ему что-нибудь,—онъ захочетъ имѣть все; спросите у него что-нибудь,—онъ нищій. Когда онъ завтракаетъ, онъ не говоритъ ни слова, чтобы языкъ не мѣшалъ работѣ зубовъ; собираясь пить, онъ усаживается крѣпко, чтобы ноги не отказались служить подъ тяжестью брюха. Днемъ пляшетъ онъ вокругъ винныхъ бочекъ, своихъ идоловъ; ночью спитъ съ распутницей. Такими-то трудами пріобрѣтаетъ онъ царство небесное!

Это стихотвореніе скоро получило популярность и встрѣчается въ массѣ рукописей; вмѣсто церквей Нейстріи вставляются семь церквей Англіи; часто отпадаютъ введеніе и вся апокалипсическая обстановка.

---

[1]) Вѣроятно Іоаннъ, президентъ коллегіи кардиналовъ.

[2]) Былъ епископомъ въ Мо съ 1171 г.

[3]) Папа Александръ III.

[4]) Contra ecclesiasticos juxta visionem Apocalypsis. Въ другихъ рукописяхъ оно носитъ заглавіе: Apocalypsis Goliae.

[5]) Левъ всепожирающій—папа; телецъ, спѣшащій на пастбище—епископъ, и т. д.

Digitized by Google

Повидимому, мы имѣемъ полное право думать, что Вальтеръ изъ Лилля былъ изгой изъ числа церковниковъ, ожесточенный врагъ существующихъ въ церкви порядковъ. Но біографія его показываетъ намъ совершенно обратное: онъ разошелся съ Генрихомъ II Англійскимъ, когда тотъ вступилъ въ борьбу съ духовенствомъ, былъ секретаремъ при архіепископѣ реймсскомъ Генрихѣ († 1175) и его преемникахъ, и канонникомъ въ Турнѐ.

У голіардовъ была и своя шутливая проза: она состояла изъ пародій на буллы, окружныя посланія, миссы, евангелія и молитвы. Нѣкоторыя изъ этихъ пародій носятъ сравнительно невинный характеръ и напоминаютъ тѣ пѣсни «на гласы» и шутовскія евангельскія чтенія, которыя и до сихъ поръ держатся въ нашихъ бурсахъ, монастыряхъ и пѣвческихъ обществахъ *); различіе въ томъ, что въ такихъ пародіяхъ западныхъ клериковъ много классическихъ воспоминаній и постоянно фигурируетъ Бахусъ **). Другія прозаическія произведенія голіардовъ носятъ острый сатирическій характеръ и ничѣмъ не уступаютъ самымъ злымъ стихотворнымъ выходкамъ. Вотъ пародія на нагорную проповѣдь: «Блаженны имущіе, говоритъ папа кардиналамъ, ибо они праздны не будутъ; блаженны деньгами владѣющіе, ибо тѣхъ есть курія римская; блаженны богатые, ибо они меня узрятъ; блаженны приносящіе намъ, ибо они сынами моими нарекутся. Горе тѣмъ, которые не имѣютъ денегъ! Да повѣсится жерновъ осельскій на выѣ ихъ, и да потопитъ въ пучинѣ морской! Блюдите, да не соблазнитъ васъ кто нибудь пустыми словами», и т. д. Въ другомъ евангеліи папа не приказываетъ кардиналамъ никого пускать безъ денегъ: «Въ законѣ писано есть: возлюби золото и серебро отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей, и богатаго, какъ самого себя. Дѣлай это и спасенъ будешь», и т. д. Понятно, почему церковь, сперва покровительствовавшая голіардамъ,

*) Мы слышали, напр., въ Тамбовской губ. распѣваемую монастырскими служками такую пѣсню:

Разсердимся мы на отца игумена,
Не пойдемъ мы ни къ вечернѣ, ни къ заутренѣ,
Ни къ святому молебствію.
Тогда нашъ отецъ игуменъ смилуется,
Выкатитъ бочки дубовыя,
Опуститъ черпальники мѣдные, и т. д.

**) Напр., начало одной обѣдни: Introibo ad altare Bacchi etc. Confiteor reo Baccho omnipotanti etc. Deus qui multitudinem rusticorum ad servitium clericorum venire fecisti et inter nos et ipsos discordiam seminasti, da nobis, quaesumus, de eorum laboribus vivere et eorum uxoribus uti et de mortificatione eorum gaudere per dominum nostrum reum Bacchum, qui bibit et poculat per omnia pocula poculorum etc. Или начало «Отче нашъ»: Pater noster, qui es in ciphis, sanctificetur vinum istud etc.

Digitized by Google

какъ своимъ людямъ, довольно скоро отступилась отъ нихъ. Они получаютъ новое нелестное прозвище *ribaldi* (ср. ит. ribaldo—негодяй); ихъ смѣшиваютъ съ жонглерами, и ремесло ихъ начинаютъ считать позорнымъ; во-второй половинѣ XIII ст. частные синоды лишаютъ ихъ привилегій духовнаго званія. Кажется, дольше всего голіарды держались въ Англіи, а во Франціи и въ Германіи уже въ концѣ XIII в. они были въ полномъ упадкѣ и должны были обратиться къ народному языку, чтобы забавлять мірянъ. Вѣроятно, отъ начала XIV в. дошло до насъ нѣмецкое стихотвореніе нѣкоего оанна Нюренбергскаго съ латинскимъ заглавіемъ: «De vita vagorum» о жизни бродячихъ клериковъ). Авторъ называетъ себя нѣмецкимъ характернымъ терминомъ: «дикій ученикъ» [1]) и жалуется на свою горькую участь: попова экономка гонитъ его; каждый кусокъ хлѣба онъ долженъ вымаливать, какъ милостыню, или добывать отъ деревенскихъ красавицъ обманомъ и колдовствомъ.

Въ XV в. голіарды обратились въ нищенствующихъ студентовъ; они добываютъ деньги главнымъ образомъ не пѣснями, а шутнями и чернокнижіемъ [2]). Само собою понятно, что въ это время они уже не производятъ ничего новаго.

Пѣсни старыхъ голіардовъ въ XIV и XV вв. переписываются, заучиваются и распѣваются въ монастыряхъ и школахъ. Они вызываютъ болѣе или менѣе безграмотныя и безталанныя подражанія до самаго конца среднихъ вѣковъ [3]). Въ XVI в. нѣкоторые гуманисты изъ умѣренныхъ, не пренебрегавшіе тоническимъ размѣромъ, сочиняютъ довольно удачныя застольныя пѣсенки во вкусѣ голіардовъ; а сторонники реформаціи переводятъ на національные языки или печатаютъ въ оригиналѣ самыя злыя сатиры изъ старыхъ рукописей, въ видѣ памфлетовъ на католическое духовенство [4]).

---

[1]) Nu hoeret ein fremdes mere
Von mir vilden schulere.

[2]) Любопытный матеріалъ объ ученикахъ-чернокнижникахъ въ землѣ хорватовъ собралъ проф. Ягичъ въ II т. Arch. f. Slav. Myth.

[3]) См. пародіи на нихъ въ Epp. Obsc. Virorum.

[4]) Вотъ перечень новѣйшихъ сочиненій по исторіи схоластики и латинской поэзіи:

Cuissard: Documents inédits sur Abélard, tirés des manuscrits de Fleury. Стр. 47. 1881. Orléans.

Delaunay: Étude sur Alain Chartier. Paris, 1876. Стр. 264.

Demimuid: Iean de Salisbury. Paris, Thorin. 1873.

» Pierre le Venérable ou la vie et l'influence monastiques au XII s. Paris. 1876. Стр. 283.

Hertling: Albertus Magnus. Beiträge zu seiner Würdigung. Festschrift. Cöln. 1880. VII, 150.

Just: Zur Pedagogik des Mittelalters. Стр. 48. Eisenach. 1876.

Digitized by Google

XIV. Испанская литература въ средніе вѣка.—Особыя условія развитія Испаніи въ средніе вѣка.—Поэма о Сидѣ.—„Рифованная хроника".—Романсы.—Книга объ Аполлоніи Тирскомъ.—Берсео.—Сегура.—Альфонсъ Мудрый.—Поученіе клерику.—Графъ Люканоръ.—Хуанъ Руизъ.—Конецъ XIV и XV вв. въ Испаніи.

Главнѣйшія пособія:

Ѳ. И. Буслаевъ: Испанскій народный эпосъ о Сидѣ. (Зап. Имп. Ак. Наукъ, Т. V. СПБ. 1864).

Mila y Fontanals: De la poesia heroica-popular castellana. Barcelona. 1874.

Puibusque: Le comte Lucanor. Paris. 1854.

Comte de Pyumaigre: Les vieux auteurs castillans, T. I et. II. Paris. 1861.

„ La cour littéraire de Don Juan II. Paris. 1873.

Romancero del Cid por Carolina Michaelis. Leipz. 1871.

Ticknor: Geschichte der schönen Literatur in Spanien. Deutsch mit Zusätzen hsgb. v. Julius. 1 Bd. Leipz. 1852.

Выше *) мы говорили о томъ, что наканунѣ арабскаго завоеванія научная культура въ Испаніи стояла на довольно высокой степени: Исидоръ Севильскій былъ, можетъ быть, образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени; но тогда же мы замѣтили, что эта культура носила тепличный характеръ; глубокая ученость нѣсколькихъ десятковъ духовныхъ не обусловливала общей культуры страны.

Въ началѣ VIII вѣка готское царство въ Испаніи находилось въ состояніи глубокаго нравственнаго и политическаго разложенія. Безъ этого условія и безъ помощи самихъ христіанъ, арабы не могли бы одной побѣдой рѣшить судьбу богатой и густонаселенной страны. Обширныя области съ десятками городовъ сдавались мусульманамъ безъ боя. Ихъ народонаселеніе удержало не только свою

Kämmel: Die Stadtschulen des Mittelalters.

Loewe: Der Kampf zwischen dem Realismus u. Nominalismus im Mittelalter, sein Ursprung u. sein Verlauf. Prag. 1877.

Thurot: De l'organisation de l'enseignement dans l'université de Paris au Moyen-Age. Paris. 1880.

Bellanger: De M. Gualthero ab insulis dicto de Castellione.

Huemer Ioh. Zur mittellateinischen Spruchpoesie (Anzeiger für Kunde d. deutschen Vorzeit. 1880, № 7).

Untersuchungen ueber die ältesten lateinisch-christlichen Rhythmen Wien. 1879. Стр. 75.

Philippi Gualteri Alexandreis rec. Müldner. Teubner. Lipz. 1873.

Un poète latin du XI-me siècle. Baudri, abbé de Bourgueil etc. par Pasquier. 1879.

Winkelmann. Des Magisters Petrus de Ebulo liber ad honorem Augusti. Leipz. 1874. XII, 96.

The Anglo-latin satirical poets and epigrammatists of the XII century by Thomas Wright. Lond. 1873.

Ganymed u. Helena. Zeitsch. für deutsch. Alterth. XVIII, 1874. H. I.

*) См. главу V, стр. 71 и 72.

Digitized by Google

религію, но, до извѣстной степени, и свои законы *); даже и впослѣдствіи, во время ожесточенной борьбы мусульманскаго юга съ христіанскимъ сѣверомъ, жители центральной и южной Испаніи остались христіанами, хотя и приняли языкъ завоевателей; это тѣ христіане, для которыхъ оказалось необходимымъ переводить Евангеліе на арабскій языкъ. Потерявъ языкъ, они потеряли и національность, слѣдовательно, о нихъ не можетъ быть рѣчи въ очеркѣ средневѣковой испанской литературы: въ немъ мѣсто только независимымъ испанцамъ.

Люди, не желавшіе покориться магометанамъ, ушли подъ предводительствомъ Пелаго, родственника послѣдняго короля готовъ, въ юго-западный уголъ Испаніи, въ Астурію, и тамъ основали независимое государство, сперва бѣдное средствами, но богатое энергіей; передъ нимъ лежала простая и опредѣленная историческая задача—бороться на жизнь и на смерть съ иновѣрцами-завоевателями, быть въ непрестанномъ крестовомъ походѣ, который едва окончился къ самому концу среднихъ вѣковъ. Эта непрерывная война съ невѣрными должна была наложить особый отпечатокъ на всю духовную жизнь испанца; она обусловливала и нѣкоторую умственную отсталость и, если можно такъ выразиться, возбужденный, ультра-героическій характеръ національной поэзіи, и искренній паѳосъ письменности церковной. Такъ какъ операціоннымъ базисомъ въ этой войнѣ для Испаніи служили земли христіанскихъ сосѣдей, то съ одной стороны, одичалый въ кровопролитіи народъ испанскій долженъ былъ подпасть ихъ сильному вліянію, а съ другой — по своей энергіи и независимости, онъ не могъ воспринимать пассивно, а передѣлывалъ все заимствованное по-своему. Для войны нужно единоначаліе, и потому монархическій принципъ въ Испаніи развился сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Оттого феодализмъ не могъ имѣть здѣсь такого значенія, какъ, напр., во Франціи, что̀, впрочемъ, отнюдь не исключало усиленія дворянства: личныхъ дворянъ въ Испаніи было очень много, и эти безземельные или малоземельные дворяне представили впослѣдствіи чрезвычайно благодарную почву для развитія рыцарства.

Уже второй наслѣдникъ Пелаго, Альфонсъ I Католическій (739—757 г.), весьма значительно раздвинулъ предѣлы христіанской Испаніи, отнявъ у арабовъ Галисію и часть позднѣйшей Кастиліи; самое названіе послѣдней показываетъ, какъ христіане подвигались шагъ за шагомъ, обезпечивая завоеванныя земли постройкой укрѣп-

*) Эти такъ-называемые *мозарабы* только лишались права устраивать публичныя процессіи и строить церкви на новыхъ мѣстахъ; они, разумѣется, должны были порвать связь съ Римомъ.

Digitized by Google

ленныхъ замковъ (castella). Вскорѣ Кастилія получила нѣкоторую независимость и стала управляться выборными судьями; сынъ одного изъ такихъ судей, Фернандо Гонзалесъ, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ героевъ національнаго эпоса, окончательно отдѣлилъ ее отъ Астуріи. Но если выработанная въ войнѣ любовь къ независимости способствовала распаденію христіанскихъ владѣній, то инстинктъ самосохраненія, въ виду общаго врага, снова соединялъ ихъ. Власть надъ Кастиліей скоро переходитъ къ дому Наваррскому, а въ XI вѣкѣ король Фердинандъ присоединяетъ къ Кастиліи и Леонъ, и Галисію.

Постоянныя сношенія съ Франціей начинаются очень рано, еще при Карлѣ Великомъ, которому принадлежала Арагонія. Лежащая рядомъ съ нею Наварра была полупровансальская земля; когда съ ней слилась Арагонія, трубадуры и въ этой послѣдней чувствовали себя настолько-же дома, какъ и въ Барселонѣ. Изъ Франціи, какъ сѣверной, такъ и южной, ежегодно ходили толпы пилигриммовъ къ гробу апостола Іакова. Самая Кастилія была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Франціей вслѣдствіе родственныхъ связей. Духовенство Испаніи относилось къ своимъ запиренейскимъ товарищамъ съ большимъ почтеніемъ; въ половинѣ XII вѣка Санчо Великій учреждаетъ въ своихъ владѣніяхъ филіалъ Клюнійскаго монастыря. Парижская школы привлекаютъ молодыхъ испанскихъ клериковъ.

Читателямъ извѣстны (гл. II, стр. 36) нарѣчія языка испанскаго. Рано стало замѣтно, что нарѣчіе галисійское не имѣетъ большой литературной будущности. Но между каталонскимъ и кастильскимъ нѣкоторое время происходила борьба за преобладаніе; наконецъ кастильское нарѣчіе побѣдило, отчасти благодаря политическому преобладанію Кастиліи, отчасти вслѣдствіе того, что въ Каталоніи, Наварри и отчасти Арагоніи, давно выработанный языкъ трубадуровъ, очень близкій къ языку страны, затмѣвалъ своего юнаго брата.

Въ настоящее время уже собрано довольно много фактовъ, доказывающихъ раннее литературное вліяніе поэзіи труверовъ на Кастилію. Почему именно труверовъ, а не трубадуровъ, которые были гораздо ближе—это обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что именно въ Кастиліи мелкое дворянство и горожане брали верхъ надъ феодалами; жизнь тамъ была лишена придворнаго блеска, и общество болѣе нуждалось въ поэзіи факта, чѣмъ въ поэзіи чувства. Кастильскихъ хогларовъ (joglars) ставятъ въ живую связь съ французскими жонглерами, и слѣды этой связи указываютъ въ древнѣйшемъ памятникѣ народнаго эпоса Испаніи, въ поэмѣ о національномъ и центральномъ героѣ—Сидѣ, къ которому мы переходимъ.

Сидъ—лицо историческое. Вотъ что извѣстно о немъ изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ. Донъ Руи, т. е. Родриго, Діацъ

Digitized by Google

родился въ 40-хъ или 50-хъ годахъ XI столѣтія въ городѣ Бургосѣ или въ лежащей неподалеку отъ него деревнѣ Виваръ *). Отецъ его, Діего Лайнецъ, происходилъ изъ старинной, но не очень знатной фамиліи; за-то мать, Тереза Родригецъ, была дочерью графа и губернатора Астуріи. Полагаютъ, что онъ участвовалъ въ послѣднихъ экспедиціяхъ Фердинанда Великаго. Въ царствованіе его наслѣдника Санчо (1065—1072) онъ былъ посвященъ въ рыцари и сдѣланъ королевскимъ знаменоносцемъ. Онъ дѣятельно помогалъ своему государю въ его несправедливыхъ войнахъ съ братьями; въ сраженіи при Гольпехарѣ, по его совѣту, Санчо бросился на побѣдоносное и потому безпечное войско брата и разбилъ его. При осадѣ замка Цаморы король Санчо былъ измѣннически убитъ, и многіе подозрѣвали, что убійца былъ подосланъ братомъ короля, Альфонсомъ, законнымъ наслѣдникомъ престола. Поэтому 12 грандовъ, и во главѣ ихъ Руи Діацъ, прежде чѣмъ принести присягу въ вѣрности новому королю, потребовали у него очистительной клятвы, что онъ не виновенъ въ братоубійствѣ. Полагаютъ, что это обстоятельство было первою и основною причиной неудовольствія короля Альфонса (отъ 1072 — 1109) на Сида. Впрочемъ это неудовольствіе выразилось не сразу: нѣсколько лѣтъ король и его могучій вассалъ жили мирно, и въ 1074 г. король даже женилъ его на своей родственницѣ Хименѣ, дочери графа Овіедскаго; но семь лѣтъ спустя, Руи Діацъ уходитъ служить Аль-Мутамину, королю сарагосскому. Служеніе христіанскаго рыцаря мусульманину, равно какъ и служеніе мусульманина королю христіанскому, въ то время было самое обычное явленіе. Черезъ нѣкоторое время Родриго снова сошелся съ Альфонсомъ, но не надолго; въ 1090 г. онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ за то, что не захотѣлъ или не могъ явиться къ королю на помощь, былъ лишенъ всѣхъ своихъ владѣній и съ трудомъ получилъ свободу для своего семейства. Тогда Руи Діацъ набралъ изъ вольныхъ людей дружину, ушелъ въ восточную Испанію и обложилъ данью многихъ князьковъ. Когда въ 1092 г. его другъ Алькаадиръ, король Валенсіи, за котораго онъ въ послѣднее время управлялъ государствомъ, былъ зарѣзанъ своимъ врагомъ, и къ христіанину-кондотьеру сбѣжались многіе мусульмане, недовольные новымъ правительствомъ, онъ объявилъ Валенсіи войну и взялъ ее послѣ долговременной осады. Тогда-то, по словамъ арабскихъ писателей, выказалась въ полной мѣрѣ его жестокость и коварство по отношенію къ побѣжденнымъ врагамъ. Руи Діацъ умеръ въ 1099 г. Послѣ его смерти вдова его Химена больше двухъ лѣтъ удерживала завоеванную Валенсію, но наконецъ мавры, не смотря на помощь, присланную Альфонсомъ, овладѣли своимъ до-

*) Или Биваръ; испанское *b* произносится почти какъ *v*.

Digitized by Google

стояніемъ. Химена перенесла въ торжественной процессіи тѣло мужа своего въ монастырь Петра Карденскаго, откуда въ послѣднее время его, вмѣстѣ съ тѣломъ Химены, перенесли въ Бургосъ и положили въ соборѣ. Сыновей у Руи Діаца не было, а были двѣ дочери, Христина и Марія; одна изъ нихъ вышла замужъ за инфанта наваррскаго, другая за Беренгара Рамона III барселонскаго; такимъ образомъ Руи Діацъ по женской линіи является предкомъ королей Испаніи. Христіанскіе хронисты, конечно, въ восторгѣ отъ личности Руи Діаца: они выставляютъ его образцомъ воина, мужа, отца и даже вассала.

Но и арабы очень высокаго мнѣнія о немъ: тотъ же историкъ, который называетъ его бичомъ своего времени, признаетъ его чудомъ божіимъ по храбрости, твердости и уму, и влагаетъ ему въ уста гордыя и патріотическія слова: «Если по винѣ одного Родриго мавры вошли въ Испанію, то другой Родриго, пожалуй, выгонитъ ихъ». На популярность его среди мусульманъ указываетъ и его прозвище: *Сидъ* отъ арабскаго *Seid*—господинъ, которое по смерти заставило забыть его настоящее имя. Его другое прозвище Кампеадоръ (campeador, болѣе древняя форма campiator, въ переводѣ одного латинскаго поэта campidoctor, до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ былинному выраженію *поленица)* было усвоено имъ еще при жизни: такъ онъ подписывался на нѣкоторыхъ актахъ.

Извѣстно, что не всегда съ достовѣрностью можно опредѣлить причины, почему именно то, а не другое историческое лицо стало героемъ народной поэзіи; но мы всегда должны предполагать существованіе такихъ спеціальныхъ причинъ. Въ данномъ случаѣ мы не нуждаемся въ предположеніяхъ: передъ нами рядъ фактовъ, прямо указывающихъ на то, что Родриго Діацъ имѣлъ полное право стать центромъ національнаго творчества испанцевъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставить эффектность его подвиговъ: небогатый дворянинъ завоевываетъ цѣлыя царства, еще въ ранней молодости рѣшаетъ судьбу битвъ, судитъ королей, какъ богатырь побѣждаетъ враговъ въ единоборствѣ *). Затѣмъ трагическій элементъ въ его судьбѣ: измѣнническое убійство его покровителя, ссоры съ королемъ, лишеніе владѣній, изгнаніе тоже не мало способствовали его поэтической славѣ: всѣ центральные герои народныхъ эпосовъ носятъ такую трагическую окраску. Вспомнимъ Роланда, королей бургундскихъ, Рустема, Раму и пр. Далѣе, его генеалогическая связь съ королями Испаніи тоже должна быть поставлена въ число мотивовъ: нашъ Никита Романовичъ исключительно ей обязанъ идеализаціей. Какъ непокорный вассалъ, Сидъ герой феодальнаго дворянства; а

*) Онъ побѣдилъ пампелунца Химено Гарсіа и какого-то сарацина въ Медина-Цели.

Digitized by Google

когда подняло голову среднее сословіе, вспомнили незнатное происхожденіе отца его, и Сидъ сталъ героемъ горожанъ.

Не смотря на все это, первый по времени дошедшій до насъ поэтическій памятникъ славы Сида не имѣетъ ничего общаго съ національною поэзіей: это—алкео-сафическая латинская поэма, сочиненная какимъ нибудь монахомъ XII вѣка. Мы видѣли выше (стр. 72), что наканунѣ арабскаго завоеванія научная культура Испаніи стояла очень высоко; припомнимъ хотя одного Исидора Севильскаго, многоученыя «этимологіи» котораго пользовались огромной популярностью въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; мы увидимъ ниже въ этой главѣ, что слѣды этого латинскаго образованія остаются въ Испаніи даже до XIV вѣка; тѣмъ болѣе въ XII в. спорадически встрѣчались очень ученые по своему времени клерики. Авторъ латинской поэмы о Сидѣ знаетъ Гомера, Париса, Энея и желаетъ прославить своего героя въ томъ же стилѣ и тѣмъ же размѣромъ, какъ Горацій прославлялъ Августа *); само собою разумѣется, что его стилистика и метрика оставляютъ желать многаго. Поэтъ обнимаетъ всю жизнь своего героя, но скорѣй упоминаетъ, чѣмъ разсказываетъ, объ его подвигахъ; болѣе подробно говоритъ онъ объ его несогласіяхъ съ королемъ Альфонсомъ и его подвигахъ въ мавританской Испаніи.

Но въ томъ же XII в. подвиги Руи Діаца воспѣвались народными пѣвцами: въ хроникѣ объ Альфонсѣ VII поминается «Родриго, всегда называемый Mio Cid, о которомъ поютъ, что враги никогда не побѣждали его; онъ укрощалъ и мавровъ, и нашихъ графовъ» **).

Mio Cid (мой Сидъ) называется почти всегда Родриго Діацъ въ древнѣйшемъ и важнѣйшемъ памятникѣ испанской поэзіи, эпической поэмѣ XII вѣка, слѣдующаго содержанія:

Поэма дошла до насъ только въ одной рукописи начала XIV в. **), гдѣ

*) Вотъ начало его поэмы:

Eia! laetando populi catervae,
Campi-Doctoris hoc carmen audite!
Magis qui ejus freti estis ope,
Cuncti venite!
Nobiliori de genere ortus,
Quod in Castella non est illo majus;
Hispalis novit et Iberum litus
Quis Rodericus.

**) Rodericus, Mio Cid semper vocatus,
De quo cantatur, quod ab hostibus haud superatur,
Qui domuit Mauros, comites domuit quoque nostros.

**) По другимъ, начала XIII вѣка. Рукопись заканчивается припиской: Per Abbat le escribio en el mes de Mayo en Era de Mill ê CC... XLV anos. Послѣ второго C что-то выпало, или c или è; въ первомъ случаѣ надо читать 1345 годъ испанской эры, т.-е. 1307 общехристіанской (испанцы считали отъ эпохи цезарей); во второмъ 1245, т.-е. 1207.

Digitized by Google

нѣсколько первыхъ листовъ оторвано; вѣроятно, въ нихъ разсказывалось, за что, по клеветѣ враговъ, Сидъ подвергся королевскому гнѣву. Въ настоящемъ своемъ видѣ поэма начинается съ момента отъѣзда Сида изъ своего зàмка Виваръ: «Закапали изъ глазъ его слезы, когда онъ, оглянувшись, увидѣлъ распахнутыя двери, ворота безъ засововъ, пустыя вѣшалки, охотничьи насѣсти безъ соколовъ и линялыхъ кречетовъ. Вздохнулъ мой Сидъ, потому что велико было его горе, и сказалъ онъ умно и къ мѣсту: «Благодарю тебя, Боже, Царь небесный! вотъ что мнѣ сдѣлали мои злые враги!» Сидъ пріѣхалъ въ городъ Бургосъ, гдѣ у него былъ свой домъ. Жители Бургоса высоко чтятъ Сида, но боятся гнѣва короля, который запретилъ давать изгнаннику пристанище. Смотрятъ бургосцы на Сида въ окна и говорятъ: «О, еслибъ у такого вассала былъ добрый господинъ!», а выдти и помочь ему не смѣютъ. Даже свой собственный домъ нашелъ Сидъ наглухо запертымъ. Только одинъ добрый бургосецъ, Мартинъ Антолинецъ, снабдилъ Сида и его свиту хлѣбомъ, виномъ и всякою провизіей: но онъ рѣшился покинуть Бургосъ и связать свою судьбу съ судьбой Сида.

Сиду, еще вчера могучему владѣльцу Вивара и другихъ земель, а нынче изгою—одинъ только выходъ: надо идти въ мавританскую Испанію и добывать хлѣбъ войною. Но для войны нужна дружина, а для набора и содержанія дружины нужны деньги, которыхъ у него нѣтъ. Надо ихъ достать во чтобы то ни стало. Вотъ онъ вмѣстѣ съ Мартиномъ Антолинецомъ поднимается на выдумки: они берутъ два пустыхъ сундука, наполняютъ ихъ пескомъ и каменьями, покрываютъ красною кожей и обиваютъ золочеными гвоздями. Мартинъ отправляется къ богатымъ бургосскимъ евреямъ Рахелю и Видасу и предлагаетъ имъ скрыть у себя сокровища Сида, а ему подъ ихъ залогъ выдать наличныя деньги. Евреи были очень рады и согласились дать клятву цѣлый годъ не открывать сундуковъ, выдали Сиду 600 марокъ, а когда Мартинъ попросилъ у нихъ подарка, какъ посредникъ они, считая дѣло для себя очень выгоднымъ, дали и ему 30 марокъ.

Прежде чѣмъ покинуть родину, Сидъ желаетъ проститься съ женой и дѣтьми. Донья Химена и ея двѣ дочери проживали въ это время въ монастырѣ Петра Карденскаго. Пріѣхавъ туда, Сидъ далъ аббату денегъ на содержаніе своей семьи: если не хватитъ, просилъ тратить свои, обѣщая вознаградить монастырь вчетверо, и ласково, нѣжно простился съ Хименой. А Мартинъ Антолинецъ тѣмъ временемъ набиралъ ему дружину: многіе оставляли свои дома и даже владѣнія, спѣша подъ прославленное знамя Сида. Ласково встрѣчалъ ихъ Сидъ и обѣщалъ, если Богъ ему поможетъ, вознаградить ихъ вдвое за то, что̀ они потеряли; всѣхъ ихъ собралось до 800 копій (т. е. всадниковъ) и много пѣшихъ и конныхъ.

Покинувъ владѣнія короля Альфонса, Сидъ напалъ на мавританскій зàмокъ Кастейонъ и взялъ въ немъ большую добычу; но не желая оставаться по сосѣдству съ Альфонсомъ, вскорѣ пошелъ дальше. Счастіе вездѣ ему благопріятствовало. Когда онъ овладѣлъ зàмкомъ Алькосеромъ, мавры послали просить помощи у короля Валенсіи и осадили Сида. Опасаясь недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, Сидъ предложилъ своимъ сдѣлать вылазку; хотя христіанъ было и меньше, они съ радостью на это согласились. Въ битвѣ, когда знамя Сида подверглось опасности, онъ кричитъ въ гордомъ сознаніи своего достоинства: «Рубите, рыцари, рубите! Вѣдь я Руи Діацъ, Сидъ кампеадоръ виварскій!» Ахъ, еслибъ вы видѣли, восклицаетъ поэтъ, какъ бѣлые значки покраснѣли отъ крови, какъ лошади скакали безъ всадниковъ! Мавры кричатъ: «Магометъ»! Христіане кричатъ: «Святой Яковъ!» Въ короткое время пало 1,300 арабовъ.

Добыча была огромна; на долю Сида—онъ получилъ королевскую пятую часть—досталось 300 коней. Изъ нихъ отдѣлилъ онъ 30, призвалъ къ себѣ одного изъ

Digitized by Google

дружинниковъ—Минайю, и сказалъ ему: «Послушайте, Минайя, вы моя правая рука. Я хочу васъ послать въ Кастилію съ извѣстіемъ объ одержанной нами побѣдѣ къ королю Альфонсу, у котораго я въ опалѣ. Я хочу послать ему въ подарокъ 30 коней, осѣдланныхъ и взнузданныхъ, въ богатой сбруѣ: у каждаго на сѣдельной лукѣ по мечу. Вотъ вамъ золото и серебро, полный кошелекъ. У св. Маріи бургосской заплатите за 1000 обѣдень, а что останется, отдайте моей женѣ и дочерямъ; пусть они молятся за меня денно и нощно.» Когда Минайя прибылъ съ подаркомъ къ королю, Альфонсъ пріятно улыбнулся. «Да помилуетъ васъ Богъ, сказалъ онъ: кто это даритъ мнѣ коней?»—«Мой Сидъ Руи Діацъ, въ добрый часъ опоясавшій свой мечъ, побѣдилъ въ одной битвѣ двоихъ мавританскихъ королей, сказалъ Минайя. Сеньоръ, добыча огромна. Вамъ, уважаемый король, онъ посылаетъ этотъ подарокъ. Онъ цѣлуетъ у васъ ноги и руки и молитъ васъ смиловаться надъ нимъ.» Король отвѣчалъ: «Слишкомъ рано: опальный не можетъ черезъ три недѣли войти въ милость своего сеньора. Но такъ какъ это добыто у мавровъ, я принимаю подарокъ и съ удовольствіемъ узнаю о томъ, что сдѣлалъ Сидъ». За-то король снялъ опалу съ Минайи и позволилъ всѣмъ, кто пожелаетъ, идти сражаться подъ знаменемъ Руи Діаца. Минайя вернулся къ Сиду, ведя съ собою 200 всадниковъ и множество пѣхотинцевъ. «Боже! какъ возвеселилось все войско, что прибылъ Минайя и привезъ всѣмъ поклоны отъ ихъ братьевъ и сестеръ и отъ друзей, которыхъ они оставили!»

Позавидовалъ успѣхамъ Сида графъ Раймондъ Барселонскій и напалъ на него съ войскомъ, въ которомъ были и христіане, и мавры. Раймондъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Не хотѣлъ онъ отъ огорченія принимать пищи, но Сидъ великодушно возвратилъ ему свободу. «За-то изъ всего, что вы потеряли, говорилъ онъ графу, я не возвращу вамъ ни малой денежки, потому что все это нужно мнѣ и моимъ вассаламъ, которые пошли за мной бѣдняками.» Графъ, отъѣзжая, оглядывался назадъ: онъ боялся, что Сидъ раздумаетъ и воротитъ его. Но Сидъ никогда не совершитъ неправды.

Цѣлыхъ три года воевалъ Сидъ съ маврами; днемъ онъ спалъ, а ночью отправлялся въ набѣгъ. Наконецъ, увеличивъ свое войско новыми пришельцами, онъ осадилъ Валенсію и на десятый мѣсяцъ взялъ ее. «Кто можетъ сосчитать золото и серебро, которое досталось тогда людямъ Сида? Всѣ пѣхотинцы стали всадниками, всѣ разбогатѣли. Мой Сидъ получилъ пятую часть: ему досталось 30,000 марокъ серебра; остального и не сосчитаешь.» Сидъ сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ. «Слава Богу и его святой матери, говоритъ онъ самодовольно: у насъ теперь больше людей, чѣмъ когда мы оставляли замокъ Виварскій.» У Сида по счету оказалось 3,600 человѣкъ, «которые ѣдятъ его хлѣбъ».

Снова посылаетъ Сидъ Минайю къ Альфонсу; на этотъ разъ Минайя ведетъ 100 коней; онъ долженъ выпросить у короля позволеніе для жены и дѣтей Сида пріѣхать въ Валенсію. Король принялъ еще ласковѣе посланника Сида; Химену велитъ онъ проводить съ честью, и всѣ издержки ея путешествія принимаетъ на свой счетъ. Минайя отправился въ монастырь Карденскій; 500 марокъ заплатилъ онъ аббату, а на 500 накупилъ для Химены, ея дочерей и дамъ ея свиты всякихъ нарядовъ въ Бургосѣ. Узнавъ объ его пріѣздѣ, пришли къ нему Рахель и Видасъ и упали ему въ ноги. «Сжальтесь надъ нами, знаменитый рыцарь! говорили они. Сидъ насъ совсѣмъ разорилъ. Мы отказываемся отъ барышей, только бы намъ возвратили капиталъ.»—«Мы обдумаемъ это съ Сидомъ, отвѣчаетъ Минайя: онъ вознаградитъ васъ за все».

Радостно и торжественно встрѣтилъ своихъ Сидъ; онъ выѣхалъ имъ на встрѣчу на своемъ конѣ Бабіекѣ. «Войдите со мною, говорилъ Сидъ, въ эту

Digitized by Google

отчину, которую я пріобрѣлъ для васъ.» Жена и дочери цѣловали его руки и съ нимъ вмѣстѣ вошли на башню Альказаръ, откуда Сидъ показалъ имъ свои владѣнія.

Между тѣмъ, въ Валенсіи уже былъ свой епископъ: пользуясь королевскими правами, Сидъ возвелъ въ это званіе одного мудраго монаха Іеронима, который пришелъ сюда искать счастія въ войнѣ съ маврами.

Зиму Сидъ прожилъ спокойно. Но въ мартѣ пришелъ въ Испанію Юсуфъ, король марокскій, и разставилъ вокругъ Валенсіи свои безчисленныя палатки. Испугались Химена и дѣвушки, увидѣвъ ихъ съ высоты башни; но Сидъ ихъ успокоилъ. „Это къ намъ пришло богатство. Вы только-что пріѣхали, а вотъ вамъ и подарокъ. Мавры несутъ приданое для нашихъ дочерей.“ Передъ сраженьемъ Іеронимъ отслужилъ для войска обѣдню и напутствовалъ воиновъ, сказавъ: „Кто будетъ убитъ, сражаясь лицомъ къ лицу съ врагомъ, тому я даю отпущеніе грѣховъ: Господь возьметъ къ себѣ его душу.“ За обѣдню епископъ выпросилъ себѣ право на первые удары въ битвѣ: и дѣйствительно, онъ сражался въ битвѣ обѣими руками, такъ что совсѣмъ измучился.

Счастливъ былъ для Сида первый день, еще счастливѣе второй. Мавры были разбиты на голову, и весь ихъ станъ достался въ руки побѣдителей.

На долю Сида пришлась огромная добыча, однихъ коней 1500 штукъ. Десятину изъ нея опредѣлилъ онъ для церкви, а 200 коней и палатку марокскаго короля рѣшилъ послать Альфонсу. Минайя былъ посланъ въ Кастилію опять, и еще ласковѣй принялъ его Альфонсъ, а къ ихъ господину Сиду выказалъ великое уваженіе. Тогда-то два принца, донъ Діего и донъ Фернандо, инфанты Каріонскіе, обратились къ королю съ просьбой сосватать за нихъ дочерей Сида. Альфонсъ сознается въ своей несправедливости къ Сиду: „Много зла я ему сдѣлалъ, а онъ мнѣ заплатилъ добромъ. Не знаю, будетъ ли ему пріятенъ этотъ бракъ; но такъ какъ вы того желаете, можно попытаться“. Онъ сообщилъ о желаніи инфантовъ посланнымъ Сида и пригласилъ его самого на свиданіе.

Предложеніе инфантовъ не очень понравилось Сиду: онъ зналъ ихъ за людей гордыхъ и надменныхъ; но рѣшилъ уважить сватовство короля. На рѣкѣ Таго съѣхался Альфонсъ съ Сидомъ. Увидѣвъ своего короля, Сидъ упалъ ему въ ноги. Самъ король смутился такимъ знакомъ покорности. „Встаньте. Сидъ Кампеадоръ, говорилъ онъ: цѣлуйте только мою руку, но пожалуйста не ноги“. Но Сидъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, вымаливая себѣ прощеніе; король простилъ его отъ всего сердца. Сидъ и король угощали другъ друга и рѣшили вопросъ о бракѣ. Сидъ взялъ своихъ будущихъ зятьевъ въ Валенсію и торжественно отпраздновалъ тамъ свадьбу дочерей. Празднество продолжалось двѣ недѣли; инфанты получили огромное приданое. „Здѣсь оканчиваются стихи этой пѣсни, говоритъ поэтъ: да помогутъ вамъ Создатель и всѣ его святые“.

Но на этомъ поэма не оканчивается: слѣдуетъ исторія ссоры Сида съ зятьями, составляющая вторую часть поэмы, которая, можетъ быть, сочинена другимъ лицомъ.

Инфанты Карріонскіе недолго ужились въ добромъ согласіи съ Сидомъ: они были недостойные и трусливые люди; придворные франты чувствовали себя не на мѣстѣ среди воиновъ Сида, которые всѣмъ были обязаны своей храбрости.

Разъ, когда Сидъ спалъ, вырвался изъ клѣтки левъ; воины бросились охранять спящаго господина, а инфанты, страшно перепуганные, запрятались какъ можно дальше. Сидъ проснулся и пошелъ на встрѣчу льву; тотъ оробѣлъ, и Сидъ, будто ручнаго, отвелъ его въ клѣтку. Насилу разыскали зятьевъ. Всѣ такъ смѣялись надъ ними, что Сидъ долженъ былъ вмѣшаться въ дѣло.

Digitized by Google

Снова напалъ на Валенсію марокскій король; всѣ радовались случаю отличиться и разжиться; только инфанты были очень опечалены; самъ Сидъ предложилъ имъ остаться въ Валенсіи. Но они волею и неволею были въ войскѣ во время сраженія, только храбрости большой не показали, и когда Сидъ хвалилъ ихъ, дружина смѣялась втихомолку.

Чтобы не попадать въ такія положенія, инфанты рѣшили уѣхать изъ Валенсіи съ женами и приданымъ. Они еще заранѣе рѣшили отмстить свой позоръ на дочеряхъ Сида; вполнѣ законными женами они ихъ не считали, такъ какъ тѣ были ниже ихъ по происхожденію.

Тяжело было Сиду разставаться съ дочерьми, но онъ не противорѣчилъ рѣшенію зятьевъ. При разставаньи онъ далъ инфантамъ много денегъ и драгоцѣнныхъ одеждъ и, сверхъ того, подарилъ по прекрасному мечу; одинъ мечъ назывался Колада, другой—Тизонъ; Сидъ добылъ ихъ въ битвахъ. Въ провожатые дочерямъ далъ онъ своего племянника Фелеза Муньоза.

Инфанты задумали во время пути совершить свое гнусное дѣло. Доѣхавъ до дремучаго Корпесскаго лѣса они отправили свиту впередъ, сорвали съ женъ верхнее платье, привязали ихъ къ деревьямъ и такъ страшно избили подпругами, что оставили ихъ замертво. Къ счастію, Фелезъ былъ недалеко; онъ нашелъ своихъ двоюродныхъ сестеръ въ безпамятствѣ, привелъ ихъ, какъ могъ, въ чувство, посадилъ на своего коня и, прикрывъ мантіей, отправился съ ними назадъ къ Сиду. Сидъ рѣшился жестоко отмстить инфантамъ, но не самъ собою, а черезъ судъ короля, который сосваталъ его дочерей.

Король принялъ къ сердцу дѣло Сида, созвалъ въ Толедо кортесы и открылъ ихъ такою рѣчью:

„Слушайте, дружина, да сохранитъ васъ Богъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я королемъ, я только два раза собиралъ кортесы, въ первый разъ въ Бургосѣ, во второй въ Карріонѣ. Теперь собралъ я ихъ въ Толедо изъ любви къ моему Сиду, въ добрый часъ рожденному, чтобъ онъ добился правды отъ инфантовъ Карріона. Дурно они поступили съ нимъ; всѣ мы это знаемъ. Судьями будьте графъ донъ Генрихъ и графъ донъ Раймондъ, и вы, прочіе графы, непричастные къ дѣлу, отнеситесь къ нему внимательно, такъ какъ вы способны узнать, на чьей сторонѣ истинное право, а я не хочу никакой несправедливости. На сегодня да будетъ миръ въ той и другой партіи. Клянусь св. Исидоромъ, кто нарушитъ мой кортесъ, будетъ изгнанъ изъ государства и лишится моей любви. Я буду на той сторонѣ, гдѣ будетъ правда. Теперь пусть говоритъ мой Сидъ Кампеадоръ, а потомъ мы узнаемъ, что отвѣтятъ ему инфанты Карріона.“

Сидъ поцѣловалъ руку короля и всталъ: „Благодарю васъ, сказалъ онъ моего короля и господина, за то, что вы ради меня нарядили кортесы. Вотъ чего я ищу на инфантахъ Карріона: что они оставили моихъ дочерей, мнѣ въ томъ нѣтъ безчестія, потому что вы, король, выдали ихъ замужъ, и вы сами знаете, что нужно дѣлать. Но когда они уѣзжали съ дочерьми изъ великой Валенсіи, я, любя ихъ отъ всего сердца и души, далъ имъ два меча: Тизонъ и Коладу. Я добылъ ихъ, какъ баронъ, и далъ имъ, чтобъ они съ ними добыли почетъ и вамъ служили. Но съ тѣхъ поръ, какъ они оставили моихъ дочерей въ дубовомъ лѣсу, они лишились моей любви и мнѣ больше не зятья. Пусть же они возвратятъ мнѣ мои мечи“.

Судьи нашли требованіе справедливымъ, а сторонники инфантовъ подумали, что этимъ все дѣло и кончится, и охотно подчинились рѣшенію.

Забравъ мечи, Сидъ поцѣловалъ руку короля и воротился на свою скамью. Онъ держитъ мечи въ рукахъ и ихъ разсматриваетъ; не могли ихъ подмѣнить,

Digitized by Google

такъ какъ Сидъ хорошо зналъ ихъ. Все тѣло его веселилось; онъ улыбнулся, поднялъ руку къ бородѣ и сказалъ: „Клянусь этой бородой, до которой никто не касался, этими мечами будутъ отмщены донья Эльвира и донья Соль". Онъ позвалъ своего племянника, отдалъ ему Тизонъ и сказалъ: „Возьми его; онъ выиграетъ отъ перемѣны хозяина." Другой мечъ онъ отдалъ Мартину Антолинецу.

Вторично поднялся Сидъ и на томъ же основаніи потребовалъ, чтобъ инфанты возвратили ему 3000 марокъ, которыя далъ онъ въ приданое. Это требованіе труднѣе было исполнить: деньги-то инфанты истратили. Но судъ такъ рѣшилъ, и инфанты часть денегъ заняли, а часть уплатили конями, мулами и оружіемъ.

Опять поднялся Сидъ и на этотъ разъ потребовалъ судебнаго поединка.

Тогда началась перебранка между партіями. Сторонникъ инфантовъ и врагъ Сида, графъ Гарсіа, говорилъ: „Вотъ какую длинную бороду отростилъ Сидъ; однихъ онъ ею пугаетъ, другихъ удивляетъ. А инфанты не такой породы, чтобы дочери Сида могли быть имъ законными женами; стало быть, они всегда могли ихъ оставить." Сидъ отвѣчаетъ: „Что! вы, графъ, корите меня моею бородой. Она длинная, потому что на волѣ росла. Никто не рвалъ ее, какъ я рвалъ вашу въ замкѣ Кабрѣ. Когда я овладѣлъ Каброй, я схватилъ васъ за бороду, и тогда всякій мальчишка щипалъ ее у васъ". Племянникъ Сида, Перо Бермундецъ, и Мартинъ Антолинецъ принимаютъ участіе въ перебранкѣ. На помощь инфантамъ выступаетъ ихъ родственникъ Азуръ Гонзалецъ, который явился на кортесъ, слишкомъ плотно позавтракавъ, съ раскраснѣвшимся лицемъ. „Бароны! говоритъ онъ. Кто знаетъ новыя вѣсти о моемъ Сидѣ Виварскомъ? Не отправился ли онъ въ Ріодовирну толкать свои жернова и собирать деньги за помолъ по своему обыкновенію?" Одинъ изъ сторонниковъ Сида, Муно Густіосъ вызываетъ его за эти слова на поле.

Въ это время къ королевскому престолу приблизились двое знатныхъ иноземцевъ: Ойарра, инфантъ наваррскій, и Энего Хименецъ, инфантъ аррагонскій. Они желаютъ взять за себя дочерей Сида, если тотъ согласится. Съ одобренія короля, Сидъ принимаетъ ихъ предложеніе, если честь его дочерей будетъ возстановлена.

Судьи должны согласиться на требованіе Сида, и черезъ три недѣли назначены три судебныхъ поединка. За честь Сида и его дочерей будутъ биться Перо, Антолинезъ и Густіосъ. Уѣзжая въ Валенсію, Сидъ уговариваетъ ихъ биться хорошенько. „Зачѣмъ говорить такія слова? отвѣчаетъ Антолинецъ. Мы приняли вызовъ, и вы можете услышать о нашей смерти, но не о нашемъ пораженіи."

Всѣ три битвы описаны подробно; правое дѣло восторжествовало, и Сидъ съ честью можетъ выдать замужъ своихъ дочерей.

„Ихъ первые мужья были знатны, а вторые еще знатнѣй, и второе замужство еще почетнѣе перваго. Смотрите, какая честь для рожденнаго въ добрый часъ, когда его дочери стали госпожами Наварры и Арагона! Теперешніе короли испанскіе сродни ему и весь почетъ рожденному въ добрый часъ.

„Онъ покинулъ этотъ міръ въ день Пятидесятницы. Да будетъ къ нему милостивъ Христосъ. Да будетъ и надъ нами его милость!"

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе знаменитой поэмы. Ея отношеніе къ предполагаемымъ пѣснямъ древнѣйшихъ испанскихъ жонглеровъ, къ народному французскому эпосу (chansons de geste), время и мѣсто ея созданія—вопросы спорные, и мы не будемъ входить въ ихъ разсмотрѣніе. Мы только ограничимся указаніемъ на глубокую и живую симпатію къ Сиду, какою она проникнута отъ начала до конца, и на слабую степень поэтической подкраски. «Мой

Digitized by Google

Сидъ» поэмы—сѣдобородый разсчетливый кондотьеръ, мѣщански добродѣтельный мужъ, отецъ и подданный, имѣетъ очень мало общаго съ Сидомъ романсовъ рыцарской эпохи и еще менѣе съ Сидомъ Корнелевой драмы. Къ тому и другому ближе Сидъ «Риѳмованной Хроники».

«Cronica rimada» дошла до насъ въ одной рукописи конца XIV или начала XV вѣка. Стихамъ предшествуетъ небольшой прозаическій отрывокъ, разсказывающій о смерти Пелаго и о первыхъ подвигахъ другого національнаго героя, Фернана Гонзалеца; исторіи того же Фернана посвящены и первые стихи «Хроники». Разсказъ о Сидѣ начинается только съ 280-го стиха.

„Графъ Гормацъ обидѣлъ Діего Лайнеца. Онъ побилъ его пастуховъ и похитилъ стадо. Позвали Діего; онъ прибылъ въ Виваръ, послалъ за братьями и сѣлъ не медля на коня. На восходѣ солнца они отправились къ Гормацу; они жгли пригороды и опустошали все по дорогѣ; уводили вассаловъ и уносили все ихъ имущество, угоняли стада съ полей; для бо́льшаго безчестья они захватили и прачекъ, которыя полоскали въ рѣкѣ. Имъ на встрѣчу выѣхалъ графъ съ сотней благородныхъ всадниковъ. Громко закричалъ онъ сыну Лаина Калва: „Оставь моихъ прачекъ, сынъ мѣщанскаго алькада; вы не осмѣлились бы стоять противъ меня, еслибъ насъ было поровну“. Разгоряченый гнѣвомъ, отвѣчалъ ему Руи Лайнецъ, сеньоръ фароскій *): „Сто на сто готовы мы биться съ вами грудь съ грудью“. Уговорились на счетъ дня и мѣста, возвратили прачекъ и вассаловъ; но не возвратили стадъ; ихъ удержали въ замѣнъ того, что̀ угналъ графъ. Черезъ 9 сутокъ всѣ сѣли на коней. Родригу, сыну дона Діего, внуку Лаина Калва, внуку графа Нуньо Альвареса и правнуку короля Леонскаго, было всего 12 лѣтъ; 13-й только шелъ ему; онъ еще никогда не видалъ сраженія, и сердце у него сильно билось. Онъ сталъ въ число ста бойцовъ, не спрашивая согласія у отца. Онъ и графъ Гормацъ обмѣнялись первыми ударами. Воины стали въ рядъ и начали битву. Графъ не миновалъ смерти: его убилъ Родриго. Сотня приготовилась къ сраженію. На нихъ ударилъ Родрило и не оставлялъ ихъ въ покоѣ. Онъ захватилъ въ плѣнъ двоихъ сыновей графа и отвелъ ихъ въ Виваръ...

Узнавъ о смерти отца и плѣненіи братьевъ, три дочери графа—младшая изъ нихъ была Химена—въ глубокомъ траурѣ отправились въ Виваръ вымаливать братьевъ. Родриго безъ всякаго колебанія исполнилъ ихъ просьбу. «Къ женщинамъ надо быть снисходительнымъ», сказалъ онъ. Молодые люди, добившись свободы, хотѣли было снова начать феодальную войну; но сестра Химена предложила отправиться въ за̀мокъ Цаморv къ королю съ жалобой на Родриго. Со слезами говорила она королю: «Я несчастная женщина: имѣйте ко мнѣ состраданіе. Еще ребенкомъ лишилась я матери. Теперь сынъ Діего надѣлалъ мнѣ много зла: онъ взялъ въ плѣнъ моихъ братьевъ и убилъ моего отца. Къ вамъ, король, обращаюсь я съ жалобой. Сеньоръ, окажите мнѣ справедливость!» Король былъ въ большомъ затрудненіи. «Въ моихъ земляхъ смута, отвѣчалъ онъ просительницѣ: кастильцы могутъ возстать, и тогда они надѣлаютъ мнѣ много зла». Химена цѣловала его руки и сказала: «Я укажу вамъ средство успокоить Кастилію и другія страны; дайте мнѣ въ мужья Родриго, который убилъ моего отца». Совѣтники короля нашли ея предложеніе очень выгоднымъ, и король послалъ за Діего

*) Какъ видно изъ дальнѣйшаго, дядя Сида.

Digitized by Google

и сыномъ звать ихъ къ своему двору. Поблѣднѣлъ Діего, получивъ письмо короля: онъ подозрѣвалъ, что его зовутъ на смерть. «Слушай, сынъ мой, говорилъ онъ Родриго: я не довѣряю этимъ письмамъ и опасаюсь коварства; оно въ обычаѣ у королей. Служи своему королю вѣрой и правдой, но берегись его, какъ смертельнаго врага.»

Донъ Діего хочетъ одинъ отправиться къ королю, а сына отослать въ Фаро; но сынъ несогласенъ на это—онъ отца не покинетъ. Они отправляются въ Цамору во главѣ отряда изъ 300 всадниковъ. Передъ вступленіемъ въ городъ, Родриго велитъ приготовить оружіе и отдаетъ такой приказъ: „Слушайте, друзья, родственники и вассалы моего отца! Служите вашему господину безъ обмана и безъ измѣны. Если вы увидите, что алгвазилъ хочетъ схватить, убейте его, алгвазила. Если вы и самого короля убьете, васъ никто не назоветъ измѣнниками, такъ какъ мы не его вассалы. Измѣнникомъ будетъ король, если онъ убьетъ моего отца за то, что я въ честномъ бою поразилъ нашего врага.»

Діего Лайнецъ поцѣловалъ руку короля, а Родриго не хотѣлъ этого сдѣлать. Шпага у него была длинная, и испуганный король закричалъ: «Уведите этого окаяннаго!» А Родриго сказалъ на это: «Лучше мнѣ гвоздь (въ голову), чѣмъ служба у васъ. Меня сердитъ, что отецъ цѣлуетъ у васъ руку». Король обратился къ графу Озоріо, своему пѣстуну: «Приведите скорѣй дѣвицу и поженимъ этого гордеца».

Родвиго женили, но онъ былъ сердитъ на короля и поклялся, что не поцѣлуетъ у него руки и не увидится съ женой, пока не побѣдитъ въ пяти большихъ битвахъ. Начинается описаніе военныхъ подвиговъ Родриго, который при всякомъ случаѣ напоминаетъ королю о своей независимости. Полонивъ одного маврскаго короля и взявъ богатую добычу, онъ хвастается своимъ успѣхомъ передъ Фернандомъ. «Я все прощу тебѣ, говоритъ король Фернандъ, если ты дашь мнѣ пятую часть своей добычи».—«Объ этомъ нечего и думать, говоритъ Родриго: лучше награжу я этихъ бѣдняковъ за ихъ труды, дамъ, что слѣдуетъ, въ церковную десятину, потому что не хочу быть грѣшникомъ, а изъ своей части дамъ жалованье тѣмъ, которые защищали меня.» За-то Родриго выступаетъ бойцомъ за короля, когда враги требуютъ поединщика. Въ одной изъ битвъ съ маврами погибли отецъ и трое дядей Родриго; онъ жестоко отомстилъ за нихъ.

Вторая половина «Хроники» излагаетъ войну Фердинанда съ Франціей. Король французскій и императоръ германскій потребовали дани съ кастильцевъ. Родриго настаиваетъ на необходимости отвѣчать на это требованіе войной. Подробно исчисляются силы обѣихъ армій. Къ королю французскому, кромѣ императора германскаго, присоединяются еще папа и графъ савойскій. Особенно подробно описываются битвы кастильцевъ съ савойцами. Передъ битвой король Фернандъ обращается къ своимъ съ такою рѣчью: «Бароны! кто сдѣлалъ меня королемъ и господиномъ Испаніи? Ваша скромность, дворяне. Вы назвали меня господиномъ и поцѣловали у меня руку. А вѣдь я такой же человѣкъ, какъ и всѣ вы.» Король хочетъ поручить Родриго свое знамя, но тотъ отказывается; онъ только простой оруженосецъ и не достоинъ такой чести.

Когда графъ савойскій увидѣлъ Родриго съ его отрядомъ, онъ послалъ спросить у него объ его званіи и имени. «Я сынъ купца, иронически отвѣчалъ Родриго; мой отецъ продавалъ сукно; двѣ штуки его досталось мнѣ въ наслѣдство, и я дорого продамъ ихъ» *). Графъ савойскій побѣжденъ и вмѣсто выкупа за себя предлагаетъ Родриго свою красавицу-дочь, но тотъ отводитъ ее въ ставку короля Родриго гордо вызываетъ на бой перовъ Франціи... Поэма не окончена.

*) Выше было сказано, что онъ изрѣзалъ плащъ. на знамя своему отряду.

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что «Риѳмованная Хроника», въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, представляетъ амальгаму изъ нѣсколькихъ поэмъ различнаго времени и достоинства, амальгаму неумѣло составленную и плохо, безграмотно переписанную. Древнѣйшая ея часть—первая половина; изслѣдователи относятъ ея основную редакцію къ концу XII вѣка. Въ ней рѣзко выступаетъ феодальная тенденція, которой совсѣмъ не знаетъ поэма. Ея герой — идеалъ буйныхъ феодаловъ, открыто издѣвающихся надъ королевской властью, уважающихъ только личную доблесть; рыцарство только слегка и только съ внѣшней стороны начинаетъ смягчать ихъ грубые нравы. Канвой для поэта служили народныя сказанія и, можетъ быть, пѣсни о Сидѣ, но онъ переставлялъ и измѣнялъ ихъ по своему произволу. Вторая половина—война съ Франціей—чистая выдумка, обязанная своимъ происхожденіемъ сюжетамъ французскихъ chansons de geste, которые рано стали популярны въ Испаніи. Но эта выдумка, какъ и другіе слѣды французскаго вліянія, пустила въ странѣ глубокіе корни: кромѣ вышеуказанныхъ памятниковъ—поэмы и «Риѳмованной Хроники»,—Сиду посвящена еще цѣлая прозаическая хроника (Cronica del famoso cavallero Cid Ruy Diez Campeador), составленіе которой относятъ къ самому концу среднихъ вѣковъ; въ ней, какъ и въ «Общей Хроникѣ», на которой, какъ полагаютъ, она основана, война съ Франціей играетъ не послѣднюю роль. Битва Сида съ графомъ савойскимъ воспѣвается въ романсахъ, стоящихъ въ литературной связи съ прозаической хроникой.

Переходимъ къ романсамъ о Сидѣ, по которымъ впервые, благодаря переводу Гердера (1805 г.), Европа узнала о существованіи испанскаго эпоса, и которые въ переводѣ Жуковскаго (1832 г.) сдѣлали Сида популярнымъ и у насъ на Руси.

Романсъ есть главная, самая распространенная форма испанской національной поэзіи и единственная стихотворная форма народнаго эпическаго творчества. Все, что находитъ, напр. у насъ, выраженіе въ формѣ былины, исторической пѣсни и духовнаго стиха, и многое такое, что у насъ часто вовсе не находитъ выраженія въ формѣ стиха, а именно сюжеты книжные, не успѣвшіе, какъ говорится, ународиться—все это въ Испаніи находитъ себѣ выраженіе въ пѣснѣ, небольшой по объему, эпической по содержанію, полу-лирической по формѣ, уложенной въ очень удобную и растяжимую метрическую схему. Стихъ романса восьми-сложный, но эти восемь слоговъ могутъ сокращаться до 6 и растягиваться до 9 и 10 слоговъ; точная, звучная риѳма (чрезвычайно облегчаемая музыкальностью языка) съ охотой допускается, но отнюдь не составляетъ необходимости и бо̀льшею частью замѣняется ассонансомъ, который тоже не состав-

Digitized by Google

ляетъ необходимости; стихи съ ассонансомъ перемѣшаны иногда на половину, а иногда и больше, съ стихами бѣлыми *). Въ этой легкой формѣ испанецъ слушаетъ и поетъ о подвигахъ Сида, Бернарда del Carpia **), инфантахъ Лара, Рено Монтобанскомъ, о герояхъ романовъ Круглаго Стола и авантюрныхъ романовъ, объ историческихъ лицахъ своей и чужой исторіи, о чудесахъ Христа, Богородицы и святыхъ, объ Адамѣ, о царѣ Давидѣ, объ Андромедѣ, Пирамѣ и Тизбѣ и пр., и пр. Короче сказать, все, что знаетъ испанскій народъ изъ своего и чужаго прошлаго, онъ находитъ въ своихъ романсахъ. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху крайняго увлеченія народностью, на всѣ романсы смотрѣли какъ на памятники сѣдой старины и продукты народнаго творчества. Но болѣе основательное знакомство съ ними показало, что нѣтъ ни одного романса, который въ своей нынѣшней формѣ восходилъ-бы далѣе XIV вѣка, и что огромное количество романсовъ обязано своимъ происхожденіемъ поэтамъ-грамотникамъ ***). Рукописи романсовъ не восходятъ далѣе XVI вѣка.

Всѣхъ романсовъ, воспѣвающихъ подвиги Сида, извѣстно болѣе 200; между ними старинныхъ, т.-е. относящихся по своей основѣ къ XII, XIII и XIV вѣкамъ, считаютъ около 40; остальные представляютъ переложеніе изъ риѳмованной или прозаической хроники о Сидѣ и другихъ литературныхъ памятниковъ, или искусственное подражаніе стариннымъ романсамъ.

Само-собою разумѣется, что и въ старинныхъ романсахъ характеръ героя не всегда одинъ и тотъ же: въ однихъ онъ добрый, преданный вассалъ, похожій на «моего Сида» поэмы; въ другихъ гордый, самонадѣянный феодалъ—Родриго «Хроники». Первый подвигъ Сида въ романсахъ, какъ и въ «Cronica rimada», убійство графа Гормаца, отца Химены. Но ссора отца Сида съ Гормацомъ передается иначе.

Діего Лайнецъ потерпѣлъ отъ Гормаца великую обиду (по нѣкоторымъ варьянтамъ, Гормацъ далъ ему пощечину); самъ онъ старъ и отмстить не въ силахъ, а въ тоже время не въ силахъ снести и униженія. За него должны отмстить сыновья; по однимъ варьянтамъ, ихъ у него трое и Родриго—младшій; по другимъ, у Діего трое законныхъ дѣтей, а четвертый, Родриго,—bastardo. Чтобъ испытать сыно-

*) Когда въ XVI вѣкѣ стали перелагать въ романсы отрывки изъ хроникъ, для этого часто бывало достаточно самаго легкаго измѣненія конструкціи и замѣны нѣсколькихъ словъ синонимами.

**) О немъ см. выше, стр. 282.

***) Между романсами старинными и вполнѣ ународившимися отличаютъ романсы чисто-народнаго происхожденія и романсы старыхъ жонглеровъ (Puymaigre, II, 258 и слѣд.); но это различеніе не выдерживаетъ критики.

Digitized by Google

вей, Діего призываетъ ихъ къ себѣ и старается вызвать недостойнымъ обхожденіемъ ихъ негодованіе — вяжетъ или крѣпко сжимаетъ имъ руки или, по варьянту, больно кусаетъ имъ пальцы. Старшіе сыновья кричатъ отъ боли и просятъ помилованія; Діего въ отчаяніи; но когда онъ тотъ же опытъ продѣлалъ съ Родриго, послѣдній приходитъ въ страшное негодованіе и грозитъ ему пощечиной *).

По другому варьянту, онъ говоритъ:

Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
Развяжи! когда бъ ты не былъ
Мой отецъ, я не словами
Далъ себѣ тогда бъ управу:
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнулъ;
Мнѣ мечомъ или кинжаломъ
Были пальцы бы мои.

Діего отвѣчаетъ:

Сынъ души моей Родриго!
Скорбь твоя мнѣ исцѣленье,
Грозный гнѣвъ твой—мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее.

Родриго, узнавъ объ обидѣ, вызываетъ Гормаца на поединокъ, убиваетъ его и приноситъ его окровавленную голову къ отцу.

Романсы, какъ и «Cronica rimada», ничего не знаютъ о борьбѣ между чувствомъ долга и любовью — борьбѣ, на которой построена знаменитая пьеса Корнеля. Родриго и Химена не знали другъ друга до убійства Гормаца.

Химена приходитъ къ королю жаловаться на Родриго; онъ не только убилъ ея отца, но и теперь обижаетъ сироту: онъ пускаетъ сокола въ ея голубятню, побиваетъ ея голубей и ихъ кровью окровавилъ ея одежду. Король въ неловкомъ положеніи: онъ навлечетъ себѣ большія непріятности, если попытается наказать Сида; но не хочетъ и отказать въ справедливой просьбѣ просительницѣ. Химена сама выводитъ его изъ затрудненія: она проситъ выдать ее за мужъ за Сида: «Онъ мнѣ надѣлалъ много зла; можетъ-быть и сдѣлаетъ что-нибудь доброе». Удивленный король отвѣчалъ: „Я всегда слышалъ, а теперь и самъ убѣдился, что женщины—особенныя созданія. До-сихъ-поръ она требовала отъ меня мщенія, а теперь хочетъ выдти за мужъ за обидчика. Я согласенъ отъ всего и сейчасъ же пошлю Родриго письмо, чтобъ онъ пріѣхалъ сюда.“

Здѣсь можно предположить сліяніе двухъ варьянтовъ: по одному, Химена требуетъ мщенія, по другому — руки Сида; рѣчь короля о

*) Un bofeton le ha amagado.

Digitized by Google

женской непослѣдовательности присочинена позднѣе. Но такое сліяніе, если оно дѣйствительно произошло, надо отнести къ очень древней эпохѣ, такъ какъ оно проявляется, какъ мы видѣли выше, уже въ «Риѳмованной Хроникѣ». Странная непослѣдовательность Химены содержитъ въ зародышѣ исторію любви Химены и Сида, какъ она излагается у драматурговъ. Какъ и въ «Хроникѣ», Сидъ вмѣстѣ съ отцомъ, во главѣ 300 вассаловъ, ѣдетъ къ королю. Люди королевскіе указываютъ на него другъ другу: «Вотъ тотъ, кто убилъ графа Гормаца». Услышавъ это, Родриго говоритъ, поводя очами: «Если есть между вами его родственникъ или другъ, кому горестна его смерть, тотъ пусть выходитъ и спрашиваетъ на мнѣ: я буду защищать свое дѣло хоть пѣшій, хоть на конѣ.»—«Да, поди—спрашивай на такомъ дьяволѣ!» Только въ исполненіе воли отца Сидъ соглашается поцѣловать у короля руку; когда онъ преклонилъ колѣно, отцѣпился его мечъ и упалъ на землю, а король въ ужасѣ воскликнулъ: «Спасите меня, это самъ дьяволъ!»

Изъ этого случая, какъ и изъ изъ многихъ другихъ, можно видѣть, что «Cronica rimada» часто до буквальности сходится съ романсами, но послѣдніе излагаютъ факты поэтической исторіи Сида лучше и понятнѣе.

Нѣсколько романсовъ скорѣй упоминаютъ, чѣмъ подробно излагаютъ, подвиги Сида при жизни короля Фердинанда; за-то они съ большей подробностью говорятъ о супружеской любви Химены къ Сиду. Въ одномъ изъ нихъ Химена письменно жалуется королю, что Сидъ постоянно въ походахъ: «если и пріѣзжаетъ домой, то такой усталый и измученный, что сейчасъ-же засыпаетъ; да и во снѣ снятся ему битвы...»

Вотъ въ извлеченіи два тѣсно связанныхъ по содержанію романса, которые хотя не упоминаютъ даже имени Сида, но неразрывны съ исторіей его дѣятельности въ царствованіе наслѣдника Фердинанда, дона Санчо.

Чувствуя приближеніе смерти, Фердинандъ раздѣлилъ свои земли между сыновьями. Вдругъ въ комнату умирающаго входитъ, въ глубокомъ траурѣ, дочь его Урака. «Есть ли такой законъ, божескій или человѣческій, говоритъ она отцу, по которому слѣдуетъ лишать наслѣдства дочерей въ пользу однихъ сыновей? Развѣ я не законная дочь ваша, что вы все роздали братьямъ? Но и незаконныхъ дѣтей слѣдуетъ обезпечивать. За какую вину наказана я? Чтó скажутъ чужіе народы и ваши подданные, когда они объ этомъ узнаютъ? Какъ я буду кормиться безъ мужа и безъ всякихъ средствъ? Если вы не даете мнѣ своихъ земель, я пойду по чужимъ; чтобы скрыть вину вашу, я не буду называть себя вашею дочерью. Въ одеждѣ

Digitized by Google

странницы буду я, бѣдная, скитаться; но помните, что *путницы* къ святымъ мѣстамъ обыкновенно становятся *распутницами*» *).

Король Фердинандъ, глубоко огорченный такою рѣчью дочери, отдаетъ ей крѣпкій Цзамокъ амору и налагаетъ проклятіе на того, кто попытается отнять у ней ея владѣнія. Всѣ сказали «Аминь!» Только одинъ донъ-Санчо промолчалъ **).

По смерти Фердинанда, Санчо, какъ мы видѣли выше, началъ войну съ своими братьями; ей посвящено сравнительно немного романсовъ. За-то подробно описывается осада Цаморы. Когда Сидъ подъѣхалъ къ слабому пункту крѣпости, Урака съ башни говоритъ ему: «Прочь, прочь, Родриго, гордый кастилецъ! Ты долженъ припомнить то прошлое время, когда у алтаря св. Іакова мой отецъ посвящалъ тебя въ рыцари; я прикрѣпила тебѣ шпоры, чтобы больше было тебѣ чести. Я хотѣла выдти за тебя замужъ, но по грѣхамъ моимъ такъ не случилось; ты женился на Хименѣ Гомецъ, дочери графа Лозано. За нею получилъ ты деньги; за мною ты получилъ бы владѣнія. Хорошо женился ты, Родриго, а могъ бы много лучше жениться. Ты оставилъ дочь короля, чтобы взять дочь его вассала.» —«Если вамъ такъ кажется, госпожа моя, мы можемъ удалить препятствія», отвѣчаетъ Сидъ.—«Грѣхъ будетъ душѣ моей, если я соглашусь на это.» Тогда Сидъ закричалъ своимъ: «Прочь, прочь, мои люди, и пѣхота, и конница! Съ этой башни пронзила меня стрѣла прямо въ сердце и не избыть мнѣ во всю жизнь этой муки.»

Романсы разсказываютъ объ убіеніи короля Санчо и въ страшныхъ краскахъ изображаютъ ту клятву, которую, по требованію Сида, долженъ былъ дать его наслѣдникъ Альфонсъ. «Злую клятву потребовалъ ты сегодня съ меня, Сидъ, говоритъ ему новый король, съ меня, у котораго ты долженъ цѣловать руку. Оставь мои владѣнія, злой рыцарь, и не возвращайся сюда ранѣе года.»—«Это мнѣ нравится, отвѣчалъ Сидъ; это мнѣ очень нравится, потому что это

*) Такъ удачно переводитъ Ѳ. И. Буслаевъ игру словъ оригинала:

....Mas faced cuenta
Que las *romeras* à veces.
Suelen fincar en *rameras*.

Romera—путешественница въ Римъ, потомъ странница вообще; *ramera*—распутница. Въ другомъ романсѣ, представляющемъ варьянтъ къ этому, Урака выражается еще откровеннѣе. „Я буду продавать свое тѣло маврамъ за деньги, христіанамъ изъ милости и что выручу, буду отдавать на поминъ вашей души.“

**) Извѣстно, что представители нѣмецкаго романтизма сдѣлали очень много для популяризаціи средних вѣковъ, но извѣстно также и то, что они представляли средніе вѣка не такими, каковы они были въ дѣйствительности, а подкрашивали ихъ. Иллюстраціей къ послѣднему можетъ служить переводъ этого романса у Жуковскаго, гдѣ скрытъ наивный цинизмъ Уракі.

Digitized by Google

первый приказъ, который ты отдаешь въ своемъ царствѣ. Ты меня изгоняешь на одинъ годъ, а я себя изгоняю на четыре». И Сидъ весело отправился въ изгнаніе съ 300 рыцарей; всѣ они были высокаго рода; всѣ люди молодые; не было ни одной сѣдой головы...»

Сидъ и по романсамъ обманываетъ евреевъ, но не забываетъ о своемъ долгѣ и, расплачиваясь съ ними, проситъ у нихъ извиненія: хоть и былъ въ сундукахъ песокъ, но въ этомъ пескѣ было золото его правды.

По отношенію къ королю Сидъ-изгнанникъ ведетъ себя съ бо́льшимъ достоинствомъ въ романсахъ, чѣмъ въ поэмѣ; посылая ему подарки, онъ явно иронизируетъ надъ нимъ. «Да не приметъ онъ за гордость, говоритъ Сидъ Альфонсу черезъ своего посланнаго, что я данью чужихъ королей плачу долгъ своему; какъ господинъ, онъ отнялъ у меня имѣніе, и я, какъ нищій, плачу ему чужимъ добромъ». Во время примиренія съ королемъ Сидъ не только не унижаетъ себя излишней угодливостью, но самъ ставитъ королю условія: онъ долженъ дать льготы дворянамъ, городамъ и всему народу.

Исторія дочерей Сида и инфантовъ карріонскихъ въ романсахъ пересказывается согласно съ поэмой; только замѣтно вліяніе болѣе мягкихъ и деликатныхъ нравовъ рыцарственной эпохи.

Романсы воспѣваютъ не только живого Сида: онъ и мертвый совершаетъ подвиги. Въ моментъ его смерти Валенсію осаждали мавры. Чтобы не ободрить враговъ радостнымъ извѣстіемъ, тѣло героя набальзимировали, вооруживъ съ головы до ногъ, и выступили изъ города. Мавры были разбиты на-голову.

Уже нѣсколько лѣтъ тѣло Сида въ сидячемъ положеніи находилось въ монастырѣ Петра Карденскаго. Разъ, когда около трупа его никого не было, къ нему подошелъ еврей и такъ разсуждалъ про себя: Вотъ сидитъ могучій герой, къ бородѣ котораго при жизни никто не смѣлъ прикоснуться; а теперь я захочу, такъ возьму его за бороду», и еврей протянулъ-было руку. Вдругъ мертвецъ схватился за свой мечъ и потянулъ его изъ ноженъ. Еврей такъ испугался, что принялъ крещеніе и умеръ монахомъ въ томъ же монастырѣ Петра Карденскаго.

Поэты древнѣйшихъ романсовъ и болѣе самоувѣренные поэты, дерзавшіе передѣлывать романсы и сказанія въ большія поэмы, въ родѣ изложенной поэмы о Сидѣ, представляютъ одинъ потокъ творчества. Одновременно съ ними въ Испаніи, какъ и въ остальной западной Европѣ, существовала тогда другая поэзія, представителями которой были грамотники духовные, вдохновлявшіеся не устнымъ преданіемъ, а книгою французскою или латинскою. Какъ и вездѣ, такъ и въ Испаніи, у нихъ больше логики и послѣдовательности, ихъ

Digitized by Google

стихъ правильнѣе, впослѣдствіи и разнообразнѣе; но, какъ и вездѣ, они большею частью лишены искры творчества, и только долгъ заставляетъ историка литературы и языка читать ихъ произведенія. Впрочемъ, Испанія въ этомъ отношеніи находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ другія страны, по причинамъ, указаннымъ выше: ея духовные поэты чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, соединяютъ фантазію и силу съ литературной обработкой.

Древнѣйшимъ послѣ поэмы о Сидѣ и, можетъ быть, части «Хроники» стихотворнымъ памятникомъ Испаніи считается книга объ «Аполлоніи Тирскомъ», передѣлка старой греческой повѣсти. Такъ какъ греческій текстъ ея утраченъ и слѣд. ей нѣтъ мѣста въ обзорѣ литературы ея родины, а между тѣмъ повѣсть пользовалась огромной популярностью въ средневѣковой Европѣ *), то мы скажемъ о ней нѣсколько словъ въ этомъ мѣстѣ.

Это—греческая сказка, пріуроченная къ нѣсколькимъ очень извѣстнымъ мѣстностямъ и обработанная какимъ-нибудь романистомъ христіанской эпохи, въ родѣ Ксенофонта Эфесскаго (см. выше, т. I, стр. 1293). Она излагаетъ исторію странствованій и приключеній небывалаго царя тирскаго Аполлонія. Отыскивая себѣ невѣсту, онъ пріѣзжаетъ къ царю антіохійскому, который былъ въ связи съ родной дочерью и отталкивалъ жениховъ трудными загадками. Аполлоній разрѣшилъ загадки и чуть не погибъ за это. Спасаясь отъ Антіоха, онъ потерпѣваетъ кораблекрушеніе, нищимъ попадаетъ во владѣнія царя Архистрата, влюбляетъ въ себя его дочь и женится на ней. Приглашенный по смерти Антіоха занять его престолъ, онъ на пути лишается жены, которая обмерла послѣ родовъ и, какъ трупъ, была спущена съ корабля, отдаетъ свою дочь на воспитаніе и снова пускается странствовать. Дочь его, едва не погибая отъ зависти и жадности воспитателей, попадаетъ въ руки морскихъ разбойниковъ, а отъ нихъ въ публичный домъ, гдѣ однакоже успѣваетъ сохранить свою невинность. Повѣсть оканчивается счастливо: Аполлоній сперва находитъ свою дочь, а потомъ и жену, и дѣлается царемъ въ Антіохіи.

Помимо интереса содержанія, повѣсть одолжена своей популярностью тому обстоятельству, что попала въ распространеннѣйшій латинскій сборникъ анекдотовъ и повѣстей, извѣстный подъ названіемъ «Римскихъ Дѣяній» (Gesta Romanorum) **). Не опредѣлено, заимствованъ-ли испанскимъ поэтомъ сюжетъ изъ древнѣйшей редакціи этого

*) Въ XVII в. она переходитъ и къ намъ въ Россію. Ея русскій текстъ напечатанъ въ Лѣтописяхъ Тихонравова. I. Матеріалы 1—33 и въ Изд. Общ. Люб. древней письм. См. о немъ у Галахова, I, стр. 438 и слѣд. (А. Н. Веселовскаго).

**) Переводъ нѣсколькихъ главъ изъ него см. Кирпичникова: Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы, 265 и слѣд.

Digitized by Google

сборника, или изъ отдѣльной латинской повѣсти, или изъ французской передѣлки. Форма испанской повѣсти—14-сложныя четверостишія; временемъ ея созданія считаютъ начало XIII вѣка.

Таже рукопись, гдѣ нашли «Аполлонія,» заключаетъ въ себѣ двѣ поэмы религіознаго содержанія: «Житіе госпожи св. Маріи Египетской» и «Книгу о трехъ царяхъ восточныхъ», въ которой исторія волхвовъ соединена съ апокрифическимъ разсказомъ о приключеніяхъ св. семейства на пути въ Египетъ. Авторъ «Маріи Египетской» такъ свободно относится къ собственнымъ именамъ (такъ св. Зосима у него обратился въ дона Гозимаса) и въ такихъ живыхъ краскахъ изображаетъ любовныя похожденія Маріи, «дамы прекрасной и гордой тѣломъ», что скорѣй можно приравнять его къ нѣмецкимъ шпильманамъ, обработывавшимъ священные сюжеты, чѣмъ къ стихотворцамъ-монахамъ, слѣдовавшимъ непосредственно латинскому тексту; но съ другой стороны длинныя молитвы, повидимому, указываютъ на его духовное званіе.

Первый испанскій поэтъ, о которомъ мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія,—Гонзало изъ Берсео; онъ родился въ самомъ концѣ XII в., воспитывался въ сосѣднемъ аббатствѣ, былъ священникомъ и умеръ въ шестидесятыхъ годахъ XIII вѣка. Въ однообразныя четверостишія перекладывалъ онъ съ латинскаго, какъ самъ говоритъ, житія мѣстныхъ святыхъ, чудеса Богородицы, знаменія страшнаго суда, разсуждалъ въ той-же формѣ о литургическомъ жертвоприношеніи и проч. Онъ самъ называлъ свои произведенія прозой не въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово, а въ смыслѣ силлабическихъ стихотвореній; но часто по содержанію его произведенія—чистая проза въ современномъ значеніи, сильно напоминающая Отфрида Вейсенбургскаго. Вотъ какъ, напр., онъ толкуетъ, въ дидактической поэмѣ «Del sacrificio de la Misa», о молитвѣ Господней:

Въ этой молитвѣ мы просимъ о семи предметахъ. Три первые вѣчны, четыре послѣдніе окончатся вмѣстѣ съ концомъ міра и находятся въ предѣлахъ времени. Первое моленіе касается небеснаго Отца, имя котораго вѣчно и безсмертно. Второе моленіе относится къ небесному царствію, которое конца не имѣетъ. Въ третьихъ мы просимъ, чтобъ исполненная благословенія воля Господня совершалась на землѣ и на небеси, куда не входитъ тать. Эти три первыя моленія не исполнятся въ этомъ мірѣ, но въ другомъ, гдѣ не слышно словъ раздора и пр.

Но въ другихъ мѣстахъ чувствуется присутствіе если не творчества, то по крайней мѣрѣ художественной изобрѣтательности. Такъ, напр., во введеніи къ чудесамъ Богоматери, авторъ довольно живо описываетъ долину земнаго рая, куда онъ былъ вознесенъ въ видѣніи, птицъ тамъ поющихъ, и пр. Въ толкованіи оказывается, что эта долина — Матерь Божія, птицы — св. Августинъ, св. Григорій и пр. Одна изъ лучшихъ его вещей — разсказъ о страстяхъ Христо-

Digitized by Google

выхъ, вложенный въ уста св. Дѣвы, которая съ нимъ обращается къ св. Бернару.

Къ половинѣ XIII вѣка относится испанская «Александрія»; ея авторъ — Лоренцо Сегура изъ Асторги—въ самомъ началѣ съ гордостью заявляетъ, что его произведеніе не похоже на пѣсни жонглеровъ; онъ будетъ писать по-ученому, въ риемованныхъ четверостишіяхъ, а это дѣло великой науки... Его поэма дѣйствительно дѣлаетъ больше чести его учености и терпѣнію, чѣмъ таланту и изобрѣтательности: въ своемъ огромномъ (ок. 10,000 стиховъ) стихотвореніи онъ пользуется латинской поэмой Вальтера Шатильонскаго (изъ Лилля) и одною, а можетъ быть и нѣсколькими французскими поэмами, при чемъ, какъ всегда бывало при подобныхъ передѣлкахъ, еще болѣе окрашиваетъ македонскаго героя подъ цвѣтъ средневѣковаго человѣка. На основаніи близкой связи Сегуры съ Франціей и другихъ болѣе мелкихъ соображеній, нѣкоторые относятъ его къ слѣдующему періоду испанской литературы, періоду, который начинается съ Альфонса X.

Альфонсъ X, Мудрый или Ученый, родился въ 1226 г. Со стороны внѣшней царствованіе его было рядомъ несчастій отчасти заслуженныхъ. Вслѣдствіе того, что онъ добился не всѣми признаннаго избранія на престолъ Германской имперіи, Испанія преждевременно, далеко не окончивъ внутренняго объединенія, была выдвинута на всемірно-историческую арену. Альфонсъ истощалъ свои силы въ борьбѣ съ сепаратистскими стремленіями отдѣльныхъ частей своего царства, съ маврами, съ родственниками и роднымъ сыномъ, который почти лишилъ его престола. Извѣстное письмо Альфонса, написанное имъ за два года до смерти къ любимцу фецскаго короля Гузману, звучитъ такимъ глубокимъ, отчаяннымъ безсиліемъ, до котораго не опускались и самые недостойные правители. Но по отношенію къ возвеличенію родного языка, національной литературы и науки, Альфонсъ X сдѣлалъ гораздо больше и имѣетъ несравненно большее право дать свое имя вѣку, чѣмъ Августъ или Людовикъ XIV. Онъ еще принцемъ пріобрѣлъ обширную извѣстность своимъ трудолюбіемъ и ученостью; въ семи свободныхъ искусствахъ, въ наукахъ положительныхъ и даже въ наукахъ тайныхъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ вѣка. Въ 1248 г. онъ собралъ до 50 астрономовъ, чтобы съ ихъ помощью исправить Птоломеевы таблицы. Еще при его предшественникѣ Фердинандѣ началось движеніе въ пользу родного языка; ученый Альфонсъ, не слѣдуя примѣру современныхъ ему ученыхъ Франціи и Германіи, которые держались какъ можно дальше отъ profanum vulgus, горячо поддерживалъ народный языкъ. Онъ редактировалъ законы на родномъ языкѣ, которые начали

Digitized by Google

собирать при Фердинандѣ, сдѣлалъ кастильскій языкъ языкомъ судопроизводства и велѣлъ перевести на него Библію. Онъ собиралъ къ своему двору ученыхъ арабовъ и евреевъ, и личнымъ примѣромъ поощрялъ въ аристократіи вѣротерпимость и уваженіе къ наукѣ. Онъ же поддерживалъ тѣсныя связи съ Провансомъ и Франціей, и трубадуры, равно какъ и труверы, находили при его дворѣ публику и цѣнителей. Онъ велѣлъ перевести съ арабскаго «Калилу и Димну», знаменитый сборникъ басень, вышедшій изъ Индіи, и въ составленную отчасти имъ, отчасти подъ его редакціей «Общую Хронику» (Cronica general) внесъ по французскимъ источникамъ исторію молодости Карла Великаго. Такимъ образомъ онъ, возвышая родной языкъ, способствовалъ оживленію испанской мысли и фантазіи, открылъ имъ доступъ къ литературнымъ сокровищамъ Востока и Франціи. И это не было единичное стремленіе, тѣсно связанное съ одной личностью: по приказанію брата Альфонса, съ арабскаго переведенъ другой сборникъ разсказовъ, столь же популярный, какъ «Калила и Димна», «Сендибадъ»; его сыну и врагу Санчо приписывается приказъ составить по французскимъ источникамъ книгу «Великое заморское завоеваніе» (Gran conquista de ultramar), компиляцію, заключающую въ себѣ извлеченіе изъ цѣлаго ряда французскихъ преданій и романовъ, сведенныхъ къ завоеванію Іерусалима Готфридомъ Бульонскимъ. Тотъ же Санчо переводитъ на кастильскій языкъ «Люцидарій» и редактируетъ «Книгу Поученій».

Самому Альфонсу приписывается слишкомъ много для одного, тѣмъ болѣе занятого политикой, человѣка. Кромѣ «Общей Хроники», мы упомянемъ объ его сборникѣ дидактическихъ стихотвореній «Tesoro», его *кантигахъ* въ похвалу Божьей Матери, написанныхъ на галисійскомъ нарѣчіи, и его большой юридическо-моральной энциклопедіи «Семь частей» (Siete partidas), лучшемъ по стилю произведеніи, имѣвшемъ огромное вліяніе на характеръ испанской прозы. Стихотворныя произведенія Альфонса не отличаются внутренними достоинствами, но замѣчательны по формѣ—ихъ метръ провансальскій. Съ этихъ поръ деревенскій жонглеръ, распѣвавшій свои пѣсни передъ рядами воиновъ или въ голой залѣ феодальнаго зàмка, и монахъ, подбиравшій однообразныя четверостишія въ своей кельѣ, уступили мѣсто ловкому тровадору, который распѣвалъ или рецитировалъ свои произведенія въ роскошныхъ салонахъ королей и грандовъ.

Но произведенія этихъ тровадоровъ имѣли только интересъ минуты; гораздо важнѣе для характеристики воззрѣній и идеаловъ средневѣковой Испаніи, также какъ и для исторіи литературныхъ преданій, дидактико-повѣствовательныя произведенія, появленіе которыхъ было въ значительной степени обусловлено арабскимъ вліяніемъ.

Digitized by Google

Первый изъ извѣстныхъ намъ такихъ сборниковъ явился въ Испаніи почти за полтораста лѣтъ до Альфонса Мудраго, на латинскомъ языкѣ: это «Disciplina clericalis» (поученіе клерику), составленное крещеннымъ въ 1106 евреемъ Петромъ Альфонсомъ, докторомъ короля Альфонса VI. Онъ написанъ въ формѣ поученія отца сыну и заключаетъ въ себѣ сказки и апологи, заимствованные главнымъ образомъ изъ арабскихъ источниковъ. Вотъ для образца переводъ нѣсколькихъ разсказовъ, интересныхъ или по своей литературной исторіи, или по изображенію нравовъ эпохи:

II глава. Одинъ арабъ, приготовляясь къ смерти, позвалъ своего сына и спросилъ его: „Скажи мнѣ, сынъ мой, сколько въ продолженіе твоей жизни пріобрѣлъ ты друзей?"—„Я думаю около ста", отвѣтилъ сынъ. Отецъ сказалъ на это: „Философъ говоритъ: не хвали друга, не испытавъ его. Я родился прежде тебя и пріобрѣлъ цѣлую сотню, то поди испытай, кто изъ нихъ истинный другъ".—„Какъ посовѣтуешь ты испытать ихъ?" спросилъ сынъ. „Возьми теленка, убей его и, разрубивъ на куски, положи въ мѣшокъ, такъ чтобы на мѣшкѣ была видна кровь, и когда придешь къ другу, скажи ему: я, милый братъ мой, убилъ человѣка, и домъ мой будутъ обыскивать. Вотъ трупъ; его надо спрятать и зарыть въ землю. Прошу тебя, зарой его тихонько; никто не будетъ подозрѣвать тебя, и такимъ образомъ ты спасешь меня". Сынъ сдѣлалъ, какъ приказалъ его отецъ. Первый другъ, къ которому пришелъ онъ, сказалъ ему: „Повѣсь себѣ мертвеца своего на шею; совершивъ преступленіе, ты долженъ потерпѣть наказаніе; а въ мой домъ ты не войдешь". Онъ обошелъ всѣхъ своихъ друзей по одиночкѣ и вездѣ получилъ одинакій отвѣтъ. Возвратившись къ отцу, онъ разсказалъ ему, какъ было дѣло. Отецъ сказалъ ему: „Надъ тобой сбылось слово философа: друзьями многіе считаются, а въ нуждѣ остается ихъ мало. Ступай къ моему другу и посмотри, что́ онъ тебѣ скажетъ". Онъ пошелъ и сказалъ ему тоже, что и другимъ. „Входи скорѣй въ домъ, говоритъ ему тотъ: эта тайна, о которой не должны знать сосѣди". Потомъ, удаливъ жену и семейство, онъ началъ рыть могилу. Увидѣвъ все готовымъ, сынъ поблагодарилъ его, и разсказалъ, какъ было дѣло. Тогда отецъ сказалъ ему: „Вотъ про такого друга говоритъ философъ: тотъ тебѣ истинный другъ, кто помогаетъ тебѣ, когда свѣтъ тебя покинулъ."

VII глава. Нѣкто, переходя черезъ лѣсъ, нашелъ змѣю, привязанную къ дереву. Онъ отвязалъ ее и согрѣлъ: змѣя, отогрѣвшись, укусила его. „Что̀ ты дѣлаешь? спросилъ ее человѣкъ. Почему за добро платишь зломъ?"—„Я поступаю согласно моей природѣ", сказала змѣя.—„Я тебѣ сдѣлалъ добро, а ты мнѣ за него платишь зломъ", возражалъ ей человѣкъ. Чтобы разрѣшить споръ, они позвали лисицу и разсказали ей по порядку, какъ было дѣло. Тогдо лисица сказала: „Я не могу судить по вашимъ словамъ; мнѣ надо видѣть, какъ въ началѣ было дѣло." И такъ, змѣю снова привязали. „Ты, змѣя, сказала лисица, если можешь, освободись сама, а ты, человѣкъ, не трудись отвязывать ее."

XIV глава. Разсказываютъ про одного дворянина, который имѣлъ чрезвычайно нравственную, прекрасную жену, что ему понадобилось ѣхать въ Римъ; онъ не приставилъ къ ней сторожа, надѣясь на ея цѣломудріе и честность. Жена вела себя чрезвычайно благоразумно и не подавала никакого повода къ подозрѣнію. Случилось, что она должна была выйдти изъ дому, чтобъ посѣтить сосѣдку. Когда она возвращалась домой, ее увидѣлъ одинъ молодой человѣкъ и страстно влюбился въ нее. Онъ посылалъ къ ней много разъ, но ни въ чемъ не успѣлъ. Отчаявшись въ

Digitized by Google

исполненіи своего желанія, онъ впалъ въ тоску и заболѣлъ. Часто ходилъ онъ по улицѣ, желая ее видѣть, но это ему не удавалось. Однажды его встрѣтила старуха и спросила о причинѣ его горести. Юноша сперва отказывался отвѣчать ей. „Кто не хочетъ разсказать свою болѣзнь врачу, сказала ему старуха, тотъ заболѣваетъ еще больше". Тогда юноша разсказалъ ей по порядку все, что случилось. „Съ помощью божіею, я найду тебѣ лекарство", сказала старуха и пошла домой. У ней была собачка, которой она два дня не давала ѣсть, а на третій день дала кусочекъ хлѣба, намазаннаго горчицей. Когда собака его съѣла, отъ горечи глаза ея начали плакать. Взявъ ее съ собой, старуха пошла къ женщинѣ, въ которую былъ влюбленъ юноша. Та приняла ее съ почетомъ. Увидѣвъ плачущую собаку, женщина спросила, отчего это съ ней сдѣлалось? „Другъ мой, отвѣчала старуха, не спрашивай меня; отъ горести я не могу разсказать тебѣ этого". Женщина стала настаивать; тогда старуха объяснила ей: „Эта собачка моя дочь; она была очень красива и чрезвычайно нравственна. Ее полюбилъ одинъ юноша, но она изъ цѣломудрія отвергла его любовь. Тогда тотъ съ горя заболѣлъ, а дочь моя за эту вину обратилась въ собаку". Сказавъ это, старуха зарыдала. „Что же мнѣ дѣлать? спросила въ испугѣ женщина. Я повинна въ такомъ же грѣхѣ; меня полюбилъ одинъ юноша, но я изъ цѣломудрія отвергла его любовь, и онъ теперь боленъ". — „Совѣтую тебѣ, сказала ей старуха, какъ можно скорѣй сжалиться надъ нимъ, а то и ты обратишься въ собаку"; затѣмъ она предложила свои услуги, чтобъ отыскать юношу, за что̀ дама была ей очень благодарна.

XX глава. Два горожанина и мужикъ ходили на поклоненіе въ Мекку. Близь этого города у нихъ не хватило пищи и осталось только немного муки, изъ которой они сдѣлали маленькій хлѣбъ; видя это, одинъ горожанинъ сказалъ другому: „У насъ мало хлѣба, а нашъ товарищъ ѣстъ много; поэтому намъ надо посовѣтоваться, какъ бы воспользоваться его долей". Они рѣшили начать печь хлѣбъ и заснуть, пока онъ будетъ печься; кто изъ нихъ увидитъ лучшій сонъ, тотъ и долженъ одинъ воспользоваться хлѣбомъ. Они надѣялись такимъ образомъ обмануть глупаго крестьянина. Сдѣлали хлѣбъ, положили его на огонь, а сами легли спать. Крестьянинъ, понявъ ихъ хитрость, во время ихъ сна снялъ полуиспеченный хлѣбъ съ огня и съѣлъ его. Одинъ изъ горожанъ, какъ будто испуганный сномъ, проснулся и позвалъ товарища. „Что̀ съ тобой?" спросилъ тотъ.—„Я видѣлъ удивительный сонъ; мнѣ снилось, что два ангела открыли небесныя врата и привели меня къ Богу". Другой сказалъ: „А меня тоже два ангела повлекли въ адъ." Крестьянинъ слышалъ все это, но притворился спящимъ. Они его разбудили, а онъ, какъ будто испуганный, спросилъ: „Кто зоветъ меня"?—„Твои товарищи".— „Развѣ вы уже возвратились?" спросилъ крестьянинъ. — „Откуда намъ возвращаться?"—„А я видѣлъ, что одного изъ васъ два ангела повлекли къ Богу, а другого въ адъ; я думалъ, что никто изъ васъ не возвратится, и съѣлъ хлѣбъ" *).

XXI глава. Мой учитель разсказывалъ мнѣ, что одинъ царь имѣлъ закройщика, которому онъ поручалъ въ различное время дѣлать себѣ платье; а тотъ имѣлъ учениковъ портныхъ, которые искусно шили скроенное имъ. Одинъ изъ нихъ, Недуй, превосходилъ въ искусствѣ всѣхъ другихъ. Однажды, въ праздникъ, царь призвалъ закройщика и приказалъ ему приготовить дорогое платье. Чтобъ оно было сдѣлано скорѣй и безъ помѣхи, онъ приставилъ къ нимъ евнуха, который бы снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Въ одинъ день слуги принесли портнымъ

*) Этотъ разсказъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ большую популярность; онъ даже сдѣлался русскимъ народнымъ анекдотомъ. См. у Аѳанасьева, 37. „Разсказы объ инородцахъ", стр. 480.

Digitized by Google

теплый хлѣбъ съ медомъ, и всѣ, кто былъ тутъ, начали ѣсть. Евнухъ спросилъ: „Почему же вы ѣдите безъ Недуя и не подождете его?“ Хозяинъ отвѣчалъ: „Онъ не сталъ бы ѣсть меда, хотя бы и былъ тутъ“. Возвратясь Недуй сталъ жаловаться, что все съѣли безъ него и ничего ему не оставили. „Хозяинъ твой сказалъ, что ты не ѣшь меду“, замѣтилъ ему евнухъ. Недуй промолчалъ и сталъ думать, какъ бы отплатить своему хозяину. Однажды, въ его отсутствіе, онъ сказалъ тихонько евнуху: „Мой хозяинъ часто въ припадкѣ бѣлой горячки теряетъ разсудокъ и жестоко бьетъ всѣхъ находящихся съ нимъ“.—„Еслибъ я зналъ, сказалъ евнухъ, часъ, въ который съ нимъ это бываетъ, я бы связалъ его, чтобъ онъ не сдѣлалъ никому зла, и отколотилъ бы его ремнями“. Недуй сказалъ ему: „Когда ты увидишь, что онъ будетъ оглядываться въ разныя стороны, бить руками землю, подыматься съ своего мѣста и хватать свою скамейку, знай, что онъ въ безуміи и можетъ разбить кому нибудь голову“. Евнухъ поблагодарилъ Недуя и обѣщалъ предотвратить дурныя послѣдствія. На слѣдующій день Недуй утащилъ у своего хозяина ножницы. Тотъ, отыскивая ихъ, началъ бить рукою по землѣ и оглядываться въ разныя стороны, поднялся съ своего мѣста и схватился за скамейку. Видя это, евнухъ позвалъ своихъ слугъ, приказалъ имъ связать его и, чтобъ онъ не прибилъ кого нибудь другого, началъ его жестоко бить. Закройщикъ кричалъ и спрашивалъ: „За что вы меня такъ колотите?“ А они, молча, принялись еще сильнѣй колотить его. Наконецъ, уставъ, они кинули его полумертваго. Отдохнувъ нѣсколько, онъ спросилъ евнуха, что онъ такое сдѣлалъ. Евнухъ сказалъ ему: „Твой ученикъ, Недуй, предупредилъ меня, что ты часто бываешь въ безуміи, и припадокъ прекращается съ тобой только тогда, когда тебя отколотятъ“. Услыхавъ это, хозяинъ позвалъ Недуя и спросилъ: „Другъ мой! когда ты видѣлъ меня безумнымъ?“ Недуй отвѣчалъ ему также вопросомъ: „А когда ты видѣлъ, чтобъ я не ѣлъ меду?“—Евнухъ и другіе, слыша это, громко засмѣялись и разсудили, что тотъ претерпѣлъ наказаніе по правдѣ.

XXII глава. Одинъ жонглеръ (joculator) пришелъ къ королю; тотъ посадилъ его за столъ вмѣстѣ съ другимъ жонглеромъ; прежде пришедшій позавидовалъ своему товарищу, такъ какъ король и придворные полюбили его больше. Онъ задумалъ какъ нибудь пристыдить его передъ всѣми; для этого онъ тихонько собралъ всѣ кости и положилъ ихъ передъ своимъ товарищемъ; по окончаніи обѣда, онъ показалъ королю эту кучу костей и съ злобнымъ умысломъ сказалъ ему: „Государь, мой товарищъ съѣлъ мясо со всѣхъ костей“. Король косо посмотрѣлъ на того; обвиненный отвѣчалъ: „Государь, я поступилъ по-людски, съѣлъ мясо и оставилъ кости, а товарищъ мой, какъ собака, съѣлъ и мясо, и кости.“

XXIV глава. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ пахалъ на быкахъ; когда тѣ не хотѣли идти по прямой бороздѣ, раздраженный крестьянинъ сказалъ: „Пусть съѣдятъ васъ волки“. Волкъ, слышавъ это, промолчалъ, но когда день склонился къ вечеру, и крестьянинъ возвращался домой, волкъ потребовалъ исполненія обѣщанія. „Я хоть и сказалъ это слово, защищался крестьянинъ, но не подтвердилъ его клятвой“. Волкъ же возражалъ ему на то: „Ты ихъ уступилъ мнѣ, слѣдовательно быки мои“. Наконецъ они рѣшились идти къ судьѣ, и по дорогѣ встрѣтили лисицу. „Куда вы идете?“ спросила лиса. Они разсказали ей все дѣло. „Вамъ не зачѣмъ искать другого судьи, сказала лисица, я васъ разсужу настоящимъ образомъ, если вы на это согласны: я поговорю сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ; если я покончу дѣло мировой, рѣшеніе останется скрытымъ; если же нѣтъ, то будетъ объявлено громко. Они согласились. Отозвавъ въ сторону крестьянина, лисица сказала: „Дай одну курицу мнѣ, а другую женѣ моей, и быки будутъ цѣлы.“ Тотъ согласился; потомъ она отозвала въ сторону волка, и сказала: „По-

Digitized by Google

слушай, мой другъ! за твои достоинства, я, сколько моихъ силъ есть, должна хлопотать за тебя; я уговорила крестьянина, что если ты оставишь въ покоѣ его быковъ, онъ обязуется дать тебѣ сыръ, величиною съ щитъ". Волкъ согласился. „Позволь же, продолжала лисица, увести ему быковъ, а я поведу тебя къ тому мѣсту, гдѣ готовятся сыры, и тамъ ты выберешь, какой хочешь!" Волкъ поддался на ея слова и позволилъ крестьянину увести быковъ; лисица же долго плутала съ нимъ; потомъ, когда совсѣмъ стемнѣло, привела его къ глубокому колодцу, на днѣ котораго отражалась луна, и сказала ему: „Вотъ тотъ сыръ, который тебѣ обѣщанъ; сойди туда и ѣшь его". Волкъ отвѣчалъ ей: „Сойди прежде сама и если одна не подымешь его, позови меня на помощь" Въ колодцѣ висѣла веревка, на каждомъ концѣ которой было по ведру, и они были такъ устроены, что когда одно подымалось, другое опускалось. Замѣтивъ это, лисица, какъ бы снисходя къ просьбѣ волка, влѣзла въ ведро и опустилась вглубь. Волкъ закричалъ ей: „Чтожъ ты не несешь мнѣ сыръ?"—„Онъ очень великъ, отвѣчала лисица: войди въ другое ведро и приди сюда, какъ ты обѣщалъ". Когда волкъ началъ спускаться, лисица, которая была гораздо легче, поднялась кверху и выскочила изъ колодца, оставивъ волка тамъ; а волкъ, отдавшій настоящее за надежду на будущее, съ своими достоинствами потерялъ и быковъ, и сыръ.

Составитель знаменитѣйшаго изъ испанскихъ сборниковъ связанъ съ Альфонсомъ Мудрымъ тѣснымъ родствомъ: донъ Хуанъ Мануэль, авторъ «Графа Люканора», — родной внукъ Фердинанда Святого и племянникъ Альфонса X.

Онъ родился за два года до смерти знаменитаго дяди и воспитанъ своимъ двоюроднымъ братомъ, королемъ Санчо; почти ребенкомъ онъ участвуетъ въ войнахъ съ маврами, а 28 лѣтъ уже состоитъ правителемъ еще не умиротворенной Мурсіи. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ междоусобіяхъ, возникшихъ послѣ смерти Фердинанда IV, во время малолѣтства его наслѣдника Альфонса XI; потомъ возставалъ противъ самого короля Альфонса, который держалъ въ плѣну его дочь. Только въ 1335 г. онъ помирился съ королемъ, сталъ съ этихъ поръ вѣрнымъ подданнымъ и воевалъ только съ маврами. Онъ умеръ въ 1347 г., имѣя двоихъ законныхъ и двоихъ незаконныхъ сыновей.

Онъ оставилъ массу дидактическихъ сочиненій самаго разнообразнаго содержанія: «Объ охотѣ», «О рыцарствѣ», «Книгу наставленій», «Книгу оруженосца», «Хронику» и пр. Онъ писалъ и стихотворенія, но они не дошли до насъ. Самое важное его произведеніе, написанное имъ уже въ старости, — «Книга о Патроніо, или графъ Люканоръ» — есть сборникъ повѣстей, сказокъ, анекдотовъ и апологовъ, соединенныхъ вмѣстѣ такой схемой: графъ Люканоръ, богатый сеньоръ, спрашиваетъ мнѣнія своего приближеннаго Патроніо по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ жизни; тотъ даетъ ему мудрые совѣты и подкрѣпляетъ ихъ разсказами. Сюжеты послѣднихъ отчасти заимствованы авторомъ изъ книгъ, отчасти изъ устныхъ разсказовъ. Хуанъ Мануэль хорошо зналъ по-арабски, такъ

Digitized by Google

какъ долго жилъ на границѣ мавританскихъ владѣній и щедрою рукой черпалъ изъ сокровищницы восточной фантазіи. Разсказчикъ онъ очень талантливый. Вотъ для образца одинъ изъ разсказовъ книги, вмѣстѣ съ введеніемъ и послѣсловіемъ:

Примѣръ 25-й. О томъ, что случилось съ графомъ прованскимъ, и какъ онъ освободился изъ плѣна посредствомъ отвѣта, который далъ ему Саладинъ. Графъ Люканоръ разговаривалъ однажды съ своимъ совѣтникомъ. „Патроніо, сказалъ онъ: одинъ изъ моихъ вассаловъ приходилъ объявить мнѣ о своемъ намѣреніи выдать замужъ дочь и просилъ дать ему возможно лучшій для этого случая совѣтъ; онъ подробно изложилъ, какія партіи ему представляются. Человѣкъ этотъ заслуживаетъ всякого содѣйствія, и такъ какъ ты знаешь все, что касается этого вопроса, то изложи свое мнѣніе о томъ, какой совѣтъ съ моей стороны будетъ для него всего полезнѣе".

— Сеньоръ графъ Люканоръ! отвѣчалъ Патроніо. Я думаю, вы съумѣете дать подходящій совѣтъ отцу невѣсты, если позволите мнѣ разсказать вамъ, что случилось съ графомъ прованскимъ у Саладина, султана вавилонскаго.

— Охотно! сказалъ графъ, и Патроніо началъ такъ: Въ Провансѣ былъ одинъ графъ, человѣкъ очень хорошій, старавшійся угодить Богу и заслужить царство небесное громкими дѣяніями, увеличивающими славу и могущество знатныхъ. Для этой-то цѣли онъ собралъ много воиновъ, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и повелъ ихъ воевать въ Святую Землю. Онъ рѣшился перенести всѣ опасности и смотрѣть на бѣдствія, какъ на жертву, достойную Создателя. Пути Провидѣнія неисповѣдимы; Богу часто бываетъ угодно испытывать своихъ лучшихъ служителей, и если кто выдержитъ испытаніе, обращать бѣдствія къ его выгодѣ и чести. Вотъ почему, желая испытать силу вѣры графа прованскаго, Богъ допустилъ его впасть въ руки султана Саладина. Султанъ, оцѣнивъ по достоинству своего плѣнника, обращался съ нимъ съ большимъ уваженіемъ и такъ привыкъ обо всемъ съ нимъ совѣтоваться, что не приступалъ ни къ какому дѣлу, не поговоривъ съ графомъ. Такимъ образомъ графъ былъ плѣнникомъ только по имени, а жилъ онъ въ такой чести, какъ будто былъ у себя дома; за-то этотъ почетный плѣнъ продолжался столько лѣтъ, что дочь графа, бывшая ребенкомъ во время его отъѣзда съ родины, успѣла вырости. Тогда его супруга графиня и родственники послали извѣстить своего господина и сеньора, что настало время устроить судьбу дѣвушки: они съ тѣмъ же посланнымъ сообщили ему, какіе принцы и могучіе люди домогаются руки ея. Однажды, когда Саладинъ пришелъ къ графу по какому-то своему дѣлу, тотъ, покончивъ послѣднее, обратился къ султану съ такою рѣчью: Господинъ мой! Я получилъ отъ васъ столько милостей и вы выказали мнѣ такое довѣріе, что самое мое горячее желаніе—служить вамъ вѣрой и правдой; но такъ какъ вы позволяете мнѣ давать вамъ совѣты, то позвольте и мнѣ обратиться за совѣтомъ въ весьма важномъ дѣлѣ къ вамъ, какъ къ человѣку, доброту и мудрость котораго я цѣню очень высоко. Султанъ былъ весьма польщенъ такимъ обращеніемъ и отвѣчалъ, что онъ готовъ помочь графу, по мѣрѣ силъ, и совѣтомъ, и всѣмъ другимъ. Графъ объяснилъ ему, что дѣло идетъ о выборѣ партіи для его дочери и назвалъ ему всѣхъ претендентовъ.

— Графъ! сказалъ Саладинъ. Я прямо перейду къ сущности вопроса, такъ какъ имѣю дѣло съ умнымъ человѣкомъ. Вы назвали мнѣ всѣхъ жениховъ, объяснили, кто они такіе, указали на ихъ средства; не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, насколько отдаленны ихъ владѣнія. Но относительно всѣхъ этихъ пунктовъ я ничего не могу сказать рѣшительнаго. Я могу посовѣтовать вамъ только одно: *выдайте вашу дочь за того, кто больше всѣхъ мужчина.*

Digitized by Google

Графъ отлично понялъ, что хотѣлъ сказать Саладинъ. Онъ поблагодарилъ его и отправилъ посланнаго назадъ къ женѣ и родственникамъ, приказавъ собрать свѣдѣнія о всѣхъ дворянахъ страны, не обращать вниманія на степень ихъ богатства и могущества, но исключительно на ихъ внутреннія достоинства, и выслать ему два списка, чтобы на одномъ были записаны принцы и богатые сеньоры, на другомъ простые дворяне. Графиня и родственники очень удивились такому отвѣту, но тѣмъ не менѣе въ точности исполнили требованіе своего сеньора и выслали ему списки, обозначивъ добродѣтели и пороки каждаго изъ претендентовъ. Какъ только графъ получилъ списки, онъ немедленно отнесъ ихъ къ султану. Разсмотрѣвъ ихъ, тотъ замѣтилъ, что въ спискѣ принцевъ и могучихъ сеньоровъ не было ни одного имени, противъ котораго не стояло бы названіе какого нибудь весьма непріятнаго недостатка: одинъ слишкомъ любилъ удовольствія стола, другой—дурное общество, тотъ былъ слишкомъ наклоненъ къ гнѣву, другой не умѣлъ себя держать; этотъ былъ круглый невѣжда и не умѣлъ связать двухъ словъ; короче сказать, это было собраніе всѣхъ пороковъ человѣческаго рода. По мнѣнію Саладина, лучше всѣхъ удовлетворялъ требованіямъ сынъ одного очень благороднаго, но очень небогатаго владѣтеля, имя котораго стояло въ спискѣ простыхъ рыцарей. Султанъ утверждалъ, что ему надо отдать передъ всѣми преимущество, такъ какъ въ этомъ выборѣ надо обращать больше вниманія на благородство крови и на дѣла, чѣмъ на богатство и обширность владѣній. Графъ, ни минуты не колеблясь, велѣлъ сказать графинѣ, чтобъ она выдала дочь за рыцаря, на котораго указалъ Саладинъ. Еще болѣе удивленная, графиня приказала позвать къ себѣ молодого человѣка и передала ему рѣшеніе мужа. Тотъ отвѣчалъ: „Я знаю, что графъ прованскій стоитъ гораздо выше меня, но утверждаю, что еслибъ я былъ богатъ, я былъ бы достоинъ руки всякой, самой высокопоставленной женщины, и если то, что вы говорите, простая болтовня, вы крайне несправедливо оскорбляете меня“. Графиня поклялась ему, что она говоритъ серьозно и разсказала, какъ вавилонскій султанъ Саладинъ посовѣтовалъ графу предпочесть его сыновьямъ королей, потому что онъ больше мужчина, чѣмъ они. Убѣдившись, наконецъ, что тутъ нѣтъ никакого обмана, молодой человѣкъ сказалъ про себя: Такъ какъ султанъ почтилъ меня своимъ выборомъ, то я не былъ бы мущиной, еслибъ не сдѣлалъ того, что должно въ этомъ случаѣ. Подумавъ это, онъ объявилъ графинѣ, что повѣритъ ей вполнѣ, если она сейчасъ же отдастъ въ его распоряженіе все графство и его доходы. О своихъ намѣреніяхъ онъ не сказалъ ни слова. Графиня и родственники исполнили его желаніе. Получивъ въ свои руки богатство и власть, женихъ тайно вооружилъ галеру, велѣлъ перенести на нее большую сумму денегъ, а между тѣмъ приказалъ все приготовить къ свадьбѣ. Въ назначенный день бракосочетаніе было совершено съ большимъ торжествомъ, а вечеромъ, когда настало время молодымъ удалиться, рыцарь велѣлъ позвать графиню и родственниковъ, и отведя ихъ въ сторону, сказалъ имъ: „Вы знаете, какъ и почему графъ, мой господинъ, выбралъ меня въ зятья изъ многихъ болѣе достойныхъ людей. Если я не заявлю себя мущиной, онъ и султанъ Саладинъ будутъ жестоко обмануты. И такъ я долженъ позаботиться о томъ, чтобъ оправдать ихъ довѣріе. Поручаю вамъ эту благородную дѣвушку, со мной обвѣнчанную, и графство: я покидаю ихъ и возвращусь тогда, когда исполню свой долгъ“. Онъ сейчасъ же отправился къ берегу, сѣлъ на галеру и отплылъ, поручивъ себя милосердію Божію.

Онъ прежде всего прибылъ въ Арменію и прожилъ тамъ столько времени, сколько было необходимо, чтобъ изучить языкъ и обычаи страны. Зная, что Саладинъ страстный охотникъ, онъ накупилъ самыхъ лучшихъ собакъ и соколовъ,

Digitized by Google

какихъ только могъ найти, снова сѣлъ на галеру и поѣхалъ къ султану. Онъ бросилъ якорь въ одной маленькой бухтѣ, запретилъ экипажу трогаться безъ его приказа съ мѣста и отправился въ резиденцію Саладина. Султанъ принялъ его ласково, и рыцарь относился къ нему очень почтительно, но тщательно избѣгалъ цѣловать у него руку *) или оказывать ему какой либо другой знакъ подданства. Саладинъ велѣлъ снабдить его всѣмъ необходимымъ, но благоразумный гость ничего не принялъ. „Я пришелъ не ради подарковъ, сказалъ онъ: только ваша великая слава могла меня привлечь. Я хотѣлъ видѣть васъ вблизи, и если вы дозволите, я желалъ бы прожить нѣкоторое время при вашемъ дворѣ и закончить свое образованіе въ школѣ вашихъ служителей. Мнѣ извѣстно, что вы страстный охотникъ; я также привезъ съ собою нѣсколько хорошихъ собакъ и соколовъ. Я былъ бы очень польщенъ, еслибъ вы удостоили выбрать изъ нихъ тѣхъ, которые вамъ наиболѣе понравятся; съ другими я сопровождалъ бы васъ на охоту и постарался бы служить вамъ въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, въ чемъ буду въ состояніи". Саладинъ былъ очень доволенъ такою рѣчью; онъ согласился принять подарокъ отъ гостя; но напрасны были всѣ его усилія заставить гостя взять что нибудь или принудить его разсказать побольше о себѣ или вообще сдѣлать что нибудь такое, вслѣдствіе чего гость былъ бы обязанъ защищать особу султана.

Рыцарь прожилъ при дворѣ Саладина довольно долго, не находя возможности осуществить свои планы. Наконецъ Господь, доводящій всякое желаемое имъ дѣло до конца, доставилъ ему искомый случай. Разъ, когда султанъ былъ на охотѣ, соколы замѣтили двухъ журавлей и за однимъ изъ нихъ погнались по направленію къ той бухтѣ, гдѣ была скрыта галера. Саладинъ сидѣлъ на отличномъ скакунѣ; гость не отставалъ отъ него, такъ что они скоро оставили позади себя султанову свиту. Прибывъ къ мѣсту, гдѣ соколы бились съ журавлемъ, султанъ спрыгнулъ на землю, чтобы помочь своимъ охотничьимъ птицамъ. Въ эту минуту рыцарь подалъ знакъ своимъ людямъ на галерѣ, вынулъ свой мечъ и сталъ въ боевую позу. Султанъ, занятый соколами и журавлемъ, онѣмѣлъ отъ удивленія, когда, поднявъ голову, замѣтилъ людей съ корабля и своего гостя съ мечомъ въ рукѣ. „Какая подлая измѣна!" вскричалъ онъ съ ужасомъ.—„Измѣна? возразилъ рыцарь. Да сохранитъ меня Богъ отъ нея! Вы знаете, что я ничего не получилъ отъ васъ и не могу считать себя обязаннымъ защищать васъ. Оставьте ваши жалобы: все это дѣло вашихъ рукъ". И затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, онъ овладѣлъ особой султана, увлекъ его въ галеру и поднялъ якорь.

Когда они вышли въ море, зять графа прованскаго назвалъ себя. „Такъ какъ вы избрали меня между другими, какъ наиболѣе совершеннаго мужа, то сами увидите, что я принужденъ былъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Теперь я долженъ попросить у васъ одной милости—возвратите мнѣ моего тестя. Я желаю, чтобъ онъ зналъ, что вашъ совѣтъ былъ правиленъ и мудръ, и что онъ поступилъ хорошо, послѣдовавъ ему". Эти слова успокоили Саладина; онъ возблагодарилъ Бога за доблесть иностранца и правильностью своего совѣта гордился болѣе, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ славнымъ дѣяніемъ. „Я даю вамъ слово, сказалъ онъ, что вашъ тесть будетъ вамъ возвращенъ". Въ туже минуту рыцарь велѣлъ грести къ берегу, вышелъ изъ галеры вмѣстѣ съ Саладиномъ, людямъ своимъ приказалъ скрыться, чтобъ ихъ не замѣтили, отыскалъ соколовъ, а когда съѣхались спутники султана, у послѣдняго былъ чрезвычайно довольный видъ, и никто не подумалъ бы,

*) Обычный знакъ вассальнаго подданства. Въ риѳмованной хроникѣ о Сидѣ говорится: „300 всадниковъ цѣловали его руку", т. е. служили ему; пять королевствъ Испаніи цѣлуютъ руку Фердинанда и пр.

Digitized by Google

что онъ только сію минуту былъ въ плѣну. По возвращеніи въ городъ, Саладинъ направился не во дворецъ, а къ своему плѣннику: „Графъ! сказалъ онъ. Слава Богу! Относительно замужства вашей дочери я далъ вамъ такой хорошій совѣтъ, что и самъ не ожидалъ. Вотъ, представляю вамъ вашего зятя, который явился освободить васъ изъ плѣна". И при этомъ онъ разсказалъ ему о ловкости, смѣлости и доблести рыцаря и особенно обратилъ вниманіе на то, какъ онъ благородно довѣрился простому слову своего плѣнника. Всѣ присутствовавшіе начали восхвалять умъ, храбрость и деликатность рыцаря; хвалили также величіе души Саладина, догадливость графа и мудрость Господа, который удостоилъ привести къ благому концу столь прекрасное предпріятіе. Султанъ этимъ не ограничился: онъ сдѣлалъ своимъ гостямъ богатые подарки, а чтобы вознаградить графа за все, что онъ потерялъ во время плѣна, велѣлъ выдать ему вдвое денегъ противъ того, что онъ могъ бы получить съ своихъ земель во все время своего отсутствія; потомъ онъ отпустилъ его въ Провансъ на прекрасной галерѣ, со всевозможными знаками уваженія. Вотъ что случилось съ добрымъ графомъ, послѣдовавшимъ совѣту Саладина выдать дочь за мужчину *).

И вы, сеньоръ графъ Луканоръ, посовѣтуйте своему вассалу, отцу дѣвушки-невѣсты, прежде всего обратить вниманіе на внутреннія достоинства жениха; если ихъ не будетъ, то ни высокое происхожденіе, ни богатство, ни почести будущаго мужа не сдѣлаютъ жену счастливою. Вы должны знать, что мужественный человѣкъ ежедневно увеличиваетъ могущество и богатство своего дома, а безъ мужества все падаетъ и приходитъ въ разрушеніе. Я могъ бы привести вамъ множество примѣровъ того, что сыновья знаменитыхъ людей, не бывшіе достойными высокаго рожденія, уронили блескъ своего дома. И на оборотъ: сколькихъ рыцарей видѣли мы, и богатыхъ, и бѣдныхъ, которые возвысились заслугами и цѣнятся теперь не по тому, отъ кого произошли, а потому, что̀ сдѣлали. Добро и зло, выгода и потеря зависятъ отъ человѣка; отсюда я и вывожу, что на первое мѣсто при оцѣнкѣ должно ставить доблесть, характеръ, умъ и дѣла; если къ внутреннимъ достоинствамъ присоединяется благородство происхожденія, богатство, могущество, то партія будетъ еще выгоднѣе.

Графъ Люканоръ одобрилъ разсужденіе Патроніо; опытъ доказалъ, что оно было мудро и цѣлесообразно. Донъ Хуанъ, находя, что примѣръ этотъ не худо запомнить, приказалъ записать его въ эту книгу и прибавить два стиха, которые говорятъ:

Отъ настоящаго мужчины можно ожидать всего хорошаго,
А безъ мужественнаго сердца ни въ чемъ нельзя имѣть успѣха.

На основаніи сходства стиля и литературныхъ пріемовъ тому же Хуану Мануэлю приписываютъ другой сборникъ, заключающій въ себѣ до 40 разсказовъ и носящій названіе: «Книга примѣровъ» (Libro de los Exemplos)..

Что̀ Хуанъ Мануэль въ области прозы, то Хуанъ Руицъ, обыкновенно называемый протопопомъ Хитскимъ, въ стихахъ: онъ

*) Кальдеронъ воспользовался этой новеллой и сдѣлалъ изъ нея комедію въ три хорнады (три дѣйствія), измѣнивъ, не всегда къ своей выгодѣ, подробности и придавъ молодому рыцарю и пьесѣ имя графа Люканора. Чтобы не переносить часто мѣсто дѣйствія, онъ ввелъ цыганку съ волшебнымъ зеркаломъ, которая показываетъ Саладину, что̀ дѣлается на родинѣ графа; другіе претендерты на руку красавицы тоже пытаются освободить ея отца; герой прикидывается при дворѣ султана наивнымъ дурачкомъ и пр.

Digitized by Google

поэтъ, сблизившій поэзію съ обыденной дѣйствительностью, новеллистъ-стихотворецъ, подобно своему болѣе знаменитому современнику Чосеру пріурочивавшій фабльо труверовъ къ окружавшей его жизни. Онъ одинъ изъ первыхъ представителей того реализма въ искусствѣ, который позднѣе выразился въ Санчо Пансѣ, оборванцахъ Мурильо и въ романѣ съ героями мошенниками, такъ странно уживавшемся на испанской почвѣ рядомъ съ идеальными видѣніями того же Мурильо, съ донъ-Кихотомъ, съ драмой Гильена де-Кастро и пр. Наши свѣдѣнія о біографіи протопопа Хитскаго очень скудны: не извѣстны ни годъ его рожденія, ни годъ смерти. Родился онъ, вѣроятно, въ Алкалѣ Генаресской, проживалъ въ Хитѣ и Гвадалахарѣ, начальству не угодилъ, въ 1337 г. по повелѣнію архіепископа толедскаго былъ посаженъ въ тюрьму и высидѣлъ тамъ 13 лѣтъ; умеръ, вѣроятно, вскорѣ по освобожденіи. Въ тюрьмѣ на досугѣ онъ отчасти написалъ, отчасти редактировалъ свои произведенія; по крайней мѣрѣ стихотворное молитвенное предисловіе къ самому обширному и важному его стихотворенію написано несомнѣнно тамъ. Къ какому поэтическому роду и виду принадлежитъ это стихотвореніе? никто не дастъ на это отвѣта.

Ранняя національная поэзія всѣхъ народовъ, при всей своей кажущейся свободѣ, довольно строго подчинена опредѣленнымъ формамъ, такъ же какъ и жизнь въ то время строго подчинена обычаю, неписанному закону. Съ появленіемъ законовъ писанныхъ—піитикъ—искусство, снова входитъ въ извѣстныя рамки; но этому предшествуетъ переходная ступень развитія, когда субъективное начало беретъ верхъ надъ народнымъ, а піитика еще не выработалась. Въ это время господствуетъ самая необузданная свобода, и въ Испаніи полнѣйшимъ выразителемъ ея является протопопъ Хитскій.

За вышеупомянутымъ молитвенымъ предисловіемъ слѣдуетъ прозаическое предисловіе, въ которомъ онъ доказываетъ, что все, что пишетъ онъ, имѣетъ нравственную цѣль—предостеречь людей отъ пороковъ. Самая поэма заключаетъ въ себѣ изложеніе любовныхъ похожденій отца протопопа и разсказовъ самаго разнообразнаго характера, связанныхъ его размышленіями; тутъ есть и превосходно пересказанные апологи изъ Федра, и извѣстный даже и въ нашей старинной литературѣ разсказъ о преніи мудреца съ простецомъ знаками, и описаніе войны Масляницы съ Постомъ, и пародіи на церковные гимны, и сатирическія выходки противъ монаховъ, и бесѣды автора съ дономъ Амуромъ, и цитаты изъ Катона и Аристотеля и пр., и пр. Въ талантѣ и умѣ автору нельзя отказать, а въ уваженіи къ приличіямъ и нравственной выдержкѣ—можно и даже должно. Одинъ изъ критиковъ удачно называетъ его недоразвившимся и по-

Digitized by Google

давленнымъ суровою дисциплиной испанскаго клира, лицемѣрящимъ Раблэ.

Нѣкоторыя изъ его произведеній, не приплетенныхъ къ большой поэмѣ, показываютъ, что онъ могъ воодушевляться не одной сатирой, но и религіозно-нравственными идеями.

Всего отъ него осталось около 7000 стиховъ, въ которыхъ онъ употребляетъ до 16 различныхъ метровъ; иные изъ нихъ скопированы съ провансальскаго.

Испанская поэзія во второй половинѣ XIV вѣка идетъ по проложеннымъ тропинкамъ. Въ то время, какъ народъ слушалъ романсы жонглеровъ, грамотники читали переложенныя въ стихи и украшенныя цвѣтами краснорѣчія старыя хроники, аллегорико-дидактическія и чисто-дидактическія поэмы, поэты-клерики перелагали въ стихи житія и эпизоды изъ Библіи, но не по старому, а съ литературными замашками, вводными діалогами и размышленіями. Между собратьями поэтами выдается Педро Лопецъ де-Айяла, важный государственный дѣятель нѣсколькихъ царствованій и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени (умеръ 75 лѣтъ отъ роду, въ 1407 г.). Ему принадлежитъ родъ стихотворнаго домостроя или зерцала вѣка: «Риемованная дворцовая книга» (Rimado del Palacio), заключающая въ себѣ и сатирическія выходки противъ современниковъ, и идеалы автора. Ему-же принадлежитъ лучшая хроника того времени.

Въ вымышленныхъ по образцу Тита Ливія рѣчахъ хроникъ конца XIV в. уже сказывается близость новаго времени.

XV вѣкъ въ Кастиліи начинается царствованіемъ Хуана II и открываетъ эпоху особаго, спеціально испанскаго, рыцарскаго возрожденія.

Испанскимъ государямъ-просвѣтителямъ не везетъ въ политикѣ. Хуанъ II былъ почти такъже несчастенъ, какъ и Альфонсъ Мудрый, и всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ внутренними врагами, а закончилъ свое поприще преступленіемъ. Тѣмъ не менѣе въ его буйное царствованіе испанское дворянство жило болѣе полною жизнію, чѣмъ когда-бы то ни было. Вымиравшее въ другихъ странахъ рыцарство здѣсь нашло себѣ благодарную почву; здѣсь устроивались блестящіе турниры, собиравшіе тысячи народа, здѣсь предпринимались самые безумные авантюры, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги Ульриха Лихтенштейнскаго; только теперь здѣсь женщина становится изъ рабыни госпожей, а рыцарь—ея вассаломъ. Здѣсь оживаетъ снова поэзія трубадуровъ; любовное стихотворство становится положительной эпидеміей, отъ которой спасаются немногіе; здѣсь Амадисъ Галльскій вновь вводитъ въ моду рыцарскій романъ и плодитъ безчислен-

Digitized by Google

ныя подражанія, которыя скоро потѣснятъ съ книжныхъ рынковъ Франціи своихъ престарѣлыхъ прародителей.

Но это не есть простое переживаніе потерявшей смыслъ старины: не только рыцарство испанское становится жизненнымъ явленіемъ и обясняетъ подвиги Кортесовъ и Пизарро, но и въ самомъ началѣ оно проникнуто новѣйшими современными идеями, до которыхъ остальная Европа еще не вполнѣ додумалась. Какъ въ зеркалѣ, это отражается въ литературѣ эпохи: не одни трубадуры вызываютъ подражанія, но и Дантъ, поэма котораго была уже тогда переведена на кастильскій языкъ; испанцы переводятъ на родной языкъ «Энеиду», Цицерона, Сенеку, и этими переводами начинаютъ эпоху классическаго возрожденія, которое такимъ образомъ задолго предшествуетъ французскому.

Именно въ силу послѣдняго обстоятельства болѣе подробное изложеніе испанской литературы XV вѣка будетъ на своемъ мѣстѣ не здѣсь, а въ исторіи Возрожденія *).

XV. Литература и наука въ Византіи до латинской имперіи. — Македонская династія. — Фотій. — Константинъ Порфирородный и его вѣкъ. — Симеонъ Метафрастъ. — Общій характеръ письменности въ концѣ X и въ первой половинѣ XI в. — Византійскій народный эпосъ. — Былина объ Армурѣ. — Поэма о Девгеніеѣ. — Византія при Комненахъ. — Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI в. — Состояніе письменности во время крестовыхъ походовъ. — Романъ прозаическій. — Евстафій. — Романы въ стихахъ.

Латинская имперія. — Ея вліяніе на византійскую литературу. — Старый рыцарь. — Исторія Бельтандра и Хризарты. — Исторія Либистра и Роданны. — Византійская литература при Палеологахъ.

Главнѣйшія пособія:

В. Васильевскій: Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI в. Спб. 1881
Gidel: Études sur la littérature grecque moderne. Paris. 1866.
—— Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris. 1878.
Les exploits de Digénis Akritas, par C. Sathas et E. Legrand. Paris. 1875.

*) Нѣкоторыя новѣйшія сочиненія и изданія по литературѣ Испаніи въ средніе вѣка:

Baist: Don Juan Manuel: El libro de la casa. Zum ersten Male hsgb. von—. Halle Niemeyer. 1880. VI, 208.
Dozy: Recherches sur. l'hist. et la littérature de l'Espagne pendant le moyen-âge. Troisième éd. 1881 г. Leyden. Baill. 2 тома.
John Ormsby: Poem of the Cid. A translation from the spanish. With introduction and notes. London. Longmans. 1879.
Rubio y Ors: La littérature catalane. Étude traduite de l'espagnol et précédé d'un aperçu sur la littérature provençale, par Ch. Boy. Lyon. Chateauneuf. XXXIX. 119. 1879.
Vollmöller: Poema del Cid nach der einziger Madrider Handschrift, mit Anmerkungen u. Glossar, neu hsgb. von.—Th. I. Text. 1879.

Digitized by Google

R. Nicolai: Geschichte der byzantinischen oder mittelgriechischen Literatur von Justinian's Thronbesteigung bis auf die Eroberung Constantinopols durch die Türken, 529—1453. Leipz. 1870. (Esch u. Gruber's Encycl.).

Rambaud: L'empire grec au X-me siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris. 1870.

Слово **византійщина** для массы публики имѣетъ весьма неприглядное значеніе, оно—синонимъ узкаго формализма, ограниченности, самодовольной спячки, пустословія, полнаго отсутствія чувства изящнаго и творческой силы. Мы увидимъ ниже, что такое представленіе въ извѣстной мѣрѣ справедливо; но это не даетъ права образованному человѣку отнестись съ полнымъ пренебреженіемъ къ этой темной страницѣ европейскаго прошлаго: несимпатичныя стороны Византіи не могутъ умалить ея огромнаго историческаго значенія. Вотъ какъ говоритъ о послѣднемъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ византійской старины, Альфредъ Рамбо: «Четыре великія расы человѣчества умственно облагодѣтельствованы Византіей:

1) Міръ германскій и вообще западный, гдѣ, послѣ паденія Западной имперіи, Византія продолжала цивилизовать варварскихъ царьковъ.

2) Арабы, ея враги, которые ей обязаны умственнымъ блескомъ Багдада, Салерно и Кордовы.

3) Турки, ея разрушители.

4) Славяне и новые греки, ея наслѣдники и, можетъ быть, мстители.

«Византія повсюду царила, благодаря своей литературѣ, своему искусству, которое долго было искусствомъ Италіи и Запада, которое до сихъ поръ отчасти остается религіознымъ искусствомъ восточной Европы; благодаря своей архитектурѣ, которая вызывала подражанія отъ Перигё до Венеціи и до Москвы; благодаря своимъ законамъ, которые легли въ основу письменнаго законодательства Запада». Византія, по его мнѣнію, охранила Европу отъ варварскихъ вторженій, и изъ этихъ варваровъ, враговъ цивилизаціи, сдѣлала ея пособниковъ. Византіи же Европа обязана великимъ Возрожденіемъ XVI вѣка.

Если малый интересъ къ византійской литературѣ могъ имѣть оправданіе въ то время, когда знали только компиляторовъ въ родѣ Пселловъ, Цецесовъ и т. п., то теперь, когда открытъ, благодаря трудамъ западныхъ и русскихъ ученыхъ, рядъ памятниковъ средневѣковой греческой поэзіи, совершенно свободныхъ отъ подражанія древнимъ, онъ сталъ рѣшительно немыслимъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи работа кладоискателей еще въ полномъ ходу, и подведеніе итоговъ возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Мы оставили Восточную имперію (гл. III, стр. 53) сейчасъ-же по окончаніи великаго раскола—иконоборства, и указали на стремленіе

Digitized by Google

умиротворенныхъ поколѣній воскресить заглохнувшее образованіе. Но въ исторіи, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, что̀ прошло, то назадъ не возвращается, по крайней мѣрѣ не возвращается въ прежнемъ видѣ. Въ борьбѣ иконоборства навсегда погибли остатки эллинской культуры и литературы. Реставрація вызвала на свѣтъ литературу византійскую.

Характерныя особенности византійщины мы надѣемся хоть отчасти выяснить при обзорѣ письменности по періодамъ; теперь-же ограничимся замѣчаніемъ, что въ общемъ она такъ же относится къ литературѣ послѣднихъ временъ римской имперіи, какъ политическая исторія Византіи къ исторіи послѣднихъ вѣковъ императорскаго Рима; и въ политикѣ, и въ письменности мы видимъ чрезвычайно растянутое «продолженіе предыдущей главы» съ нѣкоторыми осложненіями. Уже давно указывали на необыкновенное однообразіе, неподвижность почти тысячелѣтней исторіи Византіи: вѣчно ей угрожаютъ какіе-нибудь варвары, вѣчно въ борьбѣ съ ними она употребляетъ тѣже хитрости, вѣчно умиротворяетъ ихъ своей цивилизаціей, вѣчно ея императорамъ служатъ какіе-нибудь храбрые наемники; состарившіяся династіи вѣчно свергаются грубой революціей и замѣняются свѣжими полу-или совсѣмъ варварскими. Счастіе историковъ, что это однообразіе прерывается на нѣсколько десятковъ лѣтъ латинскимъ завоеваніемъ...

Не трудно замѣтить, что всѣ эти явленія и многія другія составляютъ повтореніе трагическаго конца римскаго государства; но тутъ вошло нѣсколько новыхъ элементовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ могучая, всепроникающая церковь, да, въ силу долговременнаго существованія тѣхъ-же формъ жизни, явились мертвенность и самодовольный формализмъ.

Литература высшихъ культурныхъ классовъ Вазантіи точно также есть многовѣковое пережевываніе стараго, пережевываніе усердное, копотливое; изъ всѣхъ силъ работаютъ ряды поколѣній, толкая впередъ Сизифовъ камень, и работаютъ при благопріятныхъ условіяхъ: нигдѣ, кромѣ развѣ Китая, ученые не были въ такомъ уваженіи, какъ временами въ Византіи — а камень все дальше и дальше сползаетъ внизъ. Но, какъ и въ исторіи, къ старому примѣшивается новое: духъ церковности, прозаичность, рутина и сухой, мертвящій формализмъ.

Начало чисто-византійскаго періода письменности совпадаетъ съ воцареніемъ Македонской династіи (867—1057 г.). Неграмотный проходимецъ, выдвинувшійся изъ ряда придворныхъ служителей благодаря своей физической силѣ, съумѣлъ приблизиться къ трону Михаила III, сталъ любимцемъ императора-пьяницы, женился на

Digitized by Google

его любовницѣ, убилъ своего благодѣтеля и взошелъ, обрызганный кровью, на престолъ Константина Великаго. При всемъ томъ изъ него вышелъ очень хорошій правитель, и вообще время первыхъ императоровъ Македонскаго дома можетъ назваться оазисомъ среди пустыни византійской исторіи. Это время реформъ, хотя отчасти исправившихъ зло предыдущихъ царствованій, время грандіозныхъ построекъ, немного чѣмъ уступающихъ постройкамъ Юстиніана; но вмѣстѣ съ тѣмъ и время развитія церемоніала.

Къ литературѣ и наукѣ первые македонцы относились необыкновенно благосклонно. Василій подъ конецъ жизни выучился писать, а сочинительствовать началъ еще раньше: онъ написалъ книгу «Объ искусствѣ правленія». Адріанопольскій крестьянинъ, бывшій конюхъ, ставъ императоромъ, заказалъ большой семейный портретъ, на которомъ велѣлъ изобразить съ книгами въ рукахъ не только сыновей, но и дочерей. Его сынъ и наслѣдникъ Левъ VI, прозванный Мудрымъ или Философомъ, былъ ученикомъ Фотія; онъ редактировалъ сводъ законовъ, который держался нѣсколько столѣтій, писалъ проповѣди, составилъ книгу о военной тактикѣ; ему приписываютъ сборникъ оракуловъ, съ которыми справлялись чуть не до нашего времени; онъ покровительствовалъ константинопольской школѣ высшихъ наукъ, основанной Бардой (см. стр. 53). Его сынъ и наслѣдникъ Константинъ VII Багрянородный смѣло можетъ дать свое имя цѣлой литературной эпохѣ. Но прежде чѣмъ перейти къ нему и его современникамъ, мы должны остановиться на ученѣйшемъ представителѣ предыдущаго поколѣнія—Фотіи.

Фотій вовсе не былъ исключительно кабинетнымъ ученымъ; онъ состоялъ нѣкоторое время начальникомъ императорской гвардіи (протоспаѳаріемъ), а при Михаилѣ III былъ сдѣланъ главнымъ государственнымъ секретаремъ. Въ 857 г., когда былъ свергнутъ съ патріаршаго престола Игнатій, Фотію предложили занять его мѣсто, причемъ, для соблюденія формальности, онъ долженъ былъ въ нѣсколько дней пройти всѣ низшія церковныя должности. Но папа Николай I не призналъ его патріархомъ; въ отместку за это Фотій собралъ соборъ въ Константинополѣ, отлучилъ папу отъ церкви и обвинилъ всю римскую церковь въ ереси по вопросу объ исхожденіи св. Духа. Въ 867 г., по смерти Михаила, онъ былъ свергнутъ съ престола, на который былъ вновь возведенъ Игнатій, и удалился въ монастырь. Но Игнатій тоже не поладилъ съ папой по вопросу о церковной подсудности вновь обращенныхъ болгаръ, а между тѣмъ Фотій успѣлъ войти въ милость новаго императора Василія *). Когда Игна-

*) Симеонъ Логоѳетъ разсказываетъ, будто онъ съумѣлъ провести въ дворцовую библіотеку книжку собственнаго сочиненія, но искусно поддѣланную подъ старину, въ ко-

Digitized by Google

тій умеръ въ 877 г., Фотій снова занялъ его мѣсто; по вопросу о болгарахъ онъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, какъ и Игнатій, и навлекъ себѣ вторичную анаѳему отъ Рима. Въ годъ восшествія на престолъ своего ученика Льва Мудраго, Фотій былъ снова низверженъ и сосланъ въ одинъ армянскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 892 г.

Самое замѣчательное произведеніе Фотія—«Библіотека или Десятитысячекнижіе» (Μυριοβίβλον), произведеніе характерно-византійское. Полное его заглавіе таково: «Описаніе и перечисленіе прочтенныхъ нами книгъ, числомъ 279, обозрѣніе которыхъ желалъ имѣть нашъ возлюбленный братъ Тарасій». Фотій читалъ книги и изъ иныхъ выписывалъ только заглавія, а изъ другихъ дѣлалъ довольно обстоятельныя извлеченія и прилагалъ къ послѣднимъ свои критическія замѣчанія. Въ этомъ едва ли не первомъ по времени библіографическомъ трудѣ, книги приведены безъ всякаго порядка и методы; рѣчь оратора временъ аѳинской свободы стоитъ рядомъ съ богословскимъ трактатомъ временъ иконоборства, медицинское изслѣдованіе рядомъ съ романомъ, смотря потому, какъ книги попадали въ руки ученаго читателя; даже сочиненія одного и того же автора отдѣлены одно отъ другого десятками и сотнями страницъ. Хотя большинство прочтенныхъ Фотіемъ сочиненій носитъ богословскій характеръ, и свѣтская литература занимаетъ въ «Миріобиблонѣ» второстепенное мѣсто, всеже насчитываютъ отъ 70 до 80 произведеній историковъ, философовъ, ораторовъ, грамматиковъ, романистовъ, географовъ, математиковъ и врачей, о которыхъ безъ книги Фотія мы или имѣли бы самое смутное понятіе, или не имѣли бы никакого. Объ авторахъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ, Фотій часто находитъ случай привести какое-нибудь любопытное біографическое или библіографическое указаніе; это бываетъ и тогда, когда Фотій не даетъ извлеченія изъ самаго сочиненія. Однихъ историковъ, съ потерянными сочиненіями которыхъ онъ знакомитъ насъ, насчитываютъ 27. Другой важный трудъ Фотія—его «Словарь» (Λέξεων συναγωγή), дошедшій до насъ во многихъ сильно различающихся между собою рукописяхъ, какъ и большая часть византійскихъ словарей: дѣло въ томъ, что каждый, кто пользовался словаремъ, вносилъ въ него свои глоссы, которыя потомъ переписчикъ переносилъ въ самый текстъ.

Фотій же составилъ «Номоканонъ», т.-е. сводъ церковныхъ законовъ, которымъ пользовались многія поколѣнія и который легъ въ основу церковнаго права всей восточной церкви.

Наконецъ отъ него дошелъ до насъ рядъ писемъ, изъ которыхъ

торой родъ Василія выводился отъ Тиридата, царя Арменіи. Онъ былъ вызванъ ко двору для обслѣдованія и прочтенія этой книги.

Digitized by Google

иныя имѣютъ значеніе самостоятельныхъ монографій, какъ напр. его письмо о вселенскихъ соборахъ.

Конечно, всѣ эти плоды усердія и начитанности не дали бы Фотію права на столь высокое мѣсто въ литературѣ страны, имѣющей самостоятельное творчество; въ Византіи же Фотій считался не только ученымъ, но и великимъ писателемъ *).

Константинъ VII Порфирородный (912—959) былъ поставленъ въ очень благопріятныя условія для литературно-ученой дѣятельности. Образованіе онъ получилъ прекрасное, средства для пріобрѣтенія книгъ и сношеній съ учеными имѣлъ значительныя, а досугомъ пользовался въ большей степени, нежели самъ того желалъ: сперва за него управляла мать его Зоя, а потомъ его собственный полководецъ Романъ заставилъ сдѣлать себя соправителемъ и совершенно оттеръ отъ государственныхъ дѣлъ своего слабаго монарха; только за 14 лѣтъ до смерти Константинъ получилъ власть въ свои руки. Большую часть жизни своей провелъ онъ въ нижнемъ этажѣ предоставленнаго ему Романомъ Триклиніума Карійскаго, окруженный рукописями, учеными и художниками. Привычка къ работѣ осталась у него и впослѣдствіи: получивъ власть, онъ изъ-за книгъ оставлялъ въ небреженіи дѣла государственныя. Первое, что̀, по его мнѣнію, долженъ помѣстить въ свой багажъ отправляющійся въ походъ императоръ—это походная библіотека. Онъ опредѣляетъ ея составъ, характеризующій духъ того времени: тамъ должны быть, во-первыхъ, Церковный Служебникъ, во-вторыхъ сочиненія древнихъ по военному искусству, по тактикѣ, машиностроенію, и военные историки; въ-третьихъ Сонникъ Артемидора и при немъ трактатъ о примѣтахъ и трактатъ о метеорологическихъ явленіяхъ, имъ самимъ составленный. Въ этомъ каталогѣ выражаются и уваженіе къ древности, и церковная обрядность, и суевѣріе. Изъ произведеній Константина по степени искусства писанія на первое мѣсто надо поставить «Исторію жизни и дѣяній знаменитаго императора Василія, составленную изъ различныхъ разсказовъ его внукомъ Константиномъ, божіею милостію, императоромъ римскимъ». Отъ современныхъ безпорядочныхъ хроникъ это сочиненіе отличается строго выдержаннымъ планомъ и искусно проведенной тенденціей. Оно состоитъ изъ пяти книгъ: 1-ая излагаетъ біографію Василія до воцаренія, 2-ая—его внутреннее управленіе; 3-ья его войны, сперва веденныя на Востокѣ, потомъ на Западѣ; 4-ая говоритъ объ его постройкахъ; 5-я излагаетъ дворцовую исторію послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Авторъ имѣлъ не особенно благодарную цѣль—оправ-

*) ....ut qui litterarum laude illi isto tempore praeferri posset, inveniretur nemo, говоритъ одинъ изъ его позднѣйшихъ почитателей.

Digitized by Google

дать Василія во всѣхъ взводимыхъ на него голосомъ народа преступленіяхъ и представить въ немъ идеалъ человѣка и государя. Онъ не достигъ ея, хотя и пустилъ въ ходъ всевозможные риторическіе и софистическіе пріемы. Вотъ напр. какъ искусно обходитъ онъ фактъ полнаго невѣжества Василія: «Ребенокъ былъ воспитанъ своимъ отцемъ (объ имени его порфирородный правнукъ умалчиваетъ: вѣроятно, оно слишкомъ рѣзко выдавало варварское, можетъ быть, славянское его происхожденіе); его имѣлъ онъ вождемъ въ своихъ дѣйствіяхъ, руководителемъ въ словахъ своихъ, учителемъ и наставникомъ во всѣхъ путяхъ честности и добродѣтели; онъ не имѣлъ нужды ни въ двусмысленномъ Хиронѣ, какъ Ахиллесъ, ни въ законодателяхъ, какъ Ликургъ и Солонъ, ни вообще въ иностранномъ и внѣшнемъ блескѣ образованія; одинъ отецъ упражнялъ его въ дѣлахъ нравственности, въ благочестіи, въ страхѣ божіемъ, въ уваженіи и послушаніи къ родителямъ, въ почтеніи къ старшимъ» и пр. Очень ловко защищаетъ онъ Василія отъ обвиненія въ двойномъ убійствѣ своихъ благодѣтелей: Барды и Михаила. Относительно Барды Василій оказывается чистъ, какъ голубь; только въ исполненіе долга вѣрноподданнаго и съ болью въ сердцѣ возсталъ онъ противъ человѣка, которому былъ обязанъ первыми своими успѣхами. Что же касается до императора, то послѣдній былъ крайне несправедливъ къ нему и угрожалъ его жизни; но не Василій устранилъ его, а вельможи, обязанные защищать цезаря противъ обезумѣвшаго императора, для изображенія гнусныхъ дѣяній котораго авторъ не щадитъ красокъ. Хотя эта софистика и производитъ непріятное впечатлѣніе на читателя, но въ вѣкъ копіистовъ, аббревіаторовъ и сухихъ лѣтописцевъ біографія апологетическаго характера, историческая книжка ad probandum—рѣдкое и въ извѣстномъ отношеніи отрадное явленіе.

Другое сочиненіе Константина—«Объ управленіи имперіей» *) не въ такой степени выказываетъ его литературный талантъ, но за-то имѣетъ огромную историческую важность. Для историковъ, занимающихся судьбами половины народовъ современной Европы, эта книга служитъ точкой отправленія; для русскихъ, для славянъ южныхъ и отчасти западныхъ, для венгровъ онъ тоже, что «Германія» Тацита для нѣмцевъ; безъ нея о печенѣгахъ, хазарахъ и пр. мы имѣли бы только недоступныя провѣркѣ свѣдѣнія нашей лѣтописи.

Книга «Объ управленіи»—родъ политическаго поученія отца сыну. Вотъ что говоритъ объ ея цѣли предисловіе: «Эти вещи я изслѣдовалъ въ своей мудрости и рѣшилъ предложить тебѣ, мой возлюбленный сынъ, къ свѣдѣнію, чтобъ ты позналъ всѣ эти націи, чтобъ ты вѣдалъ, какъ обращаться съ ними и какъ ими управлять, какъ

*) Цитируется обыкновенно подъ латинскимъ названіемъ: De administrando imperio.

Digitized by Google

вести съ ними войну наступательную и какъ оборонительную. И тогда націи будутъ поражены удивленіемъ передъ твоимъ величіемъ и убѣгутъ отъ тебя, какъ отъ лица огня... Всемогущій покроетъ тебя щитомъ своимъ, исполнитъ тебя своей мудрости, поведетъ стопы твои и помѣститъ тебя на несокрушимомъ подножіи» и т.-д. Въ томъ же предисловіи авторъ излагаетъ и планъ книги: во 1-хъ, онъ сообщитъ своему сыну, какіе народы опасны для имперіи и черезъ чье посредство можно укрощать ихъ; во 2-хъ, какъ отдѣлываться отъ ихъ нескромныхъ требованій; въ 3-хъ, онъ будетъ говорить о происхожденіи, нравахъ, учрежденіяхъ разныхъ народовъ, объ ихъ политическихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ имперіи, и наконецъ, въ 4-хъ, онъ изложитъ происшествія и реформы, имѣвшія мѣсто какъ при дворѣ, такъ и въ государствѣ.

Самая важная для исторической этнографіи—часть 3-ья, занимающая главы отъ 14 до 46; изъ этихъ 30 слишкомъ главъ 8 посвящены арабамъ, 6—народамъ романскимъ и германскимъ; 7—народамъ иллирійскимъ: кроатамъ, сербамъ и далматинцамъ; 6 — народамъ странъ сѣверныхъ: Венгріи, Моравіи и др.; 3 послѣднія— Арменіи и Кавказу. О русскихъ Константинъ говоритъ преимущественно въ первой части.

Константину же приписывается книга «О церемоніяхъ византійскаго двора», заключающая въ себѣ описаніе какъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ празднествъ, производства чиновниковъ, придворныхъ увеселеній и пр.,—книга очень любопытная для исторіи культуры, но трудно читаемая въ настоящемъ своемъ видѣ, такъ какъ она переполнена добавленіями и интерполяціями; ея основная часть если не редактирована самимъ Константиномъ, то во всякомъ случаѣ написана въ его время.

Время Константина вообще отличается производительностью: писались въ бо́льшемъ противъ прежняго количествѣ книги по всѣмъ отдѣламъ знанія, доступнымъ византійцу. Мы упомянемъ два дидактическихъ сочиненія, характерныхъ для опредѣленія византійской науки; при немъ появилась на свѣтъ одна книга по земледѣлію, въ которой современный писатель сталъ бы напрасно искать подробностей о состояніи сельскаго хозяйства въ X вѣкѣ, такъ какъ все существенное въ ней есть перефразировка Варрона. Чтоже новаго прибавили десять столѣтій къ свѣдѣніямъ послѣдняго о земледѣліи? А рядъ полезныхъ наставленій, въ родѣ слѣдующихъ: чтобы вино не скисалось, надо написать на бочкахъ «божественныя слова» псалма XXXIV: «Вкушайте и видите, какъ сладостенъ Господь». Или можно тѣ же слова написать на яблокѣ и бросить его въ вино. Чтобы пить много вина безъ опьяненія, надо при первомъ кубкѣ произнести

Digitized by Google

стихъ изъ Гомера: «На высотахъ Иды возгремѣлъ мудрый Зевсъ». Чтобъ оградить свою голубятню отъ змѣй, надо написать на четырехъ углахъ ея имя Адама; отъ порчи плодовъ на деревѣ помогаетъ извѣстный стихъ псалма; отъ паденія съ дерева ихъ можетъ охранить стихъ изъ Гомера и пр.

Съ лучшей стороны представляется новое въ книгѣ о военномъ искуствѣ—тактикѣ *), основныя правила которой тоже заимствованы изъ древнихъ авторовъ; но примѣры взяты изъ современной исторіи, и книга наполнена гуманными изреченіями, которыя привели бы въ изумленіе древнихъ тактиковъ. Такъ, по отношенію къ побѣжденнымъ рекомендуется милосердіе; заявляется, что императоръ покоряетъ народы только для ихъ же блага и свободы. «Въ день битвы армія должна быть свободна отъ всѣхъ земныхъ страстей; ночь, предшествующую сраженію, солдаты должны проводить въ пѣніи псалмовъ; утромъ священники принесутъ безкровную жертву, и вся армія причастится святыхъ таинъ. Такимъ образомъ солдаты пойдутъ въ битву съ бо́льшею бодростью, ибо съ ними будетъ помощь Господа и св. Дѣвы, его Матери». Тактика заключается извѣстной формулой: «нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ аминь».

Изъ всѣхъ сотрудниковъ Константина и трудолюбіемъ, и талантомъ, и вліятельностью по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ произведеній выдѣляется Симеонъ Метафрастъ (т.-е. перелагатель), составитель извѣстнаго сборника «Житій святыхъ», изъ котораго дошла до насъ въ оригиналѣ только незначительная часть. Кто имѣлъ дѣло съ сборниками латинскихъ или русскихъ житій, тотъ имѣетъ полное основаніе думать, что составитель знаменитѣйшаго греческаго сборника—какой нибудь монахъ, настоятель монастыря или по большей мѣрѣ епископъ. Но одна изъ крупныхъ особенностей византизма, объясняемая народнымъ характеромъ и традиціями, заключается въ томъ, что церковными вопросами и духовной литературой интересовались высокопоставленные свѣтскіе люди наравнѣ, а пожалуй даже больше, чѣмъ монахи-аскеты.

Симеонъ занималъ при византійскомъ дворѣ важнѣйшія должности. Въ 904 г. онъ былъ посланъ къ арабскому князю Льву Триголійскому и дипломатическими переговорами достигъ того, что Ѳессалоники были сохранены для имперіи. За это и другія заслуги онъ былъ сдѣланъ первымъ тайнымъ секретаремъ и патриціемъ. По разсказу его панегириста, мысль составить сборникъ житій далъ ему

*) Рамбо приходитъ къ заключенію, что эта книга докончена и редактирована самимъ императоромъ, а первый ея авторъ, такъ-называемый Константинъ Старый—дѣдъ Константина VII.

Digitized by Google

нѣкій Симеонъ Пустынникъ во время его путешествія на островъ Критъ еще въ 903 г.

Пустынникъ угадалъ вѣрно: только человѣкъ съ большой энергіей и большими средствами могъ взяться за это трудное и, по тогдашнему, необыкновенно важное дѣло. Житія святыхъ составляли для массы публики главное назидательно-пріятное чтеніе. Въ интересахъ церкви было сдѣлать его единственнымъ и истребить вкусъ къ романамъ, часто безнравственнымъ и всегда игнорирующимъ христіанскую дѣйствительность. Но крайнія несообразности, сказочность однихъ житій, грубая форма другихъ отпугивали отъ этого рода чтенія людей со вкусомъ и образованіемъ *). Кромѣ того, многіе изъ высокопочитаемыхъ святыхъ вовсе не имѣли житій по-гречески, хотя извѣстно было, что таковыя существуютъ по-сирійски или по-коптски; въ противуположность имъ другія имѣли двѣ или болѣе редакціи, между собою ни въ чемъ несходныя и возбуждавшія въ читателѣ невольныя сомнѣнія. Надо было собрать массу иноязычныхъ и греческихъ рукописей, сравнить редакціи, чтобъ исключить противныя здравому смыслу и исторической вѣроятности, исправить доступныя исправленію, пріурочить ихъ къ опредѣленнымъ историческимъ эпохамъ, и всему, такимъ образомъ выдѣленному, придать приличную по понятіямъ того времени литературную форму. Вотъ какъ говоритъ о задачѣ Метафраста его панегиристъ: «Житія святыхъ или были исполнены лжи, или написаны слогомъ, отнюдь не соотвѣтствующимъ величію предмета; авторы не умѣли описывать съ должнымъ краснорѣчіемъ жестокость и свирѣпость тирановъ, мудрость, съ которою имъ отвѣчали мученники. Полное отсутствіе красоты въ изложеніи, глупыя и лишенныя послѣдовательности мысли, тривіальный и низкій стиль возбуждали веселость или отвращеніе читателя; битвы и трофеи служителей Христа становились предметомъ осмѣянія».

Симеонъ имѣлъ довольно средствъ и охоты для исполненія такой задачи; въ своемъ роскошномъ дворцѣ онъ собралъ много рукописей и сотрудниковъ, и всякій свободный отъ службы часъ посвящалъ излюбленной работѣ; обдуманное онъ диктовалъ нѣсколькимъ скорописцамъ, которые потомъ передавали свои записи каллиграфамъ **). Современники упрекали Симеона за излишнюю простоту; съ нашей точки зрѣнія онъ, напротивъ, грѣшитъ излишнимъ многословіемъ и рито-

*) Масса восточныхъ сказокъ, аллегорическихъ поэмъ неоплатониковъ и полухристіанъ, явныхъ вымысловъ, авторы которыхъ вовсе не претендовали на фактичность, получали въ это время форму или по крайней мѣрѣ надписанія житій.

**) Въ Византіи высокопоставленные авторы рѣдко писали что-нибудь сами, а диктовали сразу нѣсколько экземпляровъ.

Digitized by Google

ричностью; его введенія и размышленія, вставленныя между фактами, очень похожи (генетическая связь понятна) на введенія, которыми украшали русскіе литераторы XVII вѣка житія, дошедшія до нихъ въ болѣе простой и общедоступной формѣ. Что касается до содержанія, то авторъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы поднять кредитъ житій. Онъ исключилъ массу апокрифическихъ чертъ, искусно воспользовался фактами церковной исторіи, чтобы придать вѣроятность разсказамъ, ловкими пріемами прикрылъ бѣдность достовѣрныхъ свѣдѣній и съумѣлъ все представить въ надлежащемъ освѣщеніи.

Мы выше сказали, что въ оригиналѣ отъ Симеона дошло до насъ сравнительно немногое; но нѣтъ сомнѣнія, что потерянныя его житія дали матеріалъ и для греческихъ менологіевъ (святцевъ), и для славянскихъ, и даже для латинскихъ редакцій. Симеону приписывается хроника, доведенная до 963 г. и кѣмъ-то продолженная до второой половины XI столѣтія. Она имѣетъ особенную цѣну потому, что авторъ воспользовался нѣсколькими источниками, которые не дошли до насъ.

Сочиненія Константина, а еще больше того компилятивные труды Фотія и Метафраста опредѣляютъ характеръ византійской письменности во все время Македонской династіи. Преобразованная и улучшенная Константиномъ центральная школа доставляла государству массу образованныхъ чиновниковъ, сенаторовъ и губернаторовъ, которые посвящали свои досуги литературно-ученымъ трудамъ. Это эпоха сборниковъ, энциклопедій, лексиконовъ, антологій и извлеченій; люди точно предчувствуютъ надвигающееся варварство и спѣшатъ сохранить остатки драгоцѣннаго наслѣдія; для исполненія этой задачи у нихъ оказывается достаточно энергіи и способностей. За-то для творческой дѣятельности въ послѣднихъ чувствуется поразительный недостатокъ: нравственныя, философскія и политическія воззрѣнія ихъ крайне невысокаго полета; воображенія нѣтъ совсѣмъ, если не относить на его счетъ сильно развивающееся суевѣріе. Поразительно, какъ мало вліяютъ ихъ работы надъ древними даже на форму ихъ жалкихъ попытокъ: перечитывая и переписывая столько сотенъ страницъ аттической прозы, они, при всемъ желаніи, не выучиваются избѣгать массы идіотизмовъ современной имъ народной рѣчи. Составляя антологіи, выучивая наизусть Гомера и трагиковъ, они не усвоиваютъ себѣ классическаго метра и пишутъ почти исключительно стихомъ политическимъ (см. стр. 48); нечего и говорить о томъ, что по содержанію и стилю ихъ стихотворныя упражненія—чистая проза.

Къ концу Македонской династіи окончательно состоялась давно готовившееся отдѣленіе церквей, и съ тѣхъ поръ два міра—восточный и западный—оказались на нѣкоторое время исключительно предоставленными каждый самому себѣ; да и впослѣдствіи, при новомъ ихъ

Digitized by Google

столкновеніи, понятіе о схизмѣ мѣшало византійцамъ перенимать отъ латинскаго Запада многое хорошее и обусловливало ихъ китайское самодовольство.

Со времени Юстиніана въ обширной греческой монархіи остался только одинъ литературно-ученый центръ—Константинополь, и исторія письменности византійской есть главнымъ образомъ исторія его умственной жизни. Конечно, въ провинціальныхъ городахъ были и учителя, и школы, и писатели, но все это тянуло къ столицѣ. Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, вслѣдствіе политическихъ причинъ, стала замѣтно слабѣть связь столицы съ провинціей, особенно малоазіатской; въ тоже время и въ самой столицѣ обыденный, разговорный языкъ все болѣе и болѣе отдаляется отъ классическаго языка литературы, да и по содержанію продукты этой литературы, за немногими исключеніями, становятся все менѣе и менѣе доступными массѣ публики; нечего и говорить про окраины, куда и въ прежнее время доступъ для книгъ константинопольскихъ былъ затруднителенъ. А между тѣмъ на этихъ окраинахъ жили сотни тысячъ людей, говорившихъ языкомъ Гомера и продолжавшихъ въ это самое время геройскую борьбу съ магометанами за свою вѣру и національность; можно ли допустить, чтобъ они не пытались выразить свое одушевленіе въ поэзіи? Можно ли допустить, чтобъ между ними не нашлось грамотника, который занесъ бы продукты этой поэзіи на бумагу и не попытался придать имъ болѣе сложную, искусственную форму?

Чтó прежде было предположеніемъ, то въ послѣднее время стало фактомъ. У грековъ еще въ X вѣкѣ были свои былины, небольшія пѣсни, воспѣвавшія подвиги героевъ *), и временами онѣ передѣлывались въ поэмы. Это обычныя двѣ формы національной поэзіи, остатки которой дожили до нашихъ дней въ формѣ народныхъ пѣсень; ея языкъ, разумѣется,—живой народный языкъ того времени.

«Нынче особенное небо; нынче особенный день; нынче барченки (τὰ αρχοντόπουλα) выѣдутъ верхомъ; только лишь государя Армура (κὺρ Αρμούρη) сынъ не выѣзжаетъ верхомъ. И тогда-то мальчикъ идетъ къ своей мамѣ: «Пускай ты, мама, на моихъ братьевъ порадуешься! ...Пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься: отпусти меня, мама, верхомъ поѣхать!» И тогда мать говоритъ Армуру: «Ты мальчикъ, малолѣтка; не слѣдъ тебѣ верхомъ! а ужъ коли охота беретъ, сыночекъ милый, верхомъ поѣхать ...тамъ на верху виситъ копье отца

*) Существованіе ихъ засвидѣтельствовалъ между прочимъ и Ліутпрандъ въ X в. Antapodosis, V, 22. Quod justo Dei judicio ita accidisse (что наказаны были за свое честолюбіе сыновья романа Лакапена) non solum Europa, sed et Asia nunc cantat et Africa.

Digitized by Google

твоего, что государемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилона взято, сверху и донизу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь, тогда и поѣдешь». Тогда малъ Армуровичъ плача на лѣстницу поднимается, а смѣясь съ лѣстницы спускается: прежде чѣмъ захватилъ копье, оно уже давало себя хватать; прежде чѣмъ его встряхнулъ, ужъ встряхивалось; къ рукѣ своей привязалъ его, тряхнулося, согнулося. И пошелъ опять мальчикъ къ матери. «А хочешь ли, мама, хочешь ли передъ тобой его изломлю» и т. д. *).

Этимъ обычнымъ въ народномъ эпосѣ испытаніемъ силы юнаго героя начинается былина объ Армурѣ, сынѣ Армура, относимая издателемъ приблизительно къ X вѣку, во всякомъ случаѣ ко времени борьбы малоазійскихъ грековъ съ сарацинами. Мѣсто дѣйствія былины гдѣ-то близь рѣки Афрата (Евфрата). Богатырь малолѣтокъ Армуръ отправляется полевать противъ сарацинъ. Онъ переѣзжаетъ черезъ бушующій Евфратъ, узнаётъ, что по близости находится войско непріятельское; не желая нападать на враговъ внезапно, громко кричитъ имъ, чтобъ они вооружались, и потомъ начинаетъ бой. Всѣхъ перебилъ онъ,—только одинъ притаившійся сарацинъ остался въ живыхъ и угналъ у него коня съ палицею. 40 миль пѣшкомъ гнался за нимъ Армуръ, настигъ у самыхъ воротъ Сиріи (sic) и отрубилъ ему руку.

А между тѣмъ отецъ Армура, томившійся въ неволѣ въ городѣ Сиріи, узналъ коня и палицу сына, счелъ его погибшимъ и тяжко, тяжко застоналъ. Услышавъ о гибели своего войска, амиръ сирійскій велитъ своему плѣннику укротить сына; но юный герой укрощаться не желаетъ; такого страху задалъ онъ амиру, что тотъ спѣшитъ освободить отца его изъ плѣна и предлагаетъ ему свою дочь въ замужество.

Другая, плохо записанная и повидимому недоконченная былина о Ксанѳинѣ **) обработываетъ столь-же обычную въ эпосѣ, но совершенно противуположную тему: освобожденіе изъ плѣна юнаго и слишкомъ смѣлаго сына отцомъ.

Къ тому же X вѣку относятъ, на основаніи языка и другихъ соображеній, стройную, большую (въ 10 пѣсень) поэму о подвигахъ Василія Дигениса Акрита, лица историческаго, одного изъ пограничныхъ, полунезависимыхъ начальниковъ (акритовъ), охранявшихъ, подобно западнымъ маркграфамъ, предѣлы имперіи. Поэма дошла до насъ въ единственной рукописи.

*) Объ Армурѣ. Греческая былина византійской эпохи. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Гавріилъ Дестунисъ. Спб. 1877.

**) О Ксанѳиннѣ. Греческая трапезунтская былина византійской эпохи. Г. С. Дестуниса. Спб. 1881.

Digitized by Google

Содержаніе поэмы въ главныхъ чертахъ таково:

У бабки героя, вдовы знаменитаго Андроника Дуки, было пять сыновей и одна дочь. Услышавъ о красотѣ послѣдней, эмиръ сирійскій, Мусуръ, явился съ войскомъ въ предѣлы имперіи и похитилъ красавицу, когда мать ея была въ церкви, а братья—на охотѣ. Дукичи пускаются въ погоню за похитителемъ, избиваютъ его передовой отрядъ и, догнавъ его, требуютъ сестру назадъ. Эмиръ сперва напугалъ ихъ извѣстіемъ объ ея смерти, и тѣмъ далъ случай автору выказать свой лирическій талантъ въ изображеніи сѣтованья братьевъ, а потомъ признался въ въ любви къ ней; онъ согласенъ отказаться отъ вѣры магометовой, если за него отдадутъ прекрасную гречанку. Братья согласились и съ нареченнымъ зятемъ вернулись домой. Скоро эмиръ крестился и, вслѣдъ затѣмъ, была отпразднована его свадьба. Онъ остался жить въ предѣлахъ имперіи.

Мать эмира, узнавъ объ его ренегатствѣ, посылаетъ ему письмо, въ которомъ упрашиваетъ его вернуться вмѣстѣ съ женою на родину. Послѣ колебанія, эмиръ ѣдетъ домой безъ жены и вскорѣ возвращается съ своими богатствами и съ матерью, которая тоже изъявила желаніе креститься. Этимъ заключаются три первыя книги, служащія введеніемъ къ главной темѣ—исторіи Дигениса. Онъ сынъ эмира и прекрасной Дуковны; такъ какъ онъ произошелъ отъ разноплеменныхъ родителей, то и называется *двуроднымъ*—Дигенисомъ.

Съ 4-й пѣсни начинается его исторія; авторъ въ предисловіи замѣчаетъ, что его сюжетъ имѣетъ преимущество передъ сюжетами древнихъ эпиковъ, такъ какъ разсказы объ Ахиллѣ и Гекторѣ — миѳы, а подвиги Дигениса — достовѣрные факты; резюмируетъ содержаніе трехъ первыхъ пѣсень и разсказываетъ о первыхъ подвигахъ героя на охотѣ. По 12-му году онъ задушилъ медвѣдя и убилъ львицу. Скоро послѣ того онъ принимаетъ начальство надъ дружиной отца. Услышавъ о силѣ и храбрости разбойниковъ и, въ особенности, Филопаппа, онъ одинъ отправляется въ его станъ, изъявляетъ желаніе поступить къ нему на службу, выдерживаетъ испытаніе и потомъ обнаруживаетъ свою страшную силу. 5-я пѣснь посвящена исторіи любви Дигениса къ прекрасной Евдокіи, тоже происходящей изъ рода Дуковъ. Любовною пѣснью, пропѣтою подъ окномъ ея дворца, онъ заставляетъ ее взглянуть на него и возбуждаетъ ея любовь. Черезъ кормилицу происходятъ ихъ сношенія; ночью онъ похищаетъ красавицу: когда бѣглецовъ настигаетъ погоня, онъ вступаетъ съ преслѣдователями въ бой, а побѣдивъ ихъ, падаетъ въ ноги тестю и проситъ его родительскаго благословенія. Пѣсня оканчивается описаніемъ великолѣпнаго брачнаго торжества.

Вмѣстѣ съ молодой женой Дигенисъ отправляется на границу имперіи и тамъ совершаетъ рядъ подвиговъ, изложеніе которыхъ наполняетъ всѣ послѣдующія пѣсни. Защищая свою жену, онъ бьется съ дракономъ-оборотнемъ и побѣждаетъ его, бьется одинъ съ тремя предводителями разбойниковъ, бьется съ богатыршей Максимо, два раза даритъ ей жизнь и, по ея предложенію, вступаетъ съ ней въ кратковременную связь и пр. Послѣдняя, десятая пѣснь, описывающая смерть Дигениса, дошла до насъ безъ конца.

Не смотря на упоминаніе о Гекторѣ и Ахиллѣ, не смотря на очевидное знакомство автора съ Гомеромъ и Пиндаромъ и на выработанные литературные пріемы, эта поэма никакъ не можетъ быть отнесена къ числу произведеній подражательныхъ, не можетъ быть поставлена на одну доску съ стихотворными упражненіями константинопольскихъ ученыхъ, уже прежде всего по языку; это не литературный «общій діалектъ» (κοινὴ), хотя и не народный греческій языкъ въ томъ

Digitized by Google

видѣ, какъ онъ сложился напр. въ XVI вѣкѣ; это народный языкъ переходной эпохи. Въ немъ уже много новыхъ словъ и формъ, но еще больше словъ литературныхъ, которыя потомъ вышли изъ употребленія *).

Содержаніе поэмы не выдумано авторомъ: Дигенисъ—народный герой средневѣковой Греціи, котораго можно приравнять къ Сиду, Дитриху, Ильѣ Муромцу. До сихъ поръ о немъ ходитъ въ народѣ **) много пѣсень, изъ которыхъ однѣ разработываютъ эпизоды поэмы, другія говорятъ о такихъ его дѣяніяхъ, о которыхъ поэма ничего не знаетъ.

Изложенная поэма рано была передѣлана въ прозаическую повѣсть и въ этомъ видѣ появилась въ Болгаріи, откуда перешла къ намъ, какъ «Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи», и пользовалась популярностью уже въ XV — XVI в. А одна изъ былинъ о Девгенисѣ, именно воспѣвающая его борьбу съ Хароном (со смертію), дала содержаніе для извѣстнѣйшаго русскаго стиха объ Аникѣ Воинѣ ***).

Съ 1057 г. на престолъ Константина Великаго вступаетъ новая династія—Комнены. На этотъ разъ перемѣна династіи не была простою замѣной одной фамиліи другою, менѣе истощенною: это была перемѣна системы. Побѣдили дворянскія фамиліи Малой Азіи, погибъ интеллигентный абсолютизмъ и ослабѣла централизація, на которой основывалась сила имперіи. Неограниченную монархію замѣнилъ особый видъ феодализма, представители котораго отличались отъ феодаловъ западныхъ нравственною испорченностью и отсутствіемъ идеаловъ. Разумѣется, это должно было имѣть неблагопріятныя послѣдствія, какъ для внѣшняго, такъ и для внутренняго состоянія имперіи. Малая Азія отъ нея отдѣлилась; съ тѣхъ поръ имперію составляютъ только собственная Греція, Македонія и Ѳракія. Торговля переходитъ въ руки итальянцевъ; суды, финансы, полиція, все стало хуже, чѣмъ прежде. Наука — далеко не въ такомъ уваженіи, какъ при Македонцахъ.

Разумѣется, общее паденіе не исключаетъ возможности отдѣльныхъ, болѣе или менѣе отрадныхъ, явленій. Въ Константинополѣ все же оставались сотни ученыхъ, знатоковъ древности, писателей; епископскія каѳедры въ провинціяхъ часто занимались людьми съ хорошимъ классическимъ образованіемъ и съ любовью къ наукѣ. Были писатели, способные привести въ изумленіе своею плодовитостью и

*) Отношеніе обоихъ элементовъ опредѣляютъ цифрой: народный относится къ литературному, какъ 4 къ 6.

**) Разумѣется, больше по окраинамъ.

***) А. Веселовскій: „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ". Вѣстн. Евр. 1875. Апр.

Digitized by Google

усердіемъ; сочиненія Михаила Пселла исчерпываютъ почти все содержаніе тогдашней науки; онъ пишетъ и спеціальныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ знанія, и учебники *); но и Пселлъ нигдѣ не поднимается выше посредственности; изъ другихъ самые выдающіеся люди только компиляторы и комментаторы Аристотеля. Отсутствіе творческой силы мы видѣли и прежде; но вотъ чего мы не видали: важнѣйшія должности въ государствѣ сплошь занимаются людьми, образованіе которыхъ не пошло дальше грамоты.

Очень характерное явленіе представляетъ недавно обслѣдованный памятникъ, относимый проф. Васильевскимъ ко второй половинѣ XI в. Это «Книга о стратегіи» съ массой примѣровъ, чрезвычайно любопытныхъ для историка, соединенная съ моральнымъ домостроемъ или «Поученіемъ отца сыну». Авторъ — знатный вельможа, армянскаго происхожденія, образованіе онъ получилъ меньше, чѣмъ посредственное: онъ пишетъ языкомъ литературнымъ, но запасъ его словъ чрезвычайно ограниченъ; онъ слыхалъ или читалъ о Траянѣ и дакійской войнѣ, но свѣдѣній по литературѣ нигдѣ не выказываетъ, очевидно потому, что не имѣетъ.

Вотъ нѣсколько мѣстъ, изображающихъ его нравственные идеалы, или, точнѣе сказать, полное отсутствіе послѣднихъ.

§ 69 и 70. *О сосѣднихъ топархахъ.*

Если сосѣдній съ тобою топархъ вздумаетъ тебѣ пакостить, не поступай съ нимъ рѣзко, а хитри съ нимъ, показывай притворное миролюбіе и простодушіе. Но береги свою область и, если можешь, найди себѣ друзей въ его землѣ, чтобы черезъ нихъ узнавать его намѣренія. Посылай имъ дары потихоньку, посылай также явные подарки самому топарху, обманывая его. Когда же онъ, ради твоихъ подарковъ и притворной твоей любви, размякнетъ, тогда собери тайкомъ своихъ людей и съ тщаніемъ наступай на него и на его народъ внезапно, и ты не потерпишь неудачи, истребишь и уничтожишь его. И еще ты получишь похвалу какъ отъ друзей, такъ и отъ враговъ, такъ какъ ты вѣдь не былъ повиненъ въ томъ, что онъ началъ, но только принялъ мѣры противъ зачинщика; отъ царя же ты примешь честь и награду за то, что хорошо повелъ дѣло. А онъ, хотя бы и получилъ возможность бѣжать, уже будетъ человѣкомъ безличнымъ и безсловеснымъ передъ сосѣдними топархами, такъ какъ самъ былъ причиною своей бѣды. Ему скажутъ: „Ты пострадалъ по заслугамъ. Когда тебя никто не трогалъ, кто заставлялъ тебя пакостить чужой странѣ, враждовать и поднимать противъ себя того, кто ничѣмъ тебѣ не вредилъ?“ И не только не помогутъ они ему, но еще будутъ уважать тебя и бояться тебя, какъ настоящаго стратига.

§ 101. *О другѣ, чтобъ ему не останавливаться въ твоемъ домѣ.*

Если имѣешь друга въ иномъ мѣстѣ, и онъ проѣзжаетъ городомъ, въ которомъ ты живешь, не помѣщай его въ своемъ домѣ, но пусть онъ пристанетъ въ другомъ мѣстѣ, а ты посылай ему все нужное, и онъ еще болѣе будетъ тебѣ благодаренъ. Если же ты остановишь его въ своемъ домѣ, то послушай, сколько изъ за этого родится непріятностей. Во-первыхъ, ни жена твоя, ни дочери твои, ни снохи твои не будутъ имѣть свободы выходить изъ комнаты своей и распоря-

*) Его учебникъ логики имѣлъ огромное вліяніе на Западѣ.

Digitized by Google

жаться въ домѣ, какъ слѣдуетъ. А если имъ будетъ необходимая нужда выйдти, то другъ твой вытянетъ шею и устремитъ на нихъ свои глаза; когда ты стоишь вмѣстѣ съ нимъ, онъ, конечно, притворно потупитъ свою голову, но все-таки будетъ подсматривать, какая у нихъ походка, какъ они поворачиваются, какъ подпоясаны, и какой у нихъ взглядъ; просто сказать: будетъ ихъ оглядывать съ головы до ногъ, а послѣ станетъ передразнивать передъ своими домашними и осмѣивать. Точно также онъ найдетъ дурными твою прислугу, твой столъ, весь порядокъ. Еще будетъ разспрашивать о твоемъ имуществѣ: есть-ли у тебя то, есть-ли другое. Но что̀ много говорить объ этомъ? Если онъ найдетъ удобный случай, онъ будетъ дѣлать любовные знаки твоей женѣ, будетъ на нее смотрѣть безстыдными глазами; если можетъ, то и соблазнитъ ее; если-жъ и нѣтъ, то все-таки, когда уйдетъ, похвастаетъ, чѣмъ не слѣдуетъ, а если онъ не скажетъ, то врагъ твой, въ ссорѣ съ тобою, будетъ о томъ кричать *).

§ 168. *О возстаніи и бунтѣ.*

Если кто подниметъ бунтъ и провозгласитъ себя царемъ, не иди на совѣтъ его, но отступись отъ него, и если ты можешь воевать и низвергнуть его, то воюй за царя и за общій миръ. Если же ты не можешь воевать его, то, какъ сказано, отдались отъ него, и захвативъ какую нибудь крѣпость, напиши съ человѣкомъ царю и старайся, сколько можешь, исполнить свою службу, дабы почтенъ былъ и ты, и дѣти твои, и люди твои. А если у тебя нѣтъ людей, чтобы захватить какое нибудь укрѣпленіе, оставь все и убѣгай къ царю. Если же ты, быть можетъ, ради своей фамиліи, не рѣшаешься бѣжать, то будь съ бунтовщикомъ, но только мысль твоя пусть будетъ съ царемъ, и когда къ тому представится возможность, покажи дѣло, достойное хвалы. Будучи съ нимъ, отведи отъ него тѣхъ людей, которыхъ онъ считаетъ своими задушевными друзьями, и заставь ихъ соблюдать вѣрность къ царю въ Цареградѣ. И ты не обманешься въ надеждѣ твоей. Къ царю же пиши тайно" и т. д.

Очевидно, при такомъ отношеніи къ людямъ лучше всего не дорожить никѣмъ и ничѣмъ, что̀ авторъ и рекомендуетъ въ § 142, гдѣ вельможа приводитъ пришедшіяся ему по душѣ слова Іоанна изъ Лариссы: „Если ты веселишься о другѣ твоемъ или рабѣ, то помни, что̀ такое человѣкъ, и что онъ долженъ умереть, какъ человѣкъ; потому, когда его постигнетъ смерть, не смущайся, потому что это тебѣ не поможетъ. Если ты находишь удовольствіе въ золотомъ какомъ сосудѣ, либо мраморномъ, либо стеклянномъ, то, владѣя ими, разумѣй, что одинъ теряется, другой разбивается; и когда это случится, не волнуйся".

Такія мѣста прекрасно комментируютъ византійскія мозаики, изображающія суровыя, крайне спокойныя лица богато одѣтыхъ, сидящихъ или стоящихъ въ изученныхъ позахъ царей и вельможъ.

Первое войско крестоносцевъ появилось въ предѣлахъ имперіи при Алексѣѣ I (1081 — 1118 г.); при этомъ столкновеніи, конечно, рѣзко должны были выразиться особенности двухъ міровъ—Византіи и Запада. Извѣстно, съ какимъ удивленіемъ смотрѣли крестоносцы на великолѣпіе города, роскошь двора; какъ поражались они утонченностью нравовъ и безсовѣстнымъ коварствомъ византійцевъ; какъ послѣдніе въ свою очередь были поражены простодушіемъ, грубостью

*) Не много ниже авторъ, исходя изъ той же пессимистической точки зрѣнія, рекомендуетъ никогда не давать взаймы денегъ.

Digitized by Google

и отчаянною храбростью бароновъ. Это столкновеніе на первое время какъ будто пробудило Константинополь; снова поднялся вопросъ о схизмѣ; возбудился всеобщій интересъ къ богословскимъ вопросамъ. Комнены становятся учеными. Анна, дочь Алексѣя, изучала quadrivium, усердно занималась риторикой и философіей. Хотя въ ея знаменитой, благодаря исторической важности, «Алексіадѣ» нѣтъ простоты и вкуса, хотя ея крайняя риторичность и фразерство превосходятъ мѣру, все же она безконечно выше безсистемныхъ, безъидейнихъ хронографистовъ послѣдующихъ временъ. Любовь къ наукѣ при всѣхъ бѣдствіяхъ остается у Комненовъ наслѣдственною: Исаакъ Комненъ хорошо зналъ Гомера; Мануилъ I (1143—1180) — Аристотеля; послѣдній Комненъ—деспотъ Андроникъ, сверженный въ 1185 г. дворянствомъ, писалъ по богословію.

При Исаакѣ Ангелѣ варварство возростаетъ: болгары, валахи, крестоносцы, сельджуки рвутъ имперію на части и тѣмъ способствуютъ одичанію. Языкъ народный все дальше и дальше отходитъ отъ литературнаго. Духовенство все холоднѣе и холоднѣе относится къ свѣтской наукѣ, наконецъ начинаетъ прямо враждовать съ нею. Монахи перестаютъ читать даже и отцовъ церкви. «На что намъ такія книжки?» наивно спрашивалъ одинъ настоятель монастыря, когда ему предложили купить роскошно написанное патристическое сочиненіе. Отсутствіе литературнаго вкуса доходитъ до того, что, компилируя старыхъ историковъ, хронографисты не умѣютъ придавать своей компиляціи единство слога. Есть сильно начитанные люди *), но образованныхъ и ученыхъ нѣтъ. Многоглаголивость, страсть къ метафорамъ и аллегоріямъ и прежде были сильны, а теперь до того заѣдаютъ людей, что простыя письма переполнены ими. Въ это время, стало быть еще до-латинское, начинаютъ пропадать рукописи классиковъ. Въ это же время одичавшій Востокъ начинаетъ испытывать сильное вліяніе Запада. Варвары, поразившіе Анну Комненъ и ея современниковъ крайнею грубостью, въ послѣдующемъ поколѣніи становятся образцами для подражанія; молодые дворяне византійскіе копируютъ ихъ въ одеждѣ, въ вооруженіи, въ забавахъ; учатся драться турнирнымъ оружіемъ, мечтаютъ объ авантюрахъ. При Мануилѣ Комненѣ устраиваются роскошные турниры, въ которыхъ участвуютъ и члены императорской фамиліи. Такимъ образомъ подготовляется вторженіе латинства, имѣвшаго чрезвычайно сильное, отчасти положительное, отчасти отрицательное вліяніе и на византійскую литературу.

---

*) Самый извѣстный изъ нихъ Іоаннъ Цецессъ, писавшій—понятно, какъ—во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы.

Digitized by Google

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднему, мы должны сказать нѣсколько словъ объ одномъ весьма любопытномъ, хотя не особенно распространенномъ видѣ византійской словесности—о прозаическомъ романѣ.

Въ первомъ томѣ настоящаго изданія (стр. 1267 и слѣд.) было подробно говорено о греческомъ романѣ и приведено содержаніе романа Геліодора. Поэтому здѣсь мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что романъ византійскій есть только фактъ *переживанія*. Его представители рабски слѣдуютъ древнимъ образцамъ, какъ въ общей концепціи романа, такъ и въ подробностяхъ; они изображаютъ не современную имъ жизнь, а искусственно воспроизводятъ жизнь давно умершаго античнаго общества.

Прозаическій романъ дошелъ до насъ только одинъ: это романъ Евстафія или Евматія Макремболита: «Исторія Исмены и Исменія», относимый почти всѣми издателями и изслѣдователями къ XII вѣку. Вотъ въ общихъ чертахъ его содержаніе:

Разсказъ ведется отъ лица героя Исменія. Сказавъ о славѣ и благочестіи своего родного города Эврикома, онъ переходитъ къ изложенію событій. Во время Зевсовыхъ празднествъ изъ Эврикома посылали вѣстниковъ по другимъ мѣстностямъ, и въ этомъ году вѣстникомъ въ городъ Авликомъ былъ назначенъ Исменій. Когда онъ прибылъ къ мѣсту назначенія, всѣ знатнѣйшіе граждане города старались привлечь его къ себѣ; всѣхъ соперниковъ въ этомъ отношеніи побѣдилъ Состенъ: Исменій остановился у него. Слѣдуетъ описаніе Состенова дома и его великолѣпнаго сада. Въ концѣ дня, во время ужина, дочь хозяина Исмена разноситъ вино, и всякій разъ, когда очередь доходитъ до Исменія, она старается дать ему замѣтить, что онъ ей нравится: то шепнетъ ему что нибудь, то надавитъ ему ногу своей ногой; поднося ему вино въ третій разъ, она не выпускаетъ изъ рукъ кубка. Исменій громко спрашиваетъ: что̀ это значитъ? Отецъ и мать покосились на нее. Когда Исменій и его товарищъ пошли въ спальню, гдѣ Исмена, по обычаю, мыла ноги вѣстнику Зевса, она прижимала ихъ, цѣловала потихоньку и щекотала; Исменій засмѣялся. Когда онъ, по уходѣ Исмены, разсказалъ все это своему другу, тотъ назвалъ его счастливцемъ, такъ какъ онъ возбудилъ любовь въ такой прелестной дѣвушкѣ; но Исменій не находитъ въ этомъ ничего хорошаго; онъ не знаетъ, что такое любовь (книга I).

На другое утро Исменій и его другъ отправляются въ садъ и разсматриваютъ картины, нарисованныя на стѣнахъ. На одной изображены четыре дѣвы, представляющія Благоразуміе, Умѣренность, Добродѣтель и Правосудіе; друзья объясняютъ себѣ ихъ аттрибуты. На другой картинѣ изображенъ Эросъ, которому повинуется все живущее на землѣ. „О еслибъ я никогда не позналъ его!“—восклицаетъ Исменій. За ужиномъ и въ этотъ день Исмена оказываетъ любезности герою (книга II).

Въ эту ночь Исменій видитъ сонъ: ему является Эросъ, окруженный своими многочисленными подданными, и требуетъ его къ себѣ на судъ, такъ какъ онъ пренебрегаетъ его силой и оскорбляетъ достойную любви Исмену. „Пощади, царь!“ говоритъ герой, падая къ его ногамъ. Исмена присоединяетъ къ его мольбамъ свои, обѣщаясь Эросу покорить его со временемъ. Исменій просыпается испуганный и объявляетъ своему другу, что въ его сердцѣ Эросъ побѣдилъ Зевса, вѣстникомъ

Digitized by Google

котораго онъ явился въ этотъ городъ. Послѣ того Исменій долго не можетъ заснуть и торопитъ день, чтобъ отплатить Исменѣ за ея любезности; наконецъ онъ засыпаетъ съ трудомъ и во снѣ цѣлуется съ Исменой. Проснувшись окончательно, онъ вмѣстѣ съ Кратисеемъ (такъ назывался его другъ) опять отправляется въ садъ и молится изображенію Эроса, который сталъ его господиномъ. Теперь Кратисеенъ уговариваетъ его умѣрить свою любовь и напоминаетъ объ его родителяхъ. За ужиномъ Исменій не можетъ оторвать глазъ своихъ отъ Исмены и мыслей отъ Эроса (книга III).

Теперь Исменій, принимая отъ Исмены бокалъ, оказываетъ ей тѣже любезности, какія она ему оказывала. Состенъ, прощаясь съ нимъ, объявляетъ ему, что завтра они отправятся въ Эврикомъ; Исменію это далеко не по сердцу. Онъ въ саду встрѣчаетъ Исмену и обнимаетъ ее; Исмена удивляется его внезапной смѣлости вчера еще онъ былъ робокъ, какъ дѣвушка. Исменій объясняетъ ей, что, по приказанію ея отца, онъ долженъ завтра же отправиться въ Эврикомъ. „И я также"— говоритъ Исмена и убѣгаетъ въ домъ. Исменій и Кратисеенъ разсматриваютъ въ саду изображенія двѣнадцать мѣсяцевъ, начиная съ марта, потомъ возвращаются къ себѣ въ комнату; но едва они успѣли лечь въ постель, какъ Исменій услышалъ въ саду шумъ; онъ бросился въ садъ и къ своей радости нашелъ тамъ Исмену, которая не сопротивлялась его ласкамъ; во время поцѣлуя она укусила ему губу. „Тебѣ больно теперь, говоритъ она герою: также больно было мнѣ, когда ты не хотѣлъ замѣтить мою любовь". Исменій былъ уже близокъ къ своей цѣли, какъ вдругъ чей-то голосъ позвалъ Исмену, и она поспѣшно вырвалась изъ его объятій (книга IV).

Эту ночь герой спалъ плохо: онъ боялся, что родители Исмены обратили вниманіе на его поведеніе, и всю ночь видѣлъ сны то непріятные, то страшные. По утру къ нему вошелъ Состенъ и объявилъ, что народъ намѣренъ проводить съ честью вѣстника Зевса. Послѣ проводовъ и недолгаго путешествія, Исменій торжественно вступаетъ въ родной городъ, ведя за собою гостей: Состена, его жену и дочь. Его отецъ, которому онъ разсказалъ о гостепріимствѣ Состена, пригласилъ авликомійцевъ къ себѣ въ домъ. Во время пира Исменію пришлось возлежать противъ Исмены; принимая отъ нея бокалъ, онъ всякій разъ цѣловалъ тотъ край, до котораго касались ея губы. Когда, послѣ третьей стражи ночи, всѣ старики ушли въ храмъ, герой пробрался въ комнату Исмены, но она не позволила ему воспользоваться „незрѣлымъ виноградомъ", хотя клялась вѣчно любить его; она опасалась за Исменія, которому отецъ могъ назначить другую невѣсту; герой успокоиваетъ ее своими клятвами (книга V).

На другой день, во время завтрака, Состенъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ гости.... на предстоящую свадьбу дочери. Услышавъ это, Исменій онѣмѣлъ, а Исмена, побѣлѣвъ какъ полотно, ушла въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Что говорили потомъ за этимъ завтракомъ, Исменій не помнитъ; Ночью, когда старики опять ушли въ храмъ, Исменій, пробравшись въ комнату Исмены, говоритъ ей, что если она сдѣлается женой другаго, онъ не перенесетъ этого въ заключеніе онъ предлагаетъ ей бѣжать. Исмена не задумалась ни на минуту и сейчасъ же вскочила съ постели; онъ насилу уговорилъ ее успокоиться, сказавъ, что еще ничего не готово для побѣга. Между тѣмъ Состенъ и жена его Панглія приносили жертву за счастливый бракъ своей дочери. Вдругъ съ неба спустился огромный орелъ и похитилъ жертвенное мясо: старики пришли въ неописанный ужасъ, полагая, что дочери ихъ угрожаетъ смерть.

Кратисеенъ объясняетъ любовникамъ, что этотъ орелъ долженъ обозначать Исменія, которому Зевсъ присудилъ похитить Исмену, и обѣщаетъ для этого дѣла свою дѣятельную помощь. Исмена старается убѣдить мать, что Зевсъ, очевидно,

Digitized by Google

не желаетъ ея брака. Между тѣмъ Кратисеенъ извѣщаетъ любовниковъ, что все готово для ихъ бѣгства: готовъ корабль, отправляющійся въ эту ночь въ Сирію; въ Сиріи живетъ у него пріятель, и самъ онъ готовъ имъ сопутствовать. Исменій, заснувъ на короткое время, видитъ Эроса, который изъ рукъ въ руки передаетъ ему Исмену (книга VI).

Въ туже ночь всѣ трое бѣжали на корабль; по-утру поднялся противный вѣтеръ, который вскорѣ превращается въ бурю. Исмена проклинаетъ свое бѣгство, но утѣшается тѣмъ, что умретъ вмѣстѣ съ Исменіемъ. Кормчій по морскимъ законамъ предлагаетъ бросить жребій, чтобъ человѣческой жертвой усмирить Посейдона; жребій выпалъ на Исмену; не смотря на сопротивленіе героя, ее раздѣли и кинули въ море. Сейчасъ же наступила тишина; корабельщики веселятся, но Исменій горюетъ такъ громко, что его высадили на пустынный берегъ. Онъ жалуется на обманувшаго его Эроса и, утомленный слезами и жалобами, засыпаетъ; во снѣ богъ любви снова обѣщаетъ ему свою помощь (книга VII).

Проснувшись Исменій видитъ, что его окружили эѳіопы—морскіе разбойники; они силой посадили его за весла и пошли грабить; разграбивъ одинъ городъ, они снова выплыли въ море и стали дѣлить добычу; молодыхъ плѣнниковъ они заставляли работать веслами, старыхъ убивали, женщинъ насиловали, только не трогали дѣвушекъ. Прибывъ въ городъ Артикомисъ, эѳіопы распродали тамъ своихъ плѣнниковъ. Въ этомъ городѣ былъ источникъ Артемиды, передъ которымъ стояла статуя богини съ натянутымъ лукомъ; тамъ испытывали цѣломудріе дѣвушекъ такимъ образомъ: называвшую себя дѣвой съ вѣнкомъ на головѣ кидали въ этотъ источникъ; если она говорила правду, то плавала спокойно, если же нѣтъ, то ей казалось, что Артемида готовится пустить въ нее стрѣлу; чтобы спастись, она ныряла, и вѣнокъ уплывалъ. Когда варвары, упившись виномъ, заснули, греческіе плѣнники разсуждали о томъ, какъ имъ избавиться отъ рабства; но они не успѣли привести своихъ плановъ въ исполненіе, такъ-какъ явилось греческое войско и овладѣло кораблями эѳіоповъ. Плѣнные, сдѣлавшись теперь товарищами своихъ бывшихъ господъ, были распроданы, какъ военная добыча. Исменій былъ купленъ однимъ грекомъ въ городѣ Дафниноѣ. Его хозяйка влюбилась въ него, но онъ не отвѣчалъ ея чувствамъ, помня Исмену. Во время праздника Дафны, его господинъ былъ выбранъ священнымъ вѣстникомъ въ городъ Артикомисъ; зная, что его новый рабъ исполнялъ когда-то должность вѣстника празднествъ, онъ взялъ его съ собой (книга VIII).

Они приходятъ въ назначенный городъ; ихъ тамъ встрѣчаютъ съ такимъ же почетомъ, какъ когда-то встрѣчали Исменія; каждый считалъ для себя честью угощать вѣстника, но Сострать побѣдилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Празднество происходитъ въ томъ же порядкѣ, какъ Зевсовъ праздникъ, описанный въ началѣ романа, и это сопоставленіе прошлаго съ печальнымъ настоящимъ особенно мучительно для героя. Гостямъ служитъ дочь хозяина, Родопа, „не лишенная красоты, но обезьяна въ сравненіи съ Исменой“. Послѣ ужина, когда она, въ сопровожденіи служанокъ, пришла обмывать гостю ноги, Исменій замѣтилъ между ея спутницами одну, которая показалась ему похожей на Исмену. Дѣйствительно на другой день онъ получилъ отъ нея письмо, гдѣ она извѣщала его, что спасена дельфиномъ и, по испытаніи ея цѣломудрія, продана Сострату. На другой день, когда его хозяинъ ушелъ въ храмъ Артемиды, Исменій лежалъ въ саду и плакалъ. Къ нему подошла Родопа, спросила о причинѣ его горя. Разсказывая свою біографію, онъ упалъ въ обморокъ; его перенесли на постель его господина, и Родопа поцѣлуями старалась возбудить его къ жизни. Когда онъ пришелъ въ себя, Исмена кинулась къ нему въ объятія, называя его своимъ братомъ; герой поддер-

Digitized by Google

жалъ ея обманъ. Во время ужина Исмена видѣлась съ нимъ, сообщила ему, что ея госпожа страстно влюбилась въ него, умоляла его сохранять вѣрность, но совѣтывала не отвѣчать грубымъ отказомъ Родопѣ (книга IX).

Послѣ ужина Исмена принесла герою письмо отъ Родопы, гдѣ та предлагала ему свободу и свою руку, даже съ условіемъ переселиться въ его родной городъ. „Отвѣчай ей, какъ сама знаешь, и передай ей мои поцѣлуи", говоритъ Исменій, обнимая свою возлюбленную. На другой день его господинъ возвращается къ себѣ въ городъ; его провожаетъ Состратъ со всѣмъ семействомъ и рабынями. Едва Исменій успѣлъ войти въ домъ, какъ хозяйка заключила его въ свои объятія; онъ освободился отъ нихъ, когда пришелъ его господинъ. За ужиномъ онъ и Исмена разносили вино, причемъ хозяйка дѣлала ему любезности, онъ—Исменѣ, которая отвѣчала ему съ согласія и будто бы отъ имени Родопы. Ночью господа отправляются въ храмъ Аполлона приносить жертву. Герои сопровождаютъ ихъ въ качествѣ любимыхъ слугъ; тамъ, къ великому удивленію, они видятъ своихъ родителей, которые въ горести прибѣгли къ помощи бога и громко умоляютъ его возвратить имъ дѣтей. Въ отвѣтъ опечаленнымъ родителямъ, оракулъ приказываетъ дѣтямъ броситься въ ихъ объятія; всѣ изумлены; Исменій и Исмена выходятъ изъ толпы и кидаются къ ногамъ матерей; отцы отъ радости пляшутъ вокругъ жертвенника, герои надѣваютъ на головы вѣнки. Но изъ толпы выходятъ ихъ хозяева, срываютъ эти вѣнки и тащутъ ихъ къ себѣ, какъ купленныхъ военноплѣнныхъ. За героевъ вступается жрецъ, объявляя, что грекъ не можетъ имѣть рабомъ грека, и именемъ бога приказывая народу вступиться за несчастныхъ. Угрожаемые толпой, хозяева рабовъ возвратили имъ свободу; освобожденныхъ героевъ и ихъ родителей жрецъ пригласилъ къ себѣ на пиръ и отъ имени оракула поздравилъ героевъ женихомъ и невѣстой (книга X).

На другой день продолжается празднество во храмѣ. По усиленной просьбѣ жреца, сперва Исменій разсказываетъ свои приключенія, тщательно стараясь скрыть все, что могло бы бросить тѣнь на Исмену; потомъ разсказъ его дополняетъ Исмена: ее спасъ дельфинъ, съ хребта котораго свелъ ее на землю крылатый мальчикъ; потомъ ее взяли къ себѣ проѣзжавшіе мимо корабельщики, скоро попавшіе въ руки морскихъ разбойниковъ; послѣдніе продали ее Родопѣ. По окончаніи веселья всѣ отправились въ Артикомисъ, гдѣ Исмена, въ присутствіи народа, еще разъ была подвергнута испытанію цѣломудрія въ источникѣ и, къ общей радости, выдержала его со славой. Въ Авликомисѣ, въ домѣ Состена была отпразднована свадьба.

Романъ кончается благодарностью всѣмъ помогавшимъ богамъ и приглашеніемъ читателей порадоваться вмѣстѣ съ героями.

Изъ этого изложенія можно видѣть, что планъ романа очень незамысловатъ. Это обычная исторія двухъ любовниковъ, которыхъ долго преслѣдуетъ судьба, и которые наконецъ соединяются законнымъ бракомъ; но этимъ планомъ авторъ воспользовался довольно искусно и съумѣлъ внушить нѣкоторую симпатію къ своимъ далеко не идеальнымъ героямъ. Отъ романа Геліодора, «Исторія Исмены и Исменія» рѣзко отличаются своимъ простымъ, такъ сказать буржуазнымъ тономъ, болѣе близкимъ къ новой комедіи, чѣмъ къ героической трагедіи. Авторъ строго наблюдаетъ за собой, чтобы ни однимъ словомъ не упомянуть о христіанствѣ и вообще о современныхъ ему условіяхъ жизни; весьма вѣроятно, что не одна мода была причиной

Digitized by Google

тому, но и нежеланіе профанировать высокое и священное въ эротическомъ родѣ творчества, къ которому причислялся романъ. Своимъ знаніемъ литературы авторъ положительно злоупотребляетъ: древніе поэты цитируются при всякомъ удобномъ случаѣ. Гомера приводитъ корабельщикъ, собираясь выбросить Исмену въ море; одна дѣвушка, собираясь умирать, находитъ время произнести: «Уже, какъ говоритъ поэтъ, мы принадлежимъ къ холодному Аиду» и пр.

Эротическіе романы византійскаго періода гораздо чаще получали стихотворную форму, нисколько не выигрывая впрочемъ отъ этого въ поэтичности. Самый извѣстный изъ такихъ ямбическихъ романистовъ Θеодоръ Продромъ, получившій при поступленіи въ монахи имя Гиларіона. Онъ жилъ въ половинѣ XII столѣтія и, по обыкновенію трудолюбивыхъ византійцевъ, писалъ чуть не во всѣхъ родахъ словесности: онъ и философъ, и грамматикъ, и богословъ, и историкъ, и астрономъ, и эпиграмматикъ, и эпикъ; онъ же сочинилъ въ ямбическихъ стихахъ: «Любовь Роданты и Дозикла», гдѣ довелъ искусственность до послѣдней степени. Ему подражалъ жившій вскорѣ послѣ него Никетасъ Евгеніанъ въ стихотворномъ же романѣ: «Любовь Дрозиллы и Харикла». Никетасъ безсовѣстно обкрадывалъ всѣхъ прежнихъ романистовъ и поэтовъ. Онъ пренебрегаетъ не только правдоподобіемъ, но и ясностью, и выказываетъ полное отсутствіе изобрѣтательности и вкуса. Но и этотъ жалкій представитель византійской бездарности стремится выдать себя за поэта эллинскаго и скрываетъ свое христіанство; только забывшись, цитируетъ онъ текстъ: «ихъ же Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ», а то старается смотрѣть на міръ божій съ точки аѳинянина временъ Сократа.

Въ 1204 г. Константинополь былъ взятъ крестоносцами, которые удерживали его въ своихъ рукахъ, какъ и большую часть европейской Греціи, въ продолженіи слишкомъ 50 лѣтъ. Это былъ погромъ, подобнаго которому еще не испытывала Восточная имперія; результатомъ его было полное распаденіе государственной системы, державшейся въ теченіе длиннаго ряда столѣтій. Это былъ страшный ударъ для византійской культуры, а слѣдовательно и для литературы. Въ пожарахъ Константинополя погибло нѣсколько сотъ тысячъ рукописей. Рыцари, издѣвавшіеся надъ «чернильными душами» византійцевъ и переливавшіе въ деньги драгоцѣнныя бронзовыя статуи, конечно, не чувствовали расположенія лѣзть въ огонь для спасенія фоліантовъ. По словамъ современнаго лѣтописца Никиты Хоніата, «на нихъ прекрасное не производитъ никакого дѣйствія; ихъ удовольствія—кровавыя схватки, грабежи, пожары, же-

Digitized by Google

стокости всякаго рода. Самые богатые храмы, величайшія произведенія скульптуры разрушены, разбиты, сожжены. Всюду царствуетъ отчаяніе и варварство. Родной языкъ приходитъ въ забвеніе. Музы оставляютъ свое древнее мѣстопребываніе или молчатъ, не желая прославлять дѣянія, въ которыхъ греки не принимаютъ участія». Въ тоже время въ провинціи вторглись полчища болгаръ и валаховъ. Казалось, говоритъ лѣтописецъ, что Ѳракія превратится въ обиталище дикихъ звѣрей.

Само собою разумѣется, что во время владычества латинцевъ ни въ Константинополѣ, ни въ другихъ городахъ, которыми овладѣли бароны, не можетъ быть и рѣчи объ общественныхъ школахъ и богатой письменности, тѣмъ болѣе что за Балдуиномъ и Генрихомъ, которые безуспѣшно пытались ввести порядокъ въ управленіе и примирить побѣжденныхъ съ побѣдителями, послѣдовали властители, не имѣвшіе для миротворной дѣятельности ни охоты, ни возможности: имъ приходилось напрягать всѣ силы, чтобъ обороняться отъ многочисленныхъ враговъ. Грекамъ и въ Европѣ удалось удержать за собою цѣлыя провинціи, а въ Азіи сейчасъ же образовались двѣ сильныя монархіи: Трапезунтъ и Никея. Хотя эти монархіи, сложившіяся на развалинахъ имперіи, боролись другъ съ другомъ, онѣ дѣйствовали сообща противъ крестоносцевъ; ненависть къ послѣднимъ соединила даже болгаръ съ греками. Никея все больше и больше выдвигалась впередъ; она сдѣлалась центромъ религіозной и умственной жизни для всѣхъ говорящихъ по-гречески и начала наступательное движеніе противъ латинцевъ. Скоро во власти послѣднихъ остались только столица да нѣкоторые разобщенные съ нею феоды. Наконецъ, въ 1261 г. Михаилъ Палеологъ вступилъ побѣдителемъ въ Константинополь.

Изъ эпохи вторженія латинцевъ мы упомянемъ только одного историка, у котораго взята вышеприведенная цитата, Никиту Акомината, или, какъ онъ чаще называется по мѣсту рожденія, Хоніата. До 1204 г. онъ занималъ важныя должности въ имперіи, былъ между прочимъ губернаторомъ Филиппополя. Послѣ разоренія столицы, онъ, какъ и многіе другіе лучшіе люди, бѣжалъ въ Никею, захвативъ съ собой дѣвушку, которую ему удалось спасти отъ грубаго насилія латинскаго солдата; впослѣдствіи она стала его женою. Онъ умеръ, какъ полагаютъ, около 1216 г. Его хроника (21 книга) содержитъ много любопытныхъ автобіографическихъ чертъ и подробностей о бытѣ и нравахъ франковъ. Любопытно, что и глубокій трагизмъ описываемыхъ имъ событій не освободилъ его стиль отъ многословія, риторики и вычурности, доходящей зачастую до темноты.

Во время господства латинцевъ центромъ умственной жизни,

Digitized by Google

какъ выше сказано, стала Никея. Въ ней являются свои историки; всѣ члены клира по крайней мѣрѣ проходятъ курсъ грамматики; существуетъ и высшій курсъ—изученіе риторики и логики. Принцы царствующаго дома изучаютъ философію. Литература, разумѣется, продолжаетъ традиціи Константинополя и самодѣятельность ограничивается комментаріями и извлеченіями. Для насъ интереснѣе тѣ литературные памятники европейской Греціи, въ которыхъ сказалось вліяніе Запада на Грецію. Въ послѣднее время довольно много такихъ памятниковъ открыто и обслѣдовано, но нѣтъ сомнѣнія, что гораздо большее число ихъ затерялось или дошло до насъ въ видѣ подновленныхъ лубочныхъ изданій, или же гніетъ въ пыли библіотекъ.

Первыя попытки византійцевъ усвоить себѣ богатый эпическій матеріалъ Запада относятся еще къ эпохѣ предшествующей. За отрядами бароновъ, съ которыми хитрилъ Алексѣй Комненъ, слѣдовали въ большомъ количествѣ труверы и жонглеры. Усвоивая себѣ нравы рыцарей, византійская молодежь, конечно, была не прочь усвоить себѣ и ихъ поэзію. И вотъ уже въ первой половинѣ XII вѣка является греческая поэма, или точнѣе отрывокъ поэмы, неизвѣстнаго автора, подъ названіемъ: «Старый рыцарь» (ὁ πρέσβυς ἱππότης).

Дѣйствіе происходитъ при дворѣ Артура. Всѣ его рыцари одинъ за другимъ побѣждены какимъ-то неизвѣстнымъ старцемъ, который для многихъ изъ нихъ даже не удостоиваетъ взяться за копье, а только стойко выдерживаетъ ихъ удары. Самъ Артуръ вооружается, но старый рыцарь вѣжливо уклоняется отъ боя съ нимъ, и тотъ ведетъ его съ собою за столъ.

Является дѣвушка, дочь вдовы, утѣсненной злымъ сосѣдомъ, и проситъ защитника. Старый Рыцарь вызывается ѣхать съ нею. Осмѣяли дома бѣдную дѣвушку, когда увидѣли ея сѣдого защитника; смѣялись надъ нимъ и враги. Но когда онъ взялся за мечъ, смѣхъ ихъ превратился въ слезы. Враги прогнаны, и владѣлицы замка умоляютъ стараго героя вознаградить себя изъ сокровищницы; онъ отказывается и проситъ дѣвушку отнести отъ него письмо Артуру.

Очевидно, это переводъ изъ французской поэмы цикла Круглаго Стола; до насъ не дошелъ его оригиналъ въ стихотворной формѣ, а есть очень близкій эпизодъ въ прозаической передѣлкѣ романа Gyron le courtois и масса подобныхъ эпизодовъ въ другихъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, романахъ. Но это далеко не подстрочный переводъ: его авторъ—человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ. Онъ пишетъ довольно хорошимъ языкомъ, болѣе или менѣе соблюдаетъ правила метрики, пытается скрасить оригиналъ

Digitized by Google

собственными сравненіями и сдѣлать Стараго Рыцаря достойнымъ языка Гомера. Можно даже указать мѣсто, гдѣ онъ прямо подражаетъ Гомеру, нарушая рыцарскій колоритъ оригинала.

Вліяніе западной поэзіи должно было усилиться въ эпоху владычества латинцевъ. Хотя въ общемъ отношенія между рыцарями и византійцами и были враждебны, въ частныхъ случаяхъ, особенно въ провинціи, они уживались другъ съ другомъ очень ладно. Многіе бароны вскорѣ заговорили по-гречески, а промышляющіе при ихъ дворахъ греки — по-французски. Изъ смѣшанныхъ браковъ, какъ извѣстно, явилось новое племя — гемулы или пулланы, страстные охотники до рыцарскихъ упражненій. Въ соотвѣтствіе этому явился и новый эпосъ, представляющій такую же смѣсь изъ греческихъ эротическихъ романовъ и рыцарскихъ поэмъ.

Къ такимъ гибриднымъ продуктамъ принадлежатъ: «Удивительная исторія Бельтандра римскаго» *) и «Любовь Либистра, латинскаго рыцаря, и Родамны, принцессы армянской».

Первому разсказу предпослано такое введеніе: «Приблизьтесь, любезные слушатели, и подарите меня на минуту вашимъ вниманіемъ; я разскажу вамъ прекрасную исторію, необыкновенное приключеніе. Всякій, слушая ее, получитъ удовольствіе и забудетъ о своихъ бѣдахъ. Вы будете удивляться смѣлости и доблести героя исторіи. Вы увидите, что у царя Родофила было двое сыновей: Филаретъ и Бельтандръ, оба юноши удивительные, блестящіе и порфирородные. Бельтандръ былъ вторымъ, и онъ испытывалъ великую муку оттого, что его отецъ выражалъ ему пренебреженіе; онъ даже покинулъ свое отечество и сталъ изгнанникомъ. Вы увидите, какъ онъ бѣжалъ изъ страны, гдѣ былъ рожденъ, и какъ страдалъ вмѣстѣ съ прекрасной Хризанеой, какъ послѣ многихъ лѣтъ онъ пріобрѣлъ расположеніе своего отца, какъ изъ ненавидимаго сталъ онъ любимымъ, какъ принялъ діадему и знаки и какъ взошелъ на тронъ, чтобы царствовать вмѣстѣ съ своей супругой, прекрасной Хризанеой, дочерью царя великой Антіохіи. Будьте же внимательны и слѣдите за моимъ разсказомъ. Вы увидите, что я лгать не буду».

Что̀ это? копія-ли съ предисловій труверовъ, или дѣйствительное обращеніе къ *слушателямъ*, вызванное необходимостью? Вѣроятно, и то и другое вмѣстѣ. Съ уменьшеніемъ числа грамотныхъ людей, съ введеніемъ нравовъ и обычаевъ рыцарскихъ, поэты могли разсчитывать, между прочимъ, и на рецитаціи, и ихъ западные образцы, издавна долженствовавшіе укрощать и прельщать свою буйную аудиторію, давали имъ готовую форму.

---

*) Διήγησις ἑζαίρητος Βελθάνδρου τοῦ Ρωμαίου сохранилось въ одной рукописи XVI в.

Digitized by Google

Сильную западную окраску поэмы выдаютъ уже собственныя имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ: *Родофилъ* есть, очевидно, ловко грецизированный *Рудольфъ*, а Бельтандръ сильно напоминаетъ *Бертрана*.

Содержаніе поэмы въ главныхъ чертахъ слѣдующее:

Безъ причины ненавидимый своимъ отцомъ, не смотря на мольбы брата, Бельтандръ рѣшается покинуть отечество. Отецъ посылаетъ за нимъ погоню; посланные сперва стараются убѣдить словами Бельтандра возвратиться къ отцу, потомъ хотятъ употребить силу; но герой однимъ ударомъ меча повалилъ десять человѣкъ и скрылся безпрепятственно. Много странъ проѣхалъ онъ, повсюду совершая подвиги. Разъ, отыскивая истокъ заинтересовавшей его рѣки, очутился онъ передъ чудесно украшеннымъ городомъ, съ бриліантовыми воротами; это былъ „городъ Любви" — Erotocastron. Не смотря на то, что надпись на стѣнѣ запрещала вступать въ него тѣмъ, кто еще не испыталъ мученій страсти, Бельтандръ, оставивъ у воротъ своихъ слугъ, проникаетъ въ городъ. Слѣдуетъ описаніе монументальныхъ и орнаментальныхъ чудесъ города. Герой безпрепятственно доходитъ до самаго престола бога любви. Амуръ встрѣчаетъ его милостиво и приказываетъ ему указать прекраснѣйшую изъ 40 дѣвицъ, которымъ онъ велитъ пройти передъ героемъ. Бельтандръ, не колеблясь, отдаетъ скипетръ Амура Хризанеѣ, дочери царя антіохійскаго, и краснорѣчиво выхваляетъ Амуру ея прелести. Въ это мгновенье, все исчезло, какъ сонъ, и Бельтандръ вернулся къ своимъ спутникамъ, узнавъ свою будущую судьбу.

Черезъ нѣсколько дней онъ попалъ ко двору царя антіохійскаго и съумѣлъ пріобрѣсти его расположеніе; онъ былъ представленъ принцессѣ, и они сейчасъ же узнали другъ друга. Разъ принцесса въ саду громко разговаривала сама съ собой, жалуясь на мученія, которыя она испытываетъ отъ любви къ Бельтандру; тотъ подслушалъ эти рѣчи, вышелъ изъ засады и бросился въ ея объятія. Возвращаясь съ ночного свиданія, Бельтандръ былъ схваченъ стражами. Какъ быть? Принцесса для его спасенія придумала такую хитрость: царя надо увѣрить, что Бельтандръ приходилъ въ дворцовый садъ не для нея, а для ея вѣрной служанки Федроказы. Хитрость удалась; царь простилъ Бельтандра и женилъ его на Федроказѣ. Бракъ этотъ былъ фиктивный: по ночамъ Федроказу замѣняла Хризанеа.

Такъ продолжалось десять мѣсяцевъ. Опасаясь, что не нынче — завтра все обнаружится, Бельтандръ предлагаетъ Хризанеѣ бѣжать. Они покидаютъ Антіохію въ сопровожденіи Федроказы и трехъ служителей Бельтандра. Но судьба хочетъ наказать ихъ: разразилась страшная буря, и когда бѣглецы, уже настигаемые погоней, переправлялись черезъ рѣку, волны вырвали Хризанеу изъ рукъ Бельтандра; Федроказа и служители Бельтандра погибли. Долго любовники ищутъ другъ друга; найдя трупъ одного изъ служителей, Хризанеа приняла его за Бельтандра и хотѣла заколоться, но въ это время услышала въ кустахъ голосъ возлюбленнаго. Пять дней бродили Бельтандръ и Хризанеа по этой странѣ безъ одежды и безъ пищи и были уже близки къ погибели; наконецъ, они увидѣли корабль, который былъ посланъ царемъ Родофиломъ на поиски за его сыномъ Бельтандромъ, теперь, за смертію брата, единственнымъ наслѣдникомъ престола. Съ торжествомъ возвратился Бельтандръ въ отечество, и самъ патріархъ обвѣнчалъ его съ Хризанеой. Родофилъ заканчиваетъ разсказъ такими словами: „Смотрите, мои вельможи и придворные: я нашелъ моего потеряннаго сына; онъ былъ мертвъ, а теперь возвращается изъ пропасти Гадеса".

Еще очевиднѣе вліяніе рыцарскихъ нравовъ и французской ры-

Digitized by Google

царской поэзіи въ исторіи Либистра и Родамны. Эта поэма дошла до насъ въ единственной рукописи безъ конца, но еще во второй половинѣ XVI вѣка существовала полная ея редакція, изъ которой было сдѣлано по-латыни краткое извлеченіе.

Вотъ содержаніе поэмы:

Въ прекрасной долинѣ на берегу рѣки ѣдетъ одинокій рыцарь; на рукѣ его сидитъ соколъ, за нимъ слѣдуетъ охотничья собака. Онъ изъ страны латинской и называется Либистромъ. Его встрѣтилъ другой рыцарь Клитофонъ, сейчасъ же узнавшій въ немъ собрата по любовному страданію. Они поклялись другъ другу въ дружбѣ, и каждый разсказалъ другому свою исторію.

Либистръ долго не зналъ любви; разъ на охотѣ увидалъ онъ двухъ воркующихъ горлицъ; онъ убилъ стрѣлою одну; другая сейчасъ же умерла съ горя. Одинъ родственникъ объяснилъ ему это силою любви, дѣйствующей въ одинаковой степени во всей природѣ. Въ другой разъ онъ увидѣлъ вѣщій сонъ: ему явился Амуръ съ своими dii minores; испуганный герой преклонился передъ его престоломъ и просилъ пощады; Амуръ предсказалъ ему, что онъ влюбится въ Родамну, дочь Хриза; но прежде чѣмъ добиться ея любви, онъ долженъ претерпѣть много испытаній и трудовъ; только черезъ три года странствованій успокоится онъ. На слѣдующую ночь увидѣлъ онъ и самую Родамну. Собравъ себѣ дружину изъ 200 юношей и поручивъ свои владѣнія родственнику, Либистръ отправляется странствовать. Черезъ два года онъ нашелъ городъ Аргирокастронъ, гдѣ царствовалъ Хризъ, отецъ Родамны. Слѣдуетъ подробное описаніе аллегорическихъ статуй, украшающихъ стѣны города и дворецъ царскій. Либистръ сочиняетъ письмо къ Родамнѣ, и прикрѣпляетъ его къ стрѣлѣ, которую спускаетъ во дворецъ. За первымъ письмомъ слѣдовало второе, потомъ третье и т. д. Либистръ вступилъ въ сношенія съ евнухомъ Родамны, и тотъ устроилъ для него свиданіе съ красавицей, которую тоже въ ночномъ видѣніи ранилъ Амуръ своею стрѣлой. Въ это время за Родамну сватается Фредерикъ (Βερδέρεχος), король Египта. Хризъ согласенъ на его предложеніе, но Родамна сообщаетъ отцу о преданности Либистра и требуетъ, чтобы соискатели рѣшили свой споръ оружіемъ. Хризъ согласенъ и на это. Либистръ остался побѣдителемъ и Хризъ не только женилъ его на Родамнѣ, но и уступилъ ему престолъ. Нѣкоторое время Либистръ наслаждался полнымъ счастіемъ. Разъ вмѣстѣ съ женою и нѣсколькими служителями отправился онъ на охоту; имъ встрѣтилась старуха, сидѣвшая на верблюдѣ; она предложила царю Либистру и его супругѣ въ подарокъ прекраснаго коня и кольцо. Родамна сѣла на коня, а Либистръ одѣлъ кольцо на палецъ. Конь съ быстротой вѣтра умчалъ царицу изъ глазъ свиты, Либистръ же упалъ мертвымъ; только когда, снаряжая его къ погребенію, сняли съ его руки волшебное кольцо, онъ ожилъ, и собравъ своихъ прежнихъ спутниковъ, пустился на поиски.

Клитофонъ покинулъ свою родину, опасаясь ревности жениха своей двоюродной сестры, въ которую онъ былъ влюбленъ.

Теперь друзья вмѣстѣ отправляются по направленію къ Египту, справедливо подозрѣвая, что Родамну похитилъ египетскій царь. Они добрались до морского берега и стали совѣщаться, какъ переѣхать черезъ море. Въ это время Клитофонъ замѣтилъ избушку; въ ней жила та старуха, которая похитила Родамну. Угрозами и обѣщаніями друзья принудили ее помогать имъ въ поискахъ. Созвавъ злыхъ духовъ, старуха узнала, что Родамна, не смотря на преслѣдованія Фредерика, сохранила вѣрность мужу и теперь живетъ въ бѣдности на томъ берегу моря. Старуха чудеснымъ образомъ переправила витязей въ Египетъ; Клитофонъ

Digitized by Google

сперва одинъ увидался съ Родамной, потомъ свелъ супруговъ вмѣстѣ и они переправились тѣмъ же путемъ обратно. Волшебница, по требованію Родамны, была убита, а Либистръ предложилъ своему другу забыть прежнюю любовь и жениться на сестрѣ Родамны, на что тотъ и согласился.

Не смотря на то, что авторъ часто забываетъ сказанное имъ прежде и путается въ цыфрахъ, въ этой поэмѣ замѣтно гораздо больше искусства, чѣмъ въ исторіи Бельтандра; авторъ той поэмы повидимому наивный провинціалъ, а этой—столичный житель. Нельзя указать никакой французской поэмы, которая стояла бы въ непосредственной литературной связи съ исторіей Либистра; но духъ рыцарской поэзіи чувствуется во всѣхъ ея частяхъ. Идеально-храбрый и твердый, учтивый и уважающій себя, мягкій только въ дѣлахъ любви, Либистръ не имѣетъ ничего общаго съ героями романовъ школы Ахилла Тація, но за-то вылитъ по одной мѣркѣ съ Тристаномъ, Ланцелотомъ и пр. Родамна — исполненная чувства собственнаго достоинства дама-повелительница. Сказочныя чудеса тоже стали доступны византійской поэзіи только благодаря вліянію Запада. Между тѣмъ авторъ, очевидно, читалъ старые греческіе романы; онъ несомнѣнно подражалъ во многихъ мѣстахъ Эвматію и по-крайней-мѣрѣ въ одномъ — Ахиллу Тацію. Любопытна одна добрая черта, усвоенная греческими подражателями отъ ихъ образцовъ и особенно ярко выступающая въ этой поэмѣ—полное отсутствіе фривольности, чувственныхъ сценъ и картинъ.

Возвратившаяся въ 1261 г. въ Константинополь византійская аристократія нашла городъ въ ужасномъ состояніи: въ послѣдніе годы и мѣсяцы латинцы, очевидно, потеряли надежду удержать его за собою и хозяйничали въ немъ, какъ во временномъ лагерѣ. «Царица городовъ, говоритъ Никифоръ Грегорасъ, стала ареной разрушенія; были видны только кучи мусору и развалинъ. Дома частью были совсѣмъ разрушены, частью носили слѣды пожара. Палаты и императорскіе дворцы или стали грудой камней, или были такъ грязны и закопчены, что не было никакой возможности жить въ нихъ». Приблизительно въ такомъ же состояніи находились и всѣ отправленія государственной жизни. Первые императоры, Михаилъ VIII и Андроникъ II, дѣлаютъ, что могутъ, чтобы поправить дѣла—возвратить былую культуру. Но ихъ старанія остаются почти безплодными, тѣмъ болѣе что ихъ наслѣдники плохо поддерживаютъ эти начинанія, а съ начала XIV столѣтія приходится бороться на жизнь и на смерть съ турками. Скоро ожило все старое зло съ прибавкой новаго. Объединеніе имперіи такъ и осталось неисполненною мечтой:

Digitized by Google

Трапезунтъ удержалъ свою независимость; не вошли въ составъ имперіи и острова, захваченные венеціанцами; въ самой Греціи осталось нѣсколько франкскихъ владѣній. Казна была пуста, а между тѣмъ содержаніе двора стоило огромныхъ денегъ; и прежде было слишкомъ много придворныхъ чиновъ, а теперь явились еще новые, заимствованные отъ латинцевъ и даже отъ турокъ. Напрасно выдумываютъ самыя странныя мѣры, въ родѣ максимума на прожитіе, т.-е. (чтобы подданный могъ проживать только извѣстную сумму денегъ, а излишекъ отдавалъ государству); напрасно выпускаютъ низкопробную монету; это только окончательно губитъ финансы. Вся торговля переходитъ въ руки иностранцевъ, особенно итальянцевъ. Правосудія нѣтъ; венеціанцы, генуэзцы, пизанцы становятся неподсудны константинопольскимъ властямъ. Скоро и турки завели здѣсь своего кади. Собственнаго войска нѣтъ: имперію охраняютъ наемники изъ всякаго сброда. Духовенство крайне грубо и раздѣлено на партіи. Гдѣ же было, при такихъ условіяхъ, бороться съ героическими турками, которые были въ то время такъ далеки отъ нынѣшнихъ, какъ небо отъ земли, и съ необыкновенной быстротой усвоивали себѣ чужія открытія и изобрѣтенія, особенно въ военномъ дѣлѣ? Уже съ половины XIV столѣтія стало очевидно, что судьба имперіи рѣшена безповоротно. Даже анкирская битва (1402 г.), въ которой Тамерланъ, казалось, сломилъ силу турокъ, не вдохнула энергіи въ правительство Византіи, и черезъ полстолѣтія послѣ нея Константинъ XI могъ только геройски погибнуть, защищая огромный городъ, во главѣ ничтожнаго отряда въ 7000 человѣкъ, противъ прекрасной арміи въ 258 тысячъ.

Само собою разумѣется, что и литература временъ Палеологовъ не можетъ представлять ничего, кромѣ вымиранія старыхъ формъ и идей, и мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться нѣсколькими общими о ней замѣчаніями.

При тѣхъ же первыхъ императорахъ замѣчается въ ней и въ наукѣ нѣкоторое оживленіе. Свозятся въ Константинополь вновь рукописи. Андроникъ считается ученѣйшимъ государемъ своего времени. Жена его наслѣдника удостоивается прозванія новой Ипатіи; про его племянника Іоанна говорятъ, что онъ—ходячая библіотека. Но въ тоже время епископскія каѳедры часто занимаютъ невѣжественные, полуграмотные люди. Суевѣріе не только въ массѣ народа, но и въ императорскомъ дворцѣ доходитъ до крайней степени; астрологи тамъ самые вліятельные люди. Самая наука приноситъ вредъ государству, принимая узко богословскій характеръ: тотъ же Андроникъ изъ-за церковной полемики часто забывалъ государственныя дѣла. Очень немногіе изъ духовныхъ писателей проявляютъ

Digitized by Google

въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторое классическое образованіе. Вслѣдствіе бѣдности казны, школы вскорѣ падаютъ очень глубоко; сами профессора зачастую не имѣютъ понятія о метрикѣ и не въ силахъ писать литературнымъ языкомъ. Литературная производительность ограничивается, главнымъ образомъ, компиляціями и схоліями, авторы которыхъ только портятъ тексты классиковъ своимъ невѣжествомъ. Историки, за немногими исключеніями, показываютъ грубое незнаніе не только древней и западной, но и ранней византійской исторіи; географическія познанія византійцевъ этого времени немногимъ выше, чѣмъ у нашихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе старые виды литературы не вымерли окончательно: есть риторы, сочиняющіе діалоги, эпистолы и пр. и пр.; до самаго XV в. есть поэты, упражняющіеся въ эпической, лирической и даже драматической поэзіи; но число ихъ становится все меньше и меньше; безцвѣтность содержанія сама собою подразумѣвается.

Съ начала XV вѣка въ Константинополь за рукописями начинаютъ пріѣзжать итальянскіе гуманисты; они вывозятъ отсюда книжныя сокровища цѣлыми тюками, и это обстоятельство, доказывая съ одной стороны равнодушіе византійцевъ къ классической литературѣ, съ другой свидѣтельствуетъ о томъ, что еще недавно старые писатели имѣли очень и очень многихъ поклонниковъ. Массу рукописей нашли въ Константинополѣ и турки, конечно, не имѣвшіе возможности оцѣнить ихъ. По свидѣтельству одного современника, во время разгрома погибло около 120,000 томовъ; за одинъ дукатъ тогда можно было купить цѣлую связку манускриптовъ, въ томъ числѣ Аристотеля и Гомера.

Съ паденіемъ Константинополя, закончила свое существованіе и византійская литература; въ самой столицѣ греческій языкъ занимаетъ только второстепенное мѣсто, почти такое же, какъ и итальянскій. Въ провинціи онъ разбивается на нѣсколько десятковъ діалектовъ; въ немногихъ школахъ учатъ только грамотѣ и церковной службѣ. Лишь кое-гдѣ на островахъ спорадически появляются грамотѣи, труды которыхъ не могутъ составить даже и плохой литературы.

Западъ продолжалъ вліять на Грецію и при Палеологахъ, въ особенности на провинціи; на греческій съ французскаго переводятся такія произведенія, первоисточники которыхъ вышли съ греческаго; такъ грекъ временъ Палеологовъ узнавалъ о подвигахъ Ахилла изъ греческаго перевода французской поэмы Бенуа де-Сенъ-Мора. Начиная съ XIV вѣка французское вліяніе замѣняется, по весьма понятнымъ причинамъ, итальянскимъ, но и черезъ Италію греки получаютъ тѣже французскіе романы. Эти романы не теряютъ своей

Digitized by Google

популярности даже и послѣ 1453 г. Около этого времени пропадаетъ и послѣдній признакъ самостоятельности византійской литературы и ея классическихъ традицій: съ половины XV вѣка входитъ въ употребленіе риѳма; не въ гекзаметрахъ съ пентаметрами, даже и не въ политическихъ стихахъ, а въ стихахъ риѳмованныхъ по западному, оплакивали послѣдніе византійцы паденіе царицы городовъ.

А. Кирпичниковъ.

XVI. Символическая и дидактическая поэзія средняго вѣковъ.— „Романъ Розы". — „L'image du Monde" — Наставленія въ житейской мудрости и нравахъ *).

Символика и аллегоризмъ уже съ самаго начала христіанства являются одною изъ наиболѣе характеристическихъ его особенностей. Эта присущая христіанскому міровоззрѣнію склонность относиться къ даннымъ явленіямъ иносказательно выразилась не только по отношенію къ тѣмъ или инымъ положеніямъ христіанскаго вѣроученія, но даже и къ отдѣльнымъ фактамъ библейской и евангельской исторіи. Съ постепеннымъ возникновеніемъ церковной поэзіи и науки стремленіе къ аллегорическому способу представленія и пониманія проникло также и въ эту область. Образчиками въ данномъ случаѣ могутъ служить—во 1-хъ, стихотворное произведеніе Пруденція (род. въ 380 г. по Р. Х.) «Psychomachia» («Душевная битва»), представляющее вмѣстѣ и первый примѣръ чисто-аллегорической поэзіи въ литературѣ христіанскаго Запада **), и во 2-хъ, сочиненіе Боэція «Объ утѣшеніи философіи», содержаніе котораго было разсказано выше (см. III гл.). Въ дальнѣйшемъ развитіи средневѣковой школьной науки, при постоянномъ воздѣйствіи на нее католическаго богословія, постепенно выработалась такъ-называемая схоластическая философія, въ которой рѣшительный перевѣсъ мало-по-малу пріобрѣло направленіе, извѣстное подъ именемъ средневѣкового «реализма». Краеугольный камень этого направленія составляло, какъ извѣстно, ученіе объ «идеяхъ» или «сущностяхъ» съ самостоятельнымъ бытіемъ внѣ человѣческаго сознанія.

Эта псевдо-реалистическая философія, соприкасаясь съ литера-

*) За отсутствіемъ общихъ изслѣдованій по предмету, составляющему содержаніе настоящей главѣ, библіографическія указанія будутъ сдѣланы нами въ примѣчаніяхъ. *Авт.*

**) Содержаніе его составляетъ борьба христіанскихъ добродѣтелей съ языческими пороками. См. *Ebert*, Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. T. I, стр. 271 и слѣд.

Digitized by Google

турой въ собственной смыслѣ чрезъ посредство поэтовъ, воспитавшихся на школьной наукѣ, способствовала упроченію особыхъ пріемовъ и при созданіи литературныхъ произведеній: авторскій умъ уже со школьной скамьи получалъ опредѣленную складку, при которой онъ невольно смотрѣлъ на объекты художественнаго творчества чрезъ призму аллегоризма. Это должно было произойти особенно тогда, когда поэзія, не ограничиваясь уже однимъ эпическимъ пересказомъ разнаго рода героическихъ подвиговъ и связанныхъ съ ними происшествій, поставила себѣ задачей выраженіе душевныхъ движеній, сердечныхъ чувствъ человѣка. (Съ этимъ совпала и замѣна учеными поэтами-клериками прежнихъ простонародныхъ поэтовъ, жонглеровъ и отчасти труверовъ, уже не отвѣчавшихъ означенной задачѣ и дѣйствительно исчезающихъ съ литературной арены къ концу XIII в.). Взявшись за темы чисто-психическаго характера, поэты, пропитанные духомъ современной имъ схоластической психологіи, тѣмъ труднѣе могли отрѣшиться отъ аллегоризма и въ своемъ художественномъ творчествѣ. Такое прямое воздѣйствіе схоластической доктрины на характеръ средневѣковой литературы,— воздѣйствіе, въ бо́льшей или меньшей степени сказавшееся, впрочемъ, не только во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, но въ разныхъ отрасляхъ тогдашняго искусства — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и еслибы рѣчь шла только о происхожденіи символической или аллегорической поэзіи въ средніе вѣка, то вполнѣ удовлетворительное объясненіе для него мы имѣли бы въ указанномъ вліяніи. Но чтобы выяснить причину также и того необыкновеннаго успѣха литературныхъ произведеній въ аллегорическомъ родѣ, который замѣчается, особенно во Франціи, съ начала XIV вѣка и составляетъ неопровержимый литературно-историческій фактъ, необходимо, по нашему мнѣнію, имѣть въ виду нѣкоторыя соображенія болѣе общаго характера.

Аллегорическій способъ выраженія вообще составляетъ естественную принадлежность поэтической рѣчи, и по справедливому выраженію одного французскаго писателя, «первый поэтъ былъ вмѣстѣ и изобрѣтателемъ аллегоріи»; поэтому съ аллегоріями или олицетвореніями чувствъ, понятій и т. п. мы встрѣчаемся въ произведеніяхъ поэтовъ, жившихъ въ самыя различныя эпохи — начиная съ Гомера и Эсхила («Прометей») и до упомянутыхъ уже произведеній Пруденція и Боэція. Но пока поэтическое творчество находится въ полной силѣ и богатая фантазія поэта создаетъ поразительные по своей яркости образы, а чрезвычайно живое чувство его придаетъ имъ необыкновенную жизненность, за аллегоріей остается лишь значеніе условной, болѣе или менѣе случайной при-

Digitized by Google

красы *). Когда же, наконецъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, въ данномъ обществѣ изсякаетъ живая струя истинно-поэтическаго вдохновенія, аллегорія рѣзко вступаетъ въ свои права. Оно и естественно: въ созданіи литературныхъ произведеній, за отсутствіемъ непосредственнаго поэтическаго чувства, всю задачу тогда беретъ на себя холодный разсудокъ, рефлексія, болѣе склонные имѣть дѣло не съ горячими и капризными движеніями и порывами человѣческаго сердца и фантазіи, а съ понятіями, застывшими въ своей опредѣленности и, по своей отвлеченности, чуждыми всякой рельефности.

На вопросъ, какія условія особенно способствуютъ развитію аллегоризма въ литературѣ, кажется, безошибочно можно отвѣтить, что эпохи переходныя, когда заканчивается извѣстный фазисъ національнаго развитія, когда оказываются изсякшими наличныя силы творчества въ прежнемъ направленіи, когда жизнь утрачиваетъ свое правильное теченіе и человѣку прежде всего приходится задуматься надъ все болѣе надвигающимся переломомъ въ существовавшемъ дотолѣ житейскомъ строѣ, такъ что ему на-время становится не до поэтическихъ порывовъ и ихъ художественнаго выраженія, — такія именно эпохи должны особенно благопріятствовать появленію литературныхъ произведеній съ аллегорическимъ характеромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ свойственное подобнымъ періодамъ стремленіе относиться критически къ грозящему рухнуть порядку вещей почти неизбѣжно порождаетъ желаніе приправить по самой своей природѣ слишкомъ прѣсный на вкусъ аллегоризмъ струей ироніи и насмѣшки или, другими словами, первоначально чисто-аллегорическій характеръ литературныхъ произведеній превратить въ сатирическій. Такимъ образомъ, въ данной литературѣ постепенно устанавливается, согласно съ духомъ времени, особый аллегорически-сатирическій родъ произведеній, пока, наконецъ, сатирическій элементъ, какъ болѣе жизненный и болѣе мирящійся съ истинно-поэтическимъ творчествомъ, не получитъ преобладанія и не создастъ, если тому не встрѣтится помѣхи со стороны дѣйствительности, сатиру въ собственномъ смыслѣ. При дальнѣйшемъ изложеніи мы не разъ встрѣтимъ примѣры, подтверждающіе высказанное здѣсь положеніе, а пока ограничимся слѣдующимъ болѣе общимъ указаніемъ. Во второмъ періодѣ Римской имперіи, въ концѣ котораго разразился колоссальный національный и общественный кризисъ, въ произведеніяхъ тогдашнихъ языческихъ писателей весьма видное мѣсто занимаетъ

*) Объ *аллегоріи*, между прочимъ, см. также *Arthur Schopenhauer*, Die Welt als Wille und Vorstellung. I Bd., 288 ff. (Brockhaus. 1873).

Digitized by Google

аллегоризмъ, — стоитъ вспомнить панегирики, Апулея (даже въ самомъ поэтическомъ изъ его сочиненій — сказкѣ объ Амурѣ и Психеѣ), Клавдіана, одареннаго наибольшимъ поэтическимъ талантомъ между писателями своего времени, и уже упомянутаго въ своемъ мѣстѣ (см. III гл.) Марціана Капеллу. Въ исторической жизни французскаго народа переходною эпохой, когда среди тяжкихъ бѣдствій, обрушившихся на страну, страшно пошатнулся весь феодальный строй общества, признается по преимуществу XIV в., который, такимъ образомъ, является рубежомъ, отдѣляющимъ средневѣковую Францію отъ Франціи новаго времени *), — и именно въ этомъ и частію въ слѣдующемъ столѣтіяхъ во французской литературѣ аллегорическій родъ пріобрѣтаетъ чрезвычайное развитіе и популярность.

Начнемъ съ произведенія, которое хотя и было написано еще въ XIII в., но какъ по своему объему и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по необыкновенно-сильному вліянію на писателей послѣдующаго времени, можетъ по праву считаться главнымъ представителемъ свѣтской аллегорической поэзіи въ средніе вѣка. Это произведеніе—нѣкогда столь знаменитый «Романъ Розы» («Le Roman de la Rose»).

«Романъ Розы» принадлежитъ двумъ авторамъ: первая часть его (4,070 стиховъ) написана Гильомомъ де-Лоррисъ (Guillaume de Lorris), вторая (болѣе 18,000 стиховъ) — Жаномъ де-Мёнъ (Jean de Meun). Оба они родились неподалеку отъ Орлеана, Гильомъ—въ Лоррисѣ, Жанъ—въ Мёнѣ-на-Луарѣ. О первомъ изъ нихъ не имѣется никакихъ точныхъ свѣдѣній: только изъ двухъ, трехъ мѣстъ въ его собственномъ произведеніи мы узнаёмъ, что, во 1-хъ, ему было двадцать-пять лѣтъ, когда онъ сталъ писать свою поэму (45 стихъ), и что, во 2-хъ, его вдохновляла дѣйствительно испытанная имъ страсть къ одной, повидимому, весьма достойной женщинѣ: онъ взялся за свой поэтическій трудъ въ надеждѣ доставить ей удовольствіе (28—44 и 4,115 ст.) **). Обыкновенно принимается за достовѣрное, что поэма не была окончена Гильомомъ и, какъ кажется, вслѣдствіе его преждевременной смерти, такъ что продолже-

*) *E. Littré*, Etudes sur les barbares et le Moyen. Age-3-me édit. Стр. 372—73 и passim.—*Henri Martin*, Histoire de France, t. IV, 368, и t. VI, 489 и слѣд.

**) Мы дѣлаемъ ссылки на текстъ по изданію Франсиска Мишеля (Firmin Didot, 1864), причемъ должны замѣтить, что въ этомъ изданіи за стихомъ 3407-мъ (т. I, стр. 111) слѣдующій стихъ (стр. 112) ошибочно отмѣченъ цифрою 4008, вмѣсто 3408, и правильный порядокъ въ счетѣ стиховъ далѣе нигдѣ не возстановленъ. Для удобства читателей, на случай справокъ, мы будемъ держаться данной въ книгѣ, хотя въ сущности неправильной, нумераціи стиховъ.

Digitized by Google

ніе къ ней написалъ впослѣдствіи Жанъ де-Мёнъ, который далеко не остался вѣренъ первоначальному ея характеру. Предполагать, какъ дѣлали нѣкоторые историки литературы, что Мёнъ самъ отбросилъ написанный Гильомомъ конецъ «Романа Розы», съ цѣлью воспользоваться составлявшей его содержаніе фабулой, чтобы затѣмъ въ собственномъ дальнѣйшемъ ея изложеніи набросать вполнѣ чуждыя первоначальному плану сцены и дать выраженіе своимъ столь своеобразнымъ взглядамъ,—предполагать это, кажется, нѣтъ основанія, такъ какъ Мёнъ не только заставляетъ Амура предсказывать (11,316 ст. и слѣд.), что вотъ на такомъ-то мѣстѣ своей поэмы остановится Гильомъ де-Лоррисъ и затѣмъ навсегда упокоится въ могилѣ, — въ этомъ можно бы видѣть только литературный пріемъ, — но въ его словахъ слышится неподдѣльное искреннее сочувствіе къ преждевременно скончавшемуся земляку-поэту. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что о произведеніи Гильома *), до присоединенія къ нему продолженія, написаннаго Мёномъ, не встрѣчается ровно никакихъ упоминаній, такъ что оно, какъ будто, дѣйствительно оставалось неизвѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, пользовалось лишь чисто мѣстною извѣстностью. Время, когда оно было написано — первая половина XIII в., когда истинно-поэтическія традиціи прежняго времени были еще вполнѣ живы,—не могло особенно благопріятствовать популярности произведенія. въ такой степени пропитаннаго аллегоризмомъ. При этомъ Мёнъ могъ бы съ удобствомъ распорядиться такъ произвольно чужимъ произведеніемъ, которое по своему основному сантиментализму, конечно, не могло удовлетворить его, а между тѣмъ, самая его фабула, именно вслѣдствіе ея аллегорическаго характера, должна была представляться ему какъ разъ пригодною для осуществленія его собственной философско-дидактической и, въ извѣстной мѣрѣ, художественной задачи. Самое время, когда была написана Гильомомъ первая половина «Романа Розы», можетъ быть опредѣлено также лишь предположительно и тоже только на основаніи словъ его продолжателя. Хотя послѣдній и говоритъ категорически (въ упомянутомъ уже предсказаніи Амура), что онъ взялся за продолженіе поэмы своего предшественника спустя сорокъ лѣтъ по его смерти, но и вопросъ о томъ, когда была написана самимъ Меномъ вторая часть «Романа Розы», разрѣшается также лишь приблизительнымъ образомъ. Именно, почти въ началѣ своего труда, говоря въ одномъ мѣстѣ о Карлѣ Анжуйскомъ, Менъ называетъ его «ны-

*) Самостоятельно поэма Лорриса встрѣчается всего въ двухъ и то довольно позднихъ спискахъ, притомъ съ очевидно чужой и неумѣлою рукой прибавленнымъ окончаніемъ.

Digitized by Google

нѣшнимъ королемъ Сициліи» (7,379 ст.), а извѣстно, что Карлъ былъ коронованъ въ январѣ 1266 г. и умеръ въ январѣ же 1285 г., слѣд. Менъ, по крайней мѣрѣ, писалъ свою поэму именно въ этотъ промежутокъ времени; но такъ какъ поэтъ не дѣлаетъ никакого намека на случившіяся въ мартѣ 1282 г. такъ-называемыя «Сицильянскія вечерни», хотя по ходу его мыслей такой намекъ въ данномъ случаѣ былъ бы вполнѣ умѣстенъ, то Полэнъ Парй *) выводитъ, что указанное мѣсто или, иначе, начало второй половины «Романа Розы» написано прежде означеннаго событія, т.-е. между 1265 и 1282 гг. Вотъ, слѣдовательно, единственныя, хотя до извѣстной степени достовѣрныя данныя относительно перваго автора «Романа Розы»: родившись въ серединѣ второго десятилѣтія XIII вѣка, онъ, будучи двадцати лѣтъ, испыталъ серьозную страсть къ какой-то женщинѣ и, не успѣвъ окончить подъ вліяніемъ этого чувства начатое имъ на двадцать-пятомъ году жизни произведеніе, преждевременно сошелъ въ могилу.

Что же касается затмившаго его продолжателя, то Меонъ, въ предисловіи къ своему изданію «Романа Розы» (1814 г.), говоритъ о фамильныхъ документахъ, уже отъ начала XII в. свидѣтельствующихъ о существованіи благородной фамиліи Меновъ (de Meung) **), происходившей изъ города Мена-на-Луарѣ. Но Меонъ, кажется, ошибается, относя и поэта къ этому же роду: скорѣе прозваніе «de Meun» было имъ взято отъ имени его родного города (11,332 ст.), какъ это часто водилось въ средніе вѣка между поэтами и учеными недворянскаго происхожденія, и вышелъ онъ, вѣроятно, изъ средняго сословія, тѣмъ болѣе что самъ же онъ даетъ, въ стихѣ 11,330-мъ, другое свое прозвище «Clopinel» (Калѣка), присвоенное ему, вѣроятно, вслѣдствіе физическаго недостатка. Изъ позднѣйшихъ писателей (XV столѣтія и слѣд.) иные считали его за доктора богословія, другіе — за доктора правъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію, что Жанъ де-Менъ былъ человѣкъ по тогдашнему чрезвычайно образованный и обладалъ весьма обширною начитанностью, какъ въ древнихъ авторахъ, такъ и въ ученыхъ трактатахъ своего времени. Это видно, во-1-хъ, изъ сохранившихся его переводовъ и сочиненій, кромѣ второй части «Романа Розы», которой онъ обязанъ своей славой: сюда принадлежатъ богословская поэма «Le Trézor», «Золотыя изрѣченія», «Увѣщанія королю» и, въ переводѣ прозой, «Утѣшеніе философіи» Боэція, трактатъ Вегеція

*) *Paulin Paris.* Le Roman de la Rose (въ XXIII-мъ т. Histoire litteraire de la France, стр. 1—62).

**) Въ рукописяхъ прозвище поэта обозначается двояко—Jean de Meun и J. de Meung, сообразно способу написанія имени его родного города.

Digitized by Google

«О военномъ искусствѣ»; «Письма Элоизы и Абеляра», «Дива Ирландіи» (Les Merveilles d'Irlande) и, наконецъ, писанныя стихами, но кажется, дошедшія до насъ не совсѣмъ въ подлинномъ видѣ такъ-называемая «Духовная» и особое «Прибавленіе» къ ней (Le Testament et le Codicille) *); во 2-хъ, по множеству встрѣчающихся въ «Романѣ Розы» заимствованій изъ древнихъ авторовъ и ссылкамъ на нихъ **). Если Жанъ де-Менъ и не принадлежалъ къ дворянскому роду de Meung, онъ, тѣмъ не менѣе, уже съ раннихъ лѣтъ находился въ хорошихъ жизненныхъ условіяхъ и впослѣдствіи состоялъ на службѣ у разныхъ знатныхъ лицъ и при дворѣ, и вообще пользовался какъ полнымъ матеріальнымъ достаткомъ (въ XIV—XV вв. въ Парижѣ былъ извѣстенъ нѣкогда принадлежавшій ему домъ съ садомъ, въ которомъ, по преданію, и была написана поэтомъ вторая часть «Романа Розы»), такъ и общимъ почетомъ, выпавшимъ ему на долю, конечно, за его чрезвычайный авторскій талантъ и высокую образованность.

Поэма „Le Roman de la Rosë", по мысли ея первоначальнаго автора, должна была составлять цѣлый трактатъ, въ аллегорической формѣ, о любви со всѣми ея проявленіями и случайностями. Отъ Овидія, у котораго Гильомъ дѣлаетъ не разъ заимствованія, его отличаетъ, кромѣ аллегорической оболочки, также и основная задача: онъ хочетъ не столько преподать практическіе совѣты въ любовныхъ дѣлахъ, подобно Овидію, сколько изложить теорію или, по выраженію Полэна Пари „физіологію" любовной страсти ***). „Вотъ „Романъ Розы", содержащій въ себѣ всю науку любви", говоритъ самъ авторъ въ началѣ поэмы (37—38 ст.). Дѣйствіе, вставленное въ довольно любимую у средневѣковыхъ писателей рамку „сна", начинается съ того, что автору — онъ же и герой романа — однажды пригрезилось, будто, вставъ раннимъ утромъ и заботливо принарядившись, онъ отправился погулять за-городъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ, „въ веселое время любви, когда радуется каждый предметъ и нѣтъ ни одного кустика, который не хотѣлъ бы нарядиться въ новую листву; когда лѣсъ, стоявшій обнаженнымъ въ продолженіе зимы, вновь покрывается зеленью, и сама земля, оживленная оросившею ее влагой, также облекается въ новую одежду, которую она умѣетъ сдѣлать,

*) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littèrature franç. au M.-Age, т. II, стр. 35, прим. 5.

**) Ему извѣстны Гомеръ (изъ Боэція и изъ латинскихъ передѣлокъ Гомеровыхъ эпопей), Платонъ, Аристотель, Горацій, Виргилій, Овидій, Цицеронъ, Саллюстій, Клавдіанъ, Луканъ, Ювеналъ, Тибуллъ, Катуллъ, Гиппократъ, Эвклидъ, Эмпедоклъ, Энній, Сенека, Юстиніановы „Institutiones", Птолемеева „Альмагеста" и другіе авторы, хотя не всѣ изъ прямого знакомства съ самыми ихъ произведеніями, а чрезъ посредство существовавшихъ тогда компилятивныхъ сборниковъ въ родѣ „Policraticon" Іоанна Сольсберійскаго, или же изъ любимаго автора Жана де-Мена — Боэція. *Ampère*, Le Rom. de la Rosé въ Rev. d. D. Mondes, 1843, t. III, p. 441—81.

***) Но, какъ было уже замѣчено, на основаніи собственнаго опыта. Въ ст. 46-мъ поэтъ говоритъ, что онъ начинаетъ разсказъ пять лѣтъ спустя послѣ своего „сна", т.-е. другими словами послѣ того, какъ ему пришлось испытать любовь, подъ конецъ увѣнчавшуюся, повидимому, взаимностью.

Digitized by Google

при помощи травъ и голубыхъ и фіолетовыхъ цвѣтовъ, такою красивою и всевозможныхъ оттѣнковъ"... „Весьма жесткое сердце долженъ имѣть тотъ, кто въ мнѣ не испытываетъ чувства любви", прибавляетъ авторъ. Продолжая свою прогулку вдоль берега рѣки съ прозрачной и прохладной водой, онъ приходитъ къ обширному парку, окруженному высокой зубчатой стѣной, на которой замѣчаетъ то писанныя золотомъ и лазурью, то рѣзныя фигуры. Это—изображенія различныхъ человѣческихъ свойствъ и пороковъ, которыхъ особенно должно чуждаться сердце, расположенное любить, какъ-то: Ненависть, Подлость, Корыстолюбіе, Скупость Зависть, Уныніе, Старчество, Ханжество (Papelardie) и Нищета. Всѣмъ имъ авторъ дѣлаетъ характеристику, уже встрѣчаемую и раньше у проповѣдниковъ и моралистовъ, хотя у Гильома нельзя отнять умѣнья рисовать мѣткими и вмѣстѣ тонкими штрихами. Между аллегорическими фигурами одна представляется намъ интереснѣе другихъ, какъ примѣръ филіаціи литературно-художественныхъ типовъ: безсмертный мольеровскій Тартюфъ имѣетъ себѣ, какъ увидимъ при изложеніи второй части „Романа Розы", предшественника въ лицѣ „Faux-Semblant" (Лицемѣріе), а для этого послѣдняго первообразомъ была фигура „Ханжества" (Papelardie), охарактеризованная у Гильома слѣдующимъ образомъ: „Стоитъ лишь не остеречься, и оно не замедлитъ совершить изъ-подтишка всевозможное зло... Выраженіе лица его простоватое и жалкое, и само оно по виду совсѣмъ святой человѣкъ; но нѣтъ въ поднебесной того нечестиваго поступка, котораго бы оно не обдумывало въ своемъ сердцѣ... Держало оно себя скромно, и обувь и одежда на немъ были монашескія; въ рукахъ у него былъ молитвенникъ, и оно усердно возсылало къ Богу свои лицемѣрныя молитвы, призывая въ тоже время всѣхъ святыхъ и праведниковъ; веселость и шутка были ему чужды, оно словно только и думало, что о добрыхъ дѣлахъ. Облеченное во власяницу и безъ малѣйшихъ признаковъ полноты, оно казалось изможденнымъ постами; цвѣтъ же лица его былъ мертвенно-блѣдный. Но ему и подобнымъ ему заграждены врата рая, ибо, по слову Евангелія, эти люди придаютъ себѣ тощій видъ ради людскихъ похвалъ и суетной славы, дѣлающихъ ихъ чуждыми Бога и царствія божія".— За стѣною находился прекраснѣйшій садъ съ рѣдкостными деревьями и всякими пѣвчими пташками; только нигдѣ не было видно входа въ него, кромѣ небольшой калитки. На стукъ пришельца показалась Праздность (Oiseuse), — она имѣла видъ необыкновенно красивой дѣвушки и костюмъ на ней отличался чрезвычайнымъ изяществомъ. Отрекомендовавшись особой вполнѣ обезпеченной и любящей одни удовольствія, Праздность сообщила поэту, что въ чудномъ саду обитаетъ изящное Удовольствіе (Déduit) въ обществѣ самыхъ прекрасныхъ людей. На выраженное новымъ гостемъ желаніе познакомиться съ этой честной компаніей, Праздность впускаетъ его за ограду; наслушавшись сначала разнообразнаго пѣнія птицъ, онъ отправился къ самому хозяину этого райски-прелестнаго мѣста. Онъ застаетъ Удовольствіе развлекающимся танцами: съ нимъ пляшетъ его подруга Веселость (Liesse). За описаніемъ того и другой, исполненнымъ, по обыкновенію нашего поэта, множества интересныхъ подробностей о тогдашнихъ костюмахъ, слѣдуетъ изображеніе бога Любви (Amour), этого властителя и судьи всѣхъ влюбленныхъ, „въ платьѣ изъ живыхъ цвѣтовъ и въ вѣнкѣ изъ розъ, лепестки которыхъ отпадали отъ прикосновенія порхавшихъ надъ ними соловьевъ". Подлѣ Амура находился его пажъ „Нѣжный Взоръ" (Doux-Regard), державшій два лука, одинъ ярко-изукрашенный, другой же самаго простого и неизящнаго вида, сообразно двумъ родамъ любви— счастливому и несчастному, и два колчана, каждый съ пятью стрѣлами, изъ которыхъ самая лучшая и быстрая носила названіе „Красоты", остальныя же назывались „Простота, Откровенность, Отчаяніе" и пр. Съ Амуромъ стояла въ парѣ

Digitized by Google

Красота: „Съ тѣломъ нѣжнымъ, какъ роза, сама скромная, какъ новобрачная, и бѣлая, какъ лилія“, она не была разодѣта подобно Праздности, и длинные русые волосы спускались у ней до пятъ. Далѣе характеризуется Богатство — знатная дама въ роскошномъ пурпурномъ платьѣ, опоясанномъ чудеснымъ поясомъ, пряжка котораго была изъ камня, предохраняющаго отъ яда, а застежка изъ камня, излѣчивающаго отъ зубной боли; на головѣ же Богатство имѣло золотой обручъ, украшенный всевозможными драгоцѣнными камнями, отъ рубина до карбункула, свѣтящагося ночью на цѣлую версту; далѣе Щедрость, „Александрова рода“, которую ничто такъ не радовало, какъ возможность сказать: „На, возьми“, — „за-то и любили ее и богатые и бѣдные“, замѣчаетъ авторъ, развивая при этомъ, въ обычномъ для труверовъ тонѣ, мысль, что для знатнаго человѣка нѣтъ хуже порока, чѣмъ скупость: „какъ магнитъ таинственно притягиваетъ желѣзо, такъ людское сердце привлекаютъ щедро раздаваемыя золото и серебро“. Затѣмъ идутъ портреты Искренности (Franchise), Любезности (Courtoisie) и Юности (Jeunesse). Послѣ того какъ парочки разошлись въ разныя стороны для отдыха подъ тѣнью деревъ, и поэтъ отправился гулять по саду, Амуръ сталъ слѣдить за нимъ, стараясь улучить минуту, чтобы поразить его своими стрѣлами. Здѣсь слѣдуетъ оживленное описаніе деревьевъ и другихъ растеній, находившихся въ саду Удовольствія и освѣжаемыхъ остроумно-устроенными фонтанами, изъ которыхъ одинъ, расположенный подъ великолѣпной сосной, былъ особенно прекрасенъ и обладалъ, благодаря двумъ лежавшимъ на днѣ его кристаллэмъ, чудеснымъ свойствомъ: что бы кто ни увидѣлъ въ этомъ необыкновенномъ зеркалѣ, онъ проникался къ тому неодолимою любовью, и въ этомъ-то фонтанѣ,—„по справедливости названномъ *Фонтаномъ любви*, какъ о немъ не разъ разсказывается въ романахъ и книгахъ“ — вслѣдствіе его роковой особенности погибъ нѣкогда красавецъ Нарциссъ. Фонтану принадлежала также способность отражать до мельчайшихъ подробностей все находившееся въ предѣлахъ сада, и вотъ, между прочимъ, поэтъ, герой поэмы, увидѣлъ въ немъ отраженіе до тѣхъ поръ не замѣченной имъ группы розовыхъ кустовъ въ полномъ цвѣту. Ни минуты не медля, онъ отправляется полюбоваться вблизи чудными цвѣтами, изливавшими тончайшій ароматъ. Особенно одинъ бутонъ между ними очаровалъ поэта; но какъ ни велико было его желаніе сорвать прелестный цвѣтокъ, ему мѣшала въ этомъ отдѣлявшая его отъ розъ живая изгородь изъ колючихъ растеній. Въ эту минуту Амуръ и пустилъ въ него сначала стрѣлу „Красоты“, вонзившуюся прямо въ сердце поэта; но такъ какъ Влюбленный (L'Amant) — такъ называетъ себя поэтъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ — продолжалъ, не смотря на причиненную ему боль, стремиться къ розовому бутону, богъ любви поразилъ его и остальными, принадлежавшими къ его красивому луку, стрѣлами. Влюбленному пришлось сдаться своему побѣдителю и признать себя его вассаломъ, что, впрочемъ, онъ исполнилъ весьма охотно и чѣмъ сразу пріобрѣлъ себѣ его расположеніе. Вмѣсто залога въ вѣрности, новый вассалъ, прибѣгая къ довольно курьозной образности рѣчи, предлагаетъ своему властелину „взять себѣ тотъ ключъ, которымъ онъ долженъ замкнуть въ его крѣпости—сердцѣ—свой проникшій туда и столь тягостный для него гарнизонъ“. Амуръ, понимая, что тотъ вполнѣ владѣетъ человѣкомъ, кто повелѣваетъ его сердцу, весьма осторожно замкнулъ ключикомъ изъ чистаго золота сердце Влюбленнаго и, пообѣщавъ ему, что испытываемыя имъ теперь страданія прекратятся, если онъ соблюдетъ обѣщанную вѣрность, излагаетъ „заповѣди, которыхъ не долженъ преступать ни одинъ истинно-влюбленный“. Эти „заповѣди“ интересны тѣмъ, что представляютъ какъ-бы кодексъ тогдашней любовной теоріи и свѣтской благовоспитанности; мѣстами авторъ только переводитъ Овидія, но постоянно избѣгаетъ миѳологическихъ намековъ и

Digitized by Google

подробностей, не отвѣчающихъ его современности. Посвятивъ на ихъ изложеніе около полутораста стиховъ, поэтъ заставляетъ бога любви заключить слѣдующимъ образомъ: „Кто хочетъ имѣть Амура своимъ господиномъ, тотъ долженъ быть учтивымъ и чуждымъ гордости, отличаться веселостью, изяществомъ и щедростью, и каждое мгновеніе посвящать мысли о своей любви; но пуще всего—прибавляетъ Амуръ—заповѣдую тебѣ, разъ отдавъ свое сердце, отдать его безраздѣльно и безвозвратно, отъ всей души, такъ какъ я не придаю никакой цѣны жертвѣ, если она приносится мнѣ неохотно". Амуръ не забываетъ однакожъ нарисовать Влюбленному—и къ чести поэта надо замѣтить, чертами правдивыми, чуждыми всякой изысканности—также и ожидающія его любовныя муки: и безсонныя ночи, проводимыя въ томительной тоскѣ по возлюбленной, и безчисленныя неудачныя попытки высказать ей свои чувства; но за-то несчастнымъ до поры до времени влюбленнымъ даны въ усладу общая Утѣшительница-Надежда, Сладостная Мечта, Нѣжный Разговоръ о *ней* съ преданнымъ другомъ и, наконецъ, Милый Взглядъ *ея* самой, а со временемъ будутъ достигнуты и иныя, лучшія блага (—2776 ст.). Амуръ изчезаетъ, а Влюбленнаго снова начинаетъ тянуть къ бутону, отъ котораго онъ остается отдѣленнымъ тернистою изгородью. Едва онъ собрался было перелѣзть черезъ нее, какъ появляется красивый юноша Привѣтъ (Bel-Accueil), сынъ Учтивости (Courtoisie). Онъ приглашаетъ Влюбленнаго исполнить свое намѣреніе и насладиться ароматомъ розъ, но въ тоже время предупреждаетъ его остерегаться безразсудства и на этомъ условіи предлагаетъ ему свои услуги. Но Влюбленнаго лишаетъ бодрости особа, носящая имя Опасеніе (Dangier, слово выражающее идею и опасности и опасенія). Опасеніе приставлено охранять розы и при немъ состоятъ въ помощникахъ Злорѣчіе (Male-Bouche), Стыдъ (Honte) и Боязнь (Peur). О Стыдѣ сказано, что его мать Разсудительность (dame Raison) зачала его отъ одного лишь вида его отца Проступка (Méfait). Непорочность (Chasteté), не зная какъ оборониться отъ Венеры, денно и нощно похищавшей у ней безразлично и бутоны и розы, упросила мать Стыда уступить его для охраны розъ и приставила къ нему, сверхъ Злорѣчія и Боязни, еще и Ревность. Влюбленный, ободряемый Привѣтомъ, разсказываетъ объ ужасныхъ ранахъ, нанесенныхъ ему Амуромъ, и о своемъ страстномъ желаніи овладѣть очаровательнымъ розовымъ бутономъ. Выслушавъ его благосклонно, Привѣтъ даже соглашается достать для него одинъ изъ зеленыхъ листьевъ, выросшихъ на одномъ стебелькѣ съ розой, хотя и не обѣщаетъ исполнить его послѣднюю просьбу. Внезапно на нихъ накидывается Опасеніе, жестоко журитъ Привѣтъ, спасающійся бѣгствомъ и отгоняетъ, Влюбленнаго подальше отъ розъ. Съ этой минуты послѣдній испытываетъ муки, предсказанныя ему Амуромъ. Тогда-то Разсудительность (dame Raison) *) спускается съ своей башни и читаетъ Влюбленному поученіе за то, что онъ послѣдовалъ за Праздностью и послушался Амура. Она грозитъ ему бѣдою со стороны Опасенія и его товарищей. Въ этой проповѣди представлена оборотная сторона медали: любовь выставляется уже не началомъ всего хорошаго, а наоборотъ причиною всѣхъ золъ. „Кто любитъ, тотъ не въ состояніи поступать хорошо; муки любви чрезмѣрны, а радости ея непродолжительны" и т. д.. Но Влюбленный и слушать не хочетъ, тѣмъ болѣе что онъ присягнулъ на вѣрность Амуру и, какъ истинный вассалъ, лучше умретъ, нежели рѣшится дать своему господину поводъ обвинить его въ измѣнѣ. Не видя никакого толку отъ своихъ стараній, Разсудительность удаляется. Влюбленный, припомнивъ, что Амуръ совѣтовалъ ему найти себѣ друга, которому онъ

*) Собственно это Разсудокъ, но мы переводимъ словомъ женскаго рода, такъ какъ въ подлинникѣ стоитъ „dame Raison".

Digitized by Google

могъ бы повѣрять свои сердечныя страданія, обращается къ одному своему „вѣрному товарищу“, по имени Другъ (Ami). Это типъ наперстника, обязательной фигуры во всѣхъ позднѣйшихъ рыцарскихъ романахъ и французскихъ трагедіяхъ. Другъ ободряетъ Влюбленнаго, обнадеживая, что ему еще удастся умилостивить Опасеніе просьбами и лестью. Влюбленный покорно отправляется къ суровому стражу, который представленъ поэтомъ въ видѣ безобразнаго мужлана (vilain) съ свирѣпымъ выраженіемъ и вооруженнаго толстою палкой, и взываетъ къ нему о прощеніи, обѣщая ничего не затѣвать вопреки его волѣ, лишь бы только онъ позволилъ любить его Розу. Опасеніе, нѣсколько поломавшись, рѣзко отвѣчаетъ: „Если ты любишь, то мнѣ оттого ни тепло, ни холодно; люби сколько тебѣ угодно, только не подходи къ моимъ розамъ“, и Влюбленный остается безполезно вздыхать, не смѣя переступить черезъ изгородь, отдѣляющую его отъ розъ. По счастью Богъ посылаетъ двухъ особъ, расположенныхъ пособить Влюбленному въ его бѣдѣ—Искренность (Franchise) и Жалость (Pitié). Онѣ умоляютъ Опасеніе смягчить свою суровость относительно Влюбленнаго и не лишать бѣдняга по крайней мѣрѣ сообщества Привѣта. Опасеніе не въ силахъ отказать дамамъ, и Искренность идетъ отыскивать Привѣтъ, который не замедлилъ явиться и за руку ввести Влюбленнаго въ розовый цвѣтникъ, откуда они не задолго были прогнаны съ такимъ позоромъ. Между тѣмъ Роза уже значительно распустилась и цвѣтъ ея сталъ ярче. Влюбленный упрашиваетъ Привѣтъ позволить ему упиться „сладкимъ поцалуемъ“ Розы, но Привѣтъ на-отрѣзъ отказываетъ ему въ томъ, опасаясь Непорочности и зная, до чего доводитъ первый поцалуй. Влюбленный готовъ покориться своей участи, утѣшаясь тѣмъ, что и „дерево не сразу рубится“; но ему на выручку является Венера. (Венера здѣсь не въ собственномъ смыслѣ богиня любви, а подобно остальнымъ дѣйствующимъ лицамъ поэмы—фигура чисто-аллегорическая, обозначающая любовныя желанія). Она столь убѣдительно описываетъ Привѣту достоинства Влюбленнаго, ради которыхъ любая владѣтельница зàмка съ радостью разцаловала бы его, что тотъ даетъ наконецъ соизволеніе на желаемый поцалуй. Влюбленный въ полномъ восторгѣ отъ испытаннаго имъ удовольстія; но Злословіе (Male-Bouche), соотвѣтствующее „сплетникамъ“ (les medisants), на которыхъ такъ часто въ своихъ пѣсняхъ жалуются трубадуры и труверы, все время присматривало за Влюбленнымъ, и своими навѣтами разбудило Ревность, которая, распекши Привѣтъ за его дружбу съ Влюбленнымъ, грозитъ заключить его въ темницу. Стыдливость (Honte), въ одеждѣ монахини и отъ смущенія съ трудомъ произнося слова, пытается заступиться за Привѣтъ и убѣждаетъ Ревность не слишкомъ довѣряться Злословію, у котораго въ обычаѣ распускать ложные слухи. Но Ревность, которой со всѣхъ сторонъ мерещится измѣна, „ибо повсюду царитъ распущенность, не исключая ни аббатствъ, ни монастырей, такъ что непорочность нигдѣ не можетъ считаться внѣ опасности“, грозитъ для вящшей охраны розоваго сада выстроить крѣпость, гдѣ будетъ возвышаться башня, которая и должна служить мѣстомъ заключенія измѣннику Привѣту. Боязнь естественно, отъ такихъ ужасовъ приходитъ въ трепетъ и, вмѣстѣ съ своей кузиной Стыдливостью, бѣжитъ будить Опасеніе, которое тѣмъ временемъ дремало. Обѣ упрекаютъ его въ небрежности и лѣни, а бѣдному Влюбленному, бѣжавшему при самомъ появленіи Ревности, открывается перспектива еще печальнѣе прежняго—вновь наступятъ для него плачъ и вздохи и тяжелыя думы среди безконечной безсонницы. Между тѣмъ Ревность принимается за постройку крѣпости, описаніе которой содержитъ интересныя подробности, характеризующія тогдашнее фортификаціонное искусство. По окончаніи этой работы, въ крѣпости помѣщается гарнизонъ, входы же въ нее охраняютъ Стыдливость, Боязнь и Злосло-

Digitized by Google

віе, а въ башнѣ остается узникомъ несчастный Привѣтъ, за которымъ неусыпно наблюдаетъ приставленная къ нему Ревностью старуха, нѣкогда сама испытавшая всѣ радости и печали, насылаемыя Амуромъ на его приверженцевъ, и благодаря такой своей опытности застрахованная противъ всякихъ обмановъ и хитростей. (По замѣчанію П. Парй, введеніемъ этой реальной личности нарушенъ аллегорическій тонъ поэмы; но слѣдуетъ замѣтить, что онъ не выдержанъ авторомъ съ самаго ея начала, такъ какъ съ различными олицетвореніями чувствъ и страстей въ непосредственное соотношеніе поставлено также живое лицо—самъ авторъ и вмѣстѣ герой поэмы). Влюбленный въ полномъ отчаяніи, считая, что все для него погибло, особенно если и Привѣтъ лишитъ его своего расположенія. На этомъ обрывается поэма Гильома де-Лоррисъ.

Если въ первой части «Романа Розы» все же замѣчается, хотя и не Богъ-знаетъ какъ искусно веденное, развитіе дѣйствія, то о второй его половинѣ нельзя сказать даже и этого. Жанъ де-Менъ, воспользовавшись фабулой, изобрѣтенною его предшественникомъ, какъ удобнымъ поводомъ для того, чтобы высказать свои взгляды на множество явленій психической и общественной жизни человѣка, видимо мало интересовался вопросомъ о дальнѣйшемъ ходѣ разъ уже завязаннаго положенія въ романѣ. Поэтому, написанная имъ часть поэмы какъ-бы вся состоитъ изъ отступленій, изъ которыхъ одни посвящены хотя излишне многорѣчивому, но нерѣдко замѣчательно сильному развитію его собственныхъ взглядовъ, иногда поражающихъ своею смѣлостью и свидѣтельствующихъ о глубокомъ знакомствѣ съ тогдашнею наукой; другія же представляютъ собою обстоятельные разсказы о какой-либо исторической и миѳической личности, служащіе нагляднымъ подтвержденіемъ проповѣдуемыхъ авторомъ мнѣній, вставочные поэтическіе эпизоды или коротенькія поэмы, изъ которыхъ иныя, можетъ быть, и дѣйствительно были написаны имъ первоначально безъ всякаго отношенія къ «Роману Розы» и только потомъ уже введены въ чрезмѣрно разросшуюся рамку названнаго произведенія. Такъ какъ для насъ особенно интересны именно отступленія перваго рода, то мы ограничимся сжатымъ пересказомъ самой фабулы, но за-то приведемъ въ болѣе или менѣе дословномъ переводѣ нѣсколько наиболѣе характеристическихъ мѣстъ произведенія Жана де-Менъ,—мѣстъ, которымъ, несомнѣнно, авторъ и былъ обязанъ своею необыкновенной знаменитостью, заставившей одного изъ писателей послѣдующаго времени гиперболически поставить его выше Гомера и Данта.

Къ Влюбленному, который то предается отчаянію и сожалѣнію, что во-время не послушался предостереженій Разсудительности, то проникается надеждой и готовностью до конца остаться вѣрнымъ вассаломъ бога любви, вторично приближается Разсудительность. Спросивъ его, чтитъ ли онъ по прежнему своего повелителя, изъ-за котораго онъ испытываетъ теперь столько горя, она рисуетъ любовь въ длинномъ рядѣ антитезъ, поражающихъ то своею мѣткостью, то замысловатостью. Затѣмъ у нихъ завязывается весьма пространный разговоръ, занимающій болѣе трехъ

Digitized by Google

тысячъ стиховъ, въ которомъ Влюбленному приходится болѣе задавать вопросы, тогда какъ Разсудительность успѣваетъ обстоятельно коснуться всевозможныхъ предметовъ. Такъ у ней за изображеніемъ истинной, доброй любви, которая выше даже справедливости и одна лишь способна сдѣлать человѣка „совершеннымъ на словахъ и на дѣлѣ", слѣдуютъ, въ перемежку, похвалы дружбѣ и старости, съ ссылкой на „De Senectute" Цицерона, порицаніе юности съ ея заблужденіями, нападки на женщинъ, разсужденія о непостоянствѣ Фортуны (здѣсь любопытно оригинальное описаніе ея жилища, построеннаго на вѣчно колеблющейся среди моря скалѣ), въ подтвержденіе котораго приводятся цѣлые разсказы о разныхъ лицахъ, заимствованные изъ исторіи какъ древнихъ, такъ позднѣйшихъ временъ. Въ продолженіе этой бесѣды Разсудительность и ея оппонентъ не разъ принимаются разсуждать по всѣмъ правиламъ современной имъ діалектики. Въ концѣ концовъ, Влюбленный однакожь объявляетъ Разсудительности безъ обиняковъ, что „онъ устаръ ее слушать", такъ что ей остается только удалиться. Едва Влюбленный успѣлъ подумать о своемъ добромъ совѣтникѣ Другѣ, какъ тотъ самъ приходитъ къ нему, и снова начинается длиннѣйшій, болѣе чѣмъ въ 2700 стиховъ, разговоръ, въ которомъ устами друга съ замѣчательной энергіей развиваются чрезвычайно характерныя по своему отрицательному тону воззрѣнія Жана де-Менъ. Сначала другъ внушаетъ Влюбленному, что для того, чтобы добиться доступа къ Привѣту, единственному посреднику между нимъ и любимою имъ Розой, онъ долженъ стараться, во-первыхъ, притворнымъ равнодушіемъ усыпить подозрѣнія Злословія и Ревности и, во-вторыхъ, подарками и лестью расположить къ себѣ тѣхъ, что приставлены охранять заключенный въ башнѣ Привѣтъ. Впрочемъ авторъ въ монологахъ Друга мѣстами какъ бы вовсе упускаетъ изъ виду данное положеніе и высказываетъ сужденія о женщинахъ вообще. Замѣчаніе, что нынѣшнія женщины хотя и цѣнятъ въ мужчинахъ красоту и умѣнье красно говорить, но все-таки предпочитаютъ всему туго набитый кошелекъ, наводитъ автора на мысль о золотомъ вѣкѣ, когда царила свободная любовь и люди не знали ни собственности, ни власти, ни брака и сопряженной съ нимъ ревности. Какъ примѣръ послѣдней вставленъ разсказъ о мужѣ-ревнивцѣ (около тысячи стиховъ), который заканчиваетъ свою безконечную рѣчь противъ женщинъ—интересную тѣмъ, что Жанъ де-Менъ воспроизводитъ въ ней отрицательный взглядъ на бракъ, выраженный въ одномъ не дошедшемъ до насъ трактатѣ Ѳеофраста, знаменитаго автора „Характеровъ",—немилосердною потасовкой своей благовѣрной. Затѣмъ Другъ опять возвращается къ описанію первобытной жизни, объясняя, какимъ образомъ съ тѣхъ поръ какъ Язонъ добылъ золотое руно, у людей развилась страсть къ обогащенію и какъ они, для обезпеченія появившейся теперь у нихъ собственности, вынуждены были избрать себѣ короля и навѣки закрѣпить возникшее между ними неравенство. Другъ заканчиваетъ полнымъ отрицаніемъ ревности, проповѣдуя необходимость предоставить женщинамъ полную свободу, хотя бы въ виду того обстоятельства, что какъ мужчина ни умудряйся, женщина всегда съумѣетъ обмануть его, и не безъ тонкой ироніи прибавляетъ: „Все это впрочемъ не касается женщинъ, руководящихся въ своемъ поведеніи добродѣтелью, хотя я, не смотря на всѣ старанія, такихъ до сихъ поръ не нашелъ, какъ не удалось это и самому Соломону". Слѣдуя совѣту Друга, для вящшаго успѣха въ своихъ стараніяхъ освободить изъ заключенія Привѣтъ и при его помощи добыть себѣ Розу, Влюбленный рѣшается обратиться за помощью къ богатству и немедленно пускается въ путь, указанный ему тѣмъ же Другомъ, заботливо предупредившимъ его не уклоняться на дорогу, проложенную Мотовствомъ (Folle-Largesse). Богатство, по своему обычаю принявъ Влюбленнаго свысока и яркими красками описавъ за-

Digitized by Google

мокъ, гдѣ живетъ Мотовство, приглашаетъ его войти туда, прибавляя: „Я съ радостью встрѣчаю приходящихъ, но выпроваживаетъ ихъ оттуда Нищета, полуобнаженная и дрожащая отъ холода; я завѣдываю входомъ, а она выходомъ". Эта не совсѣмъ умѣстная откровенность пугаетъ пришельца, и онъ, видя, что этимъ путемъ рискуетъ не достигнуть предположенной цѣли, съ горемъ уходитъ обратно, не зная что̀ теперь начать. На выручку къ нему является самъ богъ любви. Давъ сначала хорошій урокъ своему несчастному вассалу, вздумавшему, вопреки запрещенію, выслушивать рѣчи ненавистной dame Raison, только сбивающія съ толку его вѣрныхъ слугъ, Амуръ, однакожъ, обѣщаетъ Влюбленному безотлагательно приступить къ осадѣ за̀мка и созываетъ все свое баронство. Въ свитѣ Амура къ прежнимъ лицамъ, какъ Праздность, Благородство души, Щедрость и проч., теперь присоединяются нѣсколько новыхъ—„Концы въ воду" (Bien-Céler), Воздержность-поневолѣ, уже упомянутый прототипъ Тартюфа—Лицемѣріе (Faux Sémblant) и Плутня (Barat), дѣтище послѣдняго. У нихъ нѣтъ ничего общаго съ галантными идеями, обусловившими первоначальный планъ поэмы, но они нужны Жану де-Менъ для дальнѣйшихъ его нападокъ на церковь. Амуръ держитъ рѣчь къ своимъ баронамъ, которые въ своемъ отвѣтѣ предлагаютъ ему планъ осады,—для каждаго изъ сподвижниковъ опредѣляется извѣстная роль, при чемъ оказывается необходимымъ послать за матерью Амура, Венерой, помощь которой всѣми признается весьма существенной. Бароны просятъ своего повелителя благосклонно принять услуги прибывшаго съ ними Лицемѣрія. Амуръ приказываетъ ему приблизиться, и между ними завязывается длинная бесѣда, занимающая болѣе 1,200 стиховъ. Лицемѣріе, въ длинныхъ тирадахъ обрисовывая свою личность и свой образъ дѣйствій, въ тоже время представляетъ безпощадную сатиру на крайне усилившіеся къ концу XIII столѣтія нищенствующіе монашескіе ордена. Тутъ авторъ, заставляя Лицемѣріе коснуться ожесточенной борьбы между ними и университетомъ (который, напр., въ лицѣ Гильома де Сентъ-Амура рѣзко выступалъ противъ тунеядства монаховъ и ихъ фанатическаго увлеченія вредными по своему крайнему мистицизму ученіями, въ родѣ излагавшагося въ необыкновенно популярномъ въ то время „Вѣчномъ Евангеліи"), съ неподдѣльнымъ жаромъ, но въ ущербъ художественной цѣльности образа Лицемѣрія, выражаетъ свои симпатіи томуже Гильому де Сентъ-Амуру, который сталъ жертвой нетерпимости своихъ всемогущихъ противниковъ, пользовавшихся покровительствомъ папы. Въ заключеніе Лицемѣріе беретъ на себя раздѣлаться съ Злословіемъ: въ сопровожденіи Воздержности по-неволѣ, переодѣтой въ монахиню, Лицемѣріе, также въ монашескомъ одѣяніи, является къ Злословію и, расположивъ его къ себѣ притворною почтительностью, убѣждаетъ его исповѣдаться передъ нимъ и обѣщаетъ ему полное отпущеніе грѣховъ. Едва Злословіе успѣваетъ опуститься на колѣна, какъ Лицемѣріе перерѣзываетъ ему горло, а пьяную дружину его избиваетъ. Старуху, приставленную къ Привѣту, Лицемѣріе, при помощи подарковъ, склоняетъ передать узнику прекрасный вѣнокъ отъ имени Влюбленнаго и провести послѣдняго на свиданье съ Привѣтомъ. Пока Привѣтъ любуется доставленнымъ ему подаркомъ (въ средніе вѣка вѣнками изъ цвѣтовъ украшались не только женщины, но и мужчины), старуха, глядя на него, вспоминаетъ о своей молодости, „когда ей такъ весело жилось", и желая преподать ему добрый совѣтъ въ виду неизбѣжныхъ въ его годы любовныхъ похожденій, держитъ къ нему пространную рѣчь въ 1,800 стиховъ. Она убѣждаетъ своего собесѣдника не быть слишкомъ щедрымъ съ любимой женщиной и вообще не отдавать сердца только одной избранницѣ, такъ какъ это противно природѣ, создавшей „каждую для каждаго и каждаго для каждой"; сообщаетъ о всѣхъ „женскихъ хитростяхъ", употребляемыхъ ради прельщенія мужчинъ, такъ

Digitized by Google

что въ ея словахъ заключается цѣлый „трактатъ кокетства“, подробно поучающій, какъ женщина должна наряжаться, держать себя въ обществѣ и съ любовникомъ, скрывать свои недостатки, обманывать своего мужа и т. под., не забывая при этомъ „общипывать до послѣдняго перышка“ каждаго изъ своихъ возлюбленныхъ. Старуха подкрѣпляетъ все это примѣрами Дидоны и Энея, Париса и нимфы Эноны, Венеры и Марса и т. д., усердно черпая изъ Овидіевыхъ „Ars amatoria“ и „Heroides“. Самый типъ старухи, изъ прежней красавицы легкихъ нравовъ ставшей посредницей въ любовныхъ дѣлахъ, пробивающейся подарками за свои услуги, взятъ авторомъ также у Овидія и впослѣдствіи въ болѣе законченномъ видѣ является. подъ именемъ Масеты, въ XIII-ой сатирѣ Матюрена Ренье (1573—1613 г.). Введенный старухой къ Привѣту, Влюбленный безъ труда получилъ было отъ него позволеніе немедленно же сорвать желанную Розу; но Опасеніе, Стыдъ и Боязнь являются какъ разъ во-время и оттоняютъ его, подвергая жестокимъ побоямъ. На его крики приближается войско Амура. Въ этомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ небольшое отступленіе, любопытное по тому, что въ немъ онъ проситъ читателей извинить его за рѣзкости противъ женщинъ и духовенства, и оправдывается тѣмъ, что „свои стрѣлы онъ пускалъ лишь съ цѣлью обличить тѣхъ безчестныхъ, проклятыхъ людей, что въ Евангеліи названы *лицемѣрами*—оправданіе, очевидно вызванное сужденіями въ обществѣ о поэмѣ Жана де-Менъ и вмѣстѣ доказывающее, что она появлялась въ свѣтъ постепенно, по мѣрѣ своего возникновенія. Завязывается битва, въ которой сторонники бога любви и его противницы—Ревности—съ ожесточеніемъ борются другъ съ другомъ. Амуръ посылаетъ за помощью къ Венерѣ, пребывающей на островѣ Киѳеронѣ съ Адонисомъ (тутъ же, кстати, разсказъ объ его смерти, причиненной дикимъ вепремъ). Венера, прибывъ на колесницѣ, влекомой восемью горлицами, обѣщаетъ оказать помощь войску своего сына, только-что испытавшему неудачу при осадѣ зàмка, но при этомъ ставитъ условіемъ, что съ ихъ стороны отнюдь не будетъ оказано пощады чувству женской стыдливости и цѣломудрія. Бароны даютъ торжественную клятву.

Вслѣдъ затѣмъ въ поэмѣ опять отступленіе, длиннѣе всѣхъ предъидущихъ (до 3,500 стиховъ), но за-то послѣднее. По замыслу, этотъ эпизодъ чрезвычайно оригиналенъ, а по содержанію составляетъ какъ бы самостоятельную философско-дидактическую поэму *). Природа въ своей мастерской занимается изготовленіемъ „орудій необходимыхъ для продолженія существъ“, съ цѣлью противодѣйствовать безпрерывнымъ опустошеніямъ, производимымъ въ средѣ всего живого смертью, погоня которой за людьми, тщетно убѣгающими отъ нея то на быстромъ скакунѣ, то на кораблѣ, изображена поэтомъ въ замѣчательно энергическихъ стихахъ. Но уничтожая индивидуумы, смерть не въ силахъ извести цѣлые виды существъ. Искусство, наблюдающее за пріемами Природы въ ея работѣ, на колѣняхъ умоляетъ посвятить его въ тайны ея творчества, такъ какъ собственными силами оно „только передразниваетъ Природу, какъ обезьяна“, и ни одному изъ сво-

*) Возможно, что въ данномъ случаѣ Жанъ де-Менъ отчасти подражалъ Брунетто Латини († 1294 г.), который жилъ въ Парижѣ съ 1260 до 1269 г. и, по всей вѣроятности, тамъ же написалъ въ прозѣ на французскомъ языкѣ свое энциклопедическое сочиненіе „Li Tresors“ (Сокровищница). Въ нѣсколько ранѣе имъ же написанной итальянской поэмѣ „Il Tesoretto“, также дидактическаго характера, авторъ разсказываетъ о вымышленной встрѣчѣ своей, въ Ронсевальской долинѣ, съ Природой, которая повѣствуетъ ему подробно о своей творческой дѣятельности. (Ср. Hist. litteraire de la France, t. XX, p. 287).

Digitized by Google

ихъ созданій—здѣсь слѣдуетъ интересный перечень существовавшихъ въ XIII вѣкѣ родовъ художественныхъ произведеній—оно не способно придать дѣйствительной жизни, даже еслибъ изучило до тонкости алхимію. Хотя послѣдняя, по мнѣнію Жана де-Менъ, на самомъ дѣлѣ наука, но и она не въ состояніи ничего создать, а только можетъ или приводить въ связь различныя по виду вещества, или же возвращать имъ первоначальную природу. Мысль о переходѣ однихъ веществъ въ другія вполнѣ опредѣленно выражена у автора и вообще суть алхимическаго ученія изложена имъ съ рѣдкою ясностью, что, вѣроятно, до извѣстной степени, также содѣйствовало популярности его поэмы въ тѣ времена общей вѣры въ чудеса алхимической науки. Возвращаясь къ вопросу объ отношеніи между природой и искусствомъ, поэтъ, съ замѣчательной мощью въ выраженіи, возвышается до теоріи *абсолютно прекраснаго, осуществляемаго въ природѣ*, но не доступнаго усиліямъ человѣческаго искусства. „Еслибъ Зевксисъ и всѣ когда либо существовавшіе художники уразумѣли всю красоту природы и попытались воспроизвести ее, то прежде, чѣмъ бы это имъ удалось, руки отказались бы служить имъ, такъ какъ Богъ, представляя собою безконечно прекрасное, изъ красоты, которую онъ заключилъ въ природѣ, образовалъ вѣчно неизсякаемый источникъ, откуда берутъ свое начало всевозможные виды красоты, но еще никто не извѣдалъ ни дна, ни береговъ его". Посреди своихъ трудовъ, Природа испытываетъ однакожъ глубокую печаль и томится раскаяніемъ въ единственномъ поступкѣ, за который, съ сотворенія міра, она вынуждена дѣлать себѣ упреки.

Этотъ поступокъ—неразумная привязанность ея къ людямъ, которыхъ она осыпала всяческими благодѣяніями, но нашла себѣ въ нихъ не друзей и помощниковъ въ своей вѣчной борьбѣ съ враждующею противъ нея Смертью, а скорѣе враговъ, которые порочно идутъ наперекоръ ея волѣ и только облегчаютъ губительный трудъ ея непримѣримой соперницы. Съ цѣлью доставить себѣ облегченіе, Природа съ плачемъ обращается къ своему капеллану Генію, прося его выслушать ея исповѣдь. Это, какъ уже замѣчено, своего рода дидактическая поэма, на манеръ Лукреціевой, интересная для насъ какъ сводъ научныхъ воззрѣній того времени, доказывающій всю смутность и сбивчивость тогдашнихъ знаній, но не рѣдко свидѣтельствующій и о поразительной умственной мощи средневѣковаго просвѣщеннаго человѣка.—Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе „исповѣди Природы": Богъ, источникъ всякаго блага, сотворилъ вселенную, образъ которой уже прежде существовалъ предвѣчно въ его мысли, по типу, почерпнутому имъ изъ себя свободнымъ дѣйствіемъ его собственной благотворной воли. Въ началѣ, его созданіе было безформенною и безпорядочною массой; онъ раздѣлилъ ее на части и распредѣлилъ сообразно началамъ числа и фигуры. Субстанціи, соотвѣтственно съ ихъ вѣсомъ, расположились въ областяхъ верхняго, средняго и нижняго пространства. Богъ подчинилъ ихъ управленію Природы, которая вмѣстѣ его служительница и намѣстница. Вручивъ ей золотую цѣпь, охватывающую всѣ элементы, онъ предписалъ ей охранять и продолжать разъ данныя формы мірозданія, которыя должны неуклонно слѣдовать ея законамъ. „Всѣ существа подчиняются этому, говоритъ Природа, за исключеніемъ одного.... Я не жалуюсь ни на небо, въ безостановочномъ круговращеніи увлекающее звѣзды на своемъ полированномъ кругѣ, ни на планеты, неизмѣнно продолжающія свое теченіе и вѣчно сохраняющія свой блескъ"...—Здѣсь поэтъ, устами Природы, пытается объяснить неодинаковую ясность разныхъ частей луннаго диска различіемъ въ плотности ихъ и подкрѣпляетъ свою мысль ссылкой на отраженіе свѣтовыхъ лучей, если за пропускающимъ ихъ прозрачнымъ стекломъ будетъ находиться какое-либо непрозрачное тѣло, преграждающее имъ путь. Луна и звѣзды получаютъ

Digitized by Google

свѣтъ отъ солнца; ихъ мелодическіе аккорды основаны на общей міровой гармоніи; ихъ вліяніемъ поддерживается согласіе элементовъ, образованіе и развитіе существъ. Такое вліяніе небесныхъ тѣлъ на жизнь всего существующаго прямо ведетъ къ вопросу о божественномъ предопредѣленіи и предвѣденіи; все, что по этому поводу высказывается Природой, годилось-бы въ любой богословскій трактатъ. Не смотря на затрудненія, представлявшіяся какъ со стороны самаго вопроса, одного изъ труднѣйшихъ въ теологіи, такъ и со стороны стихотворной рѣчи, все выражено въ поэмѣ съ замѣчательной отчетливостью, свидѣтельствующею объ удивительномъ умѣньѣ Жана де-Менъ владѣть языкомъ въ такое время, когда на старо-французскомъ языкѣ даже и въ прозѣ разсужденія о подобнаго рода матеріяхъ писались не часто, составляя почти исключительное достояніе схоластической латыни. По мнѣнію поэта, предвѣденіе божіе и свободная воля человѣка легко примиримы между собою; любопытно, что онъ не ограничивается теоретическимъ выводомъ, а свою аргументацію заключаетъ горячими нападками противъ лицемѣровъ, оправдывающихъ свои дурные поступки ихъ неизбѣжностью, обусловливаемою высшей волей и фатальными вліяніями. Эта ненависть къ лицемѣрію— выдающаяся черта автора — роднитъ его съ другимъ великимъ преслѣдователемъ того же порока — Раблэ. Возвращаясь къ вліянію планетъ, поэтъ, признавая его согласно съ духомъ времени, все-таки, подобно Данту, пытается отстоять волю человѣка отъ полнаго подчиненія ему. За-то во многихъ другихъ отношеніяхъ Жанъ де-Менъ оказывается рѣшительнымъ „esprit fort". Онъ презрительно относится къ различнымъ народнымъ суевѣріямъ, смѣется надъ тѣми, которые напр. или вѣрятъ, что ураганы и бури вызываются нечистою силой и такъ-называемыя вѣдьмы (estries) могутъ на-время разлучаться съ собственнымъ тѣломъ и носиться въ воздухѣ въ свитѣ феи „dame Abonde", или же объясняютъ извѣстнаго рода оптическіе обманы вмѣшательствомъ дьявола. Здѣсь поэтъ выводитъ на показъ свои познанія въ катоптрикѣ, почерпнутыя изъ книги арабскаго ученаго Al-Hacen'a. Въ этомъ интересномъ мѣстѣ Менъ упоминаетъ о разныхъ видахъ зеркалъ, въ томъ числѣ и о зажигательныхъ стеклахъ, а также и о такихъ, съ помощью которыхъ можно видѣть очень мелкіе и отдаленные предметы въ увеличенномъ видѣ и какъ бы въ болѣе близкомъ разстояніи; говоритъ объ извѣстномъ физическомъ явленіи—предметахъ, кажущихся лежащими между зеркаломъ и глазомъ, —оптическая игра, излюбленная фокусниками позднѣйшаго времени, но извѣстная, стало быть, уже въ XIII столѣтіи, и объясняетъ это явленіе почти правильно разницей въ зрительномъ углѣ. Естественными причинами объясняетъ Природа, иначе поэтъ, и чудесныя видѣнія, которыхъ удостоиваются свыше лица, слишкомъ погруженныя въ благочестивое созерцаніе: на дѣлѣ, это результатъ ихъ собственнаго настроенія, подобно обыкновеннымъ снамъ. Переходя отъ планетъ къ кометамъ, авторъ заставляетъ Природу выражать весьма независимыя мысли относительно такъ-называемаго благородства по происхожденію: послѣднее ничтожно, если не опирается на благородство чувствъ и поступковъ, и думать, что кометы своимъ появленіемъ предвѣщаютъ близкую кончину королей и принцевъ совершенно нелѣпо, — „они не заслуживаютъ того, чтобы небесныя свѣтила извѣщали объ ихъ смерти скорѣе, нежели о смерти всякаго другого, такъ какъ ихъ тѣло не стоитъ и на одно яблоко дороже тѣла простолюдина, оруженосца или ученаго (clerc); я создаю ихъ всѣхъ одинакими, какъ это видно при ихъ рожденіи, — по моему произволенію всѣ родятся въ одинаковой наготѣ, и сильные и слабые, великіе и ничтожные, всѣ они равны въ моихъ глазахъ". Далѣе въ томъ же тонѣ Природа говоритъ: „Нѣтъ подлыхъ (vilains) иначе какъ по своимъ порокамъ и благородство зависитъ отъ добраго сердца, безъ котораго ничего не стоитъ

Digitized by Google

родовое дворянство (gentillesse de lignage)". И затѣмъ, искусившійся въ наукѣ поэтъ не обинуясь высказываетъ, что ученые люди поблагороднѣе всѣхъ королей и принцевъ, такъ какъ они образованы и о каждомъ явленіи могутъ судить каково оно на самомъ дѣлѣ, а слѣдовательно и способны различать добро и зло, хотя — съ благороднымъ безпристрастіемъ добавляетъ поэтъ — они и гораздо виновнѣе, если идутъ дурными путями. Въ этомъ гордомъ провозглашеніи высокаго достоинства просвѣщеннаго человѣка уже чуется вѣкъ наукъ и ученыхъ, вѣкъ Возрожденія. Итакъ, заканчиваетъ Природа, все во вселенной покорно слѣдуетъ моимъ законамъ; одинъ только человѣкъ, созданный мною по образу божію и одаренный способностью ко всякимъ добродѣтелямъ, представляющій собою истинный микрокосмъ и которому, сверхъ того, Богъ даровалъ безсмертіе,—человѣкъ, этотъ вѣнецъ моихъ созданій, конечная цѣль всѣхъ моихъ трудовъ, одинъ нарушаетъ мои законы. Оттого и терзаютъ меня раскаяніе и печаль,—хорошо-ли я поступила, что создала человѣка и такъ полюбила его? Долѣе, однакожъ, умалчивать она не можетъ и высказываетъ на чистоту всѣ его пороки, для обозначенія которыхъ ей требуется не менѣе двадцати-семи уничижительныхъ эпитетовъ, начиная съ того, что онъ „гордъ" и кончая тѣмъ, что „преданъ содомскому грѣху". Предаваясь своимъ порокамъ, человѣкъ нарушаетъ основный законъ, установленный Природой, законъ *жизни*: погрязая въ порокахъ, человѣкъ ускоряетъ себѣ смерть и не въ силахъ исполнять великое дѣло поддержанія рода. Но если за всѣ остальные грѣхи съ него взыщется самимъ Творцомъ, то за грѣхи, заставляющіе горько жаловаться на него бога любви, Природа сама намѣрена наказать человѣка, уклоняющагося отъ ея основнаго закона, для выполненія котораго ему дано было отъ нея все необходимое. Только теперь поэтъ возвращается (съ 20,268-го стиха) къ развитію дальнѣйшаго хода поэмы. Получивъ отпущеніе въ своемъ грѣхѣ несправедливой привязанности къ человѣку отъ своего духовника Генія, Природа шлетъ его къ войску Амура, поручая ему предать отлученію всѣхъ противящихся ея законамъ и, напротивъ, дать полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые „усердно стараются о продолженіи своего рода" (20,317—18 ст.):

Et forment a ce s'estudient
Que lor lignage monteplient.

Она вручаетъ Генію „грамоту" (ordonnance), которую онъ долженъ прочесть въ станѣ бога любви. По прибытіи туда, Геній получаетъ изъ рукъ Амура „ризу, перстень, посохъ и митру" и спѣшитъ прочесть передъ собравшимися баронами посланіе Природы. Это послѣднее — цѣлая проповѣдь на библейскій стихъ „плодитесь и размножайтесь", только далеко не въ назидательномъ тонѣ. Но не смотря на то, что содержаніе сказаннаго посланія запечатлѣно необузданнымъ сенсуализмомъ, къ нему непонятнымъ образомъ примѣшаны и самыя священныя тайны христіанскаго ученія. Среди воззваній чисто-эротическаго свойства слушатели вдругъ приглашаются заслужить царство небесное и избѣжать ада, при чемъ слѣдуетъ и не лишенное поэтической свѣжести описаніе рая, гдѣ снѣжно-бѣлые агнцы пасутся среди вѣчно-свѣжихъ цвѣтовъ, гдѣ на зеленѣющихъ травахъ блеститъ, какъ раннимъ утромъ, никогда не высыхающая роса. Припоминая данное Гильомомъ, въ первой части поэмы, описаніе сада, обитаемаго Удовольствіемъ, Жанъ де-Менъ настаиваетъ на превосходствѣ предъ нимъ небеснаго, райскаго сада, гдѣ протекаетъ не опьяняющій души ручей Нарцисса, а укрѣпляющій ихъ источникъ живой воды, таинственный, тройственно-единый источникъ, который беретъ начало въ самомъ себѣ и своими божественными струями орошаетъ Маслину спасенія. Но для того, чтобы заслужить доступъ въ описанный имъ рай, — говоритъ Геній, обращаясь къ окружающимъ — „помышляйте о

Digitized by Google

томъ, чтобъ угодить Природѣ, служите ей, работая какъ можно усерднѣе". Къ этому совѣту сомнительной, по крайней мѣрѣ въ устахъ Генія, морали прибавлено также нѣсколько правилъ общечеловѣческой нравственности—не убивать, не воровать, быть милосерднымъ и непоколебимо вѣрнымъ, — но о христіанскихъ добродѣтеляхъ нѣтъ ни слова. Возбужденные Геніемъ сподвижники Амура рѣшаются безотлагательно взять приступомъ башню, гдѣ томится Привѣтъ, и въ голосъ восклицаютъ „аминь!" Венера бросается впередъ во главѣ ихъ, Стыдъ и Боязнь пробуютъ остановить ее, но кидаемыя ею стрѣлы и пламя обращаютъ непріятеля въ бѣгство. Вѣжливость, Жалость и Искренность проникаютъ чрезъ образовавшуюся брешь въ башню, и первая изъ нихъ обращается отъ лица Влюбленнаго къ Привѣту съ рѣчью, оканчивающеюся стихомъ: „предоставь ему въ даръ Розу", на что Привѣтъ даетъ наконецъ свое согласіе. Съ этого мѣста аллегорія принимаетъ на столько прозрачный эротическій характеръ, что пересказъ становится въ той-же мѣрѣ невозможнымъ, какъ и излишнимъ. Авторъ заканчиваетъ свой сонъ и вмѣстѣ съ нимъ самую поэму стихами—„Такимъ образомъ я добылъ алую Розу; но насталъ день, и я проснулся" [1]). Встрѣчающіеся въ немногихъ лишь рукописяхъ дальнѣйшіе восемьдесятъ стиховъ издателями не признаются за принадлежащіе автору второй части „Романа Розы".

Слѣдующія двѣ выписки изъ произведенія Жана де-Менъ непосредственно познакомляютъ читателя съ манерой этого автора и въ тоже время покажутъ нагляднѣе, чѣмъ это можно было сдѣлать въ общемъ пересказѣ содержанія поэмы, насколько независимо поэтъ относился къ господствовавшимъ въ его время воззрѣніямъ, являясь провозвѣстникомъ уже нарождавшагося новаго взгляда на вещи, основныя черты котораго, вполнѣ выразившіяся въ вѣкѣ Возрожденія, заключались въ признаніи независимости разума отъ всякаго внѣшняго авторитета, въ особенности отъ церковнаго, и въ провозглашеніи сенсуализма, какъ естественномъ протестѣ противъ порабощенія средневѣковаго человѣка аскетическимъ идеаламъ.

1. Лицемѣріе (Faux-Semblant), въ своей длинной рѣчи, составляющей безпощадную сатиру, направленную противъ ханжества, невѣжества и тунеядства монашескихъ, въ особенности нищенствующихъ орденовъ, между прочимъ говоритъ: „Я (Лицемѣріе) пребываю среди тѣхъ, которые, будучи преисполнены спѣси, хитрости и плутовства, гонятся лишь за мірскими почестями да за связями съ сильными міра и, объявляя себя нищими, услаждаются всевозможными лакомыми кусками и дорогими винами. Проповѣдуя бѣдность, они ловятъ въ мутной водѣ великія богатства, и я ручаюсь головой, что изъ этого добру не бывать! Аргументъ, съ которымъ эти люди обращаются къ обществу, грѣшитъ въ своемъ заключеніи — будто тотъ, кто носитъ священную одежду, и самъ непремѣнно святой человѣкъ; но это не правда, и ряса еще не дѣлаетъ монахомъ... Я отлично умѣю мѣнять одежду и являюсь въ видѣ кого-угодно, повсюду проникая подъ покровомъ религіи, но отъ самой религіи я неукоснительно беру себѣ одни зерна, предоставляя другимъ солому. Я держусь религіи ради обмана другихъ, но мнѣ нужна только ея одежда, не болѣе... Ни одинъ изъ прелатовъ не смѣетъ со мною сориться, и хоть они въ послѣднее время замѣтили мои продѣлки, но для меня

[1]) Ainsi oi la Rose vermeille,
Atant fu jors, et ge m'esveille (22,748—49 ст.).

Digitized by Google

это безразлично: у меня нѣтъ недостатка ни въ деньгахъ, ни въ многочисленныхъ стадахъ—столько всего надавали мнѣ люди по своей глупости, и я веду превеселую жизнь, благодаря простоватости прелатовъ... поступаю во всемъ по собственной прихоти, благодаря моему притворству и лицемѣрію... Но хотя я и прикидываюсь убогимъ, къ нищей братіи я отнюдь не благоволю, и клянусь Богородицей! въ тысячу разъ предпочитаю я знаться съ королемъ Франціи, нежели съ бѣднякомъ, хотя бы онъ былъ добрѣйшей души человѣкъ. Когда я вижу, какъ всѣ эти полуобнаженные бродяги трясутся въ лихорадкѣ на зловонной навозной кучѣ, голосятъ и завываютъ отъ голода и холода, я и не думаю мѣшаться въ ихъ дѣла. Если же иного изъ нихъ отправятъ въ больницу, то онъ отъ меня ничего не дождется, кромѣ милостыни,—вѣдь какого-же ждать угощенья отъ того, кто самъ облизываетъ свой ножикъ? Другое дѣло, коли заболѣетъ богатый ростовщикъ, — навѣстить его и всячески утѣшить весьма недурно: и угостишься, и домой вернешься съ деньгами; а если его похититъ злая смерть, я провожаю его и до могилы. Если кто-нибудь вздумаетъ попрекнуть меня за то, что я оставляю безъ вниманія бѣдняковъ, то знаете-ли, какъ я увертываюсь отъ такого упрека? Я, какъ духовное лицо, заявляю, что богатые болѣе погрязли въ грѣхахъ, чѣмъ убогіе, и слѣдовательно больше нуждаются въ моихъ назиданіяхъ, оттого я чаще у нихъ и бываю, оттого ихъ и назидаю... Едва-ли чего достигнетъ въ нашъ вѣкъ тотъ, кто вздумалъ бы бояться Бога: добродѣтельные люди, уклоняющіеся отъ зла и живущіе по-божески, вынуждены здѣсь испить не мало горечи... Мнѣ ли можетъ нравиться такая жизнь? Но за-то посмотрите, сколько денегъ у всѣхъ этихъ ростовщиковъ, сборщиковъ податей, межевщиковъ, судей, старостъ и мэровъ, которые всѣ живутъ почти однимъ грабежемъ простаго народа, низко раскланивающагося передъ ними, между тѣмъ какъ они терзаютъ его словно голодные волки. Всѣ они обираютъ бѣдняковъ, и нѣтъ ни одного, кто бы задумался лишить ихъ послѣдней одежды; всѣ они одѣваются въ снятое съ бѣдныхъ людей платье, высасываютъ изъ нихъ всѣ соки и общипываютъ ихъ живьемъ, и всякій, кто посильнѣе, старается ограбить слабѣйшаго. А я, въ моей скромной одеждѣ, надуваю обманутыхъ и обманщиковъ, обираю ограбленныхъ и грабителей, и своимъ надувательствомъ накапливаю въ несмѣтныхъ кучахъ великія богатства, которыхъ невозможно истощиться, такъ какъ прежде чѣмъ моя казна опустѣетъ, деньги снова посыплются въ нее въ изобиліи... Принявъ санъ священника, я сталъ духовникомъ рѣшительно всѣхъ и каждаго, и всюду беру на себя заботу о душевномъ спасеніи, проповѣдую и назидаю; за-то я не знаю, что̀ такое трудъ. Отъ самого апостольскаго намѣстника я получилъ на это особую буллу, и радъ безъ устали исповѣдывать императоровъ, королей, герцоговъ, бароновъ или графовъ, но только бы не бѣдняковъ... И всѣ эти императрицы, герцогини, королевы и графини, жены рыцарей и судей, кокетливыя и чванныя горожанки и т. д., всѣ онѣ, лишь бы были богаты или пригожи, не умрутъ безъ отпущенія грѣховъ. И ради спасенія ихъ душъ, я разузнаю всѣ особенности и образъ жизни всѣхъ этихъ высокихъ особъ и ихъ женъ со всѣми ихъ домочадцами, и затѣмъ стараюсь увѣрить ихъ, что приходскіе ихъ священники просто глупцы въ сравненіи со мною и моими товарищами. А послѣднимъ я обыкновенно безъ утайки открываю всѣ секреты этихъ людей, и они мнѣ отплачиваютъ тѣмъ же, такъ что ничто на свѣтѣ не остается для меня скрытымъ" *).

2. ...„Дѣйствительно почти всѣ онѣ (женщины) столь ненасытны и падки до наживы и всегда готовы обобрать до послѣдней нитки, такъ что у тѣхъ, которые

*) Le Roman de la Rose (изд. Fr. Michel'я), т. II, стр. 5, 10, 12, 17, 27 и 28.

Digitized by Google

всего громче объявляютъ себя за нихъ и питаютъ къ нимъ самую вѣрную любовь, подъ конецъ не остается ровно ничего... Даже по монастырямъ и аббатствамъ всѣ онѣ сговорились противъ Цѣломудрія, и какъ ни запирай ихъ, онѣ не перестанутъ его ненавидѣть и стараться нанести ему посрамленіе. Всѣ онѣ служатъ Венерѣ, не обращая вниманія на то, въ пользу ли это имъ самимъ, или во вредъ; онѣ наряжаются и румянятся, чтобы лучше обманывать тѣхъ, кто на нихъ засматривается; онѣ прогуливаются по улицамъ, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, всячески стараясь вдохнуть въ мужчину желаніе раздѣлить съ ними ложе, и не для чего иного надѣваютъ свои наряды, все равно, отправляются ли въ церковь, или поплясать. Никто не можетъ поручиться, что, благодаря своей женѣ, не будетъ причтенъ къ братіи св. Арнульфа *), имѣй онъ хоть тысячу глазъ для наблюденія за нею. Всѣ онѣ ищутъ чужихъ ласкъ, и если этого не случается по чему либо на дѣлѣ, то все же ихъ воля всегда направлена въ эту сторону до перваго удобнаго случая... Но это еще меньшій изъ ихъ недостатковъ, по увѣренію Ювенала, такъ какъ каждая изъ нихъ, по самой ихъ природѣ, только и думаетъ, какъ бы устроить какое-либо зло. Кто же не знаетъ, какъ мачихи подносятъ ядъ своимъ падчерицамъ, а другія женщины прибѣгаютъ ко всякаго рода чарамъ, колдовству и всевозможной чертовщинѣ, которой и не перескажешь. И если не на дѣлѣ, то въ своихъ желаніяхъ всѣ онѣ были, есть и будутъ распутницами... Всякій, кому дороги собственная жизнь и спасеніе души, долженъ остерегаться женщинъ и пуще всего не открывать имъ своихъ задушевныхъ тайнъ; особенно находясь въ ихъ объятіяхъ, наслаждаясь ихъ ласками и поцѣлуями, должно умѣть молчать, молчать и молчать, думая только о томъ, какъ бы удержать языкъ на привязи: нельзя ждать ни въ чемъ удачи, если женщина будетъ соучастницей тайны, потому что всѣ онѣ тщеславны, и своевольны, и языкъ ихъ, какъ у ядовитой змѣи, губителенъ и безпощаденъ... Онѣ отъ рожденія вольнолюбивы, и только ставитъ ихъ въ условія, лишающія ихъ вольностей, дарованныхъ имъ Природой, которая, если вникнуть въ дѣло, не настолько глупа, чтобы создать Маріону исключительно для Роберта, а Роберта для Маріоны, Агнесы или Перреты,—нѣтъ, она создала каждаго изъ нихъ вообще для каждой, равно какъ и каждую для каждаго... Если птичку, пойманную въ зеленой рощѣ, запрутъ въ клѣтку, то какъ бы ни былъ внимателенъ за нею уходъ и какъ бы весело она ни распѣвала, знайте, что она не перестанетъ тосковать по зеленому лѣсу, который ей дорогъ отъ природы, и, предпочитая жить на древесныхъ вѣтвяхъ, хотя ей и не найти тамъ такого прекраснаго корма, она все время только и думаетъ и заботится о томъ, какъ-бы вернуть себѣ свободу. Попирая свой кормъ съ сердцемъ, отягченнымъ жгучей печалью, она порхаетъ въ клѣткѣ, отыскивая какую-либо лазейку, чтобы черезъ нее улетѣть въ родной лѣсъ. Точно также и всѣ женщины, какъ простыя, такъ и знатныя, въ силу природнаго влеченія, всячески отыскиваютъ ту дорогу или тропинку, по которой онѣ могли-бы достигнуть утраченной свободы...“ **).

Амперъ, дѣлая оцѣнку «Роману Розы», прежде всего указываетъ какъ на самыя характеристическія особенности второй части этого произведенія—которою собственно и опредѣлилось его настоя-

*) Признаваемаго у средневѣковыхъ французскихъ поэтовъ патрономъ обманутыхъ женами мужей, вѣроятно вслѣдствіе того, что жена этого святого разсталась съ нимъ дѣвственницей и поступила въ монастырь.

**) Le Roman de la Rose, т. I, стр. 275, 293, 299, 303—5; т. II, стр. 102, 105, 109, 189 и 192.

Digitized by Google

шее значеніе — на поразительную страстность и сатирическую смѣлость, съ которыми Жанъ-де-Менъ нападаетъ, какъ разъ къ концу среднихъ вѣковъ, съ одной стороны на монаховъ, съ другой на женщинъ; между тѣмъ какъ тѣ и другія одинаково составляли предметъ, можно сказать, безграничнаго обожанія и почитанія въ продолженіе всего средневѣковаго періода. Правда, и въ предшествующіе вѣка не разъ встрѣчаются въ литературныхъ произведеніяхъ труверовъ и жонглеровъ болѣе или менѣе злыя выходки противъ духовенства и женщинъ; но онѣ всегда, во-первыхъ, отрывочны, а во вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ, смѣшаны съ добродушной веселостью, представляясь не столько сатирой, сколько игривою, хотя порой и безцеремонною шуткой. Не то мы видимъ у Жана-де-Менъ: въ его длинныхъ и горячихъ тирадахъ выражается сознательное, опирающееся на авторитетъ всей доступной автору науки, отрицаніе двухъ представителей средневѣковой общественности — монашества, излицемѣрившагося въ своемъ тунеядствѣ, и женщины, развратившейся въ томъ приниженномъ положеніи, какое было ей отведено на дѣлѣ, не смотря на весь оказываемый ей условный рыцарскій и литературный культъ. Но указанною характеристическою чертой отнюдь не исчерпывается историко-литературное значеніе «Романа Розы». Осуждая монашескіе ордена, поэтъ наносилъ ударъ вмѣстѣ и церковному авторитету вообще, такъ какъ именно въ это время черному духовенству удалось оттѣснить на задній планъ приходскихъ священниковъ и всюду являться главнымъ представителемъ церкви и ея ученія; а нападки на женщинъ завершились у него отрицаніемъ самаго брака во имя свободной любви античнаго золотаго вѣка. Первоначальное происхожденіе власти самихъ королей сводится у Жана де-Менъ на избраніе людьми наиболѣе сильнаго человѣка изъ своей среды для обороны постепенно появившейся у нихъ собственности и для наказанія обусловленныхъ ею преступленій, при чемъ весьма ясно высказывается мысль, что стóитъ только народу отказать королю въ уплатѣ податей и въ послушаніи, чтобъ онъ оказался вполнѣ безпомощнымъ *). Такимъ образомъ «Романъ Розы» явился какъ бы энциклопедіей свободныхъ воззрѣній на церковныя, семейныя и общественныя отношенія того времени. Чрезвычайная популярность этой поэмы доказывается ея необыкновенною распространенностью въ теченіе XIV и XV столѣтій: рукописи, содержащія ее, попадаются въ библіотекахъ не только Франціи, но и сосѣднихъ съ нею странъ въ большомъ количествѣ. Въ одной только парижской Bibliothèque Nationale ихъ насчитывается до семидесяти, изъ которыхъ половина украшена

*) Стихъ 10,375 и слѣд.; 6,018 и слѣд.

Digitized by Google

миніатюрами. Старинныхъ печатныхъ изданій «Романа Розы» также не мало — въ одномъ XV вѣкѣ ихъ было не менѣе десяти, и затѣмъ эта поэма продолжала перепечатываться въ теченіе слѣдующаго столѣтія, къ концу котораго, однакожь, вслѣдствіе усилившагося вліянія новой школы Дю-Белэ и Ронсара, слава «Романа Розы» упала настолько, что въ XVII в. изданій его уже болѣе не встрѣчается.

Неудивительно, что противъ произведенія, такъ рѣзко расходившагося съ вѣковыми понятіями, не замедлила возникнуть оппозиція со стороны лицъ, сочувствовавшихъ идеаламъ стараго времени. Но Жанъ-деМенъ, вызвавъ своимъ произведеніемъ рѣзкія нападки противниковъ, нашелъ себѣ также и восторженныхъ защитниковъ. Возникшій такимъ образомъ оживленный споръ двухъ враждебныхъ по своимъ взглядамъ партій является, можетъ быть, самымъ раннимъ примѣромъ чисто-литературной полемики и критики, и составляетъ весьма интересный литературно-историческій фактъ, на которомъ мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться. Слава «Романа Розы» все возростала въ теченіе XIV вѣка, и вотъ въ самомъ концѣ его (1399 г.) Христина Пизанская, замѣчательная писательница, о которой намъ придется еще говорить въ главѣ, посвященной французской литературѣ упомянутаго столѣтія, выступила на защиту несправедливо, по ея мнѣнію, оскорбленнаго въ «Романѣ Розы» женскаго пола, съ сочиненіемъ: «Посланіе къ богу Любви» (Epitre au dieu d'Amour), направленнымъ противъ поэмы Жана де-Менъ. Три года спустя, тогдашній канцлеръ парижскаго университета и знаменитый проповѣдникъ Жанъ-Жерсонъ (J. Gerson) издалъ, въ свою очередь, цѣлый обвинительный актъ противъ аллегорическаго произведенія Жана де-Менъ и, сознательно или нѣтъ уступая вкусу публики, съ увлеченіемъ читавшей «Романъ Розы», также въ аллегорической формѣ, подъ заглавіемъ: «Трактатъ противъ романа Розы» (Traité contre li roumant de la Rose).

Авторъ разсказываетъ, что однимъ утромъ, проснувшись, онъ увидѣлъ себя перенесеннымъ ко двору Христіанства (Chrétienté). Тамъ, подъ предсѣдательствомъ Церковнаго Правосудія (Justice Canonique) и при участіи Правды и Милосердія, совершался судъ: просительницей была Непорочность, выступившая съ жалобой на „несносныя обиды, причиненныя ей нѣкимъ по имени Безразсуднымъ Влюбленнымъ. Изъ главнѣйшихъ пунктовъ обвиненія явствовало, что отвѣтчикъ намѣревался сжить со свѣту Непорочность вмѣстѣ съ ея естественными хранителями—Стыдомъ, Страхомъ и добрымъ привратникомъ Dangier, при помощи проклятой старухи, поучавшей, что всѣ молодыя дѣвицы, пока еще хороши собою, должны торговать своимъ тѣломъ, предлагая себя безъ различія ученымъ, мірянамъ и священникамъ; что онъ отрицалъ брачныя узы, порицалъ молодежь, посвящающую себя духовному званію, „всюду изрыгая огонь болѣе палящій и смрадный, чѣмъ сѣра и греческій огонь, въ своихъ сладострастныхъ, грязныхъ и непозволительныхъ рѣ-

Digitized by Google

чахъ"; что онъ клеветалъ на dame Raison, влагая ей въ уста совѣтъ „выражаться съ безстыдствомъ и безъ лишнихъ обиняковъ", и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ царство небесное всѣмъ тѣмъ, кто обходится безъ брака въ любовныхъ дѣлахъ. „Не довольствуясь своими позорными рѣчами—продолжаетъ обвинительница—онъ приказывалъ записывать ихъ и украшать рукопись какъ можно богаче и интереснѣе, чтобъ этимъ привлечь наибольшее количество лицъ. И—что всего хуже—онъ смѣшалъ медъ съ ядомъ, сахаръ съ отравой, и скрылъ ядовитыхъ змѣй подъ зеленой травой благочестія". Рѣчь Непорочности производитъ на судѣ должное впечатлѣніе, но цѣлая толпа лицъ обоего пола и различнѣйшихъ возрастовъ поднимается на защиту обвиняемаго, стараясь извинить его юнымъ возрастомъ во время составленія имъ книги, тѣмъ болѣе что впослѣдствіи онъ раскаялся въ своихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, былъ почтеннымъ ученымъ и съ несравненною прелестью владѣлъ роднымъ словомъ; защитники ссылаются и на то, что онъ создалъ себѣ не мало враговъ, единственно своей рѣшимостью говорить правду о всѣхъ, безъ различія классовъ и званій. „И что за бѣда,—замѣчаетъ одинъ изъ защитниковъ — если онъ заставилъ говорить выведенныхъ въ его книгѣ лицъ *каждаго сообразно съ его правомъ и природой* (selonson droit et sa propriété)?" Но Божественное Краснорѣчіе опровергаетъ доводы защитниковъ Жана де-Менъ, жалѣя, что столь ученый и умный человѣкъ такъ злоупотреблялъ своимъ дарованіемъ, и особенно возстаетъ противъ того, что лица въ его романѣ выражаются сообразно съ ихъ характеромъ, предпочитая, очевидно, теорію шаблоннаго воспроизведенія традиціонныхъ типовъ. Впрочемъ, главнымъ аргументомъ аллегорическаго обвинителя выставляется слѣдующее, болѣе практическое соображеніе: „Неужели же,—говоритъ его устами Жерсонъ—останется безнаказаннымъ авторъ, преподающій совѣтъ самой королевѣ не хранить супружеской вѣрности, а принцессамъ—предаваться разврату?" На основаніи послѣднихъ словъ Полэнъ Пари думаетъ, что поводомъ для Жерсона къ сочиненію его полемическаго „Трактата" послужилъ новый, великолѣпно разукрашенный экземпляръ „Романа Розы", заказанный либо дядей, либо братомъ Карла VI.

Вскорѣ Христинѣ Пизанской пришлось также принять участіе въ полемикѣ по поводу «Романа Розы». Королевскій секретарь Гонтье Коль (Gontier Col), въ 1407 г., обратился къ ней съ запросомъ, дѣйствительно-ли, какъ передавали ему, она дурно отзывалась объ «удивительномъ твореніи» Жана-де-Менъ, при чемъ онъ не преминулъ, въ свою очередь, разсыпаться въ напыщенныхъ похвалахъ этому автору, называя его—«истиннымъ католикомъ, велелѣпнымъ учителемъ и докторомъ святой науки богословія, глубочайшимъ и превосходнѣйшимъ философомъ, свѣдущимъ во всемъ, что доступно человѣческому разумѣнію, извѣстность и слава котораго живутъ и будутъ жить въ вѣкахъ грядущихъ» и пр.. Въ тоже время, Коль просилъ Христину прислать ему свое сочиненіе о Жанѣ-де-Менъ для того, чтобъ онъ могъ, ознакомившись съ нимъ, защитить «своего учителя», и съ упрекомъ утверждалъ, что она послушалась дурныхъ совѣтниковъ, желавшихъ только прикрыться ея именемъ. Христина сообщила ему свое «Посланіе къ Жоанну» (Epître à Joannes), иначе Жану дю-Монтрёль, бывшему тогда судьей въ городѣ Лиллѣ, кото-

Digitized by Google

рый, въ своихъ латинскихъ письмахъ *) горячо высказывался за автора второй части «Романа Розы». Онъ упрекалъ (54-е и 56-е письмо) его противниковъ, встрѣчавшихся, къ его сожалѣнію, не рѣдко между лицами высокопоставленными, въ томъ, что они, вопреки справедливости, относились къ «Роману Розы» не какъ къ произведенію высокихъ достоинствъ и настойчиваго труда, а какъ къ сочиненію какого-нибудь ничтожнаго жонглера, — вѣроятно намекъ на занимавшаго важный постъ Жерсона и на Христину, которая въ упомянутой «Epître» дѣйствительно говоритъ, что «Романъ Розы» долженъ быть названъ скорѣе прямымъ бездѣльемъ, чѣмъ полезнымъ сочиненіемъ.

Въ „Посланіи" Христины встрѣчается любопытное объясненіе, какимъ образомъ она, не смотря на свою репутацію цѣломудренной женщины, могла прочесть подобное произведеніе: „Правда,—говоритъ Христина—что ради большой извѣстности этого романа я желала познакомиться съ нимъ; но если гдѣ мѣстами содержаніе приходилось мнѣ не по вкусу, я перескакивала дальше, какъ пѣтухъ по раскаленнымъ угольямъ",—слова, повидимому послужившія поводомъ къ слѣдующей тирадѣ въ одномъ изъ писемъ Жана де-Монтрёль: „О высокомѣріе, о самоувѣренность, о дерзновеніе! тѣ самые, которые, по ихъ собственному сознанію, поверхностно и безъ вниманія къ общей связи цѣлаго текста прочитали это, въ продолженіе столькихъ дней и ночей, съ такимъ неустаннымъ усердіемъ и сосредоточенностью созданное и написанное произведеніе, теперь не колеблясь порицаютъ его и осуждаютъ!"—Христина возмущается какъ тѣмъ, что Жанъ де-Менъ, нарушая всѣ законы приличія, прямо называетъ извѣстныя части человѣческаго тѣла, „для которыхъ, со времени грѣхопаденія, вовсе не должно бы у христіанъ существовать названія", такъ и приписанною имъ Разуму (Dame Raison) теоріей, что несравненно лучше быть самому обманщикомъ, нежели обманутымъ другими. За рѣчи же караулившей Bel Accueil старухи она прямо взываетъ ко всѣмъ добрымъ матерямъ не давать въ руки своимъ дочерямъ этого романа, изъ котораго онѣ не научатся ничему хорошему; она сама не надивится заключающейся въ этомъ произведеніи испорченности: „je ne scay ou tous les déables (diables) trouva tant de fatras et de parolles gastées..." Наконецъ, она приходитъ къ заключенію, что „всякій, кто любитъ добродѣтель и порядочность, не въ состояніи слушать этотъ романъ, не конфузясь и не стыдясь.... даже отъявленные безстыдники не рѣшаются читать его вслухъ публично, въ присутствіи порядочныхъ людей". На вторичное приглашеніе Коля отказаться отъ своихъ нападокъ на Жана де-Менъ, Христина отвѣчала, что остается при своемъ мнѣніи, что „Романъ Розы" — сочиненіе вредное, и при этомъ съ притворною скромностью замѣчаетъ, что и „тонкимъ остріемъ шила можно проткнуть большой мѣшокъ, набитый всякой всячиной", припоминая кстати и басню о томъ, какъ „une petite mustelette assault un grant lion et à la fin le desconfist". Въ другомъ очень длинномъ и очень обработанномъ письмѣ она повторяетъ свои уже извѣстныя намъ мысли, главнымъ образомъ имѣя въ виду отстоять честь и достоинство женщинъ отъ грубыхъ нападокъ Жана де-Менъ.

Приведенная полемика наглядно показываетъ, какое огромное значеніе имѣлъ «Романъ Розы» въ глазахъ тогдашнихъ образованныхъ

*) Напечатаны во 2-мъ томѣ „Amplissima Collectio" Мартена (Martène).

Digitized by Google

людей: для однихъ это произведеніе было вмѣстилищемъ всякаго нечестія и извращенности; для другихъ авторъ его являлся «учителемъ» и провозвѣстникомъ зарождавшагося новаго міровоззрѣнія. И такое значеніе осталось за поэмой Жана де-Менъ и въ послѣдующее время: такъ, въ концѣ XV в., въ «Jardin de Plaisance» неизвѣстнаго автора и въ «Champion des dames» Мартена Франка, секретаря папы Феликса V, двухъ стихотворныхъ произведеніяхъ, представляющихъ настоящіе панегирики женщинамъ, также высказываются сильныя нападки на «Романъ Розы» съ цѣлью подкрѣпить ими общую тему, избранную обоими авторами. Съ другой стороны, въ концѣ XIV в. имя Жана де-Менъ является какъ-бы знаменемъ, подъ прикрытіемъ котораго высказываются новые взгляды, новыя требованія въ виду существующаго порядка: Онорѐ Боннэ, принадлежавшій къ духовенству Прованса и вынужденный по политическимъ обстоятельствамъ переселиться изъ своей родины въ Парижъ, даетъ своему произведенію, сплошь проникнутому отрицательнымъ отношеніемъ къ современнымъ автору общественнымъ порокамъ и злоупотребленіямъ, слѣдующее выразительное заглавіе: «L'apparition de maistre Jehan de Meun» *). Наконецъ въ XVI в. одинъ изъ тогдашнихъ стихотворцевъ, Жанъ Молинэ, сдѣлалъ весьма свободное переложеніе «Романа Розы» въ прозу и издалъ его съ слѣдующимъ четверостишіемъ вмѣсто заглавія:

Ci est le romant de la Rose Translaté de ryme en prose
Moralisé cler et net, Par Vostre humble Molinet.

Въ этомъ переложеніи всего интереснѣе то, что Молинэ сводитъ все содержаніе «Романа Розы» на мистическій и моральный смыслъ, толкуя такимъ образомъ почти каждый стихъ обѣихъ частей своего оригинала. Около тогоже времени знаменитый Клеманъ Марò. прочитавъ въ своемъ тюремномъ заключеніи «Романъ Розы», нѣсколько подновилъ отчасти устарѣвшій тогда языкъ этой поэмы и издалъ ее въ 1526 году; съ тѣхъ поръ исправленный имъ текстъ воспроизводился всѣми послѣдующими изданіями до самаго XVII столѣтія. Марò предпослалъ изданному имъ произведенію предисловіе, вполнѣ убѣждающее насъ въ томъ, что указанное выше значеніе «Романъ Розы» сохранилось за нимъ и въ XVI в.: издатель, желая защитить предлагаемое имъ публикѣ сочиненіе, у многихъ пользовавшееся дурною славой, указываетъ на возможность различныхъ толкованій его содержанія: такъ, по его словамъ, Роза, обладанія которой такъ жаждетъ Влюбленный, можетъ обозначать высшую мудрость, состояніе свыше дарованной благодати, и—какъ это ни странно для насъ—самую Богородицу и Верков-

*) См. Paulin Paris, Les Manuscrits franç. de la Biblioth. du Roy, въ 6-мъ томѣ.

Digitized by Google

ное Благо совокупно съ небеснымъ блаженствомъ! — Подобныя попытки придать «Роману Розы» смыслъ мистическій и моральный», по выраженію Марò, могли отчасти опираться на одно мѣсто въ первой части самой поэмы: въ стих. 2,077 — 86 Гильомъ де-Лоррисъ говоритъ, что «для того, кто до конца дослушаетъ его сонъ, сдѣлается понятнымъ его дѣйствительное значеніе, и истина, скрытая въ немъ, тогда откроется вполнѣ».

При такой своей популярности, «Романъ Розы» и за предѣлами Франціи пользовался большою извѣстностью. Въ англійской литературѣ существуетъ, во 1-хъ, въ подражаніе ему написанная Гоуеромъ († 1402 г.) поэма «Confessio amantis, и, во 2-хъ, переводъ первой части «Романа Розы», сдѣланный въ молодые годы Чосеромъ, который не продолжалъ начатой работы, можетъ быть, только вслѣдствіе обширности второй части поэмы, такъ какъ, судя по характеру его собственнаго таланта, онъ, конечно, болѣе сочувствовалъ безпощадному въ своей сатирѣ Жану де Менъ, нежели сантиментальному Гильому де-Лоррисъ. О послѣднемъ Петрарка упоминаетъ въ «Trionfo d'amore» (capitolo IV) на ряду съ наиболѣе знаменитыми пѣвцами любви. Извѣстна также старинная версія «Романа Розы» на фламандскомъ языкѣ. Въ Швейцаріи, въ Ватландѣ и Фрейбургѣ, до самаго начала настоящаго столѣтія, справлялся народный праздникъ, носившій названіе «осада зáмка Любви» и тѣмъ самымъ свидѣтельствующій о степени популярности старинной французской поэмы даже на границахъ Германіи. Нечего и говорить, что въ самой Франціи необыкновенная слава «Романа Розы» неминуемо должна была вызвать прямыя, болѣе или менѣе рабскія подражанія ему, которыя и стали появляться весьма рано: въ XIII в. поэмы «La Poire», «Le roman de la Panthère»; относимая къ XIV в. анонимная поэма «Guillaume de Dole ou de la Rose», и другія.

Вотъ вкратцѣ содержаніе „Романа о Пантерѣ“.—Поэтъ во снѣ переносится въ лѣсъ, наполненный дикими звѣрями. Одинъ изъ нихъ необыкновенной красоты; свои прекрасные цвѣта онъ заимствовалъ отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, которые выражаютъ ему знаки благоговѣнія и отъ его сладостнаго дыханія получаютъ здоровье и жизненныя силы. Это необыкновенное по виду и свойствамъ животное и есть пантера. Единственнымъ врагомъ ея является драконъ. Пока поэтъ старается разъяснить себѣ чудесную природу пантеры, раздается музыка, исполняемая на всевозможныхъ инструментахъ, и поэтъ уже видитъ себя при дворѣ бога Амура, котораго онъ и становится вассаломъ; его новый властелинъ вкратцѣ излагаетъ ему „науку любви“. Здѣсь объясняется, что пантера—образъ дамы, любимой поэтомъ, а драконъ обозначаетъ завистниковъ и клеветниковъ, обычныхъ враговъ всѣхъ влюбленныхъ. Въ сопровожденіи Амура поэтъ приближается къ обиталищу пантеры и любуется на нее. Кромѣ Амура, влюбленному подаютъ совѣты сподвижники бога любви—Doux Penser, Espérance, Souvenir; въ отвѣтъ имъ поэтъ сочиняетъ любовныя пѣсни и, по увѣщанію Амура, отсылаетъ

Digitized by Google

ихъ къ обожаемой имъ дамѣ, сердце которой ему наконецъ удается тронуть, и все кончается благополучно. (Hist. littér. de la France, XXIII, стр. 728 и сл.).

Если къ первой части «Романа Розы» вполнѣ идетъ граціозная характеристика этого произведенія, предлагаемая Тэномъ въ его «Исторіи англійской литературы», гдѣ онъ говоритъ, что читая эту поэму, словно прогуливаешься посреди раскошныхъ стѣнныхъ ковровъ, на которыхъ изображены пейзажи, хороводы, зàмки съ цѣлыми группами аллегорическихъ фигуръ, и все это яркихъ, ласкающихъ зрѣніе цвѣтовъ, перемѣшанныхъ въ самомъ прихотливомъ безпорядкѣ, —то относительно второй части этого романа надо сказать, что, именно благодаря ей, это произведеніе по праву можетъ считаться родоначальникомъ литературъ новѣйшихъ временъ: оно было первымъ литературнымъ произведеніемъ, гдѣ рѣзко выразилась личность самого писателя, который не пересказываетъ въ традиціонной формѣ данную фабулу, подобно средневѣковымъ труверамъ, авторамъ поэмъ de gestes и поэмъ d'aventures, а выступаетъ съ опредѣленнымъ и притомъ самобытно-независимымъ міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе дѣлаетъ автора отдаленнымъ предкомъ не только Раблэ, но даже Мольера и самого Вольтера. Оттого мы и позволили себѣ подробнѣе заняться «Романомъ Розы», этимъ замѣчательнымъ, хотя и мало извѣстнымъ большинству читателей, памятникомъ средневѣковой французской литературы.

Было бы излишне приводить другія, болѣе мелкія произведенія въ томъ же родѣ. Поэтому въ заключеніе мы упомянемъ только, что единичные примѣры аллегорической поэзіи, въ средніе вѣка, существовали, кромѣ французской, также и въ другихъ литературахъ. Въ провансальской литературѣ можно указать, напр., на стихотвореніе трубадура Пейра Guillem'a *), написанное не позже 1253 г. и гдѣ разсказывается, какъ поэтъ встрѣтилъ на дорогѣ прекраснаго рыцаря и еще болѣе прекрасную даму, ѣхавшихъ верхомъ на богато убранныхъ коняхъ, масть которыхъ отличалась такою пестротой красокъ, что каждая отдѣльная часть животнаго была особаго цвѣта. Рыцаря и даму сопровождали оруженосецъ и фрейлина. Вступивъ съ ними въ разговоръ, поэтъ узнаётъ, что дама—Благосклонность, оруженосецъ — Вѣрность, фрейлина — Стыдъ, а самъ рыцарь, увезшій ихъ отъ двора кастильскаго короля, носитъ имя Любви (Amour). Этотъ, богатый блестящими описаніями и замысловатыми разговорами на любовныя темы, поэтическій разсказъ остался неоконченнымъ. Въ итальянской литературѣ аллегорія встрѣчается и

*) А не знаменитаго трубадура Peire Vidal'a, какъ думали Raynouard (Lexique roman, I, 405—17) и Diez (Leben u. Werke der Troubadours. 1829, p. 178),—см. K. Bartsch, Grundriss zur Geschichte der Provenzalischen Literatur. 1872. Стр. 22.

Digitized by Google

у Петрарки въ его «Trionfi», и у Данта въ его канцонахъ, не говоря уже о «Божественной Комедіи», въ которой геніальный поэтъ съ недосягаемой оригинальностью воспользовался аллегоріей, придавъ ей въ одинаковой мѣрѣ и возвышенное значеніе, и глубоко-поэтическое достоинство. Наконецъ, въ нѣмецкой литературѣ, на самомъ исходѣ переходнаго періода, изъ-подъ пера лицъ, развивавшихся среди антипоэтическаго настроенія второй половины XV столѣтія, явилось весьма пространное, но крайне холодное, чуждое всякой поэзіи, произведеніе въ аллегорическомъ родѣ—«Theuerdank», поэма, воспѣвающая подвиги и приключенія изъ жизни императора Максимиліана I, центромъ которыхъ является важнѣйшее изъ пережитыхъ имъ въ молодости событій—сватовство его за Марію Бургундскую. Благодаря тому, что первый набросокъ этого эпоса, весьма неискусно смѣшивающаго дѣйствительныя происшествія съ вымысломъ и аллегоріей, принадлежалъ перу самого царственнаго героя, «Theuerdank», при всей своей литературной незначительности, пользовался большою извѣстностью даже внѣ предѣловъ Германіи, и выдержалъ не мало изданій въ обработкѣ разныхъ авторовъ; въ первомъ его изданіи, появившемся въ 1517 г., редакція принадлежала Мельхіору Пфинцингу, секретарю императора *).

Въ «Романѣ о Пантерѣ», какъ мы видѣли, символъ красоты былъ взятъ изъ міра животныхъ. Стремленіе придавать извѣстнымъ животнымъ аллегорическое значеніе коренится въ христіанской символикѣ самыхъ раннихъ временъ, и была пора, когда подъ вліяніемъ этой тенденціи писатели готовы были разсматривать все животное царство, со всѣми его природными особенностями, единственно въ смыслѣ аллегорическаго объясненія этихъ послѣднихъ съ точки зрѣнія христіанскаго вѣроученія,—способъ толкованія, обозначавшійся впослѣдствіи словомъ «морализація» (moralisatio). Плодомъ такого направленія были литературныя произведенія, извѣстныя подъ названіемъ «физіологовъ» или «бестіаріевъ», «волукларіевъ» и т. п. Первоначальная исторія прототипа произведеній этого рода, «Физіолога» въ тѣсномъ смыслѣ, вполнѣ еще не выяснена; древнѣйшею формой его, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать греческую редакцію, отъ которой пошли всѣ, доселѣ извѣстныя, остальныя—армянская, сирійская, латинская и пр. **). На основаніи характеристическихъ признаковъ древнѣйшихъ редакцій «Физіолога» вообще пола-

*) Gervinus, Geschichte der deutschen Dichtung (1871), II, стр. 444 — 46. Текстъ „Theuerdank'a" въ новое время былъ изданъ, съ ученымъ введеніемъ, К. Гольтаусомъ (Holtaus) въ 1836 и Карломъ Гёдеке въ 1878 г.

**) Carus, Geschichte der Zoologie (München, 1872), стр. 108—145: Physiologus.— Ср. Dom Pitra, Spicilegium Solesmense, t. III.

Digitized by Google

гаютъ, что это произведеніе возникло въ Египтѣ, по всей вѣроятности въ Александріи, еще въ самые ранніе вѣка христіанства. «Физіологъ» составлялъ попытку удовлетворить во всѣ времена присущій человѣческому уму интересъ къ явленіямъ природы и животнаго царства, въ тоже время сохраняя во всей неприкосновенности авторитетъ религіознаго ученія. Эту задачу и взяли на себя учители александрійскихъ христіанскихъ общинъ. Библія дала имъ необходимые примѣры изъ міра одушевленныхъ существъ, отчасти и растеній и минераловъ; сборники баснословныхъ разсказовъ, на исходѣ древняго періода, въ изобиліи компилировавшіеся александрійскими учеными, доставили quasi-естественно-историческія, исполненныя чудеснаго, данныя относительно разъ уже избранныхъ животныхъ; наконецъ стремленіе къ наглядному объясненію христіанскаго ученія мало-по-малу заставило присоединить аллегорическія толкованія, морализацію, которая, впрочемъ, связывалась первоначально съ естественно-научною частью чисто внѣшнимъ образомъ, и «Физіологъ» довольно долго сохранялся, хотя и въ канонически-опредѣленной формѣ, какъ самостоятельное элементарное сочиненіе о животномъ царствѣ. Этотъ родъ литературныхъ произведеній постепенно развивался: къ «бестіаріямъ»—латинская обработка «Физіолога»—присоединились подобныя же сочиненія о птицахъ (Voluclarii), о камняхъ (Lapidarii), о растеніяхъ (De herbarum virtutibus) и проч. Эти латинскіе оригиналы не замедлили, съ теченіемъ времени, найти себѣ обработку и на народныхъ языкахъ западной Европы. На древне-верхне-нѣмецкомъ сохранился отрывокъ изъ «Физіолога» отъ XI вѣка; на старо-французскомъ языкѣ самая ранняя обработка принадлежитъ Филиппу де-Танъ (Thaonensis), жившему въ Англіи въ началѣ XII в. и происходившему изъ стариннаго норманскаго рода де-Танъ, владѣнія котораго находились близъ Кана (Caen). Эта около 1125 г. написанная имъ на норманскомъ діалектѣ поэма, подъ латинскимъ названіемъ «Bestiarius», весьма близко воспроизводитъ свой латинскій подлинникъ со всѣми его аллегорическо-мистическими толкованіями въ христіанскомъ духѣ. Авторъ посвятилъ свое произведеніе женѣ англійскаго короля Аделаидѣ Лувенской. Поэма Филиппа де-Танъ въ тоже время представляетъ первый примѣръ собственно-дидактической поэзіи въ средневѣковой французской литературѣ.— Вотъ описаніе баснословнаго животнаго—сирены, для примѣра взятое нами изъ «Бестіарія» упомянутаго автора:

„Сирена въ открытомъ морѣ поетъ, когда на немъ буря, и плачетъ въ хорошую погоду,—такова ея природа. Она имѣетъ видъ женщины до пояса, ноги у ней соколиныя, а хвостъ какъ у рыбы. Когда она разыграется, то распѣваетъ громко и звонко. Услышивъ ее, человѣкъ, плывущій по морю, забываетъ о кораблѣ и тотчасъ засыпаетъ. Запомните же, что все это значитъ: Что такое си-

Digitized by Google

рены? Это—мірскія богатства. Море представляетъ здѣшній міръ, корабль—живущихъ въ немъ людей, а душа—это пловецъ, корабль же тѣло, которому суждено совершать плаванія (по морю житейскому). Знайте же, что часто богатства на этомъ свѣтѣ заставляютъ душу согрѣшить въ тѣлѣ—это мореходецъ и корабль—и наконецъ предаться сну и погибнуть".

Любознательность средневѣковаго человѣка не ограничивалась, разумѣется, однимъ животнымъ царствомъ; разныя явленія природы—перемѣна временъ года, небесныя явленія и т. д., тѣ или другіе виды человѣческой дѣятельности, съ ихъ техническими подробностями, въ равной степени привлекали ее. Такимъ образомъ постепенно возникъ и особый родъ литературныхъ произведеній—чисто-дидактическаго характера. Тотъ же Филиппъ де-Танъ написалъ поэму хронологическаго содержанія, также подъ латинскимъ заглавіемъ — «Liber de Creaturis», въ которой онъ разсуждаетъ о дняхъ, недѣляхъ, солнечныхъ и лунныхъ мѣсяцахъ, о затмѣніяхъ и вообще обо всемъ, что́ относится къ церковному лѣтосчисленію. Съ удовлетворительною легкостью укладываются у него въ стихи довольно точныя подробности объ исчисленіи времени у евреевъ, грековъ и римлянъ; свѣдѣнія о календарѣ Нумы Помпилія, о произведенныхъ въ немъ Юліемъ Цезаремъ измѣненіяхъ и т. под. Начитанность автора въ древнихъ писателяхъ довольно значительна. Образцомъ ему служили какъ прозаическіе, такъ и стихотворные трактаты подобнаго же содержанія на латинскомъ языкѣ, поддерживавшіе научныя преданія языческой древности, насколько это было совмѣстимо съ условіями того времени.—Изъ поэмъ, такъ-сказать, съ спеціальными темами укажемъ, во французской и провансальской литературахъ XIII столѣтія, на «Li jus des esquiés» (О шахматной игрѣ), «Li Comput» (О церковномъ календарѣ), «l'Art d'aimer» (Наука любви) и др. Одну изъ любимѣйшихъ забавъ средневѣковыхъ бароновъ и рыцарей, какъ извѣстно, составляла охота, и естественно, что для тогдашнихъ стихослагателей она являлась весьма благодарною темой. Поэмы и прозаическіе трактаты объ охотѣ въ изобиліи встрѣчаются въ западныхъ литературахъ не только въ средневѣковомъ періодѣ, но и въ эпоху Возрожденія *). Изъ стихотворныхъ произведеній, посвященныхъ охотѣ, назовемъ «La Chace dou Cerf» (Охота на оленя), длинную французскую поэму XIII стол., неизвѣстнаго автора, въ формѣ діалога между наставникомъ и его питомцемъ, чрезвычайно богатую техническими подробностями **); и «Li auzel cassador», поэму провен-

*) Такъ, напр., извѣстны—сохранившійся въ отрывкахъ латинскій трактатъ императора Фридриха II „De arte venandi cum avibus" и небольшая поэма одного изъ главныхъ представителей Возрожденія, Лоренцо Медичи": La Caccia col Falcone" (Соколиная охота).

**) Напечатана въ изданномъ *Жобиналемъ* Nouveau recueil de contes, dits, fabliaux (1839), t. I, стр. 164—72.

Digitized by Google

сальскаго каноника и трубадура, по имени Додъ де-Прадà, умершаго около 1230 г., -- три-тысячи-шестьсотъ восьмисложныхъ стиховъ которой написаны съ цѣлью восхваленія птицъ, употребляемыхъ при соколинной охотѣ *). Еще естественнѣе, что и само рыцарское званіе, пользовавшееся столь высокимъ почетомъ въ средневѣковомъ обществѣ, должно было послужить предметомъ какой-нибудь дидактической поэмы, и въ самомъ дѣлѣ, существуетъ подобное произведеніе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ «L'ordene de Chevalerie», содержаніе котораго составляетъ посвященіе въ рыцарскій орденъ. Рамкою служитъ слѣдующая фикція: когда Саладину одинъ его плѣнникъ изъ христіанскихъ рыцарей, вмѣсто всякого иного ручательства, даетъ рыцарское слово вернуться къ нему съ выкупомъ въ извѣстный срокъ, султанъ, разспросивъ сначала о значеніи слова «рыцарь» и пораженный его объясненіемъ, проситъ своего плѣнника возвести его въ рыцарское достоинство, чтó и исполняется. Всѣ совершонные при этомъ церемоніальные обряды описаны авторомъ во всей подробности съ объясненіемъ ихъ символическаго значенія, а также излагаются и преподанныя рыцаремъ Саладину нравственныя правила по отношенію къ людямъ и къ Богу, обязательныя для каждаго рыцаря.

Большинство подобнаго рода стихотворныхъ опытовъ дидактическаго характера слѣдовали въ своемъ содержаніи, какъ было нами сейчасъ замѣчено, образцамъ, писаннымъ по-латыни; но между средневѣковыми латинскими научными трактатами существовали также и такіе, задачу которыхъ составляло не ознакомленіе читателя съ тѣмъ или другимъ рядомъ явленій природы, а изображеніе вселенной въ ея цѣломъ, другими словами—писались по-латыни и сочиненія энциклопедическаго характера, которыя, въ свою очередь, неизбѣжно должны были вызвать подражанія также на народныхъ языкахъ западной Европы, и притомъ, за отсутствіемъ въ послѣднихъ достаточно выработанной для письменности прозаической рѣчи, въ обычной стихотворной формѣ **) Такого рода латинскія энциклопедіи начали составляться довольно рано въ средніе вѣка. Такъ, въ своемъ мѣстѣ уже было упомянуто о подобномъ экциклопедическомъ трактатѣ Грабана Мавра «De Universo», отъ IX вѣка; кромѣ того, въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ, большою извѣстностью пользовались

*) *Raynouard*, Choix des poésies originales des Troubadours, t. V, стр. 228.

**) Исключеніемъ, по его единичности тѣмъ болѣе любопытнымъ въ отношеніи къ исторіи языка, является уже однажды упомянутое нами произведеніе итальянца Brunetto Latini—„Li Tresors", родъ энциклопедіи, написанной въ прозѣ на французскомъ языкѣ XIII-го вѣка. (Издано въ „Documents inédits sur l'histoire de France", 1863 г.: Li livres dou Tresor. Introduction par *Chabaille*).

Digitized by Google

слѣдующія, въ томъ же родѣ, но болѣе пространныя энциклопедіи: «Imago Mundi», обширное космографическое сочиненіе Гонорія, схоластика въ городѣ Отэнѣ (Honorius Augustodunensis, умеръ около 1143 г.); «Philosophia Mundi» Гильома де-Коншъ (1080—1154 г.), бывшаго преподавателемъ грамматики и философіи въ парижскомъ университетѣ. Въ половинѣ XIII вѣка Викентіемъ изъ Бовэ, какъ извѣстно, была написана обширнѣйшая компиляція энциклопедическаго содержанія, подъ заглавіемъ «Speculum magnum» *).

Наиболѣе крупный, и вмѣстѣ одинъ изъ наиболѣе раннихъ примѣровъ переложенія указанныхъ выше латинскихъ энциклопедій на народные языки въ стихотворной формѣ представляетъ старофранцузская поэма, носящая заглавіе «L'Image du Monde» (Картина Міра) или, какъ оно читается въ лучшемъ изъ сохранившихся ея списковъ (XIII-го в.)—«Cil livre de Clergie qui est appelez en romans l'Ymagene del monde» **). Окончена она въ 1245 г., какъ это значится въ заключительныхъ стихахъ самой поэмы; авторомъ-же ея считается Готье изъ Меца (Gautier de Metz), но единственно на основаніи приписки въ одномъ, и то впослѣдствіи затерявшемся, спискѣ этого произведенія. Нѣкоторыя мѣста въ поэмѣ, однакожъ, въ самомъ дѣлѣ даютъ право думать, что авторъ ея былъ, дѣйствительно, родомъ изъ Лотарингіи: такъ онъ съ особенною любовью говоритъ о Мецѣ и его провинціи, восхваляетъ тономъ очевидца горячіе источники въ Пломбьерѣ и въ Викѣ, и сверхъ того самый языкъ его представляетъ нѣкоторое сходство съ лотарингскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ всего этого, изъ поэмы можно заключить относительно ея автора, что онъ учился въ парижскомъ университетѣ и былъ хорошо знакомъ съ доступною въ то время на Западѣ греческой философіей и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно изучалъ естественныя науки, занятіе которыми тогда уже настойчиво рекомендовалось въ трудахъ Альберта Великаго, Гильома де-Коншъ и другихъ. Въ своемъ изложенія авторъ «Image du Monde» иногда почти дословно подражаетъ главнымъ образомъ вышеупомянутому сочиненію Гонорія Отэнскаго, вообще пользовавшемуся тогда большою популярностью, но заимствуетъ также и у Гильома де-Коншъ, Плинія, Исидора Севильскаго и другихъ; при этомъ, вообще говоря, самостоятельность автора поэмы ограничивается обусловленнымъ метрическою рѣчью распространеніемъ взятаго имъ отъ другихъ матеріала. Поэма состоитъ

*) См. выше. „Imago Mundi" изданъ въ 1544 г. (Basil).—Сочиненіе Гильома де-Коншъ издано въ 1474 г. подъ заглавіемъ „Magna de naturis philosophia". Speculum Magnum вполнѣ издано впервые въ 1494 г. (Venet.), затѣмъ издавалось не разъ до самаго XVII вѣка.

**) Hist. litteraire de la France, XXXIII, стр. 287 и слѣд.—Словомъ „clergie" на старо-французскомъ обозначалось вообще *знаніе, наука*.

Digitized by Google

изъ 55 главъ и раздѣляется на три части, изъ которыхъ первая посвящена космогоніи, вторая составляетъ трактатъ по географіи и физикѣ земнаго шара, и третья—астрономическаго содержанія. Это произведеніе, благодаря какъ интересу своего разнообразнаго содержанія для тогдашнихъ читателей, такъ и своему довольно легкому и правильному языку и нерѣдко удачнымъ въ поэтическомъ отношеніи отдѣльнымъ штрихамъ, было весьма распространено—въ одной только парижской библіотекѣ находится до 30 списковъ поэмы Готье,—и даже вызвало не мало подражаній во Франціи и въ другихъ земляхъ. Еще во второй половинѣ XV в. Оливье де-ла-Маршъ, одинъ изъ генераловъ Карла Смѣлаго, написалъ, явно подражая «Image du Monde», дидактическую поэму «О могуществѣ природы».

Вотъ краткій очеркъ содержанія поэмы „Image du monde".—Въ первой части авторъ повѣствуетъ, строго слѣдуя библейскому разсказу, о созданіи міра, о сотвореніи человѣка и о грѣхопаденіи первыхъ людей. Неумѣло справившись съ вопросомъ о свободной волѣ человѣка, авторъ съ увлеченіемъ возвеличиваетъ его разумъ, составляющій его отличительную особенность въ ряду остальныхъ существъ и которому онъ обязанъ своимъ величайшимъ изобрѣтеніемъ—„семью свободными искусствами": въ нихъ, по мнѣнію автора, какъ-бы олицетворяется почти божественный геній царя мірозданія. Между людьми, содѣйствовавшими развитію человѣчества изобрѣтеніемъ „семи свободныхъ искусствъ", одно изъ первыхъ мѣстъ авторъ отводитъ поэту Виргилію, въ доказательство великаго значенія котораго имъ приводятся апокрифическія слова ап. Павла, будто-бы сказанныя послѣднимъ у гробницы римскаго поэта въ Неаполѣ, и слѣдующимъ образомъ передаваемыя въ латинскомъ гимнѣ, еще въ XV в. распѣвавшемся въ церквахъ города Мантуи:

Quem te, inquit, reddidissem,
Si te vivum invenissem,
Poëtarum maxime! *)

или въ вольномъ переводѣ Готье—

Quel grasce j'éusse rendu
A Deu, se tu fusses vescuz (vécu),
Tant que je fusse à toi venuz!

Говоря о столь чтимыхъ имъ наукахъ, поэтъ насмѣхается надъ богачами, изъ тщеславія пріобрѣтающими множество книгъ, но не читающими ихъ,—черта нравовъ, какъ видно, свойственная уже и такой ранней эпохѣ просвѣщенія, какъ XIII столѣтіе. Въ шестой главѣ пространно говорится о преподаваніи наукъ въ парижскомъ университетѣ, по общему признанію того времени дѣйствительномъ центрѣ занятій такъ-называемыми „septem artes liberales", изъ числа которыхъ авторъ исключаетъ медицину за то, что она занимается не духомъ человѣка, а его грѣховною оболочкой — тѣломъ. Поэтъ тѣмъ болѣе могъ позволить себѣ такое непочтительное отношеніе къ названной наукѣ, что въ самомъ парижскомъ университетѣ медицинскій факультетъ былъ признанъ статутами не ранѣе

*) О, сказалъ онъ, какъ бы я почтилъ тебя,
Еслибъ засталъ тебя въ живыхъ,
Величайшій изъ поэтовъ!

Digitized by Google

1251 г. (поэма же окончена, какъ мы знаемъ, за шесть лѣтъ передъ тѣмъ). Въ восьмой главѣ природа, могущество которой признается во всей его безконечности, представлена какъ исполнительница начертаній Бога-создателя, какъ орудіе въ его творческихъ рукахъ; и если можно видѣть въ этомъ мѣстѣ поэмы отраженіе извѣстной мысли Плинія о природѣ (Nat. hist., II, cap. 7), то все-таки нельзя не замѣтить, что авторъ понимаетъ природу не въ смыслѣ слѣпой силы, согласно ученію эпикурейцевъ, а скорѣе приближается къ платоновскому представленію о деміургѣ, изложенному въ „Тимеѣ", который издавна былъ извѣстенъ на Западѣ по переводу и комментаріямъ Халцидія (IV в. по Р. Хр.). Нѣкоторыя встрѣчающіяся въ поэмѣ воззрѣнія на природу, по тогдашнему пожалуй черезчуръ смѣлыя съ точки зрѣнія ученія церкви, — напр. объ антиподахъ, круглой формѣ земли и неба, быстротѣ небеснаго движенія и т. под. — также не принадлежатъ лично автору, а заимствованы опять-таки у древнихъ, откуда, не сознавая всей ихъ важности, почерпали ихъ, подъ защитой общаго благоговѣнія въ особенности къ Аристотелю, и прочіе средневѣковые ученые схоластики, въ родѣ Гонорія Отэнскаго, Викентія изъ Бовэ и др. Къ тому же Готье не забываетъ благочестиво прибавить въ данномъ случаѣ — „Mais nus (nul) n'entent bien que che (ce) soit,—Fors Deu qui tout seit (sait) et tout voit". Не забыто авторомъ и весьма распространенное въ XII-XIII в. представленіе о мірѣ въ формѣ яйца, центръ котораго занятъ землей; доказательства-же круглоты послѣдней взяты цѣликомъ изъ „Imago Mundi" Гонорія, въ свою очередь воспользовавшагося Сенекой (Questiones naturales). Къ концу первой части поэма вообще становится точнымъ воспроизведеніемъ трактата Гонорія, который и остается почти исключительнымъ руководителемъ автора во второй части „Image du monde", посвященной географіи.

Девятнадцать главъ второй части содержатъ описаніе извѣстныхъ тогда частей свѣта, но изложеніе страдаетъ крайнею эпизодичностью, перескакиваніемъ отъ одного предмета къ другому. Начинается она описаніемъ Азіи; но, страннымъ образомъ, описаніе помѣщаемаго въ этой странѣ свѣта земнаго рая лишено того поэтическаго колорита, какой встрѣчается въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ легендарныхъ сказаніяхъ о проникновеніи избранниками неба въ это заповѣдное для людей мѣсто. Но тѣмъ ярче блещетъ поэтическими красками описаніе Индіи, въ которомъ авторъ воспроизводитъ баснословные разсказы объ этой странѣ, помѣщенные у Плинія, Солина и особенно въ весьма популярномъ въ средніе вѣка „Псевдо-Каллисѳэнѣ", повѣствующемъ о походѣ Александра Македонскаго въ Индію. Въ этой части поэмы находится, между прочимъ, и болѣе полное, чѣмъ въ латинскомъ „Imago Mundi", заимствованное, можетъ быть, изъ какого-нибудь „бестіарія", описаніе извѣстнаго и въ старинной русской письменности звѣря „инорога" (единорога), по-французски licorne (l'unicorne) съ туловищемъ лошади, ногами слона и головой оленя, украшенной посреди лба рогомъ длиною съ четыре фута, — звѣря, который можетъ быть пойманъ не иначе, какъ если онъ, приблизившись къ невинной дѣвушкѣ, положитъ голову къ ней на колѣна и заснетъ. Кромѣ указанныхъ источниковъ, въ этомъ отдѣлѣ авторъ пользуется и новѣйшими разсказами о чудесахъ Востока, занесенными въ Европу крестоносцами; но то, что̀ ими передавалось относительно Палестины, онъ не задумываясь примѣняетъ къ Индіи. Какъ примѣръ заимствованій послѣдняго рода, укажемъ его разсказъ о бальзамномъ деревѣ, представляющій собою почти дословный переводъ 86—87-ой главъ изъ „Historia orientalis" Якова де-Витріако. Европѣ въ поэмѣ посвящено всего двадцать-шесть стиховъ; далѣе авторъ переходитъ къ Африкѣ издавна считавшейся страною чудесъ, и при этомъ нагромождаетъ свѣденія о всевозможныхъ диковинкахъ, какъ въ самомъ дѣлѣ существующихъ на земномъ шарѣ.

Digitized by Google

такъ и существовавшихъ только въ фантазіи средневѣковыхъ благочестивыхъ людей. Между прочимъ, у него говорится о чудесномъ островѣ св. Брендана, о чистилищѣ св. Патрикія, о различныхъ чудовищахъ и т. п. Конечно, не забыто авторомъ и описаніе ада, помѣщающагося въ центрѣ земли и характеризуемаго какъ „такое мѣсто по своей природѣ, которое чѣмъ больше оно горитъ, тѣмъ дольше держится". Далѣе идетъ рѣчь о различныхъ видахъ земныхъ водъ и объ отношеніи, существующемъ на поверхности земли между воднымъ пространствомъ и сушей, главнымъ образомъ по Сенекѣ (Questiones naturales.). Въ заключеніе второй части авторъ касается нѣкоторыхъ явленій воздушнаго пространства, напр. падающихъ звѣздъ и даже весьма подробно распространяется о семи планетахъ (по Гонорію, гл. 54—62 „Imago Mundi"), при чемъ, заговоривъ о музыкальной гармоніи, производимой въ своемъ круговращеніи небесными тѣлами—представленіе, идущее отъ Платона—высказываетъ граціозную мысль, заимствованную повидимому изъ тогдашнихъ народныхъ повѣрій, что если маленькія дѣти улыбаются во снѣ, то это значитъ, что имъ слышится райское пѣніе ангеловъ (французское выраженіе „rire aux anges", служащее для обозначенія безпричиннаго смѣха, составляетъ, можетъ быть, отголосокъ этого повѣрья). Описаніемъ планетъ авторъ дѣлаетъ переходъ къ третьей части своей поэмы—*астрономической*: въ ней трактуется о причинѣ суточнаго измѣненія времени, о фазахъ луны, о затмѣніяхъ,—и вставленъ легендарный эпизодъ о Діонисіѣ Ареопагитѣ, который былъ сначала языческимъ астрономомъ и увѣровалъ въ Христа, благодаря неожиданно для него случившемуся при распятіи Спасителя солнечному затмѣнію, такъ какъ изъ этого событія Діонисій заключилъ, что „умираетъ какой-то богъ", и воздвигнулъ алтарь „неизвѣстному богу", будто-бы видѣнный впослѣдствіи ап. Павломъ въ Аѳинахъ *). Затѣмъ въ поэмѣ слѣдуетъ разсужденіе о свойствахъ и вліяніяхъ небесныхъ свѣтилъ, полное астрологическихъ бредней, и далѣе, по Птолемею, сообщается объ относительной величинѣ планетъ, земли, луны, солнца, о числѣ звѣздъ и разстояніяхъ между ними, о 12 знакахъ зодіака и, наконецъ, о безконечномъ фирмаментѣ: надъ видимымъ голубымъ небеснымъ сводомъ возвышается другое, хрустальное небо, а еще выше простирается эмпирей, ярче и прекраснѣе самаго солнца, откуда были низвергнуты падшіе ангелы и гдѣ находится небесный рай, при описаніи котораго авторъ сознается, подражая Виргилію, въ недостаточности своихъ силъ для достойнаго изображенія столь священнаго мѣста Въ этой послѣдней части „Image du M.", Готье совсѣмъ не кстати пускается въ разсказы о Виргиліи, котораго, какъ мы видѣли, онъ уже возвеличилъ въ началѣ поэмы въ качествѣ одного изъ изобрѣтателей „семи свободныхъ искусствъ"; здѣсь же онъ прилагаетъ подробный перечень приписывавшихся въ средніе вѣки Виргилію чудесъ и хитрыхъ выдумокъ,—въ родѣ яйца, на которомъ поэтъ будто-бы построилъ цѣлый городъ, говорящей головы и т. п. Этотъ эпизодъ объясняется чрезвычайною популярностью Виргилія, представлявшагося глазамъ средневѣковаго грамотнаго человѣка какъ бы олицетвореніемъ древне-классическихъ науки и искусства **).—Поэма оканчивается главой, повторяющей все ея содержаніе, но настолько сбивчиво, что не остается слѣда даже и отъ той незначительной методичности, которой авторъ все же до извѣстной степени держался въ своемъ произведеніи. Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, содержащихъ „Image du M.", встрѣчаются также рисунки, сопровождающіе текстъ, для нагляднаго объясненія изложенныхъ въ поэмѣ научныхъ свѣдѣній.

*) Сл. Legenda aurea Якова de Voragine, cap. 148.

**) У *Comparetti*, Virgilio nel Medio Evo, t. II, 178—86, приведены цѣликомъ мѣста изъ „Image du M.", относящіяся къ Виргилію.

Digitized by Google

На приведенномъ пересказѣ содержанія поэмы «Image du M.» замѣтны какъ чрезвычайная безсистемность и совершенное отсутствіе метода, сильно затруднявшее въ средніе вѣка успѣхи положительнаго знанія, такъ и полная ортодоксальность общаго направленія, которыя составляютъ основную особенность писанныхъ по-латыни схоластическихъ энциклопедій—«Зерцалъ» и т. под.,—весьма близкимъ воспроизведеніемъ которыхъ являлась поэма, приписываемая Готье изъ Меца и предназначавшаяся для удовлетворенія любознательности чуждыхъ латинской науки мірянъ. Не смотря на слабость этой поэмы въ научномъ отношеніи, она въ свое время все же казалась настолько авторитетною, что даже такой оригинальный и образованный писатель, какъ авторъ второй части «Романа Розы», Жанъ де-Менъ, не пренебрегъ сдѣлать изъ «Image du M.» заимствованія въ тѣхъ мѣстахъ своего произведенія, гдѣ рѣчь шла о вопросахъ естествознанія.

Провансальская литература представляетъ также видный примѣръ дидактической поэзіи въ произведеніи трубадура Манфреда Эрменго (Matfre Ermengau), сначала изучавшаго право, а впослѣдствіи сдѣлавшагося монахомъ въ Безье. Его поэма, написанная около 1288 г. и озаглавленная, по свойственной трубадурамъ маніи вездѣ приплетать любовь, «Lō Breviari d'amor»—Бревіарій любви *)—отличается большею полнотой въ энциклопедическомъ смыслѣ, сравнительно съ «Image du Monde», произведеніемъ, которое скорѣе можно назвать космографическимъ трактатомъ въ стихахъ, нежели энциклопедіей. За-то «Image du Monde» все-таки остается самымъ обширнымъ памятникомъ средневѣковой дидактической поэзіи, такъ какъ въ «Brev. d'amor» насчитывается всего около 27,000 восьмисложныхъ стиховъ. Произведеніе Эрменго пользовалось значительною популярностью и сохранилось въ нѣсколькихъ рукописяхъ; оно было переведено въ свое время на каталонское нарѣчіе и не разъ упоминается въ произведеніяхъ другихъ провансальскихъ поэтовъ. «Breviari d'amor» обнимаетъ собою богословіе и естествовѣденіе XIII столѣтія во всемъ ихъ тогдашнемъ объемѣ, свидѣтельствуя о многосторонней начитанности и, пожалуй, учености автора. Поэма начинается съ дѣленія любви на небесную и земную—идея, выраженная въ образѣ древа любви, рисунокъ котораго находится въ рукописяхъ вмѣстѣ съ прозаическимъ толкованіемъ къ нему. Трактуя о первомъ видѣ любви, авторъ объясняетъ могущество божіе, равно какъ и природу добрыхъ

*) Отъ лат. breviarium—краткое руководство. Существуетъ неполное изданіе «Brev. d'amor» (всего 20,912 стиховъ), сдѣланное Azaïs'омъ (Paris et Beziers). Отрывки у Raynonard, Lexique roman I, 15—37 стр., и въ другихъ сборникахъ памятниковъ провансальской литературы.

Digitized by Google

и злыхъ духовъ. Обращаясь затѣмъ къ земной любви, онъ вдается въ описаніе земли и неба, небесныхъ свѣтилъ, элементовъ, благородныхъ камней съ ихъ чудесными свойствами, говоритъ о вѣтрѣ, объ облакахъ и тому подобныхъ явленіяхъ природы; о раздѣленіи времени, начиная съ дня и ночи и кончая историческими періодами; наконецъ о растеніяхъ и всѣхъ отдѣлахъ животнаго царства. Далѣе рѣчь идетъ о человѣкѣ и его исторіи, о естественномъ и законодательномъ правѣ, и здѣсь же авторъ разсуждаетъ о любви къ Богу и ближнему. Вслѣдъ за разсказомъ объ искупленіи человѣческаго рода говорится о проповѣди и молитвѣ и приводятся примѣры той и другой. Отдѣлъ о грѣхахъ особенно интересенъ въ культурно-историческомъ отношеніи, такъ какъ въ немъ авторъ послѣдовательно перебираетъ всѣ общественныя сословія, указывая на характеризующіе каждое изъ нихъ слабости и пороки. Затѣмъ говорится о вѣрѣ и ея догматахъ, передается исторія Христа, апостоловъ Андрея, Іоанна и Ѳомы. Часть поэмы, въ которой идетъ рѣчь о любви между мужчиной и женщиной, важна въ литературно-историческомъ отношеніи: заговоривъ объ истинной любви, авторъ приводитъ многочисленныя мѣста изъ лирическихъ произведеній провансальскихъ трубадуровъ и даже французскихъ труверовъ, и вдается иногда въ опроверженіе выраженныхъ ими мыслей. Поэма заканчивается разсужденіемъ о любви между супругами и родителями и ихъ дѣтьми, и, въ концѣ концовъ, о способѣ воспитанія послѣднихъ.

Болѣе или менѣе энциклопедическимъ характеромъ отличаются также слѣдующія два стихотворныя произведенія итальянской литературы: «Il Tesoretto» — поэма, не исключительно моральнаго содержанія, какъ думали прежде, но трактующая также и о вопросахъ природовѣденія и политики, написанная уже извѣстнымъ намъ Брунетто Латини, авторомъ прозаической французской энциклопедіи «Li Tresors»; «Il Dittamondo» — произведеніе жившаго въ XIV в. Фаціо дельи-Уберти, отличающееся значительными поэтическими достоинствами. О нихъ намъ придется еще говорить въ главѣ объ итальянской литературѣ, равно какъ и о другомъ итальянскомъ сочиненіи, представляющемъ тоже родъ энциклопедіи, но написанномъ въ прозѣ— «Il libro di Sidrac». Послѣднее также перешло во французскую литературу въ прозаическомъ же, но въ точности неизвѣстно когда сдѣланномъ переводѣ, озаглавленномъ «La Fontaine de toutes sciences» и по своей популярности затмившемъ одно время даже «Imago Mundi» Гонорія Отэнскаго.

Нельзя не упомянуть въ настоящей главѣ, хотя-бы въ немногихъ словахъ, о тѣхъ особаго рода дидактическихъ произведеніяхъ средневѣковыхъ стихотворцевъ, которыя содержали въ себѣ настав-

Digitized by Google

ленія относительно житейской мудрости и правилъ морали, почему и носили названіе «Поученій», «Наказаній» и т. под. (Enseignaments, Chastiements etc.). Встрѣчаясь почти во всѣхъ западныхъ литературахъ среднихъ вѣковъ, эти сочиненія имѣютъ въ виду или мораль въ общемъ смыслѣ, служа въ такомъ случаѣ выраженіемъ всѣми признаннаго въ данную эпоху кодекса нравственности; или же—руководящіе принципы, считавшіеся обязательными лишь въ кругѣ опредѣленной общественной группы или сословія, и тогда они нерѣдко представляютъ для насъ богатыя культурно-историческія данныя. Изъ подобныхъ произведеній старо-французской литературы мы ограничимся здѣсь указаніемъ на «Castoiement (или Chastiement) des Dames» (Наставленіе благороднымъ женщинамъ) Роберта изъ Блюá, писавшаго въ XIII вѣкѣ. Въ сущности это только эпизодъ, въ тысячу слишкомъ стиховъ, входящій въ романъ или поэму того же автора, извѣстную подъ заглавіемъ «Beaudous». Авторъ излагаетъ въ «Castoiement» правила, которыми должны руководиться въ частной и общественной жизни женщины высшаго сословія, и рисуетъ при этомъ множество любопытныхъ по своей реальности чертъ современнаго ему благороднаго общества. Въ провансальской литературѣ произведенія такого характера назывались «enseignamens»: ихъ насчитывается до семи, въ періодъ отъ второй половины XII до конца XIII столѣтія. Повидимому, самое раннее изъ нихъ принадлежитъ Гарену lo Brun и заключаетъ въ себѣ наставленія дамѣ рыцарскаго сословія. Къ концу XIII столѣтія относятся два «ensenhamens» трубадура Аманьё des Escas, родомъ каталонца: въ одномъ преподаются правила благонравія и общественныхъ приличій юношѣ, а въ другомъ—дѣвицѣ изъ благородной семьи. Подобныя «наставленія» принимали иногда, такъ сказать, техническій характеръ, — таковы: «ensenhamen» Гиро де-Кабрейра жонглеру по прозвищу Cabra (козелъ), около 1170 г., и другое — Гиро де-Каланco, написанное въ началѣ XIII в. также для жонглера по имени Fadet (простакъ) и заключающее въ себѣ чрезвычайно богатый перечень всѣхъ тѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, всякаго рода фокусовъ, а также и эпическихъ сюжетовъ, знаніе которыхъ считалось обязательнымъ для каждаго хорошаго жонглера въ сферѣ его дѣятельности. Нѣмецкая литература среднихъ вѣковъ также представляетъ не одинъ примѣръ «наставительной» поэзіи. Отъ XIII вѣка сохранилось стихотворное произведеніе, заглавіемъ которому служитъ, какъ нѣкоторые думаютъ *), имя его автора «Winsbeke» (т. е. изъ дворянскаго средне-франконскаго рода фонъ-Виндсбаховъ); написано оно въ формѣ наставленія отца къ сыну. «Это, — говоритъ

*) Наприм. издатель этого произведенія Moritz Haupt (Leipzig, 1845).

Digitized by Google

Гервинусъ *), — одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ нашей рыцарской поэзіи, такъ какъ предлагаемыя въ этомъ произведеніи житейскія правила смѣло можно поставить на ряду съ тѣмъ, что̀ когда-либо высказывалось наиболѣе прекраснаго относительно нравственности и достойнаго образа жизни. Оно пріобрѣло себѣ всеобщее признаніе, потому что авторъ въ этихъ правилахъ, относясь съ презрительнымъ равнодушіемъ къ внѣшней и сословной нравственности, старается устремлять взоръ только на одно вѣчное. Есть нѣчто чрезвычайно трогательное и вмѣстѣ возвышенное въ кротко-торжественномъ тонѣ увѣщаній, которыми посѣдѣлый отецъ провожаетъ сына на жизненный путь».

XVII. Города.—Фабліе и шванки.—Мейстерзингеры.—Городскія хроники.

Съ конца XIII-го столѣтія въ государственной жизни западной Европы замѣтно выступаетъ новый могущественный факторъ—*городское* или, какъ оно называлось во Франціи, *третье сословіе* **), которое пріобрѣтаетъ въ послѣдующія два столѣтія еще бо́льшее значеніе. Здѣсь не мѣсто подробно распространяться о самомъ происхожденіи городовъ на Западѣ и о развитіи ихъ политическаго устройства; замѣтимъ только, что господствовавшее со временъ знаменитаго Савиньи мнѣніе, будто западно-европейскіе города сохраняли въ непрерывной преемственности то гражданское устройство, которое раньше существовало въ городахъ римской имперіи, и такимъ образомъ являлись какъ-бы единственными хранителями правовыхъ началъ римскаго государственнаго строя посреди общей политической неурядицы,—это мнѣніе отвергнуто современною наукой. Городскія политическія учрежденія въ средневѣковой Европѣ сложились, напротивъ, исключительно изъ элементовъ германско-феодальныхъ ***).

Что касается историческихъ судебъ западно-европейскихъ городовъ, то для насъ будетъ достаточно обрисовать ихъ слѣдующими общими чертами ****). Извѣстно, что города римской имперіи, въ послѣднемъ періодѣ ея существованія, были до крайности удручены безчисленными государственными налогами и утратили свое прежнее политическое значеніе, только до нѣкоторой степени сохранивъ за собой внутреннее самоуправленіе. Разрушеніе имперіи варварами и окончательное разселеніе послѣднихъ въ различныхъ имперскихъ

*) Geschichte der deutschen Dichtung (1871), II, стр. 2.

**) Le Tiers-État. Первоначально этимъ названіемъ обозначалось не исключительно городское сословіе (буржуазія), а вся остальная часть націи, за исключеніемъ дворянства и духовенства. См. Aug. Thierry, Essai sur l'hist. du Tiers-État. (Préface).

***) K. Hegel, Geschichte der Städteverfassung in Italien etc. (T. II, стр. 205 и др.).

****) Ешевскій, Сочиненія, Т. III, стр. 383—93.

Digitized by Google

областяхъ на первое время отозвались на положеніи городовъ даже довольно благопріятно, избавивъ ихъ отъ тяготившаго ихъ дотолѣ гнета: правители вновь возникшихъ теперь государствъ и ихъ дружинники, предпочитая свободную жизнь въ своихъ владѣніяхъ или помѣстьяхъ, оставляли города въ покоѣ. Сами мало смысля въ сложномъ дѣлѣ управленія, они, въ то же время, видѣли въ городскомъ населеніи представителя римской цивилизаціи, къ которой питали инстинктивное уваженіе. Но вскорѣ такое положеніе вещей измѣнилось: съ ослабленіемъ центральной королевской власти повсюду увеличилось значеніе мѣстныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, все болѣе старавшихся объ усиленіи собственной власти, и города постепенно лишились всякой самостоятельности, тѣмъ болѣе что и сами епископы, которые въ первое время варварскаго владычества были прямыми заступниками городовъ и охранителями ихъ относительной независимости, теперь примкнули къ феодальному сословію. Города сдѣлались, наконецъ, настоящею собственностью свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ. Феодальнымъ повинностямъ, наложеннымъ на городскихъ жителей, не было предѣловъ: всѣ виды имущества и производительной дѣятельности, всякій актъ въ сферѣ общественной жизни, наконецъ даже почти каждый шагъ горожанина—проходилъ ли онъ черезъ мостъ, городскія ворота или дорогу, женился или получалъ наслѣдство,—все это было обложено особыми сборами. Такимъ образомъ положеніе горожанъ почти ничѣмъ не разнилось отъ положенія уже вполнѣ порабощенныхъ сельскихъ жителей, виллановъ. До самаго конца X-го вѣка состояніе городовъ только ухудшалось; разрозненныя попытки городовъ отстоять силой свою независимость, обыкновенно подавлялись, иногда самымъ безпощаднымъ образомъ. Съ XI-го столѣтія положеніе городовъ стало значительно измѣняться къ лучшему, а въ XII вѣкѣ мы находимъ города уже свободными и могущественными, въ нѣкоторыхъ странахъ стоящими наравнѣ съ феодальною аристократіей, въ другихъ даже подавившими и почти уничтожившими эту аристократію... Города умѣли воспользоваться и борьбою папъ съ императорами, и крестовыми походами, и естественнымъ стремленіемъ королей увеличить свою власть на счетъ своевольныхъ и могущественныхъ феодаловъ. Самая громадность тяжести, наложенной на городъ феодализмомъ, заставляла городское населеніе употреблять всѣ усилія для своего освобожденія отъ тяжкаго ига. Города покупали себѣ на вѣсъ золота права и привилегіи у феодальныхъ владѣльцевъ, спѣшившихъ отправиться на далекій Востокъ, открытымъ возстаніемъ и оружіемъ добывали себѣ эти права и вольности, заключали союзы съ королями, естественными противниками феодализма, со всѣми врагами феодальныхъ

Digitized by Google

владѣльцевъ... Всюду города освободились отъ духовныхъ и свѣтскихъ господъ, но освобожденіе это совершилось и не въ одно время, и не въ одинаковой степени. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, въ южной Франціи, частью въ нынѣшней Голландіи и Бельгіи, города не только освободились отъ власти надъ ними феодаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили власть феодальной аристократіи и въ деревняхъ, заставили феодаловъ переселиться въ городъ, стать горожанами. Въ другихъ странахъ города стали совершенно свободны, но феодалы царствовали за стѣнами городовъ. Иногда города пріобрѣтали полную независимость и власть надъ окрестною страной, становились могущественными и богатыми республиками. Иногда они не имѣли полной свободы и въ своихъ собственныхъ стѣнахъ и сохраняли еще нѣкоторую зависимость отъ могущественныхъ феодаловъ, своихъ сосѣдей. Всюду, вмѣстѣ съ освобожденіемъ, идетъ укрѣпленіе городовъ... Прежде всего освободились города Италіи, благодаря ожесточенной борьбѣ папъ съ императорами. Они же и достигли высшей степени могущества, сдѣлавшись сильными и богатыми республиками, и не разъ мѣрились силами съ королями и императорами. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи, гдѣ феодализмъ былъ слабъ, напримѣръ въ Тосканѣ и Лигуріи, освобожденіе городовъ совершилось легко и скоро. Въ другихъ борьба была тяжела и упорна, особенно въ Ломбардіи и королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Феодальное дворянство должно было въ нѣкоторыхъ областяхъ покинуть свои раззоренные замки, переселиться въ города и образовать городскую аристократію, слившись съ горожанами. Приморскіе города Италіи, пользуясь крестовыми походами, снаряжали огромные флоты, заводили торговлю и колоніи на Востокѣ и стали могущественными республиками. Итальянскіе города давали своимъ городскимъ чиновникамъ гордое имя консуловъ. Тоже мы видимъ и въ освободившихся городахъ южной Франціи. Число консуловъ было различно въ разныхъ городахъ; они выбирались народомъ и управляли съ помощью городскихъ совѣтовъ. Города сносятся съ феодальными владѣльцами, какъ равные съ равными. Городская аристократія часто принимаетъ рыцарское достоинство. Гордые члены городского управленія въ Тулузѣ называютъ себя баронами Тулузы. Въ Перигорѣ члены городского совѣта даютъ себѣ оффиціальный титулъ: граждане, сеньоры Перигора... На сѣверѣ города носили названіе коммунъ; они возникли изъ тѣхъ союзовъ и товариществъ, которые были въ нравахъ древнѣйшаго населенія Франціи и Германіи, и которые у германцевъ носили названіе гильдъ, гильдій. Люди, занимавшіеся однимъ ремесломъ, однимъ промысломъ, составляли между собой гильду, братство, обязанное помогать своимъ членамъ, защищать ихъ

Digitized by Google

общими силами. Эти братства соединялись между собой, что̀ повело къ освобожденію городовъ, а самые города получили названіе коммунъ, или общинъ. Иногда законы городовъ носятъ названіе законовъ дружбы или законовъ мира. Коммуны, или городскія общины, особенно развились и достигли могущества въ нынѣшнихъ Бельгіи и Голландіи, по Рейну, въ сѣверной Германіи. Иногда нѣсколько городовъ заключали между собою братскій союзъ, дѣйствовали за-одно общими силами. Такова была знаменитая Ганза въ сѣверной Германіи.

О самомъ населеніи городовъ, добывшихъ себѣ такую широкую независимость, Ешевскій говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Городское населеніе дѣлилось на разные классы. Почти во всѣхъ большихъ городахъ прежде всего мы находимъ три главныхъ класса. Къ первому принадлежали люди благороднаго происхожденія. Положеніе ихъ въ разныхъ городахъ было весьма различно. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, въ Сіеннѣ, въ Генуѣ) благородные не допускались ни къ одной городской должности. Въ другихъ было совершенно наоборотъ. Въ городахъ провинціи Дофинэ консулами въ теченіе многихъ столѣтій могли быть только благородные. Мэры города Бордо также бо́льшею частью избирались изъ лицъ благороднаго происхожденія. Ко второму классу принадлежали купцы или же горожане, живущіе своими доходами. Этотъ классъ иногда называли высшимъ сословіемъ народа. Наконецъ, къ третьему относились ремесленники и мелочные торговцы. Сверхъ того, жители городовъ дѣлились по занятіямъ или ремесламъ на корпораціи, ремесла или цехи... Во Франціи городское сословіе скоро сдѣлалось, вмѣстѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, необходимымъ членомъ собранія государственныхъ сословій, подъ именемъ третьяго сословія. Въ числѣ горожанъ короли Франціи находили самыхъ ловкихъ и самыхъ вѣрныхъ исполнителей своей воли. Филиппъ-Августъ, Людовикъ Святой, Филиппъ Красивый окружали себя лицами изъ городского сословія, совѣтовались съ ними, давали имъ непосредственное участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ... Въ числѣ государственныхъ людей, управлявшихъ судьбами Франціи, мы найдемъ множество лицъ изъ третьяго сословія, т.-е. изъ горожанъ. Еще тѣснѣе сблизился съ горожанами король Людовикъ XI, заклятый врагъ феодальной аристократіи. Онъ любилъ общество горожанъ и предпочиталъ его обществу лицъ дворянскаго происхожденія... Богатство городского сословія скоро далеко оставило за собою богатство феодальныхъ владѣльцевъ, дворянства. Напрасно, по настоянію высокомѣрныхъ дворянъ, короли Франціи рядомъ указовъ стараются ограничить роскошь средняго сословія; напрасно запрещаютъ они лицамъ неблаго-

Digitized by Google

роднаго происхожденія употреблять дорогіе мѣха, золото, серебро и драгоцѣнные камни на ихъ уборахъ и одеждахъ; напрасно запрещаютъ горожанамъ ѣзду въ экипажахъ и опредѣляютъ, выше какой цѣны не должна шить себѣ платье женщина неблагороднаго происхожденія. Всѣ эти мѣры оказываются совершенно безполезными... Лица средняго сословія нарочно выказывали свое богатство и роскошь, чтобы сбить спѣсь съ феодальной аристократіи. Когда Филиппъ Красивый съ королевой Анной посѣтилъ города Брюгге и Гентъ, горожане встрѣчали и угощали ихъ такъ роскошно, что растерявшаяся королева сказала: «Я думала, что здѣсь я одна царица, а ихъ здѣсь больше шестисотъ». Любопытно читать исполненные зависти и негодованія отзывы аристократки, удостоившей посѣтить жену одного изъ своихъ знакомыхъ парижскихъ купцовъ, только-что разрѣшившуюся отъ бремени. Она была поражена роскошью дома, меблировки, дорогихъ кипрскихъ ковровъ, покрывавшихъ стѣны, коврами на полахъ, великолѣпіемъ спальни родильницы, наконецъ ея богатымъ костюмомъ, убранствомъ постели и т. д... Богатство высшихъ классовъ горожанъ, между которыми было значительное число лицъ дворянскаго происхожденія, переселившихся въ города и вступившихъ въ городское сословіе, а также зажиточный и образованный классъ юристовъ и ученыхъ, болѣе всего выразилось великолѣпными постройками. Ратуша и башня, на которой висѣлъ городской колоколъ, составляли роскошь каждаго города. Многія изъ ратушъ представляютъ самые великолѣпные образцы средневѣковой архитектуры. Тоже великолѣпіе мы видимъ и въ частныхъ домахъ богатѣйшихъ гражданъ. Но всего болѣе это великолѣпіе отразилось на постройкѣ и убранствѣ церквей» *).

Этотъ мастерской очеркъ развитія и состоянія городского сословія на Западѣ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ достаточно объясняетъ, въ какой высокой степени города достигли процвѣтанія и значенія. Какъ феодализмъ и рыцарство въ періодъ своего полнаго разцвѣта вызвали къ существованію своеобразную поэзію, такъ и горожане, при постоянномъ увеличеніи ихъ благосостоянія и при обусловливаемой имъ потребности въ умственномъ наслажденіи, въ свою очередь должны были создать также свою поэзію. И, дѣйствительно, въ національныхъ западно-европейскихъ литературахъ городское сословіе проявило свою дѣятельность не въ одномъ только какомъ-либо отдѣлѣ поэтическаго творчества; ему по преимуществу обязаны своимъ происхожденіемъ слѣдующіе четыре вида ли-

*) Ешевскій, тамъ же.—Устройство и общественная жизнь городовъ въ средніе вѣка всесторонне и на основаніи источниковъ изображены въ извѣстномъ сочиненіи Hallmann'a: Das Städtewesen im Mittelalter (3 тома).

Digitized by Google

тературныхъ произведеній: такъ-называемыя fabliaux, лирика мейстерзингеровъ, свѣтска драма—moralités—и фарсы—и, наконецъ, городскія хроники. Какъ въ свое время сѣверо-французская эпопея и лирика трубадуровъ служили отраженіемъ жизни феодальнаго общества, описывая подвиги и выражая чувства составлявшихъ это общество дворянъ, такъ «фабльо» являются не рѣдко фотографчиески вѣрнымъ воспроизведеніемъ житейскихъ отношеній и душевныхъ свойствъ лицъ средняго и низшаго сословія во Франціи XIII-го вѣка. И фабльо были настоящею поэзіей горожанъ даже не столько по своимъ сюжетамъ, по изображаемой въ нихъ общественной средѣ—мы сейчасъ увидимъ, что содержаніе ихъ отличалось чрезвычайнымъ разнообразіемъ — сколько по самому отношенію авторовъ къ воспроизводимымъ ими явленіямъ, по ихъ манерѣ смотрѣть на вещи, по самому тону разсказа, свободному отъ всякой восторженности и сентиментальнаго идеализма, но веселому, добродушному, шутливому, не дающему насмѣшкѣ перейти въ сатиру—въ противоположность съ рѣзкимъ «сирвентомъ» трубадуровъ, столь живо напоминающимъ собою рыцарскій вызовъ на поединокъ,—и, наконецъ, по простотѣ и точности изложенія.

Временемъ процвѣтанія фабльо во Франціи были XIII-е и первая половина XIV-го столѣтія *), т.-е. именно тотъ періодъ, когда городское сословіе окончательно стало на ноги, когда вполнѣ сложилась умственная и нравственная физіономія буржуазнаго класса въ средневѣковомъ обществѣ. Въ фабльо еще живо дышетъ то непосредственное вдохновеніе, которое создало въ предшествующемъ періодѣ феодально-рыцарскую эпопею и лирику, и имъ еще чуждо, при всемъ преобладаніи въ нихъ народнаго здраваго смысла, то рефлективное, разсудочное начало, которое, начиная съ половины, въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже съ начала XIV-го вѣка, вообще характеризуетъ умственную и политическую жизнь западной Европы и столь рѣзко сказалось въ остальныхъ двухъ родахъ буржуазной поэзіи — въ лирикѣ мейстерзингеровъ и въ «moralités». Весьма замѣтно оно давало себя чувствовать—какъ мы видѣли—уже во второй части «Романа Розы», этого, повторяемъ, предвѣстника наступавшаго новаго міровоззрѣнія, проникнутаго тѣмъ духомъ критики и независимости, который, прежде всего развившись въ средѣ городского сословія, привелъ къ двумъ величайшимъ явленіямъ въ исторіи умственной жизни Запада — къ Возрожденію и Реформаціи.

Хотя въ фабльо, какъ въ зеркалѣ, отражается міросозерцаніе средневѣкового горожанина, эти полные жизненной правды, коротень-

*) Aubertin, II t., p. 17, note 4.

Digitized by Google

кіе разсказы или своего рода поэмки обязаны своимъ происхожденіемъ отдаленнѣйшему Востоку *), большею частью Индіи, и, по своему содержанію, находятся въ тѣсной связи съ санскритской буддистической литературой. Буддизмъ былъ по своему существу не столько религіозной системой, изобилующей догматами, сколько моральнымъ ученіемъ, преподающимъ практическія правила добродѣтельной жизни; къ числу средствъ, употреблявшихся буддистами для распространенія своей доктрины, уже съ ранняго времени принадлежали и особые литературные сборники, состоявшіе изъ цѣлаго ряда притчей, мелкихъ повѣстей и разсказовъ, которые въ доступномъ для простыхъ людей изложеніи выражали нравственныя правила и наставленія учениковъ великаго Сакіа-Муни. При этомъ надо замѣтить, что буддистическая мораль, имѣя въ виду всю жизнь людей, во всѣхъ ея видахъ и подробностяхъ, нуждалась для своего нагляднаго выраженія въ возможно бо́льшемъ разнообразіи примѣровъ. Оттого-то и разсказы, входившіе въ составъ упомянутыхъ буддистическихъ сборниковъ, отличаются необыкновеннымъ богатствомъ сюжетовъ, заимствуя ихъ изъ жизни рѣшительно всѣхъ слоевъ индійскаго общества, притомъ иногда подъ прозрачнымъ покровомъ животныхъ типовъ. О постепенномъ проникновеніи буддистическихъ сборниковъ въ западныя литературы путемъ послѣдовательныхъ переводовъ съ съ одного языка на другой мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же мы укажемъ только на слѣдующія двѣ ихъ существенныя особенности. Во-первыхъ, проводимая въ этихъ сборникахъ мораль, предписывая человѣку мудрость, милосердіе, самоотреченіе и полное презрѣніе къ здѣшнему міру съ его превратностями, представляла не мало точекъ соприкосновенія и съ христіанскою нравственностью; во-вторыхъ, разсказы въ буддистическихъ сборникахъ представляли, по самому своему содержанію, чрезвычайно разнообразному и выхваченному изъ дѣйствительности, на столько живой интересъ для читателя, что заключавшійся въ нихъ моральный смыслъ легко отступалъ на задній планъ, и эти разсказы, теряя такимъ образомъ собственно-буддистическій характеръ, тѣмъ легче дѣлались литературнымъ достояніемъ не только восточныхъ, но и европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, европейскаго читателя къ индійскимъ разсказамъ привлекали, съ одной стороны, наглядно выраженная въ нихъ мораль, въ общемъ столь родственная съ христіанскою, что иногда достаточно было самаго незначительнаго измѣненія въ буддистическомъ разсказѣ, чтобы придать ему вполнѣ ортодоксальную окраску,

*) *G. Paris*, Les contes orientaux dans la litterature franç. du Moyen-âge. (P. 1875)

Digitized by Google

какъ это случилось, напр., съ легендарнымъ житіемъ Будды, распространившимся во всѣхъ европейскихъ литературахъ подъ видомъ житія св. Іосафата; съ другой стороны — ихъ, такъ сказать, чисто-беллетристическій характеръ. При своемъ переходѣ изъ одной литературы въ другую, нѣкогда написанные по-санскритски разсказы не могли, конечно, сохранить свою первоначальную форму и подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ. Прежде всего они зачастую утрачивали первоначально вложенный въ нихъ моральный смыслъ, что́, въ свою очередь, обусловливало утрату и нѣкоторыхъ чертъ самой фабулы, по временамъ даже весьма существенныхъ; при этомъ нерѣдко разрушалась и внутренняя логика, по которой сначала создался весь разсказъ; иногда же измѣненіе первоначальнаго разсказа состояло въ примѣненіи его содержанія къ нравамъ данной страны или къ господствующему въ послѣдней взгляду на вещи; наконецъ, перемѣны происходили вслѣдствіе непониманія или недостатка таланта со стороны новаго пересказчика. Въ послѣднемъ случаѣ бывало, что послѣ того какъ пересказчикъ исказилъ разсказъ, лишивъ его внутренней гармоніи и послѣдовательности, его преемникъ въ дальнѣйшей передачѣ, болѣе интеллигентной и талантливой, стараясь возстановить нарушенную цѣлостность разсказа, добавлялъ отъ себя одну или даже нѣсколько чертъ, и тогда повѣсть поступала въ обращеніе уже въ формѣ, дѣлавшей ее мало сходною съ ея прототипомъ, между тѣмъ какъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ иногда сохранялся, вслѣдствіе болѣе благопріятныхъ условій, вполнѣ точный пересказъ подлиннаго сказанія.

О первоначальномъ значеніи этихъ буддистическихъ разсказовъ для французской литературы, а вслѣдствіе ея первенствующей роли и для литературъ всѣхъ прочихъ западно-европейскихъ народовъ, проф. Гастонъ Пари́ *) выражается слѣдущимъ образомъ: «Индійскія сказки, возникшія изъ непосредственнаго и проницательнаго наблюденія надъ людьми всѣхъ общественныхъ положеній, наивно рисуютъ ихъ жизнь и нравы, съ тѣми простотою и отсутствіемъ аффектаціи, которыя такъ характеризуютъ Востокъ. Похожденія и чувства какого нибудь садовника, портного или нищаго излагаются въ нихъ съ любовью и описываются въ подробности. На Западѣ, когда проникъ туда съ Востока этотъ новый повѣствовательный матеріалъ, были извѣстны только національная эпопея и рыцарскій романъ. Поэзія, обращаясь лишь къ однимъ высшимъ классамъ, рисовала исключительно эти классы и такимъ образомъ вращалась въ весьма тѣсномъ кругѣ нерѣдко условныхъ

*) Тамъ же, p. 21.

Digitized by Google

чувствъ. Усиливаясь пригнать восточные разсказы къ европейскимъ нравамъ, поэты привыкли мало по малу наблюдать эти нравы ради нихъ самихъ и изображать ихъ съ искусствомъ. Они старались вмѣщать въ рамки современной имъ реальной жизни средняго класса разсказываемыя ими происшествія и, упражняясь въ этомъ, научились понимать и воспроизводить чувства, поступки и языкъ общества, въ которомъ жили сами. Такъ постепенно образовалась литература фабльо *), по странной игрѣ судьбы сдѣлавшаяся самымъ популярнымъ изъ всѣхъ родовъ старо-французской поэзіи, не смотря на то, что источникъ и корни ея находились на крайнемъ Востокѣ. Когда наблюденіе надъ дѣйствительной жизнью, изображеніе современнаго общества вошли въ литературные нравы, писатели уже не разставались съ ними; направленіе это проявилось, сопровождаемое все бо́льшимъ и бо́льшимъ искусствомъ, въ итальянскихъ новеллахъ, между тѣмъ какъ во Франціи оно нашло для своего осуществленія новую форму въ фарсахъ XV в., съ двухъ сторонъ такимъ образомъ подготовляя двѣ важныя формы новѣйшей литературы—комедію и романъ».

Выше мы замѣтили, что канву для фабльо обыкновенно составляла обыденная жизнь классовъ, изъ которыхъ слагалось большинство націи. При этомъ поэтъ, не стѣсняемый въ своемъ вдохновеніи никакими условными представленіями, какъ это нерѣдко случалось прежде при обработкѣ сюжетовъ, взятыхъ изъ феодально-рыцарской жизни, во всей полнотѣ предоставлялъ въ своемъ разсказѣ выразиться тому, что̀ принято обозначать словами «esprit gaulois», т.-е. тому простонародному здравому смыслу, неразлучно связанному съ тонкой ироніей и неудержимой веселостью, — свойствами, искони составлявшими характеристическую черту французскаго народа и высшими выразителями которыхъ въ художественномъ отношеніи были Раблэ, Вольтеръ и Беранжé. Писаны фабльо обыкновенно восьмисложными стихами, риѳмующими попарно — обычный размѣръ старо-французскихъ стихотворныхъ произведеній въ юмористическомъ родѣ. Авторъ обстоятельнаго этюда о фабльо, помѣщеннаго въ «Histoirie littéraire de la France», а за нимъ и Леніанъ (Lenient), въ своей книгѣ о сатирѣ въ средневѣковой Франціи **), группируютъ всю сохранившуюся въ рукописяхъ массу фабльо ***) соотвѣтственно съ различными

*) Г. Парй считаетъ болѣе правильнымъ писать по-французски „fableau", вмѣсто обычной формы „fabliau" (какъ та, такъ и другая—отъ лат. fabula).

**) Victor Le Clerc въ XXIII томѣ названнаго изданія.—*Lenient*, La satire en France au Moyen-Age, chap. V: Fabliaux, p. 72—97 (nouv. édition, 1877).

***) Главнѣйшія изданія фабльо: *Le Grand d'Aussy*, Fabliaux ou contes du XII et

Digitized by Google

общественными группами или сословіями, бытовыя отношенія и типы которыхъ дали содержаніе поэтическому разсказу въ каждомъ данномъ случаѣ.

Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ фабльо занимаетъ женщина. Она, обыкновенно, либо горожанка, либо мужичка, жена виллана. Характеризующія ее свойства рѣзко отличаютъ ее отъ женщины рыцарской эпопеи: какъ послѣдняя являлась, въ большинствѣ случаевъ, страстною любовницей, иногда не безъ сантиментальнаго оттѣнка, или, хотя и рѣже, образцомъ вѣрной и благородной супруги феодала, такъ героини фабльо всего чаще отличаются легкомысліемъ и особенною падкостью къ запретному плоду; въ тоже время онѣ до крайности изворотливы въ дѣлѣ обманыванія своихъ мужей,—качества, искупаемыя, впрочемъ, далеко не такъ часто, находчивостью и здравымъ смысломъ, которые помогаютъ имъ или успѣшно выходить изъ положеній, грозящихъ то невзгодою, то позоромъ для самой героини либо для ея сожителя, или же отучать послѣдняго отъ слишкомъ грубаго обращенія съ нею и возвращать его къ порядочной жизни, если онъ отбился отъ рукъ. Наравнѣ съ женщиной въ фабльо фигурируетъ приходскій священникъ (le Curé), то выказывая свое относительное превосходство надъ другими, то самъ являясь ихъ жертвой. Въ самомъ дѣлѣ, эти духовныя лица весьма удобно поддавались насмѣшкѣ: обыкновенно живя въ довольствѣ, они отличались цвѣтущимъ здоровьемъ, любовью хорошо поѣсть и попить, и въ тоже время завѣдомо считались излюбленными повѣренными и утѣшителями женщинъ въ ихъ интимныхъ тайнахъ и грѣшкахъ относительно семейнаго очага, причемъ женщины порою дарили этихъ своихъ духовныхъ отцовъ сердечнымъ расположеніемъ, даже прямо въ ущербъ законнымъ правамъ собственныхъ супруговъ. Сообразно съ ролью, приписанною герою въ священнической сутанѣ, и фабльо бываютъ иногда только безобидно веселаго характера, иногда же впадаютъ въ крайне грубый цинизмъ. Авторы фабльо выбирали для своихъ нападокъ преимущественно священниковъ еще и потому, что послѣдніе составляли въ средѣ тогдашняго духовенства какъ бы своего рода среднее сословіе, задѣвать которое отнюдь не

---

du XIII siécles, traduits (en prose) etc. (4 vol. 1779—81).—*Méon*, Fabliaux et contes des poetes français, du XII au XV ss. (4 vol. 1808). *Его же*, Nouveau Recueil (1823). *Ach. Jubinal*, Nouveau Recueil de contes, dits et fabliaux. (2 vol. 1839—42).—*De Montaiglon*, Recueil général des fabliaux des XII et XIII ss. (d'apres les manuscrits). (1 vol. 1872). Это критическое изданіе должно содержать въ себѣ одни фабльо, въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ что въ него не войдутъ ни Contes dévots, ни Dits, ни Débats et Disputes и т. под. мелкія стихотворныя произведенія, по своему характеру, впрочемъ, довольно близкія къ фабльо, но разнящіяся отъ нихъ напр. діалогической формой (Débats).

Digitized by Google

представляло той опасности, какая могла угрожать автору въ случаѣ насмѣшки надъ высшими представителями духовнаго сословія, епископами и аббатами, среди которыхъ, къ тому, же въ XIII вѣкѣ было не мало и дѣйствительно достойныхъ личностей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ. Съ другой стороны и монашество, вообще говоря также щадимое въ фабльо, въ то время еще отличалось значительною строгостью нравовъ и внушало невольное уваженіе толпѣ. Если же оно, въ лицѣ нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, и вызывало нападки, то иными своими свойствами, каковы напр. были стремленіе монастырскихъ общинъ къ обогащенію себя въ ущербъ народному благосостоянію, нетерпимость въ вопросахъ свободы совѣсти и т. под., и дѣйствительно за это именно, какъ мы видѣли, бичуетъ нищенствующіе ордена авторъ второй части «Романа Розы»; но такая, болѣе отвлеченная, точка зрѣнія была вполнѣ доступна ему вслѣдствіе его высокой образованности, о какой и не снилось народнымъ слагателямъ фабльо. Такъ-что монахи выводятся въ фабльо довольно рѣдко, а епископы еще рѣже. Но всего больше достается въ фабльо—мужьямъ изъ среднихъ слоевъ общества. Обыкновенно это какой-нибудь крестьянинъ, забіяка и пьяница, добродушный горожанинъ, купецъ или ростовщикъ, только и думающіе о наживѣ; всѣ они то до глупости довѣрчивы, то неумолимо ревнивые, такъ или иначе непремѣнно оказываются передъ своими женами въ дуракахъ. Напротивъ, когда автору хочется представить авторитетность власти мужа надъ своею женой, онъ обыкновенно выводитъ въ своемъ разсказѣ благороднаго рыцаря, а не горожанина или мужика, такимъ образомъ наглядно выражая, хотя въ извѣстномъ смыслѣ и помимо собственной воли, разницу во взглядахъ на вопросы семейной чести, господствовавшихъ въ средѣ съ одной стороны феодальнаго, а съ другой буржуазнаго общества. Вообще какъ самъ горожанинъ, добившись послѣ вѣковой борьбы самостоятельности и довольства, продолжалъ чувствовать невольное уваженіе къ стоявшимъ выше его общественнымъ классамъ, такъ и составители фабльо остерегались задѣвать представителей феодальнаго дворянства и, въ особенности, высшей государственной власти. Если эти представители и являются иногда дѣйствующими лицами въ фабльо, то имъ обыкновенно назначаются роли благороднаго характера. Тѣмъ не менѣе фабльо, оставляя за рыцаремъ первенство по отношенію къ лицамъ средняго сословія, въ тоже время выдвигаетъ новаго соперника ему въ любовныхъ дѣлахъ, который въ этомъ случаѣ какъ бы отплачиваетъ за буржуа весьма чувствительнымъ образомъ для избранника женщинъ, исключительно въ этомъ качествѣ фигурировавшаго въ старо-французской эпикѣ. Очевидно, что пора рыцарской любви и ради нея совершаемыхъ

Digitized by Google

подвиговъ если еще не совсѣмъ прошла, то уже на исходѣ. Этотъ соперникъ съ миловиднымъ лицомъ, съ пріятными манерами, съ нѣжнымъ, задушевнымъ взглядомъ и сладкими рѣчами, — некто иной, какъ молодой клеркъ, т.-е. церковникъ, изучающій богословскія и философскія науки, или вообще студентъ. Такимъ образомъ, наравнѣ съ горожаниномъ, для семейнаго благополучія котораго онъ самъ, впрочемъ, оказывается опаснѣе любого рыцаря, клеркъ въ качествѣ представителя столь противной феодализму науки, является въ литературѣ однимъ изъ выразителей возникающаго анти-феодальнаго общественнаго строя. Въ тоже время отъ него по прямой линіи ведетъ начало одинъ изъ типовъ современной комедіи, извѣстный подъ именемъ «jeune premier», тогда какъ прототипомъ для самого любовника-клерка въ фабльо можно считать влюбленнаго въ «Романѣ Розы», которому только не доставало поной рельефности, чтобы сдѣлаться художественнымъ типомъ. Къ числу героевъ фабльо принадлежитъ также и деревенскій мужикъ, виллан (le vilain). Если онъ, одинаково съ горожаниномъ, нерѣдко является жертвой обмана своей распутной и вмѣстѣ хитрой жены, то, съ другой стороны, сводя его съ представителями феодальнаго дворянства, державшаго въ столь тяжелой зависимости средневѣковое крестьянство, фабльо умѣютъ представить намъ крестьянина во всемъ блескѣ отличающаго простолюдиновъ природнаго ума, такъ что порою и ученый аббатъ и даже самъ король должны уступать и преклоняться предъ говорящею устами виллана народною мудростью. Мудрость эта, охотно выражаемая въ поразительныхъ по своей мѣткости пословицахъ, вся состоитъ изъ смѣси обманчиваго на видъ простодушія и практически-положительнаго здраваго смысла. И здѣсь находитъ себѣ выраженіе противоположность, существовавшая между старымъ феодальнымъ направленіемъ литературы и новымъ, созданнымъ новыми бытовыми условіями. Между тѣмъ какъ въ поэзіи рыцарей-трубадуровъ крестьянинъ не только по названію «подлъ» (vilain — обычное слово въ средніе вѣка для обозначенія крестьянскаго люда), но и дѣйствительно изображается однѣми отталкивающими чертами — напр., въ дышащихъ ожесточенною ненавистью къ виллану строфахъ знаменитаго Бертрана де-Борнъ или въ стихахъ миннезенгера Ниттарта, исполненныхъ хотя болѣе добродушной, но глубоко презрительной насмѣшки надъ деревенщиной *), — авторы фабльо, сами большею частью вышедшіе изъ простонародья, такъ сказать возвышаютъ бѣднаго виллана, такъ что онъ, при всей

*) Bertran de Born, sein Leben u. seine Werke, herausg. von A. Stimming (1879), стр. 178.—Пѣсени Ниттарта (Neidhart's Lieder) критически изданы въ 1858 г. Moritz'омъ Haupt'омъ.

Digitized by Google

реальной правдѣ разсказа, пріобрѣтаетъ внушающій намъ симпатію характеръ. Дѣйствительно, фабльо слагались большею частію жонглерами, стоявшими, въ сравненіи съ трубадурами и труверами, которые нерѣдко сами принадлежали къ благородному сословію, гораздо ниже не только по своему плебейскому происхожденію, но и по своей подчиненной роли относительно тѣхъ и другихъ. Не удивительно, что каждому воздавая должное въ своихъ насмѣшливыхъ и веселыхъ произведеніяхъ, жонглеры не преминули въ нихъ вознаградить себя за то общее пренебреженіе, какое оказывалось имъ за ихъ бродячую и безпутную жизнь; въ сознаніи своего таланта и умственнаго превосходства, жонглеръ дерзаетъ въ иномъ фабльо не только подшучивать надъ королемъ, но и поучать его мудрой наукѣ правленія,—мало того, жонглеръ при случаѣ умѣетъ перехитрить самого сатану. Такимъ образомъ рядъ выступающихъ въ фабльо лицъ, прямо выхваченныхъ изъ живой дѣйствительности, замыкается жонглеромъ, т.-е. самимъ авторомъ этихъ своеобразнѣйшихъ произведеній старо-французской литературы. Разъ принявшись за наставленія, жонглеръ легко могъ впасть и въ назидательный тонъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ фабльо подкладкой излагаемой въ нихъ фабулы служитъ та или иная моральная тенденція, между тѣмъ какъ въ другихъ заключаются болѣе или менѣе чудесныя сказанія о разныхъ святыхъ; не исключая самой Богородицы. Но въ послѣднемъ случаѣ низкій уровень развитія авторовъ сказывается въ томъ, что взявшись за передачу подобныхъ сюжетовъ, они, при всей искренности вѣры въ ихъ святость, примѣшиваютъ такія черты или создаютъ такія положенія, что разсказъ ихъ невольно отзывается на наши глаза кощунствомъ, которое только благодаря неподдѣльной наивности авторскаго пониманія мирно совмѣщается въ одной рамкѣ съ благочестивымъ намѣреніемъ назидать добродушныхъ слушателей. Кромѣ подобныхъ фабльо съ религіозно-легендарными сюжетами, сохранились также, впрочемъ весьма немногочисленныя, фабльо на темы, заимствованныя изъ исторіи или изъ поэзіи древнихъ и обыкновенно составлявшія предметъ только ученой эпопеи. Но въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ послѣдней, античный колоритъ приносится въ жертву современности и пріемамъ обычнымъ при созданіи фабльо, этихъ коротенькихъ поэмокъ, которымъ чужды всякія высшія претензіи. Наконецъ и аллегорія, которую мы видѣли въ концѣ ряда большихъ эпическихъ произведеній старо-французской поэзіи, также встрѣчается въ литературѣ фабльо, хотя и здѣсь уже только на исходѣ періода ихъ процвѣтанія; но по самому существу своему слишкомъ противорѣча реальному тону фабльо, аллегорія является въ нихъ или въ

Digitized by Google

видѣ случайнаго аксессуара, или же какъ весьма прозрачная оболочка сатирической тенденціи.

И такъ, содержаніе фабльо отличалось чрезвычайнымъ разнообразіемъ; но имъ придаетъ полное единство общій тонъ изложенія и одинаковое отношеніе къ предмету разсказа; имъ въ равной мѣрѣ чужды и то глубоко-религіозное чувство, и та идеальная восторженность, соединенная съ обаятельною фантастичностью, старофранцузской эпики, для выраженія которыхъ и для наслажденія которыми нуженъ былъ совсѣмъ иной душевный, нравственный складъ человѣка. Напротивъ, фабльо какъ разъ по плечу городскому люду, состоящему изъ лицъ, не знакомыхъ ни съ рыцарскою жаждой подвиговъ, ни съ благочестивымъ самоистязаніемъ аскета, но тѣсно связанныхъ съ обыденною жизнью и искавшихъ въ поэзіи минутнаго отдыха послѣ своихъ ежедневныхъ занятій, заключавшихся у купцовъ въ погонѣ за барышами, у ремесленника въ добываніи средствъ для безбѣднаго существованія, у ученаго и судьи въ рѣшеніи мудреныхъ вопросовъ и тяжебъ. Оттого фабльо въ полномъ смыслѣ могутъ считаться поэзіей горожанъ и отчасти крестьянства. Послѣднее, впрочемъ, несомнѣнно владѣло и собственною безъискусственною поэзіей въ формѣ никогда не умирающей народной пѣсни, но отъ нея до насъ не дошло изъ того времени ровно ничего, за исключеніемъ самыхъ слабыхъ отзвуковъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусственной поэзіи другихъ классовъ и еще рѣже въ хроникахъ. Фабльо, въ своей совокупности, представляютъ прелестную панораму, въ которой всесторонне отражается дѣйствительность XIII столѣтія.

Къ сожалѣнію, двѣ характернѣйшія особенности фабльо—нестѣсняемая никакою школьною рутиной небрежность изложенія, придающая разсказу своеобразную прелесть, а между тѣмъ легко скрадываемая стихотворнымъ складомъ рѣчи, а съ другой стороны пикантность изображаемыхъ положеній и самаго языка, нерѣдко переходящая мѣру, допускаемую нашими понятіями о приличіяхъ,—рѣшительно не поддаются передачѣ въ подсрочномъ прозаическомъ переводѣ. Мы считаемъ поэтому болѣе цѣлесообразнымъ изложить вкратцѣ, но удерживая существеннѣйшія черты, содержаніе нѣсколькихъ фабльо, могущихъ въ тоже время послужить иллюстраціями къ вышеупомянутымъ рубрикамъ, на которыя изслѣдователи подраздѣляютъ эту интересную отрасль старо-французской литерауры.

Приводимъ содержаніе фабльо «Крестьянинъ-врачъ» (Le Vilain mire *). Бога-

*) Отъ предполагаемой неправильной формы *medicarius* вм. *medicus* (какъ *grammaticarius* вм. *grammaticus*. См. *Dies*, Etymologisches Wörterbuch d. romanisch. Sprachen. 1870, II, p. 378.

Digitized by Google

тый, но грубаго нрава крестьянинъ женился на дочери обѣднѣвшаго дворянина. Жена его отличалась столько же красотою, сколько и умомъ и прочими привлекательными качествами, такъ что ревнивъ-мужъ, предвидя неизбѣжныя ухаживанія за такою необыкновенной женщиной, принялся ежедневно подвергать ее побоямъ: заставляя ее плакать весь день, онъ расчитывалъ отнять у нея всякую возможность къ кокетничанью. Вечеромъ же онъ обыкновенно старался помириться съ нею, обѣщая не бить ее больше, но не далѣе какъ на-завтра уговоръ этотъ нарушался. Находя наконецъ подобное обращеніе невыносимымъ, молодая женщина даетъ себѣ слово доставить своему благовѣрному полную возможность испробовать на собственной шкурѣ всю сладость побоевъ. На ея счастье какъ разъ черезъ ихъ село проѣзжаютъ двое придворныхъ, отправляющихся въ Англію для отысканія медика, способнаго вылѣчить дочь французскаго короля, подавившуюся косточкой, которой не могъ извлечь ни одинъ изъ французскихъ врачей. Жена крестьянина сообщаетъ имъ по секрету, что ея мужъ великій знатокъ медицины, но что только угрозами можно заставить его приложить къ дѣлу чудесныя тайны его науки. Королевскіе посланцы идутъ за нимъ въ поле и, порядкомъ поколотивъ его въ отвѣтъ на его увѣренія, что онъ чистѣйшій профанъ во врачебной наукѣ, привязываютъ его къ лошади головой внизъ и увозятъ къ королю. По прибытіи въ столицу, со стороны крестьянина возобновляются увѣренія въ его круглому невѣжествѣ, а со стороны придворныхъ палочные удары, уже по приказу самого короля. Испугъ, желаніе поскорѣе увидѣть безъ всякаго присмотра оставленную жену и необходимость во что-бы ни стало выйти изъ своего крайне непріятнаго положенія вдругъ придаютъ мужику неожиданную сообразительность: приказавъ хорошенько растопить печь въ большой горницѣ, онъ проситъ привести туда больную, и затѣмъ, раздѣвшись до-нага, ложится передъ огнемъ и принимается царапать свое тѣло, выдѣлывая при этомъ уморительнѣйшія гримасы. При видѣ этой нелѣпой фигуры, королевна разражается хохотомъ, отчего кость выскакиваетъ у нея изъ горла, и сама она выздоравливаетъ. Но этотъ столь необыкновенный, но успѣшный способъ лѣченія только придаетъ славы „врачу поневолѣ", и едва онъ заикнется о желаніи вернуться домой, палка опять принимается гулять по его спинѣ. Двѣсти человѣкъ больныхъ сошлись ко двору въ надеждѣ получить отъ чудодѣя исцѣленіе своихъ недуговъ. Находчивость крестьянина оказывается неисчерпаемой: онъ снова велитъ какъ можно жарче растопить печь въ одной изъ дворцовыхъ палатъ и, пригласивъ туда всѣхъ своихъ паціентовъ, объявляетъ имъ, что для ихъ общаго исцѣленія необходимо бросить въ огонь наиболѣе страждующаго изъ нихъ, пепелъ котораго, выпитый съ водою остальными, неукоснительно возвратитъ всѣмъ имъ здоровье. Перепуганные больные, опасаясь каждый возможности пойти за наиболѣе безнадежнаго между ними, въ одинъ голосъ объявляютъ, что они уже чувствуютъ себя какъ нельзя лучше и спѣшатъ убраться по-добру по-здорову. На свой вопросъ:—Излечились-ли они?—король, ожидавшій ихъ у выхода, съ удивленіемъ слышитъ ихъ единодушный отвѣтъ: Oïl, sire, Dieu merci! Возведенный въ званіе перваго врача въ королевствѣ, крестьянинъ получаетъ наконецъ разрѣшеніе отправиться домой и съ богатыми подарками возвращается къ своей женѣ, навсегда отучившись колотить ее. Фабльо оканчивается словами:

Ne plus n'ala à la charrue,
Ne onques (jamais) puis ne fu battue
Sa femme, ainz (mais) l'ama et chiéri.»

Фабльо „О Крестьянинѣ, введенномъ въ рай за свою краснорѣчивую защиту" (Du Vilain qui conquist le paradis par plait), замѣчательное по смѣлости основной

Digitized by Google

мысли и языка, разсказываетъ, какимъ образомъ по смерти одного крестьянина душѣ его удается попасть въ рай.

Видя, что ни дьяволъ, ни ангелъ слишкомъ долго не являются за нею, она сама отправляется въ небо вслѣдъ за архангеломъ Гавріиломъ, несшимъ въ то время въ райскія обители душу какого-то праведника. Ап. Петръ, пропустивъ этихъ послѣднихъ, отказывается впустить за врата рая мужицкую душу, говоря: „Намъ дѣла нѣтъ до мужиковъ—и здѣсь для нихъ совсѣмъ не мѣсто.“ Но мужикъ напоминаетъ райскому привратнику о томъ, какъ нѣкогда онъ трижды отрекся отъ своего божественнаго учителя, и настаиваетъ на своемъ пропускѣ въ рай. Озадаченный ап. Петръ идетъ посовѣтоваться съ Ѳомой Невѣрнымъ, но и этому крестьянинъ возражаетъ словами: „Тебѣ-ли гордиться передо мной, Ѳома, когда ты не хотѣлъ увѣровать въ Господа, прежде чѣмъ коснулся язвъ его?“ Вмѣшательство ап. Павла тоже ни къ чему не ведетъ, такъ какъ и для него у мужицкой души припасенъ готовый отвѣтъ: «А не ты ли, Павле, побилъ каменіемъ св. Стефана и подвергся заушенію отъ Господа? „—Не зная, какъ сладить съ назойливымъ простолюдиномъ, всѣ три апостола обращаются къ самому Господу Богу, предъ лицомъ котораго крестьянинъ и ведетъ свою защиту приблизительно слѣдующимъ образомъ: „Господи, по моему крайнему разумѣнію, я также, какъ и они, имѣю право пребывать здѣсь. Вѣдь никогда я не отрекался отъ тебя и не отказывался вѣрить въ тебя, и ни одинъ человѣкъ не лишился жизни по моей волѣ,—а все это нѣкогда было совершено ими, и тѣмъ не менѣе они теперь съ тобой въ раю. Я же, пока мое тѣло жило на землѣ, велъ жизнь чистую и безпорочную; съ бѣдными дѣлился хлѣбомъ, утромъ и вечеромъ давалъ имъ пріютъ, и не одного изъ нихъ отогрѣлъ у моего очага, ухаживалъ за нимъ до самой его кончины и затѣмъ проводилъ его въ храмъ божій.“ Словами: «Ты школу добрую прошелъ—и рѣчь свою умно ты велъ“, Господь рѣшаетъ споръ въ пользу крестьянской души, которая и остается навсегда въ раю. Фабльо же оканчивается ссылкою на народную мудрость: „У мужика присловье есть: Умъ съ ловкостью дороже силы“.

Оба эти фабльо интересны еще въ томъ отношеніи, что здѣсь являются въ наиболѣе ранней обработкѣ и какъ бы въ видѣ первоначальнаго эскиза литературно-художественные типы, получившіе впослѣдствіи, въ произведеніяхъ первостепенныхъ европейскихъ писателей, свою полную законченность, благодаря которой они и пользуются всеобщей извѣстностью. Герой перваго изъ нихъ, въ сущности, тотъ же «Врачъ поневолѣ» Мольера, хотя этотъ авторъ почерпнулъ свой сюжетъ, вѣроятно, не прямо изъ фабльо,—въ XVII в., во Франціи, литература средневѣкового періода вообще признавалась незаслуживающею вниманія,—а изъ позднѣйшихъ и весьма многочисленныхъ пересказовъ на туже тему, писанныхъ по-латыни, на итальянскомъ и испанскомъ языкахъ. По поводу героя второго изъ пересказанныхъ нами фабльо, Леніанъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Этотъ простонародный резонеръ со временемъ дѣлается однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и веселыхъ типовъ нашей литературы. Явившись сначала въ лицѣ безсмертнаго оруженосца Донъ-Кихота, онъ становится Клитономъ въ «Menteur» и Сганарелемъ въ «Донъ-Жуанѣ». Впослѣдствіи, съ годами, онъ пріобрѣтаетъ все болѣе само-

Digitized by Google

увѣренности, изворотливости и рѣчистости; и постепенно превращается въ настоящаго «bel-esprit», софиста и дипломата, въ истиннаго героя насмѣшки и интриги, въ шутника и всеобщаго порицателя; подъ-конецъ, наканунѣ революціи, сравнявшей знатнаго человѣка съ простолюдиномъ, онъ уже носитъ имя разбитного, смѣлаго и ничѣмъ несмущаемаго Фигаро» *). Прекрасный примѣръ фабльо съ моральной тенденціей мы имѣемъ въ «Попонѣ, раздѣленной пополамъ» (La Housse partie): оно принадлежитъ нѣкоему Верньé, съ именемъ котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ другихъ произведеній.

Одинъ богатый горожанинъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны своихъ могущественныхъ недруговъ, переселился съ женою и сыномъ изъ роднаго Аббевиля въ Парижъ, бьетъ челомъ королю и получаетъ отъ него право гражданства **). Примѣрный образъ жизни и честное веденіе торговыхъ дѣлъ пріобрѣли ему общее уваженіе. Жена его отличалась пріятнымъ характеромъ, а сыну было дано ими заботливое воспитаніе. Но вотъ, послѣ тридцатилѣтняго супружества, жена внезапно умерла. Сильно горевали овдовѣвшій мужъ, а еще болѣе осиротѣлый сынъ. Отецъ утѣшаетъ своего сына и наконецъ, ссылаясь на свою старость и на возможность для себя скорой кончины, совѣтуетъ ему, чтобы не остаться потомъ круглымъ сиротой, выбрать себѣ жену, достойную и изъ хорошаго рода. Въ городѣ жили въ то время три брата, рыцарскаго сословія, съ блестящимъ родствомъ и извѣстные своимъ умѣньемъ владѣть оружіемъ; но для удовлетворенія своей чрезмѣрной страсти къ турнирамъ, они были вынуждены заложить свои имѣнія, и не имѣя чѣмъ заплатить три тысячи однихъ процентовъ, находились теперь въ затруднительномъ положеніи. У старшаго изъ нихъ была дочь, которой, по наслѣдству отъ матери, принадлежалъ хорошій домъ въ Парижѣ, дававшій дохода двадцать фунтовъ парижскихъ сольдовъ въ годъ. Ее-то и посваталъ старый „буржуа" за своего сына. На вопросъ ея отца и дядей объ его состояніи, онъ объявляетъ, что честно нажитое имъ богатство, какъ въ имуществѣ, такъ и деньгами, равняется полуторымъ тысячамъ фунтовъ. Сыну онъ обѣщаетъ дать половину, но ему отвѣчаютъ отказомъ, если онъ не уступитъ въ полное владѣніе все свое состояніе будущему ихъ зятю, такъ какъ они опасаются, что онъ можетъ подъ конецъ жизни сдѣлаться „бѣлымъ или чернымъ монахомъ" или же тампліеромъ и пожертвовать свое богатство монастырю или ордену храмовниковъ въ ущербъ интересамъ сына и невѣстки. Подумавъ немного, добрякъ соглашается на требованіе рыцарей и, законнымъ порядкомъ переведя на своего сына все, что у него было за душою, самъ остается, „какъ ободранная липка", ни съ чѣмъ. Два года прошло со дня свадьбы; мужъ и жена жили въ полномъ согласіи, и у нихъ родился сынъ. Ребенокъ и жена молодого семьянина постоянно были окружены всевозможными попеченіями, а старикъ спокойно проживалъ при нихъ въ домѣ. Наконецъ мальчику исполнилось двѣнадцать лѣтъ,—за это время онъ не разъ слыхалъ о томъ, какъ великодушно дѣдушка поступилъ съ его отцомъ, и твердо это запомнилъ. Между тѣмъ старикъ одряхлѣлъ и едва передвигалъ ноги. Невѣстка, исполненная чванства и гордости, стала упрашивать мужа удалить изъ дому непріятнаго ей старика, угрожая въ противномъ случаѣ уморить себя голодомъ. Старикъ, услышавъ, что сынъ выгоняетъ его изъ дому, со слезами умоляетъ по крайне-

*) Тамъ же, p. 87.

**) Et fu ses (son) hom et ses borgois (v. 37).

Digitized by Google

мѣрѣ позволить ему пріютиться во дворѣ подъ навѣсомъ, не требуя ничего, кромѣ соломы, вмѣсто ложа, да скудной пищи. Сынъ остается непреклоненъ и на замѣчаніе отца, что ему нé на что будетъ прокормиться, совѣтуетъ ему побираться по міру. Видя безуспѣшность своихъ просьбъ, несчастный старикъ, съ надрывающимся сердцемъ, черезъ силу поднявшись съ мѣста, въ слезахъ собирается оставить сыновній, нѣкогда собственный домъ; послѣдняя его просьба—дать ему какое-нибудь покрывало, чтобъ было чѣмъ укрыться отъ холода; и когда бездушный сынъ отказываетъ и въ этомъ, бѣднякъ умоляетъ подарить ему хоть одну изъ попонъ, которыми покрываютъ лошадей. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ старика, сынъ кличетъ внучка и велитъ ему принести для дѣда изъ конюшни попону. Но мальчикъ, выбравъ хотя и лучшую изъ всѣхъ, сначала ножомъ разрѣзываетъ ее пополамъ и отдаетъ лишь одну половинку озадаченному старику, который еще разъ обращается къ своему сыну съ жалобой на поступокъ внучка. На приказаніе отца отдать попону цѣликомъ, внучекъ отвѣчаетъ: „Ни за что я этого не сдѣлаю, такъ какъ, иначе, что̀ же останется для тебя? Вотъ я и приберегаю другую половинку, потому что ты отъ меня ничего больше не получишь, когда я сдѣлаюсь взрослымъ, и какъ ты даешь ему умереть въ несчастіи, такъ и я, если доживу, поступлю съ тобою.“ Слова мальчика пробуждаютъ чувство стыда въ неблагодарномъ сынѣ, и онъ спѣшитъ вернуть престарѣлаго отца въ домъ, обѣщая признавать его полнымъ хозяиномъ, „а если женѣ этого не угодно—прибавляетъ однакоже безхарактерный мужъ—я отведу тебѣ иное помѣщеніе и у тебя не будетъ недостатка ни въ мягкой постели, ни въ самомъ вкусномъ кускѣ съ моего стола, ни въ лучшемъ винѣ изъ моего погреба; въ уютной комнатѣ ты будешь сидѣть передъ огнемъ камина и будешь одѣваться въ платье, одинаковое съ моимъ.“ Такимъ образомъ Богъ помогъ сыну не поддаться дьявольскому навожденію, замѣчаетъ авторъ и заканчиваетъ свой разсказъ, одинаково замѣчательный по выдержанности тона, по характеристической детальности и благородству основной мысли, совѣтомъ „не быть безразсудно щедрымъ къ своимъ дѣтямъ“ *).

Однимъ изъ самыхъ блестящихъ по остроумію и веселости фабльо признается «Повѣсть объ ап. Петрѣ и о жонглерѣ» (Le Dit de St. Pierre et du Jongleur), въ которой необыкновенно живымъ стихомъ разсказано, какъ одинъ жонглеръ или странствующій пѣвецъ, гуляка и игрокъ, по смерти попадаетъ въ адъ, гдѣ въ уваженіе къ крайне жалкому виду, въ которомъ его душа предстала предъ сатаною, ей поручается поддерживать адскій огонь, гдѣ мучатся грѣшники.

Однажды повелитель ада, отправляясь со всѣми своими спосѣшниками на охоту за человѣческими душами, оставилъ жонглера одного стеречь души, уже находившіяся въ преисподней. Но вслѣдъ затѣмъ туда же приходитъ ап. Петръ и предлагаетъ жонглеру сыграть съ нимъ партію въ кости. Страстный игрокъ жонглеръ, за неимѣніемъ денегъ, проигрываетъ одну за другою ввѣренныя ему души, которыя ап. Петръ и выводитъ съ собой изъ преисподней, такъ что послѣдняя оказывается къ приходу сатаны совершенно пустой. Разгнѣванный сатана навсегда изгоняетъ изъ ада жонглера, клятвенно обѣщаясь не принимать къ себѣ болѣе жонглерскихъ душъ. Прогнанный жонглеръ находитъ самый радушный пріемъ у ап. Петра, а поэтъ съ милой шутливостью замѣчаетъ: „Да возрадуются же всѣ жонглеры, такъ какъ имъ нечего болѣе опасаться адскихъ мученій, отъ которыхъ они навѣки избавлены собратомъ, проигравшимъ въ кости всѣ души“.—

*) См. Chrestomathie de l'ancien français, par *K. Barstch* (1872), col. 296—306.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, этотъ образцовый фабльо не совсѣмъ удобенъ для подробной передачи на русскомъ языкѣ.

Сюжеты фабльо религіознаго характера, носящихъ также названіе «contes dévots», впослѣдствіи большею частью подверглись сценической обработкѣ, такъ-что съ нѣкоторыми изъ нихъ, хотя и въ иной формѣ, намъ еще придется познакомиться въ своемъ мѣстѣ. Сказанное относится въ особенности къ произведеніямъ нѣкоего Готье де-Коэнси (1177—1236 г.), бывшаго впрочемъ не жонглеромъ, а духовнымъ лицомъ, и написавшаго стихами не менѣе семидесяти-пяти такъ-наз. «Miracles de Nostre-Dame» (Чудеса Богородицы), необычайная наивность которыхъ, являющаяся однакожъ одною изъ характеристическихъ чертъ господствовавшаго въ тѣ времена культа Пресв. Дѣвы, ясно видна, напр., изъ сюжета въ такомъ родѣ: Разбойникъ, имѣвшій обыкновеніе обращаться съ молитвой къ Богоматери передъ каждымъ задуманнымъ имъ злодѣяніемъ, попалъ однажды на висѣлицу; но Богородица, въ награду за его неуклонное почитаніе ея имени, поддерживаетъ его своими руками въ продолженіе двухъ дней и ночей, и разбойникъ, благодаря этому, успѣваетъ избѣгнуть смерти: черезъ два дня и двѣ ночи, товарищи являются къ нему на выручку.

Въ «Dit de Coquaigne» *) осмѣивается, подъ легкимъ покровомъ фантастическаго аллегоризма, тунеядная жизнь средневѣкового католическаго монашества со всѣми ея даровыми благополучіями. «Coquaigne» — счастливый край гульбы и лѣни, въ которомъ «чѣмъ больше кто спитъ, тѣмъ больше выигрываетъ»; гдѣ бываетъ по четыре Пасхи въ году и по одному посту въ двѣнадцатилѣтіе; гдѣ дома сложены изъ вкусныхъ рыбъ, а вертела сами-собой движутся по улицамъ, гдѣ разливанное море лучшихъ винъ и т. д.,—блаженное мѣстечко, внушившее, можетъ быть, Раблэ мысль объ его странѣ Папимановъ и Гастролатровъ.

Съ переходомъ въ XIV столѣтіе аллегорія даетъ себя чувствовать также въ фабльо и, по обыкновенію, неблагопріятнымъ образомъ: живость тона все болѣе пропадаетъ, изобразительность становится слабѣе. Въ это время фабльо весьма часто придается форма состязанія или спора, — хотя, надо замѣтить, и въ такомъ случаѣ разсказъ нерѣдко сохраняетъ значительную долю прелести, — и они носятъ названіе «Jugements» или «Advocacies». Въ «Jugement d'amour»

*) Обыкновенно словомъ „Dit“ обозначаются въ средневѣковой франц. литературѣ небольшія стихотворенія религіозно-легендарнаго или назидательнаго характера, чѣмъ они и отличаются отъ „фабльо“ въ тѣсномъ смыслѣ, сюжеты которыхъ почерпались изъ живой дѣйствительности. — Coquaigne (нов. фр. „cocagne“) — фантастическая „счастливая страна“, гдѣ самые дома сдѣланы изъ пироговъ, которые на старо-франц. языкѣ назывались „coques“ (въ пикард. нарѣчіи и понынѣ „couques“), отъ лат. coquere (Diez, тамъ же, т. I, см. Cucagna).

Digitized by Google

двѣ молодыя дѣвушки, Флорансъ и Блансефлоръ, сойдясь въ саду, повѣряютъ другъ другу свои сердечныя тайны. Одна превозноситъ своего блестящаго красавца-рыцаря и подсмѣивается надъ дружкомъ своей подруги, студентомъ богословія, съ его тонзурой и церковными пѣснопѣніями. Но та возражаетъ, что ея клеркъ несравненно болѣе любезенъ, щедръ и чуждъ вѣроломства, чѣмъ рыцарь, отличающійся непостоянствомъ и запутавшійся въ долгахъ, для уплаты которыхъ онъ не прочь даже заложить брильянты своей возлюбленной. Наконецъ, обѣ предоставляютъ рѣшить ихъ споръ богу любви, который, созвавъ своихъ бароновъ-птицъ, спрашиваетъ ихъ мнѣнія: соловей высказывается за клерка, болтливый хвастунъ-попугай—за рыцаря, послѣ чего слѣдуетъ рѣшеніе въ пользу подруги клерка, а поклонница рыцаря умираетъ отъ стыда и печали. Въ томъ же болѣе позднемъ періодѣ сатирическое начало, составляющее столь замѣтный элементъ фабльо, иногда находитъ себѣ выраженіе въ формѣ монолога, съ развитіемъ котораго въ діалогъ самъ собою возникаетъ фарсъ, представитель комическаго въ области средневѣкового театра.

Не имѣя возможности привести здѣсь хотя бы по одному примѣру для всѣхъ выше охарактеризованныхъ нами разнообразныхъ видовъ французскаго фабльо, мы должны, однако-жъ, упомянуть о соотвѣтствующихъ ему произведеніяхъ средневѣковой нѣмецкой литературы — такъ-называемыхъ «швенкахъ» (Schwank, pl. Schwänke). Подобно своимъ французскимъ образцамъ, швенки отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ содержанія и удобно поддаются распредѣленію на тѣже категоріи, какъ и фабльо *). Какъ произведенія въ большинствѣ случаевъ подражательныя, швенки принадлежатъ къ нѣсколько болѣе позднему періоду, чѣмъ время процвѣтанія фабльо, и хотя, говоря вообще, они только повторяютъ сюжеты фабльо, съ болѣе или менѣе удачно приноравливая ихъ къ нѣмецкой средѣ, однакожъ нѣкоторые изъ нихъ настолько своеобразны и содержатъ въ себѣ столь характеристичныя черты средневѣковой жизни въ бытовомъ и моральномъ отношеніи, что невозможно не остановить

*) Собственно швенки, какъ и фабльо въ тѣсномъ смыслѣ, всегда отличаются юмористическимъ характеромъ; прочіе мелкіе стихотворные разсказы, которые всего удобнѣе отнести къ этому же отдѣлу, носили въ среднев. нѣмецк. литературѣ названіе „разсказовъ“ (Erzählungen), городскихъ и деревенскихъ бывальщинъ (Stadt- u. Dorfgeschichten), Wundersagen, Legenden, Märe, Aventiure, Beispil и т. п. Замѣчательный сборникъ ихъ изданъ фонъ-деръ-Гагеномъ, подъ заглавіемъ: „Gesammtabenteuer“ (3 тома, 1850). Каждый изъ помѣщенныхъ въ немъ девяноста стихотворныхъ разсказовъ сопровождается, во введеніяхъ ко всѣмъ тремъ томамъ, литературно-историческимъ этюдомъ, гдѣ указаны сходные по содержанію разсказы какъ въ европейскихъ, такъ и въ восточныхъ литературахъ. Другой сборникъ, содержащій 119 пьесъ, изданъ А. Келлеромъ (въ Biblioth. des liter. Vereins, № 35. 1855, Stuttgardt).

Digitized by Google

на нихъ нѣкотораго вниманія. Таковъ, напр.; знаменитый шванкъ «Der Pfaffe Amis» (Попъ Амисъ), поэта Штриккера, жившаго при дворѣ австрійскихъ герцоговъ (онъ писалъ между 1230—1250 гг.) и извѣстнаго своими дидактическими стихотвореніями, а также передѣлкою «Пѣсни о Роландѣ», попа Конрада (1175 г.). Въ первомъ произведеніи весьма забавно разсказывается о разнаго рода хитростяхъ и плутовскихъ продѣлкахъ странствующаго попа Амиса. Онъ по справедливости можетъ быть названъ прототипомъ тѣхъ всюду пользовавшихся огромною популярностью простонародныхъ героевъ, о болѣе или менѣе мошенническихъ похожденіяхъ которыхъ постепенно возникли цѣлыя повѣствованія во всѣхъ европейскихъ литературахъ, будучи иногда лишь до извѣстной мѣры самостоятельными переработками одного и того же оригинала на почвѣ мѣстныхъ житейскихъ отношеній.

Содержаніе Штриккерова шванка *) вкратцѣ слѣдующее. Будучи священникомъ въ весьма богатомъ приходѣ, Амисъ возбуждаетъ зависть въ своемъ епископѣ, который грозитъ лишить его этого доходнаго мѣста, если ему не удастся разрѣшить всѣ вопросы, какіе ему будутъ предложены при испытаніи, назначенномъ нарочно съ злостнымъ намѣреніемъ погубить столько же ни въ чемъ неповиннаго, сколько умнаго и щедраго священника. Но Амисъ удачно съумѣлъ отвѣтить на всѣ коварные вопросы своего начальника, такъ напр. на вопросъ: сколько дней прошло со временъ Адама? онъ далъ отвѣтъ: семь, ибо съ каждой недѣлей тѣ же самые дни возвращаются съизнова; на вопросъ: гдѣ находится средина міра? Амисъ утверждаетъ, что церковь, гдѣ онъ священникомъ, стоитъ какъ разъ въ самомъ центрѣ,—нужно только смѣрять весь свѣтъ, протянувъ во всѣ стороны веревки и будетъ видно, что это вполнѣ справедливо и т. под. Видя такую изворотливость Амиса, епископъ соглашается оставить пока приходъ за нимъ, но подъ условіемъ, что онъ съумѣетъ выучить осла читать. Такъ какъ, по словамъ Амиса, для человѣка требуется не менѣе двадцати лѣтъ, чтобъ онъ могъ толкомъ научиться чему-либо, то для выучки осла понадобится не менѣе тридцати лѣтъ. Получивъ согласіе епископа на такой срокъ, Амисъ покупаетъ осла, и каждый разъ, когда приходится давать ему кормъ, насыпаетъ овесъ между листами большой старой книги; оселъ постепенно привыкаетъ перевертывать ихъ, доискиваясь скрытыхъ между ними овсяныхъ зеренъ. Однажды епископъ является взглянуть на успѣхи длинноухаго ученика: Амисъ съ торжествомъ показываетъ ему, что оселъ умѣетъ уже перелистывать печатную книгу, и увѣряетъ, что онъ даже заучилъ первую букву „а“; въ доказательство онъ ссылается на внезапно раздавшійся ослиный крикъ, такъ какъ животное, тщетно проискавъ въ книгѣ овса, на этотъ разъ ненасыпаннаго туда предусмотрительнымъ его учителемъ, хотѣло прирожденнымъ ему крикомъ выразить свою досаду. По смерти епископа, дѣла Амиса приходятъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ въ разстройство, и онъ отправляется по бѣлу свѣту искать себѣ лучшей доли. Отбросивъ вся-

*) Сюжетъ его, можетъ быть, первоначально англійскаго происхожденія; по крайней мѣрѣ о самомъ героѣ разсказа говорится, что „онъ жилъ въ Англіи, въ городѣ при рѣкѣ Транисѣ“ (Er het hûs in Engellant, in einer Stat ze Trânîs,—можетъ быть слѣдуетъ читать: „zer Tamis, т.-е. при Темзѣ?).—Лучшій текстъ у *Lambell*'я въ изданныхъ имъ „Erzählungen und Schwänke“. 1872, стр. 1—98. На современномъ нѣмецкомъ языкѣ переводъ *Berlitt*'а (1851).

Digitized by Google

кій стыдъ и совѣсть, онъ пускается на всѣ возможныя плутни и продѣлки иногда самаго непозволительнаго свойства, которыя, будучи приписаны лицу духовнаго сана, служатъ ярко-характеристичнымъ указаніемъ того, насколько въ то время уже пало въ глазахъ мірянъ значеніе духовенства. Между прочимъ Амисъ является въ Лотарингіи, гдѣ герцогъ поручаетъ ему заняться лѣченіемъ больныхъ. Объявивъ, что онъ долженъ лишить жизни самаго слабаго изъ нихъ, чтобы кровь его употребить на лекарство для остальныхъ, онъ такимъ образомъ вынуждаетъ всѣхъ своихъ кліентовъ громко признать себя уже вполнѣ изцѣленными отъ недуговъ *), и обманъ импровизированнаго врача открывается только тогда, когда онъ успѣлъ уже выѣхать вмѣстѣ съ полученнымъ отъ герцога щедрымъ вознагражденіемъ. Въ другой разъ Амису случилось посѣтить богатую, но недалекую по уму крестьянку, мужа которой въ то время не было дома. Гость, принявъ видъ благочестиваго человѣка, проситъ хозяйку позволить ему провести ночь въ ея домѣ, такъ какъ онъ желалъ бы въ тихую ночную пору усердно помолиться. Приготовленнаго ему на жаркое пѣтуха Амисъ подмѣнилъ живымъ, увѣривъ глупую бабу, что Богъ оживилъ ея птицу за угощеніе, предложенное ею божьему человѣку. Растерявшаяся крестьянка, отъ избытка благоговѣнія къ Амису, даритъ ему сто аршинъ холста, съ которымъ пройдоха и спѣшитъ поскорѣе убраться. Но возвратившійся мужъ, какъ только узналъ о случившемся, пускается въ погоню за Амисомъ, чтобъ отнять у него женинъ подарокъ. Сообразивъ, что преслѣдующій его всадникъ—мужъ обобранной имъ крестьянки, Амисъ прячетъ въ холстъ раскаленный уголь, и когда настигшій его мужикъ съ угрозами начинаетъ требовать возвращенія принадлежавшаго ему холста, Амисъ поспѣшно исполняетъ это съ униженнымъ видомъ. Между тѣмъ, едва суевѣрный крестьянинъ успѣлъ отъѣхать на нѣкоторое разстояніе, какъ ощутилъ запахъ гари и, видя въ этомъ проявленіе божьяго гнѣва за свой нечестивый поступокъ, спѣшитъ обратно къ Амису, приглашаетъ его вторично къ себѣ въ домъ, и надѣляетъ его всякими подарками. Одна изъ продѣлокъ Амиса однакожъ была найдена тогдашними читателями настолько соблазнительною, что побудила даже къ частичной переработкѣ произведенія Штриккера. Она заключалась въ слѣдующемъ: Амисъ, принявъ видъ міранина, приходитъ къ настоятелю одного богатаго монастыря и такъ ловко входитъ къ нему въ милость, что послѣдній поручаетъ ему завѣдываніе всѣмъ монастырскимъ имуществомъ. Черезъ нѣсколько времени Амисъ сообщаетъ настоятелю, что явившійся въ видѣніи ангелъ приказалъ ему отслужить обѣдню, не смотря на его мірское званіе. Настоятель соглашается, и, къ его удивленію, мнимый міранинъ совершаетъ богослуженіе какъ нельзя лучше. Узнавъ объ этомъ, духовныя лица собираются со всѣхъ сторонъ послушать неожиданно объявившагося боговдохновеннаго мужа. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца собираетъ Амисъ доброхотныя даянія вѣрующихъ, потомъ поитъ до-пьяна монастырскую братію и покидаетъ обитель, захвативъ всю казну, какая оказалась на-лицо. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ продѣлокъ все въ томъ же родѣ, онъ поселяется съ накопленнымъ всякими неправдами богатствомъ въ другомъ монастырѣ, гдѣ и становится со временемъ аббатомъ и вымаливаетъ себѣ вѣчное спасеніе.

Значеніе «Pfaffe Amis» въ вышеупомянутомъ литературно-историческомъ отношеніи несомнѣнно: весьма многое изъ его первой поло-

*) Здѣсь мы имѣемъ наглядный примѣръ чрезвычайной распространенности разнаго рода шутливыхъ сюжетовъ въ литературахъ среднихъ вѣковъ. Выше намъ уже встрѣтился подобный же эпизодъ въ фабльо: Le vilain mire.

Digitized by Google

вины почти цѣликомъ вошло въ составъ одной изъ популярнѣйшихъ народныхъ книгъ въ западной Европѣ XVI столѣтія, получившей чрезвычайную извѣстность подъ именемъ «Eulenspiegel», переводы и передѣлки которой встрѣчаются почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ *). Культурное же значеніе увлекательнаго по своей веселости Штриккерова произведенія Гервинусъ **) опредѣляетъ, указывая на то, что въ плутовскихъ выходкахъ попа Амиса выразилась неравная борьба низшихъ классовъ съ высшими, борьба противъ матеріальной, осязательной силы послѣднихъ: противникамъ приходилось прибѣгать къ хитрости и обману, мгновенный успѣхъ которыхъ представлялся тѣмъ комичнѣе въ сравненіи съ вѣковымъ могуществомъ дворянства. Если же выходки Амиса на нашъ взглядъ не всегда представляются только забавными и порою даже оскорбляютъ своей жесткостью наше нравственное чувство, то это свидѣтельствуетъ лишь о грубости названнаго чувства у тогдашнихъ низшихъ слоевъ народа и вообще о крайне-слабомъ развитіи въ людяхъ взаимнаго доброжелательства, весьма естественно объясняемомъ чрезвычайно рѣзкимъ въ то время разграниченіемъ между различными общественными группами.

Швенки, въ противоположность французскимъ фабльо, прекращающимся не позже конца XIV стол., не изчезаютъ въ нѣмецкой литературѣ даже и въ эпоху Реформаціи: между произведеніями лучшаго представителя поэзіи того времени, Ганса Сакса, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ именно швенки. Они долго оставались любимымъ предметомъ чтенія грамотѣевъ въ городскомъ и отчасти сельскомъ сословіи, столько же невзыскательныхъ въ своихъ литературныхъ вкусахъ, сколько и охотниковъ до веселой шутки и

*) Первоначально исторія „Eulenspiegel'я была написана на нижне-саксонскомъ нарѣчіи еще въ концѣ XV столѣтія (извѣстно, что существовало печатное изданіе на plattdeutsch" отъ 1483 г.; на нѣмецкомъ языкѣ самое раннее изданіе относится къ 1519 г., но, кажется, ошибочно приписывается жившему въ то время сатирическому поэту Мурнеру, ярому противнику лютеровой реформы). Научное изданіе сдѣлано Лаппенбергомъ: Th. Murner's Ulenspiegel. 1854. — Во французской литературѣ весьма рано является переводъ (1523 г.) подъ заглавіемъ „Histoire joyeuse de Till Ulespiegle" (т. е. Eulenspiegel), и французскій языкъ доселѣ носитъ на себѣ слѣдъ необыкновенной извѣстности, какою пользовались у французовъ плутни и шутовскія выходки этого народнаго нѣмецкаго героя: слово espiègle есть не что иное, какъ сокращеніе его имени. (Brachet, Dictionn. étymologique de la langue franç., 9-e édit., p. 216; Ch. Nisard, Histoire des livres populaires 2-e édit., I, p. 77. — Исторія Eulenspiegel'я проникла и въ старинную русскую литературу подъ заглавіемъ „Совѣсдралъ"—имя, возникшее чрезъ искаженіе изъ „Совы зрцало", такъ-какъ въ польскомъ переводѣ, послужившемъ оригиналомъ для русской версіи, имя героя было переведено дословно: Sowy zwierciadło (Eulenspiegel).

**) Тамъ же, II, p. 515.

Digitized by Google

здороваго смѣха. Какъ извѣстно, убѣдительнымъ доказательствомъ этого послѣдняго явленія служитъ, можно сказать, вся литература XVI столѣтія. Съ усиленіемъ прозы на счетъ стихотворной рѣчи, все болѣе устанавливавшимся на исходѣ поздняго періода среднихъ вѣковъ, уже съ самаго начала XVI столѣтія стали появляться, наконецъ, и цѣлые прозаическіе сборники швенковъ и всякихъ въ шутливомъ родѣ мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и т. п., которые быстро распространялись повсюду, вызывая разнаго рода подражанія. Однимъ изъ лучшихъ между ними былъ нѣмецкій сборникъ, составленный жившимъ отчасти еще въ XV в. и, слѣдовательно, принадлежащимъ къ занимающей насъ теперь переходной эпохѣ, Іоганномъ Паули (1455—ок. 1530 г.), писателемъ бюргерскаго и притомъ еврейскаго происхожденія, но рано принявшимъ христіанство и сдѣлавшимся проповѣдникомъ монашескаго ордена францисканцевъ. Сборникъ этотъ, заключающій въ себѣ до 700 швенковъ, въ свое время пользовался большою извѣстностью подъ заглавіемъ «Schimpf und Ernst» (Забава и Дѣло); впрочемъ по времени своего появленія въ свѣтъ онъ долженъ быть отнесенъ къ литературѣ вѣка Реформаціи *). Замѣтимъ, что, такъ сказать, родоначальникомъ и образцомъ всѣхъ этого рода прозаическихъ сборниковъ былъ сборникъ нѣкоего Генриха Бебеля, профессора въ Тюбингенѣ, писанный по-латыни и составленный въ въ 1506 г. подъ краткимъ заглавіемъ «Facetice», ради собственнаго развлеченія автора отъ скуки во время пребыванія на купаньяхъ, но уже въ 1508 г. отпечатанный въ Страсбургѣ (нѣмецкое его изданіе, подъ заглавіемъ «Die Geschwenk H. Bebeli», вышло въ 1558 г.).

Между тѣмъ какъ съ конца XIII в. и въ продолженіе обоихъ слѣдующихъ столѣтій во всѣхъ странахъ западной Европы низшія сословія все болѣе выдвигаются впередъ, заявляя свои права на участіе въ политическо-гражданской жизни и въ умственномъ движеніи націи, дворянское сословіе, вслѣдствіе измѣнившихся условій его существованія, все болѣе утрачиваетъ качества, нѣкогда обезпечивавшія ему первенство не только въ матеріальномъ, но также и въ умственномъ отношеніи, и, грубѣя и развращаясь съ каждымъ поколѣніемъ, все больше отдаляется отъ своихъ прежнихъ идеаловъ. Въ Германіи этотъ, постепенно совершавшійся, упадокъ рыцарско-дворянскаго и феодально-придворнаго духа проявился, благодаря нѣкоторымъ особымъ мѣстнымъ условіямъ, всего раньше въ предѣлахъ

*) Самое раннее изъ дошедшихъ до насъ изданій его относится къ 1522 г. и имѣетъ слѣдующее заглавіе: Schimpf und Ernst findestu in disem Buch. Strassburg. Новѣйшее научное изданіе сдѣлано H. Oesterley'емъ, въ 1866 г., въ коллекціи штутгардтскаго „Literarisch. Verein", № 85.

Digitized by Google

баварскихъ и австрійскихъ владѣній, причемъ онъ тамъ же нашелъ себѣ и литературное выраженіе въ характерномъ произведеніи дидактическаго характера, принадлежащемъ уже упомянутому нами автору, неизвѣстно почему прозванному „der Striekaere“ (канатный мастеръ). Оно носитъ выразительное заглавіе „die Klage“ *). Въ немъ въ рѣзкой формѣ высказываются авторомъ горькія жалобы по поводу указанной перемѣны въ нравахъ при дворѣ австрійскихъ герцоговъ и въ средѣ туземнаго благороднаго сословія. Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени процессъ разложенія прежнихъ жизненныхъ началъ феодальнаго общества совершался все быстрѣе и быстрѣе, не минуя ни одного изъ западныхъ государствъ. Но между тѣмъ какъ у городского сословія въ періодъ его политическаго возрожденія существовали строго опредѣленныя цѣли, къ достиженію которыхъ служилъ вполнѣ послѣдовательный образъ дѣйствій, обусловленный какъ болѣе или менѣе ясно сознанными идеалами, такъ и реальными по своей дѣйствительности средствами, заключавшимися въ матеріальномъ богатствѣ, въ значительной степени образованности, въ практически-выработанной способности къ самоуправленію и т. п., положеніе средневѣкового крестьянства въ этомъ отношеніи было нѣсколько иное. Состоя въ непосредственной и тѣмъ тягчайшей зависимости отъ феодаловъ, погружавшихся въ грубость, развратъ и всякаго рода насилія, крестьянство, отчасти и подъ вліяніемъ такого своего состоянія, а главнымъ образомъ въ силу духа времени, также, наравнѣ съ городскимъ сословіемъ, начинало инстинктивно ощущать потребность въ свободѣ, въ необходимости выдти изъ охватывавшихъ его жизненныхъ условій; но для отысканія выхода изъ своего настоящаго положенія ему не доставало всего того, что въ такой сильной мѣрѣ облегчало для горожанъ дѣло предпринятой ими борьбы съ феодальнымъ порядкомъ и его представителями. При такихъ обстоятельствахъ поселянамъ оставалось или вздыхать о добромъ старомъ времени, когда феодальный владѣлецъ былъ хотя и безусловнымъ господиномъ крестьянина, но въ тоже время и его надежной охраной; или же стараться примкнуть къ горожанамъ и быть съ ними за-одно. Но, вслѣдствіе данныхъ отношеній, возможность къ тому представлялась въ большинствѣ случаевъ только въ видѣ исключенія. Имъ оставалось, наконецъ, самимъ пристать къ ненавистнымъ представителямъ вырождавшагося феодализма, съ тѣмъ, чтобы въ сумятицѣ ихъ разбойническихъ набѣговъ на мирное населеніе деревень и городовъ и въ безобразномъ шумѣ ихъ грубыхъ оргій позабыть о своемъ тяжкомъ положеніи и вознаградить, покрайней мѣрѣ въ своемъ лицѣ, предшествовавшія поколѣнія за всѣ

*) Въ „Kleinere Gedichte von *dem Stricker*“, издан. K. A. Hahn'омъ. 1839, p. 152 ff.

Digitized by Google

испытанныя ими вѣковыя лишенія и нестерпимый гнетъ, въ ожиданіи того времени, когда и крестьянство встанетъ массами на пріобрѣтеніе себѣ вооруженною рукою человѣческихъ правъ и на отмщеніе обидъ, накопившихся въ продолженіе столѣтій (жакерія, крестьянскія войны и т. д.). А это неизбѣжно создавало рознь въ средѣ самого крестьянства, болѣе или менѣе зажиточные представители котораго съ одинаковою злобой должны были относиться какъ къ разбойничавшимъ феодаламъ, такъ и къ поправшимъ требованія совѣсти отщепенцамъ родной деревенской среды, ибо и тѣ, и другіе одинаково безпощадно относились къ крестьянскому добру. Въ разсматриваемомъ теперь нами видѣ литературныхъ произведеній имѣется чрезвычайно любопытный памятникъ средневѣковой нѣмецкой поэзіи, въ которомъ въ высшей степени наглядно, съ самымъ неподдѣльнымъ реализмомъ, представлена оборотная, темная сторона постепенно, но неуклонно совершавшагося перехода отъ феодально-средневѣкового порядка къ гражданственному строю новѣйшихъ временъ: это—небольшая, почти въ двѣ тысячи стиховъ, поэма Вернгера по прозванію Садовника (Wernherr der Gartenaere) «Крестьянинъ Гельмбрехтъ» (Der Meier Helmbrecht) *). Относительно самого поэта и обстоятельствъ его жизни ничего опредѣленнаго не извѣстно. Одни считаютъ его за настоятеля монастыря въ Баваріи, лежащаго не вдалекѣ отъ расположенной близь баварско-австрійской границы деревни Вангаузена, мѣста дѣйствія въ поэмѣ; тогда какъ другіе отожествляютъ его съ австрійскимъ дидактическимъ стихотворцемъ, нѣкіемъ Вернгеромъ (Bruder Wernherr, 1219—66 г.), многое видѣвшимъ на своемъ вѣку и впослѣдствіи поступившимъ въ монахи; наконецъ, по мнѣнію третьихъ, это былъ просто странствующій стихослагатель (Fahrender Sänger), какихъ не мало встрѣчалось въ тѣ времена. На основаніи нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, заключающихся въ самомъ разсказѣ о Гельмбрехтѣ, полагаютъ, что самое стихотвореніе написано приблизительно около 1250 г.

Сынъ зажиточнаго крестьянина Гельмбрехта, носившій тоже самое имя, возымѣлъ желаніе перемѣнить свое крестьянское состояніе на рыцарское. Для того, чтобы явиться въ должномъ видѣ посреди придворныхъ, онъ отростилъ пóплеча свои русые волосы, а на голову надѣлъ щегольскую шапку, на которой шелками были вышиты и птицы разныя, и фигуры всевозможныхъ витязей, совершающихъ различные подвиги, начиная съ Энея, удаляющагося изъ разрушенной

*) „Meier" собственно значило крестьянинъ, уполномоченный землевладѣльцемъ наблюдать за хозяйствомъ и разбирать мелкія судебныя дѣла зависѣвшихъ отъ феодала крестьянъ. Здѣсь въ смыслѣ богатаго крестьянина-хозяина. „Helmbrecht" напечатанъ въ Gesamtabenteuer, III, p. 281—335, и въ Pfeiffer's Classiker des Mittelalters, томъ XII (1872); на современный нѣмецкій языкъ перевели C. Schröder (Wien, 1865) и K. Pannier (Köthen, 1876).

Digitized by Google

Трои, и кончая Карломъ Великимъ съ его паладинами, побивающими невѣрныхъ. Бѣглянка-монахиня, въ уплату за эту хитрую работу, получила одну голову скота и не малое количество сыру и яицъ. Подъ-стать къ диковинной шапкѣ изготовлено Гельмбрехту и платье: бѣлье изъ тончайшаго холста, а камзолъ изъ лучшей шерстяной матеріи на бѣлоснѣжномъ мѣху; поясъ, сумка и мечъ также не были забыты; верхній же плащъ былъ сдѣланъ изъ самаго тонкаго сукна и на немъ, по швамъ, были густо насажены серебряныя и позолоченыя пуговицы, тогда какъ для застежки служили три хрустальныя; кромѣ того, вся грудь была усѣяна пуговицами разноцвѣтными, красиво пестрѣвшими во время пляски, такъ-что молодицы и дѣвушки съ любовью засматривались на малаго; шовъ, прикрѣплявшій рукава къ корпусу, былъ унизанъ бубенчиками, бренчанья которыхъ заслушивались участницы хоровода. Матери Гельмбрехта пришлось еще продать и куръ, и яицъ, чтобы купить для сынка щегольскіе штаны и сафьянные сапоги. Готовый явиться такимъ щеголемъ ко двору, Гельмбрехтъ требуетъ у отца еще и доброго коня. Какъ ни уговаривалъ отецъ свое дѣтище остаться при крестьянскихъ занятіяхъ, обѣщая въ такомъ случаѣ высватать за него дочь другого богатаго крестьянина и дать ему въ обиліи все нужное для обзаведенія хозяйствомъ, сынокъ настаивалъ на своемъ, ссылаясь на то, что не прилично ему въ такомъ блестящемъ костюмѣ пахать землю и пасти скотину, и что при дворѣ никому и на мысль не придетъ, чьего онъ роду-племени, когда онъ явится во всемъ своемъ великолѣпіи. Много сельскихъ продуктовъ пошло на продажу, чтобъ было на что пріобрѣсти требуемаго сыномъ боевого коня. На бѣду у молодого Гельмбрехта крестный отецъ былъ изъ благороднаго сословія; по его словамъ, и на крестника его перешелъ рыцарскій духъ: — вѣдь не даромъ и въ церковныхъ книгахъ сказано, что отъ воспріемника дитя унаслѣдуетъ добродѣтели. Пробовалъ старикъ-отецъ убѣждать сына, что и низкаго происхожденія, да честный человѣкъ, стоитъ больше, нежели королевскій сынъ безъ чести и доблестей; припоминалъ онъ и видѣнные имъ дурные сны, не предвѣщавшіе ничего добраго для тщеславнаго крестьянскаго сына въ его самонадѣянной затѣѣ. Однакожъ все было тщетно, и Гельмбрехтъ, простившись со своими, пустился въ путь. Не то что трехъ дней, но и цѣлой недѣли не хватило бы, чтобъ разсказать обо всѣхъ его похожденіяхъ; наконецъ онъ пріѣхалъ къ владѣльцу одного укрѣпленнаго замка, который велъ съ кѣмъ-то войну и потому нуждался въ ратныхъ людяхъ. Поступивъ къ нему на службу, Гельмбрехтъ скоро такъ отличился своею свирѣпостью въ бою и грабительствѣ, что весь первый годъ онъ провелъ пригѣваючи, пользуясь среди своихъ товарищей всякимъ почетомъ и каждый разъ получая на свою долю самое лучшее изъ добычи. По истеченіи года онъ отпросился въ отпускъ, чтобы навѣстить родныхъ. Дома привѣтствовали его какъ незнакомаго благороднаго господина, а онъ отвѣчалъ всѣмъ непонятными для нихъ фразами, коверкая при этомъ латинскія, французскія, чешскія и другія иностранныя слова. Старикъ-отецъ не узнаётъ сына и проситъ гостя, если онъ чужеземный рыцарь, остановиться у кого-нибудь изъ одного съ нимъ сословія, но молодой Гельмбрехтъ называетъ по именамъ всѣхъ его четырехъ воловъ; тогда хозяинъ рѣшается признать въ немъ родного сына и принимаетъ его на широкій дворъ. Мать и сестра на радостяхъ не знаютъ чѣмъ угостить дорогого гостя; даже и отецъ сокрушается, что не можетъ предложить къ столу вина. За обѣдомъ старикъ распрашиваетъ сына о придворномъ житьѣ-бытьѣ, и самъ припоминаетъ, какъ онъ въ молодости нашивалъ ко двору сыръ, яйца и пр., и насмотрѣлся на царившіе тамъ нравы. То были настоящіе рыцари, со всякимъ обходительные и веселые, умѣвшіе развлекать знатныхъ красавицъ воинскими потѣхами.

Digitized by Google

стихами, музыкой и танцами, между тѣмъ какъ для нихъ самихъ охота служила лучшей забавой. Сынъ отвѣчаетъ, что, напротивъ, теперь при дворѣ знатныхъ рыцарей только и можно увидѣть одно пьянство, а любовь къ женщинѣ считается глупостью; ложь и обманъ, всякаго рода позоръ и безчестье замѣнили добродѣтель, и не кличъ: „будь веселъ и радостенъ, о витязь!“ слышится теперь среди рыцарей, а только раздаются дикіе возгласы въ родѣ: „коли, жги, вѣшай! грабь, обирай, не щади!“ На утро, выспавшись, молодой разбойникъ раздаетъ привезенные имъ подарки—отцу пригодныя въ хозяйствѣ орудія, матери—шубу, снятую имъ съ попа, сестрѣ—отнятую у купца шелковую повязку на голову и т. д. Семь дней, проведенныхъ Гельмбрехтомъ въ родномъ домѣ безъ грабежа и разбоя, показались ему за-годъ. При прощаньи, не послушавшись отцовскихъ увѣщаній остаться лучше дома да, какъ бывало, заниматься хозяйствомъ, Гельмбрехтъ, напротивъ, грозитъ немедленно отмстить нѣсколькимъ лицамъ, къ которымъ онъ питаетъ вражду и вины которыхъ поэтъ иронически характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: одинъ богачъ долженъ поплатиться теперь своими животами за то, что однажды проѣхалъ по нивѣ Гельмбрехтова крестнаго отца; другой будетъ ограбленъ за то, что ѣлъ хлѣбъ за рыбнымъ блюдомъ, а третій за то, что сдувалъ пѣну въ кружкѣ пива и т. д. Сообщивъ отцу выразительныя прозвища своихъ сотоварищей по разбоямъ, въ родѣ „Волчья пасть“ да „Чертовъ мѣшокъ“ и т. п., онъ прибавляетъ, что, однакожъ, истиннымъ бичемъ для крестьянъ является онъ самъ, молодой Гельмбрехтъ, ибо нѣтъ того звѣрства, котораго не совершилъ бы онъ надъ несчастными мужиками. На угрозы отца, что не миновать ему съ своими товарищами рукъ палача, разгнѣванный разбойникъ въ свою очередь отказывается оберегать на будущее время отцовское добро отъ хищничества своихъ товарищей и обѣщаетъ одного изъ нихъ женить на сестрѣ своей Готлиндѣ, которая, вмѣсто того, чтобы исполнять тяжелыя крестьянскія работы, будетъ одѣваться какъ знатная дама да жить припѣваючи. Готлинда, потерявшая голову отъ такихъ рѣчей, сговаривается съ братомъ оставить родительскій домъ и потомъ выдти за его друга-товарища. Не мало люду было ограблено, чтобы добыть нарядовъ, явствъ и питій для задуманной свадьбы. Пиръ былъ на славу, и всякій угощался на сколько у него хватало силъ; только не добромъ окончился праздникъ: не успѣли музыканты получить отъ новобрачныхъ свои подарки, какъ явился судья съ четырьмя солдатами и захватилъ весь десятокъ бездѣльниковъ; а когда Готлинду нашли потомъ за плетнемъ, она старалась руками прикрыть свою наготу,—такъ плохо пришлось ей въ день ея свадьбы. Скорый судъ былъ совершенъ надъ ними, и они были приговорены къ висѣлицѣ; только десятый изъ нихъ, самъ Гельмбрехтъ, былъ предоставленъ, согласно закону, на произволъ палача, который, выколовъ ему сначала оба глаза, отрубилъ руку и ногу. Когда вожатый привелъ изуродованнаго Гельмбрехта къ дому его отца, послѣдній только насмѣялся надъ сыномъ и прогналъ его съ угрозами; но мать не могла не дать хоть кусокъ хлѣба своему несчастному сыну. И гдѣ только ни проходилъ бывшій разбойникъ, крестьяне издѣвались надъ нимъ, восклицая: „Ага, воръ Гельмбрехтъ! лучше бы тебѣ было ходить за сохою!“ Цѣлый годъ такимъ образомъ Гельмбрехтъ мыкалъ свое горе, пока не наткнулся однажды въ лѣсу на кучку работавшихъ крестьянъ, которые, завидѣвъ его, наперерывъ стали грозить ему: одинъ хотѣлъ обратить его въ прахъ за то, что онъ когда-то до-нага обобралъ его вмѣстѣ съ женой; другой желалъ лишить его жизни за то, что онъ до-тла разграбилъ его жилище; третій не помнилъ себя отъ ярости при мысли, что Гельмбрехтъ вмѣстѣ съ отнятымъ у него добромъ, засунулъ въ мѣшокъ и его спавшаго ребенка, а потомъ, на крикъ малютки, вывалилъ его прямо въ снѣгъ, такъ что тотъ чуть не умеръ отъ

Digitized by Google

простуды; четвертый требовалъ не медля повѣсить его за то, что онъ изнасиловалъ его дочь. Для накопившейся жажды мести необходима была жертва: Гельбрехтъ, сначала нещадно избитый, былъ повѣшенъ на ближайшей осинѣ, и по полямъ и дорогамъ до поры до времени стало спокойно.

Вслѣдъ за эпохой Гогенштауфеновъ, въ которую средневѣковая нѣмецкая литература достигла своего высшаго процвѣтанія, выразившагося въ великолѣпныхъ эпопеяхъ какъ національныхъ, такъ и заимствованныхъ (Нибелунги, поэмы Вольфрама Эшенбахскаго, Готфрида Страсбургскаго и пр.), и въ блестящей лирикѣ миннезенгеровъ (Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде и др.), наступилъ періодъ ея постепеннаго упадка. Это явленіе, чтобы быть понятымъ, должно разсматриваться въ связи съ общею перемѣной, происшедшей съ конца XIII и начала XIV в., не только въ предѣлахъ Германіи, но и во всей западной Европѣ, перемѣной, обусловленною разнообразными причинами. Изъ нихъ мы укажемъ, какъ наиболѣе существенныя, двѣ слѣдующія: во 1-хъ, съ прекращеніемъ крестовыхъ походовъ исчезла та, объединявшая западные народы въ одной общей задачѣ, религіозно-нравственная идея, та христіанская связь, которая оказывала столь многообразное вліяніе на различнѣйшія стороны національной, общественной и умственной жизни тогдашней Европы; во 2-хъ, около того же времени совершилось окончательное обособленіе европейскихъ народностей въ политическомъ отношеніи, сказавшееся, между прочимъ, въ томъ, что родственные между собою языки съ этихъ поръ пріобрѣтаютъ вполнѣ самобытное существованіе. Сверхъ того, противоположность національностей въ первое же время выразилась враждебными взаимными отношеніями—повсюду въ Европѣ идутъ войны, даже и сродныхъ другъ другу народовъ: Даніи съ Швеціей, Шотландіи съ Англіей, Франціи съ Англіей и Аррагоніей, этой послѣдней съ Кастиліей, усобицы областей Италіи и т. д. Въ Германіи это общее стремленіе къ обособленію проявилось нѣсколько инымъ, болѣе своеобразнымъ образомъ. Со смерти Фридриха II императорская власть, какъ извѣстно, долгое время переходила изъ однихъ рукъ въ другія, что въ сильной степени только содѣйствовало упадку ея значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и императорскій дворъ, являвшійся до тѣхъ поръ главнымъ центромъ политической и культурной жизни всѣхъ нѣмецкихъ земель, не могъ не утратить этой роли въ глазахъ націи, а владѣтельные князья различныхъ областей Германіи, пользуясь данными обстоятельствами, получили возможность настолько усилиться, что стали думать о независмости. Каждый изъ нихъ желалъ придать своему, иногда и вовсе незначительному, двору возможно большій блескъ и привлечь къ нему наличныя умственныя и художественныя силы націи. Съ

Digitized by Google

другой стороны, и все дворянское сословіе также испытало на себѣ вліяніе измѣнившихся отношеній: не имѣя передъ собой никакой обще-національной задачи, какая напр. въ этоже время выпала на долю французскаго и англійскаго дворянства, благодаря волновавшимъ ихъ страны блестящимъ войнамъ, нѣмецкіе дворяне, уже значительно обѣднѣвшіе въ предъидущемъ періодѣ, должны были все въ большей мѣрѣ терпѣть отъ усилившихся областныхъ владѣтельныхъ князей, противъ которыхъ ослабѣвшая императорская власть не представляла имъ уже никакой защиты, и съ завистью видѣть, что городское и отчасти крестьянское сословія, вслѣдствіе быстраго развитія торговли и промышленности, все болѣе становились обладателями благосостоянія и тѣсно связанной съ нимъ образованности. Чѣмъ пышнѣе развивалось въ городахъ среднее сословіе, тѣмъ ненавистнѣе оно казалось высшимъ и низшимъ представителямъ привилегированнаго класса: при такихъ условіяхъ рыцарямъ, дворянству не трудно было превратиться въ насильниковъ и грабителей. Такимъ образомъ въ Германіи возникаетъ знаменитая борьба владѣтельныхъ князей и разбойничествующаго рыцарства «съ имперскими городами», искавшими опоры въ союзахъ другъ съ другомъ. Но присутствіе общаго врага не предохранило и самихъ горожанъ отъ повсюду царившей тогда розни. Враждебныя столкновенія между отдѣльными городами въ это время далеко не рѣдкость; мало того, въ средѣ самого городского сословія происходитъ начавшаяся еще съ XIII вѣка борьба низшихъ, ремесленныхъ классовъ противъ патриціевъ и богатѣйшихъ представителей торговаго класса; даже отдѣльные цехи и тому подобныя рабочія группы враждуютъ между собою, и если при этомъ дѣло обходится порою безъ открытой войны, то все же взаимная вражда находитъ себѣ выраженіе въ рѣзкой сатирѣ или въ самой грубой насмѣшкѣ надъ противною стороной. Даже главный представитель средневѣковой образованности—духовенство—былъ захваченъ этимъ процессомъ дифференцированія: сильно упавъ въ нравственномъ отношеніи и чувствуя весь проистекавшій отъ того вредъ для его же собственнаго авторитета, духовенство инстинктивно ощущало потребность въ реформахъ; но и тутъ сказалась общая тенденція вѣка: вмѣсто потребнаго единодушія, въ духовенствѣ идетъ ожесточенная борьба не только между доминиканцами и францисканцами, но и въ средѣ каждаго изъ этихъ двухъ монашескихъ орденовъ; сверхъ того они, но уже сообща, яростно преслѣдуютъ сторонниковъ разныхъ, въ ихъ глазахъ еретическихъ, сектъ, не замѣчая, что послѣднія выступаютъ во имя той же необходимости церковныхъ преобразованій, о которой такъ громко заявляла при

Digitized by Google

своемъ возникновеніи само нищенствующее монашество. И никогда не приходилось такъ тяжко отъ гоненій христіанскаго населенія, съ католическимъ духовенствомъ во главѣ, разнаго рода сектантамъ, этимъ преждевременнымъ предвѣстникамъ Реформаціи, а за-одно съ ними и евреямъ, какъ въ теченіе XIV и XV столѣтій. Какъ бы къ довершенію несчастія, въ это же время, къ общей взаимной враждѣ, обуявшей всѣ общественныя группы, присоединились и страшныя народныя бѣдствія: голодъ, пожары, повальныя болѣзни и другія невзгоды, обрушившіяся одновременно съ Германіей и на другія страны западной Европы. Объятое ужасомъ населеніе невольно поддается религіозному фанатизму, подъ вліяніемъ котораго возникаютъ столь своеобразныя и вмѣстѣ въ высшей степени характеризующія эпоху явленія, какъ покаянная секта «бичующихся» (флагеллантовъ), послѣдователи которой толпами тянулись изъ одного города въ другой, подвергая себя публично самоистязаніямъ и призывая всѣхъ послѣдовать ихъ примѣру ради отпущенія грѣховъ. Въ результатѣ неизбѣжно должно было произойти пониженіе уровня не только общественнаго духа, но также и умственнаго развитія, нравственнаго чувства и эстетическаго вкуса, хотя все это и поддерживало въ массахъ безсознательное чувство протеста, послужившее потомъ незамѣнимымъ подспорьемъ дѣлу Реформаціи.

Таковы, въ общихъ чертахъ, политико-соціальныя условія, которыя въ промежутокъ времени отъ эпохи Гогенштауфеновъ до Возрожденія и Реформы существовали въ Германіи и служили фономъ для дальнѣйшаго развитія нѣмецкой литературы. Прежде всего ихъ вліяніе должно было сказаться уже чисто-внѣшнимъ образомъ: появленіе многихъ мелкихъ дворовъ вызвало увеличеніе числа придворныхъ поэтовъ, большинство которыхъ естественно состояло изъ посредственностей, тѣмъ болѣе что незначительные владѣтельные князья, не располагая богатствомъ императоровъ, не могли, подобно имъ, беззавѣтною щедростью привлекать къ себѣ выдающіеся таланты и, вызывая благородное соревнованіе между ними, содѣйствовать совершенствованію художественной техники въ произведеніяхъ ихъ творчества. Но упадокъ поэзіи обусловливался и другою, такъ сказать, внутреннею причиной: между тѣмъ какъ прежде императоры, благодаря дѣйствительно замѣчательнымъ ихъ личнымъ качествамъ и ихъ нерѣдко грандіозной дѣятельности, могли вдохновлять щедро награждаемыхъ ими поэтовъ, мелкіе князья, большею частію ничтожные въ нравственномъ и въ политическомъ отношеніи, конечно, не представлялись поэтамъ достойными героями поэтическихъ сказаній и не затрогивали ихъ творческой фантазіи. Такимъ образомъ эпопея естественно становится невозможной. Въ тоже время,

Digitized by Google

съ измѣненіемъ роли рыцарства и его отношеній къ императорскому двору, замѣчается быстрое изчезновеніе лицъ изъ благороднаго общества въ средѣ миннезенгеровъ, которые большею частью вербуются съ этихъ поръ въ среднемъ сословіи. Такое ихъ происхожденіе накладываетъ и на самое ихъ творчество особый отпечатокъ: въ ихъ произведеніяхъ замѣчается извѣстная грубость тона и низкій уровень мыслей и чувства; всячески стараясь подражать своимъ предшественникамъ въ формальномъ отношеніи, они все-таки далеко уступаютъ имъ, не привнося изъ своей родной среды ни того вкуса, ни того чувства формы и мѣры, которые въ такой степени отличали лирическую поэзію миннезенгеровъ гогенштауфенской поры. Слѣдовательно, и лирика, подобно эпосу, также не могла удержаться долѣе на своей прежней высотѣ. Это значило, что на смѣну отжившимъ началамъ близится что-то новое, какъ въ жизни, такъ ивъ литературѣ.

Правда, дѣло не обошлось безъ попытокъ продолжать прежнія традиціи, и между благородными рыцарями были, такъ сказать, послѣдніе могикане стараго миннезенгерства, старавшіеся соединить съ свойственною ихъ званію дѣятельностью и занятіе поэзіей, какъ въ былое время. Таковы, напр., были двое поэтовъ—Освальдъ фонъ-Волькенштейнъ и Гуго фонъ-Монтфортъ.—Первый изъ нихъ (1369—1445 г.) *), родомъ изъ тирольскихъ дворянъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ безчисленныхъ странствующихъ рыцарей, которые, составляя также характеристическую особенность XIV и XV вѣка, переѣзжали отъ одного владѣтельнаго князя къ другому, чтобы за отсутствіемъ, послѣ крестовыхъ походовъ и императорскихъ вторженій въ Италію, какой-либо обще-національной дѣятельности, принять участіе въ первомъ попавшемся военномъ предпріятіи. Этотъ авантюристскій образъ жизни, начатый Волькенштейномъ съ десятилѣтняго возраста, когда онъ принималъ участіе въ прусскомъ походѣ Альбрехта III-го австрійскаго, заставилъ его побывать въ Россіи и въ Англіи, во Фландріи и въ Персіи, откуда онъ, двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, вернулся совершенно неузнаваемымъ въ Тироль; но потерпѣвъ здѣсь неудачу въ своихъ планахъ относительно женитьбы, онъ опять участвовалъ въ разныхъ походахъ и войнахъ, причемъ посѣтилъ Италію, Испанію и Африку, и закончилъ свою военную карьеру въ походѣ противъ гусситовъ (1419 г.). Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ своемъ замкѣ, занимаясь поэзіей: въ историческихъ пѣсняхъ онъ повѣствуетъ о своихъ воинственныхъ похожденіяхъ; въ любовныхъ пѣсняхъ старается

*) Zingerle, Oswald von Wolkenstein. Wien. 1870.—Сочиненія его издалъ Беда Веберъ (1847), но изданіе это не можетъ считаться критическимъ.

Digitized by Google

держаться миннезенгерской манеры, но духъ и самая форма въ нихъ совсѣмъ уже не тѣ, и всѣ онѣ отличаются чрезмѣрной изысканностью чувства и грубостью формы. — Гуго ф.-Монтфортъ (1357 — 1423 г.) принадлежалъ къ одному изъ графскихъ родовъ Штиріи *). Въ молодости страстный обожатель женщинъ, онъ потомъ наслаждался мирной семейной жизнью, въ которой и видѣлъ высшее благо на землѣ для человѣка. Часть его стихотвореній посвящена благочестиво-нравственнымъ сюжетамъ; это — какъ онъ самъ назвалъ ихъ — «Reden», преимущественно въ аллегорической оболочкѣ и нерѣдко въ формѣ «разговоровъ» написанныя вещи на темы о настоящемъ положеніи общества, имперіи, церкви, о рыцарскихъ и женскихъ нравахъ и о любви стараго и новаго времени.—Онѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ произведеній всѣхъ авторовъ этого періода, такъ-называемыхъ «эпигоновъ» или «Nachmeister'овъ», по выраженію одного изъ ихъ же среды, разумѣвшаго подъ «мейстерами» знаменитѣйшихъ миннезенгеровъ предъидущаго періода. Интереснѣе его пѣсни свѣтскаго содержанія—любовныя и т. под.,—такъ какъ въ нихъ особенно замѣтенъ переходъ отъ рыцарско-миннезенгерской пѣсни къ пѣснѣ *народной* въ строгомъ смыслѣ, съ ея неотдѣланностью и неправильностью въ формальномъ отношеніи, но вмѣстѣ и съ ея неподдѣльностью чувства и инстинктивной любовью къ природѣ.—Оттого въ этихъ произведеніяхъ Монтфорта, при всей очевидности недостатковъ его стиха, при всемъ шаблонномъ безвкусіи его поэтической фантазіи, впечатлѣніе пріятно смягчается сердечностью тона и проникающимъ ихъ свѣжимъ дыханіемъ природы: по собственному сознанію автора, бо́льшую часть своихъ пѣсень онъ сложилъ, разъѣзжая верхомъ на конѣ среди лѣсовъ и полей, причемъ онъ поручалъ подбирать къ нимъ напѣвы своему вѣрному служителю Бурку Мангольту.

Волькенштейнъ и Монтфортъ были изъ послѣднихъ по времени лицъ дворянскаго сословія, которыя еще находили интересъ въ занятіи поэзіей; но, вообще говоря, съ XV в. поэты-рыцари переводятся окончательно. Поэтическое творчество или нерѣдко замѣнявшее его стихослагательство рѣшительно переходятъ въ руки средняго сословія, хотя надо сказать, что въ первое время и авторы бюргерскаго происхожденія, подобно послѣднимъ представителямъ благороднаго миннезенгерства, пытаются также не отступать въ своихъ произведеніяхъ, не только относительно формы, но и самыхъ идеаловъ, отъ тона, нѣкогда даннаго лучшими миннезенгерами. При этомъ они иногда являются даже довольно суровыми противниками собственнаго сословія, стараясь въ своихъ пѣсняхъ и quasi-эпическихъ

*) K. Weinhold, Ueber den Dichter Graf Hugo VIII von Montfort. Gratz. 1857.

Digitized by Google

произведеніяхъ возвеличить достоинство аристократическаго сословія, у котораго они зачастую были не болѣе какъ довольно жалкими прихлебателями. Если же, при всемъ томъ, нѣкоторые изъ нихъ видѣли всю испорченность придворной знати и дворянства, то всеже болѣе или менѣе искренно вѣрили въ возможность ихъ возрожденія, и въ этой надеждѣ указывали ихъ представителямъ на контрастъ, существовавшій между ихъ недостатками и доблестями ихъ предковъ, причемъ не забывали особенно выхвалять щедрость послѣднихъ къ миннезенгерамъ. Въ такомъ родѣ были, напр., поэты-бюргеры Зухенвиртъ и Бехеймъ, не смотря на то, что послѣдній былъ уже непосредственнымъ предшественникомъ «мейстерзингеровъ», этихъ истинныхъ представителей собственно бюргерской литературы.

Чтобы лучше выяснить переходъ отъ старо-рыцарской поэзіи къ поэзіи городского сословія, мы должны на минуту вернуться назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже на рубежѣ XIII и XIV столѣтій, намъ встрѣчаются въ лицѣ ученаго Гейнриха Мейссенскаго, по прозванію «Frauenlob» († 1318 г.) *), и его современника кузнеца Бартеля Регенбогена **), двѣ характеристическія фигуры поэтовъ, съ которыми мы переходимъ отъ рыцарскаго искусства и общества къ бюргерскому. У того и у другого почти нѣтъ и слѣдовъ непосредственнаго чувства, естественныхъ красотъ поэтической формы миннезенгеровъ XII и XIII столѣтій. Ихъ замѣняютъ страсть къ отвлеченно-запутаннымъ темамъ, не останавливающаяся даже передъ труднѣйшими изъ мистико-догматическихъ задачъ,—что доводило Регенбогена, этого бывшаго кузнеца, лишеннаго всякой научной подготовки, до чистѣйшей галиматьи, — крайняя изысканность стиха (изъ множества изобрѣтенныхъ Фрауенлобомъ новыхъ «тоновъ» или стихотворныхъ формъ, такъ-называемый «нѣжный тонъ» заключалъ 21 риѳму въ строфѣ, а въ «überzartem Ton» было до 34 риѳмъ) и необыкновенная напыщенность слога, т.-е. все то, чѣмъ характеризуются, какъ увидимъ, произведенія мейстерзингеровъ, у которыхъ не даромъ первый изъ названныхъ двухъ поэтовъ пользовался, можно сказать, полумистическимъ уваженіемъ. Не смотря, однакожъ, на ихъ взаимное сходство въ качествѣ выразителей перехода отъ живой, неподдѣльной поэзіи рыцарства къ школьному творчеству городского ремесленнаго сословія, между ними существуетъ и довольно любопытная противоположность, выразившаяся съ достаточною рѣзкостью въ ихъ знаменитомъ спорѣ о наибольшемъ достоинствѣ словъ «Frau» и «Weib».—

*) Heinr. von Meissen, des Frauenlobs Briefe, Sprüche, Streitgedichte u. Lieder изд. Ettmüller'a 1843.

**) Въ 3-мъ томѣ „Minnesänger", издан. ф.-д.-Гагеномъ, и у Барча въ Meisterlieder der Kolmarer Handschrift.

Digitized by Google

Фрауенлобъ утверждалъ, что первое изъ нихъ гораздо благороднѣе второго (за это, вѣроятно, поэтъ и пріобрѣлъ свое прозвище), такъ какъ оно у прежнихъ миннезенгеровъ значило «госпожа» въ смыслѣ «повелительницы сердца», а «Weib» обозначало только «законную жену»; напротивъ Регенбогенъ, какъ и подобало человѣку изъ простого ремесленнаго класса, отдавалъ предпочтеніе болѣе скромному, но тѣмъ тѣснѣе связанному съ обыденною буржуазною жизнью слову «Weib». Этотъ споръ наглядно показываетъ, насколько нѣкогда столь поэтическое служеніе женщинѣ въ рыцарскомъ обществѣ стало чисто головнымъ занятіемъ, темой для болѣе или менѣе хитроумнаго стихоплетства. Замѣтимъ, что побѣда осталась, однакожъ, за болѣе образованнымъ Фрауенлобомъ, и съ тѣхъ поръ слово «Frau» все больше вытѣсняло изъ общаго употребленія слово «Weib», отчасти позаимствовавъ его смыслъ.

Упомянутый выше Зухенвиртъ былъ однимъ изъ тѣхъ «странствующихъ пѣвцовъ» или, вѣрнѣе, уже просто сочинителей (такъ какъ пѣніе все чаще замѣнялось чтеніемъ даже стихотворныхъ произведеній), которые въ тѣ времена нерѣдко исполняли также роль оруженосцевъ или герольдовъ, причемъ отъ нихъ особенно требовалось знаніе тонкостей геральдики, составленіе риѳмованныхъ описаній родовыхъ гербовъ, и исполненіе соотвѣтственныхъ обязанностей при турнирахъ. Естественно, что Зухенвиртъ отъ всей души стоялъ на сторонѣ рыцарско-придворнаго общества. Но какъ бывалый и наблюдательный человѣкъ, онъ хорошо сознавалъ всю испорченность этого общества. Въ его «Посланіи о ходѣ вещей на свѣтѣ» (Brief über den Weltlauf) *) свѣтъ изображается достаточно черными красками. Всеобщее разъединеніе, охватившее въ XIV и XV стол. Германію и, казалось, въ корнѣ подтачивавшее силы націи, ярко изображается въ одномъ изъ стихотвореній Зухенвирта. Говоря о бѣдствіяхъ, всѣми испытываемыхъ вслѣдствіе этого, онъ съ тревогой замѣчаетъ:—«Когда не останется уже ни одного крестьянина, тогда, конечно, и неурядицѣ настанетъ конецъ; но какъ же тогда будутъ жить всѣ тѣ, которые зовутся теперь князьями и господами, если некому будетъ ходить за сохою?» Тѣмъ не менѣе поэтъ наивно воображаетъ, что дѣло можно поправить, если только утратившее прежніе идеалы рыцарство захочетъ отказаться отъ насилій надъ народомъ и отъ взаимной вражды и, вмѣсто того, станетъ подражать хотя бы тѣмъ изъ современниковъ, въ сущности незначительныя дѣянія которыхъ онъ, какъ очевидецъ и вмѣстѣ наемный панегиристъ, не задумывается приравнивать даже къ геройскимъ подвигамъ сподвижниковъ самого короля Артура въ своихъ стихотвореніяхъ, оза-

*) M. Primisser, Peter Suchenwirts Werke etc. Wien. 1827.

Digitized by Google

главленныхъ: «Ehrenreden» (Похвальныя рѣчи) и, по всей вѣроятности, предназначавшихся для чтенія, а не для пѣнія. Этою вѣрой въ возможность возрожденія для рыцарскаго общества Зухенвиртъ отличается отъ своего земляка и друга Гейнриха, по прозванію der Teichner, также бюргерскаго происхожденія и жившаго, послѣ кратковременной дѣятельности въ качествѣ странствующаго пѣвца, постоянно въ Вѣнѣ, гдѣ онъ и умеръ приблизительно въ 1377 г. *). Тейхнеръ смотритъ на свѣтъ безнадежно-пессимистскимъ взглядомъ; но при всемъ его отрицательномъ воззрѣніи на жизнь, кротость и снисходительность къ людямъ составляютъ основной характеръ его многочисленныхъ произведеній, заключающихъ въ себѣ до десяти тысячъ стиховъ, монотонныхъ и лишенныхъ поэтическихъ красокъ. Это не были «Lieder», пѣсни, а такъ-называемыя «Spruchgedichte», стихотворенія морализирующаго, поучительнаго характера. Изъ всѣхъ сословій онъ питаетъ большее уваженіе къ крестьянству и безпощадно осуждаетъ рыцарство, образъ жизни представителей котораго въ мирное время кажется ему столь же недостойнымъ, какъ и ихъ воинственныя похожденія во имя кулачнаго права, и съ замѣчательнымъ здравомысліемъ предостерегаетъ даже отъ подражанія прежнимъ рыцарямъ-крестоносцамъ. Въ противоположность Зухенвирту, не знающему какими похвалами возвеличить мизерный походъ Альбрехта III австрійскаго въ Пруссію, онъ строго осуждаетъ всѣ подобнаго рода затѣи, отъ которыхъ только увеличиваются нужда и горе бѣднаго трудящагося люда въ собственной странѣ. Симпатичная въ своемъ меланхолическомъ настроеніи фигура этого послѣдователя «мистической школы» Экгарта (ум. около 1327 г.) является особенно интересной при грохотѣ со всѣхъ сторонъ разваливавшагося средневѣкового строя.

Какъ въ стихахъ благороднаго Монтфорта, вопреки его склонности къ традиціи, замѣтно родство съ чисто-народной пѣсней, чѣмъ и сказывается въ нихъ невольный поворотъ отъ стараго къ новому, такъ и въ произведеніяхъ его современника, происходившаго изъ средняго сословія и извѣстнаго намъ лишь подъ принятымъ имъ прозвищемъ Muscatblut (несомнѣнно, что онъ писалъ еще въ 1337 г.) **), выразилась другая сторона новаго литературнаго фазиса: всѣ его стихотворенія—какъ писанныя въ честь Богоматери, такъ и любовныя и морально-назидательныя—проникнуты какою-то степенной серьозностью въ чисто-бюргерскомъ стилѣ, которая лишь въ рѣд-

*) Th. v. Karajan, Uber Heinrich den Teichner. Wien, 1855.

**) Die Lieder Muscatbluts, herausg. von E. von Groote. Köln, 1857, Его стихотворенія религіознаго содержанія напечатаны у Ph. Wackernagel'я, D. Kirchenlied, во 2-мъ томѣ.

Digitized by Google

кихъ случаяхъ нарушается шуткой, хотя и грубою, во вкусѣ того времени, но всегда мимолетною. Отъ Монтфорта онъ отличается еще и тѣмъ, что вмѣсто столь выгодно характеризующей перваго изъ нихъ рѣчи, подсказанной живымъ чувствомъ природы, его мысль постоянно стѣсняется и калѣчится строжайшимъ соблюденіемъ принятыхъ формъ стиха и риѳмы. Какъ этой формальной стороной своихъ произведеній, такъ и крайне безвкусными въ ихъ утонченности толкованіями тайнъ религіи въ своихъ «Marienlieder», Мускатблютъ занимаетъ средину между Фрауенлобомъ и Регенбогеномъ и, съ другой стороны, мейстерзингерами XV и XVI в., у которыхъ онъ, подобно названнымъ двумъ поэтамъ, пользовался необыкновеннымъ почетомъ, такъ что сравняться съ нимъ считалось самою завидною честью.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ періоду дѣятельности «мейстерзингеровъ» въ собственномъ значеніи слова, тѣмъ рельефнѣе выражается у отдѣльныхъ ихъ предшественниковъ упомянутая нами противоположность въ смыслѣ привязанности, съ одной стороны, къ отжившему рыцарскому обществу и, съ другой, къ почти готовому уже активно выступить въ исторіи среднему сословію, хотя тѣхъ и другихъ, можно сказать, въ одинаковой мѣрѣ отличаютъ тоже отсутствіе эстетическаго чутья, таже уродливая запущенность рѣчи, не смотря на всю, иногда доходящую до крайности, изученность стихотворныхъ формъ. Тогда какъ во Франціи и въ Англіи тотъ видъ собственно-народнаго поэтическаго творчества, который принято называть исторической народной пѣснью, былъ запечатлѣнъ общенаціональнымъ характеромъ, благодаря народному значенію отразившихся въ этой пѣснѣ событій, такъ что, напр., въ Англіи историческія баллады образуютъ, такъ сказать, органическое ядро англійской народной поэзіи и составляютъ достояніе всей націи,—въ Германіи, благодаря тому, что самыя событія, при всей ихъ кажущейся пестротѣ, имѣли только чисто-мѣстное значеніе, историческія пѣсни, разсказывавшія о нихъ, также отнюдь не представляли больше общаго интереса. Въ исторіи національной нѣмецкой литературы онѣ обращаютъ на себя вниманіе лишь въ качествѣ до извѣстной степени пригоднаго историческаго матеріала. Такимъ же мѣстнымъ характеромъ отличаются и тѣ изъ нихъ, которыя служили отголоскомъ внутренней жизни городовъ, какъ ни богата она была въ общемъ задатками дальнѣйшаго, столь благотворнаго для всей націи, развитія. Только въ исключительныхъ случаяхъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній безъименныхъ народныхъ пѣвцовъ или почти столь же близко стоявшихъ къ народу стихослагателей изъ среды горожанъ представляютъ если не бо́льшія поэтическія красоты, то несравненно значительнѣйшее достоинство въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ. Таковы пѣсни, содер-

Digitized by Google

жаніе которыхъ составляетъ борьба городовъ за свою свободу и свои вольности противъ посягательствъ какъ со стороны папской власти съ ея единомышленниками, такъ и со стороны свѣтскихъ владѣтельныхъ князей. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи представляетъ все, касающееся Нюрнберга около половины XV в., когда этотъ городъ, въ качествѣ центра цѣлаго союза городовъ, безпрерывно долженъ былъ отбиваться отъ лиги князей, во главѣ которой стоялъ Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій. Съ этимъ-то періодомъ совпадаетъ разносторонняя авторская дѣятельность нюрнбержца Ганса Розенблюта, писавшаго между 1425 и 1460 годами. Хотя и ему случалось въ первое время находиться при нѣкоторыхъ дворахъ въ качествѣ геральдическаго поэта, подобно Зухенвирту, но по своему настроенію, здравому уму и любви къ житейской правдѣ Розенблютъ является уже полнымъ представителемъ родного ему городскаго сословія: у него не замѣтно ни малѣйшихъ симпатій къ рыцарскому міру, онъ весь на сторонѣ бюргерскаго общества. Въ его стихахъ, конечно, не мало обычныхъ въ этомъ періодѣ погрѣшностей въ отношеніи литературной формы и самаго содержанія, напр., безвкуснаго смѣшенія мнимаго глубокомыслія и искусственной напыщенности съ простонародною глубостью, но въ общемъ онъ отличается въ своихъ произведеніяхъ ясностью, простотой и веселостью. Въ послѣдней, Розенблютъ, какъ истый сынъ средняго сословія, которому чуждъ традиціонный этикетъ придворной жизни, заходитъ такъ же далеко, какъ и французскіе авторы буржуазныхъ фабльо; но онъ умѣетъ быть, совершенно въ духѣ солиднаго нѣмецкаго бюргерства, глубоко серьознымъ въ своихъ болѣе обширныхъ «Sprüche», посвященныхъ порицанію различныхъ общественныхъ язвъ и неурядицы того времени, причемъ онъ иногда увлекается до ничѣмъ не сдерживаемой рѣзкости. При случаѣ онъ умѣетъ даже освободиться отъ столь общей тогда религіозной нетерпимости, напр., когда порицаетъ своекорыстные мотивы нѣмцевъ въ войнѣ противъ гусситовъ. Особенно характеристичны его стихотворенія, въ которыхъ идетъ рѣчь объ его соотечественникахъ, побѣдамъ которыхъ въ борьбѣ за правое дѣло онъ радуется отъ всей души: его «Похвальные стихи въ честь Нюрнберга» (1447 г.) отличаются неподдѣльной задушевностью, съ которою онъ изображаетъ мирное преуспѣяніе города. Въ этомъ стихотвореніи Розенблютъ, въ словахъ, исполненныхъ сердечной любви къ родному городу, восхваляетъ его мудрыхъ правителей и послушное законамъ населеніе; его образованное духовенство и превосходныя благотворительныя учрежденія; его поэтовъ и художниковъ; его купечество и торговую дѣятельность; его честно добытыя богатства и блескъ, и, наконецъ, благодаря всему этому занимаемое имъ первое мѣсто во

Digitized by Google

всемъ свѣтѣ. Оригинальна фикція, положенная въ основу одной изъ его «Карнавальныхъ пьесъ (Fastnachtspiele),—о нихъ еще будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ,—озаглавленной «Vom Türken» (1454 г.): султанъ, узнавъ по звѣздамъ, что роковой часъ для христіанъ уже пробилъ, является въ Германію и берется реформировать христіанское общество, причемъ авторомъ съ безпощадной критикой раскрываются всѣ изъяны современной ему государственно-общественной жизни. Съ самой симпатичной стороны обрисовывается личность этаго истинно-народнаго поэта въ его Spruch'ѣ «О каплѣ трудоваго пота» (или «О праздныхъ и трудящихся»), въ которомъ человѣческій трудъ признается божественнымъ установленіемъ на землѣ и описываются чудеса, достигаемыя каплею пота трудящагося человѣка. Тутъ уже чувствуется столь чуждый средневѣковому міровоззрѣнію взглядъ новѣйшихъ временъ на личный трудъ человѣка, какъ на краеугольный камень разумнаго общественнаго строя *).

Полною противоположностью Розенблюту является Михель Бехеймъ (1416—ум. послѣ 1474 г.), главный представитель въ XV в. придворной поэзіи и придворныхъ поэтовъ, или, какъ они назывались, «persevant'овъ» **), уже съ нѣкотораго времени сдѣлавшихся обязательною, такъ сказать оффиціальною, принадлежностью каждаго изъ многочисленныхъ дворовъ Германіи. Послѣ службы у многихъ владѣтельныхъ князей нѣмецкой земли, онъ подъ-конецъ пріютился у пфальцграфа Фридриха. По своему происхожденію принадлежа къ бюргерскому сословію, Бехеймъ сдѣлалъ неудачную и тѣмъ болѣе характеристическую для его времени попытку найти поддержку для зачахнувшей поэзіи не въ средѣ все выше поднимавшагося городскаго сословія, а въ сферѣ придворной жизни. Родители его были выходцами изъ Богеміи (оттого и прозвище ихъ—Behaim) и занимались ткацкимъ ремесломъ, которому первоначально посвятилъ себя и ихъ сынъ. Но затѣмъ онъ промѣнялъ его на занятіе поэзіей и, переходя отъ одного владѣтельнаго князя къ другому, не мало вынесъ разнаго рода лишеній и опасностей, какъ, напр., въ походахъ съ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ. Его поэтическая дѣятельность отличалась чрезвычайною разносторонностью: то онъ нападаетъ на гусситовъ; то восхваляетъ заслуги вѣнскаго университета, по поводу схизмы и совѣщаній на констанцскомъ соборѣ; то касается сильно тревожившихъ тогда умы въ Германіи дѣлъ турецкихъ; то наконецъ распространяется о вѣнскихъ смутахъ, вызванныхъ политикою им-

*) Большинство произведеній Розенблюта помѣщены въ 3-мъ томѣ „Fastnachtspiele", изданныхъ Адальбертомъ фонъ-Келлеръ.

**) Или „parsevant", отъ франц. poursuivant.

Digitized by Google

ператора Фридриха III *). Когда же этотъ послѣдній отнялъ у него кусокъ хлѣба, то Бехеймъ сталъ писать противъ государей, двора и духовенства. Это не помѣшало ему, однакожъ, провести остатокъ дней своихъ при дворѣ пфальцграфа Фридриха въ Гейдельбергѣ (гдѣ, благодаря основанному въ 1386 г. университету, поддерживались симпатіи къ искусству), и, разумѣется, восхвалять своего новаго патрона безъ всякой мѣры. Не смотря на крайнее несовершенство своихъ произведеній съ формальной стороны, къ тому же изукрашенныхъ всѣми бывшими тогда въ ходу безвкусными піитическими хитростями, Бехеймъ считалъ себя великимъ «мастеромъ» въ поэтическомъ искусствѣ, и это близорукое самообольщеніе смягчается въ нашихъ глазахъ лишь тою дѣйствительно беззавѣтною преданностью излюбленному имъ «благородному занятію»—стихотворству, благодаря которой онъ, вопреки всѣмъ испытаннымъ на поприщѣ персеванта невзгодамъ, не хотѣлъ отказаться отъ своей неблагодарной дѣятельности сочинителя. Это и придаетъ ей, при всемъ ея ничтожествѣ въ художественномъ отношеніи, нѣкоторый идеалистическій характеръ.

Такимъ образомъ, почти наканунѣ XVI столѣтія, въ Бехеймѣ мы видимъ послѣдняго представителя тѣхъ бюргерскихъ пѣвцовъ (въ этомъ періодѣ они всѣ уже выходили исключительно изъ средняго сословія), которые пытались усвоить себѣ интересы высшаго привилегированнаго класса общества, тогда какъ Розенблютъ, напротивъ, является независимымъ поэтомъ, отдѣлившимъ свое дѣло отъ интересовъ аристократіи и пишущимъ въ духѣ и во имя городскаго сословія, къ которому принадлежалъ и самъ. Уже съ конца блестящей гогенштауфенской эпохи замѣтны въ нѣмецкой литературѣ какъ бы два параллельныхъ теченія, которыми совершается постепенный переходъ отъ стараго къ новому. Одно—въ видѣ все болѣе изсякающей литературной традиціи феодально-рыцарскаго періода европейской исторіи, другое съ новыми общественными идеалами и нравственными началами, которыя съ каждымъ поколѣніемъ находили себѣ все болѣе энергическое выраженіе въ произведеніяхъ литературы.

Въ продолженіе переходнаго періода, отдѣляющаго средніе вѣка отъ новаго времени, оба главнѣйшіе рода поэтическаго творчества,

*) Въ своемъ произведеніи „Das Buch von den Wienern" (изд. v. Karajan въ 1848 г.), предназначавшемся равно для чтенія или *для пѣнія*, и написанномъ среди тревогъ осады („Aengsten der Belagerung"—оттого и избранный авторомъ напѣвъ названъ „Angstweise"). Въ этомъ сочиненіи Бехейма видна его истинно куртизанская способность быть столь же безпощаднымъ въ порицаніи (относительно противившагося его патрону вѣнскаго городскаго населенія), какъ и неумѣреннымъ въ похвалахъ, незаслуженно воздаваемыхъ имъ своему покровителю—графу фонъ-Цилли, человѣку недостойнаго характера.

Digitized by Google

составлявшіе украшеніе собственно средневѣковой нѣмецкой литературы—эпосъ и лирика миннезенгеровъ—подверглись самому коренному измѣненію. На мѣсто художественной историческо-легендарной эпопеи, безвозвратно погибшей вслѣдствіе данныхъ историческихъ условій, появляются лишенныя всякаго эстетическаго достоинства и только ради своей формы могущія называться эпическими произведенія, насквозь пропитанныя или однимъ безвкуснымъ аллегоризмомъ (представителя ихъ мы указали въ «Teuerdank'ѣ») *), или же съ примѣсью къ нему дидактики, моральныхъ и даже научныхъ тенденцій **). Перемѣна по отношенію къ лирической поэзіи произошла также въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны замѣчается переходъ въ чисто-«народную пѣсню» (Volkslied), нѣкогда въ свою очередь послужившую исходнымъ пунктомъ для лирики миннезенгеровъ. Хотя текстовъ собственно народныхъ лирическихъ пѣсень мы не имѣемъ записанными ранѣе XVI в. ***), но, такъ сказать, мотивы народной лирики уже съ XIV в. проникаютъ все яснѣе и въ сферу искусственной поэзіи, напр., въ пѣсняхъ Монтфорта и еще

*) См. предъидущую главу. Въ ней же мы высказали нѣсколько замѣчаній относительно всеобщей распространенности аллегоріи въ литературахъ Запада въ XIV и XV стол., какъ литературной формы, наиболѣе отвѣчавшей анти-поэтическому духу самой эпохи. Гервинусъ въ своей „Исторіи нѣмецкой поэзіи“ подтверждаетъ это, выражаясь по отношенію къ нѣмецкой литературѣ сказаннаго періода слѣдующимъ образомъ: „Аллегорія, эта конечная форма эпоса и вмѣстѣ съ тѣмъ зачаточная форма драмы, можетъ быть разсматриваема какъ литературный родъ, въ которомъ нашелъ себѣ убѣжище ничтожный остатокъ поэтическаго творчества въ тѣ времена, когда все, казалось, было направлено къ тому, чтобы разрушить поэзію въ ея болѣе чистыхъ формахъ. Аллегорія обвивается по всей нашей поэзіи въ періодъ, когда послѣдняя принимаетъ какъ бы безформенный видъ между эпосомъ и драмой“. Тамъ же, II, стр. 433.

**) Первое мѣсто въ отдѣлѣ нѣмецкой научно-дидактической поэзіи принадлежитъ жившему въ Прагѣ при дворѣ императора Карла IV († 1378 г.) поэту-полигистору *Гейнриху изъ Мюгельна* съ его обширнымъ аллегорическимъ произведеніемъ „Der. Kranz der Maide“ (Вѣнокъ дѣвъ), обнимающимъ всѣ отрасли тогдашняго знанія. Въ немъ выступаютъ передъ лицомъ императора, которому и посвящена поэма, въ видѣ дѣвъ, одна за другою, науки, чтобы, блеснувъ предъ нимъ подобающими каждой изъ нихъ знаніями, выслушать отъ него, за кѣмъ изъ нихъ будетъ признано первенство. Послѣднее, какъ и надо было ожидать, отдается Теологіи,—рѣшеніе, подтвержденное, въ дальнѣйшей части поэмы, самою Природой, окруженною цѣлымъ сонмомъ добродѣтелей.—Эта дидактико-аллегорическая поэма остается пока не изданной. Объ авторѣ и его остальныхъ довольно многочисленныхъ произведеніяхъ см. Schröer, D. Dichtungen von Heinrich von Mügeln nach d. Handschriften besprochen. 1867. Wien, и его же, Heinrich von Müglin. Wien. 1873.

***) „Полный разцвѣтъ народной поэзіи (лирики) совпадаетъ съ началомъ XVI в.“, говоритъ Вильмаръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи нѣмецкой народной пѣсни, глубоко понимавшій истинный духъ этой послѣдней. (Gesch. d. deutsch. National-Literatur. 1879, p. 227). Ср. также „Vorwort u. Einleitung“ въ „Liederbuch aus d. XVI Jahrhundert“ von K. Gödecke u. Jul. Tittmann. Leipz. 1867.

Digitized by Google

болѣе въ стихахъ другихъ, отчасти анонимныхъ поэтовъ, образчики которыхъ сохранились въ рукописныхъ сборникахъ XV столѣтія *). Съ другой стороны, столь же замѣтно перерожденіе, подъ вліяніемъ данныхъ условій жизни, въ лирику «школъ» мейстерзингеровъ, этихъ, можно сказать, исключительныхъ выразителей поэтическаго настроенія въ средѣ городскаго, преимущественно ремесленнаго населенія въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Не смотря на разницу въ ихъ направленіи, Розенблютъ и Бехеймъ, по пріемамъ ихъ поэтическаго творчества и по свойствамъ ихъ произведеній, могутъ съ одинаковымъ правомъ быть причислены уже къ мейстерзингерамъ, хотя они, въ особенности Бехеймъ въ качествѣ непосѣдливаго персеванта, стояли еще внѣ всякой такъ-называемой «школы», безъ которой «мейстерзингеры» въ настоящемъ значеніи этого слова немыслимы. Такимъ образомъ въ концѣ XV столѣтія мы наталкиваемся въ литературной исторіи Германіи на новое для насъ и, какъ увидимъ, весьма своеобразное явленіе «мейстерзингерства», которое, однакожъ, представляется особенно важнымъ не столько въ отношеніи къ развитію нѣмецкой литературы, сколько по тому нравственно-общественному значенію, какое оно имѣло вообще въ культурной жизни націи. Значеніе это заключается именно въ томъ, что мейстерзингерству съ его «школами», въ которыхъ съ такимъ удивительнымъ усердіемъ разработывались искусства поэзіи и пѣнія, Германія въ сильнѣйшей степени обязана умственнымъ развитіемъ того средняго или бюргерскаго сословія, которое, отличаясь здравымъ смысломъ, солидною нравственностью и упорною настойчивостью во всякаго рода дѣятельности, со временемъ явилось истиннымъ выразителемъ реформаціоннаго движенія, и вынесло на своихъ плечахъ великое дѣло, начатое Лютеромъ и его сподвижниками. Время процвѣтанія мейстерзингерскихъ школъ совпадаетъ на самомъ дѣлѣ съ эпохой Реформаціи, такъ что лучшій представитель поэзіи мейстерзингеровъ принадлежитъ вполнѣ XVI вѣку и стоитъ, слѣдовательно, внѣ предѣловъ періода, которымъ ограничивается настоящій очеркъ. Замѣтимъ только, что Гансъ Саксъ (1494—1576 г.) восторженно привѣтствовалъ дѣятельность Лютера, и что весьма многія изъ его про-

*) Два изъ нихъ особенно интересны въ этомъ отношеніи: Сборникъ, написанный въ 1471 г. аугсбургскою монахиней Кларой Гетцлеръ (Liederbuch der Klara Hätzlerin, herausgegeb. etc. von C. Haltaus. 1840, въ „Bibliothek der gesammten deutsch. National-Literatur“, Quedlinburg u. Leipzig), и такъ-называемая, „Кольмарская рукопись“, также XV в. (K. Bartsch, Meisterlieder der Kolmarer Handschrift. Stuttg. 1862, въ „Biblioth. des Literar. Vereins“). Въ пѣсняхъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ сборниковъ, по выраженію Гервинуса, „съ точностью отразилось своеобразное промежуточное положеніе поэзіи въ то время, когда она была вытѣснена изъ замковъ, но еще не вступила въ формальныя школы мейстерзингеровъ“.

Digitized by Google

изведеній, — нѣкоторыя изъ нихъ по крайней мѣрѣ во второй редакціи,—запечатлѣны чисто-реформаціоннымъ духомъ.

Что же касается болѣе ранней исторіи мейстерзингерства, то она еще не выяснена надлежащимъ образомъ.—Придворная поэзія или, иначе, поэзія миннезингеровъ, первоначально составлявшая нераздѣльное цѣлое съ народной нѣмецкой поэзіей (въ XII в. въ юго-восточной Германіи ея первые начатки возникаютъ именно изъ этой послѣдней), съ проникновеніемъ въ нее чуждаго содержанія и искусственныхъ формъ, занесенныхъ съ нижняго Рейна, какъ въ эпикѣ, такъ и въ лирикѣ постепенно начинаетъ все больше отличаться проявленіемъ личной воли или творчества поэта, въ ущербъ легендарной традиціи, преобладавшей въ народной поэзіи и нивеллировавшей поэтическія дарованія, пока наконецъ все болѣе возраставшая искусственность формы не вызвала полнаго отчужденія между придворною поэзіей съ одной стороны и народною съ другой. Во время преобладанія народной поэзіи не существовало ничего сколько-нибудь похожаго на школьное обученіе искусству, Каждый изъ народа, пользуясь общимъ поэтическимъ фондомъ, могъ быть вмѣстѣ сочинителемъ и исполнителемъ. Но въ періодѣ придворнаго миннезингерства дѣло должно было въ значительной степени измѣниться. За это говоритъ уже чрезвычайная утонченность искусственныхъ стихотворныхъ формъ, которую можно было усвоить не иначе какъ при помощи изученія. На это есть и прямыя указанія въ произведеніяхъ самихъ миннезингеровъ, сообщающихъ иногда, гдѣ и у кого они научились правиламъ стихотворства *), и кромѣ того тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ благородному сословію, въ то время вообще не отличавшемуся образованіемъ, нерѣдко не умѣли не только писать, но даже и читать, такъ что вполнѣ лишены были возможности усвоить путемъ чтенія чужихъ произведеній всѣ тонкости стихотворнаго искусства и, слѣдовательно, неизбѣжно должны были обучаться имъ у другихъ. Однакожъ и въ этомъ случаѣ нельзя, на основаніи имѣющихся данныхъ, утверждать о существованіи школьнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, отношенія между обучавшимся и обучавшимъ; единичныя указанія на нѣчто подобное относятся уже къ періоду упадка поэзіи миннезингеровъ. Въ пору ея процвѣтанія, напротивъ, самое слово «Meister» (впослѣдствіи получившее и значеніе «наставникъ») употреблялось лишь какъ почетный титулъ, опредѣлявшій извѣстную степень совершенства въ стихотворномъ искусствѣ. Впрочемъ, прямому обученію долженъ былъ мѣшать и строго соблюдавшійся обычай самаго ревностнаго охраненія каждымъ поэтомъ своего авторскаго права относительно разъ придуманной имъ

*) Ludw. Uhland, Walther von der Vogelweide, стр. 111.

Digitized by Google

той или другой стихотворной формы. Музыкальная сторона, правда, могла еще усвоиваться школьнымъ путемъ въ прямомъ смыслѣ слова, такъ какъ пѣніе и музыка входили въ программу воспитанія благородныхъ дѣтей какъ подъ кровомъ отеческаго зàмка, такъ и въ стѣнахъ монастырской школы, куда ихъ также иногда отдавали для получения образованія. Возможно также, что иной изъ благородныхъ рыцарей-миннезингеровъ бралъ уроки у какого-нибудь странствующаго пѣвца или поэта у себя въ родовомъ зàмкѣ или, наоборотъ, самъ обучалъ другихъ, располагая лишнимъ досугомъ или побуждаемый нуждою.

Нѣчто подобное было и у поэтовъ изъ средняго сословія въ первое время послѣ того, какъ поэзія изъ рыцарско-придворныхъ сферъ перешла въ города,— другими словами, отношеніе между лицомъ, обучавшимъ искусству, и его ученикомъ также оставалось вполнѣ свободнымъ и отличалось чисто личнымъ характеромъ. Только съ начала XIV вѣка замѣтны и то лишь слѣды отдѣльныхъ кружковъ, образовавшихся изъ горожанъ ради упражненія въ поэтическомъ искусствѣ и усвоенія его правилъ. Постепенно изъ этихъ кружковъ возникли особыя закрытыя общества, членами которыхъ были любители поэзіи и пѣнія, принадлежавшіе къ бюргерскому, преимущественно же къ ремесленному классу, и притомъ бóльшею частію не изъ одного какого-либо цеха, но изъ различныхъ. Съ теченіемъ времени и самыя общества пріобрѣли, слѣдуя складу и правиламъ разнаго рода тогдашнихъ цеховъ, болѣе прочныя формы, и превратились въ правильно организованныя такъ-называемыя «мейстерзингерскія школы» (Meistersingerschulen или Singschulen), съ строго выработанными статутами, въ которыхъ съ большою точностью опредѣлялись какъ способъ обученія искусству, такъ и отношенія между учениками и наставниками, съ указаніемъ правилъ обязательныхъ при сочиненіи новыхъ произведеній, а равно и для ихъ вокальнаго исполненія. Тутъ сказалось и вліяніе теоретическихъ правилъ стихотворства, соблюдавшихся въ прежнее время между придворными поэтами. Въ противуположность съ этими послѣдними, въ «школахъ мейстеровъ» прямое подражаніе стихотворнымъ формамъ, изобрѣтеннымъ кѣмъ-либо изъ признанныхъ мейстеровъ, не только не воспрещалось, но было, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени, даже строго обязательнымъ, вслѣдствіе чего самое занятіе поэзіей становилось чисто механическимъ и убивалось всякое индивидуальное творчество. Существованіе мейстерзингерскихъ школъ документально засвидѣтельствовано только для самаго конца XV в., но не ранѣе, такъ какъ лишь относительно страссбургской «табулатуры»—какъ назывались уставы этихъ «школъ»—мы имѣемъ, и то не вполнѣ достовѣрное, свѣдѣніе

Digitized by Google

отъ 1493 года. Какъ первоначальныя любительскія общества, такъ и образовавшіяся потомъ изъ нихъ школы мейстерзингеровъ появились прежде всего въ городахъ южной Германіи, особенно на Рейнѣ—въ Майнцѣ, Страсбургѣ, Кольмарѣ, Фрейбургѣ, откуда онѣ со временемъ распространились и по другимъ городамъ ея. Такія же школы были основаны въ Нюрнбергѣ, Аугсбургѣ, Ульмѣ и, наконецъ, проникли въ Австрію и даже въ Силезію и до самаго Данцига, хотя, вообще говоря, въ нижне-нѣмецкихъ городахъ мейстерзингерскихъ школъ не существовало, а попадались въ нихъ только отдѣльные мейстерзингеры, по всей вѣроятности ремесленники, обучившіеся стихотворству во время пребыванія на заработкахъ въ южной Германіи.

Одною изъ самыхъ раннихъ, если не первою по времени, между мейстерзингерскими школами въ собственномъ смыслѣ можетъ быть признана школа въ городѣ Майнцѣ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ половинѣ XV вѣка тамъ уже существовало подобнаго рода учрежденіе съ прочно установившеюся въ его средѣ традиціей, въ сильной степени тяготѣвшей надъ поэтической дѣятельностью членовъ школы, имена которыхъ, впрочемъ, не сохранились. Майнцъ вообще считается исходнымъ пунктомъ въ развитіи искусства мейстерзингеровъ, и легендарная лѣтопись майнцской школы начинается съ поэта Фрауенлоба, будто-бы положившаго основаніе мейстерзингерству въ сообществѣ съ одиннадцатью другими «мейстерами», анахронистически подобранными вокругъ его личности изъ разныхъ эпохъ *). Стихотворныя формы или «тоны» этихъ-то старинныхъ «мейстеровъ»-миннезенгеровъ (мы уже знаемъ, что въ примѣненіи къ послѣднимъ тотъ же эпитетъ имѣлъ совсѣмъ особое значеніе) и сдѣлались въ майнцской школѣ исключительно дозволенными для всѣхъ желавшихъ, въ кругу школы, слагать и исполнять въ пѣніи новыя произведенія. Въ числѣ невыгодныхъ результатовъ такой рутинной регламентаціи былъ и слѣдующій: между тѣмъ какъ имена дѣйствительныхъ авторовъ безслѣдно погибали, все больше накоплялось произведеній, которыя, будучи только изъ-за «тона» приписаны кому-либо изъ прежнихъ миннезенгеровъ блестящаго періода, впослѣдствіи только еще болѣе сбивали изслѣдователей и безъ того темной исторіи нѣмецкой лирики съ начала XIV до половины XV столѣтія. Но въ нѣкоторыхъ школахъ городовъ, сосѣднихъ съ Майнцемъ, это правило, повидимому, не соблю-

*) По преданію, первыя привилегіи были даны мейстерзингерамъ будто бы еще императоромъ Оттономъ I, причемъ разсказывалась цѣлая легенда, впрочемъ въ дошедшемъ до насъ видѣ, по мнѣнію Гервенуса (II, стр. 470), уже подвергшаяся реформаціонному вліянію; такъ же баснословенъ разсказъ о дарованіи школамъ вольной грамоты и герба императоромъ Карломъ IV.

Digitized by Google

даюсь со всею послѣдовательностью, такъ что тамъ появлялись стихотворенія въ новыхъ «тонахъ» и подъ собственнымъ именемъ ихъ авторовъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что приблизительно около 1480 года среди майнцскихъ мейстерзингеровъ вызвало большой скандалъ рѣзко противорѣчившее школьной традиціи стихотвореніе нѣкоего Нестлера изъ Шпейера, стихотвореніе, которому суждено было ознаменовать собой начало новаго фазиса въ исторіи городского мейстерзингерства. Противъ выраженнаго майнцскими консерваторами порицанія поэту-новатору выступилъ въ Вормсѣ молодой Гансъ Фольцъ, по своему ремеслу цирюльникъ, объявившій всей майнцской школѣ войну въ ѣдкомъ стихотвореніи, писанномъ также, лишь съ легкими измѣненіями, стихомъ Нестлера. Въ немъ онъ издѣвался надъ закорузлою неподвижностью школы, надъ слѣпымъ поклоненіемъ «старымъ мейстерамъ», знаніе тоновъ которыхъ было въ средѣ школы, по словамъ Фольца, на столько спутано, что ничего не стоило подсунуть совершенно новый напѣвъ, только окрестивъ его именемъ любого изъ боготворимыхъ школою «двѣнадцати». Подсмѣиваясь также надъ обычною замашкой мейстерзингеровъ-рутинеровъ браться въ своихъ механически, по заученному способу, слагаемыхъ произведеніяхъ за темы, далеко недоступныя имъ при незначительномъ ихъ образованіи, въ родѣ догмата о св. Троицѣ, Фольцъ смѣло провозгласилъ, что несравненно лучшимъ, чѣмъ всевозможные «старые мейстеры», учителемъ въ поэзіи можетъ служить природа съ ея четырьмя временами года, указывая такимъ образомъ новый путь мейстерзингерству. Но этой мысли не было суждено осуществиться, и самъ Фольцъ впослѣдствіи довольно много сочинялъ совершенно въ манерѣ старой школы мейстерзингеровъ. Тѣмъ не менѣе съ его переселеніемъ въ Нюрнбергъ, гдѣ въ то время съ такимъ самобытнымъ талантомъ занимался авторствомъ Розенблютъ, въ искусствѣ мейстерзингеровъ сказалась новая жизнь: тогда же въ Нюрнбергѣ была основана своя «школа мейстеровъ», основнымъ принципомъ которой было созданіе собственныхъ тоновъ и напѣвовъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, мейстерзингерская поэзія оживилась, хотя въ ея содержаніи, обусловленномъ всѣмъ даннымъ умственнымъ складомъ эпохи, рѣзкой перемѣны не могло и случиться, какъ бы ни стремились къ тому отдѣльные представители искусства. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого новаго, сложившагося впервые въ Нюрнбергѣ, направленія въ стихотворствѣ мейстеровъ и развивался уже упомянутый нами лучшій его представитель Гансъ Саксъ, съумѣвшій, благодаря своему выдающемуся поэтическому таланту и значительному умственному развитію, вне-

Digitized by Google

сти въ поэзію мейстерзингеровъ новые элементы, имѣвшіе на нее животворное вліяніе.

Со времени преобразованія мейстерзингерства, послѣдовавшаго въ нюрнбергской школѣ, которая съ тѣхъ поръ занимала среди этихъ школъ первое мѣсто какъ по количеству своихъ членовъ, такъ и по результатамъ ихъ поэтической дѣятельности, «табулатура» нюрнбергская также пріобрѣла особенную знаменитость, такъ что съ нея копировались и уставы прочихъ мейстерскихъ школъ. Въ табулатурѣ *), составляющей совокупность законовъ общества или школы, прежде всего говорилось о томъ, какъ слѣдуетъ заниматься, согласно съ правилами искусства, стихотворствомъ и пѣніемъ. Изъ нея мы узнаемъ также, что члены школы носили различныя званія, соотвѣтственно достигнутой ими степени совершенства въ своемъ искусствѣ: такъ «ученикомъ» звался новичекъ, еще не вполнѣ усвоившій самую табулатуру, впрочемъ весьма сложную по своему составу; тотъ, кто былъ уже твердъ въ ней, именовался «другомъ школы»; умѣвшему пѣть нѣкоторые изъ «тоновъ», изобрѣтенныхъ другими, принадлежало имя «пѣвца», тогда какъ сочинявшій пѣсни въ чужомъ тонѣ считался «поэтомъ», и только тотъ изъ членовъ школы, который самъ изобрѣлъ какой-либо дотолѣ неизвѣстный «тонъ», носилъ уже самый почетный титулъ «мейстера», причемъ наивысшая степень этого достоинства выражалась не менѣе какъ троекратнымъ повтореніемъ этого названія (Meister-meister-meister). Члены каждой школы, въ ихъ совокупности, именовались или просто «сотоварищами» (Gesellschafter), или же «любителями нѣмецкаго мейстерскаго пѣнія» (Liebhaber des deutschen Meistergesanges), но никогда сами они не называли себя претенціознымъ именемъ «мейстеровъ», употреблявшимся у нихъ лишь въ значеніи высшей степени отличія, доступной для сочленовъ школы. Но уже въ самомъ выраженіи «мейстерское пѣніе» — Meistergesang — сказывается, повидимому, ихъ собственный взглядъ на первоначально чуждое имъ, по ихъ общественному положенію, искусство какъ на своего рода «мастерство» или «науку», которыя могутъ быть усвоены только при помощи изученія, школы **). Для поступленія въ школу необходимо было сначала нѣсколько поучиться искусству и ознакомиться съ содержаніемъ табулатуры подъ руководствомъ одного изъ признанныхъ уже «мейстеровъ», и если кандидатъ все это время «велъ себя къ чести и пользѣ общества», то, по выдержаніи имъ надлежащаго испытанія, совершался съ опредѣленнымъ церемоніаломъ его пріемъ

*) Названіе взято изъ музыкальной терминологіи того времени.

**) Таково мнѣніе одного изъ изслѣдователей исторіи поэзіи мейстерзингеровъ — Титманна.

Digitized by Google

въ среду дѣйствительныхъ сочленовъ школы. Эти послѣдніе при торжественныхъ собраніяхъ общества обязаны были являться въ полномъ составѣ; собранія же такого рода предназначались главнымъ образомъ для состязаній сочленовъ въ занимавшемъ ихъ искусствѣ стихотворства и пѣнія. При такъ-называемомъ «вольномъ пѣніи» (Freisingen), когда дозволялось выбирать сюжетъ и изъ области свѣтскихъ событій, въ особенности отмѣченныхъ поучительнымъ характеромъ, не полагалось ни наградъ, ни такъ-называемыхъ «меркеровъ» (отъ «merken»—замѣчать)—своего рода учрежденіе присяжныхъ, въ составъ котораго входили главнѣйшіе члены школы (на нихъ же лежали и обязанности по завѣдыванію дѣлами общества, какъ-то: дѣлопроизводителя, казначея и т. п.); напротивъ, при «главномъ пѣніи» (Hauptsingen), всегда на темы обязательно заимствованныя изъ Библіи, «меркеры» были исключительными судьями, которымъ опредоставлялось опредѣлять, вполнѣ ли соблюдены состязавшимися въ искусствѣ всѣ многочисленныя правила табулатуры какъ при сочиненіи, такъ и при исполненіи новаго произведенія. При отрицательномъ сужденіи со стороны меркеровъ, на лицо, заслужившее его, налагались опредѣленные штрафы сообразно съ количествомъ ошибокъ, замѣченныхъ въ самонадѣянно представленномъ на судъ сотоварищей стихотвореніи; въ случаѣ же одобренія выдавались разнаго рода почетныя награды — серебряныя цѣпи, вѣнки изъ искусственныхъ цвѣтовъ и т. п. Меркеры же рѣшали и вопросъ о возведеніи въ званіе «мейстера», для полученія котораго непремѣннымъ условіемъ было, чтобъ въ новомъ «тонѣ», изобрѣтенномъ претендентомъ, какъ въ отношеніи къ самому тексту, такъ и къ подобранной къ нему мелодіи, количество слоговъ, уже являвшихся съ тѣмъ же характеромъ въ какомъ либо изъ ранѣе изобрѣтенныхъ «тоновъ», отнюдь не превышало четырехъ. Одобренному судьями новому «тону» давалось, въ присутствіи двухъ воспріемниковъ, опредѣленное «честное имя», и онъ на вѣчное воспоминаніе вносился въ особую книгу (Meisterbuch). Для обыкновенныхъ сходбищъ мейстерзингеры пользовались, вѣроятно, какимъ нибудь общественнымъ заломъ, напр., въ гостинницахъ; но ихъ торжественныя собранія всегда происходили въ церкви по окончаніи божественной службы и обыкновенно въ воскресные дни. — Тамъ, рядомъ съ проповѣднической каѳедрой, возвышалось особое мѣсто для соискателей награды, а впереди хоровъ устраивалась особая завѣшенная тканью загородка (Gemerk), гдѣ помѣщались меркеры. По окончаніи состязанія, вся компанія переходила изъ церкви въ такъ-называемый «цехъ»,—мѣсто, служившее для ихъ обычныхъ собраній, гдѣ отъ лица, получившаго при состязаніи награду, обыкновенно предлагалось угощеніе.

Digitized by Google

Извѣстно, что въ лирической поэзіи миннезенгеровъ, особенно въ періодъ ея высшаго процвѣтанія, преобладалъ, за малыми исключеніями, законъ тройственнаго раздѣленія строфъ, въ силу котораго каждая строфа состояла изъ двухъ, тожественныхъ между собою въ отношеніи размѣра и риѳмъ, такъ-называемыхъ «Stollen» (собственно перекладина, балка) и изъ «Abgesang'a», обыкновенно отличавшагося отъ двухъ первыхъ составныхъ частей строфы собственными размѣромъ и риѳмовкой. И хотя привилегіи, будто бы дарованныя мейстерзингерскимъ школамъ еще Оттономъ I и потомъ Карломъ IV и приводимыя мейстерзингерами въ доказательство ихъ преемственной связи съ двѣнадцатью знаменитѣйшими «мейстерами-миннезенгерами» въ поэтическомъ искусствѣ, должны быть признаны за чистую легенду, но извѣстное воздѣйствіе прежней придворной поэзіи на мейстерзингерскія школы осязательно выражается въ томъ обстоятельствѣ, что табулатура, вообще въ дѣлѣ поэтическаго творчества мейстерзингеровъ считающая за главное однѣ внѣшнія стихотворныя формы, въ свою очередь строжайше предписываетъ соблюденіе упомянутаго закона тройственности въ построеніи строфъ. Каждое мейстерзингерское произведеніе, какъ непремѣнно предназначавшееся для пѣнія, составляетъ исключительно пѣсню («Lied» или, иначе, «Bar»), состоящую изъ нѣсколькихъ строфъ или куплетовъ (обозначавшихся словомъ «Gesetz»), вышеозначенныя три части которыхъ должны были представлять одинаковую послѣдовательность въ расположеніи отдѣльныхъ стиховъ въ смыслѣ ихъ длины и риѳмы, причемъ допускалось, для бóльшаго разнообразія, впрочемъ столь же строго опредѣленное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ. Возникшее такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ строфахъ повторявшееся, цѣлое и носило названіе «тона», которымъ обозначалась, наравнѣ съ стихотворной формой, также и самая мелодія. Размѣръ стиховъ основывался исключительно на числѣ слоговъ безъ всякаго отношенія къ ихъ долготѣ или краткости; но обыкновенно число ихъ въ отдѣльныхъ стихахъ не превышало тринадцати, «такъ какъ невозможно пропѣть больше, не переводя духа». При такихъ условіяхъ автору приходилось не только отказываться отъ всякой свободы поэтическаго движенія, но и бороться съ множествомъ чисто формальныхъ трудностей, чтó неизбѣжно приводило къ допущенію разнаго рода неточностей въ языкѣ (неправильныхъ оборотовъ рѣчи, мѣстныхъ и произвольно, ради размѣра и риѳмы, сокращенныхъ либо удлинненныхъ словъ и т. п.), которыя съ чрезвычайной подробностью, подъ разными характерными именами, перечислялись въ табулатурѣ съ обозначеніемъ, какія изъ нихъ должны считаться ошибками позволительными и какія — заслуживающими штрафа.

Digitized by Google

Табулатура заключала въ себѣ также и правила вокальнаго исполненія стихотвореній, причемъ допускалось лишь одно пѣніе безъ всякаго аккомпанимента и предписывалось проведеніе данной мелодіи чрезъ всѣ строфы безъ какихъ-либо прикрасъ или такъ-называемой колоратуры («Blumen»). Въ болѣе позднемъ періодѣ мейстерзингерства въ одномъ Нюрнбергѣ было въ употребленіи до 222 различныхъ «тоновъ», изъ которыхъ многіе отличались такою запутанностью, что въ строфѣ насчитывалось не менѣе 97 и даже до 122 риѳмъ *). Очевидно, что тутъ уже отъ искусства оставалась одна искусственность.

Что касается до содержанія мейстерзингерскихъ произведеній, то на нашъ взглядъ не можетъ не показаться страннымъ, что не смотря на ихъ существенно лирическій характеръ, сюжеты ихъ были сплошь и рядомъ чисто-эпическіе и даже въ назидательно-дидактическомъ родѣ. Притомъ здѣсь надо отличать два фазиса—прежде Реформаціи и затѣмъ со времени возникновенія этого религіознаго движенія въ Германіи. Въ первомъ изъ этихъ двухъ періодовъ въ мейстерзингерскихъ школахъ Библія, при всей уже и тогда признававшейся авторитетности ея содержанія, однакожъ еще уступала мѣсто, въ качествѣ литературнаго источника у поэтовъ-ремесленниковъ, произведеніямъ изъ области духовной мистики и догматическо-схоластической учености, причемъ съ особенной любовью излагались мѣрною рѣчью наиболѣе головоломные вопросы и пункты христіанскаго вѣроученія. При низменномъ уровнѣ образованія самихъ мейстерзингеровъ, сводившагося въ огромномъ большинствѣ случаевъ на грамотность, соединенную съ болѣе или менѣе обширною, но во всякомъ случаѣ дурно переваренною начитанностью, подобнаго рода поэтическія произведенія должны были отличаться почти невѣроятнымъ безвкусіемъ и безжизненностью. И однакожъ такое исключительное увлеченіе мнимой поэзіей подобнаго рода вполнѣ объясняется не только исторически возникшею, крайнею огрубѣлостью эстетическаго вкуса въ тогдашнемъ поколѣніи, но главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ первыя десятилѣтія по открытіи типографскаго искусства печатный станокъ наводнилъ книжный рынокъ просто невѣроятною массой всевозможнаго литературнаго хлама съ мистико-назидательнымъ содержаніемъ. Это могло случиться тѣмъ легче, что производительныя силы на литературномъ поприщѣ все-таки еще составляли тогда принадлежность необыкновенно чуткаго къ своимъ интересамъ духовенства и, въ особенности, монашества. Усилившаяся, съ введеніемъ книгопечата-

*) Joh. Chr. Wagenseil, Buch von der Meistersinger holdseligen Kunst Anfang etc. (1697)—одинъ изъ главныхъ источниковъ относительно мейстерзингерства въ XVII вѣкѣ, когда уже наступило, впрочемъ, время его упадка.

Digitized by Google

нія, и въ среднихъ классахъ страсть къ чтенію заставляла тѣмъ съ большею жадностью поглощать предлагаемую умственную пищу, чѣмъ обильнѣе появлялась послѣдняя, между тѣмъ какъ полная невозможность, за отсутствіемъ солидной школьной подготовки, отнестись къ ней критически способствовала самому слѣпому усвоенію ея, такъ что она превращалась въ плоть и кровь тогдашняго грамотнаго человѣка *). Но за-то и реакція совершилась весьма рѣзко: едва лютеранское ученіе успѣло привлечь на свою сторону огромную долю нѣмецкаго городскаго населенія, какъ и мейстерзингеры, эти представители его умственно-эстетическихъ потребностей, сразу отказались отъ тяготѣвшаго надъ ихъ фантазіей и мыслью мистическо-схоластическаго тумана и обратились исключительно къ Библіи и къ чисто-христіанской морали, какъ своимъ преимущественнымъ источникамъ. И въ этомъ-то второмъ періодѣ исторіи мейстерзингерства за Библіей было признано, можно сказать, исключительное значеніе не только по отношенію къ содержанію произведеній мейстерзингеровъ, въ которомъ пуще всего теперь избѣгались «ложныя мнѣнія», главнымъ образомъ въ смыслѣ столь ненавистнаго тогда протестантамъ папизма, но и относительно самаго языка, для исправленія котораго при состязаніяхъ прежде всего справлялись съ Библіей по переводу Лютера. Впрочемъ, и въ томъ, и въ другомъ періодѣ, на ряду съ библейскими сюжетами, пользовавшимися особеннымъ предпочтеніемъ, мейстерзингеры допускали для своихъ стихотворныхъ упражненій и сюжеты изъ свѣтской исторіи, лишь бы они отличались серьёзнымъ и вполнѣ приличнымъ характеромъ, хотя, какъ уже было выше замѣчено, при главныхъ состязаніяхъ въ школѣ единственно дозволенными были темы, почерпнутыя изъ Библіи. Правда, въ сборникахъ произведеній мейстерзингеровъ (въ одномъ Берлинѣ хранится до 22 такихъ сборниковъ, и то только отъ XVI столѣтія) заключаются также и такія стихотворенія, содержаніе которыхъ отличается иногда вполнѣ анекдотическимъ и даже шутливымъ характеромъ, а равно и нѣкоторыя изъ Эзоповыхъ басень встрѣчаются въ нихъ пересказанными въ томъ или иномъ, болѣе или менѣе мудреномъ «тонѣ»; но этого рода произведенія, по всей вѣроятности, не допускались къ публичному исполненію въ собраніяхъ данной школы, а составляли плодъ, такъ сказать, приватнаго вдохновенія ея сочленовъ. Такъ или иначе, эти свѣтскаго характера стихотворенія сочинялись безъ всякаго вниманія къ тому, на сколько сюжетъ годился для лирической оболочки и безъ малѣйшаго чутья къ дѣйствительно поэтическимъ его сторонамъ, которыя сплошь и рядомъ приносились въ жертву формальнымъ требованіямъ табулатуры и

*) Gervinus, тамъ же, II, p. 456—64.

Digitized by Google

педантизму протестантской морали. Вообще, въ поэтическомъ отношеніи пѣсни мейстерзингеровъ представляютъ собою самый крайній упадокъ стариннаго нѣмецкаго поэтическаго искусства.

Но было бы несправедливо относиться къ результатамъ литературной дѣятельности мейстерзингеровъ исключительно съ точки зрѣнія поэзіи: мейстерскія общества были въ тоже время и школами пѣнія; музыкальная сторона столь усердно разработываемаго ими «благолѣпнаго искусства» (holdselege Kunst) представлялась имъ, вѣроятно, даже болѣе существенною, чѣмъ сторона поэтическая, и ею-то преимущественно обусловливался самый характеръ множества исполнявшихся въ мейстерзингерскихъ кружкахъ пѣсень, въ которыхъ мелодія играла главную роль, тогда какъ текстъ имѣлъ значеніе вполнѣ второстепенное. Хотя о самомъ искусствѣ пѣнія мейстерзингеровъ намъ почти ничего неизвѣстно, но при несомнѣнной его выработанности въ формальномъ отношеніи, доказываемой чрезвычайно искусственнымъ складомъ предназначавшихся для пѣнія піесъ, можно признать съ Гервинусомъ *), что въ школахъ мейстерзингеровъ лежали первые начатки позднѣйшей, постепенно развившейся у западныхъ народовъ музыки съ ея столь сложными формами, какъ ораторія и опера. Привычка же воспроизводить библейскій разсказъ въ распѣваемыхъ мейстерзингерами стихотвореніяхъ воспитывала въ народѣ, еще до Реформаціи, страсть къ церковной пѣснѣ, какъ извѣстно, составлявшей, равно какъ и ея исполненіе всѣми присутствующими при богослуженіи, одну изъ характернѣйшихъ особенностей протестантства. Эта литературно-художественная дѣятельность мейстерзингеровъ, поддерживая въ среднемъ классѣ нѣмецкаго городского населенія XIV и XV в. живой интересъ къ искусству и къ религіозной мысли, было однимъ изъ важнѣйшихъ условій, подготовившихъ прочную почву для Реформаціи. Безъ этой почвы послѣдняя никогда не утвердилась бы въ такой степени, еслибъ ей пришлось опираться только на нѣкоторыхъ представителей отжившаго свой вѣкъ средневѣкового аристократизма, да на немногихъ людей науки, бывшихъ въ то время въ Германіи выразителями итальянскаго Возрожденія.

Въ не менѣе тѣсной связи съ ходомъ реформаціоннаго движенія является мейстерзингерство въ смыслѣ общественнаго учрежденія. Обязательства, даваемыя сочленами мейстерскихъ школъ, регулировали ихъ поведеніе не только въ стѣнахъ этихъ послѣднихъ, но и въ ихъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ какъ первоначальные мейстерзингеры, въ родѣ Бехейма, Розенблюта и др., еще пользовались своимъ искусствомъ какъ источникомъ для

*) Тамъ-же, II, p. 467.

Digitized by Google

добыванія средствъ къ жизни, переходя изъ одного дворянскаго зàмка въ другой, съ конца XV в. каждый мейстерзингеръ обязанъ былъ заниматься какимъ-нибудь опредѣленнымъ ремесломъ и не безславить поэзіи корыстными разсчетами: поэтическое искусство внушало не одному изъ нихъ любовь, граничившую съ благоговѣніемъ, такъ что съ этихъ поръ ихъ поэтическо-музыкальныя упражненія предназначались единственно «для поддержанія среди людей славы и страха Божія, для содѣйствія честному христіанскому образу жизни и для согласнаго съ требованіями нравственности отдыха и увеселенія». Поэтому мейстерзингеры давали торжественное обѣщаніе «не оглашать никакихъ созданныхъ въ ихъ средѣ пѣсень или мелодій на улицѣ или на частныхъ празднествахъ и пирушкахъ», отъ которыхъ они къ тому-же отвлекались своими воскресными упражненіями въ школѣ, и если имъ позволялось исполнять признанныя уже «мейстерами» произведенія и на сторонѣ, то лишь въ знакъ особаго вниманія къ какому нибудь иностранцу и притомъ единственно во славу искусства. Полное единодушіе въ горѣ и въ радости также составляло высшее правило въ отношеніяхъ мейстерзингеровъ другъ къ другу и къ ихъ различнымъ школамъ. Ясно, что все это должно было вести въ средѣ городского ремесленнаго класса къ чрезвычайному подъему чувствъ самоуваженія и солидарности, которыя такъ поражаютъ въ сторонникахъ протестантства во время ихъ настойчивой борьбы съ своими государственными и церковными противниками. И, конечно, только благодаря этимъ цѣльнымъ нравственнымъ началамъ, залегшимъ въ основу самаго учрежденія мейстерзингерства, оно сохранило свою необыкновенную живучесть, давшую ему возможность, не смотря на всякаго рода перевороты въ историческихъ судьбахъ Германіи, просуществовать цѣлые вѣка. Въ Нюрнбергѣ «мейстерзингерская школа» окончательно закрылась только въ 1770 г.; въ Ульмѣ же еще въ 1830 г. насчитывалось до двѣнадцати мейстерзингеровъ, а девять лѣтъ спустя четверо изъ нихъ, остававшіеся еще въ живыхъ, передали мѣстному пѣвческому обществу на вѣчное храненіе табулатуру, знамя и прочія принадлежности послѣдней изъ нѣмецкихъ «школъ мейстерзингеровъ» *).

Какъ вообще забота объ умственномъ образованіи къ концу

*) О мейстерзингерахъ и ихъ искусствѣ см., кромѣ Гервинуса, II, стр. 448—74, введеніе, написанное Gödeke къ 1-му тому „Dichtungen von Hans Sachs", стр. XIX — XXIII (изд. Brockhaus'a, 1870), и въ „Liederbuch aus dem sechzehnten Jahrhundert", изд. Gödeke и Tittmann'a (Brockhaus 1867), стр. IX—X и 319—24. Монографія-же *Якова Гримма* „Ueber d. deutshen Meistegesang" (1811) во многихъ отношеніяхъ вполнѣ устарѣла.

Digitized by Google

среднихъ вѣковъ перешла изъ рукъ духовенства и рыцарскаго сословія къ городамъ, такъ въ особенности литература, вслѣдствіе участія въ ней лицъ изъ городского сословія или, по крайней мѣрѣ, ея проникновенія интересами этого послѣдняго, постепенно пріобрѣла національный характеръ въ небывалой дотолѣ степени. Послѣднее относится въ особенности къ Германіи и родственнымъ съ нею странамъ, напр., къ Нидерландамъ. Наиболѣе наглядно выразилось это явленіе въ исторіографіи (отчасти въ законодательныхъ памятникахъ и грамотахъ), такъ какъ исключительно употреблявшаяся въ ней прежде латынь была совершенно вытѣснена народнымъ языкомъ, который въ этой отрасли литературы только теперь нашелъ себѣ примѣненіе для общепонятнаго народу изложенія въ прозѣ, обязанной своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ преимущественно этой бюргерской исторіографіи. Главнѣйшимъ произведеніемъ послѣдней въ то время были городскія хроники *). Если онѣ и не писались исключительно горожанами въ собственномъ смыслѣ слова, то во всякомъ случаѣ ихъ авторами были лица изъ мѣстнаго городского населенія, какъ, напр., тѣ монахи и священники, которые, подобно страссбургскому священнику Фричше Клозенеру или францисканцу Леземейстеру любекскому, писали на нѣмецкомъ языкѣ «для мірянъ», т.-е. своихъ согражданъ изъ средняго сословія. Впрочемъ, въ числѣ авторовъ городскихъ хроникъ нерѣдко встрѣчаются и настоящіе горожане разнаго званія—патриціи и городскіе чиновники, купцы и ремесленники, ученые и люди необразованные. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ отношеніе хрониста къ излагаемымъ событіямъ обыкновенно показываетъ его болѣе или менѣе полную солидарность съ воззрѣніями городского сословія и искреннюю симпатію къ интересамъ послѣдняго.

Исторіографіи на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ предшествовала нѣмецкая риѳмованная хроника (такая же послѣдовательность наблюдается и въ большинствѣ другихъ странъ западной Европы), которая по содержанію и по формѣ еще тѣсно примыкала къ рыцарской поэзіи. Затѣмъ въ XIII в. является нижне-саксонская «всемірная» хроника въ прозѣ и, наконецъ, въ XIV столѣтіи, къ которому относится начало процвѣтанія нѣмецкихъ городовъ, пишутся областныя и городскія хроники, представляющія двоякій интересъ — какъ источникъ для исторіи, преимущественно мѣстной, и

*) Уже въ раннемъ періодѣ среднихъ вѣковъ, встрѣчающіяся одинаково во Франціи и въ Германіи попытки пользоваться прозаической народной рѣчью для „церковной проповѣди“ не могли обезпечить этой рѣчи прочнаго органическаго развитія, какъ по самому существу названнаго рода литературныхъ произведеній, такъ и по исключительности занимаемаго имъ мѣста вообще во всѣхъ національныхъ литературахъ.

Digitized by Google

какъ памятникъ развитія нѣмецкаго языка. Въ первомъ отношеніи въ прежнее время имъ придавали слишкомъ много вѣры; теперь, наоборотъ, склоны довѣрять имъ слишкомъ мало. Дѣло критики опредѣлить степень ихъ достовѣрности на основаніи того, въ какой мѣрѣ ихъ составителямъ были доступны оффиціальные документы и сами они участвовали въ дѣлахъ городского управленія. Если же хроника составляетъ только пересказъ событій частнымъ, иногда вовсе неподготовленнымъ къ дѣлу лицомъ и притомъ пересказъ со слуховъ, то критика производитъ провѣрку, сопоставляя хронику съ другими матеріалами, которыми чрезвычайно богаты города западной Европы, не смотря на всѣ пережитыя ими потрясенія. Но хроники имѣютъ еще и другое весьма важное значеніе: онѣ отражаютъ въ себѣ, и притомъ безъискусственно и безъ задней мысли, духъ времени, воззрѣнія и чувства современниковъ автора, доставляя историку черты и краски, которыхъ онъ тщетно искалъ бы въ оффиціальныхъ памятникахъ, такъ что хроники сами составляютъ незамѣнимый источникъ для исторіи нравовъ и культуры *).

Чтобы познакомить читателя съ этими первыми началами европейской національной исторіографіи, мы приводимъ ниже, въ извлеченіи, отрывокъ, принадлежащій одному изъ авторовъ« Страсбургской Хроники» и по своей наглядности и обстоятельности признаваемый въ извѣстномъ смыслѣ классическимъ,—описаніе того чрезвычайно своеобразнаго явленія народной средневѣковой жизни, которое извѣстно подъ названіемъ секты «бичующихся» (флагеллантовъ, Geissler) **). и заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что оно отнюдь не было мѣстнымъ, а повторилось почти во всѣхъ странахъ западной Европы, представляя собою весьма наглядный примѣръ религіозно-мистическаго фанатизма, не разъ въ породолженіе среднихъ вѣковъ охватывавшаго тогдашнихъ людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставившаго слѣды на всей западной средневѣковой культурѣ ***).

---

*) Нѣмецкія городскія хроники издаются K. Hegel'емъ подъ общимъ заглавіемъ: Die Chroniken der deutschen Städte vom XIV bis ins XVI Jahrhundert. Съ 1862 по 1880 г. вышло 16 томовъ (Leipzig. Hirzel). Хроники распредѣлены ученымъ издателемъ соотвѣтственно племеннымъ группамъ, на которыя распадалось тогдашнее населеніе Германіи (франки, баварцы, швабы и пр.). Въ каждой группѣ, хроники имперскихъ городовъ занимаютъ первое мѣсто. Въ приложеніяхъ—планы городовъ, статьи о мѣстной исторіографіи, о городскомъ устройствѣ, о цѣнахъ, мѣрахъ и т. п.

**) Förstemann, Die christlichen Geisslergesellschaften. Кромѣ того литература указана въ статьѣ Zacher'a въ Ersch und Gruber's Encyclopädie.

***) Сюда принадлежитъ, напр., знаменитая „Danse-macabre" (Пляска мертвецовъ)—одинъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ искусства на Западѣ въ XIV—XV вв. Новѣйшая литература указана въ статьѣ E. Muntz'a въ „Revue critique", 1879 г., № 2, p. 35—43. Ср. Michelet. Hist. de Erance, t. III, p. 342, и t. IV, p. 405 (édition 1852).

Digitized by Google

«Страсбургская Хроника» *) особенно замѣчательна какъ одна изъ первыхъ попытокъ разсказать на нѣмецкомъ языкѣ мѣстную исторію города въ связи съ общей исторіей Германіи. Кромѣ того, она принадлежитъ вообще къ числу наиболѣе раннихъ нѣмецкихъ хроникъ (окончена въ 1362 г.). По ней мы можемъ вкратцѣ прослѣдить, какимъ образомъ возникали вообще подобнаго рода памятники мѣстной исторіографіи на народномъ языкѣ. Извѣстно, что анналистическія записи велись обыкновенно духовенствомъ и по-латини, какъ въ монастыряхъ, такъ и при главныхъ церквахъ болѣе населенныхъ городовъ, уже съ очень ранняго періода среднихъ вѣковъ. Такъ и въ Страсбургѣ началомъ мѣстной исторіографіи является такъ-называемый «Каталогъ епископовъ», приписываемый, впрочемъ не вполнѣ справедливо, епископу Эрхембальду (965—99 г.); далѣе слѣдуютъ по-латыни же писанные «страсбургскіе анналы» (обнимающіе періодъ, съ 633 по 1207 г.), краткія свѣдѣнія о событіяхъ, главнымъ образомъ касающихся Страсбурга, но также и вообще Эльзаса и всей имперіи, — составленныя, вѣроятно, въ началѣ XIII вѣка. Подобнаго рода разрозненный историческій матеріалъ продолжалъ накопляться и далѣе до самаго конца XIII в., когда одинъ изъ страсбургскихъ гражданъ, по имени Элленгардъ, движимый патріотическимъ чувствомъ, позаботился соединить его въ одно цѣлое и создать такимъ образомъ прочный памятникъ прошлому родного города. Этотъ-то латинскій «Элленгардовъ кодексъ» и послужилъ преимущественнымъ источникомъ для перваго автора нѣмецкой страсбургской городской хроники, Фридриха Клозенера (Fritsche Closener), который началъ свой трудъ съ того, что по предложенію знатнаго горожанина, Іоганна Твингера, перевелъ изъ помянутаго сборника, для удовлетворенія любознательности читателей изъ мірянъ, эпизодъ о спорѣ еп. Вальтера фонъ-Герольдсека съ городомъ Страсбургомъ. Къ этому отрывку онъ постепенно дѣлалъ добавленія, заимствуя ихъ отчасти изъ той же Элленгардовой коллекціи, отчасти изъ весьма популярной въ то время «Исторіи папъ и императоровъ» Мартина Полонуса изъ Троппау, и довелъ повѣствованіе о послѣднихъ (до нѣмецкихъ императоровъ идетъ собственно почти одинъ именной перечень императоровъ, начиная съ Августа) вплоть до своего времени, т.-е. до коронованія Карла IV (1355 г.) Кромѣ указанныхъ источниковъ, Клозенеръ для современной исторіи пользовался также саксонской хроникой Эйке изъ Репгова, а отъ себя присоединилъ только немногое въ концѣ. За исторіей императоровъ въ хроникѣ слѣдуетъ исторія Страсбурга, начиная съ епископовъ, перечень которыхъ останавливается у него на имени

*) Занимаетъ 8-й и 9-й томы указаннаго изданія К. Гегеля.

Digitized by Google

еп. Іоганна фонъ-Лихтенберга (съ 1353 г.); остальной матеріалъ авторъ расположилъ по отдѣльнымъ статьямъ, соблюдая въ каждой хронологическую послѣдовательность, — какъ-то: пожары, походы, преслѣдованія евреевъ, о «бичующихся», городскія смуты (Geschelle), церковныя дѣла, городскія постройки, землетрясенія и т. д. Благодаря этому послѣднему отдѣлу, въ которомъ Клозенеръ во многихъ случаяхъ присоединяетъ къ болѣе старымъ свидѣтельствамъ данныя, пріобрѣтенныя имъ въ качествѣ современника и очевидца событій, его хроника, не смотря на ея довольно первобытный характеръ въ литературномъ смыслѣ, имѣетъ большую цѣну въ нашихъ глазахъ. Но въ самомъ планѣ Клозенерова произведенія не замѣтно особеннаго стремленія автора обработать имѣвшійся у него подъ руками матеріалъ. Свѣдѣнія о личности самого хрониста чрезвычайно скудны. Извѣстно только, что онъ принадлежалъ къ одному изъ пользовавшихся почетомъ страсбургскихъ родовъ и жизнь свою провелъ въ званіи священника при соборномъ храмѣ. Умеръ онъ, вѣроятно, немного позже 1384 г., такъ что прожилъ еще слишкомъ двадцатилѣтіе послѣ того, какъ исполнилъ свой лѣтописный трудъ, оконченный имъ въ 1362 г.

Хотя критика и составляла слабую сторону Клозенера (какъ и вообще всѣхъ средневѣковыхъ авторовъ), однакожъ онъ отнюдь не слѣдуетъ слѣпо за своими источниками. Такъ, напр., когда въ послѣднихъ изложеніе отзывалось явнымъ пристрастіемъ къ Габсбургамъ, въ его время уже не пользовавшимся симпатіями страсбургскаго населенія, Клозенеръ умѣетъ во-время остановиться и воспользоваться болѣе соотвѣтствующими его чувству пособіями. Другую его особенность составляетъ склонность къ простому, ясному изложенію: онъ то сокращаетъ текстъ, которымъ пользуется, то смягчаетъ или и вовсе опускаетъ попадающіяся въ немъ стилистическія прикрасы въ классическомъ или библейскомъ вкусѣ. Эта трезвость мысли и безъискусственность изложенія производятъ особенно благотворное впечатлѣніе, когда авторъ повѣствуетъ о внутренней исторіи города, внушая читателю тѣмъ большее довѣріе къ правдивости разсказа, чѣмъ менѣе напыщенности замѣчается въ его тонѣ. Говоря о господствѣ дворянской партіи въ родномъ городѣ и о смутахъ, вызванныхъ ея притѣсненіями противъ горожанъ, Клозенеръ сохраняетъ замѣчательное безпристрастіе, хотя по всему видно, что самъ онъ стоялъ вполнѣ на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Послѣднее обстоятельство доказываетъ, что авторъ хотя и былъ духовнымъ лицомъ, какъ писавшіе по-латыни монахи-хронисты болѣе ранняго періода, но уже чувствовалъ себя сочленомъ городской общины, и благодаря этому-то гражданскому чувству можно безошибочно сказать, что онъ былъ изъ числа писателей, постепен-

Digitized by Google

но созидавшихъ, въ XIV—XV вѣкахъ, литературу новаго періода европейской исторіи, въ которомъ главнымъ носителемъ культурныхъ идей явилось городское или среднее сословіе. Тоже самое можно замѣтить и относительно продолжателя Клозенера, отчасти переработавшаго его текстъ, Якова Твингера изъ Кенигсгофена (1346—1420 г.), который, будучи священникомъ, написалъ, начатую имъ еще при жизни его предшественника, хронику «О папахъ, короляхъ и многихъ иныхъ предметахъ». По его собственному объясненію, «свою хронику онъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ потому, что еще мало существуетъ нѣмецкихъ книгъ для тѣхъ разсудительныхъ мірянъ, которые читаютъ о подобныхъ вещахъ не менѣе охотно, чѣмъ и ученые священники». Отъ Клозенеровой хроника Кенигсгофена—какъ принято вкратцѣ обозначать ее—отличается тѣмъ, что, начинаясь сотвореніемъ міра, она представляетъ собою всемірную лѣтопись (такой до тѣхъ поръ въ верхней Германіи еще не было писано нѣмецкою прозой), хотя областная и городская исторія Эльзаса и Страсбурга и составляютъ ея главное содержаніе; кромѣ того, она писана, соотвѣтственно тогдашнему вкусу, въ болѣе риторически-поучительномъ духѣ: самъ авторъ ея обладалъ значительною ученостью. Эта хроника важна еще и тѣмъ, что оказала весьма большое вліяніе на нѣмецкую исторіографію XV в., какъ въ Эльзасѣ, такъ и вообще въ южной Германіи.

Великое странничество бичующихся *). Въ лѣто отъ Р. Хр. 1349, черезъ четырнадцать сутокъ по равноденствіи или около того, прибыли въ Страсбургъ до 200 бичующихся, поведеніе которыхъ было таково, какъ я его здѣсь частью описываю.

Во-первыхъ, у нихъ были драгоцѣнныя хоругви изъ рытаго бархата и самые лучшіе балдахины, и было ихъ можетъ быть, 10 или 8, или 6, и, можетъ быть, столько же разныхъ витыхъ свѣчей. Ихъ несли они впереди, когда вступали въ города или въ села, а имъ на-встрѣчу звонили во всѣ колокола, и сами они слѣдовали за хоругвями по-парно, и на всѣхъ нихъ были плащи и шапки съ красными крестами, и двое или четверо изъ нихъ запѣвали гимнъ, а прочіе вторили имъ. Гимнъ былъ слѣдующій:

Вотъ совершается богомольное странствіе,
Самъ Христосъ грядетъ въ Іерусалимъ,
Въ рукѣ своей Онъ держитъ крестъ.
Спаситель, помилуй насъ! и. т. д.

Войдя въ церковь, они становились на колѣни и пѣли:

Христу было дано испить желчи,
Припадемъ же къ его Кресту!

*) K. Hegel, t. VIII, p. 105—20. (Въ переводѣ по возможности переданы особенности Клозенерова стиля, характеризующія сравнительно еще не высокое развитіе тогдашней прозы: отсутствіе сложныхъ періодовъ; обороты, отличающіеся анаколютическимъ характеромъ и т. п.):

Digitized by Google

и при этихъ словахъ съ шумомъ ложились крестообразно на полъ. Давъ имъ пролежать такимъ образомъ нѣкоторое время, ихъ запѣвало начиналъ пѣть:

Теперь воздѣньте ваши руки,
Дабы Богъ отвратилъ нынѣшнюю великую смертность!

Тогда они всѣ вставали. И такъ они дѣлали до трехъ разъ. Когда они поднимались въ третій разъ, люди приглашали братчиковъ: одинъ звалъ къ себѣ 20, другой 12, или каждый по своимъ средствамъ, и уводили ихъ къ себѣ домой и щедро дѣлились съ ними.

И вотъ какія у нихъ были правила. Тотъ, кто хотѣлъ вступить въ братство и участвовать въ покаяніи, долженъ былъ имѣть столько денегъ, чтобъ ему на каждый день приходилось по 4 пфеннига все время, пока онъ будетъ на покаяніи: это составляло 11 шиллинговъ и 4 пфеннига. Поэтому-то они не должны были ни у кого ничего просить или требовать, ни заходить въ дома, когда въ первый разъ приходили въ городъ или въ деревню, а ждать, чтобъ ихъ пригласили и увели къ себѣ безъ всякихъ ихъ просьбъ; потомъ уже они имѣли право посѣщать дома, пока оставались въ городѣ.

Имъ не позволялось вступать въ разговоры съ женщинами. А кто изъ нихъ нарушалъ это и заговаривалъ съ женщиной, тотъ долженъ былъ на колѣняхъ исповѣдываться въ томъ передъ старшиной *), который налагалъ на него кару и, ударивъ его плетью по спинѣ, произносилъ:

Возстань, очищенный честною мукой,
И остерегайся впасть въ грѣховное море.

У нихъ также существовало правило, что въ числѣ ихъ могли быть и священники но только ни одинъ изъ нихъ не могъ сдѣлаться старшиной ихъ, ни бывать на ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ.

Собираясь совершить покаяніе, что у нихъ называлось «бичеваніемъ» и происходило по крайней мѣрѣ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, они для этого отправлялись въ поле, причемъ шелъ колокольный звонъ, и, собравшись, шли попарно, распѣвая свой гимнъ, какъ было сказано выше. И прійдя на мѣсто бичеванія, они обнажались сверху до исподниковъ и надѣвали на себя саваны или иныя бѣлыя покрывала, доходившія отъ пояса до ступни ногъ, и когда имъ предстояло начать каяться, то они ложились, образуя широкій кругъ, и каждый въ чемъ либо согрѣшившій ложился особеннымъ образомъ: если кто изъ нихъ былъ клятвопреступный злодѣй, то ложился на бокъ, выставляя три пальца надъ своей головой; если же онъ былъ прелюбодѣй, то ложился внизъ животомъ. Такъ они укладывались на разные лады сообразно съ разнаго рода содѣянными, каждымъ изъ нихъ, прегрѣшеніями. При этомъ легко распознавали, какіе грѣхи были совершены каждымъ изъ нихъ. Когда же всѣ такимъ образомъ улягутся, старшина, начиная съ любого изъ нихъ, шагаетъ черезъ него и, дотронувшись до него своею плетью, приговариваетъ: «Возстань, очищенный» и т. д. И такъ онъ шагаетъ черезъ всѣхъ, и черезъ кого онъ перешагнетъ, тотъ, вставши, вслѣдъ за старшиной шагаетъ черезъ лежащаго передъ нимъ. Когда же они оба перешагнутъ черезъ третьяго, то этотъ встаетъ въ свою очередь и съ ними шагаетъ черезъ четвертаго, а четвертый черезъ пятаго, что передъ нимъ. Они также повторяютъ за старшиной его слова и дѣйствіе плетью, пока всѣ они, наконецъ, не встанутъ, перешагнувъ одинъ черезъ другого.

*) Такъ можно назвать лицъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ партій бичующихся паломниковъ и обозначаемыхъ въ хроникахъ и латинскихъ анналахъ того времени словами: „Meister“, „Magister“.

Digitized by Google

И когда они, такимъ образомъ, встанутъ опять всѣ въ кругъ, то нѣкоторые изъ нихъ, считающіеся лучшими пѣвцами, принимаются пѣть гимнъ. Имъ вторитъ вся братія, подобно тому, какъ поется при пляскѣ. Между тѣмъ, братчики обходятъ кругъ и бичуются ременными плетьми, снабженными на концѣ узлами, въ которые воткнуты иглы, и бьютъ ими себя по спинѣ, такъ что у иного при этомъ истекаетъ много крови. Вотъ «Leiss» или «Leich», который они поютъ:

Пусть приблизятся теперь желающіе покаяться,
Чтобъ избѣгнуть намъ палящаго ада и т. д.

Затѣмъ они становятся на колѣна и, крестообразно простерши руки, поютъ: «Христу было дано испить желчи» и проч.. Потомъ, распростершись крестообразно по землѣ, всѣ они лежатъ нѣкоторое время, пока пѣвцы снова не начнутъ пѣнія. (Описываются ихъ молитвенные пріемы, состоящіе въ бичеваніи, колѣнопреклоненіи, земныхъ поклонахъ и пѣніи разныхъ гимновъ). Этимъ оканчивалось бичеваніе. Тогда они ложились на землю, какъ и въ самомъ началѣ, и, шагая другъ черезъ друга, приглашали одинъ другого подняться, какъ и сначала, а затѣмъ они устанавливались въ кругъ и одѣвались. Въ то время, когда они раздѣвались и одѣвались, сошедшіеся къ кругу благочестивые люди обращались къ прочимъ присутствующимъ близь круга съ просьбою пожертвовать братіи на свѣчи и на хоругви. Это доставляло имъ не мало денегъ.

Когда же они все это исполнятъ и снова одѣнутся, одинъ изъ нихъ, принадлежащій къ числу мірянъ и умѣющій читать, всходитъ на подмостки и прочитываетъ рукопись слѣдующаго содержанія:

Проповѣдь бичующихся *). Сіе есть посланіе Господа нашего Іисуса Христа, нисшедшее съ небесъ на алтарь св. апостола Петра въ Іерусалимѣ, писанное на мраморной доскѣ, отъ которой исходилъ свѣтъ, подобный молніи. И воздѣлъ вверхъ доску ангелъ божій, и когда весь народъ узрѣлъ это, люди пали лицомъ ницъ и воскликнули: «Киріе-элейсонъ!», что̀ значитъ тоже, что «Господи, смилуйся надъ нами!» Посланіе же Господа нашего гласило такъ (далѣе слѣдуетъ пространное обращеніе Господа къ грѣховному человѣчеству, заключающее въ себѣ упреки людямъ въ томъ, что они забыли чтить подобающимъ образомъ дни святого Христова воскресенія, причемъ, вмѣстѣ съ угрозами жестоко покарать ихъ, соединены увѣщанія образумиться и, пока еще время, покаяться и обратиться на путь истинный). Затѣмъ проповѣдь продолжала: Когда посланіе съ священною вѣстію было прочитано ангеломъ и онъ держалъ его въ рукѣ, раздался гласъ съ небесъ и изрекъ: «Вѣруете-ли вы съ раскаяннымъ сердцемъ въ своего Создателя и въ благую вѣсть, которую я ниспослалъ вамъ? Куда надѣетесь вы убѣжать, если никто не въ силахъ укрыться отъ очей моихъ?» Тогда всталъ патріархъ, и всѣ священнослужители и весь народъ съ нимъ. И тогда ангелъ сказалъ: «Слушайте всѣ и внемлите, ибо я клянусь вамъ божественными свойствами Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы, матери Его, и святостью всѣхъ ангеловъ и вѣнцомъ всѣхъ мучениковъ, что посланіе писано не рукой человѣческой, а писалъ его рукою своею самъ Царь Небесный, и кто не повѣритъ тому, тотъ есть язычникъ и отлученникъ, и гнѣвъ Божій падетъ на него. А кто вѣритъ въ сіе, тотъ получитъ отъ Бога помилованіе и обитель свою въ жизни вѣчной, и кто

*) Эта проповѣдь бичующихся (равно какъ и ихъ гимны, которыхъ у насъ приведены одни начальные стихи) болѣе ранняго происхожденія, нежели движеніе бичующихся 1349 года, такъ какъ уже отъ первой половины XIII вѣка сохранился стихотворный пересказъ латинскаго текста, который, повидимому, лежитъ въ основѣ и прозаической версіи Клозенера.

Digitized by Google

спишетъ посланіе Божіе и разошлетъ писаніе сіе изъ города въ городъ и изъ зàмка въ зàмокъ и изъ села въ село, мое благословеніе сойдетъ на жилище его. А который священникъ услышитъ эту вѣсть и перешлетъ и возвѣститъ народу, на того сойдетъ мое благословеніе и возвеселится онъ съ моими безплотными во царствіи моемъ во-вѣки. Аминь. За краткимъ изложеніемъ предъидущаго говорится: Что же сдѣлали люди, когда пришли въ себя? Они сошлись другъ съ другомъ и совѣщались,—что̀ бы имъ сдѣлать угодное Богу, дабы онъ забылъ о гнѣвѣ своемъ. И, совѣщавшись, пошли они къ королю Сициліи и просили его наставить ихъ, какъ должны поступить они для того, чтобы Богъ забылъ о гнѣвѣ своемъ на нихъ. Тогда онъ посовѣтовалъ имъ пасть на колѣна и молиться всемогущему Богу, чтобъ Онъ возвѣстилъ имъ, что̀ должны они для этого сдѣлать и какъ съ Нимъ примириться, чтобъ Онъ забылъ о гнѣвѣ своемъ на несчастныхъ христіанъ. И люди поступили, какъ онъ повѣствовалъ имъ, и пали на колѣни и молились Богу отъ всего сердца. И тогда ангелъ рекъ къ нимъ: «Человѣче, вѣдомо тебѣ есть, что Господь 33½ года ходилъ по землѣ и никогда не вѣдалъ радости, не говоря уже объ его великихъ страданіяхъ, претерпѣнныхъ ради тебя на крестѣ, и за это не возблагодарилъ ты Его и не хочешь возблагодарить Его. Если же ты хочешь теперь примириться съ Богомъ, то долженъ странствовать 33½ дня и все время не знать ни покойнаго дня, ни ночи, долженъ ты проливать кровь свою, тогда не попуститъ Онъ, чтобы кровь Его не была тебѣ во спасеніе, и забудетъ о гнѣвѣ своемъ на злополучныхъ христіанъ».

«Это началъ король сицилійскій и совершилъ странствіе со всѣмъ своимъ народомъ къ королю Венгріи, а король Венгріи и т. д. (слѣдуетъ перечень мѣстностей Германіи, по которымъ шло движеніе бичующихся.)... и странники обошли на Рейнѣ всѣ города, большіе и малые, и пришли въ Эльзасъ. Теперь совершаемъ странствіе мы, вышедшіе изъ Лихтенау. Просите отнынѣ Бога, чтобъ Онъ далъ намъ силы и мощи, смысла и разумѣнія исполнить его такимъ образомъ, чтобъ оно было во славу Господа и его возлюбленной Матери и всѣхъ ангеловъ и всѣхъ небожителей, и во утѣшеніе для души и тѣла всѣмъ тѣмъ, кто намъ или нашимъ братьямъ, которые совершили или совершаютъ въ настоящее время или намѣрены впослѣдствіи совершить странствіе, оказали добро или продолжаютъ его оказывать; чтобы Богъ даровалъ имъ вѣчную награду и чтобы ради того всѣ души нынѣ же были утѣшены во всѣхъ тяготахъ ихъ. И да помогутъ намъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Аминь.

«Да будетъ вѣдомо всѣмъ тѣмъ, которые прочитаютъ или услышатъ это писаніе, что отъ Апуліи до Сициліи и Кипра, отъ Кипра до Тичино (?) и Катаньи, отъ Генуи до Авиньона и внизъ отъ Авиньона до Ліона, отъ Ліона до Рима и ниже во всѣхъ его областяхъ, и въ Падуѣ съ ея областями *) умираетъ изъ каждыхъ трехъ человѣкъ одинъ. Теперь смерть проникла до Берна и Каринтіи и Австріи и до самаго Эльзаса. И всѣ, кто умираетъ или уже скончался, не переживаютъ дольше третьяго дня и не имѣютъ никакого другого недуга, кромѣ трехъ: первый, когда у человѣка разбаливается голова при сильномъ жарѣ и онъ умираетъ тотчасъ; второй — зовется холоднымъ; третій-же — мелкіе волдыри, и появляются они у людей подъ мышками и повыше колѣнъ, величиною съ обыкновенный орѣхъ. И отъ этихъ болѣзней перемерло множество людей въ разныхъ мѣстахъ. И никто не долженъ пугаться при заболѣваніи: кто испугается, тотъ умираетъ тотчасъ же. Для больныхъ полезны масло изъ бѣлыхъ лилій и масло

*) Въ этомъ перечнѣ указывается путь, которымъ распространялась занесенная въ 1347 году съ востока черезъ Константинополь „Черная смерть", страшно свирѣпствовавшая въ западной Европѣ.

Digitized by Google

изъ укропныхъ сѣмянъ, вскипяченныя вмѣстѣ: взявъ кусокъ бѣлой шерстяной матеріи и опустивъ его туда и выжавъ, въ самомъ сильномъ кипяткѣ, какой только можно вытерпѣть, 4 или 5 разъ, прикладывать къ больному. Хороши для больныхъ также уксусъ и кислая пища.»

На этомъ оканчивалась рукопись. По ея прочтеніи, они отправляются въ городъ, по-парно, вслѣдъ за своими хоругвями и свѣчами и поютъ первый гимнъ. «Вотъ совершается богомольное странствіе» и проч., а имъ на встрѣчу звонятъ въ большіе колокола, и когда они возвратятся въ соборъ, то трижды кланяются въ землю, распростершись крестообразно, какъ было писано выше. А вставъ, они уходятъ въ мѣсто своего пристанища или куда хотятъ.

Надо сказать, что первая партія братчиковъ, явившихся въ Страсбургѣ, прибыла въ одно утро на Мясницкое поле (съ южной стороны города) и бичевалась тамъ, и только послѣ того они вступили въ городъ. Но партіи, слѣдовавшія за этой, приходили обыкновенно прямо въ городъ, прежде бичеванія, поступая во всемъ, какъ было писано выше. Хотя нѣкоторыя пѣли различные гимны при вступленіи, но при покаяніи у всѣхъ исполнялись одни и тѣже гимны.

Надо сказать, что когда бичующіеся бичевались, то происходило величайшее стеченіе народа и поднимался сильнѣйшій плачъ, вызванный благоговѣніемъ, какъ это еще никѣмъ не бывало видано. А когда они читали посланіе, то въ народѣ начинался великій вопль, ибо люди вѣрили, что все это истинно. И когда попы спрашивали—почему можно узнать, что бичеваніе есть дѣло справедливое, и чья печать приложена къ посланію, имъ отвѣчали, говоря: «А чья печать приложена къ Евангелію?» И этимъ странники достигали того, что люди больше вѣрили словамъ бичующихся, чѣмъ попамъ. И народъ говорилъ также, обращаясь къ священникамъ: «Что вы имѣете сказать? вотъ люди, которые приносятъ и изрекаютъ истину». И когда они приходили въ города, много людей отпадало къ нимъ и также дѣлались бичующимися, одинаково міряне и духовные. Но къ нимъ не приставалъ никто изъ духовныхъ, если былъ хорошо образованъ. Также присоединялся иной честной міранинъ къ странничеству бичующихся по своей простотѣ, не сознавая всей лжи, которая была въ томъ сокрыта. Приставало также не мало и отъявленныхъ негодяевъ къ честнымъ людямъ, которые послѣ того становились также дурными или хуже, чѣмъ до того. Нѣкоторые остались нравственными и потомъ, но такихъ было немного. Инымъ братство особенно нравится, такъ что если они разъ въ немъ побывали, то вступаютъ въ него снова; это происходитъ оттого, что въ то время они остаются праздными и не работаютъ, такъ какъ всюду, куда они ни придутъ и сколько бы ихъ ни было, ихъ всѣхъ приглашаютъ и угощаютъ безъ мѣры, и было много такихъ, которые охотно бы ихъ пригласили, лишь бы имѣть возможность залучить ихъ,— въ такомъ они были почетѣ. Граждане въ городахъ даютъ имъ изъ общинныхъ денегъ на покупку хоругвей и свѣчей. Братчики напускаютъ на себя также большую святость и разсказываютъ, что по ихъ волѣ случаются великія знаменія. Во-первыхъ, они разсказываютъ, какъ одинъ добродѣтельный человѣкъ далъ имъ напиться изъ сосуда съ виномъ, и сколько они ни пили изъ него, онъ все оставался полонъ. Также разсказываютъ они, что на распятіи въ Оффенбургѣ выступила кровь, и еще и на образѣ Богородицы въ Страсбургѣ. Такихъ сказокъ разсказывали они много, и все это было налгано ими. Говорили они также о томъ, какъ скотъ (die Rinder) въ Эрстгеймѣ вдругъ заговорилъ. Это произошло такимъ образомъ: былъ въ Эрстгеймѣ нѣкто по прозванію Риндеръ (Rinder), и онъ былъ столь слабъ отъ болѣзни, что лежалъ безъ языка. Теперь случилось, что въ то время, какъ тамъ были бичующіеся, больной получилъ облегченіе и заго-

Digitized by Google

ворилъ. И стали говорить одинъ другому: «Риндеръ заговорилъ». Вотъ и разсказываютъ бичующіеся, что тамъ заговорилъ скотъ (die Rinder) въ своихъ стойлахъ. Это разнеслось по всей окраинѣ, и простодушный людъ дивился, какъ будто это такъ и есть. Они берутся также укрощать бѣсноватыхъ. Такъ одинъ изъ нихъ говорилъ, заклиная бѣса: «Ты... бѣсъ, убирайся прочь, хотя бы тебѣ пришлось...» *). Своими словами они скорѣе вогнали бы сто бѣсовъ въ одного человѣка прежде, нежели имъ удалось бы изгнать изъ него хоть единаго бѣса. Они носили также въ своемъ кругѣ на полянѣ, во время бичеванія, утопленника-ребенка и хотѣли его воскресить, только ничего не вышло.

Это странствіе бичующихся длилось долѣе четверти года, такъ что каждую недѣлю приходили они цѣлыми кучками. Послѣ того собрались въ путь и женщины, и бичевались. Потомъ пустились въ хожденіе и юноши, и дѣти. Однакожъ, страсбуржцы не хотѣли больше встрѣчать ихъ колокольнымъ звономъ, а также не хотѣли жертвовать имъ на свѣчи и хоругви. Они уже на столько всѣмъ надоѣли, что ихъ не приглашали къ себѣ въ домъ такъ часто, какъ это дѣлалось прежде Такимъ образомъ они начали терять у всѣхъ уваженіе, на нихъ мало обращалось вниманія.

И теперь священники стали говорить о лжи и обманѣ, которыми они (бичующіеся) занимались, и что ложью было посланіе, которое они проповѣдывали; тогда какъ сначала бичующіеся столь привлекали къ себѣ народъ, что онъ не хотѣлъ никого слушать, кто вздумалъ бы говорить противъ нихъ, и который изъ священниковъ заговаривалъ противъ нихъ, тому едва удавалось укрыться отъ народа. Однакожъ, они никогда не имѣли полнаго успѣха, и духовные постоянно говорили противъ нихъ. Напослѣдокъ было рѣшено, чтобы не смѣлъ вступать въ Страсбургъ ни одинъ изъ пришлыхъ бичующихся. Но до того, пока еще продолжались странствія бичующихся, нѣкоторые изъ ремесленниковъ составили особое братство члены котораго не выходили въ открытое поле и бичевались всегда въ городѣ, въ саду нѣкоего Эбермана изъ Мульнгейма, а если кто изъ братчиковъ умиралъ, то они отправлялись бичеваться во время заупокойной службы; были у нихъ также и другіе обычаи. Все это теперь было имъ запрещено, такъ что они не смѣли составлять никакихъ братствъ и не должны были публично предаваться бичеванію. А кто хотѣлъ бичеваться, тотъ долженъ былъ тайкомъ бичеваться у себя дома.

Страсбургскій епископъ Бертольдъ фонъ-Бюхеке также запретилъ самобичеваніе въ своей епархіи церковнымъ посланіемъ, такъ какъ папа предписалъ всѣмъ епископамъ стараться о прекращеніи ихъ (бичующихся) дѣятельности, вслѣдствіе тѣхъ суевѣрныхъ обычаевъ, которые придавали имъ духовный характеръ, особенно же тѣмъ, что одинъ міранинъ исповѣдывалъ другого.

Описанное мною происходило въ Страсбургѣ. И какъ это было здѣсь, такъ было оно и во всѣхъ городахъ по Рейну; тоже самое было въ Швабіи, во Франконіи, въ Австріи и во многихъ областяхъ нѣмецкой земли. Такъ по всюду окончились странствія бичующихся, хотя, по ихъ словамъ, они должны были продолжаться 33½ года.

Городскія хроники не составляютъ исключительной принадлежности старо-нѣмецкой литературы. Будучи однимъ изъ явленій, обусловленныхъ усиленіемъ городского сословія болѣе или менѣе одновременно у всѣхъ западныхъ народовъ, онѣ необходимо должны были появиться и въ остальныхъ западно-европейскихъ литерату-

*) Точками обозначены неприличныя выраженія.

Digitized by Google

рахъ. Но всѣ онѣ въ общемъ своемъ характерѣ на столько однородны, что по одному примѣру вполнѣ возможно составить себѣ вѣрное представленіе о всей этой отрасли средневѣковой литературы. Поэтому мы ограничиваемся сказаннымъ по поводу нѣмецкихъ городскихъ хроникъ, предоставляя себѣ впослѣдствіи мимоходомъ указать тѣ прозаическія хроники, за которыми въ западныхъ литературахъ почему-либо признается особенное значеніе.

Кстати добавимъ, что нѣмецкая проза, столь много обязанная своимъ развитіемъ городской исторіографіи, имѣла, однакожъ, возможность совершенствоваться также и благодаря писателямъ, посвявшимъ свои силы на переводъ различныхъ сочиненій съ чужихъ языковъ на нѣмецкій, и тѣмъ духовнымъ авторамъ, которые были выразителями особаго направленія средневѣковой религіозной мысли, извѣстнаго подъ именемъ мистики *). Послѣдніе писали цѣлые трактаты, читавшіеся съ большимъ рвеніемъ и пріобрѣтавшіе изложенному въ нихъ ученію горячихъ послѣдователей. Въ противоположность теологамъ-схоластикамъ, обыкновенно пользовавшимся латинскою рѣчью, мистическая школа, обращаясь къ большинству простого христіанскаго люда, не только прибѣгала въ своихъ проповѣдяхъ и назидательныхъ сочиненіяхъ къ народному языку, но и особенно заботилась о задушевности своей проповѣди. Ея проповѣдь пріобрѣла, благодаря неподдѣльной искренности проповѣдовавшихъ, ту поэтическую окраску, которою уже отличались проповѣди странствующаго проповѣдника монаха Бертольда Регенсбургскаго (ум. въ 1272 г.), произносившаго ихъ на родномъ языкѣ еще за нѣсколько десятилѣтій до Экгарда и собиравшаго вокругъ себя цѣлыя тысячи восторженныхъ слушателей. Экгардъ можетъ считаться главою мистической школы — такъ какъ онъ первый выработалъ мистику въ глубоко продуманную философскую систему. Онъ родился около 1260 г., ум. ок. 1329 г. **), былъ доминиканцемъ, дѣйствовалъ преимущественно въ Страсбургѣ и подвергся было за свои мистическія ученія съ пантеистическимъ оттѣнкомъ преслѣдованіямъ церкви. Кромѣ Экгарда, замѣчательны своими прозаическими произведеніями въ мистическо-аскетическомъ духѣ его ученики, оба, подобно своему учителю, изъ ордена доминиканцевъ—Іоганнъ Таулеръ

*) W. Preger, Geschichte d. deutsch. Mystik im Mittellalter. 1875.—Deutsche Mystiker des XIV Jahrhunderts, herausg. von Pfeiffer (2 т. 1845—57), и имъ же изданы „Predigten u. Traktate deutscher Mystiker“ въ Haupt's Zeitschrift, Bd. VIII.

**) Обширная литература о немъ указана у Koberstein'a, Grundriss der Geschichte der deutsch. Nationalliteratur (5-е изд. 1872), т. I, стр. 416, прим. 6, ср. 420 стр.— Сочиненія его напечатаны у Пфейффера во 2-омъ томѣ.

Digitized by Google

(1290—1361 г.), въ трактатахъ и проповѣдяхъ котораго особенно развивается ученіе о христіанской любви, и Генрихъ фонъ-Бергъ, иначе по имени своей матери «der Seuse» (въ латинизированной формѣ Suso, 1300—65 г.), сочиненія котораго, говоритъ Вильмаръ, по «благозвучію, плавности и выработанности языка» принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ нѣмецкой прозы въ XIV—XV столѣтіяхъ *).

Одинъ изъ самыхъ раннихъ нѣмецкихъ переводовъ съ древне-классическихъ языковъ принадлежитъ уже упомянутому нами Генриху изъ Мюгельна, переложившему на нѣмецкій языкъ, въ началѣ второй половины XIV в., сочиненіе Валерія Максима; но его переводъ былъ еще на столько неудовлетворителенъ въ отношеніи слога, что уже ближайшій за нимъ нѣмецкій переводчикъ названнаго латинскаго автора (Петръ Зельбетъ, 1535 г.) рѣзко порицаетъ работу своего предшественника. Весьма значительный шагъ впередъ въ умѣньи владѣть прозаическою рѣчью представляютъ переводы, исполненные во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія тремя современниками—Генрихомъ Штейнгёвелемъ (1420—83 г.), Альбрехтомъ фонъ-Эйбе (1420—75 г.) и Николаемъ фонъ-Виле (первоначально занималъ учительскую должность въ Цюрихѣ, а съ 1470 г. состоялъ канцлеромъ графа Ульриха Виртембергскаго). Помимо указаннаго значенія ихъ трудовъ, эти три автора занимаютъ видное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ еще и потому, что они первые внесли въ нее то новое гуманистическое направленіе, которое, само будучи плодомъ такъ-называемаго возрожденія классицизма, возникшаго въ Италіи отчасти благодаря стараніямъ Петрарки и его послѣдователей, являлось желательною и благотворною реакціей противъ анти-эстетическаго вліянія излюбленной въ XV вѣкѣ литературы «рыцарскихъ поэмъ», наполненныхъ безконечными, но ничего не говорившими ни уму, ни сердцу похожденіями шаблонныхъ героинь и героевъ въ духѣ самаго отчаяннаго романтизма. Ранѣе авторской дѣятельности упомянутыхъ писателей Гервинусъ знаетъ въ тогдашней свѣтской литературѣ Германіи только одно произведеніе, отличающееся гуманистическимъ направленіемъ **). Штейнгевелемъ были переведены два произведенія Боккаччіо—«Декамеронъ» (изд. 1483 г.) и «De praeclaris mulieribus» (1473, Ulm), а также съ латинскаго языка «Эзоповы басни», къ которымъ были присоединены и нѣкоторыя другія произведенія, какъ, напр., впервые здѣсь цѣликомъ передан-

*) K. Schmidt, Joh. Tauler von Strassburg (Hamb. 1841). — M. Diepenbrock, H. Suso's, genant Amandus, Leben u. Schriften. 1837. Здѣсь произведенія Сузо напечатаны подновленнымъ языкомъ.

**) Gervinus, тамъ же, II, p. 354—55.

Digitized by Google

ный нѣмецкою прозой и весьма популярный въ средніе вѣка сборникъ разсказовъ, извѣстный подъ заглавіемъ «Disciplina clericalis» (изд. между 1476—80 г. въ Ульмѣ). Альбрехтъ фонъ-Эйбе перевелъ Плавтовы комедіи «Menaechmi» и «Bacchides» и одну итальянскую комедію; тогда какъ Никласъ фонъ-Виле, въ своемъ сборникѣ переводовъ, напечатанномъ около 1478 г. подъ заглавіемъ «Translation oder Tütschungen (т.-е. Verdeutschungen) etc.» *), переложилъ нѣкоторыя сочиненія Энея Сильвія (Пія II), Боккаччіо, Поджіо и др. Какъ ни безспорна заслуга названныхъ нами писателей, заключающаяся въ ихъ содѣйствіи, въ качествѣ первыхъ по времени и по таланту, развитію нѣмецкой прозы, они значительно портили свой слогъ неумѣренною подражательностью латинской конструкціи и такимъ образомъ наталкивали литературную рѣчь на ложную дорогу, что̀ потомъ невыгодно сказалось на языкѣ даже такого оригинальнаго автора, какъ Гуттенъ. Но и вообще говоря, относящіеся къ XV вѣку прозаическіе переводы на нѣмецкій языкъ далеко уступаютъ по достоинствамъ языка какъ хроникамъ, такъ и оригинальнымъ произведеніямъ писателей мистической школы. Причина заключается въ томъ, что объективность, составляющая столь существенное условіе совершенства въ трудахъ переводчика, была еще слишкомъ чужда писателю того времени вся, преимущественно художественная, литература предшествовавшаго періода была проникнута личнымъ, субъективнымъ чувствомъ писавшаго — чувствомъ, которое, естественно, легче находило просторъ и пищу для своего выраженія въ произведеніяхъ и городскихъ хронистовъ, нерѣдко свидѣтелей описываемыхъ ими событій, и проникнутыхъ горячимъ сердечнымъ убѣжденіемъ мистиковъ.

Въ виду огромнаго значенія Лютерова перевода Библіи въ развитіи литературнаго нѣмецкаго языка, нельзя не указать на переводы Св. Писанія, исполненные до реформаціи, тѣмъ болѣе что исходя обыкновенно изъ среды мистической школы, они стоятъ въ извѣстной связи съ произведеніями послѣдней и по своему слогу, менѣе неуклюжему, чѣмъ слогъ прозаическихъ переводовъ съ свѣтскимъ содержаніемъ. Всѣ до-реформаціонные переводы Библіи были сдѣланы съ латинскаго текста «Вульгаты»; съ 1466 до 1520 г. ихъ напечатано до четырнадцати изданій.

Наконецъ упомянемъ объ одномъ изъ первыхъ опытовъ болѣе систематическаго, противъ прежняго, изложенія естественно-научныхъ свѣдѣній въ прозаической нѣмецкой рѣчи. Мы разумѣемъ на-

*) Вновь изданъ, въ извѣстной коллекціи произведеній старинной нѣмецкой литературы «Studtg. Liter. Verein», Адальб. Келлеромъ (№ 57, 1861), который издалъ съ учеными примѣчаніями и „Декамеронъ“ Штейнгевеля (тамъ же, № 51, 1860.).

Digitized by Google

писанное въ половинѣ XIV в. Конрадомъ изъ Мегенберга (род. около 1309 г.) сочиненіе: «Книга Природы» (Das Buch der Natur), впрочемъ не столько самостоятельный трудъ, сколько передѣлка сочиненія Ѳомы изъ Кантемпрѐ (XIII—XIV в.): «De naturis rerum» *).

Заключая настоящую главу, посвященную обзору явленій средневѣковой литературы, въ которыхъ такъ или иначе проявились міровоззрѣніе и нравственный складъ городского сословія, мы можемъ сказать, что заслуги, оказанныя послѣднимъ литературному развитію западной Европы, были особенно благотворны въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Фабльо и швенки являются какъ бы первенцами того реалистически-бытового направленія въ художесттенномъ творчествѣ, которому впослѣдствіи суждено было играть столь выдающуюся роль во всѣхъ новѣйшихъ литературахъ и основнымъ правиломъ котораго до сихъ поръ остается воспроизведеніе дѣйствительности безъ всякихъ произвольныхъ прикрасъ, — особенность, иногда черезъ-чуръ рѣзко характеризующая оба только-что упомянутые вида произведеній средневѣковыхъ романо-германскихъ литературъ. Литературно-артистическая дѣятельность местерзингеровъ въ значительной мѣрѣ служила подготовкой къ реформаціи, содѣйствуя подъему нравственнаго настроенія среднихъ классовъ германскаго населенія. Благодаря городскимъ хроникамъ, выработывалось столь необходимое для всякаго серьозно-научнаго движенія орудіе, какъ произаическое изложеніе на родномъ языкѣ даннаго народа, и въ тоже время ими былъ положенъ прочный фундаментъ для дѣйствительно-національной исторіи. Наконецъ мистеріи, моралитѐ и фарсы (о нихъ рѣчь еще впереди), своимъ разцвѣтомъ также обязанные стремленію горожанъ къ удовлетворенію присущихъ имъ эстетическихъ потребностей, были попыткой, хотя и не успѣвшей развиться органически къ созданію наивысшей изъ литературныхъ формъ, т.-е. художественной драмы; но за-то ими въ сильной мѣрѣ поддерживались въ европейскомъ обществѣ интересъ и любовь къ сценическому искусству, къ театру.

*) Das Buch der Natur von Conrad von Megenberg. D. erste Naturgeschichte in deutscher Sprache. Herausgegeb. von Fr. Pfeiffer. Stuttg. 1861. Cp. Carus, Geschichte der Zoologie, p. 248 ss. и 211 ss.

Digitized by Google

XVIII. Нидерландская литература въ средніе вѣка. — Ренартъ о Лисѣ. — Нарлантъ и его школа. — Kamers van Rethorica.

W. J. A. Jonckbloet's Geschichte der niederlädisce Literatur (переводъ съ голландскаго W. Ch. Berg'a, предисловіе Эрнста Мартина). 2 Bde. Leipz. 1870—72.

Serrure. Maerlant. Gent. 1861.

Fauriel, Le Roman du Renart въ Hist. Littér. de la France, t. XXII, стр. 889 и слѣд.

Изъ всѣхъ западно-европейскихъ націй нидерландская была въ средніе вѣка по преимуществу націей горожанъ, и нидерландская литература въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ остальныя, была запечатлѣна духомъ, вообще отличавшимъ въ тѣ времена среднее сословіе на Западѣ. Съ другой стороны Нидерланды, достигши довольно поздно, сравнительно съ другими западными народами, національной самостоятельности, столь же поздно обособились по отношенію къ національному языку, что̀, въ свою очередь, обусловило и позднее возникновеніе самостоятельной нидерландской литературы. Причины того и другаго заключались въ слѣдующемъ.

Области, вошедшія со временемъ въ составъ Нидерландовъ, занимали промежуточное положеніе между Франціей и Германіей, а это имѣло очень крупныя послѣдствія и для политической исторіи страны, и для развитія нидерландской литературы. Языкъ, которымъ говорило населеніе этихъ областей, составлялъ первоначально лишь одну изъ отраслей нижне-нѣмецкаго нарѣчія, принадлежавшую по своимъ особенностямъ къ нижне-саксонской группѣ (хотя, напр., въ Брабантѣ къ нему примѣшивались и верхне-нѣмецкіе элементы, именно франкскіе). Этотъ-то говоръ и превратился мало-по-малу въ самостоятельный, выражающій опредѣленную національность, нидерландскій языкъ, который въ средніе вѣка былъ извѣстенъ подъ именемъ фламандскаго (vlämisch), а съ XVII вѣка сталъ называться голландскимъ, по преимущественному политическому значенію сначала южной части Нидерландовъ, именно Фландріи, а съ XVII в. ихъ сѣверной части, Голландіи *). Такъ какъ Фландрія, составлявшая основное ядро будущихъ Нидерландовъ, съ самаго начала управлялась французскими графами и высшій классъ въ ней былъ также французскимъ по своему происхожденію, то, не смотря на нѣмецкую рѣчь коренного населенія, страна въ своемъ умственномъ развитіи утратила всякую связь съ родственною ей Германіей, между тѣмъ какъ въ туземныхъ, придворной и дворянской, сферахъ произведенія

*) Во Фландріи національный языкъ и до сихъ поръ иногда обозначается словомъ „dietsch" отъ „diet"—народъ. Сравн. англійск. "dutch"—голландскій.

Digitized by Google

французской литературы доставляли на первое время полное удовлетворенія потребностямъ мысли и эстетическаго чувства. Французское вліяніе, естественно, еще болѣе усилилось съ подчиненіемъ Нидерландовъ Бургундскому дому. Но, какъ извѣстно, еще въ теченіе XI столѣтія послѣдовало чрезвычайно быстрое развитіе фламандскихъ городовъ, свободные и несвободные жители которыхъ усиленно и успѣшно занимались торговою и промышленною дѣятельностью. Поэтому городское сословіе, какъ во Фландріи, такъ и въ присоединившихся постепенно къ ней Брабантѣ и Голландіи, рано начало пріобрѣтать самостоятельность, все болѣе выходя изъ зависимости отъ феодальныхъ классовъ и завоевывая себѣ существенное государственное значеніе. Въ первой половинѣ XII вѣка оно уже играетъ важную роль въ политическихъ судьбахъ своей родины: въ 1127 г., при выборѣ преемника убитому графу Карлу Доброму, города оказываютъ весьма сильное вліяніе; около того же времени они получаютъ вольности, закрѣпленныя особыми статутами, и вскорѣ ихъ голосъ пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Въ это же время и фламандское нарѣчіе окончательно отдѣляется отъ нижне-нѣмецкаго и становится самостоятельнымъ языкомъ, который и служитъ съ тѣхъ поръ для созданія собственно нидерландской литературы, начало которой такимъ образомъ не восходитъ далѣе половины XII и даже начала XIII-го вѣка. Но разбогатѣвшій и политически возвысившійся средній классъ, въ своемъ стремленіи сравняться съ дворянствомъ также и въ культурномъ отношеніи и, въ тоже время, удовлетворить свои нарождавшіяся умственныя потребности, долженъ былъ на первое время ограничиться усвоеніемъ для родной рѣчи тѣхъ произведеній феодальной французской поэзіи, которыя дотолѣ составляли одно изъ любимѣйшихъ развлеченій дворянскаго сословія. Вслѣдствіе этого въ первомъ періодѣ нидерландской литературы мы встрѣчаемъ, за малыми исключеніями, преимущественно переводныя произведенія, въ области поэзіи — съ французскаго языка, въ отдѣлѣ же дидактики, кромѣ того, и съ латинскаго. Здѣсь встрѣчаются почти всѣ старофранцузскія поэмы всѣхъ трехъ цикловъ, и притомъ не въ самостоятельной переработкѣ народнаго поэта-художника, какъ это нерѣдко бывало въ средневѣковой нѣмецкой литературѣ, а въ рабски близкомъ переводѣ, только насилующемъ и уродующемъ и безъ того еще не установившуюся литературную рѣчь. Исключенія чрезвычайно рѣдки, и если составляющія ихъ произведенія порою не лишены относительнаго художественнаго достоинства, то всеже не въ той мѣрѣ, чтобы стоило останавливать на нихъ особенное вниманіе. Такими-же чуждыми всякой оригинальности не-

Digitized by Google

реводами съ французскихъ подлинниковъ были и многочисленныя эпическія произведенія религіозно-легендарнаго содержанія. Такимъ образомъ нидерландская литература, въ первомъ своемъ періодѣ, была вполнѣ лишена національнаго характера. Это и было причиною, что она подверглась безпощадному отрицанію съ наступленіемъ новаго фазиса въ ея развитіи, на этотъ разъ уже въ духѣ средняго сословія, окончательно получившаго преобладаніе.

Благодаря чрезвычайно быстрому возвышенію и параллельно съ нимъ прогрессировавшему умственному развитію горожанъ, голландская переводная литература, феодальные и рыцарскіе идеалы которой отнюдь не отвѣчали настроенію мысли нидерландскаго бюргерства, просуществовала всего какое нибудь столѣтіе. Со второй половины тринадцатаго вѣка начинаетъ брать верхъ въ нидерландской литературѣ то направленіе, которое мы не разъ уже обозначали какъ выраженіе нравственнаго и умственнаго склада городскихъ классовъ западной Европы и которое главнымъ образомъ заключалось въ отрицательномъ отношеніи къ существовавшему до тѣхъ поръ порядку вещей. А для воспроизведенія его въ литературѣ служили преимущественно формы сатиры и дидактики съ неизбѣжной, то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, примѣсью аллегоріи. Эти формы безусловно господствуютъ въ нидерландской литературѣ, едва только она перестала быть простымъ воспроизведеніемъ созданій чужаго народнаго генія (первоначальная драматическая литература въ Нидерландахъ была также, какъ увидимъ, лишь однимъ изъ видовъ аллегоріи).

Такой исключительный характеръ средневѣковой нидерландской литературы вполнѣ удовлетворительно объясняется именно тѣмъ, что самая возможность ея возникновенія была обусловлена предварительнымъ появленіемъ вліятельнаго и развитого средняго сословія: будучи его прямымъ созданіемъ, литература, естественно, и развивалась соотвѣтственно требованіямъ его духа. Разница съ литературами остальныхъ западныхъ народовъ тутъ только въ томъ, что у нихъ тоже направленіе сдѣлалось преобладающимъ только въ XIV—XV столѣтіяхъ, а въ нидерландской литературѣ это случилось на цѣлую сотню лѣтъ прежде, благодаря тому, что въ Нидерландахъ города гораздо раньше съумѣли добиться политической независимости.

Наиболѣе художественнымъ произведеніемъ средневѣковой нидерландской литературы этого направленія была поэма „Renart" — нидерландская переработка далеко уступающаго ей въ художественной законченности и отдѣланности французскаго, такъ-называемаго, «Романа о Лисѣ» (Le roman de Renart). Хотя и тутъ содержаніе было заимствованное, но это уже не былъ простой переводъ,

Digitized by Google

подобно вышеупомянутымъ феодально-рыцарскимъ поэмамъ и благочестивымъ легендамъ, а мастерской и блестящій пересказъ, равно свидѣтельствующій и о глубокомъ пониманіи авторомъ избраннаго имъ, хотя и чужого, сюжета, и о силѣ его собственнаго художественнаго таланта.

Но прежде чѣмъ познакомить читателя съ содержаніемъ лучшаго произведенія средневѣковой нидерландской литературы, необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ происхожденіи его французскаго первообраза.—Подъ «Roman de Renart» разумѣютъ одно изъ обширнѣйшихъ произведеній старо-французской литературы, состоящее изъ отдѣльныхъ разсказовъ или такъ-называемыхъ «branches», въ которыхъ тономъ и обычнымъ размѣромъ фабльо повѣствуется о борьбѣ лисы съ волкомъ и о разнаго рода обусловленныхъ ею приключеніяхъ какъ обоихъ главныхъ героевъ, такъ и другихъ представителей животнаго царства, принимающихъ участіе въ описываемыхъ событіяхъ. Такимъ образомъ «Романъ о Лисѣ» является какъ бы одною изъ отраслей такъ-называемаго «животнаго эпоса». О характерѣ послѣдняго возникло въ послѣдніе годы не мало спорныхъ вопросовъ, остающихся до настоящаго времени не разрѣшенными, и мы считаемъ себя въ правѣ ограничиться слѣдующими общими замѣчаніями. Если и допустить, вмѣстѣ съ Як. Гриммомъ, что животный эпосъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ у (германскихъ преимущественно) народовъ средневѣковой Европы, какъ одна изъ формъ народнаго поэтическаго творчества, то всеже въ виду того, что отъ нея не дошло до насъ рѣшительно никакого образчика, мы можемъ говорить только о литературной формѣ животнаго эпоса, какъ единственно извѣстной намъ по сохранившимся письменнымъ памятникамъ. Не говоря уже объ его разновидности, баснѣ, аллегорическій характеръ которой никѣмъ не можетъ быть оспориваемъ, какъ бы ни были мѣтки и вѣрны природѣ черты, отличающія выводимыхъ въ ней животныхъ, — животный эпосъ, въ его первоначальной литературной обработкѣ, также является прежде всего иносказательнымъ повѣствованіемъ о разнаго рода чисто-людскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ *). Дальнѣйшее же его развитіе придало ему сатирическій характеръ. Подобно тому, какъ въ чисто-аллегорическое содержаніе «Романа Розы» влилась, во второй его части, могучая струя сатиры, такъ и средневѣковой животный эпосъ, мало-по-малу также подчиняясь даннымъ бытовымъ условіямъ, принимаетъ въ себя все болѣе и болѣе сатирическихъ элементовъ, и подъ конецъ, въ его послѣднихъ по времени обработкахъ, отъ прежнихъ аллегорическихъ

*) Gervinus, II, стр. 433: „d. Reineke-Fuchs kann als ein reines Epos oder als eine reine Allegorie betrachtet werden.“ Ср. I, стр. 209—12 и 222.

Digitized by Google

(животныхъ) образовъ остаются лишь какъ бы одни оставы и имена, содержаніе же сатиры почти вовсе не обусловливается первоначальнымъ характеромъ поэмы о лисѣ.

На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій французскихъ и нѣмецкихъ спеціалистовъ *), для фабулы, лежащей въ основѣ животнаго эпоса, въ одинаковой мѣрѣ нельзя допустить ни туземного (германского) происхожденія, въ духѣ школы Якова Гримма, ни исконнаго перехода въ Европу одновременно съ великимъ передвиженіемъ народовъ индо-европейской расы изъ азіатской ихъ прародины. Источникомъ ея должны быть признаны восточныя (собственно индійскія) сказки о животныхъ **), проникшія въ Европу прежде всего посредствомъ греко-италійскихъ преданій. Первоначально занесенныя съ Востока еще въ древнюю Грецію (гдѣ онѣ нашли себѣ литературную обработку, приписываемую Эзопу и впослѣдствіи столь популярную какъ у римлянъ, такъ и въ средніе вѣка) и затѣмъ, но уже черезъ Византію, такого рода сказки переходили, преимущественно черезъ ломбардскую область Италіи, въ Германію и Францію, причемъ дѣло не ограничивалось однимъ прямымъ заимствованіемъ изъ греческихъ или латинскихъ сборниковъ Эзоповыхъ басенъ, а извѣстную роль могли играть и устные пересказы. Воспользоваться этимъ, по двоякому пути дошедшимъ чуждымъ матеріаломъ могло прежде всего только духовенство, которому въ первый періодъ среднихъ вѣковъ исключительно принадлежала литературная дѣятельность, а подъ его руками сказанный матеріалъ легко могъ осложниться и элементами, заимствованными изъ Библіи, «Физіолога», нѣкоторыхъ авторовъ классической древности и тому подобныхъ источниковъ монастырской учености. До сихъ поръ дознано по письменнымъ памятникамъ, что въ западной Европѣ, до появленія самой ранней литературной, въ тѣсномъ смыслѣ слова, обработки сказаній на сюжеты изъ животнаго царства, были извѣстны въ общемъ лишь слѣдующіе четыре разсказа о животныхъ: о съѣденномъ лисицей сердцѣ оленя, попавшагося льву, приводимая въ VII вѣкѣ историкомъ Фредегаромъ; стихотвореніе о сокранной съ волка шкурѣ для излѣченія больного льва, написанное, какъ думаютъ, Павломъ Дьякономъ между 782 — 786 гг. при дворѣ Карла Великаго; далѣе, разсказъ о волкѣ (=лиса) и пѣтухѣ сначала

*) Paulin Paris, Nouvelle étude sur le roman de Renart, стр. 323—65 въ его же: Les Aventures de Maître Renart (1861. P.), и Müllenhof, Ueber Reinhardt-Fuchs въ Haupt's Zeitschrift, Bd. VIII, p. 1—9.

**) O. Keller, Uber die Geschichte der griechischen Fabel (4-ter Supplementband къ Jahrbuch für klassische Philologie, 1862). Ср. A. Weber въ Indische Studien, Bd. III, p. 327 и слѣд.

Digitized by Google

у Алкуина, тоже VIII-го вѣка, затѣмъ между латинскими стихотвореніями XI в., и, наконецъ, разсказъ о прикинувшейся мертвою лисѣ и птицахъ, весьма рано распространенный въ Италіи (въ 1040 г. уже встрѣчается мозаичное воспроизведеніе его содержанія въ Верчелли). Три первые изъ названныхъ разсказовъ въ сущности тѣ же Эзоповы басни, только съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловленными, можетъ быть, устною передачей (напр., вмѣсто волка—медвѣдь, какъ у Павла Дьякона); для четвертаго же изъ нихъ источникомъ послужилъ «Физіологъ». Около 940 г. появилось и первое попадающееся намъ въ средніе вѣка произведеніе уже вполнѣ эпическаго характера съ дѣйствующими лицами, взятыми изъ міра животныхъ, хотя также, какъ и предыдущіе четыре разсказа, на латинскомъ языкѣ. Оно написано было однимъ молодымъ монахомъ монастыря св. Апера, въ лотарингскомъ городѣ Тулѣ (Toul), съ цѣлью заслужить себѣ этимъ плодомъ своей музы освобожденіе отъ постигшаго его наказанія за проступки, которые не могли быть терпимы при только-что законченной передъ тѣмъ реформѣ крайне распущенныхъ монастырей Лотарингіи, — поэтому и самая поэма носитъ заглавіе «Ecbasis captivi (Освобожденіе узника) *). Въ основаніе ея также положена Эзопова басня объ излѣченіи льва снятою съ волка шкурой; прочимъ же матеріаломъ авторъ обязанъ своимъ школьнымъ познаніямъ какъ въ области свѣтской, такъ и церковной науки своего времени, съ прибавленіемъ собственныхъ наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ, добытыхъ имъ на свободѣ во время прежнихъ частыхъ отлучекъ изъ монастыря. Впрочемъ, и сами животныя въ «Ecbasis captivi» являются дѣйствующими совершенно въ духѣ родной автору монастырской среды, — оба главные героя поэмы, волкъ и лиса, одинаково подчинены уставу св. Бенедикта. Съ народно-германскими воззрѣніями на животныхъ и ихъ природу здѣсь уже нѣтъ ничего общаго; это просто поэтическая, болѣе или менѣе независимая разработка первобытной индо-греческой сказки на фонѣ господствующихъ среди монаховъ представленій о животномъ мірѣ, прикрашенныхъ нѣкоторыми научными соображеніями и личными впечатлѣніями автора, не говоря уже объ его пространныхъ разсужденіяхъ въ аскетическо-нравственномъ духѣ. Не мудрено, что подобное произведеніе могло получить не малый успѣхъ между тогдашнимъ грамотнымъ, полуученымъ монашествомъ и вызвать на подражаніе: около 1100 г., въ области нижней Луары, можетъ быть Марбодомъ, который былъ епископомъ въ гор. Реннѣ и умеръ въ 1123 г., былъ написанъ небольшой эпическій разсказъ о волкѣ, хо-

*) Ecbasis captivi. Das älteste Thierepos des Mittelalters, herausgeg. von E. Voigt (Strassb. 1875), 1—69 стр. введеніе; 71—141 стр. текстъ.

Digitized by Google

тѣмъ постричься въ монахи [1]). Затѣмъ, съ начала XII вѣка уже непрерывно идетъ дальнѣйшее развитіе животнаго эпоса въ литературно-поэтической обработкѣ.

По всей вѣроятности, еще въ первомъ десятилѣтіи XII-го в., въ южной Фландріи была написана поэма «Isengrimus» [2]), въ которой весьма живо разсказывается о непріятностяхъ, испытываемыхъ волкомъ Изенгримомъ со стороны лисы-Renard'а. Можетъ быть въ томъ видѣ, въ какомъ дошло до насъ это произведеніе (оно заключаетъ въ себѣ линь 688 латинскихъ стиховъ), мы имѣемъ только отрывокъ, такъ-какъ въ немъ разсказаны всего линь двѣ исторіи; между тѣмъ какъ въ другой, тоже латинской поэмѣ (въ 6,596 стих.): «Reinardus» [3]), несомнѣнно представляющей только переработку «Изенгрима», въ которой послѣдній воспроизводится иногда дословно, и сочиненной какимъ-то монахомъ Нивардомъ въ сѣверной Фландріи около 1150 г. [4]), присоединяются къ данному уже содержанію еще десять новыхъ разсказовъ. Названіе «Reinardus» въ сущности невѣрно, потому-что и здѣсь не лиса, а тотъ же Изенгримъ играетъ главную роль. Эти два произведенія носятъ еще вполнѣ монашескій характеръ. Такъ Изенгримъ является въ нихъ аббатомъ, и вообще ихъ содержаніе сплошь проникнуто сатирой на монашествующую братію, — обстоятельство, объясняемое временемъ ихъ появленія, когда прежніе монашескіе ордена, слѣдовавшіе въ общемъ уставу св. Бенедикта, пришли въ столкновеніе съ новыми орденами, состоявшими подъ руководствомъ св. Бернарда. Оба они весьма важны въ исторіи средневѣковаго животнаго эпоса. Хотя и въ ихъ основѣ лежитъ таже, уже извѣстная намъ, Эзопова басня о лѣченіи больного льва, но только здѣсь впервые встрѣчаются опредѣленныя имена для дѣйствующихъ въ нихъ животныхъ,—существенный признакъ истинно-эпическаго разсказа. Имена обоихъ главныхъ героевъ — «Изенгримъ» для волка и «Рейнардъ» для лисы—служили одною изъ главныхъ опоръ теоріи, по которой животный эпосъ считался исключительной и притомъ исконной принадлежностью германскаго племени, занесенною франками на почву Галліи [5]). Теперь, вмѣстѣ съ Миллеенгофомъ, можно принять, не отрицая нѣмецкихъ корней для обоихъ указанныхъ именъ, — изъ которыхъ первое значитъ:

[1]) Kleinere lateinische Denkmäler der Thiersage aus d. XII bis XIV Jahrhund., hrsg. von E. Voigt (1878), см. стр. 21 и 58—80 (первоначальный текстъ и его переработки).

[2]) Напечатана въ „Reinhart-Fuchs" Якова Гримма (1834), стр. 1—24.

[3]) Reinardus Vulpes, ed. Mone (1832).

[4]) Ион. Парй опредѣляетъ даже прямо 1148 г. (стр. 340—41).

[5]) См. знаменитое въ свое время введеніе Як. Гримма къ его знаменитой книгѣ: Reinhardt Fuchs.

Digitized by Google

«(тотъ, который) съ желѣзнымъ забраломъ», или въ переносномъ смыслѣ «суровый, свирѣпый человѣкъ», второе (Reinhard, Reginhard) «сильный совѣтомъ», а за тѣмъ уже просто «умникъ, пройдоха» *), — что они только въ довольно позднее время, т.-е. вѣроятно въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, были приложены къ обоимъ главнымъ героямъ поэмъ, подобно именамъ и остальныхъ дѣйствующихъ животныхъ **). Это подтверждается и тѣмъ, что даже въ полов. XII в. Нивардъ постоянно прибавляетъ къ имени и его нарицательное—волкъ, левъ, лиса и т. д., такъ-что аппелятивное значеніе самыхъ именъ, — извѣстно, что «Renard» стало во французскомъ языкѣ нарицательнымъ для обозначенія лисы, вытѣснивъ прежнее слово, служившее названіемъ этого животнаго «gorpil» или «goupil» (=vulpes),—очевидно обусловливалось все бо́льшею и бо́льшею популярностью подобныхъ поэтическихъ разсказовъ о животныхъ. Раньше XII в. не встрѣчается рѣшительно никакихъ историческихъ указаній на подобное значеніе упомянутыхъ именъ.

Нивардъ могъ взять прибавленные имъ десять разсказовъ, или въ «Изенгримѣ», который былъ извѣстенъ ему, можетъ быть, въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ намъ, или въ какомъ-нибудь иномъ, утраченномъ для насъ, также латинскомъ произведеніи сходнаго содержанія; онъ могъ воспользоваться или отдѣльными, мелкими разсказами, въ которыхъ фигурировали животныя, или уже цѣльнымъ, связно разсказаннымъ произведеніемъ даже на французскомъ языкѣ. Возможно и то, и другое: въ его время (полов. XII стол.) небольшія басни, гдѣ выступаютъ на сцену животныя, уже сочинялись на народныхъ языкахъ въ западной Европѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣмецкой литературѣ этого періода извѣстны въ такомъ родѣ однострофныя стихотворенія миннезенгера Шперфогеля ***); съ другой стороны, нѣкоторыми спеціалистами высказано предположеніе, что уже ранѣе 1150 г., хотя и не задолго, возникло и на французскомъ языкѣ эпическое произведеніе о Ренарѣ, изъ «авантюръ» котораго иныя могли принадлежать и «Reinard'у» Ниварда. Но было-ли, нѣтъ-ли подобное взаимноте отношеніе между ними, во всякомъ случаѣ появленіе этого французскаго произведенія, если не до 1050 года, то по крайней мѣрѣ за нѣсколько лѣтъ до 1170 года, какъ сейчасъ увидимъ, не подлежитъ сомнѣнію. Дѣйствительно, не поз-

*) Jac. Grimm., тамъ же, стр. CCXLI.

**) Paulin Paris, тамъ же, стр. 347—54.

***) Такіе небольшіе разсказы отчасти могли быть и простыми варіантами тѣхъ же греко-латинскихъ басенъ, вычитанныхъ тогдашними грамотѣями въ сборникахъ въ родѣ, напр., составленныхъ, вѣроятно еще въ IX вѣкѣ и извѣстныхъ подъ названіемъ „Romulus“, четырехъ книгъ Федровыхъ басенъ въ латинскомъ прозаическомъ переложеніи. (Изд. H. Oesterley'емъ. 1870. Berlin).

Digitized by Google

же чѣмъ около этого года, какъ видно изъ особенностей стихосложенія, была написана *по французскому оригиналу* эльзасцемъ Гейнрихомъ Глихезеромъ (Glichesaere) поэма, озаглавленная авторомъ, какъ изъ всего замѣтно, въ подражаніе извѣстной ему «Пѣсни о Нибелунгахъ», «Isengrim's Nôt». Отъ нея дошелъ до насъ только отрывокъ, заключающій около одной ея трети, но за-то вполнѣ сохранилась ея передѣлка изъ XIII столѣтія, ограничивающаяся, впрочемъ, кромѣ незначительныхъ уклоненій отъ стараго текста, однимъ подновленіемъ языка и носящая заглавіе уже прямо по имени настоящаго ея героя — «Reinhardt-Fuchs» *). Замѣтимъ, что о существованіи упомянутой первоначальной французской редакціи «Романа о Лисѣ» (въ шестнадцать аватюръ) до послѣдняго времени заключали лишь по столькимъ же эпизодамъ произведенія нѣмецкаго поэта изъ Эльзаса, которое признавалось и, какъ теперь оказывается, вполнѣ справедливо, болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ французскаго образца.

Виновникомъ предположенія, что старинная редакція французскаго «Романа о Лисѣ» (Roman de Renart), которой слѣдовалъ Гейнрихъ Глихезеръ, не дошла до насъ, хотя бы и не въ самомъ первоначальномъ видѣ, былъ первый издатель «Ренара», Меонъ. Крайне некритично отнесшись къ рукописямъ, онъ, ради искусственной послѣдовательности и воображаемаго единства издаваемыхъ имъ текстовъ, расположилъ разнообразные эпизоды только постепенно нароставшей обширной поэмы, сложенные въ разное время и разными лицами, въ такомъ порядкѣ, что не оказывалось никакого параллелизма между составными частями, съ одной стороны французской поэмы, а съ другой — произведенія Глихезера. Только въ недавнее время сдѣланное Эрнестомъ Мартиномъ строго-критическое сравненіе двадцати рукописей французскаго «Roman de R.» **) показало, что версія, которой слѣдовалъ авторъ нѣмецкаго «Reinhardt'a», воспроизводится цѣлою группой сказанныхъ рукописей, — вообще представляющей, къ тому же, признаки наибольшей близости къ первоначальной формѣ поэмы, такъ какъ въ ней порядокъ отдѣльныхъ эпизодовъ (происшествій, «aventures» или, по другому названію, вѣтвей, «branches») почти совершенно одинаковъ съ тѣмъ, который находится въ нѣмецкой редакціи.

На основаніи очень вѣскихъ спеціальныхъ данныхъ и соображеній, проф. Мартинъ полагаетъ, что первымъ ядромъ всей французской

*) Напечатана Гриммомъ, тамъ же, стр. 25 и слѣд., и Барчемъ въ коллекціи средневѣковыхъ нѣмецкихъ писателей, выходящей подъ редакціей Пфейффера.

**) Ern. Martin. Examen critique des Manuscrits du Roman de Renart (Bâle, 1872), 43.

Digitized by Google

поэмы о лисѣ былъ именно разсказъ о судѣ льва (Le plait или le Jugement)—уже въ латинскихъ поэмахъ дворъ царя звѣрей служилъ предлогомъ для сатиры на королевскую власть и условія придворной жизни въ человѣческомъ обществѣ,—разсказъ, сопровождаемый двумя другими о продѣлкахъ подсудимаго Ренара; и только постепенно къ этому основному ядру прибавлялись все новыя повѣствованія о похожденіяхъ и плутовскихъ продѣлкахъ лисы. Такое наростаніе должно было совершаться весьма быстро, такъ какъ уже очень скоро «Романъ о Л.» сдѣлался необыкновенно популярнымъ (около 1233 г., бывшій пріоромъ въ Vic-sur-Aisne, Готье де-Куанси говоритъ, что даже въ монастыряхъ похожденія Ренара читаются охотнѣе, чѣмъ житія угодниковъ). Естественно, что чѣмъ распространеннѣе становилось самое произведеніе, тѣмъ легче должны были происходить въ немъ видоизмѣненія и перестановки отдѣльныхъ частей. При обиліи все вновь присочиняемыхъ подвиговъ главнаго героя, процессу надъ нимъ всего удобнѣе было, наконецъ, отвести въ поэмѣ такое мѣсто, гдѣ-бы онъ являлся какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, занимая середину между предшествующими ему позднѣйшими поступками лисы Ренара.

Съ формальной стороны французская поэма о Лисѣ представляетъ собою не законченное произведеніе, вылившееся изъ-подъ пера одного или двухъ, послѣдовательно работавшихъ надъ даннымъ сюжетомъ, художниковъ, а рядъ отдѣльныхъ разсказовъ изъ исторіи борьбы между Лисой и Волкомъ, хотя внѣшнимъ образомъ эти разсказы уже рано соединялись въ особые сборники, носившіе заглавіе «Le Roman de Renart». Мы знаемъ, что отдѣльныя части такого, скорѣе механически составленнаго цѣлаго обозначались въ рукописяхъ словами «branches», или «aventures». Всѣхъ ихъ извѣстно до тридцати-шести *), но иныя изъ нихъ составляютъ лишь параллели къ другимъ, болѣе раннимъ, являясь какъ бы ихъ варіантами; заключаютъ онѣ въ себѣ приблизительно до 35,000 стиховъ. Однѣ изъ браншей, впрочемъ очень немногія, написаны извѣстными намъ по имени **), другія же анонимными труверами, и то содержатъ въ себѣ по нѣскольку тысячъ стиховъ, то не достигаютъ и двухсотъ. Нѣкоторыя бранши, однакожъ, представляютъ настолько единства и связи между собою, что образуютъ какъ бы цѣльную поэмку, — несомнѣнно, произведеніе одного лица: таковы 2-ая, 3-я и 4-ая бран-

*) E. Martin, тамъ же, стр. 7—9.

**) Таковъ, напр., Преръ де-С.-Клю, которому приписывали цѣлый рядъ браншей (см. Jonckbloet, Etude sur le Rom. de Renart и его же Gesch. der niederländischen Literatur, I, стр. 135); но послѣ работъ Пол. Парй и Е. Мартина, этотъ пунктъ въ исторіи французской поэмы о Лисѣ требуетъ тщательной провѣрки.

Digitized by Google

ши, разсказывающія о томъ, какъ Лиса украла у мужика рыбу съ воза, какъ Изенгримъ постригался въ монахи и какъ лиса съ волкомъ рыбу ловили; замѣтимъ, что онѣ носятъ всѣ признаки наиболѣе ранняго происхожденія въ ряду остальныхъ многочисленныхъ развѣтвленій цѣлой поэмы *). Писаны бранши «Roman de Renart» короткими, попарно риѳмующими стихами, подобно «фабльо», съ которыми онѣ имѣютъ большое сходство по своему общему тону, нерѣдко отличающемуся чрезвычайной шутливостью (оттого нѣкоторыя бранши и обозначаются въ рукописяхъ словомъ «gabet» — шутка), которая очень часто сопровождается чрезмѣрно многословною сатирой и, сверхъ того, иногда вырождается въ самый грубый, необузданный цинизмъ. Послѣднее зависѣло отъ того, что одни разсказы о Лисѣ предназначались для слушателей изъ болѣе образованныхъ классовъ общества, а другіе слагались для городской черни и вообще для низшихъ классовъ населенія. Впрочемъ, склонность къ скабрезности тѣмъ менѣе была рѣдкостью въ средѣ труверовъ низшаго разбора и замѣнявшихъ ихъ, для простого народа, жонглеровъ, что въ число тѣхъ и другихъ не рѣдко попадали разнаго рода неудачники изъ клериковъ, отличавшіеся, конечно, весьма низкою нравственностью; за-то они же заносили въ литературу народныхъ языковъ западной Европы изъ преждевременно покинутой ими школы, почерпнутые въ ней сюжеты, — оттого такъ часто содержаніе бранше́й «Романа о Лисѣ» представляетъ только свободную переработку какого-нибудь уже отъ древнихъ извѣстнаго, аполога; но новые авторы варьируютъ эти пересказы на всевозможные лады, руководясь желаніемъ приподнести своей аудиторіи нѣчто совершенно новое и до тѣхъ поръ не слыханное. Въ этой погонѣ за новымъ, слагатели стихотворныхъ разсказовъ о Лисѣ не ограничивались присочиненіемъ новыхъ бранше́й, а порою брали уже существующія, чтобы съизнова пересказать ихъ съ добавленіями или сокращеніями, измѣняя при этомъ и самый тонъ ихъ и вводя сближенія съ окружавшею ихъ дѣйствительностью и намеки на совершавшіяся въ то время событія.

И такъ, французскій «Roman de Renart» не былъ разъ навсегда законченнымъ эпическимъ произведеніемъ, а представлялъ такъ-сказать собраніе отдѣльныхъ, постепенно присочинявшихся разсказовъ о дѣяніяхъ главнымъ образомъ двухъ героевъ изъ животнаго міра, взаимный антагонизмъ которыхъ былъ главною пружиной въ ходѣ дѣйствія всего этого безконечнаго сказанія о Лисѣ и Волкѣ,—разсказовъ, которые и располагались въ сборникахъ труверовъ и жонглеровъ безъ всякой строгой послѣдовательности, съ полнымъ забвеніемъ

*) E. Martin, тамъ же, стр. 23.

Digitized by Google

того, которые изъ нихъ были первоначальнѣе, которые новѣе. Только впослѣдствіи сдѣлана была редакторомъ основной изъ рукописей, образующихъ третью, такъ сказать сводную группу, попытка, впрочемъ довольно неумѣлая, достигнуть бо́льшаго единства и болѣе строгой послѣдовательности въ развитіи цѣлаго, можетъ быть въ теченіе столѣтія накоплявшагося матеріала... Между тѣмъ въ послѣдній, за такой продолжительный промежутокъ времени, успѣла войти масса новыхъ эпизодовъ, болѣе или менѣе вольно воспроизводившихъ дошедшіе, то литературнымъ, то устнымъ путемъ, до каждаго даннаго автора разсказы, которые представлялись ему годнымъ матеріаломъ для обогащенія содержанія и безъ того всѣми жадно читавшагося и слушавшагося произведенія, такъ что, наконецъ, этою массой была затерта исходная точка всего цѣлаго. И только новѣйшей критикѣ удалось открыть въ латинскихъ произведеніяхъ монастырской полу-ученой музы, въ свою очередь исходившихъ изъ занесеннаго съ дальняго Востока сказанія о бѣдѣ, постигшей волка при дворѣ его повелителя, царя звѣрей *).

Редакція сказанія о Лисѣ, составляющая украшеніе средневѣковой нидерландской литературы и извѣстная подъ названіемъ «Ренартъ» (Renaert) **), воспроизводитъ именно ту 20-ю бранш французскаго «Романа о Лисѣ», которая должна быть признана самою первоначальной частью всей этой обширной французской поэмы. Фламандскій авторъ самъ говоритъ, что онъ работалъ «по французской книгѣ» (na den walschen boeken); къ своему подлиннику, впрочемъ, онъ относился довольно свободно и только мѣстами передавалъ его дословно. Объ авторѣ извѣстно только, что онъ назывался Виллемъ и написалъ еще другое, не разъ упоминаемое писателями той же эпохи, произведеніе подъ заглавіемъ «Сонъ Мадока» (Madocs droom),

*) Изданіе „Roman de Renart", принадлежащее Меону и совершенно устарѣвшее благодаря своей крайней некритичности, только сбивавшей изслѣдователей, заключаетъ въ своихъ 4-хъ томахъ (1831) тридцать-двѣ бранши въ 30 тысячъ слишкомъ стиховъ (не считая томъ, изданный Chabaille'емъ, въ 1835 г., и содержащій „Suppléments, variantes etc." къ изданію Меона). Его вполнѣ замѣняетъ изданіе проф. Е. Мартина, на критическій этюдъ котораго о рукописяхъ „Rom. de Ren." указано выше. Кромѣ того, извѣстны еще три другія обработки „Романа о Лисѣ" на старо-французскомъ яз., принадлежащія каждая отдѣльному, по имени извѣстному намъ автору; но онѣ уже рѣзко отмѣчены всѣми особенностями послѣдующаго періода въ исторіи французской литературы, такъ что мы считаемъ болѣе умѣстнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

**) Около 8,000 стиховъ. Изданія: Willems, Reinaert de Vos (Gent, 1836 и 2-е изд. 1850) и Jonckbloet, Van der Vos Renaerte (Groning, 1856); на ново-нѣмецкій перевелъ Geyder, снабдивъ примѣчаніями (Breslau, 1844), и на французскій Delapierre (Bruxelles, 1837).

Digitized by Google

содержаніе котораго, однакожъ, остается для насъ загадкой. Написана фламандская поэма о Лисѣ никакъ не позже 1250 года, такъ какъ уже около этого времени она упоминается въ разныхъ другихъ произведеніяхъ, но и не задолго передъ указаннымъ годомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ замѣчательное совершенство языка и стиха, невозможное въ произведеніи болѣе ранняго періода. Послѣ того какъ какой-то Балдуинъ перефразировалъ содержаніе «Renaert'a» латинскими стихами (до 1280 года) и притомъ въ морализирующемъ тонѣ, другой анонимный подражатель Виллема, приблизительно въ концѣ XIII или въ началѣ XIV столѣтія, попытался продолжить художественно-законченное произведеніе послѣдняго, хотя также пользуясь французскимъ источникомъ, и, между прочимъ, присоединилъ разсказъ о поединкѣ между Лисой и Волкомъ, но въ поэтическомъ талантѣ онъ уступаетъ своему предшественнику. Въ XV в. появилась новая передѣлка нидерландской поэмы о Лисѣ, исполненная воспитателемъ одного лотарингскаго принца, по имени Hinric von Alkmar, который раздѣлилъ «Ренарта» на главы и снабдилъ особымъ толкованіемъ въ прозѣ. Эта-то вторая, подновленная версія нидерландскаго «Ренарта» и получила обще-европейскую извѣстность (между тѣмъ какъ первоначальный образецъ ея, старофранцузскія поэмы о Ренарѣ, оставался забытымъ), благодаря ея переводу на нижне-нѣмецкое нарѣчіе, подъ заглавіемъ «Reineke Vos», исполненному въ концѣ XV в. и впервые изданному въ 1498 г. въ Любекѣ *). Необыкновенной популярности «Рейнеке» въ XVI стол. особенно способствовала чуждая первой половинѣ Виллемова «Ренарта», но сильная у его продолжателей, безпощадная сатира на государственныхъ правителей и ихъ вассаловъ и приближенныхъ, а также на высшее духовенство, — сатира, слишкомъ хорошо отвѣчавшая общему настроенію реформаціонной эпохи.

Вотъ вкратцѣ содержаніе «Renaert'a»:

Левъ Нобель, царь всѣхъ звѣрей, назначаетъ, на Троицынъ день, торжественное собраніе при дворѣ. Сошлись всѣ звѣри, за исключеніемъ Лисы-Ренарта, не осмѣлившагося явиться ко двору по причинѣ разныхъ содѣянныхъ имъ проступ-

*) По однимъ—Николаемъ Бауманномъ, по другимъ—любекскимъ типографщикомъ Баркгузеномъ, а, можетъ быть, ни тѣмъ, ни другимъ (Latendorf, Zur Kritik u. Erklärung des Reineke Vos. (Schwerin 1865). Новѣйшее изданіе „Рейнеке" исполнилъ C. Schröder (Lpzg. 1872). Сравнительныя достоинства въ „Ренартѣ" и въ „Рейнекѣ" выяснены Гервинусомъ, II, p. 638 и сл. Въ 1544 г. былъ сдѣланъ первый переводъ на верхне-нѣмецкій литературный языкъ; существуютъ также переводы на шведскомъ, датскомъ, даже исландскомъ и т. д. Изъ новѣйшихъ обработокъ по-нѣмецки извѣстны— Гете, гекзаметромъ (1794 г.), и Soltau, размѣромъ подлинника (1803 г.). Гетева передѣлка извѣстна и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Мих. Достоевскаго.

Digitized by Google

ковъ. Волкъ-Изегримъ выступаетъ съ жалобой на отсутствующаго, къ которой присоединяются и всѣ остальныя животныя. Барсукъ-Гримбартъ пытается заступиться за Ренарта, увѣряя, что онъ ведетъ жизнь отшельника; но тутъ какъ разъ появляется пѣтухъ Кантеклеръ съ носилками, на которыхъ находится трупъ последней изъ его дочерей, Копиэ, сдѣлавшейся, подобно ея сестрамъ, жертвою Ренарта. Тогда рѣшаютъ вызвать Ренарта на судъ. Медвѣдь-Браунъ, преисполненный горделивой самонадѣянности, берется вручить Лисѣ приглашеніе. Но Ренартъ, пользуясь ненасытнымъ обжорствомъ медвѣдя, заманиваетъ его въ ловушку. Подойдя вмѣстѣ съ нимъ къ дубовому стволу, въ который были вбиты клинья съ цѣлью расколоть его, Ренартъ увѣряетъ, что въ разщелинѣ множество вкуснаго меду, и когда лакомка Браунъ запускаетъ туда обѣ переднія лапы и морду, Ренартъ поспѣшно выдергиваетъ клинья, и прищемленный медвѣдь подвергается со стороны сбѣжавшихся крестьянъ столь сильнымъ побоямъ, что едва успѣваетъ убѣжать, и то еле живымъ. Послѣ этого къ Ренарту былъ отправленъ Котъ-Тибертъ, но хитрая Лиса заводитъ и его въ амбаръ къ священнику, гдѣ, по ея словамъ, мыши кишьмя кишатъ; Тибертъ самъ попадаетъ тамъ въ петлю, изъ которой спасается, едва не поплатившись жизнью. Подобное посрамленіе обоихъ царскихъ посланцевъ приводитъ льва въ неистовый гнѣвъ; тѣмъ не менѣе двоюродный братъ Ренарта, барсукъ-Гримбартъ, убѣждаетъ царя лѣсовъ, согласно обычаю и законамъ, въ третій разъ вызвать на судъ виновнаго, что̀ ему же и поручается исполнить. Гримбарту, дѣйствительно, удается уговорить Лису отправиться вмѣстѣ съ нимъ ко двору; при этомъ Ренартъ предварительно исповѣдуется предъ нимъ въ своихъ грѣхахъ и дѣлаетъ краткій перечень всѣхъ своихъ злостныхъ продѣлокъ. Получивъ отъ Гримбарта полное отпущеніе, Лиса является наконецъ ко двору. Нобель упрекаетъ ее въ дурныхъ поступкахъ, особенно же въ обидѣ, недавно еще причиненной ею обоимъ царскимъ посланцамъ. Ренартъ возражаетъ, что такая ужъ его судьба вѣчно быть оклеветаннымъ: на самомъ же дѣлѣ онъ всегда былъ самымъ вѣрнымъ вассаломъ своего государя; что же касается Брауна и Тиберта, оба они попали въ бѣду по собственной винѣ, такъ какъ поступили вопреки его настоятельнѣйшимъ совѣтамъ. Какъ бы то ни было, Ренартъ подвергается тюремному заключенію и, наконецъ, присуждается даже къ висѣлицѣ. Его заклятые враги готовы уже вздернуть его на воздухъ, но онъ упрашиваетъ позволить ему еще разъ исповѣдаться, теперь уже предъ лицемъ всего народа. Въ своей исповѣди онъ вскользь упоминаетъ о несмѣтномъ сокровищѣ, доставшемся въ его руки какъ разъ въ счастливую минуту, такъ какъ иначе оно послужило бы для выполненія задуманнаго покушенія на жизнь царя Нобеля. Испуганная царица требуетъ, чтобъ онъ, ничего не утаивая, сообщилъ имъ какъ было дѣло, — и вотъ Ренартъ, замѣтивъ до какой степени онъ успѣлъ заинтересовать всѣхъ, приступаетъ къ обстоятельному разсказу о томъ, какъ нѣкогда его собственный отецъ, вмѣстѣ съ Брауномъ, Изегримомъ и Гримбартомъ составили заговоръ въ намѣреніи лишить царя короны и жизни. Сокровище, ведущее свое начало отъ короля Гермелинка, находилось во владѣніи старика Ренарта, которымъ оно и предназначалось на наемъ солдатъ, долженствовавшихъ возвести Брауна на тронъ вмѣсто Нобеля. Но будто бы Гримбартъ въ пьяномъ видѣ проговорился обо всемъ этомъ женѣ его, Ренарта, а онъ, какъ истинный вѣрноподданный, не желая, чтобы великодушный Нобель былъ низвергнутъ жестокосерднымъ медвѣдемъ, счелъ за наиболѣе благоразумное украсть у своего отца сокровище и такимъ образомъ сдѣлать невозможнымъ осуществленіе преступнаго замысла. Спасши такимъ образомъ жизнь льва, онъ тѣмъ не менѣе впалъ въ немилость, тогда какъ Браунъ и Изегримъ пользуются при дворѣ неме-

Digitized by Google

томъ. По настоянію царицы, Нобель даруетъ осужденному помилованіе, но только Ренартъ долженъ указать ему мѣсто, гдѣ скрыто сокровище. Ренартъ проситъ царя принять отъ него въ даръ это сокровище, но, назвавъ пустыню, гдѣ оно находится отказывается самъ проводить туда высокихъ особъ, отговориваясь своимъ обѣтомъ безъ замедленія отправиться въ Римъ и въ св. Землю, чтобы вымолить себѣ тамъ отпущеніе грѣховъ. Тогда царь всенародно возвѣщаетъ, что Ренарту отпускаются всѣ вины его, а Брауна и Изегрима, за выраженное ими по поводу такого рѣшенія неудовольствіе, приказываетъ заключить въ темницу. Ренартъ, сверхъ того, съумѣлъ добиться, что изъ Брауна вырѣзывается кусокъ шкуры на дорожную котомку для него, а Изегримъ и его жена должны проститься съ своими подошвами, которыя идутъ на изготовленіе обуви, необходимой Ренарту для дальней дороги. Съ притворнымъ плачемъ прощается Ренартъ со всѣми, прося ихъ при случаѣ заступиться за него, и въ сопровожденіи Зайца-Куварта и Барана-Беллина оставляетъ дворъ царя звѣрей и отправляется сначала въ свой замокъ. По прибытіи туда, баранъ остается внѣ жилища Ренарта, тогда какъ Кувартъ слѣдуетъ внутрь за послѣднимъ, чтобъ утѣшить его жену, опечаленную мужниным отъѣздомъ. Обманщикъ разсказываетъ своей семьѣ, что Заяцъ пожалованъ ему Нобелемъ въ награду за перенесенную имъ неправду, послѣ чего бѣдный Заяцъ немедленно былъ растерзанъ. Уложивъ въ котомку голову Зайца, Лиса передаетъ ее Беллину, котораго посылаетъ впередъ, говоря, что заяцъ еще у своей безутѣшной тетки и что въ котомкѣ содержатся важныя письма къ царю, которому онъ долженъ ихъ доставить; если же Баранъ желаетъ заслужить особое благоволѣніе царя, то ему стоитъ только, вручая ихъ, сказать, что своимъ содержаніемъ они обязаны его непосредственному участію. Послѣ этой дерзкой продѣлки Ренартъ, съ женой и дѣтьми, пускается въ бѣгство. Ознакомившись съ содержаніемъ котомки, Левъ приходитъ въ такую ярость и испускаетъ столь ужасное рычаніе, что всѣ животныя трепещутъ. Благодаря ходатайству Леопарда, Фьераппеля, обоимъ узникамъ, Брауну и Изегриму, возвращается свобода, и Беллинъ со всѣмъ своимъ родомъ предоставляется въ ихъ полное распоряженіе на вѣчныя времена. А Ренартъ объявленъ лишеннымъ покровительства законовъ.

Кромѣ замѣчательно объективнаго тона разсказа, столь выгодно отличающаго первоначальную фламандскую версію отъ многословной французской версіи «Романа о Лисѣ», первая характеризуется также мастерскимъ, полнымъ здороваго юмора воспроизведеніемъ различныхъ сценъ обыденной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ типичныхъ особенностей изъ области какъ мертвой природы, такъ и животнаго міра. Не безъ основанія сближаютъ это произведеніе нидерландской литературы съ созданіями позднѣйшей фламандской живописи, видя въ нихъ, въ одинаковой мѣрѣ, непосредственное отраженіе національнаго духа нидерландцевъ съ его обычною склонностью къ реалистическому міросозерцанію *). Другая важная сторона «Renart'a» заключается въ томъ, что здѣсь ярко воспроизведенъ общій характеръ той эпохи: въ лицѣ изворотливаго, необыкновенно смышленнаго Ренарта, въ концѣ концовъ посрамляющаго своихъ противниковъ, принадлежащихъ къ придворной

*) Gervinus, тамъ же, стр. 215.

Digitized by Google

средѣ животнаго царства, среднее сословіе торжествуетъ свою побѣду надъ феодальнымъ дворянствомъ,

Любопытно, что при самомъ началѣ это новое, національное направленіе нидерландской литературы получило не только чисто-демократическую, но даже коммунистическую окраску *). Вопреки теоріи парижскаго ученаго Алана (Alanus), авторитетность котораго выразилась въ присвоенномъ ему прозвищѣ «doctor universalis», сторонники классовъ, освободившихся отъ феодальнаго ярма, въ одинъ голосъ заявляли, что благородство обусловливается отнюдь не унаслѣдованнымъ правомъ земельной собственности, а честностью и добродѣтелью доступными каждому и дѣлающими даже бѣглаго раба равнымъ природному дворянину. Но доискиваясь основной причины, признаннаго тогда несправедливымъ, прежняго порядка вещей, народная мысль заключила, что первое начало всему злу лежитъ въ понятіи о «моемъ» и «твоемъ», и затѣмъ послѣдовательно провозгласила трицаніе собственности вообще, какъ единственное средство спасенія. Но подобный взглядъ не могъ долго держаться въ литературѣ народа, для котораго, въ силу его природныхъ свойствъ, на первомъ планѣ въ жизни стояла мирная, производительная дѣятельность и, обыкновенно обусловливаемая послѣднею, приверженность къ скромной, но прочной въ своихъ основахъ морали съ ея обычными идеями долга, трудолюбія, честности и здраваго смысла. Нидерландцы рано поняли необходимость просвѣщенія, и въ тогдашней нидерландской литературѣ сказывается стремленіе не только поучать нравственности, но и расширять умственный кругозоръ читателей изъ среднихъ классовъ, такъ что въ литературѣ постепенно пріобрѣтаютъ безусловное преобладаніе дидактизмъ и обыкновенно съ нимъ дружно уживающаяся аллегорія. Возникши какъ разъ въ началѣ переходнаго періода европейской исторіи, нидерландская литература по необходимости запечатлѣна тѣмъ анти-поэтическимъ духомъ, который всегда отличаетъ промежуточныя эпохи и, кстати замѣтимъ, этотъ отпечатокъ, благодаря особымъ условіямъ дальнѣйшаго развитія нидерландской литературы въ XVI—XVII столѣтіяхъ, сохранился на ней даже до новѣйшихъ временъ.

Поворотъ отъ подражательно-романтическаго направленія къ національно-дидактическому въ нидерландской литературѣ нашелъ себѣ въ самое первое время всесторонняго выразителя, могущаго даже, въ извѣстномъ смыслѣ, считаться его виновникомъ. Такимъ основателемъ дидактической литературной школы въ Нидерландахъ, по-

*) Подобная же черта была указана нами и въ произведеніи Жана де-Мегъ „Le Roman de la Rose“.

Digitized by Google

лучившимъ на своей родинѣ названіе «отца нидерландской литературы», былъ Яковъ Марлантъ (Jacob Maerlant, или точнѣе van Maerlant, т.-е. изъ Марланта, по имени одного изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ему приходилось жить въ продолженіе своей многолѣтней авторской дѣятельности). Марлантъ, фламандецъ по происхожденію, родился, по всей вѣроятности, въ Дамме, неподалеку отъ Брюгге; тамъ же онъ и умеръ. Годы его рожденія и смерти въ точности не опредѣлены; полагаютъ однакожь, что онъ скончался въ промежуткѣ между 1291 и 1300 гг. Обстоятельства его жизни почти неизвѣстны; мы знаемъ только, что онъ еще въ молодости переселился въ Голландію, гдѣ состоялъ на службѣ и, въ качествѣ ученаго человѣка (по тогдашнему клерика), повидимому, исполнялъ секретарскія обязанности при графской канцеляріи. Еще тамъ же онъ испыталъ, какъ кажется, неудачную любовь къ женщинѣ, стоявшей, повидимому, выше его по своему общественному положенію. По смерти покровительствовавшаго ему опекуна, еще несовершеннолѣтняго тогда графа Флориса V, Марлантъ, примѣрно въ 1257—58 г., возвратился къ себѣ на родину, во Фландрію, гдѣ, какъ видно изъ посвященій разныхъ вслѣдъ затѣмъ написанныхъ имъ сочиненій, довольно долго оставался въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Въ Дамме онъ занималъ, неизвѣстно съ какого времени, должность секретаря при городскомъ управленіи. Умеръ онъ въ довольно преклонномъ возрастѣ, и подъ конецъ своей весьма дѣятельной жизни пользовался уже вполнѣ обезпеченнымъ положеніемъ: по крайней мѣрѣ посвящая свое капитальное произведеніе: «Историческое Зерцало», упомянутому Флорису V, онъ прямо говоритъ, что не нуждается ни въ какой наградѣ, если только ему удалось угодить своему высокому покровителю, по порученію котораго имъ написано названное сочиненіе. Не такъ давно, въ Дамме, на его родинѣ, воздвигнутъ въ честь его памятникъ.

Самыя раннія изъ сочиненій Марланта принадлежали еще къ области прежней романтической поэзіи: это были—«Поэма объ Александрѣ» (между 1256—60 г.), образцомъ для которой послужила латинская, написанная около 1200 г. Жиллемъ де-Корбейль «Alexandreïs», и «Поэма о Троѣ» (Troja). Отъ поэмы о Троѣ сохранились впрочемъ только отрывки, показывающіе, что авторъ слѣдовалъ французской поэмѣ Бенуа де-Сенъ-Моръ. Но уже одинъ выборъ историческихъ сюжетовъ при самомъ началѣ писательской дѣятельности Марланта указываетъ на его прирожденную склонность къ дидактическому роду въ литературѣ, тѣмъ болѣе что въ своей обработкѣ заимствованнаго содержанія, онъ охотно пускается въ разнаго рода поучительныя разсужденія и не отступаетъ даже отъ ученой полемики съ самими авторами избран-

Digitized by Google

ныхъ имъ образцовъ. Литературно-историческій интересъ Марлантовой «Александреиды» въ томъ и заключается, что здѣсь впервые обозначился переходъ изъ одного литературнаго періода въ другой,— буржуазный поэтъ является въ своемъ первомъ счертаніи. За-то слѣдующее, почти одновременно съ «Александреидой» написанное произведеніе Марланта отличается уже совершенно дидактическимъ характеромъ. Обозначается оно обыкновенно своими начальными словами «Wapene Martijn (Къ сожалѣнію, Мартынъ!) или, просто, «Первый Мартынъ», и имѣетъ любимую тогда форму діалога, который ведется между самимъ поэтомъ и какимъ-то Мартыномъ. Помимо того, что собственно этимъ сочиненіемъ прежде всего была упрочена извѣстность автора, оно интересно для насъ особенно въ томъ отношеніи, что въ немъ, на-ряду съ общимъ отрицательнымъ взглядомъ на тогдашнюю дѣйствительность, ярко высказалось уже упомянутое нами увлеченіе даже чисто-коммунистическими воззрѣніями. Вслѣдъ за нѣсколькими строфами, посвященными вопросамъ о людской испорченности, о Богѣ и любви къ нему, при чемъ разсматриваются и разные виды земной любви, поэтъ съ задушевнымъ жаромъ трактуетъ о крѣпостномъ правѣ и его причинахъ, связывая съ этимъ и вопросъ о происхожденіи привилегированнаго дворянства, и наконецъ переходитъ къ собственности, въ которой онъ видитъ причину всѣхъ общественныхъ золъ. Уже въ этомъ произведеніи Марланта обнаруживается чрезвычайная легкость языка и стихотворной формы; но, кромѣ того, оно замѣчательно истинно-поэтическимъ одушевленіемъ, съ которымъ авторъ говоритъ объ избранныхъ имъ вопросахъ, и горячностью, съ какою онъ нападаетъ, за приниженные классы общества, на испорченные нравы духовенства, бичуетъ общіе недостатки своихъ современниковъ. Отсюда необычайный энтузіазмъ, съ какимъ было принято это произведеніе молодого поэта, вскорѣ переведенное и на латинскій, и французскій языкъ. Замѣтимъ, что именно въ этомъ же произведеніи довольно прозрачно отразилась и неудачная страсть Марланта къ неизвѣстной намъ знатной голландкѣ. Отдавъ въ «Wapene Martijn» и, отчасти, въ почти непосредственно тѣмъ написаннымъ «Dander Martijn» (Второй Мартинъ) дань личному любовному чувству и, въ тоже время, увлеченію крайними выводами современнаго ему философскаго критицизма, Марлантъ посвятилъ съ тѣхъ поръ свой поэтическій талантъ исключительно задачѣ не только наставлять своихъ соотечественниковъ съ цѣлью ихъ нравственнаго исправленія, но и содѣйствовать ихъ умственному просвѣщенію при помощи цѣлаго ряда дидактическихъ стихотворныхъ произведеній. Такого рода литературная дѣятельность, дѣйствительно, отвѣчала насущной потреб-

Digitized by Google

ности только-что окрѣпшаго тогда средняго сословія, которое, получивъ наконецъ активную роль на государственной аренѣ, сознавало, что ему прежде всего необходимо знаніе для того, чтобы прочно удержать за собой съ трудомъ завоеванное политическое значеніе. Своею дидактической поэзіей Марлантъ проводилъ въ общество свѣденія, относящіяся ко всѣмъ отраслямъ знанія: такъ, въ «Der Naturen Bloeme» (по «De naturis rerum» Ѳомы изъ Кантемпрé) онъ просвѣщалъ своихъ читателей по части природовѣденія, не безъ примѣси морали и строгой сатиры; въ «Hejmelijkheid der Heimelijkheiden» (по «Secreta Secretorum», сентенціозному произведенію, которое ложно приписывали Аристотелю), онъ преподавалъ правила мудраго государственаго управленія; въ «Reymbybel» *) (Риѳмованная Библія, оконцена въ 1271 г.) знакомилъ, по считавшейся тогда классическою «Historia scolastica» Петра Коместора и по извѣстному сочиненію Іосифа Флавія, съ исторіей ветхаго и новаго Завѣта. За рѣзкія внушенія, обращенныя имъ въ этомъ сочиненіи къ высшимъ представителямъ церкви, Марлантъ навлекъ себѣ различныя притѣсненія со стороны духовенства, такъ что дѣло доходило даже до разбирательства у утрехтскаго епископа. Въ назиданіе мірянамъ поэтъ переклады-валъ въ стихи также и благочестныя легенды (о св. Кларѣ, св. Францискѣ и т. п.) и даже нѣкоторые отдѣлы христіанскаго вѣроученія (о св. Троицѣ).

Но важнѣйшее мѣсто между дидактическими произведеніями Марланта, какъ по своей обширности, такъ и по чрезвычайной энциклопедичности содержанія, принадлежитъ «Историческому Зерцалу» (Spieghel historiaal, между 1284—90 г.). Сохраняя и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ значительную долю самостоятельности по отношенію къ источникамъ, Марлантъ отнесся въ этомъ сочиненіи еще съ большею независимостью къ послужившей ему образцомъ, знаменитой и весьма объемистой энциклопедіи Викентія изъ Бове „Speculum Majus“ или, точнѣе, одной изъ частей ея, «Speculum historiale». Эта самостоятельность служитъ доказательствомъ высокой его образованности. Отбросивъ то, что̀ въ латинскомъ «Зерцалѣ» предназначалось спеціально для читателей-монаховъ, а также и многое изъ не столь интересной для лицъ средняго сословія древней исторіи, Марлантъ посвятилъ выигранныя такимъ образомъ страницы, во-первыхъ, разсказамъ изъ исторіи важнѣйшихъ нидерландскихъ провинцій, и во-вторыхъ, развитію идей и стремленій, отражавшихъ свободный духъ его современниковъ. Въ этомъ сочиненіи Марлантъ является писателемъ, не только обладающимъ обширною ученостью, соединен-

*) Изд. въ Брюсселѣ въ 2-хъ томахъ (1858—60).

Digitized by Google

ною съ рѣдкимъ въ то время критическимъ отношеніемъ къ источникамъ, но и съумѣвшимъ пріурочить самостоятельно переработанный чужой матеріалъ къ умственнымъ потребностямъ фламандскаго бюргерства. Въ немъ съ особенной рѣзкостью выраженъ основателемъ національной нидерландской литературы протестъ противъ созданій французской феодально-рыцарской поэзіи, которыя онъ безъ обиняковъ объявляетъ исполненными однѣхъ лживыхъ выдумокъ. Развитію такого взгляда на предшествовавшій ему литературный періодъ посвящены цѣлые отдѣлы въ поэмѣ, — несомнѣнное доказательство, что какъ для автора, такъ и для его читателей, вопросъ имѣлъ весьма живое значеніе. Къ сожалѣнію, языкъ этого наиболѣе обширнаго изъ произведеній Марланта (до 100,000 стиховъ), отличается неровностью и тяжеловатостью, что́ обусловливалось, конечно, какъ дряхлостью автора, застигнутаго смертью еще прежде окончанія своего труда, такъ и чрезвычайною широтой избраннаго имъ плана *). Впрочемъ и не всѣ части поэмы были написаны самимъ Марлантомъ, если разсматривать ее въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ: по его кончинѣ она была продолжаема другими. Важнѣе продолженіе, писанное Людовикомъ ванъ-Вельтгемъ (Lodewijk van Velthem ok. 1320 г.), такъ какъ при всѣхъ его недостаткахъ въ отношеніи поэтической формы, оно заключаетъ важныя данныя изъ исторіи событій и нравовъ того времени, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ.

Лебединою пѣснью Марланта было воззваніе къ крестовому походу въ св. Землю (Van den lande van Overzee), стихотвореніе, отличающееся большимъ жаромъ и рѣзкими нападками на представителей свѣтской и духовной власти, небрегущихъ, ради корыстолюбивыхъ земныхъ цѣлей, интересами христіанства. Упоминаніе о взятіи Акры сарацинами (12 мая 1291 г.) указываетъ на время, когда было написано это, повидимому, послѣднее произведеніе Марланта.

Лучшій изъ національныхъ историковъ нидерландской литературы **) видитъ главную заслугу Марланта въ томъ, что онъ столь энергически проводимымъ направленіемъ особенно содѣйствовалъ укрѣпленію и развитію средняго сословія въ Нидерландахъ. Благодаря горячему усердію и неутомимой стойкости своего поэта въ борьбѣ

*) Считавшаяся утраченною до 1869 г., когда она была найдена Ферд. Гельвальдомъ въ вѣнской библіотекѣ, вторая часть (до 33,000 стих.) Марлантова «Spieg. histor.» издана въ 1873 г. въ Лейденѣ, въ 4-хъ томахъ, при участіи двухъ голландскихъ ученыхъ; первая часть издана тамъ же, въ 1857—61 г.

**) Jonckbloet, тамъ же, I, стр. 251.

Digitized by Google

за просвѣщеніе и право, оно пріобрѣло ясное сознаніе того пути, по которому надо было слѣдовать сообразно съ духомъ времени.

Вліяніе Марланта на литературу послѣдующаго времени было громадно. Всѣ наиболѣе значительные писатели конца XIII в. и первой половины XIV-го являются его послѣдователями или, по крайней мѣрѣ, осыпаютъ его похвалами. Но, уже благодаря самому характеру основаннаго имъ литературнаго направленія, дѣятельность его преемниковъ въ нидерландской литературѣ неизбѣжно должна была отличаться чрезвычайнымъ однообразіемъ; поэтому мы остановимся, и то не надолго, лишь на особенно выдающихся изъ нихъ. Важнѣйшимъ представителемъ марлантовой школы, вскорѣ по смерти ея основателя, былъ Янъ Бундале (Jan van Boendale), называвшійся такъ по имени мѣстечка, сосѣдняго съ тѣмъ городомъ, гдѣ онъ родился между 1280 — 90 г. Онъ извѣстенъ также подъ именемъ Jan de Clerk, потому что состоялъ въ должности секретаря при антверпенскомъ судѣ (около 1330 г.). Онъ сближался съ значительнѣйшими изъ своихъ современниковъ въ Нидерландахъ, по порученію которыхъ имъ и были написаны нѣкоторыя изъ его произведеній. Скончался онъ, по всей вѣроятности, осенью 1365 г., въ преклонныхъ лѣтахъ. Благодаря ему, морально-дидактическая литература получила особенное развитіе въ Брабантѣ. Прежде всего имъ была написана первая половина исторической хроники «Брабантскія дѣянія» (D. brabantsche Yeesten, т.-е. Gesta), въ которой изложена стихами, въ хвалебномъ тонѣ, исторія брабантскихъ герцоговъ почти до самаго 1315 г.; вторая же, болѣе обширная часть ея доведена до 1350 г. *). Изъ дидактическихъ произведеній Яна Бундале первымъ по времени было «Jans Teestije» (Воззрѣнія Яна), въ діалогической формѣ,—стихотвореніе, написанное между 1315 и 25 г. Въ началѣ обстоятельно развивъ свое убѣжденіе, что люди въ его время стали гораздо лучше противъ прежняго, авторъ послѣ ѣдкихъ нападокъ на дворянскво и духовенство, превозноситъ мирныя занятія земледѣліемъ и торговлей и даже прямо заявляетъ, что въ сущности только два сословія и возможны—горожане и земле-

*) Замѣчательны еще слѣдующія нидерландскія риемованныя хроники: Яна van Heelu—хроника, написанная м. 1291—94 г., о завоеваніи Лимбургской области герцогомъ Іоанномъ I брабантскимъ (битва при Woeringen'ѣ, 1288 г.), и, можетъ быть, того же автора, „Разсказъ о Гримбергской войнѣ“ (De Grimbergsche Oorlog), которую въ нач. XII в. вели съ Готфридомъ Бородатымъ, герцогомъ брабантскимъ, владѣтельные бароны гримбергскіе. Обѣ хроники, благодаря поэтическому характеру нѣкоторыхъ частей, занимаютъ еще средину между собственно исторической хроникой и эпопеей. Въ Голландіи представителемъ стихотворной исторіографіи на народномъ языкѣ былъ Melis Stoke, котораго хроника (написана м. 1287—1306 г.) обнимаетъ исторію голландскаго графства съ его основанія до 1305 г.

Digitized by Google

дѣльцы. При всей рѣзкости его выходокъ въ демократическомъ духѣ, у него уже нѣтъ отличавшихъ одно время Марланта коммунистическихъ поползновеній,—признакъ того, что первоначальное броженіе идей, сопровождавшее освободительное движеніе средняго сословія, улеглось; но по отношенію къ церкви авторъ не ограничивается бичеваніемъ порочнаго духовенства: онъ предвѣщаетъ и неизбѣжную реформу въ ея устройствѣ, задѣваетъ также и догматическую сторону ея ученія и отрицаетъ значеніе признаваемыхъ ею святыхъ, за исключеніемъ одной Богородицы. Не менѣе сильно сказывается духъ времени въ главнѣйшемъ произведеніи Бунгале — «Зерцало мірянъ» (Leekenspieghel), въ которомъ дидактическая школа достигаетъ своего дальнѣйшаго разцвѣта». Написано оно между 1325—30.

Задача этого произведенія: помочь мірскому человѣку въ его невѣжествѣ. Важнѣйшую долю его составляетъ третья часть, которая отличается особенно заботливой обработкой: въ ней преподаются тройственныя обязанности человѣка—къ Богу, къ своимъ ближнимъ и къ самому себѣ, и въ подкрѣпленіе ихъ приводятся разнообразные разсказы. Въ извѣстномъ смыслѣ эта дидактическая поэма должна быть признана, если не художественнымъ, то все-таки весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, соединяя живость и теплоту съ пластической наглядностью всегда умѣло выбранныхъ примѣровъ для назиданія. Остается невыясненнымъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ въ «Зерцалѣ мірянъ» политическіе взгляды автора оказываются, сравнительно съ ихъ характеромъ въ его предыдущемъ произведеніи, нѣсколько измѣнившимися, именно въ смыслѣ болѣе полнаго признанія власти государственныхъ правителей, «установленныхъ самимъ Богомъ для управленія народомъ». Въ 1345 г. издано было Яномъ третье дидактическое сочиненіе: «Die Dietsche Doctrinale», въ которомъ онъ главнымъ образомъ возвеличиваетъ ученіе и науку, какъ главный источникъ счастія на землѣ. Тремя названными сочиненіями Яна изъ Бундале, собственно говоря, исчерпывалась программа дидактической школы,—программа, въ основѣ которой лежало убѣжденіе, что городское сословіе должно составлять ядро всего общественнаго строя, но подъ условіемъ непрестаннаго упражненія своихъ силъ при помощи знанія и строгой житейской нравственности. Подобно Марланту, Янъ Бундале имѣетъ также болѣе соціальное, нежели художественное значеніе; но нельзя не замѣтить, что общія имъ обоимъ стремленія выражены въ его произведеніяхъ съ большею законченностью и, сверхъ того, языкомъ, представляющимъ замѣтный успѣхъ въ сравненіи съ стихотворною рѣчью Марланта. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей названныхъ двухъ писателей былъ Янъ Вертъ (Jan de Weert), врачъ въ Иперпѣ, умершій не ранѣе 1362 г. Въ его

Digitized by Google

«Nieuwe Doctrinal» или «Spieghel der Sonden» т.-е. «Зерцало грѣховъ», написанномъ около 1351 г., встрѣчаются взгляды въ чисто-протестантскомъ духѣ и притомъ выраженные во имя здраваго человѣческаго смысла.

Исключительное преобладаніе дидактическаго направленія въ нидерландской литературѣ не обошлось, однакоже, безъ реакціи, которая выразилась въ попыткахъ вновь обработать прежнія французскія рыцарскія поэмы или романы; но для того, чтобъ эти попытки могли имѣть художественное значеніе, не доставало уже ни надлежащихъ жизненныхъ условій, ни искренности поэтическаго вдохновенія. Поэтому, вмѣсто обширныхъ эпическихъ произведеній на романтическіе сюжеты, являются, хотя и съ подобнымъ же содержаніемъ, но, сравнительно говоря, весьма недлинные разсказы, на подобіе французскихъ «lais», «dits» и «contes dévots», носящіе названіе «sproke». Впрочемъ, и въ нихъ романтическое содержаніе вскорѣ подавляется аллегорическимъ элементомъ, — признакъ невольнаго подчиненія авторскаго вдохновенія духу времени. Замѣчательно наблюдаемое при этомъ сліяніе поэтическихъ формъ: не смотря на кажущійся эпическій характеръ своего содержанія, нерѣдко подобные «sproken» носятъ строфическую оболочку лирической пѣсни. Выраженіемъ той же реакціи служили также и произведенія, вполнѣ соотвѣтствующія по содержанію и по формѣ французскимъ фабльо,—они обозначались словомъ «бурде» («boerde», тоже что нѣмецкіе швенки). Подобно фабльо и швенкамъ, нидерландскіе «boerden» были часто прямымъ отраженіемъ повседневной народной жизни, воспроизводя всѣ ея стороны, отъ самыхъ веселыхъ и смѣшныхъ до самыхъ грязныхъ и грубыхъ. Но въ нидерландской литературѣ сохранились «boerden» въ меньшемъ числѣ, нежели «sproken»: во-1-хъ, потому, что они довольно скоро, благодаря раннему возникновенію въ Нидерландахъ свѣтской сцены, приняли драматическую форму; во-2-хъ, по болѣе суровому отношенію къ нимъ, за ихъ нерѣдко шокирующее нравственность содержаніе, со стороны не только властей, но и самого общества, подчинившагося со временемъ вліянію пуританской щепетильности кальвинизма, который, какъ извѣстно, пріобрѣлъ большое значеніе въ Нидерландахъ.

Авторы литературныхъ произведеній въ Нидерландахъ носили, какъ и въ Германіи, названіе поэтовъ (Dichter); лица же, распѣвавшія ихъ передъ публикой, если это были не сами сочинители, назывались въ XIII в. «menestreels», а въ XIV, когда пѣніе замѣнилось декламированіемъ, — «spreker», «zegger», а также и «dichter», тогда какъ самое декламированіе обозначалось выраженіемъ «sproke spreken» или «ghedichten segghen». Эти spreker'ы вполнѣ отвѣчали странствующимъ декламаторамъ (такъ-назыв. persevanten) въ Германіи и, по-

Digitized by Google

побно имъ, состоя на придворной или городской службѣ, сочиняли и произносили подходящія къ каждому данному случаю стихотворенія. Изъ наиболѣе замѣтныхъ между подобными стихослагателями-декламаторами въ XIV—XV столѣтіяхъ въ Нидерландахъ мы назовемъ Hein'a van Aken (Генрихъ изъ А., ум. около 1330 г.), весьма плодовитый поэтъ, но многое изъ его трудовъ не дошло до насъ; ему принадлежитъ въ общемъ довольно удачный, подъ заглавіемъ «De Rose», переводъ знаменитаго въ его время «Романа Розы», который онъ, однакожъ, мѣстами сокращалъ. Эта работа исполнена имъ, повидимому, въ молодости; оригинальное же его произведеніе: «D. Roman v. Limborch» создавалось въ продолженіе цѣлыхъ тридцати-шести лѣтъ (1280—1317 г.). Эта, состоящая изъ 12 книгъ или пѣсень, поэма— лучшій представитель реакціи противъ исключительно бюргерско-дидактическаго направленія въ нидерландской литературѣ. Другимъ выдающимся spokenspreker'омъ, заслуживающимъ вниманія, былъ Willem van Hillegaarsberg (его имя встрѣчается въ документахъ голландскаго графскаго дома между 1383—1407 г.): ему, повидимому, принадлежитъ уже упоминутая нами вторая редакція нидерландскаго Renaert'a *). Онъ удержалъ цѣликомъ произведеніе перваго автора, прибавивъ только новый прологъ и измѣнивъ конецъ, въ которомъ Лиса побѣждаетъ въ поединкѣ Изегрима и затѣмъ назначается верховнымъ судьей звѣринаго царства. Имъ написано также много политическихъ стихотвореній въ строфической формѣ, въ которыхъ онъ, подобно своимъ нѣмецкимъ современникамъ и собратамъ, также отличается крайней сухостью, аллегоризмомъ и отсутствіемъ поэзіи. Послѣднимъ крупнымъ представителемъ средневѣковой нидерландской литературы былъ Диркъ Поттеръ, голландскій дворянинъ, умершій въ 1428 г. Онъ нѣкоторое время занималъ должность главнаго судьи въ Гагѣ, а также не разъ исполнялъ дипломатическія порученія своихъ государей и, кажется, дважды побывалъ въ Италіи. Свое сочиненіе онъ написалъ какъ-разъ во время пребыванія въ Римѣ, въ 1409 г. Это была цѣлая поэма, рассматривающая всѣ виды любви,—«D. Minnenloop» (Поприще любви); высказываемые въ ней взгляды и правила подкрѣпляются многочисленными любовными исторіями, почерпнутыми изъ Овидія и другихъ источниковъ. При всемъ разнообразіи содержанія, поэма отличается удовлетворительнымъ единствомъ; въ ея планѣ, кажется, можно видѣть вліяніе «Декамерона». Общая же тенденція въ ней— дать противоядіе читателямъ «Розы» Акена, которую Поттеръ считалъ слишкомъ соблазнительною вещью. Не смотря на свою принадлеж-

*) Jonckbloet, тамъ же, стр. 288—91.

Digitized by Google

ость къ привилегированному классу, авторъ въ своихъ взглядахъ полнѣ подчиняется бюргерскому образу мыслей, — мораль его отличается такою же узостью и повседневною посредственностью. Хотя логъ поэмы Поттера довольно легокъ, но самый языкъ испорченъ чрезмѣрнымъ обиліемъ нѣмецкихъ словъ, что́ произошло, вѣроятно, благодаря усилившемуся германскому вліянію въ Голландіи, гдѣ въ то время правители принадлежали къ баварскому дому.

Вслѣдствіе упадка мѣстной аристократіи и исчезновенія ея придворныхъ кружковъ, въ Нидерландахъ, со времени усиленія городского сословія, лирическая поэзія на народномъ языкѣ, въ смыслѣ лирики трубадуровъ и миннезенгеровъ, не имѣла для себя надлежащей почвы; въ предшествовавшемъ же періодѣ въ придворныхъ сферахъ, какъ мы знаемъ, преобладалъ, вмѣстѣ съ французскимъ вліяніемъ, и французскій языкъ. Изъ всѣхъ нидерландскихъ государей только одинъ герцогъ брабантскій Іоаннъ I написалъ нѣсколько пѣсень по-нидерландски, изъ которыхъ девять дошли до насъ, но и онѣ отличаются вполнѣ французской манерой, хотя и не лишены искренняго, наивнаго чувства. Въ тоже время въ Нидерландахъ, конечно, существовала живая «народная» лирика, но и здѣсь, какъ въ Германіи, народная пѣсня въ ея болѣе ранней формѣ остается для насъ неизвѣстной, такъ какъ въ Нидерландахъ первый, и то печатный, сборникъ, содержащій «новыя и старыя пѣсни», появился не ранѣе середины XVI столѣтія.

Такъ какъ рѣчь вообще о средневѣковомъ театрѣ еще впереди, то мы очертимъ пока нѣсколькими словами только внѣшнюю, такъ сказать, исторію нидерландской драматической литературы. Въ западной Европѣ сначала возникаетъ духовная драма и изъ нея потомъ развивается свѣтская, но въ Нидерландахъ послѣдняя вырабатывается, кажется, самостоятельно, и именно изъ діалогическихъ декламацій sprokenspreker'овъ, причемъ не безъ вліянія были, вѣроятно, и столь излюбленныя охотницей до зрѣлищъ буржуазіей «живыя картины», признававшіяся въ XIV в. во всей Европѣ однимъ изъ главныхъ украшеній при разныхъ торжественныхъ случаяхъ общественной жизни. Разнаго рода сценическія произведенія въ Нидерландахъ носили слѣдующія названія: серьезная драма съ романтическимъ сюжетомъ называлась «abel-spel»; шутка, наиболѣе народный видъ нидерландскаго драматическаго искусства по своему содержанію,—часто драматизированное «boerd«е или фабльо—обозначалось словомъ «sotternie» или «sotte klucht»; духовныя пьесы, разумѣется, также существовавшія въ Нидерландахъ, именовались „mysterie“, позже „mirakel-spelen“. Актеры обозначаются въ оффиціальныхъ документахъ того времени словами: „ghesellen“,

Digitized by Google

или „ghesellen van den spele". Самый ранній памятникъ сценической литературы въ Нидерландахъ представляютъ четыре abele-spelen и шесть sotternien, всѣ въ одной и той-же рукописи, писанной, повидимому, во Фландріи около половины XIV в. *). Духовныя драмы всюду исполнялись первое время, какъ извѣстно, въ самыхъ церквахъ, и въ Нидерландахъ это случалось мѣстами вплоть до конца XV в.; но обыкновенно онѣ разыгривались на городской площади, причемъ представленіе длилось иногда цѣлые дни и даже недѣли. Въ эти духовныя драмы все сильнѣе проникалъ всюду дававшій себя знать въ то время аллегоризмъ: въ мистеріи «Первая радость Дѣвы Маріи», впервые представленной въ 1444 г. въ Брюсселѣ, встрѣчается уже нѣсколько «олицетвореній» (Злосчастіе, Молитва и т. под.). То былъ прямой переходъ къ чрезвычайно усердно разработывавшемуся въ нидерландской литературѣ такъ-называемому «sinnespel", совершенно соотвѣтствующему французскимъ „moralités", въ формѣ которыхъ аллегорія, послѣ того какъ она разъѣдающимъ образомъ подѣйствовала на эпосъ и лирику, овладѣла и средневѣковой сценой.

Мы уже упоминали, что странствующіе поэты-декламаторы нерѣдко соединялись въ сомкнутое товарищество для устройства сценическихъ представленій, принимая при этомъ, какъ значится въ разныхъ сохранившихся отъ того времени документахъ, названіе „ghesellen van der conste" (искусства), или „van den spele". Здѣсь проявлялся тотъ-же характеризующій жизнь западнаго городского сословія духъ, который выразился въ такихъ учрежденіяхъ, какъ цехи, гильдіи, торговые союзы городовъ въ родѣ ганзейскаго, и, наконецъ, въ области литературы, школы мейстерзингеровъ. Совершенно аналогичны съ этими послѣдними были въ Голландіи «риторическія камеры» (Kamers van Rethorica): первоначально онѣ состояли, можетъ быть, изъ однихъ, такъ сказать, присяжныхъ представителей словеснаго искусства, лишившихся для своей артистической дѣятельности нѣкогда столь благодарнаго, въ матеріальномъ смыслѣ, положенія при дворахъ владѣтельныхъ особъ и въ замкахъ феодальной знати, и вынужденныхъ теперь избрать постоянное мѣстопребываніе въ разбогатѣвшихъ городахъ, гдѣ они, отчасти невольно проникаясь общимъ духомъ, отчасти же взаимно проникаемые однородными интересами, естественно стремились сблизиться между собою, организуя въ болѣе или менѣе ограниченныхъ размѣрахъ артистическія товарище-

*) Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: Esmoreit, Gloriant, Lanceloot van Denemarken; de sotternie van Lipijn, de hexe, Rubben и проч. Напечатаны въ 6-мъ томѣ „Horæ belgicæ" Hoffmann'a von Fallersleben (1838).

Digitized by Google

ства. Къ нимъ постепенно стали примыкать и любители поэзіи изъ различныхъ слоевъ городского населенія, пока наконецъ не образовались обширныя любительскія общества, носившія приведенное наименованіе, между тѣмъ какъ сами члены назывались «риторами» или, ближе къ нидерландской формѣ, «реториками» (Rederijker). По своему внутреннему строю, «риторическія камеры» были настолько сходны съ германскими «мейстерзингерскими школами», что распространяться о нихъ значило-бы повторять уже сказанное нами по поводу этихъ послѣднихъ. Нѣкоторое отличіе заключается въ особой расположенности «риторовъ» или «камеристовъ» къ сценическому искусству, обусловленной общераспространенною въ Нидерландахъ склонностью къ пластическимъ зрѣлищамъ. Время наивысшаго процвѣтанія камеръ, также какъ и мейстерзингерскихъ школъ—XVI столѣтіе, но и XV вѣкъ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ имъ. Назовемъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ: самою раннею была въ предѣлахъ Бельгіи «Альфа и Омега», въ городѣ Иперпѣ, возникшая, вѣроятно, еще въ концѣ XIV в.; за нею слѣдуетъ «Левкой» въ Антверпенѣ, съ 1400 г., и «Книга» въ Брюсселѣ, съ 1401 г.; въ сѣверныхъ Нидерландахъ камеры организовались нѣсколько позднѣе, — прежде всѣхъ въ Миддельбургѣ съ 1430 г., въ Амстердамѣ только къ концу XV в., въ Утрехтѣ даже не ранѣе 1577 г. Предшественники «риторовъ», вышеупомянутые „ghesellen van der conste", соединявшіеся для устройства сценическихъ представленій во время разныхъ городскихъ празднествъ, дѣйствовали въ качествѣ добровольныхъ диллетантовъ. Но когда подобные временные союзы замѣнились окончательно окрѣпшими и получившими прочное существованіе «камерами реторики», то и театральное дѣло стало вполнѣ ихъ достояніемъ, и съ того же времени въ актахъ уже встрѣчается, вмѣсто прежняго, названіе „ghesellen van der Retorike", Получивъ сначала, подобно всякимъ средневѣковымъ гильдіямъ и цехамъ, значеніе религіознаго союза, камеры постепенно эманципируются отъ церковнаго вліянія, и свѣтскій элементъ съ теченіемъ времени беретъ въ ихъ средѣ рѣшительный перевѣсъ. Своимъ процвѣтаніемъ онѣ были обязаны въ весьма значительной степени покровительству какъ нѣкоторыхъ нидерландскихъ правителей, такъ и многихъ аристократовъ, и самихъ городскихъ властей. Отъ тѣхъ и другихъ онѣ получали разнаго рода привилегіи и болѣе или менѣе значительныя пожертвованія и пособія; иногда знатное лицо становилось во главѣ извѣстной камеры, содѣйствуя тѣмъ ея популярности и артистическому значенію въ средѣ остальныхъ обществъ того-же рода. Смотря по тому, получала-ли камера чью-либо санкцію, или нѣтъ, она принадлежала къ числу «свободныхъ», или «несвободныхъ», — послѣднія

Digitized by Google

не пользовались признаніемъ и со стороны прочихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ камеръ. Протекція переходила иногда въ прямую регламентацію: такъ въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія была учреждена «Высшая суверенная камера», просуществовавшая до 1577 г. Впрочемъ, то было уже время, когда вообще существованіе «риторическихъ камеръ» приближалось къ концу. Дѣло въ томъ, что бурныя политическія событія XVI—XVII в. оказали весьма существенное вліяніе на судьбу названныхъ обществъ. Въ южныхъ провинціяхъ Нидерландовъ онѣ замерли подъ желѣзною рукой герцога Альбы, тѣснившаго ихъ за патріотическія тенденціи; на сѣверѣ, въ Голландіи, около того же времени, т.-е. въ концѣ XVI в., также послѣдовало со стороны генеральныхъ штатовъ, во имя оффиціальной нравственности, запрещеніе сценическихъ представленій риториковъ; но особенно гибельными для послѣднихъ были тамъ возникшія съ 1618 г. церковныя замѣшательства. Съ началомъ XVIII столѣтія камеры въ Нидерландахъ изчезаютъ, можно сказать, повсюду.

Между тѣмъ, именно сценическія представленія составляли главную задачу дѣятельныхъ риториковъ: подобно тому какъ мейстерзингеры состязались другъ съ другомъ въ лирическихъ произведеніяхъ, члены камеръ устроивали состязанія при помощи театральныхъ пьесъ, исполненіе которыхъ на сценѣ продолжалось иногда по нѣскольку дней при самой пышной обстановкѣ и при грандіозномъ числѣ участвующихъ; со стороны же властей города, гдѣ происходило подобнаго рода литературно-артистическое состязаніе, назначались болѣе или менѣе цѣнные призы. Члены одной камеры не ограничивались представленіями въ одномъ своемъ городѣ, а посѣщали и сосѣдніе города. Это называлось „entreyen"; а когда въ состязаніи принимали участіе болѣе многочисленныя камеры, то подобные съѣзды обозначались словомъ „Landjuweelen" (названіе произошло отъ драгоцѣнныхъ предметовъ, служившихъ призами для побѣдителей на конкурсѣ). Первоначально камеры выступали, впрочемъ, только участницами при ежегодныхъ празднествахъ, даваемыхъ обществами стрѣлковъ; но съ тѣхъ поръ какъ камеры достигли большей самостоятельности, онѣ стали и сами предпринимать такія состязанія. (Кромѣ „Landjuweelen", были еще такъ-называемыя „Haagspelen", въ которыхъ участвовали и сельскія камеры). Особенной знаменитостью по своему великолѣпію пользовался Lanjuweel, состоявшійся въ Антверпенѣ, въ августѣ 1561 г.; въ немъ принимали участіе до 14 камеръ *). Исполнялись въ подобныхъ случаяхъ,

*) Чтобы дать хоть приблизительное понятіе о роскоши и блескѣ подобныхъ торжествъ, прибавимъ, что, напр., представители четырнадцатой, именно брюссельской, „ка-

Digitized by Google

обыкновенно, упомянутые „spelen van zinne“ или драматизированныя аллегоріи (съ одною изъ нихъ мы познакомимъ чатателей въ главѣ о средневѣковомъ театрѣ). Самымъ позднимъ изъ большихъ Landjuweelen былъ устроенный въ Мехельнѣ, въ 1620 году. Не смотря на крайнюю незначительность театральныхъ произведеній камеристовъ въ художественномъ отношеніи, они очень важны въ исторіи нидерландской литературы: мало того, что они въ высокой степени содѣйствовали поддержанію патріотическаго духа въ Нидерландахъ въ періодъ чужеземнаго ига, въ нихъ лежали и зародыши позднѣйшаго національнаго театра, получившаго въ XVII в., подъ разными вліяніями, новое направленіе *).

Проза въ Нидерландахъ далеко отстала въ своемъ развитіи сравнительно съ поэзіей. Самый ранній ея памятникъ—нѣкоторыя граматы отъ половины XIII в. (1249—51 г.). Языкъ этихъ граматъ отличается крайнею невыработанностью, особенно если сопоставить его съ превосходною стихотворной рѣчью современнаго имъ «Renaert'a». Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи прозаическая литература представляетъ рядъ мистическо-религіозныхъ сочиненій, напр., Яна Рейсбрука (van Ruysbroek, ум. въ 1381 г.), замѣчательныя какъ по глубинѣ содержанія, дѣлающей ихъ важнымъ памятникомъ развитія христіанской мистики на Западѣ, такъ и по силѣ и задушевности языка; житія разныхъ святыхъ и переводы схоластическихъ трактатовъ и назидательныхъ сочиненій, напр., «Byenboek», переводъ весьма популярнаго сочиненія Ѳомы изъ Кантэнпрé «Bonum universale de apibus», принадлежащій еще второй половинѣ XIV в. Между хрониками замѣчателенъ переводъ, XIV же вѣка, важной по содержанію латинской «Хроники объ утрехтскихъ епископахъ», составленной около 1350 г. Яномъ фанъ-деръ-Бека; наконецъ, въ XV в. и позже многочисленные пересказы въ прозѣ наиболѣе популярныхъ изъ прежнихъ стихотворныхъ поэмъ и романовъ, получившіе со временемъ значеніе «народныхъ книгъ» **).

Извѣстно, какъ велико было участіе нидерландцевъ въ дѣлѣ возрожденія классическаго гуманизма въ средней Европѣ, однимъ

меры риторики“ явились въ Антверпенѣ въ числѣ 340 богато-разодѣтыхъ всадниковъ; сверхъ того въ ихъ поѣздѣ находилось до 80 ярко разукрашенныхъ колесницъ съ многочисленными эмблематическими фигурами, прислуга же при нихъ вся была одѣта въ ярко-красные костюмы.

*) Schotel: Geschidenis der rederijkers in Nederland. 1863, Amsterd.—Ferd. Hellwald: Gesch. des holländischen. Theaters. Rotterdam, 1874 (начиная съ XVII столѣтія и до 30-хъ годовъ настоящаго).

**) Van Vloten, Verzameling van Nederland-Prozastuken. — Van der Bergh, De Nederlandsche Volksromans. 1837 (изданная въ Амстердамѣ монографія о послѣднемъ изъ перечисленныхъ въ текстѣ видовъ прозаической литературы).

Digitized by Google

изъ важнѣйшихъ представителей котораго былъ Эразмъ Роттердамскій, по характеру своей дѣятельности всецѣло принадлежащій уже XVI столѣтію. Но здѣсь нельзя не сказать, что еще въ XIV—XV вв. въ Нидерландахъ подготовлялась почва, возростившая такихъ блестящихъ дѣятелей, какъ Эразмъ и другіе. Какъ извѣстно, нидерландскіе средніе классы рано поняли необходимость просвѣщенія. и вотъ, во второй половинѣ XIV в. является энергическій выразитель этого стремленія въ средѣ родного ему сословія горожанъ. Въ весьма важномъ тогда, по своему торговому значенію, голландскомъ городѣ Девенстерѣ, въ 1340 г., у одного изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ родился сынъ Гергардъ де-Гроте (ум. въ 1384 г.); получивъ за границей широкое образованіе и рано отказавшись отъ блестящей карьеры, онъ возвратился на родину, гдѣ основалъ знаменитое «Broederschap van't gemeene leven», или «Братство общежитія» *). Многочисленныя школы, основанныя этимъ свободнымъ и не чуждымъ весьма распространенныхъ тогда мистическихъ идей братствомъ не только въ Нидерландахъ, но и въ Германіи, были истинными разсадниками научнаго гуманизма, такъ-какъ въ нихъ усердно переписывались и изучались произведенія классической древности, занесенныя послѣ паденія Константинополя въ Италію, а оттуда проникшія и въ среднюю Европу. Въ девентерской «братской школѣ», центрѣ занятій древними классиками, былъ ректоромъ извѣстный Александръ Гугіусъ, ученикомъ котораго, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ Эразмъ Роттердамскій. Братство заботилось также о распространеніи просвѣщенія и въ низшихъ народныхъ слояхъ, учреждая съ этою цѣлью повсюду элементарныя школы, изъ которыхъ особенно извѣстна безплатная школа въ Цволле для неимущихъ клириковъ. Оно много послужило этимъ на пользу протестантизма въ Нидерландахъ, для воспріятія котораго народныя массы оказались здѣсь умственно подготовленными. Центромъ же образовательныхъ занятій въ духѣ старой схоластической науки, также давшимъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей, былъ университетъ въ Лювенѣ, основанный герцогомъ Іоанномъ IV въ 1426 году.

Инн. Болдаковъ.

---

*) См. о немъ у Bonnet-Maury: Gérard de Groote, un précurseur de la Réforme etc.

Digitized by Google

XIX. Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ до конца XIV вѣка.

Подробныя библіографическія указанія по славянской этнографіи, исторіи и исторіи литературы читатель найдетъ въ образцовомъ трудѣ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича: „Исторія славянскихъ литературъ" (Изд. второе, два тома, Спб. 1879—1881), который мы рекомендуемъ особенному вниманію всѣхъ, желающихъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ. Здѣсь же, какъ и въ послѣдующихъ главахъ нашего краткаго очерка, мы укажемъ только главнѣйшія пособія, преимущественно тѣ, которыми мы пользовались при своемъ изложеніи.

G. Krek. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. Gratz. 1874.

Slovník Naučný, изд. подъ ред. Фр. Лад. Ригера, XI томовъ. Прага, 1859—1874 (Статьи, относящіяся къ славянству).

По исторіи болгарской литературы:

Иречекъ, К. І. Исторія болгаръ. Пер. подъ ред. Ф. Бруна. Одесса, 1876.

Палаузовъ, С. Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852.

Голубинскій, Е. Е. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, болгарской, сербской и румынской. М. 1871.

По исторіи сербской литературы:

Jagić, V. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. I. Staro doba. Zagreb, 1867.

Новаковичъ, Ст. Историја српске книжевности. Изд. 2-е, Бѣлгр. 1871.

Майковъ, А. Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіей народа. М. 1857.

По исторіи русской литературы:

Галаховъ, А. Исторія русской словесности, древней и новой. Два тома. Спб. 1880 (2-е изд.).

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть І. Древній періодъ. Каз. 1878 (3-е изд.).

Буслаевъ, Ѳ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Два тома. М. 1861.

Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви. Томъ І (двѣ книги). М. 1879—1881.

Макарій, еписк. (потомъ митроп. московскій). Исторія русской церкви, т. І—III. Спб. 1857.

Сухомлиновъ, М. О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. Спб. 1857.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи, т. І—IV.

Смирновъ. Литература Слова о полку Игоревѣ со времени открытія его до 1875 года. Воронежъ 1875 (изъ „Филологич. Записокъ").

По исторіи чешской литературы:

Sabina, K. Dějepis literatury české. Прага, 1860—64.

Tieftrunk, K. Historie literatury české. Прага, 1880 (2-е изд.).

Šembera, Al. V. Dějiny řeči a literatury československé. Věk starší. Вѣна. 1878 (4-е изд.).

Vybor z literatury české, томъ І, до Гуса, изд. Шафарикомъ. Прага. 1845. Томъ II, изд. Эрбеномъ, Прага 1857—1864. 3 выпуска.

Digitized by Google

По исторіи польской литературы:

Wiszniewski, M. Historya literatury polskiej. Kraków 1840—1845. 7 томовъ. Восьмой томъ изданъ въ обработкѣ Мацевича (1851); девятый и десятый въ обработкѣ Жебравскаго (1857).

Кондратовичъ, Л. (В. Сырокомля). Исторія польской литературы отъ начала ея до настоящаго времени. Пер. О. Кузьминскаго. Два тома, М. 1862 (Сочиненіе неоконченное; переводъ—очень плохой и небрежный).

Wojcicki, K. Historya literatury polskiejw zarysach. Warsz. 1861. 4 тома.

Bartoszewicz, I. Historya literatury polskiej. Kraków. 1877 (2-е изд.). 2 тома.

1. Общія замѣчанія о славянствѣ и общій обзоръ исторіи литературнаго движенія у славянъ юго-восточныхъ и западныхъ. Славянское племя—самое многочисленное изъ всѣхъ племенъ арійской семьи—представляетъ въ настоящее время массу болѣе чѣмъ въ 90 милліоновъ человѣкъ, и какъ по своимъ этнографическимъ особенностямъ, такъ и по условіямъ своей исторической жизни, распадается на двѣ главныя группы — юго-восточную и западную. Къ первой принадлежатъ русскіе, болгары и сербы или сербо-хорваты; ко второй—поляки, чехи, словаки, словинцы (хорутане), лужичане и вымершее или исчезнувшее въ массѣ германскаго населенія племя балтійскихъ или полабскихъ (при-эльбскихъ) славянъ. Это раздѣленіе славянства, обозначившееся уже при самомъ началѣ его исторіи и затѣмъ, въ дальнѣйшемъ ея ходѣ, развивавшееся все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, обусловливало различіе культуры, политическаго и общественнаго быта и національныхъ интересовъ отдѣльныхъ племенъ той или другой группы, а слѣдовательно, имѣло рѣшительное вліяніе и на развитіе славянскихъ литературъ.

Географическое положеніе славянства на перепутьѣ между Римомъ и Византіей дѣлало его въ одинаковой степени доступнымъ вліянію двухъ различныхъ культуръ — восточной и западной. Это вліяніе не замедлило обнаружиться сначала въ сферѣ религіозной, а затѣмъ и въ политической и общественной, и закрѣпило раздѣленіе славянскихъ племенъ. Одни изъ нихъ, — именно, племена юго-восточной группы,—приняли христіанство изъ Византіи, другіе—изъ Рима, или, по крайней мѣрѣ, католическое вліяніе скоро одержало у нихъ верхъ надъ православнымъ; вслѣдствіе этого русскіе и болгары всѣмъ своимъ культурнымъ и литературнымъ развитіемъ примкнули къ Византіи, чехи и поляки—къ Риму и вообще къ западной Европѣ; сербское племя раздѣлилось на двѣ, почти равныя части—православную (собственно сербы) и католическую (хорваты), имѣвшія различную судьбу. Окончательное раздѣленіе церквей имѣло слѣдствіемъ, что славянскія племена пошли по двумъ различнымъ и от-

Digitized by Google

части даже противоположнымъ направленіямъ. Византія передала юго-восточному славянству свои понятія о полу-теократическомъ государственномъ строѣ; на западѣ развились феодальныя отношенія; византійская литература, имѣвшая почти исключительно-церковный характеръ, сообщила такую же окраску литературѣ южно-славянской въ которой повторился и развился еще далѣе византійскій догматизмъ съ его благочестиво-аскетическими идеалами, съ его замкнутостью отъ внѣшняго міра, съ его боязнью живой природы и реальнаго знанія; западное славянство, между тѣмъ, рано усвоило себѣ обще-европейскія образовательныя стремленія, рано было захвачено общей волной европейской цивилизаціи, отъ которой Византія старательно ограждала себя и своихъ духовныхъ дѣтей. Вслѣдствіе этого юго-восточное славянство впродолженіе многихъ столѣтій, составляло особый міръ, рѣзко отдѣленный отъ славянства западнаго и отъ остальной Европы, не имѣвшій съ нею почти никакихъ общихъ интересовъ; развитіе этого міра совершалось своимъ, особымъ порядкомъ, въ тѣсно-ограниченномъ кругу идей и понятій.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ юго-восточному славянству—сначала русскимъ, а потомъ болгарамъ и сербамъ — пришлось проститься съ своей политической самостоятельностью и подпасть владычеству воинственнаго азіатскаго племени. Этотъ фактъ имѣлъ также весьма важное вліяніе на культуру юго-восточныхъ славянъ, въ особенности—болгаръ и сербовъ, которые только въ наше время освободились отъ турецкаго ига и получили возможность самостоятельнаго развитія. Славянамъ западнымъ не приходилось, въ своей исторіи, переживать подобныхъ событій; если они — особенно чехи — и подверглись завоеванію иноплеменныхъ, то это завоеваніе имѣло характеръ совершенно мирный: это было воздѣйствіе латино-нѣмецкой культуры... Этимъ различіемъ въ исторической жизни двухъ вѣтвей славянскаго племени объясняется между прочимъ и судьба народной поэзіи у славянъ. Послѣдняя—и особенно богатырскій эпосъ—получила значительное развитіе у сербовъ, болгаръ и русскихъ, т.-е. у племенъ, стоявшихъ долгое время въ сторонѣ отъ европейской цивилизаціи и выдерживавшихъ тяжелую борьбу за существованіе съ турками и татарами; славяне западные, болѣе воспріимчиво относившіеся къ европейскому движенію и принимавшіе въ немъ извѣстное активное участіе, совершенно утратили воспоминанія о своемъ героическомъ періодѣ, забыли свой богатырскій эпосъ, нѣкогда, по всей вѣроятности, существовавшій и у нихъ, и вообще обладаютъ народной поэзіей, во многомъ отличающеюся отъ поэзіи ихъ восточныхъ единоплеменниковъ.

Литература, развившаяся въ средѣ юго-восточнаго славянства

Digitized by Google

подъ вліяніемъ византійскаго просвѣщенія, получила характеръ почти исключительно церковный. Религіозныя идеи получили въ ней первенствующее, руководящее значеніе и опредѣлили ея дальнѣйшій ходъ на много столѣтій. Византійская литература въ ту пору, когда началось ея вліяніе на славянскую книжность, находилась уже въ состояніи полнаго упадка, бывшаго результатомъ политическаго и общественаго одряхленія Восточной Римской имперіи. Наслѣдница богатаго запаса древне-эллинской образованности и литературы, Византія, т.-е. главнымъ образомъ строго-ортодоксальная часть византійскаго образованнаго общества, не пользовалась этимъ наслѣдіемъ и даже относилась къ нему отрицательно; ея литературная производительность, крайне слабая, ограничивалась почти только выборками да компиляціями изъ того, что дано было прежде; при упадкѣ просвѣщенія, письменность, бывшая достояніемъ немногихъ, была посвящена почти всецѣло разработкѣ вопросовъ религіозныхъ—поученіямъ въ духѣ аскетической морали и полемикѣ съ ересями въ области метафизическаго богословія. Умственная дѣятельность сосредоточивалась въ монастыряхъ; все свѣтское—наука, искусство, поэзія—подвергалось гоненію, какъ языческое. Духовная власть, опираясь на содѣйствіе власти гражданской, явилась хранительницей и судьей знанія, утверждая, что все, возможное для человѣка, знаніе уже находится въ св. писаніи и церковныхъ преданіяхъ, что здѣсь людямъ данъ не только непреложный критерій истины, но и все, что свыше суждено имъ знать. Такимъ образомъ, весь объемъ подобающаго людямъ знанія былъ опредѣленъ разъ на-всегда, что́, конечно, исключало возможность существованія науки даже въ роли прислужницы богословія (ancilla theologiae) и заключало пытливую мысль въ безвыходный, какъ будто заколдованный, кругъ. Характерною особенностью этого византійскаго церковнаго просвѣщенія является требываніе безусловнаго, пассивнаго повиновенія вѣками сложившемуся правилу, полнаго довѣрія къ книгѣ, подъ которою разумѣлась, почти исключительно, книга «божественная», освященная церковью и по своему содержанію мало доступная пониманію массы. На Западѣ, вмѣстѣ съ провозглашеніемъ вѣковой непреложности извѣстнаго авторитета, была все-таки сознана потребность подкрѣпить этотъ авторитетъ доказательствами «отъ разума», вслѣдствіе чего возникла схоластическая философія, сама по себѣ, конечно, безсодержательная, но все-таки заключавшая въ себѣ зародышъ дальнѣйшаго развитія критической мысли; здѣсь, на Востокѣ, принципы, разъ навсегда признанные непреложными и неизмѣнимыми, были признаны не нуждающимися ни въ какихъ умозрительныхъ доказательствахъ. Это было, можетъ быть, логичнѣе и послѣдовательнѣе; но, ставя

Digitized by Google

извѣстное ученіе внѣ всякой умственной борьбы, византійскій Востокъ тѣмъ самымъ исключалъ возможность всякаго поступательнаго движенія мысли и освящалъ высокимъ авторитетомъ традиціонный застой. Вслѣдствіе этого и въ области литературной развитіе сдѣлалось возможнымъ только въ смыслѣ количественномъ, т.-е. въ смыслѣ накопленія однородныхъ произведеній, а не въ качественномъ, т.-е. въ смыслѣ прогрессивнаго движенія идей. Литература, всегда вѣрно отражающая въ себѣ умственную жизнь общества, была зеркаломъ этого застоя: произведенія, явившіяся въ V или VI в., усердно переписывались и читались пятьсотъ и тысячу лѣтъ спустя, а то новое, что успѣло появиться въ этотъ длинный промежутокъ времени, будучи по содержанію совершенно однородно съ прежнимъ, по своему литературному достоинству опускалось все ниже и ниже.

Преобладающимъ видомъ литературныхъ произведеній сдѣлалась компиляція; самое почетное мѣсто среди книгъ, назначаемыхъ для всеобщаго употребленія, заняли сборники, христоматіи, составители которыхъ, по ихъ собственному выраженію, какъ пчелы, выбирали сокъ изъ различныхъ цвѣтовъ книжности. При отсутствіи новыхъ идей литература довольствовалась, такимъ образомъ, повтореніемъ сказаннаго за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ, и то, что писано было въ V вѣкѣ, вполнѣ удовлетворяло людей XV-го, какъ будто между этими двумя вѣками не прошло цѣлаго тысячелѣтія... Безспорно, въ византійской литературѣ, какъ въ ту пору, когда Византія пришла въ соприкосновеніе съ славянствомъ, такъ и впослѣдствіи, были и другіе элементы, болѣе живые и въ умственномъ отношеніи болѣе плодотворные, давшіе впослѣдствіи толчокъ европейскому Возрожденію; но узко-церковные взгляды, внесенные въ славянскую среду и сдѣлавшіеся для нея руководящими, исключали эти элементы изъ области просвѣтительнаго воздѣйствія. Впослѣдствіи все, что осталось живого въ Византіи, ушло на Западъ, въ Италію, и оттуда разошлось по всей Европѣ; Востокъ же остался совершенно чуждъ этому движенію, и въ продолженіе вѣковъ не отступилъ отъ завѣщаннаго стариною.

Литература, развившаяся подъ вліяніемъ оффиціальной церковности, конечно, не соотвѣтствовала умственнымъ потребностямъ читающаго люда, не находившаго въ ней опредѣленныхъ отвѣтовъ на тѣ запросы, которые возбуждались ея же содержаніемъ. Оффиціальная книга, недоступная пониманію массы, ничего или почти ничего не давала ея сердцу и уму; въ массѣ продолжали жить старыя языческія преданія, которыя, встрѣчаясь съ новыми, христіанскими идеями и представленіями, амальгамировались съ ними въ нѣчто цѣлое, въ

Digitized by Google

нѣчто такое, что̀ можетъ быть названо *христіанскою миѳологіей*. Въ этой-то области только и было возможно дальнѣйшее развитіе—и оно дѣйствительно явилось, не смотря на то, что оффиціальная литература очень рано возстала противъ этого развитія, и представители ея стали преслѣдовать относящіяся сюда книги, какъ ложныя, отреченныя (запрещенныя) или апокрифическія. Народныя сказанія, въ связи съ преданіями восточной и классической древности, наложили свой отпечатокъ на представленія о лицахъ и событіяхъ христіанской священной исторіи и вызвали цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ эта исторія является вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ даютъ ее книги, признанныя обязательными. Эта апокрифическая литература и въ Византіи, и еще болѣе въ средѣ юго-восточнаго славянства, получила особенное значеніе; она развивалась и совершенствовалась, хотя и здѣсь кругъ понятій все еще былъ очень узокъ, но это были понятія, усвоенныя массой, отъ нея исходившія и разработываемыя на народной почвѣ, въ книгахъ, доступныхъ пониманію простого грамотнаго человѣка, открывавшихъ ему (по его понятіямъ) самыя сокровенныя тайны міра...

Съ теченіемъ времени, когда нетерпимость первоначальнаго прозелитизма ко всему, что напоминало собою языческую старину, ослабѣла, явилась возможность книжной обработки сюжетовъ, унаслѣдованныхъ отъ этой старины, въ видѣ сказаній и повѣстей совершенно свѣтскаго содержанія. Старыя повѣсти объ осадѣ Трои, объ Александрѣ Македонскомъ, отрывки греческаго романа, сказанія, занесенныя съ Востока или составившіяся въ Европѣ подъ вліяніемъ фантастическихъ представленій о чудесахъ далекихъ странъ,—все это составило особый видъ литературы, который, въ своей дальнѣйшей разработкѣ, подвергался вліянію вкусовъ и понятій массы и, въ свою очередь, конечно, имѣлъ вліяніе на характеръ литературы вообще. Впослѣдствіи, сюда же присоединились разсказы болѣе или менѣе юмористическаго содержанія, шутки, анекдоты и т. п.

Таковы главные виды литературы византійской, перешедшіе и въ письменность юго-восточнаго славянства. Первое мѣсто въ этой литературѣ занимали, какъ мы видѣли, произведенія оффиціально-церковной письменности, исходившія изъ такихъ круговъ, которые имѣли руководящее и рѣшительное вліяніе на жизнь и развитіе общества. На противоположной сторонѣ стоитъ совокупность идей, выработавшихся въ народной массѣ и обнаруживающихъ, съ распространеніемъ грамотности, стремленіе перейти въ книгу. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ силъ порождаетъ литературу апокрифическую, а нѣкоторая терпимость къ произведеніямъ свѣтскаго содержанія даетъ и имъ возможность существовать и развиваться. Если ко всему этому

Digitized by Google

прибавить еще попытки историческаго повѣствованія о прошломъ, въ видѣ хроники или лѣтописи, то мы опредѣлимъ всю совокупность литературной производительности юго-восточнаго славянства въ древнемъ ея періодѣ, который у болгаръ и сербовъ продолжался до утраты ими политической самостоятельности въ XIV в., а на Руси—до конца XVII столѣтія.

При томъ, почти исключительно количественномъ, характерѣ, какимъ отличалось развитіе литературы этого періода, просвѣщеніе также имѣло характеръ только количественный, и притомъ крайне односторонній. Образованность того времени, стоявшая въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и бывшая результатомъ послѣдней, вѣрно характеризуется словомъ *книжность*. Объемъ знаній во все продолженіе древняго періода, въ сущности, оставался одинъ и тотъ же, и образованнымъ человѣкомъ считался «мужъ книженъ вельми», т.-е. начетчикъ, собиравшій книги и усердно ихъ читавшій и переписывавшій. Такому книжному мужу было очень легко внести и свой вкладъ въ литературу: для этого стоило только уподобиться пчелѣ и, не мудрствуя лукаво, собирать во-едино выписки изъ читаемыхъ книгъ, не прибавляя къ нимъ ничего «отъ своего разума». Такъ обыкновенно и поступали литературные дѣятели этой эпохи. Бо̀льшею оригинальностью и самостоятельностью отличается литература историческая; но и въ ней писатель постоянно имѣлъ передъ глазами византійскіе образцы и оставался всегда вѣренъ ихъ формальному примѣру.

Этотъ первый періодъ литературы юго-восточнаго славянства характеризуется, стало-быть, преобладаніемъ чужой, извнѣ принесенной письменности византійской надъ письменностью болѣе или менѣе оригинальною, памятники которой весьма скудны; литература—если подъ нею разумѣть самостоятельное проявленіе свободнаго народнаго духа — въ этомъ періодѣ, въ сущности, не существовала. Внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства — нашествіе монгольской орды на Русь въ половинѣ XIII вѣка, завоеваніе турками Болгаріи и Сербіи въ концѣ XIV в. — прервали естественный ходъ книжнаго развитія. На Руси, впрочемъ, еще уцѣлѣла старая литературная традиція; съ перемѣщеніемъ центра государственной и церковной жизни съ юга на сѣверъ, изъ Кіева въ Москву, сюда же переходитъ, съ конца XIV вѣка, и центръ дѣятельности книжной, которая продолжаетъ развиваться въ прежнемъ направленіи, параллельно объединенію московскаго государства. Идея централизаціи государственной и церковной находитъ опредѣленное выраженіе въ литературѣ, особенно съ того времени, какъ Москва, освободившаяся отъ татарскаго ига, присвоиваетъ себѣ, съ паденіемъ Восточной Римской

Digitized by Google

имперіи, роль второй Византіи и третьяго Рима. Въ продолженіе этого, второго или средняго, періода (до конца XVII вѣка) православное южное славянство, поставленное въ самыя неблагопріятныя условія тяжелымъ турецкимъ игомъ, остается лишеннымъ даже самаго элементарнаго просвѣщенія, а слѣдовательно и литературы; только церковь остается еще хранительницею славянской книжной рѣчи, только въ далекихъ монастыряхъ Аѳона тлѣетъ подъ пепломъ чуть замѣтный огонекъ стараго книжнаго преданія...

Московская Русь, складываясь постепенно въ централизованное государство византійскаго образца, въ силу своего положенія въ Европѣ и близкаго сосѣдства съ Польшей, служившей проводникомъ европейскихъ вліяній, и съ Малой Россіей, гдѣ эти вліянія въ XVII вѣкѣ успѣли уже принести видимые результаты, мало-по-малу освобождается отъ традиціонной исключительности и нетерпимости ко всему иноземнему и иновѣрному; потребность въ знаніи—первоначально для цѣлей чисто-практическихъ—сознается все болѣе и болѣе и заставляетъ искать помощи у иностранцевъ, которые приносятъ съ собою и различныя «художества», и науку въ ея средневѣковой, схоластической формѣ. Соединеніе Малой и Великой Россіи имѣетъ слѣдствіемъ переходъ въ Москву кіевской образованности, сложившейся по образцу латино-польскому; борьба этого новаго элемента съ старыми византійскими преданіями разрѣшается окончательнымъ поворотомъ къ Европѣ въ реформѣ Петра Великаго, окончательнымъ отказомъ отъ старинной замкнутости. Съ этого времени начинается въ русской наукѣ, литературѣ и общественной жизни новое движеніе. Принципъ, внесенный въ русскую жизнь реформой Петра, заключался въ отрицаніи стараго авторитета исключительной церковности и въ замѣнѣ его новымъ авторитетомъ — государственнымъ, авторитетомъ столь же исключительнымъ и недопускавшимъ, помимо сферы своего вліянія, никакого развитія. Литература и наука должны были безусловно служить этому авторитету, отъ котораго получали свою санкцію, — служить только ему одному, потому что и право голоса принадлежало только тѣмъ, кто говорилъ во имя этого авторитета. Такою постановкой вопроса объ общественномъ развитіи, о наукѣ и литературѣ обусловливается ихъ дальнѣйшее движеніе: оно заключается въ стремленіи общества (т.-е. передовой его части) пріобрѣсти себѣ извѣстную самостоятельность, въ стремленіи науки и литературы выйти изъ узкихъ обязательныхъ рамокъ и получить возможность свободнаго, независимаго развитія. Для литературы этотъ вопросъ о самостоятельности есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ о національности, объ освобожденіи отъ чужихъ образцовъ и формъ, съ цѣлью приблизиться къ народной жизни и сдѣлаться выразительни-

Digitized by Google

цей своихъ народныхъ и общественныхъ интересовъ. Медленно, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но все-таки неуклонно идетъ съ тѣхъ поръ по этому пути развитіе нашего общества, отражающееся и въ литературѣ; цѣль, поставленная ему исторіей, еще далеко впереди, но въ настоящее время едва-ли кто-нибудь, кромѣ людей, намѣренно закрывающихъ глаза себѣ и другимъ, станетъ сомнѣваться, что путь, о которомъ мы говоримъ — единственно вѣрный и плодотворный.

Съ паденіемъ сербскаго царства и съ полнымъ почти прекращеніемъ литературнаго движенія въ духѣ православно-византійскомъ, центромъ духовной жизни сербско-хорватскаго племени дѣлается далматинское приморье и особенно — дубровницкая республика. Здѣсь, среди католическаго славянства, развивается, начиная съ XV вѣка, богатая и своеобразная литературная дѣятельность. При тѣсной связи славянскаго населенія этого края съ итальянскимъ, вліяніе итальянской культуры и литературы Возрожденія сказалось здѣсь съ достаточною силой; но, все-же, оно не было въ состояніи поработить себѣ національный элементъ; литература, возникшая и развившаяся подъ этимъ вліяніемъ, представляетъ, въ общемъ, чрезвычайно оригинальное сочетаніе формъ, выработанныхъ итальянской лирикой, драмой и романическимъ эпосомъ, съ содержаніемъ національно-славянскимъ. Возрожденіе коснулось также и Дубровника, гдѣ, начиная съ XV вѣка, является цѣлый рядъ писателей-гуманистовъ, проникнутыхъ тѣми же стремленіями, какъ и гуманисты итальянскіе. Кромѣ произведеній оригинальныхъ, дубровницкая литература чрезвычайно богата и переводами писателей древне-классическихъ и итальянскихъ. Цвѣтущимъ періодомъ ея былъ XVI вѣкъ — вѣкъ Аріосто и Тассо — и первая половина XVII; затѣмъ далматинская поэзія и литература вообще стала, какъ и итальянская, постепенно терять свои силы и приходить въ упадокъ; этому упадку соотвѣтствовала и политическая судьба дубровницкой республики, въ 1808 году покончившей свое существованіе. Правда, дубровницкіе и вообще далматинскіе писатели и послѣ паденія республики все еще продолжали, въ теченіе нѣкотораго времени, свою дѣятельность; но центръ литературнаго движенія уже передвинулся на сѣверъ — въ Хорватію, Славонію, Венгрію, и оно уже утратило свою традиціонную итальянскую окраску.

Новый періодъ сербско-хорватской литературы, примыкающій своимъ началомъ къ концу періода дубровницко-далматинскаго (полов. XVII в.), ознаменовался «возрожденіемъ» православной части сербскаго племени; послѣ многовѣкового рабства политическаго и умственнаго, явилось стремленіе поднять уровень народнаго просвѣ-

Digitized by Google

щенія, желаніе вывести литературную дѣятельность на путь народный и національный. Такимъ же подъемомъ національнаго духа ознаменовалось начало нынѣшняго столѣтія и для католической части сербскаго племени, и для западнаго славянства — чеховъ и поляковъ. Политическое освобожденіе сербскаго княжества, завершившееся на нашихъ глазахъ, поддержало у сербовъ это движеніе, и дало ему прочность и силу. Наконецъ, тоже самое явленіе можно наблюдать въ настоящее время въ весьма еще бѣдной писателями и цѣнными произведеніями литературѣ недавно освободившейся и получившей извѣстную политическую независимость Болгаріи.

Такимъ образомъ, исторія литературнаго движенія въ средѣ юговосточнаго славянства представляется раздѣленною на три періода: въ первомъ письменность русская, болгарская и сербская, развившіяся изъ одного общаго источника, имѣютъ общее содержаніе и одинаковый характеръ; во второмъ, при полномъ упадкѣ просвѣщенія въ порабощенной Болгаріи и Сербіи, литературная производительность въ этихъ областяхъ совершенно исчезаетъ; на южнославянскомъ католическомъ западѣ развивается въ это время совершенно особая свѣтско-образовательная литература, не имѣющая съ древне-православнымъ періодомъ никакой преемственной связи; это преемство сохраняется только въ Россіи, гдѣ, не смотря на татарское иго, продолжаетъ развиваться книжная дѣятельность, съ теченіемъ времени обогащаясь приливомъ новыхъ элементовъ, которые постепенно проникаютъ сюда съ европейскаго Запада черезъ сосѣднюю Польшу. Наконецъ, третій періодъ можетъ быть названъ періодомъ возрожденія—для литературы болгарской и сербской въ смыслѣ подъема національнаго духа, для русской — въ смыслѣ поворота къ сближенію съ умственной жизнью Европы, стремленія вдвинуться въ общеевропейскую историческую колею; для тѣхъ и другой — въ смыслѣ стремленія къ самостоятельному развитію на почвѣ національныхъ интересовъ.

Иной характеръ имѣетъ литература славянъ западныхъ — чеховъ и поляковъ, которымъ выпала на долю иная историческая судьба. Получивъ христіанство, первоначально изъ того же источника, откуда получили его славяне юго-восточные, т. е. изъ православной Византіи, — чехи и поляки, а вмѣстѣ съ ними и другія западно-славянскія племена, словинцы (хорутане) и словаки, при непосредственномъ сосѣдствѣ съ католической Европой, вскорѣ дѣлаются католиками и взамѣнъ богослуженія на языкѣ народномъ, получаютъ его на языкѣ латинскомъ, который въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ былъ единственнымъ научнымъ и литературнымъ языкомъ во всей Европѣ. Вслѣдствіе этого западные славяне, срав-

Digitized by Google

нительно, очень рано дѣлаются причастными общеевропейскому научному и литературному движенію, вообще чуждому національной исключительности, и легко подчиняются вліянію латино-нѣмецкой культуры. Національную окраску западно-славянская литература получаетъ лишь мало по малу, постепенно спускаясь изъ высшихъ слоевъ общества въ средніе и низшіе; извѣстной самостоятельности, или, по крайней мѣрѣ, возможности самостоятельнаго развитія въ духѣ національномъ, она достигаетъ лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы. Эта борьба за національную самобытность противъ германизаціи, за самостоятельность мысли противъ клерикально-схоластической опеки католицизма нашла наиболѣе полное и знаменательное выраженіе въ чешскомъ гуситствѣ, которое коснулось своимъ критическимъ анализомъ самаго корня національныхъ, церковныхъ и общественныхъ отношеній.

Въ Польшѣ, до XVI вѣка, духовенство было единственнымъ книжнымъ сословіемъ, а потому и латынь господствовала нераздѣльно, укрѣпляя въ обществѣ идеи римскаго клерикализма; вслѣдствіе этого и общественное движеніе въ Польшѣ шло несравненно слабѣе; католицизмъ, не только какъ вѣроисповѣданіе, но и какъ цѣлая система понятій, пустилъ здѣсь слишкомъ глубокіе корни, и потому борьба съ нимъ была гораздо труднѣе, чѣмъ въ Чехіи, гдѣ національное самосознаніе стало проявляться гораздо раньше. Не смотря на то, и на польской почвѣ отголоски гуситства, а затѣмъ — реформаціи имѣли свою долю вліянія на развитіе критической мысли, и литература, въ концѣ концовъ, могла-бы получить характеръ въ значительной мѣрѣ самостоятельный, еслибъ этому благопріятствовали условія политическія.

Въ XVII вѣкѣ какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ наступаетъ періодъ полной реакціи. Это былъ результатъ новыхъ усилій римской церкви поддержать свой авторитетъ, растоптанный реформаціей. Чешское религіозно-соціальное движеніе, достигшее въ первой половинѣ XVII столѣтія высшаго пункта напряженности, не выдержало борьбы съ внѣшнею клерикально-консервативною силой, — и борьба эта кончилось торжествомъ дикаго мракобѣсія, полнымъ упадкомъ національнаго духа и долгими годами безпардоннаго хозяйничанья іезуитовъ, которые около того же времени успѣли уже крѣпко захватить въ свои руки и Польшу. Слѣды этого печальнаго періода не вполнѣ еще изгладились и до сихъ поръ.

Первые признаки «возрожденія» появляются не ранѣе конца XVIII вѣка и выражаются въ сильномъ возбужденіи національныхъ стремленій; у чеховъ, словаковъ, словинцевъ, какъ и у юго-восточныхъ ихъ единоплеменниковъ, появляется сознаніе славянской соли-

Digitized by Google

дарности и начинается научная и литературная дѣятельность въ духѣ обще-славянскихъ идей; у поляковъ, подъ вліяніемъ печальной политической судьбы ихъ отечества, въ литературѣ преобладаетъ характеръ политическій, стремленіе къ самостоятельности въ смыслѣ національно-государственномъ.

Соотвѣтственно всему, сказанному о западномъ славянствѣ, въ историческомъ ходѣ его литературы можно отмѣтить, какъ и у славянъ юго-восточныхъ, три періода, обозначенные довольно рельефными предѣлами:

1) періодъ подготовительный, т. е. періодъ постепеннаго зарожденія и развитія національнаго самосознанія, — у чеховъ и словаковъ до начала гуситскаго движенія, у поляковъ — до начала литературы на народномъ языкѣ;

2) періодъ расцвѣта національности и литературы, смѣнившійся вѣкомъ іезуитской реакціи (до половины XVIII столѣтія);

3) періодъ національнаго возрожденія и самостоятельнаго развитія литературы.

Предлагая такое дѣленіе на періоды, мы должны, однако, оговориться, что дѣлаемъ это единственно ради удобства изложенія — по возможности, синхронистическаго — исторіи славянскихъ литературъ, такъ какъ при такомъ дѣленіи на періоды сравнительный обзоръ литературной дѣятельности у двухъ большихъ отраслей славянскаго племени — юго-восточной и западной — представляется намъ наиболѣе удобоисполнимой задачей.

2. Распространеніе между славянами христіанства и начало письменности. — Древній періодъ образованности и литературы юго-восточнаго славянства: литература болгарская до паденія политической самостоятельности Болгаріи. О письменности у славянъ въ періодъ до принятія ими христіанства мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній (кромѣ самыхъ сбивчивыхъ и неопредѣленныхъ, а иногда — и прямо подложныхъ), но имѣемъ основаніе предполагать, что до появленія въ славянскихъ земляхъ миссіонеровъ славяне, какъ юго-восточные, такъ и западные, не имѣли письменъ. Юговосточные славяне обязаны началомъ своего книжнаго ученія знаменитымъ двумъ братьямъ — Константину (Кириллу) и Меѳодію, присланнымъ изъ Византіи для проповѣди христіанства въ Моравію. Исторія дѣятельности этихъ славянскихъ апостоловъ не входитъ въ программу нашего очерка; поэтому мы передадимъ только самыя существенныя ея черты, замѣтивъ что она и до сихъ поръ еще, не смотря на цѣлую спеціальную литературу, ей посвященную, представляется во многихъ отношеніяхъ не вполнѣ выясненною. По мѣткому выраженію г. Пыпина, жизне-

Digitized by Google

описаніе просвѣтителей славянства есть легенда, которая все еще не стала исторіей.

Константинъ-Кириллъ (827—869) и Меѳодій († 885) были родомъ изъ города Солуни (Салоники), главнаго города Македоніи, населеніе которой въ ту пору было преимущественно славянское; но мы не имѣемъ права положительно утверждать, что и братья-проповѣдники были славянскаго происхожденія. Старшій изъ нихъ, Меѳодій, былъ въ теченіе нѣкотораго времени правителемъ одной македонской области, а затѣмъ постригся въ монахи. Константинъ былъ вызванъ въ Византію своимъ родственникомъ, занимавшимъ придворную должность, и тамъ воспитывался подъ руководствомъ знаменитаго Фотія, бывшаго впослѣдствіи цареградскимъ патріархомъ. Затѣмъ онъ, слѣдуя примѣру брата, постригся въ монахи и занялся преподаваніемъ философіи, отчего и получилъ прозваніе философа, которымъ неразлучно сопровождается его имя въ древнихъ рукописяхъ. Миссіонерская дѣятельность обоихъ братьевъ началась, какъ полагаютъ, около 858 года, когда царь Михаилъ послалъ ихъ въ хозарскую землю для борьбы съ іудейскою и магометанскою пропагандой. Нѣсколько лѣтъ спустя они-же крестили болгарскаго царя Богориса или Бориса, а около 862 года, по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, отправились въ Моравію. Дѣятельность ихъ въ этой странѣ, имѣвшая такое важное значеніе для всего славянскаго міра, совпала по времени съ началомъ борьбы, раздѣлившей единую христіанскую церковь на два враждебныхъ лагеря—восточный и западный, или, вѣрнѣе, греческій и римскій. Въ Моравіи и въ Панноніи появились христіанскіе миссіонеры-нѣмцы, совершавшіе богослуженіе на непонятномъ народу языкѣ — латинскомъ—и доказывавшіе, что богослуженіе на другихъ языкахъ, кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго, не должно быть совершаемо. Кириллъ и Меѳодій принесли въ Моравію проповѣдь христіанства на славянскомъ языкѣ, составили для этого языка особую азбуку и перевели на него священныя и богослужебныя книги. начали учить народъ, строить церкви и заводить училища; христіанство стало быстро распространяться. Такіе успѣхи славянскихъ миссіонеровъ возбудили въ латинскихъ проповѣдникахъ сильную зависть, и Кириллу и Меѳодію пришлось выдержать упорную борьбу, изъ которой они не вездѣ вышли побѣдителями. Нѣмецкое духовенство доносило папѣ на славянскія книги и славянскую литургію, и братьямъ приходилось ѣздить въ Римъ и доказывать свою правоту. Въ Римѣ Кириллъ и скончался. Послѣ его смерти, Меѳодій сдѣлался епископомъ Моравіи и получилъ отъ папы Адріана II буллу, въ которой славянское богослуженіе признавалось законнымъ. Но булла не оградила Меѳо-

Digitized by Google

дія отъ нападковъ со стороны нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Преемникъ Адріана, папа Іоаннъ VIII, вызвалъ Меѳодія въ Римъ для новыхъ объясненій; но и на этотъ разъ булла осталась въ своей силѣ. Въ тоже время Меѳодій продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность и въ другихъ, сосѣднихъ, областяхъ. Около 871 года онъ крестилъ чешскаго князя Бориса и ввелъ въ Чехіи славянскую литургію; далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о томъ, что славянская литургія проникла и въ Польшу. Но по смерти Меѳодія старанія латинскихъ проповѣдниковъ достигли своей цѣли: славянская литургія въ Моравіи и Чехіи была запрещена, и ученики Меѳодія оттуда изгнаны.

О составленіи славянской азбуки писатель X вѣка, черноризецъ Храбръ, повѣствуетъ слѣдующее: «Прежде славяне не имѣли письменъ, но, будучи язычниками, читали и гадали по чертамъ и нарѣзкамъ; крестившись же, стали изображать славянскую рѣчь греческими и латинскими буквами, безъ всякихъ правилъ. Потомъ человѣколюбецъ Богъ, устрояющій все и не оставляющій человѣческаго рода безъ просвѣщенія, но всѣхъ приводящій къ разуму и спасенію, оказалъ милость славянскому племени и послалъ къ славянамъ святого Константина философа, называемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и разумнаго. И онъ составилъ для нихъ 38 буквъ, иныя — по образцу греческихъ, иныя-же — примѣнительно къ славянской рѣчи... И составивъ азбуку, началъ писать бесѣду евангельскую: Въ началѣ было слово...» Множество историческихъ свидѣтельствъ единогласно подтверждаютъ, что это было первымъ дѣломъ солунскаго философа, которое онъ долженъ былъ исполнить ранѣе перевода св. Писанія. Вопросъ о томъ, какая именно азбука составлена Кирилломъ, долгое время стоялъ внѣ всякихъ сомнѣній: названіе кириллицы упрочилось за азбукой, которою и до сихъ поръ (съ нѣкоторыми измѣненіями въ очертаніяхъ буквъ) печатаются наши церковныя книги. Но кромѣ кириллицы, у славянъ существовала (и существуетъ до сихъ поръ) другая азбука, такъ-называемая глаголица; открытіе памятниковъ, писанныхъ этою азбукой, убѣдило, что и она, по своему происхожденію, имѣетъ за собою по крайней мѣрѣ такую же древность, какъ и кириллица. Вопросъ о происхожденіи глаголическихъ письменъ до сихъ поръ еще остается нерѣшеннымъ, да и едва-ли и можетъ быть рѣшенъ, если дальнѣйшія открытія не обогатятъ нашихъ свѣдѣній новыми фактическими данными. Много остроумія и упорнаго, кропотливаго труда потрачено учеными, желавшими опредѣлить, точно-ли кириллица, а не глаголица, была изобрѣтена Кирилломъ, и какой изъ двухъ азбукъ слѣдуетъ отдать первенство по времени; но всѣ эти старанія не

Digitized by Google

могли привести къ положительному результату. Несомнѣннымъ можно считать только то, что имѣющіяся въ настоящее время въ библіотекахъ глагольскія рукописи или отрывки, по времени написанія, столь-же древни, какъ и древнѣйшіе изъ открытыхъ до сихъ поръ памятниковъ кирилловскаго письма. Содержаніе этихъ рукописей тоже самое, что и въ кирилловскихъ памятникахъ, т. е. тотъ-же текстъ и тотъ-же языкъ; кромѣ того, съ глагольскими памятниками можно сравнивать только самые древніе кирилловскіе памятники, потому что языкъ и текстъ позднѣйшихъ кирилловскихъ рукописей подновленъ, а въ глагольскихъ этого нѣтъ; далѣе, есть нѣкоторыя особенности въ глагольскихъ рукописяхъ (въ словахъ и формахъ), по которымъ можно заключать, что нѣкоторые кирилловскіе памятники XI вѣка списаны съ глагольскихъ оригиналовъ; наконецъ, глагольскіе памятники столь-же распространены въ славянскомъ мірѣ, какъ и кирилловскіе.

Глаголица, какъ алфавитъ, употребляемый спеціально для печатанія церковныхъ книгъ, сохраняется до настоящаго времени у сербо-хорватовъ далматинскаго приморья, которыхъ поэтому и называютъ иногда глаголитами, или глаголяшами. Это—единственные славяне-католики, сохранившіе славянское богослуженіе; остальные славяне, принявшіе католицизмъ, принимали, обыкновенно, латинскую литургію, а вмѣстѣ съ нею — и латинскую азбуку, такъ что кирилловское письмо сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ славянъ православныхъ.

Распространеніе христіанства среди южныхъ славянъ имѣло однимъ изъ ближайшихъ результатовъ литературное движеніе, которое началось прежде всего въ Болгаріи. Славянская церковь, основанная первоучителями въ Моравіи, существовала, какъ мы видѣли, недолго. Въ началѣ X вѣка латинская проповѣдь и мадьярское нашествіе почти совершенно ее уничтожили, а затѣмъ на смѣну ей явился католицизмъ, когда раздѣленіе церквей стало уже совершившимся фактомъ. Но дѣло, начатое Кирилломъ и Меѳодіемъ, нашло себѣ въ Болгаріи благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія. Древнее болгарское царство играетъ важную роль въ исторіи перваго періода юго-славянской литературы; находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Византіей, оно служитъ, такъ сказать, звеномъ, связующимъ центръ греческой образованности съ славянскимъ міромъ. Царство болгарское основалось въ концѣ VII вѣка, въ древней Мизіи; два вѣка спустя, болгары приняли христіанство, и развившаяся у нихъ, вслѣдствіе этого, литература находится въ тѣснѣйшей связи съ ихъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Обращеніе болгаръ въ христіанство приписывается, какъ мы говорили, Кирил-

Digitized by Google

лу и Меѳодію, крестившимъ царя Богориса; по смерти Меѳодія, главнѣйшіе ученики его нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи. Тамъ, около Охриды, и до сихъ поръ еще сохраняется воспоминаніе о семи болгарскихъ просвѣтителяхъ (или «седьмочисленникахъ», по-болгарски —седмопочетни), къ которымъ, кромѣ Кирилла и Меѳодія, причисляются ихъ ученики — Климентъ, Наумъ, Ангеларій, Сава и Горяздъ. Дѣятельность ихъ, по времени, совпадаетъ съ правленіемъ знаменитаго въ болгарской исторіи царя Симеона, сына Богорисова (892 — 927). Симеонъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ, и за свою византійскую ученость получилъ даже прозваніе полу-грека; но, не преклоняясь передъ блескомъ и силою византійской имперіи, онъ старался поставить свое царство наравнѣ съ нею. Онъ значительно расширилъ предѣлы Болгаріи, такъ что она, въ его время, заключала въ себѣ, кромѣ Ѳракіи и Македоніи, бо́льшую часть нынѣшней Сербіи, Ѳессаліи и Сирміи (Срѣма) и, по словамъ арабскаго писателя Эль-Масуди, простиралась въ ширину на 30, а въ длину на 10 дней пути. Вѣкъ царя Симеона справедливо считается золотымъ вѣкомъ политической жизни болгарскаго царства и вмѣстѣ съ тѣмъ золотымъ вѣкомъ древне-болгарской литературы. Заботы царя о распространеніи въ своемъ государствѣ византійской образованности имѣли слѣдствіемъ появленіе цѣлаго ряда переводовъ (съ греческаго) различныхъ произведеній церковнаго, богословскаго, нравственно-философскаго и риторическаго содержанія, которыми была особенно богата византійская литература того времени. Понятно, что для новообращенныхъ христіанъ, прежде всего, было необходимо ознакомиться съ правилами христіанской религіи и морали, съ св. писаніемъ и твореніями отцовъ церкви; вслѣдствіе этого и литературное движеніе получило характеръ исключительно религіозный. Самъ царь Симеонъ, дворецъ котораго, по свидѣтельству современника, былъ наполненъ книгами, занимался переводомъ проповѣдей Іоанна Златоустаго, изъ которыхъ составился сборникъ, извѣстный во множествѣ списковъ (начиная съ XII вѣка) подъ названіемъ «Златоструя». По его же порученію былъ переведенъ съ греческаго такъ-называемый «Изборникъ», — обширная энциклопедическая христоматія, въ которую вошли статьи самаго разнообразнаго содержанія: отрывки изъ твореній отцовъ церкви, статьи историческаго, философскаго, грамматическаго характера, замѣчанія о различныхъ явленіяхъ природы, описанія примѣтъ, загадки, притчи о злыхъ женахъ, очень распространенныя въ византійской письменности, и пр., и пр. Въ предисловіи «великій въ царяхъ царь Симеонъ» признается новымъ Птолемеемъ, который, какъ трудолюбивая пчела, собравъ со всякаго цвѣта писаній лучшій сокъ въ сердце свое, изливаетъ этотъ

Digitized by Google

сокъ предъ своими боярами, просвѣщая ихъ чтеніемъ божественныхъ книгъ». Этотъ «Изборникъ», греческій оригиналъ котораго относится къ началу X вѣка, дошелъ до насъ въ спискѣ 1073 г., сдѣланномъ для великаго князя черниговскаго, Святослава Ярославича.

Литературные памятники этого періода, вообще, весьма многочисленны; но не всегда возможно опредѣлить съ точностью время ихъ появленія и личность автора. Многія изъ этихъ произведеній— анонимныя; всѣ они дошли до насъ въ позднѣйшихъ, болѣе или менѣе измѣненныхъ, спискахъ. Поэтому можно предположить, что мы имѣемъ свѣдѣнія далеко не обо всѣхъ, а только о важнѣйшихъ писателяхъ симеоновской эпохи.

Главнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ преемникомъ Меѳодія былъ Климентъ, епископъ величскій (ум. 916), много потрудившійся въ дѣлѣ распространенія и утвержденія христіанской вѣры среди болгаръ. По словамъ біографа, онъ составилъ, а частью перевелъ съ греческаго на всѣ праздники поучительныя слова, простыя и ясныя, которыя, не заключая въ себѣ никакихъ византійско-схоластическихъ тонкостей, были понятны и для самаго простого болгарина. Относительно книжныхъ трудовъ другихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія мы не имѣемъ, въ настоящее время, никакихъ свѣдѣній. Неизвѣстно также, кѣмъ составлены такъ-называемыя паннонскія житія славянскихъ апостоловъ, представляющія важный историческій матеріалъ.

Весьма важное мѣсто въ древне-болгарской литературѣ Симеонова вѣка занимаетъ Іоаннъ, экзархъ (епископъ) болгарскій. Онъ перевелъ богословское сочиненіе Іоанна Дамаскина «Небеса», и его же (какъ полагаютъ) греческую грамматику, приспособивъ послѣднюю къ церковно-славянскому языку. Предисловіе, написанное имъ къ переводу перваго изъ названныхъ сочиненій, очень интересно: оно показываетъ, съ какими трудностями приходилось бороться неопытнымъ переводчикамъ съ богатаго и литературно-развитого языка греческаго на церковно-славянскій, только-что начинавшій получать литературную обработку:

«Святой человѣкъ Константинъ, прозванный философомъ, много потрудился, составляя письмена для славянскихъ книгъ и перелагая избранныя мѣста изъ св. писанія; совершивъ въ этомъ темномъ мірѣ, сколько было возможно, онъ перешелъ въ лучшую жизнь и тамъ пріялъ награду за свои труды.

«Оставшійся въ этомъ мірѣ великій епископъ Божій, Меѳодій, братъ его, перевелъ всѣ уставныя (каноническія) книги, числомъ шестьдесятъ, съ эллинскаго, т.-е. греческаго, языка на славянскій. Я же, много разъ слышавъ объ этомъ, пожелалъ и самъ перевести учительныя книги на славянскій языкъ; но опасался, что мой переводъ будетъ невѣренъ, зная тупость и грубость ума моего, немощь и лѣность моей плоти; и потому не рѣшался взяться за это дѣло.

Digitized by Google

«Но нѣсколько лѣтъ спустя, почтенный человѣкъ Дуксъ черноризецъ, посѣщенный мною, сталъ убѣждать и просить меня переводить учительныя писанія, говоря: «Въ чемъ же другомъ заключается обязанность священника, если не въ томъ, чтобы поучать? И если ты принялъ на себя эту обязанность, то тебѣ слѣдуетъ и исполнить ее». Я все-таки не рѣшался, сознавая свое невѣдѣніе и лѣность; но, наконецъ, убоявшись гнѣва Божія и призвавъ имя его, принялъ на себя этотъ трудъ.

«И такъ, прошу васъ, читающихъ эту книгу, молите Бога за меня грѣшнаго, читайте со вниманіемъ, и простите меня, если увидите, что переведено плохо: ибо греческая рѣчь не легко передается на иномъ языкѣ, что̀ и вообще слѣдуетъ помнить при переводахъ съ одного языка на другой. Слово, хорошее въ одномъ языкѣ, не хорошо въ другомъ; сильное въ одномъ, въ другомъ—слабо и невыразительно; въ одномъ мужескаго рода, въ другомъ—женскаго (слѣдуютъ примѣры). Поэтому невозможно вездѣ точно придерживаться буквы, но слѣдуетъ обращать вниманіе на смыслъ, и мы иногда пренебрегали точностью перевода, желая вѣрно передать смыслъ, ибо мы переводили эту книгу ради заключающихся въ ней мыслей, а не ради словъ, желая милости отъ Господа нашего Іисуса Христа, ему же слава, и честь, и пр. Аминь.»

Другое замѣчательное—и уже наполовину оригинальное—произведеніе Іоанна экзарха есть «Шестодневъ», или толкованіе шести дней сотворенія міра. Это, въ сущности—сборникъ, планъ котораго принадлежитъ составителю, а содержаніе частью заимствовано изъ такъ-называемаго гекзамерона Василія Великаго (329—379), изъ сочиненій Іоанна Златоуста и другихъ христіанскихъ писателей и изъ естественной исторіи Аристотеля; многое составитель прибавилъ и отъ себя. Посвящая этотъ свой трудъ царю Симеону, Іоаннъ, въ особой заключительной главѣ, восхваляетъ добродѣтели этого государя и, между прочимъ, сообщаетъ, что «Шестодневъ» онъ составилъ не одинъ, а вмѣстѣ съ друзьями, съ которыми онъ и совѣтовался и изъ которыхъ каждый прибавлялъ все, прочитанное имъ. Изъ этого заключаютъ, что подъ покровительствомъ книголюбца Симеона находилась цѣлая школа писателей, которые заботились о переводѣ греческихъ книгъ (и преимущественно сборниковъ) на славянскій языкъ.

Кромѣ Іоанна экзарха, слѣдуетъ упомянуть объ епископѣ Константинѣ и монахѣ Храбрѣ. Первый составилъ, по бесѣдамъ отцовъ церкви, толкованія евангелій на воскресные дни и перевелъ, по порученію Симеона, книги Аѳанасія Александрійскаго (ум. 573 г.) противъ аріанства. Второй написалъ уже упомянутую нами небольшую, но очень любопытную статью о происхожденіи славянскихъ письменъ, въ защиту великаго труда славянскихъ апостоловъ отъ упрековъ противниковъ, въ особенности—грековъ. Кто былъ этотъ Храбръ и написалъ-ли онъ еще что-нибудь—неизвѣстно.

Съ того же времени идетъ длинный рядъ переводовъ толкованій на различныя книги св. писанія, поученій отцовъ церкви, житій

Digitized by Google

святыхъ и т. п., и оригинальныхъ произведеній болгарскихъ писателей въ томъ же родѣ. Переводятся также византійскіе хронографы (краткія лѣтописи) Іоанна Малалы, Константина Манассіи и монаха Георгія, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Амартола (ἁμαρτολὸς, грѣшный). Эти хронографы сдѣлались впослѣдствіи однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ русскаго лѣтописанія.

Трудами указанныхъ нами писателей и ихъ сотрудниковъ, оставшихся неизвѣстными, древне-болгарская письменность достигла такой степени развитія, что по богатству произведеній церковно-религіознаго содержанія смѣло могла занять мѣсто наряду съ самыми богатыми въ то время европейскими литературами—греческою и латинскою. Собственно говоря, въ Европѣ того времени церковная письменность существовала только на трехъ языкахъ—греческомъ, латинскомъ и древне-болгарскомъ; славянская книжность, какъ въ переводахъ, такъ и въ оригинальныхъ трудахъ, вполнѣ слѣдовала направленію греческой литературы и похожа на нее настолько, насколько самый вѣрный списокъ можетъ быть похожъ на свой подлинникъ.

Такимъ образомъ, она вовсе не имѣла національнаго характера. Большимъ несчастіемъ для славянскаго народа, говоритъ проф. Ягичъ, было то, что обстоятельства заставили его, здороваго и цвѣтущаго юношу, почерпать жизненныя силы у дряхлаго и больного старика, соки котораго уже совершенно испорчены; что передъ нимъ, только-что вступавшимъ въ жизнь, постоянно носился уже отживающій образъ; что онъ долженъ былъ развивать и воспитывать свой духъ на литературѣ, въ которой уже вовсе не было духа, и вмѣсто живой оригинальности господствовала мертвая компилятивность. Свободное развитіе было въ самомъ началѣ подавлено гнетомъ византинизма. Невольно сжимается сердце при видѣ безплодной траты умственныхъ силъ славянскаго народа на пустыя фразы, въ которыхъ не знаешь, чему больше удивляться: безполезному-ли труду компилятора, переводчика или переписчика, или страшной внутренней пустотѣ и отсутствію всякой живой мысли. Это направленіе уже обнаруживается въ трудахъ вышеупомянутыхъ писателей, особенно въ стремленіяхъ самого Симеона. Понятно, что эта книжность оставалась чуждою большей части народа, не коснулась его сердца и не пробудила его фантазіи. Съ другой стороны, народная поэзія, получившая у южныхъ славянъ особенное развитіе, была недоступна умамъ, впитавшимъ въ себя книжную византійскую риторику; строгая мораль неофитовъ христіанства относилась съ суровымъ отрицаніемъ ко всему, что такъ или иначе напоминало собою языческія времена. Разрывъ между «обществомъ», т.-е. болѣе или

Digitized by Google

менѣе тѣснымъ кружкомъ книжныхъ людей, начетчиковъ и компиляторовъ съ одной стороны,—и народомъ съ другой, обозначился съ самаго-же начала довольно рельефно.

Съ дальнѣйшимъ распространеніемъ христіанства и грамотности между юго-восточными славянами—сначала между сербами (IX в.), а потомъ и на Руси (X в.),—вся эта письменность, развившаяся въ Болгаріи, дѣлается общимъ достояніемъ всего православнаго славянства и расходится въ его средѣ во множествѣ списковъ, происхожденія преимущественно монастырскаго. Монастыри у южныхъ и восточныхъ славянъ возникаютъ, вообще, довольно рано, и по самому свойству церковно-религіознаго книжнаго просвѣщенія дѣлаются его центрами и разсадниками. Здѣсь, кромѣ литературы спеціально-церковной, развилась также и литература историческая, начавшаяся переводами и компиляціями изъ византійскихъ хронографовъ и достигшая впослѣдствіи самостоятельнаго развитія въ трудахъ лѣтописцевъ сербскихъ и особенно русскихъ (относительно лѣтописи болгарской мы имѣемъ лишь скудныя указанія; произведеній этого рода, болгарскаго происхожденія, до сихъ поръ не отыскано).

Наряду съ строго-церковною, учительною литературой и почти въ тѣже древнія времена, является въ Болгаріи другая литература—характера книжно-народнаго, представляемая длиннымъ рядомъ такъ-называемыхъ «странствующихъ» повѣстей и сказаній героическаго и фантастическаго содержанія. Источникомъ, откуда славянство знакомилось съ этими произведеніями, обошедшими всю Европу, была преимущественно таже Византія, получавшая ихъ, большею частію, съ Востока. Отсюда-же, т.-е. или непосредственно съ Востока, или черезъ Византію, разносились эти повѣсти по всѣмъ угламъ Европы, и, постоянно переработываемыя въ устной и письменной передачѣ, то принимали въ себя новые элементы изъ народныхъ легендъ и преданій, то сами служили иногда источникомъ или матеріаломъ для произведеній народнаго творчества. Таковы, напримѣръ, сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго и о троянской войнѣ, о царѣ Соломонѣ, о Стефанитѣ и Ихнилатѣ (изъ индійской Панчатантры), о Варламѣ и Іосафатѣ, и т. п., повторенныя во множествѣ варіантовъ въ письменности сербской и русской. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ сербскихъ и русскихъ текстовъ — не что иное, какъ списки съ еще болѣе древнихъ и первоначальныхъ переводовъ сербскихъ и болгарскихъ; но мы не имѣемъ возможности опредѣлить, когда именно эти сказанія были впервые переведены на древне-болгарскій языкъ.

Произведенія этого рода представляютъ, сравнительно съ тяжелой оффиціально-церковной письменностью, плохо усвоиваемой мас-

Digitized by Google

ою грамотнаго люда, нѣкоторый шагъ впередъ въ развитіи націо-
альной литературы, не смотря на свой космополитическій характеръ.
Это была своего рода беллетристика, интересная, разнообразная, за-
мысловатая, изъ которой любознательные читатели почерпали всякаго
рода свѣдѣнія—историческія, географическія, природо-описательныя
(конечно, совершенно фантастическаго характера), узнавали чудесныя
подробности похожденій разныхъ героевъ, и пр. Такимъ образомъ,
чисто-народный, сказочный и былинный эпосъ находилъ себѣ до-
полненіе въ книгѣ, которая иногда была обязана ему же своимъ
происхожденіемъ.

Тоже слѣдуетъ сказать и о другой отрасли книжно-народной
литературы — о произведеніяхъ содержанія христіанско-миѳологиче-
скаго. Новая религія, принесенная южному славянству изъ Византіи,
естественно, массою новообращенныхъ была принята очень поверх-
ностно; для этой массы на первомъ планѣ стояла не сущность хри-
стіанскаго вѣроученія и морали, а внѣшняя ихъ сторона; церковный
обрядъ, молитва, чудо, событія священной исторіи, вѣчно-юные во-
просы о происхожденіи всего сущаго—все это возбуждало живой ин-
тересъ, требовало разъясненія, понималось и толковалось по-своему.
Книги св. писанія и творенія св. отцовъ не всегда могли вполнѣ
удовлетворить пробуждавшуюся такимъ образомъ потребность; въ нихъ
многое оставалось неразъясненнымъ, темнымъ, недоступнымъ для
пониманія; поэтому любознательность читателей стала искать—и дѣй-
ствительно находила—удовлетвореніе въ другихъ книгахъ, въ тѣхъ
благочестивыхъ легендахъ и сказаніяхъ, которыми была такъ богата
литература Востока и Византіи, и которыя рано начали преслѣдо-
ваться строгой ортодоксальностью, какъ ложныя, отреченныя (апо-
крифическія). Эти легенды и сказанія, точно такъ же, какъ и стран-
ствующія повѣсти, впитывали въ себя элементы народнаго эпоса и,
въ свою очередь, вліяли на его содержаніе; благодаря такому взаи-
модѣйствію создался особый, обширный кругъ религіозныхъ представ-
леній, совокупность которыхъ лучше всего характеризуется назва-
ніемъ христіанской миѳологіи. Миѳы языческой старины получали
новую переработку на почвѣ христіанства; старыя отношенія мало
по малу изглаживались изъ народной памяти; лица и событія язы-
ческой древности получали новую, христіанскую окраску; какъ иногда
въ стѣнахъ древняго капища, на мѣстѣ поверженнаго кумира, воз-
двигался алтарь единаго Бога и капище обращалось въ христіанскій
храмъ, такъ и въ преданьяхъ старины мѣсто прежнихъ боговъ и ге-
роевъ заступали новые, причемъ стѣны древняго капища—остовъ пре-
данія—не разрушались, а только приспособлялись къ новой цѣли. Та-
кимъ образомъ явилась религіозная героическая эпопея въ видѣ духов

Digitized by Google

наго стиха, религіозная сказка въ видѣ легенды, религіозная странствующая повѣсть—въ видѣ апокрифа. Старинныя языческія повѣрья, гаданія, заклинанія также приняли, мало по малу, новую, христіанскую окраску. Такимъ образомъ, старыя представленія амальгамировались съ новыми, пріурочивались къ инымъ лицамъ и фактамъ, получали иное освѣщеніе; новыя понятія, въ свою очередь, также не могли оставаться въ народномъ сознаніи неприкосновенными—и смыслъ ихъ отчасти измѣнялся подъ вліяніемъ наслѣдія языческой страны. Такъ, съ теченіемъ времени, составился громадный запасъ самыхъ разнообразныхъ произведеній, устныхъ и книжныхъ, находившихся между собою въ тѣсной взаимной связи; изъ книгъ вычитывалъ грамотный человѣкъ различныя свѣдѣнія, относившіяся къ вопросамъ вѣры, къ предметамъ самымъ таинственнымъ, — и устно передавалъ эти свѣдѣнія другимъ, такъ что они становились общимъ достояніемъ. Книги, такъ положительно, съ такой подробностью и увлекательностью повѣствовавшія о началѣ и кончинѣ міра, о будущей, загробной жизни, о добрыхъ, свѣтлыхъ и злыхъ, темныхъ силахъ природы, о судьбѣ различныхъ дѣятелей библейской исторіи, о чудесахъ, ими совершонныхъ, о таинственныхъ пророчествахъ, о разнаго рода примѣтахъ и способахъ узнавать будущее по явленіямъ окружающей насъ одушевленной и неодушевленной природы,—эти книги, которыя церковь преслѣдовала, какъ ложныя и отреченныя, пользовались, не смотря на то, громадной популярностью; ими питалось и поддерживалось то «двоевѣріе», противъ котораго, въ продолженіе многихъ вѣковъ, тщетно боролись представители церкви; въ этихъ книгахъ мы видимъ первую попытку народнаго ума отнестись болѣе или менѣе сознательно къ идеямъ, внесеннымъ въ жизнь новою религіей, по-своему уразумѣть и объяснить эти идеи, хотя-бы только съ внѣшней стороны. Византійскій формализмъ и отвлеченная метафизика, недоступныя массѣ народной, сухая ученость, не обращавшая вниманія на проявленія народной жизни и относившаяся къ нимъ съ предубѣжденіемъ и непріязненно, находили себѣ противовѣсъ въ отреченной литературѣ, въ которой выражалось народно-религіозное міросозерцаніе и которая, вслѣдствіе того, не смотря на всѣ запрещенія, получила весьма обширное развитіе и распространеніе въ массѣ грамотнаго люда, и даже среди книжниковъ.

Распространенію апокрифической литературы среди южнаго славянства всего болѣе содѣйствовала ересь, появившаяся въ Болгаріи почти одновременно съ проповѣдью христіанскаго ученія и извѣстная подъ именемъ богомильства. Изслѣдователи богомильскаго ученія приводятъ его въ связь съ нѣкоторыми восточными ересями первыхъ вѣковъ христіанства (манихейство, мессаліанство), и видятъ въ немъ, съ

Digitized by Google

другой стороны, источникъ ученія патареновъ, катаровъ и альбигойцевъ. Въ основѣ богомильства лежалъ восточный дуализмъ—признаніе двухъ силъ, правящихъ міромъ: свѣтлой, доброй и темной, злой, которыя находятся одна съ другой въ постоянной борьбѣ. Ветхозавѣтный періодъ представлялся господствомъ злой силы—дьявола; новый завѣтъ знаменуетъ собою побѣду свѣтлаго, добраго начала и водвореніе на землѣ царства Божія. Сообразно съ этимъ основнымъ взглядомъ, въ богомильствѣ развилась, довольно подробно и опредѣленно, своя особая космогонія и миѳологія, конечно, принявшая въ себя нѣкоторые элементы изъ древнихъ, языческихъ, народныхъ преданій. Какъ фактъ религіознаго самосознанія, богомильство было стремленіемъ понять и разъяснить тайны происхожденія и будущей судьбы всего сущаго, и увлекательно дѣйствовало на умы, давая болѣе или менѣе опредѣленные отвѣты на пытливые запросы, возникавшіе въ области фантазіи; понятно, что подобныя вещи сильно интересовали простой и темный народъ; онѣ болѣе подходили къ поэтическимъ стремленіямъ молодаго болгарскаго народа и къ его еще живымъ языческимъ обычаямъ, чѣмъ непонятныя ему догматическія разсужденія, проникшія въ болгарскую литературу съ церковно-византійскимъ образованіемъ. Какъ фактъ самосознанія общественно-народнаго, богомильство было народной оппозиціей византійскому направленію христіанской жизни, морали и культуры, протестомъ—во имя аскетическаго идеала первобытной христіанской общины — противъ оффиціальной іерархіи и освящаемыхъ церковью общественныхъ отношеній. Этими свойствами богомильскаго ученія, появившагося въ Болгаріи въ X вѣкѣ, объясняется его широкое развитіе и распространеніе не только среди славянъ Балканскаго полуострова, но и въ Италіи и въ южной Франціи (конечно, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ).

Богомильство поддерживало апокрифическую литературу въ народномъ смыслѣ; различныя сказанія, такъ или иначе связанныя съ этою ересью, значительно увеличили количество «отреченныхъ» книгъ, которыя изъ Болгаріи расходились въ разныя стороны. Въ этихъ книгахъ, какъ мы уже говорили, народная поэзія нашла много родныхъ себѣ элементовъ и такъ перемѣшалась съ ними, что иногда бываетъ трудно отличить настоящее народное сказаніе отъ почерпнутаго изъ этихъ источниковъ. Названіе «болгарскихъ басень», употреблявшееся, напримѣръ, на Руси въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ связи съ именемъ болгарскаго же попа Іереміи (жившаго, какъ полагаютъ, въ X вѣкѣ), который, по выраженію православнаго писателя, «много книгъ солгалъ»,—ясно указываетъ на источникъ, откуда шли къ намъ произведенія народно-христіанской миѳологіи. Само собою разумѣется, что всѣ эти «ложныя» книги вызывали со сто-

Digitized by Google

роны представителей ортодоксальной церковности пространныя опроверженія и обличенія, въ которыхъ подводились подъ одну мѣрку и библейскіе апокрифы, и остатки языческой старины въ народныхъ обычаяхъ, преданіяхъ и суевѣріяхъ, и «ложныя» молитвы—заговоры, волхованія и гаданія. Индексы ложныхъ книгъ, съ теченіемъ времени, сами разростались въ цѣлыя книги, изъ которыхъ можно получить опредѣленное понятіе о содержаніи и объемѣ апокрифической литературы, хотя нѣкоторыя изъ ея произведеній, указанныхъ обличителями, и до сихъ поръ остаются намъ неизвѣстными.

Таковы были элементы древне-болгарской письменности, уже вполнѣ опредѣлившіеся въ теченіе перваго столѣтія послѣ принятія христіанства и сдѣлавшіеся впослѣдствіи достояніемъ всего православнаго славянскаго міра. Памятники этой письменности извѣстны намъ, главнымъ образомъ, не въ болгарскихъ рукописяхъ, такъ какъ послѣднія, въ продолженіе многовѣковаго турецкаго ига, почти всѣ истребились, — а въ сербскихъ, и особенно въ русскихъ, которыя, благодаря болѣе благопріятнымъ историческимъ условіямъ, сохранились въ большомъ количествѣ, но, конечно, въ позднѣйшихъ спискахъ. Три литературы—болгарская, сербская и русская — въ своемъ древнемъ періодѣ—не только развивались параллельно, но—разумѣется, за исключеніемъ произведеній національнаго характера и содержанія — могутъ быть даже разсматриваемы какъ одна общая литература, почерпающая свое содержаніе изъ того-же источника, откуда юго-восточные славяне получили христіанство и грамотность — изъ Византіи, и отчасти переработывающая это содержаніе, дополняя его народными элементами.

При указанномъ нами недостаткѣ въ памятникахъ древне-болгарской письменности, исторія древняго періода болгарской литературы и образованности до сихъ поръ еще представляется довольно темною, особенно — исторія XIII и XIV в.. Болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о послѣднихъ десятилѣтіяхъ самостоятельнаго существованія Болгаріи, когда, въ правленіе царей Іоанна-Александра и Іоанна Шишмана, оживляется церковно-книжная дѣятельность, представителями которой являются терновскій епископъ Ѳеодосій и послѣдній болгарскій патріархъ Евѳимій. Послѣдній извѣстенъ, какъ авторъ жизнеописаній многихъ болгарскихъ святыхъ, въ память которыхъ онъ составлялъ также и похвальныя слова, и какъ человѣкъ учительный, особенно заботившійся объ исправленіи книгъ, о сохраненіи и возстановленіи чистоты древне-церковно-славянскаго языка въ спискахъ св. писанія. Благодаря заботамъ Евѳимія и его учениковъ, рукописи «терновскаго извода» пріобрѣли громкую извѣстность на православномъ славянскомъ югѣ;

Digitized by Google

нѣкоторыя изъ написанныхъ имъ житій и историческихъ сочиненій вошли въ составъ хронографовъ, распространившихся впослѣдствіи и на Руси.

1393 годъ былъ послѣднимъ годомъ самостоятельнаго существованія болгарскаго царства; съ этого года начинается многовѣковой періодъ турецкаго ига, нанесшаго тяжелый ударъ національному развитію болгарскаго племени. По своему географическому положенію, Болгарія оказалась, сравнительно съ другими областями, подпавшими турецкому завоеванію, въ наиболѣе удрученномъ состояніи. Литературное движеніе мало-по-малу замираетъ и глохнетъ; школы уничтожаются; грамотность исчезаетъ; и только кое-гдѣ, въ отдаленныхъ монастыряхъ (напр., на Аѳонѣ), еще сохраняются и переписываются старыя рукописи — жалкіе остатки литературной производительности прежнихъ вѣковъ. А среди народа лишь полушопотомъ передаются старыя преданія, да уныло звучитъ, вполголоса и съ оглядкой, плачевная пѣсня о томъ, какъ царь Шишманъ бился съ турками и какъ сложилъ въ послѣднемъ бою свою буйную голову, загубивъ свое царство...

Дальнѣйшая исторія Болгаріи есть исторія постепеннаго усиленія бѣдности, невѣжества, угнетенности, исторія матеріальнаго и нравственнаго рабства племени, которое нѣкогда стояло впереди всѣхъ славянскихъ племенъ на пути просвѣщенія. О литературѣ, конечно, здѣсь нѣтъ и помину.

3. Сербская литература до паденія сербскаго царства. Другое южнославянское племя, сербо-хорватское (принявшее христіанство одновременно съ своими восточными сосѣдями — болгарами), въ силу условій географическихъ и политическихъ, очень рано раздѣлилось на двѣ отрасли, изъ которыхъ каждая живетъ съ тѣхъ поръ своей особой жизнью, вырабатывая свою особую культуру. Юго-восточная, собственно сербская, часть этого племени, принявъ христіанство изъ Византіи, примкнула, вмѣстѣ съ Болгаріей и Русью, къ центру культуры восточной, греческой; сѣверо-западная, хорватская часть, обращенная въ христіанство проповѣдью римскихъ миссіонеровъ, рано успѣвшихъ замѣнить славянскій церковный обрядъ латинскимъ, стала въ непосредственную духовную зависимость отъ Рима, хотя и успѣла отстоять права церковно-славянской письменности (глаголическую азбуку). Хорваты рано выступили на историческую сцену, нѣсколько разъ подпадали власти сильныхъ западныхъ сосѣдей, снова освобождались, составляли самостоятельное государство и, наконецъ, въ самомъ началѣ XII вѣка, признали надъ собой власть венгерской короны. Далматинское приморье находилось въ самой тѣсной связи съ сосѣдними итальянскими обла-

Digitized by Google

стями, и славянское населеніе этого края въ значительной степени усвоило сѣверно-итальянскую культуру. Литература, въ собственномъ смыслѣ этого слова, развилась, какъ здѣсь, такъ и тамъ, значительно позже описываемаго нами періода, а потому и рѣчь о ней будетъ послѣ.

У православныхъ сербовъ, населявшихъ сѣверо-западную часть Балканскаго полуострова, литературное движеніе началось позже, чѣмъ у болгаръ, именно въ XII вѣкѣ, со времени политическаго объединенія собственно сербскаго народа подъ властью великаго жупана Стефана Немани († ок. 1200 г.). Большинство извѣстныхъ намъ теперь памятниковъ древне-сербской письменности— совершенно тѣже самые, какіе мы видѣли въ письменности древне-болгарской; это—переводы св. писанія, церковныхъ книгъ и византійскихъ богословскихъ сочиненій, переписанные съ болгарскаго, византійскіе хронографы, странствующія повѣсти и апокрифы. Уровень умственнаго развитія, складъ понятій, отношеніе къ предметамъ вѣры и знанія — все въ этой литературѣ совершенно одинаково съ болгарскою, такъ какъ обѣ онѣ слѣдовали неуклонно своему византійскому оригиналу; разница заключается только въ томъ, что болгарская литература была, быть можетъ, богаче, и, несомнѣнно, самостоятельнѣе сербской. Отъ болгарской церкви получалъ сербскій народъ свое духовное образованіе, такъ какъ Болгарія была естественною посредницей между сербами и Византіей; изъ Болгаріи-же перешелъ въ сербскую письменность и церковно-славянскій языкъ, подвергавшійся лишь нѣкоторымъ измѣненіямъ сообразно требованіямъ народной фонетики. Въ переводахъ, которые тщательно дѣлались съ греческаго, господствовала таже рабская зависимость, какая издавна укоренилась въ болгарской литературѣ.

Въ древне-сербской литературѣ, собственно говоря, нѣтъ оригинальныхъ произведеній, потому что не было никакихъ оригинальныхъ идей. Вся оригинальность мышленія, вѣроятно проявлявшаяся у молодого сербскаго народа, была, какъ замѣчаетъ проф. Ягичъ, уже въ самомъ началѣ заглушена дряхлымъ направленіемъ византійской жизни. Все, высказанное самостоятельно — большею частью объ историческихъ вопросахъ — такъ спутано съ излишней библейской фразеологіей, что трудно найти сряду нѣсколько строкъ, въ которыхъ бы просто и опредѣленно излагался самый вопросъ, и которыя-бы не представляли безконечныхъ періодовъ, состоящихъ изъ разныхъ богословскихъ и библейскихъ цитатъ. Потому и трудно черезъ эту пучину общихъ фразъ добраться до чего-нибудь, что имѣло-бы положительное значеніе. Нигдѣ не видно, чтобы писавшій обсуждалъ смыслъ извѣстнаго факта или значеніе историческаго лица;

Digitized by Google

нигдѣ не говорится о положеніи народа. Все доброе приписывалось волѣ Божіей, проявившейся въ данномъ лицѣ или событіи; все худое объяснялось злобою дьявола, исконнаго врага человѣческаго рода. Поэтому отдѣльные факты разсказываются не ради ихъ самихъ, а только какъ доказательства милосердія Божія, или какъ доказательства адской злобы, съ которою дьяволъ обманываетъ людей. Ни на хронологію событій, ни на ихъ дѣйствительную связь не обращается вниманія; важность ихъ измѣряется тѣмъ, на сколько, напр., то или другое лицо предано церкви и ея внѣшнимъ формамъ, въ особенности-же—монастырской жизни.

Древне-сербская литература имѣла характеръ преимущественно церковный, или, вѣрнѣе — монастырскій. Монахи были единственными писателями, и литературная дѣятельность ихъ составляла только извѣстную часть духовныхъ занятій, которымъ посвящалась жизнь черноризца. Къ тому-же, и на самое дѣло писанія или списыванія книгъ въ Сербіи, какъ впослѣдствіи и у насъ на Руси, установился взглядъ, какъ на дѣло богоугодное, какъ на своего рода *задушибину* (выкупъ или вкладъ за спасеніе души); это и понятно, такъ какъ подъ словомъ *книга* разумѣлась, почти исключительно, книга церковная, слѣдовательно — душеполезная.

Произведенія древне-сербской литературы, которыя могутъ быть названы оригинальными, потому что не переведены съ греческаго и не переписаны съ болгарскаго, а написаны сербскими писателями, — имѣютъ содержаніе преимущественно историческое. Первымъ представителемъ этой литературы былъ сербскій краль Стефанъ Первовѣнчанный (ум. 1228), авторъ довольно пространнаго «Житія» отца своего, Стефана (въ монашествѣ Симеона) Немани, которое написано въ стилѣ однородныхъ произведеній византійской словесности. Другой Неманичъ, св. Сава (1169—1237), 17-ти лѣтъ ушедшій въ монастырь и бывшій впослѣдствіи первымъ сербскимъ архіепископомъ, также написалъ житіе своего отца и службу ему, какъ святому (почти всѣ сербскіе крали причислены національною церковью къ лику святыхъ). Св. Сава пользуется у сербовъ особеннымъ уваженіемъ, какъ патріотъ посвятившій всѣ свои силы на пользу страны, и какъ основатель многихъ «задушбинъ» — монастырей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ Хиландарская лавра на Аѳонѣ, бывшая долгое время однимъ изъ главныхъ центровъ книжнаго просвѣщенія для южнаго славянства. Въ Хиландарскомъ монастырѣ жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, и всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ; лучшіе и драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или

Digitized by Google

списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ: «Что говорится сербами о Герцеговинѣ — будто она населила весь свѣтъ, а сама не опустѣла — тоже можно было бы сказать и о сербскомъ Хиландарѣ: онъ наполнилъ всѣ европейскія библіотеки, а самъ не опустѣлъ» (*Ягичъ*).

Позднѣйшими представителями этой біографической литературы были: хиландарскій іеромонахъ Дементіанъ (XIII в.), авторъ житій св. Симеона (Стефана Немани) и св. Савы, отличающійся необыкновеннымъ риторизмомъ, за который получилъ даже прозваніе сербскаго Златоуста,—и архіепископъ Даніилъ (XIV в.), подъ руководствомъ котораго составилось нѣчто въ родѣ нашей «Степенной Книги» митрополита Макарія—такъ-называемый «Родословъ» или «Цароставникъ», заключающій въ себѣ цѣлый рядъ жизнеописаній сербскихъ кралей и архіепископовъ. Въ этихъ біографіяхъ, какъ и слѣдовало съ церковной точки зрѣнія, разсказывается только то, что такой-то краль или архіепископъ сдѣлалъ для церкви, какъ онъ постился, молился и пр. Впослѣдствіи этотъ трудъ нашелъ себѣ продолжателей и доводится, въ нѣкоторыхъ спискахъ, даже до XVIII столѣтія.

Слѣдуетъ упомянуть еще о Григоріи Цамблакѣ—писателѣ, которой, по своей дѣятельности, причисляется къ тремъ литературамъ — болгарской, сербской и русской, служа, такъ-сказать, олицетвореніемъ ихъ тѣснаго родства между собою. Болгаринъ родомъ, ученикъ тѐрновскаго патріарха Евѳимія, Григорій былъ на Аѳонѣ, затѣмъ сдѣлался игумномъ знаменитаго сербскаго Дечанскаго монастыря и, наконецъ, былъ вызванъ митрополитомъ Кипріаномъ (своимъ соотечественникомъ) въ Россію, гдѣ получилъ кіевскую митрополію (ум. 1419). Въ Россіи онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ авторъ краснорѣчивыхъ словъ; въ Сербіи онъ написалъ житіе краля Стефана Дечанскаго, основателя Дечанской обители, вмѣстѣ со службой этому святому.

Въ другихъ отдѣлахъ древне-сербской литературы мы встрѣчаемъ тѣ-же произведенія, какія были распространены одинаково и въ Болгаріи, и на Руси; хотя въ массѣ этихъ произведеній и трудно выдѣлить то, что по происхожденію принадлежитъ собственно сербамъ, однако нѣтъ сомнѣнія, что повѣсти и апокрифы были въ большомъ ходу у сербскихъ книжныхъ людей и не остались безъ вліянія на складъ народнаго міровоззрѣнія.

Что касается до лѣтописей, то онѣ являются у сербовъ — въ видѣ передѣлки греческихъ хронографовъ — очень поздно, уже послѣ паденія сербскаго царства, и ведутся въ монастыряхъ, гдѣ еще продолжалась литературная дѣятельность. Нѣкоторые историки литературы объясняютъ это явленіе тѣмъ, что въ XIV вѣкѣ

Digitized by Google

сербскій народъ, живя въ очень тяжелыхъ, сравнительно съ прежнимъ, условіяхъ, естественно сталъ находить нѣкоторое утѣшеніе въ воспоминаніяхъ о болѣе счастливомъ прошломъ; такимъ образомъ явилась потребность въ историческомъ чтеніи. Сербскія лѣтописи состояли всегда изъ двухъ частей: одна заключала въ себѣ общую лѣтопись отъ сотворенія міра, заимствованную изъ хронографовъ, другая — разсказъ о событіяхъ сербской исторіи. Ни тотъ, ни другой отдѣлъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ, ни литературныхъ, ни историческихъ; какъ и житія, сербскія лѣтописи носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ византійскаго монашескаго риторства; онѣ гораздо бѣднѣе историческими данными, нежели напыщенными похвалами благочестію и набожности «святыхъ» правителей сербскаго народа, которымъ святость не мѣшала, однакоже, совершать дѣянія, достойныя византійскихъ императоровъ послѣднихъ вѣковъ имперіи. «Эти сказанія, говоритъ Гильфердингъ, могутъ послужить свидѣтельствомъ, какъ мало было въ древнихъ сербахъ способности къ историческому пониманію и представленію. Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа (косовская битва) не въ силахъ было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ византійскихъ историковъ. Таковъ, дѣйствительно, характеръ всей старинной сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа какого-бы то ни было лица или событія, ни живого, простого слова. Все — изысканныя, мудреныя фразы, все—общія мѣста; даже названій лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали сербскіе писатели, старавшіеся, по возможности, замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами. Своего взгляда и сужденія они никогда не выражали. Вотъ почему всѣ историческія сказанія сербскія, которыхъ дошло до насъ, однако, немало (и все — весьма значительныхъ по объему), не объясняютъ нисколько ни древней жизни сербскаго народа, ни даже историческихъ событій... Другая характеристичная черта этихъ сказаній есть безобразная, лицемѣрная лесть. Она убивала въ древнихъ сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденія, но даже всякое нравственное чувство». Условная набожность доходила до настоящаго фарисейства; о народѣ же не было и помину.

Понятно, поэтому, что древне-сербская литература не могла быть вѣрнымъ изображеніемъ умственной жизни сербскаго народа. Она заключаетъ въ себѣ только одно доказательство — доказательство удивительнаго трудолюбія сербскихъ монаховъ, ревностной литературной дѣятельности въ сербскихъ монастыряхъ, снабдившихъ

Digitized by Google

впослѣдствіи книгами всѣ европейскія библіотеки. Все же, находившееся внѣ этого круга, т. е. весь остальной народъ, даже и не упоминался въ литературѣ и ничего не зналъ о ней. Представители книжности смотрѣли на него съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, какъ на среду, въ которой гнѣздится бѣсовское служеніе и двоевѣріе. Попытокъ подойти къ народу и поднять уровень его умственнаго и нравственнаго развитія — не было, потому что такихъ попытокъ не знали въ то время ни Византія, ни Римъ. Книжное просвѣщеніе и народная жизнь стояли совершенно особнякомъ; это были двѣ отдѣльныя стихіи, которыя сталкивались между собой очень мало, — и то только въ церкви, гдѣ народъ, черезъ духовенство, знакомился съ нѣкоторыми идеями, выраженными въ литературѣ, но и этихъ идей, за недостаткомъ правильнаго руководства, не могъ усвоивать какъ слѣдуетъ. За-то въ народѣ вполнѣ свободно и широко развилась устная поэзія — эта великая книга, въ которую самъ народъ вписывалъ свою исторію, свои радости и невзгоды, въ которой каждое поколѣніе оставляло слѣды своего умственнаго развитія и которая передавалась отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку, пока не дошла до нынѣшнихъ поколѣній. Она живетъ и теперь, по-прежнему свѣжая и юная, непосредственная и незатемненная посторонними вліяніями.

Битва на Косовомъ полѣ (Видов-дан, 15 іюня 1389) сербскаго краля Лазаря съ войсками султана Мурада покончила независимое существованіе Сербіи и остановила ея исторію. Народъ, обращенный въ «райю», лишился возможности книжнаго просвѣщенія; его старѣйшины, желая избавиться отъ тяжкаго положенія, принимали магометанство и дружили съ турками, угнетая христіанъ; книжность нашла себѣ пристанище только въ кельяхъ аѳонскихъ монаховъ и заботливо охранялась церковью. Первые признаки «возрожденія» появились только въ концѣ прошлаго столѣтія, и новое движеніе имѣло уже совершенно иные источники и иной характеръ, чѣмъ то, которое было прервано турецкимъ завоеваніемъ.

Съ началомъ новаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ, литературная дѣятельность среди православнаго южнаго славянства совершенно прекращается. Центромъ просвѣщенія и литературы, совершенно несходныхъ съ прежними, дѣлается Далматинское приморье и Дубровницкая вольная община, гдѣ, среди сербовъ-католиковъ, подъ вліяніемъ итальянской культуры Возрожденія и подъ вліяніемъ западно-европейской гражданственности вообще, начинается новое движеніе, давшее пышный цвѣтъ въ XVI вѣкѣ.

4. Русская литература кіевскаго или до-монгольскаго періода. Переходя съ славянскаго юга на сѣверо-востокъ, мы издѣсь

Digitized by Google

встрѣчаемся съ вліяніемъ той-же византійской культуры. Русское племя приняло христіанство цѣлымъ столѣтіемъ позже болгаръ и сербовъ, и благодаря тѣмъ близкимъ отношеніямъ между юго-восточными славянами, о которыхъ мы говорили выше, естесвенно сдѣлалось наслѣдникомъ значительнаго литературнаго запаса, выработавшагося на югѣ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ памятниковъ русскаго письма есть «Изборникъ» болгарскаго царя Симеона, переписанный въ 1073 году дьякомъ Іоанномъ для черниговскаго князя Святослава Ярославича. Этотъ Изборникъ открываетъ собою длинный рядъ памятниковъ византійской литературы въ болгарскихъ и сербскихъ переводахъ; такимъ образомъ, направленіе русскаго просвѣтительнаго и литературнаго движенія опредѣлилось тѣсною связью древней Руси съ южнымъ славянствомъ, отъ котораго перешли сюда грамотность и первыя книги. Благодаря исторической судьбѣ русскаго народа, памятники древне-славянской письменности сохранились на Руси въ несравненно большемъ количествѣ, нежели на славянскомъ югѣ, такъ что по нимъ мы всего удобнѣе можемъ познакомиться съ составомъ громаднаго книжнаго запаса, сложившагося въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ самостоятельной политической жизни юго-восточнаго славянства.

Общій характеръ этой литературы—церковно-византійскій—и здѣсь, на Руси, измѣнился очень мало; и здѣсь, какъ на югѣ, литературная дѣятельность сосредоточивалась въ монастыряхъ; громадное большинство писателей, первые носители грамотности и христіанскаго просвѣщенія—принадлежали къ «учительному» классу—духовенству. И здѣсь литература, начавшись переводами, компиляціями и подражаніями византійскимъ образцамъ, до такой степени усвоила ихъ духъ, пріемы и форму, что иногда даже и самостоятельныя произведенія трудно отличить отъ переводовъ съ греческаго. Писатели не умѣли и не могли оставить этихъ традиціонныхъ пріемовъ византійской церковной книжности, на которой воспитался изъ литературной вкусъ, не могли дѣйствовать въ иномъ направленіи, болѣе близкомъ къ нуждамъ и запросамъ той массы, которую они просвѣщали и для которой даже литературный языкъ становился, съ теченіемъ времени, все менѣе и менѣе доступнымъ. Отвлеченная христіанская догматика была не по силамъ массѣ народа, умственно неразвитаго и неподготовленнаго къ ея принятію; представителемъ новаго ученія явилось греческое духовенство, которое, въ большинствѣ случаевъ, видѣло въ новообращенной странѣ только новую епархію константинопольскаго патріархата, новый источникъ дохода,—а объ умственномъ развитіи массы, о разъясненіи народу и объ укрѣпленіи въ немъ христіанскихъ идей заботилось

Digitized by Google

мало. Греческіе митрополиты, пріѣзжавшіе управлять дѣлами русской церкви, писали, напримѣръ, для неграмотнаго народа такія поученія и проповѣди, которыя могли читаться развѣ только въ Византіи, передъ слушателями образованными и имѣвшими понятіе какъ объ ораторскихъ пріемахъ, такъ и объ отвлеченныхъ богословскихъ вопросахъ;—или же занимались нисколько не интересною и ненужною для рускаго общества того времени полемикой противъ католиковъ; русскіе духовные писатели до мелочей подражали своихъ учителямъ—грекамъ; переводная литература, требовавшая отъ читателей довольно значительнаго умственнаго развитія, въ массѣ распространялась очень медленно; такимъ образомъ эта масса, за немногими исключеніями, оставалась безъ живаго слова, безъ разъясненія даже элементарныхъ положеній новой религіи и нравственности. И эту-же массу пріѣзжіе греки и ихъ русскіе ученики корили за то, что она живетъ не по-христіански; естественно, что при такихъ условіяхъ новая религія оставалась, въ сущности, непонятою, и для народа, т.-е. для большинства, обратилась въ обрядъ, въ форму, подъ которою продолжали жить старыя, языческія преданія, болѣе близкія простому человѣку, болѣе доступныя его уму.

И на Руси, какъ на славянскомъ югѣ, первымъ разсадникомъ книжнаго просвѣщенія былъ монастырь, первыми просвѣтителями—монахи. Византійскій аскетическій идеалъ, занесенный на новую почву, нашелъ въ средѣ неофитовъ многихъ ревностныхъ послѣдователей; вскорѣ и здѣсь явились суровые подвижники, отрекавшіеся отъ міра и отрицавшіе міръ, какъ жилище грѣха, смерти и діавола; понятно, почему и русская проповѣдь—едва-ли не самая ранняя форма литературныхъ произведеній, явившихся на Руси съ принятіемъ христіанства—не имѣла, за очень немногими исключеніями, непосредственной, живой связи съ русскою дѣятельностью. Проповѣдники, слѣдуя своимъ византійскимъ образцамъ, возстаютъ противъ всѣхъ проявленій народной жизни, не подходящихъ подъ мѣрку отвленнаго нравственно-аскетическаго идеала; народное пониманіе христіанства они порицаютъ , какъ «двоевѣріе»; въ народныхъ обрядахъ и обычаяхъ видятъ «бѣсовское навожденіе», «еллинское волхвованіе»; въ общихъ выраженіяхъ обличая корыстолюбіе, лживость, жестокость и другіе пороки, общіе всему человѣчеству, они рѣдко и нерѣшительно высказываются по поводу другихъ явленій, гораздо болѣе серьозныхъ, и притомъ—спеціально-русскихъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ, проповѣдникъ относится къ своему предмету съ точки зрѣнія книжника, для котораго жизнь представляется въ видѣ отвлеченной схемы, а не реальнаго движенія и борьбы противоположныхъ интересовъ.

Digitized by Google

Указанными свойстами отличаются почти всѣ памятники древне-рускаго проповѣдничества, начиная съ поученія кіевскаго митрополита Иларіона—очень замѣчательныхъ по формѣ, — Ѳеодосія Печерскаго (XI в.), Кирилла Туровскаго—выдающихся изысканнымъ риторизмомъ (XII в.), владимірскаго епископа Серапіона (написанныхъ гораздо болѣе простымъ слогомъ, чѣмъ предыдущія),—и кончая массой анонимныхъ проповѣдей и поучительныхъ статей, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, идущихъ непрерывнымъ рядомъ въ спискахъ XI—XVII столѣтій. Почти всѣ же произведенія, какъ по своей формѣ, такъ и по содержанію, не могутъ быть включены въ область національной литературы,—и лишь въ немногихъ изъ нихъ археологъ найдетъ нѣкоторыя данныя для возстановленія различныхъ мелкихъ чертъ древне-русской жизни.

За проповѣдями слѣдуетъ длинный рядъ житій святыхъ—произвеній также переводныхъ или оригинальныхъ,—начинающійся съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси и представляющій, по формѣ и содержанію, какъ бы продолженіе (но не дальнѣйшее развитіе) византійской литературы этого рода. Въ нѣкоторыхъ житіяхъ русскихъ святыхъ можно найти скудныя историческія указанія, въ другихъ — черты изъ народныхъ легендъ и преданій; но, говоря вообще, и эти произведенія древне-русской письменности, какъ и проповѣди, не отличаются колоритомъ живой дѣйствительности. Огромное большинство этихъ рапсодій аскетическаго эпоса написано какъ бы по одной, общей для всѣхъ, программѣ, и имѣетъ почти одно и тоже содержаніе, какъ можно убѣдиться и изъ древнѣйшаго русскаго сборника житій—Кіево-печерскаго Патерика, составившагося въ XIII столѣтіи,—и изъ позднѣйшихъ, «прологовъ» и «миней-четій». Святой, обыкновенно, еще съ младенчества отличается строгою набожностью и благочестіемъ,—напримѣръ, въ постные дни не беретъ материнской груди; достигши юношескаго возроста,, изнуряетъ себя постомъ и молитвой; затѣмъ, поборовъ всѣ привязанности къ грѣховному міру, удаляется въ монастырь или въ пустыню, чтобы тамъ окончательно побороть въ себѣ всѣ плотскіе помыслы. Скоро слава о немъ распространяется среди окрестнаго населенія; къ нему приходятъ люди, жаждущіе духовнаго просвѣщенія,—молиться, учиться, каяться въ своихъ грѣхахъ; мало по малу, вокругъ его уединенной кельи выростаютъ другія, населенныя новыми, такими-же, подвижниками, которые увлеклись промѣромъ святого; такимъ образомъ возникаетъ монастырь. Святой или уходитъ дальше, чтобы жить въ совершенномъ отшельничествѣ, или остается жить съ братіею и вмѣстѣ съ нею трудится до своей кончины, послѣ которой (а иногда еще и при жизни) творитъ чудеса.

Digitized by Google

Вотъ та канва, на которой основывается разсказъ, изложенный, смотря по вкусамъ и дарованію составителя, болѣе или менѣе пространно и витійственно. Древнѣйшія житія отличаются большею простотой и самостоятельностью; позднѣйшія—риторизмомъ и однообразіемъ,—качествами, присущими писателямъ византійскимъ.

Непосредственно изъ Византіи, а также и черезъ южное славянство, переходили въ русскую письменность произведенія византійской исторической литературы — такъ-называемыя палеи (ветхозавѣтная исторіи съ дополненіями и поясненіями апокрифическаго характера) и хронографы (краткія лѣтописи, начинающіяся, обыкновенно, отъ сотворенія міра). Послѣдніе послужили однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ и образцовъ для составленія русскихъ лѣтописей, которыя представляютъ наиболѣе самостоятельную отрасль русской литературы древняго періода. Лѣтопись, какъ полагаютъ ученые изслѣдователи, развилась, по всей вѣроятности, изъ краткихъ замѣтокъ о важнѣйшихъ событіяхъ, — о войнѣ, о рожденіи и смерти князей, о построеніи церквей, о небесныхъ знаменіяхъ, голодѣ, морѣ и т. п.,—замѣтокъ, которыя заносились грамотными монахами, для памяти, въ такъ-называемыя пасхальныя таблицы (какъ впослѣдствіи подобныя же замѣтки дѣлались, напр., на записныхъ листахъ календаря). Пасхальныя таблицы, служившія для опредѣленія дней переходящихъ праздниковъ, представляли рядъ годовъ съ соотвѣтствующими календарными цифрами (индикта, эпакты и проч.) и перечисленіемъ праздниковъ; подъ этими-то годами и дѣлались отмѣтки о разныхъ происшествіяхъ. Съ развитіемъ грамотности, конечно, явилось желаніе знать свое прошлое, объяснить, откуда пошла русская земля, что́ дѣлалось въ ней прежде и что́ дѣлается теперь; литературный образецъ для лѣтописи, болѣе обстоятельной, распространенной и приведенной въ нѣкоторый порядокъ, былъ уже данъ византійскими историческими произведеніями; и вотъ,—вѣроятно, однако, не ранѣе XII вѣка, является у насъ первый *сводъ* отрывочныхъ лѣтописныхъ сказаній въ одно цѣлое, дополненный, на основаніи хронографовъ, разсказомъ о происхожденіи славянскаго и, въ частности, русскаго племени и заключающій въ себѣ преданія, — вѣроятно, народнаго, или дружиннаго происхожденія, — о первоначальной исторіи Руси и ея первыхъ князьяхъ. Это—такъ-называемая «Повѣсть временныхъ лѣтъ (т.-е. снабженная хронологіею, расположенная по годамъ) о томъ, откуда пошла русская земля, и кто въ Кіевѣ сперва княжилъ, и какъ русская земля установилась». «Повѣсть» эта дошла до насъ во многихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій, по имени переписчика называемый Лаврентіевскимъ, относится ко второй половинѣ XIV вѣка (1377). Со-

Digitized by Google

ставителемъ этого первоначальнаго лѣтописнаго свода долгое время считали монаха Кіево-печерской лавры Нестора, написавшаго житіе пр. Ѳеодосія Печерскаго и сказаніе о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ; но въ настоящее время вопросъ о Несторѣ, какъ авторѣ «Повѣсти», рѣшенъ отрицательно, и большинство изслѣдователей склоняется къ мнѣнію, что главное участіе въ этомъ трудѣ принималъ игуменъ Кіевскаго Выдубицкаго монастыря, Сильвестръ, котораго запись осталась въ «Повѣсти» подъ 1110 годомъ. Намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ предположеніе, что надъ «Повѣстью», которая переписывалась множество разъ прежде чѣмъ дошла до монаха Лаврентія, оставившаго намъ свой трудъ,—работала не одна рука, и что первоначальная ея редакція съ теченіемъ времени дополнялась и передѣлывалась разными лицами. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ плодомъ не личнаго, а коллективнаго авторства.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, представляетъ, во-первыхъ, составленный на основаніи византійскихъ хронографовъ — «Грѣшнаго» (ἁμαρτολός) монаха Георгія, Іоанна Малалы и др., Палеи и другихъ произведеній византійской письменности, связный разсказъ о раздѣленіи земли, послѣ потопа, между сыновьями Ноя, о разселеніи народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія и затѣмъ, спеціально—о разселеніи славянъ, о нравахъ и обычаяхъ различныхъ славянскихъ племенъ; во-вторыхъ—самостоятельное, расположенное по годамъ (начиная съ 852 года), повѣствованіе о различныхъ событіяхъ на Руси. Въ первую часть этого повѣствованія — гдѣ разсказывается объ эпохѣ до-христіанской — вставлено много преданій, дружиннаго, конечно, происхожденія, о славныхъ подвигахъ первыхъ русскихъ князей; въ дальнѣйшемъ разсказѣ общій тонъ лѣтописи нѣсколько мѣняется: встрѣчается все больше и больше текстовъ изъ св. писанія и благочестивыхъ размышленій. И здѣсь, точно также, много вводныхъ эпизодовъ и отступленій; таково, напр., сказаніе объ основаніи Кіево-печерской обители, поученія преп. Ѳеодосія и Владиміра Мономаха, разсказъ объ ослѣпленіи князя Василька и т. п. Общій характеръ изложенія лѣтописи можетъ быть названъ эпическимъ; разсказъ идетъ плавно и спокойно, захватывая по пути все, что представлялось разсказчику важнымъ или заслуживающимъ вниманія, и сопровождаясь нерѣдко собственными замѣчаніями разсказчика; повѣствованіе объ одномъ предметѣ иногда прерывается, уступая мѣсто другому, прямо съ нимъ не связанному,—а затѣмъ прерванная нить разсказа продолжается снова. Основной тонъ лѣтописи — строго-религіозный и нравоучительный, какъ и слѣдовало ожидать отъ авторовъ-монаховъ, воспитавшихся на чтеніи церковныхъ книгъ;

Digitized by Google

всѣ событія въ мірѣ, всѣ явленія въ природѣ разсматриваются съ религіозной точки зрѣнія и объясняются непосредственнымъ участіемъ божественнаго промысла. Не смотря на близкое знакомство съ византійскими источниками, русскій лѣтописецъ однако не усвоилъ ихъ пріемовъ и манеры до такой степени, какъ лѣтописцы сербскіе; его сужденія о лицахъ и событіяхъ отличаются несравненно бо́льшею независимостью, а изложеніе — несравненно бо́льшею талантливостью, живостью, иногда даже драматизмомъ, и обиліемъ подробностей. Въ этомъ отношеніи «Повѣсть временныхъ лѣтъ» должна быть поставлена выше всѣхъ однородныхъ произведеній славянской литературы древняго періода и выше многихъ произведеній западно-европейскаго лѣтописанія.

Этотъ первоначальный лѣтописный сводъ имѣлъ многочисленныхъ продолжателей въ разныхъ мѣстностяхъ русской земли. Съ дробленіемъ Руси на отдѣльныя княжества и съ развитіемъ ихъ обособленности, лѣтопись общая, въ которой излагалась исторія всей тогдашней Руси, мало-по-малу замѣнилась лѣтописями частными, мѣстными, въ которыхъ повѣствуется только о томъ, что произошло въ какомъ-либо отдѣльномъ княжествѣ, и событія получаютъ освѣщеніе съ точки зрѣнія мѣстнаго патріотизма. Таковы лѣтописи суздальскія, новгородскія, тверскія и другія произведенія этой отрасли литературы, получившей на Руси широкое развитіе.

Въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» — Лаврентіевскомъ, подъ 1096 годомъ, вставлено «Поученіе», написанное княземъ Владиміромъ Мономахомъ (1053—1125), по образцу однородныхъ произведеній литературы византійской. Авторъ этого поученія былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и начитанныхъ русскихъ князей до-татарской эпохи. Мать его была гречанка; отецъ — кіевскій великій князь Всеволодъ — «сидя дома», изучилъ пять языковъ; сестры Мономаха также были грамотныя. «Поученіе», сохранившееся только въ одномъ, и то не особенно исправномъ спискѣ, очевидно, попало въ лѣтопись случайно, и нисколько не связано съ предшествующимъ и послѣдующимъ разсказомъ; оно, вѣроятно, переписано съ особой тетради, которая была просто вложена между листами лѣтописи, гдѣ попало — и благодаря этой случайности дошла до насъ. «Поученіе» служитъ нагляднымъ памятникомъ ума, благочестія и начитанности (книжности) князя, котораго лѣтопись рисуетъ въ идеальномъ свѣтѣ, какъ примирителя враждующихъ, какъ образецъ честности, набожности, воинской доблести, правосудія и гостепріимства. Въ своемъ произведеніи Мономахъ говоритъ отъ своего лица, обращаясь къ дѣтямъ и вообще ко всѣмъ читателямъ; сначала онъ даетъ правила христіанской жизни

Digitized by Google

вообще, затѣмъ — наставленія относительно обязанностей князя и, наконецъ, въ примѣръ исполненія этихъ обязанностей и въ подтвержденіе высказанныхъ правилъ, разсказываетъ свою собственную жизнь, подробно перечисляя свои труды на войнѣ и охотѣ. Въ литературномъ отношеніи поученіе Мономаха, особенно первая, общая его часть, представляется обработанною согласно требованіямъ тогдашняго стиля и заключаетъ въ себѣ много текстовъ изъ св. писанія, свидѣтельствующихъ о начитанности автора, а можетъ быть и о томъ, что его произведеніе получило позднѣйшую литературную обработку и дошло до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально было написано. Вторая часть поученія, изложенная гораздо проще, представляетъ интересъ какъ въ автобіографическомъ, такъ и вообще въ бытовомъ отношеніи; здѣсь Мономахъ даетъ практическіе совѣты, какъ слѣдуетъ князю вести себя на войнѣ, въ домашней жизни, въ путешествіи и какъ вообще слѣдуетъ проводить день: вставать, говоритъ онъ, слѣдуетъ вмѣстѣ съ солнцемъ и, помолившись Богу, «садиться думать съ дружиною», потомъ творить судъ и расправу, затѣмъ — ѣхать на охоту и послѣ обѣда—спать, потому что послѣ-обѣденный сонъ установленъ самимъ Богомъ, какъ для людей, такъ и для животныхъ. Указывая на то, что и въ домашнемъ быту, и на войнѣ — всего важнѣе «свой глазъ» и «своя рука», князь заботится о репутаціи добраго человѣка и хорошаго хозяина и даетъ совѣты, какъ пріобрѣсти и сохранить подобную репутацію. Въ примѣръ онъ ставитъ своего отца и самого себя: живя дѣятельною жизнью князя-дружинника, среди усобицъ и борьбы съ степными кочевниками, Мономахъ совершилъ 83 большихъ похода, а мелкихъ и не припомнитъ. Когда не было войны, онъ отправлялся охотиться на дикихъ звѣрей, и при этомъ много разъ подвергался сильной опасности; находясь дома, онъ смотрѣлъ за домашнимъ порядкомъ, и часто самъ дѣлалъ то, что́ нужно было дѣлать другимъ: ловчій нарядъ самъ держалъ, самъ смотрѣлъ за конюшней, за соколами, за ястребами; въ тоже время онъ и «худого смерда» и убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ, и за церковными службами самъ наблюдалъ. Разсказывая все это, Мономахъ заключаетъ свою рѣчь словами о братолюбіи, которое было особенно нужно въ ту пору княжескихъ междоусобій. За «Поученіемъ» слѣдуютъ небольшое посланіе къ рязанскому князю Олегу и молитва.

Съ первыхъ временъ христіанства на Руси возникъ и развился обычай путешествовать по святымъ мѣстамъ — преимущественно въ Палестину. Подобныя путешествія, считавшіяся однимъ изъ самыхъ важныхъ способовъ угодить Богу, уже въ XII вѣкѣ стали явленіемъ настолько обыкновеннымъ и распространеннымъ, что церков-

Digitized by Google

ные учители находили нужнымъ останавливать странниковъ. «Многіе, говорится въ одномъ поученіи, идутъ въ Іерусалимъ только для того, чтобы ничего не дѣлать и кормиться на чужой счетъ (подаяніемъ); тѣхъ, которые даютъ присягу идти къ святымъ мѣстамъ, слѣдуетъ подвергать эпитеміи, потому что эта присяга губитъ нашу землю». Въ числѣ множества русскихъ паломниковъ, посѣщавшихъ въ тѣ времена Палестину, находились люди грамотные и начитанные, которые оставили о своемъ путешествіи, въ назиданіе другимъ богомольцамъ, записки, извѣстныя подъ названіемъ хожденій. Рядъ этихъ записокъ открывается въ XII вѣкѣ «хожденіемъ» игумна Даніила черезъ Византію въ Іерусалимъ, затѣмъ—къ Іордану, Іерихону, въ Виѳлеемъ и къ горѣ Ѳавору. Это произведеніе проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ и отличается строго-благочестивымъ характеромъ. Авторъ, пройдя далекій путь по чужимъ землямъ и побывавъ въ Палестинѣ, которая находилась тогда подъ властью крестоносцевъ (Іерусалимское королевство), ни словомъ не обмолвился о политической и общественной жизни этихъ странъ, о нравахъ и обычаяхъ мѣстнаго населенія и т. п.; онъ даже, какъ будто, и не знаетъ, что были крестовые походы и что святая земля еще не задолго передъ его посѣщеніемъ находилась во власти мусульманъ. Все свое вниманіе, всѣ свои помыслы онъ сосредоточиваетъ исключительно на предметахъ священныхъ, которыми онъ, въ своей чистосердечной вѣрѣ, всего болѣе былъ заинтересованъ. Подробно описывая палестинскія святыни, передъ которыми онъ усердно молился за всѣхъ русскихъ людей, Даніилъ передаетъ и относящіяся къ нимъ легенды и преданія, съ полною вѣрой въ то, что́ слышалъ отъ другихъ. Его «хожденіе», по всей вѣроятности, было одною изъ наиболѣе любимыхъ русскими читателями книгъ: оно дошло до насъ во множествѣ списковъ.

Совершенно въ томъ же духѣ и тонѣ написано и краткое «Хожденіе въ Царьградъ» новгородскаго архіепископа Антонія (1198 г.), состоящее изъ разсказовъ о тѣхъ святыхъ, которыхъ авторъ видѣлъ въ церквахъ и монастыряхъ восточной столицы, въ понятіяхъ русскихъ людей занимавшей мѣсто наряду съ Іерусалимомъ.

Изъ другихъ произведеній русской литературы древняго періода слѣдуетъ указать на сборники статей самаго разнообразнаго содержанія, представляющіе нѣчто въ родѣ христоматій, только безъ всякаго порядка и послѣдовательности въ расположеніи статей. Такіе сборники были въ большомъ ходу въ Византіи, откуда перешли и къ южному славянству, и въ русскую письменность. Древній книжникъ, читая попадавшіяся ему сочиненія различнаго характера — начиная отъ твореній св. отцовъ и кончая шутливыми повѣстями и

Digitized by Google

присказками, и не имѣя возможности составить себѣ библіотеку, что въ то время стоило очень дорого,—выписывалъ изъ этихъ сочиненій въ особую тетрадь то, что представлялось ему заслуживающимъ вниманія. Онъ, по выраженію стариннаго грамотѣя, былъ «яко пчела, собирающая сладость словесную и разумъ отъ книгъ многихъ». Съ теченіемъ времени тетрадь росла въ объемѣ, попадала въ другія руки, переписывалась, дополнялась разными прибавками и нерѣдко достигала громадныхъ размѣровъ; такая христоматія могла, по нуждѣ, замѣнить цѣлую библіотеку; понятна поэтому распространенность подобныхъ книгъ, во множествѣ сохранившихся и до нашего времени. Типомъ ихъ можетъ служить уже извѣстный намъ «Изборникъ» болгарскаго царя Симеона; подобнымъ-же характеромъ отличается такъ-называемая «Златая Матица»,—сборникъ, въ которомъ помѣщены разныя слова и поученія, и разныя справки богословскаго, нравственнаго и историческаго содержанія, а также статьи о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, планетахъ и т. п. Но особенною извѣстностью пользовалась имѣвшая очень обширный кругъ читателей «Книга Пчела»—переведенное съ греческаго собраніе разныхъ, большею частью краткихъ и отрывочныхъ (въ видѣ афоризмовъ) изреченій изъ св. писанія, отцовъ церкви и классическихъ авторовъ,—о различныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ и о разныхъ житейскихъ случайностяхъ. Первые составители Пчелъ—греки—старались придать имъ нѣкоторую систематичность, раздѣляя ихъ на главы (напр., о мужествѣ, о красотѣ, о лжи и пр.) и помѣщая изрѣченія въ болѣе или менѣе опредѣленномъ порядкѣ: сперва евангельскія, потомъ изъ Притчей и Сираха, затѣмъ изъ отцовъ церкви и, наконецъ, изъ классиковъ—Плутарха, Демосѳена, Геродота, Пиѳагора, Ксенофонта и др. Въ переводахъ и въ позднѣйшей обработкѣ эта систематичность не всегда соблюдалась.

«Пчела» была любимою книгой древне-русскаго грамотѣя, который почерпалъ изъ нея богатый запасъ готовыхъ формулъ на разные случаи жизни, и потомъ пользовался этими формулами для украшенія своихъ собственныхъ произведеній. Замѣчательнымъ типомъ такого грамотѣя компилятора является неизвѣстный авторъ «Слова» или «Моленія Даніила Заточника» (памятникъ XII вѣка, подвергшійся въ XIII ст. новой передѣлкѣ). Нѣкто, сосланный въ заточеніе, неизвѣстно за какую вину, обращается къ князю съ цѣлью вымолить у него свободу, причемъ въ юмористическомъ тонѣ изображаетъ свое стѣсненное, бѣдственное положеніе, и попутно разсуждаетъ о разныхъ предметахъ, преимущественно съ цѣлью нравоученія, — о щедрости и скупости, богатствѣ и бѣдности, мудрости и глупости. Эти разсужденія пересыпаются цитатами изъ Соломона и Сираха,

Digitized by Google

афоризмами «Пчелы», пословицами, шуточками и каламбурами. Тутъ же вставлено—впослѣдствіи очень распространенное въ русской письменности — разсужденіе о «добрыхъ и злыхъ женахъ», въ которомъ очень рельефно выразился византійскій грубо-аскетическій, презрительный взглядъ на женщину. Подобныя же разсужденія находятся и въ «Изборникѣ» Святослава, и въ Пчелахъ; вотъ небольшой образчикъ отзывовъ Даніила Заточника:

«Лучше жить со львомъ и змѣей, чѣмъ со злой женой. Что есть злая жена? Мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы... поборница грѣха, врагъ спасенія».

«Червь дерево точитъ, а злая жена домъ мужа своего расточаетъ. Лучше въ худой ладьѣ плыть по водѣ, чѣмъ повѣдать тайну злой женѣ. Лучше тесать камень и варить желѣзо, чѣмъ злую жену учить: желѣзо уваришь, а злой жены не научишь; злая жена ни ученья не слушаетъ, ни Бога не боится, ни людей не стыдится» и т. д.

Хотя подобный взглядъ на женщину явился къ намъ извнѣ, подъ вліяніемъ Сираха и византійской литературы (между прочимъ, и проповѣдей Іоанна Златоуста, пользовавшихся на Руси громадною популярностью), однако, по мѣрѣ усиленія у насъ византійскаго духа, который вскорѣ сдѣлался регуляторомъ русской жизни, взглядъ этотъ все болѣе и болѣе прививался къ русскому обществу, такъ что въ XVI столѣтіи мы увидимъ уже цѣлый, исторически-сложившійся и вполнѣ опредѣленный кодексъ домашней жизни, въ основу котораго положены тѣ же воззрѣнія, какія проповѣдывались книжками XII вѣка.

Изъ сочиненій переводныхъ—исключительно съ греческаго,—которыми обогатилась русская литература въ первый періодъ своего существованія, слѣдуетъ указать прежде всего на сборники поученій Іоанна Златоуста. Эти сборники — иногда очень обширные — подъ риторическими заглавіями «Златоструя», «Измарагда», «Маргарита» и т. п., дошли до насъ во множествѣ списковъ; кромѣ словъ Златоуста, въ нихъ помѣщались часто и другія проповѣди, не принадлежащія этому писателю, — иногда даже оригинальныя, русскія, которыя выходили въ свѣтъ подъ именемъ знаменитаго проповѣдника ради большей авторитетности. Затѣмъ идутъ переводные сборники житій святыхъ, извѣстные подъ названіемъ прологовъ и синаксарей, и различныя апокрифическія сказанія о событіяхъ ветхаго и новаго завѣта. Послѣднія, впрочемъ, получили на Руси особенное распространеніе уже въ слѣдующемъ періодѣ, а потому о нихъ будетъ рѣчь впереди.

Совершенно одиноко стоитъ въ древне-русской литературѣ памятникъ, вовсе не подходящій къ ея общему складу и замѣчательный

Digitized by Google

какъ по своему поэтическому содержанію, такъ и по своей странной судьбѣ. Мы говоримъ о «Словѣ о полку Игоревѣ». Это «Слово», или сказаніе о несчастномъ походѣ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ степныхъ кочевниковъ — половцевъ, случившемся въ 1185 году и подробно описанномъ въ лѣтописяхъ, было открыто въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ старинномъ сборникѣ, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, и имъ же издано въ 1800 году. Затѣмъ, во время пожара Москвы въ 1812 году, рукопись «Слова», вмѣстѣ съ другими рукописями богатаго пушкинскаго собранія, сгорѣла; другого же списка до сихъ поръ нигдѣ не найдено, такъ что пушкинское изданіе, да еще списокъ, сдѣланный съ рукописи для императрицы Екатерины II, съ небольшими варіантами, представляютъ единственный текстъ этого, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интереснаго, памятника. Между тѣмъ — или рукопись «Слова» была написана неисправно, или издатель, недостаточно знакомый съ русской палеографіей, не могъ прочесть эти рукописи какъ слѣдуетъ — имѣющійся у насъ текстъ наполненъ темными мѣстами и выраженіями. Въ продолженіи слишкомъ восьмидесяти лѣтъ русскіе ученые трудились надъ объясненіемъ этого памятника, потративъ на него много добросовѣстныхъ усилій, знанія и остроумія,—а между тѣмъ «Слово» и до сихъ поръ еще во многихъ отношеніяхъ остается загадочнымъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что изученіе древне-русской литературы вообще находится еще въ состояніи далеко неудовлетворительномъ; слишкомъ усердно изучая старину Эллады и Рима, мы все еще слишкомъ мало, до крайности мало, знаемъ свою родную старину, — хотя и не прочь, при случаѣ, сказать о ней, съ чужого голоса, нѣсколько банальныхъ фразъ; между тѣмъ, множество ея памятниковъ остаются до сихъ поръ недостаточно изслѣдованными какъ съ филологической, такъ и съ археологической и литературной точки зрѣнія; слишкомъ многое принимается на вѣру и безъ надлежащей провѣрки повторяется вслѣдъ за первыми изслѣдователями. Со временемъ, установленная на прочныхъ, положительныхъ основаніяхъ, филологическая и археологическая критика, конечно, разъяснитъ существующія нынѣ ошибки и недоразумѣнія и дастъ возможность придать исторіи древне-русской литературы вполнѣ научный характеръ; но въ настоящее время въ этомъ направленіи сдѣлано еще очень немного первыхъ шаговъ.

«Слово о полку Игоревѣ» представляетъ, въ сущности, поэтизированный пересказъ лѣтописнаго повѣствованія о походѣ сѣверскаго князя. Оно начинается вступленіемъ, въ которомъ авторъ обѣщаетъ разсказать печальную повѣсть по „былинамъ“ своего времени, а не по замысламъ Бояна — вѣщаго пѣвца, внука Велесова, который, восхваляя подвиги князей, парилъ, какъ орелъ подъ облаками, играя въ звонкіе гусли. Затѣмъ прямо начинается и самая повѣсть. Игорь высту-

Digitized by Google

паетъ въ походъ — и въ это время затмѣвается солнце. Зловѣщее предзнаменованіе! Но князь ободряетъ свою дружину: „Братья,—говоритъ онъ,—лучше быть разбитымъ, чѣмъ попасть въ плѣнъ; сядемъ же на лихихъ коней и поскачемъ къ синему Дону, въ половецкую степь; либо сложу я тамъ свою голову, либо напьюсь шлемомъ изъ Дона". Въ Путивлѣ Игорь поджидаетъ своего брата, курскаго князя Всеволода. „Сѣдлай, братъ, своихъ коней, говоритъ Всеволодъ, — а мои ужъ готовы; мои куряне — лихіе бойцы; они подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелѣяны, съ конца копья вскормлены; дорогу они знаютъ, луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; рыщутъ они, какъ сѣрые волки въ полѣ, добывая себѣ почетъ, а князю — славу". Братья, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Святославомъ рыльскимъ, и сыномъ Игоря, Владиміромъ, идутъ въ степь среди предвѣстій, сулящихъ бѣду: солнце покрывается мглою, гроза „стонетъ" въ степи, слышатся зловѣщіе крики птицъ и звѣрей, чующихъ поживу на полѣ битвы. Половцы спѣшатъ на встрѣчу непріятелю; въ первой стычкѣ они разбиты, и русское войско торжествуетъ побѣду. Но на слѣдующее утро солнце восходитъ въ кровавомъ туманѣ; черныя тучи надвигаются съ моря, и въ нихъ трепещутъ синія молніи: быть грозѣ! Уже вѣтры, „внуки Стрибога", гонятъ стрѣлы на храбрыя войска Игоря; земля застонала, рѣки замутились, пыль поднялась на поляхъ; идутъ половцы несмѣтною силой, наступаютъ со всѣхъ сторонъ; поломаются русскія копья, притупятся мечи... Съ утра до вечера и съ вечера до утра летаютъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья булатныя въ невѣдомомъ полѣ, среди половецкой земли. Почернѣла степь подъ конскими копытами, ее вспахавшими; костями она была засѣяна, кровью полита; взросло на ней горе для русской земли. Бьются день, бьются другой—а Игоревой храброй дружины ужъ нѣтъ, и не воскреснетъ она, да и самъ князь Игорь захваченъ въ плѣнъ половцами. Поникла трава отъ жалости, и дерево съ печали къ землѣ преклонилось...

Описавъ несчастное сраженіе, авторъ „Слова" обращается къ главной причинѣ неудачи князей—къ раздорамъ и усобицамъ между ними: „Не стало, говоритъ онъ, въ князьяхъ единомыслія на поганыхъ (враговъ). Сталъ говоритъ братъ брату: „и то мое, и это мое", и стали враждовать другъ съ другомъ, а враги со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую... Въ княжескихъ крамолахъ погибала жизнь народа, внука Дажь-богова. Тогда по русской землѣ рѣдко слышался голосъ пахаря, но часто слышно было какъ кричали хищныя птицы, терзая трупы убитыхъ"...

Кіевскій князь Святославъ видитъ тяжелый сонъ; въ тоже время бояре приносятъ ему вѣсть о пораженіи и плѣнѣ Игоря. Святославъ со слезами призываетъ всѣхъ русскихъ князей вступиться за обиду, за русскую землю, за несчастнаго сѣверскаго князя. Но не придутъ князья, занятые взаимными распрями; было время, когда русская земля была сильна, но князья, своими усобицами, уничтожили эту силу...

Жена Игоря, Ярославна, выходитъ на городскую стѣну въ Путивлѣ и громко плачетъ, жалуясь на степной вѣтеръ, развѣявшій войско Игоря, и на солнце, изсушившее своими жгучими лучами луки и стрѣлы русскихъ воиновъ. Она обращается къ Днѣпру, умоляя эту рѣку принести князя Игоря на родину, чтобъ осушить горькія слезы его молодой жены.

Это заклинаніе помогаетъ Игорю: онъ бѣжитъ изъ плѣна, счастливо уходя отъ погони. Вся природа помогаетъ ему; всѣ радуются его избавленію. „Дѣвицы поютъ на Дунаѣ, голоса ихъ несутся по морю до Кіева. Игорь ѣдетъ въ храмъ Богородицы. Страны рады, города веселятся, воспѣвая старыхъ князей, а потомъ и молодыхъ. Слава князьямъ и дружинѣ!"

Digitized by Google

Таково содержаніе «Слова о полку Игоревѣ». Отвергать подлинность этого литературнаго памятника мы не имѣемъ достаточныхъ основаній; между тѣмъ, своею оригинальностью онъ возбуждаетъ множество недоразумѣній и вопросовъ, на которые—по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи науки — можетъ быть данъ только болѣе или менѣе гадательный отвѣтъ. «Слово» проникнуто живымъ поэтическимъ чувствомъ, и міросозерцаніе автора—не только свѣтское, но и чисто-языческое: онъ представляетъ себѣ всю природу въ видѣ живого существа, олицетворяетъ всѣ ея силы, и даже, какъ мы видѣли, называетъ по именамъ древне-славянскія божества — Велеса, Стрибога, Дажь-бога, упоминаетъ о разныхъ легендарныхъ существахъ, которыя не оставили по себѣ никакой памяти ни въ извѣстныхъ намъ народныхъ преданіяхъ, ни въ произведеніяхъ литературы. Какимъ образомъ могла появиться эта поэтическая повѣсть въ литературѣ, составъ и формы которой, какъ можно видѣть изъ предыдущаго нашего изложенія, имѣютъ характеръ совершенно иной, совершенно противоположный? Кто былъ авторъ «Слова»—язычникъ или христіанинъ? Если язычникъ, то—допуская, что онъ былъ современникомъ Игорева похода, — какъ могъ онъ оставаться въ язычествѣ въ концѣ XII вѣка, среди христіанъ, которымъ византійскіе проповѣдники вовсе не внушали вѣротерпимости? Если же христіанинъ, то—какъ могъ онъ до такой степени проникнуться міровоззрѣніемъ языческимъ,—«поганскимъ», грѣховнымъ, душепагубнымъ, по понятіямъ того времени? Далѣе, если «Слово» представляетъ послѣдній отголосокъ національной русской поэзіи, заглушенной наносною византійскою книжностью, — то какъ могло оно дойти въ спискахъ до XV или даже XVI столѣтія, къ которому, какъ полагаютъ, относилась утраченная пушкинская рукопись? Какіе книжные люди могли имъ интересоваться и переписывать въ продолженіе трехъ или четырехъ вѣковъ этотъ плодъ языческаго вдохновенія, звучащаго столь рѣзкимъ диссонансомъ среди общаго, поразительно-однообразнаго хора древне-русской письменности? Вѣдь это все равно, какъ если бы въ православномъ храмѣ, во время богослуженія, вдругъ раздался какой-нибудь оперный мотивъ...

Всѣ эти и многія другія загадки, заданныя русской наукѣ «Словомъ о полку Игоревѣ»,—этимъ сфинксомъ, который такъ внезапно явился въ библіотекѣ гр. Мусина-Пушкина и также внезапно исчезъ изъ нея, оставивъ свой слѣдъ только въ печатной книгѣ, — еще ждутъ своего Эдипа...

Нашествіе монголовъ и завоеваніе ими, въ первой половинѣ XIII столѣтія, почти всей русской земли хотя и имѣли слѣдствіемъ упадокъ просвѣщенія, но для литературной дѣятельности на Руси вовсе не

Digitized by Google

было такимъ роковымъ событіемъ, какъ для Болгаріи и Сербіи—завоеваніе ихъ турками. Татары, подчинившіе себѣ русскихъ удѣльныхъ князей, жили далеко, въ своей Ордѣ, и, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла княжествъ, ограничивались только требованіемъ наложенной ими дани. Съ общимъ упадкомъ просвѣщенія и грамотности, литературная дѣятельность, конечно, утратила нѣкоторую долю своей интенсивности; но такъ какъ центрами ея были монастыри, изъ которыхъ большая часть осталась во время татарскаго нашествія нетронутыми, то въ нихъ и сохранилась старая литературная традиція, и книжные запасы, уничтоженные во время войны, мало-по-малу пополнялись снова. Направленіе литературной дѣятельности не измѣнилось; ея общій характеръ и главные виды остались тѣ же, что были и до татаръ; подъ вліяніемъ политическихъ условій, начиная съ XIV столѣтія, являются новыя литературныя формы, свидѣтельствующія о дальнѣйшемъ развитіи словесности. Но съ этого времени начинается уже и новый періодъ русской государственной жизни и шедшаго параллельно съ нею просвѣщенія,—періодъ московскій, къ разсмотрѣнію котораго мы перейдемъ въ другомъ мѣстѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что исторіи литературъ русской, болгарской и сербской съ одной стороны, хорватской, чешской и польской—съ другой, могутъ быть разсматриваемы въ нѣкоторой связи между собою, такъ какъ въ нихъ можно прослѣдить развитіе однихъ и тѣхъ-же главныхъ идей. Литературное движеніе славянства западнаго шло, болѣе или менѣе, параллельно движенію общеевропейскому; славянство юго-восточное избрало иной путь. Въ первомъ западно-европейское вліяніе сказалось довольно рано; во второмъ, благодаря сначала византійской замкнутости, а потомъ (на югѣ)—благодаря политическому положенію, крайне невыгодному для развитія общественнаго самосознанія,—это вліяніе обнаружилось гораздо позже...

Исторія литературы у юго-восточныхъ славянъ, въ своемъ древнемъ періодѣ, можетъ быть названа исторіей распространенія новыхъ идей и понятій, принесенныхъ изъ Византіи вмѣстѣ съ греческимъ православіемъ. Проповѣдь христіанства, начатая въ половинѣ IX вѣка среди южныхъ славянъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, имѣла ближайшимъ результатомъ изобрѣтеніе азбуки для новообращеннаго народа и переводъ на славянскій языкъ книгъ св. писанія и богослужебныхъ. Языкъ, на который были переведены эти книги первыми просвѣтителями славянства и ихъ учениками, извѣстенъ въ настоящее время подъ названіемъ «древне-церковно-славянскаго» и до сихъ поръ еще составляетъ предметъ спора между учеными; большинство полагаетъ, что это былъ языкъ македонскихъ болгаръ. Впрочемъ,

Digitized by Google

точное опредѣленіе въ данномъ случаѣ не имѣетъ особенной важности, такъ какъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, отдѣльныя славянскія нарѣчія еще не были до такой степени обособлены одно отъ другого, какъ впослѣдствіи, и переводъ св. писанія былъ, безъ сомнѣнія, понятенъ для всѣхъ славянъ. Вслѣдствіе этого древне-церковно-славянскій языкъ получилъ для юго-восточнаго славянства такое-же значеніе, какое въ остальной Европѣ имѣлъ языкъ латинскій: это былъ языкъ церкви и, слѣдовательно — языкъ литературный, такъ какъ литература ограничивалась почти исключительно областью интересовъ церковно-религіозныхъ и литературные дѣятели принадлежали, почти всѣ, къ «учительному» — духовному классу. Разница заключалась только въ томъ, что латынь была языкомъ уже отжившимъ свой вѣкъ и народу недоступнымъ, между тѣмъ какъ языкъ древне-церковно-славянскій былъ—по крайней мѣрѣ въ первое время,—довольно близокъ къ народной рѣчи различныхъ славянскихъ племенъ. Впрочемъ, и здѣсь повторилось явленіе, аналогичное съ обособленіемъ языковъ романскихъ отъ латинскаго: церковно-славянскій языкъ все болѣе и болѣе обращался въ языкъ исключительно-книжный; зависимость отъ греческаго оригинала наложила на славянскіе переводы печать иностранной фабрикаціи, замѣчаемую какъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, такъ, и въ грамматической конструкціи, въ буквальной передачѣ оборотовъ искусственной, вполнѣ обработанной въ литературномъ отношеніи, греческой рѣчи словами и формами языка, впервые являвшагося въ книжномъ употребленіи. Вслѣдствіе этого живыя славянскія нарѣчія, по мѣрѣ своего дальнѣйшаго развитія въ устахъ народа, все болѣе и болѣе отдалялись отъ неподвижнаго церковнаго языка, грамматическія формы котораго, не находя себѣ аналогіи въ народной рѣчи, становились все менѣе и менѣе понятными. Съ другой стороны, тоже самостоятельное развитіе народнаго языка стало отражаться и на языкѣ книжномъ, искажая его первоначальный искусственный складъ замѣною непонятныхъ формъ и оборотовъ другими, взятыми изъ устъ народа, къ которому принадлежалъ писавшій книгу. Этотъ весьма важный процессъ разложенія книжнаго церковно-славянскаго языка подъ вліяніемъ народной рѣчи начинается довольно рано и, идя параллельно процессу дифференцированія литературъ юго-восточнаго славянства, проходитъ чрезъ всю ихъ исторію. Уже въ очень (сравнительно) раннихъ памятникахъ церковно-славянской письменности мы имѣемъ возможность указать уклоненія отъ идеальнаго типа языка, по которымъ легко опредѣляется національность писавшаго книгу—болгарина, серба или русскаго; съ теченіемъ времени количество этихъ уклоненій постепенно

Digitized by Google

возрастаетъ, и народный языкъ все болѣе и болѣе вступаетъ въ свои права въ литературѣ.

5. Древній періодъ чешской литературы. Мы говорили, что племена западно-славянскія, чехи и поляки, въ своемъ культурномъ развитіи, въ силу историческихъ обстоятельствъ, пошли совершенно инымъ путемъ сравнительно съ своими восточными и южными единоплеменниками. Непосредственное сосѣдство съ нѣмцами и національная борьба съ ними мало по малу втягиваютъ Чехію и Польшу въ западно-европейскую жизнь; принимая средневѣковыя западно-европейскія государственныя формы и учрежденія, западное славянство все болѣе и болѣе сростается съ обще-европейскимъ организмомъ и становится дѣятельнымъ участникомъ въ обще-европейской цивилизаціи. Вслѣдствіе этого и западно-славянскія литературы, въ особенности чешская, пріобрѣтаютъ, сравнительно съ литературами остальныхъ славянскихъ племенъ, гораздо болѣе важное, обще-историческое значеніе.

Древнѣйшая эпоха чешской исторіи представляетъ рядъ попытокъ создать прочную государственную организацію въ виду борьбы съ нѣмецкимъ населеніемъ, имѣвшимъ надъ чехами значительный перевѣсъ какъ по своей численности и по обширности занимаемаго имъ пространства, такъ и по своимъ матерьяльнымъ средствамъ. Германія, со временъ Карла Великаго, смотрѣла на своихъ сосѣдей—славянъ, какъ на подданныхъ, по праву ей принадлежащихъ; завоевательныя стремленія нѣмецкаго племени находили себѣ оправданіе и поощреніе въ идеѣ о германскомъ государѣ, какъ о вселенскомъ монархѣ, прямомъ наслѣдникѣ римскихъ императоровъ, призванномъ къ верховной власти надъ христіанскимъ міромъ и къ покоренію варварскихъ народовъ. Германія уже успѣла покорить и въ значительной мѣрѣ ассимилировать нѣкогда сильныхъ славянъ полабскихъ, — этотъ авангардъ славянства на Западѣ; къ той же цѣли стремилась она и по отношенію къ чехамъ и полякамъ, болѣе другихъ славянъ выдвинувшимся на западъ. Завоеванія Карла Великаго и его преемниковъ вызвали у западныхъ славянъ, въ концѣ IX столѣтія, федерацію, которой центромъ была Моравія и земля Прикарпатская и къ которой примкнула также и Чехія; но этотъ политическій союзъ, обнимавшій въ продолженіе нѣкотораго времени весь западно-славянскій міръ, отъ средней Эльбы до предѣловъ Болгаріи, оказался недостаточно сильнымъ для сопротивленія напору мадьяръ, которые вскорѣ успѣли прочно утвердиться въ самомъ его центрѣ. Въ теченіе X столѣтія Чехія нѣсколько разъ пытается упрочить свою политическую независимость; но борьба съ Германіей становится для нея все болѣе и болѣе непосильною. Наконецъ, въ

Digitized by Google

самомъ началѣ XI вѣка, чешская земля входитъ навсегда, какъ вассальное государство, въ предѣлы римско-германской имперіи.

Этотъ фактъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую историческую судьбу чешскаго народа. Мадъярское завоеваніе земель между Карпатами, Дравой и Дунаемъ разъединило Чехію съ южнымъ славянствнмъ и, ослабивъ ея связи съ Византіей, поставило лицомъ къ лицу съ культурными вліяніями европейскаго, германо-латинскаго Запада. Въ результатѣ такого положенія дѣлъ явилось, прежде всего, постепенное вытѣсненіе восточнаго, греческаго церковнаго обряда и богослуженія на народномъ языкѣ—западнымъ, латинскимъ, борьба между которыми въ это время (X в.) уже привела къ окончательному раздѣленію церквей. Христіанство стало распространяться среди чеховъ и моравaнъ еще въ первой половинѣ IX столѣтія; Кириллъ и Меѳодій принесли на Мораву греко-славянское богослуженіе; съ сѣвера и запада приходили римскіе миссіонеры съ богослуженіемъ латинскимъ. Съ конца X столѣтія, когда, какъ мы сказали выше, прервались прямыя сношенія Чехіи съ южнымъ славянствомъ и Византіей, когда христіанство уже раздѣлилось на два враждебные другъ другу лагеря, восточный обрядъ, а съ нимъ и всѣ византійскія преданія, богослуженіе на славянскомъ языкѣ и кирилловская письменность, уступаютъ въ Чехіи мѣсто католицизму, съ латинскимъ богослуженіемъ и письменностью. Это религіозное единеніе съ европейскимъ Западомъ ввело чеховъ въ колею обще-европейскаго политическаго, культурнаго и литературнаго развитія. Начиная съ этого времени, германизація дѣлаетъ въ Чехіи чрезвычайно быстрые успѣхи, которымъ благопріятствовало также и политическое состояніе чешскаго государства — дробленіе его на удѣлы и междоусобія удѣльныхъ князей.

Въ XIII столѣтіи Чехія достигаетъ довольно значительной степени могущества и вліянія; но, по своему гражданскому устройству и общественному быту, она представляется уже совершенно нѣмецкой землей. Старые славянскіе порядки къ этому времени смѣняются западно-европейскими; въ Чехіи появляется феодальное шляхетское сословіе, съ знатными панами, которые, подобно нѣмецкимъ баронамъ, живутъ въ укрѣпленныхъ замкахъ и прибавляютъ къ своему имени названіе своего помѣстья съ частицею z, соотвѣтствующею нѣмецкому von (напр., Smil z Pardubic — von Pardubitz); появляется и рыцарство со всѣми аттрибутами и обычаями средневѣковаго военнаго сословія; городамъ дается особое нѣмецкое право; призывается множество нѣмецкихъ колонистовъ. Католическая церковь мало по малу пріобрѣтаетъ въ чешскомъ королевствѣ такія богатства и значеніе, какими она пользовалась даже не во всѣхъ гер-

Digitized by Google

манскихъ и романскихъ земляхъ. Чешскіе короли получаютъ титулъ и права нѣмецкихъ курфюрстовъ, и политическое значеніе Чехіи ставитъ ее иногда на высокое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Такъ, въ XIV столѣтіи, при Карлѣ IV, Чехія становится во главѣ «Священной римской имперіи нѣмецкаго народа»; чешскій король надѣваетъ императорскій вѣнецъ, и его столица, древне-славянская Прага, дѣлается центромъ политической и умственной жизни Германіи. Чехія до такой степени усвоила тогдашнюю западно-европейскую образованность, что даже сдѣлалась главнымъ разсадникомъ этой образованности для всѣхъ нѣмецкихъ земель: пражскій университетъ, основаный Карломъ IV въ 1348 году, былъ первымъ по времени во всей средней Европѣ и впослѣдствіи имѣлъ весьма важное вліяніе не только на историческую судьбу Чехіи, но и вообще на развитіе европейской мысли.

Утвержденіе въ Чехіи католицизма ввело въ ней средневѣковое латинское образованіе. Латинскій языкъ и здѣсь, какъ вездѣ въ католическихъ странахъ, скоро сдѣлался языкомъ школы, суда и администраціи; вслѣдствіе этого и литература чешская развилась на двухъ языкахъ — латинскомъ и народномъ, точно также, какъ это было и въ Польшѣ, съ тою только разницей, что въ польской литературѣ латынь долго была языкомъ господствующимъ, а въ чешской оба языка были, такъ сказать, равноправны. Богатый и литературно-обработанный языкъ латинскій служилъ удобнымъ средствомъ для передачи обще-европейскихъ идей, но языкомъ домашнимъ сдѣлаться, конечно, не могъ. Люди, не интересовавшіеся богословіемъ, высшими науками или дипломатіей, по-латыни не учились. Латынь была здѣсь только гостьей, хотя гостьей настолько важной, что занимала первое мѣсто въ образованномъ обществѣ, такъ что народный языкъ, не употреблявшійся въ наукѣ, отставалъ въ своемъ литературномъ развитіи.

Совсѣмъ не таковы были отношенія нѣмецкаго языка и народности къ языку и народности чешскимъ. Здѣсь съ самаго же начала явилась борьба между двумя развивающимися элементами и побѣда стала жизненнымъ вопросомъ для чешскаго народа. Нѣмецкій языкъ явился въ Чехіи достояніемъ не науки или образованности, а обыденной жизни. Германизація, силою политическаго вліянія и могуществомъ общежительныхъ отношеній, проложила себѣ пути къ самому сердцу чешскаго народа и во многомъ измѣнила первоначальный строй его жизни. Нѣмецкіе порядки находили здѣсь множество послѣдователей и подражателей; нѣмецкій языкъ пользовался полною свободой развитія; нѣмецкія колоніи богатѣли, благодаря процвѣтанію торговли и промысловъ. Чехамъ было во многихъ отно-

Digitized by Google

шеніяхъ выгодно поддерживать тѣсную связь съ нѣмцами; въ высшихъ слояхъ общества нѣмецкій языкъ быстро входилъ въ моду, и какъ латынь стала языкомъ ученыхъ, такъ нѣмецкій языкъ сдѣлался языкомъ высшаго общества въ городахъ, особенно въ Прагѣ. Нѣмецкіе нравы, нѣмецкая культура мало-по-малу пустила въ Чехіи глубокіе корни и, понятно, стала вызывать противъ себя извѣстную реакцію, которая нашла себѣ выраженіе также и въ литературѣ, между прочимъ— въ латинскихъ и чешскихъ хроникахъ. Развитіе духовныхъ и нравственныхъ силъ народа усиливало эту реакцію. Въ хроникѣ одного изъ продолжателей Козьмы Пражскаго, подъ 1281 годомъ, читаемъ: «Въ эту пору въ чешской землѣ появилось такое множество нѣмцевъ, что многіе полагали, будто они своею многочисленностью превосходятъ количество мухъ» *). Если ихъ было такъ много, если они пользовались значительными привилегіями, богатствомъ, расположеніемъ двора и дружбой моднаго панства, то нѣтъ ничего удивительнаго, что они стали преувеличивать свое могущество и вліяніе на чешскую культуру, и при всякомъ удобномъ случаѣ старались притѣснять чеховъ, что̀ и вызывало соотвѣтствующій отпоръ ихъ притязаніямъ. Не смотря на такія выгодныя условія, нѣмецкій языкъ все-таки не сдѣлался въ Чехіи литературнымъ языкомъ, такъ какъ пѣсни миннезенгеровъ въ народѣ не понимались, а ученые по-нѣмецки не учились. Нѣсколько переводовъ чешскихъ произведеній,—вотъ и все, чѣмъ проявилъ въ литературѣ свое существованіе нѣмецкій языкъ на чешской землѣ.

Гораздо важнѣе было не это непосредственное распространеніе нѣмецкой рѣчи, а вліяніе нѣмецкой литературы на чешскую, выразившееся въ подражаніи чешскихъ писателей романтическимъ произведеніямъ средневѣковой нѣмецкой поэзіи, въ заимствованіи и переработкѣ нѣмецкихъ сюжетовъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нѣмцы являлись посредствующимъ и связующимъ элементомъ между славянскимъ и романскимъ племенами.

Такимъ образомъ, въ исторіи начатковъ чешской литературы вліяніе латинское слѣдуетъ отличать отъ нѣмецкаго. Первое выразилось преимущественно въ сферѣ церковно-научной, второе въ сферѣ свѣтской, общественной. Въ первой изъ этихъ сферъ господствовала одна идея, преобладавшая надъ всѣми прочими и не дававшая имъ возможности свободно развиваться. Но сама эта идея не заключала въ себѣ никакихъ элементовъ для независимой производительности, такъ что духъ, скованный ея догматизмомъ, не могъ осво-

*) His enim temporibus tanta multitudo Teutonicorum in terram Bohemiae influxerat, ut numerositas ipsorum a multis estimabatur pluralitatem muscarum superare.

Digitized by Google

бодиться изъ очерченнаго ею тѣснаго круга. Потребности церкви имѣли преобладающее значеніе передъ всѣми прочими; имъ же болѣе всего удовлетворяла и письменность того времени, тѣмъ болѣе, что первыми писателями были монахи, дѣятельность которыхъ, обыкновенно, не выходила за предѣлы ближайшихъ мѣстныхъ надобностей. Всякій дальнѣйшій шагъ былъ явленіемъ чрезвычайнымъ и весьма рѣдкимъ. Съ увеличеніемъ числа монаховъ и грамотныхъ людей вообще расширилась и письменность; но, не служа для цѣлей поэтическаго творчества или пытливаго ума, она не особенно помогала увеличенію знаній и оплодотворенію мысли и чувства. Большинство писателей занималось списываніемъ, а не самостоятельнымъ сочиненіемъ; списывались же, преимущественно, такія вещи, какія требовались для церковнаго обихода. На болѣе высокой ступени стояли переводчики латинскихъ церковныхъ пѣснопѣній, за ними—лѣтописцы, нерѣдко писавшіе латинскими стихами. Вообще отъ перваго, до-гуситскаго, періода чешской литературы сохранилось, сравнительно, очень немного письменныхъ памятниковъ.

Рядъ чешско-латинскихъ лѣтописцевъ начинаетъ собою Козьма Пражскій (Cosmas Prahensis, ум. 1125). Желаніе, чтобы чешскій народъ не забывалъ о своемъ историческомъ прошломъ, побудило его уже въ глубокой старости заняться собираніемъ и записываніемъ преданій родной старины. О жизни этого лѣтописца намъ извѣстно только то, что онъ самъ сообщаетъ о себѣ. Родился онъ въ Чехіи, около 1045 года, учился сперва въ Прагѣ, потомъ въ Люттихѣ, гдѣ его учителемъ былъ Франко Колина, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка и знаменитый музыкантъ. Послѣ того Козьма много путешествовалъ и затѣмъ, до самой смерти, былъ каноникомъ въ Прагѣ. Ему было уже 75 лѣтъ, когда онъ началъ писать исторію «чтобы не забылось». Его хроника состоитъ изъ трехъ книгъ,—первая доведена до 1028, вторая—до 1092, третья, которую онъ писалъ уже какъ очевидецъ, до 1125 года. Она написана частью прозой, частью риѳмованными латинскими стихами и отличается живымъ, изобразительнымъ слогомъ и отсутствіемъ критическаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ, большею частью баснословнаго характера.

Своимъ примѣромъ Козьма Пражскій побудилъ и другихъ продолжать начатое имъ дѣло. Цѣлый рядъ монаховъ-лѣтописцевъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, занимался переписываніемъ и дополненіемъ его хроники. Среди этихъ продолжателей самое видное мѣсто занимаетъ Петръ Житавскій или Збраславскій (Petrus von Zittau, 1294—1338), аббатъ монастыря Aula Regia, который по своему положенію стоялъ въ центрѣ придворной и государ-

Digitized by Google

ственной жизни и постоянно могъ получать изъ первыхъ рукъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти писатели, хотя и писавшіе по-латыни, вовсе не были чужды вліянія чешской народности, и своими произведеніями не мало содѣйствовали общему прогрессу чешской литературы. Въ этихъ хроникахъ, не смотря на ихъ чуждую оболочку, видна живая струя національнаго и патріотическаго чувства, какого мы напрасно стали бы искать въ современныхъ ихъ произведеніяхъ, писанныхъ на народномъ языкѣ.

Латинская образованность, явившись въ Чехіи, водворила тамъ средневѣковую схоластику съ ея богословскими и философскими теоріями. Еще до основанія университета въ Прагѣ нѣкоторые чешскіе ученые дѣлали уже значительные вклады въ обще-европейскую сокровищницу схоластическихъ трактатовъ. Но все это — писатели, дѣятельность которыхъ принадлежитъ, конечно, исторіи не чешской, но обще-европейской латинской науки и литературы. Въ отношеніи собственно къ чешскому языку изъ трудовъ этихъ писателей имѣютъ значеніе только составлявшіеся ими латинско-чешскіе словари, въ числѣ которыхъ особенною извѣстностью пользуется такъ-называемая «Mater Verborum» (Мать Словъ), — рукопись, относимая къ XIII столѣтію, но, къ сожалѣнію, жестоко обезображенная новѣйшими фальсификаторами ради псевдо-патріотическихъ цѣлей. Другой подобный же словарь—«Bohemarius» (1390)—весь, отъ начала до конца, написанъ латинскими гекзаметрами.

Къ произведеніямъ этой латино-чешской литературы непосредственно примыкаетъ (XIII—XIV в.) длинный рядъ переводовъ, а затѣмъ и переработокъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, житій святыхъ и католическихъ легендъ, въ прозѣ и риемованныхъ (4-стопныхъ ямбическихъ) стихахъ (отрывки легендъ о св. Алексѣѣ, Доротѣ, Катеринѣ и др.), прозаическихъ и стихотворныхъ разсказовъ аллегорическаго и дидактическаго содержанія, которыя по своему характеру нисколько не отличаются отъ однородныхъ произведеній современной имъ латино-нѣмецкой литераттры («Споръ души съ тѣломъ»,— одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ средневѣковой нравоучительной поэзіи, разсказъ о богачѣ, погубившемъ свою душу, о семи смертныхъ грѣхахъ, и т. п.).

Наряду съ этимъ латинскимъ вліяніемъ, выражавшимся въ произведеніяхъ церковнаго или религіозно-нравоучительнаго характера, дѣйствовало, какъ мы сказали выше, вліяніе нѣмецкое, благодаря которому въ Чехіи, начиная съ XIII столѣтія, стала прививаться романтическая рыцарская поэзія, какъ эпическая (рыцарскіе романы), такъ и лирическая (Minnegesang). Пользуясь, такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, обще-европейскими сюжетами, чешскіе поэты однако-же относились къ нимъ до извѣстной степени самостоятельно и не были простыми подражателями. Принимая активное участіе въ европейской жизни, чехи такъ же активно относились и къ европейской литературѣ и являлись въ ней самостоятельными вкладчиками. Отъ XIII и XIV столѣтій до насъ дошло нѣсколько такихъ чешскихъ варіяцій на обще-европейскія поэтическія темы. Но именно это обстоятельство, благодаря которому чешскія поэтическія произведенія въ романтическомъ духѣ представляютъ только переработку чужихъ сюжетовъ или вольные перепѣвы чужихъ пѣсень, служитъ доказательствомъ того, что романтизмъ въ Чехіи недостаточно привился и не нашелъ настоящей почвы для своего процвѣтанія. Реалистическія наклонности чешскаго народа и вообще все міросозерцаніе славянскаго племени препятствовали укорененію романтизма въ чешской литературѣ, не давали ему возможности акклиматизироваться здѣсь такъ, какъ въ другихъ странахъ Европы. Преобладаніе разсудочности надъ фантазіей лишало это направленіе жизненной основы и прочности. Питаясь плодами западной поэзіи, при недостаткѣ оригинальнаго творчества, чешскіе поэты придерживались образцовъ латинскихъ,—или древне-римскихъ, классическихъ, или современныхъ, вышедшихъ изъ монастырскихъ школъ, — и нѣмецкихъ, стараясь передѣлывать ихъ на свой ладъ, но не изобрѣтая своихъ темъ, что̀ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ вполнѣ самостоятельнаго отношенія къ чтенію, о недостаткѣ творческаго полета мысли. Источникомъ поэзіи чаще служила наука или эрудиція, чѣмъ самобытная творческая сила, вслѣдствіе чего, мало по малу, развился формальный эклектизмъ. Въ длинномъ рядѣ фразъ и риѳмъ читатель не скоро найдетъ новую, живую мысль и прекрасный, свѣжій образъ. Вотъ гдѣ кроется причина, почему ни рыцарскіе поэты, ни составители легендъ, ни лѣтописцы-стихотворцы не получили преобладающаго положенія въ литературѣ, хотя всѣ они старались приблизиться къ мѣстнымъ условіямъ и, пересадивъ на чешскую почву чуждое ей растеніе, поддержать его ростъ.

Романтическая поэзія развилась, главнымъ образомъ, въ сферахъ панскихъ и рыцарскихъ, всего болѣе подчинявшихся вліянію чужеземной культуры. Впослѣдствіи же, когда область этого направленія стала нѣсколько расширяться, оно, все-таки, не коснулось народа, такъ какъ въ это время оно и на своей западной родинѣ начинало уже уступать мѣсто другимъ, новымъ вкусамъ и направленіямъ. Въ самомъ способѣ переработки чешскими поэтами западныхъ романтическихъ темъ сказалось ихъ стремленіе къ реализму, къ простотѣ и безвычурности. Такъ, напримѣръ, авторъ чешскаго «Тристрама» (исторія любви Тристана къ Изольдѣ, дочери короля Марка), пере-

Digitized by Google

дѣлывая нѣмецкій оригиналъ, оборвалъ всѣ пышные цвѣты романтической фантазіи, всѣ мистическіе намеки, всѣ тонкости любовнаго культа, которыми стяжалъ себѣ славу авторъ нѣмецкаго Тристана, Готфридъ Страсбургскій, — и оставилъ почти однѣ только голыя вѣтви, придерживаясь, главнымъ образомъ, сути дѣла и не обращая вниманія на подробности и постороннія украшенія. Замѣчательно также, что въ области романтики въ чешской литературѣ не явилось ни одного выдающагося дѣятеля, и что чешскія риѳмованныя историческія поэмы того времени, какъ, напримѣръ, «Смерть Короля Яна», «Матей зъ Тренчина» и др., ничѣмъ не похожи на однородныя произведенія поэзіи западной. Романтическая поэзія была въ чешской землѣ гостьей въ городахъ и при королевскомъ дворѣ, служа для забавы и развлеченія знатныхъ людей и доказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что чешское панство и рыцарство не было совсѣмъ онѣмечено и вовсе не чуждалось и не забывало народнаго языка.

Въ числѣ произведеній чешской романтики, представляющихъ переработку обще-европейскаго матеріала (странствующія повѣсти), наиболѣе выдающееся мѣсто занимаетъ поэма объ «Александрѣ Македонскомъ» (Alexander), дошедшая до насъ, къ сожалѣнію, лишь въ отрывкахъ (XIV столѣтія). Она написана любимымъ чешскимъ стихотворнымъ размѣромъ—четырехстопнымъ ямбомъ—и начинается любопытнымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ проситъ у читателей извиненія за свои вольныя и невольныя ошибки: если самъ премудрый царь Соломонъ, и тотъ ошибался, говоритъ онъ, — то тѣмъ болѣе позволительно это мнѣ, который, въ сравненіи съ Соломономъ, все равно, что восковая свѣчка въ сравненіи съ солнцемъ, или мелкая рѣчка—въ сравненіи съ моремъ (před sluncem vôstena sviečka, neb před morěm mělkà riečka). Далѣе авторъ говоритъ о томъ, какъ вообще относятся люди къ подобнымъ сочиненіямъ и какъ критикуютъ ихъ. Переходя къ предмету поэмы, онъ описываетъ дѣтство и юность Александра, его походы въ Греціи, плаваніе въ Малую Азію и сонъ на берегахъ троянскихъ о «великомъ царѣ жидовскомъ»; разсказываетъ отношенія Александра къ Дарію, греко-персидскую войну, битву при Иссѣ, пораженіе Дарія. Далѣе слѣдуютъ только безсвязные, разрозненные отрывки: битва при Арбелѣ, торжество въ Вавилонѣ, смерть Дарія, война въ Индіи. При всей живости фантазіи, изложеніе страдаетъ, однако-же, недостаткомъ лиризма и излишнею любовью автора къ нравоучительнымъ сравненіямъ и сентенціямъ.

Подобнымъ же характеромъ отличается «Хроника Троянская»,— прозаическій пересказъ (XIV в.) извѣстной, обошедшей всю Европу, повѣсти о троянской войнѣ, съ различными добавленіями.

Digitized by Google

Изъ рыцарскихъ романовъ, кромѣ упомянутыхъ выше, заслуживаетъ вниманія «Тандаріашъ и Флорибелла», поэма изъ цикла Круглаго Стола (XIV в.). Король Артуръ имѣлъ обычай ежегодно созывать къ своему двору всѣхъ рыцарей и знатныхъ дамъ, и устраивать турниръ, карусели и другія рыцарскія потѣхи. Однажды къ королевскому двору явилась изъ далекой, богатой Индіи, страны всякихъ чудесъ, дѣвица необыкновенной красоты и знатнаго происхожденія, панна Флорибелла. Король, конечно, тотчасъ же безумно влюбился въ нее; онъ отдалъ въ ея распоряженіе половину своего дворца и для услугъ ей назначилъ изъ своей свиты молодого красавца-пажа, Тандаріаша. Молодые люди скоро полюбили другъ друга; боясь королевскаго гнѣва и мщенія, они бѣгутъ къ отцу Тандаріаша. Король, собравъ войско, пускается въ погоню за бѣглецами и осаждаютъ замокъ, гдѣ они укрылись. Чтобы заслужить прощеніе, Тандаріашъ совершаетъ чудеса храбрости, выполняя разныя трудныя задачи, сражаясь съ чудовищами, великанами и т. п. Король Артуръ, наконецъ, смѣняетъ свой гнѣвъ на милость и позволяетъ пажу жениться на красавицѣ.

Имя чешскаго переводчика или передѣлывателя этой поэмы неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что оригиналомъ для нея послужило произведеніе нѣмецкой поэзіи, подвергшееся, при передѣлкѣ, значительнымъ сокращеніямъ.

Гораздо болѣе оригинальнымъ произведеніемъ является полу-романическій, полу-дидактическій разсказъ въ прозѣ «Ткадлечекъ» (конца XIV столѣтія), изображающій, отчасти въ аллегорическомъ видѣ, страданія и сѣтованія злополучнаго любовника, котораго возлюбленная досталась другому. Людвикъ Ткадлечекъ («Ткачъ») и его возлюбленная Адличка жили при дворѣ вдовствующей королевы Елизаветы, въ Краловѣ-Градцѣ. Адличка была красавица и вышла замужъ за другого, вслѣдствіе чего Ткадлечекъ сталъ неутѣшно горевать и оплакивать ее. Разсказъ объ этомъ изложенъ въ формѣ обширнаго разговора между огорченнымъ любовникомъ и Горемъ-Злосчастіемъ (Neštestì); этотъ разговоръ представляетъ, въ сущности, только эпилогъ романа, главное дѣйствіе котораго какъ бы подразумѣвается въ прошедшемъ, такъ что о страстной любви покинутаго Ткадлечка мы узнаёмъ только изъ его горькихъ сѣтованій.

Ткадлечекъ былъ человѣкъ ученый, разумный, изъ знатнаго рода. Онъ разражается проклятіями противъ Горя не только за себя одного, но и вообще за то, что оно, злое Горе, сгубило множество хорошихъ людей. Горе является передъ нимъ, желая узнать, кто онъ таковъ и за что бранится. Ткадлечекъ разсказываетъ свои приключенія, а Горе, слушая этотъ разсказъ, хвастается своимъ могуществомъ и властью надъ людьми (замѣчательно, что оно и говоритъ о себѣ тономъ высокопоставленной особы, не иначе, какъ во множественномъ числѣ: *мы*).

Digitized by Google

Горько сѣтуя на свою судьбу, Ткадлечекъ говоритъ о своей возлюбленной: „Она была моимъ свѣтомъ, моимъ солнцемъ; я вездѣ былъ съ нею, а она со мною... Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, казались мнѣ однимъ часомъ. И вотъ, увы! она уже удалилась отъ меня, и возвратиться ко мнѣ не думаетъ, не можетъ, не хочетъ... Она была моимъ щитомъ противъ всѣхъ враговъ на свѣтѣ... И вотъ, удалилось отъ меня все доброе, вся радость, все счастье; это ты, лютое Горе, ты поссорило меня съ нею и разлучило насъ. Она отвернулась и ушла отъ меня и уже не вернется! Одинъ я остался сиротою, съ моимъ тяжкимъ горемъ. Нѣтъ уже той, любить которую было для меня радостью и утѣхой, бесѣда съ которою замѣняла мнѣ пищу. Нѣтъ уже той, живя съ которою человѣкъ во вѣки не узналъ бы старости. Нѣтъ уже той, которая отъ юности довела меня до зрѣлаго возраста, развивала мой умъ, придавала мнѣ храбрость, доставляла мнѣ столько радостей. Закатилась моя утренняя звѣзда, погасла свѣтлая заря, къ которой я стремился всѣмъ сердцемъ, какъ пловецъ, руководимый звѣздою на морѣ. Потухъ яркій блескъ моего солнца! Темная, холодная ночь овладѣла мною, мгла окружаетъ меня, я не вижу ничего вокругъ, не могу осмотрѣться, самъ о себѣ забываю. Ахъ, Горе, злое, жестокое Горе! ты вырвало у меня изъ рукъ мое знамя, и я проигралъ рѣшительный бой!..“

Горе, въ отвѣтъ на эти жалобы, начинаетъ доказывать справедливость своего поступка. Смотря по обстоятельствамъ и по дѣйствіямъ людей, оно беретъ на себя различныя роли, являясь то въ видѣ злого рока, то въ видѣ случайной напасти, то въ видѣ строгаго, карающаго поступка; иногда же оно заступаетъ мѣсто здраваго разсудка для того, чтобъ образумить человѣка. Оно говоритъ, что никто изъ смертныхъ безъ него, Горя, прожить не можетъ, и доказываетъ, что если бы всѣ люди, отъ начала міра и до сего дня, жили безъ горя, то всѣ они, конечно, захотѣли бы жить по-пански и безъ всякой надъ собою власти, на всей своей волѣ,—и міръ сдѣлался бы тѣсенъ для людской гордыни и буйства; люди стали бы тогда другъ друга ѣсть. Между тѣмъ извѣстно, что человѣкъ долженъ отличаться отъ звѣрей именно миролюбіемъ и мудрымъ поведеніемъ, поступая подобно солнцу, которое на весь міръ свѣтитъ одинаково и само по себѣ свѣтло.

Ткадлечекъ говоритъ, что онъ-бы, можетъ быть, и не жалѣлъ о своей утратѣ, еслибъ это была не женщина, да еще такая милая, такая красавица. Онъ подробно описываетъ ея прелести, и говоритъ, что, видно, мужъ ея—хорошій человѣкъ, если Богъ наградилъ его высшей въ свѣтѣ наградой—хорошей женой. Хоть бы мнѣ, передъ смертью, еще одинъ только разъ увидѣть ее,—восклицаетъ несчастный любовникъ—услышать хоть одно ея слово, раскрыть передъ нею мое мущенное сердце“...

Горе совѣтуетъ ему ободриться; утѣшиться и искать себѣ другую жену, такъ какъ потеряннаго, все равно, уже нельзя воротить. Притомъ же, женщины вообще непостоянны; бываютъ между ними и хорошія, но нерѣдко подъ личиною добродѣтели скрываются злоба и всякіе пороки. Слѣдуетъ подробное разсужденіе о женскихъ достоинствахъ и недостаткахъ, имѣющее цѣлью доказать, какъ неблагоразумно привязываться къ такому измѣнчивому и непостоянному существу, какъ женщина. Но Ткадлечекъ продолжаетъ жаловаться на Горе и начинаетъ уже прямо бранить его: „Ты—хищный звѣрь, ты—ястребъ, волкъ, рысь, левъ, медвѣдь, ты только пакостишь людямъ, что ни сдѣлаешь,—все зло; ты хуже палача, отвратительнѣе чорта“...

Горе, въ томъ же спокойномъ тонѣ, продолжаетъ свои утѣшенія и совѣты забыть неудачу и обзавестись постоянной, неизмѣнной подругой жизни—наукой. Горе подробно разсказываетъ, какія бываютъ науки и какими достоинствами

Digitized by Google

обладаетъ каждая изъ нихъ, перечисляетъ семь „премудростей“ тривія и квадривія и съ восторгомъ говоритъ о томъ, какъ увлекательны научныя занятія; распространяется также и о „тайныхъ“ наукахъ, каковы геомантія, пиромантія, хиромантія, баромантія, астрологія, алхимія, и т. п., выхваляя каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Этимъ разговоръ и оканчивается, такъ что мы такъ и остаемся въ невѣдѣніи, убѣдился ли злополучный Ткадлечекъ доводами своего ментора-собесѣдника. Вообще это произведеніе, замѣчательное по легкости и силѣ языка, представляетъ довольно пеструю, живую и интересную картину своего вѣка, господствовавшихъ мнѣній, предразсудковъ, ходячихъ сентенцій и т. п.

Разсужденія Горя о наукахъ и добродѣтеляхъ отчасти напоминаютъ содержаніе другого, современнаго «Ткадлечку», аллегорически-нравоучительнаго произведенія. Это-довольно длинная (болѣе 1500 стиховъ) стихотворная проповѣдь «О нравственномъ обновленіи» (O mravném obnovení) человѣка, представляющая сокращенный пересказъ латинскаго сочиненія монаха Алана Риссела (Magister Alanus, получившій, за свою обширную эрудицію, почетное прозваніе «доктора всѣхъ наукъ, doctor universalis, 1114—1203). Природа, желая нравственно усовершенствовать человѣка, порабощеннаго грѣхами, совѣтуется объ этомъ со всѣми добродѣтелями, причемъ каждая изъ нихъ характеризуетъ свое вліяніе; Мудрость, въ сопровожденіи Разума, семи Свободныхъ Художествъ и пяти Чувствъ (которыя также подробно характеризуются), отправляется надевятое небо, и тамъ Богъ обѣщаетъ ей спасеніе человѣка черезъ своего Сына. Этотъ плодъ вдохновенія ученаго монаха-схоластика можетъ служить образцомъ средневѣковыхъ понятій о философіи и космогоніи.

Столько же къ области поэзіи, сколь и къ области исторіографіи относится старѣйшая и знаменитѣйшая изъ чешскихъ лѣтописей, риемованная хроника начала XIV столѣтія, извѣстная подъ названіемъ «Далимиловой», такъ какъ прежде ее приписывали (ошибочно) Далимилу Мезержицкому, канонику Болеславской церкви. Цѣль неизвѣстнаго составителя этой хроники была, однако, вовсе не поэтическая, а историческая, и притомъ народно-патріотическая. Источники, которыми онъ пользовался, и самый способъ пользованія ими не указываютъ на желаніе лѣтописца критически относиться къ фактамъ, которые онъ излагаетъ. Историческая критика не признаётъ за этой хроникой почти никакого значенія съ точки зрѣнія фактической; но ея рѣзкое анти-нѣмецкое направленіе, создавшее ей популярность, заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ самыхъ раннихъ отголосковъ той національной борьбы, которая именно въ эпоху, современную «Далимилу», достигла наибольшаго развитія. Вотъ что говоритъ о ней знаменитый славистъ Добровскій: «Нигдѣ національная ненависть чеховъ противъ нѣмцевъ не достигала такой высокой степени, какъ въ произведеніяхъ этого поэта. Его герои—чешскіе паны и рыцари—

Digitized by Google

зелики, могучи и храбры; они выгоняютъ нѣмцевъ изъ своей земли; ничтожными и жалкими являются чешскіе короли, окружающіе себя нѣмецкими совѣтниками. Сильно и грозно порицаетъ онъ тевтонскихъ пришлецовъ, считая ихъ завзятыми врагами чешской славы, чешскаго народа и языка и вообще виновниками всѣхъ бѣдствій, какія когда либо постигали его родную Чехію. Онъ не останавливается иногда и передъ явнымъ вымысломъ, лишь бы внушить своимъ соотечественникамъ еще болѣе сильную ненависть къ нѣмцамъ. Его горячій патріотизмъ многимъ приходился по сердцу, но никто не считалъ его за достовѣрнаго историка».

Хроника начинается небольшимъ вступленіемъ, объясняющимъ цѣль составителя и средства, какими онъ пользовался: „Многіе, говоритъ онъ, читаютъ исторію; это они дѣлаютъ хорошо и умно; но если не заботятся о своей землѣ, то своею глупостью губятъ свой народъ. Ибо, еслибъ они достаточно уважали себя, то имѣли бы и книги о своей землѣ, изъ которыхъ могли бы узнать о своемъ народѣ, и увидѣли бы, откуда онъ пошелъ. Я такихъ книгъ давно ищу, и всегда того желалъ, чтобы кто-нибудь надумалъ собрать воедино преданія о чешской старинѣ. Ждалъ я этого до тѣхъ поръ, покуда не убѣдился, что никто не хочетъ заняться этимъ дѣломъ; потому я, наконецъ, самъ рѣшился взяться за него, начать писать хронику и составлять изъ разныхъ книгъ одну, такъ какъ цѣльнаго, связнаго разсказа о чешской старинѣ нигдѣ нѣтъ. Прежніе писатели были не особенно старательны, и потому, говоря о своей землѣ, многое опускали, объ одномъ сообщали, а о другомъ умалчивали, иногда же писали слишкомъ сокращенно и не упоминали о подробностяхъ. Отыскалъ я одну хронику въ Болеславовѣ; она лучше всѣхъ прочихъ; она мнѣ особенно помогаетъ, сообщая много неизвѣстнаго (по другимъ источникамъ). А если станешь читать пражскую или бревневскую, то прямо скажу тебѣ, что въ ней найдешь меньше, хотя словъ сказано и больше. Опатовская—та часто ошибается и говоритъ много лишняго и невѣрнаго; вышеградская мнѣ меньше всего понравилась; лучше же всѣхъ—болеславская. Замѣтьте это, всѣ читатели, потому что именно этой хроники я и буду держаться; если же вы найдешь, что гдѣ нибудь говорится иначе, чѣмъ здѣсь, то знай, что это сдѣлано по моей волѣ: какъ стоитъ въ болеславской хроникѣ, такъ сказано и у меня. Праздныя рѣчи я хочу сократить и вообще придать своему труду цѣльность, чтобы всякій могъ учиться и прилежать къ своему языку. Пусть, слушая это чтеніе, умный человѣкъ становится еще умнѣе, а печальный забываетъ о своемъ горѣ. Я же просто буду разсказывать правду, а того, кто съумѣетъ сдѣлать это лучше меня, прошу, на славу нашей земли и на посрамленіе нашимъ недругамъ, написать свою книгу красивыми риѳмами и ясною рѣчью, а меня не бранить, говоря: „плететъ неумѣючи“. Я самъ это хорошо знаю; но я забочусь о своемъ языкѣ и народѣ, что меня и побудило взяться за перо, засадило за работу“.

За этимъ предисловіемъ слѣдуетъ, раздѣленный на 106 главъ, разсказъ о судьбахъ чешской земли отъ вавилонскаго столпотворенія и затѣмъ отъ прихода легендарнаго „Чеха“ до 1314 года. Приводимъ изъ этого разсказа два-три мѣста, гдѣ авторъ даетъ полную волю своему патріотическому негодованію противъ нѣмцевъ.

„Это правда, говоритъ онъ, что нѣмцы многочисленнѣе насъ; но что же изъ этого слѣдуетъ? Не считайте, много ли ихъ, или мало. Часто нѣсколько человѣкъ одерживали побѣду надъ цѣлою толпой; нѣсколько осъ разгоняютъ цѣлую тучу

Digitized by Google

мухъ; одинъ ястребъ разгоняетъ цѣлое стадо воронъ. У саксовъ волосы бѣлые, а такіе люди рѣдко бываютъ храбры"...

„Чешскій князь идетъ на войну, чехи роемъ слѣдуютъ за нимъ, охраняя его въ битвѣ, защищая его, какъ львы. Изъ очей ихъ струится огонь; нѣмцы приняли ихъ за демоновъ. Чехи вовсе не думаютъ о добычѣ: они ищутъ одной только славы"...

„Святой Вацлавъ является чехамъ и приказываетъ имъ идти въ бой. Чехи вели себя хорошо и храбро побили швабовъ. Всякому слѣдуетъ быть храбрымъ и до конца защищать свою землю, и жертвовать жизнью за свой народъ"...

„Далимилъ" съ восторгомъ отзывается о князьяхъ, которые не любили нѣмцевъ. Вотъ какъ, напримѣръ, говоритъ онъ о князѣ Спитигнѣвѣ:

„Какъ только Спитигнѣвъ сдѣлался княземъ, онъ тотчасъ же выразилъ свою ненависть къ нѣмцамъ: въ три дня онъ выгналъ ихъ изъ своей земли... со всѣми нѣмками. Онъ очистилъ свою страну отъ нѣмцевъ, какъ садъ отъ крапивы, какъ гриву лошади отъ репейника", и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ хроники разсказываетъ, что одинъ князь рѣзалъ всѣмъ нѣмцамъ носы и потомъ выгонялъ изувѣченныхъ изъ Чехіи. Всякому, кто приносилъ ему сотню нѣмецкихъ носовъ, онъ платилъ гривну. Къ сожалѣнію, авторъ забылъ объяснить, чѣмъ именно отличается нѣмецкій носъ отъ всѣхъ прочихъ. Другой князь женился на крестьянкѣ, и когда панство стало упрекать его за этотъ неравный бракъ, отвѣчалъ: „Лучше жениться на чешской крестьянкѣ, чѣмъ на нѣмкѣ—дочери императора. Сердце каждаго бьется любовью къ родинѣ. Нѣмка не будетъ любить моего народа, окружитъ себя нѣмцами, воспитаетъ моего сына на нѣмецкій ладъ, и народъ раздѣлится между собою, и вся страна будетъ въ опасности". Еще одинъ князь говоритъ своимъ сыновьямъ: „Дѣти мои, я оставляю вамъ эту страну и завѣщаю вамъ народъ, съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали его счастливымъ. Не допускайте къ себѣ нѣмцевъ: если нѣмецъ станетъ у васъ господиномъ, наше племя потеряетъ свою честь. Нѣмцы сначала ведутъ себя скромно, а потомъ, когда расплодятся, забываютъ, что они у васъ въ гостяхъ, и посылаютъ въ свою землю за княземъ. Еслибъ у меня когда нибудь явилось подозрѣніе, что вы потворствуете нѣмцамъ,—я велѣлъ бы зашить васъ въ кожаный мѣшокъ и бросить въ Влетаву. Скорѣе змѣя согрѣется на льду, чѣмъ нѣмецъ пожелаетъ чеху добра. Гдѣ народъ единъ, тамъ онъ и славенъ".

Разсказавъ о королѣ Вацлавѣ II, что онъ дозволялъ попамъ творить насиліе и захватывать имѣнія сиротъ, авторъ говоритъ, что Богъ, желая покарать его за эти грѣхи, наслалъ на него помраченіе: „Онъ сталъ пускать въ свой совѣтъ нѣмцевъ и ихъ во всемъ держаться. То было явное знаменіе великаго божьяго гнѣва: умъ его помутился до такой степени, что онъ взялъ себѣ въ друзья враговъ".

Авторъ оканчиваетъ свою хронику совѣтами чешскимъ панамъ: „Совѣтую вамъ, будьте себѣ на умѣ, не пускайте въ свою землю нѣмцевъ. Если вы не будете въ этомъ разсудительны, то самъ топоръ обтешетъ для себя топорище. Совѣтую вамъ, если дѣло пойдетъ о выборѣ короля, не ходите сквозь лѣсъ, за кривымъ деревомъ. Что я подъ этимъ разумѣю, самъ пойми, выбирай своего, не бери изъ чужого народа".

«Хроника Далимила» была издана въ первый разъ Павломъ Іешиномъ, въ памятный для Чехіи годъ бѣлогорской битвы (1620), но тотчасъ же была сожжена по распоряженію имперскаго правительства, такъ что уцѣлѣло всего шесть экземпляровъ. По своему горячему патріотизму и по живому заступничеству за угнетаемую

Digitized by Google

о всѣхъ сторонъ чешскую народность «Далимилъ» является предшественникомъ и какъ бы провозвѣстникомъ новаго времени, которое скорѣ (въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія) наступило для чешской литературы. Въ 1437 году изъ Далимиловой хроники было сдѣлано въ прозѣ извлеченіе, подъ заглавіемъ: «Краткая выборка изъ чешскихъ хроникъ, къ предостереженію вѣрныхъ чеховъ». Вотъ первыя слова этой «выборки», дающія понятіе объ ея тонѣ: «Чехи должны всего болѣе стараться и всемѣрно остерегаться, чтобы не попасть подъ власть чужого народа, въ особенности же—нѣмецкаго; ибо, какъ доказываютъ чешскія лѣтописи, этотъ народъ злѣе всѣхъ въ гоненіи на народность чешскую и славянскую. Со всевозможнымъ тщаніемъ онъ постоянно стремится къ этой цѣли и всякими способами и хитростями старается уничтожить чешскую народность, не отступая ни передъ какими кознями», и т. д.

Всѣ произведенія, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, дошли до насъ безъ имени авторовъ. Первое имя, съ которымъ мы встрѣчаемся въ исторіи чешской поэзіи, первая извѣстная намъ литературная сила—ученый панъ Смиль изъ Пардубицъ, по прозванію Фляшка (Jan Smil Flaška z Pardubic a z Rychmburka). Біографія его извѣстна очень мало. Онъ родился въ первой половинѣ XIV столѣтія и, происходя изъ знатнаго рода, жилъ въ молодости при дворѣ своего родственника, архіепископа пражскаго Арношта, получилъ степень баккалавра въ пражскомъ университетѣ и былъ друженъ съ королевичемъ, впослѣдствіи королемъ Вацлавомъ IV. Но черезъ нѣсколько лѣтъ они поссорились изъ-за феодальнаго имѣнія, которое король хотѣлъ у него отобрать, и Фляшка присоединился къ противной королю польской лигѣ, когда (1395) чешскіе паны, въ союзѣ съ маркграфомъ Іостомъ и Яномъ, епископомъ литомышльскимъ, соединились между собою съ цѣлью «водворять въ землѣ правосудіе и заботиться о земскомъ благѣ» (aby pravdu v zemi plodili a zemského dobrého hledali). Въ послѣдовавшей затѣмъ смутѣ, въ 1402 или 1403 г., онъ былъ убитъ, какъ и почему—неизвѣстно.

Смиль изъ Пардубицъ былъ человѣкъ образованный, начитанный и въ классической, и въ современной ему литературѣ. Ему приписывалось много сочиненій аллегорически-нравоучительнаго содержанія; но новѣйшіе историки чешской литературы признаютъ принадлежащими ему только два стихотворныхъ произведенія: «Новый Совѣтъ» и «Совѣты отца сыну».

Первое изъ этихъ произведеній (Nová Rada) представляетъ длинное нравоученіе, изложенное въ формѣ и съ пріемами животнаго эпоса. Молодой царь левъ, вступивъ на престолъ по смерти отца, созываетъ всѣхъ звѣрей и птицъ на совѣтъ о дѣлахъ государственныхъ. Поэтъ находитъ нужнымъ пояснить читателямъ, что звѣри, конечно, говорить не могутъ, и что если въ этой „повѣсти“ приводятся

Digitized by Google

ихъ рѣчи, то это слѣдуетъ разумѣть не буквально, а аллегорически. Левъ сначала даетъ слово орлу. Тотъ скромно совѣтуетъ новому царю почитать Бога, бояться и любить его, и не быть скупымъ. Поблагодаривъ орла за добрый совѣтъ, царь обращается къ леопарду. Этотъ совѣтуетъ всегда подавать своимъ подданнымъ благой примѣръ, вставать пораньше, почаще ходить къ обѣднѣ и остерегаться коварныхъ друзей и ихъ навѣтовъ; совѣтуетъ также водить хлѣбъ-соль съ панами, почитать епископовъ, прелатовъ и ксендзовъ. Далѣе соколъ совѣтуетъ царю быть добрымъ и не гнѣваться; медвѣдь—дѣлать все, что вздумается, послаще ѣсть и пить, подольше спать; если же кто-нибудь осмѣлится упрекнуть за это,—то бить его немедленно и пещадно, чтобы всѣ знали силу царя, боялись его и въ трепетѣ стояли передъ нимъ. Журавль совѣтуетъ быть готовымъ къ слушанію умныхъ рѣчей и неохотно говорить, судить нелицепріятно и богатаго, и бѣднаго, соблюдать справедливость; жалуется на несправедливость судей и на ихъ взяточничество. Волкъ совѣтуетъ брать, гдѣ что попадется подъ руку, грабить кого придется и никого не бояться. Рыцарь-павлинъ стоитъ за внѣшній блескъ и достоинство; куница совѣтуетъ богато одѣваться и весело жить, заводить танцы, турниры, не забывать женщинъ и вообще вести себя по-рыцарски; заяцъ, соотвѣтственно своей натурѣ, находитъ, что въ случаѣ войны лучше всего бѣжать съ поля сраженія, и т. д. Въ концѣ концовъ, лебедь держитъ рѣчь, напоминающую своимъ содержаніемъ средневѣковые аскетическіе трактаты: совѣтуетъ плакать и сокрушаться о грѣхахъ, оставить всѣ суетныя свѣтскія утѣхи, памятовать о смертномъ часѣ и страшномъ судѣ, и т. д.

Историки чешской литературы полагаютъ, что Смиль написалъ это произведеніе для молодого короля Вацлава IV, вступившаго на престолъ въ 1378 году: иные звѣри и птицы, можетъ быть, изображаютъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ того времени.

Другое произведеніе Смиля—„Совѣты отца сыну“ (Rada otce synovi)—заслуживаетъ вниманія по отношенію къ быту и нравамъ чешскаго панства того времени. Старый отецъ, желающій, чтобы сынъ его былъ настоящимъ рыцаремъ, учитъ его „всегда носить Бога въ сердцѣ своемъ“, усердно молиться, быть вѣрнымъ своему слову, соблюдать честь, быть праведнымъ, цѣломудреннымъ и т. д.

Смиль занимался также собираніемъ чешскихъ пословицъ и составилъ изъ нихъ небольшой, но любопытный сборникъ.

Остается еще указать на нѣсколько анонимныхъ произведеній въ духѣ средневѣковой нравоучительной сатиры. Таковъ, напр., «Споръ воды съ виномъ»,—сновидѣніе нѣкоего магистра св. писанія, который принимаетъ на себя роль третейскаго судьи между спорящими сторонами и рѣшаетъ дѣло такъ, что понеже на свѣтѣ воды много, а вина мало, то Богъ и назначилъ воду для свѣтскаго чина, а вино—для духовнаго. Въ томъ же родѣ и споръ конюха со школьникомъ (Podkoně a žák) въ корчмѣ—о томъ, чье занятіе лучше. Таковы, наконецъ, шутливые разсказы о неправедныхъ судьяхъ, пьяницахъ-сапожникахъ, вороватыхъ корчмаряхъ, и пр.

Съ Запада же, благодаря вліянію латино-нѣмецкой образованности, перешла въ Чехію и средневѣковая церковная драма—мистерія. Большинство извѣстныхъ въ настоящее время старочешскихъ мистерій представляетъ въ своихъ текстахъ смѣшеніе языковъ и

Digitized by Google

тинскаго и чешскаго, и относится къ разряду такъ-называемыхъ пасхальныхъ драмъ, обнимающихъ собою событія евангельской исторіи отъ воскресенія Христова до вознесенія. Сравнительную древность ихъ опредѣлить трудно, такъ какъ относительно каждой изъ нихъ существуетъ цѣлый рядъ предположеній различныхъ изслѣдователей, ими занимавшихся. Древнѣйшею изъ дошедшихъ до насъ мистерій считается «Гробъ Божій» (относимая къ концу XIII столѣтія). Она составлена по старинному латинскому образцу, и дѣйствующими лицами въ ней являются: Іисусъ, Марія Магдалина, Петръ, Іоаннъ, три ангела, три «персоны» и апостолы. Изъ другихъ мистерій нѣкоторыя открываются прологомъ и заключаются эпилогомъ, который произносился обыкновенно однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ этихъ обращеніяхъ къ публикѣ, разъясняющихъ содержаніе пьесы, часто слышатся шутливые отголоски народнаго юмора, разные каламбуры, прибаутки и пр., словомъ, эти вставочныя рѣчи служатъ здѣсь замѣною позднѣйшихъ интермедій. Тамъ, гдѣ являются уже настоящія интермедіи, съ нѣсколькими дѣйствующими лицами, онѣ представляютъ, обыкновенно, комическій контрастъ серьозному содержанію главной пьесы. Такъ, напримѣръ, одна изъ нихъ изображаетъ сцену въ аду передъ сошествіемъ туда Спасителя. Люциферъ собираетъ всѣхъ чертей и посылаетъ ихъ въ міръ вылавливать грѣшныя души. Черти тотчасъ же исполняютъ приказаніе своего главы и притаскиваютъ цѣлую охапку всевозможныхъ грѣшниковъ, которымъ тутъ же производится допросъ объ ихъ земной жизни и назначаются соотвѣтствующія кары. Здѣсь появляются и воръ-мельникъ, и корчмарь, и надувало-портной, и булочникъ, и разбойникъ-рыцарь, грабившій подвластныхъ ему крестьянъ, и, наконецъ, колдунья, которая сама сознаётся, что она злѣе всѣхъ чертей и, какъ и всѣ бабы, непремѣнно должна быть въ аду, и т. д.

Изъ всѣхъ комическихъ вставочныхъ сценъ, встрѣчаемыхъ въ извѣстныхъ до сихъ поръ чешскихъ мистеріяхъ, наибольшій интересъ, по своей самостоятельности и округленности, по живымъ чертамъ народнаго быта и остроумія, представляетъ отрывокъ, носящій въ чешской литературѣ, по главному дѣйствующему въ немъ лицу, названіе Mastičkář (Продавецъ мазей). Это—обломокъ не дошедшей до насъ пасхальной мистеріи. Три Маріи, скорбя о смерти Христа, желаютъ умастить его тѣло благовоніями и ищутъ торговца, у котораго можно было бы купить ихъ. Этотъ торговецъ—Северинъ Ипократъ—есть типъ уличнаго шарлатана стараго времени, человѣкъ, владѣющій всѣми чудесами природы и универсальными лѣкарствами. У него, какъ и у всѣхъ его собратовъ по ремеслу, есть слуга-фактотумъ, болтунъ, шутъ и острякъ, усердно рекламирующій своего хозяина.

Digitized by Google

Северинъ располагается съ своей выставкой на площади; слуга Рубинъ по имени начинаетъ зазывать покупателей изъ толпы собравшихся зѣвакъ. Приходитъ какой-то старикъ Авраамъ съ сыномъ, котораго онъ считаетъ мертвымъ и который, на самомъ дѣлѣ, только мертвецки спитъ. Шарлатанъ обѣщаетъ воскресить этого мертвеца и мажетъ его въ такомъ мѣстѣ, что тотъ въ тужу минуту вскакиваетъ. Въ это время подходятъ три Маріи. Продавецъ предлагаетъ имъ всевозможныя мази, расписывая ихъ чудотворныя свойства, и, наконецъ, продаетъ. Жены его находятъ, однако, что онъ взялъ мало барыша; между супругами начинается ссора, а за ней и патасовка; слуги въ это время также заводятъ между собою споръ, доходящій до драки. Наконецъ, Северинъ снова водворяетъ порядокъ и, обращаясь къ Маріямъ, молча смотрѣвшимъ на всю эту потѣху, проситъ ихъ не смущаться тѣмъ, что онѣ видѣли. На этомъ и прерывается единственный уцѣлѣвшій списокъ этого старѣйшаго чешскаго фарса.

Mastičkář, повидимому, пользовался въ Чехіи большою популярностью, такъ что сталъ извѣстенъ даже и за предѣлами своей страны: въ нѣмецкой драматической литературѣ существуетъ наскоро исполненная передѣлка этой интермедіи, передѣлка до такой степени небрежная, что въ ней даже многія чешскія слова оставлены буквально, безъ передачи ихъ по-нѣмецки; имена дѣйствующихъ лицъ, распорядокъ сценъ и явленій, словомъ—вся обстановка нѣмецкой пьесы совершенно тожественна съ чешскою и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ фактѣ заимствованія «Продавца мазей» нѣмцами у чеховъ. Этотъ фактъ можетъ служить указаніемъ на то, въ какой тѣсной связи находились между собою литературы обоихъ сосѣднихъ народовъ въ ту пору, о которой мы теперь говоримъ.

И такъ чешская литература уже къ концу XIV столѣтія успѣла замѣтно освободиться отъ преобладающаго вліянія литературы латино-нѣмецкой и сдѣлала первые шаги на пути самостоятельнаго національнаго развитія, которое достигло высшей степени своего процвѣтанія въ слѣдующій затѣмъ періодъ, — въ эпоху Гуса и его послѣдователей, до злополучной бѣлогорской битвы (1620).

6. Древній періодъ польской литературы. Гораздо менѣе самостоятельности и стремленія къ національному характеру проявила, въ первомъ періодѣ своего существованія, литература польская, до начала XVI вѣка — всецѣло подчинявшаяся авторитету латинскаго языка и образованности. Собственно говоря, отъ этого періода до насъ дошли только весьма скудные зачатки польской письменности, такъ какъ единственнымъ грамотнымъ классомъ общества было въ то время духовенство, писавшее по латыни; латынь же

Digitized by Google

была и языкомъ польскаго права; она господствовала и въ школѣ, между тѣмъ какъ польскій народный языкъ долгое время оставался въ совершенномъ пренебреженіи и не получалъ никакой литературной обработки.

Христіанство явилось въ Польшѣ въ концѣ X столѣтія стараніями нѣмецкихъ и чешскихъ католическихъ миссіонеровъ. Есть несомнѣнныя доказательства, что первоначально существовалъ здѣсь восточный церковный обрядъ съ кирилловскою письменностью; но онъ скоро былъ вытѣсненъ стараніями католической пропаганды, особенно усилившейся послѣ раздѣленія церквей. Римскій католицизмъ нашелъ здѣсь въ высшей степени благопріятную для себя почву, на которой быстро пустилъ глубокіе корни и разросся пышнымъ цвѣтомъ, заглушая все постороннее, чуждое ему въ жизни государственной, общественной и частной; проникъ во всѣ отношенія и сдѣлался могучимъ регуляторомъ народной жизни. Духовенство скоро стало важнѣйшимъ сословіемъ въ польской землѣ, рѣшителемъ судебъ народа; поддерживаемый имъ богослужебный и школьный латинизмъ, при полномъ пренебреженіи къ народному языку, оказалъ пагубное вліяніе на развитіе національно-польскаго элемента, значительно ослабляя и замедляя его. Явившіеся въ Польшѣ уже съ XI столѣтія монашескіе ордена—сначала бенедиктинцы, потомъ цистерціанцы, доминиканцы, бернардины и др.—основывали монастыри, долгое время бывшіе единственными хранителями и разсадниками просвѣщенія исключительно латинскаго, приспособленнаго къ церковнымъ потребностямъ; при монастыряхъ были и школы, но вліяніе ихъ не могло быть обширно, потому что онѣ назначались исключительно для того, чтобъ удовлетворять нуждамъ церковнаго обихода, такъ какъ средневѣковой предразсудокъ считалъ образованіе вовсе ненужнымъ для людей свѣтскаго званія; въ этихъ школахъ молодые люди, приготовлявшіеся къ духовному сану, обучались латинскому языку, церковному пѣнію и другимъ подобнымъ предметамъ. Впослѣдствіи въ нихъ былъ введенъ средневѣковой схоластическій курсъ «семи свободныхъ искусствъ» (trivium et quadrivium). Духовенство же познакомило Польшу съ правами римскимъ и католическимъ церковнымъ, которыя имѣли весьма важное вліяніе на польское законодательство. Духовное (и крайне рѣдко—свѣтское) юношество стало посѣщать, съ цѣлью получить богословское и юридическое образованіе, заграничные университеты—болонскій, парижскій, римскій, и оттуда переносило въ Польшу разныя знанія, бывшія тамъ въ ходу; когда же былъ основанъ университетъ въ Прагѣ (1348), польская молодежь стала поступать туда уже въ довольно значительномъ количествѣ. Не число этихъ образованныхъ людей, въ сравненіи съ

Digitized by Google

народною массой, коснѣвшей въ невѣжествѣ, отъ которой они были совершенно отчуждены даже и по языку, все-таки было не достаточно велико, да и самое ихъ образованіе было недостаточно сильно, чтобъ оказать благопріятное вліяніе на развитіе литературы на народномъ языкѣ. Кромѣ преобладанія латинизма и схоластики въ образованности и литературѣ, этому препятствовало и отчужденіе Польши отъ своихъ сосѣдей, и войны съ татарами, Литвою и Русью, и, всего болѣе, печальное внутреннее состояніе польской земли.

Первые польскіе князья и короли управляли своею страной вполнѣ самодержавно, имѣя дружину, которой они раздавали земли на аллодіальныхъ правахъ. Населеніе дѣлилось, такимъ образомъ, на рыцарское сословіе землевладѣльцевъ-вотчинниковъ, которые и получили названіе шляхты (Geschlecht, т.-е. родъ, фамилія, владѣвшая общею наслѣдственною вотчиной — Erb или гербомъ), и поселянъ или кметовъ. Эти послѣдніе были большею частью военноплѣнные литовскіе, прусскіе или чешскіе, а также люди, не имѣвшіе возможности заслужить въ войскѣ привилегіи или же, наконецъ, добровольно бравшіе на себя, подъ извѣстными условіями, обязанность обработывать владѣльческую землю. Но поселянинъ, обработывавшій земли пана, не былъ его крѣпостнымъ холопомъ; напротивъ, онъ пользовался полною свободой, былъ непосредственнымъ подданнымъ короля и гражданиномъ своего отечества, могъ перемѣнять свое жилище и, посредствомъ военныхъ заслугъ, столь легкихъ въ бурное время, получать привилегіи, т.-е. выходить въ шляхетство. Съ теченіемъ времени, однако, поселяне стали постепенно утрачивать эти свои первоначальныя права, пока, наконецъ, лишившись ихъ совершенно, не сдѣлались рабами въ полномъ смыслѣ слова.

Среднее мѣсто между этими двумя сословіями заняли мало-помалу горожане. Города польскіе получили свое начало, собственно, въ XI столѣтіи; но безъ особенныхъ правъ, безъ достаточной обороны и покровительства, они не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ большими деревнями. Затѣмъ, благодаря заботамъ владѣтельныхъ князей, чувствовавшихъ недостатокъ населенія въ краѣ, недостатокъ рукъ для обработки полей, недостатокъ въ людяхъ для войска, въ Польшѣ начинаютъ появляться нѣмецкіе колонисты, которые и селятся въ городахъ на своемъ магдебургскомъ правѣ. Мало-помалу, города пріобрѣтаютъ значительныя привилегіи и независимость, что даетъ возможность развиваться торговлѣ и промышленности.

По смерти Болеслава Кривоустаго (1139), Польша раздробилась на мелкіе удѣлы, которые, въ свою очередь, дробились на множе-

Digitized by Google

ство аллодіальныхъ участковъ, принадлежавшихъ высшему духовенству и шляхтѣ. Духовенство пріобрѣло громадныя богатства, силу и значеніе, отбирая у народа, въ видѣ всевозможныхъ церковныхъ оброковъ, все, что еще оставляла ему алчность князей и магнатовъ. Съ каѳедрой архіепископа гнѣзненскаго, а потомъ и краковскаго, былъ соединенъ княжескій титулъ; епископы имѣли собственный судъ; сильнѣйшіе магнаты, а также и города, управлявшіеся магдебургскимъ правомъ, пріобрѣтали себѣ важныя привилегіи. Такимъ образомъ королевская власть съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ослабѣвала, такъ что попытки нѣкоторыхъ государей сосредоточить ее въ своихъ рукахъ не имѣли успѣха. Постоянныя войны и неурядицы, конечно, не могли содѣйствовать распространенію и процвѣтанію образованности, не говоря уже о литературѣ на народномъ языкѣ.

Взамѣнъ ея развилась довольно богатая и разнообразная искусственная литература на латинскомъ языкѣ, удовлетворявшая потребностямъ духовенства и вообще образованныхъ людей тѣхъ временъ. Первое мѣсто въ ней занимаютъ лѣтописи и хроники, въ которыхъ отмѣчаются войны, дѣянія королей, построеніе церквей, возмущенія магнатовъ. Цѣлью первыхъ латино-польскихъ лѣтописцевъ была, собственно, не исторія; они желали только сохранить въ памяти событія, наиболѣе близкія имъ: внѣшнюю исторію своего монастыря, преемство епископовъ и ихъ дѣйствія; дѣла же общественныя и государственныя обращали на себя вниманіе монаха-лѣтописца лишь настолько, насколько они соприкасались съ предметами, его занимавшими. Такимъ образомъ, начиная съ XI вѣка, являются каталоги каѳедральныхъ церквей, а затѣмъ и краткія мѣстныя хроники, доставлявшія матеріалъ послѣдующимъ лѣтописцамъ или цѣликомъ входившія въ ихъ сказанія.

Первымъ по времени въ ряду этихъ лѣтописцевъ является Мартинъ Галлъ (ум. около 1113 г.), вызванный королемъ Болеславомъ Кривоустымъ, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, изъ Франціи; онъ былъ капелланомъ (духовникомъ) короля, путешествовалъ въ Іерусалимъ и тамъ посвященъ въ каноники. Лѣтопись его, писанная отчасти прозой, отчасти же риѳмованными стихами, изображаетъ въ краткомъ очеркѣ до-христіанскія времена Польши, подробно останавливается на царствованіи Болеслава Храбраго, а затѣмъ переходитъ къ современной автору эпохѣ. Галлъ былъ человѣкъ начитанный и знакомый съ классической литературой; его разсказъ отличается живостью и мѣстами не лишенъ поэтичности.

Вторымъ польскимъ лѣтописцемъ, труды котораго, впрочемъ, до насъ не дошли—былъ Матвѣй Ходева (XII в.), епископъ кра-

Digitized by Google

ковскій, написавшій три книги своей хроники въ видѣ разговоровъ съ архіепископомъ гнѣзненскимъ Яномъ Свободою, о первоначальной исторіи польскаго народа и дѣяніяхъ князей. Эту хронику переработалъ и продолжилъ талантливый и краснорѣчивый Викентій Кадлубекъ (собственно—сынъ Кадлубка или Готлоба, ум. около 1223), тоже краковскій епископъ, въ лѣтописи, которая пріобрѣла большую популярность (и впослѣдствіи употреблялась даже въ школахъ, какъ руководство для изученія польской исторіи) — благодаря тому, что въ ней впервые подробно переданы сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, о дакахъ и галлахъ, покоренныхъ славянами, о войнахъ славянъ съ римлянами, и народныя польскія преданія о героическомъ періодѣ Польши, о трехъ братьяхъ — Лехѣ, Чехѣ и Русѣ, родоначальникахъ трехъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, о царѣ Кракусѣ, основателѣ Кракова, о королевѣ Вандѣ, о Пястѣ, миѳическомъ героѣ-родоначальникѣ первой польской династіи, о съѣденномъ крысами королѣ Попелѣ и др. Лѣтопись Кадлубка доведена только до конца X столѣтія.

Болѣе продолжительный періодъ времени обнимаетъ хроника ксендза Годзислава Башкона, который, пользуясь сказаніями своихъ предшественниковъ и дополняя ихъ новыми свѣдѣніями, доводитъ польскую исторію до 1272 года. За нимъ слѣдуетъ немало продолжателей-компиляторовъ, труды которыхъ изображаютъ событія почти непрерывно отъ принятія поляками христіанства до временъ Ядвиги и соединенія Польши съ Литвою.

Кромѣ лѣтописей, ученыя духовныя лица писали по-латыни различные трактаты богословскаго, церковно-юридическаго, схоластически-философскаго и научнаго содержанія, о которыхъ мы говорить не будемъ, такъ какъ къ исторіи собственно польской литературы они никакого отношенія не имѣютъ.

Письменность на польскомъ языкѣ ограничивается весьма немногими памятниками. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, народный языкъ употреблялся только въ молитвахъ при богослуженіи, да и то только простымъ народомъ, потому что люди образованные молились по-латыни. Поэтому и дошедшіе до насъ скудные памятники старинной польской рѣчи имѣютъ содержаніе церковно-богослужебное и, представляя интересъ для исторіи языка, ничего не даютъ для исторіи литературы. Сюда относится, напр., переводъ Псалтыря, сдѣланный для королевы Маргариты, или для Маріи, дочери короля Лоича; отрывокъ изъ перевода Ветхаго Завѣта, сдѣланный для королевы Софіи, жены Владислава Ягелла (шарошъ-патацкая библія) и нѣсколько другихъ отрывковъ, въ которыхъ вообще замѣтно силь-

Digitized by Google

ное вліяніе близкаго къ польскому языка чешскаго, гораздо ранѣе получившаго литературную обработку.

Старѣйшая изъ церковныхъ пѣсней на польскомъ языкѣ приписывается преданіемъ просвѣтителю поляковъ, св. Войтѣху, епископу пражскому (X в.). Это пѣснь о Богородицѣ, которая до самаго паденія Польши была какъ бы національнымъ гимномъ поляковъ; въ теченіи многихъ вѣковъ она подвергалась многочисленнымъ передѣлкамъ и дополненіямъ, и дошла до насъ (въ спискахъ начала XV столѣтія), конечно, не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Вотъ ея первая строфа въ точномъ переводѣ съ древнѣйшаго списка:

„Богородица-дѣва, Богомъ прославленная Марія, возлюбленная матерь твоего Сына и Господа, Марія, испроси, ниспошли намъ милость Господню; въ этотъ молитвенный часъ услышь гласъ нашъ, проникни въ мысли людей, внемли молитвамъ, которыя мы къ тебѣ возносимъ, благоволи дать намъ, о чемъ мы просимъ; дай намъ благочестиво прожить въ этомъ свѣтѣ, и по смерти удостой насъ райскаго житія. Господи, помилуй."

Таковы скудные остатки польской литературы древнѣйшаго періода, который мы, слѣдуя принятому нами плану въ изложеніи исторіи славянскихъ литературъ, доводимъ до конца XIV столѣтія. Въ слѣдующимъ, XV вѣкѣ въ Польшу начинаетъ проникать вліяніе обще-европейскаго возрожденія, которое и выражается въ быстромъ и широкомъ развитіи литературы, сначала, все-таки, искусственной, латинской, а потомъ и національной, имѣвшей въ XVI столѣтіи весьма замѣчательныхъ представителей.

XII. Итальянская литература въ средніе вѣка.

Литература: Bartoli, Storia della letteratura italiana. (I—IV vol. 1878—81).—Gaspary, Die sicilianische Dichterschule des XIII Jahrhunderts. 1878.—Wegele, Dante Alighieri's Leben u. Werke. 1879.—Jahrbuch der deutsch. Dante-Gesellschaft (I—IV Bde. 1867—1877).—Scartazzini, Abhandlungen über Dante A. 1880.—Körting, Petrarka. 1878.—Его-же, Boccaccio. 1880.—Voigt, Die Wiederbelebung des classischen Alterthums etc. 2 Bde, 2-е изд. 1880 *).

Итальянская литература, какъ и нидерландская, возникла не ранѣе первой половины XIII-го столѣтія: по крайней мѣрѣ до настоящаго времени не открыто въ ней ни одного памятника, который съ достовѣрностью могъ-бы быть отнесенъ къ болѣе раннему періоду. Это обусловливалось двумя главнѣйшими причинами. Во-первыхъ, въ отличіе отъ другихъ западно-европейскихъ народностей, итальянцы отнюдь не были молодою, вышедшею изъ полуварварскаго состоянія націей; во многихъ отношеніяхъ они продолжали пользоваться еще

*) Многотомныя исторіи итальянской литературы, въ родѣ сочиненій Тирабоски, Сисмонди и т. под., имѣютъ значеніе въ настоящее время почти исключительно по заключающемуся въ нихъ матеріалу, вообще же говоря устарѣли.

Digitized by Google

въ значительной степени уцѣлѣвшими остатками нѣкогда богатой римской культуры, имъ не доставало тѣхъ, идущихъ изъ легендарно-темнаго прошлаго героическихъ преданій, которыя обыкновенно составляютъ основу каждой національной литературы. Во-вторыхъ, у нихъ не было въ распоряженіи и необходимаго для созданія новой литературы орудія—самостоятельнаго языка, такъ какъ для всѣхъ проявленій умственной дѣятельности образованные люди въ Италіи пользовались латинскимъ языкомъ, сохранявшимъ здѣсь значеніе живого языка гораздо дольше, чѣмъ въ остальныхъ романскихъ земляхъ. Въ общежитіи же у нихъ употреблялось, какъ и между низшими классами населенія, то или другое мѣстное нарѣчіе все болѣе и болѣе обособлявшагося отъ латыни народнаго языка или, какъ его тогда называли, «vulgare», который и получилъ названіе итальянскаго, когда сдѣлался органомъ національной литературы *). Такимъ образомъ въ Италіи на первое время не имѣлось существеннѣйшихъ данныхъ для возникновенія самобытной литературы, что продолжалось еще и въ XII-мъ вѣкѣ. Сосѣдняя Франція уже обладала въ то время чрезвычайно развитою литературой, произведенія которой пользовались огромной популярностью во всѣхъ странахъ западной Европы, повсюду оказывая тѣмъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ слабѣе было въ этихъ странахъ самостоятельное творчество. Италія также подпала этому вліянію: ее издавна связывали съ Франціей, съ одной стороны, тѣсныя торговыя и отчасти политическія сношенія, а съ другой—весьма близкое родство народныхъ итальянскихъ говоровъ съ французскими, въ особенности южными, нарѣчіями. И дѣйствительно, французскія chansons de gestes и romans d'aventures, заносимыя странствующими пѣвцами, главнымъ образомъ въ сѣверныя области Италіи, съ XII вѣка становятся тамъ въ высшей степени популярными и доставляютъ матеріалъ для собственныхъ первыхъ опытовъ итальянцевъ въ эпической поэзіи, тогда какъ пѣсни провансальскихъ трубадуровъ, пробирающіяся черезъ Сицилію, даютъ первый толчокъ развитію итальянской лирики. Въ результатѣ, слѣдовательно, итальянская литература сначала была подражательною; самостоятельное и вполнѣ оригинальное развитіе она получила лишь впослѣдствіи.

Въ сѣверной Италіи туземные поэты усвоивали отъ французовъ, вмѣстѣ съ сюжетами, и самый языкъ. Они сочиняли или прямо на провансальскомъ, какъ, напр. мантуанецъ Сорделло **) въ его знамени-

*) Различныя теоріи, въ разное время созданныя для объясненія происхожденія итальянскаго языка, сжато изложены въ „Histoire de la litterature italienne", par L. Etienne (1875, Paris), стр. 6—17.

**) Французскій языкъ въ XII в. былъ вообще очень распространенъ въ Италіи, онъ былъ въ употребленіи при дворѣ даже въ Неаполѣ и въ Сициліи (Bartoli, II стр. 32).

Digitized by Google

томъ сиврентѣ противъ современныхъ ему государей, по поводу смерти поэта Блякаца *), или же пытались создать особый литературный языкъ, нѣчто среднее между итальянскимъ и французскимъ. — Интересный памятникъ такой, по выраженію одного итальянскаго ученаго, «гибридной литературы» (ibrida letteratura) представляетъ одна венеціанская рукопись, содержащая рядъ поэмъ карловингскаго цикла, написанныхъ въ Италіи и изданныхъ въ недавнее время проф. Муссафіа **). Но въ половинѣ XIII-го вѣка въ сѣверныхъ областяхъ Италіи уже появляется на мѣстныхъ нарѣчіяхъ масса чисто-подражательныхъ произведеній во всѣхъ родахъ тогдашней французской поэзіи,—особенно же моральнаго и религіознаго характера,—таковы, напр., произведенія миланскихъ авторовъ Піетро Безканé и Бонвезена да-Рива. Но за полнымъ отсутствіемъ оригинальности, эта сѣверно-итальянская стихотворная литература имѣетъ значеніе единственно какъ памятникъ языка ***). Тамъ сохранились также остатки народной пѣсни или, если и искусственной, то сродной ей по духу поэзіи, исполненной лиризма, замѣчательнаго по силѣ чувства и порою по яркой выразительности языка.

Не то было на югѣ. Уже въ теченіе 18-лѣтняго мирнаго правленія Вильгельма II Добраго (ум. въ 1189 г.) сицилійскій дворъ былъ сборнымъ пунктомъ для ученыхъ и поэтовъ того времени; еще большее значеніе пріобрѣла сицилійская столица при императорѣ Фридрихѣ II, сдѣлавшемъ Палермо своей обычной резиденціей, откуда онъ широко покровительствовалъ наукѣ и искусству. Но провансальскіе трубадуры, являясь сюда въ качествѣ дорогихъ гостей, какъ полезные союзники свободномыслящаго императора въ его ревностной борьбѣ съ римскою куріей, противъ которой они были жестоко озлоблены послѣ погубившаго ихъ родину крестоваго похода на альбигойцевъ,—провансальскіе трубадуры уже не находили въ Сициліитой близости между своимъ роднымъ и туземнымъ языками, какъ въ Пьемонтѣ и Ломбардіи. Чтобы быть понятыми, имъ приходилось пользоваться сицилійскимъ нарѣчіемъ, на которомъ не замедлили подражать имъ и мѣстные поэты изъ природныхъ сицилійцевъ.

Такимъ образомъ исторія собственно итальянской литературы открывается сицилійскою школой поэтовъ, которые всѣ являются полнѣйшими и крайне однообразными послѣдователями трубадуровъ, едва отличаясь другъ отъ друга лишь качествами языка.

*) Le Divina commedia. Purgatorio, cant. VI, VII, VIII.

**) Bartoli, II, стр. 33—38.

***) Ср. Mussafia, Darstellung der altmailändischen Mundart nach Bonvesin's Schriften. 1868.

Digitized by Google

Языкъ этотъ, по всей вѣроятности, не былъ чисто-народнымъ сицилійскимъ нарѣчіемъ, а съ примѣсью элементовъ провансальскихъ и латинскихъ, придававшихъ больше цѣны стихамъ въ глазахъ придворнаго общества. Стихотворенія сицилійскихъ поэтовъ дошли до насъ, не сохранивъ оболочки сицилійскаго нарѣчія, въ транскрипціи тосканскихъ переписчиковъ, замѣнявшихъ первоначальныя формы соотвѣтственными формами ихъ собственнаго нарѣчія. Не удивительно поэтому, что въ рукописяхъ сплошь и рядомъ одно и тоже стихотвореніе приписывается то одному, то другому изъ сицилійскихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе что ихъ произведенія вообще крайне бѣдны личными чертами или реальными подробностями изъ современной жизни, чего далеко нельзя утверждать въ той же мѣрѣ относительно произведеній служившихъ имъ образцами трубадуровъ Прованса. Такое отсутствіе хронологическихъ точекъ опоры въ сицилійской лирикѣ итальянцевъ дѣлаетъ весьма затруднительнымъ признаніе того или иного стихотворенія за дѣйствительно принадлежащее автору, имя котораго оно носитъ въ рукописи. Вообще сицилійская школа въ тѣсномъ смыслѣ *), подражая трубадурамъ, строго придерживалась установившагося у послѣднихъ шаблона. Ея исключительнымъ содержаніемъ была обычная въ пѣсняхъ провансальцевъ рыцарская любовь: благородный обожатель томится по дамѣ, избранницѣ своего сердца и женѣ владѣтельнаго феодала, которая, изъ высокомѣрія или изъ боязни ревнивца-мужа, обязательно пребываетъ недоступною смѣлымъ страстнымъ его мольбамъ.

Изъ многочисленныхъ, извѣстныхъ по рукописямъ, сицилійскихъ поэтовъ мы назовемъ лишь нѣкоторыхъ. Ни одному изъ наиболѣе раннихъ между ними не можетъ быть приписано съ полною достовѣрностью почти ни одно стихотвореніе (это замѣчаніе относится къ стихамъ самого императора Фридриха II, его сына Энцо, знаменитаго императорскаго канцлера Пьетро далле Винье); не поэтъ Джакомо да Лентини, прозванный «нотаріемъ» (Notaro), не разъ самъ называетъ себя въ своихъ произведеніяхъ, и въ одной

*) Обыкновенно выраженіе «сицилійская школа» служитъ для обозначенія всей поэтической литературы съ извѣстными уже признаками провансальскаго генезиса, процвѣтавшей въ Италіи и внѣ ея южныхъ областей и въ Сициліи вплоть до появленія поэзіи съ новымъ характеромъ, главнымъ представителемъ которой остается Данте. Собственно онъ и далъ названіе «сицилійскаго» всему періоду итальянской литературы, продолжавшемуся до начала новой школы «изящнаго новаго стиля» (del dolce stile nuovo). См. Dante, De eloquio vulgari, I,12: «quicquid nostri prodecessores vulgariter (т. е. не по-латыни) protulerunt, siciliannm vocetur».

Digitized by Google

изъ его канцонъ *) есть прямое указаніе на одну битву **), что даетъ возможность опредѣлить время его дѣятельности. Онъ заслуживаетъ упоминанія еще и потому, что признается главнымъ представителемъ провансальскаго шаблонства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ по языку между сицилійцами ***). Другой представитель сицилійской или южно-итальянской школы, Джакомино Пульезе (изъ Апуліи), интересенъ тѣмъ, что обнаруживаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ стремленіе освободиться отъ условныхъ формъ и пріемовъ придворно-провансальской поэзіи, переходя въ болѣе живой, реальной тонъ простонародной пѣсни. Это особенно замѣтно въ тѣхъ его произведеніяхъ, которыя носятъ названіе «contrasto», какъ-бы «споръ», особый жанръ лирики въ формѣ діалога между влюбленнымъ и любимой имъ женщиной, которую онъ старается склонить къ взаимности,—жанръ, тѣмъ менѣе представляющій одно подражаніе французскимъ «пастурелямъ», что «contrasto» досихъ поръ живетъ въ народной итальянской поэзіи. Такимъ простонароднымъ духомъ, не чуждымъ чрезъ-мѣру реальной грубости, отличаются и два-три стихотворенія Компаньетто да-Прато.

Но сицилійской школѣ не суждено было продолжительное процвѣтаніе на родинѣ. Вмѣстѣ съ дворомъ Гогенштауфеновъ исчезла въ столицѣ Сициліи и благопріятная почва для дальнѣйшаго развитія провансальско-сицилійской лирики. Послѣдняя, однакожъ, отнюдь не заглохла, а нашла себѣ убѣжище въ Тосканѣ, гдѣ во второй половинѣ XIII вѣка Флоренція составляла уже на столько богатый центръ политической и общественной жизни, что въ ней не могло быть недостатка въ необходимыхъ для литературной дѣятельности силахъ. Такое перемѣщеніе было благодѣтельно для итальянской поэзіи и въ отношеніи къ ея содержанію: сицилійскіе поэты, вслѣдствіе господствовавшаго тогда взгляда на народный языкъ, предназначавшійся исключительно для любовной поэзіи (такъ думалъ въ первые годы и самъ Дантъ,—«Vita nuova», гл. XXV), въ своихъ произведеніяхъ совсѣмъ не касались никакихъ жизненныхъ темъ политическаго или гражданскаго характера; но тосканскіе ихъ преемники, подчиняясь разнообразнымъ вліяніямъ развитой муниципальной жизни, не замедлили хотя до нѣкоторой степени уклониться съ избитой колеи. Сохранилось нѣсколько канцонъ и сонетовъ, написанныхъ различными флорентинскими поэтами по поводу политическихъ событій, сохранилось не мало подобныхъ же произведеній

*) Въ сборникѣ, изданномъ проф. д'Анкона и Компаретти: Le antiche Rime vulgari (1875), въ I томѣ, № 7.

**) По *Gaspary*, стр. 14, это—битва при Кортенуовѣ въ 1237 г.

***) См. *Dante*, De eloquio vulgari, I, 12, и Purgatorio, XXIV, 55.

Digitized by Google

нравственнаго содержанія. И то, и другое было шагомъ къ освобожденію изъ рамокъ условнаго шаблонства, въ общемъ все-таки продолжавшаго преобладать и у средне-итальянскихъ представителей «сицилійской школы» *). Въ тоже время, все чаще и чаще находитъ себѣ выраженіе въ стихахъ тосканцевъ, напр., Ринальдо д'Аквино, Одо делле-Колонна и др., та реальная страсть, со всѣмъ ея южнымъ пыломъ, которая проявлялась уже у Джакомино изъ Апуліи, составляя рѣзкій контрастъ съ холоднымъ, условнымъ чувствомъ любви въ произведеніяхъ сицилійской школы въ тѣсномъ смыслѣ **).

Главнымъ представителемъ «сицилійской школы» въ Тосканѣ былъ Гвиттоне изъ Ареццо (ум. въ 1294 г.) или, иначе, Frate Guittone, прозванный такъ вслѣдствіе того, что онъ принадлежалъ къ военно-религіозному ордену «frati gaudenti», или «cavalieri di S. Maria», въ который вступилъ, когда ему было уже тридцать-пять лѣтъ ***). Это событіе въ его жизни сопровождалось рѣзкимъ переломомъ въ характерѣ его поэтическаго творчества. До этой поры онъ оставался безусловнымъ послѣдователемъ провансальцевъ, воспѣвая только одну любовь въ духѣ ихъ излюбленной теоріи, по которой основная причина любви въ человѣкѣ вполнѣ опредѣлялась словами «увидѣть» и «нравиться» («vedere» и «piacere»). Но и въ то время его поэзія была слишкомъ бѣдна искреннимъ чувствомъ, притомъ же и языкъ въ его стихотвореніяхъ поражалъ чрезмѣрною темнотой, что́ и побудило Данта не одинъ разъ отозваться о братѣ Гвиттоне съ чрезвычайною рѣзкостью. Со времени же своего обращенія, Гвиттоне явился величайшимъ противникомъ провансальской поэзіи. Безусловно отказавшись отъ воспѣванія грѣховной мірской любви, онъ сталъ воспѣвать теперь одну чистую любовь человѣка къ Богу. И раньше весьма небогатый поэтической фантазіей, онъ окончательно впадаетъ въ самое сухое резонерство, которое тратится у него на разнаго рода моральныя и душеспасительныя темы. Все это, вмѣстѣ взятое, въ концѣ концовъ, могущественно содѣйствовало возникавшей реакціи противъ наноснаго провансальскаго направленія. Да и сама по себѣ любовная поэзія въ духѣ трубадуровъ не могла разсчитывать въ Италіи на особенную долговѣчность, благодаря совершенно иному строю жизни: вмѣсто рыцарскихъ замковъ съ турнирами и знатными дамами, средняя Италія представляла рядъ город-

*) У Гаспари приведены въ изобиліи примѣры прямыхъ заимствованій изъ произведеній провансальцевъ или рабскихъ подражаній имъ, встрѣчающихся въ стихахъ сицилійскихъ и тосканскихъ поэтовъ названной школы (стр. 25—113).

**) Стихотворенія поэтовъ, приближавшихся къ чисто-народной пѣснѣ, собраны у Кардуччи: Cantilene e ballate, strambotti e madrigali nei sec. XIII e XIV (Pisa, 1871).

***) „Dal mio principio a *mezza etate*", говоритъ онъ самъ въ 3-ей изъ своихъ канцонъ (Rime di Fra Guittone d'Arezzo, въ изд. *Valeriani*, 1828).

Digitized by Google

скихъ общинъ съ ихъ буржуазнымъ населеніемъ, гораздо болѣе склоннымъ къ назидательной морали и реализму, чѣмъ къ искусственному, напыщенному идеализму; сами поэты принадлежали здѣсь, большею частію, къ ученому сословію юристовъ, и воспѣваемая ими рыцарская любовь неизбѣжно была вполнѣ напускного характера. Такимъ образомъ уже во второй половинѣ XIII столѣтія во Флоренціи замѣчаются тѣ два теченія, которыя были указаны нами въ нѣмецкой литературѣ XIV—XV вѣковъ и которыми разрушалось прежнее феодально-рыцарское направленіе, т.-е. съ одной стороны элементы моральный, аллегорическій и т. п, а съ другой—простонародный.

Представителемъ новыхъ задатковъ въ поэтическомъ творчествѣ итальянцевъ можно назвать талантливаго Кіаро д'Аванцати *), тогда какъ вѣрными продолжателями старой манеры были Буонаджюнта Урбиччани, изъ Лукки, и Данте да-Майано, извѣстный заочною любовью къ сицилійской поэтессѣ Моннѣ Нинѣ и вмѣстѣ грубою враждебностью къ своему великому флорентинскому соименнику при началѣ его поэтической дѣятельности. Реакція противъ старой школы выразилась и въ цѣломъ рядѣ юмористическихъ произведеній, напр., въ сонетахъ Фольгоре ди Санъ-Джеминьяно, въ которыхъ онъ воспѣвалъ удовольствія, обычныя для каждаго мѣсяца въ году, ради развлеченія тогдашнихъ сіенскихъ и флорентинскихъ кружковъ (Brigata godereccia di Siena **). Здѣсь уже сказывается обыденный тонъ итальянскаго «popolo grasso» городовъ. Онъ же отражается и въ сатирическихъ сонетахъ Рустико ди-Филиппо, поэта весьма богатаго красками, взятыми изъ ежедневной жизни низшихъ городскихъ классовъ. Чрезвычайно замѣчателенъ, въ ряду этихъ поэтовъ переходнаго направленія, сіенецъ Чекко Анджольери ***),—юмористъ, отличающійся поразительною для того времени субъективностью чувства и естественнымъ при ней отсутствіемъ условности въ поэтической фразеологіи. Глубоко-задушевная грусть и склонность къ безпощадной насмѣшкѣ даже надъ самимъ собою, на нашъ взглядъ, роднятъ его съ другимъ, болѣе позднимъ, предвѣстникомъ новаго духа въ европейской лирикѣ, съ французомъ Вильономъ.

«Я рожденъ печалью и вскормленъ меланхоліей», говоритъ между прочимъ поэтъ.—«По сотнѣ причинъ мое сердце полно такой печали, что я сто разъ въ день готовъ умереть.»

Одновременно съ поворотомъ въ итальянской поэзіи отъ преж-

*) См. о немъ въ статьѣ *K. Witte* въ I т. *Böhmer's* Romanische Studien.

**) *Carducci*, Intorno ad alcune rime dei secoli XIII e XIV, стр. 45.

***) Статья Alessandro *d'Ancona* въ „Antologia nuova", vol. XXV.

Digitized by Google

наго условнаго направленія, лишеннаго всякой связи съ житейскою и умственной атмосферой, замѣчается и благопріятная перемѣна въ литературномъ языкѣ, который становится плавнѣе, оживленнѣе, изящнѣе въ своихъ оборотахъ и свободнѣе отъ архаическихъ мѣстныхъ и провансальскихъ формъ *).

Сознаніе отмѣченной нами взаимной противоположности было одинаково живо, какъ у представителей переходнаго фазиса въ развитіи итальянской поэзіи, такъ и у послѣдователей старыхъ преданій провансальско-сицилійской школы **). Отсюда нападки упомянутаго Кіаро д'Аванцати на Буонаджюнту, и другого писателя—Гвидо Орланди—на Данте-да-Майяно. Очевидно, что въ послѣдней четверти XIII столѣтія итальянской поэзіи предстояло вступить на новый путь. Вопросъ заключался лишь въ томъ, откуда и въ какомъ духѣ появится это новое направленіе? Исходнымъ пунктомъ оказалась Болонья, а создателемъ новой поэтической школы былъ Гвидо Гвиничелли, изъ знатнаго болоньскаго рода деи-Примчини, гибелинъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, умершій около 1276 г., не болѣе двухъ лѣтъ спустя по своемъ изгнаніи изъ роднаго города. Между его канцонами и сонетами, посвященными исключительно любовнымъ темамъ, нѣкоторые писаны еще въ старой манерѣ; онъ не разъ называетъ Фра-Гвиттоне своимъ «учителемъ». Только съ годами Гвиничелли повернулъ на самостоятельную дорогу, подъ вліяніемъ преобладавшихъ въ тогдашней университетской наукѣ, центромъ которой въ Италіи въ то время была Болонья, схоластическихъ ученій о сущности явленій и предметовъ. Въ основѣ этой новой поэзіи лежитъ, такимъ образомъ, чисто-разсудочное «положеніе», что любовь доступна исключительно благородному по своей природѣ сердцу, исполненному добродѣтели, и полнымъ выраженіемъ такого взгляда на это чувство была знаменитая канцона его: «Al cor gentil ripara sempre Amore», двѣ первыя и послѣдняя строфы которой приведены нами ниже. Въ ней авторъ беретъ необходимыя для выясненія своей основной мысли выраженія и сравненія уже не изъ репертуара провансальцевъ, а ищетъ ихъ въ болѣе возвышенной области философскаго мышленія. Вмѣсто матеріальной теоріи («видѣть» и «нравиться») развивается теорія душевной красоты («cor gentil»), и женщина, хотя попреж-

*) Вопросъ о развитіи литературнаго итальянскаго языка представляетъ много привлекательныхъ и любопытныхъ для историка литературы сторонъ. См. *Gaspary*, стр. 140—213).

**) Послѣднихъ одинъ изъ ученыхъ издателей старо-итальянскихъ поэтовъ (Trucchi) называетъ прямо „trovatori", т.-е. трубадуры, а первыхъ „trovatori di trasizione", и только авторамъ школы „новаго стиля" даетъ названіе „поэтовъ" (poeti).

Digitized by Google

нему верхъ всѣхъ совершенствъ, но облагороженная возвышенною природой самого чувства, неизбѣжно пріобрѣтаетъ характеръ существа символическаго, олицетворяющаго собою нѣчто высшее. Такимъ образомъ, любовь къ ней сливается съ любовью къ добродѣтели, къ верховному благу, къ божеству *), а сама поэзія постепенно получаетъ символическо-аллегорическій характеръ или, говоря словами Данта, становится выраженіемъ философскихъ истинъ въ поэтическихъ образахъ. Въ художественномъ отношеніи поэзія, конечно, не много выигрывала отъ этого, но важно было то, что для поэтическихъ произведеній открылось новое содержаніе, а это вело къ новому отрѣшенію отъ провансализма. Кромѣ того, новое направленіе, освобождая вдохновеніе поэта отъ расхолаживающихъ условныхъ банальностей прежней лирики, тѣмъ самымъ давало возможность проявиться непосредственному сердечному чувству. Это замѣтно даже у самого Гвиничелли, въ общемъ не отличающагося особенной поэтичностью, хотя за новость содержанія своихъ стиховъ, за небывалую прежде силу и чистоту языка, впервые получившаго тонкіе оттѣнки («fu dolcemente colorita»), онъ по справедливости заслужилъ отъ Данта названіе «отца» и «лучшаго изъ тосканскихъ поэтовъ» **). Приводимъ нѣсколько строфъ упомянутой выше канцоны Гвинчелли:

1-я строфа: Любовь всегда ютится въ благородномъ сердцѣ, какъ птичка въ зелени лѣса. Природа не создавала ни любви прежде благороднаго сердца, ни благороднаго сердца прежде любви. Явилось солнце, явился и не существовавшій до него лучезарный свѣтъ. Любовь беретъ начало въ благородствѣ, точь-въ-точь какъ теплота въ яркомъ пламени.

2-я строфа: Въ благородномъ сердцѣ огонь любви является не иначе, какъ (являются) въ драгоцѣнномъ камнѣ свойства, придающія ему цѣну: какъ они не сходятъ прямо отъ свѣтила, пока солнце не превратитъ камня въ благородный предметъ, и только послѣ того, какъ свѣтило извлечетъ своей силой изъ камня все дурное, оно сообщаетъ ему всю цѣнность, такъ и женщина, подобно свѣтилу, внушаетъ сердцу любовь, если только природа исполнила его простоты, чистоты и благородства.

6-я строфа: Когда душа моя предстанетъ предъ Богомъ (Онъ скажетъ мнѣ): О, человѣкъ! ***)! Что̀ ты задумалъ? Пройдя все небо, явился ты ко мнѣ, а между тѣмъ, въ суетной любви ты промѣнялъ Меня на Мое подобіе? Мнѣ подобаютъ твои хвалы и Царицѣ достохвальнаго царства, въ которомъ прекращается всякая неправда. Тогда я отвѣчу Ему: Она являла сходство съ ангеломъ изъ Твоего царства; да не зачтется же мнѣ въ вину, если я питалъ къ ней любовь.

*) У св. Августина, пользовавшагося въ тогдашней наукѣ чрезвычайнымъ авторитетомъ, въ одномъ изъ его „Поученій“ (Sermones), говорится, что красота зависитъ не отъ чертъ лица, а отъ свойствъ души, и что мы, любя одно изъ созданій Творца, должны въ немъ любить создателя.

**) Purgatorio, XXVI, 97 и слѣд.

***) Въ текстѣ стоитъ: „Donna!“ (о, женщина!), такъ какъ Творецъ обращается съ рѣчью къ *душѣ* поэта, хотя передъ тѣмъ сказано: Dio mi (мнѣ) dirà.

Digitized by Google

Между послѣдующими поэтами «новаго стиля» одни болѣе разрабатывали метафизическую сторону новой теоріи любви, анализируя самое чувство; другіе же — сторону идеальную, причемъ воспѣваемая женщина все болѣе и болѣе становилась существомъ не отъ міра сего. Въ качествѣ представителей первой группы могутъ быть названы Гвидо Орланди и Гвидо Кавальканти. Какъ у того, такъ и у другого схоластико-любовная діалектика достигаетъ крайнихъ предѣловъ, у Орланди, пожалуй, даже въ большей степени, такъ какъ ему чужды и глубина непосредственнаго чувства, и возвышенное созерцаніе обожаемой женщины. Кромѣ сонетовъ, въ которыхъ онъ трактуетъ, напримѣръ, о трехъ видахъ ревности, о томъ, какой родъ любви сильнѣе, — имъ написанъ также сонетъ «О природѣ любви», въ которомъ авторъ задается вопросами въ родѣ: «Откуда исходитъ и гдѣ рождается любовь? Каково присущее ей мѣсто, гдѣ пребываетъ она? субстанція ли она, или случайное явленіе, или одно воспоминаніе?» и т. п. Это стихотвореніе, обращенное къ Гвидо Кавальканти, вызвало со стороны послѣдняго если не лучшее на нашъ вкусъ, то тѣмъ не менѣе знаменитѣйшее изъ его произведеній—канцону: «Donna mi priega». О Гвидо Кавальканти сохранились нѣсколько болѣе подробныя біографическія данныя. Происходя изъ знатнаго флорентинскаго рода, онъ отличался большою склонностью къ серьозному философскому мышленію, и діалектическимъ спорамъ, въ которыхъ не имѣлъ въ себѣ равнаго, и мастерски владѣлъ роднымъ языкомъ. Въ частной жизни онъ предпочиталъ уединеніе, что еще болѣе укрѣпляло общее мнѣніе объ его высокомѣріи; но будучи одаренъ чрезвычайно страстной натурой, онъ имѣлъ множество самыхъ разнообразныхъ любовныхъ похожденій, навлекавшихъ на него нападки многихъ современниковъ. Его особенное пристрастіе къ философіи и къ эротическимъ удовольствіямъ, вѣроятно, породили также и разсказы объ его невѣріи и эпикуреизмѣ. Насколько высоки были умственныя и душевныя качества Кавальканти, видно изъ того, что Дантъ не разъ называетъ его своимъ первымъ и лучшимъ другомъ, и ясно опредѣляетъ его литературное значеніе, ставя его выше родоначальника «новой школы», Гвиничелли, и непосредственно послѣ самого себя *). Женатый на дочери Фаринаты дельи-Уберти, одного изъ вождей гибеллиновъ, съ важнѣйшею отраслью которыхъ, такъ называемыми «бѣлыми», Кавальканти былъ связанъ и собственными убѣжденіями, онъ былъ непримиримымъ врагомъ главы партіи гвельфовъ и коновода принадлежащихъ къ ней «черныхъ», Корсо Донати. Вслѣдствіе высокомѣрія и горячности поэта, у нихъ доходило

*) Vita Nuova, cap. III; Purgatorio, XI, 97.

Digitized by Google

даже до личныхъ схватокъ среди бѣлаго дня на улицахъ Флоренціи, и въ одной изъ нихъ Кавальканти едва не лишился жизни; въ концѣ концовъ, по рѣшенію республиканскаго правительства, онъ былъ даже удаленъ, съ своими единомышленниками, въ одну изъ болотистыхъ мѣстностей Вольтеры, откуда ему было разрѣшено вернуться только ради его разстроившагося въ ссылкѣ здоровья. Вскорѣ онъ скончался, въ 1300 г., когда ему было немного болѣе 40 лѣтъ отъ роду *). Поэтическое творчество Кавальканти, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ «новаго стиля», отличается двойственностью: одни изъ его произведеній — плодъ сильнаго діалектикой ума, другія — собственно поэтическаго настроенія души. Наиболѣе выдающееся между первыми — упомянутая уже канцона (Donna mi priega etc.), представляющая собою въ сущности нѣчто въ родѣ краткаго философскаго трактата, въ которомъ послѣдовательно развиваются не менѣе восьми «положеній» относительно истинной природы любви. Не мудрено, что подобное произведеніе не отличалось особенной ясностью, тѣмъ болѣе что поэтъ, какъ нарочно, затруднилъ себѣ задачу чрезмѣрною искусственностью избранной имъ стихотворной формы (на 14 стиховъ, составляющихъ каждую строфу или стансъ канцоны, въ 8 имѣется такъ-называемая «леонинская», или внутренняя риѳма); но, очевидно вполнѣ отвѣчая тогдашнимъ воззрѣніямъ и вкусу, канцона заслужила названіе «nobilissima» и «divina» и даже не разъ давала поводъ въ Италіи къ комментаріямъ ученыхъ. Напротивъ въ своихъ сонетахъ и особено въ баллатахъ (напр. «In un boscheto trova'pastorella» — Я въ рощѣ встрѣтился съ пастушкой), въ тонѣ и размѣрѣ которыхъ слышится отголосокъ итальянскихъ народныхъ плясовыхъ пѣсенъ, Кавальканти проявляетъ замѣчательную поэтичность, оригинальность и свѣжесть. Самый языкъ въ нихъ отличается столь значительнымъ совершенствомъ, что не только Дантъ выражаетъ горячую похвалу стихамъ своего друга, но еще и въ XV столѣтіи Лоренцо Медичи отзывается о нихъ восторженно **).

Изъ подражателей Гвиничелли, писавшихъ, главнымъ образомъ, въ смыслѣ идеализированія женщины, должны быть названы Лапо Джанни — одинъ изъ флорентинскихъ нотаріусовъ и близкій другъ Данта; Дино Фрескобальди, принадлежавшій къ одной изъ знаменитѣйшихъ флорентинскихъ фамилій и, по преданію, большой поклонникъ произведеній Данта, и наконецъ Чино да-Пистойа, также находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ къ автору «Божественной

*) Большинство свидѣтельствъ о Кавальканти, принадлежащихъ его современникамъ, приведено въ цитатахъ у Ruth, Geschichte der italienischen Poesie, I, стр. 340—50.

**) Ruth, тамъ же. Le rime di G. Cavalcanti издалъ Gaet. Capasso (Pisa, 1879) и, болѣе критически, Arnone (Firenze, 1881).

Digitized by Google

Комедіи» *). — Между тѣмъ какъ въ стихахъ «сицилійской школы», согласно провансальскому конвенціонализму, всегда воспѣвалась только замужняя женщина, у названныхъ представителей школы «новаго стиля» предметомъ любви уже нерѣдко является молодая дѣвушка (giovinetta), которую они любятъ изображать ангеломъ, облагораживающимъ душу своего обожателя чудодѣйственной силою страсти, вносимой въ его сердце исходящими изъ очей возлюбленной «spiritelli» и воздѣйствующими на тотъ или иной изъ живущихъ въ его душѣ «spirti della vita (дýхи жизни).—Эти «spirti» и «spiritelli», будучи плодомъ платоновскихъ, аристотелевскихъ, томистическихъ и тому подобныхъ ученій тогдашней схоластики, играли особенно замѣтную роль въ метафизико-эротической лирикѣ Данта и его многочисленныхъ послѣдователей. У Дино Фрескобальди любовь является не столько чувственною страстью, сколько мысленнымъ созерцаніемъ, и въ стихахъ поэта выражается не ищущее себѣ удовлетворенія желаніе, а мольба даже о самомъ простомъ знакѣ вниманія, какъ взглядъ или поклонъ (il saluto), котораго одного уже достаточно, чтобъ обожатель чувствовалъ себя счастливымъ — на столько любимая женщина представляется въ его мысляхъ недосягаемою для него, а онъ самъ недостойнымъ ея взаимной привязанности. Естественно, что, при такомъ представленіи о недосягаемости любимой женщины, въ душѣ поэта назрѣвала невѣдомая лирикѣ предыдущаго періода грусть, порой переходящая въ глубокую скорбь, какъ это уже замѣтно въ стихахъ Фрескобальди. Склонность къ идеализаціи женщины, развиваясь все сильнѣе, нашла себѣ полное выраженіе въ стихахъ Чино деи-Синибальди (род. 1270, ум. 1336 г.) **), уроженецъ Пистойи, гдѣ онъ исполнялъ должность судьи и считался у современниковъ однимъ изъ ученѣйшихъ юристовъ. Особенной извѣстностью пользовался его «Комментарій» къ первымъ девяти книгамъ римскаго кодекса. Впослѣдствіи онъ подвергся съ прочими гиббелинами изгнанію изъ родного города и остальную жизнь провелъ по разнымъ городамъ Италіи, занимаясь преподаваніемъ науки права, напр., въ Перуджіи, и сильно тоскуя по родинѣ, какъ показываютъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній. Послѣднихъ подъ его именемъ дошло до насъ не многимъ менѣе трехсотъ, но за отсутствіемъ строго-критическаго изданія ***), въ нихъ нельзя съ точностью выдѣлить приписанное ему ошибочно. Существующій романическій

*) О всѣхъ нихъ см. Bartoli, IV стр. 1—135.

**) Vita e opere giuridici di Cino da Pistoja, con molti documenti inideti, per Chiappelli (1881 Pistoja).

***) Первое изданіе вышло въ 1518 г., въ Венеціи.—G. Carducci, Rimi di Messer Cino da P. etc. (1862, Флоренція),—ср. изданіе S. Ciampi (1826, Пистойя).

Digitized by Google

разсказъ объ его любви къ Сельваджіи деи Верджольезе (дочери одного изъ гибеллиновъ, давшаго поэту пріютъ во время его скитаній), которую онъ, какъ Петрарка Лауру, будто-бы воспѣвалъ и послѣ ея кончины, Бартоли склоненъ считать за вымыселъ, возникшій не ранѣе семнадцатаго столѣтія. Самое имя «Selvaggia» представляется ему символическимъ, долженствующимъ выражать или мрачное состояніе души поэта, томящейся по безнадежно любимому существу, или же и самую недоступность той идеальной женщины, въ которой какъ-бы олицетворяются дѣйствительно существовавшія женщины, любовь къ которымъ, и иногда самую страстную, испытывали, какъ прославившійся своими похожденіями Кавальканти, такъ и ученый Чино, и самъ суровый пѣвецъ «Ада». Отголосокъ этой любви, въ самомъ дѣлѣ, не разъ весьма явственно слышится во многихъ ихъ произведеніяхъ (въ стихахъ Кавальканти встрѣчаются слѣдующія, впрочемъ условныя, имена любимыхъ имъ женщинъ: Giovanna, Forosetta, la Mandetta и пр., у Чино — Пизанка, la Treccia, la Merla и др.). Но то были преходящія, обусловливаемыя темпераментомъ, увлеченія; постояннымъ же предметомъ мыслей пистойскаго поэта было то идеальное существо, о которомъ онъ выражался, что «юная красавица во всѣхъ своихъ поступкахъ подобна божьему ангелу», или «она не изъ земныхъ существъ — самъ Богъ ниспослалъ ее, на столько она нѣчто небывалое»; подобно ангеламъ, созерцающимъ Бога, смотрящій на нее поэтъ чувствуетъ себя преисполненнымъ блаженства, и потому онъ далекъ отъ всего ничистаго и дурного; его пѣснь въ честь ея равняется хвалѣ Создателю, приближеніе къ ней — приближеніе къ Богу, а послѣднее должно наполнять душу поэта священнымъ ужасомъ, — онъ благгоовѣетъ передъ «женщиной — божествомъ» (donna dea),—это высшая степень идеализаціи любви. Естественно, что объективность въ подобныхъ женскихъ образахъ исчезаетъ: они—созданіе души поэта, который видитъ ихъ согласно сложившемуся въ его умѣ новому представленію; здѣсь женщина превратилась въ символъ всего высокаго, прекраснаго, божественнаго. У Чино поклоненіе «женщинѣ-ангелу»,—которая неизбѣжно, по *самой своей природѣ недоступна* (въ этомъ смыслѣ «selvaggia»), хотя и даруетъ поэту *блаженство* души (она дѣлаетъ его «beato», — сравни «Beatrice», имя возлюбленной Данта),—даетъ въ результатѣ одни жгучія душевныя страданія, и такъ какъ поэтъ не можетъ забыть ее, то и его мукамъ суждено не имѣть конца. Въ выраженіи своего

*) Angiol di Dio simiglia in ciascun atto
Questa giovane bella etc.
Questa non è terrena creatura,
Dio la mandò, tanto è novella etc.

Digitized by Google

душевнаго горя, сердечной скорби (dolore) Синибальди далеко превосходитъ Фрескобальди. Изображая душевную драму человѣка, онъ доходитъ до геніальности, причемъ языкъ его достигаетъ поразительной ясности, простоты и энергіи. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній запечатлѣны необыкновенно глубокимъ чувствомъ, какъ, напр., въ томъ сонетѣ, гдѣ онъ какъ бы услаждается мукой, сроднившеюся съ его душой, и хотѣлъ бы каждую чужую радость потопить въ собственномъ безмѣрномъ горѣ («что радуетъ другихъ, то мнѣ несносно»— Tutto ch'altrui aggrada, a me disgrada). Весьма правдоподобно мнѣніе Бартоли, что глубокое чувство горечи, пронизывающее произведенія Чино, поддерживалось и его патріотической скорбью во время невольной разлуки съ родиной; онъ принималъ близко къ сердцу и судьбы всей Италіи, являясь крайнимъ гибеллиномъ, и признавая, въ противоположность ортодоксальному ученію церкви, «имперію—солнцемъ, а папство—луной», въ нѣкоторыхъ своихъ сонетахъ, напр. къ Данту, къ Чекко д'Асколи, и въ превосходной канцонѣ на смерть императора Генриха VII *). Объ его поэтическо-художественномъ достоинствѣ можно составить себѣ понятіе изъ того, что Дантъ ставилъ Чино, за его произведенія, наравнѣ съ самимъ собою **). Приводимъ одну баллату Чино да-Пистойа:

Такъ какъ я не могу насытить очей, глядя на прекрасное лицо моей госпожи (Madonna), то я столь долго, не отводя глазъ, буду смотрѣть на него, пока не приду въ состояніе блаженства, подобно ангелу, который, по своей природѣ, находясь въ небесныхъ высяхъ, испытываетъ блаженство отъ одного лицезрѣнія Бога; такъ я, хотя человѣческое существо, смотря на образъ женщины, которая владѣетъ моимъ сердцемъ, уже на землѣ достигну блаженства,—такова благодатная сила (virtu), распространяемая и даруемая ею, хотя ее можетъ замѣтить только тотъ, кто чтитъ ее по своему желанію (desiando).

Тосканская школа «новаго стиля» очень важна въ литературно-историческомъ отношеніи: во-первыхъ, направленія ея лирики въ сильной степени обусловили содержаніе и тонъ поэтическихъ произведеній не только Данта, но и Петрарки, и только въ связи съ нею послѣднія являются естественнымъ и вполнѣ понятнымъ фазисомъ опредѣленнаго литературно-эволюціоннаго процесса; во-вторыхъ, въ произведеніяхъ поэтовъ «новой школы» лирика впервые пріобрѣтаетъ тотъ психологическій характеръ, которому суждено было составить основную особенность всей послѣдующей лирической поэзіи на Западѣ.

Хотя за лирикой, достигшей въ итальянской литературѣ XIII в. такого богатаго, многосторонняго развитія, и остается въ этомъ періодѣ безспорно преобладающее значеніе не только въ художественномъ, но и въ культурно историческомъ отношеніи, какъ за лите-

*) D'Ancona, La poesia politica etc., стр. 48.
**) De vulg. eloquio I, 10.

Digitized by Google

ратурнымъ памятникомъ, наиболѣе полно и ярко отразившимъ въ себѣ настроеніе эпохи; но и другіе роды литературы въ то же самое время не могли не сдѣлаться предметомъ разъ уже возникшей, оживленной литературной дѣятельности.

Извѣстно, что первая половина XIII-го столѣтія ознаменовалась, особенно въ Италіи, усиленнымъ религіознымъ движеніемъ (причины этого явленія достаточно разъяснены историками); однимъ изъ замѣтнѣйшихъ между сопровождавшими его фактами было учрежденіе двухъ новыхъ монашескихъ орденовъ: францисканцевъ и доминиканцевъ. Нищенствующіе монахи названныхъ орденовъ, въ числѣ прочихъ средствъ вліять на массы, прибѣгли и къ проповѣди на народномъ языкѣ; вслѣдъ за проповѣдью началось и переложеніе латинскихъ церковныхъ гимновъ на общепонятную рѣчь, а также и сочиненіе на ней, подъ вліяніемъ религіознаго вдохновенія, оригинальныхъ стихотвореній соотвѣтствующаго характера. Эта-то религіозная поэзія составляетъ особенность такъ-называемой «умбрійской школы», по мѣсту происхожденія двухъ главнѣйшихъ ея представителей, съ именемъ одного изъ которыхъ связывается самое начало этой школы *). Это былъ основатель перваго изъ названныхъ монашескихъ орденовъ, св. Францискъ изъ Ассиси (San Francesco d'Assisi) въ Умбріи (род. 1182 г., ум. 1226 г.), отъ котораго сохранился дышащій возвышенною поэзіей, съ оригинальнымъ пантеистическимъ оттѣнкомъ, «Гимнъ Солнцу» (il Cantico al Sole), по преданію продиктованный имъ въ состояніи религіознаго экстаза, когда самому автору не было и 18 лѣтъ. Въ житіи св. Франциска много разсказывается объ его любви къ природѣ съ ея цвѣтами, птицами и звѣрями; съ послѣдними онъ охотно вступалъ въ общеніе, приручая ихъ и ухаживая за ними, когда они нуждались въ помощи. «Гимнъ Солнцу» до сихъ поръ не поддавался вполнѣ удовлетворительному раздѣленію на стихи, но весьма вѣроятно, что онъ и написанъ не въ опредѣленной стихотворной формѣ, а только «мѣрною прозой», въ которой при томъ мѣсто полнозвучной риѳмы не рѣдко замѣняетъ простое созвучіе (ассонансъ). Другіе два гимна («о Нищетѣ» и «о любви къ Іисусу»), обыкновенно приписываемые также св. Франциску, не принадлежатъ ему **).

Гимнъ Солнцу.

Всевышній, всемогущій и благой Господь, Тебѣ хваленіе, слава, честь и всякое благословеніе! Тебѣ одному подобаютъ они, и нѣтъ человѣка достойнаго назвать Тебя! Да восхвалится Богъ и Господь мой за всѣ творенія Его: за господина брата

*) Ozanam, Les poètes franciscains en Italie au XIII s. (1852).

**) Böhmer, Der Sonnensang von Francisc. von Assisi, въ I-мъ томѣ „Romanische Studien".—Bartoli, II, стр. 169.

Digitized by Google

(нашего) Солнце прежде всего, которое приноситъ день и озаряетъ насъ, оно прекрасно и лучезарно въ великомъ блескѣ своемъ, и знаменіе Твое, Господи, на немъ. Да восхвалится Господь мой за сестрицу Луну и за звѣзды: ясными и прекрасными въ небѣ создалъ Ты ихъ. Да восхвалится и проч. за брата Вѣтра, и за Воздухъ, и за Облако, и за ясную и всякую погоду,—ими поддерживаешь Ты всѣхъ тварей. Да восхвалится и пр. за сестру Воду, которая весьма смиренна и полезна, и драгоцѣнна, и чиста (casta). Да восхвалится и пр. за брата Огня, которымъ Ты освѣщаешь ночь и который прекрасенъ и пріятенъ, и мощенъ, и силенъ. Да восхвалится и пр. за нашу мать Землю, рождающую и питающую всякіе плоды и пестрые цвѣты и травы, и правящую ими. (Впослѣдствіи Францискъ прибавилъ еще двѣ строфы, — въ одной высказывается завѣтъ прощать врагамъ своимъ, въ другой говорится о тѣлесной смерти человѣка).

Восторженный послѣдователь св. Франциска Якопо деи Бенедетти ди-Тоди, или просто Якопоне (ум. въ 1306 г.), былъ первоначально адвокатомъ, но, отказавшись отъ міра и надѣвъ рясу францисканца, онъ провелъ остальную жизнь въ качествѣ «юродиваго о Христѣ», самъ вызывая и терпѣливо перенося всяческія лишенія и обиды; онъ предавался самому необузданному религіозному восторгу, который онъ называлъ «пляскою духа» (danza di spirito) и подъ наитіемъ котораго слагалъ пѣсни и гимны, дышащіе безпредѣльной, всепоглощающей любовью къ Христу и исполненные не только южной страсти, но, можно сказать, даже страстности. Въ общемъ чуждыя художественной мѣры и отдѣлки, произведенія этого отчаяннаго мистика, испрашивающаго себѣ отъ Бога вмѣсто мирной христіанской кончины, насильственной и позорной смерти, вмѣсто райскаго блаженства — адскихъ мученій, чтобъ ими хоть въ ничтожнѣйшей долѣ удовлетворить небесное правосудіе за всѣ беззаконія грѣховнаго міра,—исполнены самаго непосредственнаго чувства, которое, на ряду съ доходящимъ до безсмыслицы наборомъ словъ, не рѣдко оказывается въ поразительныхъ по своей неожиданной граціозности образахъ. Такъ подъ вліяніемъ впечатлѣній изъ собственнаго дѣтства, въ которомъ онъ зналъ нѣжный уходъ горячо любившей его матери, онъ въ слѣдующихъ словахъ рисуетъ материнское счастье Пресвятой Дѣвы:

„Въ умѣ моемъ возникаетъ вопросъ, какъ могло твое сердце выдержать всю ту радость, когда Ты, простая дѣвушка и скромная служительница, услышала, какъ самъ предвѣчный Богъ и Твой верховный Владыка называетъ тебя нѣжнымъ именемъ матери. При одной уже мысли объ этомъ замираетъ сердце у всякаго, кто владѣетъ хоть малѣйшею искрой снѣдающей меня любви“.

Якопоне, самъ беззавѣтно исполняя заповѣдь нищеты и любви къ ближнему и Богу, естественно не щадилъ недостойныхъ представителей церкви и, уже прежде Данта, клеймилъ суровымъ приговоромъ самихъ папъ, за что́ одинъ изъ нихъ (Бонифацій VIII) подвергъ его заключенію въ темницѣ. Онъ нападалъ и вообще на пороки всѣхъ классовъ общества: въ одномъ стихотвореніи онъ за-

Digitized by Google

ставляетъ аллегорическую фигуру Нищеты обходить людей всякаго состоянія, ища себѣ пріюта, но всѣ, начиная съ прелатовъ, гонятъ ее безъ жалости:

Vanne via, vecchia pezzenta,
Fa, che qui più non ti senta *).

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Якопо ди-Тоди написаны въ діалогической формѣ, представляя собою нѣчто въ родѣ драмы. Таковы, напр., «Riparazione dell'umana natura», гдѣ участвуютъ до двѣнадцати собесѣдниковъ; два «Явленія воскресшаго Христа», «Діалогъ между св. Францискомъ и Нищетой». Эти произведенія интересны особенно въ томъ отношеніи, что религіозная драма въ Италіи получила свое начало именно въ области Умбріи **).—Замѣтимъ, что идеи, лежащія въ основѣ мистическо-религіозной поэзіи «умбрійской школы», по справедливости могутъ быть сведены, какъ къ своему источнику, къ ученію калабрійскаго мистика Іоахима de-Floris (по имени основаннаго имъ монастыря св. Флоры), извѣстному подъ именемъ «Вѣчнаго Евангелія» и заключавшему въ себѣ проповѣдь грядущаго «царства Духа»,—ученію, которое играло весьма важную роль въ религіозно-умственной жизни XIII и XIV столѣтій ***); такимъ образомъ, эта поэзія составляетъ одинъ изъ симптомовъ съ конца XIII в. повсюду замѣчаемаго стремленія освободить средневѣковаго человѣка изъ подъ ига церковно-теологическаго авторитета.

Изъ всѣхъ литературныхъ родовъ аллегорическій и дидактическій, по своему харектеру, въ особенности отвѣчали болѣе трезвому, положительному, такъ сказать, разсудочному складу ума той части европейскаго общества, которая обозначается именемъ «третьяго сословія». Постоянно усиливающаяся со второй половины XIII в. популярность указанныхъ двухъ жанровъ была связана съ тѣмъ фактомъ, что городскіе классы именно съ этой поры стали все замѣтнѣе выдвигаться на первый планъ, пріобрѣтая значеніе первенствующей силы въ политической общественной жизни европейскихъ народовъ. Въ XIII в. въ Италіи города жили уже полною жизнью: политическая самостоятельность, со всѣми сопровождающими ее волненіями во имя интерессовъ взаимно противодѣйствующихъ партій; широкое развитіе торговли и обусловленный имъ высокій уровень благосостоянія, и, наконецъ, какъ естественный результатъ обоихъ предыдущихъ явленій, потребность въ болѣе или менѣе разносторонней

*) Прочь, нищая старуха, чтобъ и духу твоего здѣсь не было.

**) См. въ Rivista di Filologia romanza 1, 4, ст. E. Monaci.

***) Preger, Das evige Evangelium. (Ср. Hist. littér. de la France, t. XX, стр. 23—36, и H. Reuter, Gesch der religiösen Aufklärung im M.-Alter. 1875. 277).

Digitized by Google

умственной дѣятельности, съ одной стороны, и посильное стреленіе-удовлетворить ей съ другой, — составляли достояніе городскогмо на селенія Италіи Мы уже видѣли, какъ именно подъ вліяніемъ муниципальнаго духа, чуждая народу, по своему происхожденію, лирика въ Италіи все болѣе теряла свой феодально-рыцарскій тонъ и пріобрѣтала характеръ мистическо-символическій. Появленіе писанныхъ по итальянски произведеній аллегорическо-дидактическихъ въ собственномъ смыслѣ было тѣмъ естественнѣе, что литература главнымъ образомъ находилась въ рукахъ свѣтскихъ людей, вышедшихъ почти исключительно изъ горожанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоившихъ въ извѣстной полнотѣ тогдашнюю схоластическую науку, благодаря быстро-установившемуся въ Италіи процвѣтанію университетовъ. Представителемъ этой группы итальянскихъ писателей XII вѣка былъ Брунетто Латини (род. ок. 1220 г., ум. 1294 г.). Это былъ человѣкъ высокихъ качествъ: весьма просвѣщенный какъ въ философіи, такъ въ риторикѣ (т.-е. въ древнихъ авторахъ и въ словесномъ искусствѣ), Брунетто игралъ выдающуюся роль во Флоренціи и какъ общественный дѣятель, и какъ ученый писатель, много содѣйствовавшій дѣлу умственнаго и гражданскаго развитія своихъ согражданъ, уваженіемъ которыхъ онъ пользовался въ высокой мѣрѣ (о томъ и другомъ сохранились свидѣтельства его современниковъ). Подъ его вліяніемъ воспиталось цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежалъ и Дантъ, съ такимъ сыновнимъ чувствомъ вспоминающій о Брунетто Латини въ своей великой поэмѣ *). Постоянная борьба партій отозвалась неблагопріятно, хотя лишь временно, и на судьбѣ Брунетто: когда онъ находился въ пути съ порученіемъ отъ единомышленной съ нимъ партіи гвельфовъ передать испанскому королю Альфонсу X ихъ просьбу о защитѣ противъ тѣснившаго ихъ короля Манфреда, битва при Монтеаперти (сент. 1260 г.) привела къ изгнанію изъ Флоренціи названной партіи, такъ что и Брунетто вынужденъ былъ удалиться во Францію; тамъ онъ оставался приблизительно до 1269 г., когда, по переходѣ власти снова въ руки гвельфовъ, онъ могъ возвратиться на родину. Съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ не разъ занималъ видное мѣсто при флорентинскомъ правительствѣ; однажды былъ пріоромъ, исполнялъ должность канцлера (dittatore) и оффиціальнаго оратора (arringatore) республики (въ 1287 и 1289 гг.) **). Авторская дѣятельность его падаетъ главнымъ образомъ на время его пребы-

*) Въ „Хроникѣ" Джіованни Виллани и въ „Жизнеописаніи Бр. Латини", Филиппа Виллани (см. въ его „De civitatis Florentiae famosis civibus", изд. Galletti). Дантъ, Адъ, п. XV.

**) Tor Sundby, Brun. Latinos Levnet og Skrifter. 1869. Копенгагенъ.

Digitized by Google

ванія въ Парижѣ, гдѣ невольный досугъ давалъ ему полную возможность посвятить себя этой дѣятельности. Между его стихотворными произведеніями первое мѣсто занимаетъ, написанная семисложнымъ, по-парно риѳмующимъ стихомъ, аллегорическо-дидактическая поэма «Il Tesoretto» (первоначально, можетъ быть, просто «Il Tesoro»), которая дошла до насъ не оконченною; вѣроятно и на самомъ дѣлѣ она не была доведена до конца ея авторомъ. О ней мы уже упоминали по поводу одного эпизода «Романа Розы» (стр. 581, прим.).

За похвалой королю св. Людовику, которому посвящено все произведеніе, слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ по дорогѣ въ Кастилію (рѣчь идетъ объ упомянутомъ уже дипломатическомъ порученіи) *), поэтъ получаетъ извѣстіе о бѣдѣ постигшей его партію на родинѣ; полный гнѣва и погруженный въ мысли о случившемся, онъ сбивается съ дороги. Проплутавъ въ лѣсу, онъ всходитъ на вершину горы, гдѣ встрѣчаетъ Природу въ видѣ царственной женщины, и между ними завязывается бесѣда, въ продолженіе которой пространно трактуется о разныхъ наукахъ. Затѣмъ, слѣдуя совѣтамъ Природы, поэтъ отправляется на поиски за Философіей, и въ сосѣднемъ лѣсу наталкивается на поѣздъ, въ которомъ находятся Верховная Добродѣтель съ своими четырьмя дочерьми, олицетворяющими четыре античныя добродѣтели — Умѣренность, Благоразуміе, Силу и Справедливость, и множество королей, бароновъ, ученыхъ и мудрецовъ. Далѣе является богъ любви съ своимъ канцлеромъ Овидіемъ, указывающимъ поэту прямую дорогу, по которой послѣдній, давъ обѣтъ отречься отъ пороковъ и обратиться къ Богу, отправляется въ Монпелье, гдѣ исповѣдь въ грѣхахъ даетъ ему поводъ изложить основанія тогдашней богословской морали. Въ дальнѣйшемъ странствованіи Брунетто снова плутаетъ, пока наконецъ на горѣ Олимпѣ находитъ астронома Птоломея, который даетъ ему обѣщаніе преподать всю премудрость.

На этомъ обрывается поэма **). Уже въ ней Латини обѣщаетъ для тѣхъ, кто обладаетъ «возвышенной душой» (lo cor più alto) изложить болѣе достойнымъ и серьознымъ образомъ, и притомъ на французскомъ языкѣ, научныя и философскія ученія своего времени, что́, дѣйствительно, и было сдѣлано имъ въ такъ-наз. «Li Trèsors», энциклопедіи, написанной въ прозѣ по-французски, которая, вѣроятно, въ особенности упрочила за Брунетто Латини репутацію великаго ученаго. Что же касается до «Tesoretto», то совершенно незначительная въ художественномъ отношеніи, эта поэма интересна тѣмъ, что нѣкоторые писатели, высказывали предположеніе, что именно этимъ произведеніемъ былъ внушенъ Данту начальный планъ его собственной поэмы: такое же блужданіе въ лѣсу, такой же

*) Esso Comune (т.-е. республика) saggio
Mi fece suo messagio
Al alto re di Spagnia.

**) Il Tesoretto e il Favoletto di der Brun. Latini ridotti a miglior lezione dall Zannoni (1824 Флоренц.). „Favoletto"—адресованное другу автора, Rustico di Filippo, посланіе въ стихахъ о разныхъ видахъ дружбы. Новое критич. изд. B. Wiese въ 7-омъ томѣ Zeitschr. für roman. Philologie.

Digitized by Google

руководитель въ лицѣ одного изъ поэтовъ древности. Положительнаго тутъ, конечно, ничего нельзя сказать, но во всякомъ случаѣ Дантъ долженъ былъ хорошо знать стихотвореніе столь уважаемаго имъ Латини, тѣмъ болѣе, что оно, какъ первый въ то время примѣръ аллегорическо-дидактической эпики въ итальянской литературѣ, несомнѣнно пользовалось большою извѣстностью. Къ тому же, въ «Божеств. Комедіи» есть и прямыя точки соприкосновенія съ «Tesoretto», которыя едва ли можно объяснить случайностью или общимъ характеромъ умственнаго склада и поэтическаго творчества того времени *). Крайне циничная по содержанію поэма «Il Pataffio» приписывалась Брунетто несправедливо,—доказано, что она XV-го в., но до тѣхъ поръ она служила въ подкрѣпленіе той дурной славы, которая осталась за Латини, помѣщеннымъ у Данта въ «Аду», не смотря на всю выражаемую имъ привязанность къ автору «Tesoro». Замѣтимъ, что Брунетто Латини, и по собственнымъ его словамъ въ «Tesoretto» (с. XXI), и по свидѣтельству его ближайшаго біографа, Филиппа Виллани, былъ тѣмъ, что теперь называютъ «bon vivant».

Къ концу XIII-го же вѣка относятъ и другую аллегорическую поэму «L'Intelligenza» **), которую одно время приписывали Дино Кампаньи, столь же ошибочно считавшемуся авторомъ одной флорентійской хроники, подлинность которой весьма заподозрѣна. Можетъ быть подкупленные именно предполагаемою принадлежностью поэмы мнимому автору произведенія, всѣми считавшагося за лучшее украшеніе первоначальной итальянской исторіографіи, нѣкоторые историки литературы видѣли въ «Intellingenza» особенно высокія поэтическія достоинства,—на самомъ же дѣлѣ это простое повтореніе шаблонныхъ, всегда бывшихъ въ ходу у трубадуровъ и труверовъ описаній природы, фантастическихъ дворцовъ и т. п. Для насъ она любопытна какъ новое доказательство популярности аллегорическаго жанра и въ итальянской литературѣ въ эпоху Данта. Содержаніе ея крайне банально, а аллегорія лишена глубины и отличается безвкусіемъ: безъ всякой оригинальности повторяются въ поэмѣ избитые пріемы французской романтической эпики, и слѣдуютъ, одно за другимъ, описанія весны, затѣмъ — красоты Мадонны-Intelligenza, причемъ на одинъ перечень драгоцѣнныхъ камней въ ея вѣнцѣ съ ихъ чудными свойствами, на основаніи уже извѣстныхъ намъ «Лапидаріевъ», приходится не менѣе 44 девяти-строчныхъ стансовъ (одинъ изъ самыхъ раннихъ примѣровъ этой стихотворной формы, «nona rima»), еще далѣе — обитаемаго Мадонной дворца, украшающихъ его картинъ,

*) См. статью Delius'a въ „Jahrb. der Dante-Gesellsch.", IV, стр. 1—25.

**) Изд въ 1850 г. Ozanam'омъ въ Documents inédits pour servir à l'histoire littéraire de l'Italie, и Gerlich'омъ, Breslau 1883.

Digitized by Google

изваяній и т. под., — все это, на ряду съ обильными галлицизмами, прямо указываетъ на французскіе образцы. Внутренній же смыслъ самой аллегоріи таковъ: дворецъ Мадонны-Intelligenza, это — тѣло совокупно съ душой; кухня въ этомъ дворцѣ—желудокъ и т. д.

Франческо да-Барберино (род. 1264 г.), можетъ быть ученикъ Брунетто Латини, былъ ученый юристъ, не разъ занималъ разныя болѣе или менѣе важныя должности у прелатовъ, на соборахъ и при республиканскомъ правительствѣ, и умеръ уже въ XIV в. жертвою чумы 1348 года. Имъ написано также аллегорическое произведеніе въ стихахъ, въ одномъ родѣ съ провансальскими «Leys d'amor», озаглавленное «I documenti d'Amore»: Амуръ диктуетъ Краснорѣчію и своимъ 12 прислужникамъ (Послушанію, Постоянству и т. п.) «documenti», заключающіе въ себѣ какъ бы кодексъ всевозможныхъ правилъ въ руководство для людей всѣхъ сословій, состояній и возрастовъ на разнообразнѣйшіе случаи жизни, причемъ трактуется о добродѣтеляхъ, наградахъ за нихъ и т. п. Другое его сочиненіе, нѣчто въ родѣ женскаго Домостроя: «Del Regimento e de' costumi della donna» *) (и тутъ у автора былъ французскій образецъ— «Le chastiement des Dames») гораздо важнѣе, такъ какъ въ немъ наглядно рисуются взгляды и нравы итальянскаго общества XIII—XIV вѣковъ **). Сочиненія Франческо писаны въ перемежку стихами и прозой.

Если вообще прозаическая литература возникаетъ обыкновенно позже стихотворной, то въ Италіи это было тѣмъ болѣе естественно, что тамъ классическая образованность, въ силу всѣхъ данныхъ условій національной жизни, никогда совсѣмъ не прерывалась, и носитель ея, латинскій языкъ, признаваемый самымъ очевиднымъ памятникомъ столь льстившаго самолюбія итальянцевъ происхожденія отъ древнихъ римлянъ, дольше удерживался въ качествѣ общеупотребительнаго орудія просвѣщенія. Съ развитіемъ поэтической литературы на національномъ языкѣ должны были постепенно появиться и памятники итальянской прозы, первоначально съ примѣсью латинскихъ элементовъ, но потомъ и на свободныхъ отъ этой примѣси мѣстныхъ

---

*) О поведеніи и нравахъ женщины. Изд. графомъ Baudi di Vesme, Bologna 1875. Новое изд. Mansi (Milano, Silvestri). Ср. А-ръ Н. Веселовскій: Изъ исторіи развитія личности и старинныя теоріи любви, (въ Бесѣдѣ, 1872, 3).

**) Съ болѣе тѣсными рамками подобное же стихотвореніе сохранилось и въ подражательной сѣверно-итальянской литературѣ: это — „Cinquante cortesie di tavola" (50 правилъ, какъ прилично вести себя за столомъ) уже упомянутаго однажды Бонвезина да-Рива. Съ характеромъ подобныхъ Домостроевъ въ итальянской литературѣ до XVI в. можно познакомиться по книгѣ: „Опытъ о происхожденіи древне-русск. Домостроя", *И. С. Некрасова*. 1873, стр. 22—30.

Digitized by Google

итальянскихъ нарѣчіяхъ. Литературная проза, въ строгомъ значеніи этого слова, является въ Италіи не ранѣе XIV столѣтія.

Послѣ того, какъ доказана подложность «Дневника» (I Diurnali) Маттео Спинелли [1]) и даже «Флорентинской исторіи» Рикардо Малеспини [2]) (она, вѣроятно, составлена прямо по Виллани, безъ пособія какого-либо общаго для обоихъ источника), равно какъ и сицилійской хроники «О возстаніи Сициліи противъ короля Карла» [3]), первые примѣры оригинальной итальянской прозы представляются лишь въ рядѣ нѣсколькихъ документовъ, болѣе или менѣе оффиціальнаго характера, или же частныхъ писемъ съ дѣловымъ оттѣнкомъ [4]). Довольно многочисленныя «Письма» извѣстнаго уже намъ фра-Гвиттоне изъ Ареццо не только изобилуютъ книжно-латинскими элементами, но и самая конструкція въ нихъ, вслѣдствіе неумѣлаго подражанія латинскимъ образцамъ, до того напыщена и неестественна, что происходящая оттого темнота слога порою рѣшительно затрудняетъ пониманіе смысла. Это — мертворожденный плодъ преждевременныхъ усилій создать классическую итальянскую прозу. Однакожъ и отъ второй половины XIII вѣка сохранилось несомнѣнно подлинное. научное сочиненіе монаха Ристоро изъ Ареццо — «La Composizione del Mondo» (Устройство міра) [5]), обширный географическо-астрономическій трактатъ, интересный замѣчательными для того времени непосредственными наблюденіями автора надъ явленіями природы и своею уже значительно выработанною въ литературномъ отношеніи прозой, хотя все еще съ ясными признаками аретинскаго нарѣчія. Жившему въ XIII—XIV в. венеціанскому монаху Паолино Минорито принадлежитъ писанный на венеціанскомъ нарѣчіи трактатъ, въ родѣ Домостроя: «De regimine Rectoris», въ трехъ частяхъ котораго говорится «о собственныхъ поступкахъ, о семействѣ и о публичныхъ дѣлахъ» [6]).

Итальянская проза должна была развиваться медленно, въ сравненіи съ стихотворною рѣчью, еще и потому, что многіе изъ тогдашнихъ авторовъ прибѣгали то къ школьной латыни, то къ

---

[1]) Bernardi, Matteo Spinelli da Giovenazzo, eine Fälschung des XVI Jahrh. 1868. (Всѣ рукописи не ранѣе середины сказаннаго столѣтія).

[2]) Scheffer-Boichorzt, D. florentinische Geschichte der Malespini eine Fälschung (въ Florentinische Studien. 1874) — самый ранній манускриптъ полов XIV вѣка.

[3]) Hartwig въ Sybel's Ztst, t. XXIV (текстъ „Lu Ribellamentu d. Sicil. contra re Carlo“ въ „Cronache siciliani“, publ. da Di Giovanni 1865, Bologna).

[4]) Lettere volgari del sec. XIII scritte da Senesi, publ. da Paoli e Piccolomini (1871, тамъ же).

[5]) Издан. Daelli съ предисл. Narducci (ср. Annali del Reale Istituto. 1879 — 80 Статья Malfatti).

[6]) Изд. Mussafia (Вѣна, 1868).

Digitized by Google

весьма распространенному въ то время въ Италіи французскому языку. Нѣкоторыя сочиненія на этихъ двухъ языкахъ довольно рано были переведены на итальянскій языкъ, на которомъ въ то же время появились и переводы древнихъ классиковъ: однимъ изъ первыхъ былъ переводъ «Реторики» Цицерона, исполненный Галеотто Болонскимъ. Изъ многихъ итальянскихъ авторовъ, писавшихъ по-латыни, мы назовемъ ученаго судью Альбертано Брешьянскаго (da Brescia), который пользовался большимъ авторитетомъ у своихъ современниковъ, такъ что его разнообразные трактаты, написанные преимущественно между 1238 и 63 г., переводились и на другіе европейскіе языки, кромѣ итальянскаго, на которомъ они появились въ теченіе слѣдующихъ же 20 или 30 лѣтъ, напр. «Ars tacendi et loquendi» (Искусство кстати молчать и говорить), сочиненіе, переведенное Буоно Джямбони, однимъ изъ плодовитѣйшихъ переводчиковъ XIII в. въ Италіи. Изъ сочиненій Альбертано особенную извѣстность пріобрѣла «Книга о Мелибеѣ» (въ латинскомъ оригиналѣ, это произведеніе озаглавлено просто: «О совѣтѣ и утѣшеніи», но вскорѣ сдѣланный французскій переводъ носитъ заглавіе: «Livre de Melibée et de dame Prudence»). Популярность ея была такъ велика, что Чосеръ включилъ ее въ составъ своихъ «Кентерберійскихъ разсказовъ». Это тенденціозное сочиненіе, крайне схоластичное, изобилующее цитатами, стремится убѣдить читателей, съ помощью довольно неуклюжей литературной фикціи и діалектическихъ разсужденій, въ необходимости отказаться отъ всякой вражды и мести въ пользу любви и прощенія. Благодаря этому трактату Альбертано признается значительнѣйшимъ моралистомъ XIII-го вѣка въ Италіи.

Можетъ быть, Джямбони принадлежитъ также и переводъ французскаго «li Tresors» Брунетто Латини, подъ заглавіемъ. «Il Tesoro» *) (въ отличіе отъ него, разсмотрѣнной выше поэмѣ Брунетто и было дано уменьшительное названіе «il Tesoretto»). Эта энциклопедія, содержащая извлеченія изъ св. Писанія, Плинія, Солина и др. **), съ сопровождающими ихъ разсужденіями автора, раздѣлена на три части. Первая часть въ пяти книгахъ: 1) исторія ветхаго завѣта; 2) исторія новаго завѣта и всемірная до времени самого автора, съ описаніемъ земли и неба; 3) географія, 4) и 5) естественная исторія. Вторая часть въ двухъ книгахъ: 1) изложеніе Аристотелевой этики и 2) трактатъ о добродѣтеляхъ и порокахъ, въ которомъ подробно говорится и о мукахъ, претерпѣваемыхъ въ аду грѣшниками. Наконецъ, въ двухъ книгахъ третьей части трактуется

*) Mussafia, Sul testo di „Tesoro", (Вѣна, 1869); объ изданіи французскаго текста см. выше, стр. 589, прим.

**) Источники этого сочиненія Латини всего лучше изслѣдованы въ книгѣ Sundby.

Digitized by Google

о краснорѣчіи и государственномъ управленіи. Вѣроятно, благодаря послѣдней части «Tesoro», у Виллани говорится о Брунетто, что онъ былъ «sommo maestro in retorica» и что онъ первый научилъ флорентинцевъ «regere la nostra Reppublica secondo la politica» *), а отнюдь не въ смыслѣ какого-то практическаго наставничества, какъ склонны, повидимому, думать нѣкоторые историки литературы. Самимъ Брунетто переведены также нѣкоторые прозаическіе авторы классической древности. Хотя переводы его и страдаютъ несовершенствомъ формы, иногда даже невѣрностью латинскимъ подлинникамъ, но вообще удовлетворительно передаютъ содержаніе послѣднихъ и ставятъ Брунетто, какъ стилиста, выше многихъ позднѣйшихъ переводчиковъ съ латинскаго на итальянскій **). Въ 1288 году переведенъ на итальянскій, съ его французскаго перевода, латинскій трактатъ Эджидіо Романо ди Колонна (одного изъ комментаторовъ «божественной» канцоны Гв. Кавальканти) «De regimine principum». написанный имъ для наслѣдника французскаго престола, Филиппа Красиваго.

Кромѣ Брунетто Латини, изъ итальянцевъ XIII вѣка писалъ по-французски, между прочимъ, и знаменитый путешественникъ Марко Поло, продиковавшій Рустичьяно Пизанскому, во время своего заключенія въ генуэзской тюрьмѣ, свой разсказъ о посѣщенныхъ имъ странахъ, замѣчательный литературный памятникъ того времени, по-французски озаглавленный «Чудеса свѣта», а въ Италіи носившій странное названіе «il Milione». Переводъ этой книги на итальянскій языкъ былъ исполненъ почти непосредственно вслѣдъ за появленіемъ французскаго подлинника ***).

Рустичьяно перевелъ съ французскаго также и много романовъ изъ цикла «Круглаго стола». Въ концѣ XIII-го и въ началѣ XIV-го в. въ Италіи вообще усердно переводится французская повѣствовательная литература, — религіозная и героическая. Такъ появились «I fatti di Cesare» (изд. *Bianchi*, 1863), романтическій разсказъ, скомпилированный по одному французскому тексту съ добавленіями по Светонію; «I conti di antichi cavalieri» (Сказанныя о старинныхъ рыцаряхъ, изд. *Fantani*, 1817): «La Tavola rotonda (изд. *Полидори*). можетъ быть уже начала слѣдующаго столѣтія. — Эти и подобные имъ переводы были послѣдствіемъ стремленія сокращать популярныя въ Италіи французскія рыцарскія поэмы, излагая ихъ прозой. Такимъ образомъ, романтическая эпика въ своей итальянской оболочкѣ

*) „Управлять нашей республикой по правиламъ политики".

**) Прозаическіе переводы и трактаты Латини и Джамбони указаны у Nannucci во 2-мъ томѣ его „Manuale della letter. ital. del primo secolo".

***) изд. Bartoli (1863, Флоренція).

Digitized by Google

прошла фазы своего развитія въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ ея первообразомъ во Франціи, гдѣ сначала совершилось пышное развитіе ея въ мѣрной рѣчи, изъ которой только въ XIV—XV в. начались переложенія въ прозу. Вначалѣ XIV-го столѣтія въ Италіи была даже сдѣлана попытка свести сказанія изъ карловингскаго цикла въ одно обширное цѣлое (I. Reali di Francia). Замѣчательно, что уже въ этой ранней прозаической формѣ французскіе разсказы получаютъ въ Италіи совершенно мѣстный, чисто-итальянскій колоритъ, такъ что отсутствіе рыцарскаго духа, такъ поражающее въ позднѣйшихъ художественныхъ романтическихъ эпопеяхъ итальянцевъ, отличаетъ почти въ той жемѣрѣ и служившіе имъ источниками итальянскіе прозаическіе пересказы изъ французскаго романтическаго эпоса.

Мартино да Канале, изъ Тревизо въ Венеціанской области, написалъ свою «Венеціанскую хронику», чрезвычайно богатую культурными данными и запечатлѣнную горячей привязанностью къ «Царицѣ Адріатики» *), также на французскомъ языкѣ, мотивируя это обстоятельство почти тѣми же выраженіями, какъ и Брунетто въ «Li Tresors», свидѣтельствующими о всеобщемъ тогда признаніи за французскимъ языкомъ высокихъ литературныхъ свойствъ, равно какъ и объ его общедоступности. Этотъ авторъ приводитъ насъ къ тому отдѣлу итальянской литературы, который до послѣдняго времени считался однимъ изъ лучшихъ украшеній ея перваго періода (XIII—XIV стол.); но послѣ того, какъ доказана подложность упомянутыхъ выше первыхъ памятниковъ старо-итальянской исторіографіи и сильно поколеблена вѣра и въ подлинность флорентинской «Хроники», которую приписывали Дино Компаньи **) — лицу, дѣйствительно существовавшему въ XIII—XIV в., что̀ подтверждается архивными и иными историческими свидѣтельствами: онъ занималъ должность пріора во Флоренціи, а затѣмъ былъ и гонфалоньеромъ или началь-

*) Archivio storico italiano, t. VIII.

**) Мы не имѣли возможности пользоваться книгой одного изъ главныхъ защитниковъ подлинности хроники Дино, проф. Del Lungo: D. Compagni e la sua cronaca (1878—81), отъ котораго Бартоли (III, стр. 162), кромѣ лучшаго критическаго текста самой хроники, ожидалъ окончательнаго рѣшенія и всего спорнаго вопроса о Дино. Кажется, можно допустить, что при всей очевидности фальсификаціи текста, являющейся во многихъ отношеніяхъ весьма загадочной, въ основѣ всей хроники (обнимающей событія отъ 1286 до 1312 г.) лежатъ какіе-то подлинные мемуары изъ XIII—XIV стол., такъ что гипотеза главнаго противника Дино, нѣмецкаго ученаго Шеффера-Бойхорста (въ нѣсколькихъ монографіяхъ), по которой будто бы вся хроника цѣликомъ есть не болѣе какъ подѣлка, исполненная какимъ-то фальсификаторомъ позднѣйшаго времени, скрывшимся подъ именемъ флорентинскаго гражданина и сановника и, притомъ, лишеннымъ всякаго уваженія къ исторической истинѣ,—эта гипотеза должна быть, повидимому, признана несостоятельною (Ср. C. Hegel, „Zur Dino-Frage“ въ его же „Ueber d. histor. Werth der älteren Dante-Commentare“, стр. 91—115; Лейпц. 1878).

Digitized by Google

никомъ особаго военнаго отряда, состоявшаго въ распоряженіи пр вительства для охраны республики и общественнаго порядка, и уже въ 1223 г.,—исторіографическое богатство собственно итальянской пи менности того времени оказывается совершенно фиктивнымъ, остается въ сущности одинъ только крупный памятникъ историч скаго содержанія, который, сверхъ своей несомнѣнной подлинности дѣйствительно имѣетъ большую цѣну какъ по своимъ литературны достоинствамъ, такъ и по достовѣрности и интересу заключающихс въ немъ свѣдѣній: этотъ памятникъ — «Хроника» Джованни Ви лани, но по времени ея написанія она принадлежитъ уже к XIV вѣку.

Изъ предъидущаго очерка ясно, что нельзя считать Данта, как это еще недавно было въ обычаѣ, создателемъ итальянскаго язы и основателемъ итальянской литературы. Итальянская литература не только существовала до него, но въ ней даже ясно обозначались впол опредѣленныя разнородныя стремленія, нашедшія себѣ соотвѣтствуй щія формы въ словѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствующія о с вершившемся органическомъ развитіи. За Дантомъ, въ сравненіи с его предшественниками въ итальянской литературѣ, остается в обыкновенный, всеобъемлющій геній, который однакожъ не освоб дилъ его отъ извѣстной подчиненности еще до него утвердившим въ литературѣ воззрѣніямъ и идеаламъ, по крайней мѣрѣ въ начал его авторской дѣятельности.

Родоначальникомъ Данта Алигіери былъ Качьягвида дел Элизеи *), участвовавшій въ крестовомъ походѣ 1147 года и уме шій въ Палестинѣ; онъ былъ женатъ на доннѣ Альдигьерѣ дел Альдигьери (donna Aldighiera degli Aldighieri) изъ Феррары, и ея фамилія перешла на одну изъ вѣтвей рода Качьягвиды; самое и прозвище сократилось въ Alighieri **). Отъ правнука Качьягвиды отъ донны Беллы (неизвѣстно изъ какого рода) родился Дантъ (Dan сокращенная форма изъ Durante), во Флоренціи, между 18-мъ и и 19-мъ іюня 1265 г. ***). Принадлежалъ-ли Дантъ къ дворянств или нѣтъ, во всякомъ случаѣ его семья была изъ довольно зажит ныхъ, такъ что и самъ Дантъ владѣлъ собственностью въ нѣсколь

*) Бож. Комедія: Рай, XV и XVI пѣсни.

**) Въ грамотахъ оно пишется различно, см. Scartazzini, указ. соч., стр. 52, в концѣ статьи: Dante's Abstammung u. Adel; ср. воззрѣнія самого Данта на „благор ство“ въ De Monarchia, II, c. 8, и болѣе опредѣленно въ 3-ей канцонѣ въ Convi и въ комментаріи къ ней (Scartazz., стр. 16—18). По заключенію-же Скартаццини, основаніи извѣстій современниковъ и сохранившихся грамотъ, Дантъ принадлежал по своему происхожденію, къ „popolani“, т.-е. не къ дворянству.

***) Scartazzini, тамъ-же, стр. 97, какъ результатъ его изслѣдованія: „Wa wurde D. geboren?“

Digitized by Google

кихъ мѣстахъ близъ Флоренціи. Родъ его входилъ въ составъ партіи гвельфовъ и дважды подвергался изгнанію, въ 1248 и 1260 г.; послѣ втораго изгнанія мать Данта вернулась, судя по году его рожденія, нѣсколько раньше, такъ какъ прочіе гвельфы получили доступъ на родину только въ 1266 г. Отца Дантъ лишился уже около 1274—75 г. По свидѣтельству его біографовъ, онъ, благодаря заботамъ своей, очевидно, умной и достойной матери, получилъ блестящее образованіе; весьма вѣроятно, что ей помогалъ при этомъ извѣстный намъ Брунетто Латини, которому, можетъ быть, и было предоставлено общее руководство воспитаніемъ Данта. Занятія науками—грамматикой роднаго языка и классическою литературой, миѳологіей, богословіемъ и астрономіей — не мѣшали юному Алигіери упражняться въ музыкѣ, рисованіи и каллиграфіи, а также въ гимнастикѣ, фехтованьѣ и т. п. Такая многосторонность тѣмъ понятнѣе, что Дантъ былъ одаренъ вполнѣ выдающимися и разнообразными душевными качествами, о чемъ мы имѣемъ не только свидѣтельства его современниковъ и біографовъ, но и его собственныя *). Онъ разсказываетъ также о себѣ въ своей «Vita nuova» (гл. 1), что, не имѣя еще полныхъ девяти лѣтъ отъ роду, полюбилъ малютку Беатриче (сокращ. «Биче»), которой тогда только-что исполнилось восемь лѣтъ; Боккачьо, первый между біографами Данта, указалъ на то, что это была дочь **) Фолько Портинари, одного изъ зажиточныхъ и уважаемыхъ флорентинскихъ гражданъ, впослѣдствіи вышедшая за Симоне деи-Барди. Эта, повидимому, вполнѣ платоническая любовь Данта была хранительницей его юности, какъ высказываетъ онъ самъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ произведеній. Восемь лѣтъ спустя послѣ первой встрѣчи, т.-е. когда ему уже шелъ 18-й годъ, Дантъ написалъ по поводу этой своей привязанности сонетъ, съ которымъ обратился къ нѣкоторымъ изъ тогдашнихъ флорентинскихъ поэтовъ, которые, въ свою очередь, отвѣтили ему также стихами, одни въ сочувственномъ тонѣ (таковъ былъ отвѣтъ Гв. Кавальканти, можетъ быть и послужившій поводомъ къ ихъ тѣсной дружбѣ), другіе же не столь благо-

*) Чистилище, XXX п., 109 и сл.—Въ XI пѣснѣ, тамъ-же, Дантъ говоритъ объ искусствѣ по поводу современныхъ ему художниковъ Одеризи и Франко изъ Болоньи; онъ былъ друженъ съ Джотто (Giotto), которымъ написанъ дошедшій до насъ портретъ Данта (о немъ въ Dante's Jahrbuch, I, стр. 59—62 и II, 261—331). О наружности Данта, его привычкахъ и т. п. см. у Боккачьо въ „Vita di Dante", изданной, вмѣстѣ съ его-же комментаріемъ къ „Бож. Комедіи", Milanesi (1863, Флоренц.).

**) Въ послѣднее время были высказаны сомнѣнія: не позднѣйшая-ли это легенда, только примѣнившая разсказъ Данта къ этой дѣйствительно существовавшей, въ ту эпоху, личности (Bartoli, loc. cit., IV, стр. 180 и сл. Ср. Scartazzini, l. cit. стр. 127, въ статьѣ „Dante's geistige Entwickelung").

Digitized by Google

склонно (Dante de Majano). Беатриче скончалась 25 лѣтъ отъ роду повергнувъ Данта въ величайшее горе. Печаль его была безмѣрна, с по его описанію въ «Vita nuova»; облегченія себѣ онъ, по собственны словамъ, искалъ главнымъ образомъ въ занятіяхъ философіею, котор важнѣйшія, извѣстныя въ его время, системы онъ изучалъ въ теч ніе двухъ съ половиною лѣтъ съ такимъ усердіемъ и усидчивост что серьезно заболѣлъ глазами. Около 1292 г., можетъ быть, по н стоянію родственниковъ, Дантъ вступилъ въ бракъ съ Джеммой, д черью Манетто Донати. Самъ онъ нигдѣ не упоминаетъ о своихъ мейныхъ отношеніяхъ; только Боккачьо, впрочемъ, вообще не о бенно достовѣрный источникъ, говоритъ, что бракъ былъ крайне н счастливъ; однакожъ извѣстно, что Дантъ имѣлъ отъ этого бра двухъ сыновей и дочь по имени Беатриче, кажется, бывшую е въ живыхъ въ 1350 г. **). Дантъ также рано началъ и службу сво родинѣ; онъ самъ свидѣтельствуетъ ***), что принималъ участіе битвѣ при Кампальдино, въ іюнѣ 1289 г., т.-е. когда ему было 24 го равно какъ и во взятіи пизанской крѣпостцы Капроны въ авгу того же года. Ударъ, нанесенный гвельфами при Кампальдино ф рентинской гибеллинской партіи, былъ настолько рѣшителенъ, ч она потомъ уже никогда не могла вполнѣ оправиться отъ него. Дан сражавшійся въ рядахъ гвельфовъ, въ ту пору оставался еще вѣре политическимъ убѣжденіямъ своей семьи и своего обожаемаго наст ника Брунетто Латини. Изъ этого періода жизни Данта сохранил также положительныя свѣдѣнія объ его участіи въ государственне управленіи. Въ 1295 г., когда во Флоренціи была преобразована к ституція и многіе изъ дворянства перешли въ ряды народной и точнѣе, буржуазной партіи (popolo grasso), такъ какъ по новому зак только лица, внесенныя въ списки того или другого изъ первыхъ се цеховъ, могли участвовать въ управленіи республикой, Дантъ та вступилъ въ цехъ «врачей и аптекарей», выбранный имъ, вѣрое благодаря своимъ предшествовавшимъ занятіямъ естествознаніемъ, можетъ быть, и медициной. Съ этого или, по крайней мѣрѣ, съ с дующаго года, какъ видно изъ сохранившихся документовъ, участвуетъ въ совѣщаніяхъ совѣта ста, исполняетъ дипломатичес порученія (хотя и не столь многочисленныя, какъ утверждаютъ

*) Vita nuova, cap. 30; Беатриче умерла 9 іюня 1290 г.

**) Во всякомъ случаѣ, о близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ Донати есть пр указанія въ произведеніяхъ Данта (Чистил., XXIII, 76; Рай, III, 34 и сл. о Пикк сестрѣ могущественнаго въ то время Корсо Донати). Ср. Scartazzini, Dante A seine Zeit. s. Leben u. s. Werke (1879, Frankf. a. M.), стр. 156—63 и 549—53, указаны новѣйшія, болѣе спеціальныя изслѣдованія.

***) Въ двухъ не сохранившихся, но приводимыхъ у Леонарда Бруни (біог Данта, XIV-го вѣка), письмахъ поэта,—ср. *Чистилище*, V, 88 стихъ и слѣд.

Digitized by Google

оторые изслѣдователи *) и даже занимаетъ, въ теченіе обычныхъ вухъ мѣсяцевъ, должность пріора, т.-е. входитъ въ составъ исполительной власти флорентинской республики (съ 15-го іюня 1300 г.). ъ слѣдующемъ году Дантъ, какъ полагаютъ, былъ отправленъ съ ремя другими лицами въ Римъ (октябрь 1301 г.) къ папѣ Бонифаію VIII, съ просьбою помѣшать вступленію во Флоренцію Карла анжуйскаго, призваннаго туда въ качествѣ умиротворителя одною зъ двухъ партій, которыя образовались тамъ въ годъ Дантова пріота, но въ сущности составляли лишь двѣ фракціи партіи гвельовъ, господствовавшей во Флоренціи со времени битвы при Кампальино: то были фракція «черныхъ» и фракція «бѣлыхъ», къ которой принадлежалъ Дантъ и въ рукахъ которой въ то время находилась ласть. Эта послѣдняя фракція отличалась вообще большею умѣренностью во внутренней политикѣ и вмѣстѣ нѣкоторымъ гибеллинскимъ тѣнкомъ **). Между тѣмъ 4-го ноября 1301 г. Карлъ уже вступилъ о Флоренцію и, пробывъ тамъ до первыхъ чиселъ апрѣля 1302 г., ередалъ власть въ руки партіи «черныхъ». Дантъ поспѣшилъ изъ има во Флоренцію; но уже въ Сіенѣ узналъ, что флорентинское равительство обвиняетъ его въ гибеллинскихъ проискахъ, угрожая онфисковать и уничтожить всю его собственность, а подеста республики призываетъ его на судъ, взводя на него также обвиненіе и въ ихоимствѣ. На основаніи разныхъ ложныхъ обвиненій, 27-го января 302 г. Дантъ былъ заочно присужденъ ***) къ пенѣ въ 3000 лиръ; а ъ началѣ марта состоялся вторичный приговоръ, обрекавшій его ъ сожженіе живымъ, если онъ попадется въ руки флорентинскихъ ластей. Вѣроятно, благодаря родству съ могущественнымъ Корсо онати, жена его, съ ничтожными остатками отъ ихъ прежняго досоянія, имѣла возможность остаться во Флоренціи, гдѣ и были воститаны ихъ дѣти. Данту же пришлось съ тѣхъ поръ до конца своихъ

*) Scartazzini, Dante Aligh. и пр., стр. 177—178: документально засвидѣтельвовано его посольство отъ имени флорентинской республики къ общинѣ Santo Gegnano въ маѣ 1299 г.

**) Эта кличка—„черные“ и „бѣлые“, была занесена во Флоренцію изъ Пистойи, ѣ подъ этимъ именемъ страшно враждовали, около того времени, двѣ отрасли одной сьма богатой и вліятельной фамиліи Канчеліери, вожаки которыхъ были переселены Флоренцію правительствомъ этой послѣдней, когда пистойцы обратились къ нему съ юсьбой объ установленіи въ ихъ средѣ порядка. Между тѣмъ, въ самой Флоренціи ке прежде того враждебно относившіяся другъ къ другу обѣ фракціи преобладавшей гда въ ней гвельфской партіи—дворянская съ Корсо Донати, и демократическая съ ери Черки (Vieri Cerchi) во главѣ—соединились съ пришельцами: таково было прохожденіе флорентинскихъ „черныхъ“ и „бѣлыхъ“.

***) Приговоръ см. у Wegele l. cit., 614—18 стр.

Digitized by Google

дней вести горькую скитальческую жизнь изгнанника *). Онъ никогда не хотѣлъ принять сдѣланныхъ ему впослѣдствіи предложеній вернуться на родину на извѣстныхъ условіяхъ, на которыя, не говоря уже объ ихъ унизительности **), онъ, въ сознаніи своей полной правоты, не могъ согласиться. Въ 1304 г. состоялась неудачная попытка «бѣлыхъ» силой открыть себѣ доступъ во Флоренцію. Дантъ не участвовалъ въ ней: онъ находился въ то время, какъ полагаютъ, въ Болоньѣ, центрѣ тогдашней итальянской науки, гдѣ пробылъ довольно долго, по всей вѣроятности, предаваясь научнымъ занятіямъ; но въ августѣ 1306 г. онъ уже навѣрно находился въ Падуѣ, какъ видно изъ одного сохранившагося документа. До 1309 г. Дантъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе, большею частью оставаясь въ Луниджано и въ Казентинской области у графовъ Гвиди; по словамъ Боккачьо, въ этотъ же промежутокъ времени онъ посѣтилъ Парижъ, гдѣ диспутировалъ въ университетѣ по 14 различнымъ вопросамъ, предложеннымъ ему тамошними представителями науки.

Въ сентябрѣ 1310 г., когда императоръ Генрихъ VII вступилъ въ Италію, надежды гибеллиновъ оживились, и Дантъ отправился изъ Парижа въ Миланъ, гдѣ привѣтствовалъ императора, а оттуда въ Казентинскую область, чтобы склонить графовъ Гвиди къ содѣйствію ему. Но планъ Генриха смирить Флоренцію, главное гнѣздо папистской партіи гвельфовъ, не осуществился: прекративъ осаду Флоренціи, длившуюся цѣлый мѣсяцъ, императоръ удалился въ Пизу, а лѣтомъ 1313 г. заболѣлъ лихорадкой и скончался въ августѣ того же года. Вѣроятно, все это время Дантъ пользовался гостепріимствомъ графовъ Гвиди. Въ первой четверти 1314 г. Угучьоне делла-Фаджьуола (Uguccione della Faginola), отличный полководецъ и крайній гибеллинъ, овладѣвъ прежде Пизой, занялъ и городъ Лукку, куда въ тоже время прибылъ Дантъ; здѣсь у поэта-изгнанника завязались какія-то, вѣроятно, чисто-дружественныя, а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ и болѣе близкія отношенія съ одной знатной дамой, по имени Джентуккой, довольно неопредѣленно упомянутой имъ въ его великой поэмѣ ***). Изъ Лукки же Дантъ обратился съ весьма характернымъ письмомъ въ стилѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, къ конклаву, собравшемуся въ Карпантра (апр. 1314 г., по случаю смерти папы Климента V), убѣждая его прекратить вдовство столицы церковной власти и вывести послѣднюю «изъ вавилонскаго плѣна», т.-е. перенести резиденцію папъ изъ Авиньона въ Римъ. Вскорѣ Угучьоне удалось, побѣдив

*) Испытывая, по выраженію самого поэта, „какъ солонъ чужой хлѣбъ и насколько трудно спускаться и всходить по чужимъ лѣстницамъ“. (Рай, XVII, 58—60).

**) Scartazzini, Dante etc., стр. 418.

***) Чистилище, XXIV, 37 стихъ.

Digitized by Google

при Монтекатини 29 авг. 1315 г., сломить силы гвельфовъ и стать во главѣ гибеллинской партіи. Но такъ какъ успѣхи его были непродолжительны и онъ долженъ былъ отступить за предѣлы Тосканы, то и Дантъ поспѣшилъ удалиться изъ средней Италіи, не чувствуя здѣсь себя въ безопасности, тѣмъ болѣе, что въ ноябрѣ 1310 г. состоялся третій приговоръ флорентинскаго правительства, осуждавшій его на смертную казнь. Въ 1316—17 г. онъ пользовался гостепріимствомъ при миланскомъ дворѣ Скалигеровъ и младшему изъ нихъ, носившему имя Cane Grande, посвятилъ писанную имъ въ то время третью часть Божественной Комедіи—«Рай» (il Paradiso),—въ знаменитомъ письмѣ, объясняющемъ взглядъ самого автора на характеръ его поэмы. Послѣ неудачъ Угучьоне флорентинцы ободрились и, въ сознаніи наступившей теперь для нихъ внѣшней безопасности, рѣшились оказать нѣкоторое снисхожденіе своимъ политическимъ изгнанникамъ: въ половинѣ декабря 1316 г. была объявлена амнистія; но, какъ мы уже сказали, Дантъ не воспользовался ею. Слѣдующіе три года Дантъ провелъ, повидимому, въ Веронѣ, гдѣ въ январѣ 1320 г. публично защищалъ свое сочиненіе схоластическаго характера: «О водѣ и землѣ», въ одной изъ церквей, въ присутствіи всего духовенства. Въ 1320 г. онъ переѣхалъ въ Равенну *), слѣдуя призыву Гвидо да-Полента, и здѣсь окончилъ, не задолго до своей смерти, послѣднюю часть своей поэмы «Рай». Есть преданіе **), что весной 1321 г. Дантъ ѣздилъ въ Венецію съ дипломатическимъ порученіемъ, которое однакожъ не увѣнчалось успѣхомъ. Захворавъ по возвращеніи оттуда, онъ скончался въ Равеннѣ 14-го сентября 1321 г., 56 лѣтъ отъ роду. Не задолго передъ тѣмъ онъ отказался принять приглашеніе своего поклонника болонца Джованни дель-Вирджиліо пріѣхать въ Болонью, этотъ главный итальянской центръ просвѣщенія, гдѣ ему предстояло чествованіе вѣнкомъ поэта.

Переходя къ литературной дѣятельности Данта, мы разсмотримъ его произведенія, на сколько это возможно, въ хронологическомъ порядкѣ.—Совмѣщая въ себѣ мистическій идеализмъ, схоластико-діалектическое резонерство и поэтически-непосредственную отзывчивость на явленія нравственной и реальной жизни, т.-е: все, что характеризуетъ поэтовъ тосканской школы «новаго стиля», лирика Данта распадается и въ формальномъ отношеніи на тѣ же группы—сонеты, канцоны и баллаты; всѣ эти произведенія сохранились въ довольно значительномъ количествѣ и, разсматриваемыя какъ одно цѣлое, обо-

*) Cardoni, Dante Aligh. in Ravenna (1864. Равенна).

**) Но до сихъ поръ оно документально не подтверждается (Cardoni, тамъ-же стр. 125).

Digitized by Google

значаются обыкновенно общимъ именемъ «il Canzoniere» Данта *). Часть этихъ лирическихъ произведеній входитъ въ составъ двухъ прозаическихъ сочиненій Данта: la Vita Nuova» (Новая жизнь) и «il Convito» (Пиръ), служа или иллюстраціей изложеннаго въ прозаическомъ текстѣ, или матеріаломъ для схоластическихъ толкованій. Между его канцонами иныя весьма поэтичны и богаты неподдѣльнымъ чувствомъ, напр. великолѣпная канцона къ Флоренціи, полная горячей любви и вмѣстѣ патріотическаго негодованія («О родина, достойная тріумфовъ,—O patria degna di trionfal fama»); иныя же, напротивъ необыкновенно разсудочны и сухи, какъ, напр., канцона «О благородствѣ», коментаріемъ къ которой служитъ четвертый трактатъ въ «Convito». Какъ образчикъ дантовой лирики приводимъ слѣдующій сонетъ (Tanto gentile e tanto onesta pare—La donna mia etc.):

„Исполненною такого благородства и достоинства является моя госпожа, когда привѣтствуетъ кого-нибудь, что всякій съ трепетомъ нѣмѣетъ, не смѣя поднять на нее взоры.

„Слыша похвалы себѣ, она проходитъ словно облекшись въ кроткое смиренье, и кажется, что это—существо, явившееся съ неба, чтобъ узрѣли на землѣ чудо.

„И всякому, смотрящему на нее, она настолько нравится, что онъ благодаря своимъ глазамъ, ощущаетъ въ сердцѣ сладость, непонятную тому, кто ея не испытывалъ.

„И кажется, что съ ея лица слетаетъ нѣжный духъ любви, устремляющійся къ душѣ съ словами: *тебѣ остается одно—вздыхать*! (въ подлинникѣ одно слово: *Sospira*!)".

Читатель замѣтитъ, конечно, сходство въ содержаніи между уже вышеприведенной баллатой Чино да-Пистойа и этимъ сонетомъ Данта, но также и несравненно бо̀льшія законченность и изящество послѣдняго. Какъ справедливо замѣчаетъ Вегеле, у Данта эротическая лирика отличается въ особенности полнымъ отсутствіемъ обычныхъ ея аксесуаровъ, не чуждыхъ даже упомянутымъ уже тосканскимъ поэтамъ одного съ нимъ идеально-мистическаго направленія, въ родѣ красотъ природы, пѣнія соловья, мая съ его цвѣтами и т. под.; а между тѣмъ его лирика отнюдь не бѣдна фантазіей: при всемъ преобладаніи въ ней чувства, въ ней не рѣдки и яркіе и вмѣстѣ изящные образы, но они взяты изъ иного круга представленій—легендарно-религіознаго. Вообще же лирическія стихотворенія Данта всегда свободны отъ запутанности изложенія, отличаются звучностью языка и риѳма «отнюдь не является у него обременительной цѣпью, а об-

*) Vita nuova e Canzoniere di Dante Aligh., commentato da Giuliani. 1868. Флоренція. Dante's lyrische Gedichte. übers. u. erklärt. von Kannegiesser u. K. Witte, 2 Bde 1842. Лейпц. (ср. Witte въ Dante's Jahrbuch, III. 257—303 стр.). При другомъ нѣмецкомъ переводѣ, Крафта (Regensburg, 1859, 1 Bd.) помѣщенъ и итальянскій текстъ.

Digitized by Google

кватываетъ, подобно золотому поясу, изящные образы, одушевляемые непорочною фантазіей поэта» [1]).

«La Vita Nuova» (Новая жизнь) Данта [2]) содержитъ обстоятельный разсказъ, написанный для одного друга [3]) (гл. 31, ср. въ концѣ главъ 3, 24 и 25), о своей любви къ Беатриче. Это произведеніе, въ дошедшей до насъ редакціи оконченное между 1291 и 1300 г. [4]), можетъ считаться родоначальникомъ всей позднѣйшей психологической новеллистики. Оно состоитъ изъ ряда стихотвореній (около тридцати), писанныхъ до и послѣ смерти Беатриче, изъ связующаго ихъ и болѣе поздняго прозаическаго разсказа какъ о немногосложныхъ внѣшнихъ событіяхъ, такъ и о сердечныхъ чувствахъ и ощущеніяхъ поэта, и, наконецъ, изъ крайне схоластическихъ и скучныхъ толкованій къ входящимъ въ составъ его сонетамъ, канцонамъ и балладамъ,—толкованій, отбрасываемыхъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и переводахъ безъ всякаго ущерба для современнаго читателя. Въ своей «Новой жизни» Дантъ идетъ вполнѣ по стопамъ поэтовъ тосканской школы: извѣстная намъ «женщина-ангелъ» (donna angelicata), по выраженію Бартоли [5]) достигаетъ въ «Новой Жизни» своего апогея,—она ни болѣе, ни менѣе, какъ чудо, единственнымъ источникомъ котораго является сама пресвятая Троица [6]); въ стилѣ названной школы описываются первая и послѣдующія встрѣчи поэта съ Беатриче, приводящія въ тревогу и волненіе его «духъ жизни», «духъ животный» и «духъ природный», которые при этомъ ведутъ чуть не цѣлыя бесѣды между собою. Но въ идеализаціи и мистическомъ обожаніи любимой женщины Дантъ пошелъ еще дальше, хотя въ «Но-

---

[1]) Wegele o. cit., стр. 116 и 119.

[2]) Относительно точнаго перевода этого заглавія мнѣнія расходятся: одни переводятъ—„юношеская“ или „молодая жизнь“ (Fraticelli), другіе—прямо „новая жизнь“—доводы *за* и *противъ* см. у Wegele. loc. cit. p. 109, прим. 2, и Scartazzini, Dante Aligh. etc., p. 293. Ср. Чистилище, XXX, 115 ст., гдѣ выраженіе „Vita nuova“ несомнѣнно употреблено въ первомъ смыслѣ. — Критическія изданія „V. Nuov.: Карла Witte, съ Prolegomena (1876, Лейпц.), и Александра d'Ancona, 1884 (Пиза, in 4°), съ этюдомъ. Переводы: нѣмецкіе—Förster'a (1841, Лейпц.), полный, и г-жи Jacobson, безъ Дантова комментарія къ помѣщеннымъ въ „V. Nuova“ стихамъ; французскій—Delècluze'a съ его введеніемъ и этюдомъ (въ „Oeuvres de Dante“, 1872, Paris, Charpentier, стр. 1—84). Ср. Ad. Renier: La Vita Nuova; la Fiammetta (1879 Туринъ), p. 75—216: L'amore di Dante.

[3]) Гвидо Кавальканти.

[4]) Не позже 1300 г., потому что Кавальканти умеръ въ январѣ 1301 г. Scartazzini, указ. соч., стр. 302, и Wegele стр. 113 и 130. (Ср. Lubin, Intorno all' epoca della Vita Nuova. 1872 Graz.).

[5]) Bartoli, loc. cit., IV, p. 171—233 посвящены подробному, но одностороннему изслѣдованію о „Новой Жизни“.

[6]) Vita nuova, въ концѣ 30-ой гл.; ср. выше приведенный сонетъ, изъ 26-ой гл.

Digitized by Google

вой Жизни» имъ положены этому только задатки; полная же апоѳеоза Беатриче нашла себѣ мѣсто въ послѣдней части его «Божественной Комедіи», согласно обѣщанію, данному имъ въ послѣдней (43-й) главѣ «Новой Жизни»: «сказать о ней то, чего еще никогда не было сказано ни объ одной женщинѣ». Однакожъ въ «Новой Жизни» встрѣчаются и мѣста, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, выраженнымъ просто, тепло и изящно, не говоря уже о входящихъ въ ея составъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ иныя и до сихъ поръ причисляются къ лучшимъ перламъ итальянской поэзіи.

Передаемъ въ немногихъ словахъ содержаніе этого своеобразнаго и, пожалуй, страннаго на современный нашъ взглядъ произведенія.

Послѣ описанія первой встрѣчи съ Беатриче, когда имъ обоимъ было по девяти лѣтъ, Дантъ, пропуская также девять лѣтъ, начинаетъ разсказъ о тѣхъ чрезмѣрныхъ волненіяхъ, которыя онъ испытывалъ каждый разъ, какъ встрѣчался съ своею возлюбленной; о томъ, на сколько уже одинъ видъ ея способствовалъ его нравственному совершенствованію и на сколько ея красота обворожительно дѣйствовала даже на другихъ красавицъ, не знавшихъ зависти къ ней; о томъ безутѣшномъ горѣ, въ которое повергла его немилость Беатриче, не отвѣтившей поклономъ на его привѣтствіе, поклономъ, въ которомъ заключалось все его блаженство; о томъ, какъ онъ, чтобъ отвести глаза другимъ и избѣжать пересудовъ, дѣлалъ видъ, что ухаживаетъ за другою; о тѣхъ видѣніяхъ, которыя посѣщали его въ минуты отчаянія,—какъ привидѣлось ему напр., что Беатриче скончалась, или какъ она же, является вмѣстѣ съ возлюбленной Кавальканти Джьованной, прозванной „Primavera“ (Весна); о томъ какъ онъ рѣшился посвятить всего себя на восхваленіе Беатриче. Наконецъ, кратко сообщивъ объ ея смерти *), поэтъ сначала вдается въ мистическія толкованія видной роли, принадлежащей, по отношенію къ Беатриче, числу „девять“, корень котораго „три“, выражаетъ таинственное существо пресвятой Троицы, и потомъ въ одной канцонѣ и нѣсколькихъ сонетахъ оплакиваетъ смерть своей милой. Съ 36-й главы идетъ повѣствованіе о томъ, какъ подъ вліяніемъ участія въ его горѣ, выраженнаго одною „благородною, сострадательной дамой“ (gentil, pietosa donna), онъ почувствовалъ къ ней привязанность, граничившую съ измѣной боготворимой имъ Беатриче, и затѣмъ, проклиная собственныя очи, онъ осыпаетъ себя упреками; но настойчивое выраженіе участія красавицей готово уже поколебать вѣрность поэта памяти усопшей, какъ вдругъ новое видѣніе Беатриче (гл. 40) совершенно излѣчиваетъ его отъ новой страсти, и онъ заочно обращается (гл. 41) къ паломникамъ, шедшимъ „взглянуть на благословенный образъ Спасителя“ **), съ сонетомъ, въ которомъ говоритъ.

---

*) Гл. 29,—здѣсь находится мѣсто, ставящее въ тупикъ всѣхъ комментаторовъ: именно, гдѣ Дантъ приводитъ третью причину умалчиванія всякихъ подробностей, относящихся до ея кончины, заключающуюся въ томъ, что ему въ такомъ случаѣ не избѣгнуть бы самовосхваленія (mi converebbe essere laudatore di me medesimo), что не похвально (Ср. попытку къ объясненію у Bartoli, loc. cit., IV, въ концѣ IX главы).

**) Это—„нерукотворенный образъ Спаса“ (по итальянски называемый кратко „la Veronica“), который по словамъ Джьованни Виллани, Хрон., VIII, 36, показывался въ Римѣ народу въ юбилейный годъ, т. е. въ 1300 г., когда особенно много народу шло на поклоненіе святынямъ Вѣчнаго города,—такимъ образомъ сказанная глава „Нов. Ж.“

Digitized by Google

что богомольцы навѣрно заплакали бы, еслибъ узнали, какую потерю понесъ городъ, (т. е. Флоренція) утративъ „свою Беатриче". Посвятивъ воспоминанію о Беатриче еще одинъ сонетъ объ ея пребываніи въ сонмѣ преклоняющихся предъ ней небожителей, Дантъ въ заключеніе даетъ уже приведенное нами обѣщаніе, для выполненія котораго онъ намѣренъ заняться наукой, на сколько станетъ его силъ, и проситъ Жизнедавца (Colui a cui tutte le cose vivono) продлить его жизнь еще на нѣсколько лѣтъ, чтобы потомъ душа его могла узрѣть славу своей „благословенной Беатриче" *).

Въ «Новой Жизни» встрѣчаются также двѣ-три главы не столь тѣсно связанныя съ ея главнымъ сюжетомъ, таковы—отчасти глава 13, въ которой Дантъ коротко обсуждаетъ вопросъ о томъ, есть ли любовь нѣчто доброе или дурное? (въ такомъ же родѣ разсужденіе было указано нами въ «Романѣ Розы» **), и въ особенности глава 25-я о самой природѣ любви и о томъ, какъ должны поэты воспѣвать любовь и въ какой мѣрѣ можетъ быть допущенъ въ поэзіи аллегорическій способъ выраженія. Замѣтимъ также, что Дантъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ сочиненій категорически придаетъ «сострадательной дамѣ», фигурирующей въ «Нов. Ж.», исключительное значеніе аллегоріи, въ смыслѣ символа Философіи, которую онъ съ увлеченіемъ изучалъ почти три года по смерти Беатриче (il Convito, II, 2 и 13). Такое толкованіе самого автора относительно «donna gentile» наталкивало на мысль, что и въ Беатриче слѣдуетъ видѣть только символъ, аллегорію (такъ Розетти вообще въ Беатриче видѣлъ олицетвореніе «императорской власти», т.-е. выраженіе коренной идеи гибеллинства). Мы думаемъ, что Беатриче въ «Новой Жизни» — существо вполнѣ реальное; въ основѣ всего разсказа лежитъ живое сердечное чувство, только выразившееся въ манерѣ обычной для всей тосканской школы поэтовъ; но возстановленіе дѣйствительнаго смысла отдѣльныхъ выраженій и отчасти даже цѣлыхъ главъ въ настоящее время должно быть признано дѣломъ невозможнымъ; необходимо согласиться съ мнѣніемъ Вегеле ***), что «правда и поэзія» слишкомъ тѣсно слились здѣсь между собою, чтобъ анализу когда нибудь удалось разъединить ихъ. О языкѣ прозаической части въ «Новой Жизни» приводимъ слова Скартаццини. «Эту книжку можно разсматривать какъ первый примѣръ чистаго и выработаннаго прозаическаго слога

опредѣляетъ съ достаточной достовѣрностью время окончательной редакціи этого произведенія Данта.

*) Въ послѣднихъ двухъ эпизодахъ нѣкоторые видятъ прямой намекъ на „Божест. Комедію", полагая, что по крайней мѣрѣ общій планъ ея былъ выработанъ Дантомъ уже въ 1300 г.,—вѣнцомъ поэмы, какъ извѣстно, служитъ апоѳеоза Беатриче.

**) См. выше стр. 570.

***) Loc. cit. 110 стр.

Digitized by Google

въ итальянской литературѣ. Проза Данта отличается простотой, благородствомъ, естественностью; изысканные обороты и натянутость выраженій ей вполнѣ чужды, и слова служатъ лишь простымъ и естественнымъ выраженіемъ мысли. Уже въ этомъ произведеніи своей молодости поэтъ относительно языка произвелъ нѣчто выходящее изъ ряда и далеко опередилъ своихъ предшественниковъ» [1]).

Оставшееся неоконченнымъ латинское сочиненіе Данта «De vulgari Eloquentia» — «О (поэтическомъ) краснорѣчіи на народномъ языкѣ» [2]) — задумано имъ съ цѣлью изложить науку стихотворства на итальянскомъ языкѣ [3]), причемъ и этотъ послѣдній составилъ также предметъ обстоятельныхъ соображеній автора. Изъ предполагавшихся четырехъ книгъ трактата написаны только двѣ. Первая говоритъ о происхожденіи человѣческаго языка вообще, о такъ-называемыхъ въ наше время романскихъ языкахъ въ ихъ совокупности и, наконецъ, отдѣльно объ итальянскомъ языкѣ съ его, по счету Данта, четырнадцатью нарѣчіями, признаваемыми имъ за одинаково негодные для того, чтобы служить литературнымъ языкомъ; Дантъ считаетъ литературный языкъ чисто искусственнымъ созданіемъ посредствомъ умѣлаго подбора лучшихъ элементовъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ итальянскихъ говоровъ, и называетъ его «vulgare illustre» (I, гл. 16). Вторая глава посвящена трагической поэзіи (т.-е. высшему роду поэзіи [4]) и канцонѣ, какъ превосходнѣйшей изъ формъ лирики, а также итальянскимъ поэтамъ предшествовавшаго періода и современнымъ автору. Дантъ является тутъ столько же строгимъ критикомъ, сколько и глубокомысленнымъ теоретикомъ, убѣжденно внушающимъ не полагаться на одно поэтическое дарованіе, но сначала усвоить себѣ правила стихотворнаго искусства и истины знанія. Недостающія третья и четвертая книги предназначались для изслѣдованія низшихъ поэтическихъ формъ—сонета и баллаты, комическаго и элегическаго способовъ изложенія, равно какъ и соотвѣтствующаго этимъ видамъ поэзіи средняго и низшаго «народнаго языка» (упомянутый «vulgare illustre» Дантъ отводитъ исключительно для высшей поэзіи).

Въ этомъ сочиненіи (I, с. 1) Дантъ отдаетъ «народному» т.-е. итальянскому языку преимущество передъ латинскимъ, между тѣмъ

---

[1]) Scartazzini, Dante etc. p. 303.

[2]) Въ III томѣ Opere minori di Dante, изданныхъ Fraticelli (1861—62, Флоренц.) и въ Opere latine di Dante въ изданіи Giuliani (I, стр. 1—212).

[3]) Bartsch, Dante's Poetik, въ III т. Dante's Jahrbuch, стр. 302—67 и Böhmer Ueber Dante's Schrift „De Vulg. Eloqu". (Halle 1868).

[4]) De Vulg. Eloqu. II, cap. 4: „Per Tragoediam superiorem stilum induimus, per Comoediam inferiorem".

Digitized by Google

какъ въ другомъ его сочиненіи (il Convito, I c. 5), напротивъ, послѣдній языкъ поставленъ выше перваго. Такое противорѣчіе не мало способствовало запутанности вопроса о времени, когда написано сочиненіе «De Vulgari Eloquentia». Дѣло въ томъ, что въ «Convito», возникшемъ, какъ вообще признается *), между 1306 и 1308 гг., Дантъ только еще обѣщаетъ заняться особымъ изслѣдованіемъ о «народномъ» языкѣ, и однакожъ нѣкоторыя мѣста въ дошедшихъ до насъ двухъ книгахъ «De Vulgari Eloquentia» несомнѣнно оказываются написанными, уже начиная съ 1304 г.; съ другой стороны то обстоятельство, что Дантъ написалъ «De Vulgari Eloquentia», имѣя въ виду также доказать достоинство и литературную цѣнность общеупотребительнаго въ Италіи языка (какъ «vulgare illustre», конечно), — что̀ могло быть не прежде, чѣмъ Дантъ окончательно остановилъ свой выборъ на родной рѣчи для созданій своего поэтическаго творчества, — исключаетъ возможность болѣе ранняго происхожденія «De vulgari Etoquentia» сравнительно съ «Convito». Противорѣчіе это разрѣшается, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, предположеніемъ, что разъ начатый трактатъ «О краснорѣчіи» былъ одно время отложенъ въ сторону авторомъ и только впослѣдствіи подвергся передѣлкѣ соотвѣтственно съ измѣнившимся воззрѣніемъ его на значеніе народной рѣчи, причемъ кое-что осталось изъ прежней обработки, благодаря чему и возникли нѣкоторыя хронологическія несообразности (не забудемъ, что вообще сочиненіе не было доведено до конца и, слѣдовательно, не получило окончательной отдѣлки). Сверхъ того, высказанное Дантомъ мнѣніе о происхожденіи человѣческаго языка расходится съ другимъ его взглядомъ на тотъ же предметъ, свидѣтельствующимъ уже о большей зрѣлости мысли и нашедшимъ себѣ выраженіе въ концѣ послѣдней части «Божественной Комедіи» **); а такъ какъ эта часть была написана Дантомъ въ послѣдніе годы его жизни, то, слѣдовательно, нельзя относить къ этому заключительному періоду его дѣятельности и происхожденіе его трактата «De vulgari Eloquentia», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Вообще, какъ кажется, слѣдуетъ принять, что сочиненіе «De vulgari Eloquentia» въ дошедшей до насъ редакціи возникло между 1304 и 1308 гг. ***), можетъ быть, даже 1313 годомъ, съ котораго Дантъ почти исключительно посвятилъ себя обработкѣ «Божественной Комедіи». Это вѣроятно и было причиною неоконченности его трактата о «на-

*) Wegele, стр. 197.

**) Рай, XXVI, 124 ст. и слѣд.

***) Wegele, стр. 279—82 (Ср. изслѣдованіе Fr. d'Ovidio въ его же Saggi critici 1879 стр. 330 и слѣд.).

Digitized by Google

родномъ языкѣ», которому онъ самъ теперь создавалъ своею поэмой самый блестящій памятникъ.

Значеніе трактата «De vulgari Eloquentia» заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ немъ съ геніальною проницательностью признана необходимость, для прочнаго развитія истинно національнаго языка, подчиненности остальныхъ мѣстныхъ говоровъ одному изъ нихъ, уже заявившему себя въ силу данныхъ культурныхъ условій большею литературною производительностью; хотя противопоставляя отдѣльнымъ нарѣчіямъ провозглашенный имъ «vulgare illustre» и, страннымъ образомъ, считая его за вполнѣ искусственный языкъ, Дантъ далеко не оцѣнилъ какою значительною долей своего богатства этотъ послѣдній обязанъ родному нарѣчію самого поэта—тосканско-флорентинскому. Еще большая заслуга Данта состоитъ въ томъ, что рядомъ съ теоріей онъ закрѣпилъ значеніе національно-литературнаго языка за «vulgare illustre», давъ въ «Божественной Комедіи» такой крупный образчикъ его, который вполнѣ обезпечилъ за нимъ дальнѣйшее правильное развитіе, разомъ сломивъ живучесть отдѣльныхъ діалектовъ (по крайней мѣрѣ по отношенію къ поэтическому творчеству, первенствующую роль котораго въ дѣлѣ развитія каждой національной литературы Дантъ сознавалъ съ замѣчательною ясностью,—«De vulg. El.» II, c. 1), и въ сильной мѣрѣ ослабивъ преобладаніе школьной латыни.

Написанная между 1306 и 1308 или даже 1309 годомъ *) часть другого сочиненія Данта, также оставшагося неоконченнымъ и озаглавленнаго имъ, можетъ быть, въ подражаніе Платонову «Симпозіону», «Пиръ» (Il Convivio или il Convito) **), можно сказать, вся проникнута благоговѣніемъ предъ величіемъ философіи, занятіе которою одно время такъ всецѣло поглощало Данта, что онъ самъ призналъ свое увлеченіе за настоящую страсть. Въ «Convito» философія отождествляется съ женщиной, чуть не вытѣснившей въ сердцѣ Данта его первой любви и подъ именемъ «donna gentil» изображенной въ «Новой Жизни», но изображенной слишкомъ реальными чертами, чтобы можно было повѣрить на-слово поэту, что уже тогда подъ этимъ изящнымъ и кроткимъ образомъ скрывалось отвлеченное представленіе названной науки;—вѣрнѣе всего, что только современемъ (подобно самой Беатриче) «donna gentile» Новой Жизни» стала символомъ философіи, соотвѣтственно общему, постепенно опредѣлив-

*) Wegele, стр. 196—97.

**) Il Convito di Dante Aligh. reintegrato nel testo con nuovo commento da Giuliani (1874, Флор.) и во II томѣ Opere minori di D. (ed. Fraticelli); — Selmi, Il Convito, sua cronologia, disegno etc. (1865, Флоренц.).

Digitized by Google

шемуся характеру творчества Данта. Тѣмъ не менѣе, гиперболически хвалебный языкъ, которымъ Дантъ выражается о философіи въ «Пирѣ» [1]), показываетъ, что «Пиръ» былъ написанъ въ то время, когда его пылъ къ наукѣ еще не охладѣлъ, или, другими словами, для Данта въ 1306—1309 г. (когда ему было около 45 лѣтъ) еще продолжался періодъ столь же серьезно, сколько и страстно преслѣдуемаго имъ самообразованія. Въ исторіи духовнаго, внутренняго развитія Данта «Пиръ« имѣетъ огромное значеніе.

Съ цѣлью привлечь возможно большее число людей къ «Трапезѣ мудрости» (отсюда и самое заглавіе сочиненія) [2]), Дантъ избралъ итальянскій языкъ, а не обычный тогда для ученыхъ трудовъ латинскій; сама «Трапеза» должна была заключаться въ пятнадцати отдѣльныхъ трактатахъ, изъ которыхъ первый служилъ введеніемъ, а остальные составили бы родъ комментарія къ прежде уже написаннымъ четырнадцати канцонамъ. Но далѣе первыхъ четырехъ трактатовъ сочиненіе не пошло, и изъ трехъ канцонъ [3]) первыя двѣ, какъ видно по ихъ тону, первоначально были внушены чувствомъ любви, которое, если полагаться на объясненія трактата, служащаго введеніемъ, должно быть понимаемо въ смыслѣ увлеченія аллегорическою фигурой «благороднѣйшей дамы Философіи»; въ третьей канцонѣ говорится о благородствѣ, которое Дантъ сводитъ исключительно на природныя свойства души, на личную добродѣтель человѣка, отвергая благородство по происхожденію. Въ предѣлахъ каждаго трактата въ отдѣльности, впрочемъ, не замѣчается никакой строгой послѣдовательности; соотвѣтственно случайному содержанію того или другаго мѣста данной канцоны, Дантъ или сообщаетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, или развиваетъ разнаго рода морально-философскія и т. п. положенія [4]), такъ что все сочиненіе составляетъ родъ энциклопедіи, части которой не соединены между собою органически по извѣстной системѣ; связью для нихъ, и то весьма слабою, служитъ указанная выше аллегорія. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ Философія обозначаетъ науку въ общемъ смыслѣ, и въ своей сово-

---

[1]) Il Conv. II, c. 13 „Царящая надо всѣмъ Дщерь Господа, благороднѣйшая, прекраснѣйшая Философія“, и cap. 16: „Прекраснѣйшая и пречестнѣйшая Дщерь Повелителя вселенной“.

[2]) Il Convito, въ началѣ.

[3]) Витте, въ указанномъ выше переводѣ лирическихъ стихотвореній Данта, пытается опредѣлить, какія именно одиннадцать канцонъ должны считаться предназначавшимися ихъ авторомъ для „Convito“.

[4]) Должно замѣтить, что уже въ Convito II, 14—16 выражена, въ общихъ чертахъ существенная доля его политической системы, вполнѣ развитой имъ въ особомъ сочиненіи: De Monarchia.

Digitized by Google

купности «Пиръ» совмѣщаетъ тотъ сырой матеріалъ, изъ котораго, по выраженію Вегеле, позже вылились, принявъ благородныя формы, части «Божественной Комедіи», посвященныя научно-философскимъ сюжетамъ.

Съ собственно философской стороны въ «Пирѣ» преобладаетъ духъ аристотелизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ постепенно выработался къ тому времени подъ вліяніемъ арабскихъ комментаторовъ къ сочиненіямъ греческаго философа, насколько при этомъ ему удалось отстоять свою обособленность отъ патронированной церковью схоластики. Вполнѣ согласно съ этимъ духомъ, въ названномъ сочиненіи Данта отдается предпочтеніе теоретической жизни, въ смыслѣ абстрактно-разсудочной, предъ жизнью практической, какъ слагалась она въ ту пору подъ руководствомъ церковныхъ идеаловъ; стоя на исключительно научной точкѣ зрѣнія, Дантъ считаетъ даже самую христіанскую вѣру обусловленною внѣшними чудесами Христа, тогда какъ на болѣе поздней ступени своего развитія, въ «Божественной Комедіи», онъ признаетъ ея основой внутреннее чудо, которымъ Христосъ возрождается въ каждомъ изъ членовъ христіанскаго общества. Любопытно, что не задолго до конца XIII-го в. (въ 1277 г.) ученіе арабскихъ философовъ, находившее себѣ тогда и впослѣдствіи не мало приверженцевъ, подверглось осужденію церкви, которую въ особенности смущало, что въ отвѣтъ на волновавшій тогдашніе умы вопросъ о томъ, «вѣчна ли матерія или создана Богомъ?«, арабы, опираясь на Аристотеля, утверждали первое. Изъ «Пира» (IV, 1), видно, что этотъ вопросъ сильно занималъ и Данта и, конечно, при его разрѣшеніи онъ становился на сторону ученія, духомъ котораго запечатлѣно все это его произведеніе *). Очевидно, что научныя занятія, предпринятыя Дантомъ съ цѣлью достойнымъ образомъ подготовить себя къ возвѣщенному имъ въ «Новой Жизни» возвеличенію Беатриче, породили въ немъ охлажденіе вѣры, къ которой онъ только съ теченіемъ времени снова вернулся, съ одной стороны увлекаемый прирожденною склонностью къ мистицизму (наивное выраженіе котораго мы находимъ въ «Новой Жизни»), а съ другой руководимый собственнымъ разумомъ, просвѣтленнымъ богатыми и многосторонними знаніями. «Пиръ» Данта остается для насъ весьма цѣннымъ памятникомъ пережитаго имъ скептицизма, и въ этомъ смыслѣ становится понятнымъ его взглядъ на свое увлеченіе философской наукой какъ на измѣну Беатриче, бывшей въ его глазахъ лучшимъ знаменіемъ

*) Стр. 74—77 въ статьѣ Delft'a. Ueber das Verhältniss des „Gastmahls" zu d. Göttlich. Komödie und über d. Bildungsepochen Dante's (въ III т. Dante's Jahrbuch, стр. 59—79). Scartazzini, Abhandlungen etc., 143. p.

Digitized by Google

божества на землѣ. Отсюда и высказанное имъ увѣреніе, что подъ «donna gentil» въ «Новой Жизни» слѣдуетъ разумѣть ничто иное, какъ философію. Когда смертная Беатриче въ сознаніи Данта превратилась въ абстрактный символъ божественнаго откровенія, идеальной христовой Церкви и т. п., то и увлеченіе наукой естественно приравнялось къ измѣнѣ богооткровенному ученію христіанской вѣры, и тогда потребовалось искупленіе вины чрезъ покаяніе, какъ это и выражено Дантомъ въ «Чистилищѣ» и «Раѣ». Изложенное нами подтверждаетъ сдѣланное выше замѣчаніе о значеніи «Il Convivio» для исторіи нравственнаго роста величавой личности Данта.

Три части или «кантики» (cantica) — адъ, чистилище и рай,— составляющія «Божественную Комедію», были написаны Дантомъ въ промежутокъ времени отъ 1300 (по другимъ, 1302) [1]) до 1321 г.; первая изъ нихъ окончена имъ не ранѣе конца 1308 и опубликована въ началѣ слѣдующаго года; вторая издана въ концѣ 1315 г., а третья—не задолго до смерти самого поэта, въ 1321 г. [2]). Вся поэма состоитъ изъ ста, написанныхъ терцинами (terza rima) «пѣсенъ» (canto), рѣдко заключающихъ въ себѣ свыше полутораста стиховъ; всего же въ «Божественной Комедіи» насчитывается 14,221 стихъ [3]).

Разсматриваемая въ своемъ цѣломъ, «Бож. Ком.» должна быть отнесена къ отдѣлу аллегорической поэзіи, которой она и является возвышеннѣйшимъ и недосягаемо-художественнымъ образцомъ. Прежде чѣмъ говорить о внутреннемъ смыслѣ поэмы Данта, которымъ обусловливается ея художественное единство, мы передадимъ, — правда, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ [4])—ея содержаніе.

---

[1]) Fraticelli, Storia della vita di Dante Alighieri. 1861. Firenze.

[2]) Ср. Вегеле, loc. cit. 388—400 p.

[3]) Первое печатное изданіе „Божественной Комедіи“ вышло въ Foligno, въ 1472 г. Классическимъ изданіемъ ея признается изданіе K. Witte; удобное, съ разнообразнымъ комментаріемъ, изданіе сдѣлано Scartazzini; прекрасно составленъ комментарій въ чрезвычайно дешевомъ изданіи Camerini, въ коллекціи «Biblioteca classica economica» (Milano, Sonzogno). Русскіе переводы „Божеств. Комедіи“: лучшій, но не полный, Мина; прозаическій, съ примѣчаніями, переводъ одного „Ада“—Фанъ-Дима, и, въ общемъ не удовлетворительные, полные переводы „Бож. Комед.“ гг. Минаева и Петрова. Было бы желательно появленіе хорошаго прозаическаго русскаго перевода поэмы Данта, въ родѣ существующихъ на французскомъ языкѣ (Moland'a, Brizeux и другихъ).

[4]) Обстоятельный пересказъ содержанія „Б. К.“ въ „Geschichte der italienischen Poesie“ Ruth'a занимаетъ около ста страницъ (I, 425—518 стр.). За недостаткомъ мѣста мы не будемъ дѣлать дословныхъ извлеченій изъ поэмы, имѣя въ виду ея общедоступность въ существующихъ на русскомъ языкѣ переводахъ; но всѣ важнѣйшіе въ художественномъ или иномъ отношеніи эпизоды ея будутъ отмѣчены у насъ ссылкою на данную пѣснь и соотвѣтствующіе въ ней стихи.

Digitized by Google

Адъ. На половинѣ жизненнаго пути *) своего поэтъ заблудился въ глухомъ темномъ лѣсу и, проплутавъ въ немъ всю ночь, съ наступленіемъ разсвѣта начинаетъ взбираться на открывшуюся передъ нимъ возвышенность; но ему преграждаютъ путь, одинъ за другимъ, три звѣря: пантера, левъ и волчица, которые стараются оттѣснить его обратно въ чащу лѣса, откуда онъ только что успѣлъ выйдти. Тогда передъ нимъ предстаетъ Виргилій и, ободривъ его, предлагаетъ вывести его изъ этого мѣста съ тѣмъ, чтобы, пройдя вдвоемъ черезъ адъ и чистилище, потомъ поручить его Беатриче, которая уже должна будетъ провести Данта въ рай. Сомнѣнія Данта въ томъ, достанетъ ли у него силъ и достоинъ ли онъ совершить такое странствованіе, Виргилій устраняетъ, сославшись на то, что онъ посланъ къ Данту самою Беатриче, такъ какъ на небесахъ озабочены его спасеніемъ.

Послѣ этого поэтъ, подъ руководствомъ Виргилія, вступаетъ на предложенный ему трудный и страшный путь. На вратахъ, ведущихъ въ адъ, Дантъ читаетъ грозную надпись: „Оставьте всякую надежду, о вы, входящіе сюда!“ (Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate!)Въ преддверіи къ аду (который, по представленію Данта, имѣетъ видъ воронки или опрокинутаго конуса, состоящаго, сверхъ упомянутаго преддверія, изъ девяти круговъ, въ которыхъ грѣшники испытываютъ различныя муки, усиливающіяся по мѣрѣ того, какъ круги конуса—ада становятся уже) поэты-путники находятъ души тѣхъ, что на землѣ были одинаково равнодушны къ добру и злу,—ихъ безпрерывно кусаютъ и жалятъ черви и разныя насѣкомыя. Вслѣдъ затѣмъ они приходятъ къ Ахерону; повинуясь высшей волѣ, возвѣщенной ему Виргиліемъ, Харонъ перевозитъ ихъ въ своемъ челнокѣ по ту сторону адской рѣки. и они вступаютъ въ первый кругъ. Въ немъ находятся всѣ тѣ, которые умерли, не принявъ таинства крещенія, — младенцы и взрослые; тутъ же, но отдѣльно отъ прочихъ, среди зеленѣющихъ рощъ и полей, пребываютъ герои, мудрецы и добродѣтельные люди до-христіанской древности. При входѣ во 2-ой кругъ, Миносъ творитъ судъ надъ душами, назначая для каждой изъ нихъ заслуженную ею муку. Въ этомъ кругѣ претерпѣваютъ казнь сластолюбцы, будучи безостановочно увлекаемы страшнымъ вихремъ; въ ихъ числѣ находится и Франческа да Римини съ своимъ возлюбленнымъ: ея трогательный и необыкновенно изящный разсказъ о погубившей ихъ обоихъ любви—одно изъ знаменитѣйшихъ мѣстъ „Бож. Комедіи“ (V пѣснь, 73—142 стихъ). Въ 3-мъ кругѣ находятся чревоугодники: подъ непрестаннымъ дождемъ, градомъ и снѣгомъ, они терпятъ мучительную боль отъ зубовъ и когтей адскаго пса—Цербера. При вступленіи обоихъ поэтовъ въ 4-й кругъ, стоящій на стражѣ его Плутонъ пытается устрашить ихъ угрожающимъ возгласомъ **). Виргилій, смиривъ Плутона, ведетъ Данта взглянуть на казнь расточителей и скупцовъ, состоявшую въ томъ, что они, съ двухъ противуположныхъ сторонъ, катили страшными усиліями огромныя тяжести на встрѣчу другъ другу и, сойдясь, съ неистовствомъ ударяли одинъ другого, чтобы вслѣдъ затѣмъ разойдтись на прежнія мѣста. Послѣ блестящей (устами Виргилія) характеристики Фортуны (VII п., 61—96 ст.), путники приближаются къ Стигійскому болоту, въ тинѣ котораго съ остервененіемъ дерутся гнѣвливые, а внизу подъ ними, въ глубинѣ болота, гнѣздятся тѣ, которые въ жизни были апатичными меланхоликами. Едва Виргилій съ Дантомъ подошли къ подошвѣ

*) Т. е. будучи 35 лѣтъ отъ роду (Convito IV, 23). Начало странствованія Данта совпадаетъ съ ночью съ 24 на 25 марта 1300 г., въ канунъ великой пятницы.

**) „Pape Satan, pape Satan, aleppe!“ (VII п., 1 ст.),—точный смыслъ этихъ словъ еще не угаданъ.

Digitized by Google

высокой башни, какъ къ нимъ въ челнокѣ подплылъ Флегіасъ *), чтобы доставить ихъ къ граду Dite **) (составляющему 6-ой адскій кругъ), обитатели котораго—демоны—силятся заградить доступъ въ него обоимъ пришлецамъ. Три Фуріи, отвратительнаго и страшнаго вида, угрожаютъ имъ (по указанію самого Данта, IX п. 61—63 ст., онѣ имѣютъ аллегорическій смыслъ страстей, губящихъ человѣка и преграждающихъ ему путь къ спасенію), но имъ на помощь является ангелъ, который и открываетъ своимъ жезломъ врата, ведущія въ градъ Плутона, гдѣ глазамъ Данта открываются безконечные ряды огненныхъ гробницъ, изъ-подъ приподнятыхъ крышекъ которыхъ раздаются ужасные стоны и вопли заключенныхъ въ нихъ еретиковъ и безбожниковъ. Обходя 6-й кругъ, между стѣнъ и огненныхъ гробницъ, Дантъ высказываетъ своему сопутнику желаніе взглянуть на нѣкоторыхъ изъ лежащихъ въ нихъ грѣшниковъ и поговорить съ ними. Фарината Уберти предсказываетъ поэту его изгнаніе и предстоящія ему невзгоды; Кавальканте Кавальканти освѣдомляется о своемъ сынѣ, поэтѣ и другѣ Данта. На краю скалы, отдѣляющей шестой кругъ отъ слѣдующаго за нимъ 7-го, странники видятъ глубокую пропасть, откуда разносится нестерпимое зловоніе, отъ котораго они на мгновеніе пробуютъ укрыться за крышкой одного изъ пламенныхъ гробовъ, гдѣ оказывается заключеннымъ папа Анастасій II, впавшій при жизни въ монофизитскую ересь Фотина. Спускаясь по уступамъ скалы въ 7-ой кругъ, Виргилій объясняетъ Данту, что тамъ содержатся насильники, которые, сообразно съ тремя видами насильства: противъ ближняго, противъ самого себя и противъ Бога, природы и науки, размѣщены въ трехъ подраздѣленіяхъ круга; что также и 8-ой кругъ, предназначенный для обманщиковъ, распадается на десять меньшихъ круговъ или колецъ ***), соотвѣтственно десяти видамъ обмана, и что, наконецъ, послѣдній 9-й кругъ, гдѣ мучатся предатели, дѣлится на четыре концентрическихъ малыхъ круга. Вмѣстѣ съ тѣмъ Виргилій объясняетъ, почему невоздержные не находятся въ числѣ терпящихъ муки въ градѣ Dite и почему ростовщичество противно Богу. Смиривъ Минотавра, оберегающаго входъ въ 7-ой кругъ, поэты достигаютъ долины, по которой протекаетъ рѣка кипящей крови,—въ ней погружены насильники противъ жизни и достоянія ближняго своего. Кругомъ обходитъ вереница Центавровъ, пускающихъ стрѣлы въ каждаго, кто пытается вынырнуть изъ кровавой рѣки болѣе положеннаго для него. Послѣ тщетныхъ угрозъ названныхъ чудовищъ противъ обоихъ странниковъ, Центавръ Нессъ перевозитъ на себѣ Данта на другую сторону рѣки, причемъ объясняетъ ему ея природу и называетъ нѣкоторыхъ изъ погруженныхъ въ ней лицъ—Александра Ѳерескаго, ѳессалійскаго тирана, Эццелина, тирана падуанскаго, царя Пирра и двухъ итальянскихъ рыцарей Корнето и Паццо, разбойничавшихъ прежде на большихъ дорогахъ. Во второмъ подраздѣленіи 7-го круга находятся самоубійцы, образующіе собою цѣлый лѣсъ живыхъ стволовъ, съ узловатыми вѣтвями, въ листвѣ которыхъ гнѣздятся гнуснаго вида гарпіи (XIII п., 4—108 ст.), — поразительный примѣръ мрачной изобрѣтательности Дантовой фантазіи; въ числѣ ихъ находится знаменитый канцлеръ императора Фридриха II, Пьеръ delle Vigne, лишившій себя жизни послѣ того, какъ впалъ въ немилость у своего повелителя. Здѣсь же расточители своего достоянія преслѣдуются дикими псами, которые постоянно рвутъ ихъ на части. Въ третьемъ отдѣлѣ 7-го круга несутъ муки на-

*) Сынъ Марса и царь Лапитовъ, считавшійся у древнихъ олицетвореніемъ гнѣва и высокомѣрія.

**) Отъ Dis, названіе Плутона.

***) „Malebolgie“.

Digitized by Google

сильники противъ Бога, природы и науки,—на нихъ хлопьями ниспадаетъ съ небесъ пламя, а сами они остаются на плоскости, покрытой раскаленнымъ пескомъ. Ихъ представителемъ является Капаней, одинъ изъ „Семи противъ Ѳивъ“ *). Далѣе поэты приходятъ къ мѣсту, гдѣ изъ лѣсу вытекаетъ рѣчка кроваво-краснаго цвѣта, текущая изъ разсѣлинъ статуи Времени, которая по Данту находится на островѣ Критѣ и даетъ происхожденіе четыремъ адскимъ рѣкамъ—Ахерону, Стиксу, Флегетону и Коциту. Затѣмъ еще далѣе попадаются насильники противъ природы,—здѣсь происходитъ сердечная встрѣча Данта съ его бывшимъ наставникомъ Брунетто-Латини (XV п., 23 и слд.), который предсказываетъ поэту ожидающую его въ будущемъ славу и напоминаетъ ему о своей книгѣ (il Tesoro), въ которой еще продолжаетъ жить его имя. На рубежѣ третьяго отдѣла 7-го круга, откуда поэту уже слышится шумъ волнъ Флегетона, протекающаго въ восьмомъ кругѣ, Дантъ и Виргилій встрѣчаютъ вторую группу согрѣшившихъ противъ природы (т. е. запятнавшихъ себя содомскимъ грѣхомъ). Среди нихъ находятся трое согражданъ флорентійскаго поэта; послѣ нѣсколькихъ словъ сожалѣнія по поводу ихъ судьбы и упадка гражданскихъ и политическихъ доблестей во Флоренціи, Дантъ съ своимъ руководителемъ приходятъ на край глубокой пропасти, на днѣ которой бушуетъ кровяной потокъ. Здѣсь Виргилій совершаетъ символическое дѣйствіе: веревку, которою былъ опоясанъ Дантъ **) и которою онъ надѣялся связать пантеру, преграждавшую ему путь при выходѣ его изъ темнаго лѣсу, Виргилій, получивъ ее изъ рукъ Данта, кидаетъ на дно бездны. Вслѣдъ за этимъ знаменательнымъ поступкомъ въ воздухѣ появляется странная, драконообразная фигура Геріона—символъ обмана и лжи. Между тѣмъ какъ Виргилій приказываетъ ему перенести ихъ на себѣ внизъ къ подошвѣ скалы, на которой они теперь стоятъ, Дантъ одинъ отправляется взглянуть на ростовщиковъ, сидящихъ не вдалекѣ отъ нихъ надъ водоворотомъ; нѣсколькихъ изъ нихъ Дантъ узнаетъ по ихъ гербамъ, изображеннымъ на кошеляхъ, которые повѣшены у нихъ на груди. Потомъ оба поэта усаживаются на спину чудовища, которое, дѣлая тысячи поворотовъ среди обрывистыхъ утесовъ, тихо-тихо спускаетъ ихъ на дно бездны, къ подошвѣ утеса и затѣмъ удаляется съ быстротою стрѣлы. Въ 8-мъ кругѣ, куда Геріонъ перенесъ обоихъ поэтовъ, находятся обманщики всѣхъ видовъ: въ первомъ его отдѣлѣ демоны истязаютъ бичами соблазнителей и сводниковъ; въ числѣ этихъ грѣшниковъ находится и Язонъ „все еще сохраняющій царственный видъ“. Во второмъ отдѣленіи, погруженные по уши въ калѣ, мучатся льстецы и куртизанки. Въ третьемъ подраздѣленіи круга находятся симонисты: изъ ряда ямъ, въ которыя грѣшники погружены головою внизъ, торчатъ ихъ объятыя огнемъ ноги, которыми они отчаянно дрягаютъ отъ несносной боли. Между ними находится папа Николай III, изъ рода Орсини. Дантъ, въ отвѣтъ ему, разражается знаменитой тирадой, исполненною благороднаго негодованія противъ корыстолюбія и недостойнаго поведенія папъ (XIX п., 88 — 133 ст.). Четвертое отдѣленіе или ровъ 8-го круга служитъ мѣстопребываніемъ волшебниковъ, чародѣевъ: они тихо идутъ съ лицемъ, обращеннымъ назадъ. Тутъ и ѳиванскій волшебникъ Тирезій съ своей дочерью, чародѣйкой Манто, разсказывающіе Данту исторію основанія города Мантуи, и Михаилъ Скоттъ, астрологъ императора Фридриха II, и астрологъ-цирульникъ Асденте изъ города Пармы. Пятый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ торгующихъ правосудіемъ и вообще своими

*) У Стація (Thebaid., lib. III): Superûm contemptor et aequi.

**) Согласно съ нѣкоторыми біографіями Данта, онъ въ дѣтствѣ вступилъ въ монашескій орденъ францисканцевъ.—Пантера символъ любострастія.

Digitized by Google

обязанностями: они погружены въ кипучую смолу. Бѣсы, вооруженные баграми, съ яростью кидаются на обоихъ поэтовъ, но, повинуясь старшему надъ ними, даютъ имъ пропускъ. Здѣсь происходитъ единственный юмористическій эпизодъ, встрѣчающійся въ „Божественной Комедіи", это—драка бѣсовъ, описанная нѣсколько грубыми, но смѣлыми и сильными штрихами (XXI п. 118—139 ст.—XXII п.). Въ шестомъ рву 8-го круга помѣщены лицемѣры: они проходятъ, согбенные подъ тяжестью своихъ свинцовыхъ, снаружи вызолоченныхъ рясъ. Тутъ же находятся Каіафа и члены синедріона, осудившіе Христа на казнь: они распяты на землѣ при помощи трехъ кольевъ. Въ седьмомъ подраздѣленіи того же круга находятся святотатцы: уязвляемые ужасными змѣями, они сгораютъ до тла, чтобы мгновенно опять возродиться изъ собственнаго пепла. Представителемъ этого разряда грѣшниковъ служитъ Ванни Фуччи изъ Пистойи, предсказывающій Данту пораженіе флорентійской партіи Бѣлыхъ, къ которой принадлежалъ Алигіери. Въ этотъ же отдѣлъ включены воры и лихоимцы. Этихъ грѣшниковъ терзаютъ змѣи, причемъ тѣ и другія такъ тѣсно сливаются другъ съ другомъ, что образуютъ одно отвратительное, фантастическое существо, — также удивительный по силѣ изобразительности плодъ творческой фантазіи Данта (XXV п. 46 и слд. ст.). Въ восьмомъ отдѣлѣ 8-го круга казнятся злые клевреты: каждый изъ нихъ включенъ въ пламенную оболочку, и только одна изъ такихъ палящихъ оболочекъ содержитъ въ себѣ двухъ грѣшниковъ: Діомеда и Улисса; — послѣдній, по слову Виргилія, разсказываетъ поэтамъ о своемъ плаваніи по уходѣ изъ грота Цирцеи. Тутъ же Дантъ внимаетъ длинному разсказу графа Гвидо де Монтефельтро о его поступкахъ, которыми онъ заслужилъ свое наказаніе. Въ девятомъ подраздѣленіи находятся виновники раздоровъ и ересей,—въ число ихъ Дантомъ включены Магометъ и знаменитый трубадуръ Бертранъ де Борнъ. (XXVIII п.). Наконецъ въ послѣднемъ кольцѣ 8-го круга терпятъ муки шарлатаны и поддѣлыватели; ихъ три сорта: тѣ, которые выдавали себя не за то, чѣмъ они были, — здѣсь они гоняются одинъ за другимъ и нещадно кусаютъ другъ друга; фальшивые монетчики, пораженные водянкой и томящіеся неутолимой жаждой, и, наконецъ, клеветники, страждущіе отъ непрерывной лихорадки. Въ 9-мъ, послѣднемъ, кругѣ ада заключены измѣнники и предатели, распредѣленные по четыремъ отдѣламъ, сообразно съ четырьмя видами тяготѣющаго на нихъ грѣха. По окраинамъ его высятся, подобно башнямъ, колоссальныя фигуры древнихъ гигантовъ: Немврода *), Эфіальта, Антея,—послѣдній на своихъ рукахъ переноситъ обоихъ путниковъ на дно девятаго круга. 9-й кругъ имѣетъ четыре отдѣла: первый изъ нихъ, носящій названіе Каинова, предназначенъ для предателей относительно ближнихъ своихъ,—здѣсь они ввержены въ ледяное озеро. Второй отдѣлъ занятъ предателями родины,—сюда принадлежитъ отличающійся глубокимъ трагизмомъ разсказъ Данта о графѣ Уголино и его дѣтяхъ, погибшихъ въ темницѣ голодною смертью (XXXIII п., 4—90 ст.). Въ третьемъ отдѣлѣ, Птоломея, обрѣтаются предатели относительно собственныхъ гостей, — ихъ представителемъ является Альберикъ, изъ ордена Frati gaudenti (Веселой братіи). Дантъ узнаетъ отъ него, что душа каждаго нарушителя закона гостепріимства попадаетъ въ адъ даже прежде смерти самого грѣшника, причемъ въ тѣло его на землѣ вселяется демонъ, который и замѣняетъ для него душу. Въ четвертомъ отдѣлѣ, Іуды, помѣщены предатели относительно ихъ благодѣтелей. Тутъ же, какъ въ центрѣ ада, находится самъ Люциферъ; описаніе его отличается грандіозностью (XXXIV п., 28—60 ст.). Сюда же, наравнѣ

*) Сынъ Хуша, участвовалъ въ возведеніи Вавилонской башни. „Въ то время были на землѣ исполины", Бытіе, VI, 4.

Digitized by Google

съ Іудой, помѣстилъ Дантъ, какъ сторонникъ императорской власти, убійцъ Цезаря—Брута и Кассія. Изъ этого предѣльнаго пункта ада Виргилій вмѣстѣ съ Дантомъ, обхватившимъ его за шею руками, спускаются внизъ, карабкаясь по косматому, страшно массивному тѣлу Люцифера, и выходятъ на противоположную сторону земнаго шара, гдѣ они вновь увидѣли украшающія небо *звѣзды*.

Чистилище. За воззваніемъ поэта къ музамъ слѣдуетъ разсказъ его о томъ, какъ, на-зарѣ, предъ нимъ и его проводникомъ, предсталъ древній римлянинъ Катонъ Утическій, который и указалъ имъ путь въ чистилище, направивъ ихъ къ морскому берегу, поросшему тростникомъ. Тамъ Виргилій, омывъ Данту лицо водой, опоясываетъ поэта тростинкой (эмблема долготерпѣнія, кротости и смиренія). При восходѣ солнца поэты съ берега увидѣли скользящую по морю барку, наполненную тѣнями или душами усопшихъ; ангелъ правилъ ею, держа путь къ чистилищу. Въ числѣ тѣней, высадившихся изъ барки на берегъ, Дантъ узнаетъ своего друга Казеллу, знаменитаго въ его время музыканта. Дантъ, наравнѣ съ остальными присутствующими, заслушивается его пѣнія. Раздается голосъ Катона, упрекающаго ихъ въ медленности. Путь, которымъ Данту и Виргилію приходится взбираться на гору чистилища, представляется тяжелымъ и труднымъ. При подошвѣ горы поэты застаютъ души отлученныхъ отъ церкви, проводящія тамъ извѣстное время, прежде чѣмъ имъ дозволено будетъ отправиться въ чистилище. Среди нихъ находится Манфредъ, король Апуліи и Сициліи. Узкою и крутою тропинкой Дантъ, поддерживаемый Виргиліемъ, съ большими усиліями достигаетъ плоскости, на которой пребываютъ души тѣхъ, которые пренебрегали покаяніемъ до самой своей кончины. Дантъ узнаетъ Бельакву, славившагося своей игрой на цитрѣ. Поднявшись еще нѣсколько выше, Дантъ находитъ умершихъ насильственною смертью, но успѣвшихъ покаяться въ своихъ грѣхахъ. Разсказавъ трагическую кончину нѣкоторыхъ изъ нихъ, Дантъ съ неподражаемымъ лаконизмомъ передаетъ трогательную исторію жены Нелло делля-Пьетра ля-Піа, изъ рода Толомеевъ въ Сіеннѣ. (V п., 130—136 стр.). Между тѣмъ какъ Виргилій спрашиваетъ одну изъ тѣней о наиболѣе удобномъ для нихъ пути, Дантъ въ этой тѣни узнаетъ провансальскаго трубадура Сорделло, родомъ изъ Мантуи, подобно Виргилію. Земляки привѣтствуютъ другъ друга объятіями. Здѣсь въ поэмѣ слѣдуетъ энергичная и высоко-поэтическая діатриба Данта по поводу страшныхъ раздоровъ, терзавшихъ и позорившихъ въ тѣ времена Флоренцію и остальную Италію (VI п., 76—151 ст.). Сорделло, узнавъ отъ Данта, что въ лицѣ привѣтствованнаго имъ соотечественника онъ видитъ никого иного, какъ самого Виргилія, падаетъ предъ нимъ ницъ и обнимаетъ его колѣна. Въ виду наступающей ночи, когда путники не могли бы продолжать свой многотрудный путь, Сорделло приводитъ ихъ на небольшую, покрытую цвѣтами поляну, гдѣ, въ ожиданіи предстоящаго для нихъ очищенія отъ грѣховъ, проводятъ время тѣ, которые изъ-за почестей и обязанностей, соединенныхъ съ верховной властью, не успѣли во-время покаяться,—тутъ, между прочимъ, находятся императоръ Рудольфъ Габсбургскій, Оттокаръ, король чешскій, Петръ III Аррагонскій и др. Между тѣмъ, какъ съ наступленіемъ вечера, всѣ эти тѣни поютъ гимнъ св. Амвросія „Te lucis ante", съ неба спускаются вооруженные пламенными мечами, два ангела, чтобы охранять души, наполняющія поляну, отъ змѣя искушенія, котораго они, при его появленіи, и обращаютъ въ бѣгство. Съ Дантомъ бесѣдуетъ Конрадъ Маляспина, графъ Лунинджанскій. По пробужденіи Данта отъ внезапно овладѣвшаго имъ сна, Виргилій разсказываетъ, что ему являлась св. Лучія (символъ „просвѣщающей благодати"), указавшая ему входъ, ведущій въ чистилище. Поэты проникаютъ къ нему по тремъ мраморнымъ ступенямъ, каждая особаго цвѣта (символъ трехъ степеней

Digitized by Google

покаянія). Ангелъ, стоящій на стражѣ, начертываетъ остріемъ меча на челѣ Данта семь разъ букву P *), и затѣмъ впускаетъ его вмѣстѣ съ Виргиліемъ за дверь, захлопнувшуюся вслѣдъ за ними. Поэты вступаютъ такимъ образомъ въ 1-й кругъ чистилища, гдѣ видятъ на внутренней сторонѣ окружающей его стѣны дивной работы скульптурныя изображенія, воспроизводящія различныя случаи смиренія. Здѣсь души гордецовъ медленно двигаются, удручаемые тяжестью несомаго ими бремени. Дантъ влагаетъ имъ въ уста перифразу молитвы Господней. Вступая на путь, указанный поэтамъ этими тѣнями, Дантъ узнаетъ среди нихъ живописца Одеризи да Губбіо, который кратко излагаетъ исторію первыхъ итальянскихъ художниковъ. Разставшись съ Одеризи, Дантъ и Виргилій разсматриваютъ покрывающія карнизъ изображенія извѣстныхъ изъ исторіи примѣровъ гордости. Предводимые ангеломъ они доходятъ до второго круга чистилища, при входѣ въ который ангелъ крыломъ своимъ стираетъ одно изъ P, начертанныхъ на челѣ Данта: поэтъ, очищенный такимъ образомъ отъ тягчайшаго изъ смертныхъ грѣховъ — гордости — мгновенно почувствовалъ, какъ почти исчезла его усталость. Во 2-мъ кругѣ грѣшникамъ дано очиститься отъ другого смертнаго грѣха — зависти. Здѣсь невидимыя для обоихъ путниковъ души, летая по воздуху, громко припоминали разные примѣры выраженія чувства любви; между тѣмъ какъ души завистниковъ произносили моленія къ Мадоннѣ и святымъ. Завистники облачены въ власяницу, а глаза ихъ зашиты желѣзной проволокой. Въ своемъ разговорѣ съ Сапіей (Sapia), сіеннкой по происхожденію, какъ и упоминавшаяся la Pia, и сильно повинной въ грѣхахъ зависти, Дантъ даетъ любопытное для его личной характеристики указаніе: онъ говоритъ, что „онъ мало согрѣшилъ завистливыми взорами“, но что ему несравненно страшнѣе казнь, несомая грѣшниками въ предыдущемъ кругѣ, т. е. за грѣхъ гордости (XIII п., 134 — 138 ст.) Далѣе Дантъ и Виргилій останавливаются для бесѣды съ мессеромъ Гвидо дель-Дука и съ мессеромъ Виньери да-Кальболи, въ продолженіе которой первый изъ нихъ рѣзко порицаетъ дурные нравы населенія Тосканы и Романьи (XIV п., 40—66 ст.). Подвигаясь далѣе по своему пути, поэты слышатъ раздающіеся въ воздухѣ голоса, приводящіе на память нѣсколько примѣровъ завистливости. По лѣстницѣ, указанной имъ ангеломъ, поэты восходятъ въ третій кругъ, гдѣ грѣшники должны очиститься отъ грѣха гнѣва. Дантъ, вслѣдъ за разговоромъ съ Виргиліемъ въ тонѣ католическо-религіозной схоластики, приходитъ въ восторженное состояніе, въ которомъ ему видятся различные примѣры кротости. Обоихъ поэтовъ окутываетъ густое облако дыма. Души гнѣвливыхъ, между тѣмъ, молятся Небесному Агнцу. Изъ ихъ среды Маркъ Ломбардо (другъ Данта) объясняетъ ему неосновательность царившаго въ ту эпоху астрологическаго ученія о вліяніи, будто бы оказываемомъ небесными свѣтилами на поступки людей, причемъ излагается и воззрѣніе самого Данта относительно „свободной воли“. Въ новомъ видѣніи Дантъ созерцаетъ разныхъ представителей гнѣвной страсти. Подъ руководствомъ ангела, поэты восходятъ по ступенямъ въ 4-й кругъ чистилища. Наступающая ночь понуждаетъ ихъ остановиться. Виргилій объясняетъ Данту, что этотъ кругъ предназначенъ для очищенія отъ грѣха лѣности, а также и то, какимъ образомъ всѣ человѣческіе поступки, добрые и дурные, имѣютъ своею причиной любовь, и въ чемъ заключается человѣческая свобода. Затѣмъ они видятъ тѣни лѣнивыхъ бѣгающими по кругу; передніе изъ нихъ приводили примѣры энергіи, тогда какъ задніе—лѣни. Дантъ, поглощенный своими мыслями, засыпаетъ. Во снѣ ему являются Ложь въ видѣ безобразной, и Правда въ образѣ благоче-

*) Т. е. peccatum, въ ознаменованіе семи смертныхъ грѣховъ

Digitized by Google

стивой женщины. Съ восходомъ солнца поэты снова пускаются въ путь и по указанной имъ лѣстницѣ проникаютъ въ кругъ скупцовъ. Распростершись на землѣ, они проливаютъ слезы; въ числѣ ихъ находится и папа Адріанъ V. Продолжая идти съ Виргиліемъ, Дантъ бесѣдуетъ съ тѣнью Гуго Капета, которая приводитъ ему нѣсколько примѣровъ нищеты, щедрости и скупости. Здѣсь въ поэмѣ помѣщено нѣсколько рѣзкихъ выходокъ Данта противъ французскихъ королей, бывшихъ сторонниками папства. Гора чистилища вдругъ сотрясается, и души начинаютъ пѣть: Слава въ вышнихъ Богу! Далѣе поэты встрѣчаютъ духа, который объясняетъ Данту, что гора очищенія приходитъ въ движеніе всякій разъ, какъ одна изъ душъ, находящихся въ чистилищѣ, становится очищенною отъ грѣховъ. Свое объясненіе духъ заключаетъ признаніемъ, что онъ — душа поэта Стація. Тѣни обоихъ поэтовъ древняго Рима привѣтствуютъ другъ друга. Получивъ пропускъ отъ ангела, стершаго съ чела Данта знакъ скупости, подобно тому, какъ стирались знаки прочихъ грѣховъ предъ вступленіемъ поэта въ соотвѣтствующіе имъ круги чистилища, въ 6-й кругъ, гдѣ души очищаются отъ грѣха чревоугодія, поэты созерцаютъ чудесное дерево, покрытое благоуханными плодами и орошаемое прозрачною водой, вытекающею изъ горы. Между тѣмъ какъ Виргилій и Стацій разспрашиваютъ другъ друга о загробной судьбѣ прочихъ поэтовъ древности, и Стацій объясняетъ, какъ онъ стихами Виргилія *) былъ подготовленъ къ принятію христіанства, незримый голосъ, исходящій изъ листвы чуднаго дерева, перечисляетъ примѣры воздержанія. Здѣсь три поэта встрѣчаютъ души грѣшившихъ обжорствомъ; въ числѣ ихъ Дантъ встрѣчаетъ своего земляка Форезе Донати, который и поясняетъ ему, что ароматъ плодовъ, ростущихъ на деревѣ и видъ орошающей мѣстность воды возбуждаетъ въ грѣшникахъ мучительнѣйшее чувство голода и жажды, служащее для нихъ очищеніемъ отъ грѣха. Устами того же Форезе Дантъ съ горечью осыпаетъ упреками современныхъ ему флорентинскихъ женщинъ за нескромность ихъ нарядовъ (XXIII п., 94—108 ст.). Здѣсь же, въ разговорѣ съ поэтомъ Буонаджюнта изъ Лукки, Дантъ дѣлаетъ намекъ на свою мимолетную привязанность къ Джентуккѣ также изъ названнаго города, и сжато указываетъ разницу въ характерѣ поэтическаго творчества между нимъ самимъ и его предшественниками, Якопо да Лентино и Гвиттоне изъ Ареццо. Прослушавъ перечень примѣровъ чревоугодія, Дантъ и его два руководителя встрѣчаютъ ангела пламеннаго вида, который, стеревъ благовоннымъ крыломъ своимъ написанное на челѣ Данта шестое Р, указываетъ имъ дорогу въ послѣдній 7-ой кругъ „Чистилища", гдѣ освобождаются отъ грѣха сластолюбія. Здѣсь Стацій излагаетъ автору „Божеств. Комедіи" схоластическую теорію зарожденія человѣка. Души сластолюбцевъ, объятыя очищающимъ пламенемъ, славословятъ женъ и мужей, соблюдшихъ на землѣ цѣломудріе. Съ этой группой душъ сталкиваются, привѣтствуя ихъ, другія души, запятнанныя тѣмъ же грѣхомъ сладострастія, и, провозгласивъ выдающіеся примѣры сластолюбія, удаляются отъ нихъ прочь. Среди этихъ грѣшниковъ находятся поэты Гвидо Гвиничелли и Арно Даніель, провансалецъ; Дантъ съ трогательнымъ сочувствіемъ говоритъ о нихъ, называя перваго своимъ отцомъ въ поэзіи. Стихи же, заключающіе въ себѣ отвѣтъ провансальскаго трубадура на обращенный къ нему вопросъ Данта, написаны на провансальскомъ языкѣ (XXVI п., 140—148 ст.). Къ ступенямъ лѣстницы, ведущей изъ 7 круга горы „Чистилища" на ея вершину, поэты могутъ проникнуть не иначе, какъ пройдя сквозь пламя; Дантъ, нерѣшимость котораго изчезаетъ, едва Виргилій произнесъ имя Беатриче, вступаетъ въ огонь, жаръ котораго столь силенъ, что

*) Эклога IV, 5 ст. и слѣд.

Digitized by Google

поэтъ былъ бы готовъ искать освѣженія въ расплавленной массѣ стекла. Выйдя изъ нѣдръ пламени, поэты всходятъ по лѣстницѣ, на ступеняхъ которой они и располагаются на ночлегъ, по закатѣ солнца. Во снѣ Данту являются двѣ женщины—Лія и Рахиль, какъ символы дѣятельной и созерцательной жизни человѣка. По своемъ пробужденіи, всѣ трое приходятъ въ расположенный на вершинѣ горы земной рай, описаніе котораго въ поэмѣ Данта блещетъ яркими красками (XXVIII п., 1—25 ст). Стоя на берегу рѣки забвенія, Леты, Дантъ на противоположной сторонѣ ея видитъ дивной красоты женщину: это—Матильда, символъ покорности ученію церкви. По просьбѣ поэта она объясняетъ природу земнаго рая. За этимъ слѣдуетъ описаніе глубоко аллегорическаго видѣнія: среди яркаго свѣта, озарившаго всю райскую рощу, и въ сопровожденіи чудной мелодіи, наполнившей воздушное пространство, предъ глазами поэта открывается величественная процессія, состоящая изъ предшествуемой 7-ю свѣтильниками (7 даровъ Св. Духа) колесницы о двухъ колесахъ (церковь съ Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ), которую влачитъ при помощи четырехъ звѣрей (Евангелисты), Грифонъ (по причинѣ его двойственной природы символъ Христа), и изъ сонма окружающихъ колесницу символическихъ фигуръ семи христіанскихъ добродѣтелей, апостоловъ, угодниковъ и ангеловъ. Раздается ударъ грома, и колесница останавливается въ своемъ движеніи. Съ неба, въ облакѣ изъ цвѣтовъ, кидаемыхъ ангелами, спускается Беатриче (флорентинка, которую Дантъ любилъ въ юности и воспѣлъ въ „Новой жизни", и вмѣстѣ символъ христіанскаго богословія), въ видѣ женщины подъ бѣлымъ покрываломъ, одѣтой въ зеленый плащъ и въ огненнаго цвѣта платье, опоясанное оливковою вѣтвью. При появленіи Беатриче, Дантъ, объятый невольнымъ ужасомъ, оборачивается ища своего руководителя, но Виргилій успѣлъ уже скрыться. Беатриче, возсѣвъ на колесницу, обращается къ Данту съ суровыми упреками за то, что по ея кончинѣ онъ измѣнилъ ей, не устоявъ противъ соблазновъ міра и уклонившись съ указаннаго ему ею прямаго пути (XXX п., 73—145; XXXI, 5—64 ст.). Горячія слезы, проливаемыя теперь Дантомъ, растрогали ангеловъ и святыхъ, но не смотря на ихъ заступничество за поэта, Беатриче неумолимо продолжаетъ свою грозную рѣчь, пока наконецъ Дантъ, подъ гнетомъ проникшаго его чувства раскаянія въ своихъ грѣхахъ (XXXI, 13—15; 34—37 ст.) и ослѣпленный дивной красотой Беатриче, заставившей его взглянуть на ея лицо, не потерялъ сознанія. Тогда Матильда относитъ его къ водамъ Леты. Напившись изъ ея струй, поэтъ, свободный теперь отъ воспоминанія о своихъ грѣхахъ, вновь предсталъ предъ Беатриче, устремивъ свой взоръ ей въ очи: въ нихъ онъ видитъ отраженнымъ изображеніе божественнаго грифа (Беатриче, такимъ образомъ, здѣсь обозначаетъ ученіе церкви, объясняющее божественную природу Христа). Въ сопровожденіи Матильды и Стація, Дантъ слѣдуетъ за процессіей, вновь пришедшей въ движеніе, чтобы затѣмъ остановиться при высокомъ и обнаженномъ отъ листвы деревѣ познанія добра и зла, которое въ мигъ зазеленѣло и расцвѣло, какъ только Грифонъ-Христосъ привязалъ къ нему колесницу. Дантъ, очнувшись отъ сна, въ который его погрузили гимны, исполняемые священными сонмами, созерцаетъ Беатриче, сидящую подъ сѣнію древа добра и зла и окруженную семью добродѣтелями. Она предсказываетъ ему близкій союзъ его съ нею на-вѣки и завѣщаетъ ему по возвращеніи на землю повѣдать то, что было дано ему увидѣть. Затѣмъ слѣдуютъ, одно за другимъ, нападенія на колесницу (гоненія на церковь)—орла (римскихъ императоровъ), лисицы (еретиковъ), дракона (Магомета), послѣ чего на колесницѣ появляются семь чудовищныхъ головъ (7 смертныхъ грѣховъ, осквернившихъ церковь) и наконецъ на нее возсѣдаетъ отвратительнаго вида блудница, а чудовищный великанъ увозитъ, вмѣстѣ съ нею, колесницу въ глубину

Digitized by Google

лѣса (папа и французскій король Филиппъ Красивый) (XXXII п., 109—160 ст.). Въ послѣдней пѣснѣ „Чистилища“ разсказывается, какъ Дантъ былъ приведенъ Матильдой и Стаціемъ къ рѣкѣ Эвноэ; испивъ ея сладкихъ струй, Дантъ приходитъ оттуда возрожденнымъ, подобно молодому растенію, которое одѣлось новой листвой, очищеннымъ и способнымъ вознестись къ *звѣздамъ*.

Рай. За мольбой поэта къ Аполлону вдохновить его на достойную пѣснь о видѣнномъ царствѣ блаженства, въ первой пѣснѣ идетъ разсказъ о томъ, какъ Дантъ, сопутствуемый Беатриче, вознесся изъ земнаго рая въ небесныя сферы, распредѣленныя въ небесномъ пространствѣ по системѣ Птолемея. Беатриче при этомъ поясняетъ Данту, что сила его любви, неустанно влекущей его къ Богу, помогла ему преодолѣть тяжесть тѣла, приковывающую смертныхъ къ землѣ. Когда же они достигли первой изъ сферъ—Луны,—Беатриче поучаетъ поэта, что видимыя на этой планетѣ пятна происходятъ не вслѣдствіе неодинаковой плотности ея массы, какъ учила тогдашняя физика, а по причинѣ неравномѣрнаго проникновенія „вѣчной жемчужины“ (т. е. луны) божественною силой, изливающеюся на всѣ сферы отъ Начала всѣхъ началъ. На лунѣ пребываютъ блаженныя души тѣхъ, которые противъ воли нарушили свой обѣтъ цѣломудрія. Между ними Дантъ встрѣчаетъ Констанцію, насильно выданную за императора Генриха VI, и Пиккарду, сестру видѣннаго имъ въ чистилищѣ Форезе Донати. Отъ нея и отъ Беатриче поэтъ получаетъ объясненіе на нѣкоторые вопросы христіанско-схоластической метафизики. Во второй сферѣ - планеты Меркурія, находятся души достигнувшихъ блаженства своими добрыми поступками. Здѣсь духъ императора Юстиніана припоминаетъ славныя дѣянія „римскаго орла“ (т. е. древняго Рима) и, указавъ на блестящую яркимъ свѣтомъ душу *) Ромео, бывшаго мудрымъ министромъ Раймунда Беранже и, по смерти его, правителемъ Прованса, но плохо вознагражденнаго за свои безкорыстные труды. Когда Юстиніанъ вмѣстѣ съ остальными блаженными душами, удалился въ радостной пляскѣ, Беатриче разрѣшаетъ нѣкоторые вопросы, возникшіе въ умѣ Данта относительно тайны искупленія, безсмертія души и тѣлеснаго воскресенія. Въ сферѣ Венеры, планеты, нѣкогда оказывавшей пагубное вліяніе на смертныхъ, но нынѣ виновницы лишь чистой одухотворенной любви, духъ Карла Мартелла, короля венгерскаго, излагаетъ согласно съ схоластикой, какимъ образомъ отъ добродѣтельнаго отца можетъ родиться недостойнаго нрава сынъ, въ примѣръ чего приводитъ своего брата Роберта. Послѣ Карла Мартелла, его дочь Куницца предсказываетъ поэту невзгоды, предстоящія Падуанцамъ и побѣду надъ ними Кана Гранде делля Скала, а устами знаменитаго провансальскаго епископа-трубадура, Фулька изъ Марсели, Дантъ осыпаетъ папъ упреками за то, что ради корыстолюбія и властолюбивыхъ цѣлей, они забыли и думать о судьбѣ святой земли (IX п. 124—142 ст.). Беатриче, блистающая все болѣе яркимъ свѣтомъ по мѣрѣ восхожденія въ верхнія небесныя сферы, возноситъ съ собою Данта въ четвертое небо или сферу солнца. Пребывающія здѣсь блаженныя души кружились въ пляскѣ, сопровождая ее сладостнымъ пѣніемъ. Въ ихъ среду Дантъ включилъ нѣсколькихъ изъ учителей западной церкви и представителей церковной схоластики,—Ѳому Аквинскаго, Діонисія Ареопагита, Орозія, Боэція, произведеніями котораго поэтъ такъ много пользовался, Сигерія, современнаго Данту наставника въ Парижскомъ университетѣ и др. Ѳома Аквинскій, разсѣявъ нѣкоторыя недоумѣнія Данта, излагаетъ серафическую жизнь св. Франциска д'Ассизи. Въ новомъ, болѣе обширномъ кругѣ сіяющихъ вѣчнымъ

*) Души блаженныхъ въ небесныхъ сферахъ представляются въ видѣ то болѣе, то менѣе яркаго пламени, соотвѣтственно степени ихъ небесной славы.

Digitized by Google

свѣтомъ блаженныхъ духовъ, находится св. Бонавентура, который и разсказываетъ Данту жизнь святаго Доминика. Онъ же поименно перечисляетъ души, обитающія на солнцѣ. Вся эта 12-я пѣснь поэмы Данта посвящена славословію западныхъ представителей монашескаго подвижничества. За длиннымъ объясненіемъ Ѳомы Аквинскаго богословско-схоластическаго характера, почему Соломонъ долженъ считаться мудрѣйшимъ изъ людей, Дантъ возносится съ Беатриче на пятое небо, Марса, гдѣ созерцаетъ полное необычайнаго блеска видѣніе: ослѣпительно сіяющій образъ Христа на пламенномъ крестѣ и вокругъ него души праведниковъ, ратовавшихъ при жизни за вѣру Христову; онѣ носятся въ видѣ яркихъ огней, подобно атомамъ, кружащимся въ солнечномъ лучѣ, когда онъ проникаетъ въ темную горницу. Среди этихъ душъ находится прапрадѣдъ Данта, Качьягвида, который, вкратцѣ изложивъ генеалогію рода Алигіери, съ чувствомъ говоритъ о добрыхъ нравахъ, отличавшихъ въ старину Флоренцію, а также разсказываетъ о своемъ участіи въ походѣ императора Конрада III въ Палестину и о своей смерти въ борьбѣ съ невѣрными. 16-я пѣснь поэмы вся посвящена воспоминаніямъ Качьягвиды о его собственномъ родѣ и разныхъ другихъ знатныхъ семьяхъ, бывшихъ въ его время украшеніемъ Флоренціи. Въ заключеніе онъ пророчитъ Данту предстоящія ему изгнаніе изъ Флоренціи и убѣжище у герцоговъ Веронскихъ и завѣщаетъ повѣдать на землѣ все, что онъ видѣлъ „чтобы заставить чесаться тѣхъ, у кого чесотка" (т. е. покаяться въ сознаваемыхъ грѣхахъ), такъ какъ хотя рѣчь Данта на первый разъ и покажется невкусной, но за то потомъ она послужитъ живительною пищей (XVII п., 37 ст. до конца). Послѣ того какъ предокъ Данта указалъ ему среди ликующихъ въ божественномъ сіяніи душъ, Іосію, Маккавея, Карла Великаго и Роланда, Беатриче возводитъ поэта въ сферу Юпитера, гдѣ души тѣхъ, которые при жизни строго соблюдали правосудіе, предаются пѣнію и пляскѣ, постепенно образуя своими пламенными фигурами ослѣпительно блещущую фигуру орла. Въ отвѣтѣ символическаго орла на вопросъ Данта о томъ, возможно ли спасеніе для души человѣка, не исповѣдывавшаго на землѣ Христовой вѣры, поэтъ заклеймилъ имена современныхъ ему государей, не заслужившихъ его симпатій, напр. Филиппа Красиваго, Венцеслава Чешскаго, Фридриха, короля Сициліи и др.,—тогда какъ въ числѣ душъ, изъ которыхъ составлена пламенная фигура небеснаго орла, поименованы, на ряду съ Константиномъ Великимъ и Сицилійскимъ королемъ Филиппомъ Добрымъ, добродѣтельные язычники Рифей изъ Трои *) и императоръ Траянъ (XX п.). Въ седьмой сферѣ или въ небѣ Сатурна души предававшихся на землѣ созерцательной жизни образуютъ изъ себя безконечную лѣстницу, видѣнную нѣкогда Іаковомъ, по которой восходятъ и спускаются безчисленные свѣтлые духи. Св. Петръ Даміанскій объясняетъ Данту тайну предопредѣленія и клеймитъ порицаніемъ распущенность и страсть къ роскоши современныхъ поэту служителей церкви. За объясненіемъ Беатриче, почему въ седьмой сферѣ прекратилась для слуха гармонія небесныхъ пѣснопѣній и исчезла улыбка съ лица самой Беатриче, св. Бенедиктъ разсказываетъ, какъ имъ былъ основанъ монастырь на Монте-Кассино. Наконецъ, слѣдуя по лѣстницѣ за Беатриче, Дантъ съ невѣроятной быстротой, проникаетъ въ 8-ую сферу неподвижныхъ звѣздъ, въ знакъ близнецовъ. Здѣсь въ видѣ дивно лучезарнаго солнца является поэту самъ Христосъ, и зрѣніе Данта, укрѣпленное этимъ божественнымъ зрѣлищемъ, получаетъ способность созерцать улыбку Беатриче, теперь вновь, съ недоступной описанію прелестью, озарившую лицо его возлюбленной путеводительницы. Далѣе поэтъ видитъ Приснодѣву, которая послѣ того какъ архангелъ Гавріилъ увѣнчалъ

*) Энеида, II кн., 426—27 ст.

Digitized by Google

ее короной изъ звѣздъ, возносится вслѣдъ за своимъ предвѣчнымъ сыномъ въ высшую область неба, въ Эмпирей. Беатриче, обратясь къ сонму апостоловъ, проситъ ихъ испытать поэта въ исповѣдуемой имъ вѣрѣ, и ап. Петръ предлагаетъ Данту нѣкоторые вопросы; отвѣты Данта заставляютъ апостола благословить его въ знакъ непогрѣшности его религіозныхъ воззрѣній. Слѣдующая, 25 пѣсня „Рая" (1—10 ст.) начинается трогательно выраженною надеждой поэта на то, что его „священная поэма, въ созданіи которой приняли участіе земля и небо", побѣдитъ жестокость его враговъ и доставитъ ему, хотя и обремененному годами, возможность вернуться на родину; затѣмъ слѣдуетъ испытаніе его св. Іаковомъ въ ученіи церкви о надеждѣ, послѣ чего евангелистъ Іоаннъ объявляетъ ему, что на небѣ находится лишь его душа, и что никто не возносился туда съ тѣломъ кромѣ Христа и Приснодѣвы. Онъ же испытываетъ поэта относительно третьей основной добродѣтели: любви къ Богу и ближнему, и когда Дантъ отвѣтилъ на всѣ вопросы, то блаженныя души въ знакъ удовольствія привѣтствовали его сладкогласнымъ пѣніемъ. Послѣ того выступаетъ Адамъ и даетъ отвѣты на нѣсколько вопросовъ Данта. 27-я пѣсня заключаетъ въ себѣ знаменитую діатрибу ап. Петра противъ его недостойныхъ намѣстниковъ, въ особенности же противъ Бонифація VIII (1300 г.) (27 п., 19—66 ст.). Беатриче и Дантъ достигаютъ девятой сферы, или сферы „первичнаго движенія"; Беатриче объясняетъ Данту, что въ этой сферѣ нѣтъ ни пространства, ни времени въ обыкновенномъ смыслѣ, а что она, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ божества, служитъ источникомъ времени и движенія для всей вселенной. Въ этой сферѣ поэту дано во-очію узрѣть лучезарную сущность божества: его взорамъ открылся неописуемаго блеска свѣтъ, вокругъ котораго съ несказанной быстротой вращалось девять круговъ (девять чиновъ ангельскихъ), причемъ, соотвѣтственно съ ихъ отдаленностью отъ центральнаго свѣта—Божества—блескъ и движеніе ихъ уменьшались. Изъ этихъ круговъ, соотвѣтствующихъ девяти кругамъ видимаго міра, раздавалось непрерывное пѣніе „Осанна". Беатриче объясняетъ Данту происхожденіе и природу ангеловъ, мимоходомъ порицая современныхъ поэту богослововъ и проповѣдниковъ, предлагающихъ своей паствѣ побасенки вмѣсто чистаго евангельскаго ученія. Вознесшись съ Беатриче на 10-е небо или въ Элипирей, Дантъ пораженъ необычайной красотой, украсившей внезапно его руководительницу,—красотой, описать которую поэтъ признаетъ невозможнымъ. Дантъ, очи котораго пріобрѣли способность вынести наивысшую степень свѣта, созерцаетъ Бога въ видѣ сверкающей освѣтительнымъ блескомъ рѣки между дивно цвѣтущими берегами *). Беатриче, указавъ поэту на безчисленное множество избранниковъ божіихъ и на безконечность небеснаго Града, предсказываетъ, что вскорѣ приготовленное уже здѣсь мѣсто займетъ душа императора Генриха VII, тогда какъ противникъ его папа, Климентъ V, въ свою очередь, не замедлитъ попасть въ адъ (XXX пѣснь). Поэтъ въ упоеніи продолжаетъ созерцать небесный рай, великолѣпное описаніе котораго составляетъ начало 31-ой пѣсни. Между тѣмъ, пока Дантъ разсматриваетъ „небесную розу", образуемую группами блаженныхъ духовъ, Беатриче возносится на мѣсто, принадлежащее ей среди нихъ, и Дантъ вмѣсто нея находитъ подлѣ себя св. Бернарда, который указываетъ ему на Беатриче, возсѣдающую горѣ, во всей ея славѣ. Дантъ обращается къ ней съ благодарственною молитвой за ея помощь и покровительство, давшія ему проникнуть до святая святыхъ. По заступничеству названнаго святаго, перваго служителя Приснодѣвы, Данту дано также узрѣть и свѣтозарную славу самой Богородицы, которую изобразить на словахъ у поэта, однакожъ, нѣтъ ни дерзновенія.

*) Ср. Апокалипс. 22 гл.

Digitized by Google

ни средствъ. Указавъ Данту порядокъ, въ которомъ размѣщены въ раю святые Ветхаго и Новаго Завѣта, и призвавъ еще разъ его вниманіе на величіе славы Дѣвы Маріи, св. Бернардъ обращается къ ней съ жаркой молитвой, чтобы испросить ея благодатную помощь Данту для того, чтобы онъ могъ наконецъ лицезрѣть даже самое Высшее Благо, или Триипостасную Троицу. Съ удивительной силой фантазіи и языка Дантъ въ послѣдней пѣснѣ своей „священной поэмы" пытается передать невыразимое, сознаваясь тѣмъ не менѣе въ послѣдней терцинѣ (XXX п., 142—145 ст.), что сила воображенія здѣсь отказывается служить ему, такъ какъ и волю его и желаніе уже на иное направила Любовь, приводящая въ движеніе солнце и *звѣзды* *).

Нашъ крайне сжатый пересказъ содержанія «Бож. Ком.» страдаетъ, конечно, сухостью; но за то, знакомя читателя съ этимъ значительнѣйшимъ созданіемъ средневѣкового творчества во всемъ его объемѣ и послѣдовательномъ развитіи, а не только съ его произвольно выбранными эпизодами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность убѣдиться, что хотя поэма Данта относится въ сущности къ аллегорически-дидактическому отдѣлу поэзіи, тѣмъ не менѣе изобилуетъ мѣстами, то отличающимися чисто повѣствовательнымъ, строго-эпическимъ тономъ, то восторженно, либо задушевно-лирическимъ, то, наконецъ, тономъ драматическо-діалогическимъ, такъ что не безъ основанія было замѣчено, что, строго говоря, «Божеств. Комедія» не принадлежитъ ни къ одному опредѣленному виду поэтическихъ произведеній, а представляетъ собою совершенно самобытное, стоящее особнякомъ литературное явленіе. Изъ нашего пересказа читатель также могъ замѣтить и чрезвычайную разносторонность поэмы со стороны ея, такъ сказать, внутренняго содержанія: помимо ея основной идеи или тенденціи, о которой въ двухъ словахъ будетъ сказано ниже, мы видимъ, что въ «Бож. Комедіи» поэтъ касается и животрепещущихъ вопросовъ современной ему политики, и исторіи, а также говоритъ и объ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ своего времени; трактуетъ о разныхъ проблемахъ морали и разума, быть можетъ мало интересныхъ для насъ, но несомнѣнно имѣвшихъ огромное значеніе въ глазахъ мыслящихъ и просвѣщенныхъ представителей средневѣкового общества; наконецъ въ поэмѣ не забыты и вопросы, занимавшіе тогдашнюю положительную науку. И надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ господствуютъ сознаніе и нравственное чувство самого геніальнаго автора, обусловившія основную идею его произведенія. Благодаря аллегорическому характеру этой идеи, она, естественно, допускаетъ различное пониманіе, почему и имѣется такое множество разнообразнѣйшихъ комментаріевъ къ Божественной Комедіи, доходящихъ иногда до полнѣйшаго взаимнаго противорѣчія. Послѣднее обстоятельство послужило поводомъ для од-

*) Каждая изъ трехъ частей „Божественной Комедіи" оканчивается, въ подлинникѣ, словомъ „stelle"—звѣзды.

Digitized by Google

ного писателя высказать сожалѣніе, что́ Дантъ не успѣлъ самъ коментировать свою поэму, что́ сдѣлало бы ненужной массу существующихъ теперь попытокъ къ ея истолкованію. Но если нѣтъ полнаго коментарія къ «Бож. Комед.» самого ея автора, то есть, по крайней мѣрѣ, общія указанія его на то, какъ должна быть понимаема его «святая поэма». Эти указанія заключаются въ его, признаваемомъ за несомнѣнно подлинное *), посвященіи «Рая» Кану-Гранде делла-Скала, герцогу Веронскому. По словамъ Данта, его поэма есть opus doctrinale, смыслъ котораго многоразличенъ. Сверхъ смысла буквальнаго, три прочіе смысла—аллегорическій, моральный и анагогическій, по объясненію Данта, подчиненъ еще болѣе общему смыслу—духовному (spirituale, у схоластиковъ) или, по Данту, аллегорическому въ болѣе широкомъ смыслѣ. Предметомъ «Бож. комедіи», по буквальному смыслу ея содержанія, является различное состояніе душъ въ загробной жизни; по аллегорическому-же,—человѣкъ вообще, заслуживающій награду или кару со стороны Божественнаго Правосудія своими, по свободной волѣ совершаемыми, добрыми или злыми поступками. Задачу поэмы составляетъ приведеніе людей отъ тяготящаго ихъ на землѣ зла и несчастій въ состояніе вѣчнаго блаженства. Заключающаяся же въ ней философія—чисто нравственная, такъ какъ преслѣдуемая ею цѣль не спекулятивная, а практическая: исправленіе погрязшаго въ грѣхахъ человѣка. Такимъ образомъ «Божественная комедія» **) заключаетъ въ себѣ развитіе нравственно-религіозной идеи въ аллегорической формѣ видѣнія или посѣщенія загробнаго міра съ дидактическою, назидательною цѣлью. Послѣдующіе толкователи, не довольствуясь изложеннымъ объясненіемъ аллегорическаго смысла «Божеств. Комедіи», пытались глубже проникнуть въ ея содержаніе и выяснить связь между этимъ послѣднимъ и духовною, внутреннею жизнью самого Данта. Всѣ эти попытки, впрочемъ, можно сгруппировать въ два отдѣла: по однимъ, Дантъ взялъ на себя провозвѣстить своимъ заблудшимъ въ грѣхѣ современникамъ истинный путь ко спасенію, по другимъ—онъ хотѣлъ представить въ поэмѣ духовный процессъ собственнаго очищенія отъ грѣховъ ***).

---

*) Giuliani въ его изданіи „Opere latine di Dante», II, 170 стр.

**) „Комедіей“ Дантъ назвалъ свою поэму, слѣдуя ученію схоластиковъ, по которому „трагедія“ есть произведеніе съ печальнымъ исходомъ, тогда какъ „комедія“—съ исходомъ радостнымъ. «Божественной» („divina“) поэма Данта впервые названа въ изданіи 1513 г.; самъ поэтъ называетъ ее „священной“ („il poema sacro“, Рай, XXV,1).

***) Къ первой группѣ принадлежитъ Ruth, ко второй Scartazzini и Ozanam, Dante et la philosophie cathol.; Wegele старается примирить оба воззрѣнія. Взгляды Fauriel'a (Dante et les origines de la langue et de la littérature italienne) совершенно несостоятельны.

Digitized by Google

Сообразно съ тѣмъ или другимъ взглядомъ и толкованіе отдѣльныхъ эпизодовъ въ поэмѣ является неодинаковымъ, —такъ, напр., три звѣря, преграждающіе Данту путь въ 1-й пѣснѣ «Ада», принимаются то за символъ трехъ смертныхъ грѣховъ—сластолюбія, гордости и корыстолюбія,—то за аллегорическіе образы папства, французскихъ королей и флорентійской республики; въ Беатриче видятъ то возлюбленную Данта, дочь Портинари, воспѣтую имъ въ «Новой Жизни», причемъ въ ея рѣчахъ, обращенныхъ въ поэмѣ къ Данту, открываютъ намеки на поступки его въ дѣйствительной жизни. то, наоборотъ, признаютъ Беатриче «Божественной Комедіи» за безусловный символъ Божественнаго Откровенія, спасающаго грѣховное человѣчество [1]), и тогда ея слова толкуются въ болѣе отвлеченномъ, богословско-философскомъ смыслѣ [2]). По своей формѣ, какъ «откровеніе загробной жизни» «Божественная Комедія» примыкаетъ къ цѣлому ряду весьма популярныхъ въ средніе вѣка полупоэтическихъ, полуназидательныхъ произведеній [3]), которымъ Дантъ, вѣроятно, и обязанъ, по крайней мѣрѣ, общею схемой. Въ отношеніи языка, поэма Данта представляется богатѣйшею сокровищницею итальянскаго слова, изъ которой впослѣдствіи писатели черпали безчетное множество разъ. Со стороны слога за «Божеств. Комедіей» должно признать необычайную многосторонность: въ ней съ энергичною точностью, доходящею порой до лаконизма, соединяется самое пышное поэтическое изящество, съ суровостью—тонкая иронія и кротчайшая нѣжность; съ подавляющею грандіозностью образовъ—полныя невыразимой прелести картины природы и щедро разсыпанныя поэтическія сравненія [4]). Что же касается общаго значенія «священной поэмы» Данта, то за свою безпримѣрную

---

[1]) Отрицать реальную основу въ образѣ Беатриче „Бож. Комедіи“ едвали возможно, какъ это склонны дѣлать нѣкоторые изъ новѣйшихъ итальянскихъ изслѣдователей (Bartoli, Renier); но, напомнивъ здѣсь читателю сказанное нами выше о Беатриче „Новой Жизни“, какъ о женщинѣ идеализированной въ манерѣ извѣстной поэтической школы, къ которой принадлежалъ Дантъ въ началѣ своей поэтической дѣятельности, мы полагаемъ, что Беатриче, какъ она является въ поэмѣ, представляетъ собою лишь дальнѣйшій окончательный фазисъ того сублимированія фактически существовавшей личности, въ которомъ послѣдняя вполнѣ поглощается идеей, быть носительницею которой, по волѣ поэта, ей выпало на долю.

[2]) Такъ измѣна, за которую Беатриче упрекаетъ Данта, понимается одними въ буквальномъ смыслѣ, другими же въ смыслѣ увлеченія его ложными философскими доктринами.

[3]) Съ ними читатель можетъ ознакомиться по очерку Labitte, „La divine comédei avant Dante въ Oeuvres de Dante Alighieri (édit. Charpentier, Paris. 1872) и въ статьѣ проф. А-ра Н. Веселовскаго, Данте и символическая поэзія католичества, „Вѣстн. Европы“, 1870 г., декабрь).

[4]) Littré, Étude sur le style de Dante (въ его „Histoire de la langue franç.“, 2-е v.).

Digitized by Google

многосторонность, исчерпывающую все умственно-нравственное содержаніе среднихъ вѣковъ, она по справедливости можетъ быть названа «душою» этой столь важной въ развитіи человѣчества эпохи. «Никогда, — говоритъ новѣйшій историкъ итальянской литературы *), — не создавалось поэтическаго произведенія, болѣе глубокаго по смыслу и болѣе возвышеннаго по цѣли, какъ ни одно же подобное произведеніе не было плодомъ болѣе настойчиваго и серьезнаго труда и болѣе задушевнымъ выраженіемъ личности писателя во всей ея полнотѣ... Здѣсь все полно значенія; если эстетическое чувство не вездѣ бываетъ затронуто, то, наоборотъ, каждая мелочь представляетъ для насъ глубокій историческій интересъ,—геній Данта требуетъ для себя полнаго его уразумѣнія. Поэтому здѣсь необходима научная работа, которая выяснила бы безчисленныя связи поэмы съ отношеніями того времени и существовавшими тогда научными доктринами, также какъ, по мѣрѣ возможности, и сокровенный смыслъ ея аллегорій. Но «Божеств. Комедія» нуждается, болѣе всякаго иного созданія поэзіи, также и въ поэтическомъ комментаріи... Поэзію Данта нельзя сравнить съ широкой рѣкой, теченію которой мы спокойно могли бы отдаться; но она въ своей исполненной энергіи сжатости, подобно лучу молніи, поражаетъ мгновенно нашъ умъ, чтобы тотчасъ же исчезнуть, если не успѣла воспламенить наше воображеніе и не запечатлѣла въ немъ неизгладимыя черты своихъ образовъ».

«Божеств. Комедія» доставила Данту большую славу еще при его жизни; но по смерти его эта слава возросла съ такой быстротой, что уже съ двадцатыхъ годовъ столѣтія появляется цѣлый рядъ комментаріевъ къ поэмѣ **); пятьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Данта флорентійское правительство назначаетъ Боккачіо на должность офиціальнаго толкователя Данта, которую, послѣ него, занимали еще нѣсколько лицъ. Мѣстомъ для объясненія поэмы служили церкви, какъ Санта-Марія дель-Фіоре и др.; съ цѣлію изученія великаго созданія великаго флорентинца были учреждены отдѣльныя каѳедры также и въ другихъ городахъ Италіи—въ Болоньѣ, Венеціи, Пизѣ и пр.

Намъ остается сказать еще объ одномъ значительномъ произведеніи Данта. Какъ своимъ скептицизмомъ въ вопросахъ вѣры Аллигіери былъ обязанъ своимъ занятіямъ наукой, такъ тѣ же занятія, по его собственному свидѣтельству ***), привели его къ усвоенію, вмѣсто унаслѣдованныхъ имъ гвельфскихъ убѣжденій въ политикѣ, идей гибеллинизма, которыя съ особенной полнотой и были развиты

*) Geschichte der italienischen Literatur, von Ad. Gaspary. 1885, I Bd., стр. 343.
**) Ueber den historisch. Werth der älteren Dante-Commentatoren, von. C. Hegel. 1878.
***) De Monarchia, II, 1.

Digitized by Google

мъ въ его латинскомъ трактатѣ «De Monarchia» *). Написано было го сочиненіе въ послѣдній періодъ жизни Данта; въ немъ онъ объек-івно, по правиламъ схоластической науки, развилъ свои политиче-кіе взгляды, сложившіеся въ его умѣ въ строго опредѣленную истему **). Въ основу его,раздѣленнаго на три книги, трактата поло-ена та мысль, что конечная цѣль существованія человѣчества заклю-ается въ достиженіи, съ одной стороны, небеснаго, вѣчнаго блажен-тва (въ смыслѣ душевнаго спасенія каждаго отдѣльнаго человѣка) , съ другой, блаженства земного (въ смыслѣ совершеннѣйшаго бщественнаго строя для всей совокупности человѣческаго рода). ;акъ въ первомъ случаѣ человѣчество нуждается въ авторитетѣ диной духовной власти (церковь и ея представитель—папа), такъ и о второмъ случаѣ для него необходимо руководство единой же власти ірской, представителемъ которой является одинъ универсальный онархъ или императоръ. Какъ первая изъ вышеуказанныхъ двухъ ѣлей достижима для человѣка только подъ извѣстными условіями, казываемыми ему церковью въ ея богооткровенномъ ученіи, такъ и ля осуществленія второй, земной, цѣли въ жизни человѣчества по-ребны три основныя условія: миръ, справедливость и свобода, доста-ить которыя людямъ въ полной мѣрѣ способенъ только единовласт-ый монархъ, такъ какъ, обладая неограниченною и, по существу, уждою пристрастія властью, онъ не имѣетъ нужды ни нарушать ира, ни уклоняться отъ абсолютной справедливости, а также, въ росвѣтленномъ истинной философіей сознаніи своей безусловной вер-ковности, не можетъ питать въ себѣ вражды къ общей свободѣ. Видя всемірно-императорскую власть впервые осуществленною въ Римѣ, Дантъ заключаетъ о провиденціальномъ предназначеніи римскаго народа ъ роли главнаго носителя развиваемой авторомъ идеи, доказатель-тву чего, при помощи историческихъ данныхъ, и посвящена 2-я нига «Монархіи». Третья же ея книга особенно важна по своему одержанію, такъ какъ здѣсь съ наибольшею, чѣмъ гдѣ-либо въ номъ мѣстѣ, опредѣленностью выражено Дантомъ его чисто-гибел-инское воззрѣніе на взаимоотношеніе духовной и свѣтской властей; ъ помощью богословскихъ доказательствъ авторъ выводитъ неза-исимость монаршей власти отъ церковной, признавая за первою, аравнѣ со второй, непосредственное происхожденіе отъ Бога. Какъ апа ведетъ человѣчество къ вѣчному спасенію, такъ императоръ аправляетъ его къ земному благоденствію. Оставаясь строгимъ като-

*) Лучшее изданіе Карла Витте: Dantis Aligh. De Monarchia. Libri III. 1874. Vindabonae. Витте относитъ происхожденіе этого сочиненія Данта ко времени, пред-ествующему его изгнанію.

**) Изложеніе ея см. въ Studien über Dante, Ruth'a, стр. 119 и слѣд.

Digitized by Google

ликомъ, Дантъ, конечно, признавалъ, что какъ вѣчное блаженство выше временнаго счастія, такъ и духовная власть въ нравственномъ смыслѣ первенствуетъ передъ свѣтскою, и, естественно, такое признаніе не могло не вносить извѣстной двойственности въ политическое ученіе Данта. Но если, сверхъ того, и самый идеалъ универсальнаго, единаго императора, представляющагося образцомъ просвѣщенности и добродѣтели, страдалъ чрезмѣрною широтою и недосягаемостью въ реальной жизни, то все же такое безусловное обособленіе свѣтской власти, проведенное съ строго философской послѣдовательностью и опирающееся на глубокую ученость, отличавшія геніальный умъ Данта, не могло не ознаменовать собою шага впередъ на пути освобожденія отъ авторитета церкви. И ея представители тогда же поняли это, какъ съ очевидностью доказывается тѣмъ фактомъ, что, простивъ поэту «Божеств. Комедіи» его самыя рѣзкія нападки на представителей папской власти, римская курія готова была за трактатъ «О монархіи» подвергнуть Данта позорнѣйшей въ глазахъ церкви казни *).

Кромѣ очерченныхъ нами произведеній Данта, имъ написанъ цѣлый рядъ латинскихъ аллегорическихъ эклогъ и посланій **), изъ которыхъ иныя имѣютъ важное значеніе при изученіи произведеній и самой личности Данта (подлинность нѣкоторыхъ изъ нихъ заподозривалась, но едвали основательно). Не задолго до смерти, Дантъ публично защищалъ въ одной изъ церквей въ Веронѣ, положенія, развитыя имъ въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: Quaestio de Aqua et Terra,— сочиненіи, въ случаѣ его подлинности (весьма вѣроятной, хотя оно дошло лишь въ рукописи XVI-го вѣка), доказывающемъ, что благородная жажда знанія не покидала геніальнаго скитальца и среди невзгодъ его долголѣтняго изгнанія. Къ самымъ послѣднимъ плодамъ Дантова пера относятъ и переложенія на итальянскій языкъ нѣсколькихъ псалмовъ и символа вѣры.

Дантъ въ своихъ произведеніяхъ, разсматриваемыхъ со стороны-ли ихъ формы или ихъ содержанія, является намъ несомнѣнно человѣкомъ среднихъ вѣковъ; тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ средневѣковыхъ писателей онъ наиболѣе способенъ возбудить въ насъ интересъ къ себѣ, въ сильной мѣрѣ затрогивая и нашъ умъ и наше эстетическое чувство. Помимо его высокой геніальности, какъ поэта, сказавшейся неувядаемыми красотами въ его стихотворныхъ произведеніяхъ, то, что настолько роднитъ съ нами автора «Божественной Комедіи».

*) См. разсказъ Боккачіо, въ его біографіи Данта, о папскомъ легатѣ Бельтрандѣ епископѣ Поджетскомъ, едва не предавшемъ сожженію кости великаго поэта-гибеллина.

**) Opere latine di Dante—два изданія: Fraticelli (1856, Флоренція), и Giuliani (1882, Флоренція).

Digitized by Google

заключается въ тѣсной связи между всѣмъ, что только вышло изъ подъ пера Данта, и внутреннею, духовною жизнью поэта, это—тотъ субъективный, личный отпечатокъ, который все рѣзче и рѣзче отличаетъ произведенія писателей по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія новыхъ литературъ. Другими словами: тогда какъ въ произведеніяхъ прочихъ авторовъ средневѣковаго періода, въ тѣсномъ смыслѣ, всегда чувствуется «школа», въ созданіяхъ поэтическаго вдохновенія и мощной мысли Данта отражается индивидуальность самого автора, весь его величавый нравственный обликъ.

Но своимъ современникамъ и ближайшимъ за ними поколѣніямъ, флорентинскій поэтъ импонировалъ, естественно, не этой, такъ сказать психологической, стороной своихъ произведеній, а напротивъ тѣми ихъ особенностями, которыя всецѣло принадлежали его эпохѣ. Оттого понятно, что въ ближайшее же за смертью поэта время появляются, съ одной стороны, многочисленныя толкованія на «Божеств. Комедію» въ преобладавшемъ еще тогда духѣ аллегоризма и схоластической учености, а, съ другой, подражанія его поэмѣ, которыя, обыкновенно, даже въ слабой степени не достигаютъ высоты своего образца, хотя въ культурно историческомъ отношеніи, конечно, и онѣ не лишены интереса. Назовемъ изъ нихъ, во первыхъ, поэму великаго поклонника Данта, Фаціо дельи-Уберти (ум. вскорѣ послѣ 1367 г.), написанную имъ въ послѣдніе годы своей жизни и озаглавленную «Dittamondo» (Описаніе свѣта): это произведеніе содержитъ разсказъ о странствованіи поэта по извѣстнымъ тогда частямъ свѣта и переполнено плохо переваренною ученостью, аллегоризмомъ и эпизодами, въ которыхъ поэтъ прямо пытается подражать поэмѣ Данта,—оно обрывается на 6-й книгѣ *). Противоположность съ названнымъ поэтомъ представляетъ, еще лично знававшій Данта, Франческо ди Симоне Стабили изъ Асколи (болѣе извѣстной подъ именемъ Чекко д'Асколи): онъ ярый противникъ Данта и свою, крайне темную, чуждую и тѣни поэзіи, поэму «L'Acerba» онъ уснащаетъ выходками противъ автора «Божеств. Комедіи», хвастаясь тѣмъ, что онъ въ своемъ произведеніи не разсказываетъ побасенокъ, а трактуетъ объ однихъ серьезныхъ предметахъ **). По содержанію своему «l'Acerba» совершенно сходна съ упомянутыми нами въ своемъ мѣстѣ дидактическими средневѣковыми поэмами. Чекко былъ профессоромъ астрологіи въ Болонскомъ университетѣ,—имъ написанъ латинскій коментарій къ весьма популярному тогда астрономическому трактату «Sphera»,—и въ 1327 г. былъ сожженъ, какъ еретикъ, по приговору

*) Критическаго изданія „Dittamondo" не существуетъ; лирическія произведенія Ф.-д. Уберти издалъ R. Renier (1883, Флоренція).

**) Fel. Bariola, C.d'Ascoli e l'Acerba. 1879. Firenze. Критич. изданія поэмы нѣтъ.

Digitized by Google

инквизиціи вслѣдствіе происковъ своихъ враговъ. Замѣтимъ, что онъ въ народномъ преданіи явился съ репутаціей легендарнаго волшебника.—Не приводя болѣе никакихъ именъ и заглавій, мы здѣсь ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что въ первыя десятилѣтія XIV вѣка, какъ дидактическая поэзія имѣетъ своими представителями исключительно авторовъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственности, такъ точно и лирика не можетъ похвастать ни однимъ выдающимся именемъ вплоть до момента своего обновленія подъ перомъ геніальнаго Петрарки.

Но слабый поэтическимъ творчествомъ XIV вѣкъ въ первой его половинѣ, можетъ за то считаться временемъ разцвѣта итальянской прозы, почему у итальянцевъ онъ такъ и зовется «il buon secolo» (хорошій вѣкъ). Первое мѣсто между прозаическими произведеніями сказаннаго столѣтія принадлежитъ естественно сочиненіямъ историческимъ, т. е. хроникамъ. Украшеніемъ этой ранней исторіографіи является «Флорентинская хроника» Джованни Виллани *), имѣющая, помимо своего значенія, какъ обширнѣйшій и значительнѣйшій памятникъ этой отрасли старо-итальянской литературы, также и важное значеніе въ культурно-историческомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что ея авторъ, уже по своему происхожденію, будучи представителемъ того городскаго сословія, которому западно-европейская цивилизація была обязана дальнѣйшимъ шагомъ въ ея стремленіи выйдти изъ границъ феодально-католическаго міросозерцанія, является и въ своемъ произведеніи точнымъ выразителемъ воззрѣній, интересовъ и тенденцій средняго класса, или, иначе, муниципальнаго духа, обусловившаго и опредѣлившаго всѣ существеннѣйшія особенности національной жизни Италіи среднихъ вѣковъ. Происходя изъ весьма богатой купеческой семьи, Виллани получилъ, по тогдашнему, блестящее воспитаніе. Благодаря своему образованію, онъ могъ извлечь большую пользу изъ своихъ, совершенныхъ имъ въ молодости, путешествій въ чужіе края, между прочимъ во Францію и въ Нидерланды. Кромѣ знакомства съ современнымъ ему обществомъ въ разныхъ странахъ Европы, онъ изъ своихъ путешествій вывезъ и самую идею изложить въ послѣдовательномъ разсказѣ «знатнѣйшія событія всего свѣта» (nobili cose dell'universo mondo),—идею, поддержанную и чувствомъ мѣстнаго патріотизма въ горожанинѣ, гордящемся своею родиной. Принадлежа къ партіи гвельфовъ, что не мѣшало ему быть безпристрастнымъ не только въ отношеніи къ Данту, но и къ императору Генриху VII, надеждѣ враждебной единомышленникамъ Виллани гибеллинской партіи, Виллани, какъ вообще выдающаяся по своимъ дарованіямъ личность, не

*) Критическое изданіе Magheri 8 т. 1823, Флоренція.

Digitized by Google

разъ принималъ участіе въ управленіи республикой—то въ качествѣ пріора, то посланника отъ флорентинскаго правительства, а также участвовалъ и въ военныхъ предпріятіяхъ послѣдняго (напр. въ кончившейся неудачею экспедиціи противъ Лукки въ 1323 г.). Банкротство одной изъ значительнѣйшихъ финансовыхъ фирмъ Флоренціи въ 1346 г. имѣло послѣдствіемъ для Виллани не только потерю всего его состоянія, но и временное лишеніе личной свободы; онъ ум. 1348 г.

Центромъ «Хроники» Виллани является, правда, родная ему Флоренція, но онъ ввелъ въ рамки своего разсказа и событія, происходившія не только въ болѣе отдаленныхъ областяхъ Италіи, но и во Франціи, Англіи и даже на Востокѣ. Повѣствуя о судьбахъ роднаго города, Виллани начинаетъ съ баснословныхъ временъ основанія Флоренціи, причемъ, подобно писавшимъ по латыни хронистамъ среднихъ вѣковъ, отличается такимъ же чуждымъ всякой критики легковѣріемъ относительно отдаленнаго прошлаго; но когда ему приходится разсказывать о событіяхъ, совершившихся на его глазахъ, онъ проявляетъ значительную способность прослѣдить между отдѣльными происшествіями соединяющую ихъ причинную связь, или по крайней мѣрѣ пытается доискаться до нея. Чуждый феодальнаго и рыцарскаго духа, онъ особенно богатъ данными о явленіяхъ государственной, общественной и экономической жизни флорентинской республики, благодаря чему его «Хроника» является драгоцѣннымъ источникомъ для историка. Положительность его взглядовъ вмѣстѣ съ точною наблюдательностью, столь понятныя у автора-купца, не исключаютъ однакожъ у Виллани извѣстной широты пониманія, хотя онъ еще совершенно въ манерѣ средневѣковыхъ хронистовъ готовъ, на ряду съ крупными общественными явленіями—какъ напр. его одушевленный разсказъ о такъ называемой революціи Чьомпи, сдѣлавшей во Флоренціи ремесленный классъ соперникомъ финансовой буржуазіи по отношенію къ обладанію властью въ республикѣ,—отмѣчать съ самой наивной серьезностью такіе факты, какъ появленіе волка на улицахъ Флоренціи, необыкновенно сильную грозу или присылку изъ Парижа кровоточивой гостіи. Слогъ Виллани хотя и страдаетъ растянутостью и еще не свободенъ отъ архаизмовъ и галлицизмовъ—послѣдніе свидѣтельствуютъ о распространенности французскаго языка въ то время среди образованнаго итальянскаго общества,—но уже представляетъ замѣтный успѣхъ въ смыслѣ легкости и правильности сравнительно съ большинствомъ прозаическихъ произведеній предъидущаго періода. Приведемъ, въ видѣ краткаго образца, то мѣсто изъ 8-й книги его «Хроники», гдѣ онъ, въ словахъ, проникнутыхъ вполнѣ трезвымъ, но все же не чуждымъ извѣстнаго энтузіазма сознаніемъ величія своей родины, разсказываетъ, что́ внушило ему мысль написать его произведеніе:

Digitized by Google

„Находясь, въ качествѣ благочестиваго поклонника (въ годъ юбилея, 1300), въ священномъ городѣ Римѣ, созерцая въ немъ его знаменитыя древности и читая разсказы о великихъ дѣяніяхъ римскаго народа, написанные Виргиліемъ, Саллюстіемъ, Луканомъ, Титомъ-Ливіемъ, Валеріемъ, Орозіемъ и другими учителями исторіи, описывающими великія и малыя событія, чтобы сохранить ихъ на память и для примѣра вѣкамъ грядущимъ, я позаимствовалъ у нихъ форму и слогъ, хотя и не будучи ученикомъ, достойнымъ исполнить столь великое дѣло. Но въ виду того, что нашъ городъ Флоренція, дщерь и созданіе Рима, стремится возвыситься до дѣлъ высокихъ, тогда какъ Римъ клонится къ упадку, я полагалъ, что будетъ прилично изложить въ этой книгѣ или новой хроникѣ всю исторію, также какъ и происхожденіе нашего города, насколько я это съумѣю, и, доискавшись до ихъ источниковъ, довести до конца разсказъ о событіяхъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. И такъ, возвратясь изъ Рима, въ 1300 г. я, съ Божіей помощью, принялся за составленіе этой книги во славу Господа и его угодника Іоанна и на прославленіе нашего города Флоренціи".

«Хроника» Джованни Виллани обрывается на XII книгѣ, подъ 11-мъ апрѣля 1348 года, когда во Флеренціи свирѣпствовала ужасная чума, отъ которой послѣдовала и смерть самого Виллани. Его фактичный разсказъ объ этомъ великомъ бѣдствіи (кн. XII. 84) представляетъ особенный интересъ, будучи сопоставленъ съ художественнымъ описаніемъ той же чумы, служащимъ какъ бы введеніемъ къ «Декамерону» Боккачіо. Продолжателями произведенія Виллани были его братъ Маттео и сынъ его Филиппо, подъ перомъ котораго «Хроника» останавливается на 1364 годѣ.

Познакомивъ читателей съ главнѣйшимъ изъ итальянскихъ прозаиковъ первой половины XIV вѣка, мы не остановимся ни на многочисленныхъ, нерѣдко анонимныхъ, полуисторическаго, полуморальнаго характера сборникахъ, подъ названіемъ «Fiori» или «Fiorite» идущихъ еще отъ XIII вѣка и предназначавшихся для менѣе образованной публики; ни на приписываемомъ Бозону де-Рафаели изъ Губбіо произведеніи, носящемъ заглавіе «L'Avventuroso Ciciliano» и представляющемъ нѣчто въ родѣ историческаго романа съ нравственною тенденціей; ни, наконецъ, на цѣломъ рядѣ сочиненій, проникнутыхъ духомъ религіознаго мистицизма и аскетики, — хотя всѣ онѣ отличаются замѣчательно хорошимъ слогомъ и имѣютъ значеніе, какъ выраженіе духа данной эпохи. Впрочемъ, нельзя не упомянуть о двухъ авторахъ изъ этого періода итальянской литературы по причинѣ особенной популярности, выпавшей на долю ихъ произведеніямъ. Это, во-первыхъ, дѣйствительно одаренный неподдѣльнымъ талантомъ, проповѣдникъ доминиканскаго ордена, Якопо Пассаванти (ум. въ 1357 г.) съ его знаменитымъ «Зерцаломъ истиннаго покаянія» (Lo Specchio della vera Penitenza) *), заключающимъ въ себѣ, въ перемежку съ разсказами о видѣніяхъ, чудесахъ и т. п., мѣста

*) Издалъ Polidori, 1863, Флоренція.

Digitized by Google

исполненныя истиннаго краснорѣчія. Другое имя—это Катерина Сіенская, (1347—80 г.), принадлежавшая къ ордену монахинь-доминиканокъ. Научившись писать только къ концу своей богатой событіями жизни—такъ въ 1376 г. она даже была отправлена флорентинцами въ Авиньонъ къ папѣ Григорію для переговоровъ по поводу происходившей тогда между ними войны, — она продиктовала свои 373 письма; обращаясь въ нихъ къ лицамъ всякаго званія, она съ пламеннымъ, бурнымъ краснорѣчіемъ убѣждаетъ всѣхъ и каждаго отказаться отъ міра съ его соблазнами и искать спасенія въ беззавѣтной любви къ Христу, которою она, отъ ранней молодости, была проникнута въ небывалой мѣрѣ, дѣлающей ее типическою представительницей самаго крайняго мистицизма *). Языкъ ея писемъ отличается тономъ проповѣди и, какъ у большинства мистическихъ писателей, отмѣченъ странною смѣсью самаго задушевнаго чувства и самой безвкусной, порою даже вульгарной изысканности выраженій и образовъ. Дочь народа, Катерина Сіенская, принимала близко къ сердцу его бѣду и горе и всегда, въ случаѣ нужды, являлась заступницей за него. Въ народныхъ массахъ популярность Катерины Сіенской была громадна, что ясно выражается въ ея народномъ прозвищѣ «la dolcissima Mamma».

Съ Катериной Сіенской мы подошли почти къ самому концу XIV-го столѣтія. Немногія находящіяся въ нашемъ распоряженіи страницы мы посвятимъ отдѣльному очерку жизни и литературной дѣятельности двухъ крупнѣйшихъ, послѣ Данта, представителей итальянской литературы сказаннаго столѣтія—Петрарки и Боккачіо. Выдѣлить ихъ изъ ряда писателей, о которыхъ было говорено выше, мы имѣемъ тѣмъ большее основаніе, что, тогда какъ эти послѣдніе были далеко не геніальными продолжателями умственнаго движенія предъидущаго времени, оба только что названные автора, напротивъ, имѣютъ значеніе начинателей, притомъ одаренныхъ творческимъ геніемъ, новаго фазиса духовной жизни Европы, отличительную черту котораго составляетъ небывалый до тѣхъ поръ взглядъ на соотношеніе между средневѣковою современностью и древне-классическимъ міромъ. «Средніе вѣка, говоритъ Gaspary **), чуть не до обоготворенія преклонялись предъ классическими писателями, но послѣдніе разсматривались ими съ односторонней точки зрѣнія: въ нихъ видѣли неисчерпаемый источникъ мудрости и образцы внѣшнихъ литературныхъ формъ, риторическаго способа изложенія. Правда, у Данта весьма замѣтно также и

*) Ея—„Opere“ изд. Gigli, 4 т. 1707—15; „Lettere“ изд. Tommaseo. 4 т. 1860 Флоренція. K. Hase, Caterina von Siena, ein Heiligenbild. 1864. Leipzig.

**) Gesch. der ital. Literatur. I т. 402 стр.

Digitized by Google

эстетическое воздѣйствіе на него древнихъ и хотя его взглядъ на нихъ не былъ настолько оригинальнымъ, чтобы искать въ нихъ чего-либо бо̀льшаго, сравнительно съ тѣмъ, чего искали его современники, все же его геній воспламенялся подъ животворнымъ впечатлѣніемъ живущихъ въ нихъ красотъ, и древнимъ онъ обязанъ всего болѣе тамъ, гдѣ онъ наименѣе сознательно имъ подражаетъ. Тѣмъ не менѣе, изученіе древнихъ составляло лишь одинъ изъ элементовъ его искусства, и отнюдь не служило для него основой, такъ что все творчество Данта сохраняло въ сущности вполнѣ средневѣковый характеръ. Вообще говоря, пониманіе древне-классическаго міра не доходило тогда до уразумѣнія его противоположности съ современностью; все ограничивалось тѣмъ, что съ нимъ только примирялись, лишь внѣшнимъ образомъ воспринимая его идеи, не смотря на то, что классическіе авторы составляли даже какъ бы обязательный элементъ традиціонной средневѣковой образованности. Муссато *) и Дантъ, при всемъ ихъ уваженіи къ античному міру, всею душою принадлежатъ своей эпохѣ, заняты исключительно ея интересами. Напротивъ того, характеристическою чертой Возрожденія являются стремленіе уклониться отъ современности и ближайшаго прошлаго, разрывъ съ живущимъ преданіемъ и полное погруженіе въ классическій міръ, представляющійся единственнымъ образцомъ и идеаломъ, къ оживленію котораго въ полномъ его объемѣ стремятся подъ условіемъ устраненія существующей дѣйствительности, признаваемой за своего рода вырожденіе того идеальнаго прошлаго. Петрарка—представитель начала этого новаго движенія».

Указавъ на принадлежащее Петраркѣ и Боккачіо мѣсто въ исторіи Возрожденія древности на Западѣ, мы, однакожъ, не коснемся именно относящейся сюда стороны ихъ дѣятельности, такъ какъ о ней будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ прочими дѣятелями того же направленія. Здѣсь же мы попытаемся, сверхъ біографическихъ свѣденій, дать очеркъ собственно итальянскихъ произведеній того и другого изъ названныхъ писателей, указавъ значеніе ихъ обоихъ въ ходѣ развитія итальянской литературы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Франческо Петрарка, родившійся 20 іюля 1304 г., былъ сынъ мессера Петракко (т. е. Пьетро), который занималъ должность

*) Авторъ по латыни написанной тенденціозной трагедіи „Eccerinis“, родомъ изъ Падуи (р. 1261, ум. 1330 г.); имъ же написаны: „Historia Augusta sive de gestis Henrici VII Caesaris“ и „De gestis Italicorum post Henricum VII Caesarem“. Онъ представитель процвѣтавшей въ XIII—XIV в. въ сѣверной Италіи латинской исторіографіи и поэзіи (9—11 книги послѣдняго изъ названныхъ произведеній Муссато написаны гекзаметромъ).

Digitized by Google

секретаря (notaro) при флорентинскомъ государственномъ архивѣ и, будучи изгнанъ одновременно съ Дантомъ изъ Флоренціи (въ 1302 г.), поселился затѣмъ въ Ареццо, гдѣ и явился на свѣтъ будущій пѣвецъ Лауры. Утративъ, со смертью императора Генриха VII, надежду вернуться во Флоренцію, Петракко переселился въ Авиньонъ. Юный Петрарка, получивъ первоначальное образованіе въ сосѣднемъ городѣ Карпантра, продолжалъ его частію въ Монпелье, частію въ Болоньѣ, гдѣ, согласно съ волей отца, занимался изученіемъ права, хотя, слѣдуя собственному неодолимому влеченію, большую часть своего времени отдавалъ чтенію древнихъ авторовъ.

Уже въ 1326 г., будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, Петрарка возвратился въ Авиньонъ, гдѣ, вмѣстѣ, съ своимъ братомъ Герардо, вступилъ въ духовное званіе, считавшееся особенно выгоднымъ для лицъ не обладающихъ средствами (по смерти родителей Петрарка понесъ большія потери въ наслѣдованномъ отъ нихъ состояніи, вслѣдствіе недобросовѣстности душеприказчиковъ). Въ Авиньонѣ, слѣдуя господствовавшимъ при пышномъ и распущенномъ папскомъ дворѣ обычаямъ, Петрарка велъ веселую общественную жизнь. Въ этомъ же городѣ, въ апрѣлѣ 1327 г., онъ впервые увидѣлъ, въ церкви св. Клары, Лауру, въ которую и влюбился. Эта любовь сдѣлала его самого знаменитымъ въ потомствѣ на цѣлые вѣка, какъ автора сонетовъ и канцонъ, образующихъ въ своей совокупности такъ называемый «Canzoniere» Петрарки, до настоящаго времени одно изъ самыхъ блестящихъ украшеній итальянской литературы. Живя въ Авиньонѣ, Петрарка съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе членовъ знатнаго римскаго рода Колонна, обезпечившее ему навсегда безбѣдное существованіе, такъ какъ благодаря ихъ протекціи онъ не разъ впослѣдствіи получалъ разныя весьма доходныя духовныя должности. Съ однимъ изъ нихъ, Якопо, епископомъ Ломбезскимъ, онъ былъ связанъ даже тѣсною дружбой, и по его рекомендаціи былъ принятъ на службу къ его старшему брату, кардиналу Джованни Колонна,— службу, бывшую скорѣе синекурой и длившуюся до самой смерти кардинала въ 1348 г. Въ 1333 г. Петрарка совершилъ продолжительное путешествіе, побывавъ въ Парижѣ, Гентѣ, Люттихѣ и Кельнѣ, и, проѣхавъ на обратномъ пути чрезъ дикіе лѣса Арденскихъ горъ, возвратился въ Авиньонъ. Четыре года спустя, онъ впервые посѣтилъ Римъ.

Въ «вѣчномъ городѣ» Петрарка, руководимый маститымъ Стефано Колонна и прочими находившимися въ Римѣ представителями этой славной семьи, съ неподдѣльнымъ восторгомъ осматривалъ памятники древности, а также обошелъ всѣ служащія предметомъ благоговѣйнаго поклоненія мѣста. По своемъ возращеніи въ Авиньонъ,

Digitized by Google

по прежнему не находя отвѣта своей страсти со стороны Лауры. Петрарка удалился отъ шумной придворной жизни въ уединенное мѣстечко Воклюзъ, расположенное неподалеку отъ Авиньона въ чрезвычайно живописной мѣстности на берегахъ р. Сорги: здѣсь онъ весь отдавался чтенію своихъ любимыхъ древнихъ авторовъ и собственнымъ любовнымъ грезамъ и мечтамъ о славѣ. Плодомъ этихъ грезъ были канцоны и сонеты, дѣлавшія имя Петрарки все болѣе популярнымъ, а славолюбивыя мечты внушили ему во-первыхъ мысль о цѣлой латинской поэмѣ и во-вторыхъ желаніе добиться, такъ или иначе *), увѣнчанія лавровымъ вѣнкомъ въ римскомъ Капитоліи. Крайне быстро и съ истиннымъ одушевленіемъ написанная имъ часть латинской поэмы, озаглавленной «Africa» и воспѣвающей подвиги героя третьей Пунической войны Сципіона Младшаго, еще болѣе увеличила и такъ уже громкую его извѣстность, благодаря чему и при содѣйствіи расположенныхъ къ нему Колонна Петрарка получилъ отъ римскаго сената приглашеніе къ торжественному увѣнчанію лавровымъ вѣнкомъ, которое было доставлено поэту въ Воклюзѣ, по капризу случая, въ одинъ и тотъ же день (1-го сентября 1340 г.) съ совершенно аналогичнымъ приглашеніемъ отъ парижскаго университета. Восторженный поклонникъ древнихъ, Петрарка, разумѣется, предпочелъ Капитолій Сорбоннѣ.

Но предварительно онъ пожелалъ подвергнуться испытанію по всѣмъ отраслямъ тогдашней науки со стороны неаполитанскаго короля Роберта, который, послѣ происходившей въ теченіе трехъ дней бесѣды, объявилъ поэта достойнымъ принятія приготовленной для него въ Римѣ высшей награды. 8-го апрѣля 1341 г., Петрарка, въ праздничной одеждѣ, подаренной королемъ Робертомъ, былъ увѣнчанъ въ Капитоліи, среди ликованій народа, сенаторомъ Орсо дель-Ангвиллара. Проѣздомъ изъ Рима въ Авиньонъ, Петрарка около году провелъ въ Пармѣ, гдѣ въ то время власть принадлежала дружественному съ нимъ Аццо да-Корреджо. Здѣсь Петрарка, подъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ окружающей его живописной природы, вновь проникся поэтическимъ вдохновеніемъ и въ короткій срокъ окончилъ свою латинскую поэму. По смерти папы Бенедикта XII, онъ присоединился къ посольству, отправлявшемуся изъ Италіи, съ Коло ди Ріенци во главѣ, въ Авиньонъ, съ цѣлію побудить новаго папу Климента VII къ перенесенію папскаго престола въ Римъ. Это не удалось, но Петрарка нашелъ со стороны папы полное расположеніе къ себѣ, выразившееся, между прочимъ, пожалованіемъ мильяринскаго пріората въ Пизанской епархіи. Съ пріѣздомъ въ Авиньонъ, для Петрарки снова начались

*) Петрарки Epistolae de rebus familiaribus, IV, 2.

Digitized by Google

любовныя тревоги съ неизбѣжными сонетами въ честь Лауры. Въ это же время родился второй незаконный ребенокъ, прижитый имъ съ женщиной, о которой не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній, кромѣ неопредѣленнаго упоминанія въ латинскихъ письмахъ Петрарки. Также въ это пребываніе поэта въ Авиньонѣ имъ написано, кромѣ ряда писемъ къ ближайшимъ изъ его друзей «Лелію» (Лелло ди Стефано, въ Римѣ) и «Сократу» (Лудовику, съ которымъ Петрарка сблизился во время вышеупомянутой его поѣздки во Фландрію), весьма важное для біографіи или, вѣрнѣе, для уразумѣнія личности Петрарки, латинское сочиненіе «De Contemptu Mundi», своего рода подражаніе Боеціеву «Consolatio». Уже въ 1343 г. Петрарка оставляетъ Авиньонъ, чтобы отправиться съ дипломатическимъ порученіемъ въ Неаполь, гдѣ тогда правила внучка незадолго передъ тѣмъ умершаго короля Роберта, Джованна, отличавшаяся страстью къ пышности и далеко не безупречными нравами. Послѣднее обстоятельство не помѣшало Петраркѣ настолько сдѣлаться ея сторонникомъ, что папа вынужденъ былъ для болѣе успѣшнаго улаженія порученнаго поэту дѣла прислать въ Неаполь другое лицо. Побывавъ при дворахъ разныхъ болѣе мелкихъ властителей въ Италіи, Петрарка возвратился въ 1345 г. во Францію, гдѣ, несмотря на неудачу его дипломатической миссіи, онъ былъ въ высшей степени благосклонно принятъ папой, предложившимъ ему даже должность апостолическаго секретаря, отъ которой Петрарка однакожъ отказался, но за то принялъ предложенный ему каноникатъ въ Пармѣ. Слѣдующіе десять лѣтъ Петрарка провелъ попеременно въ Верхней Италіи и на югѣ Франціи. Со смертью Лауры, умершей во время чумы 1348 года, и кардинала Колонна у Петрарки исчезла нравственная связь, приковывавшая его къ Авиньону, антипатію къ которому, въ особенности же къ находившемуся въ немъ папскому двору съ его интригами и порочностью, онъ и прежде не разъ энергически выражалъ въ своей перепискѣ съ друзьями, такъ что въ 1353 г. Петрарка навсегда уѣхалъ изъ этого города и переселился въ Италію, гдѣ и провелъ послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни, оставаясь сначала въ Миланѣ, а потомъ въ Венеціи и Падуѣ. Въ теченіе этого періода Петрарка пользовался огромною извѣстностью, доказываемою множествомъ знаковъ вниманія къ нему со стороны самыхъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ его времени; поэтому весьма естественно было и въ Петраркѣ желаніе оказывать воздѣйствіе на ходъ тогдашнихъ событій, въ разсчетѣ на свое исключительное положеніе, что̀ не избавляло его, конечно, отъ промаховъ и отъ непріятности убѣждаться въ безплодности своихъ стараній.

Одинъ изъ характернѣйшихъ для личности Петрарки примѣровъ

Digitized by Google

такого его вмѣшательства въ политику его времени представляетъ его отношеніе къ авантюристскому перевороту Коло ди Ріенци въ Римѣ (1347 г.), котораго онъ привѣтствовалъ латинской эклогой (V-ою), латинскимъ посланіемъ (такъ назыв. epistola hortatoria) и итальянской канцоной («Spirto gentil che quelle membra reggi») *). Разочаровавшись, съ паденіемъ Коло ди Ріенци, въ возможности возрожденія римской республики, Петрарка не замедлилъ перенести свои политическія надежды на римскую имперію, и, подобно Данту, сталъ видѣть источникъ спасенія для разъединенной Италіи въ перенесеніи центра императорской власти въ Римъ,—отсюда рядъ увѣщаній, обращенныхъ имъ къ императору Карлу IV поспѣшить походомъ въ Италію. (Особенно важно его пространное письмо подъ заглавіемъ: De pacificanda Italia exhortatio). Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что во всѣхъ этого рода обращеніяхъ Петрарки—какъ къ папѣ, такъ и къ Ріенци и къ Карлу IV,—является, въ видѣ литературнаго шаблона, олицетворяющая столицу міра фигура величественной женщины съ посѣдѣлыми волосами, съ лицомъ, изможденнымъ горемъ и лишеніями, одѣтой въ рубища, но все еще исполненной гордаго сознанія своего славнаго прошлаго. Не смотря на крайне лестный пріемъ, оказанный поэту Карломъ IV по прибытіи въ Италію и, съ извинительнымъ самодовольствіемъ, описанный Петраркой въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей **), императоръ вернулся во-свояси, не осуществивъ возлагавшихся на него Петраркой надеждъ по отношенію къ Италіи. Не смотря на полное упрековъ письмо, посланное Карлу IV Петраркой, послѣдній былъ принятъ императоромъ весьма милостиво, когда, годъ спустя (1458) явился въ Прагу въ качествѣ посла отъ правителей Милана Висконти; настолько Петрарка умѣлъ угодить сильнымъ міра, настолько прочна была въ то время его слава! Онъ не отказывалъ въ своемъ посредничествѣ и итальянскимъ правителямъ и городамъ при ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ, но дѣло кончалось обыкновенно большими почестями, оказываемыми лично ему, и полною безуспѣшностью его дипломатическихъ стараній.

Умѣнье Петрарки, конечно характеризующее его какъ человѣка, ладить одновременно съ двумя враждующими сторонами, рѣзко выразилось напр. во время столкновенія между папой Урбаномъ V, перенесшимъ въ 1466 г. папскую резиденцію въ Римъ, и Висконти: оставаясь въ тѣсной дружбѣ съ послѣдними, онъ получаетъ самое

*) Высказанныя нѣкоторыми изслѣдователями предположенія, что эта канцона была адресована авторомъ не Коло ди Ріенци, а какому либо иному лицу, едва ли могутъ считаться основательными (См. Bartoli, Storia etc. VII т., весь посвященный Петраркѣ,—127 стр.).

**) Familiares, XIX, 3.

Digitized by Google

лестное приглашеніе отъ папы посѣтить его въ Римѣ. Предпринятое имъ вслѣдствіе этого путешествіе однакожъ было прервано по причинѣ слабаго состоянія здоровья, вынудившаго Петрарку изъ Феррары вернуться назадъ. Съ 1370 г. онъ поселился неподалеку отъ Падуи въ деревнѣ Арква, гдѣ и провелъ остальные четыре года своей жизни, занимая выстроенный имъ тамъ домъ вмѣстѣ съ семьей своей замужней дочери. Отсюда же была предпринята послѣдняя дипломатическая поѣздка Петрарки по порученію Франческо да Каррара для переговоровъ относительно заключенія мира между нимъ и Венеціанцами, увѣнчавшаяся достиженіемъ предположенной цѣли. Но за этотъ успѣхъ престарѣлому поэту-дипломату пришлось дорого поплатиться: изъ Венеціи онъ вернулся къ своей семьѣ уже больнымъ и, спустя нѣсколько времени по его возвращеніи, утромъ 18 іюля 1374 г., Петрарка скончался въ своей библіотекѣ за чтеніемъ одной изъ своихъ любимыхъ книгъ.

Что касается нравственной природы Петрарки, насколько она открывается намъ въ его произведеніяхъ, то въ ней наиболѣе выдаются слѣдующія четыре характеристическія стороны: неумирающая страсть къ Лаурѣ, неутолимая жажда славы, благоговѣйная любовь къ древне-римскому міру и крайняя измѣнчивость душевныхъ настроеній *), которою вѣроятно, обусловливалась и склонность Петрарки къ мистицизму, съ одной стороны, и къ пессимистическому взгляду на жизнь, съ другой. Свидѣтельствомъ первой являются огромное большинство его сонетовъ, канцонъ и прочихъ итальянскихъ стихотвореній, а также аллегорическая поэма «Тріумфы»; второй—многочисленнѣйшія мѣста въ его латинскихъ произведеніяхъ; тогда какъ третье и четвертое свойства души Петрарки сказались, сверхъ отраженія ихъ въ его сочиненіяхъ, и въ его практической дѣятельности, во 1-хъ, не останавливавшимся ни предъ какими жертвами стремленіемъ къ пріобрѣтенію памятниковъ древне-классической литературы и, во 2-хъ, способностью съ поразительной легкостью переходить изъ одного лагеря въ другой, причемъ расположеніе къ мистицизму побудило его написать книгу «De Contemptu Mundi», одну изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ «исповѣдей», а пессимистическое отношеніе къ жизни всего полнѣе выразилось въ рѣчахъ, влагаемыхъ Петраркой въ уста карѳагенскаго полководца Маго въ концѣ его латинской поэмы «Africa» **). Выше уже было замѣчено, что о

*) Bartoli въ VII т. своей Storia разсматриваетъ Петрарку почти исключительно съ этой стороны.

**) Книга VI, ст. 885 и слѣд. Критич. изданіе поэмы принадлежитъ Franc. Corradini въ изданной по случаю Петраркова юбилея книгѣ: Padova a Fr. Petrarca, il

Digitized by Google

Петраркѣ, какъ предвѣстникѣ Возрожденія, какимъ онъ является именно въ своихъ латинскихъ произведеніяхъ, будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ; а мы здѣсь остановимся только на его итальянскихъ стихотвореніяхъ («Il Canzoniere» и «I Trionfi»), по которымъ именно и можно изучить Петрарку, какъ «пѣвца страсти нѣжной», составлявшей первую изъ указанныхъ существеннѣйшихъ сторонъ его душевной природы.

«Canzoniere» Петрарки состоитъ изъ двухъ частей: первую изъ нихъ образуютъ стихотворенія, написанныя при жизни Лауры (in vita di Laura), вторую—написанныя по ея смерти (in morte di Laura); эти стихотворенія распадаются на 317 сонетовъ, 29 канцонъ, 9 сестинъ. 7 баллатъ и 4 мадригала. Огромное большинство ихъ служитъ выраженіемъ любви Петрарки къ Лаурѣ. Мнѣніе, что эта Лаура была одна изъ обитательницъ Авиньона, урожденная де Новъ (de Noves) а по мужу де Садъ (de Sade), въ новѣйшее время встрѣтило весьма вѣскія опроверженія *), такъ что вопросъ о томъ, кто такая собственно была на вѣки прославленная Петраркой Лаура, остается пока открытымъ; несомнѣнно одно, что эта особа была замужемъ, такъ какъ поэтъ вездѣ, говоря о ней, называетъ ее не дѣвушкой, а женщиной, «donna» и «mulier» **). Также невозможно предполагать, что Лаура была существо фиктивное, а не реальное: Петрарка самъ сообщаетъ дату ея кончины въ числѣ разныхъ другихъ чисто фактическаго характера записей, сохранившихся на его экземплярѣ Виргилія, и съ столь же неопровержимою опредѣленностью говоритъ о своемъ чувствѣ въ 3-мъ діалогѣ своего латинскаго сочиненія «De Contemptu Mundi» (или «Secretum»). Что касается до свойства, до природы самаго этого чувства, то нельзя не признать основнаго сходства между любовью Петрарки и чувствомъ, вдохновлявшимъ поэтовъ флорентинской школы и особенно Данта: какъ для нихъ любимая женщина—источникъ всякаго совершенствованія для ея поклонника, такъ точно и Петрарка убѣжденъ, что «она отвлекла его юность отъ всего низкаго и придала ему крылья, чтобы онъ могъ направить свой полетъ и созерцать, на обитаемой ею высотѣ, первую причину вещей» (de Contemptu M., III dial.); обращаясь къ своей душѣ, онъ говоритъ: «отъ нея приходитъ къ тебѣ та любовная мысль, за которой ты слѣдуешь и которая приводитъ тебя къ Верховному благу, ни во-что цѣня все

XVII Luglio 1874, стр. 77 и сл.; лучшій этюдъ о ней Zumbini въ его Studi sul Petrarca 1878 Napoli.

*) Bartoli Storia VII, 188—210 p. Cp. Gaspary loc. cit. 405—408 pag. и примѣчанія.

**) Наприм. во 2-й строфѣ канцоны XII, (1-й части), говорится: La bella giovinetta ch'ora è donna.

Digitized by Google

рочее, предметъ людскихъ желаній. Отъ нея приходитъ къ тебѣ то лагородное мужество, которое направляетъ твои шаги къ небесамъ по рямой стезѣ, такъ что я иду уже исполненный возвышенныхъ надеждъ». Сонетъ: Quando fra l'altre donne ad ora ad ora). Но что составляетъ азницу между Петраркой и напр. Гвидо Кавальканти и самимъ антомъ, это—его несравненно меньшая склонность прибѣгать для ыраженія своей страсти къ абстрактнымъ, метафизическимъ идеямъ къ олицетвореніямъ, столь обычнымъ у поэтовъ «del dolce stile uovo»; напротивъ, Петрарка для передачи на словахъ владѣвшаго имъ увства стремится пользоваться реальными, конкретными образами, неосредственно выражающими оттѣнокъ страсти эпитетами, такъ что о временамъ его стихотворенія по пластичности и яркости колорита, ю задушевности чувства, чрезвычайно приближаются къ лучшимъ озданіямъ новѣйшей европейской лирики. Примѣромъ здѣсь могутъ лужить прелестныя канцоны, начинающіяся словами «Chiare, fresche dolci acque» и «Nella stagion che'l ciel rapido inchina», или многоисленные сонеты въ родѣ «Zefiro torna e l'bel tempo ramena», «Quel ossignuol ché si soave piagne», и т. п.

Но при всей реальности любви Петрарки, онъ воспѣвалъ въ воихъ гармоничныхъ стихахъ любовь, не нашедшую себѣ отвѣта,— ттого ему приходилось только изливать жалобы, и при массѣ повященныхъ его сердечному горю стиховъ, его поэзіи, естественно, розила крайняя монотонность; Петрарка въ значительной мѣрѣ изѣгъ ея благодаря лишь необыкновенному богатству оттѣнковъ, съ котоыми онъ умѣлъ передать терзавшее его чувство, но тѣмъ не менѣе ельзя отрицать нѣкотораго однообразія его меланхолическихъ изліяній, е говоря о томъ, что въ такомъ множествѣ стиховъ на ту же тему аже и прямыя повторенія были неизбѣжны. Другая, еще болѣе хаактеристичная особенность лирики Петрарки заключается въ слѣующемъ. Упомянутая выше двойственность натуры Петрарки даетъ ебя чувствовать и въ его любви къ Лаурѣ и въ ея выраженіи ъ «Canzoniere»: онъ въ своихъ стихахъ совершенно противоположнымъ бразомъ относится къ своему чувству,—то для него это—путь, веущій къ Высшему идеалу и къ спасенію (см. выше), то это нѣчто рѣховное, и онъ готовъ оправдываться въ своей страсти, принести окаяніе. Религія и любовь ведутъ постоянную борьбу въ душѣ оэта,—и онъ съ сомнѣніемъ спрашиваетъ себя: «Которая побѣдитъ, е знаю; но до сей поры онѣ боролись и не однажды» (Сон. L'aspetto acro). Всего полнѣе эта его двойственность выразилась въ 17-й канонѣ 1-й части (I'vo pensando, e nel pensier m'assale), въ которой, ежду прочимъ, встрѣчаются слѣдующіе стихи: «съ одной стороны гыдъ и сердечная боль побуждаютъ меня вернуться назадъ; съ

Digitized by Google

другой же, меня держитъ страсть, по привычкѣ столь усилившаяся во мнѣ, что дерзаетъ даже бороться съ самою смертью» и, въ концѣ стихотворенія, дантовски-лаконическій резюмирующій все содержаніе канцоны, стихъ: «и вижу лучшее и къ худшему стремлюсь» (E veggio l'meglio, ed al peggio m'appiglio). Эта канцона Петрарки есть какъ бы поэтическое воспроизведеніе его же трактата «De Contemptu Mundi». Ясно, что самъ Петрарка сознавалъ эту раздвоенность своей души; въ сонетѣ: Amor mi manda, поэтъ даже прямо выражается: «ни *да*, ни *нѣтъ* не звучитъ вполнѣ въ моемъ сердцѣ» *).

Первая и вторая части «Conzoniere» разнятся между собою главнымъ образомъ тѣмъ, что въ стихахъ первой изъ нихъ, не смотря на весь идеальный характеръ любви Петрарки къ Лаурѣ, все-таки прорывается наружу чувственная сторона его страсти (обѣ знаменитыя по своей живописности строфы **) канцоны: Chiare, fresche e dolci acque итальянскій поэтъ-ученый Кардуччи даже понялъ такимъ образомъ, что описанное въ нихъ было плодомъ подсматриванія Петрарки за купающейся Лаурой!); во второй же, возникшей уже по смерти Лауры, естественно, указанная сторона исчезаетъ, причемъ и самое чувство и его поэтическое выраженіе достигаютъ удивительной чистоты, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго сонета, принадлежащаго къ совершеннѣйшимъ по содержанію и по формѣ.« Щебетанье-ли пташекъ, шелестъ-ли зеленыхъ вѣтвей, тихо колеблемыхъ лѣтнимъ вѣтеркомъ, шепотъ-ли прозрачныхъ волнъ, набѣгающихъ на утесъ, раздаются по цвѣтущему, полному свѣжести берегу; съ того мѣста, гдѣ я сижу задумчиво и пишу, я вижу ту, которую намъ показало небо и нынѣ скрываетъ земля, и слышу ее и сознаю, что она не умерла и даже изъ такой дали отвѣчаетъ на мои вздохи.—Ахъ, для чего ты губишь себя прежде времени? съ состраданіемъ говоритъ она мнѣ: зачѣмъ изъ печальныхъ очей твоихъ льются потокомъ горькія слезы? Не плачь обо мнѣ: вѣдь со смертью дни мои сдѣлались вѣчными, и закрывая глаза, я открыла ихъ среди вѣчнаго свѣта».

Со стороны формы стихотворенія Петрарки отличаются необыкновенно тонкою и старательною отдѣлкою; изящество выраженія, музыкальность фразы доведены въ нихъ до возможнаго совершенства,—это доказывается, какъ тѣмъ, что множество отдѣльныхъ его стиховъ вошли, на подобіе пословицъ, въ общее употребленіе, такъ и тѣмъ, что даже такіе поэты, какъ Аріосто и Полиціано, дѣлали дословныя заимствованія изъ Петрарки. Языкъ въ его произведеніяхъ

*) Bartoli, указ. сочин., стр. 214 и слѣд.

**) Вольтеръ въ 72 гл. „Essai sur les Moeurs" подражаетъ одной изъ нихъ в французскихъ стихахъ.

Digitized by Google

настолько выработанъ, что, не смотря на истекшія пятьсотъ лѣтъ со дня смерти Петрарки, у него не найдется почти ни одного слова, которое пришлось бы признать устарѣлымъ *).

Но поэтическія произведенія Петрарки наряду съ своими высокими достоинствами представляютъ и крупные недостатки; сюда принадлежатъ: обиліе сравненій, часто натянутыхъ и холодныхъ, игра словами, погоня за риторическими эффектами, наборъ словъ, не заключающихъ никакой болѣе или менѣе глубокой или вообще оригинальной мысли;—слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что на такой наборъ словъ наталкивали поэта въ значительной степени тѣ крайне стѣснительныя стихотворныя формы, которыя онъ по преимуществу разрабатывалъ—*сонетъ* и въ еще большей мѣрѣ *сестина;* допускающая большую свободу для передачи поэтическихъ мыслей и чувствованій *канцона* и у Петрарки несравненно богаче психологической правдой, непосредственнымъ вдохновеніемъ. Но вообще говоря, у Петрарки найдется лишь очень немного безусловно законченныхъ стихотвореній, даже между его сонетами, не говоря уже объ отличающихся иногда чрезмѣрною длиннотою канцонахъ.

Дополненіемъ къ «Canzoniere» Петрарки можно считать его аллегорическую поэму «I Trionfi», написанную итальянскими терцинами, тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что, помимо ея не столько эпическаго, сколько лирическаго тона, въ ней находитъ себѣ примиреніе та, указанная выше, борьба между религіей и любовью, которая придаетъ столь своеобразный отпечатокъ лирикѣ Петрарки. Именно во второй главѣ «Trionfo della Morte» **) Лаура, уже небожительница, дѣлаетъ, такъ сказать заднимъ числомъ, признаніе, что и она при жизни своей на землѣ раздѣляла втайнѣ привязанность къ ней вѣрнаго ея пѣвца, но скрывала свое чувство ради ихъ общаго спасенія, — эта фикція поэта характерна въ томъ отношеніи, что доказываетъ достигнутое наконецъ Петраркой убѣжденіе въ негрѣховности одушевлявшей его всю жизнь любви къ Лаурѣ. И это тѣмъ для насъ интереснѣе, что Петрарка началъ писать свою поэму уже въ возрастѣ, близкомъ къ старости, и кончилъ почти наканунѣ своей смерти, («I Trionfi» написаны въ промежутокъ времени отъ 1357 по 1373 г.), слѣдовательно, въ то время, когда съ полнымъ сознаніемъ, съ вполнѣ зрѣлою мыслью могъ оглянуться на протекшую жизнь и дать себѣ въ ней отчетъ. Вкратцѣ, основная мысль этой морально-аллегорической поэмы слѣдую-

*) Превосходная оцѣнка стихотвореній Петрарки въ эстетическомъ отношеніи сдѣлана покойнымъ De Sanctis'омъ въ его Saggio critico sul Petrarco. 1869. Неаполь.

**) Поэма состоитъ изъ шести отдѣловъ, раздѣленныхъ на „capitoli" и озаглавленныхъ: Тріумфъ или побѣда любви, тр. цѣломудрія, тр. смерти, тр. славы, тр. времени и тр. божества.

Digitized by Google

щая: человѣкъ, во время своего существованія на землѣ бываетъ побѣждаемъ своими страстями, любовью; но онъ справляется съ ними съ помощью добродѣтели или цѣломудрія; наконецъ его постигаетъ смерть, но слава переживаетъ ее, съ тѣмъ чтобы однакожь быть побѣжденной временемъ, которому противостать можетъ только вѣчное блаженство, миръ въ Богѣ, составляющіе конечную цѣль человѣка. Эти-то послѣдовательные «тріумфы» поэтъ созерцаетъ въ видѣніи; это—рядъ процессій, сопровождающихъ то или иное торжествующее аллегорическое существо, причемъ въ каждой изъ нихъ выдѣляются разныя, въ большинствѣ заимствованныя изъ античнаго міра, личности, прославившіяся своею судьбою соотвѣтственно съ основнымъ значеніемъ того или иного тріумфирующаго существа. Но Петрарка въ этомъ случаѣ не совладалъ съ своей задачей, и если его поэма была плодомъ желанія его состязаться съ Дантомъ, то онъ остался неизмѣримо позади него. При всей холодности, вѣющей отъ этого произведенія Петрарки, не смотря на безобразящій его голый перечень однихъ историческихъ именъ, долженствующихъ замѣнить живые пластическіе образы, «I Trionfi» не чужды истинной поэзіи, именно, когда онъ касается своихъ отношеній къ Лаурѣ, или когда онъ живописуетъ собственныя душевныя настроенія, причемъ онъ достигаетъ замѣчательной образности—таково напр. описаніе скончавшейся Лауры (Trionfo della Morte, въ концѣ 1-го capitolo). Между стихотвореніями, написанными Петраркой на итальянскомъ яз., есть нѣсколько и нелюбовнаго содержанія,—таковы напр. канцоны къ Коло ди Ріенци и «Italia mia» дышащія искреннимъ и глубокимъ чувствомъ любви къ свободѣ и къ родинѣ; 7-й сонетъ 1-й части «Canzoniere», въ которомъ поэтъ поддерживаетъ въ своемъ другѣ благородное рвеніе къ занятію науками и, наконецъ нѣсколько сонетовъ, направленныхъ противъ Рима и исполненныхъ ювеналовской желчи, по рѣзкости же выраженій превосходящихъ громовыя тирады Данта, а потому и менѣе художественныхъ *).

Что касается, такъ сказать, внутренняго значенія итальянскихъ стихотвореній Петрарки, то какъ и въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ является первымъ человѣкомъ новой исторіи, отказываясь въ нихъ отъ пріемовъ схоластики, которую онъ ненавидѣлъ и презиралъ, такъ и за свою лирику онъ заслуживаетъ еще съ большимъ правомъ называться первымъ человѣкомъ новаго времени: дѣйствительно, въ этой лирикѣ впервые внутренній, душевный міръ полу

*) Латинскія произведенія Петрарки въ стихахъ и прозѣ, будутъ перечислены и разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ, гдѣ, съ помощью ихъ, будетъ полнѣе выясненъ нравственный обликъ пѣвца Лауры.

Digitized by Google

чаетъ самостоятельное значеніе, подвергается наблюденію и анализу и воспроизводится съ полною вѣрностью. Среднимъ вѣкамъ была неизвѣстна столь выработанная психологическая жизнь. Въ «Canzoniere» Петрарки поэзія въ первый разъ получаетъ откровеніе человѣческой души со всею ея борьбой, со всѣми ея скорбями и противорѣчіями. Въ этомъ заключается его великая оригинальность *).

Вліяніе Петрарки въ итальянской литературѣ было очень велико, но за-то и крайне безплодно. Начавшись еще при жизни поэта, оно почти непрерывно продолжалась вплоть до XVII вѣка, когда Тассони **) первый серьезно выступилъ противъ пѣвца Лауры, но и то не могъ совершенно поколебать значенія, признаваемаго за Петраркой. Противовѣсомъ общему увлеченію послѣднимъ явилось только, уже въ позднѣйшее время, постепенно совершившееся обращеніе итальянцевъ къ Данту, не безъ воздѣйствія при этомъ все болѣе укрѣплявшихся въ Италіи патріотическихъ стремленій создать свободную и объединенную Италію.

Между тѣмъ въ теченіи предъидущаго періода цѣлыя общества любителей поэзіи,—такъ называемыя «академіи», носившія порою весьма странныя названія: ихъ представительницей въ XVI в. можетъ служить академія della Crusca ***)—только и занимались, что изученіемъ и объясненіемъ стихотвореній Петрарки и подражаніями ему; въ XVI—XVII в. считалось обязательнымъ для всякаго вздыхать по Лаурѣ и воспѣвать ее.

Намъ остается еще сдѣлать краткій очеркъ жизни и произведеній третьяго великаго представителя итальянской литературы XIV вѣка—Джованни Боккачіо (Giovanni Boccaccio или de'Boccacci). Онъ родился въ 1313 г., по всей вѣроятности во Флоренціи, [1]) (а не въ Парижѣ отъ незаконнаго сожительства, какъ обыкновенно полагали его біографы), или можетъ быть по сосѣдству съ нею, въ Чертальдо, гдѣ онъ и провелъ первое дѣтство. Отецъ его былъ купецъ, владѣвшій значительнымъ состояніемъ, благодаря чему онъ не разъ, по своемъ переселеніи во Флоренцію, занималъ значительныя государственныя должности. Обезпеченности своего отца Джованни Боккачіо, наравнѣ съ своимъ младшимъ братомъ Якопо, былъ обязанъ тѣмъ, что получилъ хорошее воспитаніе, а по смерти отца порядочное наслѣдство, которое дало ему возможность удовлетворять своей склонности къ свѣтскому образу жизни, но въ тоже время и страсти къ пріобрѣте-

*) Gaspary, Geschichte etc. стр. 480.

**) Въ его «Considerazioni sopra le rime del Petrarca» (1609), сочиненіи, навлекшемъ ему прозвище «Petrarcomastix».

***) Crusca по-итальянски отруби.

[1]) Körting, указ. сочин., стр. 80.

Digitized by Google

нію памятниковъ древне-классической литературы, изученію которыхъ онъ отдавался съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ Петрарка; съ послѣднимъ онъ былъ связанъ самою тѣсною дружбою, не омраченною никакими серьезными недоразумѣніями. Отношенія молодаго Боккачіо къ его отцу, который, провдовствовавъ довольно долго по смерти первой своей жены, матери Джованни, былъ потомъ еще дважды женатъ и умеръ, вѣроятно, отъ чумы 1348--49 г., отнюдь не отличались нѣжностью: старикъ былъ по характеру практическій дѣлецъ и придавалъ цѣну образованію единственно лишь въ виду реальной отъ него пользы, а потому прежде всего онъ предполагалъ сдѣлать изъ сына образованнаго торговаго дѣятеля, и ужъ всего менѣе поэта или ученаго. Сынъ же, напротивъ, смотрѣлъ на образованіе съ эстетической точки зрѣнія. Въ результатѣ антагонизма между отцомъ и сыномъ, возникшаго вслѣдствіе такой разницы во взглядахъ, явилось сначала разрѣшеніе, данное старымъ Боккачіо сыну, поступить въ университетъ подъ условіемъ заняться изученіемъ каноническаго права, какъ открывавшаго въ тѣ времена хорошую карьеру, а потомъ, когда изъ Джованни не вышло и дѣльнаго юриста, какъ раньше изъ него не вышло путнаго купца, окончательное посвященіе себя молодымъ Боккачіо занятіямъ поэзіей и наукой. Боккачіо самъ указываетъ, въ своихъ произведеніяхъ *), на то невыгодное вліяніе, которое производили указанныя отношенія къ отцу на его характеръ, и эта пережитая имъ въ ранніе годы зависимость отъ отца отразилась на Боккачіо отсутствіемъ самостоятельности воли и развитіемъ нѣсколько болѣзненной чувствительности, соединенными съ потребностью подчиняться чужому вліянію. Проведши время съ 1320 г., повидимому, во Флоренціи и въ разъѣздахъ съ торговыми порученіями отъ отца **), въ концѣ 1330 г. Боккачіо является въ Неаполь въ качествѣ отцовскаго агента, но затѣмъ остается въ этомъ городѣ по 1338 г., занимаясь номинально изученіемъ права, а на самомъ дѣлѣ чтеніемъ классиковъ и поэзіей.

Въ началѣ XIV столѣтія Неаполь пользовался значеніемъ крупнаго политическаго центра, особенно въ правленіе короля Роберта, который будучи главой гвельфской партіи, располагалъ огромнымъ вліяніемъ; кромѣ того, самъ отличаясь ученостью, онъ окружилъ себя фалангой поэтовъ и ученыхъ и всячески старался придать какъ можно больше блеска придворной жизни. Флоренція, сравнительно съ Неаполемъ, представлялась тогда тихимъ городомъ, съ серьезнымъ жизненнымъ

*) Въ «Visione amorosa» въ «Ameto» и въ „Genealogia deorum“, lib. XV, cap. 10.

**) Кончившееся будто бы обратной отсылкой къ отцу пребываніе Боккачіо въ Парижѣ на выучкѣ въ банкирской конторѣ слѣдуетъ, кажется, считать легендой.

Digitized by Google

строемъ. По своемъ переселеніи изъ скромной республиканской Флоренціи въ пышную королевскую столицу, одаренный впечатлительной и страстной натурой Боккачіо не могъ не ощутить существенной перемѣны въ самомъ себѣ. Роскошная окружающая Неаполь природа; шумная и веселая придворная жизнь, являвшаяся съ ея безконечными интригами отличною, хотя и не безопасною школой для молодаго и свѣжаго характера; занятія любимыми предметами, и, наконецъ, овладѣвшая имъ любовь къ Маріи, незаконной дочери короля Роберта, все это должно было оказать сильное вліяніе на Боккачіо. Личность Боккачіо съ этой поры опредѣлилась навсегда,—это поэтъ и ученый, не преслѣдующій, кромѣ поэзіи и науки, никакихъ иныхъ житейскихъ цѣлей, и по своей непоколебимой привязанности къ собственной личной свободѣ представляющійся еще больше, чѣмъ Петрарка, прямымъ предшественникомъ дѣятелей итальянскаго возрожденія, также больше всего дорожившихъ своей свободой, въ которой они такъ нуждались, чтобъ всецѣло отдаваться изученію воскрешеннаго ими античнаго міра.

Любовь Боккачіо къ Маріи, или какъ онъ называлъ ее въ своихъ произведеніяхъ Фьямметтѣ *), началась только подъ конецъ его перваго пребыванія въ Неаполѣ: впервые онъ увидѣлъ ее 11 апрѣля 1338 г,, въ день пасхи за обѣдней, въ церкви San-Sepolcro (Гроба Господня), а въ 1339 г. Боккачьо, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, уже выѣхалъ изъ Неаполя, чтобы слѣдующіе четыре или пять лѣтъ провести во Флоренціи или въ Чертальдо; послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ тогда во Флоренціи происходили сильныя смуты, поведшія къ кратковременной диктатурѣ герцога Аѳинскаго, Вальтера VI Бріенскаго **. Кажется уже въ первое пребываніе Боккачіо въ Неаполѣ состоялось его знакомство съ Никколò Ачяйуоли, игравшимъ впослѣдствіи важную роль въ Неаполѣ при преемницѣ короля Роберта; можетъ быть ему Боккачіо былъ обязанъ своимъ доступомъ ко двору. Но несправедливо общепринятое мнѣніе, что Боккачіо уже въ этотъ разъ познакомился съ Петраркой, присутствуя при торжественной церемоніи его испытанія въ наукахъ королемъ Робертомъ, происходившей въ мартѣ 1341 г., когда Боккачіо уже не было въ Неаполѣ.

Пребываніе Боккачіо на родинѣ было омрачено для него огорченіями, которыя онъ испытывалъ и по поводу возмущавшихъ его патріотическія чувства флорентинскихъ событій, и вслѣдствіе непріятныхъ домашнихъ условій; мрачное настроеніе его духа въ это время

*) Уменьшительное отъ fiamma—пламя, какъ бы: искорка, огонекъ.

**) Perrens, Hist. de Florente, IV t., 215—314 pp.

Digitized by Google

отразилось мѣстами въ тогда же написанныхъ имъ «Ameto» и «Amorosa Visione». Вообще, онъ искалъ себѣ утѣшенія въ поэтическомъ творчествѣ, проявивъ при этомъ чрезвычайную плодовитость, такъ какъ теперь не только былъ оконченъ начатый имъ еще въ Неаполѣ «Filocopo», но и написаны «Ameto», «Amorosa Visione» и, можетъ быть, «Teseide». Возможно, что, одновременно съ этими произведеніями, вчернѣ обработаны были уже и болѣе крупныя вещи, какъ «Filostrato» и «Fiammetta», и «Ninfale Fiesolano». Въ началѣ 1342 г. во Флоренцію прибылъ, посломъ отъ короля Роберта его сенешалъ, Ачяйуоли; о близости къ нему Боккачіо свидѣтельствуетъ къ этому времени относящаяся грамота, въ которой поэтъ является какъ довѣренное лицо неаполитанскаго сенешаля. Въ 1344—45 г. Боккачіо переѣзжаетъ снова въ Неаполь, гдѣ, по смерти Роберта, правительницей была его внучка Іоанна, отличавшаяся крайнею безалаберностью характера и нравственной распущенностью. Уже въ 1345 г. совершилось убійство ея молодаго мужа, Андрея Венгерскаго, за которымъ послѣдовали замужество Іоанны за дядю ея Лудовика Тарентскаго и казнь обвиненной въ убійствѣ Андрея могущественной королевиной фаворитки, бывшей прежде прачкою, по имени Филиппы. Неаполитанская жизнь Боккачіо на этотъ разъ была для него не особенно пріятна, какъ это видно изъ написанныхъ имъ въ это время латинскихъ эклогъ, въ которыхъ однакожъ избытокъ аллегоріи затемняетъ для насъ многое изъ разсказовъ и сужденій Боккачіо о совершавшихся на его глазахъ событіяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ по прежнему былъ высоко цѣнимъ въ высшемъ неаполитанскомъ обществѣ въ качествѣ блестяще образованнаго свѣтскаго человѣка и, къ тому же, превосходнаго разсказчика. Не занимая никакой правительственной должности, Боккачіо исполнялъ иногда обязанности секретаря при игравшемъ въ то время большую роль въ неаполитанской политикѣ Ачяйуоли. Отношенія Боккачіо къ Фіамметтѣ несомнѣнно еще продолжались въ это время; судя по «посвященію» послѣдняго изъ написанныхъ имъ по порученію Фіамметты произведеній «Filostrato», отношенія ихъ были чисто платоническаго свойства; въ лирическихъ своихъ произведеніяхъ Боккачіо также жалуется на суровость своей возлюбленной. Тѣмъ не менѣе, привязанность поэта къ Фіаметтѣ была, повидимому, чрезвычайно сильна: всѣ многочисленныя поэтическія произведенія Боккачіо внушены ему любовью къ ней—«Filocopo» написанъ по ея порученію; «Teseide» и «Filostrato» посвящены ей, свидѣтельствуя въ то же время объ образованности Маріи-Фіамметты, такъ какъ иначе Боккачіо едва ли могъ бы посвящать ей эти изобилующія миѳологическими подробностями произведенія; въ «Fiammett'ѣ» она сама является героиней, а «Ameto», «Amorosa Visione», «Ninfale Fiesolano» и даже «Декамеронъ» пре-

Digitized by Google

исполнены обращенными къ ней похвалами; въ большинствѣ лирическихъ стихотвореній воспѣвается та же Фіамметта даже по ея смерти; нѣкоторые изъ этого рода сонетовъ Боккачіо отличаются высокимъ поэтическимъ достоинствомъ. Любовь Боккачіо къ дочери короля Роберта длилась до начала 50-хъ годовъ; но вскорѣ уже Марія умерла. Они были почти ровесники между собою; за кѣмъ была замужемъ Марія—неизвѣстно, но, славясь красотой и образованностью, она играла видную роль при дворѣ королевы Іоанны.

Вслѣдствіе смерти своего отца, Боккачіо долженъ былъ вернуться во Флоренцію, гдѣ мы встрѣчаемъ его уже въ 1350 г. опекуномъ его брата и занятымъ по устройству унаслѣдованнаго отъ отца состоянія. Къ этому времени дѣятельность Боккачіо, какъ поэта, почти уже завершилась,—ему предстояло только написать знаменитѣйшее его произведеніе «Декамеронъ», которымъ онъ далъ такой же образецъ итальянской прозы, какой Дантъ и Петрарка создали въ «Божественной комедіи» и «Canzoniere» для итальянской поэзіи.

Начало второй половины вѣка знаменательно въ жизни Боккачьо также еще тѣмъ, что съ этого времени онъ болѣе активно соприкасается съ политической жизнью родины, а въ его личной жизни отмѣчается фактъ, въ извѣстномъ смыслѣ равнозначительный съ его привязанностью къ Фіамметтѣ,—это дружба съ Петраркой. Послѣдняя должна была имѣть огромное значеніе для Боккачіо, такъ какъ она выводила его изъ нравственно-умственнаго одиночества, сблизивъ съ однородной съ нимъ натурой. Непосредственнаго воздѣйствія они другъ на друга не оказали: встрѣча ихъ произошла, когда оба они уже установились въ своемъ развитіи. Но весьма вѣроятно, что Боккачіо обязанъ Петраркѣ усиленіемъ своего интереса къ классической наукѣ; по крайней мѣрѣ съ этого же времени онъ начинаетъ проявлять особенное усердіе къ изученію древнихъ авторовъ. Насколько Боккачіо представлялъ собою крупную нравственную силу, всего лучше доказывается тѣмъ, что только единственно съ нимъ, преисполненный самопоклоненія и ко всѣмъ относившійся съ нескрываемымъ сознаніемъ своего превосходства, Петрарка держалъ себя на равной ногѣ; о сердечности же ихъ отношеній свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что изъ всѣхъ друзей Петрарки одинъ Боккачіо былъ допущенъ въ интимный кругъ его незаконной семьи. Знакомство Боккачіо съ Петраркой началось въ годъ его возвращенія изъ Неаполя во Флоренцію, когда Петрарка прибылъ проѣздомъ въ Римъ (осенью 1350 г.), чтобы присутствовать на праздникѣ юбилея, и былъ встрѣченъ у городскихъ воротъ Боккачіо, въ домѣ котораго онъ остановился.

Связи Боккачіо съ вліятельнымъ неаполитанскимъ правительствомъ и его знаніе придворныхъ обычаевъ, а также репутація ученаго зна-

Digitized by Google

тока латыни и вмѣстѣ даровитаго, честнаго человѣка, побудили его согражданъ возлагать на него разныя должности и неоднократно отправлять его съ дипломатическими порученіями отъ республики; такъ напр. предъ походомъ Карла IV въ Италію, онъ ѣздилъ въ Авиньонъ въ папѣ Урбану V съ цѣлью узнать, какое положеніе слѣдуетъ принять Флоренціи въ данномъ случаѣ; въ 1367 г. ему предоставлено было завѣдывать финансовою частью при наймѣ солдатъ, поступавшихъ на службу республики. Свободное отъ служебныхъ обязанностей время Боккачіо посвящалъ какъ чисто литературнымъ занятіямъ (окончательная редакція «Декамерона»), такъ и изученію классическихъ авторовъ и составленію ученыхъ латинскихъ трактатовъ, которыми онъ прокладывалъ путь писателямъ эпохи возрожденія.

Что касается внѣшнихъ событій этой второй половины жизни Боккачіо, то кромѣ упомянутыхъ дипломатическихъ его поѣздокъ, она отличается тѣмъ, что именно съ приближеніемъ къ старости матеріальное положеніе Боккачіо, вслѣдствіе его щедрости къ другимъ и расходовъ по отысканію и пріобрѣтенію сокровищъ классической письменности, значительно ухудшилось, что̀ повліяло на характеръ Боккачіо, развивъ въ немъ раздражительность и заставляя его не разъ мѣнять свое мѣстопребываніе изъ желанія по возможности лучше устроиться. Такъ въ 1361 г. онъ ѣдетъ въ Неаполь по вызову Ачяйуоли, но вскорѣ уѣзжаетъ оттуда, оскорбившись недостойнымъ его пріемомъ, за который отплачиваетъ блестящимъ по сатирической язвительности письмомъ къ Нелли *), домоправителю названнаго вельможи, письмомъ, богатымъ культурно-историческими данными и интереснымъ также въ томъ отношеніи, что здѣсь Боккачьо уже проявляетъ столь отличавшую гуманистовъ Возрожденія склонность къ литературному чванству, соединенному съ вѣчнымъ брюзжаньемъ на непризнаніе ихъ геніальности и превосходства. Въ Неаполѣ онъ побывалъ еще разъ, именно въ 1371 г.; но и теперь, не смотря на оказанный ему, особенно графомъ Санъ-Саверино и маршаломъ Неаполитанскаго королевства Магинардо де-Кавальканти, самый радушный пріемъ, онъ не рѣшился окончательно устроиться въ Неаполѣ, какъ ему предлагали: тоска по родинѣ, любовь къ независимости и желаніе вернуться къ своимъ книгамъ побуждали Боккачіо ѣхать обратно во Флоренцію. Съ этихъ поръ Боккачіо, кажется, уже не предпринималъ никакихъ отдаленныхъ поѣздокъ и проводилъ время частію во Флоренціи, частію въ родномъ Чертальдо. Здоровье его сильно пошатнулось, но тѣмъ не менѣе онъ усердно продолжалъ свои ученыя занятія и даже принялъ на себя почетную обязанность,

*) Письмо это, въ переводѣ, у Körting'a, стр. 279—88.

Digitized by Google

возложенную на него флорентинскимъ правительствомъ, публично читать толкованія на «Божеств. Комедію» Данта *). Хотя и съ перерывами, онъ читалъ эти свои чрезвычайно старательно обработанныя и во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнныя лекціи въ церкви св. Стефана, по воскресеньямъ, начиная съ 23 октября 1373 г. и, можетъ быть, до весны 1375 г. Въ послѣдній періодъ своей жизни (1360—75 г.) Боккачіо также дважды предпринималъ поѣздку для свиданія съ своимъ другомъ Петраркой—въ 1363 г., когда онъ посѣтилъ его въ Венеціи и провелъ съ нимъ около четверти года, пользуясь его богатой библіотекой; второе посѣщеніе, также въ Венеціи, состоялось въ 1368 г. Вернувшись во Флоренцію, Боккачіо написалъ Петраркѣ чрезвычайно характеристическое письмо, живо рисующее и ихъ взаимную дружбу и симпатичную личность самого Боккачіо **). Къ началу шестидесятыхъ годовъ столѣтія относятся два эпизода въ жизни Боккачіо: это—его сближеніе съ калабрійскимъ грекомъ Леонціо Пилато, у котораго онъ подъ-старость началъ учиться греческому яз.; но этихъ отношеній коснуться удобнѣе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ сказано о значеніи Боккачіо какъ одного изъ подготовителей эпохи Возрожденія; другой эпизодъ составляетъ посѣщеніе Боккачіо картезіанскимъ монахомъ Джоакимо Чяни. Этотъ случай весьма характеризуетъ и самого Боккачьо и его время. Въ іюлѣ 1361 г., явившись къ Боккачіо, монахъ объявилъ ему, будто онъ посланъ своимъ учителемъ Пьетро де'Петрони, незадолго передъ тѣмъ умершимъ въ Сіенѣ и принадлежавшимъ при жизни также къ картезіанскому ордену, съ порученіемъ предостеречь Боккачіо отъ грозящей ему страшной смерти и адскихъ мученій за его грѣховную жизнь, а въ особенности за его нечестивыя сочиненія, если онъ не поспѣшитъ своимъ раскаяніемъ. Это предостереженіе фанатическаго монаха, подкрѣпленное увѣреніемъ, что о сказанномъ его наставникъ узналъ въ бывшемъ ему небесномъ видѣніи, произвело столь потрясающее впечатлѣніе на Боккачіо (который сознавалъ за собой, кромѣ весело проведенной имъ молодости, грѣхъ незаконнаго сожительства; плодомъ его было нѣсколько дѣтей, умершихъ еще при жизни Боккачьо), что онъ не только отказался отъ занятія поэзіей, но рѣшился было разстаться и съ своей драгоцѣнной библіотекой ***).)По счастью Боккачіо обратился

*) Постановленіе объ этомъ, прошедшее въ Синьоріи большинствомъ 186 голосовъ противъ 18, состоялось 9 августа 1373. Вознагражденіе Боккачіо назначено было не свыше 100 флориновъ золотомъ (300 рублей), хотя должно замѣтить, что цѣнность денегъ въ тѣ времена была выше, чѣмъ теперь.

**) У Körting'a, указ. соч., оно цѣликомъ приведено въ переводѣ, стр. 313—19.

***) Поступленіе Боккачьо не только въ монахи, но и вообще въ духовное званіе Кертингъ отрицаетъ (указ. соч., 273 стр.).

Digitized by Google

за совѣтомъ къ Петраркѣ, который отвѣтилъ ему (Epist. senil. I, 5) увѣщаніемъ ограничиться болѣе строгимъ образомъ жизни и не забывать, что подъ покровомъ религіи совершается не мало обмановъ, и чтобы во всякомъ случаѣ онъ обождалъ, пока монахъ, согласно сообщенному имъ Боккачіо намѣренію, явится съ цѣлію «обращенія» и къ нему, Петраркѣ, а «я ужъ изъ его наружности, походки, нравовъ и разговоровъ узнаю, насколько слѣдуетъ оказывать ему вѣры» прибавляетъ Петрарка, не даромъ живавшій при Авиньонскомъ дворѣ и напрактиковавшійся въ дипломатіи.

Въ срединѣ октября 1374 г. Боккачіо получилъ сильно опечалившее его извѣстіе о кончинѣ своего знаменитаго друга; изъ отвѣтнаго письма его къ зятю Петрарки, Франческо да-Броссано, ясно видно, какая тѣсная дружба соединяла обоихъ великихъ «trecentisti», (какъ называютъ итальянцы своихъ писателей XIV-го вѣка). Весьма вѣроятно, что печаль по Петраркѣ ускорила смерть и самаго Боккачіо, и безъ того уже въ послѣднее время постоянно хворавшаго и жившаго попеременно то во Флоренціи, то въ Чертальдо, гдѣ онъ и скончался 21 декабря 1375 г. Превосходную свою библіотеку онъ завѣщалъ монастырю св. Духа, гдѣ она сгорѣла при пожарѣ 1471 г. Въ Castello Certaldo, въ 2-хъ часовомъ разстояніи отъ Флоренціи по желѣзной дорогѣ, сохраняется реставрированный домикъ Боккачіо.

О произведеніяхъ Боккачіо мы скажемъ по нѣскольку словъ, не придерживаясь хронологическаго порядка ихъ появленія, а соотвѣтственно степени ихъ литературнаго значенія.—Первое мѣсто, въ указанномъ отношеніи, принадлежитъ «Декамерону», на которомъ основывается вѣковая слава Боккачіо. Окончательную редакцію «Декамеронъ» получилъ во всякомъ случаѣ послѣ 1348 г., такъ какъ событіе, съ которымъ связана основная фабула книги, произошло въ этомъ году, — это страшная чума, опустошившая Флоренцію (по Виллани, эпидемія унесла тамъ до 50 тысячъ жертвъ). Названіе этого произведенія происходитъ отъ двухъ греческихъ словъ: δέκα—десять и ἡμέρα—день, такъ какъ книга дѣлится на десять дней, и въ каждый изъ нихъ разсказывается по десяти новеллъ, отчего это произведеніе иногда обозначалось также просто словами «100 новеллъ»—Cento novelle. Рамкой для этого множества отдѣльныхъ разсказовъ служитъ исторія десяти молодыхъ особъ: семеро изящныхъ и образованныхъ красавицъ и трое юношей, которые, спасаясь отъ чумы, свирѣпствующей во Флоренціи, удаляются въ очаровательную по своему мѣстоположенію виллу, описаніе которой, также какъ и образа жизни ея временныхъ обитателей, отличается замѣчательной роскошью красокъ и богатствомъ языка. Этотъ веселый кружокъ избираетъ изъ своей среды царицу, которая и назначаетъ занятія и развлеченія, на каждый

Digitized by Google

изъ дней, проведенныхъ обществомъ за-городомъ. Въ число развлеченій входитъ также разсказываніе какой либо исторіи каждымъ изъ членовъ кружка, когда всѣ они сходятся въ саду вечеромъ послѣ пріятно проведеннаго дня. При этомъ для каждаго дня выбирается извѣстный родъ приключеній, такъ что всѣ десять разсказовъ составляютъ отдѣльную серію новеллъ, болѣе или менѣе всесторонне исчерпывающихъ одну общую идею, служащую для нихъ какъ бы основой. Въ своей совокупности новеллы «Декамерона» представляются своего рода не божественной «комедіей человѣческой жизни»; дѣйствительно, въ нихъ проходятъ, одни за другими, съ соблюденіемъ только что указаннаго порядка въ ихъ распредѣленіи, предохраняющаго отъ повторенія, всѣ классы и сословія, всевозможные человѣческіе характеры и чувства, подъ внѣшними формами жизни того времени. Хотя большинство разсказовъ и отличаются забавнымъ юмористическимъ тономъ, не рѣдко переходящимъ за предѣлы приличія, но въ сборникѣ нѣтъ недостатка и въ разсказахъ патетическаго и чувствительнаго характера, тогда какъ другіе изъ нихъ отмѣчены черезчуръ реальнымъ трагизмомъ *). Относительно крайне неприличнаго по нашимъ понятіямъ содержанія нѣкоторыхъ новеллъ слѣдуетъ замѣтить, что въ XIV вѣкѣ взгляды на этотъ счетъ были иные. Также имѣетъ значеніе при этомъ и то обстоятельство, что безнравственность тогдашняго духовенства, представители котораго въ сказанныхъ новеллахъ играютъ обыкновенно самую видную роль, достигла высочайшей степени.

При составленіи своего «Декамерона» Боккачіо пользовался частью дѣйствительными происшествіями, которыя изложены (конечно съ меньшимъ искусствомъ) и въ разныхъ итальянскихъ хроникахъ, частью же болѣе ранними новеллами, а также стихотворными легендами, балладами, и, наконецъ, жившими въ устахъ народа и иногда весьма издалека, напр. изъ Индіи, занесенными разсказами **); но онъ умѣлъ всѣ ихъ обновить своимъ творческимъ геніемъ, и возвести ихъ на степень художественныхъ созданій искусства съ помощью психологической глубины и

*) Всѣ разсказы 3-го дня отличаются весьма вольнымъ содержаніемъ, тогда какъ наоборотъ всѣ разсказы 10-го дня вполнѣ нравственны (въ томъ числѣ, заключительная въ „Декамеронѣ“ знаменитая новелла о Гризельдѣ, переведенная на латинскій языкъ Петраркой и не разъ обработанная потомъ для сцены).

**) См. Marcus Lindau, Die Quellen des Decameron. 2-te Aufl. 1884 Stuttgart. Въ числѣ писанныхъ источниковъ Боккачьо могъ быть и итальянскій сборникъ, извѣстный подъ заглавіемъ „Cento novelle antiche“ или „il Novellino“, — по однимъ составленный въ XIII в. однимъ лицомъ, по другимъ — въ XIII—XIV в. нѣсколькими лицами. Объ этомъ спорномъ вопросѣ см. Lindau, стр. 164 и сл. (ср. Gaspary, loc. cit. 164—171 p.). Лучшее изданіе: 1) „Novellino“ G. Biagi, 1880, Firenze; 2) „Decamerone“ — Fanfani, 3 v. 1857—63.

Digitized by Google

правдивости, отличающихъ его изложеніе, достоинство котораго еще возвышается прелестью его живописнаго, колоритнаго языка. Что касается общаго значенія «Декамерона», весьма быстро распространившагося въ переводахъ на разные западно-европейскіе языки, то оно двоякаго рода: во 1-хъ, по отношенію вообще къ западнымъ литературамъ «Декамеронъ» составилъ собою исходную точку развитія европейской новеллистики, являясь для нея вызывающимъ къ подражанію и соперничеству образцомъ *), — собственно средневѣковый типъ «разсказа» (фабльо, шванкъ и т. п., а также и прозаическія попытки повѣсти на итальянскомъ и на французскомъ языкѣ, отъ XIII—XIV вѣка) отличался крайнею наивностью тона и относительно формы обыкновенно страдалъ отсутствіемъ художественнаго построенія, что̀ и дало возможность «Декамерону» пріобрѣсти указанное значеніе, — и, во 2-хъ, въ отношеніи къ собственно итальянской литературѣ «Декамеронъ» имѣетъ то огромное значеніе, что въ немъ Боккачіо является создателемъ итальянской прозы. Но представивъ въ своихъ новеллахъ образцовую по своей чистотѣ и богатству оттѣнковъ итальянскую рѣчь, Боккачіо въ то же время натолкнулъ отечественныхъ прозаиковъ отчасти на ложную дорогу, искажая свой слогъ латинизированною конструкціей, благодаря чему и въ самомъ «Декамеронѣ» попадаются мѣста, страдающія запутанностью и темнотою,—недостатокъ, принявшій еще большіе размѣры у слѣдовавшихъ по его стопамъ позднѣйшихъ итальянскихъ прозаиковъ.

Здѣсь мы, въ видѣ примѣра, приводимъ цѣликомъ одну новеллу, по отличающей ее тонкой психологической рисовкѣ признаваемую за одинъ изъ лучшихъ перловъ «Декамерона», и даемъ сжатый пересказъ двухъ другихъ новеллъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ къ числу направленныхъ противъ духовенства разсказовъ Боккачіо, тогда какъ другая послужила источникомъ для общеизвѣстнаго эпизода о трехъ перстняхъ въ «Натанѣ Мудромъ» Лессинга.

День пятый. Новелла 9-ая. *Федериго Альберигн влюбляется, но не пользуется взаимностью; растрачивая свое имущество на ухаживаніе, онъ разоряется; у него остается одинъ соколъ, которымъ онъ, за неимѣніемъ чего либо другаго, угощаетъ свою возлюбленную, когда та навѣстила его; та, узнавъ объ этомъ, измѣняетъ свои мысли, выходитъ за него замужъ и обогащаетъ его.*

Филомена перестала говорить, и королева, видя, что остался только одинъ Діонео, имѣвшій привиллегію на заключительную новеллу, сказала съ веселымъ

*) Ближайшіе по времени къ Боккачіо его подражатели были флорентинецъ Франко Саккетти (ум. въ нач. XV в.) съ своими 258-ю новеллами и его соотечественникъ и современникъ, серъ Джованни съ своимъ „Pecorone“ (Глупецъ), состоящимъ изъ 25 новеллъ. Первый отличается болѣе народнымъ, второй же книжнымъ содержаніемъ своихъ разсказовъ. (Съ содержаніемъ обоихъ сборниковъ можно познакомиться по книгѣ Dunlop'a, Geschichte der Prosadichtung, übersetzt von F. Liebrecht).

Digitized by Google

лицемъ: теперь мнѣ слѣдуетъ разсказывать, и я, милыя дамы, охотно изложу вамъ новеллу, отчасти похожую на предшествующую; чтобы вы не только знали, какую силу имѣетъ ваша красота надъ нѣжными сердцами, но чтобы вы поняли, что вы сами должны раздавать награды, а не предоставлять этого дѣла судьбѣ, которая, какъ извѣстно, часто дѣлаетъ его неосмотрительно и вовсе не наблюдая мѣры.

Вы должны знать, что въ нашемъ городѣ былъ, а можетъ быть и теперь есть нѣкто Каппо ди Боргезе Доменики, человѣкъ весьма почтенный, и по нашему времени авторитетный, весьма знаменитый и достойный вѣчной славы не столько по благородству происхожденія, сколько по чистотѣ нравовъ и по добродѣтели; достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, онъ съ удовольствіемъ бесѣдовалъ о прошломъ съ своими сосѣдями и другими, что онъ умѣлъ дѣлать съ большей послѣдовательностью и изяществомъ, чѣмъ кто либо другой а къ тому же и память онъ имѣлъ рѣдкую. Между прочими прекрасными исторіями онъ разсказывалъ, что во Флоренціи былъ когда то юноша Федериго, сынъ мессера Филиппо Альбериги, искусствомъ владѣть оружіемъ и умѣньемъ жить по дворянски выдающійся изъ всей тосканской молодежи. Этотъ Федериго, по обычаю людей благородныхъ, влюбился въ одну знатную даму, по имени Джованну, которую въ то время считали въ числѣ первыхъ и изящнѣйшихъ красавицъ Флоренціи; чтобы пріобрѣсти ея любовь, онъ участвовалъ въ турнирахъ и воинскихъ упражненіяхъ, задавалъ праздники, бросалъ деньги на подарки и вообще разорялся безъ раздумья. Но дама его сердца, столько же нравственная, сколько и прекрасная, не хотѣла знать ни о немъ самомъ, ни о томъ, что онъ для нея дѣлалъ. И такъ Федериго тратился, ничего этимъ не выигрывая, и, какъ это случается съ легкомысленными людьми, наконецъ разорился окончательно, такъ что у него не осталось ничего, кромѣ маленькой деревушки, доходами съ которой онъ и жилъ весьма скромно; кромѣ того у него остался одинъ соколъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ. И такъ, хоть онъ и былъ влюбленъ больше, чѣмъ когда нибудь, онъ не могъ уже жить въ городѣ, какъ онъ того хотѣлъ, и долженъ былъ поселиться въ Кампи, гдѣ была его деревушка; тамъ онъ охотился за птицами и никого не безпокоя, терпѣливо переносилъ свою бѣдность. Между тѣмъ мужъ синьоры Джованны заболѣлъ и, видя приближеніе смерти, сдѣлалъ завѣщаніе—а былъ онъ очень богатъ,—по которому все свое состояніе онъ оставилъ своему сыну, уже довольно взрослому, а въ случаѣ, если онъ умретъ безъ законныхъ наслѣдниковъ, донна Джованнѣ, которую онъ очень любилъ. Джованна, оставшись вдовою, лѣтомъ, по обыкновенію нашихъ дамъ, отправилась въ одно изъ своихъ имѣній, бывшее по близости отъ деревеньки Федериго. Юноша, сынъ ея, познакомился съ Федериго и вмѣстѣ съ нимъ забавлялся птичьей и псовой охотой; часто видалъ онъ, какъ летаетъ соколъ Федериго, и страстно желалъ пріобрѣсти его, но не рѣшался попросить, зная, какъ онъ дорогъ своему хозяину. Когда дѣло было въ такомъ положеніи, случилось, что юноша заболѣлъ; мать, очень любившая своего единственнаго сына, была въ страшномъ горѣ; цѣлый день ухаживая за нимъ, она не переставала утѣшать его и нѣсколько разъ спрашивала, нѣтъ ли чего нибудь такого, чего бы онъ желалъ. и умоляла его сказать ей объ этомъ, такъ какъ она навѣрно употребитъ всѣ средства, чтобы исполнить его желаніе, если оно только исполнимо. Юноша, нѣсколько разъ слыша такое предложеніе, наконецъ сказалъ: матушка, если вы устроите такъ, что я получу сокола Федериго, мнѣ кажется, я сейчасъ же выздоровлю. Синьора, слыша о такомъ желаніи, превышавшемъ ея силы, начала раздумывать, какъ быть. Она знала, что Федериго долго ее любилъ и отъ нея не удостоился ни одного взгляда. Поэтому она разсуждала: какъ я пошлю или поѣду сама просить у него этого сокола, который, какъ я слышала, лучше всѣхъ

Digitized by Google

когда либо летавшихъ и составляетъ единственное его утѣшеніе? И какъ я могу быть столь неделикатна, чтобы отнимать его у дворянина, у котораго ничего другаго не осталось на свѣтѣ? Такія мысли смущали ее, хотя она и была увѣрена, что навѣрно получитъ сокола, если только попроситъ его. Не зная, что сказать, она не могла дать удовлетворительнаго отвѣта сыну. Наконецъ любовь къ ребенку побѣдила, и она рѣшилась, чтобы удовлетворить его, что бы изъ этого ни вышло, не посылать, а отправиться самой за соколомъ; тогда она отвѣтила: сынъ мой, утѣшься и постарайся выздоровѣть; я обѣщаю, что завтра утромъ первымъ дѣломъ я пойду за соколомъ и добуду тебѣ его. Юноша повеселѣлъ, и ему въ тотъ же день стало лучше. Дама на слѣдующее утро, взявши съ собой въ компаньонки другую даму, какъ будто на прогулку, отправилась къ маленькому домику Федериго и велѣла его вызвать. Такъ какъ въ эти дни не было охоты, Федериго былъ въ своемъ огородѣ и занимался кое-какой работой. Услыхавъ, что синьора Джованна спрашиваетъ его у дверей, онъ чрезвычайно удивился, но весело выбѣжалъ ей на встрѣчу и почтительно ее привѣтствовалъ; она же, привставъ съ свойственною дамамъ пріятностію, сказала: Здравствуй, Федериго! я пришла вознаградить тебя за убытки, которые ты понесъ когда-то изъ-за меня, любя меня больше, чѣмъ это слѣдовало; а вознагражденіе будетъ состоять въ томъ, что я намѣрена съ этой моей подругой сегодня у тебя запросто позавтракать.—На это Федериго почтительно отвѣтилъ: Госпожа моя! я не помню, чтобы черезъ васъ получилъ я какой нибудь ущербъ; напротивъ, я видѣлъ столька добра, что если я что нибудь значилъ, это исходило отъ васъ и отъ любви, которую я питалъ къ вамъ, а ваше теперешнее благосклонное посѣщеніе гораздо мнѣ дороже именно вслѣдствіе того, что вы пришли къ такому бѣдняку, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, еслибъ я былъ въ состояніи истратить столько же, сколько я истратилъ прежде. Проговоривъ это, онъ не безъ конфузливости принялъ ее въ своемъ домѣ, а потомъ повелъ ее въ садъ и тамъ, не имѣя, кому бы поручить занять гостью, сказалъ: Госпожа, за неимѣніемъ кого либо другаго, эта добрая женщина, жена этого работника, побудетъ съ вами, пока я распоряжусь завтракомъ. Хотя бѣдность и сильно тѣснила его, до сихъ поръ, онъ еще не имѣлъ случая почувствовать всей силы своего несчастія; но въ это утро, не находя у себя ничего, чѣмъ бы онъ могъ попотчивать даму, изъ любви къ которой онъ потчивалъ столько другихъ людей, онъ испыталъ вполнѣ, что значитъ безпорядочно расточить свое имущество. Въ ужасномъ безпокойствѣ, проклиная судьбу свою, какъ человѣкъ, потерявшій голову, бѣгая изъ одного угла въ другой, онъ не находилъ ни денегъ, ни вещи, пригодной для заклада; между тѣмъ было уже поздно; онъ имѣлъ сильнѣйшее желаніе угостить чѣмъ нибудь даму, а ни къ кому другому (даже и къ своему работнику) онъ не хотѣлъ обратиться за помощью. Вдругъ на глаза ему попался его соколъ, который сидѣлъ въ пріемной комнатѣ, на насѣсти. Не имѣя другаго выхода, онъ схватилъ его и, найдя его жирнымъ, подумалъ, что это будетъ приличное блюдо для дамы. Не раздумывая долго, онъ свернулъ ему шею и передалъ служанкѣ, чтобъ та, ощипавъ его, воткнула на вертелъ и изжарила получше; за тѣмъ, покрывъ столъ бѣлѣйшей скатертью—такая у него еще оставалась отъ прежняго—съ веселымъ лицомъ вернулся къ дамѣ въ садъ и сказалъ, что готовъ завтракъ, какой онъ только могъ добыть для нея. Дама и ея подруга встали, пошли за столъ и, не зная, что ѣдятъ, вмѣстѣ съ Федериго, который имъ услуживалъ, какъ могъ лучше, съѣли превосходнаго сокола. Когда убрали со стола и немного поболтали, дама подумала, что настало время сказать, зачѣмъ она пришла, и она начала ласково говорить: Федериго, припоминая прежнее твое поведеніе и мою скромность, которую можетъ быть ты счелъ жестокостью и упорствомъ, я

Digitized by Google

не сомнѣваюсь, что ты удивишься моей безсовѣстности, когда услышишь, зачѣмъ я главнымъ образомъ пришла сюда. Но еслибъ ты теперь или когда нибудь прежде имѣлъ дѣтей и черезъ то позналъ бы, какъ ихъ любятъ, я увѣрена, ты отчасти извинилъ бы меня. У тебя ихъ нѣтъ, а у меня есть одинъ сынъ, и я не могу избѣжать участи другихъ матерей; подчиняясь ей, я, противъ своей воли и противъ всѣхъ приличій, должна просить у тебя дара, который, какъ я знаю, тебѣ очень дорогъ, чему впрочемъ и удивляться нельзя, когда твои тѣсныя обстоятельства не оставили тебѣ другого развлеченія и утѣхи; этотъ даръ—твой соколъ, въ котораго мой мальчикъ до того влюбился, что въ случаѣ, если я не принесу его, я боюсь, какъ бы не отягчилась его болѣзнь и какъ бы мнѣ не потерять его. И потому я прошу тебя не изъ-за любви ко мнѣ, которая не можетъ тебя ни къ чему принуждать, но изъ-за благородства, которое ни въ чемъ такъ не проявляется, какъ въ твоей щедрости, подари его мнѣ и подари съ удовольствіемъ, чтобы я могла сказать, что твоимъ подаркомъ я сохранила жизнь моего сына и такимъ образомъ одолжена тебѣ ею. Услышавъ просьбу дамы и зная, что съѣденнымъ соколомъ онъ не можетъ услужить ей, Федериго, ничего не отвѣчая, заплакалъ въ ея присутствіи. Дама сперва подумала, что эти слезы выражаютъ его сожалѣніе о прекрасномъ соколѣ и уже готова была сказать, что отказывается; но удержалась, поджидая отвѣта; наконецъ Федериго сказалъ: Госпожа моя! съ того времени, какъ по волѣ Божіей, я основалъ мое счастіе на вашей любви, я во многомъ обвинялъ судьбу и считалъ ее къ себѣ враждебной; но все это мелочи въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь переживаю; теперь я никогда не помирюсь съ ней, вспоминая, что вы пришли въ мой бѣдный домъ, куда вы не удостоивали входить, пока онъ былъ богатъ, желая отъ меня маленькаго дара, а она—судьба устроила такъ, что я не могу удовлетворить вашему желанію и именно вотъ почему: когда я услыхалъ, что ваша милость хотите завтракать, имѣя въ виду ваши высокія достоинства, я разсудилъ, что долженъ почтить васъ самымъ дорогимъ блюдомъ, какимъ только могу, болѣе дорогимъ, чѣмъ другимъ обыкновенно подаютъ; вспомнивъ о соколѣ, котораго вы теперь просите, и о его достоинствахъ, я счелъ его приличной для васъ пищей,—и въ это утро вы имѣли его на блюдѣ жаренымъ; я помѣстилъ его, положимъ, прекрасно, но слыша теперь, что вы его желаете другимъ образомъ, я испытываю такую горесть, что никогда не прощу себѣ этого. Сказавъ это, онъ приказалъ въ доказательство принести перья, ноги и клювъ. Видя и слыша это, дама сперва выразила ему порицаніе, что онъ убилъ такого сокола, чтобъ подать его на столъ женщинѣ; но потомъ про себя она много думала о величіи его души, которую не могла унизить бѣдность. И такъ, не имѣя надежды получить сокола и отчаяваясь поэтому въ спасеніи сына, она печально простилась и ушла домой. Дѣйствительно, сынъ отъ грусти ли по соколу, котораго не могъ получить, или отъ болѣзни, которая въ немъ была, черезъ нѣсколько дней умеръ, къ великому горю матери. На первое время она только плакала и горевала; но такъ какъ она была очень богата и еще молода, много разъ братья побуждали ее вновь выдти замужъ. Она сперва не хотѣла, но потомъ, при дальнѣйшихъ настояніяхъ, вспомнивъ о достоинствахъ Федериго и о его послѣднемъ поступкѣ, какъ онъ для нея убилъ такого сокола, сказала братьямъ: я охотно, если вы позволите, осталась бы вдовой, но когда вы непремѣнно хотите, чтобъ я вышла замужъ, я ни кого другого не возьму въ мужья, кромѣ Федериго Альбериги. Они, смѣясь надъ нею, отвѣчали: глупая! что ты говоришь? какъ ты выйдешь за нищаго? Но она сказала: братья, я знаю, что у него ничего нѣтъ, но я предпочитаю человѣка, которому нужно богатство, чѣмъ богатство, которому нужно человѣка. Узнавъ твердое ея намѣреніе и зная Федериго, не смотря на его бѣд-

Digitized by Google

ность, братья выдали за него сестру со всѣми ея богатствами. И такъ онъ получилъ въ жены даму, которую такъ любилъ и сталъ кромѣ того богатѣйшимъ человѣкомъ; сдѣлавшись болѣе благоразумнымъ, онъ счастливо прожилъ съ нею дни свои.

День 1-й, новелла 2-я. Джанотто, парижскій купецъ, живетъ въ большой дружбѣ съ однимъ евреемъ Авраамомъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы обратить его въ христіанство. Наконецъ Авраамъ обѣщается перемѣнить вѣру, если, побывавъ въ Римѣ, онъ убѣдится, по поведенію духовенства, что новый законъ лучше стараго. Джанотто пытается отговорить его отъ этого намѣренія, вполнѣ увѣренный, что если еврей увидитъ своими глазами распутство высшихъ церковниковъ, онъ и думать забудетъ о христіанствѣ. Но Авраамъ остается твердъ въ своемъ рѣшеніи и, пріѣхавъ въ Римъ, убѣждается, что папа, кардиналы и прелаты преданы все возможнымъ порокамъ. Возвратившись въ Парижъ, онъ, къ величайшему удивленію Джанотто, изъявляетъ желаніе креститься, такъ какъ по его убѣжденію религія, которая, не смотря на полнѣйшую негодность своихъ служителей, существуетъ такъ долго и еще распространяется по всей землѣ, должна быть единой истинной.

День 1-й, новелла 3-я. Султанъ Саладинъ хочетъ занять денегъ у богатаго, но скупаго александрійскаго жида и призываетъ его къ себѣ. Зная заранѣе, что тотъ не разстанется охотно съ своими деньгами и не желая безъ законнаго основанія прибѣгать къ насилію, Саладинъ поднимается на хитрость: онъ задаетъ ему вопросъ, какую изъ 3-хъ религій (мусульманской, еврейской, христіанской) считаетъ онъ истинною. Въ отвѣтъ на это жидъ разсказываетъ исторію о родовомъ кольцѣ, съ обладаніемъ котораго было связано обладаніе всѣмъ имѣніемъ; одинъ изъ его владѣтелей имѣлъ 3-хъ сыновей и, не желая обидѣть никого изъ нихъ, приказалъ сдѣлать 2 точно такія же по виду кольца и далъ каждому изъ сыновей по кольцу тихонько отъ его братьевъ. По смерти отца всякій сынъ считалъ свое кольцо настоящимъ и себя единственнымъ наслѣдникомъ. Такимъ же образомъ приверженцы каждой изъ 3-хъ религій считаютъ ее единою истинною. Султану такъ понравилась находчивость жида, что онъ откровенно признался ему въ своихъ намѣреніяхъ, и тотъ добровольно далъ ему нужную сумму.

Другое, наиболѣе значительное произведеніе Боккачьо—написанный прозой романъ «Фьямметта». Онъ весьма бѣденъ дѣйствіемъ, такъ какъ почти весь состоитъ въ передачѣ чувствъ героини, большею частью ея же устами, испытываемыхъ ею сначала въ упоеніи счастливой любовью къ Панфило, а потомъ, послѣ разлуки съ нимъ, вскорѣ же сопровождаемой измѣною, подъ гнетомъ отчаянія, чуть не доводящаго несчастную до самоубійства. Но недостатокъ дѣйствія вознаграждается замѣчательно тонкимъ психологическимъ анализомъ, неподдѣльною страстностью тона и превосходнымъ языкомъ. Всѣ оттѣнки несчастной страсти воспроизведены чрезвычайно правдиво, хотя и въ нѣсколько утомительной по своему однообразію формѣ діалога или монологической декламаціи; но тѣмъ не менѣе этотъ романъ имѣетъ (еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ «Новая жизнь» Данта) значеніе родоначальника психологической новеллистики на Западѣ и (принимая въ разсчетъ разницу во времени происхожденія) можетъ быть сопоставленъ съ такими произведеніями, какъ «Новая Элоиза» и «Вертеръ». Крупный недостатокъ, по нашимъ понятіямъ, какъ на-

Digitized by Google

званнаго, такъ и слѣдующихъ произведеній Боккачіо составляетъ чрезмѣрная примѣсь элементовъ, заимствованныхъ изъ классической миѳологіи, и постоянное стремленіе вводить аллегорію; но послѣднее лежало въ духѣ того времени *), тогда какъ страсть Боккачьо антикизировать проистекала изъ его близкаго знакомства съ доступными тогда авторами древности.

Также прозаическій, другой романъ Боккачіо, «Филокопо», далеко уступаетъ въ достоинствѣ «Фьямметтѣ»: онъ страшно растянутъ и представляетъ собой, въ сущности, переработку весьма популярной въ средніе вѣка старо-французской романтической поэмы «Flore et Blancheflеur». Злоупотребленіе миѳологіей здѣсь достигаетъ крайнихъ своихъ предѣловъ: достаточно сказать, что въ романѣ папа представленъ намѣстникомъ Юноны, которая сама является ему для возвѣщенія своей воли.

Въ перемежку прозой и стихами написана буколическая идиллія «Амето», первообразъ столь знаменитой въ XVI столѣтіи идилліи «Аркадія» Санназаро. Содержаніе идилліи Боккачіо составляютъ разсказы семи нимфъ о любовныхъ ихъ приключеніяхъ. Въ числѣ нимфъ фигурируетъ и Фьямметта, разсказывающая Амету о своей любви къ пастуху Калеону. Онѣ всѣ стараются поочередно привлечь къ себѣ сердце Амета, который выслушиваетъ ихъ въ сообществѣ пастуховъ и охотниковъ. Нимфамъ удается постепенно овладѣть грубымъ пастухомъ, который вслѣдствіе этого преобразуется въ совершеннѣйшаго рыцаря. Въ заключеніе, семь нимфъ толкуются авторомъ въ смыслѣ семи христіанскихъ добродѣтелей. Подъ образами нимфъ, можетъ быть, скрываются также и нѣкоторыя изъ современницъ поэта, флорентинскихъ дамъ.

Къ отдѣлу романтическихъ поэмъ Боккачіо относятся еще слѣдующія, написанныя октавами **)—стихотворная форма, весьма усовершенствованная Боккачіо и съ тѣхъ поръ ставшая обычною для итальянской романтической эпики—поэмы: «Тезеида», «Филострато» и «Нимфы Фьезоле».

«Тезеида», посвященная Фьямметтѣ (принцессѣ Маріи), состоитъ изъ 12 книгъ и содержитъ въ себѣ 9,000 стиховъ. Не смотря на ея заглавіе, героемъ поэмы является не Тезей, а двое ѳиванскихъ юношей, Арцитъ и Палемонъ, сыновья ѳиванскаго царя Креона. Попавъ въ плѣнъ къ Тезею, они оба влюбляются въ Эмилію, сестру заполоненной тѣмъ же Тезеемъ царицы амазонокъ, Гипполиты. Изъ ихъ взаимной дружбы, изъ любви и соперничества возникаютъ разныя

*) Körting, Boccaccio, стр. 351 (письмо Колюччо Салютати по поводу смерти Боккачіо), и тамъ-же стр. 435—38 (ср. Körting, Petrarca, стр. 651 и слѣд.).

**) Стансами, заключающими въ себѣ по восьми 11-тисложныхъ стиховъ.

Digitized by Google

интересныя положенія, удачно изобрѣтенныя и сопоставленныя авторомъ. Понятно, что и здѣсь герои древности получаютъ обликъ средневѣковый, также какъ и къ самому дѣйствію примѣшаны разныя черты, взятыя изъ рыцарскаго общества. Въ лицѣ Палемона, хотя и побѣжденнаго Арцитомъ въ происходящемъ въ присутствіи всего аѳинскаго двора поединкѣ, но вслѣдствіе смерти своего противника, остающагося обладателемъ красавицы, Боккачьо изобразилъ самого себя, тогда какъ въ дамѣ сердца античнаго героя слѣдуетъ видѣть Фьямметту; но впрочемъ и въ этомъ своемъ произведеніи поэтъ не разоблачилъ вполнѣ дѣйствительнаго характера отношеній, существовавшихъ между нимъ и неаполитанской принцессой. Этой поэмѣ Боккачьо подражалъ Чосеръ въ своихъ «Кентерберійскихъ разсказахъ» (разсказъ рыцаря).

«Филострато» (побѣжденный любовью), въ 10 пѣсняхъ, имѣетъ своимъ сюжетомъ одинъ изъ эпизодовъ Троянской войны. Троилъ, сынъ Пріама, страстно влюбленный въ красавицу Хризеиду, дочь «епископа» Трои Калхаса (въ средневѣковыхъ поэмахъ *), откуда и на этотъ разъ позаимствовался Боккачьо, Калхасъ — не греческій жрецъ, какимъ онъ является у Гомера, а троянскій, только передавшійся грекамъ въ виду предстоящей погибели Трои), достигаетъ послѣ долгихъ страданій взаимности со стороны Хризеиды. Но положеніе дѣлъ вынуждаетъ троянцевъ просить грековъ о перемиріи, условіемъ котораго послѣдніе ставятъ выдачу имъ Хризеиды въ обмѣнъ на Антенора. Хризеида, отправленная въ греческій лагерь съ ведшимъ переговоры съ троянцами Діомедомъ, поддается его увѣщаніямъ и измѣняетъ Троилу, который, узнавъ о томъ въ сонномъ видѣніи, впадаетъ въ отчаяніе, выраженное поэтомъ съ большимъ чувствомъ и правдой. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, Троилъ, окончательно убѣдившись въ невѣрности своей возлюбленной, находитъ себѣ смерть въ бою. Подъ видомъ взаимныхъ отношеній Троила и Хризеиды, Боккачьо также хотѣлъ изобразить свою любовь къ Фьямметтѣ. И этимъ произведеніемъ Боккачьо Чосеръ также воспользовался въ своей поэмѣ «Troilus and Creseide», въ свою очередь подготовившей драму Шекспира подъ тѣмъ же названіемъ.

Небольшая поэмка, озаглавленная «Ninfale Fiesolano», какъ думаютъ, есть собственно аллегорическое воспроизведеніе дѣйствительнаго происшествія, случившагося во времена Боккачьо. Въ стихотвореніи разсказывается, что въ рощѣ на холмѣ, на которомъ впослѣдствіи былъ выстроенъ городъ Фьезоле, обитала Діана съ своими нимфами, изъ которыхъ одна, по имени Менсола, увлекшись во время купанья страстью къ молодому пастуху Африко, нарушила обѣтъ

*) Напр. Li romans de Troie Бенуа де Сэнтъ-Мора (к. XIII вѣка).

Digitized by Google

цѣломудрія. Когда же потомъ эта нимфа однажды запоздала явиться на свиданіе, Африко, мучимый сомнѣніями и горемъ, убиваетъ себя. Менсола, въ отчаяніи отъ преждевременной кончины своего возлюбленнаго, разрѣшается отъ бремени раньше срока. Діана, узнавъ случившемся, превращаетъ нимфу въ воды ручья, въ который та просилась изъ боязни предъ богиней за свой проступокъ. До настоящей поры два ручья, ниспадающіе съ высотъ, на которыхъ расположенъ Фьезоле, и сливающіеся потомъ въ сосѣдней долинѣ, носятъ заимствованныя изъ поэмы Боккачіо названія: Менсола и Африко.

Наконецъ Боккачіо терцинами написалъ еще, въ подражаніе «Тріумфамъ» Петрарки, чисто аллегорическую поэму «La Visione amorosa»: во снѣ поэтъ видитъ себя въ храмѣ Фортуны, причемъ послѣдовательно описывается торжество Мудрости, Славы, Богатства, Любви и Счастья. Терцина, вытѣсненію которой болѣе звучною октавой въ такой мѣрѣ содѣйствовалъ самъ Боккачіо, является здѣсь уже на пути къ упадку, такъ какъ къ ней примѣшиваются изысканныя прикрасы въ родѣ того, что начальныя буквы терцетовъ образуютъ акростихъ все той же Фьямметты, въ формѣ двухъ сонетовъ и канцоны.

Кромѣ приведенныхъ произведеній, Боккачіо написалъ по итальянски въ прозѣ еще одно довольно обширное произведеніе, въ сатирическомъ родѣ, исполненное ювеналовской силы и желчи, это «il Corbaccio» (иначе «Лабиринтъ любви»), въ которомъ онъ безпощадно осмѣиваетъ какую-то флорентинку, отвѣчавшую равнодушіемъ на его, повидимому, сильную страсть къ ней. Содержаніе состоитъ въ томъ, что поэтъ и тѣнь одного стараго профессора, покойнаго мужа этой флорентинки, явившаяся ему изъ преисподней, бесѣдуютъ, обмѣниваясь взаимными откровенностями на счетъ слабостей и смѣшныхъ сторонъ вдовы профессора и осыпая ее самыми рѣзкими упреками и насмѣшками. Будучи въ сущности памфлетомъ противъ отдѣльной личности, «Лабиринтъ любви» содержитъ въ себѣ и крайне необузданную сатиру на женщинъ вообще. Итальянцы цѣнятъ это произведеніе за обиліе въ немъ мѣстныхъ, чисто флорентинскихъ оборотовъ рѣчи, за богатство ея языка.

На итальянскомъ языкѣ Боккачіо написалъ также нѣсколько посланій и три сочиненія, составляющія плодъ его усерднаго изученія Данта: одно изъ нихъ—«Жизнь Данта» (Vita di Dante); другое—болѣе обширное и озаглавленное «Origine, Vita e Costumi di Dante», и третье—«Комментарій» (Il Commento) къ «Божеств. Комедіи», составившійся изъ читанныхъ имъ, въ послѣдніе годы жизни, публичныхъ лекцій о поэмѣ Данта, въ которыхъ онъ остановился на 17 стихѣ

Digitized by Google

17 пѣсни «Ада» *). Къ самому послѣднему времени жизни Боккачіо относятъ одно произведеніе, написанное имъ также по итальянски (если только оно не поддѣлка XVI вѣка), — это благочестиво-назидательная новелла, подъ заглавіемъ «Urbano», съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ распространенной въ средніе вѣка легенды о Константинѣ Великомъ.

О латинскихъ, также многочисленныхъ произведеніяхъ Боккачіо— 16 эклогъ, письма **), нѣсколько ученыхъ трактатовъ,—будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что одно изъ нихъ — «Genealogia Deorum»—содержитъ въ послѣдней своей, XV-ой книгѣ интересныя автобіографическія данныя.

Изъ сдѣланнаго нами перечня произведеній Боккачіо видно, что, какъ писатель, онъ отличался большою плодовитостью, которая соединялась и съ выдающимся художественнымъ талантомъ. Въ лицѣ Боккачіо достойнымъ образомъ завершается цѣлый блестящій періодъ старо-итальянской литературы. Наступленіе новаго фазиса въ ея развитіи совпадаетъ съ наступленіемъ новаго періода въ жизни самой Италіи въ отношеніи къ ея политическому и общественному положенію: дѣйствительно, черезъ три года по смерти Боккачьо происходитъ во Флоренціи такъ называемое возмущеніе «чьомпи» (шерстобитовъ) или возстаніе низшихъ, неимущихъ классовъ противъ зажиточныхъ сословій въ республикѣ, которое положило начало упадку свободы въ ней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическому могуществу рода Медичи. А затѣмъ наступаетъ уже XV-й вѣкъ, служащій преддверіемъ къ эпохѣ Возрожденія,—вѣкъ, далеко не обильный замѣчательными литературными памятниками, но отмѣченный энергичнымъ научнымъ движеніемъ и блестящимъ развитіемъ искусствъ.

Поправка. На стр. 773, строка 16 сверху, послѣ словъ: «въ народной итальянской поэзіи» слѣдуетъ прибавить: Этому Джакомино, быть можетъ, принадлежитъ знаменитое въ своемъ родѣ стихотвореніе «Rosa fresca aulentissima», которое до сихъ поръ приписывалось никогда, повидимому, не существовавшему Чюлло д'Алькамо (Ciullo d'Alcamo) и считалось самымъ раннимъ памятникомъ (XII-го вѣка) итальянской литературы ***). Инн. Болдаковъ.

*) Всѣ три перечисленныя сочиненія издалъ отдѣльно Milanesi (1863, Firenze), — они не вошли въ полное собраніе итальянскихъ сочиненій Боккачіо, изданное Moutier въ 17 томахъ (1823—37, Firenze).

**) На итальянскій языкъ переведены Corazzini (Lettere edite ed inedite di messer Giov. Boccaccio, tradotte e commentate. 1877. Firenze).

***) Таково было мнѣніе покойнаго итальянскаго ученаго N. Caix'a (см. его статью „Chi fosse il preteso C. d'Alc.?" въ „Rivista europea" 1879, 16 marzo, p. 231 — 51). Остальная литература объ этомъ во многихъ отношеніяхъ любопытномъ памятникѣ старо-итальянской поэзіи указана у Gaspary, D. Sicilian. Dichterschule, p. 123 — 5

Digitized by Google

XIII. Англійская литература въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Англійскій языкъ и поэзія подъ владычествомъ норманновъ и въ переходную эпоху. — Переводы съ французскаго и подражанія. — Путешествіе Мандевиля. — Чосеръ.—Виклефъ.—Видѣніе о Петрѣ Пахарѣ.—Подражатели Чосера.

Главнѣйшія пособія:

Ten—Brink. o. c.

Eduard Engel. Geschichte der englischen Litteratur. Leipzig. 1884.

Taine: Histoire de la littérature anglaise.

Hertzberg: Chaucer's Canterbury-Geschichten. Hildburgh. 1866.

Düring, Geoffrey Chaucers Werke Bd. I. Strassburg 1883.

Craik: A manual of english literature (Collection of british authors). Leipz. 1874.

Въ главѣ V мы говорили о началѣ христіанской цивилизаціи на британскихъ островахъ и о борьбѣ расъ кельтской и англо-саксонской; въ главѣ VI—объ англо-саксонскомъ христіанскомъ эпосѣ; въ главѣ VII—о національномъ древне-англійскомъ эпосѣ, и въ главѣ IX—о рыцарскихъ романахъ, которые едва ли не въ первый разъ подверглись литературной передѣлкѣ на почвѣ нынѣшней Англіи. Нашимъ читателямъ кромѣ того извѣстно, что когда во 2-ой половинѣ XI вѣка норманны завоевали Англію, въ ея правящихъ классахъ надолго утвердился французскій языкъ, и такимъ образомъ представленные нами очерки исторіи средневѣковой литературы Франціи суть въ то же время очерки литературы Великобританіи въ эпоху развитія феодализма и рыцарства; начало англійской литературы въ тѣсномъ смыслѣ связано съ образованіемъ новаго литературнаго языка, который представляетъ амальгамму двухъ мало родственныхъ элементовъ: англо-саксонскаго, точнѣе: древне-англійскаго и сѣверно-французскаго.

Къ этимъ общеизвѣстнымъ даннымъ присоединяемъ нѣсколько фактовъ, установленныхъ въ недавнее сравнительно время.

Культурная борьба двухъ расъ, несмотря на всю энергію Вильгельма и его наслѣдниковъ, окончилась скорѣе въ пользу завоеванныхъ, чѣмъ въ пользу завоевателей. Подобно тому, какъ въ обществѣ люди сильные и въ высшей степени дѣятельные зачастую оказываются чрезвычайно податливыми къ постороннему вліянію, и норманны не обладали культурной устойчивостью. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій X-го вѣка они забыли родной языкъ и совершенно офранцузились; такъ и теперь, несмотря на то, что они принесли съ собою культуру высшую, они подчинились давленію

у Bartoli, Storia, II, p. 125—55. Cp. Gaspary, Gesch. der italien. Literatur. I, 73—77.

Вездѣ, гдѣ напечатано: Джакопо, Джакопоне—слѣдуетъ читать: Якопо, Якопоне.

Digitized by Google

окружающей ихъ массы, на которую сами оказали сравнительно незначительное вліяніе, какъ это всего яснѣе можно видѣть на несомнѣнно вѣрномъ показателѣ культуры—языкѣ. При дворѣ англійскаго короля французскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи еще до Гастингской битвы, а въ народѣ онъ не привился и позднѣе, несмотря на то, что до половины XIV столѣтія на немъ совершалось судопроизводство, а первый англійскій судебникъ изданъ только въ 1483 г. *).

Въ продолженіи довольно длиннаго періода борьбы (отъ 1066 г. до половины XIV в.) англійскій языкъ оставался, какъ и теперь остается, языкомъ по существу нѣмецкимъ, и его усвоивали себѣ волей неволей дѣти побѣдителей при Гастингсѣ. Дѣло въ томъ, что норманны сами полтораста лѣтъ назадъ были германцами, и романская культура не могла радикально измѣнить ихъ природы, а съ другой стороны ихъ суровыя мѣропріятія не могли подавить національной англійской письменности, которая продолжала существовать и въ извѣстныхъ отношеніяхъ развиваться непрерывно, и языкъ этой письменности сохранялся въ такой чистотѣ, что въ произведеніяхъ, появившихся черезъ 100 лѣтъ послѣ завоеванія, мы едва найдемъ 2—3 французскихъ слова на десяткѣ страницъ. Напрасно норманское дворянство стремилось заставить своихъ дѣтей говорить исключительно по-французски и съ этой цѣлію посылало ихъ на материкъ, а впослѣдствіи, когда это оказалось по разнымъ причинамъ неудобнымъ, основало двѣ французско-латинскія школы въ Кембриджѣ и Оксфордѣ: студенты этихъ школъ, подчиняясь давленію окружающей массы, болтали между собою по-англійски. Правда, до конца XIV в. человѣкъ благороднаго происхожденія и хорошо воспитанный, считалъ своимъ долгомъ умѣть говорить по-французски, но этотъ англо-французскій языкъ, по словамъ Чосера, оказался бы совершенно непонятенъ въ Парижѣ.

Но утверждать на основаніи всего этого, что норманно-французскій языкъ вымеръ въ Англіи самъ собою, не оставивъ слѣдовъ или оставивъ ихъ такъ мало, какъ напр. татарскій въ русскомъ или русскій въ литовскомъ, было бы нелѣпой крайностью: языкъ побѣдителей оказалъ могущественное вліяніе на языкъ англичанъ, и послѣдній безъ его содѣйствія не могъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ.

Начнемъ съ души языка—съ грамматики. Формы французскихъ спряженій и склоненій не перешли въ англійскій и непосредственнаго вліянія французская грамматика на англійскую не имѣла, но за то языкъ побѣдителей имѣлъ огромное посредственное вліяніе, уничто-

*) Указомъ Эдуарда III отъ 1362 г. французскій языкъ изгнанъ изъ судовъ, а въ 1363 г. парламентъ въ первый разъ открылся англійской рѣчью.

Digitized by Google

живъ флексіи старо-англійскаго языка. Норманны, принужденные говорить по-англійски, разумѣется, скрадывали окончанія, а такъ какъ въ этомъ случаѣ самъ англійскій языкъ шелъ имъ на встрѣчу, то въ результатѣ и получился современный англійскій языкъ, лишенный флексій. Американскій лингвистъ, Марчъ, произвелъ рядъ чрезвычайно кропотливыхъ изслѣдованій о лексическомъ составѣ языка англійскихъ писателей, и по этимъ изслѣдованіямъ, напримѣръ, оказалось, что въ языкѣ писателей XIII—XIV вѣковъ только 5% романскихъ словъ, у Чосера 10%, у писателей XV и XVI вв. 16%; всего больше романскихъ словъ у Гиббона (30%) и у Маколея (25%). Такимъ образомъ ясно, что романскій элементъ сталъ вторгаться съ особенною силою въ англійскій языкъ тогда, когда о давленіи со стороны завоевателей не могло быть и рѣчи. Но при этомъ надо замѣтить, что такое процентное отношеніе обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что предлоги, мѣстоименія, вспомогательные глаголы и тому подобныя всего чаще встрѣчающіяся слова остались нѣмецкими; французскія слова входили въ англійскій постепенно: такъ у Чосера они еще сохраняютъ французское удареніе на послѣднемъ слогѣ и только впослѣдствіи энглизируются. Эти 5—10% французскихъ словъ, вошедшихъ въ англійскій языкъ въ переходную эпоху, значительно обогатили его, давъ массу синонимовъ, которые нужны были, чтобъ выражать болѣе тонкіе оттѣнки мысли *). Еще болѣе вслѣдствіе соприкосновенія съ романо-французами обогатилась идеями англійская письменность, къ краткому изложенію которой мы теперь переходимъ.

Въ эпоху напряженной кровавой борьбы двухъ расъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ англійской литературѣ чувствуется нѣкоторая придавленность, отсутствіе движенія и производительности; такъ что въ продолженіи всего XII столѣтія мы не можемъ указать ни одного сколько нибудь выдающагося произведенія. Во второй половинѣ этого столѣтія именно совершался процессъ броженія, въ силу котораго въ культурные слои англійскаго общества проникаютъ модныя рыцарскія идеи. Къ самому началу XIII столѣтія (къ 1205 г.) относится произведеніе, служащее показателемъ окончанія этого процесса: это Брутъ священника Лайямона, жившаго близъ устьевъ Северна, недалеко отъ кельтскаго Валлиса. Лайямонъ, знавшій немного по-французски и очень мало по-латыни, переработалъ Брута Васа (см. гл. IX), превративъ его 15 тысячъ стиховъ въ 32. Онъ распро-

*) Чрезвычайно поучительно для характеристики отношенія расъ наблюдать, какіе разряды словъ удержались изъ нѣмецкаго и какіе вошли изъ французскаго. Укажемъ на одинъ общій законъ: абстрактныя понятія вошли изъ французскаго, а конкретныя удержались изъ старины.

Digitized by Google

странилъ свой оригиналъ многими эпизодами, взятыми отчасти изъ мѣстныхъ преданій, отчасти изъ кельтскихъ и германскихъ сказаній. Онъ безсознательно приспособлялъ прародителя рыцарскихъ романовъ къ менѣе изысканному, но болѣе здоровому вкусу своихъ англійскихъ читателей, и отдѣльныя мѣста его поэмы напоминаютъ по энергіи чувства и выраженія лучшихъ англо-саксонскихъ поэтовъ; но въ общемъ это произведеніе слабое и растянутое, ясно показывающее, какъ туго усвоивалъ себѣ придавленный завоеваніемъ англосаксонскій умъ идеи и образы рыцарства.

Это состояніе подавленности прекращается около середины XIII столѣтія. При Генрихѣ IV (1216—1272) совершается подъемъ національнаго чувства и происходитъ примиреніе англичанъ съ норманнами: аристократія, враждуя съ королемъ, принуждена была обратиться за помощью къ народу; въ этой борьбѣ, по выраженію Тенъ Бринка «изъ духа древнеанглійскаго устройства на почвѣ норманофеодальнаго государства выработались новоанглійскія учрежденія». тѣ учрежденія, которыя обусловливаютъ свободу и благосостояніе народа, изображенныя съ такой рельефностью извѣстнымъ Фортескью. Ко времени этой борьбы относится важный фактъ признанія правъ англійскаго языка—прокламація 1258 г., изданная параллельно на двухъ нарѣчіяхъ.

Тогда снова усиливается англійская письменность, болѣе или менѣе проникнутая новымъ духомъ, и достойные изданія и обслѣдованія памятники ея появляются сотнями. Поэзія или по крайней мѣрѣ стихотворство культивируется больше, чѣмъ проза; чаще всего встрѣчаются переложенія книгъ св. писанія въ разнообразныхъ формахъ и различныхъ тонахъ. Одни изъ поэтовъ (болѣе старые) придерживаются старомодной аллитераціи, другіе усвоиваютъ латинско-французскую риѳму, иные — даже классическій метръ; иные чувствуютъ наклонность излагать наиболѣе эпическіе отрывки и въ тонѣ, напоминающемъ Кедмона, другіе пользуются старыми англо-саксонскими богословами, а болѣе передовые — Петромъ Коместоромъ и другими французскими отцами. Такое же постепенное измѣненіе тона легко прослѣдить и въ духовныхъ пѣсняхъ, въ которыя также мало по малу вторгается риѳма и тонъ французско-провансальской лирики, а съ нимъ вмѣстѣ и бо̀льшее количество романскихъ словъ. Перелагаются въ стихи гомиліи, моральные трактаты (по національному вкусу, которому шла на встрѣчу французская мода, преимущественно въ формѣ аллегорій или съ привнесеніемъ параболъ), правила и наставленія для монашеской жизни. Чрезвычайно была развита легенда, большею частію заимствованная; изъ туземныхъ легендъ особенною популярностью пользовалось житіе и мученіе Ѳомы Бекета.

Digitized by Google

изъ котораго, какъ извѣстно, народная фантазія сдѣлала національнаго героя и борца противъ чужеземной тиранніи. Перелагались въ стихи хроники, бестіаріи и прочія поучительныя книжки. Есть и сатиры, направленныя на всѣ сословія, но безъ рѣзкаго различенія національностей. Есть діалоги или споры, въ родѣ провансальскихъ тенсоновъ или французскихъ desbats; въ симпатіи къ этой поэтической формѣ иностранное вліяніе подавало руку древне-германскимъ поэтическимъ преніямъ, образцы которыхъ встрѣчаются въ такъ наз. старой Эддѣ. Лучшій изъ англійскихъ тенсоновъ «Соловей и Сова», изображающій борьбу двухъ міровоззрѣній: эстетическаго и аскетическаго, явился на свѣтъ около половины XIII вѣка. Чужеземному вліянію меньше другихъ видовъ поддавались стихотворныя изреченія — шпрюхи, до конца средних вѣковъ сохранявшіе рѣзкость и выразительность временъ Беовульфа и Эдды.

Сильнѣй всего отразилось новое, заимствованное міровоззрѣніе на эпосѣ; особенно во времена Генриха III и Эдуарда I появляется масса переводныхъ французскихъ поэмъ и романовъ всевозможнаго, но непремѣнно рыцарскаго и авантюрнаго содержанія. Переводятъ исторію Флера и Бланшфлеры, исторію Амиса и Амиля, Тристана, Александра Македонскаго, Ричарда Львиное Сердце и т. д. и т. д.; часто одну и туже вещь переводятъ или передѣлываютъ нѣсколько лицъ почти одновременно. Какъ во Франціи часто труверъ отдавалъ свое произведеніе для пользованія жонглерамъ, такъ и здѣсь клерикъ поэтъ популяризировалъ свою поэму черезъ сказителей, segger'овъ. Духъ англійской народности: здоровая любовь къ природѣ и жизни, прямота, стойкость и энергія, соединенныя съ нѣкоторой грубостью, выражаются въ переводныхъ поэмахъ въ разной степени; но въ общемъ, съ точки зрѣнія художественной законченности эти копіи гораздо слабѣе и грубѣе своихъ оригиналовъ: англійскій поэтъ обыкновенно опускаетъ лучшія психологическія детали, потому ли, что самъ не можетъ оцѣнить ихъ по достоинству, или потому, что не считаетъ ихъ понятнымъ для своихъ читателей, и старается произвести эффектъ массой событій.

Подъ давленіемъ французскаго вкуса англійскіе поэты обработывали въ стилѣ и тонѣ авантюрныхъ романовъ свои національные или во всякомъ случаѣ сѣверные сюжеты. Нѣкоторыя изъ подобныхъ переработокъ дошли до насъ сравнительно отъ очень ранняго времени; таковы поэма о королѣ Горнѣ и поэма о датчанинѣ Гавелокѣ.

Наравнѣ съ романами англичане культивировали и новеллу; они обработывали сюжеты изъ общеизвѣстныхъ сборниковъ въ родѣ Disciplina Clericalis, Семи мудрецовъ и пр., пользуясь то латинскимъ оригиналомъ, то французскими передѣлками; такая бродячая повѣсть

Digitized by Google

обыкновенно приурочивалась къ извѣстной англійской мѣстности и англійскимъ нравамъ, и дѣйствующія лица получали англійскія имена.

Къ серединѣ XIV в. англійская письменность пользуется если не уваженіемъ, то во всякомъ случаѣ терпимостью, правомъ на существованіе въ глазахъ даже тѣхъ аристократовъ, которые вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ материкомъ удерживаютъ французскій языкъ во всей его литературной чистотѣ, какъ это видно на примѣрѣ извѣстнаго путешественника, Мандевиля.

Сэръ Джонъ Мандевиль, изъ аристократической строго-норманской фамиліи, родился въ 1300 г. въ городѣ С. Альбанѣ. Онъ много учился въ юности: занимался математикой, медициной и богословіемъ; 22 л. отъ роду онъ отправился на востокъ съ ближайшею цѣлью поклониться мѣстамъ земной жизни и страданій Спасителя. Любознательность и страсть къ авантюрамъ завлекли его до Индіи и можетъ быть до Китая. Онъ много лѣтъ служилъ султану Египетскому и хану Катайскому, не измѣняя вѣры, въ которой родился; онъ много видѣлъ удивительныхъ для европейца вещей, еще больше слышалъ разсказовъ о несуществующихъ чудесахъ и добросовѣстно слагалъ ихъ въ своей памяти. Послѣ 34-лѣтнихъ странствій онъ вернулся домой и описалъ кратко и сжато страны, имъ посѣщенныя, внеся въ свою книгу слышанные разсказы и кое-какія литературныя заимствованія, для человѣка его времени и класса неизбѣжныя (изъ Александріи, изъ рыцарскихъ поэмъ, въ родѣ Ожье Датскаго и пр.).

Вотъ краткій обзоръ содержанія книги Мандевиля: послѣ благочестиваго введенія онъ говоритъ о путяхъ, которые ведутъ къ св. землѣ, о Константинополѣ и его реликвіяхъ, о различіи вѣры греческой и католической, потомъ о Палестинѣ; описывая ея мѣстности, упоминаетъ о многихъ апокрифахъ, изъ которыхъ иные не дошли до нашего времени; во 2-ой книгѣ онъ говоритъ о странахъ, прилегающихъ къ св. землѣ, до Индіи включительно, при чемъ упоминаетъ о царствѣ амазонокъ, о чудовищныхъ людяхъ: одноногихъ, безголовыхъ, съ песьими головами и пр. 3-ю книгу онъ посвящаетъ главнымъ образомъ описанію Великаго Ханства; въ 4-ой говоритъ о царствѣ священника Іоанна; въ 5-ой—о языческой религіи поклонниковъ Могамета и излагаетъ ученіе Алкорана, причемъ выказываетъ замѣчательную для его времени вѣротерпимость.

Мандевиль набросалъ свою книгу повидимому первоначально по-латыни; потомъ, желая для нея большаго распространенія, самъ перевелъ ее на французскій языкъ; но и этимъ онъ не удовольствовался: желая, чтобъ ее понималъ и каждый изъ его соотечественниковъ, онъ велѣлъ подъ своей редакціей перевести ее на англійскій; Сэръ Джонъ умеръ въ 1371 г. въ Люттихѣ.

Въ то время, когда сэръ Джонъ Мандевиль переводилъ на языкъ простонародья свою книжку, уже кончалъ ученіе величайшій средне-

Digitized by Google

вѣковой поэтъ Англіи, «первый изобрѣтатель нашего языка» (first finder of our language) Готфридъ, или по-англійскому произношенію Джеффри Чосеръ. Его называли отцемъ англійской поэзіи, когда не подозрѣвали существованія обширной и разнообразной по содержанію письменности XII и XIII столѣтій; но то же имя можно въ извѣстномъ смыслѣ оставить за нимъ и теперь; богатство старо-англійской письменности не дѣлало ее популярной въ самомъ верхнемъ, наиболѣе передовомъ слоѣ общества, который въ то время, какъ и въ продолженіи многихъ послѣдующихъ столѣтій въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, ютился около двора; сэръ Мандевиль, только снисходя къ невѣжеству своихъ соотечественниковъ, переводитъ свое путешествіе по-англійски и при этомъ старается разжевывать самыя немудреныя вещи въ виду тупости читателей; но ни онъ, ни другой изъ его собратьевъ не могъ взять въ руки англійскую книжку ради удовольствія, эстетическаго наслажденія. Англійскій языкъ все же оставался, если можно употребить наше старинное выраженіе, языкомъ людей подлыхъ или впавшихъ въ подлость, по крайней мѣрѣ въ культурномъ отношеніи. Чосеръ первый заговорилъ по-англійски языкомъ высшаго общества; его поэмы написаны не для деревенскихъ сквайровъ, а для куртизановъ Эдуарда III, хотя онѣ почти въ одинаковой мѣрѣ были понятны и простонародью; а ихъ художественное достоинство таково, что ихъ чтеніе становилось нѣкоторою нравственною обязанностью человѣка, любящаго поэзію. Чосеръ, кровный норманъ по происхожденію, немаловажный политическій дѣятель, по родству вельможа, знавшій прекрасно по-французски, избралъ орудіемъ для своей фантазіи и чувства языкъ своей родины, сдѣлалъ его способнымъ выражать модныя и тонкія идеи, оставляя за нимъ его силу и энергію и пропуская эти идеи черезъ здравый и оригинальный умъ англичанина. Онъ соединялъ въ себѣ лучшія качества обѣихъ расъ, и потому его литературная дѣятельность болѣе способствовала окончательному примиренію и сліянію ихъ и уничтоженію культурнаго господства Франціи надъ Англіей, нежели цѣлый рядъ побѣдъ.

Чосеръ не только обогатилъ языкъ словами, а письменность — идеями; онъ одинъ выработалъ цѣлый рядъ новыхъ для Англіи поэтическихъ формъ и метровъ, онъ первый сталъ писать англійскіе стихи пятистопнымъ ямбомъ, тѣмъ размѣромъ, который, благодаря Шекспиру, будетъ вѣчно звучать изъ конца въ конецъ свѣта. Плодовитость его такова, что даже трудолюбивые нѣмцы, среди которыхъ столько знатоковъ Чосера, до сихъ поръ не имѣютъ полнаго перевода его произведеній, а сила его таланта заставляетъ и современныхъ критиковъ, такъ неохотно допускающихъ скачки въ исторіи,

Digitized by Google

признать его одиночнымъ явленіемъ, признать нѣкоторую пустоту какъ сзади, такъ и спереди его.

Джеффри Чосеръ происходилъ изъ норманской, несомнѣнно дворянской, фамиліи [1]). Онъ родился, какъ полагаютъ, въ Лондонѣ между 1340 и 1345 годами [2]); учился, вѣроятно, въ университетѣ, но въ какомъ именно, неизвѣстно. Онъ обладалъ огромною, поразительною для того времени начитанностью, такъ какъ не только отлично зналъ св. писаніе, популярныхъ богослововъ и извѣстныхъ въ ту эпоху классиковъ, не только былъ хорошо знакомъ съ французскою повѣствовательною и лирическою поэзіею, но и читалъ по видимому въ оригиналѣ Данта, Петрарку, а можетъ быть и Боккачіо. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ несчастномъ походѣ Эдуарда III противъ Франціи. Онъ попался въ плѣнъ къ французамъ, но былъ освобожденъ въ 1360 г. Въ 1367 г. онъ уже женатъ, и черезъ жену состоитъ до нѣкоторой степени въ свойствѣ съ королевскимъ домомъ [3]) Благодаря этому свойству, онъ получалъ не одинъ разъ дипломатическія порученія заграницу и, между прочимъ, въ 1372 г. въ Геную. Изъ Генуи онъ проѣхалъ во Флоренцію и въ Падую и, по всей вѣроятности, имѣлъ случай лично познакомиться съ Петраркой. Въ 1374 г. онъ получилъ мѣсто контролера пошлинъ съ обязательствомъ исполнять свое дѣло лично, а не черезъ замѣстителей; это тяжелое для плодовитаго писателя, страстно любящаго читать, условіе было снято съ него только въ 1385 г. [4]). Во время гоненія на ланкастерскую партію и борьбы Ричарда II съ родственниками и оппозиціоннымъ парламентомъ, онъ дѣйствовалъ не за одно съ господствующею партіею и потому лишился почти всѣхъ доходовъ. Въ 1388 г. онъ получилъ другое мѣсто — смотрителя королевскихъ построекъ, но и его занималъ не долго; послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ, повидимому, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ умеръ въ 1400 г. 25 октября.

Походъ во Францію и первыя дипломатическія порученія еще больше сблизили Чосера съ французской литературой и языкомъ, который и такъ былъ не чуждъ ему по его норманскому происхожденію. Первымъ его литературнымъ произведеніемъ, сколько намъ извѣстно,

---

[1]) Chaucer испорченное Chaucier—чулочникъ.

[2]) Прежде годомъ его рожденія ошибочно считали 1328.

[3]) Его женѣ, Филиппѣ, приходилась сестрою Катерина Суинфордъ, любовница, а потомъ супруга принца Джона Гаунтскаго, герцога Ланкастерскаго и отца короля Генриха IV.

[4]) Условіе не было выдумано исключительно для него, и было въ обычаѣ. Оно не мѣшало ему принимать дипломатическія порученія, изъ которыхъ одно напр. продолжалось десять мѣсяцевъ.

Digitized by Google

была обработка знаменитаго романа de la Rose; первую часть его онъ перевелъ цѣликомъ, а вторую, болѣе слабую и скучную, изложилъ въ сокращеніи, такъ что 22 тысячи стиховъ оригинала обратились у него въ 7 тысячъ.

Позднѣе, но все же въ ранней молодости онъ ознакомился и съ легкой итальянской литературой, и изъ Боккачіева Филострато заимствовалъ сюжетъ для своей длинной любовной поэмы: Троилъ и Крессида, въ которой средневѣковая галантерейность доведена до предѣловъ, незнакомыхъ англійской письменности: переводчики французскихъ рыцарскихъ романовъ сокращали сантиментальныя мѣста и описанія психологическихъ ситуацій, а Чосеръ употребляетъ 3000 стиховъ на изложеніе того, что чувствовалъ, думалъ и дѣлалъ Троилъ, отправляясь на первое любовное свиданіе съ Крессидой. Изъ другихъ поэмъ Чосера назовемъ: Книгу герцогини (относятъ къ 1369 г.), Легенду о добрыхъ женахъ, Дворъ любви, «Кукушка и Соловей» (тема— борьба двухъ воззрѣній: грубо-матеріальнаго и эстетическаго), Парламентъ птицъ, Цвѣтокъ и Листъ и Домъ славы. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ лирическій и дидактическій элементъ несравненно сильнѣе эпическаго; во всѣхъ ихъ рѣзко бросается въ глаза необыкновенное богатство красокъ, умѣнье пользоваться замѣчательной начитанностью и поучать забавляя; въ большей части ихъ господствуетъ модная въ то время аллегорія и модныя понятія о любви, точнѣе сказать, объ игрѣ въ любовь, и о необходимости обставить жизнь какъ можно изящнѣе. Еслибъ до насъ дошли только эти поэмы Чосера, мы считали бы его талантливымъ стилистомъ и отцемъ новоанглійскаго стихосложенія, но никакъ не великимъ художникомъ. Таковымъ его дѣлаетъ знаменитый сборникъ его новеллъ, озаглавленный имъ: Кентерберійскіе разсказы.

Канва ихъ чрезвычайно проста и не претендуетъ на художественную цѣлостность.

Въ одинъ апрѣльскій день въ гостинницѣ Табардъ, лежавшей близъ Лондона, собралось общество въ 29 человѣкъ мущинъ и женщинъ, которые всѣ отправлялись на богомолье въ знаменитую метрополію, въ Кентербери. Къ обществу присоединился поэтъ, имѣвшій ту же цѣль путешествія, и самъ хозяинъ гостинницы, такъ что всего составилась компанія въ 31 человѣкъ *) представителей всѣхъ

*) Въ видѣ образца языка и 5 стопнаго ямба Чосера приводимъ отрывокъ изъ пролога по перепечаткѣ первоизданія Кекстона:

By fel that, in seseun on a day
In Southwerk at the Tabbard as I lay
Redy to wenden on my pilgrimage
To Canturbury with ful devout corage,
At night was come into that hostelrie

Digitized by Google

классовъ тогдашняго англійскаго общества. Поэтъ начинаетъ съ того, что обстоятельно знакомитъ читателя съ каждымъ изъ нихъ; здѣсь находятся: идеально благородный въ обращеніи и чувствахъ рыцарь съ своимъ сыномъ, юношей, полнымъ жизни и страсти къ удовольствіямъ; пріорша Эглантина, до нельзя деликатная, изящная дама, проливающая слезы при видѣ раненой мышки; монахъ франтъ и bon-vivant, отличный наѣздникъ; женщина изъ Бата, здоровая, краснощекая мѣщанка, много видѣвшая на своемъ вѣку, побывавшая и въ Римѣ и у св. Іакова въ Галиціи; нищенствующій монахъ, отлично умѣющій устраивать браки; монахиня, священникъ изъ женскаго монастыря, священникъ приходскій, продавецъ индульгенцій, клеркъ, юристъ, матросъ, нѣсколько ремесленниковъ и пр. Каждый изъ членовъ пестрой компаніи стоитъ передъ нами, какъ живой, такъ что, еслибъ отъ Чосера ничего не дошло до насъ, кромѣ этого ряда блестящихъ характеристикъ, онъ занималъ бы почетное мѣсто въ англійской литературѣ; въ ихъ авторѣ, жившемъ въ концѣ XIV в., нельзя не видѣть того же творческаго генія, который, создалъ англійскій семейный романъ, далъ еще въ прошломъ столѣтіи великіе образцы въ произведеніяхъ Гольдсмита, Фильдинга и Смоллета, а въ нынѣшнемъ, при Теккереѣ и Диккенсѣ, завоевалъ литературы всего міра.

Общество богомольцевъ не желаетъ скучать во время пути, и члены его условливаются разсказывать по-очередно исторіи; каждый долженъ разсказать двѣ исторіи подорогѣ туда и двѣ на обратномъ пути, такъ что всего по первоначальному плану должно бы быть 124 исторіи: но ихъ дошло до насъ только 24, даже 23: обстоятельства, а можетъ быть и смерть помѣшали Чосеру исполнить свою задачу.

По сравненію съ Декамерономъ Боккачіо, которое напрашивается само собою, и планъ и исполненіе Кентерберійскихъ разсказовъ неизмѣримо выше: у Боккачіо собрались люди одного воспитанія, общественнаго положенія и одного образа мыслей, и появленіе новеллы того или другаго характера въ устахъ одного изъ нихъ ничѣмъ не мотивировано; тогда какъ здѣсь пестрота общества даетъ возможность поэту поставить въ непосредственную связь разсказчика и разсказъ, дополнить характеристику перваго томомъ втораго. Такъ рыцарь разсказываетъ романическую исторію Паламона и Арсита (по Тезендѣ Боккачіо), клеркъ—исторію Гризельды, женщина изъ Бата—шутливую новеллу о властолюбіи женщинъ, ремесленники — грязноватые, но

Wel nyne and twenty in a companye
Of sondry folk by avent re i-falle
In felashipe, and pilgryms were they alle
That toward. Canturbury wolden ryde.

Digitized by Google

веселые бродячіе анекдоты и пр., и каждый разсказываетъ тономъ, свойственнымъ его общественному положенію и личнымъ качествамъ. Что касается до содержанія разсказовъ, то Боккачіо, конечно, единственный въ мірѣ новеллистъ по плавности, изяществу и гармоніи, и въ веселыхъ новеллахъ по остроумію, но у него нѣтъ той душевной теплоты, вдумчивости и юмора, которыя характеризуютъ соотечественника Стерна и Диккенса.

Чосеръ, какъ и Боккачіо, не выдумываетъ самъ сюжетовъ для своихъ повѣстей, а заимствуетъ ихъ большею частію у авторовъ фабльо и итальянскихъ новеллъ, которые въ свою очередь получали ихъ изъ чужихъ рукъ; но онъ съ бо̀льшимъ искусствомъ ассимилируетъ ихъ нравамъ и духу своего отечества, придаетъ имъ здоровый національный колоритъ.

Въ одномъ отношеніи Чосеръ теряетъ по сравненію съ Боккачьо: хотя и авторъ Декамерона далеко не отличается тацитовской силой и сжатостью, изученіе древнихъ и Данта и самая природа романскаго племени даетъ его рѣчи силу и ясность; Чосеръ, временами умѣющій создать двумя словами живой образъ, временами ходитъ десятки стиховъ кругомъ да около и точно заботится о томъ, какъ бы выразиться подлиннѣе. Но это общій недостатокъ средневѣковой искусственной поэзіи, отъ котораго она страдала во Франціи еще въ большей степени.

Вотъ содержаніе новеллы женщины изъ Бата.

Она предпосылаетъ своей повѣсти длинное предисловіе. Горькій опытъ научилъ ее, что бракъ исполненъ страданій; а опытъ у нея былъ очень достаточный: съ пятью мужьями стояла она предъ алтаремъ; теперь овдовѣла въ 5-й разъ, и снова, если найдется охотникъ, готова наложить на себя тоже ярмо. Да и зачѣмъ было бы избѣгать того, къ чему предназначила насъ природа? Св. Писаніе грозитъ карою за прелюбодѣяніе, за блудъ, но нигдѣ не запрещаетъ брака. Святые патріархи всѣ были женаты, а мудрый царь Соломонъ въ такой мѣрѣ пользовался своимъ правомъ, что ораторша готова удовольствоваться и меньшимъ. Св. отцы восхваляютъ дѣвство; но если бы никто не вступалъ въ бракъ, откуда брались бы дѣвственницы? и т. д.

Потомъ она переходитъ къ личнымъ воспоминаніямъ: изъ пяти ея мужей трое были стары и добры. Исходя изъ текста, что мужъ долженъ все оставить и прилѣпиться къ женѣ, слѣдовательно долженъ принадлежать не себѣ самому, а своей дрожайшей половинѣ, она требовала отъ нихъ безусловной покорности; если она не достигала своей цѣли кроткими мѣрами, она прибѣгала къ упрекамъ и брани (великолѣпный образчикъ которой и приводился при этомъ случаѣ) и, мѣшая строгость и угрозы съ ласками, получала то, что ей было нужно. 5-й ея мужъ, студентъ изъ Оксфорда, былъ вдвое моложе ея; она все отдала ему, потому что любила его безъ мѣры, а онъ платилъ ей черной неблагодарностью, читая глупую книжку о злыхъ женахъ. Когда она изорвала книжку, мужъ больно прибилъ ее; но съ этой минуты и кончилась его независимость; испуганный послѣдствіями своей жестокости, онъ потомъ плясалъ по ея дудкѣ.

Ея разсказъ—извѣстная исторія о превращеніи. Во времена короля Артура о которомъ бритты разсказываютъ много чудеснаго, одинъ молодой рыцарь обез-

Digitized by Google

честилъ дѣвушку. Король долженъ былъ осудить его на смерть, но изъ рыцарской любезности предоставилъ рѣшеніе участи виновнаго своей женѣ. Королева дала ему годъ и день сроку, чтобъ онъ узналъ, что нравится всѣмъ безъ исключенія женщинамъ? Если онъ не угадаетъ самъ или съ чужой помощью, все равно, онъ долженъ быть казненъ. Долго рыцарь бродилъ по свѣту, не находя удовлетворительнаго рѣшенія; мнѣнія были самыя разнообразныя. Срокъ уже подходилъ къ концу, и онъ возвращался, чтобъ принять заслуженную казнь; но безобразная, древняя старуха предложила ему рѣшить загадку, если онъ обѣщаетъ исполнить ея желаніе. Рыцарь, разумѣется, согласился на всѣ условія. Когда королева и ея придворныя дамы потребовали отъ него отвѣта на трудный вопросъ, онъ заявилъ, что всякая женщина, безъ различія общественнаго положенія, больше всего желаетъ господства надъ возлюбленнымъ или надъ мужемъ, и всѣ должны были признать справедливость этого отвѣта. Тогда явилась старуха за наградой: она пожелала, чтобы рыцарь женился на ней, и волей-неволей онъ долженъ былъ идти къ вѣнцу. Въ первую же ночь брака, когда рыцарь выказалъ женѣ понятную холодность, она удивила его своими умными рѣчами, и наконецъ спросила, что предпочтетъ онъ: безобразную и старую, но умную и честную жену, или красивую вертушку и кокетку. Рыцарю не пришлось дѣлать труднаго выбора: старуха, оставшись при своихъ нравственныхъ достоинствахъ, обратилась въ красавицу.

Чосеръ писалъ и прозой, но гораздо хуже, чѣмъ стихами; онъ перевелъ Боэціево Утѣшеніе философіи, написалъ самъ трактатъ подъ заглавіемъ Любовное завѣщаніе и началъ астрологическую статью.

Извѣстно, какъ жестоко преслѣдовали монаховъ и вообще духовенство труверы и продолжатели ихъ дѣла, итальянскіе новеллисты. Но брань и насмѣшка романца вовсе не доказываетъ стремленія или сочувствія къ реформѣ. Иное дѣло въ литературахъ болѣе серьезнаго и благочестиваго нѣмецкаго племени. Чосеръ въ Кентерберійскихъ разсказахъ съ такой ядовитостью и рѣзкостью отзывается о монахахъ, объ индульгенціяхъ и т. д., что мы имѣемъ полное основаніе предполагать связь его съ идеями о церковной реформѣ, тѣмъ болѣе, что имѣемъ свѣдѣнія о его личномъ знакомствѣ, даже дружбѣ съ тогдашнимъ представителемъ ихъ, Виклефомъ, занимающимъ не послѣднее мѣсто въ исторіи литературы, благодарю его переводу библіи.

Виклефъ род. въ 1324 г. (умеръ 1384 г.), учился въ Оксфордѣ; онъ началъ борьбу съ папою въ 1367 г. книжкою: de dominio divino, въ которой выступилъ на защиту правъ короля и парламента. Его переводъ библіи былъ оконченъ въ 1380 г. и, разумѣется, не мало способствовалъ установленію англійской прозы; имъ Виклефъ сдѣлалъ тоже для грамотной массы англичанъ, что Чосеръ для англійской аристократіи. Языкъ Виклефа не такъ силенъ и энергиченъ какъ языкъ Лютера, но онъ ровнѣй и выдержаннѣй.

Изъ той же борьбы свѣтской власти съ папою и изъ тѣхъ же реформаціонныхъ идей вышло замѣчательно оригинальное поэтическое произведеніе, свидѣтельствующее настолько же о силѣ англійскаго ума,

Digitized by Google

какъ и Кентерберійскіе разсказы, хотя далеко не на столько популярное; разумѣемъ видѣніе о Петрѣ Пахарѣ (Visio de Petro Plowman). Авторъ его, Вильямъ Лангландъ (Langland или Langley), род. въ 1332 г., посѣщалъ латинскую школу, можетъ быть и университетъ; во всякомъ случаѣ былъ такъ называемымъ клерикомъ, хотя посвященъ никогда не былъ. Онъ былъ для своего времени довольно начитанный человѣкъ, зналъ недурно по французски и по латыни, читалъ Ювенала и, что было не особенно обычнымъ для воспитанника латинской школы дѣломъ, увлекался старинными англійскими поэтами, которые еще совсѣмъ не вѣдали риѳмы и писали аллитерированные стихи. Жизнь онъ велъ скитальческую и бѣдную, что и расположило его къ извѣстному аскетизму міровоззрѣнія. Его поэма, написанная по примѣру сѣдой старины безъ риѳмъ, съ соблюденіемъ законовъ аллитераціи, есть рядъ видѣній аллегорическаго содержанія. Наклонность къ аллегоріи исходила не только изъ темы и цѣли поэмы и изъ примѣра ветхозавѣтныхъ пророковъ, но къ ней же влекли и два несходные, по своему происхожденію, литературные потока: модная французская поэзія и англо-саксонская родственная съ скандинавской дидактика, выражавшая отвлеченную мысль въ конкретныхъ образахъ.

Вотъ какъ Лангландъ начинаетъ свою поэму: „Въ лѣтнее время, когда солнце было кротко, я закутался въ платье, какъ будто я былъ овчаръ, въ платье отшельника, но я оставался мірскимъ человѣкомъ. Я пошелъ далеко въ свѣтъ слушать чудеса“ *). Въ одно майское утро онъ очутился на холмахъ Мальверна. Утомленный путешествіемъ, онъ прилегъ у подошвы возвышенія, на берегу ручья, задремалъ и увидалъ чудный сонъ. Онъ видѣлъ себя въ незнакомой и обширной пустынѣ, на восточной сторонѣ которой стояла башня, искусно построенная, а внизу была пропасть съ страшной цитаделью. Между этими двумя пунктами находилось обширное поле, на которомъ бродили и дѣйствовали представители всѣхъ классовъ и всѣхъ родовъ жизни. Здѣсь одни тяжкимъ трудомъ добываютъ то, что другіе тратятъ и расточаютъ легкомысленно; одни живутъ только для удовольствія, другіе—для молитвы; здѣсь находятся пилигримы, которые идутъ въ Римъ, или къ св. Якову, чтобъ имѣть право лгать всю свою остальную жизнь; нищенствующіе монахи, которые проповѣдуютъ во благо своему чреву и толкуютъ евангеліе, какъ имъ вздумается; здѣсь продавецъ индульгенцій; здѣсь купцы, юристы, менестрели и пр. Съ холма къ поэту спускается прекрасная, въ полотно одѣтая женщина; это сама св. церковь; она объясняетъ ему, что башня есть жилище правды, т. е. Бога, а цитадель въ пропасти—жилище отца лжи. Поэтъ желаетъ узнать отъ нея искусство отличать ложь. Женщина указываетъ ему олицетворенный Обманъ и его обширную свиту; тамъ находится и богато одѣтая дѣвушка Взятка (или Награда—Meede), которая чувствуетъ себя вездѣ дома, даже въ папскомъ дворцѣ; завтра она должна выдти замужъ за Обманъ. Слѣдуетъ описаніе приготовленій къ этому браку, противъ котораго возстаетъ Богословіе, дол-

*) In a summer season, When soft was the sun, I shoop me into shrouds A I a sheep were; In habit as an hermit Unholy of werkes, Went wide in this world Wonders to hear.

Digitized by Google

гихъ переговоровъ и перипетій, наконецъ суда у короля. Въ этомъ, какъ и въ остальныхъ видѣніяхъ, сухая аллегорія дѣлается жизненной, вслѣдствіе силы воображенія поэта и вслѣдствіе того, что рядомъ съ абстрактами дѣйствуютъ и многочисленные конкреты (напр. вмѣстѣ съ неправосудіемъ является и судья, вмѣстѣ съ симоніей—епископъ и пр.). Петръ Пахарь, какъ представитель идеально-нравственныхъ стремленій человѣческой души, является со 2-го видѣнія. 2-ая половина поэмы имѣетъ цѣлію черезъ него изслѣдовать, въ чемъ состоитъ простая и въ чемъ высшая добродѣтель. Эта половина излагаетъ въ видѣ поэтическихъ очерковъ вшествіе Христа въ Іерусалимъ, его страданія и смерть, разсказываетъ битву жизни съ смертію, нисшествіе въ адъ и исторію церкви первыхъ временъ. Божественная милость дѣлаетъ Петра пахаремъ церкви, даетъ ему четырехъ быковъ (4-хъ евангелистовъ), четырехъ лошадей (4-хъ латинскихъ отцевъ церкви) и пр. Петръ строитъ домъ единенія. Въ концѣ является Антихристъ, которому нищенствующіе монахи оказываютъ великіе почести; за его знаменемъ слѣдуетъ масса народа. Противъ него возстаетъ Совѣсть, которая призываетъ на помощь Природу, потомъ Старость; но Совѣсть сама вредитъ своему дѣлу, допуская въ домъ единенія лживаго исповѣдника. Она должна пуститься въ свѣтъ искать Петра Пахаря. Отъ ея плача просыпается авторъ, и оканчивается поэма.

«Видѣніе о Петрѣ» было работой всей жизни Лангланда; онъ передѣлывалъ поэму три раза, измѣняя эпизоды, по мѣрѣ измѣненія своихъ взглядовъ.

Онъ, какъ и Виклефъ, различаетъ идеальную церковь Христову, и печальную дѣйствительность, въ которую она выродилась. Но онъ не возстаетъ противъ принципа папской власти, а только мечтаетъ очистить церковь отъ одолѣвающихъ ее золъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ сильно чувствуется пуританскій элементъ, и позднѣйшіе сторонники реформы имѣли право провозгласить его однимъ изъ своихъ.

Дѣятельность Чосера не могла не вызвать подражателей, но прежде нежели говорить о поэтахъ, воспитанныхъ на его произведеніяхъ, мы должны упомянуть о его современникѣ Джонѣ Гоуэрѣ, нравственномъ Гоуэрѣ (moral Gower), какъ его называлъ Чосеръ; онъ былъ старше Чосера нѣсколькими годами, умеръ въ 1408 г. Онъ написалъ три трактата: по латыни Speculum Meditantis (зерцало размышляющаго), который не дошелъ до насъ, Vox Clamantis (гласъ зовущаго), тоже, по латыни, и третій въ англійскихъ стихахъ Confessio A'mantis (исповѣдь влюбленнаго) въ 1393 г. Confessio есть длинный и весьма скучный діалогъ между жрецомъ Венеры Геніемъ и исповѣдающимся ему влюбленнымъ. Трактатъ представляетъ очевидное подражаніе подобнымъ французскимъ поэмамъ и спеціально Роману о Розѣ; онъ заключаетъ въ себѣ прологъ и восемь книгъ; разсужденія пересыпаны исторійками и массой ненужныхъ цитатъ.

Томасъ Окклевъ (Occleve род. 1370 г., умеръ 1420), горячій поклонникъ Чосера, не столько извѣстенъ своей скучной дидактической поэмой: de regimine principum (объ управленіи князей), сколько приложеннымъ къ ней потретомъ Чосера. Его современникъ, монахъ Лид-

Digitized by Google

ітъ (Lydgate 1370—1450), выдается только необыкновенной плодовитостью; считаютъ, что онъ сочинилъ 251 поэму! Серьозныя его произведенія скучны до нельзя; народный грубый юморъ оживляетъ лишь в извѣстной степени его комическія пьесы.

Такимъ образомъ Чосеръ оказался слишкомъ талантливъ для ближайшаго потомства, которое довольствовалось схоластикой поэзіи, и прямыхъ продолжателей его великаго дѣла надо искать по ту сторону возрожденія.

XXIII. Средневѣковая драма.

Главнѣйшія пособія:

Aubertin o. c.
Engel o. c.
Petit de Julleville: Les Mystères TT. I et II. Paris 1880.
Roger (Alphonse): Histoire universelle du théatre. T. I. Paris 1869.
Wilken E. Geschichte der geistlichen Spiele in Deutschland. Göttingen 1872.
Reidt: Das geistliche Schauspiel des Mittelalters in Deutschland. Frankf. a. M. 1868.
Klein. Geschichte d. Drama's (passim).
Rovenhagen: Altenglische Dramen. Geistliche Schauspiele. Achen 1879.
Bartoli. Storia della letteratura italiana. TT. I. e II. Firenze 1878.
Полевой, П. Историческіе очерки средневѣковой драмы, Спб. 1865.
Веселовскій, Алексѣй Н. Старинный театръ въ Европѣ. М. 1870.
Кирпичниковъ: Очерки средневѣковой литературы. М. 1869.

Первыя попытки создать христіанскую драму относятся къ послѣднимъ вѣкамъ римской цивилизаціи: на латинскомъ западѣ, какъ и на греческомъ востокѣ одновременно являются трагедіи, благочестивыя по содержанію и классическія по формѣ. Но поздняя осень античной цивилизаціи не могла дать жизни этимъ жалкимъ ублюдкамъ, авторы которыхъ обыкновенно, не стѣсняясь, обкрадывали трагиковъ языческихъ. Въ Византіи, гдѣ этотъ родъ промышленной драматургіи существовалъ довольно долго, онъ имѣлъ вліяніе на драматизированныя празднества; на западѣ онъ могъ повліять развѣ на мертворожденный продуктъ, называемый школьной драмою. Средневѣковая духовная драма отъ послѣдней зависитъ не въ большей степени, какъ и отъ народныхъ игрищъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, драматическій элементъ—стремленіе воспроизводить дѣйствіемъ и діалогомъ играетъ очень видную роль, и отъ сценокъ со словами или безъ словъ, разыгрываемыхъ на площадяхъ бродячими фиглярами. Эти три разнохарактерныя явленія имѣли свою долю участія въ поддержаніи и питаніи вкуса къ драматическимъ представленіямъ и при развитіи средневѣковаго театра давали соки его дальнѣйшему росту; но по существу своему этотъ театръ исходитъ не изъ школы, не изъ хоровода и не изъ балагана, а изъ церковной службы.

Digitized by Google

Литургія и въ настоящемъ своемъ видѣ есть религіозно-аллегорическая драма; на западѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, при открытомъ алтарѣ и большей продолжительности богослуженія, драматическій элементъ былъ значительно сильнѣе; а неустойчивость текста служебника доводила его иногда до поразительнаго развитія. Вотъ примѣръ: въ одномъ служебникѣ въ предѣлахъ нынѣшней Франціи въ рождественской службѣ рано оказалась вставка, приписанная св. Августину: ветхозавѣтные пророки по очереди излагаютъ, что каждый изъ нихъ предсказывалъ о событіи, память котораго празднуется, или вообще о Христѣ. Эта вставка пошла въ ходъ, и въ XI—XII вв. разрослась въ цѣлую драматическую поэму, которая разыгрывалась такимъ образомъ, что одинъ изъ церковнослужителей говорилъ слова пророковъ, а хоръ своею пѣснью отдѣлялъ одинъ эпизодъ отъ другаго; въ число пророковъ входятъ и Даніилъ, и три вавилонскіе юноши, а при этомъ, естественно, становится необходимымъ изобразить и ихъ исторію, для чего понадобилась масса лицъ, обстановка и большая продолжительность представленія. Такимъ образомъ сравнительно небольшая литургическая вставка превращается не только въ особую драму, но потомъ и въ цѣлый циклъ драмъ.

Въ той же рождественской службѣ поклоненіе пастырей, поклоненіе маговъ, внѣ ея: благовѣщеніе, «плачъ Маріи», разговоръ ангела съ мvроносицами, особенно же эпизоды изъ службы страстной недѣли сами, такъ сказать, требуютъ распространенія и обстановки, усиливающей иллюзію, противъ которой ничего не могло имѣть духовенство, и въ другихъ случаяхъ стремившееся дѣйствовать на душу мірянина черезъ чувства и фантазію.

Всѣ эти представленія называются officia, т.-е. службы, и первоначально состоятъ, главнымъ образомъ, изъ словъ св. Писанія, разыгрываются исключительно церковно-служителями (officiales) исключительно въ церкви и исключительно на латинскомъ, т.-е.. церковномъ языкѣ. Постепенно во всѣхъ этихъ пунктахъ церковная драма секуляризируется: въ прозу проникаютъ стихи, слишкомъ простое содержаніе осложняется чертами, взятыми изъ апокрифовъ.

Легко понять, какъ пришла идея допускать лаиковъ для изображенія лицъ нечестивыхъ, въ родѣ слугъ царя Навуходоносора, а съ актерами изъ народа естественно выступаетъ на сцену и народный языкъ; вавилонская пещь, естественно, должна была, при стремленіи улучшить обстановку, выбраться изъ церкви на церковную паперть, потомъ въ ограду, а потомъ и на городскую площадь.

Между тѣмъ, при условіи тѣсной связи церкви и школы, школьныя представленія, постоянно развиваясь, сближаются съ драмой церковно-народной и оказываютъ на нее довольно сильное вліяніе.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что эта постепенная секуляризація и осложненіе литургической драмы не совершалась безусловно правильно, безъ скачковъ, и что ея моменты не могутъ быть строго ограничены вѣками и народностями; тѣмъ не менѣе мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что и здѣсь, какъ и вездѣ, Франція идетъ впереди другихъ странъ. Въ служебникахъ французскихъ мы очень рано находимъ указанія на нѣчто въ родѣ scenarium'а, гдѣ обозначаются главныя движенія дѣйствующихъ лицъ, указывается число ихъ, а иногда и костюмы; во Франціи мы находимъ первыя указанія, что нѣкоторыя officia, напр. благовѣщенія, отправлялись на площади; въ школьныхъ драмахъ Франціи впервые, насколько намъ извѣстно, выказывается стремленіе авторовъ стать понятными народу посредствомъ вставокъ на народномъ языкѣ и дѣйствовать на чувства и душу зрителей способной произвести иллюзію обстановкой; во Франціи же драма, разыгрывавшаяся въ церкви, рано допускаетъ въ себя апокрифическія и легендарныя вставки, и изъ Франціи же наконецъ мы имѣемъ древнѣйшую драму на языкѣ смѣшанномъ (farcita): Притчу о десяти дѣвахъ, содержаніе которой и приводимъ какъ характерный образчикъ той эпохи, когда драматическій геній народа выбивался изъ церковной ограды.

Драма начинается съ латинскаго пролога: „Вотъ женихъ, который есть Христосъ, бодрствуйте дѣвы; о его приходѣ возрадуются всѣ народы, ибо онъ приходитъ освободить ихъ отъ власти демоновъ"; онъ второй Адамъ, ибо смертью своей онъ смылъ грѣхи наши. Является арх. Гавріилъ и по-провансальски говоритъ дѣвамъ: „Слушайте, дѣвушки, что мы вамъ скажемъ: обратите вниманіе на то, что мы прикажемъ; ждите жениха. который называется Іисусъ Спаситель, не спите отнюдь"; *) въ слѣдующихъ трехъ строфахъ гимна онъ разъясняетъ заслуги Христа передъ человѣчествомъ. Затѣмъ слѣдуетъ нѣмая сцена сна дѣвъ. Когда глупыя дѣвы пробуждаются при извѣстномъ воззваніи, онѣ обращаются къ мудрымъ дѣвамъ съ латинской пѣснью, каждая строфа которой заканчивается провансальскимъ припѣвомъ: Dolentas, chaitivas! trop i avem dormit!" Такимъ же образомъ имъ отвѣчаютъ и мудрыя дѣвы Слѣдуетъ разговоръ глупыхъ дѣвъ съ купцами, которые отказываютъ имъ (безъ мотива) и отсылаютъ къ ихъ мудрымъ сестрамъ. На отчаянную мольбу дѣвъ, лишенныхъ свѣтильниковъ, выходитъ женихъ Христосъ и говоритъ (или поетъ) по латыни: „Аминь, говорю, васъ я не знаю, ибо у васъ нѣтъ свѣта; кто его теряетъ, отходитъ далеко отъ порога этой палаты" **) и затѣмъ присоединяетъ по-провансальски: Ступайте, презрѣнныя, ступайте, несчастныя! Вы подвергнетесь казни на вѣки (и) сейчасъ же будете отведены въ адъ!" Затѣмъ въ рукописи прибавлено важное для исторіи театра

*) Oiet, virgines, aiso que vos dirum; Aiseet presen que vos comandarum. Atendet un espos, Ihesu salvaire a nom,

Послѣдняя строка служитъ припѣвомъ.

Gaire no i dormet!

**) Amen dico Vos ignosco, Nam caretis lumine; Quod qui perdunt, procul pergunt Hujus aulae limine.

Digitized by Google

указаніе: Тотчасъ да возьмутъ ихъ демоны и да сбросятъ въ адъ (Modo accipiant eas demones et praecipitentur in infernum).

Притча о десяти дѣвахъ, очевидно, не литургическая драма; тѣмъ не менѣе она рабски слѣдуетъ евангельскому тексту во всемъ, кромѣ заключенія, которое развивается сообразно суровому духу времени и условіямъ сценической наглядности. Литургическая драма состоитъ изъ однихъ текстовъ и утвержденныхъ преданіемъ гимновъ; полулитургическая драма сочиняетъ свои гимны, и въ ней пѣніе преобладаетъ надъ діалогомъ; приведенная «притча», хотя и не могла развиться изъ какой-либо части обѣдни, служитъ чистымъ представителемъ этого типа.

«Притчу» относятъ къ XI или къ началу XII в. Уже отъ XII вѣка мы имѣемъ во Франціи текстъ драмы, написанный сплошь на національномъ языкѣ; это знаменитое представленіе объ Адамѣ.

Представленіе объ Адамѣ есть сильно, можно сказать, непомѣрно разросшійся эпизодъ упомянутой въ началѣ этой главы—рождественской вставки о пророкахъ, хотя ее разыгрывали и въ другіе дни. Кромѣ въ высшей степени любопытнаго французскаго текста, мы имѣемъ въ представленіи написанныя по-латыни подробныя и обстоятельныя дидаскаліи, т.-е. указанія, какъ должны дѣйствовать играющіе и какова должна быть обстановка. Изъ нихъ узнаемъ мы, что представленіе происходило внѣ церкви, но на церковномъ дворѣ, такъ какъ Богъ Отецъ или Figura, какъ его называетъ авторъ дидаскалій, окончивъ роль свою, уходилъ въ церковь. Обстановка предполагалась очень сложная и роскошная:

„Пусть устроятъ рай въ возвышенномъ мѣстѣ и вокругъ пусть помѣстятъ ковры и шелковыя занавѣси, на такой высотѣ, чтобы лица, которыя будутъ тамъ находиться, были видимы отъ плечъ. Тамъ должна быть зелень и благоухающіе цвѣты; тамъ должны быть различныя деревья съ висящими плодами, чтобы мѣсто казалось болѣе пріятнымъ. Спаситель придетъ одѣтый въ далматику; передъ нимъ помѣстятся Адамъ и Евва. Адамъ въ алой туникѣ, Евва въ бѣломъ платьѣ съ бѣлымъ шелковымъ покрываломъ и т. д.

Пьеса написана 8—10 сложными стихами съ звучными риѳмами; она состоитъ изъ 3-хъ частей, и общее заглавіе, подъ которымъ она извѣстна, подходитъ только къ первой изъ нихъ, такъ какъ вторая излагаетъ исторію Каина и Авеля, а третья есть процессія пророковъ, предсказывающихъ о Рождествѣ Спасителя. Сравнительно съ притчею о дѣвахъ, пьеса представляетъ дальнѣйшее движеніе по той же дорогѣ: она еще связана съ культомъ подобно тому, какъ съ нимъ связаны процессіи, въ которыхъ участвуетъ или играетъ главную роль духовенство; но въ ней діалогъ преобладаетъ надъ гимномъ, и авторъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ воспроизводить текстъ во всей его неприкосновенности; текстъ только даетъ ему остовъ, скелетъ,

Digitized by Google

который онъ одѣваетъ плотью и роскошными одеждами по волѣ собственной фантазіи. Приведемъ въ дословномъ переводѣ отрывокъ, излагающій грѣхопаденіе.

Дьяволъ. Ева! вотъ я пришелъ къ тебѣ.

Ева. А скажи мнѣ, сатана, за чѣмъ?

Д. Я хлопочу о твоей пользѣ, о твоей чести.

Е. Дай то Богъ.

Д. Не бойтесь. Уже давно я узналъ всѣ тайны рая. Кое-что я скажу тебѣ.

Е. Начинай, а я послушаю.

Д. Будешь ты меня слушать?

Е. Да, и ни въ чемъ тебя не огорчу.

Д. А не выдашь меня?

Е. Нѣтъ, повѣрь мнѣ.

Д. А вдругъ все откроется?

Е. Не черезъ меня.

Д. Ну хорошо, я повѣрю тебѣ безъ другаго залога.

Е. Можешь довѣриться моему слову.

Д. Ты была въ хорошей школѣ. Я видѣлъ Адама, но онъ очень глупъ.

Е. Онъ грубоватъ немного.

Д. Отмякнетъ потомъ; а теперь онъ жестче ада.

Е. Онъ очень благороденъ.

Д. Скорѣе слишкомъ раболѣпенъ. О себѣ онъ не хочетъ позаботиться, такъ пусть по крайней мѣрѣ позаботится о тебѣ. Ты слабенькая и нѣжная штучка, а свѣжѣй розы; ты бѣлѣй, чѣмъ кристаллъ, чѣмъ снѣгъ, который лежитъ въ долинѣ на льду. Несправедливо поступилъ создатель. Ты слишкомъ нѣжна, а онъ слишкомъ грубъ. Но за то ты понятливѣе, и направила свою голову на умныя мысли. Я хочу сказать тебѣ кое-что.

Е. Ну говори же.

Д. Чтобъ объ этомъ никто не зналъ.

Е. Да кому знать то?

Д. Даже и Адамъ.

Е. Ну хорошо. Черезъ меня ничего не узнаетъ.

Д. Теперь я буду говорить, а ты слушай. Насъ только двое на этой дорогѣ; Адамъ тамъ и насъ не слышитъ.

Е. Говорите громко; онъ не узнаетъ ни одного слова.

Д. Я васъ предупреждаю на счетъ великой несправедливости, которая вамъ сдѣлана въ этомъ саду. Плодъ, который Богъ вамъ далъ, не имѣетъ въ себѣ ничего хорошаго; а тотъ, который онъ вамъ такъ строго запретилъ, имѣетъ въ себѣ великую силу; въ немъ сладость жизни, могущества и власти; въ немъ знаніе всего хорошаго и дурнаго.

Е. А вкусъ каковъ?

Д. Божественный. Твоему прекрасному тѣлу, твоей фигурѣ очень подойдетъ, если ты будешь госпожей міра высшаго и низшаго. И вы узнали бы, каково это быть полной госпожей всего.

Е. А плодъ то таковъ?

Д. Да, честное слово.

(Ева внимательно смотритъ на плодъ).

Е. Посмотрѣть на него и то благо.

Д. А каково будетъ съѣсть?

Е. А я что знаю?

Digitized by Google

Д. Ты все мнѣ не будешь вѣрить? Возьми его и дай Адаму. Вы будете имѣть вѣчно вѣнецъ небесный. Вы будете равны Создателю, и онъ не скроетъ отъ васъ своихъ плановъ. Какъ только вы съѣдите плодъ, въ сердцѣ сейчасъ же произойдетъ перемѣна, безъ обмана. Вы будете имѣть божескую благость и божеское могущество. Попробуй плодъ.

Е. Не имѣю влеченія.

Д. Да не вѣрь Адаму.

Е. Я это сдѣлаю потомъ.

Д. Когда?

Е. Подождите, пока Адамъ станетъ отдыхать.

Д. Ѣшь его безъ колебанія; откладывать—вѣдь дѣтство.

Дьяволъ уходитъ; является Адамъ:

А. Скажи мнѣ, жена, что у тебя за дѣла? Злой сатана чего отъ тебя хотѣлъ?

Е. Онъ говорилъ мнѣ объ нашей чести.

А. Не вѣрь измѣннику: вѣдь онъ измѣнникъ.

Е. Я это знаю.

А. Какимъ образомъ?

Е. Слышала. Но то, что онъ сообщаетъ о запрещеніи, заставитъ тебя измѣнить мысли.

А. Не заставитъ, такъ какъ я не повѣрю ему ни въ чемъ, что знаю. Не позволяй ему приходить къ тебѣ, потому что онъ очень коваренъ. Онъ захотѣлъ измѣнить своему господину и противиться высшему Богу. Я не желаю, чтобы негодяй, совершившій это, у васъ находилъ себѣ убѣжище.

Съ дерева сползаетъ змѣя; Евва ее слушаетъ, беретъ яблоко и протягиваетъ Адаму.

Е. Ѣшь, Адамъ; вѣдь ты не знаешь, что это такое. Воспользуемся благомъ, которое для насъ готово.

А. На столько хорошо?

Е. Ты узнаешь; нельзя знать, не попробовавши.

А. Я боюсь.

Е. Да вотъ оно.

А. Я этого не сдѣлаю.

Е. Да вѣдь глупо медлить.

А. Ну я возьму.

Е. Да ты ѣшь; черезъ это узнаешь добро и зло. Ну, я съѣмъ первая.

А. А я потомъ.

Е. Конечно.

Она съѣдаетъ часть яблока.

Е. Я попробовала. Боже! какой вкусъ. Такой сладости я и не испытывала!

А. Ну каково?

Е. Человѣкъ не пробовалъ ничего подобнаго. Мои глаза такъ все ясно видятъ, что я кажусь богомъ всемогущимъ. Что было и что должно быть, я все хорошо знаю и всему госпожа. Ѣшь же, Адамъ, не медли; ты возьмешь его въ добрый часъ.

Адамъ беретъ.

А. Я тебѣ повѣрю въ этомъ; ты моя подруга.

Е. Ѣшь: нечего бояться.

„Тогда съѣстъ Адамъ часть яблока; съѣвши его, познаетъ тотчасъ грѣхъ свой и наклонится, такъ что народъ (т.-е. зрители) не будетъ его видѣть (вспомнимъ что дѣйствующихъ лицъ въ раю видно по сценаріуму только отъ плечъ) и сниметъ

Digitized by Google

праздничныя одежды и надѣнетъ одежды бѣдныя, сшитыя изъ листьевъ и, изображая великую скорбь, начнетъ свой плачъ.

(Tunc comedet Adam partem pomi; quo comesto cognoscet statim peccatum suum et inclinabit se. Non possit a populo videri et exuet solempnes vestes et induet vestes pauperes consutas foliis, maximum simulans dolorem, incipiens lamentationen suam).

А. О грѣшникъ! что я надѣлалъ. Теперь я навѣрно погибъ, безъ надежды на спасеніе; такъ дурно устроилась моя судьба. Мое положеніе сильно измѣнилось хорошо мнѣ было прежде, а теперь очень плохо. Я оставилъ моего Создателя по совѣту злой жены. Увы, мнѣ грѣшнику! Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ ждать моего Создателя, котораго я безумно покинулъ? Никогда я не дѣлалъ такого дурнаго промѣна; теперь я знаю, что такое грѣхъ. О смерть! Зачѣмъ ты оставляешь меня жить? Почему свѣтъ отъ меня не свободенъ? Зачѣмъ я затрудняю собою міръ? Мнѣ слѣдуетъ быть въ глубинѣ ада. Въ аду будетъ мое жилище, пока не придетъ мой Спаситель. Въ аду я буду проводить мою жизнь. А откуда мнѣ придетъ помощь? Кто меня извлечетъ изъ этой скорби? Согрѣшивъ противъ моего Господа, не долженъ разсчитывать на друзей. Никого не найдется, кто мнѣ былъ бы въ чемъ нибудь полезенъ; я погибъ навѣрное. Я согрѣшилъ противъ моего Господа и не могу судиться съ нимъ: онъ правъ, а я виноватъ. Кто когда нибудь вспомнитъ обо мнѣ, согрѣшившемъ противъ царя славы? Противъ небеснаго царя я такъ погрѣшилъ, что по справедливости нѣтъ мнѣ у него убѣжища. Нѣтъ у меня ни друга, ни сосѣда, который заступился бы за меня, котораго я могъ бы просить о помощи, когда мнѣ такъ измѣнила моя жена, которую Богъ далъ мнѣ въ подруги; она дала мнѣ злой совѣтъ. Эй, Евва!

— О, заблудшая женщина! На зло вы родились отъ меня. Лучше бы сгорѣло то ребро, которое довело меня до такого положенія! О если бы сожжено было въ огнѣ то ребро, которое повергло меня въ такую бѣду! Когда это ребро онъ взялъ отъ меня, почему онъ его не сжегъ, а меня не убилъ? Ребро погубило все тѣло, и изуродовало и дурно направило. Не знаю, что говорить и что съ этимъ дѣлать. Если на меня не снизойдетъ милость съ неба, я не могу быть освобожденъ отъ этого страданія. Таково зло, которое меня мучитъ. Ахъ Евва! Какое несчастіе Какая великая бѣда набѣжала на меня, когда вы стали моей подругой! Теперь я погибъ по твоему совѣту; по твоему совѣту я вдался въ зло; съ большой высоты я попалъ въ долину, откуда меня не вытащитъ никто, кромѣ Бога всемогущаго. Что говорю я, несчастный? Зачѣмъ я его называю? Онъ мнѣ поможетъ? Да вѣдь я его разгнѣвалъ! Онъ мнѣ не подастъ никакой помощи; развѣ только Сынъ, который произойдетъ отъ Маріи.... Да будетъ во всемъ воля Божія, а другаго прибѣжища, кромѣ смерти, для меня нѣтъ: и т. д.

Плачъ Адама—излюбленная тема религіозной поэзіи всей Европы, популярная и въ стихахъ русскихъ Каликъ перехожихъ.

Господь Богъ допрашиваетъ и осуждаетъ виновныхъ, но обѣщаетъ имъ Искупителя. Изгнанные изъ рая Адамъ и Ева начинаютъ обработывать землю и засѣвать ее зерномъ; когда они, утомленные, удаляются на минуту въ сторону, приходитъ діаволъ и засѣваетъ ихъ пашню терніемъ и волчцами. Затѣмъ слѣдуетъ сцена смерти прародителей. Дьяволы хватаютъ ихъ на глазахъ у зрителей, заковываютъ и влекутъ въ адъ, изъ котораго, по указанію дидаскалій, долженъ показаться столбъ дыму, а черти будутъ отъ радости стучать

Digitized by Google

кастрюлями. «Послѣ нѣкотораго времени дьяволы выйдутъ наружу и будутъ бѣгать туда и сюда» (комическій элементъ).

2-е дѣйствіе значительно короче. По совершеніи Каиномъ убійства, хоръ поетъ: Ubi est frater tuus? (гдѣ братъ твой). Когда Богъ, проклявъ Каина, уходитъ въ церковь, являются черти и тащатъ Каина, погоняя его ударами; «они уведутъ также и Авеля, но кротче».

Въ 3-й части дѣйствіе оживляется диспутомъ между пророкомъ Исаіей и жидомъ; въ числѣ пророковъ является и Навуходоносоръ. Эта часть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все представленіе заключается стихотворною проповѣдью, въ концѣ которой авторъ перечисляетъ 15 знаменій страшнаго суда.

Изъ той же процессіи пророковъ развился въ цѣлое представленіе эпизодъ о Даніилѣ; на эту тему мы имѣемъ двѣ довольно раннія школьныя, конечно, латинскія драмы; одна изъ нихъ приписывается Гилярію, ученику Абеляра, другая, въ первыхъ строкахъ, объявляетъ, что ее сочинило Белловакское (города Бове) учащееся юношество:

Ad honorem tui, Christe,
Danielis ludus iste
In Belvaco est inventus,
Et invenit hunc juventus.

Любопытно, что и въ этотъ, чисто школьный, продуктъ проникаетъ народный языкъ, какъ примѣсь къ латинскому. Вотъ какъ зовутъ Даніила къ царю:

Vir propheta Dei, Daniel, vien al roi,
Veni, desiderat parler à toi;
Pavet et turbatur, Daniel, vien al roi,
Vellet quod nos latet savoir par toi;
Te ditabit donis, Daniel, vien al roi,
Si scripta poterit savoir par toi.

Такимъ же образомъ въ видѣ полустрокъ или припѣва вторгается народный языкъ въ шутовскія процессіи и увеселенія, устраиваемыя школьниками и клериками; эти увеселенія, въ силу господствовавшей въ средніе вѣка церковности, пріурочивались къ церковнымъ праздникамъ и отправлялись въ церкви, несмотря на то, что главный комизмъ ихъ заключался въ пародированіи церковныхъ обрядовъ. Самыя извѣстныя изъ такихъ увеселеній—это праздникъ дураковъ (Festum Fatuorum) и праздникъ ословъ (Festum Asinorum), документально упоминаемые на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій (отъ VI по XIII). Въ нихъ, конечно, есть драматическій элементъ; но нельзя считать ихъ зародышемъ, а тѣмъ менѣе началомъ средневѣковой комедіи; вмѣстѣ съ церковными процессіями они развивали вкусъ къ зрѣлищамъ, а своимъ пародированіемъ обрядовъ подготовляли интермедіи

Digitized by Google

и комическіе эпизоды. Процессіи въ Вербную Субботу, въ Страстную Пятницу на Голгоѳу, схожденіе св. Духа въ Духовъ день и т. д. обставлялись чрезвычайно роскошно въ декоративномъ отношеніи; ихъ связь съ средневѣковой мистеріей очевидна изъ того, что до послѣдняго времени ея существованія они составляли видную часть ея; такъ напр., при изображеніи вшествія въ Іерусалимъ, Христосъ много разъ медленно объѣзжалъ вокругъ сцены.

Въ концѣ XIII в. драма во Франціи развилась уже до такой степени, что церковь стала для нея не только недостаточна, но и неудобна по внутреннимъ причинамъ, и духовное начальство считаетъ нужнымъ оградить ее отъ ludi theatrales, изгнавъ ихъ за предѣлы погоста, на площадь; но все же литургическіе сюжеты большихъ праздниковъ были самыми любимыми; ихъ распространяли апокрифами и фантазіей авторовъ; вводили современные нравы и значительно, противъ прежняго, осложняли обстановку, такъ однако же, что въ ней очевидны слѣды прежней чисто литургической драмы. Вотъ напр., что говорится въ старомъ стихотворномъ сценаріумѣ объ обстановкѣ воскресенія Христа. «Мы представимъ св. Воскресенье и расположимъ мѣсто такимъ образомъ: сперва поставимъ распятіе, а потомъ гробъ. Надобна тюрьма, чтобы заключать плѣнниковъ. Адъ будетъ поставленъ съ одной стороны, а дома съ другой, потомъ небо.

На скамейкахъ слѣдуетъ прежде всего посадить Пилата съ его вассалами; у него будетъ 6 или 7 всадниковъ. Кайафа будетъ съ другой стороны съ своими жидами, потомъ Іосифъ Аримаѳейскій; на 4-мъ мѣстѣ увидятъ Никодима; всякій будетъ съ своими людьми. Въ 5-хъ, тамъ будутъ ученики; въ 6-хъ—три Маріи. Также представятъ городъ Галилей по срединѣ и Эмаусъ, гдѣ Іисусъ Христосъ былъ принятъ. При всеобщемъ молчаніи Іосифъ подойдетъ къ Пилату и скажетъ ему»...

Въ 1-й части этого воскресенія видную роль играетъ слѣпецъ Лонгинъ, пронзившій бокъ Спасителя, и сержанты Пилата.

Драмы на литурическіе сюжеты назывались мистеріями, каковое названіе слѣдуетъ производить не отъ греческаго слова, означающаго тайну, а отъ латинскаго ministerium—служба (здѣсь служба Богу).

Тогда же развиваются другіе виды театральныхъ представленій: моралитэ и миракли. Моралитэ есть представленіе, гдѣ исключительно или преимущественно дѣйствуютъ олицетворенія отвлеченныхъ понятій. Ихъ зародыши легко усмотрѣть въ полулитургической драмѣ, гдѣ являются олицетворенія синагоги и церкви; кромѣ того, представленіе всякой притчи есть недоразвившаяся моралитэ. Популярности этого вида драмы много способствовало общее направленіе

Digitized by Google

средневѣковой мысли, въ высшей степени наклонной къ символу и аллегоріи. Памятники эпохи переселенія народовъ, наиболѣе распространенные въ это время; трактатъ Боэція, книга Марціана Капеллы суть моралитэ, только не въ драматической формѣ. Миракль (лат. miraculum) есть драматическое воспроизведеніе чуда святаго или Божьей Матери. Это тотъ родъ средневѣковаго представленія, который давалъ наиболѣе свободы фантазіи автора и дозволялъ ему воспроизводить окружающую его жизнь. Миракли, особенно развившіеся во Франціи въ XIV в. и привлекавшіе тогда незаурядныхъ поэтовъ, крупныя литературныя имена, въ родѣ Рютбефа, болѣе нежели остальные виды средневѣковой драмы могутъ объяснить появленіе великихъ драматурговъ возрожденія и ихъ самостоятельность по отношенію къ драмѣ античной: наслѣдство, полученное ими отъ темныхъ средневѣковыхъ прародителей, было вовсе не такъ незначительно въ качественномъ отношеніи, какъ думали это прежде. Предлагаемъ отчасти въ переводѣ, отчасти въ изложеніи одинъ миракль XIV вѣка, не отличающійся особыми достоинствами, но довольно типичный по развитію дѣйствія и характеровъ и интересный для изученія нравовъ эпохи. (Monmerqué et Fr. Michél: Théatre français au moyen âge. Paris 1842, стр. 327. Un Miracle de Nostre Dame, comment elle garda une femme d'estre arse).

Чудо Богородицы, какъ она спасла женщину отъ сожженія.

Дѣйствующія лица:

Гильомъ.	Братъ.
Гибуръ.	Двоюродный братъ.
Дочь.	Коше, палачъ.
Обенъ.	Богъ.
Робертъ, первый сосѣдъ.	Богородица.
Готье, второй сосѣдъ.	Гавріилъ.
Кумъ.	Михаилъ.
Мандо, первый жнецъ.	Первый нищій.
Сенестръ, второй жнецъ.	Второй нищій.
Обери, первый сержантъ.	Третій нищій.
Гобенъ, второй сержантъ.	Св. Іоаннъ.
Судья.	Первая монахиня.
Носильщикъ.	Вторая монахиня.

Гильомъ. Гибуръ, я хочу объявить вамъ свои намѣренія: я немедленно иду на поля осмотрѣть свою жатву, чтобы, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку, заблаговременно запастись работниками. Я знаю, что въ скоромъ времени придется собирать хлѣбъ.

Гибургъ. Я согласна съ вами и не буду вамъ противорѣчить: я увѣрена, что вы говорите дѣло.

Дочь. Милый отецъ! возьмите меня съ собою: я желаю нѣсколько развлечься. Я уже давно не выходила отсюда и не могу имѣть лучшаго общества.

Гильомъ. Я согласенъ исполнить твое желаніе; пойдемъ.

Digitized by Google

Дочь. Пойдемте, я готова. Прощайте, мать моя.

Гиб. Берегитесь ходить тамъ, гдѣ дорога не безопасна. Сынъ мой, Обенъ! Жена твоя съ большою радостью присоединяется къ отцу, а я прошу тебя дойти со мной до церкви и пробыть тамъ нѣсколько времени.

Обенъ. Если бъ я отказался, я бы не могъ считать себя благоразумнымъ. Идемте; я съ радостью исполню ваше желаніе.

Гиб. Мнѣ бы хотѣлось найдти мѣсто поближе къ проповѣднику. Пойдемъ.

Первый сосѣдъ. Смотрите, Готье: вотъ идетъ жена мера съ своимъ зятемъ. Вездѣ говорятъ, что они въ связи.

Второй сосѣдъ. Это общій голосъ; я же думаю, что съ ихъ стороны это страшный грѣхъ.

Перв. сос. Совершенная правда; но что бы мы ни говорили, они отъ этого не прекратятъ знакомства. Пойдемъ, выпьемъ вмѣстѣ полштофъ вина; неправда-ли, это будетъ лучше?

Вт. сос. Я не прочь, пойдемте, Робертъ.

Гиб. Я стану на колѣни въ этомъ мѣстѣ. Если тебѣ, сынъ мой, не хочется оставаться здѣсь, и ты предпочитаешь веселиться въ городѣ, то можешь смѣло отправляться; я не удерживаю.

Об. Въ самомъ дѣлѣ, я лучше уйду: я не привыкъ такъ долго быть въ церкви на молитвѣ или на проповѣди.

Здѣсь начинается проповѣдь.

(Въ рукописи она приведена цѣликомъ; она написана стихами, тѣмъ же размѣромъ, но вся пересыпана латинскими текстами).

Гиб. О Пресвятая Богородица! Несчастенъ человѣкъ, который не посвятилъ себя твоему служенію, и счасливъ тотъ, кто отдалъ тебѣ сердце и мысль; никто не преданъ столько злу, чтобъ ты не захотѣла помочь ему; а съ той минуты, какъ онъ обратился къ тебѣ, онъ освобождается отъ всѣхъ горестей. Ты, небесная, сопрестольная Богу, превысшая всѣхъ святыхъ, Пресвятая Дѣва! будь по своей неизмѣримой добротѣ (courtoisie)—молю тебя отъ всего сердца—моимъ убѣжищемъ, очисти передъ концомъ дней мою душу, чтобы, когда перестанетъ жить это тѣло, я бы не подверглась мраку ада и заслужила бы царствіе небесное.

Кумъ. Кума, дай Богъ вамъ добрый день.

Гиб. Пусть онъ проститъ вамъ ваши грѣхи, а мнѣ мои! Какъ поживаетъ моя кума? Надѣюсь, что хорошо.

Кумъ. Да, слава Богу; а вы, кума?

Гиб. Хорошо. Я благодарю Бога, кумъ: Онъ намъ оказалъ великую милость, внушивъ намъ мысль выдать дочь за такого хорошаго человѣка. Я думаю, что она не могла найдти лучшаго.

Кумъ. Кума! Мнѣ непріятно, когда я слышу, какъ поносятъ и позорятъ особу которую я люблю; я защищаю ее, сколько хватаетъ силъ, и пріискиваю средства какъ ее увѣдомить для ея же блага.

Гиб. Скажите, кумъ: зачѣмъ такія рѣчи?

Кумъ. Я вамъ скажу, кума. Разсказываютъ по всему городу, что вашъ зять съ вами въ связи; не даромъ, говорятъ, онъ такъ франтитъ: онъ живетъ и съ матерью и съ дочерью.

Гиб. Неужели про меня носятся такіе слухи въ городѣ? Кумъ, клянусь вамъ честью, что этого никогда не бывало. Тотъ, кто распространилъ этотъ слухъ, взялъ большой грѣхъ на душу. Не дай Богъ, чтобъ меня когда нибудь могли обвинить въ подобномъ злодѣйствѣ.

Кумъ. Спаси Господь мою душу, кума. Я вамъ сказалъ объ этомъ чистосердечно. Не хвалите и не браните меня за то.

Digitized by Google

Гиб. Напротивъ, я вамъ очень благодарна, кумъ, и прошу васъ, если вамъ еще разъ придется слышать подобныя вещи, смѣло утверждайте, что это неправда.

Кумъ. Я вамъ вѣрю вполнѣ; но все же будьте осторожнѣе. Да хранитъ васъ Богъ! До свиданья.

Гиб. Пусть снизойдетъ на васъ благословеніе божіе. Благодарю васъ.

— Кроткая матерь Божія! Что же это такое! За что же люди безъ всякой причины и повода съ моей стороны такъ обо мнѣ думаютъ? По истинѣ, это—большая обида. Мнѣ ничего не остается, какъ печалиться, горевать и плакать. Кроткая матерь Божія, что мнѣ дѣлать? Я не перестану объ этомъ думать до тѣхъ поръ, покуда не найду средства прекратить эти слухи.

Первый жнецъ. Сенестръ, товарищъ и другъ! Пойдемъ на площадь узнать, не найдемъ ли мы себѣ хозяина. У насъ у обоихъ ни гроша за душой. Мы раньше не уйдемъ изъ этого города, пока не добудемъ денегъ.

Второй жнецъ. Ты дѣло говоришь, Мондо! Пойдемъ. Я готовъ; вотъ мой серпъ, бери и ты свой. Иди прямо къ площади.

Первый жнецъ. Я иду, а ты слѣдуй за мною. Э! еще какъ рано! Кромѣ насъ двоихъ нѣтъ ни одной живой души.

Второй жнецъ. Это горе не велико; лучше быть изъ первыхъ, чѣмъ изъ послѣднихъ. Если Богу угодно, скоро придетъ кто нибудь насъ нанимать.

Гиб. Не будетъ у меня радости на сердцѣ, покуда не затихнетъ этотъ слухъ: но я не вижу къ этому никакого средства, кромѣ смерти зятя. Конечно, надо постараться ускорить это дѣло Я не пожалѣла бы денегъ и щедро наградила бы какого нибудь пришельца, который взялся бы отправить его на тотъ свѣтъ; время же теперь для этого самое удобное: со всѣхъ сторонъ стекаются работники для полевыхъ работъ. Пойду на площадь, узнаю (что бы изъ этого ни вышло), не увижу ли я человѣка, которому я могла бы довѣриться. Я вижу издали двухъ огромныхъ молодцовъ, кажется, готовыхъ на все и достаточно сильныхъ, чтобъ нанести адскій ударъ.—Господа! Вы пришли сюда наниматься въ работники?

Первый жнецъ. Да, сударыня; имѣете вы нужду въ комъ нибудь изъ насъ?

Гиб. Да, полагаю; откуда вы? скажите.

Второй жнецъ. Мы изъ Кротуа, умѣемъ жать и молотить. Если вамъ нужно собирать жатву, мы возьмемся съ удовольствіемъ и скоро покончимъ работу.

Гиб. Добрые люди; я—женщина, отъ которой вы можете много нажить, если будете сговорчивы.

Второй жнецъ. Ей-Богу, сударыня, это намъ очень пріятно. Что же вамъ нужно?

Гиб. Прежде чѣмъ я вамъ довѣрюсь, поклянитесь мощами, что вы не повторите ни одной живой душѣ того, что я вамъ скажу; а потомъ уже я вамъ изложу свое намѣреніе.

Второй жнецъ. Что касается до меня, клянусь вамъ сейчасъ же, сударыня, что никто не узнаетъ вашей тайны, развѣ только съ вашего согласія.

Первый жнецъ. Сударыня, увѣряю васъ, что и отъ меня никто не узнаетъ. Теперь извольте намъ сказать, что вамъ угодно?

Гиб. Мнѣ надо, чтобы вы двое убили человѣка, хотя онъ и изъ моихъ друзей. Я готова заплатить сколько угодно за эту услугу. Я невинно опозорена черезъ него; про меня ходятъ разныя сплетни; сердце мое такъ наболѣло и такъ страдаетъ отъ нихъ, что я не могу даже выразить вамъ этого.

Второй жнецъ. Намъ все равно, правъ онъ или виноватъ. Мы вдвоемъ. Только укажите его, а ужъ отъ насъ онъ не уйдетъ; во что бы то ни стало, мы его отправимъ на тотъ свѣтъ.

Digitized by Google

Первый жнецъ. Безъ сомнѣнія, но намъ надо обдумать, какъ бы поосторожнѣй исполнить это дѣло.

Гиб. Я вамъ сейчасъ скажу: вы будете въ моемъ погребѣ; я же постараюсь устроить такъ, чтобы онъ пошелъ туда за виномъ. Когда онъ будетъ въ вашихъ рукахъ, вы его покончите такъ, чтобы ни на тѣлѣ, ни на бокахъ, ни на головѣ не было ни раны, ни крови: задушите его.

Второй жнецъ. Это будетъ немедленно устроено. Теперь проводите насъ въ погребъ, а сами устройте остальное.

Гиб. Охотно, господа; идемте; клянусь вамъ честью, я щедро заплачу вамъ. Войдите оба туда; не поѣмъ прежде, чѣмъ ни пришлю его къ вамъ. Мое дѣло покамѣстъ идетъ хорошо. Хоть бы онъ возвращался скорѣй! Теперь здѣсь нѣтъ ни живой души: мой мужъ и его жена ушли. Онъ долженъ непремѣнно скоро быть. Будь, что будетъ! Подожду его здѣсь.

Об. Пойду домой: часъ обѣда приближается. Съѣмъ свою часть каплуна, который, я видѣлъ, жарился утромъ. Я предпочитаю придти раньше, чѣмъ опоздать.

Гиб. Надо притвориться больной, потому что мой зять идетъ. Буду сидѣть съ наклоненной головой и съ закрытыми глазами.

Об. Госпожа моя! Что съ вами! Дай Богъ вамъ тѣлеснаго и душевнаго здравія. Вы, должно быть, не хорошо себя чувствуете; скажите?

Гиб. Да, я вся дрожу; вѣроятно, это припадокъ лихорадки; я чувствую такую жажду, что не могу терпѣть дольше. Прошу тебя, сынъ мой, Обенъ, возьми кружку и принеси мнѣ немного вина изъ погреба; поторопись: мнѣ очень хочется пить.

Об. Я готовъ исполнить ваше желанье, хотя это едва ли будетъ вамъ полезно; но чтобъ сдѣлать вамъ удовольствіе, принесу.

Гиб. Пожалуйста, поскорѣй.—Моя цѣль достигнута; скоро я отъ него избавлюсь. Теперь надо подумать, что дѣлать дальше.

Перв. жн. Госпожа, не печальтесь: все кончено.

Гиб. Вы убили его? Какъ?

Вт. жн. Мы не употребляли никакой хитрости; мы ему такъ сжали горло, что онъ ужъ навѣрное теперь не встанетъ.

Гиб. Хорошо, господа, я довольна; но не теряя времени, вамъ надо принести его сюда; мы его раздѣнемъ и положимъ на кровать; потомъ я вамъ заплачу деньги, и вы пойдете съ Богомъ.

Вт. жн. Мы исполнимъ ваше желаніе тотчасъ же и съ большимъ удовольствіемъ.

Перв. жн. Покажите поскорѣй, куда его положить? Прошу васъ, поспѣшите, покуда никого нѣтъ.

Гиб. Чтобы не задерживать васъ долго, положите его на эту кровать, пусть думаютъ, что онъ отдыхаетъ. — Такъ, хорошо! Не медлите здѣсь, чтобъ васъ не нашли.

Вт. жн. Этого не случится, если я буду въ состояніи держаться на ногахъ.

Перв. жн. Со мной этого также не случится. Такъ какъ теперь у насъ есть деньги, братъ Сенестръ, уйдемъ поскорѣй отсюда.

Вт. жн. Уйдемъ; нѣтъ удовольствія оставаться здѣсь долѣе.

Гильомъ. Мы рано возвратились; принесите скатерть, хлѣба и вина. Этотъ плащъ очень тяжелъ, и я скину его. Я голоденъ и хочу ѣсть; поскорѣй ступайте въ погребъ. А ты, дочь моя, сходи между тѣмъ за Обеномъ и давайте обѣдать Завтра, я полагаю, мы будемъ жать; нужно запастись работниками. Поэтому я и не хочу долго здѣсь засиживаться.

Гиб. Марія! Обенъ еще лежитъ въ постели.

Digitized by Google

Гильомъ. Онъ отдыхалъ цѣлое утро. Иди, вѣтреница, зови его; скажи, чтобъ онъ вставалъ.

Дочь. Обенъ, Обенъ! Скажи мнѣ, день теперь или ночь? Вы до завтра будете спать? Скажите! Онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Хорошо же! Я подойду къ нему ближе и волей-неволей (тутъ она его открываетъ) узнаю, спитъ онъ или нѣтъ. Ну же, сударь, вставайте скорѣй; или вы цѣлый день намѣрены почивать? — Что такое? Боже мой! О мать моя! Это слишкомъ печальная новость! Я должна жаловаться и горько плакать, какъ человѣкъ, подавленный горемъ. Я погибла!

Ги. Что случилось? Отчего тебѣ плакать и отчаяваться?

Дочь. Я должна плакать! Всѣ мои хорошіе дни и часы миновали: Обенъ умеръ. Что мнѣ дѣлать! Я умру съ горя! О милый Обенъ! Не долго длилось наше счастіе!

Гильомъ. Дѣйствительно страшное несчастіе. Я бы лучше согласился лишиться всего, что имѣю.—Дочь моя! Неужели правда, что ты говоришь?

Дочь. Онъ уже желтъ, какъ воскъ.—Отецъ мой! Вы мнѣ не вѣрите! У меня теперь нѣтъ друга; бѣдная, покинутая я!

Гиб. Ахъ, милая дочь! Какая потеря! Да, я должна ломать руки и пріучать глаза плакать, потому что лишилась кроткаго Обена, который любилъ и почиталъ меня отъ всего сердца.

Дочь. Увы, мать моя! Вѣдь онъ звалъ меня своей подругой и своей сестрой! Если мое сердце полно печали, у меня для этого довольно причинъ! *).

Приходятъ сосѣди, утѣшаютъ плачущихъ и предлагаютъ свои услуги; одинъ изъ нихъ отправляется за гробомъ, готовятся погребать тѣло. Услышавъ о несчастіи, постигшемъ семью мера, бальи выражаетъ подозрѣніе, не былъ ли Обенъ раненъ въ дракѣ. Онъ изъявляетъ желаніе присутствовать при погребеніи, и такъ какъ слова Гильома, что Обенъ не былъ подверженъ никакой болѣзни, подкрѣпляютъ его подозрѣнія, онъ приказываетъ вынуть трупъ изъ гроба и распороть саванъ. Увидавъ на шеѣ Обена подтеки, онъ велѣлъ связать мать, отца и дочь. На сцену являются братъ и кузенъ Обена, оплакиваютъ умершаго и принимаютъ на себя распоряженіе похоронами. Увидавъ незаслуженныя оскорбленія, которымъ изъ-за нея подвергаются мужъ и дочь, Гибуръ признается въ своемъ преступленіи. „Съ той минуты, говоритъ она судьѣ, какъ Обенъ женился на моей дочери, я полюбила его любовью честной, какъ роднаго сына; будьте въ этомъ увѣрены, сударь. Многіе замѣтили эту привязанность, истолковали ее по-своему и распустили про меня позорную молву, будто я съ нимъ въ связи. Эти слухи повторялись не двадцать разъ, а пятьсотъ и, наконецъ, дошли до меня; мнѣ объ этомъ сказали по секрету. Я почувствовала такой гнѣвъ и такое горе, что не знала, что отвѣтить. Тутъ дьяволъ смутилъ мой разсудокъ, и съ тѣхъ поръ всѣ

*) Въ видѣ образца языка и стихосложенія, приводимъ двѣ послѣднія реплики:

Gilbour. Ha, belle fille, quelle perte!
Certes bien doy mes poins destordre
Et à plourer mes yeulx a mordre,
Quant j'ay perdu le doulx Aubin
Qui tant m'onoroit de cuer fin
Et tant m'amoit.

La fille. Lasse! mere, il ne m'appeloit
Tous jours que s'amie et sa suer;
Si ques se j'ay tristesse au cuer,
J'ay bien raison.

Digitized by Google

дни я имѣла одну мысль, одну цѣль, какъ бы погубить моего зятя *), что бы изъ этого ни вышло; мнѣ казалось, что только съ его смертію могла прекратиться постыдная сплетня". По требованію судьи, она объясняетъ, какъ привела въ исполненіе свое ужасное намѣреніе. Судья приказываетъ освободить отца и дочь, и тѣ немедленно отправляются по богомольямъ, чтобы умолять Богородицу и святыхъ помочь несчастной преступницѣ. Судья приказываетъ палачу приготовить позорный столбъ и призываетъ Гибуръ для допроса; такъ какъ она ничего новаго не можетъ сказать ему, онъ велитъ вести ее на казнь. Братъ и кузенъ Обена стараются отягчить ея положеніе оскорбленіями и склонить судью къ большей строгости. По приказу судьи, сержантъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе о предстоящей казни и требуетъ, именемъ короля и подъ угрозою штрафа, чтобы каждый отецъ семейства шелъ присутствовать при экзекуціи. Палачъ ведетъ Гибуръ на веревкѣ; проходя мимо церкви Божьей Матери, Гибуръ проситъ судью позволить ей помолиться; сосѣди поддерживаютъ ея просьбу, и судья соглашается. Гибуръ молитъ Богородицу спасти ея душу; когда ее привязываютъ къ столбу и обкладываютъ дровами, она проситъ присутствующихъ молиться за нее и не упрекать ея позорной смертью ни мужа, ни дочь. Когда уже все готово и подложенъ огонь, Господь говоритъ Богородицѣ, что она должна спасти Гибуръ, которая такъ усердно молилась ей. Богородица беретъ съ собою Гавріила и Михаила, которые по дорогѣ поютъ „rondel". Богородица является одной Гибуръ, присутствующіе ея не видятъ. Когда огонь истребилъ всѣ дрова, преступница оказалась невредимою. Братъ и кузенъ Обена въ ярости, поощряемые судьею, натаскиваютъ хворосту, соломы и снова зажигаютъ костеръ. Богородица запрещаетъ огню касаться тѣла Гибуръ и уходитъ на небо съ ангелами, которые и на возвратномъ пути поютъ тотъ же гимнъ. Гибуръ, оставшаяся невредимой и послѣ этого, заявляетъ, кто у нея защитница. Судья падаетъ къ ея ногамъ и молитъ о прощеніи; Гибуръ говоритъ: „во имя любви Божьей, встаньте. Я не хочу, сударь, чтобъ вы такъ унижались, потому что на самомъ дѣлѣ вы не виноваты передо мной. Мое преступленіе такъ велико, что вы должны были меня сжечь сто разъ, если бы то было возможно; но по милосердію Дѣвы Маріи, которую я призывала отъ всего сердца и отъ всей души, я спасена и сохранена. Если вы надо мной паругались, Матерь Божія да проститъ вамъ, какъ я теперь прощаю, и да пошлетъ вамъ всѣмъ мирный конецъ". Судья и всѣ присутствующіе провожаютъ Гибуръ до церкви, гдѣ она воздаетъ благодареніе Богу, и потомъ до дому. Затѣмъ являются одинъ за другимъ трое нищихъ, которые въ самыхъ жалостныхъ словахъ просятъ у Гибуръ милостыни, и ни одинъ изъ нихъ не уходитъ безъ щедраго подаянія. Такъ какъ для третьяго у Гибуръ нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, она отдаетъ ему свой послѣдній плащъ, въ которомъ выходила изъ дому. Изъ разговора перваго и втораго сосѣдей узнаемъ мы, что въ этотъ день—Срѣтеніе. **) Гибуръ тоскуетъ, что въ такой вели-

---

*) . . . . depuis touz jours ma pensée
A estée mise et edrescée
A ce comment qu'il déust prendre,
Que féisse morir mon gendre.

Очевидно, авторъ не считалъ естественнымъ такой быстрый ходъ дѣйствія, какимъ онъ представляется по буквѣ текста, которая зависитъ отъ условій средневѣковой сцены; это противорѣчіе между буквой и смысломъ, безъ сомнѣнія, понимали и зрители, но не придавали большаго значенія формѣ.

**) Зрители, конечно, отлично понимали, что это не тотъ самый день, когда Гибуръ собирались жечь и что трое нищихъ выражаютъ многолѣтній періодъ жизни Гибуръ, посвя-

Digitized by Google

кій праздникъ должна остаться безъ обѣдни, такъ какъ ей не въ чемъ показаться въ люди. Спаситель хочетъ ее утѣшить обѣдней на небесахъ, которую служитъ онъ самъ при помощи св. Винкентія и св. Лаврентія. Гибуръ, „восхищенная духомъ" (ai esté en ame ravie), присутствуетъ при этой обѣднѣ съ Богородицей и многими святыми. Ей, какъ и другимъ, дали свѣчку; но напрасно ангелъ требовалъ, чтобъ она возвратила ее: ему удалось отнять у нея силою только меньшую половину. Опомнившись, съ отломанной свѣчкой въ рукахъ, Гибуръ благодаритъ Богородицу за неизреченную милость. Приходятъ двѣ монахини и передаютъ Гибуръ волю Божію — оставить міръ и уйти въ монастырь. Она соглашается съ радостью.

Въ другихъ странахъ средней Европы духовная драма развивалась нѣсколько медленнѣе; но вездѣ въ XIV вѣкѣ. достигла полнаго развитія. Въ Германіи мы имѣемъ раннія указанія на раздѣленіе Страстныхъ Евангелій, такъ сказать, по ролямъ (за Христа читалъ одинъ священникъ, за апостола другой, за Пилата третій и т. д.) и т. п. зародыши мистеріи; но первый памятникъ драмы, представлявшейся въ предѣлахъ Германіи на безпримѣсной латыни, относится къ XII вѣку. Въ немъ, какъ и въ французской литургической драмѣ, сочиненные стихи перемѣшиваются съ текстами св. писанія и общеизвѣстными церковными гимнами, которые въ текстѣ не выписываются цѣликомъ, но обозначаются только первыми словами. Сценаріумъ очень бѣденъ: онъ весь состоитъ изъ обозначенія уходовъ и приходовъ.

Во время крестовыхъ походовъ и эпохи Гогенштауфеновъ нѣмецко-латинская драма вступаетъ въ новый фазисъ развитія; она разростается въ объемѣ и становится гораздо ученѣе. Отъ этого времени дошла до насъ «Игра сценическая о рождествѣ Христовомъ» (Ludus scenicus de nativitate J. Chr.), въ которой изображенію факта предшествуетъ появленіе пророковъ (между ними и Сивилла), диспутація между Исаіею и жидами, рѣчи св. Августина и пр.; въ изображеніе бѣгства въ Египетъ входитъ извѣстный апокрифическій эпизодъ о паденіи идоловъ при появленіи Христа; египетскій царь тамъ поетъ свѣтскую пѣсню въ похвалу веснѣ и любви; въ тойже «Игрѣ» выступаетъ и вавилонскій царь и аллегорическія фигуры синагоги и церкви. Свѣтскій, даже придворный элементъ входитъ и въ изображеніе страстей Господнихъ, гдѣ напр. Марія Магдалина, любимая фигура мистеріи, дававшая возможность вносить въ рамки евангелія всю обставовку средневѣковой Аспазіи, поетъ minnelied (любовную пѣсню) и закупаетъ косметики.

Нѣмецкій языкъ проникаетъ въ драму еще въ XIII вѣкѣ, но и во время ея полнаго развитія и процвѣтанія, въ XIV столѣтіи, когда

тившей себя добрымъ дѣламъ. Авторъ не считалъ нужнымъ обозначать этого, такъ какъ при силѣ фантазіи зрителей иллюзія достигалась и безъ подобныхъ хитростей.

Digitized by Google

въ нее получаетъ свободный доступъ комическій элементъ, извѣстная часть ея сочинялась и разыгрывалась на языкѣ латинскомъ. Первая германская драма, сплошь написанная по нѣмецки, есть инсбрукское пасхальное представленіе 1391 г. Это обстоятельство связано съ тѣмъ, что драма въ Германіи гораздо дольше оставалось въ церкви и неохотно выселялась на площадь: драмы съ элементомъ комизма, въ которыхъ требовалось участіе «іокуляторовъ» (паяцевъ) были высланы изъ церкви въ XIV вѣкѣ, но серьозныя праздничныя представленія остаются въ церкви даже въ XV в. На площади для представленій строилось особое зданіе (Spilahus), вокругъ котораго огороживался дворъ (Spilahof). На площади комическій элементъ разростается чрезвычайно скоро и сильно, въ особенности въ эпизодахъ и интерлюдіяхъ; отъ XV в. дошли до насъ такія «игры» евангельскаго содержанія, въ которыхъ евангельскія сцены переданы чрезвычайно коротко и какъ бы мимоходомъ; а все вниманіе сосредоточено на грубомъ шутовствѣ, вслѣдствіе усиленія котораго драма дичаетъ; но и въ такихъ драмахъ духовенство принимаетъ участіе: Іисуса Христа обыкновенно изображалъ священникъ, ангеловъ—мальчики церковно-служители. Къ концу среднихъ вѣковъ этотъ комическій элементъ получаетъ себѣ спеціальное мѣсто въ масляничныхъ играхъ (Fastnachtspiele), и тогда свѣтская драма отдѣляется отъ духовной. Въ Англіи полулитургическая драма появляется, повидимому, вмѣстѣ съ норманскимъ завоеваніемъ: игра о св. Екатеринѣ (Ludus de Sancta Catharina) относится къ началу XII столѣтія. Сравнительно рано тамъ развиваются представленія чудесъ на счетъ евангельскихъ сюжетовъ, вслѣдствіе чего названіе миракля тамъ распространяется и на послѣдніе. Когда англійская духовная драма выходитъ на площадь, пестрота языка въ ней достигаетъ бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было: Богъ и святые говорятъ по латыни, грѣшники, простолюдины и черти на народномъ языкѣ, по англійски, а аристократы, напр. Иродъ—по французски. Такъ какъ въ Англіи раньше и полнѣе развилась городская жизнь, то тамъ рано начинаютъ играть роль горожане не только въ представленіи, но и въ постановкѣ пьесъ. Уже въ концѣ XIII вѣка въ Іоркѣ всѣ цѣхи города принимаютъ участіе въ драматическомъ представленіи на праздникъ тѣла Господня. Цѣхи, конечно, стараются на перерывъ другъ передъ другомъ, и обстановка англійскихъ мистерій въ XIV в. чрезвычайно роскошна; богатство обстановки возбуждаетъ фантазію авторовъ, и тамъ рано появляются большія представленія на мало обычныя темы: въ 1390 г. въ Лондонѣ 8 дней подъ рядъ идетъ представленіе, имѣвшее сюжетомъ сотвореніе міра.

Тоже раннее развитіе городской жизни и свойственная южанину страсть къ зрѣлищамъ и процессіямъ обусловливаютъ декоративное

Digitized by Google

развитіе итальянской мистеріи. Въ Римѣ уже въ 1264 г. составилось братство (Gonfalone) для представленія мистерій въ извѣстные праздники. Подобныя общества, только немного позднѣе, составляются и во Франціи, что разумѣется, служитъ къ усовершенствованію внѣшней и внутренней техники средневѣковой драмы. Но прежде, чѣмъ гововорить объ этихъ зародышахъ постояннаго театра, постараемся собрать во-едино главныя черты драматическаго площаднаго представленія въ средній періодъ, до спеціализаціи. Мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, Францію.

Когда власти какого нибудь города рѣшали, что въ извѣстный праздникъ будетъ дано представленіе, составлялся прежде всего комитетъ изъ гражданъ и духовенства, заботившійся о собираніи средствъ на постройку сцены, пріобрѣтеніе костюмовъ, угощеніе актеровъ и пр. Нерѣдко всѣ эти издержки бралъ на себя всецѣло городъ; эти издержки, иногда очень значительныя, до 100 золотыхъ экю, отчасти покрывались тѣмъ, что сюда къ дню представленія сходилось и съѣзжалось много народу. Комитетъ или выбиралъ старую, уже игранную гдѣ нибудь пьесу или заказывалъ новый текстъ (rollet). Авторами (facteurs) пьесъ бывали всегда клерики. И въ томъ случаѣ, если ставилась старая пьеса, для большаго представленія необходимо былъ facteur, чтобы набрать актеровъ и распредѣлить роли. Число актеровъ было большею частію очень велико, доходило до 100 и много болѣе. Они или шли даромъ или получали за свой трудъ и костюмы вознагражденіе; во всякомъ случаѣ пользовались даровымъ угощеніемъ. Вотъ цифры изъ счета за труды актеровъ одного англійскаго представленія, имѣвшаго сюжетомъ Страсти христовы: Господу Богу 2 шиллинга, Кайафѣ и Ироду по 3 шил. 4 пенса, женѣ Пилата 2 шил., чорту и Іудѣ по $1^1/_2$ шил. Всѣхъ дороже получилъ Пилатъ—4 шиллинга. Участвовавшіе въ пьесѣ въ качествѣ актеровъ или музыкантовъ менестрели получили всего по 1 шил. 2 пенса. Роли святыхъ обыкновенно играли члены клира, и костюмы для нихъ брались прямо изъ церкви. Женскія роли игрались молодыми людьми въ маскахъ. Facteur иногда былъ и режисеромъ, иногда для этого назначалось особое лицо (conducteur du jeu, expositor ludi), тоже изъ духовенства. Съ выбранныхъ лицъ бралась клятва, что они будутъ посѣщать всѣ репетиціи и неотмѣнно явятся на представленіе; иногда съ ними заключались условія «нотаріальнымъ порядкомъ». Эта предосторожность была нелишнею, такъ какъ кромѣ сильнаго утомленія отъ долгаго присутствія на сценѣ, актеры иногда подвергались и серьозной опасности: увлекавшіеся черти иногда очень чувствительно наминали бока грѣшникамъ; одинъ священникъ, изображавшій Христа, былъ замертво снятъ съ креста; одно лицо, изображавшее Іуду, было вынуто изъ петли въ безсознательномъ состояніи

Digitized by Google

Важную роль въ постановкѣ пьесы игралъ декораторъ, онъ же и машинистъ, такъ назыв. constructeur des secrets, бывшій зачастую и строителемъ сцены. Сцена состояла или изъ одного зданія въ нѣсколько этажей или изъ нѣсколькихъ одноэтажныхъ; въ 1-мъ случаѣ небо или рай помѣщались на самомъ верху (отсюда и наше названіе **райка**); рай представлялъ цвѣтущій садъ, красиво убранный коврами; адъ былъ внизу; земля посрединѣ; она раздѣлялась коврами на нѣсколько отдѣленій, часто съ надписями: Римъ, Іерусалимъ и т. д., что давало возможность лицамъ драмы совершать длинныя путешествія съ неимовѣрной быстротой. Съ земли на небо вели лѣстницы, по которымъ поднимались души праведныхъ, и опускались ангелы и святые. Когда театръ состоялъ изъ нѣсколькихъ построекъ, рай и адъ, а иногда и пургаторій, помѣщались отдѣльно отъ земли. Адъ былъ часто закрытъ отворяющейся рѣшеткой, черезъ которую было видно пламя и слышался вой грѣшниковъ. Въ Англіи были въ ходу передвижныя сцены, такъ называемыя pageants, представлявшія одну опредѣленную мѣстность; въ нижнемъ закрытомъ этажѣ ихъ помѣщались уборныя для актеровъ. Они давали возможность представлять одновременно въ разныхъ частяхъ города разныя части пьесы: отыгравъ свою часть пьесы на одной площади, сцена двигалась на другую, а ее замѣнялъ другой pageant.

За нѣсколько дней до представленія, иногда всѣ, имѣющіе въ немъ участвовать, въ соотвѣтствующихъ роли костюмахъ проходили въ процессіи съ герольдами по городу. Въ день большаго представленія закрывались всѣ лавки, улицы затягивались цѣпями, чтобы ѣзда не мѣшала актерамъ и зрителямъ, и такъ какъ почти весь городъ переселялся къ театру, то по другимъ частямъ его изъ опасенія мошенниковъ ходили усиленные патрули. Масса зрителей помѣщалась гдѣ попало, стоя, сидя и лежа; многіе взбирались на крыши близъ стоящихъ зданій. Для почетныхъ лицъ иногда устраивались мѣста, которыя впослѣдствіи пускались въ продажу; раньше этого зрителей одинъ или нѣсколько разъ обходили съ тарелкой, собирая на угощеніе актерамъ и возмѣщеніе расходовъ.

Такъ какъ большинство приходило смотрѣть, а не слушать, то praecursor, говорившій прологъ къ пьесѣ, долженъ былъ упрашивать публику вести себя потише; иногда обращеніе: silete (молчите) неоднократно прерывало ходъ пьесы; иногда герольдъ обѣщалъ внимательнымъ слушателямъ царство небесное; иногда прибѣгали къ противуположной, но болѣе дѣйствительной мѣрѣ: мѣшающихъ хватали и отдавали чертямъ, вслѣдствіе чего иной зритель невольно становился актеромъ.

Представленіе обыкновенно начиналось рано утромъ и продолжа-

Digitized by Google

лось до полудня; тогда дѣлался часа на 2 перерывъ, во время котораго актеры и зрители подкрѣпляли свои силы пищею, питьемъ и отдыхомъ; затѣмъ представленіе продолжалось часовъ до 6 или до заката солнца.

Кромѣ декорацій, для усиленія иллюзіи употреблялись иногда довольно сложныя машины; но рядомъ съ этимъ были въ ходу и крайне наивные пріемы, въ родѣ того, напр,, что при изображеніи Ноева ковчега, показывали зрителямъ писанныя красками изображенія звѣрей.

Дѣйствующія лица очень часто, при первомъ появленіи на сцену, объясняли зрителямъ, кого они изображаютъ. Чего нельзя было представить, о томъ зрителямъ разсказывалъ или praecursor, или ангелъ, или св. Августинъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе вторгались въ мистерію окружающая жизнь и комическій элементъ; солдаты, поставленные у гроба Господня, смѣшили публику своимъ безсовѣстнымъ хвастовствомъ; Марія Магдалина забавляла ее танцами и кокетствомъ; но самымъ яркимъ представителемъ комизма оставался дьяволъ и его служители; при всякомъ удобномъ случаѣ пускали въ ходъ палки и колотушки и, какъ въ настоящее время въ балаганѣ, онѣ-то и возбуждали особенный восторгъ зрителей.

Эти наивныя черты не мѣшали средневѣковой драмѣ оказывать очень сильное вліяніе даже и на интеллигентныхъ зрителей. Документально, напр., извѣстенъ слѣдующій случай: въ 1322 г., Эйзенахскіе монахи давали представленіе притчи о 10 дѣвахъ въ присутствіи тюрингенскаго ландграфа Фридриха Укушеннаго. Когда ландграфъ увидалъ, что ни мольбы святыхъ, ни просьбы Богоматери не смягчили гнѣва божественнаго жениха, и онъ отдалъ глупыхъ дѣвъ дьяволамъ, онъ пришелъ въ ужасъ по поводу грѣховъ своихъ; скоро онъ впалъ въ тихую задумчивость и черезъ нѣсколько дней былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ.

Чтобы закончить очеркъ средневѣковой драмы, мы снова возвратимся во Францію. Въ XV вѣкѣ значительно расширяется кругъ сюжетовъ и создается постоянный театръ. Кромѣ мистерій въ собственномъ смыслѣ, которыя доходятъ до изумительныхъ размѣровъ, до сотенъ тысячъ стиховъ, кромѣ мираклей и моралитэ, являются пьесы историческія, напр., Разрушеніе Іерусалима, Осада Орлеана Король Кловисъ и пр.; въ нихъ встрѣчается масса народныхъ, жанровыхъ сценъ, но ихъ основное содержаніе есть драматизированная хроника; на ихъ близкую связь съ чисто духовной драмой указанія слишкомъ ясны: появляются, гдѣ можно, ангелы, дьяволы и сватые, появляются фигуры изъ моралитэ. Перелагаются въ драматическія представленія не только духовныя поэмы, въ родѣ Варлаама

Digitized by Google

и Іосафа, но и произведенія чисто рыцарской поэзіи (Ами и Амиль), новеллы серьезнаго содержанія (напр. Гризельда), причемъ они довольно искусно приспособляются къ пріемамъ духовной поэзіи.

Еще въ XIV вѣкѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи образуются общества или братства для постановки и разыгрыванія духовныхъ пьесъ. Самое извѣстное изъ нихъ—парижское общество Страстей Господнихъ (Confrérie de la Passion), которое въ 1402 г. получило прочную организацію и сняло залъ для представленій; со зрителей братство взимало опредѣленную плату. Когда средства его увеличились, оно построило себѣ собственный театръ. Названіе братства точно опредѣляетъ характеръ первоначальнаго репертуара; но мы имѣемъ ясныя указанія, что онъ скоро расширится до пьесъ свѣтскаго содержанія.

Большій успѣхъ имѣли и вызвали большее число подражаній общества, посвятившія себя представленіямъ комическимъ.

Французская комедія XIV—XV в. имѣетъ очень сложное происхожденіе; выше было указано на забавы клериковъ, въ родѣ праздника осла, праздника дураковъ; рано къ латыни пѣсенъ, сопровождавшихъ ихъ, сталъ примѣшиваться языкъ народный. Помимо этого, народъ имѣлъ свои забавы въ видѣ представленій бродячихъ фигляровъ, которые иногда потѣшали его импровизированными или подготовленными діалогами; въ одной изъ предыдущихъ главъ этого тома было говорено о поэзіи голіардовъ, и поминались пародіи на обѣдни, которыя имѣли форму діалога; наконецъ, въ очеркѣ провансальской, старофранцузской и нѣмецкой лирики упоминалось о тенсонахъ, débats, пастораляхъ и т. п. видахъ пѣсенъ въ формѣ діалога, иногда съ довольно законченнымъ содержаніемъ. Одну такую пѣсенку о Робинѣ и Маріонѣ извѣстный въ свое время поэтъ Адамъ de la Halle, прозванный Аррасскимъ Горбуномъ, передѣлалъ въ цѣлое комическое представленіе, заключавшее въ себѣ около 1000 стиховъ и требовавшее участія 11 лицъ. Не забудемъ комическихъ сценъ въ мистеріяхъ, и entremets, интерлюдій, долженствовавшихъ дать отдыхъ нервамъ зрителей мистерій.

Таковы эмбріоны комическаго театра. Начало болѣе или менѣе правильной комедіи связано съ основаніемъ общества клериковъ de la Bazoche. Имя Bazoche происходитъ отъ basilica — царскій домъ; такъ по римскимъ воспоминаніямъ назывался старый королевскій дворецъ въ Парижѣ. Когда короли перешли на ту сторону Сены, они уступили его парламенту. Въ 1303 г. Филиппъ Красивый издалъ указъ, которымъ дозволилъ парламентскимъ чиновникамъ основать братство, и далъ ему значительныя привиллегіи; скоро братство de la Bazoche пріобрѣло земли и порядочныя средства. 3 раза въ годъ ба-

Digitized by Google

зоши устраивали торжественныя процессіи по городу и заканчивали празднество представленіемъ. Такъ какъ они были клерики мірскіе, ихъ представленія не имѣли ничего общаго съ мистеріями, а состояли изъ сценъ вседневной жизни, которыя часто носили обличительный характеръ. Желая сдѣлать удовольствіе интеллигенціи и слушателямъ изъ простонародія и остаться вѣрными жизни, они употребляли смѣшанный языкъ (франц. съ латинскимъ), отчего ихъ называли fabulae farcitae или позднѣе фарсами. Такъ какъ въ своихъ фарсахъ они позволяли себѣ дѣлать рѣзкіе намеки на правительственныя лица, ихъ иногда сажали въ тюрьму, и уже въ 1404 г. имъ запретили давать представленія экспромтомъ и безъ цензуры.

Въ концѣ того же XIV вѣка, въ томъ же Парижѣ составилось другое общество—беззаботныхъ Ребятъ (Enfants sans-soucy), въ которое входили молодые люди большею частію изъ достаточныхъ фамилій; цѣль ихъ была веселить себя и публику. Карлъ VII утвердилъ патентомъ ихъ права. Ихъ начальникъ назывался принцъ дураковъ, и свои шутовскія процессіи они тоже заканчивали комическими представленіями, которыя назывались Sotties—Глупостями. Беззаботныхъ Ребятъ приглашало къ себѣ братство Страстей съ тѣмъ, чтобы они занимали своими Глупостями публику въ антрактахъ. Беззаботные Ребята и базоши не были между собою въ враждѣ, а, напротивъ, очень охотно мѣнялись пьесами.

Въ подражаніе этимъ 2-мъ обществамъ явилась масса имъ подобныхъ въ провинціальныхъ городахъ Франціи; они пользовались парижскими пьесами и сочиняли свои собственныя подъ тѣми же видовыми названіями. Въ этихъ обществахъ, какъ и въ парижскихъ, давались также моралитэ, приспособленныя къ цѣлямъ сатиры и забавы. Число комическихъ актеровъ было такъ велико, что по исчисленію Монтейля, не знаемъ, насколько точному, немного позднѣе ихъ приходилось 10 на каждаго актера мистерій.

Главная цѣль авторовъ фарсовъ и Глупостей посмѣшить, второстепенная—обличить зло общее или частное. Огромное количество ихъ посвящено, такъ сказать, женскому вопросу, который разбирается съ отрицательной стороны. Напр., молодоженъ спрашиваетъ совѣта у доктора, у адвоката, у духовнаго и разсказываетъ о непріятностяхъ, которыя онъ уже испыталъ; совѣтчикъ заканчиваетъ печальнымъ выводомъ:

Tu seras homme plus martyre
Que saint Laurent qu'on fist rostir.

(Ты будешь болѣе мученникомъ, чѣмъ св. Лаврентій, котораго изжарили).

Digitized by Google

Вотъ содержаніе фарса le Cuvier (ушатъ): мужа невѣроятно мучатъ жена и теща, требуя отъ него исполненія самыхъ сложныхъ обязанностей. Онъ готовъ подчиньться, но только желаетъ знать въ точности объемъ требованій, желаетъ имѣть хартію, или, какъ онъ называетъ rollet, гдѣ они были бы всѣ исчислены. Хартія, очень длинная, составлена: по ней, между прочимъ, мужъ долженъ отдавать женѣ весь свой заработокъ; кромѣ своихъ дѣлъ онъ долженъ работать и по хозяйству, напр., стирать бѣлье. Послѣ упорнаго сопротивленія мужъ подписываетъ документъ, и одинъ экземпляръ сохраняетъ у себя. На сценѣ происходитъ стирка бѣлья, во время которой жена тиранствуетъ надъ мужемъ; по несчастію она попадаетъ въ ушатъ съ водой и проситъ мужа вытащить ее; но тотъ желаетъ прежде знать, показано ли это въ числѣ его обязанностей; жена вопитъ о помощи и захлебывается, а онъ вычитываетъ длинную хартію. Наконецъ онъ кончилъ: „этого нѣтъ въ моемъ свиткѣ" торжественно заявляетъ онъ. Однако онъ ее вынимаетъ на условіи, что съ этихъ поръ онъ будетъ хозяиномъ въ домѣ.

Часто фарсы берутъ свое содержаніе изъ народныхъ, бродячихъ анекдотовъ, приспособляя ихъ къ нравоучительнымъ цѣлямъ. Таковъ, напр., фарсъ о томъ, „какъ жены захотѣли перелить своихъ мужей". На сценѣ двѣ молодыхъ женщины, вышедшія замужъ за стариковъ; онѣ проклинаютъ свою судьбу, такъ какъ хотѣли бы имѣть мужей помоложе. Проходитъ мимо литейщикъ. Жены просятъ его помочь ихъ горю—перелить мужей. „А если изъ 2-хъ выйдутъ четыре?" спрашиваетъ онъ. „Ничего! тѣмъ лучше". Онъ отлично исполнилъ свое дѣло, и вмѣсто стариковъ на сцену выходятъ бравые молодцы. Жены въ восторгѣ; но молодые мужья вовсе не такъ податливы; они требуютъ ключей отъ денегъ и услугъ; а встрѣтивъ сопротивленіе, энергично берутся за палки, Жены умоляютъ литейщика снова перелить ихъ мужей въ стариковъ, но тотъ отказывается и читаетъ легкомысленнымъ нравоученіе.

Иные фарсы представляютъ рѣзкую политическую сатиру то противъ солдатчины, то противъ притязаній церкви. Фарсы послѣдняго вида особенно развиваются позднѣе, въ эпоху реформаціонной борьбы. Комическій театръ рѣзко становится на сторону реформы и воспитываетъ дѣятелей въ родѣ Рабле.

Самый извѣстный фарсъ XV столѣтія, незабытый и позднѣе, даже удостоившійся передѣлки въ вѣкъ Людовика XIV—адвокатъ Пателенъ; въ основу его тоже положенъ народный анекдотъ. Авторъ ранней редакціи неизвѣстенъ; появленіе ея относятъ къ 70-мъ годамъ XV вѣка. Пьеса, состоящая изъ полуторы слишкомъ тысячи стиховъ, состоитъ изъ 3-хъ сценъ. Въ первой Пателенъ, нѣчто въ родѣ коварнаго Лиса въ образѣ человѣка, приходитъ къ суконщику выбрать себѣ на платье матеріи; онъ безсовѣстно льститъ хозяину, расхваливаетъ его отца и дѣда и, наконецъ, выбираетъ подходящій кусокъ сукна. За деньгами хозяинъ долженъ придти къ нему на домъ въ тотъ же вечеръ. Вторая сцена въ домѣ Пателена; суконщика встрѣчаетъ жена Пателена и со слезами объявляетъ ему, что мужъ ея при смерти боленъ. Добродушный купецъ входитъ въ спальню больнаго, находитъ его въ страшномъ бреду и удаляется, заявивъ, что до выздоровленія онъ оставитъ Пателена въ покоѣ; а если тотъ, чего не дай Богъ, умретъ, онъ и вовсе отступается отъ иска. 3-я сцена—передъ судомъ на площади. Къ Пателену какъ къ адвокату, обращается за совѣтомъ пастухъ, котораго хозяинъ привлекъ къ суду за то, что онъ продалъ его овецъ. Пателенъ совѣтуетъ ему на всѣ вопросы судьи отвѣчать только бээ! бээ! Тотъ послѣдовалъ его совѣту. „Твой пастухъ—идіотъ, говоритъ судья хозяину: какъ тебѣ не стыдно было поручать ему стадо! Что съ него возьмешь"? Такимъ образомъ пастухъ оправданъ. Пателенъ требуетъ съ него условленный гонораръ. Бээ! бээ! отвѣчаетъ ему хитрый пастухъ. Пате-

Digitized by Google

лена позднѣе распространяли, внося въ пьесу другіе анекдоты о мошенническихъ продѣлкахъ. Въ одной передѣлкѣ Пателенъ приходитъ къ мѣховщику, забираетъ у него мѣхъ будто бы для попа, къ которому тотъ долженъ обратиться за деньгами, а попа онъ предупреждаетъ, что къ нему придетъ отчитываться сумасшедшій, который помѣшанъ на томъ, что ему должны деньги за какой-то мѣхъ. Весь комизмъ въ сценѣ увѣщанія мнимаго сумасшедшаго.

Нѣкоторыя изъ моралитэ, дававшихся на комическихъ сценахъ, проникнуты серьезной политической тенденціей. Такъ въ одной изъ нихъ дѣйствуютъ: Noblesse (дворянство), Eglise (церковь) и Pauvreté (бѣдность), подъ которой разумѣется главнымъ образомъ 4-е сословіе. Pauvreté жалуется на свое тяжелое положеніе, на отсутствіе всякихъ правъ; Noblesse грозитъ за такія рѣчи упрятать его въ Бастилію. Всѣ они втроемъ отправляются на работу; Noblesse и Eglise взваливаютъ свое мокрое бѣлье на спину Pauvreté; когда тотъ выражаетъ недовольство этимъ, Noblesse и Eglise внушаютъ ему, что онъ долженъ быть доволенъ и тѣмъ, что его со свѣта не сгоняютъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что средніе вѣка развили только элементы комедіи, не доработавшись до ея сущности.

Серьезныя драмы: мистеріи и миракли болѣе способствовали прогрессу этой литературной формы, и ихъ вліяніе на драму Шекспира и Кальдерона не можетъ подлежать сомнѣнію; имъ великіе драматурги обязаны столько же, если не больше, какъ и трагедіи грековъ.

Самое существенное отличіе средневѣковой драмы отъ античной заключается въ томъ, что вторая, выйдя изъ гимна, оставалась вѣрна своему лирическому характеру; а первая, выйдя изъ своего стремленія воспроизвести передъ народомъ событія новаго и отчасти ветхаго завѣта, носитъ характеръ эпическій; она стремится возсоздать въ дѣйствіи св. писаніе, тогда какъ античная, основанная на выработанной самимъ же народомъ сагѣ, предполагаетъ ее извѣстной и сосредоточиваетъ весь интересъ на развитіи идеи и выраженіи чувствъ. Съ этимъ основнымъ различіемъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи и всѣ второстепенныя: отсутствіе единства времени, мѣста и дѣйствія, смѣшеніе трагическаго съ комическимъ, грандіозность внутреннихъ и внѣшнихъ размѣровъ и др. Драма Шекспира и Шиллера соединяетъ эпическій и лирическій элементы и является высшимъ развитіемъ идеи драмы.

Р.

Французская исторіографія въ средніе вѣка. Вильгардуэнъ — Жуанвиль. — Фруассаръ. Французская лирика въ XV в. Карлъ Орлеанскій. — Виллонъ.

Пособія: тѣ же курсы и изданія: Вильгардуэна (Natalis de Wailly), Жуанвиля (id), Фруассара (Bichon 1835), Карла Орлеанскаго (Guichard 1842), Виллона (Paul Lacroix 1854). König: zur französischen Literaturgesshichte 1874 и др.

Чтобы покончить въ предположенныхъ размѣрахъ съ средними вѣками намъ остается только сказать объ исторіографіи и о французской лирикѣ XV стол.

Digitized by Google

Въ средніе вѣка только въ одной Франціи національная исторіографія достигла художественности; только тамъ продукты ея являются литературными произведеніями и по единству идеи, и по формѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ ходъ ея постепеннаго развитія настолько типиченъ, что мы считаемъ себя въ правѣ, говоря о средневѣковой исторіографіи, ограничиться одной Франціей, и только кое-гдѣ указывать на параллельныя явленія въ другихъ странахъ.

Мы оставили исторіографію нынѣшней Франціи въ VI вѣкѣ, познакомившись съ Григоріемъ Турскимъ, послѣ котораго она падаетъ настолько, что въ эпоху Фредегара трудно было найдти лицо, способное связать въ одно цѣлое 3 лѣтописи, а историкъ часто ограничивался тѣмъ, что переписывалъ ихъ одну за другою. Такъ продолжается до Карла Великаго, при которомъ замѣчается подъемъ всѣхъ видовъ умственной дѣятельности, въ томъ числѣ и исторіографіи. Традиціи его эпохи въ монастырскихъ школахъ продолжаются почти безъ перерыва, и въ XI—XII вѣкахъ во Франціи латинскія хроники составляются монахами довольно аккуратно и часто съ нѣкоторой претензіей на литературность формы. Такъ какъ въ Италіи ранѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, развилась городская жизнь и политика, тамъ раньше всего развивается свѣтская хроника, излагавшая недавнія событія; въ XII в. мы знаемъ нѣсколькихъ хроникеровъ, навѣрно не принадлежащихъ къ клиру, изъ лицъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ. Они относятся вполнѣ сознательно къ цѣли своего труда. Одинъ изъ нихъ (Rudolphus Mediolanensis, обыкновенно называемый Sire Raul) прямо опредѣляетъ, какую пользу извлечетъ потомство изъ его сочиненія: изъ прошлаго оно научится избѣгать будущихъ золъ; онъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность за достовѣрность сообщаемаго, такъ какъ описываетъ только то, что самъ видѣлъ или «слышалъ правдиво» *). Онъ дѣйствительно старается быть сколько возможно объективнѣе. Напротивъ того, его современникъ (Оттонъ Морена) не скрываетъ своей тенденціозности и въ хроникѣ является бойцомъ за дѣло императора. Скоро въ Италіи не осталось большаго города, который не имѣлъ бы своего хроникера.

Эпоха Фридриха Барбаруссы подѣйствовала живительно на исторіографію и въ Германіи: Оттонъ Фрейзингерскій (de gestis Frederici primi) пытается осмыслить излагаемыя имъ событія съ философской точки зрѣнія и смѣло судить людей и ихъ дѣянія.

Въ томъ же XII вѣкѣ являются попытки писать всеобщую исторію, въ основу которой, разумѣется, кладется библія.

Не много позднѣе (XII—XIII в.) у нѣкоторыхъ итальянскихъ

*) Ea quae vidi et veraciter audivi, ad utilitatem posterum scribere tentabo... Maxima autem versatur utilitas cum ex praecedentibas didicerint futura cavere.

Digitized by Google

историковъ настолько развиваются литературные пріемы, что ихъ труды совсѣмъ не подходятъ подъ то скромное понятіе, которое мы имѣемъ о средневѣковой латинской хроникѣ: авторъ перечисляетъ всѣ источники, призываетъ музу исторіи, выказываетъ боязнь утомить вниманіе читателя, очень много говоритъ о себѣ и считаетъ нужнымъ сообщить свой взглядъ на каждое крупное событіе и на каждаго важнаго дѣятеля. Это не мѣшаетъ ему быть крайне легковѣрнымъ и переписывать чужое, часто даже не измѣняя оборота фразы.

Исторія на родномъ языкѣ появляется во Франціи въ томъ же пресловутомъ XII вѣкѣ, появляется въ стихотворной формѣ, въ длинныхъ поэмахъ, какъ продолженіе и подражаніе chansons de geste. Стихотворная форма во всей средневѣковой исторіографіи предшествуетъ прозѣ, подобно тому, какъ и въ Греціи поэмы логографовъ предшествовали Геродоту.

Эти стихотворныя хроники (въ Германіи, самая знаменитая изъ нихъ Kaiserchronik—хроника объ императорахъ, составлена около 1150 г., излагаетъ исторію римскихъ царей, императоровъ и императоровъ германскихъ до Конрада III, по различнымъ латинскимъ и нѣмецкимъ источникамъ) во Франціи не скрываютъ своей связи съ героическимъ эпосомъ и пѣснью; авторъ одной изъ нихъ говоритъ, что ему служили три вида источниковъ: la geste—устный разсказъ, la chanson—народная пѣсня въ чистомъ видѣ или обработанная труверомъ и l'escrit — латинская хроника. Такъ какъ свѣтскіе люди, не знавшіе по-латыни и пріученные къ стихамъ chansons de geste и романовъ, интересовались отечественной исторіей, эти хроники, при всей наивности пріемовъ и безталанности авторовъ, имѣли большой успѣхъ: читатели смотрѣли на нихъ какъ на удачную попытку соединить пріятное съ полезнымъ.

Говоря о рыцарскихъ романахъ, мы упоминали поэму норманскаго поэта Роберта Васа «Брутъ». Тотъ же Васъ около 1160 г. написалъ Roman de Rou (романъ о Роллонѣ)—стихотворную хронику норманскихъ герцоговъ (16,547 стиховъ). Его современникъ Бенуа де-Сентъ-Моръ (Benoist de Sainte-More) передѣлываетъ, распространяетъ и продолжаетъ его произведеніе, причемъ объемъ его увеличивается втрое. Въ послѣдней четверти того же столѣтія какой-то неизвѣстный стихоплетъ сокращаетъ эту хронику въ нѣсколько сотъ стиховъ. Интересовались не одной національной исторіей: тогда же одинъ поэтъ, жившій при дворѣ Лотарингскомъ, излагаетъ въ 700 восьмисложныхъ стиховъ исторію римскихъ императоровъ.

Въ началѣ XIII в. исторіографія на родномъ языкѣ во Франціи развивается уже настолько, что знаменитый Балдуинъ Фландрскій, еще до своего выступленія въ 4-й крестовый походъ, поручилъ сост-

Digitized by Google

вить по-французски (in gallicano idiomate), очевидно, прозой *), нѣчто въ родѣ курса всеобщей исторіи. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что этотъ 4-й крестовый походъ нашелъ себѣ даровитаго историка въ лицѣ Вильгардуэна.

Жофруа Вильгардуэнъ родился въ 1167 г., принадлежалъ къ числу богатыхъ и мощныхъ бароновъ. Въ полномъ цвѣтѣ силъ отправился онъ съ Балдуиномъ на освобожденіе гроба Господня, дѣйствовалъ очень энергично во время покоренія Константинополя и Греціи и умеръ въ 1213 г. въ своемъ ленѣ, въ Өессаліи. Онъ, стало-быть, не сторонній наблюдатель, а близкій участникъ событій; онъ, по выраженію своего издателя Наталиса де-Вальи, сперва хорошо дѣйствовалъ, а потомъ хорошо описывалъ. Общій планъ войны и значительная доля частностей извѣстны ему непосредственно, и читатель можетъ безусловно довѣриться ему; его выраженія сильны и рѣзки, какъ удары меча о желѣзныя латы, но они за то также лишены гибкости, какъ двоеручный мечъ крестоносца. Его «Завоеваніе Константинополя» (de la conqueste de Constantinople) во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ chanson de geste болѣе ранней эпохи; книга его состоитъ изъ 500 короткихъ главъ, очень похожихъ на неровныя строфы пѣсни о Роландѣ; въ ней часто встрѣчается масса повтореній, и дѣйствующія лица характеризуются или 2—3 словами, напоминающими эпитеты, или только изложеніемъ дѣйствій.

Книга Вильгаудуэна состоитъ изъ 2-хъ частей; 1-я, болѣе интересная, разсказываетъ, какъ крестоносцы собираются въ походъ; какъ они дѣлаютъ предложеніе венеціанскому дожу, какъ появляются подъ стѣнами Константинополя и какое чарующее впечатлѣніе произвелъ на нихъ видъ Царя-Города; какъ греки лукавили съ крестоносцами и какъ наконецъ послѣдніе взялись за оружіе и овладѣли городомъ. 2-я часть есть исторія похода, предпринятаго крестоносцами внутрь страны для ея покоренія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Вильгардуэнъ, кромѣ собственнаго наблюденія и разсказовъ, имѣлъ подъ руками и письменные источники: во всякомъ большомъ походѣ велся журналъ экспедиціи и, кромѣ того, весьма вѣроятно, что болѣе богатые и могущественные участники похода имѣли при себѣ своихъ исторіографовъ; настолько сильно чувствовалась потребность въ закрѣпленіи событій писаннымъ словомъ.

Въ продолженіи 100 лѣтъ, которыя прошли между Вильгардуэномъ и другимъ знаменитымъ хронистомъ Жуанвилемъ (1213—1319), эта потребность все возрастала; считаютъ на этотъ періодъ около 110 хроникъ, изъ которыхъ половина была написана на французскомъ языкѣ; появилось много мѣстныхъ хроникъ: нормандскихъ, фландрскихъ и пр., заключающихъ въ себѣ интересныя мѣстныя преданія;

*) Французской прозой ведутъ въ XIII вѣкѣ свою хронику монахи С.-Денисскаго аббатства.

Digitized by Google

рядомъ съ этими монографіями появляются жизнеописанія выдающихся дѣятелей.

Людовикъ IX Святой, этотъ идеалъ короля-рыцаря, рано сталъ вдохновлять историковъ; первое житіе его написано по-латыни его же духовнымъ отцомъ; вскорѣ начали собирать и записывать чудеса, яко-бы имъ совершенныя; въ 1297 г. духовникъ королевы Маргариты тщательно описывалъ главные факты его жизни. Въ 1302 г. хранитель хартій С.-Денисскаго аббатства, Гильомъ де-Нанжисъ, также описалъ его жизнь.

Всѣ эти біографіи Людовика писаны по-латыни, хотя иныя изъ нихъ и переводились немедленно, даже самими авторами, на французскій языкъ; но языкъ здѣсь важенъ потому, что онъ обусловливаетъ и самый способъ изложенія и тонъ разсказа: вышеназванныя біографіи носятъ характеръ оффиціальный и болѣе или менѣе сбиваются на обычный тонъ безцвѣтныхъ житій и латинскихъ монографій: de vita et gestis...

Никто изъ младшихъ современниковъ Людовика Св. не располагалъ такими средствами и не могъ писать съ такой искренностью и душевной теплотой, какъ его многолѣтній другъ и наперстникъ Сиръ Жуанвиль. Никто изъ нихъ не могъ сдѣлать изъ біографіи Людовика памятникъ въ такой степени литературный, такъ полно характеризующій автора и его вѣкъ.

Жуанвиль родился въ 1224 г., слѣдовательно былъ моложе своего государя на 9 лѣтъ (Людовикъ родился въ 1215 г. въ Шампаньи). Онъ принадлежалъ къ высшему дворянству, судя по тому, что обязанъ былъ являться къ королевскому знамени, имѣя подъ своимъ значкомъ 7 рыцарей и до 700 простыхъ всадниковъ. Получивъ воспитаніе при дворѣ графовъ Шампанскихъ, онъ въ 1241 году является на службу въ Парижъ, а 24-хъ лѣтъ отъ роду въ 1248 г. отправляется съ Людовикомъ въ крестовый походъ въ Египетъ. Онъ и до тѣхъ поръ зналъ лично короля, а во время похода чрезвычайно съ нимъ сблизился не изъ личныхъ выгодъ, а вслѣдствіе пережитыхъ совмѣстно бѣдствій и, главнымъ образомъ, того обаянія, которое производила на молодаго барона личность св. короля, воплотившаго въ себѣ всѣ идеальныя стороны рыцарства среднихъ вѣковъ. Онъ возвратился вмѣстѣ съ королемъ въ 1255 г. Въ продолженіе послѣдующихъ 16 лѣтъ онъ дѣлилъ свое время между дворомъ королевскимъ и своими шампанскими владѣніями. Когда въ 1270 г. Людовикъ вторично собрался въ крестовый походъ, изъ котораго ему не суждено было вернуться, Жуанвиль неизвѣстно почему не поѣхалъ съ нимъ.

Въ 1282 г. Жуанвиль участвовалъ въ слѣдствіи, которое предшествовало канонизаціи Людовика; въ 1298 г. присутствовалъ при пере-

Digitized by Google

несеніи его тѣла. Немного спустя, онъ, по просьбѣ королевы, Іоанны Наваррской, началъ свою книгу о жизни Людовика. Такъ какъ Іоанна умерла въ 1305 г., прежде чѣмъ онъ окончилъ свой трудъ, онъ посвятилъ книгу Людовику Сварливому (le Hutin) въ то время, какъ тотъ былъ еще только королемъ Наваррскимъ, стало-быть между 1309 и 1314 годами. Въ 1315 г. онъ, несмотря на свою старость, участвовалъ въ походѣ на фламандцевъ; онъ умеръ 11 іюля 1319 г., оставивъ въ наслѣдство единственному сыну свой титулъ сенешаля и свои владѣнія.

Вотъ какъ самъ Жуанвиль въ посвященіи говоритъ о содержаніи своей книги:

„Доброму государю Людовику, сыну короля Франціи и милостію Божіей— королю Наваррскому Жанъ сеньоръ Жуанвиль, его сенешаль Шампанскій здоровье, любовь, и честь, и службу! Дорогой сеньоръ! я сообщаю вамъ, что королева, ваша мать, которая меня сильно любила, да помилуетъ Богъ ея душу, неотступно просила меня, какъ могла, чтобы я сочинилъ книгу о святыхъ словахъ и добрыхъ дѣлахъ нашего короля Святаго Людовика; я обѣщалъ и исполнилъ свое обѣщаніе, съ помощію Божіей. Книга окончена въ двухъ частяхъ, 1-я разсказываетъ, какимъ образомъ онъ направилъ всю жизнь свою по закону божескому и церковному и на пользу своему королевству; 2-я часть книги говоритъ о его великихъ подвигахъ и великихъ дѣяніяхъ". Затѣмъ, забѣгая впередъ, авторъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, когда король подвергалъ жизнь свою опасности, спасая своихъ подданныхъ. „Первый случай, гдѣ онъ подвергъ свое тѣло смертельной опасности (mist son cors en aventure de mort), произошелъ при самомъ нашемъ прибытіи къ Даміэттѣ, когда весь его совѣтъ былъ того мнѣнія, какъ я слышалъ, чтобы онъ оставался въ своемъ кораблѣ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что случится съ его рыцарями, высадившимися на землю. Причиной такого совѣта было убѣжденіе, что если онъ съ ними высадится и погибнетъ, пропало все предпріятіе, тогда какъ, если онъ останется на кораблѣ, онъ своей особой можетъ начать вновь завоеваніе земли Египетской. Но онъ не захотѣлъ никому вѣрить и прыгнулъ въ море въ полномъ вооруженіи, со щитомъ на шеѣ, съ копьемъ въ рукѣ и одинъ изъ первыхъ вступилъ на землю". Жуанвиль убѣжденъ, что судьбой Людовика управляло само Провидѣніе. „Я не знаю, говоритъ онъ: другой причины, почему турки не захватили насъ въ городѣ (Акрѣ), кромѣ любви Божіей къ нему, которая вселяла страхъ въ сердца нашихъ враговъ. Въ послѣдней части „этой книги" Жуанвиль обѣщается сказать о благочестивой кончинѣ святаго короля.

Первую книгу Жуанвиль начинаетъ съ небольшого предисловія, потомъ приступаетъ къ характеристикѣ героя, которую поясняетъ разсказами. Онъ говоритъ о любви Людовика къ Богу, къ народу, о его любви къ правдѣ, о его воздержности на языкъ. „Никогда во всю жизнь, говоритъ Жуанвиль, я не слыхалъ, чтобы онъ кого-нибудь бранилъ или поминалъ дьявола, а имя послѣдняго очень распространено въ королевствѣ, что, какъ я думаю, вовсе не нравится Господу Богу". Людовикъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и питьѣ и вино свое постоянно разбавлялъ водою. Разъ на островѣ Кипрѣ онъ спросилъ Жуанвиля, зачѣмъ тотъ пьетъ цѣльное вино? Жуанвиль отвѣчалъ, что виноваты въ этомъ медики, которые увѣряли его, что голова у него крѣпкая, а желудокъ холодный, вслѣдствіе чего онъ и не можетъ опьянѣть. Людовикъ разъяснилъ ему, что, если онъ не будетъ разбавлять вина въ молодости, въ старости невозможно будетъ начать этого дѣлать

Digitized by Google

изъ опасенія разстроить желудокъ; а если онъ въ старости будетъ пить цѣльное вино, онъ будетъ напиваться всякій вечеръ, „а это очень гадкое дѣло для хорошаго человѣка быть пьянымъ". Жуанвиль приводитъ цѣлый рядъ поучительныхъ рѣчей (enseignemens) короля. Нѣкоторые изъ нихъ прекрасно характеризуютъ эпоху.

Разъ Людовикъ спросилъ Жуанвиля: „Сенешаль! что такое Богъ?" А я, говоритъ Жуанвиль, отвѣчалъ ему:" это такая хорошая вещь, что лучше и быть не можетъ". „Правда, сказалъ онъ: вы хорошо отвѣтили; этотъ отвѣтъ написанъ и въ той книгѣ, которую я держу въ рукахъ".

Въ этомъ же разговорѣ Людовикъ спросилъ Жуанвиля, что предпочелъ бы онъ: получить проказу или совершить смертный грѣхъ? Жуанвиль, который никогда не лгалъ своему государю, сказалъ, что онъ предпочелъ бы совершить 30 смертныхъ грѣховъ, чѣмъ получить проказу (въ оправданіе откровеннаго рыцаря надо припомнить, съ какимъ омерзеніемъ относились въ средніе вѣка къ прокаженнымъ: ихъ выгоняли изъ жилищъ въ особо стоявшіе дома; пищу имъ подавали на палкахъ; крючьями вытаскивали ихъ трупы и зарывали отдѣльно). За такой отвѣтъ сильно журилъ его король, доказывая ему, что умирая человѣкъ избавляется отъ проказы; а отъ смертнаго грѣха онъ никогда не освободится, и душа его уподобится дьяволу.

Тогда же Людовикъ спросилъ сенешаля: моетъ ли онъ ноги бѣднымъ въ чистый четвергъ? Государь! отвѣчалъ тотъ: я не буду мыть ногъ этой дряни! „Дурно сказано, замѣтилъ король: вы не должны относиться съ презрѣніемъ къ тому, что сдѣлалъ Господь для нашего поученія. И такъ, я васъ прошу изъ любви къ Богу во первыхъ, и изъ любви ко мнѣ, чтобъ вы привыкали мыть ихъ".

Изъ 149 главъ, на которыя раздѣлена исторія Жуанвиля, первая книга занимаетъ всего 14; остальныя 135 излагаютъ дѣянія Людовика (ses faiz); разсказъ и въ нихъ отличается тою же наивной прелестью и искренностью.

Лучшее изданіе исторіи Жуанвиля сдѣлано въ 1874 г. французскимъ ученымъ Natalis'омъ de Wailly, который чрезвычайно остроумно и добросовѣстно возстановилъ текстъ Жуанвиля, воспользовавшись другимъ его произведеніемъ Credo (распространенный въ средніе вѣка видъ прозы, нѣчто въ родѣ нашихъ поученій отъ отца къ сыну) и бумагами его канцеляріи. Жуанвиль не писалъ этихъ бумагъ собственноручно; но онъ не писалъ самъ и исторіи Людовика, а диктовалъ ее клеркамъ.

Третьимъ знаменитымъ хронистомъ средневѣковой Франціи былъ Фруассаръ, родившійся въ 1337 году, спустя 18 лѣтъ послѣ смерти Жуанвиля. Въ полстолѣтіе, которое прошло между біографіей Людовика Святаго и началомъ его хроники, исторіографическая производительность, всегда зависящая отъ политической жизни народа, замѣтно ослабѣла: крестовые походы, эта героическая эпоха въ западно-европейскихъ народахъ, окончились; интересы стали мельчать; человѣчество какъ бы отдыхало отъ напряженія. Но вотъ начинается столѣтняя англо-французская война, и съ нею вмѣстѣ появляется талантливый историкъ.

Digitized by Google

Родина Фруассара—Фландрія, страна чрезвычайно выгодная для развитія исторической литературы, богатая, сравнительно спокойная отъ внутреннихъ смутъ, съ цивилизованнымъ, всѣмъ интересующимся дворянствомъ; находясь между Франціей и Германіей, она притягивала къ себѣ все лучшее въ матеріальномъ и въ умственномъ отношеніи. Фруассаръ не монахъ, подобно латинскимъ хронистамъ, и не баронъ, успокоившійся подъ старость отъ трудовъ и на досугѣ диктующій клерку ихъ описаніе; онъ историкъ-спеціалистъ, непрестанно разъѣзжающій для собиранія матеріала, и историкъ-художникъ, подготовившій себя къ этому дѣлу многолѣтними упражненіями въ поэзіи, стремящійся заинтересовать читателей полнотой сообщаемыхъ свѣдѣній и изяществомъ изложенія. Фруассаръ родился въ Валансьенѣ и былъ сыномъ купца (можетъ быть, незаконорожденнымъ, такъ какъ, много разсказывая о своей молодости, онъ почему-то умалчиваетъ о родителяхъ); отданный въ латинскую школу, онъ рано оставилъ ее, предпочитая «веселую науку» менестрелей; лѣтъ 15—16 онъ уже попадаетъ въ дворянское общество, не на правахъ равнаго другимъ члена, но какъ человѣкъ, могущій занимать досуги сильныхъ міра. Впрочемъ, такое положеніе не заключало въ себѣ ничего унизительнаго, такъ какъ средневѣковое общество этого времени не было особенно замкнуто и ласково принимало людей изъ tiers-état, умѣвшихъ угождать его царицамъ-дамамъ. Фруассару было 20 лѣтъ, когда происходила знаменитая битва при Пуатье, сдѣлавшая англійскій дворъ притягательнымъ для всѣхъ искателей блеска, славы и карьеры. Въ 1361 г. Фруассаръ подноситъ королевѣ англійской, урожденной Фланмандкѣ, сильно любившей свою родину, описаніе событій послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, не извѣстно, составленное ли въ прозѣ или въ стихахъ. Королева съ удовольствіемъ приняла книгу и сдѣлала ея автора своимъ clerc lisant. Къ этому времени относится большая часть лирическихъ стихотвореній, пастурелей и поэмъ Фруассара; онъ не внесъ въ поэзію живой струи, но среди своихъ многочисленныхъ товарищей по искусству (только при дворѣ англійскомъ проживало 17 поэтовъ) занимаетъ не послѣднее мѣсто. Фруассаръ жилъ назначеннымъ отъ королевы жалованьемъ и подарками, получаемыми имъ отъ разныхъ высокихъ посѣтителей за подносимые стихи. Такъ какъ у него прямыхъ обязанностей при дворѣ не было и онъ нуженъ былъ только для увеличенія его блеска, онъ часто покидалъ его, чтобы присутствовать на празднествахъ и торжествахъ, хотя бы они происходили за многія сотни верстъ. Такъ онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Карла V. Тамъ онъ и веселился и деньги наживалъ (менестрелей всегда награждали въ подобныхъ случаяхъ) и удовлетворялъ своей страсти собирать новости; онъ распрашивалъ самихъ

Digitized by Google

участниковъ событій и особенно герольдовъ, которые въ то время были ходячими газетами; эта его страсть скоро получила разумное оправданіе: онъ былъ сдѣланъ королевскимъ хроникеромъ. Въ 1368 г. Фруассаръ воспользовался случаемъ посѣтить Италію въ свитѣ герцога Кларенса, который ѣхалъ въ Миланъ, чтобы жениться на Іоландѣ Миланской; свита состояла изъ 457 лицъ; съ ней было 1280 лошадей; этотъ великолѣпный кортежъ проѣхалъ черезъ Парижъ, гдѣ король Карлъ V потратилъ на одни подарки англичанамъ болѣе 20,000 флориновъ. По пріѣздѣ въ Миланъ, многіе члены свиты разсѣялись по Италіи, въ томъ числѣ, разумѣется, и любопытный Фруассаръ. Въ Римѣ онъ узналъ о смерти своей покровительницы королевы англійской и долженъ былъ возвратиться къ себѣ на родину и искать новыхъ друзей. Ему удалось пристроиться ко двору герцога Брабантскаго Венцеслава, супругѣ котораго онъ приподнесъ сборникъ своихъ новыхъ стиховъ, за что и получилъ въ подарокъ 20 барановъ, на сумму 16 франковъ. Въ 1373 г. герцогъ далъ ему приходъ. Наступилъ переломъ въ жизни Фруассара, который онъ констатировалъ въ одной своей аллегорической поэмѣ, гдѣ Философія совѣтуетъ ему отказаться отъ безумствъ молодости, занять приличное мѣсто и заняться исторіей. Онъ дѣйствительно взялся за главный трудъ своей жизни, хотя не оставлялъ и стиховъ. Когда въ 1383 г. умеръ Венцеславъ, онъ нашелъ себѣ новаго покровителя и милостивца въ графѣ Блоасскомъ, который далъ ему лучшій приходъ и сдѣлалъ его своимъ капелланомъ, въ каковомъ званіи онъ и сопровождалъ графа въ его разъѣздахъ и походахъ, не упуская случая собирать матеріалъ; кромѣ того Фруассаръ предпринималъ поѣздки и по собственной иниціативѣ; въ домахъ знатныхъ, гдѣ онъ останавливался, онъ читалъ старыя свои произведенія и «къ случаю» сочинялъ новыя, за что, конечно, получалъ подарки. Почувствовавъ приближеніе старости, Фруассаръ избралъ себѣ для постояннаго жительства родной городъ Валансьенъ, откуда однако же отъ времени до времени дѣлалъ экскурсіи. Въ 1395 г. онъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ не былъ такъ давно, поднесъ свои сочиненія Ричарду II, за что и получилъ богатый подарокъ. Годъ смерти Фруассара неизвѣстенъ; во всякомъ случаѣ онъ пережилъ начало новаго столѣтія, такъ какъ хроника его обнимаетъ событія отъ 1325 до 1400 года.

Его исторія носитъ такое заглавіе: «Хроника сира Жана Фруассара, излагающая удивительныя предпріятія, благородныя приключенія и военные подвиги, случившіеся въ его время во Франціи, Англіи, Бретани, Бургундіи, Шотландіи, Испаніи, Португаліи и другихъ странахъ (Les chroniques de sire Jean Froissart, qui traitent des merveilleuses emprises, nobles aventures et faits d'armes advenus en son

Digitized by Google

temps en France, Angletcrre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espaigne, Portugal et ès autres parties). Онъ рѣзко отличается отъ Вильгардуэна и Жуанвиля тѣмъ, что описываетъ не только имъ видѣнное, но и то, что произошло до его рожденія; такъ начало его труда есть ничто иное, какъ переложеніе хроники Жана Лебеля. Да и въ описаніи событій, ему современныхъ, стремясь изложить то, что происходитъ чуть ни во всей западной Европѣ, онъ долженъ вѣрить своимъ ушамъ, а не глазамъ. Фруассаръ передѣлывалъ свою хронику, и не въ стилѣ или мелочахъ, а въ важнѣйшихъ пунктахъ, такъ какъ въ первомъ періодѣ онъ былъ подъ вліяніемъ англійскихъ симпатій, а во вторую—французскихъ. Главное достоинство Фруассара—живость воспроизведенія окружающей его пестрой жизни; онъ вполнѣ историкъ-живописецъ, умѣющій въ пересказъ о событіяхъ внести столько интересныхъ деталей, что мы узнаемъ обстановку жизни его времени изъ чтенія его хроники лучше, нежели изъ чтенія длиннаго ряда монографій по исторіи культуры. За то онъ лишенъ всякаго намека на прагматизмъ, и не даетъ даже простой оцѣнки событій. Не будучи рыцаремъ по происхожденію, онъ былъ вполнѣ рыцаремъ по убѣжденіямъ; феодальный порядокъ вещей казался ему единственно возможнымъ, и только отступленіе отъ общепринятаго и стремленія людей изъ народа забраться наверхъ вызывали изрѣдка его негодованіе. Но вообще онъ разсуждаетъ очень мало: цѣль его только пересказать какъ можно обстоятельнѣе и нагляднѣе.

Для образца приводимъ въ сокращеніи 49 главу 3-й книги: „Въ это время во Франціи и Прирейнскихъ странахъ всѣхъ занималъ смертельный поединокъ, который долженъ былъ происходить въ Парижѣ". Въ графствѣ Алансонскомъ, въ замкѣ Аржантейлѣ проживалъ рыцарь Жанъ де Карружъ (Jean de Carrouge); у него былъ пріятель оруженосецъ Жакъ де Гри (Jackes de Gris). Оба они были любимы своимъ сюзереномъ; особенно графъ Алансонскій любилъ Жака де Гри, молодаго человѣка невысокаго происхожденія, но быстро сдѣлавшаго себѣ карьеру. „Когда такіе господа, замѣчаетъ Фруассаръ, выходятъ въ люди и мечтаютъ твердо встать на ноги, судьба возвращаетъ ихъ въ грязь, ставитъ ихъ еще ниже, чѣмъ они стояли въ началѣ".

Де-Карружъ задумалъ поѣхать за море, на что и получилъ разрѣшеніе отъ своего сюзерена; его молодая жена оставалась въ замкѣ Аржентейлѣ.

„Тогда дьяволъ вошелъ въ Жака де-Гри", и онъ рѣшился хотя бы силою овладѣть женою рыцаря. Въ одно утро, онъ сѣлъ на коня и во всю прыть, не жалѣя шпоръ, пустился къ Аржентейлю. Дама и ея люди приняли гостя очень любезно, зная его хорошія отношенія къ владѣльцу замка.

Онъ объявилъ, что желаетъ осмотрѣть башню замка; хозяйка, ничего не подозрѣвая, повела его туда, не взявши съ собою никого изъ прислуги. Когда они вошли въ башню, де-Гри захлопнулъ дверь; дама подумала, что это случилось отъ порыва вѣтра. Тамъ безъ свидѣтелей, не смотря на ея сопротивленіе и слезы, де-Гри исполнилъ свое желаніе, и потомъ сказалъ ей: „Madame, если вы кому-нибудь скажете объ этомъ происшествіи, вы будете обезчещены. Молчите вы, и

Digitized by Google

я буду молчать для вашей чести". Дама, плача, отвѣчала ему: „Измѣнникъ и негодяй, я буду молчать, но не такъ долго, какъ бы вы того хотѣли". Слуги замѣтили, что госпожа ихъ вышла изъ башни, смущенная и опечаленная, но подумали, что гость передалъ ей какое-нибудь непріятное извѣстіе объ ея мужѣ или объ ея родныхъ. А де-Гри въ 10 часовъ уже присутствовалъ при вставанія графа Алансонскаго; ни онъ, ни дама никому не сказали о случившемся.

Прошло нѣсколько времени, и рыцарь вернулся домой; жена и люди встрѣтили его съ радостію. Когда настала ночь, и онъ легъ въ постель, жена долго не хотѣла ложиться, и все ходила по комнатѣ, какъ бы раздумывая. Когда всѣ слуги удалились, она упала на колѣни передъ постелью мужа и разсказала ему, что съ нею случилось въ его отсутствіе. На другой день рыцарь де-Карружъ созвалъ своихъ друзей и друзей жены и посвятилъ ихъ въ свою печальную тайну. Они всѣ вмѣстѣ отправились къ графу Алансонскому искать суда и расправы. Но такъ какъ де-Гри увѣрялъ, что онъ въ означенный день никуда не уѣзжалъ изъ Алансона, и его видѣли тамъ въ 4 часа утра, а затѣмъ самъ графъ видѣлъ его въ 10 часовъ, разстояніе же между городомъ и замкомъ было 24 льё, то графъ не далъ вѣры словамъ дамы, и приказалъ всѣмъ ея друзьямъ оставить это дѣло безъ послѣдствій.

Но де-Карружъ обратился къ парижскому парламенту, который судилъ ихъ полтора года (въ это время графъ былъ такъ сердитъ на рыцаря, что готовъ бы былъ его убить, еслибы смѣлъ). Наконецъ парламентъ, не имѣя твердыхъ основаній рѣшить дѣло, назначилъ судебный поединокъ. Это происходило въ 1387 году, когда король былъ въ отсутствіи. Узнавъ о назначеніи суда Божія, король пожелалъ на немъ присутствовать со своими вельможами.

Въ назначенный день, на площади св. Екатерины въ Парижѣ, въ присутствіи короля и множества народа, происходилъ бой. Передъ началомъ его, рыцарь де-Карружъ подошелъ къ женѣ, которая сидѣла на черной колесницѣ и въ черномъ платьѣ, и сказалъ ей: „Основываясь на вашихъ словахъ, я рискую моей жизнью; вы знаете, правое ли мое дѣло". Она отвѣчала: „Господинъ мой! правда на вашей сторонѣ, и вы побѣдите". „Да будетъ такъ, во имя Божіе", сказалъ рыцарь, поцѣловалъ ее, пожалъ ей руку и перекрестился. Тогда противниковъ поставили другъ противъ друга и „велѣли дѣлать то, зачѣмъ они явились". Пока продолжалась битва, дама усердно молилась Богу и Богородицѣ, и она должна была такъ поступать, говоритъ Фруассаръ, потому что, еслибы мужъ ея былъ побѣжденъ, онъ былъ бы повѣшенъ, а она сожжена живою.

Противники бились сперва на коняхъ, но такъ какъ они оба хорошо владѣли оружьемъ, то изъ этого ничего и не вышло. Тогда они соскочили на землю и начали рубиться мечами. Сперва де-Карружъ былъ раненъ, но потомъ онъ одолѣлъ обидчика, повергъ его на землю и проткнулъ его мечемъ; тѣло де-Гри было передано палачу, который и вздернулъ его на висѣлицу.

Любопытно, что другія свидѣтельства отрицаютъ виновность де-Гри: говорятъ, будто жена рыцаря была оскорблена кѣмъ то другимъ, кто потомъ и сознался. Это былъ послѣдній судебный поединокъ во Франціи, назначенный парламентомъ.

Къ средневѣковымъ историкамъ причисляютъ и Филиппа де-Комина (род. въ 1445 г., ум. въ 1509 г.), который служилъ Филиппу Доброму и Карлу Смѣлому Бургундскимъ, а потомъ королямъ Людовику XI и Карлу VIII, и описалъ событія отъ 1464—1498 г. Но

Digitized by Google

Филиппъ де-Коминъ не имѣетъ ни одного изъ свойства наивныхъ средневѣковыхъ хроникеровъ; онъ человѣкъ вдумчивый, умный политикъ, политическій писатель въ современномъ смыслѣ слова; мелкіе факты не интересуютъ его вовсе, крупные онъ старается поставить въ прагматическую связь; онъ интересуется администраціей, финансами, устройствомъ войска и пр. Хотя онъ не получилъ классическаго образованія, даже совсѣмъ не зналъ по латыни, но по складу своего ума, онъ всецѣло принадлежитъ къ эпохѣ возрожденія.

Переходимъ къ послѣднему крупному явленію средневѣковой литературы: французской лирикѣ XV столѣтія. Мы остановимся только на двухъ ея представителяхъ, хотя французскихъ поэтовъ этого времени считаютъ сотнями, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. Alain Chartier (1390—1449 г.), прозванный père de l'éloquance, пользовались у современниковъ большою славою; но въ нашихъ глазахъ это не поэты, а стихослагатели, упражнявшіеся съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ въ подражаніи труверамъ-рыцарямъ, съ привнесеніемъ въ ихъ пустословіе скучнаго аллегоризма. Одинъ изъ тѣхъ, кого назовемъ мы, имѣетъ значеніе, какъ лучшій представитель рыцарской пустословной лирики, доведшій ея достоинства до высшей точки, а недостатки до минимума. Другой поэтъ изъ народа, даровитый предвозвѣстникъ новой школы. Карлъ Орлеанскій, сынъ Людовика Орлеанскаго, одного изъ правителей государства во время безумія Карла VI, родился въ 1391 году; почти мальчикомъ съ 1407 г., онъ долженъ былъ стать во главѣ своей партіи и мстить бургундцамъ за убитаго ими отца. 24 лѣтъ отъ роду онъ участвовалъ въ битвѣ при Азенкурѣ, былъ вытащенъ изъ-подъ груды мертвыхъ тѣлъ тяжело раненымъ, и 25 лѣтъ томился въ англійскомъ плѣну, правда, не особенно жестокомъ. Въ его судьбѣ трагично то, что онъ, человѣкъ отъ природы съ чрезвычайно тонкимъ чуствомъ и пониманіемъ прекраснаго, съ нѣжной и любящей, но не особенно энергичной душою, долженъ былъ бороться съ кровожадными, сильными людьми, или, что того еще хуже—быть ихъ предводителемъ. Вернувшись на родину, послѣ того, какъ за него былъ заплаченъ огромный выкупъ, онъ уѣхалъ въ свой замокъ Блуа, гдѣ старался держаться подальше отъ политики. Онъ умеръ въ 1465 г., оставивъ болѣе 600 стихотвореній различныхъ родовъ. Такъ какъ большая часть его произведеній была написана имъ въ плѣну, во многихъ изъ нихъ замѣчается грустный, меланхолическій оттѣнокъ; но въ другихъ отношеніяхъ они представляютъ квинтъэссенцію любовной лирики въ духѣ трубадуровъ, получившей, подъ вліяніемъ Roman de la Rose, чрезвычайную наклонность къ олицетворенію нравственныхъ понятій. Масса его балладъ и рондо есть ничто иное, какъ обработка отдѣльныхъ мѣстъ изъ знаменитаго романа. Все

Digitized by Google

у него учтиво и размѣрено; языкъ до того чистъ, что во всѣхъ шестистахъ стихотвореніяхъ нельзя найти ни одного плебейскаго выраженія; владѣетъ онъ имъ мастерски. Его любовныя стихотворенія—выраженія той же самой «игры въ любовь», «ухаживанія», которыя мы видѣли въ Провансѣ и увидимъ во Франціи даже въ XVII вѣкѣ; въ нихъ вступаетъ онъ въ разговоры со своею мыслію, сердцемъ и проч. Болѣе искренности въ его стихотвореніяхъ, выражающихъ тоску по родинѣ, но и тамъ встрѣчается корабль Надежды (nef d'Espérance). Мы приведемъ одно изъ его наиболѣе удачныхъ и веселыхъ стихотвореній.

„Обошли Францію по многимъ мѣстамъ вѣсти, будто я умеръ; этому порадовались тѣ, кто меня несправедливо ненавидитъ; это опечалило моихъ добрыхъ и искреннихъ друзей. Да будетъ извѣстно всѣмъ людямъ, что мышка еще жива.

По милости Божіей со мною не случилось никакой бѣды; я силенъ и здоровъ, и провожу время въ надеждѣ, что миръ, который очень долго спитъ, проснется и всѣмъ доставитъ радость. Поэтому пусть будутъ прокляты Богомъ тѣ, которымъ горько видѣть, что мышка еще жива (qu'encore est vive la souris).

А вотъ 2 образца его любовныхъ пѣсенъ, кансона и баллада.

1) „Снабдите крѣпость моего сердца провіантомъ радости и удовольствія: Ложное Опасеніе со своими союзниками осадило его со стороны замка Горести. Если не хотите безъ замедленія снять осаду, прорвать ее силою, снабдите крѣпость моего сердца провіантомъ радости и удовольствія.

Не потерпите, чтобы Опасеніе, завладѣло тѣмъ, что принадлежитъ вамъ. Впередъ! Охраняйте свою честь! Подкрѣпите замокъ моего сердца".

2) „Не такъ давно я потихоньку говорилъ съ моимъ сердцемъ и совѣтовалъ ему бросить всякую мысль о любви, но оно смѣло сказало мнѣ: „Не говорите мнѣ объ этомъ, прошу васъ; я вѣчно буду любить съ помощію божіею. Я вѣдь выбрало первую красавицу; такъ донесли мнѣ глаза мои.

Я сказалъ; „Извините меня, я вамъ совѣтъ, далъ по чистой совѣсти. Развѣ вы хотите не видать облегченія и умереть съ горя?—Вовсе нѣтъ, мнѣ достанется лучшій удѣлъ: дама весело посмотрѣла на меня; такъ донесли мнѣ глаза мои.

„Думаете ли вы, сказалъ я, по одному взгляду узнать безъ ошибки всѣ ея мысли? Вѣдь и улыбающіеся глаза обманываютъ.—Молчите, говоритъ сердце, я ничему не вѣрю, что говорятъ; я вездѣ буду служить моей дамѣ: она обладаетъ всѣми достоинствами; такъ донесли мнѣ глаза мои".

Франсуа Виллонъ *), студентъ парижскаго университета, кутила, скандалистъ, кабацкій завсегдатай и даже хуже того: мошенникъ; изъ кабака переходилъ онъ въ тюрьму, изъ тюрьмы въ кабакъ; вѣчно нуждающійся, онъ даже передъ висѣлицей не терялъ своей веселости и остроумія: его муза—истина во всей наготѣ; но въ то же время въ его произведеніяхъ есть жилка мечтательной задушевности, возвышающая его временами до истинно поэтическаго одушевленія.

Онъ родился въ Парижѣ около 1431 г. въ бѣдной плебейской семьѣ и рано потерялъ отца; вѣроятно, благодаря помощи добраго свя-

*) Настоящая фамилія его Montcorbier, Виллонъ была фамилія одного священника, которому онъ обязанъ болѣе, чѣмъ отцу родному.

Digitized by Google

щенника Виллона, попалъ онъ въ университетъ; 19 лѣтъ пріобрѣлъ онъ степень баккалавра, а 21 г., т.-е. едва достигнувъ требуемаго закономъ возраста,—степень магистра искусствъ. Изъ этого видно, что онъ занимался довольно усердно, что не мѣшало ему однако посѣщать таверны и бывать въ обществѣ юныхъ кутилъ,

Ловкихъ пѣвцовъ, говоруновъ,
Забавныхъ на словахъ и въ дѣлѣ.

Другимъ эти забавы юности не помѣшали впослѣдствіи достигнуть виднаго общественнаго положенія, но Францискъ Виллонъ былъ не такъ счастливъ: онъ занимался богословіемъ и давалъ уроки, какъ вдругъ въ 1455 году надъ нимъ стряслась бѣда; онъ поссорился, повидимому, не по своей винѣ, на улицѣ съ однимъ священникомъ и камнемъ пробилъ ему голову. Священникъ умеръ, а Виллонъ принужденъ былъ бѣжать и скрываться. Шатаясь по Парижу и его окрестностямъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ свелъ дружбу съ подонками общества, съ ворами и мошенниками, изъ которыхъ впрочемъ многіе, подобно Виллону, имѣли ученыя степени и считались клериками. Королевскимъ письмомъ Виллонъ былъ освобожденъ отъ наказанія, но не могъ уже начать прежнюю трудовую жизнь. Вскорѣ онъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ воровствѣ, оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ и руководителей опасной шайки, и былъ присужденъ къ повѣшенію. Вслѣдствіе его апелляціи къ парламенту казнь была замѣнена изгнаніамъ, и Виллонъ пошелъ шататься по свѣту. Въ 1461 году онъ опять сидитъ въ тюрьмѣ, и только милостивый манифестъ по поводу восшествія на престолъ Людовика XI спасъ ему жизнь и возвратилъ свободу. О послѣднихъ годахъ его жизни мы не имѣемъ свѣдѣній.

Произведенія Виллона по своему тону не походятъ на произведенія его предшественниковъ и не могутъ быть подведены ни подъ одну изъ извѣстныхъ рубрикъ. Характеръ его поэзіи—чисто субъективный: его жизнь, его идеи, люди, его окружающіе—единственный предметъ ея. Въ ней находимъ мы мірокъ людей, поставленныхъ очень низко на ступеняхъ общественной лѣстницы, но людей весьма интересныхъ.

Чрезвычайно любопытно найдти у поэта XV вѣка изображеніе частной жизни, наивную не безъ ѣдкости откровенность, равно далекую отъ хвастовства и лицемѣрія. Виллонъ говоритъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, о своихъ заблужденіяхъ, о несчастіяхъ; онъ жалуется, но безъ горечи и скорби; онъ воспѣваетъ свою бѣдность, не потому что онъ имѣетъ намѣреніе разжалобить публику, но потому, что онъ поэтъ и его бѣдность имѣетъ свою поэтическую сторону. Онъ первый изъ французовъ изобрѣлъ поэзію обыденной жизни, юмора и санти-

Digitized by Google

ментализма въ лучшемъ значеніи этого слова. Его творчество не требуетъ усилій; онъ творитъ потому, что лучше другихъ видитъ и сильнѣй чувствуетъ; его грація—естественное движеніе мысли. Читатель будто видитъ передъ собой одного изъ тѣхъ веселыхъ дѣтей Парижа, остроумныхъ и ловкихъ, къ которымъ такъ идутъ ихъ лохмотья. Выборъ сюжетовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ его манерѣ писать; онъ не трудится надъ созданіемъ ихъ, но подбираетъ свою поэзію у ногъ своихъ, на улицахъ, часто, увы! въ лужахъ Парижа. Въ одинъ прекрасный день, онъ, подобно Сен-Пре и Вертеру, покидаетъ родной городъ, чтобы заглушить въ себѣ несчастную страсть; онъ отправляется очень далеко въ Анжеръ и считаетъ нужнымъ сдѣлать кое-какія распоряженія относительно своего имущества. Пьяница пусть унаслѣдуетъ его боченокъ; бѣдные клерики могутъ получить его университетскій дипломъ, который, увы! не обогатитъ ихъ; а одному слишкомъ толстому пріятелю онъ оставляетъ два своихъ процесса: они подтянутъ его брюшко. Подобнымъ же образомъ шутя и насмѣшничая онъ перебираетъ все, что окружаетъ его.

Это такъ называемое «малое завѣщаніе»; по отношенію къ главному произведенію Виллона «большому завѣщанію», сочиненному имъ въ полной силѣ таланта и возраста, на 30-мъ году жизни—это только легкій эскизъ. Кто будетъ сравнивать ихъ, ясно увидитъ, что пять лѣтъ, протекшія между ними, тяжело достались поэту. Онъ «выпилъ не одну чашу позора» и страданіе «заострило его чувства болѣе, чѣмъ всѣ комментаріи Аверроэса на Аристотеля». Онъ начинаетъ съ того, что бросаетъ грустный взглядъ на свое прошедшее и признается въ своихъ заблужденіяхъ. Онъ признаетъ себя грѣшникомъ, но бѣдность виновата во всѣхъ его проступкахъ: она подточила его жизнь, сдѣла ее безполезной. Виллонъ прекрасно выражаетъ меланхолическую скорбь о быстро бѣгущемъ, невозвратимомъ времени; онъ придаетъ поэтическій блескъ самымъ вульгарнымъ типамъ, смотря на нихъ черезъ призму прошедшего. Какъ мила, напр., эта старушка-оружейница, когда-то рѣзвая молодая дѣвушка; теперь она сидитъ сгорбившись съ своими кумушками; «онѣ сжались въ одну кучу, какъ клубки; костеръ то вспыхнетъ, то потухнетъ, а онѣ говорятъ о томъ времени, когда онѣ были такъ привлекательны».

«Скажите мнѣ, говоритъ поэтъ, въ какой сторонѣ теперь Флора, прекрасная римлянка Архиспада, Таиса, ея двоюродная сестра? Гдѣ божественно прелестная Эхо, отвѣчающая на всякій шумъ надъ рѣкою или надъ прудами? Иль скажите мнѣ, гдѣ прошлогодній снѣгъ?»

«Гдѣ премудрая Элоиза, за которую пострадалъ и пошелъ въ монахи Сенъ-Денисскій Абеляръ, вѣдь за любовь постигла его бѣда. Скажите также, гдѣ королева, изъ-за которой Буридонъ былъ бро-

Digitized by Google

шенъ въ мѣшкѣ въ Сену? Иль скажите мнѣ, гдѣ прошлогодній снѣгъ?

«Гдѣ королева Бланка, бѣлая какъ лилія, обладавшая голосомъ сирены? Берта съ большими ногами, Беатриса, Алиса, Эрембурга, властительница Мена, и Жанна, добрая Лорренка, которую англичане сожгли въ Руанѣ? Гдѣ всѣ онѣ, о матерь Дѣва? Иль скажите мнѣ, гдѣ прошлогодній снѣгъ»?

Роясь въ своихъ собственныхъ воспоминанікхъ, онъ доходитъ до возвышенныхъ мыслей о кратковременности жизни, о бренности человѣческой природы. Наивный поэтъ пораженъ этимъ открытіемъ и съ волненіемъ сообщаетъ его намъ. Такимъ-то образомъ умѣетъ онъ отъ личнаго переходить къ общечеловѣческому, отъ своихъ бѣдствій къ бѣдствіямъ всѣхъ людей и, соединяя свою судьбу съ судьбами человѣчества, внушаетъ намъ интересъ къ своей личности.

«Когда бѣдность мучила меня, мнѣ часто говорило сердце: не скорби, что ты не такъ богатъ, какъ Жакъ Керъ: лучше жить въ сермягѣ бѣднякомъ, чѣмъ гнить подъ богатымъ монументомъ.

Умеръ мой отецъ. Богъ да спасетъ его душу, а тѣло его взято могилой. Слышу я, что моя мать умретъ: и бѣдная женщина знаетъ это, и ея сынъ не уцѣлѣетъ. Я знаю, что богатые и бѣдные, мудрецы и безумные, духовные и свѣтскіе, благородные и мужики, щедрые и скупые, великіе и малые, красивые и дурные, вѣчно нарядныя дамы, люди всѣхъ сословій не избѣгнутъ когтей смерти.

Умираетъ Парисъ и Елена, и смерть сопряжена съ страданіемъ: дыханіе прерывается, сердце лопается отъ желчи, все тѣло обливается потомъ. И это не такая боль, въ которой можно получить облегченіе! Ни дѣти, ни братъ, ни сестра не возьмутъ ея на себя.

Умирающій дрожитъ и блѣднѣетъ; носъ его пригибается къ губамъ, жилы и суставы вытягиваются, мускулы дрябнутъ. Нѣжное женское тѣло, гладкое, атласистое и граціозное! ужели и тебя постигнутъ эти бѣды? Непремѣнно, если не возьмутъ тебя живьемъ на небо!»

Картины не изящны, но нельзя отрицать силы выраженія. Ту же тему и въ сходныхъ образахъ со страстію разрабатываетъ искусство переходной эпохи; «пляска мертвыхъ» (Danses Macabres) едвали не самый любимый предметъ его въ эту эпоху. Идеалистъ первой половины среднихъ вѣковъ охотно останавливался мыслію на смерти, но не ради ея самой, а ради послѣдующей за ней новой жизни; не судьба бреннаго тѣла интересовала его, а судьба безсмертнаго духа; о постепенномъ разрушеніи перваго говорилъ онъ только за тѣмъ, чтобы заставить другихъ болѣе обратить вниманія на спасеніе души. У Виллона и его современниковъ не то: ангелъ и бѣсъ не стоятъ у одра умирающаго; рай не манитъ его, адъ не пугаетъ, а мысль о

Digitized by Google

смерти не покидаетъ его и вызываетъ реально-отвратительныя картины. Старые идеалы разрушены, новые еще не успѣли создаться, а эпикурейской беззаботности мѣшаетъ мысль о неизбѣжной бѣдѣ.

Въ ближайшемъ потомствѣ судьба Виллона и судьба Карла Орлеанскаго были совершенно различны: послѣдній, какъ поэтъ, былъ безусловно забытъ, и его стихотворенія откопали въ пыли библіотекъ чуть не въ послѣднее время, между тѣмъ стихотворенія Виллона были изданы до 1542 года 29 разъ; между прочимъ его чрезвычайно высоко ставилъ первый лирикъ эпохи Возрожденія, Клеманъ Маро; да и самъ Буало, такъ строго относившійся ко всей средневѣковой лирики, считаетъ Виллона большимъ талантомъ. Мы до сихъ поръ не можемъ разобраться въ томъ, какія его стихотворенія написаны имъ самимъ, и какія его подражателями. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что Виллонъ оставилъ послѣ себя цѣлую школу. Р.

Заключительная глава.

Западная Европа наканунѣ возрожденія.

Великія общественныя бѣдствія часто оказываютъ прогрессу огромныя услуги: они заставляютъ общество оглянуться на себя, отнестись критически къ установившимся порядкамъ и, убѣдившись въ ихъ несовершенствѣ, начать новую, на первое время скорѣе разрушительную работу, въ которой, однако, всегда можно усмотрѣть болѣе или менѣе ясно сознаваемый планъ будущей постройки.

Въ половинѣ XIV вѣка Европа подверглась опустошенію отъ страшнаго мороваго повѣтрія. Въ Германіи, гдѣ несмотря на энергическія выходки Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде и другихъ передовыхъ людей, народъ все же оставался въ строгомъ подчиненіи авторитету котолическаго духовенства, во время язвы ходило по рукамъ во множествѣ списковъ письмо, будто бы написанное ни болѣе, ни менѣе, какъ самимъ Спасителемъ, письмо, въ которомъ божественный учитель жестоко казнитъ пороки и подрываетъ авторитетъ своихъ непосредственныхъ служителей. Самобичеватели, имѣвшіе въ то время огромный успѣхъ, какъ извѣстно, не признавали іерархіи и исповѣдовались другъ другу.

Ясно, что даже терпѣливые и тяжелые на подъемъ германцы возмутились духомъ. Въ воздухѣ запахло гарью папской буллы, сжигаемой августинскимъ монахомъ; недалеко время крестьянской войны.

Сто лѣтъ назадъ въ той же Германіи, несмотря на всѣ ужасы междуцарствія, какъ ни страдали люди отъ внѣшнихъ, случайныхъ бѣдствій, внутренно они чувствовали себя очень покойно: идеалы были ясны и опредѣленны. Стоило только нѣмецкимъ князьямъ согласиться

Digitized by Google

на счетъ того, кого поставить надъ собой главою; стоило только этому главѣ какъ-нибудь устроиться съ св. отцемъ и разрушить нѣсколько разбойничьихъ замковъ, и все приходило въ должный порядокъ. Конечно, люди всегда были людьми, и бѣдный всегда завидовалъ богатому, но коренной ненависти между сословіями не было. Частныя выраженія неудовольствія не мѣшали общему убѣжденію, что такой порядокъ вещей устроенъ самимъ Богомъ: владѣтельные князья должны господствовать и являть міру образцы величія, наказывать ослушниковъ, собирать подати съ народа и кормить на эти деньги сотни приживальщиковъ и дружину; рыцари должны сражаться и блистать при дворахъ; духовенство — заботиться о спасеніи душъ христіанскихъ, ученые—о наукѣ, а прочія сословія—довольствоваться скромной долей. Заканчивая, повидимому, правдивую исторію о сынѣ мельника Гельмбрехтѣ, который, поступивъ на службу къ рыцарю-разбойнику, попадаетъ вмѣстѣ съ своими товарищами въ руки правосудія и за разбой лишается глазъ, руки и ноги, а потомъ и самой жизни, авторъ въ заключеніе порицаетъ не порядки, при которыхъ рыцарь-разбойникъ спокойно сидитъ въ своемъ замкѣ, и любезничаетъ съ дамами въ то время, какъ его несчастныя орудія корчатся на висѣлицѣ; все это, повидимому, такъ и быть должно,—а несчастнаго Гельмбрехта, который былъ недоволенъ скромной долей мельника: «если дѣти вздумаютъ быть сами себѣ господами и по глупости захотятъ подняться выше своего званія, съ ними случится то же, что съ Гельмбрехтомъ, и подѣломъ»! Не успѣло послѣ язвы отойти къ предкамъ одно поколѣніе, какъ вражда сословій стала лозунгомъ дня. XV вѣкъ во всей средней Европѣ—вѣкъ, если можно такъ выразиться, принципіальной ненависти, сказывающейся то въ открытой борьбѣ, то въ злобныхъ обличеніяхъ и насмѣшкахъ, вѣкъ отрицанія прежнихъ идеаловъ. Духовенство, до тѣхъ поръ благодушествовавшее въ сознаніи своего всемогущества, относившееся съ нѣкоторой кротостью даже къ врагамъ своимъ, теперь чувствуетъ, какъ почва колеблется подъ его ногами, и съ страшной злобою начинаетъ преслѣдовать всякое проявленіе самосознанія мірянъ; бюргеры почувствовали зависть и ненависть къ дворянамъ; крестьяне проклинаютъ и бюргеровъ, и дворянъ, и аббатовъ; дворяне возмущаются противъ авторитета владѣтельныхъ князей, князья—противъ императорской власти. Всѣ стали необыкновенно завистливы къ чужимъ прерогативамъ и ревнивы къ своимъ собственнымъ. Идеальное міровоззрѣніе все больше и больше подавляется самымъ рѣзкимъ матеріализмомъ, и напрасно пытаются спасти его люди, видящіе золотой вѣкъ въ прошедшемъ; они сами лишены силы и могутъ только повторять зады, пережевывать старое, причемъ иногда помимо ихъ воли интересы и духъ времени даютъ себя чувствовать

Digitized by Google

и въ продуктахъ ихъ трудолюбія (за примѣрами ходить недалеко: любой эпическій сюжетъ, не потерявшій популярности до XV вѣка, доставитъ ихъ въ достаточномъ количествѣ). Поклоненіе женщинѣ уступило мѣсто насмѣшкамъ надъ ея распутствомъ или глупостью, и правнуки трубадуровъ и миннезингеровъ являются въ судѣ свидѣтелями противъ колдуній. Трактаты на тему, «quod omnis mulier naturaliter esset meretrix» (каждая женщина распутна, уже по своей природѣ) охотно переводятся на всѣ языки. Фабліо и швенки принимаютъ такой безстыдный колоритъ, что даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ можно приводить ихъ только въ текстѣ. Это распутство въ литературѣ служитъ несомнѣннымъ выраженіемъ того, что̀ было въ жизни; проституція въ большихъ городахъ разростается въ этомъ вѣкѣ; да и такъ называемое общество, несмотря на то, что свобода отношеній между полами, допускавшаяся въ вѣкъ трубадуровъ и миннезингеровъ, исчезла, никакъ не выиграло въ нравственномъ отношеніи.

Во всѣхъ передовыхъ странахъ не только падаетъ поэзія, но значительно портится и самый литературный языкъ; въ него вторгается въ безпорядкѣ и часто безъ нужды масса словъ и оборотовъ изъ мѣстныхъ говоровъ; его старыя формы разложились, а новыя еще не успѣли сложиться; все находится въ періодѣ броженія. То, что рѣзко бросается въ глаза въ такой скромной области, какъ литературный языкъ, замѣчается и въ широкомъ потокѣ политической жизни. Все столѣтіе занято попытками преобразовать существующій порядокъ, ставшій для многихъ положительно невыносимымъ. Но хотя старое уже никуда не годно, новое еще не назрѣло, и реформаторы гибнутъ, устилая своими трупами путь для болѣе счастливыхъ наслѣдниковъ. Плоды этихъ неудачныхъ попытокъ стали видны только впослѣдствіи; а въ то время, напротивъ, казалось, что безплодность ихъ дѣлаетъ реформу на всегда невозможною.

Тяжело было жить въ эту пору «шатанія»; искреннѣе и съ большимъ правомъ, чѣмъ когда-нибудь люди вздыхали о доброй старинѣ. Въ XV вѣкѣ жалобы на тяжелыя времена—не реторическая фигура, а искреннее выраженіе душевной боли. Всѣ чувствовали, какъ разрушается старое зданіе, а для новаго, какъ многіе думали, еще не было и не могло быть ни одного готоваго камня.

Но теперь, по прошествіи четырехъ столѣтій намъ легко видѣть во всѣхъ безъ исключенія областяхъ жизни того времени огромную творческую работу, и печальный XV вѣкъ въ нашихъ глазахъ — не поздняя осень средневѣковой жизни, а ранняя весна новой Европы, когда шумные и грязные потоки уносятъ всю нечисть зимы; не старческую немощь, а неистощимую юношескую силу проявляетъ въ это время западная Европа, бо̀льшую, чѣмъ когда бы то ни было.

Digitized by Google

Оставляя въ сторонѣ языкъ, гдѣ, какъ очевидно для всякаго, долгая устойчивость старыхъ формъ и стараго лексикона есть зло, такъ какъ она захватываетъ и самую мысль, гдѣ вторженіе провинціализмовъ и варваризмовъ отъ времени до времени также необходимо, какъ поливка для зелени, какъ пища для живаго организма, обратимся къ другимъ областямъ духовной жизни.

Поэзія XV в. не производительна; въ ней нѣтъ великихъ именъ; поэты только компиляторы и подражатели; писцы XV в., сравнительно съ своими предшественниками, безграмотны, иногда даже безсмыслены—все это правда. Но за то въ XV в. было написано, пожалуй, вдвое больше, чѣмъ въ три предшествовавшія столѣтія, и самый жалкій видъ этихъ рукописей и малограмотность ихъ доказываютъ ихъ демократическое назначеніе: онѣ предназначались для народа.

Первое отрадное и важное явленіе эпохи, предшествующей возрожденію,—широкое сравнительно съ прежнимъ распространеніе грамотности, образованія и выступленіе на арену новаго великаго дѣятеля—простонародія; съ тѣмъ вмѣстѣ и въ области искусства, и въ области науки входитъ въ силу великое начало, которое для прогресса не менѣе важно, чѣмъ открытіе древнихъ памятниковъ—начало реализма.

Еще въ XIV столѣтіи въ средней Европѣ было открыто нѣсколько университетовъ. Въ 1348 г. Пражскій, въ 1365 г. Вѣнскій, въ 1387 г., Гейдельбергскій, въ 1388 г. Кельнскій, въ 1392 г. Эрфуртскій; въ XV в. число ихъ удвоивается. Въ срединѣ XV в. число студентовъ вѣнскаго университета доходило до семи тысячъ, и между ними была масса дѣтей крестьянъ и бѣдныхъ мѣщанъ. Самый многочисленный факультетъ, составлявшій не половину, а болѣе трехъ четвертей всего университета, былъ факультетъ артистовъ (artium liberalium), и въ немъ демократическій элементъ былъ до того силенъ, что даже власти и профессора факультета, не отличавшіеся, какъ извѣстно, въ то время духомъ независимости по отношенію къ высшимъ сословіямъ, положили не давать студентамъ дворянскаго происхожденія особыхъ почетныхъ мѣстъ—до тѣхъ поръ сыновья герцоговъ и графовъ, хотя бы они были простые студенты, въ торжественныхъ процессіяхъ шли вмѣстѣ съ ректоромъ и докторами теологіи;—обиженные аристократы перешли въ юристы *).

Студенты изъ простонародья бывали, конечно, и прежде; но въ старые годы они затирались между представителями другихъ сословій и теряли характерныя черты; теперь они составляютъ большинство и остаются до самой доткорской шапки такими же поклонниками св. Гробіана, какъ ихъ отцы и братья въ деревнѣ. Именно въ это время

*) H. etc. Aschbach. Geschichte der Wiener Universität, I, 1865.

Digitized by Google

въ Вѣнѣ начинается длинный рядъ уличныхъ дракъ студентовъ съ гражданами и ссоръ университета съ начальствомъ города, доходившихъ до самого герцога. Любопытно начало одного изъ первыхъ столкновеній. Лѣтомъ 1443 г. въ городъ возвращалась съ прогулки толпа студентовъ. На узкомъ мосту ей встрѣтился какой-то баронъ, ѣхавшій верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ. Одинъ студентъ, будто нечаянно, кольнулъ въ бокъ лошадь барона; она взвилась на дыбы и сбросила сѣдока. Студенты захохотали. Вооруженная свита барона бросилась на нихъ. Конечно, и студенты носили оружіе, несмотря на запрещеніе, но не всѣ и не въ большомъ количествѣ, и имъ пришлось плохо. Тогда они подали голосъ товарищамъ, и у нихъ явились многочисленные помощниками. Но и къ барону подоспѣла помощь: за него вступились горожане. Въ результатѣ одинъ студентъ былъ убитъ на мѣстѣ, одинъ раненъ смертельно и многіе легко ранены. Когда студентамъ въ дракѣ приходилось плохо, они обращались къ своему начальству, и не напрасно: поддерживая честь университета, ректоръ требовалъ отъ гражданъ выдачи виновныхъ и освобожденія плѣнныхъ. Если граждане не соглашались, университетъ обращался къ государю и, въ случаѣ отказа, грозилъ удалиться изъ города. Хотя многія сотни вѣнцевъ жили тѣмъ, что основали квартиры студентамъ, поили, кормили и одѣвали ихъ, горожане-заправители готовы были закричать университету: съ богомъ! 5—7000 буйной молодежи не доставляли особаго удовольствія ни имъ, ни ихъ женамъ и дочерямъ. Но государи оказывались болѣе склонными поддерживать науку, чѣмъ ихъ потомки два столѣтія спустя: они нуждались въ духовной силѣ, нуждались въ образованныхъ чиновникахъ, и всегда были готовы удовлетворить требованія университета. Они даже терпѣли отъ университета противорѣчія въ самыхъ важныхъ вопросахъ политики. Во время схизмы бывали такіе случаи, что университетъ высказывался не за того папу, за какого государь, платившій профессаромъ жалованье. И почтеніе князей къ наукѣ скоро принесло имъ огромную пользу: когда наступила пора гуманизма, ученые убѣдили графовъ, рыцарей, бюргеровъ и даже епископовъ, что государь вовсе не primus inter pares, не орудіе духовнаго начальства, а августъ, земной богъ, связанный только тѣмъ, чѣмъ онъ захочетъ связать себя. Отъ права составлять государство въ государствѣ гуманисты отказались безъ борьбы, по собственной охотѣ.

Появленіе народа въ храмъ науки стоитъ въ связи съ развитіемъ вкуса къ реальнымъ знаніямъ. Еще въ концѣ XIV вѣка вопросы схоластической теологіи составляли въ Вѣнѣ главный интересъ дня, но въ серединѣ XV в. лучшіе умы привлекаются положительными на-

Digitized by Google

уками; чтобы показать, какъ высоко стояли въ Вѣнѣ математическія науки, достаточно назвать имя одного Регіомонтана. Реалисты—большею частію они же и гуманисты (первыя лекція о классикахъ читаются математиками и астрономами) — пользуются большимъ почетомъ, имѣютъ многочисленныя аудиторіи; уже съ самаго констанцскаго собора въ воздухѣ виситъ гроза для схоластики, всѣми чувствуется потребность въ научной реформѣ; но университеты еще въ продолженіе цѣлаго поколѣнія упорно держатся за старый порядокъ вещей и когда въ 1422 г. магистръ Христіанъ изъ Траунштейна осмѣлился доказывать безполезность диспутаціи de quolibet, безсмысленнѣйшаго діалектическаго упражненія, которымъ уже давно тяготились многіе изъ лучшихъ профессоровъ, его вытолкнули изъ факультета, какъ заразу.

Вотъ характерный фактъ изъ исторіи того же вѣнскаго университета. Въ первой половинѣ столѣтія славу университета составлялъ достойный предшественникъ Регіомонтана математикъ и астрономъ Іоаннъ изъ Гмундена († 1442 г.). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ профессорства, онъ дѣлается студентомъ богословія, повидимому, выдерживаетъ обычный шестилѣтній искусъ и только тогда допускается къ чтенію лекцій по объясненію сентенцій Петра Ломбардскаго. Было ли это слѣдствіемъ благочестія Іоанна? Никоимъ образомъ: онъ скучалъ шесть лѣтъ на лекціяхъ для формы и послѣ того отдавалъ всю свою энергію излюбленнымъ занятіямъ. Дѣло въ томъ, что жалованье и сборъ за слушаніе лекцій обезпечивали слишкомъ плохо профессора-артиста, а астрономъ нуждался въ деньгахъ больше, чѣмъ діалектикъ; вполнѣ обезпечивали профессора только каноникатъ и приходы, бывали случаи, что стремясь къ нимъ, докторъ двухъ факультетовъ, давно убѣленный сѣдинами, дѣлался студентомъ богословія.

На несчастіе Іоанна изъ Гмундена между трудами по его спеціальности, сохранился и курсъ, читанный имъ по богословію,—о позоръ!— этотъ курсъ, оказался списаннымъ до слова изъ Дунса Скота.

Съ этимъ мы сопоставимъ фактъ совсѣмъ, повидимому, изъ другой категоріи и случившійся за сто лѣтъ передъ тѣмъ, но въ южно-романской Европѣ, а извѣстно, что тамъ канунъ возрожденія былъ много раньше, и въ XV вѣкѣ Италія жила уже совсѣмъ другою жизнью.

Петрарка, сильно мучимый совѣстью за свою любовь къ Лаурѣ, нисколько не тяготился связью съ женщиной низкаго происхожденія и, повидимому, не особенно безукоризненнаго поведенія; онъ имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей, которыхъ открыто признавалъ своими; не только никто не упрекалъ его за это, но и благосклонный къ нему папа особою буллой узаконилъ сына священника Петрарки.

Оба факта показываютъ, что формы средневѣковой жизни уста-

Digitized by Google

рѣли до крайности, что машина скрипитъ, негодна для новыхъ потребностей, что полная перестройка ея—вопросъ времени.

Возвращаемся къ поэзіи или къ тому, что въ то время заступало ея мѣсто. Вслѣдствіе распростаненія грамоты въ народѣ, чувствуется болѣе сильная, чѣмъ когда-нибудь прежде, потребность въ чтеніи, и для ея удовлетворенія переводятся или передѣлываются всевозможные романы (этотъ всеобъемлющій родъ поэзіи именно тогда получилъ огромное значеніе); всему рады, только бы было ново. Впрочемъ не брезгаютъ и старымъ, если оно занимаетъ фантазію и можетъ быть приспособлено къ вкусу публики. Въ Германіи даже національный эпосъ какъ бы снова оживаетъ; и старый Гильдебрандтъ еще пользуется извѣстностью, и его воспитанникъ великій Дитрихъ со всею своею семьею; старыя поэмы передѣлываютъ, распространяютъ, пополняя ихъ эпизодами изъ французскихъ романовъ, Одисеи и всего, что только попадетъ подъ руку, приводятъ ихъ въ извѣстную связь, циклизируютъ. Но въ этихъ передѣлкахъ (помимо нѣсколькихъ противорѣчащихъ тону деталей) нельзя видѣть непосредственнаго выраженія духа времени: фантазія искала отдыха именно въ томъ, что было совсѣмъ непохоже на окружающую жизнь. Духъ времени выражается въ пародіяхъ на эпосъ, въ новой передѣлкѣ «Рейнеке-Фукса», гдѣ именно теперь основная сага измѣняется въ томъ направленіи, что плутъ остается побѣдителемъ. Въ большомъ ходу разсказы о знаменитыхъ обманщикахъ: попѣ Амисѣ, попѣ Каленбергѣ, разсказы, въ которыхъ принципъ тяжелаго времени: vae victis, сливается съ сатирой на духовенство. Началу этого столѣтія принадлежитъ обработка первой нѣмецкой книги, которая получила европейскую извѣстность—исторіи Эйленшпигеля-Совездрала, мужика, дѣлающаго, часто безъ нужды и безъ цѣли, всевозможныя непріятности «порядочнымъ» людямъ. Главный родъ поэзіи въ это время драма, что опять указываетъ на возрастаніе литературной публики, на увеличеніе числа людей, для которыхъ эстетическія удовольствія становятся потребностью. Только въ этомъ столѣтіи во Франціи и Англіи миракль достигаетъ той степени развитія, на которой становится возможнымъ его вліяніе на Шекспира. Въ Германіи Fastnachtspiele сочиняются тысячами; по своему грубому реализму и неприличію они представляютъ полную параллель швенкамъ. Реализмъ и комизмъ вносится въ представленія изъ земной жизни Спасителя: Іосифъ предлагаетъ для новорожденнаго старое платье вмѣсто пеленокъ; Іуда невѣритъ добросовѣстности евреевъ и считаетъ нужнымъ взвѣсить деньги. Мучители Христа возбуждаютъ не только ненависть, но и смѣхъ зрителей; стражи у гроба—трусливые хвастуны. Петръ и Іоаннъ по дорогѣ къ гробу Спасителя бѣгутъ на перегонки; когда три Маріи

Digitized by Google

приходятъ покупать благовонія, онѣ застаютъ лавочника въ дракѣ съ бабой и т. д.

Все это царство св. Гробіана; все это черты, которыя могутъ возмутить чистый вкусъ эстетика, но историку даютъ случай указать на приближеніе времени, когда поэзія не будетъ противуполагать себя дѣйствительности, какъ это бывало въ средніе вѣка, а будетъ служить ея возможно полнымъ выраженіемъ.

Въ то время, какъ толпа, въ первый разъ предъявившая свои требованія по отношенію къ писателямъ, забавлялась такимъ образомъ, представители высшей культуры обратились къ тому суррогату поэзіи, который всегда вступаетъ въ свои права въ эпохи упадка творчества, къ аллегоріи. Но и для хорошей аллегорической поэмы нужна сила; а такъ какъ авторы этихъ аллегорическихъ поэмъ смотрѣли не впередъ, а назадъ, то произведенія въ родѣ «Theuerdank'a» императора Максимильяна также мало отражаютъ духъ времени, какъ и переводные романы. Охотно переписывали, а со времени распространенія книгопечататанія, и печатали старыя дидактическія поэмы, пытаясь въ здоровой простодушной морали стараго времени найти лѣкарство отъ болѣзней эпоха; таковъ «Freidank», одна изъ первыхъ печатныхъ книгъ. Конечно, не всѣ воззрѣнія его автора современны; когда читатель XV вѣка встрѣчалъ фразу: «духовное сословіе почтенно, но жизнь духовенства не всегда внушаетъ должное уваженіе», онъ кивалъ головою въ знакъ согласія, находилъ только, что мысль черезъ-чуръ мягко выражена; но когда онъ читалъ ниже, что «иной свѣтскій человѣкъ надѣлаетъ больше грѣховъ, чѣмъ тысяча духовныхъ лицъ вмѣстѣ», онъ возмущался: куда тамъ тысяча! и одно духовное лице больше зла надѣлаетъ, чѣмъ всѣ мы, грѣшные, вмѣстѣ.

Пластическія искусства всегда и вездѣ служатъ иллюстраціей къ исторіи культуры и человѣческой мысли. Бросивъ бѣглый взглядъ на живопись средней Европы въ XV столѣтіи, мы прежде всего встрѣтимся съ тѣмъ же «шатаніемъ», которое замѣчали въ другихъ областяхъ. Старыя иконописныя формы пали, а до свободнаго искусства масса художниковъ еще не доросла—три столѣтія извѣстный сюжетъ изображался всегда въ однихъ и тѣхъ же формахъ; теперь на одномъ и томъ же алтарѣ или въ одномъ и томъ же молитвенникѣ художникъ изображаетъ Рождество Спасителя въ разныхъ видахъ. Если мы обратимся спеціально къ миніатюрѣ, то увидимъ, вопервыхъ, что въ этомъ столѣтіи рѣзче, чѣмъ когда-нибудь, такъ сказать, аристократическая миніатюра отличается отъ демократической. Ни въ XII, ни даже въ XI столѣтіи не встрѣчается такихъ безобразныхъ миніатюръ, какъ теперь; Богъ знаетъ, на что похожи

Digitized by Google

изображенія; необыкновенно грубы краски, и масса фоліантовъ разрисована только чернилами. Очевидно, художникъ гнался только за скоростью, а для понятности прибѣгалъ къ подписямъ. Это буквально «библіи бѣдныхъ». Зато для богатыхъ романы, молитвенники, богослужебныя книги отдѣлывались замѣчательно хорошо. Въ орнаментахъ этихъ молитвенниковъ цвѣты, неодушевленные предметы, насѣкомыя сдѣланы съ натуры съ необыкновенной тщательностью; изображенія земляники, мака прямо годятся въ ботанику; цвѣта расположены необыкновенно симметрично; встрѣчаются попытки на ландшафтъ. Но рядомъ съ этими изображеніями съ натуры встрѣчаются и чудовищныя животныя: зеленая мышь съ женской физіономіей, какой-то звѣрь съ человѣческимъ лицомъ на задней части тѣла и пр. Какъ въ неприличіи швенокъ и масляничныхъ представленій нѣтъ наивности, а пессимизмъ и сатира, такъ и въ этихъ чудовищахъ нѣтъ наивности романскаго стиля; на сцену выступаетъ шутовство, извѣстнаго рода святотатство съ тенденціей къ полной свободѣ. Зеленая мышь кокетливо смотрится въ зеркало; въ завиткахъ той же буквы, въ которой изображена св. Троица, шутовскія рожи. Миніатюра изображаетъ распятіе, а на нижнемъ ободкѣ ея пѣтухи дерутся, аистъ ѣстъ улитку и пр. Въ одной великолѣпной рукописи in usum Frederici III художникъ обогналъ даже итальянцевъ ранняго возрожденія: въ сценѣ поклоненія волхвовъ младенецъ Христосъ, играя, треплетъ стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ волхва за волосы.

Самый неопытный глазъ отличитъ итальянскую миніатюру этого времени отъ нѣмецкой: техника развита и въ послѣдней, но свобода пріемовъ, богатство идей, свобода движеній нагаго тѣла, миѳологическіе орнаменты, часто совсѣмъ неумѣстные въ благочестивой легендѣ, наглядно показываютъ, что Италія въ это время переживаетъ другую пору. Развитіе техники, распространеніе промышленности выступаетъ и въ другихъ сферахъ искусствъ. Хоть художники не богаты идеями, но они гордятся своей работой и охотно увѣковѣчиваютъ свои имена. Они уже вполнѣ свѣтскіе люди, и многіе пользуются уваженіемъ согражданъ. Въ 1477 г. мастеръ Людвигъ получилъ въ Лейпцигѣ право гражданства безъ уплаты пошлинъ propter magistralitatem artis suae. (Wustmann: Beiträge zur Geschichte der Malerei in Leipzig. 1879, стр. 24. Тамъ много и другихъ примѣровъ).

Въ заключеніе отмѣтимъ въ исторіи искусства средней Европы въ это время еще одинъ фактъ: всякій, кто бродилъ по ея музеямъ, въ которыхъ средневѣковыя древности расположены въ хронологическомъ порядкѣ, могъ замѣтить, что въ XV в. одинъ евангелическій сюжетъ, до тѣхъ поръ сравнительно мало распространенный, получаетъ чрезвычайную популярность: это бичеваніе и вообще тѣлесныя

Digitized by Google

муки Спасителя. Исхудалый Спаситель на крестѣ, какъ извѣстно, служилъ необходимымъ украшеніемъ почти каждаго алтаря съ самаго начала собственно среднихъ вѣковъ (древнехристіанское искусство его не знало). Но Спаситель все же царь вселенной; крестъ самъ по себѣ символъ побѣды; въ Biblia Pauperum ему соотвѣтствуютъ мѣдный змѣй Моисея. Теперь Распятіе не довольно ясно выражаетъ душевное настроеніе общества; Христосъ бичуемый, корчащійся отъ боли—вотъ истинный Богъ страдающаго отъ душевной боли человѣчества XV вѣка. Созерцая его изображеніе, обыкновенно рѣзко реальное, человѣкъ находилъ утѣшеніе въ своихъ бѣдахъ, но не примирялся съ ними, какъ его дѣдъ, припадавшій къ распятію, а шелъ точить топоръ на пилатовъ и первосвященниковъ.

Бываютъ эпохи, когда прогрессъ совершается, такъ сказать, воочію; на нихъ съ удовольствіемъ останавливается историкъ, любуясь сильнымъ движеніемъ мысли, энергіей великаго поколѣнія. Таково было XVI столѣтіе, вѣкъ возрожденія и реформаціи. Но современники Лютера обязаны своею силою несчастнымъ озлобленнымъ дѣдамъ, которые подрыли основы средневѣкового авторитета и вызвали къ жизни новую силу—народъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JAN 1 0 1958

Digitized by Google

Digitized by Google